This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

ЧТЕНІЯ

1266

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1866

ІЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ.

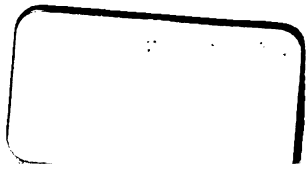
КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

1866.

Soc. 2441 d. 11

= P.S.7
U. 11



ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РО

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИ

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1866

ІЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

1866.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ. 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 3-й, по 40 к. за каждую, за пересылку 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 коп., перес. за 2 ф., Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф., Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи [illegible] М. 1839 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ [illegible] М. 1828 г., ц. 40 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб. 50 к., за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, [illegible] М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

[illegible] РУКОПИСЬ, [illegible] М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

[illegible] ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1845 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбашева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 12 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, два тома, изданныя Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 5 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГАЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Польскаго [illegible] М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 2 спис. рукоп. и 2 печ. изд. Г. [illegible] М. 1846 г., ц. 1 р. [illegible] перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его [illegible] И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 60 коп., перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ, со снимками съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г. 3 тома, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана; съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Ригельмана. Съ 19 рисунк. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. БОДЯНСКАГО.

1866.

ІЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1866.

BODLEIAN
P
26 APR 1961
LIBRARY

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ИСТОРІЯ БОРЬБЫ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.

1462—1508.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«У нашего Государя вся земля, обычай таковъ, всѣ люди нарядны.»

Слова Московскаго Посла въ Литвѣ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

ИСТОРІЯ БОРЬБЫ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА СЪ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМЪ.
1462—1508.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Князья.

Завѣщаніе Василія Васильевича Темнаго. — Отношенія Ивана III къ Князьямъ Удѣльнымъ и своимъ братьямъ. — Возстаніе Князей Андрея Большаго и Бориса Васильевичей противъ Ивана III изъ за Новгорода. — Уничтоженіе Верейскаго Княжества и паденіе независимости Твери; участіе во всѣхъ этѣхъ событіяхъ Короля Казимира. — Поиманіе Андрея Васильевича Угличскаго. — Положенія договора Василья Васильевича Темнаго съ Казимиромъ о Князьяхъ вообще и служебныхъ въ особенности. — Служебные Князья, ихъ занятія и отношенія къ своимъ Государямъ. — Отъѣзды Князей съ отчинами изъ Литовской службы въ Московскую; сношенія Ивана Васильевича съ Казимиромъ по поводу отъѣздовъ Князей. — Княжеская война. — Отъѣзды Князей Шемячича, Можайскаго, Семена Бѣльскаго и другихъ. — Положеніе Князей отъѣзчиковъ, въ Московскомъ подданствѣ и ихъ занятія во время войны и мира съ Литвою. — Способы, которыми Московскіе Государи удержали въ своей службѣ Князей. — Исторія вражды Шемячича и Можайскаго и судьба ихъ. — Заключеніе.

Государствованіемъ Ивана III блестящимъ образомъ заканчивается средневѣковая Русская Исторія и еще блестящѣе открывается новая. Препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію Русской общественной жизни въ XV столѣтіи была, такъ называемая, Удѣльная система. Московскіе Государи, сооружая одною рукою Государственное зданіе, въ то же время другою, подъ вліяніемъ старыхъ

понятій, клали препятствіе къ дальнѣйшему развитію своего дѣла, посредствомъ поддержанія въ своей семьѣ Удѣльныхъ порядковъ. Ко времени Ивана III лицъ, заинтересованныхъ въ укрѣпленіи этѣхъ порядковъ, въ сѣверной Россіи было много; на первомъ планѣ здѣсь являются братья Великаго Князя, потомъ Князья не изъ семьи Василія Темнаго, владѣвшіе независимыми Княжествами, каковы: Тверской, Верейской, Рязанской, далѣе огромная масса Князей служебныхъ, и наконецъ, опора старины, Новгородъ, а за нимъ, младшій его братъ, Псковъ.

Къ концу великокняженія Василія Темнаго система Московскихъ Князей восторжествовала надъ ихъ врагами; но умирая Василій Васильевичъ оставилъ завѣщаніе, старинное по формѣ и почти по сущности. Приказывая своимъ дѣтямъ жить за одинъ и слушаться своей матери, а младшимъ сыновьямъ — и своего старшаго брата, въ отца мѣсто, завѣщалъ старшему своему сыну, Ивану, держать братьевъ меньшихъ въ братствѣ безъ обиды, и, въ заключеніе всего, Василій Васильевичъ раздѣлилъ свои владѣнія между всѣми дѣтьми, хотя старшему, при этомъ дѣлежѣ, досталась наибольшая часть. Ко всему этому, какъ препятствіе дѣлу всей своей жизни, Василій Васильевичъ поручилъ блюсти свою вдову и своихъ дѣтей, представителю всякихъ старыхъ порядковъ, Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, Казимиру. [1]

Вскорѣ послѣ смерти Василія Темнаго, его сыновья, Иванъ Васильевичъ съ братьями, заключили, въ подтвержденіе прежняго, договоръ съ Тверскимъ Великимъ Княземъ, Михайломъ Борисовичемъ, и Тверскими Князьями. Иванъ Васильевичъ и Михаилъ Борисовичъ, какъ равные, обязались взаимно вездѣ другъ другу добра хотѣть и подъ владѣнія не подыскиваться, а быть вездѣ за одинъ, на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и на Нѣмцевъ; Князей враговъ одного Великаго Князя другому не принимать, а при отъѣздѣ служебныхъ Князей въ ихъ отчины не вступаться; Боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля; съ Новгородомъ Великимъ жить по старинѣ. [2] Въ то же время Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ братьями, заклю-

[1] С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 86 и 87.

[2] Тамъ же, №№ 88 и 89.

чилъ договоръ съ Верейскимъ Княземъ, Михайломъ Андреевичемъ, который, по родовой лѣстницѣ, приравнивался къ третьему брату Московскаго Великаго Князя и обязывался держать Великое Княженіе честно и грозно, безъ обиды, а его Московскіе Князья обязывались держать въ братствѣ, любви и чести, безъ обиды же; всѣ внѣшнія отношенія, къ Ордѣ, къ Великимъ Князьямъ и такъ далѣе, лежатъ на Московскомъ Великомъ Князѣ, который съ этой стороны долженъ заботиться объ интересахъ Верейскаго Князя, а этотъ обязывался, если съ кѣмъ находится въ крестномъ цѣлованіи, то его сложить; Боярамъ и слугамъ вольнымъ — воля, но Князей служебныхъ другъ отъ друга договаривающіеся не должны принимать. [3] Только съ Рязанью у Московскихъ Князей не было заключено договора, по тому что Иванъ Васильевичъ, какъ было при его отцѣ, оставался опекуномъ Рязанскаго Великаго Князя, который въ 1464 году поѣхалъ въ свои владѣнія и въ томъ же году женился на сестрѣ Ивана Васильевича. Спустя около трехъ лѣтъ послѣ договора Московскихъ Князей съ Верейскимъ, съ послѣднимъ Иванъ Васильевичъ заключилъ еще два новые договора. По одному изъ нихъ Михайло Андреевичъ поступался самъ Ивану Васильевичу Вышгорода съ волостями, путями и селами и обѣщался въ него не вступаться. Этотъ Вышгородъ былъ пожалованъ Верейскому Князю Васильемъ Темнымъ, и потомъ самимъ Иваномъ Васильевичемъ. По другому договору Верейскій Князь долженъ былъ по старшинству считать себѣ старшими не только двоихъ сыновей Василья Васильевича, но всѣхъ пятерыхъ. [4]

Относясь къ каждому самостоятельному Князю отдѣльно, Иванъ Васильевичъ сталъ относиться точно также и къ своимъ братьямъ. Второй изъ нихъ, Андрей Васильевичъ Большой, Князь Углицкій, былъ въ постоянномъ соперничествѣ съ Великимъ Княземъ, начиная особенно со времени походовъ на Новгородъ. Лѣтописецъ, въ числѣ неправдъ Андрея Углицкаго противъ старѣйшаго своего брата упоминаетъ, что онъ думалъ налихо Великаго Князя съ своими братьями, Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ, и для этого приводилъ ихъ къ крестному цѣлованію. Очень можетъ быть, онъ что

---

[3] С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 90 и 91.

[4] Тамъ же, №№ 92 и 93.

ни будь задумывалъ послѣ перваго похода Ивана Васильевича на Новгородъ, и вотъ до насъ отъ этого времени дошелъ договоръ (въ копіи) съ нимъ. Въ этомъ договорѣ мы не видимъ ни какихъ особенностей относительно владѣній договаривающихся, и онъ какъ бы составляетъ середину между договоромъ съ Тверскимъ Великимъ Княземъ и Княземъ Верейскимъ. [5] Но вскорѣ послѣ этого явился случай, еще болѣе разстроившій миръ между братьями. Въ 1472 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, скончался второй сынъ Василія Васильевича, Юрій. Подъ вліяніемъ, должно быть, обстоятельствъ, онъ, въ своей духовной грамотѣ, точно распорядился о своей движимости, о поминовеніи своей души, но ничего не сказалъ опредѣленнаго о своемъ Удѣлѣ. Братья разсорились за Удѣлъ Юрія Васильевича, по тому что старшій все взялъ себѣ. Иванъ Васильевичъ пошелъ на сдѣлки: самому младшему своему брату далъ Тарусу; съ Борисомъ заключилъ договоръ, въ Февралѣ слѣдующаго 1473 года, по которому Удѣлъ Юрія Васильевича остался за Иваномъ Васильевичемъ, а онъ пожаловалъ брату Вышгородъ. Но съ Андреемъ такой же договоръ былъ заключенъ только въ Сентябрѣ этого же 1473 года: его за Удѣлъ Юрія Васильевича вознаградила мать, Великая Княгиня Марья, давши Романовъ на Волгѣ. Въ предшествующемъ договорѣ Андрея Васильевича съ старшимъ братомъ, сынъ послѣдняго, Иванъ, назывался просто Княземъ, а теперь братья Великаго Князя называютъ Ивана Ивановича Великимъ Княземъ и обязуются его имѣть себѣ старшимъ братомъ. [6]

Окончательное подчиненіе Новгорода снова разсорило братьевъ. Недовольными оказались Андрей Большой и Борисъ Васильевичи, Андрей же Меньшой не принималъ участія въ ихъ дѣлѣ. Поводъ къ ссорѣ подалъ отъѣздъ отъ Великаго Князя Князя Оболенскаго-Лыко. Оболенскій, не стерпѣвши излишне строгаго суда за взятки, отъѣхалъ къ Борису Васильевичу. Иванъ Васильевичъ приказалъ силою схватить Оболенскаго среди Княжескаго двора, но когда его отняли изъ рукъ Великокняжескаго чиновника, то Великій Князь приказалъ сказать брату, чтобы тотъ выдалъ

---

[5] С. Г. Г. и Д. т. I, № 95.

[6] Тамъ же, №№ 96—100; Типогр. Лѣт. стр. 284.

Оболенскаго головою, тотъ же отвѣчалъ предложеніемъ суда о дѣлахъ отъѣзчика. Вмѣсто этого Иванъ Васильевичъ приказалъ Боровскому Намѣстнику схватить Оболенскаго тайно; приказаніе было исполнено, и Оболенскаго закованнаго привезли въ Москву. Услышавъ это, Борисъ Васильевичъ послалъ къ Андрею Углицкому, жалуясь на Великаго Князя, что онъ вотъ какую силу надъ ними чинитъ, что невольно никому отъѣхать къ нимъ; что они молчали, когда князь Юрій умеръ, Великому Князю вся его отчина досталась, а онъ имъ изъ той отчины не далъ ни какого надѣла; Новгородъ Великій вмѣстѣ съ ними взялъ, и ему все досталось, а имъ жеребья изъ него не далъ; а нынче и здѣсь силу чинитъ: кто отъѣдетъ отъ него къ нимъ, и тѣхъ безсудно хватаетъ; ужь ни за Бояръ началъ считать свою братью; а духовные отца своего забылъ, какъ тотъ написалъ, по чему имъ жить, да также забылъ и докончанья, что на чемъ кончали послѣ отца своего.

Борисъ Васильевичъ разсердился на старшаго брата собственно по поводу дѣла Оболенскаго, и при этомъ припомнилъ всѣ другія обиды. Но въ это время готовилось противъ Ивана Васильевича общее возстаніе всѣхъ его враговъ. Новгородъ, подчиненный въ 1478 году, хотѣлъ подняться снова; помощь ему обѣщалъ Казимиръ, вступившій для этой цѣли въ сношенія съ Ахматомъ, Ханомъ Золотой Орды. Во всѣхъ этѣхъ замыслахъ участвовалъ Андрей Васильевичъ Углицкій, и въ этомъ его обвиняетъ лѣтописецъ, пересчитывающій его неправды предъ Великимъ Княземъ; по этому жалобы Бориса Васильевича были для враговъ Московсковскаго Государя весьма кстати, и Андрей началъ съ нимъ уговариваться о возстаніи. Объ общихъ замыслахъ противъ себя Иванъ Васильевичъ не зналъ; онъ только узналъ, что Новгородцы приготовляются къ возстанію, и по этому, пріѣхавши, въ самомъ началѣ 1480 года, въ Новгородъ, началъ свой страшный розыскъ. Здѣсь крамольники сказали, что они имѣли ссылки съ Князьями Андреемъ и Борисомъ; Иванъ Васильевичъ не сказалъ объ этомъ никому, но скоро скрывать было нечего, по тому что въ Новгородъ пришла вѣсть, что братья отъ него отступили. Порѣшивъ Новгородское дѣло, Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ въ Москву; сюда онъ пріѣхалъ предъ великимъ заговѣньемъ, и его пріѣзду всѣ были рады, по тому что люди въ страхѣ отъ возстанія Князей

бѣгали по лѣсамъ и отъ стужи многіе мерли; города же были въ осадахъ; но возстаніе не было въ полномъ разгарѣ. Около тѣхъ же дней, когда Иванъ Васильевичъ прибылъ въ Москву, Борисъ Васильевичъ изъ своего удѣла, Волока, пришелъ къ брату Андрею въ Угличъ (на Масленой недѣлѣ). Изъ Углича Князья, побросавши свои города, направились чрезъ Тверскую область къ Ржевѣ, куда прежде, изъ Волока, была отправлена жена Бориса Васильевича вмѣстѣ съ дѣтьми. Иванъ Васильевичъ послалъ къ Князьямъ въ Ржеву Боярина, приглашая ихъ возвратиться, но они не возвратились и пошли изъ Ржевы въ верхъ по Волгѣ, къ Новгородскимъ волостямъ. Войска Князей сопровождали ихъ жены и дѣти, такъ же жены и дѣти ихъ Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. На дорогѣ въ Новгородъ, въ Молвятицахъ, догналъ Князей другой посланный изъ Москвы, Ростовскій Владыка, Вассіанъ. Въ Новгородскихъ областяхъ Князья могли убѣдиться, что они пришли сюда поздно, по тому что все было погромлено и, можетъ быть, по этому повернули, съ дороги въ Новгородъ, къ Литовскому рубежу, и, въ то же время, по Архіепископскимъ рѣчамъ, послали, для переговоровъ со старшимъ братомъ, двухъ своихъ Бояръ, Князей Оболенскихъ, вмѣстѣ съ Архіепископомъ. Вассіанъ, вмѣстѣ съ Княжескими Боярами, пріѣхалъ въ Москву на Страстной недѣлѣ; Великій Князь отпустилъ Княжескихъ Бояръ къ ихъ Князьямъ, и при томъ отправилъ къ нимъ опять Архіепископа Вассіана, вмѣстѣ со своими Боярами, наказавъ сказать братьямъ: «Йдите въ свои отчины, а я васъ во всемъ хочу жаловать!» Кромѣ этого, Бояре должны были предложить Князю Андрею прибавку къ его отчинѣ и къ тому, что ему дала мать, города Калугу и Алексинъ. Въ слѣдствіе весенняго пути посланные къ Князьямъ ѣхали долго, а когда прибыли въ Великіе Луки, то всѣ ихъ предложенія были отвергнуты. Мать Великаго Князя, Архіепископъ Вассіанъ и многія другія лица хлопотали о примиреніи братьевъ, и Иванъ Васильевичъ, стѣсняемый другими обстоятельствами, вступилъ съ ними въ переговоры. Онъ много сердился на свою мать, подозрѣвая, что она потакала его братьямъ, такъ какъ особенная ея любовь къ Андрею Большому была извѣстна, но она, прося Великаго Князя за младшихъ своихъ сыновей, посылала въ то же время къ нимъ, чтобы они не ходили къ Королю. Но дѣла Князей не были въ блестящемъ положеніи: вѣроятно, въ надеждѣ на помощь Казимира, они отвергали предло-

женія Ивана Васильевича, но Король имъ не помогъ. Когда они пришли въ Великіе Луки, то послали къ Королю бить челомъ, чтобы онъ управилъ ихъ въ обидахъ съ Великимъ Княземъ и помогалъ, но Король отмолвилъ имъ, а только Княгинямъ ихъ далъ на прожитокъ городъ Витебскъ. Приготовляясь защищать берегъ Оки противъ Татаръ, Иванъ Васильевичъ оставилъ братьевъ въ Новгородскихъ областяхъ, но видя, что изъ ихъ бунта ни чего не выходитъ, отказалъ и тогда имъ, когда они прислали и къ нему своихъ дьяковъ бить челомъ, и не принялъ ихъ челобитья. Большую часть лѣта Иванъ Васильевичъ стоялъ на берегу въ Коломнѣ, ожидая нашествія Ахмата, а Князья ходили по Новгородскимъ и Псковскимъ областямъ, гдѣ отъ ихъ людей былъ грабежъ, точно какъ отъ невѣрныхъ. Когда Ахматъ пришелъ подъ Угру, то Иванъ Васильевичъ пріѣхалъ изъ Коломны въ Москву, 30-го Сентября, для того, чтобы сдѣлать различныя распоряженія: въ это время пришли послы отъ Князей о мирѣ. Говорятъ, будто бы эти послы предложенія своихъ Князей высказали не въ формѣ челобитья, а слѣдующимъ образомъ: «Если исправишься къ намъ и силы надъ нами не почнешь чинить, а будешь держать насъ какъ братью свою, то мы придемъ къ тебѣ на помощь.» И будто бы Иванъ Васильевичъ, подъ вліяніемъ страха Татарскаго, далъся во всю волю Князей, и они поѣхали къ нему на помощь, давши сначала помощь Псковитянамъ на Нѣмцевъ; хотя, впрочемъ, этой помощи они и не давали, и Псковитяне именно и говорятъ, что Князья грабили ихъ какъ невѣрные, и они на силу могли подарками привести ихъ къ тому, чтобы они ушли назадъ въ Новгородскія земли. Невраждебная лѣтопись къ Ивану Васильевичу говоритъ, что онъ пожаловалъ свою братью, по печалованью своей матери, Архіепископа Вассіана и Верейскаго Князя, отпустилъ ихъ пословъ, приказавъ Князьямъ ити къ нему быстро. Князья пришли къ Великому Князю, когда онъ былъ въ Кременцѣ, и потомъ пошли къ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ, примирившись съ братьями, далъ Андрею Васильевичу не Калугу и Алексинъ, какъ прежде предлагалъ, а Можайскъ; говорятъ, что и Борису Васильевичу при этомъ примиреніи даны села, но въ заключенныхъ вскорѣ послѣ этого примиренія (2 Февраля, 1481 года) договорахъ, Можайскъ укрѣпленъ за Андреемъ Васильевичемъ, а о Борисовыхъ селахъ ни чего не сказано. Вскорѣ послѣ этѣхъ договоровъ умеръ млад-

шій сынъ Василія Темнаго, Андрей, не принимавшій участія въ замыслахъ старшихъ братьевъ; онъ отдалъ свой Удѣлъ Ивану Васильевичу, при чемъ возложилъ на него и всѣ свои долги; остальнымъ своимъ братьямъ завѣщалъ по селу и нѣкоторыя вещи. [7]

1480 годъ во многомъ разъяснилъ, кто чему сочувствуетъ. Иванъ Васильевичъ примирился съ братьями и покуда не трогалъ ихъ. Но первой Удѣльной Князь, который потерялъ окончательно свои владѣнія, былъ Михайло Андреевичъ Верейскій. Этотъ примиритель Князей уступилъ, въ 1482 году, Ивану Васильевичу часть своихъ владѣній, Бѣло Озеро, послѣ своей смерти; Иванъ же Васильевичъ обязался за себя и за своихъ потомковъ, которые будутъ владѣть Бѣлымъ Озеромъ, поминать душу Михайла Андреевича. [8] Спустя нѣкоторое время послѣ этого, тотъ случай, что Иванъ Васильевичъ хотѣлъ дарить вещами свою сноху, родившую ему перваго внука, а эти вещи оказались отданными, безъ его спроса, Софьею Фоминичною въ приданое за ея племянницею, вышедшею замужъ за сына Михайла Андреевича, Василья, повелъ къ тому, что Иванъ Васильевичъ разсердился на Верейскихъ Князей. Онъ послалъ къ Василью Михайловичу взять у него приданое его жены и грозился при этомъ посадить его въ заключеніе. Василій Михайловичъ побѣжалъ въ Литву, а посланная за нимъ погоня не догнала его. Отецъ Василія Михайловича заключилъ съ Иваномъ Васильевичемъ договоръ (12 Декабря, 1483 года), по которому обязался не ссылаться съ своимъ сыномъ ни которою хитростію, и если тотъ, кого пришлетъ къ нему, то онъ долженъ былъ отослать присланнаго къ Великому Князю; Верея съ волостями была отобрана у Князей, и Иванъ Васильевичъ отдавалъ ее во владѣніе Михайлу Андреевичу до его живота, и послѣ его смерти обѣщался, какъ и прежде, поминать душу Михайла Андреевича. Михайло Андреевичъ дѣйствительно скоро скончался, завѣщавъ своему Господину и Государю свою душу поминать и долги платить. [9]

---

[7] С. Г., Г. и Д. т. I, №№ 106—112; Лѣтописи Никоновская, Софійская, Архангельская и Татищевъ.

[8] С. Г. Г. и Д. т I, №№ 113 и 114.

[9] Тамъ же, №№ 118, 121 и 122.

За Вереею очередь паденія наступила для Твери. До восьмидесятыхъ годовъ оба Великіе Князья жили мирно; обстоятельства, при которыхъ они заключили первый свой договоръ, къ послѣднему времени совершенно перемѣнились: уже почти кругомъ Тверскихъ владѣній находились Московскія. Съ другой стороны, Казимиръ, не помогшій въ 80-мъ году ни одному врагу Московскаго Великаго Князя, подготовлялъ теперь новое нашествіе Татаръ на Москву. Но это дѣло пошло къ тому, что двѣ Орды, Крымская и Золотая, начали между собою воевать, а въ Ордахъ случился голодъ, въ слѣдствіе чего всѣ степныя дѣла перепутались. Этого Казимиръ не могъ, конечно, предвидѣть; но въ связи съ Татарскимъ нашествіемъ, для полнаго вреда Московскому Государю, при ничтожныхъ волненіяхъ въ Новгородѣ, было полезно возстановить на него Князя, могшаго при этомъ нанести ему вредъ. Около того времени, когда Иванъ Васильевичъ порѣшилъ съ Вереею, между Тверскимъ Великимъ Княземъ и Казимиромъ былъ заключенъ договоръ, по которому, если Тверскому Великому Князю прійдется съ кѣмъ ни будь быть немирнымъ, то Казимиръ обязывался пособлять ему думою и помочью безъ хитрости, и стоять имъ вездѣ за одно на всѣхъ враговъ, не исключая никого. [10] Это нарушеніе предшествующаго договора съ Московскими Князьями со стороны Михайла Борисовича, естественно, вело къ тому, что Казимиру необходимо было скоро исполнять свой договоръ. Этотъ союзъ на всѣхъ, хотя безъ имени, не укрылся отъ Ивана Васильевича, и онъ, зимою 1484—85 года, послалъ въ Тверь сложить съ себя крестное цѣлованіе и приказалъ порубежной рати воевать Тверскія области. Помощь изъ Литвы не приходила, Татары не нападали на Московскія Украйны, и Михайло Борисовичъ прислалъ къ Ивану Васильевичу Тверскаго владыку бить челомъ о мирѣ. Миръ былъ данъ на всей волѣ Московскаго Государя: Михайло Борисовичъ отказывался отъ союза съ Казимиромъ, долженъ былъ сложить къ нему крестное цѣлованіе предъ Московскимъ посломъ, во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ слѣдовать политикѣ Московскаго Государя; вмѣсто прежняго равенства Михаилъ Борисовичъ приравнивался брату Ивана Васильевича, Андрею Углицкому. [11] Лѣтописецъ разсказываетъ, что

---

[10] Ак. З. Р. т. I, № 79.

[11] С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 119 и 120.

послѣ этого мира Московскіе Бояре и Дѣти Боярскіе, гдѣ ихъ рубежи сходились съ Тверскими, позволяли себѣ обижать Тверитянъ, и этѣ ихъ дѣла оставались безнаказанными, а гдѣ обидятъ Тверичи, то Великій Князь посылаетъ въ Тверь съ поношеніями и угрозами, отвѣтамъ не вѣритъ и на своихъ обидчиковъ суда не даетъ. Такое состояніе дѣлъ вело къ тому, что сначала двое служебныхъ Князей, а потомъ и всѣ Тверскіе Бояре отъѣхали на службу въ Москву. Отъѣзчикамъ такое дѣло было выгодно,—въ Москвѣ ихъ наградили: такъ, одному служебному Князю, Дорогобужскому, Великій Князь далъ Ярославль, а другому, Микулинскому, Дмитровъ. Нашествіе Татаръ должно было произойти лѣтомъ 1485 г., но, какъ уже сказано, въ Ордахъ произошелъ голодъ, а между тѣмъ въ Москвѣ узнали, что Тверской Князь не прекратилъ своихъ связей съ Литвою: былъ схваченъ гонецъ Тверскаго Князя, и у него выняты грамоты, посланныя съ нимъ въ Литву. Михайло Борисовичъ на угрозы изъ Москвы послалъ туда къ Великому Князю опять своего Владыку съ челобитьемъ, но теперь челобитье не было принято, а явившійся съ тѣмъ же изъ Твери, послѣ Владыки, Князь Михайло Холмскій не былъ пущенъ на глаза Великому Князю. Въ это лѣто, кромѣ возможности нашествія Татаръ изъ степей, у Ивана Васильевича было на рукахъ еще Казанское дѣло. Къ 20 Іюлю съ Казанью было порѣшено, и послѣ этого Иванъ Васильевичъ приговорилъ походъ на Тверь. Въ Августѣ большое Московское войско пошло къ Твери; Бояре отъ Михайла Борисовича уѣзжали, помощи не являлось ни откуда, и когда Москвичи осадили Тверь, то ея Великій Князь, оставивъ свой родной городъ, побѣжалъ въ Литву, къ Казимиру. [12]

Какъ Новгородомъ, такъ и Тверью Иванъ Васильевичъ овладѣлъ вмѣстѣ съ своими братьями, но и изъ Тверскаго прибытка онъ не подѣлился съ ними. Въ слѣдующемъ году (1486), послѣ взятія Твери, Иванъ Васильевичъ заключилъ сначала договоръ съ Борисомъ Васильевичемъ, 20 Августа, а потомъ, 20 Ноября, съ Андреемъ Васильевичемъ. Оба этѣ договора отличались одинъ отъ другаго: оба Князя обязались не вступаться во владѣнія старшаго своего брата и его прибытки: Тверь, Кашинъ, Новгородъ, Псковъ,

---

[12] Разряды; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 236—237.

Верею; но въ договорѣ съ Борисомъ Васильевичемъ враги Ивана Васильевича названы по именамъ, именно: «съ недругомъ нашимъ, Королемъ и Великимъ Княземъ Казимиромъ, съ Великимъ Княземъ Михайломъ Борисовичемъ, Литовскими панами и ни съ кѣмъ не ссылаться ни какою хитростію, а быть вездѣ за одинъ и неотступнымъ отъ Великаго Князя»; въ договорѣ же Ивана Васильевича съ Андреемъ Васильевичемъ враги не упоминались по именамъ, а говорилось только вообще о союзѣ. [13] Подобная выгода свободы дѣйствій Андрея Васильевича имѣла свои опасности. Прошелъ послѣ этого договора только одинъ годъ, и Андрею Васильевичу случилось быть въ Москвѣ. Здѣсь его Боярин сказалъ ему, что Великій Князь хочетъ его схватить и заключить. Андрей Васильевичъ испугался и хотѣлъ тайно бѣжать съ Москвы. Но когда его мысли отвратились отъ этого, то онъ послалъ къ Князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, велѣвши ему объявить то Великому Князю, и спросить, за что онъ хочетъ это сдѣлать надъ нимъ. Князь Патрикѣевъ отрекся отъ порученія, и тогда Андрей Васильевичъ самъ пошелъ къ брату и объявилъ все. Князь Великій началъ клясться ему небомъ, и землею, и Богомъ сильнымъ, Творцомъ всея твари, что и въ мысли у него того не бывало. По обыску оказалось, что Боярскій Сынъ, служившій Великому Князю, Мунтъ Татищевъ, пришелъ къ Боярину Образцу и пошутилъ, а Образецъ поворотилъ то въ правду и сказалъ объ этомъ Князю Андрею, желая прислужиться ему, по тому что тотъ не держалъ его въ любимцахъ. За эту шутку Татищевъ былъ подвергнутъ торговой казни. Великій князь хотѣлъ ему велѣть и языкъ вырѣзать, но Митрополитъ выпечаловалъ то. Въ 1491 году Ивану Васильевичу необходимо было послать своихъ Воеводъ противъ Татаръ: онъ послалъ и къ братьямъ, чтобы и тѣ послали такъ же своихъ Воеводъ. Борисъ Васильевичъ исполнилъ требованіе, но Андрей Васильевичъ не послалъ своихъ Воеводъ. Въ этомъ отношеніи Андрей Васильевичъ поступилъ не по договору, по тому что и въ договорѣ съ нимъ условіе, о посылкѣ Воеводъ вмѣстѣ съ Великокняжескими, было помѣщено. Иванъ Васильевичъ въ это время начиналъ войну съ Литвою, по этому существованіе въ Сѣверной Россіи такого Князя, который не хочетъ дѣйствовать съ нимъ

[13] С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 123—126.

заодно, было опасно. И вотъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ этого событія, Андрею Васильевичу опять случилось быть въ Москвѣ. Великій Князь его принялъ съ почетомъ. На другой день Иванъ Васильевичъ послалъ къ брату своего Дворецкаго и велѣлъ пригласить къ себѣ хлѣба ясти. Андрей Васильевичъ хотѣлъ за эту честь челомъ ударить своему брату старѣйшему, и когда онъ пришелъ къ Великому Князю въ комнату, называемую западнею, и билъ челомъ Великому Князю на чести, то послѣдній, не много посидѣвъ съ нимъ и мало поговоривши, вышелъ въ другую комнату, приказавши ему подождать себя, а Боярамъ Князя Андрея приказалъ ити въ Гридню. Когда Бояре вышли сюда, то были здѣсь поиманы и разведены розно. Князя Андрея Великій Князь велѣлъ поимать Князю Семену Ряполовскому. Князь Семенъ со многими Боярами и Князьями вошелъ въ западню, остановился предъ Андреемъ Васильевичемъ, но отъ слезъ не могъ ни чего выговорить и наконецъ, уже рыдая, сказалъ: «Государь, Князь Андрей Васильевичъ! поиманъ еси Богомъ да Государемъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Васильевичемъ, всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ.» Князь Андрей всталъ и сказалъ: «Воленъ Богъ да Государь, братъ мой старѣйшій, Князь Великій, Иванъ Васильевичъ, а судъ мнѣ съ нимъ предъ Богомъ, что меня неповинно имаетъ». Это было въ первомъ часу дня; до вечеренъ сидѣлъ Андрей Васильевичъ въ западнѣ, послѣ его свели на казенный дворъ и приставили стеречь многихъ Князей и Бояръ. Кромѣ этого, Иванъ Васильевичъ послалъ въ Угличъ, подъ начальствомъ двухъ Князей, тысячу человѣкъ Дѣтей Боярскихъ, схватить сыновей Андрея Васильевича, Ивана и Дмитрія; они были схвачены и посажены въ Переяславлѣ въ желѣзахъ. Дочерей Андрея Васильевича оставилъ въ покоѣ, на самого его, на первой недѣлѣ послѣ поиманья, надѣты были оковы, а сторожа, охранявшіе его темницу, были приведены къ крестному цѣлованью. Андрей Васильевичъ скончался въ темницѣ, младшій же его братъ, Борисъ, спокойно дожилъ свой вѣкъ, по тому что главнымъ заводчикомъ смутъ былъ наслѣдникъ владѣній Шемяки и всѣхъ его наклонностей, Князь Андрей Васильевичъ Углицкій. Лѣтопись высчитываетъ его вины предъ Великимъ Княземъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ думалъ на Великаго Князя лихо вмѣстѣ съ своими братьями, Князьями Юріемъ, Борисомъ и Андреемъ, и для этого приводилъ ихъ къ крестному

цѣлованью; кромѣ того, грамоты посылалъ въ Литву къ Королю къ Казимиру, одиночась съ нимъ на брата своего старѣйшаго; отъѣзжалъ отъ Великаго Князя вмѣстѣ съ Княземъ Борисомъ; посылалъ грамоты свои къ Царю Ахмату Большія Орды, приводя его на Великаго Князя Русскую землю ратію, да съ Великаго Князя ратію на Ордынскаго Царя своихъ Воеводъ не посылалъ, и всѣмъ тѣмъ чинилъ измѣну Великому Князю, преступая крестное цѣлованье.» [14]

Поиманьемъ Князя Андрея Васильевича дѣятельность сильныхъ Удѣльныхъ Князей Сѣверной Россіи прекратилась, и всѣ средства, которыми они распоряжались, сосредоточились въ рукахъ одного Великаго Князя. Это дѣло уничтоженія Князей при Иванѣ Васильевичѣ продолжалось почти тридцать лѣтъ. Какъ ни была подкопана всею предшествовавшею исторіею Удѣльная система, но этотъ тридцатилѣтній срокъ не былъ длиненъ, если вспомнимъ, что въ это же время Ивану Васильевичу приходилось имѣть постоянно множество другихъ дѣлъ: съ Степняками, съ Новгородомъ, не говоря уже о томъ, что нужно было имѣть постоянно въ виду и отношенія къ Литвѣ.

Мы видѣли, что Князья, притѣсняемые Великимъ Княземъ, надѣялись на Литву, и въ крайнемъ случаѣ бѣжали туда. Это вело къ тому, что въ договорныхъ грамотахъ Великаго Князя съ Князьями имя Казимира Короля упоминается почти постоянно, какъ врага Ивана Васильевича, и особенно въ этомъ прямомъ смыслѣ начинаетъ оно упоминаться послѣ нашествія Ахмата подъ Угру, или, лучше сказать, послѣ 1482 года. Основой опредѣленій всякихъ отношеній Москвы къ Литвѣ служилъ союзный договоръ Василія Васильевича Темнаго съ Казимиромъ, заключенный въ 1449 году. [15] О Князьяхъ, значительныхъ по своей силѣ, въ этомъ договорѣ было сказано, что Казимиръ обязуется не принимать Дмитрія Юрьевича Шемяку. Но послѣ смерти Шемяки это условіе теряло значеніе, а союзники Шемяки, или подозрѣваемые въ томъ, бѣжали все таки въ Литву. Объ Рязанскомъ Великомъ Князѣ въ этомъ договорѣ было сказано, что если онъ захочетъ слу-

[14] Лѣтописи: Архангельская, Софійская и Новгородская четвертая подъ 7000 годомъ.

[15] Ак. З. Р. т. I, № 50.

жить Казимиру, Московскій Великій Князь не долженъ за это гнѣваться на него и не мстить ему за то. Но мы выше видѣли отношенія Ивана Васильевича къ Рязанскому Князю, а въ 1483 году съ новымъ Рязанскимъ Княземъ былъ у него уже заключенъ договоръ, по которому послѣдній обязывался быть съ Московскими Великими Князьями на Казимира и вездѣ за одинъ, а если Великіе Князья будутъ дѣлать докончанье съ Королемъ, то и его, Рязанскаго Великаго Князя, въ немъ помѣстить. [16] О Тверскомъ Великомъ Князѣ въ договорѣ Казимира съ Василіемъ Васильевичемъ сказано, что его считать на сторонѣ Казимира, а съ Великимъ Княземъ Василіемъ онъ въ докончаньѣ. Но послѣ паденія Твери такое условіе тоже почти ни къ чему не вело, какъ увидимъ сейчасъ.

Участіе Казимира въ дѣлахъ Князей Сѣверной Россіи мы видѣли выше, а какъ объ этѣхъ дѣлахъ объяснялися между собою Иванъ Васильевичъ съ Казимиромъ, это можетъ намъ указать дошедшее до насъ посольство Казимира въ Москву, по случаю дѣла Тверскаго Князя. Въ посольскихъ рѣчахъ Литовцевъ говорится отъ имени Казимира: «Я уже посылалъ къ тебѣ о Тверскомъ Великомъ Князѣ, а съ чѣмъ посылалъ, то тебѣ вѣдомо; теперь же говорю о томъ; извѣстно, что Михайло Борисовичъ съ нами въ докончаньѣ и крестномъ цѣлованьѣ, и теперь онъ пріѣхалъ въ Литву, мы его приняли, онъ билъ намъ челомъ, чтобы мы ему помогли, а мы думали, какъ бы онъ до своей отчины дошелъ мирно, безъ кровопролитья, и по докончанью нашему съ твоимъ отцомъ, которое мы заключили и на дѣтей, мы Михайлу Борисовичу помощи на васъ не дали, хлѣба же и соли ему не боронили, и покуда была его воля, до тѣхъ поръ онъ у насъ и былъ, и какъ добровольно пріѣхалъ въ нашу землю, такъ мы добровольно его и отпустили.» [17]

Отъѣзжая изъ Сѣверной Россіи въ Литву, Князья уносили туда съ собой только одни притязанія; Казимиръ, какъ видимъ, не хотѣлъ имъ помогать въ желаніи возвратить ихъ прежнее

---

[16] С. Г. Г. и Д. т. I, №№ 115 — 116.

[17] Ак. З. Р. т. I, № 89.

значеніе, а только не отказывалъ въ хлѣбѣ и соли. Эту хлѣбъ соль давали имъ въ видѣ владѣній, и при этомъ Князья изъ самостоятельныхъ превращались въ служебныхъ. Самыми важными изъ нихъ, сыгравшими роль въ Исторіи, были потомки старыхъ отъѣзчиковъ изъ Сѣверной Россіи, Шемячичъ и Можайскій. Ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ въ Удѣлъ Черниговъ, Стародубъ и другія мѣста, подъ бокомъ у Московскаго Государства и на границѣ степей. Къ этѣмъ отъѣзчикамъ Иванъ Васильевичъ относился такъ, что почти во всѣхъ своихъ союзныхъ договорахъ поставлялъ условіемъ не принимать этѣхъ Князей и не ссылаться съ ними.

Служебныхъ Князей, находившихся въ службѣ у Московскаго Великаго Князя и у значительныхъ Удѣльныхъ Князей, было весьма значительное количество. Разрядныя книги [18] показываютъ намъ, что въ Сѣверовосточной Россіи почти весь верхній слой общества состоялъ изъ Князей. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли цѣлыми городами, съ окружавшими этѣ города мѣстами. Верховная власть надъ владѣніями служебныхъ Князей принадлежала Великому, или Удѣльному, Князю, и по этому въ договорныхъ грамотахъ временъ Ивана III встрѣчаемъ постояннымъ условіемъ, что Князей служебныхъ съ ихъ отчинами на службу не принимать и въ отчины ихъ не вступаться. Это условіе было необходимо не только по тому, что Князья имѣли особенную способность переходить изъ службы отъ одного Князя къ другому, но и по тому, что верховные Князья областей, принимая на службу Князей, давали имъ во владѣнія свои города, и, такимъ образомъ, послѣ такого пожалованья, если не было бы вышесказаннаго условія въ договорныхъ грамотахъ, Князь, переходя въ службу, переходилъ бы съ чужими отчинами.

Какъ этѣ Князья жили въ своихъ отчинахъ, намъ извѣстно очень мало. У каждаго изъ этѣхъ служебныхъ Князей была своя дружина или, по крайней мѣрѣ, дворня. Основная спеціяльность этѣхъ Князей была война. Родовые счеты и споры за границы давали поводъ къ борьбѣ между ними, но съ усиленіемъ одного Великаго Князя этѣ рѣшенія споровъ мечемъ должны были пре-

[18] Я пользовался Разрядами, находящимися въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

кратиться, по тому что онъ не могъ допустить въ своихъ владѣніяхъ войны всѣхъ противъ всѣхъ. Но, съ другой стороны, сосредоточеніе огромной массы безпокойныхъ служебныхъ Князей подъ властію одного Великаго Князя, ставило его въ такое положеніе, что онъ, для водворенія въ своемъ Государствѣ покоя, не имѣлъ возможности и средствъ постоянно разбирать ихъ дѣла, и по этому долженъ былъ дать имъ занятіе. Съ этой стороны отношенія Московскаго Государства къ сосѣдямъ были таковы, что для этѣхъ военныхъ спеціялистовъ было много дѣла. На границахъ со степью была постоянная война: отъ Галича Костромскаго по Московскимъ границамъ, на юго-востокъ до Калуги, по нѣсколько разъ въ году перемѣнялись войска, и все большею частію подъ начальствомъ Князей; съ другой стороны на западъ и сѣверо-западъ шла почти безостановочно война съ Нѣмцами и въ Финляндіи. Давая занятіе и упражненіе своимъ служебнымъ Князьямъ, по собственному усмотрѣнію, Великій Князь вмѣстѣ съ тѣмъ и развивалъ ихъ силы и въ то же время, возможностію имѣть занятіе и вознагражденіе за него, привлекалъ ихъ отъ другихъ. Исполнять волю Московскаго Государя и воевать, гдѣ онъ укажетъ, Князья готовы были съ великою ревностію, по тому что они знали, что за свои подвиги будутъ вознаграждены. Такъ, послѣ голодныхъ войнъ съ Татарами, Иванъ Васильевичъ задавалъ Князьямъ, какъ пиръ, самые прибыточные походы, каковыми были два Новгородскіе похода, въ которыхъ Князья значительно обогатились; а когда силы Сѣверной Россіи положительно всѣ сосредоточились въ рукахъ Ивана Васильевича, то онъ началъ безконечныя Польско-Литовскія войны. Но и этѣ войны начались по поводу все тѣхъ же служебныхъ Князей.

Отношенія Князей Сѣверной Россіи къ своему верховному господину, Московскому Государю, остались навсегда неопредѣленными. Но мы несравненно болѣе знаемъ объ опредѣленіи отношеній къ верховному господину тѣхъ Князей, которые жили въ Литовскихъ владѣніяхъ. Граница Московскаго Государства съ Литвою при Иванѣ III до девяностыхъ годовъ XV столѣтія была опредѣлена договоромъ Василія Темнаго съ Казимиромъ. Такъ какъ тогда Новгородъ и Тверь не были подчинены Москвѣ, то Московская граница съ Литвою соприкасалась не во многихъ мѣ-

стахъ: не входя въ подробности, ее можно опредѣлить такъ, что она шла отъ города Калуги и рѣки Угры почти прямою линіею къ городу Ржеву. На юго-западъ отъ этой границы къ Днѣпру находились владѣнія многочисленныхъ Князей, по большей части Рюриковичей; все это пространство земель носило офиціальное названіе страны Князей. Одни изъ этѣхъ Князей имѣли родовыя владѣнія, а другіе пожалованныя имъ Литовскими Великими Князьями. Тѣ Князья, которые имѣли родовыя владѣнія опредѣляли, свои отношенія къ своему Верховному Господину посредствомъ договоровъ; договоры съ Князьями Новосильскими, Одоевскими и Воротынскими показываютъ, что они заключались такъ, что въ нихъ стояли, съ одной стороны, Великій Князь Литовскій, а съ другой нѣсколько Князей вмѣстѣ. Этѣ договоры въ сущности сходны одинъ съ другимъ; вотъ ихъ содержаніе: «Били мы челомъ Королю Казимиру, Государю Великому Князю, чтобы принялъ онъ насъ въ службу по докончанью дяди своего, Великаго Князя Витовта. Намъ ему служить вѣрно во всемъ, безъ всякой хитрости, и во всемъ быть послушнымъ, а ему насъ въ чести держать и въ жалованьѣ и въ докончаньѣ, какъ держалъ дядя его, Великій Князь Витовтъ. Поступать намъ по Королевской волѣ, и съ кѣмъ онъ будетъ миренъ, съ тѣмъ и мы мирны, и съ кѣмъ онъ немиренъ, съ тѣмъ и мы не мирны. Королю и Великому Князю насъ защищать, какъ и своего. Намъ безъ Королевской и Великаго Князя Казимира воли ни съ кѣмъ въ докончаньѣ не вступать и цикому не помогать. Послѣ смерти Королевской намъ и нашимъ дѣтямъ служить тому, кто будетъ на Литовскомъ престолѣ; если послѣ насъ не будетъ потомковъ, то нашей землѣ отъ Великаго Княжества Литовскаго не отступить. Королю, или кто по немъ будетъ на Литовскомъ престолѣ, въ наши земли, которыя за нами, ни у насъ, ни у нашихъ потомковъ, не вступаться. Когда мы помремъ, то нашимъ дѣтямъ Король, а потомъ и его дѣти, должны дать такое же доканчанье, какъ теперь, и держать по немъ; если же при нашей жизни Божья воля станется надъ Королемъ, то его дѣти, что будутъ на Литовскомъ Великомъ Княжествѣ, должны дать намъ такое же докончанье. Если докончанье не будетъ дано, или по немъ насъ не будутъ держать, то съ насъ крестное цѣлованіе долой и намъ воля. Судъ намъ съ сосѣдями по

старинѣ; а сопремся въ судѣ, то положить все дѣло на Короля.» [19] Князь, вступающій въ службу къ Литовскому Великому Князю, уже кромѣ того, что, само по себѣ разумѣется, давалъ присягу въ вѣрности, за вотчину, которую ему жаловали, и обязывался служить вѣрно съ того Удѣла, еще долженъ былъ управлять вотчиной по старинѣ, а жителямъ ея приказывалось служить своему Князю и быть ему послушнымъ, какъ самому Великому Князю. [20] Но такъ какъ въ докончаньяхъ служебныхъ Князей съ Великимъ Княземъ, кромѣ ясныхъ опредѣленій, когда они освобождаются отъ присяги, было и то, что если Великій Князь не будетъ ихъ держать въ чести, жалованьѣ, защищать ихъ отъ всякаго, то подобныя условія давали Князьямъ возможность очень часто перемѣнять своего Господина.

Но такъ какъ въ девяностыхъ годахъ XV столѣтія такими Верховными Господами были только двое, Московскій и Литовскій Великіе Князья, то могли ли они принимать къ себѣ изъ службы другаго Князей? Въ договорѣ Василія Ивановича съ Казимиромъ о Князьяхъ служебныхъ было сказано только: «которые Князья служатъ тебѣ, Казимиру Королю, съ своихъ отчинъ и мнѣ, Великому Князю, и моей братьѣ младшей, блюсти ихъ и не обижать, точно также и тебѣ, Королю, блюсти и не обижать Князей, которые мнѣ служатъ.» Такое неопредѣленное условіе давало возможность многое дѣлать, и Казимиръ поспѣшилъ исправить эту ошибку относительно Князей: въ договорѣ его съ Тверскимъ Великимъ Княземъ, заключенномъ въ одинъ годъ съ договоромъ съ Василіемъ Темнымъ, о Князьяхъ было сказано, что которой изъ нихъ отъѣдетъ, отъ одного Великаго Князя къ другому, тотъ своей отчины лишенъ. [21] Но это обязательно было только въ отношеніяхъ къ Твери, а въ отношеніи Московскаго и Литовскаго Государя было то, что каждый изъ нихъ, не нарушая договора, могъ принимать служебныхъ Князей и съ отчинами, хотя это могло вести къ запутанѣйшимъ спорамъ. Впрочемъ, когда Государи были въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ и при томъ равной силы, то Князья не могли

[19] Ак. З. Р. т. 1, №№ 42 и 63.

[20] Тамъ же, № 52.

[21] Тамъ же №№ 50 и 51.

имѣть особеннаго значенія въ ихъ отношеніяхъ, но совсѣмъ другое могло произойти, если Государи изъ друзей превратятся въ враговъ и силы ихъ не будутъ равны.

Литовскій Великій Князь и въ то же время Король Польской, какъ Государь двухъ Государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои особенные интересы, естественно долженъ былъ быть Государемъ слабымъ по своей силѣ, по тому что каждое изъ его Государствъ относилось къ другому враждебно и притомъ ни одно изъ нихъ не было на столько слабо, чтобы съ разу вполнѣ подчиниться другому. Занятый постоянно этой внутренней борьбой, своихъ насильственно склеенныхъ вмѣстѣ Государствъ, Литовскій Великій Князь по этому не имѣлъ возможности, подобно Московскому Государю, сдавливать способности Князей враждовать между собою; но къ этому еще Литовскій Государь, обремененный своими семейными дѣлами, необходимо долженъ былъ поставить себѣ ихъ на первомъ планѣ, такъ какъ Государственныя дѣла его Государства не были въ его въ рукахъ, по этому и не направлялъ способностей Князей въ ту или другую сторону. Тѣ Вельможи и тѣ Князья, владѣнія которыхъ находились внутри Литовско-Русскаго Государства, то есть, на западной сторонѣ Днѣпра и на южной сторонѣ Западной Двины, ссорами между собою могли вредить Государству только съ той стороны, что нельзя было ожидать внутри его порядка и покоя; но тѣ Князья, которыхъ владѣнія находились на другихъ сторонахъ выше сказанныхъ рѣкъ, могли быть опасны и другимъ образомъ.

Что дѣлали этѣ пограничные Князья и чѣмъ занимались, мы подробно узнаемъ только съ конца 80-хъ годовъ XV столѣтія, по тому что съ этого времени начинаются записанныя дипломатическія сношенія Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ, и начало этѣхъ Государственныхъ бумагъ все поглощено этѣми Княжескими дѣлами. Оказывается, что Князья ссорились между собою какъ за границы своихъ владѣній, такъ и за владѣнія своими городами по роду и по старѣйшинству. Этѣ Князья въ своихъ ссорахъ за рѣшеніемъ дѣлъ обращались, на основаніи своихъ договоровъ, къ своему Верховному Господину. Какъ занимались Литовскіе Государи этѣми Княжескими дѣлами, объ этомъ одинъ

изъ служебныхъ Князей хотѣлъ высказать Великому Князю, Александру Казимировичу, слѣдующее: «Тебѣ, Господине, вѣдомо, что отецъ твой за мою отчину не стоялъ и не оборонилъ, и мнѣ противъ той отчины городовъ и волостей не измыслилъ. И къ тебѣ, Господине, я посылалъ бити челомъ, чтобы ты меня пожаловалъ, въ докончанье принялъ, городовъ мнѣ измыслилъ противъ моей отчины, чѣмъ бы могъ я тебѣ служить: и твоя милость меня не жаловалъ, городовъ не далъ, въ докончанье не принялъ, а за отчину мою не стоялъ, Бояръ моихъ не жаловалъ и не чтилъ. Ино, Господине, не я выступилъ, а твоя милость, Государь, и по этому, на основаніи докончанья съ твоимъ отцемъ, крестное цѣлованіе съ меня долой.»

Почти чрезъ годъ послѣ того, какъ Андрей и Борисъ Васильевичи поднялись противъ своего старшаго брата, въ 1480 году, и обратились за помощію къ Королю Казимиру, въ лѣтописи мы читаемъ, подъ 1482 годомъ, слѣдующее извѣстіе: «Былъ мятежъ въ Литовской землѣ: захотѣли вотчичи Ольшанской, Олельковичъ да Князь Ѳедоръ Бѣльской отсѣсти Литовской земли по Березыню на Великаго Князя; ихъ обговорили и Король Ольшанскаго да Олельковича схватилъ, а Князь Ѳедоръ прибѣжалъ къ Великому Князю, и онъ его пожаловалъ, далъ ему городъ Демонъ въ отчину да Мореву со многими волостями.» [22] Это дѣло Князей было со стороны Ивана Васильевича месть и вмѣстѣ съ тѣмъ проба, на сколько можно разсчитывать на Литовскихъ служебныхъ Князей.

Король не обращалъ вниманія и не вступался въ дѣла своихъ служебныхъ Князей, и по этому Князья рѣшали свои дѣла посредствомъ собственной силы. Отъ этого въ странѣ Князей,

---

[22] Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ, что Князь Ѳедоръ Бѣльской прибѣжалъ въ Москву и не успѣлъ захватить съ собой жену, на которой только что женился и едину ночь спалъ съ нею. Король захватилъ Княгиню и послѣ въ теченіи около двадцати лѣтъ происходила между Государями пересылка объ этой Княгинѣ Бѣльской. Иванъ Васильевичъ требовалъ отпуска ея къ мужу, но дѣло кончилось тѣмъ, что, при Великомъ Князѣ Александрѣ, прямо объявляли, что свободныхъ людей не держатъ въ Литвѣ, но Княгиня сама не хочетъ ѣхать къ своему мужу.

на восточной сторонѣ Днѣпра, происходила постоянная война. Въ ссоры и дѣла Литовскихъ служебныхъ Князей вмѣшивались сосѣдніе имъ Московскіе служебные Князья. Въ 1487 году Королевскій посолъ въ Москвѣ говорилъ, что Одоевскіе Князья, служащіе Москвѣ, предъ Успеньевымъ днемъ приходили на отчину Князей Мезецкихъ, городъ осадили, но не взяли; потомъ, захвативъ много плѣнныхъ, ушли, пограбивши волость; Князья Мезецкіе, чтобы отнять этотъ плѣнъ, погнались за Одоевскими, но тѣ противъ нихъ бои поставили. Въ Москвѣ отвѣчали, что Князья Одоевскіе сами жаловались на Князей Мезецкихъ, что эти нападали на ихъ отчину и много лиха сдѣлали, женъ и дѣтей головами въ плѣнъ повели, а Князья Одоевскіе не могли того стерпѣть, послали за ними погоню, и съ этого у нихъ начались ссоры.

Ссоры Князей Литовскихъ не разрѣшалъ ихъ Государь, и за это дѣло взялся Иванъ Васильевичъ. Когда Сѣверная Россія была объединена окончательно около Москвы, когда тамъ не поднималось ни какого шума, все было тихо, а извнѣ спокойно, Литовскій же Великій Князь, по прежнимъ своимъ дѣламъ, сдѣлался настоящимъ врагомъ Московскаго Государя, который уже называлъ себя «Государемъ всея Руси,» то начались такія дѣла: къ ссорющимся Литовскимъ служебнымъ Князьямъ являлся Московскій посланецъ и объявлялъ, что Государь хочетъ ихъ жаловать, взять ихъ къ себѣ въ службу съ ихъ отчиною и ихъ беречи, они могутъ воевать за свою обиду своихъ враговъ, и которые города возмутъ, на тѣхъ городахъ имъ сидѣть; въ эти завоеванные города и въ ихъ собственные Великій Князь не будетъ вступаться, а будетъ только защищать. Соглашавшимся Князьямъ на эти предложенія, въ подтвержденіе этихъ словъ, посланецъ Великаго Князя давалъ правду; эту правду потомъ подтверждали Бояре. Князья при этомъ обязывались иного Государя, кромѣ Московскаго Великаго Князя, себѣ не искать, и надъ Воеводами, которыхъ къ нимъ пошлютъ, ни какого лиха и хитрости не учинить. Для пріѣзда въ Москву Князьямъ давались опасныя грамоты. Эту Боярскую присягу и опасныя грамоты сами Князья считали въ уровень съ тѣми договорами, которые они заключали прежде съ Великими Князьями Литовскими; Московское же Правительство ко-

нечно на это смотрѣло другими глазами. Обѣщаніе, что тѣ города, которые Князья завоюютъ, будутъ имъ принадлежать, исполнялось Московскимъ Правительствомъ: этѣми городами Князей жаловали. [23]

Съ конца восмидесятыхъ годовъ XV столѣтія начинаются отъѣзды Князей изъ Литовской службы въ Московскую. Князья отъѣзжали при этомъ съ своими отчинами, Московскій Государь ихъ принималъ, и этѣмъ, какъ уже сказано, не нарушалъ договора. Первый, начавшій это дѣло, былъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій. Послѣ отъѣзда онъ послалъ къ Королю своего человѣка сложить за себя свое крестное цѣлованье. Король Князя Воротынскаго изъ крестнаго цѣлованія не выпустилъ, а еще жаловался Ивану Васильевичу, что Князь Иванъ Михайловичъ, передъ отъѣздомъ, пограбилъ Смоленскихъ мѣщанъ (впрочемъ, этотъ грабежъ былъ не совсѣмъ удаченъ, по тому что Королевскіе Воеводы пришли на Князя Воротынскаго изгономъ и захватили многихъ въ плѣнъ). Отвѣчая на жалобы Короля по поводу дѣла Воротынскаго, Иванъ Васильевичъ говорилъ: «Король Казимиръ напрасно называетъ Князя Ивана Михайловича своимъ слугою и не хочетъ его выпустить изъ присяги; этѣ Князья и прежде служили на обѣ стороны.» За отъѣздомъ Ивана Михайловича пріѣхалъ служить къ Московскому Государю другой Князь Воротынскій, Дмитрій Ѳедоровичъ (въ 1490 году): онъ перешелъ служить своими отчинами. Послѣ этого еще пріѣхалъ служить Князь Иванъ Васильевичъ Бѣльскій. Король не выпускалъ и этѣхъ Князей изъ своей службы и объяснялъ Московскому Государю, что это онъ дѣлаетъ на основаніи докончанья Князей съ нимъ; тѣмъ болѣе онъ не признавалъ права отъѣзда съ отчинами по тому, что по докончанью этѣ отчины, если и родъ Князей прекратится, должны принадлежать Литовскому Великому Княжеству, да наконецъ у Князей владѣнія не всѣ родовыя, а многія пожалованы Королемъ имъ и ихъ отцамъ за службу. Королевскій посолъ кончалъ это объясненіе слѣдующими словами отъ Короля къ Ивану Васильевичу: «Самъ того посмотри, гораздо ли такъ дѣлаешь:

---

[23] С. Г. Г. и Д. т. 2, №№ 28 и 29; Рус. Врем. ч. 2, стр. 216 — 217; Ак. Арх. Эк. т. I, № 289 стр. 339, и Стрійковскій т. 2, стр. 308, изд. 1846 года.

слугъ нашихъ принимаешь съ ихъ отчинами и нашими городами и волостями, а мы отъ тебя твоихъ слугъ не принимаемъ по докончанью съ твоимъ отцомъ, которое мы кончали и на васъ.» На эти слова послѣдовалъ отвѣтъ, подобный отвѣту, по поводу отъѣзда Князя Ивана Михайловича Воротынскаго: «Эти Князья прежде служили, какъ нашимъ предкамъ, такъ и Королевскимъ, и теперь они пріѣхали служить намъ съ своими отчинами, и по этому теперь они наши слуги.»

Когда отъѣзжалъ Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій, то Королевской посолъ жаловался, что онъ произвелъ грабежи; теперь же, по поводу отъѣзда послѣднихъ Князей, Королевскій посолъ говорилъ: «Князь Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынской, запамятовавши свое крестное цѣлованіе, билъ тебѣ челомъ въ службу со всею своею отчиною и съ удѣломъ брата своего, Семена Ѳедоровича Воротынскаго; онъ казну его всю взялъ, а Бояръ и слугъ его поималъ и къ присягѣ привелъ насильно, приказавши имъ служить себѣ. Да кромѣ того онъ нашихъ пановъ и слугъ города и волости за себя побралъ и Намѣстниковъ своихъ посажалъ; эти города: Серенекъ, Бышковичи, а волости Лычино, Недоходово.» На эту жалобу въ Москвѣ отвѣчали, что «не знаютъ того, точно ли это владѣнія чужія, а спачала опытаютъ, а потомъ отвѣтъ дадутъ.»

Опираясь на обѣщаніе Московскаго Государя, Князья, отъѣхавшіе изъ Литовской службы, вмѣстѣ съ Князьями, давно служившими Московскому Государю, и при помощи пограничныхъ Московскихъ войскъ, начали мстить своимъ врагамъ и родственникамъ въ Литовскихъ владѣніяхъ. Князь Воротынскій, со многими Татарами и людьми Калужскими и Перемышльскими, ограбилъ волости Брянскіе. Князь Иванъ Васильевичъ Бѣльскій когда убѣжалъ изъ Литвы, то тайно напалъ со многими людьми на отчину своего брата, Андрея Васильевича, и изловилъ тамъ третьяго своего брата, Князя Василья, привелъ его силою къ крестному цѣлованію, чтобы онъ не служилъ Королю, а отчину Андрея за себя забралъ и заставилъ Бояръ и слугъ присягнуть себѣ. Кромѣ жалобъ на этѣхъ Князей, и о Князьяхъ Одоевскихъ посолъ Казимира въ Москвѣ говорилъ, въ 1492 году: «Билъ намъ челомъ слуга нашъ, Иванъ

Ѳедоровичъ Одоевскій, что когда онъ уѣхалъ съ Одоева, то его братья, которые тебѣ служатъ, захватили его матерь, засѣли его отчину, половину города Одоева, волости и казну побрали, а Бояръ къ цѣлованью привели, такъ ты бы ихъ сказнилъ за ихъ дѣла, и чтобы они матерь ихъ освободили и въ отчину нашихъ слугъ не вступались, предоставляя имъ владѣть подлугъ давнаго обычая.» На это въ Москвѣ отвѣчали: «Наши слуги, Князья Одоевскіе, сказываютъ намъ, что они ничего не дѣлали, на что жалуются ихъ родственники, а есть у нихъ слово о вотчинѣ, о большомъ Княженіи по роду и старшинству, пригоже, сказываютъ, быть на Княженіи нашему слугѣ, Ивану Семеновичу Одоевскому, и они посылали къ брату своему, Князю Ѳедору, чтобы онъ о большомъ Княженіи съ ними смолву учинилъ. По этому Король приказалъ бы Князю Ѳедору смолву учинить и выслать для рѣшенія дѣла своего Пана, а Великій Князь вышлетъ своего Боярина.»

Такъ Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ о Князьяхъ Одоевскихъ, о другихъ же прямо требовалъ, чтобы Король разрѣшилъ ихъ отъ присяги, а своимъ людямъ приказалъ бы не дѣлать обидъ отчинамъ этѣхъ Князей. Король отвѣчалъ, что не выпустить ихъ изъ присяги, что Князья грабятъ, а Великій Князь бѣретъ земли, принадлежащія Великому Княжеству Литовскому. Король упирался въ своемъ, но силою не поддерживалъ своихъ словъ, тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ нему настоящій вызовъ. 18 Мая, 1492 года, поѣхалъ Московскій посолъ, Берсень, къ Королю: посолъ долженъ былъ говорить ему отъ имени Великаго Князя: «Мы не знаемъ, какіе кривды дѣлаются отъ нашихъ земель твоимъ землямъ, и гдѣ наши люди начали твоимъ людямъ лихо чинять; а волостей, земель и водъ твоихъ за собою не держимъ, а съ Божіею помощію держимъ земли и воды, которые намъ далъ Богъ. Ты говоришь, что отъ нашихъ земель дѣлаются тебѣ кривды, а того не памятуешь, какіе кривды дѣлаются нашимъ землямъ отъ твоихъ людей: наши города, волости и земли за собою держишь, такъ ты бы намъ нашихъ земель поступился, а обиднымъ дѣломъ далъ управу.» Берсеню дана была память, что если взмолвятъ: «Которые волости Великаго Князя за собою держитъ Король?» то отвѣчать: «Городъ Хлѣпень съ волостями, да Рогачевъ и иные волости.» Какія это иныя волости?

Наказъ Берсеню не говорить, да и Казимиру не пришлось слышать словъ этого посольства, этѣхъ тайныхъ намековъ. Берсень Короля не заѣхалъ, по тому что Короля не стало, [24] и онъ воротился, а къ Королевичу Александру не поѣхалъ. Этому Королевичу когда отправилось къ нему первое посольство изъ Москвы, то посолъ говорилъ уже прямо, и Иванъ Васильевичъ такъ же въ вѣрющей грамотѣ писалъ, что Московской Государь есть Государь всея Руси. Въ послѣдствіи объяснили значеніе этого титула, что города Кіевъ, Смоленскъ и другіе Русскіе города суть отчина Московскаго Государя.

Послѣ смерти Казимира Москвичи рѣшились разорвать свои сношенія съ Литвою, и Княжеская война пришла въ полный разгаръ уже при помощи Московскихъ войскъ. Наши лѣтописи какъ будто бы считаютъ Ивана Васильевича въ постоянной войнѣ съ Литвою и не относятъ начала ея къ началу государствованія Александра Казимировича въ Литвѣ. Но обѣ стороны смотрѣли на это дѣло такъ: Литовцы относили всѣ этѣ враждебныя дѣйствія къ пограничнымъ ссорамъ и не хотѣли признавать существованія войны, Иванъ же Васильевичъ хотѣлъ представить дѣло такъ, что у него съ Литвою война, хотя, впрочемъ, онъ ея не объявлялъ и не посылалъ, какъ бы слѣдовало по обычаю, сложить съ себя крестное цѣлованіе къ Литовскимъ Государямъ, а это было необходимо, такъ какъ договоръ Василія Темнаго съ Казимиромъ былъ заключенъ и на дѣтей. Ивану Васильевичу нужна была война, по тому что за войною долженъ слѣдовать миръ, а этѣмъ миромъ Литва должна утвердить не только теперешнія пріобрѣтенія отъ нея, но признать за Москвою и многія другія права.

Эта Княжеская война, со времени вступленія на Литовской престолъ Александра Казимировича, шла слѣдующимъ образомъ. Осенью 1492 года отъѣхалъ изъ Литовской службы въ Московскую Князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій, вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, Княземъ Иваномъ Михайловичемъ; они отъѣхали съ отчинами. Князья Воротынскіе, ѣдучи въ Москву, засѣли, на

[24] «А Короля не стало тоя жъ весны, по Великомъ Дни на шестой недѣлѣ, въ четвергъ, на четвертомъ часу дни.»

имя Великаго Князя, города Серпейскъ да Мещовскъ. Смоленскій Воевода, вмѣстѣ съ Литовскимъ служебнымъ княземъ, Семеномъ Ивановичемъ Можайскимъ, пришедши со многою силою, заняли опять этѣ города. Тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ Воротынскимъ на помощь уже своихъ Воеводъ, вмѣстѣ съ Княземъ Рязанскимъ, возвращать разъ занятые на его имя города: Серпейскъ и Мещовскъ были отняты, но Воеводы зашли по дорогѣ къ Опакову, городъ сожгли, жителей привели къ крестному цѣлованью на имя Великаго Князя, а Литовцевъ и Смолянъ захватили въ плѣнъ. Кромѣ Князя Семена Воротынскаго перешелъ изъ Литовской въ Московскую службу Князь Михайло Романовичъ Мезецкой; онъ захватилъ силою двухъ своихъ братьевъ, Князей Семена и Петра, и привелъ ихъ въ Москву. Иванъ Васильевичъ пожаловалъ Князя Михайла Романовича его же отчиною и приказалъ себѣ служить, а его братьевъ сослалъ въ Ярославль. Но самое важное пріобрѣтеніе, сдѣланное при помощи этѣхъ Княжескихъ ссоръ, была Вязьма. Князь Андрей Юрьевичъ Вяземской былъ въ ссорѣ съ другими Князьями Вяземскими; онъ объявилъ желаніе поступить въ службу къ Московскому Великому Князю; Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Вязьмѣ своихъ Воеводъ, и городъ Вязьма былъ взятъ; Вяземскіе Князья были приведены въ Москву, ихъ пожаловали городомъ Вязьмою же и приказали служить своему новому Государю. Этѣ новыя Московскія подданныя продолжали свои дѣла подъ видомъ набѣговъ, имъ ихъ враги отвѣчали тѣмъ же, но кромѣ этого этѣ Князья дѣлали грабежи, съ цѣлію вознаградить себя за потерянныя ими имѣнія, которыя находились внутри Литовскихъ владѣній. [25]

Всѣ этѣ дѣла Литовцы не хотѣли признавать войною Московскаго Правительства. Но, чтобы сдержать Ивана Васильевича, они начали сватовство своего Государя къ дочери Московскаго. Во время пересылокъ по этому поводу, когда отправилось изъ Москвы первое посольство къ Александру, то Иванъ Васильевичъ требовалъ отъ Литовскаго Государя признанія всѣхъ Князей, отъѣхавшихъ въ Московскую службу изъ Литовской, Московскими подданными. Но одинъ изъ этѣхъ Князей, слагая съ себя присягу

---

[25] П. С. Р. Лѣт. т. 4, стр. 161—162.

къ Александру Казимировичу, хотѣлъ объяснить предъ Литовскимъ Государемъ причину своего отъѣзда: то былъ Князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій. Его отъѣздъ замѣчателенъ тѣмъ, что при Казимирѣ его родной братъ, отъѣзжая въ Московскую службу, ограбилъ и занялъ его Удѣлъ. Казимиръ только требовалъ у Московскаго Государя возвращенія занятаго и ограбленнаго, но самаго Семена Воротынскаго ни чѣмъ не вознаградилъ, не вознаградилъ его точно также и Александръ. Тогда Семенъ Ѳедоровичъ рѣшился искать управы уже указанною дорогою, отъѣхалъ въ Московскую службу и занялъ Серпейскъ и Мещовскъ. Грамоту Семена Ѳедоровича Воротынскаго, въ которой излагалъ онъ причины своего отъѣзда, мы выше привели, какъ указаніе общихъ причинъ отъѣздовъ Князей. Но эта грамота не попала по назначенію. Человѣкъ Князя Воротынскаго, который долженъ былъ за него сложить крестное цѣлованіе къ Великому Князю Литовскому, ѣхалъ съ Московскимъ посломъ, Дмитріемъ Давидовичемъ Загряжскимъ. Послѣдній, узнавши о существованіи такой грамоты, не дозволилъ подать ее въ руки Великому Князю, а отобралъ ее и привезъ въ Москву. [26] Московское Правительство не хотѣло, чтобы Князья выставляли такія причины отъѣздовъ; оно само объявляло, что Князья пріѣхали служить къ своимъ прежнимъ Государямъ.

Кромѣ выше исчисленныхъ Князей и пріобрѣтеній Москвичей при помощи ихъ, другихъ отъѣздовъ и пріобрѣтеній, въ началѣ девяностыхъ годовъ XV столѣтія, больше не совершалось. Когда между Москвою и Литвою былъ заключенъ миръ, то Литовскіе послы потребовали внесенія въ договорныя грамоты условія, чтобы вообще Князей служебныхъ съ отчинами не принимать. Москвичи согласились на это условіе. Но количество служебныхъ Князей, могшихъ нанести такой же вредъ своимъ отъѣздомъ,

---

[26] Эта грамота Князя Воротынскаго напечатана въ Актахъ Западной Россіи т. 1, № 106. Издатели Актовъ перепечатали эту грамоту изъ Исторіи Князя Щербатова. Въ Актахъ Западной Россіи эта грамота, какъ отрывокъ изъ цѣльнаго посольства и съ самопроизвольными объясненіями издателей, теряетъ во многомъ свое значеніе. Посольство Загряжскаго отправилось изъ Москвы 5-го Генваря, 1493 года; крестное цѣлованіе человѣкъ Князя Воротынскаго слагалъ за своего Господина въ 1493 году, 6 Февраля.

какъ и отъѣзчики девяностыхъ годовъ, въ Литвѣ было еще довольно значительное количество. При началѣ второй войны Ивана Васильевича съ Александромъ Казимировичемъ начались тоже отъѣзды Князей. Отъѣхали: Князь Семенъ Бѣльской, Шемячичъ, Можайской и другіе, съ своими отчинами. Московское Правительство при начатіи войны не только нарушило условіе прежняго договора съ Литвою, но и отказалось отъ старой своей вражды къ роду Шемяки и Можайскаго. Сами этѣ Князья, какъ ни выгодны были условія отъѣзда, могли опасаться, что Иванъ Васильевичъ можетъ вспомнить обиды себѣ и своему отцу, происшедшія отъ отцовъ и дѣдовъ этѣхъ Князей. Но Иванъ Васильевичъ предупредилъ это; такъ, на примѣръ, Шемячичъ получилъ такого рода опасную грамоту: «что какое лихо учинилось отъ твоего дѣда, Князя Дмитрія Шемяки, нашему отцу, Великому Князю, Василію Васильевичу, то мы тебѣ даемъ опасную грамоту, что намъ за то на тебя нелюбки не держать». Но для того, чтобы показать, что пріемомъ въ службу этѣхъ Князей Московское Правительство не нарушало условія своего договора съ Литвою, то этотъ пріемъ оно объясняло такимъ образомъ: Иванъ Всильевичъ, принявши на себя роль защитника Православія отъ притѣсненій Латинства, и начавши по этому поводу войну, объявилъ, что и Князей онъ принялъ въ службу по тому, что они пріѣхали къ нему, не стерпя гоненій за вѣру. Князь Семенъ Бѣльской, когда его человѣкъ отправился къ Александру Казимировичу слагать за своего Господина крестное цѣлованіе, послалъ съ нимъ, съ согласія Московскаго Правительства, грамоту, въ которой, какъ прежде Воротынской, объяснялъ свой отъѣздъ немилостями къ нему Великаго Князя Александра, но при этомъ говорилъ, что этѣ немилости происходили отъ того, что его хотѣли обратить въ Римскую вѣру, а онъ на принятіе Римскаго закона не согласился и въ заключеніе уѣхалъ отъ насилія, подъ покровительство Православнаго Государя. Эта грамота попала по назначенію, т. е., была подана Александру Казимировичу. На объясненія Московскаго Правительства, по чему оно приняло въ свою службу Бѣльскаго, Литовцы отвѣчали, отъ имени своего Государя: «Бѣльской лихой человѣкъ и измѣникъ нашъ, мы уже его третій годъ и въ глаза не видали; у насъ получше его есть Князья и Паны Греческаго Закона, и имъ ни какого принужденія нѣтъ въ вѣрѣ. Ради такого измѣнника ломать докон-

чанье не стоитъ, а слѣдуетъ его выдать». Объ Можайскомъ и Шемячичѣ Литовцы говорили: «Отцы этѣхъ Князей пришли въ Литву, сдѣлавъ надъ самимъ Иваномъ Васильевичемъ и надъ его отцомъ извѣстно какую измѣну; ихъ въ Литвѣ приняли и дали имъ отчины на прожитокъ, а они, по привычкѣ, заимствованной отъ своихъ отцовъ-измѣнниковъ, измѣнили теперь и Литовскому Государю, да по той же привычкѣ навѣрно сдѣлаютъ тоже и съ своимъ новымъ Государемъ».

Князья Шемячичъ и Можайской были послѣдними Князьями съ чисто старымъ удѣльнымъ характеромъ. Ихъ отъѣзды были для нихъ весьма удачны: владѣнія ихъ остались за Москвою. Но за то отъѣзчикъ, послѣдовавшій ихъ примѣру, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ отъѣзда,—Глинскій, не много выигралъ въ свою пользу. Не будучи служебнымъ Княземъ и въ то же время совсѣмъ не народный вождь, Глинскій представлялъ собою личность, въ которой выразился переходъ отъ прежнихъ средневѣковыхъ дѣятелей къ новымъ государственнымъ людямъ. Совсѣмъ другаго характера былъ современникъ и сотоварищъ Глинскаго, Остафій Дашковичъ: онъ не былъ ни служебный Князь, ни народный вождь, ни государственный человѣкъ, а только Казацкій предводитель. Пока не попалъ на эту послѣднюю дѣятельность, онъ сначала управлялъ Литовскимъ городомъ Кричевымъ. Недовольный Литовскими порядками, онъ, въ 1504 году, можетъ быть, подъ вліяніемъ Можайскаго и Шемячича, съ нѣсколькими дворянами, ограбивъ прежде имъ управляемыхъ, убѣжалъ въ Московскія владѣнія, и здѣсь его приняли. Такъ какъ онъ отъѣхалъ безъ всякихъ владѣній, то Литовское Правительство требовало его выдачи, какъ измѣнника, бѣглеца и лихова человѣка. На это требованіе данъ былъ отвѣтъ, что, по договорнымъ грамотамъ, слѣдуетъ выдавать татя, бѣглеца, холопа, раба, должника, но по исправѣ; Остафія же Дашковича вообще къ этѣмъ разрядамъ нельзя причислять, по тому что у Короля Александра онъ управлялъ значительными городами и, пріѣзжая служить, какъ говорятъ, ничего не дѣлалъ дурнаго, а служить и прежде ѣздили безъ отказа, и по этому Остафій Дашковичъ нашъ слуга. Но Остафію Дашковичу не понравились и Московскіе порядки; онъ, посланный, вмѣстѣ съ другими отъѣзчиками, помогать Глинскому, во время его бунта, снова

перебѣжалъ въ Литовскую службу, но уже послѣ этого вскорѣ сдѣлался предводителемъ Казаковъ. [27]

Литовцы всѣхъ этѣхъ отъѣзчиковъ называли измѣнниками и были преисполнены къ нимъ страшной ненависти, такъ какъ дѣйствительно эти отъѣзды обошлись чрезвычайно дорого Литвѣ. Но мы не имѣемъ права сказать, чтобы не было измѣнъ и въ Москвѣ. Когда совершились первые отъѣзды Князей, то зимою 1493 г. былъ казненъ Князь Лукомскій съ тремя товарищами за то, что пересылали вѣсти изъ Москвы къ Литовскому Великому Князю. Лѣтописецъ говоритъ, что Князь Лукомскій былъ посланъ Королемъ Казимиромъ служить Великому Князю Ивану Васильевичу, съ тайнымъ обязательствомъ отравить послѣдняго. У Лукомскаго было вынято зелье, данное ему Королемъ; когда Лукомскаго схватили, то онъ оговорилъ Князя, Ѳедора Бѣльскаго, что будто тотъ хотѣлъ бѣжать служить въ Литву; Бѣльскій былъ схваченъ и сосланъ въ заточеніе, въ Галичъ. [28] Но болѣе знатный, чѣмъ эти люди, былъ измѣнникъ Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Онъ, взятый въ плѣнъ при Ведрошѣ, вступилъ потомъ въ Московскую службу, но во время бунта Глинскаго бѣжалъ въ Литву и сдѣлался предводителемъ войскъ въ войнѣ противъ Москвы. [29]

Но Острожскій бѣжалъ въ Литву, а не отъѣхалъ изъ Московской службы въ Литовскую съ владѣніями; болѣе важныхъ измѣнъ нужно было ждать отъ другихъ, а именно: Князей служебныхъ отъѣзчиковъ. По мѣрѣ того, какъ границы Московскихъ владѣній отодвигались на западъ, Князья отъѣзчики начинаютъ исчезать въ толпѣ другихъ Князей. Но изъ числа ихъ о нѣкоторыхъ остались извѣстія, могущія дать понятіе объ ихъ положеніи въ Московской службѣ и ихъ занятіяхъ. Московскій Государь предоставилъ этѣмъ Князьямъ, въ продолженіи своихъ войнъ съ Литвою, сколько угодно воевать Литовскія владѣнія. Во время бунта Глинскаго Князья,

---

[27] Ак. З. Р. т. 1 № 192 и т. 2, № 41.

[28] П. С. Р. Л. т. 4, стр. 162.

[29] С. Г. Г. и Д. т. 1, № 146.

посланные ему на помощь, пробыли цѣлое лѣто за Днѣпромъ и дѣлали набѣги къ Вильнѣ и Гродну. Когда шли рати Московскаго Государя, то Князьямъ приказывалось приставать къ нимъ; но пока Князья не попали въ общій рядъ всѣхъ Московскихъ служилыхъ людей, то въ этѣхъ походахъ они почти и не занимали никакого опредѣленнаго мѣста. Такъ, на примѣръ, когда пошли Воеводы выручать, прежде занятые Княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Воротынскимъ, города Серпейскъ и Мещовскъ, то Воеводы были разряжены по полкамъ, а Князьямъ Воротынскимъ, Одоевскимъ, Бѣлевскимъ и Князю Михайлу Мевецкому, велѣно присоединиться къ Воеводамъ и быть подлѣ передоваго полку, съ правой, или съ лѣвой, стороны, гдѣ похотятъ; только старшимъ изъ нихъ Князьямъ, Дмитрію и Семену Воротынскимъ, приказано быть подлѣ большаго полка, гдѣ прихоже. [30] Когда не было войны съ Литвою, то этѣ Князья постоянно упоминаются въ разрядахъ и лѣтописяхъ, какъ занимающіеся отогнаніемъ Татаръ отъ Русскихъ границъ. Въ этѣхъ дѣлахъ особенно отличался Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій. Заманить Татаръ внутрь страны, потомъ обойти имъ въ тылъ, и за тѣмъ гнать ихъ въ лѣса, въ болота, топтать на бродахъ рѣкъ — было обыкновеннымъ маневромъ Воротынскаго. Князья отъѣзчики хорошо знали, что въ Литвѣ готовы воспользоваться ихъ измѣною, и Иванъ Михайловичъ Воротынскій употреблялъ и это въ свою пользу. Во время войны съ Литвою, въ 1516 году, Воротынскій съ своею дружиною отправился изъ своихъ владѣній къ Рославлю, объявляя, что бѣжитъ отъ Великаго Князя къ Королю; Рославцы повѣрили и дали ему съ города корм; онъ же подъ Рославлемъ не стоялъ даже и дня, а пошелъ далѣе, притворяясь, что идетъ къ Королю; отошедши верстъ тридцать, онъ сталъ на ночлегъ, а утромъ, снарядившись, со всею своею силою воротился къ Рославлю, гдѣ его не ожидали, и ему удалось захватить городъ; послѣ этого изъ подъ Рославля Воротынскій пошелъ съ пушками подъ Мстиславль. За всѣ этѣ подвиги Воротынскій получилъ похвалу отъ Государя. [31]

---

[30] Разряды.

[31] Этотъ набѣгъ Воротынскаго разсказанъ въ Архангельской Лѣтописи (стр. 188—189) и въ Псковской (П. С. Р. Л. т. 4, стр. 290); но въ обѣихъ лѣтописяхъ сказано, что все это сдѣлалъ Псковской Намѣстникъ Сабуровъ; только въ Псков-

Во время мира и перемирья всѣ посольства Литовцевъ, въ которыхъ они излагали пограничные обиды, полны жалобами, что Князья нападаютъ на Литовскія земли, жгутъ, грабятъ, рѣжутъ, людей въ плѣнъ ведутъ и волости засѣдаютъ на свое имя, а людей приводятъ къ крестному цѣлованію. Князья были недовольны, что между Москвою и Литвою существуетъ миръ, или перемирье, и готовы были разорвать ихъ. Они постоянно слѣдили за тѣмъ, что дѣлается въ Литвѣ; такъ въ 1503 году было заключено перемирье между Иваномъ III и Александромъ, и Московскіе послы отправились въ Литву, для снятія присяги съ Александра на договорѣ: тамъ они были задержаны; первый, давшій о томъ вѣсть въ Москву, былъ Князь Семенъ Бѣльскій. Въ 1504 году Александровы послы въ Москвѣ говорили о Князьяхъ слѣдующее: «Наши измѣнники, которые къ тебѣ отъѣхали съ отчинами, не перестаютъ зацѣпки чинить: грозятъ нашимъ людямъ и отповѣдные листы къ нимъ посылаютъ; по этимъ листамъ, которые мы къ тебѣ прислали, ты можешъ уразумѣть, что этѣ измѣнники, которые никогда не бывали вѣрны своимъ Государямъ, хотятъ этѣми зацѣпками перемирье взрушить до урочныхъ лѣтъ.» На этѣ слова былъ данъ отвѣтъ: «Мы тѣ листы слушали, ино которые зацѣпки чинятъ тѣми листами наши слуги? »Къ сожаленію, этѣ отповѣдные листы не дошли до насъ.

Литовскіе Государи, разъ не умѣвшіе удержать Князей въ своемъ подданствѣ, въ слѣдствіе того, что оставляли ихъ на произволъ судьбы, готовы были принять ихъ обратно къ себѣ, не обращая вниманія на то, что сами ихъ называли образцовыми измѣнниками. Къ этѣмъ Князьямъ подсылались Литовскіе агенты, на нихъ дѣйствовали и посредствомъ Крымскаго Хана, прося его передать, на примѣръ, Шемячичу, что если онъ перейдетъ въ Ли-

---

ской лѣтописи сказано, что Сабуровъ сжегъ Друю. Псковскій Намѣстникъ могъ сжечь Друю, но подъ Рославль совершить свой набѣгъ не могъ, по географическому положенію Рославля; Воротынскому же Рославль былъ близокъ по мѣсту положенія его собственныхъ владѣній. Въ Крымскихъ дѣлахъ (№ 4), въ Наказѣ Шадрину, сказано: «Князь Воротынской зарубилъ въ Литовской землѣ городъ Рославль, да изъ того города пошелъ подъ Мстиславль съ пушками.» Въ Ист. Г. Р. т. 7, пр. 168, сказано о лѣтописяхъ: «думаю, что здѣсь говорятся о разныхъ походахъ, хотя и въ одномъ году.»

товскую службу, то Король, ему дастъ еще болѣе того, чѣмъ онъ теперь владѣетъ, особенно когда будетъ завоевана Москва. Но Московскіе Государи знали хорошо Польскія интриги и удерживали Князей различными средствами. Такъ какъ Князья были болѣе способны къ измѣнѣ во время мира, когда у нихъ не было занятій, то изъ Москвы старались возбуждать въ Князьяхъ патріотизмъ, потомъ привязывали ихъ къ себѣ посредствомъ родственныхъ связей. Такъ, Василій Ивановичъ выдалъ за Можайскаго свою свояченицу Сабурову. Болѣе вѣрнымъ средствомъ сдерживать Князей были Московскія войска, которыя не выходили изъ Сѣверы, подъ видомъ охраненія страны отъ Литовцевъ и набѣговъ Крымцовъ. Наконецъ, Князей постоянно окружали Московскіе шпіоны; но самыми лучшими шпіонами у Князей были сами же Князья. Мы видѣли что взаимныя ссоры Князей повели къ тому, что они отъѣхали туда, гдѣ имъ давали возможность безнаказанно мстить своимъ врагамъ, но и этѣ враги въ заключеніе тоже переѣхали въ Москву. Московское Правительство не давало Князьямъ воевать между собою: тогда они начали постоянно слать въ Москву другъ на друга доносы, обвиняя враговъ въ измѣнѣ и ссылкахъ съ Королемъ. Такъ, на примѣръ, кромѣ Воротынскихъ, и, одновременно отъѣхавшіе въ Московскую службу, Шемячичъ и Можайскій были, въ постоянной ссорѣ, и вотъ исторія вражды. Князь Семенъ Ивановичъ Можайскій нѣсколько разъ присылалъ къ Ивану Васильевичу доносы, что Василій Ивановичъ Шемячичъ хочетъ измѣнить. Послѣ смерти Семена Ивановича сынъ его, Василій Семеновичъ, точно также доносилъ на Шемячича. Шемячичъ просилъ Великаго Князя, Василія Ивановича, чтобы онъ дозволилъ ему пріѣхать въ Москву и оправдаться, но ему отвѣчали, что пріѣзжать не нужно, ради Государскаго и Земскаго дѣла. Въ 1510 году Шемячичъ прислалъ просьбу въ Москву, что дошли до него слухи, что Князь Василій Семеновичъ хвалится, что Государь, по его обговору, хочетъ положить опалу на него, Шемячича, по этому послѣдній просилъ опять дозволенія пріѣхать въ Москву и оправдаться, при чемъ такъ же просилъ о присылкѣ къ нему опасной грамоты, чтобы можно было ѣхать въ Москву безъ боязни. Опасная грамота была дана, и Василій Ивановичъ при этомъ объявлялъ Шемячичу, что какъ онъ обоихъ Князей жаловалъ, такъ и теперь жалуетъ и нелюбви къ нимъ не держитъ. Шемячичъ пріѣхалъ въ

Москву, оправдался и снова былъ отпущенъ въ свои владѣнія. Но Василій Семеновичъ этѣмъ не довольствовался и въ 1517 году прислалъ двухъ своихъ слугъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ Литвѣ въ плѣну и слышалъ тамъ, что у Альбрехта Немировича, Кіевскаго Намѣстника, былъ гонецъ отъ Князя Василія Шемячича, который предлагалъ, что когда помирится Король съ Крымскими Царевичами, то Альбрехтъ шелъ бы съ Царевичами подъ города Шемячича, а онъ хочетъ Королю служить съ городами. Кромѣ этого доноса явился еще другой изъ Стародуба: оттуда прислалъ Князь Пронскій человѣка, говорившаго то же самое, что и человѣкъ Шемячича. Великій Князь по этѣмъ доносамъ отправилъ къ Шемячичу своихъ посланныхъ; они должны были объявить о доносахъ все и сказать потомъ: «Тебѣ хорошо вѣдомо, что и напередъ того къ намъ на тебя такіе безлѣпичныя рѣчи прихаживали, и мы имъ не вѣрили, а тебя жаловали; такимъ рѣчамъ мы и теперь не вѣримъ и хотимъ тебя жаловать. Ты теперь ѣхалъ бы къ намъ, и мы тебя укрѣпимъ въ томъ, чтобы тебѣ быть безъ мысли въ нашемъ жалованьѣ, и Боярамъ нашимъ велимъ тебѣ такъ же крѣпость учинить; а чтобы тебѣ ѣхать безъ всякаго опаса, то наши посланные въ томъ тебѣ правду дадутъ». Но Шемячичъ, еще не дождавшись этого посольства, а узнавши, что Василій Семеновичъ послалъ на него доносъ, отправилъ къ Государю своего человѣка съ слѣдующими словами: «Государь! братъ мой, Князь Василій Семеновичъ, прислалъ къ тебѣ, и самъ нынѣ говоритъ: «Либо я этѣмъ своего брата, Василія Ивановича, уморю, или самъ отъ Государя буду подъ гнѣвомъ; лучше чему ни будь одному быть, а не оставаться такъ.» Государь, бью тебѣ челомъ, позволь мнѣ быть у тебя и стать очи на очи съ тѣми людьми, которые обо мнѣ говорятъ, и обыщешь, Государь, въ томъ дѣлѣ мою вину, то голова моя передъ Богомъ и передъ тобою, а не обыщешь, Государь, и ты бы меня оборонилъ; по тому что братъ мой, Василій Семеновичъ, сталъ ужъ крѣпко на мой животъ наступать. Тебѣ, Государю, вѣдомо, сколько разъ онъ меня обговаривалъ; да также и то знаешь, что какіе присылки ко мнѣ ни были изъ Литвы, и я отъ тебя ни въ чемъ не утаивалъ; а если и въ самомъ дѣлѣ кто слышалъ такую нелѣпицу про меня въ Литвѣ, такъ, Государь, тамъ вельми ради, чтобъ насъ, твоихъ холопей, на Украйнѣ не было.» Князю Шемячичу было дозволено пріѣхать въ Москву, чтобы его укрѣпить и дѣло обыскать; но въ

тоже время посланные съ этѣмъ разрѣшеніемъ должны были явиться къ Князю Можайскому и сказать ему рѣчи о береженьѣ, а такъ же похвальную. Когда Шемячичъ пріѣхалъ въ Москву, то его приняли съ почетомъ и сказали, что прежде отъ Князя Василья Семеновича ни какихъ рѣчей доносныхъ не слыхали, а сказали это простые мужики; а такъ какъ Государь не потакаетъ такимъ рѣчамъ, то по этому ему и выдается человѣкъ Князя Пропскаго. Шемячичъ просилъ, чтобы ему выдали и человѣка Князя Василья Семеновича, но на это отвѣтили, что его выдать нельзя, по тому что тотъ человѣкъ былъ въ плѣну въ Литвѣ и слышалъ тѣ рѣчи, и по этому какъ же было ему ихъ не сказать? Послѣ этого Шемячичъ былъ приведенъ къ крестному цѣлованію, Бояре ему дали противъ его правды то же правду.

Изъ этого дѣла мы можемъ видѣть, какъ Московское Правительство нянчилось съ Князьями; но, съ другой стороны, замѣчательно то, что Шемячичъ и другіе Князья, такъ легко отъѣхавшіе изъ Литовской службы съ отчинами, изъ Московской же Князь, владѣнія котораго были такъ далеки отъ Москвы, при томъ по доносу злѣйшаго его врага, могъ рѣшиться перейти на службу Королю съ отчинами только при помощи самихъ Литовцевъ, которые должны быть при томъ въ союзѣ съ Татарами. Князя Василья Семеновича хвалили за береженье, но въ томъ же году, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Шемячича въ Москву, [32] въ офиціяльныхъ бумагахъ записано, что Князя Василья Семеновича Можайскаго не стало, и его владѣнія стали вполнѣ принадлежать Московскому Государю. Но не долго пришлось пользоваться свободою и Шемячичу. Осенью 1522 г., между Василіемъ Ивановичемъ и Сигизмундомъ было заключено перемиріе, а весною 1523 г. Шемячичъ «пойманъ бысть съ Княгинею его и съ дочерью.»

Воевать съ Литвою было уже не нужно, да въ Москвѣ и не желали, а съ Татарами Московскіе Государи могли управляться и безъ помощи такихъ Князей, какъ Шемячичъ. Уничтоженію Шемячича радовались многіе. Извѣстенъ разсказъ о Юродивомъ, хо-

[32] Шемячичъ былъ въ Москвѣ въ двадцатыхъ числахъ Августа, а ниже приводимое извѣстіе отъ 16 Сентября.

дившемъ по Московскимъ улицамъ съ метлою, и на замѣчаніе объ этомъ говорившемъ проходящимъ, что «Государство еще нечисто, и пора изъ него вымести послѣдній соръ.» А Митрополитъ всея Руси, хотя прежде и былъ на сторонѣ Шемичича, послѣ его поиманья говорилъ: «Богъ избавилъ Государя отъ запазушнаго врага.» Около 1520 года къ Москвѣ было присоединено Великое Княжество Рязанское, Князья котораго были въ постоянной опекѣ у Московскихъ Государей, и когда послѣдній изъ нихъ захотѣлъ поднять значеніе своего Княжества при помощи Татаръ, то попалъ въ руки Московскаго Государя, а когда во время нашествія Татаръ на Москву (въ 1521 г.) бѣжалъ въ свои родовыя владѣнія, то не находя тамъ поддержки своимъ притязаніямъ, ушелъ въ Литву. [33]

Въ то время, какъ часть Князей съ старымъ Удѣльнымъ пошибомъ только и знали, что воевать съ кѣмъ бы то ни было, лучшіе изъ нихъ старались тѣсниться около Московскаго Государя, чтобы принять участіе въ управленіи Русскими дѣлами. По видимому, служить Московскому Государю было невыгодно, такъ какъ онъ безпощадно истреблялъ всѣ стремленія, похожія на возстановленіе старыхъ порядковъ; но мы въ то же время видимъ, что Князья и Бояре ѣдутъ служить въ Москву. Скупость Ивана III прославлена, но это была скупость домохозяина, который боится истратить напрасно лишнюю копѣйку и въ то же время бросаетъ работникамъ тысячи, въ полной увѣренности, что отъ ихъ работы, не только его преемникамъ, но и ему самому, будетъ можно собирать милліоны. Во вкусъ хозяина входили и лучшіе изъ его работниковъ: не за деньги и вотчины продавали свое старое положеніе Князья и Бояре, не за блестящій дворъ, не за улыбку Московскаго деспота соглашались они служить ему, а за то, что этотъ деспотъ руководилъ великимъ дѣломъ: введеніе внутренняго порядка въ Государствѣ, сверженіе Татарскаго ига, стремленіе истребить степняковъ степняками; потомъ великая идея, выраженная

[33] С. С. Г. и Д. т. 2, №№ 28 и 29; Переписная книга Архива Посольскаго Приказа 1614 г., л. 18; Дѣла Турецкія № 1, 1512 годъ; Разряды; Ак. Ист. т. 1, №№ 124 и 127; Ак. Ар. Эк. т. 1, № 172; Ак. З. Р. т. 2, № 116; Архан. Лѣт. стр. 190; Типогр. лѣт., стр. 378; Дѣла Крым. № 5, л. 624; Ист. Рязанскаго Княжества, соч. Иловайскаго, стр. 232 и далѣе.

въ самой простой формѣ титула «Государя всея Руси», идея единаго Русскаго Государства, которое нужно собрать, Государства, въ которомъ долженъ быть одинъ Государь, окруженный всѣмъ Русскимъ народомъ, исповѣдывающимъ одну Православную Вѣру; собрать такое Государство, которое должно господствовать надъ потомками Чингисхана, свергнуть власть Польши съ братьевъ по вѣрѣ и народности, отобрать у Нѣмцевъ Русскія земли и не дать имъ осуществить ихъ замысловъ, превратить этѣ занятыя ими земли въ «Новую Германію;» и заимствовать у нихъ только то, что они выработали и пріобрѣли изъ плодовъ цивилизаціи древняго міра; только сознаніе, что работа клонится къ осущевстленію этѣхъ идей, могла собрать около Московскаго Государя всѣ силы Сѣверной Россіи. Главная роль въ этой колосальной дѣятельности выпала на долю Русскихъ Князей и Бояръ, а Иванъ III умѣлъ дать имъ въ этомъ отношеніи занятіе и много блестящихъ и славныхъ дѣлъ. Людей для этой работы Ивану III не нужно было искать, а только пользоваться ими; притомъ предшествующее время и смута при его отцѣ уяснили цѣль, къ которой нужно стремиться, и въ то же время выработали извѣстную, довольно точно опредѣленную, систему.

Не буду излагать подробно той борьбы, которая шла при Московскомъ Дворѣ за права и власть. По мѣрѣ того, какъ Государственный порядокъ бралъ всюду верхъ, этотъ порядокъ тронулъ и притязанія Князей, а потомъ и Бояръ. Они главнымъ правомъ считали за собою управлять землею; Иванъ III во всѣхъ дѣлахъ совѣтовался съ ними, они всюду на первомъ мѣстѣ; въ совѣтѣ они прямо высказывали свои мнѣнія, и Иванъ Васильевичъ любилъ и жаловалъ тѣхъ, которые и противъ него говорили. Но первымъ дѣломъ его было отнятіе у Князей права отъѣзда отъ себя; еще въ 1474 г. Князь Данило Дмитріевичъ Холмской далъ на себя запись, что онъ обязуется Государю служить вѣрно и не отъѣхать отъ него ни къ кому, и что Государь за его вину въ казни его воленъ. Чѣмъ далѣе дѣло шло, тѣмъ болѣе Князья начинали терять свое значеніе. Исторія Князей Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ извѣстна, а общій ходъ обстоятельствъ привелъ къ тому, что при сынѣ Ивана III начинаютъ играть важную роль Дьяки, съ которыми Государь, запершись самъ третей, у постели рѣ-

шалъ дѣла. Въ это время на государствованіе Ивана III указывали, какъ на образецъ стараго правленія, когда Великій Князь былъ добръ и до людей ласковъ, и куда ни посылалъ людей, то вездѣ съ ними былъ Богъ. Очень важною причиною такой перемѣны выставляли прибытіе въ Москву Грековъ, Софіи Ѳоминичны, которая, «какова бы она ни была, говорили ея враги, а къ нестроенію нашему пришла.» [34]

Среди этой сильной дѣятельности Князей и Бояръ, на ихъ долю выпадали иногда печальные случаи для ихъ личности, и объ одномъ изъ нихъ считаю долгомъ здѣсь упомянуть, какъ событіи, словно выхваченномъ изъ Римской Исторіи и перенесенномъ въ Русскую. Въ 1481 году, послѣ нашествія Ахмата, былъ отправленъ въ Крымъ посломъ Бояринъ Тимоѳей Скряба. Въ Наказѣ ему, подъ вліяніемъ тогдашнихъ обстоятельствъ, было сказано, что Иванъ Васильевичъ ведетъ переговоры съ Королемъ Казимиромъ о мирѣ, и Менгли-Гирей пусть поступаетъ, какъ думаетъ. Менгли-Гирей послѣ этого объявилъ, что онъ помирился съ Королемъ, на основаніи словъ Великаго Князя. Но въ это время обстоятельства перемѣнились, и отвѣтомъ на посольство Менгли-Гирея было слѣдующее. Юрій Шестакъ поѣхалъ въ Крымъ и везъ съ собою Боярина Скрябу, чтобъ выдать его Татарамъ, и говорилъ именемъ Ивана Васильевича къ Хану: «Я тебѣ ничего этого не приказывалъ, а если все это наговорилъ тебѣ нашъ Бояринъ Тимоѳей, то онъ это говорилъ не по нашему наказу: — вотъ онъ передъ тобою». Какъ поступили въ этомъ случаѣ Татары, мы не знаемъ, но знаемъ, что Бояринъ былъ выданъ имъ, и послѣ этого имени Тимоѳея Скрябы въ офиціяльныхъ Московскихъ бумагахъ не встрѣчается. [35]

Здѣсь должно сказать еще нѣсколько словъ о дружинахъ Княжескихъ. По мѣрѣ того, какъ Князья скучивались около Московскаго Государя, ихъ дружины необходимо должны были входить въ составъ Государственнаго войска, которое, въ слѣдствіе этого, естественно, значительно увеличивалось. Въ предшество-

---

[34] С. Г. Г. и Д. т. 1; №№ 103 и 104; Ак. Арх. Эк. т. 1, № 172.

[35] Д. Крым. № 1, 1481 и 82 года.

вавшее время всѣ безпокойные люди въ обществѣ собирались около Князей, которые своими усобицами давали имъ занятіе, и въ то же время этѣмъ же самымъ и создавали въ обществѣ этѣхъ безпокойныхъ людей. Этотъ воинственный духъ многихъ людей, при водвореніи Государственнаго порядка, не могъ скоро уничтожиться, по тому что Государственная власть не была такъ сильна, чтобы сдерживать этѣ бродящія въ низу силы. Войско временъ Иванъ III отличалось какою-то отчаянною удалью, начиная съ самихъ Воеводъ: съ запалчивостію бросалось оно на непріятеля, при этомъ часто теряло всякой порядокъ, и за это молодечество иногда платилось собственнымъ пораженіемъ. Но не всѣ люди, которые прежде шли къ Князьямъ на службу, готовы были теперь вступать въ Государственное войско, въ которомъ все должно было дѣлать по заранѣе обдуманной и опредѣленной свыше формѣ. И мы, по мѣрѣ того, какъ Государство начинаетъ подбирать подъ себя Князей, начинаемъ получать все болѣе и болѣе извѣстій о Казакахъ. Ихъ весьма много находилось на службѣ какъ у Государя, такъ и у Князей. Занятіе ихъ было разъѣзды по степямъ, вывѣдываніе, не бродятъ ли гдѣ ни будь Татары, провожанье пословъ въ Крымъ. Въ числѣ Казаковъ много встрѣчается именъ Татарскихъ, и это можетъ намъ объясниться тѣмъ, что въ это время Орды ослабѣли, разбивались на ничтожныя шайки, а этѣ постоянно разгонялись, такъ что оставшіеся одни безъ предводителей, Татарскіе грабители вступали въ службу Московскаго Государя, или Князей, оставляя за собой свободу распоряжаться своею личностію, и смѣшивались съ Русскими Казаками. Людей, носившихъ имя Казаковъ, Севрюковъ, было много на службѣ Шемячича, и жили они около городовъ Путивля и Чернигова, на границѣ степи. Кромѣ того, появленію Казаковъ въ это время много способствовали Татарскіе набѣги. На Московской Украйнѣ Татары останавливались у Оки, Литовская же и Польская Украйны съ юга были открыты для Татаръ. Литовскіе Государи плохо защищали оружіемъ свои Украйны отъ Татаръ, и изъ населенія страны необходимо должны были выставиться люди для борьбы съ степняками. Для этѣхъ людей около Днѣпра скоро отыскалось мѣсто, а также и предводитель: то былъ Остафій Дашковичъ. Еще на другомъ мѣстѣ Россіи, по видимому, должны были показаться Казаки, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ постоянно шли вой-

ны, здѣсь говорится о Бѣлоруссіи. Но во время войнъ Бѣлоруссія только терпѣла опустошенія, но до того, что города стояли почти въ пустынѣ, народонаселеніе было подавлено и разорено; Казаковъ оно не могло выставить, такъ какъ, во первыхъ, не знали, противъ кого ихъ выставлять, а во вторыхъ, здѣсь, Казаки были бы задавлены и Москвичами и Литовцами. [36]

[36] Источниками для Исторіи Князей отъѣзчиковъ, кромѣ выше указанныхъ, служили два статейные списка: Д. Пол., № 1 и Ак. З. Р. т. 1, № 192. При составленіи этой главы о Князьяхъ я во многомъ обязанъ двумъ сочиненіямъ: Исторія Россіи, т. 5, соч. С. М. Соловьева, и Духовныя и Договорныя грамоты Великихъ и Удѣльныхъ Князей, соч. Б. Н. Чичерина.

ГЛАВА II.

ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

Новгородское самоуправленіе и участіе въ немъ Князей.—Сравненіе судьбы Новгорода съ судьбою Казаковъ.—Отношеніе Новгорода къ Великому Князю въ началѣ государствованія Ивана III.—Отступленіе Новгородцевъ отъ Московскаго Великаго Князя и союзъ ихъ съ Королемъ Казимиромъ; значеніе этого союза.—Посольство изъ Москвы въ Новгородъ, приготовленія къ войнѣ и походъ на Новгородъ.—Война и заключеніе мира.—Иванъ III судитъ Новгородцевъ.—Послы Новгородскіе называютъ Ивана III себѣ Государемъ.—Объявленіе войны, переговоры; привилегіи, пожалованныя Новгородцамъ и утвержденіе ихъ крѣпкимъ словомъ Великаго Князя.—Осада Новгорода.—Замыслы Новгородцевъ къ освобожденіе себя отъ власти Московскаго Государя и розыскъ по этому поводу.—Заключеніе.—Сношенія Ивана III съ Казимиромъ по поводу завоеванія Новгорода.

I.

Главное и первое, на чемъ Иванъ Васильевичъ поссорился съ Казимиромъ, и чего никогда не могли забыть въ Литвѣ — это полное подчиненіе Новгорода Московскому Государству. Но прежде, чѣмъ приступить къ изложенію исторіи подчиненія Новгорода Москвѣ, нужно сказать, что такое Новгородъ, и по чему онъ въ отношеніяхъ Москвы къ Литвѣ сыгралъ такую важную роль. Здѣсь я не намѣренъ говорить что ни будь новое, кромѣ давно извѣстнаго.

Новгородъ — средневѣковая торговая община, пользующаяся своего рода самоуправленіемъ. Точно опредѣленную грань между понятіями самоуправленія и независимостію, въ отношеніи къ Новгороду, чрезвычайно трудно провести. Новгородское самоуправленіе или, пожалуй, независимость, самостоятельность, была слѣдующаго рода. Вся дѣятельность Новгородской общины была главное направлена на торговлю, остальныя отправленія общественной жизни у нея были развиты несравненно въ меньшей степени, чѣмъ эта. Новгородцы, во первыхъ, постоянно нуждались въ

Князьяхъ. Пребываніе этѣхъ Князей въ Новгородѣ въ XV вѣкѣ опредѣлялось тою же самою нуждою, какая заставила Новгородцевъ призывать къ себѣ Князей въ IX вѣкѣ: Новгородская земля была велика и обильна, порядка же въ ней никогда не было, и Князья должны были въ ней княжить. Новгородъ не могъ самъ по себѣ управляться и самъ себя защищать. Князья, вмѣстѣ съ своими дружинами, призывались въ Новгородъ княжить, судили Новгородцевъ между собою, бились съ ихъ врагами, и за все это пользовались матеріяльными выгодами. Послѣднее было довольно точно опредѣлено Новгородцами; власть же Князей опредѣлялась почти что однимъ чисто личнымъ значеніемъ и личными отношеніями каждаго Князя къ Новгородцамъ. Съ изначала у большей части Князей проявляется стремленіе увеличить свою власть въ богатомъ Новгородѣ, но для вольныхъ Новгородцевъ всякое черезчуръ значительное хозяйничанье у нихъ было противно; они строго наблюдаютъ за Князьями, и при малѣйшемъ недовольствѣ указываютъ имъ путь изъ Новгорода и, на мѣсто одного Князя, призываютъ другаго. Новгородцы хотѣли бы призывать къ себѣ только того Князя, который былъ имъ любъ, но въ сущности за что они Князя могли выпроводить отъ себя, это главное опредѣлялось обстоятельствами, т. е., что онъ имъ не любъ. Такъ какъ только Князь, опиравшійся на свою собственную силу, могъ сдѣлать что ни будь въ свою пользу въ Новгородѣ, то Новгородцы, для ослабленія ихъ силъ, явились опорою всякихъ смутъ между Князьями, а по этому городомъ, ненавистнымъ для мирнаго населенія остальной Россіи. Но при всѣхъ хлопотахъ Новгородцевъ по этой части, къ началу новой исторіи, въ Сѣверной Россіи былъ Московскій Князь, съ прежними притязаніями относительно Новгорода, и при томъ на столько сильный, что другіе Князья подчинялись ему. Противникомъ ему, относительно Новгорода, могъ явиться другой, довольно могущественный Русскій Князь, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, Великій Князь Литовскій и Король Польской. Но для Новгородцевъ здѣсь выступалъ новый вопросъ, не извѣстный имъ изъ прежнихъ ихъ отношеній къ Князьямъ; то былъ вопросъ объ Исповѣданіи: можно ли было имъ призвать къ себѣ княжить Князя Католика? Въ Новгородѣ, при концѣ его самоправленія, по поводу этого вопроса, была поднята смута.

И такъ, Новгородъ, для полноты своей общественной жизни, нуждался во власти, которую самъ у себя не могъ создать. Другимъ мѣриломъ полноты самоправленія и независимости всякаго общества служитъ Церковь. Всегда бывало, что общество, которое желаетъ быть вполнѣ самостоятельнымъ, устраиваетъ такъ, чтобы, за рѣшеніемъ дѣлъ церковныхъ, не обращаться къ власти, находящейся внѣ его. Такъ какъ это не всегда дѣлается сразу, то, по мѣрѣ зависимости въ обществѣ церковной іерархіи отъ власти, находящейся внѣ его, можно судить о зависимости и независимости самаго общества. Новгородскій и Псковскій Архіепископъ былъ первый Епископъ въ Россіи, послѣ Митрополита всея Руси; Новгородцы сами для себя его избирали, онъ у нихъ былъ пожизненный сановникъ, принимавшій участіе и въ ихъ общественныхъ нецерковныхъ дѣлахъ. Но Новгородскій Архіепископъ, за собственнымъ посвященіемъ и за рѣшеніемъ всѣхъ важныхъ церковныхъ дѣлъ, долженъ былъ обращаться къ Митрополиту и подчиняться ему, на основаніи церковныхъ законовъ. Этотъ Митрополитъ прежде жилъ въ Кіевѣ, а потомъ перебрался въ Москву. Такое положеніе Новгородской Церкви нельзя называть ея независимостію. Но во второй половинѣ XV вѣка явилась возможность для Новгородцевъ, если не совсѣмъ сдѣлать свою Церковь ни отъ кого и ни въ чемъ независимою, то значительно увеличить ея самостоятельность, тѣмъ, что, смотря по обстоятельствамъ, за рѣшеніемъ важныхъ дѣлъ, обращаться къ разнымъ Митрополитамъ, такъ какъ въ это время въ Россіи Митрополитовъ было два, и оба назывались Митрополитами всея Руси. Кромѣ Митрополита, жившаго въ Москвѣ, былъ еще Митрополитъ въ Литвѣ; но онъ зависѣлъ отъ Католическаго Государя, самого его подозрѣвали въ склонности къ Католицизму, по тому что онъ былъ ученикъ Исидора, прежде Митрополита всея Руси, потомъ Кардинала Римской Церкви и наконецъ временно Уніятскаго Патріярха въ Константинополѣ. Новгородцы хотѣли какъ ни будь рѣшить это дѣло, а у нихъ какъ, въ вопросѣ о Князьяхъ, такъ и въ вопросѣ о верховной церковной власти, одновременно поднялся вопросъ о Православіи.

Кромѣ неопредѣленной власти Князей въ Новгородѣ и весьма опредѣленной власти Митрополита, какія же собственно были

Новгородскія власти въ Новгородѣ? Кто, напримѣръ, могъ указывать Князьямъ путь изъ Новгорода? Историкъ, написавшій похвальное слово Новгородской свободѣ, сказавши о томъ, что вся автономія Великаго Новгорода опиралась на Вѣчѣ, тутъ же прибавляетъ, что это народное собраніе не было чѣмъ ни будь опредѣленнымъ юридическимъ.[37] Эти слова служатъ объясненіемъ многаго въ исторіи Новгорода, но не въ его пользу. Въ то время, какъ все кругомъ Новгорода, въ общественномъ устройствѣ Сѣверной Россіи, опредѣлялось и слагалось въ извѣстную теорію, въ Новгородѣ оставались при старой своей теоріи — полнаго равенства, неограниченной свободы всѣхъ членовъ общины. Если дѣло касалось одного лица, или не многихъ, то они свое дѣло могли устроивать, какъ имъ заблагоразсудится; если же дѣло касалось многихъ, или цѣлаго Новгорода, то заинтересованные въ немъ собираются для совѣта, гдѣ придется, или на мѣстѣ, на которомъ привыкли собираться, на Вѣчѣ, на Ярославовомъ дворѣ. Кто имѣлъ право созвать Вѣче, кто могъ на немъ говорить и обязанъ молчать — этого ничего точно не было опредѣлено. Когда у заинтересованныхъ въ дѣлѣ были различныя мнѣнія объ его рѣшеніи, то споръ шелъ по обычаю, сохранившемуся почти всюду въ Россіи до нашихъ дней, съ крикомъ, гамомъ, такъ что никто ни кого хорошенько не понималъ; мужики-горланы, мироѣды, здѣсь были на первомъ мѣстѣ. Если, наконецъ, стороны обозначились, то большинство не убѣждало меньшинства, а заставляло его подчиниться себѣ; если меньшинство стояло крѣпко на своемъ, то его начинали убѣждать наиболѣе чувствительнымъ образомъ — посредствомъ кулаковъ, палокъ и наконецъ отправленіемъ противниковъ въ Волховъ. Подобныя вещи выходили изъ за того понятія, что рѣшеніе только тогда дѣйствительно, когда на него всѣ согласны, а, между тѣмъ, свободный человѣкъ за тѣмъ онъ и свободенъ, чтобы думать и дѣлать, какъ ему нравится, и съ своимъ мнѣніемъ не отступать ни передъ кѣмъ. Большинство, заставивши замолчать такимъ образомъ меньшинство, и не принимая совсѣмъ во вниманіе его мнѣній, дѣйствуетъ, какъ хочетъ, но и меньшинство, если члены его остались цѣлы, не думаетъ уступать: оно собирается въ тихомолку, сговаривается, богатые подкупаютъ бѣдныхъ, и

---

[37] Сѣверно-Русскія народоправства т. 2-й, стр. 35.

наконецъ, превратившись въ большинство, поступаетъ въ дѣлахъ съ противниками точно такимъ же образомъ, какъ тѣ обращались прежде съ нимъ. Кромѣ этой борьбы, недовольное меньшинство, не видя средствъ побѣдить противниковъ, если захочетъ, то выдѣляется изъ общества, уходитъ и образуетъ какъ бы отдѣльный Новгородъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно. При подобномъ отправленіи общественныхъ дѣлъ первое, что бросается въ глаза, это, вмѣсто свободы, крайній деспотизмъ сильнаго надъ слабымъ. Сами вѣчинии, оплакивая свою печальную судьбу, характеризовали то, какъ они управлялись сами собой, слѣдующими словами: «Злые поклепы и лихіе дѣла, увѣчья и кричанья, такъ что голова не знала, что языкъ говорилъ; неумѣнье своего дома строить и желаніе городомъ управлять; такое самоволіе и непокореніе другъ другу привело много злаго на нихъ.»

Во всякомъ случаѣ, если подобная постоянная борьба нейдетъ дальше Новгорода, то въ ней можетъ быть только дурна форма; но если меньшинство, или даже большинство, захочетъ призвать къ себѣ на помощь противъ своихъ противниковъ Князя, не захочетъ ли этотъ Князь повернуть борьбу Новгородцевъ въ свою пользу? не захочетъ ли онъ, за свою помощь, выговорить что ни будь себѣ, или наконецъ призвавшіе его, за побѣду надъ своими врагами, не выдадутъ ли Князю и всю Новгородскую свободу? Не къ этому можно еще присоединить то, что, при такомъ состояніи общества, человѣкъ, сильный характеромъ, богатствомъ, партіей, защищая какой ни будь общественный интересъ, можетъ многое сдѣлать, но окончательно повести общество въ ту или другую сторону онъ не сможетъ, по тому что долженъ быть всѣхъ сильнѣе, всѣхъ богаче. Всѣхъ сильнѣе въ Новгородѣ Князь, который защищаетъ Новгородцевъ отъ внѣшнихъ враговъ и судитъ гражданъ; всѣхъ богаче изъ Новгородской торговой аристократіи, это Архіепископъ. Главный общественный интересъ у Новгородцевъ — торговля, и ею они занимаются и охраняютъ всѣ; другой интересъ общій — это общественный порядокъ, могущій быть нарушеннымъ, при Новгородскомъ устройствѣ, нѣсколькими сильными лицами до такой степени, что слабые изъ нихъ, бѣдные, на примѣръ, будутъ во всемъ поддерживать Князя-Судью, и тогда Князь, дѣйствуя въ свою пользу, явится еще и защитникомъ чисто Новгородскихъ интересовъ. Архіепископъ въ этомъ отношеніи, по видимому, могъ бы

состязаться съ Княземъ, но Новогородскимъ Папой сдѣлаться онъ не можетъ, по тому что церковная Іерархія Восточной Церкви есть Государственное учрежденіе, подчиненное верховной власти общества, и для Папства Архіепископу нужно уничтожить всѣ уставы Церкви, выработанные тысячелѣтіемъ и вошедшіе въ сознаніе массъ народа; а Новогородцы всѣ Православные, и желаютъ по этому, въ Архіепископѣ имѣть только сановника самаго уважаемаго, какъ представителя нравственныхъ началъ въ обществѣ. Самое же духовенство у Новогородцевъ, это чиновники, исправляющіе извѣстную службу, точно такую же, какую духовенство въ послѣдствіи исправляло у Казаковъ.

Были еще два лица, могшія, защищая общественные интересы, сдѣлать что ни будь и въ пользу своихъ личныхъ выгодъ. Это двое Новогородскихъ сановниковъ — Посадникъ и Тысяцкой. Но сдѣлать для себя они ни чего не могли, по тому что были представителями партій, боровшихся на Вѣчѣ. Это послѣднее объ нихъ можно говорить, по тому что выбирались они, конечно, на Вѣчѣ; а какъ они выбирались, мы не знаемъ, но, судя по общему характеру Вѣча, можно думать, что выкрикомъ, какъ выбирались, на примѣръ, въ кругахъ и на радахъ Казацкіе предводители, Гетманы и Атаманы. Срокъ, на который они выбирались, не извѣстенъ; но что они не были пожизненными сановниками, то это доказывается тѣмъ, что въ Новгородѣ бывало по нѣсколько Посадниковъ, или Тысяцкихъ, изъ которыхъ только одинъ заправлялъ дѣлами. По этому можно предположить, что когда одна партія брала верхъ, то и ставила своего Посадника и Тысяцкаго; за торжествомъ противниковъ могла слѣдовать и смѣна сановниковъ. Пространство власти этѣхъ сановниковъ, какъ и все, подобное этому въ Новгородѣ, неопредѣленно и точно не отдѣлено у одного отъ власти другаго.

Заговоривши о сановникахъ, мы должны сказать еще объ одномъ Новогородскомъ должностномъ лицѣ, не по тому, чтобы оно имѣло особенную силу и значеніе, а по тому, что могло имѣть извѣстнаго рода вліяніе — это Вѣчевой Дьякъ, засѣдавшій въ Вѣчевой избѣ; онъ записывалъ рѣшенія Вѣча; на немъ, конечно, лежало извѣстнаго рода веденіе дѣлъ: имѣлъ ли онъ вліяніе на докладъ ихъ? Былъ ли онъ хранителемъ вѣчевыхъ преданій? или Новаго-

родцы занимались такъ своими дѣлами, что этотъ Дьякъ былъ просто машина для записыванія рѣшеній другихъ? Но ниже увидимъ, что съ очень важнымъ дѣломъ имя Вѣчеваго Дьяка соединилось очень трагически.

Подобный вопросъ, на который выше обращено вниманіе, кто могъ повредить Новогородской свободѣ? — особенно игралъ важную роль въ половинѣ XV вѣка. Въ это время почти всюду водворялся новый Государственный порядокъ; Новогородскій Князь вмѣстѣ былъ Государемъ Московскимъ, и могъ захотѣть быть Государемъ и въ Новгородѣ. Конечно, можетъ быть (но только можетъ быть), изъ Новгородскаго общественнаго устройства, при дальнѣйшемъ его развитіи, при борьбѣ партій, могло выработаться весьма характеристичное какое ни будь новое устройство; но въ теченіи всего времени, когда Новгородъ самъ по себѣ игралъ важную роль въ Исторіи, движенія впередъ въ его общественной жизни мы не видимъ. Но при этомъ, можемъ смѣло сказать, что только уживчивымъ характеромъ и способностію Русскаго человѣка почти все переносить, можно объяснить, по чему Новгородъ, при своихъ порядкахъ и еще въ такомъ блестящемъ видѣ, могъ просуществовать до половины XV вѣка. Географическое же положеніе Новгорода было таково, что до него всякой сильный врагъ могъ добраться, и по тому могъ завоевать его. Болота, окружавшія Новгородъ, бывали и лѣтомъ проходимы для войскъ, а зимою къ Новгороду можно было всегда пройти. Враговъ себѣ Новгородцы неодходимо должны были всегда имѣть, по тому что общественное устройство ихъ и образъ жизни дѣлали имъ враговъ изъ всякаго сосѣда. Это происходило отъ того, что тѣ же самыя причины, которыя заставили въ послѣдствіи Государство наложить свою руку на Казаковъ и нѣсколькимъ Государствамъ раздѣлить Польшу, были поводомъ къ ссорамъ Новгорода съ Государствомъ въ XV вѣкѣ.

Въ слѣдствіе этого сходства причинъ, мы должны сдѣлать сравненіе общественной жизни Казаковъ съ общественною жизнію Новгородцевъ. Какъ Казаки признавали надъ собою власть Государя, такъ Новгородцы нуждались въ присутствіи у нихъ Князя. Новгородское Вѣче, Казацкій Кругъ, Рада и наконецъ Польскій Сеймъ, это все одно и то же, разница только въ названіяхъ.

Причины, по чему Государство порѣшило съ Казаками только въ XVIII, а съ Новгородцами въ XV, были нижеслѣдующія. Казаки — военная община, а Новгородцы преимущественно торговая. Казаки свои ряды пополняютъ главное бѣгущими изъ Государства, Новгородцы же признаютъ необходимымъ семью, и по этому поддерживаютъ свое существованіе не только бѣглецами изъ остальной Россіи, но главное нарожденіе у себя. Когда въ Россіи водворялся Государственный порядокъ, то люди, недовольные имъ, дѣлались Казаками и уходили въ степь, гдѣ руки Государства долго не могли достать ихъ, и по мѣрѣ расширенія границъ Государственныхъ, Казаки отодвигались все дальше и дальше, по теченію рѣкъ, въ глубь степей, и такъ они уходили отъ Государства до тѣхъ поръ, пока оно не прижало ихъ къ морю. Новгородцамъ нельзя того дѣлать, что дѣлали Казаки, по тому что они прикрѣплены къ землѣ, у нихъ есть главный городъ, имъ принадлежитъ цѣлая область съ городами и деревнями, гдѣ живутъ не все торговые люди, но много земледѣльческаго населенія. Этотъ городъ съ областію не Сѣчь; нельзя ихъ, какъ дѣлали Казаки съ Сѣчью, перенести съ одного острова рѣки на другой.

Кромѣ того, что Московскому Государству нужно было дать выгодное занятіе своимъ дружинамъ, кромѣ того, что Великіе Князья всегда хотѣли попользоваться богатствомъ Новгородцевъ, были въ самыхъ порядкахъ Новгородцевъ, какъ и у Казаковъ, такія явленія, которыя не давали имъ возможности жить мирно съ сосѣдями; это, во первыхъ, существованіе ушкуйниковъ. Новгородцы вольные люди, хотятъ они торгуютъ, или дѣлаютъ что имъ угодно; человѣкъ, у котораго нѣтъ желанія заниматься мирными дѣлами, у котораго есть охота разгуляться, подраться, собираетъ себѣ товарищей, эту Новгородскую голудьбу, и идетъ вонъ изъ Новгорода; спускается эта дружина по рѣкамъ, нападаетъ на всякаго встрѣтившагося: удается предпріятіе, то удальцы возвращаются въ Новгородъ богатыми, добывъ себѣ зипуновъ; не удается, то складываютъ они свои буйныя головы на чужой сторонѣ. Умается человѣкъ въ такой жизни, то идетъ въ монастырь и становится строгимъ постникомъ, какъ прежде былъ страшнымъ разбойникомъ. Казацкая голудьба когда не шла противъ Государства, то нападала на невѣрныхъ, Новгородскіе же

ушкуйники, когда не воевали съ Нѣмцами, то должны были броситься на Русскія земли, гдѣ въ XV вѣкѣ на востокѣ образовалось Государство, которое не могло допустить такимъ охотникамъ безнаказанно воевать и грабить своихъ подданныхъ.

Какъ существованіе ушкуйниковъ могло ссорить Новгородъ съ Государствомъ, такъ точно ссоры Новгородцевъ у себя привлекали на него Государство. Эта главная Повгородская ссора была между богатыми и бѣдными. У Казаковъ заводчиками смутъ была голудьба, люди бѣдные, богатые же, владѣльцы собственности, хотя и готовы были стоять за Казацкое устройство своего общества, но были въ то же время людьми, которые за порядокъ соглашались многимъ жертвовать. Такъ было, на примѣръ, у Донскихъ Казаковъ, но въ Новгородѣ, какъ въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго, идетъ постоянная ссора изъ за того, что бѣдные, которые не ушкуйники и не аристократы, а земледѣльцы и рабочіе, находятся въ постоянной ссорѣ съ богатыми, желающими жить на ихъ счетъ. Бѣдные не могутъ отыскать себѣ суда на Вѣчѣ, по тому что оно въ рукахъ у богачей и по этому готовы искать суда въ другомъ мѣстѣ и промѣнять, для нихъ ничего незначащую, Новгородскую свободу на Правительство, не признававшее у себя Вѣчей, но за то не допускающее давленія слабаго сильнымъ на столько, чтобы перваго превращать въ раба послѣдняго, по этому бѣдные стоятъ за миръ съ мужицкимъ Государствомъ, богатые же, аристократы, по этому самому ненавидятъ подобное Государство. Эта ненависть Новгородскихъ богачей къ Государству во многомъ объясняется тѣмъ, что они на свое положеніе смотрятъ подобнымъ же образомъ, какъ смотритъ на свое Казацкая голудьба. Новгородскіе богачи по преимуществу купцы, по этому по большой части владѣльцы движимой собственности, съ которою богачь: по видимому, какъ вольный Казакъ, можетъ уйти, куда захочетъ. Ошибка подобнаго взгляда богачей на свое положеніе оказалась, когда Государство добралось до Новгорода; тогда вышло, что богачи болѣе, чѣмъ бѣдный человѣкъ, прикрѣплены къ землѣ въ томъ обществѣ, гдѣ земля имѣетъ значеніе.

Въ половинѣ XV вѣка Новгородскій Князь былъ Московскимъ Государемъ, и былъ на столько силенъ самъ по себѣ, что

не могъ допускать, какъ дѣятельности ушкуйниковъ въ отношеніи къ его подданнымъ, такъ и того, чтобы нарушали его права, обижали его представителей, и что если Новгородцы обратятся къ нему за судомъ, то чтобы его рѣшенія теряли всякое значеніе, однимъ словомъ, такой Князь, которому трудно было указать путь изъ Новгорода. Когда Государство прижало Казаковъ къ морю, то имъ приходилось или перемѣнить свои общественные порядки, и при этомъ стать дѣйствительно независимыми отъ Государства, или подчиниться Государству; если Казаки не хотѣли ни того ни другаго, то имъ оставалось или бѣжать къ Невѣрнымъ, или, если можно, тряхнуть Москвою. Казаки выбрали самое послѣднее; Новгородцы, когда Государству, въ началѣ его образованія, пришлось столкнуться съ ними, рѣшались предупредить дѣло точно такъ же, какъ и Казаки. Въ это время, какъ послѣ выразились фигурно Вѣчники, налетѣлъ на Новгородъ многокрылатый орелъ, исполнившій крылья львовыхъ когтей; Московскій Государь породнился съ Византіею, рѣшился принять ея гербъ и, изъ новыхъ рукъ, на кого выпускали этого двухглавого орла, тому трудно было спастись, первый же, кто попалъ подъ его когти, былъ Новгородъ, а жителямъ этого города некуда было отъ него уйти, нельзя было съ мѣста двинуться, земля же подъ ними не разступалась, а въ верхъ не взлетѣть, оставалось одно — пасть со славою, попытаться тряхнуть Москвою.

Для борьбы съ Государствомъ степные Казаки выставили Стеньку Разина, Булавина, Пугачева, но у Новгородцевъ, торговыхъ Казаковъ, не явился предводителемъ ни Атаманъ ушкуйниковъ, ни Посадникъ, ни служебный Князь, проникнутый понятіями удалыхъ Князей XII вѣка; говорятъ, заводчикомъ смуты была женщина, Марѳа Борецкая. Если это правда, [38] что женщина

---

38 Значеніе Марѳы Борецкой въ судьбѣ Новгорода не можетъ быть велико. Политическая ея дѣятельность извѣстна главное по Московскимъ источникамъ, между тѣмъ Псковская Лѣтопись не говоритъ ни чего о значеніи Борецкихъ, а Новгородская упоминаетъ только, что Борецкій казненъ вмѣстѣ съ другими. Самый же важный источникъ для исторіи начала враждебныхъ отношеній Новгорода къ Москвѣ, это посланія Митрополита къ Новгородцамъ; во второмъ изъ нихъ, въ Мартѣ 1471 г., Митрополитъ придаетъ значеніе Борецкимъ, какъ важнымъ членамъ партіи, но все таки не главнымъ. Для Москвичей же вообще было

взялась бороться съ Государствомъ, стала на мѣстѣ Пугачевыхъ, Булавиныхъ и Разиныхъ, то противниковъ ея былъ не Польскій Король, какъ случилось у Хмельницкаго, а Московскій Государь, Иванъ III, этотъ достойный предшественникъ Алексѣя, Петра и Екатерины.

II.

Въ договорѣ Василія Васильевича съ Казимиромъ объ Новгородѣ и Псковѣ было постановлено, что Казимиру въ Новгородъ Великій и Псковъ не вступаться и не обидѣть; захотятъ они отдаться Королю, то ему ихъ не принимать; въ чемъ они Королю сгрубятъ, то онъ, обославшись съ Великимъ Княземъ, можетъ съ ними вѣдаться, а послѣднему тогда за нихъ не вступаться; Королю съ Новогородцами держать опричный миръ, и со Псковичами опричный миръ; если Псковичи и Новгородцы будутъ воевать между собою, то въ ихъ ссоры Королю не вступаться; если же въ чемъ Новгородцы и Псковичи сгрубятъ Великому Князю, и захочетъ онъ ихъ казнить, то Королю въ это дѣло не вступаться. [39] Здѣсь не поставлено, что въ послѣднемъ случаѣ Московскій Князь долженъ ли хотя обослаться объ этомъ съ Королемъ, и когда послѣ этого Василій Васильевичъ сказнилъ Новгородцевъ, то въ мирномъ договорѣ съ ними ни чего особеннаго не упоминалось о Казимирѣ, а Новгородцы обязались держать честно и грозно великое Княженіе. [40] Но какъ смотрѣли Новгородцы послѣ этого на своего Великаго Князя, служитъ указаніемъ слѣдующій разсказъ лѣтописи, что когда онъ пріѣхалъ, въ 1460 году, въ Новгородъ съ двумя младшими своими сыновьями, Юріемъ и Андреемъ, то Новгородцы собрались на Вѣчѣ у Св. Софіи и совѣщались объ убійствѣ Великаго Князя вмѣстѣ съ дѣтьми, но Владыка Новгородскій, Іона, всталъ предъ заговорщиками и говорилъ: «Безумные люди! Если вы убьете Великаго Князя, то что этѣмъ пріобрѣтете? Этѣмъ только большую бѣду наведете на Новгородъ, по тому что старшій сынъ Великаго Князя, Иванъ, услышавши ваше злотворенье, тотчасъ же, испросивши рать у Царя, пойдетъ

странно видѣть, что въ Новгородѣ не только въ семействѣ, но и въ обществѣ можетъ играть важную роль женщина.

[39] Акт. З. Р. т. I, № 50.

[40] Акт. Арх. Эк. т. I, №№ 57 и 58.

на васъ и вывоюетъ всю вашу землю.» Въ 1462 году сѣлъ на Московскій престолъ Иванъ III, Новгородъ же «не исполнялъ стѣснительнаго договора съ Василіемъ Темнымъ, какъ и прежде это дѣлалось, что договоры эти оставались только на бумагѣ;» такъ говоритъ прославитель Новгородской слободы, [41] но Иванъ III былъ на столько силенъ, что могъ потребовать исполненія договора.

Между тѣмъ въ Новгородѣ было все по старому и ничтожный случай могъ повести къ волненіямъ, нѣсколько своевольниковъ могли нарушить договоръ. Страхъ предъ Московскимъ могуществомъ заставлялъ Новгородцевъ опасаться за свою самостоятельность, и они въ каждомъ поступкѣ могли видѣть покушеніе на ихъ вольности. Но дѣло началось вскорѣ тѣмъ, что слабѣйшіе Вѣчники стали выдавать сильнѣйшихъ. Псковитяне отправили грамоту къ Великому Князю (въ 1463 году) съ челобитьемъ за помощь противъ Нѣмцевъ; при этомъ въ одной грамотѣ было написано: «хотѣли слать къ тебѣ, своему Государю, бить челомъ людей честныхъ, Посадниковъ Псковскихъ и Бояръ, да за тѣмъ не послали, что не пропуститъ ихъ Великій Новгородъ.» Великій Князь выказалъ удивленіе: «Какъ это вы того опаслись отъ моей отчины, Великаго Новгорода? какъ имъ не пропустить ко мнѣ пословъ, будучи у меня въ крестномъ цѣлованіи?» Но, кромѣ этой жалобы, Псковитяне въ это же время просили у Великаго Князя, чтобы онъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ бы Митрополиту поставить Владыку въ Псковъ и при томъ изъ Псковитянъ. Противъ этой просьбы былъ отвѣтъ: «Это дѣло великое, и мы объ немъ хотимъ съ своимъ отцомъ, Митрополитомъ, хорошенько подумать; онъ пошлетъ за нашими богомольцами, а за своими дѣтьми, Архіепископами и Епископами, и если можно то сдѣлать, то мы вамъ отвѣтимъ, когда будутъ у насъ ваши послы.» Спустя нѣкоторое время, послѣ вторичной просьбы Псковитянъ и послѣ думы съ Митрополитомъ, Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ Псковитянамъ относительно Епископа, что его поставить въ Псковъ нельзя, по тому что тамъ его исконь не бывало. Такія просьбы и жалобы Псковитянъ были въ слѣдствіе того, что они находились въ ссорѣ съ Новго-

[41] Сѣверно-Русскія народоправства т. I, стр. 159.

родцами. Иванъ Васильевичъ такъ отказалъ имъ о Владыкѣ, а о непропускѣ къ нему Новгородцамиословъ, говорилъ: «Что моя отчина, Великій Новгородъ, вашъ братъ старѣйшій, не пропустилъ ко мнѣ вашихъословъ, ино мнѣ было вельми досадно; но нынѣ ко мнѣ моя отчина, Великій Новгородъ, прислалъ своихъословъ, и жаловались мнѣ на васъ, мою отчину, о многихъ дѣлахъ, да просили у меня на васъ Воеводъ и хотѣли итти на васъ; я же Князь Великій, желая мира между вами и тишины, Воеводы имъ своего не далъ и ходить на васъ не велѣлъ; а что они не пропустили ко мнѣ вашего посла, то я на нихъ вельми помолвилъ, а они о томъ мнѣ били челомъ, и теперь вамъ путь чистъ по старому, чрезъ нашу отчину, Великій Новгородъ.» Псковитяне помирились съ Новгородцами, но въ 1468 и 69 годахъ опять подняли дѣло объ устройствѣ у себя болѣе самостоятельнаго церковнаго правленія. Теперь Новгородскій Архіепископъ, при помощи Великаго Князя и Митрополита, замялъ дѣло. [42]

Но въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ стоялъ за старину въ Псковѣ, объ ней же онъ напоминалъ и въ Новгородѣ. Туда явилась грамота къ Архіепископу слѣдующаго содержанія: «Братъ нашъ, Казимиръ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій, прежде присылалъ къ намъословъ, чтобы мы приняли его Митрополита, Григорія; а тебѣ извѣстно, откуда Григорій пришелъ и отъ кого поставленъ. А такъ какъ Святыми Отцами утверждено, чтобы намъ съ Латинами не соединяться, то по этому отецъ нашъ, еще когда Григорій появился, писалъ къ Королю, чтобы онъ не принималъ его, по тому что никогда на Руси отъ Рима не бывало Митрополитовъ, да и самое избраніе ихъ есть право Московсковскихъ Великихъ Князей; но Казимиръ Григорія принялъ и подчинилъ ему у себя Русскія церьви.» Въ слѣдствіе этого Великій Князь напоминалъ Архіепископу, чтобы онъ держался обѣщаній, данныхъ имъ при своемъ поставленіи, и удерживалъ бы своихъ духовныхъ дѣтей. [43] Причина такого посланія была та, что между Новгородцами явились люди, задумавшіе «ко тьмѣ невѣдѣнія приложиться и съ Латинами соединяться.»

---

[42] П. С. Р. Л. т. 4, стр. 226 — 234.

[43] Ак. Арх. Эм. т. I, № 80.

Посланіе Митрополита къ Новгородцамъ въ 1471 году, а за нимъ лѣтопись разсказываютъ вины Новгородцевъ предъ Великимъ Княземъ слѣдующимъ образомъ: «Новгородцы возгордились, хвалились множествомъ своего народа и стали оказывать Великому Князю въ законныхъ дѣлахъ ослушаніе; они, забывши старины, дѣлъ Великокняжескихъ въ отношеніи земли, не стали исполнять, а пошлинъ не отдавать, земли и воды, отъ которыхъ они отказались въ пользу Великаго Князя, за себя взяли, а людей къ цѣлованію привели на Новгородское имя; изъ Новгородскихъ волостей отчинѣ Великаго Князя и его братьи молодшей и ихъ людямъ позволяли дѣлать всякія насилія, потомъ съ общаго Новгородскаго вѣча присылали на Городище многихъ людей, которые Намѣстниковъ Великаго Князя и его посла безчествовали; кромѣ того схватили на Городищѣ двухъ Князей и многихъ людей свели въ городъ и мучили за то, что были представителями имени Великокняжескаго, и тѣмъ всѣмъ, говоритъ лѣтопись, Новгородцы грубили Великому Князю, держа у себя мысль отступить отъ Великаго Князя и задаться за Короля Латинскаго.» Какъ видно, этѣ вины были совершены въ теченіе не одного года. Далѣе, въ тѣхъ же источникахъ для исторіи этѣхъ событій, разсказывается, что благочестивый Государь нѣсколько разъ посылалъ своихъ пословъ въ Новгородъ, чтобы отчина его исправились во всемъ, ни какого лиха не чинили, а жили бы по старинѣ, и Великій Князь отъ ихъ поступковъ терпѣлъ многія досады къ нему и непокорства, ожидая отъ нихъ къ себѣ чистаго исправленія и праваго челобитія. Подобныя неисправленія со стороны Новгородцевъ, при ихъ внутреннемъ устройствѣ, были въ сущности вещію обыкновенною, но, какъ видно, теперь въ Москвѣ не хотѣли ихъ считать такими. Новгородцы понимали это послѣднее, но помочь горю не могли, и вотъ пріѣхалъ изъ Новгорода посломъ къ Великому Князю Посадникъ, Василій Ананьинъ, и правилъ посольство о дѣлахъ земскихъ Новгородскихъ, не упоминая о томъ, что считали въ Москвѣ Новгородскими винами, и на вопросъ объ нихъ, отвѣчалъ Боярамъ: «О томъ Великій Новгородъ не мнѣ приказалъ, то мнѣ не наказано.» И Государю, Великому Князю, то вельми грубно стало, что они посылаютъ о своихъ дѣлахъ земскихъ, а объ своихъ винахъ не говорятъ; онъ положилъ на нихъ свой гнѣвъ и хотѣлъ на коня сѣсти, а съ Василіемъ

Ананьинымъ приказалъ Новгородцамъ сказать: «Исправьтесь ко мнѣ, моя отчина, сознайтеся, а въ земли и воды мои, Великаго Князя, не вступайтеся, имя мое, Великаго Князя, держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ, Великому Князю, посылайте бить челомъ по докончанью, я же Васъ, свою отчину, хочу жаловать и въ старинѣ держу.» Съ этѣмъ Ананьинъ былъ отпущенъ Великимъ Княземъ, который возвѣщалъ своей отчинѣ, что ему уже не въ истерпъ, что онъ болѣе терпѣть не хочетъ отъ нихъ ихъ досады и непокорства. "

Но въ Новгородѣ пошли въ своихъ дѣлахъ дальше; былъ отправленъ посолъ къ Королю Казимиру, чтобы онъ далъ Князя въ Новгородъ. Казимиръ далъ имъ Православнаго Князя, Михайла Олельковича. Этотъ Князь былъ принятъ въ Новгородѣ честно, но Новгородцы Намѣстниковъ Великаго Князя не сослали съ Городища. Михайло Олельковичъ пріѣхалъ въ Новгородъ 8-го Ноября, 1470 года, и засталъ здѣсь всѣхъ въ волненіи. Кромѣ раздѣленія партій на Вѣчѣ, въ слѣдствіе отношенія къ Москвѣ, поводъ къ волненіямъ подавало то, что за два дни до пріѣзда Михайла Олельковича скончался Новгородскій Архіепископъ, Іона. По обычаю произведенъ былъ выборъ изъ трехъ кандидатовъ по жребію, и вынялся жребій Священноинока Ѳеофила. Также по старому обычаю отправили посла въ Москву объ опасѣ для нареченнаго Архіепископа, чтобы ѣхать ему къ Митрополиту на поставленіе. Опасныя грамоты были даны по старинѣ отъ Великаго Князя и Митрополита. Но въ это время партія, недовольная Московскимъ Великимъ Княземъ, задумала другое дѣло. Въ числѣ этой партіи были сыновья Посадника Борецкаго, руководимые своею матерью, Марѳою. Лѣтопись, которая говорила такъ согласно съ посланіемъ Митрополита, прибавляетъ, что Марѳа Борецкая, находясь въ единомыслію съ Михайломъ Олельковичемъ, присутствіе котораго въ Новгородѣ была грубость предъ Великимъ Княземъ, думала выйти за мужъ за Литовскаго Пана и, вмѣстѣ съ нимъ, отъ имени Короля, управлять Новгородомъ. Въ единомыслію съ Марѳою былъ чернецъ Пименъ, бывшій Ключникомъ Архіепископа Іоны и потомъ въ числѣ трехъ кандидатовъ на Архіепископію послѣ его

" Ак. Ист. т. I, № 280; П. С. Р. Л. т. 6, стр. 1 — 4.

смерти. Пименъ желалъ быть Новгородскимъ Архіепископомъ, но его жребій при выборѣ не вынялся, и онъ говорилъ послѣ этого: «Хотя меня на Кіевъ пошлите, и туда я на свое поставленіе ѣду.» Дѣлая такое предложеніе, Пименъ изъ Архіепископской казны много повынималъ золота и передавалъ его Маѳѣ Борецкой, для подкупа людей, чтобы тѣ помогали имъ. Преподобный же Священноинокъ Ѳеофилъ останавливалъ Новгородскихъ людей отъ такихъ мыслей и говорилъ, что хочетъ ѣхать на поставленіе въ Москву. Но Пимену такъ дѣйствовать не удалось долго, и Псковская лѣтопись намъ разсказываетъ, что Пимена Новгородцы схватили, сильно избесчествовали, казну его разграбили и взыскали 1000 рублей.

Таково было состояніе дѣлъ въ Новгородѣ, и Московская лѣтопись разсказываетъ, что тамъ постоянно были шумныя вѣча, а когда явился туда посолъ, ѣздившій въ Москву, за опасною грамотою для нареченнаго Архіепископа, и объявилъ, что Великій Князь жалуетъ свою отчину и даетъ опасныя грамоты, то этому нареченный Владыка и многіе обрадовались, другіе же, приходя на Вѣче, кричали: «Не хотимъ зваться отчиною Великаго Князя, мы люди вольные, а Московской Великой Князь намъ обиды многіе чинитъ, хотимъ за Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, Казимира.» Противники подобныхъ рѣчей говорили: «Нельзя тому быть, чтобы за Короля отдаться и Архіепископа поставить въ Кіевѣ.» Въ этѣхъ спорахъ успѣху враговъ Великаго Князя помогло то, что когда въ Новгородѣ поднимались волненія, и Новгородцы не удовлетворяли требованій, шедшихъ изъ Москвы, то Великій Князь,ославъ въ Псковъ сказать: «Если мнѣ не добьютъ челомъ Новгородцы о моихъ старинахъ, тогда бы вы, моя отчина, Псковъ, послужили мнѣ, Великому Князю, на Великій Новгородъ за мои старины.» Это посольство пришло въ Псковъ, когда въ Новгородъ пріѣхалъ Михайло Олельковичъ. Псковитяне, выслушавъ слова Великаго Князя, послали сказать въ Новгородъ: «Насъ Великій Князь поднимаетъ на васъ, а отъ васъ хочетъ себѣ челобитья, мы же за васъ, за свою братью, если вамъ нужно, готовы къ нему своего посла отправить и Великому Князю челомъ бить по миродокончальнымъ грамотамъ; а вы бы нашимъ посламъ дали путь чистъ къ Великому Князю по своей вотчинѣ.»

Въ слѣдствіе такого посольства на Новгородскомъ Вѣчѣ враги Великаго Князя взяли нѣкоторый верхъ; они кричали о томъ, что «Великій Князь даетъ опасныя грамоты для нашего нареченнаго Владыки, и въ то же время поднимаетъ на насъ Псковъ.» Псковитяне на свое предложеніе услышали слова: «Вашего посла къ Великому Князю поднимать не хотимъ, также не хотимъ и сами бить ему челомъ, а вы бы за насъ противъ Великаго Князя на конь сѣли, по своему съ нами миродокончанью.» Новгородскій посолъ получилъ въ Псковѣ отвѣтъ: «Какъ вамъ Князь Великій пришлетъ размѣнную грамоту, то намъ объявите, и мы подумавъ о томъ, отвѣтъ дадимъ.»

На Псковъ Новгородцамъ было трудно надѣяться, и они, все идя впередъ въ своихъ дѣлахъ, наконецъ почти совсѣмъ отступили отъ Московскаго Великаго Князя къ Королю Казимиру. Казимиръ заключилъ съ вольными мужами, съ Великимъ Новгородомъ, договоръ, по которому обязывался держать Новгородъ по крестной грамотѣ: на Городищѣ держать Намѣстника Греческой вѣры; если пойдетъ на Великій Новгородъ Московскій Великій Князь, или его сынъ, или его братъ, или подниметъ онъ на Новгородъ какую землю, то Королю сѣсть на конь со всею Радою Литовскою и защищать; если Великій Князь пойдетъ на Великій Новгородъ во время отсутствія Короля изъ Литвы, то защищать его Радѣ Литовской; вѣры Греческой Король у Новгородцевъ не долженъ отнимать, церквей Римскихъ въ Новгородѣ и Новгородскихъ областяхъ не ставить; Новгородцы гдѣ захотятъ, тамъ и поставятъ своего Владыку; если умиритъ Король Великій Новгородъ съ Великимъ Княземъ, то взять ему за то черный боръ по волостямъ Новгородскимъ; держать Королю Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, по старинѣ и по крестной грамотѣ, и Король цѣлуетъ на ней крестъ за себя и за свою раду Литовскую. [45] Этотъ договоръ носилъ на себѣ, во первыхъ, печать всей неопредѣленности, какая была въ отношеніяхъ Новгорода къ Москвѣ; Новгородцы какъ бы увѣрены, что Московскій Великій Князь, за это отступленіе отъ него, непремѣнно будетъ воевать съ ними, и нанимаютъ на свою защиту Короля, отъ котораго, впрочемъ, также могутъ отступить, когда

[45] Ак. Арх. Эк. т. I, № 87.

онъ ихъ замиритъ съ Великимъ Княземъ; поддерживая Православіе, они оставляютъ лазейку, пожалуй, и въ пользу Литвы, по тому что могутъ поставить Владыку, гдѣ захотятъ. Говорятъ, что самое критическое время въ отношеніяхъ Московскаго Государства къ Польско-Литовскому было тогда, когда Новгородъ отдавался Казимиру, и помоги ему Казимиръ, то исторія Восточной Европы была бы совершенно другая; но Казимиръ промахнулся... Такъ говоритъ объ этомъ времени Г. Костомаровъ. [46] Но Поляки говорятъ еще, что если бы Ягайло ударилъ въ тылъ Донскому, когда тотъ сражался съ Мамаемъ, то тоже исторія Восточной Европы была бы другая. Но такъ какъ этѣхъ если бы въ исторіи каждаго народа бываетъ много, не только каждый годъ, но и каждый часъ, то объ этомъ не будемъ говорить, а скажемъ о другомъ. Какъ Казимиръ промахнулся, объ этомъ будетъ ниже, но главное то: отдавался ли Новгородъ Казимиру? Какъ сейчасъ изъ договора видѣли, Новгородъ оставлялъ за собою всѣ старины; но старинѣ онъ перемѣнялъ у себя Князя, и нанималъ его на свою защиту; послѣ онъ могъ точно также перемѣнить и Казимира на Ивана III. Чтобы подчинить себѣ Новгородъ, Казимиру нужно было еще съ большими трудами точно также завоевать его, какъ завоевалъ Иванъ III; большіе труды онъ долженъ бы былъ приложить по тому, что, кромѣ уничтоженія самостоятельности, нужно было уничтожить въ корнѣ Православіе, которое и при заключеніи послѣдняго договора, для всей массы народа было совершенно ограждено и выставлено на первый планъ. Нельзя смотрѣть на одинъ случай въ исторіи народа, какъ на главный въ его судьбѣ: если единовѣрный Московскій Государь долженъ былъ завоевать Новгородъ, то Католическому Польско-Литовскому Государю это нужно было сдѣлать тѣмъ болѣе: а завоевывала ли что ни будь прочно оружіемъ Польша со времени своего соединенія съ Литвою? До самыхъ раздѣловъ она только теряла и ничего прочно не пріобрѣтала. Господинъ Костомаровъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что Московское Государство наступало на Литву въ силу самосохраненія; дѣйствительно, въ слѣдствіе оборонительныхъ завоеваній, начатыхъ изъ города Москвы, Восточная Европа превратилась въ Россійскую Имперію; въ описываемое же время,

---

[46] Вѣст. Евр. 1866 г., т. I, стр. 80.

въ силу этого же самосохраненія, Иванъ III былъ долженъ предупредить все, что можетъ произойти только изъ того, что хотя на время Литовскій Князь усядется въ Новгородѣ. Начинать борьбу съ Новгородомъ Ивану Васильевичу теперь было можно, по тому что онъ хорошо зналъ, что въ городѣ существуетъ полнѣйшій разладъ, вражда партій и чрезвычайно многіе стоятъ за союзъ съ Москвою; этотъ же разладъ увеличивается все болѣе и болѣе въ слѣдствіе посольствъ изъ Москвы.

Иванъ Васильевичъ прислалъ съ такимъ увѣщаніемъ къ Новгородцамъ: «Отчина моя, люди Новгородскіе! Изначала вы не отступали отъ нашего рода, а мы васъ жалуемъ и боронимъ; за Королемъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ вы никогда не бывали, я же надъ вами ни какой силы не чиню, болѣе того, что было при отцѣ и предкахъ; вы же отъ Православія не отступали бы и къ Латинству не прилѣплялись.» Въ началѣ 1471 года явилось уже посланіе отъ Митрополита: онъ, изложивъ всѣ обстоятельства неудовольствій Новгородцевъ на Великаго Князя, и оправдывая послѣдняго, что онъ требовалъ только исправленія Новгородцевъ по старинѣ и ихъ челобитья, и что послѣ посольства Ананьина онъ гнѣвъ на Новгородцевъ положилъ, но когда явился, за опасомъ для нареченнаго Архіепископа, Новогородской Бояринъ, то онъ, по челобитью его, Митрополита, и своей матери, гнѣвъ свой отложилъ и грамоту опасную далъ; Великій Князь — Православный Государь, говоритъ Митрополитъ, а ваши предки всегда были неотступны отъ его предковъ, теперь же вы хотите заложиться за Латинскаго Государя, такъ вспомните: царствующій градъ Константинополь попалъ въ руки Невѣрныхъ, когда Царь и Патріархъ соединились съ Латинянами; такъ и вы поберегите свои души и отъ Православнаго Государя не отступайте, въ церквахъ Божіихъ у васъ неподобной новины не бывало бы: на эктеніяхъ имя Государя иной вѣры, не Православной, не поминалось бы.» [47]

Читая подобныя посланія и слушая посольства Великаго Князя, приверженцы Москвы прямо указывали, что, ссорясь съ Великимъ Княземъ, Новгородцы навлекутъ на себя войну, которой

[47] Ак. Ист. т. I, № 280.

не было, а соединеніе съ Литвою есть связь съ Латинствомъ. По этому волненія продолжались и Вѣча не прекращались въ Новгородѣ; Литовская партія нанимала мужиковъ Вѣчниковъ и не хотѣла слушать ни посла Митрополита, ни посла Великаго Князя, толкуя то, что Новгородъ самъ себѣ Государь; такъ говоритъ Московская лѣтопись. [48] Такъ дѣло шло до Марта мѣсяца, когда Князь Михайло Олельковичъ поѣхалъ изъ Новгорода къ себѣ въ Кіевъ. Псковскій лѣтописецъ разсказываетъ о томъ, что пребываніе Михайла Олельковича въ Новгородѣ обошлось очень дорого Новгородцамъ, какъ относительно кормовъ, такъ и даровъ, и что онъ когда ѣхалъ изъ Новгорода, то въ Русѣ пограбилъ оброки, да отъ Русы до Литовскаго рубежа воевалъ области, захватывая не только имущество, но и жителей въ плѣнъ, и все это привелъ съ собою въ Литву. Къ этому разсказу тотъ же лѣтописецъ прибавляетъ о Новгородцахъ: «Все это они дѣлаютъ, не исполняя старинъ въ отношеніи къ своимъ Государямъ, Великимъ Князьямъ, а помощи себѣ требуютъ отъ Литовскихъ Князей и отъ самаго Короля, и тѣмъ подвергаютъ себя такимъ убыткамъ, а отъ Великаго Князя немилосердіе и великую нелюбовь сами наводятъ на себя и на свои волости кровопролитіе.»

Въ концѣ Марта изъ Москвы было отправлено еще посланіе Митрополита въ Новгородъ. Въ посланіи говорилось, что, послѣ дачи опасныхъ грамотъ и его Митрополичьяго перваго посланія, «Новгородцы великое земское дѣло отложили и по опаснымъ грамотамъ не пріѣхали; теперь мы слышимъ, что у васъ въ молодыхъ людяхъ, которые не навыкли доброй старинѣ, какъ стоять и побирать по Благочестіи, а иные изъ нихъ, не имѣя добраго наученья своихъ отцовъ, благочестивыхъ родителей, по тому что по смерти ихъ остались ненаученными, собираются въ сонмы и стремятся на многія дѣла и великое землѣ неустроеніе: не тишину, а великій мятежъ, думая ввести и расколъ въ Церкви, оставивши Православіе и старину, приступить къ Латинянамъ. Ты, нареченный Владыка, ни чего ко мнѣ объ этомъ не пишешь, а вы, старые Посадники и

[48] Г. Костомаровъ говоритъ, по этому поводу что послы Великокняжескіе возвратились со срамомъ. Изъ словъ, въ добавокъ, Московской лѣтописи этого ничего не видно; но если дѣлать предположенія, то можно думать и то, что сторонники Москвы, при отъѣздѣ пословъ, поднесли имъ подарки и т. п.

Тысяцкіе, Бояре и купцы, и весь Новгородъ, Православіе поберегите и старшіе молодыхъ научите, а лихихъ остановите.» [49] Но ни это вторичное посланіе Митрополита, ни посылка о томъ же Великаго Князя не вели ни къ чему, и въ Новгородѣ стояла смута. Партіи, какъ видно, боролись, но окончательнаго верха никто не бралъ изъ нихъ. Московская лѣтопись говоритъ, что нареченный Архіепископъ хотѣхъ сдерживать волненія, но ничего не могъ сдѣлать, и по этому даже хотѣлъ уйти обратно въ монастырь, но его не пустили.

Новгородцы шумѣли на Вѣчѣ, но ничего не предпринимали, Иванъ же Васильевичъ рѣшился начать дѣло. Онъ послалъ въ Новгородъ складную грамоту, прописавши въ ней неправды и измѣны Новгородцевъ къ нему и объявляя, что самъ идетъ на нихъ ратями. Предъ посылкой разметной грамоты, Иванъ Васильевичъ совѣтовался съ братьями, Боярами и другими лицами, ити ли на Новгородъ ратью лѣтомъ, или отложить походъ до зимы. Рѣшено было выступить лѣтомъ. Вопросъ о времени похода былъ весьма важенъ, по тому что Новгородъ лѣтомъ считалъ себя безопаснымъ отъ нашествія враговъ, такъ какъ былъ закрытъ почти со всѣхъ сторонъ рѣками, озерами и болотами, непроходимыми лѣтомъ. Прежніе Великіе Князья когда ходили на Новгородъ лѣтомъ, то теряли много людей; однако же рѣшено было ити лѣтомъ. Къ этому принуждали два обстоятетьства: во первыхъ, въ Москвѣ на вѣрное знали, что у Казимира было дѣло на Западѣ, а именно, избраніе его сына на Чешскій престолъ. Второе, что заставляло ити на Новгородъ лѣтомъ, это отношенія Ивана Васильевича къ степнякамъ. Видно, что Иванъ Васильевичъ въ этотъ годъ находился въ мирныхъ отношеніяхъ къ Золотой Ордѣ; однако, въ лѣтописи записано, что Казимиръ, еще въ концѣ 1470 года, послалъ къ Царю Ахмату своего Татарина, Кирея Криваго, со многими рѣчьми и обговорами на Великаго Князя. Кирей предлагалъ дары Царю и его Князьямъ и челомъ билъ отъ Короля, чтобы вольный Царь пожаловалъ пошелъ на Московскаго Великаго Князя со всею своею ордою, а Король пойдетъ со всею своею землею. Татарскій

[49] Ак. Ист. т. I, № 281.

Князь, Темиръ, и другіе Князья стояли за Королевское дѣло, но Царь продержалъ Кирея до осени 1471 года и отпустилъ его къ Королю ни съ чѣмъ, Лѣтописецъ говоритъ по этому случаю, что не сбылась мысль окаянныхъ, а Царь сдѣлалъ это ради своихъ зацѣпокъ. Но можно предположить, что и Ивану Васильевичу этѣ зацѣпки чего ни будь да стоили.

Ославши въ Новгородъ разметныя грамоты, Иванъ Васильевичъ, вмѣстѣ съ братьями, приготавливался къ походу и въ то же время послалъ въ Тверь къ Великому Князю, Михайлу Борисовичу, прося помощи на Новгородъ, а въ Псковъ отправилъ своего Дьяка сказать, чтобы Псковитяне садились на конь, шли бы на своего брата, Великій Новгородъ, и послали бы туда разметныя грамоты. Дьякъ требовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они скорѣе садились на конь и шли бы съ нимъ въ землю Великаго Новгорода воевать. Псковитяне обѣщались, что пойдутъ, какъ только услышатъ, что рать Великаго Князя въ Новгородскихъ земляхъ. Въ то самое время, когда въ Псковѣ былъ Московскій посолъ, Новгородцы прислали къ Псковитянамъ своего незначительнаго Боярина, Подвойскаго, и не съ поклономъ, не съ челобитьемъ, но гордо говоря: «Врекаетесь ли пособить намъ противъ Великаго Князя?» Псковитяне подумали и, положивъ упованіе на Бога по здоровью Великаго Князя, послали въ Новгородъ разметную грамоту. Этѣ событія были въ концѣ Мая и началѣ Іюня, 1471 года. [50]

Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ дѣлалъ распоряженія къ походу: 31 Мая, отправилъ войска въ Двинскую землю и на Вятку, [51] 6-го Іюня были отправлены Воеводы, Князь Данило Холмскій и Ѳедоръ Давидовичъ, съ войсками Великаго Князя и Дѣтьми Боярскими Князей Юрія и Бориса Васильевичей; Воеводамъ приказано было ити къ Русѣ; 13-го Іюня былъ посланъ Князь Василій Оболенскій-Стрига съ войсками Великаго Князя и многими Татарами Царевича Дарьяна; имъ было приказано ити къ Вышнему Волочку, а потомъ по Мстѣ. Князь Андрей Васильевичъ Большой

---

[50] П. С. Р. Л. т. 5, стр. 35 и 36; т. 4, стр. 239 и 240.

[51] Съ этого мѣста въ лѣтописи записанъ разрядъ похода. Здѣсь же я не повторяю широкаго описанія лѣтописца о томъ, какъ Иванъ Васильевичъ ходилъ по соборамъ и молился.

и сынъ Великаго Князя, Иванъ, остались охранять Москву; другимъ своимъ братьямъ и Князю Михайлу Андреевичу Верейскому Великій Князь приказалъ ити съ своихъ вотчинъ разными дорогами къ Новгороду. 20 Іюня выступилъ самъ Иванъ Васильевичъ съ главною ратью. Всѣмъ войскамъ дозволено было въ Новгородскихъ земляхъ воевать, жечь, сѣчь и въ плѣнъ вести; ограничены въ подобныхъ дѣйствіяхъ только Татары. Войска какъ только вступили въ Новгородскія владѣнія, то и начали приводить въ исполненіе данное имъ дозволеніе. Кромѣ войска, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ поражать еще другимъ оружіемъ: онъ взялъ у своей матери Дьяка, Степана Бородатаго, который хорошо зналъ лѣтописи, и по этому, когда придутъ къ Великому Князю Новгородцы, долженъ былъ имъ говорить по лѣтописямъ, какъ они измѣняли предкамъ Великаго Князя. [52]

Въ Торжкѣ пристали къ Великому Князю войска Тверскія, для помощи противъ Новгорода; здѣсь же встрѣтили Великаго Князя, ѣхавшіе къ нему, Псковскіе послы съ извѣстіемъ, что Псковитяне сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе и всѣ готовы къ войнѣ; Великій Князь отпустилъ пословъ съ приказомъ, чтобы Псковитяне шли немедленно воевать. Но еще прежде чѣмъ Псковскіе послы пріѣхали изъ Торжка домой, въ Петровъ день (29 Іюня) въ Псковъ пріѣхалъ съ дружиною, во 100 человѣкъ, Боярин Зиновьевъ; онъ былъ отпущенъ Княземъ Холмскимъ изъ Русы. Зиновьевъ говорилъ, чтобы Псковитяне садились на конь, по тому что онъ отпущенъ къ нимъ Великимъ Княземъ въ Воеводы, а рати Великаго Князя уже Русу извоевали и пожгли, а Великому Князю въ самый Петровъ день быть въ Торжкѣ. Какъ доказательство начала войны, Зиновьевъ привелъ 300 лошадей Новгородскаго плѣну, и всѣхъ ихъ распродалъ Псковитянамъ. Псковитяне начали собираться, и 10 Іюля выступили изъ своего города; 12 Іюля къ нимъ пріѣхали и послы, ѣздившіе къ Великому Князю и отпущенные имъ изъ Торжка, а съ ними Бояринъ Кузьма Коробьинъ съ 150 человѣкъ. Коробьинъ говорилъ: «Великій Князь въ Петровъ день былъ въ Торжкѣ, а на вторую недѣлю быть ему въ Русѣ, и вы бы, по его наказу, выступали въ Ильинъ

[52] Ист. Р. т. 5, пр. 11.

день (20 Іюля), или не болѣе, какъ недѣлю спустя.» Но Псковитяне въ этотъ же самый день (12 Іюля) начали воевать Новгородскія волости.

До сихъ поръ мы имѣли источникомъ, для описанія ссоры Новгорода съ Великимъ Княземъ, Московскія офиціяльныя бумаги и лѣтописи Псковскую и Московскую. Въ Новогородскихъ же лѣтописяхъ ничего не говорится объ этѣхъ предшествующихъ войнѣ событіяхъ. Если не утрачены вполнѣ въ Новогородскихъ лѣтописяхъ извѣстія ихъ объ этой войнѣ, то описаніе собственно событій войны, помѣщенное въ лѣтописи, носящей названіе Новогородской четвертой, [53] начинается именно такъ, какъ могъ описывать ихъ Новогородецъ. Въ этой лѣтописи вся причина войны выставляется только гнѣвъ Великаго Князя, а по чему этотъ гнѣвъ появился, Новогородцу было трудно объяснить самому себѣ, такъ какъ то, что вызвало гнѣвъ, это совершалось постоянно въ Новгородѣ и естественно выходило изъ всего устройства общественной его жизни. Но описаніе Новгородской лѣтописи подтверждаетъ то, что говорятъ Московскія лѣтописи о внутреннемъсостояніи Новгорода въ это время, т. е. что тамъ всѣ были въ ссорѣ и каждый дѣйствовалъ такъ, какъ думалъ. Такъ когда Новогородцамъ нужно было защищать самихъ себя отъ наступавшихъ на нихъ враговъ, то нареченный Новогородскій Архіепископъ приказалъ своему полку, чтобы онъ сражался только съ Псковитянами, а на войско Великаго Князя рукъ не поднималъ бы. Въ Московской лѣтописи говорится, что Новгородское войско было составлено изъ плотниковъ, гончаровъ и тому подобныхъ лицъ, которые отъ своего рожденья на лошади не бывали, но теперь были выгнаты на войну силою. Новгородская же лѣтопись подтверждаетъ это тѣмъ, что разсказываетъ, какъ во время битвы этѣ ремесленники стали кричать выгнавшимъ ихъ: «Я человѣкъ молодой, испотерялся конемъ и доспѣхами.» Таково было состояніе Новгорода въ то время, когда нужно было воевать; но лица, затѣявшія все это дѣло, надѣялись на Короля Казимира. Къ нему былъ отправленъ посолъ съ извѣстіемъ, что пришло время исполнить договоръ и Король садился бы на конь

---

[53] П. С Р. Л. т. 4, стр. 127—129.

для защиты Новгорода. Этотъ посолъ поѣхалъ въ объѣздъ чрезъ Ливонію, но долженъ былъ возратиться назадъ, по тому что Магистръ не далъ пути чрезъ свои земли въ Литву.

Между тѣмъ Московскія войска шли безпрепятственно по Новгородскимъ землямъ, опустошая все на пути. Лѣто было жаркое, болота просохли, и по этому не мѣшали движеніямъ Москвичей. Передніе войска, подъ начальствомъ Князя Холмскаго и Ѳедора Давидовича, дошли до Русы, сожгли городъ и опустошили окрестныя мѣста. Отсюда они пошли къ Коростыню. Здѣсь, на берегъ Ильменя, высадились Новгородцы и тихонько подошли къ станамъ Московскихъ войскъ, но сторожа предупредила во время, и войска успѣли вооружиться, бросились на Новгороцевъ, разбили ихъ и многихъ захватили въ плѣнъ. У плѣнныхъ обрѣзывали носы и губы и въ такомъ видѣ отпускали въ Новгородъ, доспѣхи съ плѣнныхъ снимали, но себѣ ихъ Москвичи не брали, такъ какъ не нуждались въ нихъ, а бросали въ воду, или жгли. Въ тотъ же день пришла другая Новгородская рать къ Русѣ, но Воеводы бросились на нее, побили и послали съ извѣстіемъ о побѣдѣ къ Великому Князю. Воеводы пошли отъ Русы къ Демону городку, но Великій Князь приказалъ имъ ити за рѣку Шелонь, соединяться съ Псковитянами, а подъ Демономъ велѣлъ стоять Князю Михайлу Андреевичу Верейскому съ сыномъ. Такъ какъ къ Шелони шли Псковитяне, то Новгородцы, услышавши это, выслали Воеводъ съ войсками. Въ числѣ Воеводъ былъ Дмитрій Борецкій, сынъ Марѳы. Войскъ Новгородскихъ насчитывали около 40,000; въ числѣ ихъ находился полкъ Архіепископа, а составлены они были такъ, какъ выше сказано. По этому можно судить, на чьей сторонѣ должна была быть побѣда, когда Новгородцы, вмѣсто Псковитянъ, встрѣтили войска Князя Холмскаго. Враговъ раздѣляла рѣка и они ѣхали по берегамъ другъ противъ друга. Московскія войска вдругъ бросились въ рѣку и переправились чрезъ нее. Новгородцы были разбиты и Воеводы ихъ попались въ плѣнъ. Это было 14 Іюля, а 18 въ Яжелбицы прискакалъ отъ Воеводъ гонецъ къ Великому Князю, объявляя, что Богъ Воеводамъ помогъ: они рать Новгородскую побили. [56] Послѣ этого пріѣхалъ къ Великому Князю

[56] Московскій лѣтописецъ, при описаніи Шелонской битвы, хотѣлъ, какъ видно,

изъ Пскова Посадникъ, извѣщая, что Псковитяне вошли въ Новгородскія земли и воюютъ ихъ. Въ это время Великій Князь придвигался съ своей ратью къ Русѣ, и 24 Іюля былъ тамъ. Съ дороги къ Русѣ онъ отпустилъ въ Новгородъ присланнаго къ нему отъ Архіепископа и всего Новгорода за опасомъ.

По мѣрѣ дальнѣйшаго вступленія Великокняжескихъ войскъ въ Новгородскія земли, для Новгородцевъ зло войны все болѣе и болѣе увеличивалось; разореніе земель простиралось даже до Наровы. Въ Новгородѣ же и послѣ Шелонскаго пораженія по прежнему спорили на Вѣчѣ, и одни хотѣли быть за Королемъ, другіе за Великимъ Княземъ. На случай осады, около города были выжжены посады, при чемъ многіе, находившіеся тамъ церкви и монастыри, обгорѣли; множество сторожей занимали стѣны и перемѣнялись день и ночь. Много было-пагубы Новогородцамъ, но наконецъ наступило горе особеннаго рода: вздорожалъ хлѣбъ и не было ржи на рынкѣ; былъ только пшеничный хлѣбъ, да и тотъ въ недостаткѣ. Теперь на лучшихъ людей встали меньшіе, упрекая ихъ въ томъ, что они привели Великаго Князя на Новгородъ. Дѣйствія Ивана Васильевича еще болѣе увеличивали эту вражду меньшихъ людей къ лучшимъ. Когда онъ пришелъ въ Русу, то, узнавъ о волненіяхъ, продолжавшихся въ Новгородѣ, велѣлъ казнить четырехъ Новогородскихъ Воеводъ, взятыхъ въ плѣнъ на Шелони; имъ была объявлена такая причина казни: «Вы хотѣли за Короля отдаться.» Доказательство ихъ передачи Королю было въ рукахъ Ивана Васильевича, по тому что Московскіе Воеводы, во время побѣды при Шелони, захватили договорную грамоту Новгородцевъ съ Казимиромъ и даже человѣка, который ее писалъ. Другихъ плѣненныхъ Новогородскихъ Воеводъ Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Москву и Коломну, гдѣ и велѣлъ посадить ихъ въ тамошнія темницы. Такъ Иванъ Васильевичъ поступалъ съ Воеводами, меньшихъ же людей онъ отпускалъ въ Новгородъ, гдѣ, такимъ образомъ, увеличивалось число голодныхъ и недовольныхъ войною. [55] Явилась въ Новгородѣ и явная измѣна:

сравнить ее съ Донской битвой, и употреблялъ, гдѣ можно, тѣ же выраженія, какія употребляются въ Лѣтописи при описаніи побѣды надъ Мамаемъ.

[55] Что же касается того, какъ говоритъ Г. Костомаровъ, что «Марѳа Борецкая,

перевѣтникъ Упадышъ былъ казненъ за то, что пушки заколачивалъ желѣзомъ.

Все это повело наконецъ къ тому, что когда, 27 Іюля, Иванъ Васильевичъ сталъ съ своимъ войскомъ на устьѣ Шелони, а Псковитяне приближались къ Новгороду съ другой стороны, то въ Шелонской станъ явился нареченный Архіепископъ, Ѳеофилъ, съ Посадниками, Тысяцкими и житьими людьми отъ всѣхъ концовъ Новгородскихъ. До 11 Августа продолжались челобитныя Новгородскихъ пословъ о мирѣ, какъ самихъ лично, такъ и чрезъ братьевъ Великаго Князя и Бояръ. Сначала Иванъ Васильевичъ приказалъ прекратить войну въ Новгородскихъ земляхъ, а потомъ согласился написать договорныя грамоты, показывая, что это дѣлаетъ въ слѣдствіе всеобщаго ходатайства и увѣщанія Митрополита, который еще на пути къ Новгороду прислалъ къ нему грамоту о милосердіи къ Новгородцамъ, если они покаются и будутъ бить челомъ о своихъ проступкахъ. [56] Великій Князь обѣщалъ сложить гнѣвъ къ Новгороду, а жалующихся лиходѣевъ на Владыку, Посадника и Тысяцкаго не слушать; Великій Князь отпускалъ плѣнныхъ безъ окупа и обѣщался держать Новгородъ по старинѣ, а все, что случилось во время войны, предавалось забвенію; Новгородцы обязывались за Короля и Великаго Князя Литовскаго не отдаваться ни которою хитростію и быть неотступными отъ Великихъ Князей; Князей изъ Литвы ни въ Новгородъ, ни въ пригороды не принимать и не просить; лиходѣевъ Великихъ Князей, которые есть и которые могутъ быть, въ Новгородъ не принимать; Владыку избирать по старинѣ, но не ставить нигдѣ въ иномъ мѣстѣ, а только въ Москвѣ, у гроба Чудотворца Петра и у Митрополита, который будетъ у Великихъ Князей. [57]

Послѣ заключенія договора Великій Князь почтилъ Владыку и Новгородскихъ пословъ и отпустилъ ихъ домой, а въ слѣдъ за ними послалъ своего Боярина приводить Новгородцевъ къ крест-

---

не обращая вниманія на собственное материское горе, ободряла народъ», то это кажется рѣшительно ни чѣмъ не подтверждается.

[56] Ак. Ист. т. I, № 282.

[57] Ак. Арх. Эк. т. I, № 91.

пому цѣлованію на договорѣ. Побѣдители возвращались домой съ прибылью. Кромѣ многихъ земельныхъ уступокъ, Новгородцы заплатили Великому Князю за свою проступку 15,000 рублей; братья Великаго Князя и Бояре были обогащены подарками за содѣйствіе о мирѣ, дружины же ихъ въ продолженіи войны произвели страшный грабежъ, и теперь все награбленное оставили за собой. На возвратномъ пути въ Москву, Иванъ Васильевичъ получилъ извѣстіе о побѣдѣ надъ Новгородцами своихъ войскъ на Двинѣ. Въ празднованіе Новаго Года (1-го Сентября) Иванъ Васильевичъ съ торжествомъ вступилъ въ Москву. Съ такимъ же прибыткомъ и торжествомъ возвратились домой и Псковитяне. Ихъ Великій Князь примирилъ съ Новгородцами по старинѣ, на всей Псковской волѣ, и даже больше того, чего хотѣли сами Псковитяне.

Что было на радость побѣдителей, то на печаль побѣжденнымъ. То же извѣстіе о Двинскихъ событіяхъ, которое радовало Москвичей, пришло и въ Новгородъ. Земля Новгородская была изоевана, а тутъ еще нужно платить огромнѣйшій окупъ за свою проступу. Кромѣ естественныхъ послѣдствій войны, были также несчастія: жители Русы, возвращаясь изъ Новгорода въ свой сожженный городъ въ судахъ Ильменемъ, въ слѣдствіе бури, потонули въ большомъ количествѣ. Въ Декабрѣ 1471 г. пріѣхало изъ Новгорода въ Москву посольство; въ числѣ пословъ былъ нареченный Архіепископъ, пріѣхавшій для посвященія къ Митрополиту: онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ послами, просить Великаго Князя объ отпускѣ тѣхъ плѣнныхъ, которые еще сидѣли въ Московскихъ темницахъ. Посвященіе Владыки совершилось 15 Декабря, относительно же плѣнныхъ Великій Князь принялъ челобитье и отпустилъ ихъ въ Новгородъ.

III.

Новгородъ былъ такъ разгромленъ, что не скоро могъ оправиться и, не смотря на свое устройство, не былъ въ состояніи скоро, дѣлами своихъ жителей, задѣть интересы Великаго Князя. Однако жь Новгородскіе порядки вели къ тому, что хотя не сильныхъ сосѣдей, но все таки они задѣвали. Въ Сентябрѣ 1475

года скопились Новгородскіе Боярскіе ключники и ночью разбоемъ бросились на Псковскую волость Гостятино; Псковитяне успѣли собраться, отбили грабителей, нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣли захватить въ плѣнъ и повѣсили, другіе же разбѣжались. Такъ было извнѣ; внутреннія же ссоры Новгородцевъ заставили Великаго Князя вмѣшаться во внутреннія дѣла ихъ общины, и такимъ образомъ дали возможность, и то чрезъ четыре года, сдѣлать еще наступательный шагъ противъ Новгородскаго самоуправленія. Вскорѣ за нападеніемъ Новгородцевъ на Псковскую волость, 22 Октября, Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы со многою свитою и многими людьми въ Великій Новгородъ. Поѣхалъ онъ туда миромъ на судъ и управу, а призвали его, говоритъ Псковскій лѣтописецъ, какъ бѣдные люди, такъ и богатые, по тому что Посадники и великіе Бояре позволяли себѣ обижать другихъ, а судить ихъ никто не имѣлъ силы. Все это происходило отъ того, что Новгородская земля, говоритъ другой лѣтописецъ, много лѣтъ жила въ своей волѣ, о Великихъ Князьяхъ не заботилась и ихъ не слушалась; много въ этой землѣ было зла, происходили между ними убійства, грабежи, напрасное разореніе домовъ, каждый обижалъ того, котораго былъ сильнѣе. 5 Ноября на Волокѣ Ламскомъ встрѣтили Великаго Князя Новгородскіе жалобники на своихъ же Новгородцевъ; здѣсь же встрѣтилъ отъ Владыки Ософила посолъ съ поминками. 16 Ноября опять встрѣтили Великаго Князя жалобники многіе. Иванъ Васильевичъ ѣхалъ въ Новгородъ медленно, на каждомъ станѣ была ему встрѣча съ подарками; встрѣчали вмѣстѣ и друзья и враги; наконецъ, 21 Ноября, онъ въѣхалъ на Городище.

22-го Ноября Владыка, Степенный Посадникъ, Василій Ананьинъ, старые Посадники, Тысяцкіе и Бояре Новгородскіе, были на обѣдѣ у Великаго Князя. Въ этотъ же день многіе Новгородскіе жалобники и всякіе люди, даже изъ ближнихъ Новгородскихъ мѣстъ, пришли бить челомъ Великому Князю: одни просить Приставовъ, чтобы не быть грабленными отъ воиновъ Великаго Князя, другіе съ жалобами на свою братью Новгородцевъ, каждый о своемъ управленіи. 23 Ноября Иванъ Васильевичъ объявилъ, что будетъ у обѣдни у Св. Софіи. Архіепископъ съ духовенствомъ, какъ указано было Великимъ Княземъ, встрѣтилъ его

съ крестами; послѣ обѣдни былъ пиръ у Владыки, на которомъ присутствовалъ Великій Князь; послѣ пира онъ отправился къ себѣ на Городище. 24 числа начали приходить Новгородцы на Городище, одни, чтобы поднести дары Великому Князю, другіе видѣть его, но въ числѣ приходившихъ было много жалобниковъ. Наконецъ, 25 числа, въ присутствіи Владыки, многихъ Посадниковъ и Бояръ Новгородскихъ, явилось множество Новгородцевъ, двѣ улицы, Славкова и Никитина; жаловались они на Степеннаго Посадника, Василья Ананьина, Ѳедора Борецкаго, Богдана Есипова, Ивана Лошинскаго и многихъ старыхъ Посадниковъ и Бояръ, что они со многими людьми напали на тѣ двѣ улицы, людей переграбили, многихъ до смерти убили, а животовъ людскихъ взяли на 1000 рублей. Въ тотъ же день явились другіе важные жалобники, Бояре братья Полинарьины; жалоба ихъ была схожа съ предыдущей и состояла въ томъ, что нѣсколько Бояръ, въ томъ числѣ были и изъ тѣхъ, на которыхъ жаловались улицы Славкова и Никитина, наѣхали на дворъ Бояръ Полинарьиныхъ, людей ихъ перебили, а животовъ взяли на 500 рублей. Выслушавъ жалобы, Великій Князь далъ жалобникамъ Приставовъ на тѣхъ, на которыхъ они жаловались, и при этомъ обратился къ Владыкѣ и Посадникамъ съ слѣдующими словами: «Скажите нашей отчинѣ, Великому Новгороду, чтобы дали на тѣхъ сильниковъ Приставовъ, какъ и я далъ, по тому что хочу я это дѣло разсмотрѣть и дать обиженнымъ управу, а ты, богомолецъ нашъ, и вы Посадники, будьте у меня тогда!» Тогда же послалъ Великій Князь своихъ Бояръ въ Новгородъ, чтобы даны были Приставы на тѣхъ обидящихъ. Приставы Новгородскіе, вмѣстѣ съ Великокняжескими, объявили отвѣтчикамъ, чтобы стали они на утро предъ Великимъ Княземъ. На утро обиженные и обидчики стали на Городищѣ и начался судъ. Великій Князь обыскавши, жалобниковъ оправилъ, а тѣхъ, которые находили, били и грабили, обвинилъ. Василья Ананьина, Ѳедора Исакова, Ивана Лошинскаго, Богдана Есипова, Великій Князь велѣлъ поимать своимъ Приставамъ, а товарищей ихъ всѣхъ отдалъ за крѣпкіе поруки въ истцевыхъ 1500 рубляхъ; ихъ взялъ на поруки Архіепископъ. Тогда же Великій Князь выслалъ отъ себя вонъ Ивана Аѳанасьева и его сына, а велѣлъ онъ ихъ поимать за то, что они мыслили Великому Новгороду отдаться за Короля. При этомъ нужно замѣтить,

что двое другихъ Бояръ Аѳанасьевыхъ были въ числѣ осужденныхъ за грабежъ улицъ Славковой и Никитиной.

Этотъ судъ былъ въ Воскресенье, а во Вторникъ Посадники и Владыка явились на Городище бить челомъ Великому Князю отъ Великаго Новгорода о пойманныхъ Боярахъ, чтобъ пожаловалъ, смиловался, казни имъ отдалъ и отпустилъ бы на поруки. Челобитье не было принято, и Великій Князь отвѣчалъ: «Вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько отъ тѣхъ Бояръ и напередъ сего лиха чинилось, а нынѣ то, что ни есть лиха въ нашей отчинѣ, то все отъ нихъ чинится: ино какъ мнѣ за то ихъ лихо жаловать?» Въ этотъ же день всѣ эти шестеро Бояръ были отправлены въ оковахъ въ Москву съ Приставами Великаго Князя. 1-го Декабря, въ Пятницу, Владыка съ Посадниками, Тысяцкими, многими Боярами и житьими людьми явились на Городищѣ бить челомъ Великому Князю отъ Великаго Новгорода о взятыхъ Владыкою на поруки, чтобы Великій Князь пожаловалъ, казни имъ отдалъ и велѣлъ бы взыскать съ нихъ пошлины по суду и истцевы убытки. Это челобитье было принято и съ виновныхъ взыскано, что слѣдовало.

Съ 4-го Декабря въ Новгородѣ шли пиры для Великаго Князя. 26 Генваря Иванъ Васильевичъ поѣхалъ изъ Новгорода и 8-го Февраля прибылъ въ Москву. Дорого обошлось Новгороду это посѣщеніе его Иваномъ Васильевичемъ. Псковскій лѣтописецъ говоритъ объ этомъ въ такомъ смыслѣ: «Былъ Великій Князь въ Новгородѣ девять недѣль полныхъ, самъ стоялъ на Городищѣ, а сила его по всѣмъ монастырямъ, по обѣ стороны около всего Великаго Новгорода; отъ нихъ, т. е., отъ свиты, было много насилій, много Христіянъ пограблено по дорогамъ, по селамъ, по монастырямъ; также Владыкѣ, Посадникамъ и всему Новгороду кормами, дарами и всякимъ удовлетвореніемъ убытка нанесено числа и края нѣтъ,—сколько золота и серебра повывезено отъ нихъ!» Новгородскій лѣтописецъ говоритъ о слѣдствіяхъ этого посѣщенія, что «было Новгороду много убытка съ кровію.»

31-го Марта пріѣхалъ въ Москву Владыка съ Посадниками и многими житьими людьми бить челомъ объ отпускѣ пойманныхъ Бояръ, которые были уже разосланы въ Коломну и Муромъ. Пріѣхав-

ще привезли съ собою много даровъ; для нихъ въ Москвѣ были пиры, но Великій Князь не отпустилъ ни кого по ихъ прошенью, и они 7-го Апрѣля поѣхали назадъ въ Новгородъ. Въ теченіи слѣдующаго года между Москвой и Новгородомъ происходило что-то важное. Московская лѣтопись говоритъ, что Иванъ Васильевичъ привелъ Новгородцевъ къ тому, что они забыли старый порядокъ о томъ, что, кромѣ Новгорода, Новгородца не судить. Какъ только пріѣхалъ Великій Князь въ Москву, то началъ давать Новгородскимъ жалобникамъ Приставовъ и назначать сроки, когда стать передъ нимъ. Послѣ этого начали изъ Новгорода приходить въ Москву много жалобниковъ на своихъ обидчиковъ; Великій Князь посылалъ на обидчиковъ Приставовъ въ Новгородъ, и тѣ являлись въ Москву. Чрезъ годъ послѣ послѣдняго посольства Владыки Новгородскаго въ Москву, пріѣхалъ туда Посадникъ, Захарій Овиновъ, за Приставомъ Великаго Князя, вмѣстѣ со многими Новгородцами: иныхъ отвѣчать, а на иныхъ искать. Послѣ этихъ жалобниковъ пришли другіе Посадники, житьи люди, поселяне, монахи и монахини, вдовы и всѣ обиженные, тоже одни искать, а другіе отвѣчать.

Прежде съ просьбой о помилованіи шести пойманныхъ Бояръ ѣздили Владыка, Посадники, Бояре и житьи люди, бѣднаго простаго народа не видно; теперь же пришли судиться въ Москву люди изъ всѣхъ слоевъ общества. Прежде Новгородцы крѣпко стояли за свою старину; теперь въ отверженіи ея пошли весьма далеко. Кажется, весьма естественно могла зародиться у Новгородцевъ мысль, и въ Москвѣ могли на нее указать, что младшій братъ Новгорода, Псковъ, живетъ мирно съ Великимъ Княземъ и его старины не нарушаются, по тому что Псковъ во всемъ угождаетъ Великому Князю. Новгородцы пошли по слѣдамъ Псковитянъ, хотя бросанье изъ одной крайности въ другую въ заключеніи оказалось еще болѣе вреднымъ для Новгородцевъ. Здѣсь можно сравнить отношенія Ивана Васильевича къ Новгороду съ отношеніями его къ Андрею Васильевичу Большому, а отношеніе къ Пскову съ отношеніями къ какому ни будь Князю Воротынскому, или Шемячичу. Андрей Васильевичъ Большой совсѣмъ не такой безпокойный Князь, какъ Шемячичъ, но онъ руководитель старыхъ идей и на нихъ опирается, и вотъ онъ толь-

ко не послалъ своихъ Воеводъ съ Воеводами Великаго Князя, и его тотчасъ же поймали; а между тѣмъ, въ это же самое время, служебные Князья, которымъ нужно только, чтобы ихъ личное положеніе оставалось по старому, да было бы имъ съ кѣмъ воевать, ѣдутъ къ Ивану Васильевичу на службу, по тому что выгодно у него служить; въ Москвѣ этѣхъ Князей оставляютъ въ ихъ старомъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока Княжеская ихъ дѣятельность полезна для Государства, а потомъ превращаютъ или въ настоящихъ подданныхъ, или уничтожаютъ. Тоже самое съ Новгородомъ и Псковомъ. Псковитяне называютъ Ивана Васильевича и Государемъ и Царемъ, обращаются къ нему со всѣми нуждами; подерутся, какъ разъ и случилось, они изъ за кочана капусты съ пьянымъ Намѣстникомъ Великаго Князя, Иванъ Васильевичъ побранитъ ихъ за это, Псковитяне смирятся, а онъ проститъ ихъ и перемѣнитъ Намѣстника. Псковитянамъ нужно, чтобы только ихъ община оставалась устроенною внутри по старому, и она такъ живетъ до 1510 года, когда нашли необходимымъ сдѣлать и эту общину положительно частію Государства, но все таки оставили нѣкоторыя мѣстныя привилегіи. Новгородъ—другое дѣло: онъ образецъ всякой старины во всей Россіи и руководствуется этѣми идеями старины въ приложеніи ко всякимъ отношеніямъ, и вотъ въ Новгородѣ только надѣлали какія-то насилія и обругали какихъ-то представителей власти Великаго Князя, какъ этотъ Великій Князь объявляетъ Новгороду войну, а потомъ, только что Новгородцы назвали Ивана Васильевича Государемъ, то онъ и сталъ ихъ спрашивать, какого они хотятъ Государства, и когда въ отвѣтъ послѣдовали требованія Новгородцевъ, чтобы все дѣло шло по старинѣ, уничтожаетъ Новгородскую свободу окончательно. При этомъ надо замѣтить, что всѣ эти непрошенные руководители Русскихъ, въ новыхъ и старыхъ идеяхъ, Новгородъ и Князья, всегда обыкновенно и начинали и кончали союзомъ съ врагами Россіи — съ Поляками. Дѣло уничтоженія Новгородской свободы было такъ: одни изъ Новгородцевъ ѣздили въ Москву только судиться, другіе же, во время своего пребыванія тамъ, давали Великому Князю присягу, что служитъ имъ ему, своему Государю, вѣрно и добра хотѣть; наконецъ, случилось слѣдующее (предшествующіе, обозначенные точно въ лѣтописи, пріѣзды Новгородцевъ для суда въ Москву были

въ Февралѣ 1477 года): въ Мартѣ пріѣхали въ Москву отъ Архіепископа и всего Великаго Новгорода къ Великимъ Князьямъ двое пословъ, Назаръ Подвойскій и Захаръ Дьякъ Вѣчевой;— они били челомъ отъ пославшихъ Великимъ Князьямъ и называли ихъ себѣ Государями. А напередъ того не бывало, какъ земля Новогородская стала, ни котораго Великаго Князя не называли они себѣ Государемъ, а только Господиномъ. Спустя уже мѣсяцъ послѣ этого посольства, 24 Апрѣля, Иванъ Васильевичъ назначилъ посольство къ Владыкѣ и всему Великому Новгороду подкрѣпить того, какого хотятъ Государства ихъ отчина. Послы ѣхали довольно медленно въ Новгородъ, такъ что туда явились только 18 Мая. Здѣсь нужно принять во вниманіе срокъ того, какъ долго тянулось дѣло, и можно предположить, что въ Москвѣ не сразу попали на мысль воспользоваться этѣмъ обстоятельствомъ. Когда Московскій посолъ явился на Вѣчѣ, то говорилъ слѣдующую рѣчь: «Вы прислали къ Великимъ Князьямъ своихъ пословъ съ грамотою, называли ихъ себѣ Государями и за нихъ задались: чтобы суду его у васъ быть въ Великомъ Новгородѣ, по всѣмъ улицамъ сидѣть ихъ Тіунамъ, Ярославово дворище очистить Великимъ Князьямъ, а въ ихъ судъ не вступаться.» Вѣче поняло смыслъ этѣхъ рѣчей и, дозволивъ себѣ уже одну крайность, Новгородцы бросились назадъ въ другую. Редакція грамоты и рѣчей Новгородскихъ пословъ принадлежала многимъ лицамъ; одинъ изъ пословъ былъ Вѣчевой Дьякъ. И вотъ Новгородцы напали на Посадниковъ и Бояръ, которые отправляли это посольство, обвиняя ихъ въ томъ, что они сдѣлали это безъ вѣдома Великаго Новгорода. У этѣхъ лицъ животы ихъ были пограблены, дворы и доспѣхи отняты, вмѣстѣ съ всею ратною приправою. Потомъ начали хватать тѣхъ, которые въ своихъ поступкахъ черезъ чуръ вдались въ новость, былъ схваченъ Захарій Овиновъ; онъ обговорилъ Василія Никифорова, который былъ тоже схваченъ и приведенъ на Вѣче, гдѣ кричали ему: «Перевѣтникъ! былъ ты у Великаго Князя и цѣловалъ крестъ на насъ.» На это былъ отвѣтъ: «Цѣловалъ я крестъ Великому Князю, что служить мнѣ ему правдою и добра хотѣть, а не на Государя своего, Великій Новгородъ, и не на васъ, своихъ господъ и братьевъ!» Оправданіе не помогло, и Василій Никифоровъ тутъ же на Вѣчѣ былъ изсѣченъ топорами на части. Захарій Овиновъ

былъ убитъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, у Владыки на дворѣ. Кромѣ трехъ упомянутыхъ лицъ, хотѣли еще казнить нѣсколькихъ Бояръ, но пощадили.

Московскіе послы присутствовали при этихъ волненіяхъ въ Новгородѣ; въ Москвѣ о нихъ хорошо знали, и еще послы не были отпущены изъ Новгорода, какъ 7 Іюня пріѣхалъ въ Псковъ посолъ Великаго Князя, Иванъ Зиновьевъ, съ свитой, уговаривать Псковитянъ ити на помощь Великому Князю противъ Новгорода и положить послѣднему взметныя грамоты. Черезъ недѣлю Зиновьевъ поѣхалъ назадъ въ Москву съ отвѣтомъ, что Псковитяне пришлютъ обо всемъ томъ своихъ пословъ, и какъ Государи скажутъ, такъ они и будутъ дѣлать. 21 Іюля Псковичи послали въ Москву за спросомъ, какъ имъ поступать въ отношеніи къ Новгороду, и получили отвѣтъ, что будетъ отъ Великаго Князя посолъ съ его наказомъ. Этотъ отвѣтъ пришелъ въ Псковъ только 27-го Августа. Въ Новгородѣ же въ это время происходило то же самое, что и въ 1471 году. Псковитяне, передъ отправленіемъ пословъ къ Великому Князю, послали сказать Новгородцамъ: «Насъ Великій Князь поднимаетъ на васъ, и если у васъ есть какое дѣло до Великихъ Князей, то мы ради за васъ слать къ нимъ пословъ и бить челомъ.» Новгородцы отвѣтили на это, что и прежде, на подобное предложеніе: «Если вы крестъ поцѣлуете на всемъ нашемъ пригожествѣ, исключая Коростынскаго докончанья, то мы все сдѣлаемъ по крестному цѣлованію; если вы этого не сдѣлаете, то мы не хотимъ ни какого вашего ходатайства, ни челобитья, ни пословъ вашихъ къ Великимъ Князьямъ.»

Новгородцы по прежнему не двигались опредѣленно ни въ ту, ни въ другую, сторону; какъ прежде, они, принявши къ себѣ Литовскаго Князя, не сослали съ Городища Великокняжескихъ Намѣстниковъ, такъ и теперь, въ продолженіи всѣхъ волненій и брани, которою они осыпали озорную Москву, держали у себя Московскихъ пословъ, честили ихъ, но не давали имъ отвѣта. Наконецъ, черезъ шесть недѣль, послы были отпущены и получили такой отвѣтъ Великимъ Князьямъ: «Мы вамъ, своимъ Господамъ, челомъ бьемъ, а Государями себѣ не зовемъ; судъ вашимъ Намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а вашему суду и вашимъ Тіунамъ у насъ не быть, и дворища Ярославова вамъ не даемъ; на чемъ мы на Коростынѣ

миръ съ вами кончали и крестъ цѣловали, по тому докончанью и хотимъ съ вами жить; тѣ же, которые тебѣ, Великому Князю, брались такъ дѣлать, то ты вѣдаешь самъ, и какъ хочешь, такъ и казни, а мы котораго изловимъ, хотимъ казнить; вамъ же, своимъ Господамъ, челомъ бьемъ, чтобы вы насъ держали по старинѣ, по крестному цѣлованію.» Послы Великокняжескіе воротились въ Москву уже въ Іюлѣ, и разсказывали то, что видѣли въ Новгородѣ, что Новгородцы взбѣсновались, точно пьяные, и нѣкоторые говорили: «Къ Королю хотимъ.» Но такія вѣсти приносили въ Москву не одни Великокняжескіе послы, но и Новгородцы, по тому что Посадники, которые были пріятны Великому Князю, разбѣжались всѣ, когда въ городѣ стало такое волненіе.

Иванъ Васильевичъ готовился къ войнѣ. 15-го Сентября пріѣхалъ отъ него посолъ въ Псковъ съ приказомъ, чтобы Псковитяне тотчасъ же послали въ Новгородъ складныя грамоты. Приказъ былъ исполненъ, и 30 Сентября Псковской посолъ положилъ грамоты на Вѣчѣ, а 1 Октября были на Вѣчѣ положены грамоты Великаго Князя. Въ Новгородѣ сначала стояла смута; съ 15 Сентября начали въ Псковъ и Литву бѣжать Низовскіе Купцы съ своими товарами. Но когда стали приходить въ Новгородъ слухи о приготовленіяхъ Великаго Князя, то Новгородцы, въ противуположность предшествующимъ поступкамъ, показали всѣмъ, что теперь они перепугались: изъ Новгорода былъ отправленъ посолъ въ Москву объ опасной грамотѣ для проѣзда Владыки и Новгородскихъ пословъ. Но этого опасчика велѣно было задержать въ Торжкѣ. Потомъ еще послѣ того, какъ были положены на Новгородскомъ Вѣчѣ складныя грамоты, то, не обращая вниманія на объявленіе войны, въ Псковъ пріѣхалъ посолъ изъ Новгорода съ просьбой, чтобы Псковитяне отправили пословъ своихъ къ Великому Князю, и что сами они тоже шлютъ своихъ; но здѣсь былъ полученъ такой же успѣхъ, какъ и въ отношеніи опасной грамоты: Московскій посолъ, пріѣхавшій поднимать Псковъ на Новгородъ, схватилъ Новогородскаго посла на Псковскомъ Вѣчѣ, и только по просьбѣ Псковитянъ отпустилъ его.

Иванъ Васильевичъ жаловался всѣмъ, что въ Новгородѣ происходитъ то же, что предъ Шелонскимъ отступленіемъ, что они сами просили у него Государства, а теперь заперлись и на него ложь

положили. Онъ положилъ свой гнѣвъ на Новгородъ, сталъ вооружаться на свою отчину, на отступниковъ и крестнаго цѣлованія преступниковъ. Новгородцы не знали, что дѣлать, хотя у нѣкоторыхъ и вырывались крики о Королѣ Казимирѣ (что и сообщаетъ Московская лѣтопись), но, какъ видно, большинство не думало объ немъ. Теперь изъ Москвы не шли уже увѣщательныя грамоты, ни отъ Митрополита, ни отъ Великаго Князя; послѣдній рѣшился кончить Новгородское дѣло. 9 Октября Иванъ Васильевичъ пошелъ къ Новгороду ратью; еще прежде этого были разосланы требованія и просьбы о помощи на Новгородъ къ братьямъ Великаго Князя и въ Тверь, и эта помощь собиралась. 16 Октября прислали сказать Ивану Васильевичу, что въ Торжекъ пріѣхалъ другой Новгородской посолъ объ опасѣ, но и этого посланнаго велѣно было задержать до прибытія въ Торжекъ Великаго Князя; но по прибытіи сюда, Иванъ Васильевичъ опасу не далъ, а велѣлъ опасчиковъ вести за собою; только 8 Ноября, когда Иванъ Васильевичъ былъ уже у Спаса на Яглинахъ, велѣлъ позвать къ себѣ опасчиковъ; тѣ явились, били ему челомъ отъ Владыки Ѳеофила и всего Великаго Новгорода, прося опаса для пословъ у Великаго Князя и называя его Государемъ; Великій Князь пожаловалъ — далъ опасъ. Здѣсь замѣчательно то, что какъ въ Псковъ Новгородцы посылали о ходатайствѣ предъ Великимъ Княземъ, не обращая вниманія на то, что уже Псковитяне объявили войну Новгороду, такъ и теперь уже два опасчика были у Великаго Князя и не возвращались назадъ, но Новогородцы послали еще третьяго; этотъ третій опасчикъ прибылъ на другой день послѣ того, какъ данъ былъ опасъ первымъ опасчикамъ; и третій опасчикъ называлъ Великаго Князя Государемъ. Но какъ этотъ опасчикъ, такъ и первые два, еще находились въ войскѣ Великаго Князя, и только 11 Ноября третій опасчикъ испросилъ у Великаго Князя Пристава, съ которымъ пройти имъ его воинство; Приставъ былъ данъ и опасчики уѣхали.

Съ 19 по 23 Октября Иванъ Васильевичъ пробылъ въ Торжкѣ; здѣсь онъ распоряжался, какъ и какою дорогою должны были ити къ Новгороду войска. Съ Торжка же его начали встрѣчать нѣкоторые Новогородцы и били челомъ въ службу. Хотя опасныя грамоты были даны, но Иванъ Васильевичъ готовился къ войнѣ.

19 Ноября онъ на Полинахъ разрядилъ войска, гдѣ кому быть [58] и въ то же время отпустилъ Воеводъ своихъ подъ Новгородъ занимать Городище и загородные монастыри, чтобы Новогородцы не успѣли сжечь ихъ. 21-го Ноября былъ посланъ приказъ въ Псковъ, выступать Псковитянамъ вмѣстѣ съ Намѣстникомъ, ити къ устью Шелони, и тамъ дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій; Псковитяне исполнили приказъ. Со времени послѣдней войны Великаго Князя съ Новгородомъ, Новгородская земля должна была поправиться значительно, а теперь ее снова немилосердно разоряли Княжескія дружины, Новгородцы же не выставляли даже и прежняго сопротивленія. Они все думали, что все устроится по старинѣ, если они, за свою грубость, сдѣлаютъ уступки Великому Князю. Какъ только опасчики пріѣхали въ Новгородъ, то Владыка Ѳеофилъ, въ сопровожденіи Новгородскихъ пословъ, прибылъ, 23 Іюня, въ станъ Великаго Князя. «Господине Государь, Князь Великій, Иванъ Васильевичъ всея Руси!» говорилъ Владыка отъ себя и отъ Новгородскаго Духовенства, «бьемъ тебѣ челомъ, что положилъ ты гнѣвъ свой на свою отчину, Великій Новгородъ, и мечь твой ходитъ по Новгородской землѣ, и кровь Христіянская льется; смилуйся надъ своею отчиною, а мы тебѣ, своему Государю, со слезами челомъ бьемъ. Да восполѣлся ты на Бояръ Новгородскихъ, и на Москву свелъ ихъ въ первый свой пріѣздъ: пожалуй, Государь, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Великій Новгородъ!» Посадники и житьи люди отъ своихъ довѣрителей повторили по пунктамъ челобитье Владыки, и одинъ изъ Посадниковъ просилъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, дозволилъ говорить съ его Боярами. [59] Послѣ рѣчей Великій Князь пригласилъ пословъ, по обыкновенію, на офиціяльный, данный для нихъ, обѣдъ. На другой день послы отправились къ брату Великаго Князя, Андрею, Меньшому съ поминками, и били ему челомъ, чтобы

---

[58] Съ этого мѣста начинается Разрядъ Новогородскаго похода въ разрядахъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; этотъ разрядъ слово въ слово какъ въ лѣтописи, и кончается словами: «а подлинно написалъ Новогородской походъ большой лѣтописецъ.»

[59] Начиная съ рѣчи Ѳеофила въ лѣтопись внесенъ почти цѣликомъ Статейный Списокъ, такъ что легко можно отдѣлять пункты; изъ этого сокращенія Статейнаго Списка состоятъ почти всѣ послѣдующіе переговоры Москвичей съ Новгородскими послами.

онъ пожаловалъ, печаловался Великому Князю. Послѣ этого послы пошли къ Великому Князю съ офиціяльной благодарностью за вчерашнее угощенье, да били челомъ и объ томъ, чтобы Великій Князь пожаловалъ, велѣлъ съ Боярами говорить. Высланы были на говорю Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, съ двумя товарищами. Послы говорили: «Государь нашъ, Великій Князь, свою отчину, Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, пожаловалъ бы: нелюбье отдалъ, а мечь свой унялъ, поиманныхъ Новогородскихъ Бояръ выпустилъ бы и челобитье о томъ Владыки и всего Великаго Новгорода принялъ; ѣздилъ бы въ Новгородъ на четвертый годъ, и бралъ тогда по 1000 рублей; Намѣстникъ его судилъ бы въ городѣ съ Посадникомъ, и чего они не управятъ, то управилъ бы Великій Князь, когда пріѣдетъ въ Новгородъ на четвертый годъ; позвы же въ Москву для суда Государь отложилъ бы....» и т. д. Послѣ всѣхъ этѣхъ рѣчей одинъ изъ Новгородскихъ пословъ говорилъ: «чтобы Государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, какъ ему Богъ положитъ на сердцѣ, отчину свою жаловать, а отчина ему, своему Государю, челомъ бьетъ.»

Отвѣтъ должны были услышать послы на другой день, а въ этотъ день сдѣлано распоряженіе по войскамъ занять Городище и все монастыри подъ городомъ. Воеводы ночью прошли по льду Ильменя, захватили Городище и всѣ подгородные монастыри. [60] На утро послы были приглашены выслушать отвѣтъ на ихъ рѣчи. Бояре отъ имени Великаго Князя сначала изложили причины войны: «Сами вы, чрезъ своихъ пословъ, назвали себѣ Великихъ Князей Государями, и потомъ заперлись, что будто объ томъ не посылали, и возложили на насъ ложь, будто мы надъ вами силу чинимъ; да еще много иныхъ неисправленій отъ васъ къ намъ; мы же сначала поудержались васъ за это наказывать и посылали къ вамъ, чтобы перестали вы отъ золъ вашихъ, а мы хотимъ васъ жаловать; вы же не восхотѣли сего, и по этому, какъ чужіе намъ сдѣлались: за все то мы положили на васъ гнѣвъ и пошли ратію.» Послѣ этого вступленія Бояре говорили: «Вы поставили въ рѣчахъ своихъ о Боярахъ, на которыхъ прежде сего я восполѣлся, чтобы ихъ пожаловать, отпустить; такъ вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему,

[60] Этѣ распоряженія записаны въ Разрядахъ.

и вамъ всѣмъ, за что съ ними такъ поступленс; а судилъ я ихъ вмѣстѣ съ вами, да и нѣкоторые изъ васъ тогда были въ истцахъ; я хотѣлъ этѣхъ Бояръ тогда казнить, но по вашему челобитью казни имъ отдалъ, и вы теперь рѣчи о тѣхъ винныхъ вставливаете и коли вы намъ не по пригожу бьете челомъ, то какъ же намъ васъ жаловать?» Въ этѣхъ рѣчахъ только и состоялъ отвѣтъ; о другихъ же условіяхъ, о которыхъ послы говорили, Бояре и не упомянули. Заключеніе Великокняжескаго отвѣта было произнесено Княземъ Патрикѣевымъ: «Восхощетъ намъ, Великимъ Князьямъ, своимъ Государямъ, отчина наша, Новгородъ, бить челомъ, и они знаютъ, отчина наша, какъ намъ бить челомъ.»

Выслушавъ отвѣтъ, Владыка съ послами попросили себѣ Пристава проводить ихъ до города; Приставъ былъ данъ. Это было 26-го Ноября, а послѣ этого Владыка съ послами явились для переговоровъ только 4 Декабря. Въ это время Иванъ Васильевичъ почти со всѣмъ войскомъ сталъ около Новгорода; главная его квартира находилась около Юрьева монастыря. Великій Князь при этомъ дозволилъ Воеводамъ отпустить половину людей за кормами, съ тѣмъ, чтобы они по Николинѣ дни (6-го Декабря) всѣ были подъ городомъ. Когда пріѣхалъ Владыка съ послами, то на ихъ рѣчи, чтобы Государь пожаловалъ, указалъ, какъ онъ хочетъ свою отчину жаловать, данъ былъ отвѣтъ, слово въ слово какъ и прежній. Тогда послы опять попросили дозволенія съѣздить въ городъ и, воротившись на другой день, били Великому Князю челомъ, чтобы онъ смиловался надъ ними, и повинились въ томъ, съ чѣмъ посылали Назара да Захара и въ чемъ заперлись предъ Великокняжескими послами. [61] Не въ пользу послужило и это признаніе Новогородцамъ; выслушавъ ихъ рѣчи, Великій Князь приказалъ имъ отвѣчать: «Если ты, Владыка, и вся отчина наша, Великій Новгородъ, признали себя виновными предъ нами, что отъ тѣхъ рѣчей, съ которыми къ намъ посылали, отперлись, то теперь сами на себя свидѣтельствуя, спрашиваете: [62] «какому

---

[61] Здѣсь, къ сожалѣнію, лѣтописецъ списалъ съ оригинала рѣчи Новогородцевъ сокращенно.

[62] Что рѣчи пословъ сокращены, то это ясно и каждый можетъ видѣть, но Г. Костомаровъ, не имѣя факта, говоритъ объ этомъ словѣ: спрашиваете: «хотя послы и не спрашивали.»

нашему Государству быть въ нашей отчинѣ, на Новгородѣ?» мы, Великіе Князья, хотимъ своего Государства здѣсь такого же, какъ и на Москвѣ.» Владыка послѣ этѣхъ словъ билъ челомъ Великому Князю, чтобы Государь освободилъ ихъ въ городъ ѣхать и о томъ подумать, и назначилъ бы срокъ, когда быть у него. Послы были отпущены думать и срокъ назначенъ чрезъ день, 7 Декабря. Въ назначенный срокъ послы пришли и начали предлагать на переговорахъ условія, служащія, какъ бы подробнымъ объясненіемъ тѣхъ словъ Московскихъ пословъ, которые ихъ спрашивали о Государствѣ: «Чтобы Государь пожаловалъ, велѣлъ судить Намѣстнику вмѣстѣ съ Посадникомъ въ городѣ; чтобы Государь пожаловалъ, пригороды Новгородскіе держалъ своими Намѣстниками, а судъ былъ бы по старинѣ; чтобъ вывода изъ Новгородской земли не дѣлалъ и позвовъ изъ Новгорода въ Москву не было бы.» При этомъ всѣ послы вмѣстѣ били челомъ о слѣдующихъ условіяхъ: «Чтобы Новогородцамъ службы въ Низовой Землѣ, на Берегу, не было, а которые рубежи сошлись съ Новогородскими землями, то они, по повелѣнію Государей, готовы защищать; да не вступался бы Государь въ вотчины и земли Боярскія.» Въ числѣ условій было то, чтобы Государь бралъ съ волостей Новогородскихъ дань съ сохи по полугривнѣ Новгородской. Выслушавъ это, Бояре пошли къ Великому Князю, и воротились съ отвѣтомъ: «Били вы челомъ, чтобы мы указали, какому нашему Государству быть въ отчинѣ нашей, въ Великомъ Новгородѣ, и я, Князь Великій, уже сказалъ, что хотимъ такого Государства, какое у насъ Государство въ Низовской землѣ, въ Москвѣ, а вы теперь указываете мнѣ и опредѣляете порядокъ нашему Государству: какое же это наше Государство?» Послы опять били челомъ, что «они своимъ Государямъ не указываютъ порядковъ ихъ Государства, но пожаловали бы они, указали бы, какъ быть ихъ Государству въ ихъ отчинѣ, по тому что отчина ихъ, Великій Новгородъ, не знаетъ Низовской пошлины, какъ Государи даржатъ свое Государство въ Низовой землѣ.» Здѣсь Новгородцы говорили не совсѣмъ правду: они, въ своихъ условіяхъ, пересчитали не только такія условія, какъ, напримѣръ, не дѣлать позвовъ для суда въ Москву, но всѣ тяжести, лежащія на Низовскихъ жителяхъ, а именно: стояніе на берегу Оки, а также необезпеченность права собственности высшихъ сословій и наклонности Московскаго Правительства, какъ облагать

большими податями, во время нуждъ Государственныхъ, такъ и для извѣстныхъ цѣлей, передвигать цѣлое населеніе областей на другія мѣста. Новгородцевъ остановили въ ихъ запросахъ, и когда они стали просить объясненій, то былъ данъ прямой отвѣтъ: «Наше Государство Великихъ Князей таково: «Вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, Посаднику не быть, а Государство намъ держать; волостямъ и селамъ быть, какъ у насъ въ Низовой Землѣ; а которыя земли наши Великихъ Князей за вами, и то было бы наше.» Къ этому было еще прибавлено: Новгородцы предлагали условія Великому Князю, и онъ ихъ не принялъ, а теперь самъ ими пожаловалъ, объявивъ, что «вывода не опасались бы, въ Боярскія вотчины не будутъ Великіе Князья вступаться, а судъ будетъ по старинѣ.»

Съ 7 Декабря по 14 послы находились, кажется, въ станѣ Великаго Князя, по тому что изъ лѣтописи не видно, чтобы они просились отпустить ихъ въ городъ. [63] 14 Декабря Владыка съ послами пришли къ Великому Князю, и потомъ Боярамъ сказали, что они Вѣчевой колоколъ и Посадника отложили и, повторивъ почти всѣ просьбы о томъ, чѣмъ уже Государь ихъ пожаловалъ, прибавили просьбу: «да пожаловалъ бы Государь, на службу въ Низовскую Землю не наряжалъ.» Великій Князь и этѣмъ пожаловалъ ихъ. Тогда послы начали просить, чтобы Государь далъ крѣпость отчинѣ, Великому Новгороду, крестъ поцѣловалъ бы. На это былъ отвѣтъ: «Не быть моему крестному цѣлованью.» На просьбу, чтобы Бояре поцѣловали крестъ, тотъ же отвѣтъ; потомъ они просили, чтобъ поцѣловалъ крестъ Намѣстникъ, который будетъ въ Новгородѣ, и на это былъ тотъ же отвѣтъ, что этому не быть. Теперь послы били челомъ объ опасной грамотѣ для проѣзда въ Новгородъ, но Великій Князь и того имъ не далъ. По первому своему полномочію, послы Новгородскіе должны были теперь переговариваться въ станѣ Великаго Князя, хотя они могли предполагать, что обстоятельства могутъ и перемѣниться. Когда имъ не дали опасной грамоты, то они пробыли въ станѣ, въ виду

[63] Въ слѣдствіе этого разсужденіе Г. Костомарова (на стр. 221), и за нимъ И. Д. Бѣляева (Разсказы изъ Русск. Истор., т. 2, стр. 605 — 606) о впечатлѣніи, которое должны были произвести на Новгородцевъ требованія Ивана Васильевича, едва ли выдержатъ повѣрку.

Великаго Новгорода, до 29 Декабря. Въ это время послы придумали то, чтобы льготы, обѣщанныя Великому Новгороду, но не утвержденныя ни чьимъ крестнымъ цѣлованіемъ, были, по крайней мѣрѣ, обезпечены, что называется, крѣпкимъ словомъ того, отъ котораго ихъ неприкосновенность вполнѣ зависитъ. Въ слѣдствіе этого послы обратились къ Боярамъ Великокняжескимъ съ слѣдующими словами: «Если Государь не жалуетъ, не только крестное цѣлованіе отложилъ, но и опасной грамоты не даетъ, такъ намъ бы своего Государя жалованье отъ его устъ слышать, безъ Боярскихъ высылокъ.» Бояре доложили объ этомъ Великому Князю, онъ согласился дать это крѣпкое слово, и велѣлъ посламъ войти къ себѣ: «Вы били мнѣ челомъ,» говорилъ Иванъ Васильевичъ представителямъ Новгорода, «чтобы я гнѣвъ на нашу отчину, Великій Новгородъ, отложилъ, вывода бы изъ Новгородской Земли не учинялъ, въ вотчины и животы людскіе не вступался, позва Московскаго не бывало бы, а судъ былъ бы по старинѣ въ Новгородѣ, да и на службу васъ въ Низовскую Землю не наряжалъ бы: всѣмъ этѣмъ я жалую васъ, свою отчину, и все то отложилъ.» Слышавши то, послы ударили челомъ Государю, и когда вышли, то Иванъ Васильевичъ выслалъ за ними Бояръ говорить о волостяхъ и селахъ.

Бояре говорили посламъ отъ Великаго Князя: «Отчина наша, Великій Новгородъ, дали бы намъ волости и села, по тому что намъ, Великимъ Князьямъ, нельзя безъ того держать свое Государство на нашей отчинѣ, Великомъ Новгородѣ.» Владыка и послы отвѣчали: «Скажемъ то, Господине, Новгороду.» [“] 1-го Генваря послы пришли къ Великому Князю, и явили ему волости: Луки Великія да Ржеву Пустую, но онъ того не взялъ. Послѣ

[“] Г. Костомаровъ замѣчаетъ по этому поводу: «Должно думать, и странно и ужасно показалось это Великому Новгороду: обѣщали не вступаться въ отчины, а требуютъ ихъ разомъ.» Г. Костомаровъ забылъ то, что онъ впереди написалъ, что Иванъ Васильевичъ пожаловалъ, обѣщалъ только не вступаться въ имѣнія и вотчины людскія, а прежде, когда говорилъ, какого Государства хочетъ въ Новгородѣ, объявлялъ, что ему нужны волости. Да и самимъ Новгородцамъ не было это такъ странно, какъ Г. Костомарову, по тому что они и предложили Великому Князю, главное Владычныя да монастырскія земли, а это, надо полагать, не частная собственность, которая была обезпечена въ своей неприкосновенности словомъ Великаго Князя.

этого послы предложили десять волостей, принадлежащихъ Владыкѣ, богатымъ монастырямъ и всѣ земли Новгородскія въ Торжкѣ, чьи бы онѣ ни были. На это предложеніе также былъ отказъ. Теперь послы били челомъ, чтобы «Государь самъ умыслилъ, какъ ему свою отчину жаловать, и сколько ему волостей взять; отчина его полагается на Бога да него, своего Государя.» Тогда Великій Князь велѣлъ сказать послалъ: «Взять мнѣ половину всѣхъ волостей Владычнихъ и монастырскихъ, да Новоторжскія всѣ, чьи бы ни были.» Послы отвѣчали: «Скажемъ то Новгороду.» Въ Крещенье (6 Генваря) послы пришли къ Великому Князю и били челомъ, «чтобы Государь пожаловалъ, взялъ бы все, что требуетъ, но только бы не бралъ земель у тѣхъ монастырей, которые убоги и земель у нихъ мало.» Великій Князь отослалъ пословъ въ Новгородъ, и велѣлъ написать на списокъ половину волостей Владычнихъ и монастырскихъ; «да не таили бы ничего,» было прибавлено къ этому приказу, «а что утаятъ, то та земля Великихъ Князей.» Послы пришли на другой день съ требуемыми списками: тогда Великій Князь пожаловалъ Владыку, не взялъ у него половины волостей, а взялъ только десять; также пожалованы были бѣдные монастыри.

Но мы остановимся здѣсь въ разсказѣ о переговорахъ, по тому что въ сущности они пришли къ концу, и скажемъ о томъ, какъ велась осада Новгорода и что дѣлали Новгородцы въ то время, когда двуглавый Государственный орелъ своими страшными кохтями уже потрясалъ стѣны Великаго Новгорода и тѣнью крыльевъ своихъ покрывалъ храмъ Св. Софіи? Какъ сказано уже, Иванъ Васильевичъ всталъ со всѣмъ своимъ войскомъ около Новгорода и занялъ подгородные монастыри и посады. Это стояніе Великаго Князя для Новгородцевъ было «вельми притужно»; они сбѣжались въ городъ въ осаду, затворились и устроили чрезъ Волховъ деревянную стѣну на судахъ. Но Иванъ Васильевичъ не думалъ свои войска слать на приступъ, и дѣлалъ это по тому, какъ говоритъ Псковскій лѣтописецъ, что видѣлъ, какъ городъ крѣпко укрѣпленъ въ осадѣ, и если пойти подъ стѣны, то начнутъ съ обѣихъ сторонъ головы падать и кровь литься, а онъ не хотѣлъ производить кровопролитія, и началъ стоять подъ стѣнами стояніемъ, со всѣми своими силами. 30 Ноября онъ послалъ къ Псковитянамъ сказать, чтобы они шли немедленно съ пушками и со

всею приправою. Посланный встрѣтилъ Псковитянъ на Шелони. Въ это время половина войскъ Великокняжескихъ сбирала кормъ по Новгородскимъ волостямъ. Этѣ войска поплѣнили и пожгли всю страну отъ Заволочья до Литовскаго рубежа; дошедши до Нѣмецкаго рубежа, перешли рѣку Нарову и тамъ много повоевали. Такой сборъ корма былъ тяжелъ для Новогородской земли, даже тяжелѣе первой войны, такъ какъ тогда лѣтомъ многіе крылись отъ воиновъ въ лѣсахъ и за водами, а теперь зимою это дѣлать было нельзя, и многіе въ лѣсахъ умирали отъ мороза и голода, а въ своихъ домахъ были плѣнены. Въ самомъ Новгородѣ отъ тѣсноты было много скорби, печали и рыданія. По этому-то Владыка 4 Декабря билъ челомъ Великому Князю со слезами, чтобы онъ смиловался, мечъ унялъ и огонь утолилъ, а кровь Христіянская не лилась бы. 5 Декабря пришли Псковитяне подъ Новгородъ, а 6-го Иванъ Васильевичъ приказалъ извѣстному Аристотелю дѣлать мосты чрезъ Волховъ, на судахъ, подъ Городищемъ; мостъ долженъ былъ стоять на Волховѣ до того времени, пока Великій Князь, одолѣвши Новгородъ, возвратится въ Москву. Предполагая долгую осаду, Иванъ Васильевичъ послалъ ко Пскову своего Боярина, чтобы Псковитяне ему послужили и тѣмъ, чтобы прислали муки пшеничной, рыбы и меду прѣснаго, а съ инымъ Псковскіе купцы ѣхали бы торговать къ нему въ станъ подъ Новгородъ. Все требуемое Псковитяне спѣшили исполнить. Великій Князь стоялъ подъ Новгородомъ стояніемъ, выжидая отъ Новгородцевъ полнаго подчиненія. Мы видѣли, что хотя Новгородскіе послы и поддавались требованіямъ, однако жь тянули время. Новогородцы надѣялись на то, что Великій Князь наконецъ самъ пойдетъ отъ города и прикончаетъ съ ними по прежнимъ старинамъ. Но изъ Московскаго стана въ концѣ Декабря и послы не возвращались въ городъ, такъ какъ имъ и опасной грамоты не давали. При неизвѣстности того, что дѣлается кругомъ, жители Новогородскіе волновались: нѣкоторые хотѣли биться съ Великимъ Княземъ, а другіе задаться за него, и послѣднихъ было больше. Бояре встали на чернь, а чернь на Бояръ, изъ которыхъ многіе держали перевѣтъ къ Великому Князю. Общаго сознанія, что нужно дѣлать, у Новогородцевъ не могло быть, а тутъ вдругъ ихъ служебный Князь, Василій Васильевичъ Шуйскій, видя неустроеніе и мятежъ великій, 28 Декабря сложилъ съ себя къ Новгороду кре-

стное цѣлованіе, объявляя, что ѣдетъ служить къ Великому Князю. На это Новгородцы ничего ему не говорили, между тѣмъ какъ Князь еще оставался у нихъ въ городѣ; не трогали они его по тому, что боялись Великаго Князя, замѣчаетъ Московскій лѣтописецъ. 29-го Декабря Новгородскіе послы наконецъ воротились домой, послѣ долгого пребыванія въ Московскомъ станѣ, и принесли извѣстія, что они согласились на всѣ требованія Великаго Князя и то, чѣмъ Государь пожаловалъ свою отчину, Великій Новгородъ. Въ то время, когда на Вѣчѣ пришлось толковать о томъ, какія волости дать Великимъ Князьямъ, чтобы можно было имъ въ Новгородѣ свое Государство держать, тогда Князь Василій Шуйскій поѣхалъ къ Великому Князю: Иванъ Васильевичъ принялъ его и далъ ему дары. «Сему убо такъ совершившуся», видя все это Новгородцы, что ихъ Воевода и Князь кормленный, о комъ было имъ стоять и боронитьси, и тотъ поѣхалъ отъ нихъ изъ города къ Великому Князю, то они, положивъ упованіе на Бога, вдались во всю волю Великаго Князя.

Теперь переговоры шли о подробностяхъ значенія слова Государство: требуемыя волости уже были отданы. 8 Генваря пришли изъ Новгорода Владыка съ Посадниками, житьими людьми и черными, и били челомъ, чтобы Государь пожаловалъ свою отчину, Христіянство не гибло бы, по тому что отъ тѣсности въ городѣ моръ и голодъ истребляетъ людей. Но Великій Князь выслалъ къ нимъ Бояръ говорить о дани, чтобы они явили дани со всѣхъ волостей, съ сохи по полугривнѣ: такъ что ихъ соха? Новгородцы отвѣчали: три обожи соха, а обожу одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ, а кто на трехъ лошадяхъ, и самъ третей оретъ, то это соха. Князь Великій хотѣлъ взять дани по полугривнѣ уже съ обожи, но Владыка со всѣми Новгородцами, бывшими въ станѣ, началъ бить челомъ, чтобы Государь смиловался, бралъ бы дани, какъ они бьютъ челомъ, по 7 денегъ съ трехъ обожей, и бралъ бы ее одинъ разъ въ годъ. И этѣмъ Государь ихъ пожаловалъ, чтобы брать со всѣхъ волостей Новгородскихъ, и на Двинѣ и на Заволочьѣ, на всякомъ, кто пашетъ землю, и на ключникахъ, и на старостахъ, и на одерноватыхъ. Тогда Новгородцы начали бить челомъ, чтобы Государь не посылалъ своихъ писцовъ и даньщиковъ въ Новгородскія волости, по тому что то Христіянству тяжко, а положилъ бы Государь то все на Новго-

родскую душу: скажутъ всѣ, сколько у кого сохъ будетъ, да сами, собравши дань, отдадутъ по крестному цѣлованію тому, кому Великій Князь прикажетъ отдать въ Новгородѣ, а кто утаитъ хотя одну обожу и уличимъ его, то о томъ скажемъ своимъ Государямъ, и Великіе Князья того казнятъ. Всѣмъ этѣмъ Государь опять пожаловалъ Новгородцевъ. 10 Генваря Великій Князь приказалъ Боярамъ говорить Новогородцамъ объ Ярославовомъ дворѣ, чтобы его очистить. Владыка съ послами отвѣчалъ: «О томъ, Господине, ѣдемъ въ городъ и скажемъ Новгороду.» Въ этотъ же день приказано было явить посламъ списокъ, на чемъ Новгороду цѣловать крестъ Великимъ Князьямъ. Послы просили послать списокъ въ городъ и явить его всему Новгороду. Великій Князь исполнилъ просьбу, и посланный долженъ былъ явить списокъ Новгородцамъ въ палатѣ у Владыки, а не на Вѣчѣ, такъ какъ Иванъ Васильевичъ уже не признавалъ въ Новгородѣ существованія Вѣча. [65] 12 Генваря пришли послы съ отвѣтомъ; во первыхъ, о Ярославомъ дворѣ говорили: «Тотъ дворъ Государей нашихъ, и хотятъ они его взять, то предъ Богомъ и предъ ними, а захотятъ они взять въ околодкѣ мѣсто соотвѣтственно двора, и то предъ ними;» во вторыхъ, о присяжномъ спискѣ послы отвѣчали, что Новгородцы готовы на немъ цѣловать крестъ. Тогда Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Новгородцы переписали списокъ слово въ слово съ Великокняжескаго, а Владыка подписалъ бы его собственною рукою и печать свою привѣсилъ, да также приложили бы печати отъ всѣхъ пяти концовъ Новгородскихъ и явились бы съ такимъ спискомъ на другой день въ станѣ Владыка, Посадники и житьи люди. На другой день Новгородцы прибыли изъ Новгорода, исполнивши требуемое, и въ станѣ предъ Боярами цѣловали крестъ на записи. При этомъ Бояре сказали Новгородцамъ о Псковитянахъ, что такъ какъ послѣдніе послужили теперь Великимъ Князьямъ, то они бы имъ не мстили за это, а о всѣхъ обидныхъ дѣлахъ производился бы судъ по ссылкѣ чрезъ Намѣстниковъ Новогородскаго и Псковскаго; да также не мстили бы Новогородцы своимъ Боярамъ, Дѣтямъ Боярскимъ и Боярынямъ, которыя служатъ Великому Князю; да чтобы Двиняне и Заволочане цѣловали крестъ на имя Великаго Князя, а къ Новго-

[65] Такъ кажется нужно понимать этотъ приказъ.

роду крестное цѣлованіе сложили. И на этомъ Новгородцы, вмѣстѣ съ первымъ обязательствомъ, цѣловали крестъ.

Послѣ крёстнаго цѣлованія, Новгородцы били челомъ Боярамъ, чтобы они печаловались у Великаго Князя о слѣдующемъ: такъ какъ они уже цѣловали крестъ, а оставшіеся въ городѣ тамъ его поцѣлуютъ, то имъ хотѣлось бы услышать изъ устъ Великаго Князя жалованное слово по прежнему жалованью. Эта просьба, какъ и прежняя, подобная ей, была исполнена. 15 Генваря поѣхали Бояре въ Новгородъ приводить жителей къ крестному цѣлованію и также сказать Новгородцамъ жалованное слово. Послѣднее долженъ былъ сдѣлать Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, въ Палатѣ, но не на Вѣчѣ, по тому что съ того дня Вѣча въ Новгородѣ уже не существовало. Присягу давали всѣ Новгородцы: и жены, и вдовы, и люди Боярскіе; во время присяги Бояре отобрали у Новгородцевъ грамоту, которою они укрѣпили себя. Послѣ этого (18 Генваря) явились Бояре, Дѣти Боярскіе и житьи люди къ Великому Князю, и били ему челомъ въ службу.

Съ этого дня осада Новгорода кончилась. Владыка просилъ у Великаго Князя Приставовъ людямъ, которые сбѣжались въ городъ и теперь хотятъ возвратиться въ волости и села; эта просьба была исполнена. 20 Генваря Иванъ Васильевичъ послалъ въ Москву извѣстіе, что онъ привелъ въ свою волю отчину, Великій Новгородъ, и учинился на немъ Государемъ точно также, какъ и на Москвѣ. Чрезъ день послѣ этого были посланы Намѣстники въ Новгородъ и велѣно было имъ встать на дворищѣ Ярославовомъ; такимъ образомъ просьба Новгородцевъ объ этомъ дворѣ не была исполнена. Самъ Иванъ Васильевичъ, по случаю мора въ городѣ, не поѣхалъ туда, а былъ тамъ только два раза у обѣдни въ храмѣ Св. Софіи. Теперь дѣло съ Новгородомъ было кончено, и Иванъ Васильевичъ поѣхалъ въ Москву: это было 17 Февраля. Передъ его отъѣздомъ обобраны были у Новгородцевъ всѣ договоры, которые они заключали съ Великими Князьями Литовскими и съ Королемъ. Такимъ образомъ, не говоря о значеніи этѣхъ грамотъ, Ивану Васильевичу, первому Государю въ Россіи, пришлось добыть первый настоящій военный трофей — Государственный архивъ. Такъ же до отъѣзда Ивана Васильевича изъ подъ Новгорода были поиманы Староста Купеческой, Марко Панфильевъ, пятеро Бояръ

и Марѳа Борецкая съ внукомъ, они были посланы въ Москву, а имѣнья ихъ были отобраны на Великаго Князя. Иванъ Васильевичъ воротился въ Москву 5-го Марта, а послѣ себя велѣлъ туда же привести изъ Новгорода Вѣчевой колоколъ; лѣтописецъ многозначительными словами опредѣляетъ судьбу этой святыни Новгородской свободы: его подняли на колокольницу на площади, чтобы звонить вмѣстѣ съ прочими колоколами.

IV.

Почти каждая лѣтопись, по окончаніи разсказа о побѣдѣ Ивана III надъ Новгородомъ, кончаетъ какимъ ни будь нравственнымъ разсужденіемъ. Впрочемъ, къ этѣмъ разсужденіямъ нужно относиться осторожно, такъ такъ не всѣ же онѣ современны событіямъ и при томъ переписывались нѣсколько разъ послѣ, по этому нужно обратиться къ событіямъ. Моръ, начавшійся во время осады Новгорода, продолжался и по окончаніи ея; мерли старые и молодые, и иногда въ одну могилу клали отъ двухъ до десяти человѣкъ; страна была совершенно разорена. Новгородъ палъ съ борьбою, и при этомъ паденіи съумѣлъ сохранить себѣ нѣкоторыя выгоды, такъ что онъ все таки находился въ привилегированномъ положеніи въ сравненіи съ тѣмъ, въ какомъ находились остальныя области Московскаго Государства. Прославитель Новгородской свободы говоритъ, что Иванъ Васильевичъ не слишкомъ цѣнилъ свои обѣщанія, на которыхъ не даромъ не хотѣлъ присягать, [66] а велѣлъ схватить нѣкоторыхъ Бояръ и имѣнія ихъ взялъ себѣ. Но историкъ забываетъ только то, что подобный способъ очищенія Новгорода отъ безпокойныхъ людей, какъ ни былъ страшенъ Новгородцамъ, но они его допускали и прежде, при всѣхъ своихъ старинахъ, когда Иванъ Васильевичъ ималъ Бояръ только за то, что мыслили отдаться Великому Новгороду за Короля.

Съумѣли ли Новгородцы удержать за собою привилегіи, и были ли въ состояніи примириться съ теперешнимъ своимъ положеніемъ? Не помѣшалъ ли кто ни будь имъ и не обѣщалъ ли по-

[66] Сѣверн. Руск. народоправ. т. I, стр. 231.

мочь возстановить старые порядки? Московское Государство было въ то время, точно сухая губка, которая всасываетъ въ себя всякую жидкость, къ какой только прикасается: Новгородомъ оно не могло удовлетвориться, по тому что послѣ предъявило притязаніе на всю Русь; но и теперь такой большой прибытокъ Московскаго Государя озадачилъ многихъ. Иванъ Васильевичъ превращалъ Новгородъ въ часть своего Государства вмѣстѣ съ своими братьями, но не подѣлился съ ними изъ завоеваннаго, и они встали противъ него; съ другой стороны Король Казимиръ долженъ былъ съ ужасомъ смотрѣть на такія завоеванія Московскаго Великаго Князя. Что же касается самаго Новгорода, то тамъ Иванъ Васильевичъ выбралъ не всѣхъ, которые не сочувствовали Московскому господству, и при томъ онъ не оставилъ въ новоприобрѣтенной области войска. Одна наша лѣтопись разсказываетъ,[67] что когда прошло семь мѣсяцевъ послѣ возвращенія Ивана Васильевича въ Москву изъ подъ Новгорода, какъ онъ узналъ, что изъ Новгородцевъ многіе, забывши крестное цѣлованіе, начали колебаться и съ Королемъ Казимиромъ ссылаться, зовя его въ Новгородскую Землю съ войскомъ; Король обѣщалъ имъ помочь, послалъ къ Хану Золотой Орды, Ахмату, звать его противъ Великаго Князя; кромѣ того онъ обратился также и къ Папѣ, прося у него денегъ на подмогу и выставляя при этомъ, что предстоящая борьба съ Московскимъ Государемъ есть борьба въ пользу Католичества. Папа назначилъ на такое святое дѣло сборъ денегъ съ Литовскихъ и Польскихъ церквей. Новгородцы посылали за помощію и къ Нѣмцамъ, но тѣ побоялись помогать имъ, опасаясь Псковитянъ, хотя послѣдніе ничего объ этомъ не знали.

На сколько незначительны были затѣи Новгородцевъ, показываетъ намъ то, что подробности этого дѣла находятся только въ одной, дошедшей до насъ, лѣтописи, другія же упоминаютъ лишь мимоходомъ о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ его. А та лѣтопись, которая объ этомъ дѣлѣ говоритъ, прямо указываетъ, что Иванъ Васильевичъ накрылъ Новгородцевъ въ самомъ началѣ ихъ предпріятія. Онъ, 26 Октября, 1479 года, пошелъ миромъ къ Великому Новгороду и взялъ съ собою только 1000 человѣкъ; од-

---

[67] Татищ. ч. 5, стр. 79 — 81.

нако, онъ приказалъ сыну собрать войска и скорѣе посылать за нимъ, объявляя, что идетъ на Нѣмцевъ. Въ Новгородъ было послано извѣстіе, что походъ именно предпринимается съ этою цѣлью; но чтобы тамъ не узнали о большомъ сборѣ войскъ, то приказано было разставить заставы на дорогѣ. Изъ Торжка Иванъ Васильевичъ послалъ къ братьямъ, чтобы они спѣшили къ нему съ войсками. Можетъ быть, Новгородцы и не знали настоящей цѣли похода, однако же, когда Иванъ Васильевичъ пришелъ въ Бронницы съ войсками, то здѣсь узналъ, что Новгородцы затворились въ городѣ. (Должно быть въ это самое время они возстановили всѣ свои старые порядки: Вѣче, Посадника, Тысяцкаго и т. д). Тогда, дождавшись войскъ, онъ занялъ Новгородскіе посады и на другой день приказалъ приступать къ городу и изъ пушекъ палить. Теперь въ Новгородѣ хуже было, чѣмъ прежде: не только многіе не хотѣли биться съ Великимъ Княземъ, но прямо бѣжали къ нему; на просьбу опаса Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ: «Я самъ опасъ невиннымъ и Государь вашъ; отворите ворота, и когда войду, тогда всѣхъ невинныхъ ни чѣмъ не оскорблю.» Такъ какъ пальба изъ пушекъ, управляемыхъ Аристотелемъ, продолжалась, то ворота Новгородскія отворились. Архіепископъ съ духовенствомъ въ ризахъ, со крестами, вышли на встрѣчу Великаго Князя; тутъ же вышло и новое Новгородское Правительство, съ Боярами и народомъ; вышли они, отложивъ чины и пали ницъ, моля о прощеніи. Великій Князь благословился у Владыки и сказалъ всѣмъ въ слухъ: «Я—Государь вашъ, и даю всѣмъ невиннымъ въ этомъ злѣ миръ, и пусть они ничего не боятся.» Помолившись у Св. Софіи, Иванъ Васильевичъ отправился во дворъ новаго Посадника, Еѳима Медвѣдева; здѣсь онъ назначилъ мѣсто своего пребыванія, и въ тотъ же день приказалъ поимать 50 человѣкъ пущихъ крамольниковъ и велѣлъ ихъ пытать. Схваченные подъ пыткой показали, хотя и долго скрывали, что Владыка былъ въ единомысліи съ ними; по этому 19 Генваря былъ поиманъ Архіепископъ и посланъ въ Москву, а все его огромное богатство, состоящее въ золотѣ, серебрѣ, бисерѣ и каменьяхъ драгоцѣнныхъ, взято на Великаго Князя. Владыка Ѳеофилъ прежде твердо стоялъ за подчиненіе Новгородской церковной іерархіи Митрополиту, жившему въ Москвѣ, не хотѣлъ признавать для себя иной власти, кромѣ власти послѣдняго, и теперь былъ

отосланъ Великимъ Вняземъ къ этому Митрополиту въ Москву, для произведенія надъ нимъ церковнаго суда. Нельзя обвинять Ивана Васильевича за тотъ страшный судъ, который онъ теперь производилъ надъ Новгородомъ, и подобныя выраженія объ этихъ событіяхъ, что онъ «не долго разбиралъ дѣйствительность вины Владыки, и безъ церковнаго суда его схватили и заточили въ Чудовъ монастырь,»[68] совсѣмъ не у мѣста и неприличны. Борьба шла изъ чувства самосохраненія, дѣло было ясно: Иванъ Васильевичъ хорошо зналъ сношенія Казимира съ Новгородомъ; зналъ онъ также и то, что въ степяхъ приготавливается Татарское нашествіе на Россію, а въ Новгородѣ крамольники во время розыска сказали, что они имѣли тайную ссылку съ Князьями Андреемъ Большимъ и Борисомъ Васильевичами. Узнавъ такія вещи о своихъ братьяхъ, Иванъ Васильевичъ никому объ этомъ не сказалъ, но скоро пришла вѣсть и въ Новгородъ, что эти Князья возстали. Въ такомъ положеніи онъ поступилъ точно также, какъ поступали всѣ Государственные люди, рѣшающіеся спасти дѣло столѣтій послѣднимъ средствомъ, а именно, посредствомъ единовременнаго ужаса. Новгородцамъ употребленіе ужаса отчасти было извѣстно, по тому что только посредствомъ его одна партія побѣждала другую, но Государственный ужасъ имъ былъ не знакомъ. Лѣтописецъ сообщаетъ, какъ ужасныя наказанія, такъ и страшныя цифры людей, подвергшихся имъ: 100 человѣкъ большихъ крамольниковъ было казнено, а имѣнія ихъ были взяты на Великаго Князя; до 100 семействъ Дѣтей Боярскихъ и купцовъ было разослано по Низовымъ городамъ: во Владимиръ, Муромъ, Нижній, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другія города, и тамъ даны имъ помѣстья; до 7000 семействъ разослано по городамъ, посадамъ и темницамъ. На мѣсто выселенныхъ были переведены изъ другихъ Московскихъ городовъ Дѣти Боярскіе, также много холопей и много купцовъ, которые были пожалованы помѣстьями подвергшихся выводу.

---

[68] Сѣверно-Рус. народоправ. т. I, стр. 234. Мнѣ могутъ замѣтить, что я опровергаю мнѣнія Г-на Костомарова только въ мелочахъ; но изъ подобныхъ этѣмъ мелочей, и при томъ неосновательныхъ, состоитъ вся суть его сочиненія.

V.

Съ небольшимъ въ три мѣсяца Иванъ Васильевичъ покончилъ все свое послѣднее дѣло съ Новгородомъ. Въ Февралѣ 1480 года онъ былъ уже въ Москвѣ, увѣренный въ томъ, что въ Новгородѣ никто не возстанетъ противъ его власти, по тому что не кому было уже возстать. Когда въ слѣдующемъ году Ахматъ пришелъ подъ Угру, Король Казимиръ грозилъ войною, а возставшіе Князья вступили въ Новгородскія области, то нашли, что тамъ ихъ союзники, всѣ старые Вѣчники, уже истреблены совсѣмъ.

«Тако» конечнѣ укроти Новгородъ Великій Иванъ Васильевичъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Старый Вѣчевой и новый Государственный порядки не могли ужиться вмѣстѣ: новый взялъ верхъ, но старый палъ со славою. Меньшой братъ, Новгорода, Псковъ, выдалъ его также, какъ выдавали, за временныя выгоды, служебные Князья Князей, подобныхъ Шемякѣ и Андрею Большому; но и Псковъ, черезъ 40 лѣтъ, также попалъ въ руки Государства, но попалъ безславно, безъ борьбы, между тѣмъ какъ Новгородъ поборолся съ новыми Московскими порядками такъ, что послѣ этого не нашлось ни одного человѣка изъ Новгородцевъ, кто бы оставилъ потомству плачь о Новгородской свободѣ. Это послѣднее можно говорить по тому, что Московская цензура не могла же истребить именно Новгородскаго описанія паденія Новгорода, оставивши въ то же время въ цѣлости Новгородскія лѣтописи. Когда Псковъ палъ, то его лѣтописецъ высказалъ предъ потомствомъ такіе слова о погибели своей родины, которые мы, по всей справедливости, можемъ отнести къ Новгороду; вотъ они: «Отнялась слава Новгорода, плѣненъ онъ не иновѣрными, а своими единовѣрными людьми. Кто о семъ не восплачетъ, кто не возрыдаетъ? О славнѣйшій градъ, Новгородъ, почто сѣтуеши и почто плачеши? и отвѣща прекрасный градъ, Новгородъ: Како ми не сѣтовати и не скорбѣти о своемъ опустѣніи? Налетѣлъ на меня многокрыльный орелъ, исполнившій крылья львовыхъ когтей, и взялъ отъ меня три кедра Ливанскіе: красоту мою, богатство и чада восхити; Богу, постигшу за грѣхи наши, землю пусту сотвориша, градъ нашъ разориша и люди поплѣниша, и торжища раскопаша, а иные торжища коневымъ

каломъ заметаша, отецъ, братію и друзи наша разведоша туда, гдѣ отцы, дѣды и прадѣды не бывали, а матери и сестры наша въ поруганіе даша.... и посади Великій Князь въ Новгородѣ Намѣстниковъ своихъ и Дьяковъ, и правда у нихъ взлетѣла на небо, а кривда въ нихъ начала ходить — были немилостивы до Новгородцевъ, а тѣ бѣдные не вѣдали правды Московскія.....»

VI.

Но что же Казимиръ? На него надѣялись Новгородцы, отъ него они себѣ ждали спасенія, онъ же обѣщалъ имъ помочь? Казимиръ привелъ Ахмата подъ Угру, обѣщалъ ему помогать, то же онъ обѣщалъ и братьямъ Великаго Князя, но ни кому не помогъ. Причина этому отчасти была и та, что въ теченіи 1480 года между Иваномъ Васильевичемъ и Казимиромъ происходили, какъ видно, дѣятельныя сношенія, и Иванъ Васильевичъ что-то обѣщалъ Казимиру. Мы не имѣемъ записанныхъ сношеній Московскаго Двора съ Литовскимъ за это время, но имѣемъ подробныя записанныя сношенія съ Крымомъ, и изъ нихъ видимъ слѣдующее: въ 1481 году былъ отправленъ въ Крымъ Бояринъ Тимоѳей Скряба, и ему было наказано говорить Царю: «Король присылалъ въ Москвуословъ, чтобы были между Государями любовь и докончанье; изъ Москвы къ нему тоже отправлены послы, и каковое дѣло будетъ, то объ этомъ дадутъ изъ Москвы въ Крымъ извѣстіе.» Потомъ было наказано Скрябѣ, что если Менгли-Гирей захочетъ ити на Литовскую Землю и спроситъ его, какъ думаетъ объ этомъ Великій Князь, то говорить, что объ этомъ ничего ему не наказано.[69] Польскій лѣтописецъ говоритъ, что между Государями, въ слѣдствіе сношеній, состоялось перемиріе на нѣсколько лѣтъ, и Казимиръ, отвлекаемый другими дѣлами, сдѣлалъ многія уступки.[70] Но перемирія въ формальномъ отношеніи ни какого не состоялось, а сношенія шли именно по поводу Новгорода, и въ нашей лѣтописи, подъ 1482 годомъ, говорится, что Король Казимиръ прислалъ своего посла, Богдана, прося у Великаго Князя Новгорода

---

[69] Дѣла Крым. № 1, посольства 1481 года.

[70] Стрійковскій ч. 2, стр. 284, изд. 1846 года.

Великаго и Лукъ Великихъ; [71] этотъ посолъ получилъ, какъ видно, полный отказъ, по тому что, когда гроза миновалась, то начались враждебныя дѣйствія Ивана Васильевича противъ Литвы. Въ это время Менгли-Гирей, по Московскому наводу, разорилъ Кіевъ, и тогда же случился въ Литвѣ бунтъ Бѣльскаго съ товарищи. Такъ какъ переговоры о Новгородѣ не были кончены и Литовскіе Государя не признавали за Московскимъ Государемъ право обладанія Новгородомъ, то когда начались переговоры о вѣчномъ мирѣ у Александра Казимировича съ Иваномъ Васильевичемъ, то Литовскимъ посламъ было наказано твердо стоять на томъ, чтобы Новгородъ Великій поставить въ докончаньѣ, также какъ онъ поставленъ въ докончаньѣ Короля Казимира съ Великимъ Княземъ Василіемъ Васильевичемъ, а Луками и Ржевой Московскій Государь поступился бы совсѣмъ; если же послы не въ состояніи будутъ этого отстоять, то поступиться, и при этомъ, если будетъ можно, то написать Инфлянты въ сторону Литовскаго Государя, точно также какъ Московскій напишетъ въ свою сторону Новгородъ; если же и этого нельзя будетъ отстоять, то Инфлянты поставить въ соотвѣтствіе Новгороду и Твери, объ которой также не нужно скоро соглашаться на уступки; въ концѣ же концовъ, если въ Москвѣ ужь очень крѣпко будутъ во всемъ этомъ упираться, то все уступить. [72] Послѣднее условіе объясняется тѣмъ, что въ Литвѣ хотѣли остановить наступательное на нее движеніе Москвы посредствомъ брака Александра Казимировича съ дочерью Ивана Васильевича, и по этому готовы были теперь утвердить всѣ прежнія Московскія пріобрѣтенія, не только молчаливымъ согласіемъ, но и посредствомъ договора. При томъ такія уступки необходимо было дѣлать, по тому что какъ только завелись переговоры о мирѣ и сватовствѣ, то Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, игравшій, какъ мы видѣли, важную роль въ завоеваніи Новгорода, сказалъ Литовскимъ посламъ, объявлявшимъ о вступленіи Александра Казимировича на престолъ: «Говорите вы, что братья и дяди ваши хотятъ любви и докончанья между Государями, да и сватовства; такъ, когда пріѣдутъ объ этомъ говорить,

---

[71] П. С. Р. Л. т. 6, стр. 234.

[72] Ак. З. Р. т. 1, № 111.

то чтобы лишнихъ рѣчей не было; а то какъ пріѣзжалъ отъ Короля къ нашему Государю Богданъ о любви и докончаньѣ, то было много лишнихъ рѣчей, да за тѣмъ между Государями и дѣло не состоялось.» [73] Повтореніе содержанія этѣхъ интересныхъ рѣчей, словами Князя Ивана Юрьевича, было остановлено, и по этому онѣ во многомъ для любопытства потеряны.

---

[73] Дѣла Польск. № 1.

ГЛАВА III.

СТЕПНЯКИ.

Характеристика Степняковъ и образъ обхожденія съ ними. — Нашествіе Ахмата подъ Алексинъ. — Роль Крымцевъ въ Русской Исторіи и начало сношеній Ивана Васильевича съ Менгли-Гиреемъ. — Нашествіе Ахмата подъ Угру; характеръ лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ нашествіи. — Сношенія Москвы и Литвы съ Крымомъ послѣ 1480 года и нашествіе Менгли-Гирея на Кіевъ. — Степные дѣла въ Дану въ восмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ пятнадцатаго столѣтія, и роль Казани въ этихъ дѣлахъ. — Запросы Крымцами поминковъ.

I.

На вопросъ: «Что такое Степняки?» могутъ дать отвѣтъ слѣдующія выраженія. Такъ не говорили, что въ Ордѣ голодъ, или моръ, а говорили, что Орда «охудѣла», «опала»; не говорили, что такого-то Татарина убили, а говорили, что его «закололи»; при этомъ лучшимъ способомъ убійство считалось, «человѣка зарѣзатьи ожомъ, какъ овцу». Когда Татары начинали кочевать въ степяхъ, то объ этомъ говорили, что степь «засорилась», «поле стало нечисто»; если двѣ враждебныя Орды имѣли между собою сраженіе, то Степняки выражались такъ, что они «сгрызлись», «постравились»; когда одна Орда преслѣдовала другую, то говорилось, что преслѣдующая «томитъ» врага и находится у него «на хребтѣ»; о своей побѣдѣ Ордынцы говорили, что они «потоптали» врага. О полученіи поминковъ или дани Татары говорили, что они «доили» Короля, или Великаго Князя; когда они грабили, то точно также доили Русскую, Литовскую и Лядскую земли. Одинъ Ногайскій Мурза, объявляя Великому Князю, что не только два его брата управляютъ улусомъ, но и онъ съ ними, выражалъ эту мысль такъ, что «онъ отъ трехъ оглоблей одна.» Крымскому Калгѣ прислали мало поминковъ изъ Москвы, по этому онъ свое неудовольствіе высказалъ слѣдующимъ

возраженіемъ: «У меня людей много, и если я стану поминки жевать и на людей плевать, то и тогда ихъ недостанетъ». Турецкій Султанъ посадилъ въ Кафу своего сына, и такое сосѣдство для Крымскаго Хана было весьма непріятно, то для характеристики такого положенія дѣлъ, Менгли-Гирей приводилъ пословицу, что «въ одинъ котелъ двѣ бараньи головы не лѣзутъ.» Если самъ Царь сравнилъ Крымъ съ котломъ,. а свою собственную голову съ бараньей, то, кажется, никто не имѣетъ права поднимать значеніе Степняковъ выше того, чему они себя уподобляли; притомъ, ихъ Европейскіе современники, Москвичи и Литовцы, если и поднимали Степняковъ, въ ихъ собственныхъ глазахъ выше родныхъ имъ животныхъ и вещей, то вѣжливо ихъ сравнивали съ разбойниками, которые безъ того жить не могутъ, чтобы не воевать, то есть, грабить и разорять. Когда же Москвичи и Литовцы звали Татаръ къ себѣ на помощь, то говорили Царю: «Ты бы, братъ, поберегъ наши Украйны отъ нашихъ непріятелей, да и своимъ людямъ не давалъ бы наши Украйны грабить»; но такъ какъ послѣднее почти постоянно происходило, то Царь объ этомъ говорилъ, что напрасно на это жаловаться, по тому что у него лихихъ людей такъ много, что ихъ удержать нельзя: «они», видя, что есть что грабить, пограбили.» Когда, по наученію Москвичей, или Литовцевъ, предпринималось важное Татарское нашествіе, то Степняки объявляли желаніе, чтобы или Литовскій Панъ ихъ велъ на Москву, или Московскій Боярин на Литву, и указывалъ бы имъ, что грабить и какъ разорять.

Когда въ первой половинѣ XIII вѣка срединная Азія выслала своихъ сыновъ на Европу, то степной вопросъ стоялъ у горъ Чешскихъ; во второй же половинѣ XV столѣтія предѣлы, на которыхъ Степняки могли безпрепятственно двигаться, ограничивались теченіемъ Днѣпра, нижнимъ теченіемъ Днѣпра, степями на югъ отъ Оки; Волга, отъ Нижняго Новгорода, текла уже въ широкой степи, собственности Ордынцевъ. Но здѣсь нужно сдѣлать оговорку, что земли по Деснѣ и нѣкоторымъ рѣкамъ, впадающимъ южнѣе ея въ Днѣпръ, были уже заселены; такія же поселенія скрывались за лѣсами на правой сторонѣ Оки. Главною защитою Московскаго Государства отъ нашествій Степняковъ являлась рѣка Ока: она для Татаръ была «большая узда», прорваться сквозь которую составляло для нихъ почти непреоборимую труд-

ность. Берега этой большой узды постоянно охранялись дружинами Московскихъ служебныхъ Князей, обязанностію которыхъ было смотрѣть, какъ бы Татары, гдѣ ни будь нечаянно не переправились на лѣвой берегъ рѣки. Изъ южныхъ степей теперешней Россіи Татары подходили къ Окѣ по водораздѣламъ Днѣпра, Дона и Волги; что же касается того, что былъ еще водораздѣлъ Оки и Днѣпра, то онъ, защищенный лѣсами и многочисленными мелкими рѣками, былъ значительно заселенъ, и по тому этотъ путь былъ труденъ для прихода Татаръ на Русь.

Объ отношеніяхъ къ Степнякамъ ихъ Европейскихъ сосѣдей нельзя говорить, чтобы они имѣли какую ни будь юридическую форму. Степняки сравнивали себя съ животными, а Европейцы считали ихъ разбойниками: изъ этѣхъ понятій выходили и всѣ отношенія къ нимъ. Впрочемъ, самое понятіе, связанное съ словомъ «отношеніе», непримѣнимо къ Степнякамъ, и Европейцы больше думали объ образѣ обхожденія съ ними и о средствахъ избавиться отъ этой напасти.

Василій Васильевичъ Темный, дѣлая распоряженія, въ своей духовной грамотѣ, о томъ, какъ его наслѣдники должны собирать выходъ или дань Татарамъ, говоритъ: «а перемѣнитъ Богъ Орду». [74] Здѣсь Великій Князь, который самъ бывалъ въ Татарскомъ плѣну, гдѣ надъ нимъ Татары надругались, высказываетъ надежду, что, можетъ быть, его дѣти будутъ на столько счастливы, что имъ не придется испытывать тѣхъ непріятностей отъ Степняковъ, какія испытывали многіе изъ ихъ предковъ. Эта надежда основывалась на томъ, что во второй половинѣ XV вѣка Степняки не были скучены въ одну массу, а распадались на нѣсколько Ордъ, при чемъ главная изъ нихъ, Золотая Орда, при всей своей слабости, все еще закрывала собою отломившіяся отъ нея части. Этѣ части Золотой Орды были: Крымъ, Казань, а по мѣрѣ ослабленія главной появлялись на сцену одна за другой болѣе мелкія Орды и наконецъ разрозненныя, въ нѣсколько сотъ и даже десятковъ человѣкъ, шайки Татаръ, бродившія по степямъ и высматривавшія себѣ добычу.

---

[74] С. Г. Г. и Д. т. 1, № 86.

Образъ обхожденія съ Степняками выработался въ довольно правильную систему, состоявшую въ томъ, что Московскіе Государи не желали вступать съ ними въ бой, а только отгоняли отъ своихъ границъ. Татаръ можно было купить подарками, но истребить эту язву давали средство сами же Степняки своею способностію къ ожесточеннѣйшей враждѣ между собою. А какова была способность Степняковъ при этой враждѣ истреблять самихъ себя, можно привести слѣдующій примѣръ. Въ слѣдствіе ссоры съ Ногайцами, Крымская Орда, въ 1523 году, перебралась на восточную сторону Дона. Нашъ посолъ къ Турецкому Султану прислалъ (28-го Іюля, въ Москву грамоту изъ Азова: [75] «а сказывали намъ, что полемъ пройти нельзя: по обѣ стороны стояли Ногайскіе Татары съ Крымскимъ полономъ. Мы послали впередъ Казаковъ, которые видѣли, какъ Крымцы бѣжали отъ Ногайскихъ Мурзъ, перевозились за Донъ, и какъ они тамъ тонули на перевозахъ. Да мы и самъ видѣли дней на 5, на 6 и на 10 пути, по которымъ мѣстамъ Крымцы возились, ино лежитъ топлыхъ лошадей, верблюдовъ и людей по берегу и по полю и телѣгъ метано добре много, а Татаре Крымскіе по перевозамъ весьма многіе топли.» Любуясь на такого рода картину, Иванъ Семеновичъ Брюховъ (имя посла) ѣхалъ Дономъ; другіе же наши послы въ Крыму насчитывали Крымской Орды передъ этою ссорой до 100,000 людей взрослыхъ, а послѣ нея они же насчитывали Крымцевъ много много до 15,000 человѣкъ, изъ которыхъ очень немногіе могли воевать. Возбуждать подобную вражду, ставить Степняковъ противъ Степняковъ, и тѣмъ, давши имъ занятіе, отвлекать отъ своихъ границъ, было сущностію всѣхъ дѣйствій нашихъ дипломатовъ по степнымъ дѣламъ, хотя здѣсь встрѣчались препятствія особаго рода, о которыхъ будетъ сказано ниже. Исключеніе изъ этого общаго правила обхожденія съ Степняками, то есть, смѣлое вступленіе въ бой съ цѣлою Ордой, представляетъ собою великая битва Куликовская и ей подобныя дѣла, нравственно удовлетворявшія народныя чувства, но они не были одобряемы многими людьми, руководившими обществомъ, какъ рискованныя, невыгодныя по пожертвованіямъ, съ которыми они сопряжены, и въ то же время не обѣщавшими большой выгоды въ будущемъ. Представители подобныхъ убѣжденій смѣ-

[75] Д. Тур. № 1, л. 257 и далѣе.

ло указывали на то, что послѣ Мамая явился Тохтамышъ. За то совершенно иначе дѣйствовали Москвичи, когда Орды были слабы, или являлись въ видѣ мелкихъ шаекъ: тогда ихъ безпощадно истребляли, положительно не стѣсняясь въ средствахъ. «Стояніе на Берегу» и занятіе Князей служебныхъ заключалось именно въ томъ, чтобы отгонять Татаръ отъ Русскихъ границъ и истреблять ихъ шайки.

Кромѣ того, что Москвичи постоянно старались возбуждать ссоры въ Ордахъ, было еще другое средство, впрочемъ, выходившее изъ перваго, сдерживать Степняковъ. Подобную Орду, какъ Казанская, которая при томъ осѣлась около своего города, старались поставить силою въ зависимость отъ себя, а Царевичей и Царей, которые были изгоняемы изъ Ордъ, въ Москвѣ съ удовольствіемъ принимали. Этѣмъ Царевичамъ Московскій Государь обыкновенно давалъ во владѣнія степные пограничные города; отсюда они могли, сколько имъ угодно, вмѣстѣ съ своими Татарами, мстить своимъ Ордынскимъ недругамъ и отгонять ихъ отъ Русскихъ границъ. Ходить въ степи съ Татарами этѣ Царевичи могли съ разрѣшенія Московскаго Правительства и подъ руководствомъ Московскихъ Воеводъ. Главное владѣніе такихъ Царевичей былъ Мещерскій городокъ или Касимовъ, потомъ имъ давались во владѣніе: Серпуховъ, Кашира и другіе города. Такихъ служебныхъ Татарскихъ Князьковъ въ Московской службѣ было значительное количество. Такъ какъ этѣ Князьки имѣли громадныя притязанія на управленіе всѣми Ордами, то выпускомъ ихъ на свободу въ степи, и помощію имъ Русскими ратями, обыкновенно пугали независимыхъ Степняковъ и сдерживали ихъ отъ набѣговъ на Украйны.

Такое положеніе Степняковъ, по видимому, давало возможность ихъ Европейскимъ сосѣдямъ сдѣлать изъ нихъ безсмысленное орудіе въ своихъ рукахъ. Но этѣ ихъ Европейскіе сосѣди были въ ссорѣ между собою и старались подчинить это орудіе своей волѣ, во вредъ своему врагу. Въ слѣдствіе этого степныя дѣла пріобрѣтаютъ особенный интересъ, по тому что на нихъ значительно отражаются тѣ отношенія, въ какихъ находилось Московское Государство съ Литовскимъ. Основное правило обхожденія съ Степняками было то, чтобы истреблять ихъ ихъ же средствами, но

при враждѣ Европейцевъ выходило то, что каждый изъ нихъ старался направить Орду на предѣлы своего врага, въ слѣдствіе этого Орды получали значеніе, котораго они сами по себѣ не имѣли. Оба врага хотѣли дѣйствовать однимъ орудіемъ, а отъ этого управленіе имъ было дурно и наносило обоимъ управителимъ одинаковый вредъ.

Впрочемъ, мы не имѣемъ положительнаго права сказать, что, кромѣ отношеній Степняковъ къ Европейцамъ, не было у нихъ собственной своей исторіи. Они тоже жили и живутъ, исторія ихъ до крайности однообразна, и изучивши одинъ періодъ ея, мы уже знаемъ всѣ. Главное явленіе ея то, что почти въ опредѣленные періоды въ Ордахъ показывается какое-то судорожное движеніе, кончающееся или рѣзней между ними, или набѣгомъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, на границы котораго ни будь изъ сосѣднихъ Европейскихъ Государствъ.

Въ началѣ государствованія Іоанна III его отношенія къ главной Ордѣ были довольно мирны, по этому походы Московскихъ ратей были направлены противъ Казанской Орды, кончившіеся тѣмъ, что Казанскій Царь, Ибрагимъ, видя себя въ великой бѣдѣ, началъ посылать къ Великому Князю о мирѣ и добилъ челомъ на всей волѣ Великаго Князя и на Воеводской, а полонъ выдалъ за 40 лѣтъ. [76] Когда Иванъ Васильевичъ рѣшился, лѣтомъ 1471 года, ити на Новгородъ, то Король Казимиръ послалъ служившаго у него Татарина, Кирея Криваго, поднимать Хана Золотой Орды на Московскаго Государя. Царь продержалъ Кирея до осени, и отпустилъ потомъ къ Королю вмѣстѣ съ своимъ посломъ. Иванъ Васильевичъ успѣлъ управиться съ Новгородомъ и, кромѣ подкупа Татаръ, который, какъ надо полагать, былъ употребленъ, онъ посылалъ Семена Беклемишева искать въ степяхъ Царевича Муржозу, звать его къ себѣ жить. Беклемишевъ исполнилъ приказъ. [77]

На слѣдующее лѣто 1472 года Ахматъ, по подговору Короля, рѣшился сдѣлать нашествіе на Московскія Украйны. Въ это время,

---

[76] Арх. лѣт. стр. 147.

[77] См. Изслѣд. о Касимовскихъ Царяхъ. Соч. Вельяминова-Зернова, ч. I, гл. 2.

какъ видно, у него находился и Московскій посолъ. Великій Князь, услышa о намѣреніяхъ Ахмата, послалъ Воеводъ къ Берегу. Въ концѣ Іюля тайно, ведомый проводниками, Ахматъ пришелъ подъ Алексинъ. Онъ пришелъ со стороны Литовскаго рубежа, около котораго оставилъ своихъ женъ, а также больныхъ и слабыхъ. Узнавъ, куда пришелъ Ахматъ, самъ Великій Князь и всѣ войска поспѣшили къ Алексину. Въ Алексинѣ войска было мало, ни пристрою городнаго, ни пушекъ, ни самострѣловъ недоставало, однако же, на первый день осады (30-го Іюля) было много побито Татаръ. Во время этой осады, какъ разсказываютъ Новгородцы, Воевода Алексинскій, Семенъ Беклемишевъ, человѣкъ на рати не вельми храбрый, требовалъ отъ Алексинцевъ посула, и они дали ему пять рублевъ, а онъ еще требовалъ шестаго для жены; но потомъ побѣжалъ отъ Татаръ со всѣми своими людьми. Татары, когда Беклемишевъ переправлялся на другую сторону Оки, бросились за нимъ, но не изловили; когда хотѣли перейти рѣку сами, то Семенъ и Петръ Беклемишевы, съ немногими людьми, долго ихъ не пускали, бились до того, что, наконецъ, и стрѣлъ не хватило, тогда уже думали бѣжать. Но подоспѣлъ на помогу Удѣльный Князь Верейскій, потомъ другой Князь, братъ Великаго Князя, Юрій, а потомъ и другія войска: тогда Русскіе начали одолѣвать. Татары, видя множество полковъ Русскихъ, которые все подходили, побѣжали за рѣку, а полки Великаго Князя подвинулись къ берегу. Татаръ обхватилъ страхъ, и они побѣжали отъ Оки, хотя ни одинъ изъ Русскихъ воиновъ не былъ на другомъ берегу. Когда Беклемишевъ убѣжалъ изъ Алексина, то городъ, зажженный Татарами, горѣлъ, и всѣ люди, находившіеся въ немъ, вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ сгорѣли, а которые выбѣжали, то попались въ руки Татаръ. Разсказываютъ, что когда Ахматъ, отбитый отъ Берега, побѣжалъ отъ Алексина, то, отшедъ версты на двѣ, спросилъ одного плѣннаго, по чему попавшихся въ плѣнъ мало, да и сгорѣвшихъ тоже мало? Плѣнный, за объясненіе этого, попросилъ себѣ свободы. Царь обѣщалъ дать ее, и тогда тотъ сказалъ, что болѣе тысячи человѣкъ, съ своимъ добромъ, забѣжало въ тайникъ. Царь воротился на пожарище, захватилъ находившихся въ тайникѣ, а разсказавшаго отпустилъ. [78]

---

[78] Лѣтописи: Новгородская 4-ая, Воскресенская, Никоновская и Архангельская.

Бѣгство Ахмата отъ Алексина было чрезвычайно быстро, такъ что многіе Татары померли на дорогѣ; на шестой день Татары пришли къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оставили своихъ женъ, и отсюда остальную часть лѣта шли по степямъ на свои зимовища. Причину такого быстраго бѣгства Татаръ нѣкоторые лѣтописцы объясняютъ тѣмъ, что Татары Ахматовой Орды узнали отъ Татаръ, служившихъ Великому Князю, что подъ Алексинымъ не все войско, а что самъ Великій Князь стоитъ подъ Ростиславлемъ, Царевичъ Дарьянъ Касимовскій въ Коломнѣ, Князь Андрей Васильевичъ Большой съ Муртазой Царевичемъ въ Серпуховѣ. Испугавшись этѣхъ вѣстей, Ханъ побѣжалъ, боясь того, что Царевичи, служащіе Великому Князю, захватятъ его женъ, оставленныхъ имъ безъ защиты. Когда Великій Князь узналъ, что Царь ушелъ изъ подъ Алексина, то послалъ многихъ своихъ людей забирать отставшихъ и «плѣну Христіянскаго ради»; когда же пришла вѣсть, что Царь дошелъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ оставилъ своихъ женъ, то Великій Князь распустилъ свои войска по домамъ.

Это нашествіе Ахмата было въ концѣ Іюля и началѣ Августа, 1472 года, а въ Февралѣ слѣдующаго года, въ договорной грамотѣ Ивана Васильевича съ своимъ братомъ, Борисомъ, въ числѣ условій о выходѣ Татарамъ встрѣчаемъ выраженіе, указывающее на то, что этотъ выходъ платили не въ одну Орду, какъ прежде, а въ «Орды». [79] Обстоятельства натолкнули на то, что Иванъ Васильевичъ завелъ сношенія съ другою Ордой, кромѣ Золотой, съ Крымской, которая съ этого времени начинаетъ играть важную роль въ нашей исторіи.

Помѣстившись на Крымскомъ полуостровѣ, часть Степняковъ нашла себѣ, въ географическомъ отношеніи, самое выгодное мѣсто и крайне опасное для Европейскихъ сосѣдей. При всей способности Степняковъ истреблять самихъ себя, Крымская Орда всегда пополнялась тѣми Татарами, которые оставались безъ предводителей въ степяхъ: они или сами заходили на полуостровъ, или ихъ туда загоняли Крымскіе Царевичи. Изъ Крыма, какъ съ острова, Татары выплывали въ море степей и направлялись или на Литовскую и Польскую Украйны, или къ Московскому

[79] С. Г. Г и Д. т. I, № 97.

Берегу. Переплыть это море степей для Восточныхъ Европейцевъ было несравненно труднѣе, чѣмъ Западнымъ Средиземное. На Востокѣ возможность сдѣлать это дѣло съ успѣхомъ представилась только въ XVIII столѣтіи, а до этого времени истребить Крымцевъ не было возможности. Даже обыкновенное средство, выставлять Степняковъ противъ Степняковъ, могло быть только временнымъ облегченіемъ, по тому что если бы Крымская Орда и была побѣждена, то побѣдители придутъ на насиженное мѣсто и, такимъ образомъ, могли замѣняться одни варвары другими.

До времени Іоанна III Крымская Орда основалась не задолго, а современникъ его, Ханъ Менли-Гирей, былъ представителемъ вражды Крымской Орды къ Золотой. И вотъ Иванъ Васильевичъ поспѣшилъ войти въ сношенія съ Менгли-Гиреемъ, хотя сношенія и съ Ахматомъ не прерывались.

II.

Изъ записанныхъ сношеній Москвы съ Крымомъ мы узнаемъ, что Менгли-Гирей находился въ довольно дружественныхъ отношеніяхъ къ Литвѣ: онъ, занявши мѣсто отца въ Крыму, далъ ярлыкъ Казимиру и пожаловалъ его владѣніями Русскими. [80] Опасность отъ внѣшнихъ враговъ заставила Менгли-Гирея вступить въ дружбу и съ Москвою, и при этомъ спустить съ себя спеси въ отношеніи къ Московскому Великому Князю. Въ началѣ 1474 года пріѣхалъ отъ Менгли-Гирея въ Москву посолъ, Ази-Баба, который объявилъ, что Царь пожаловалъ Великаго Князя братомъ и другомъ, сталъ его держать и принялъ въ такое же братство, какъ и Короля, чтобъ быть имъ другу другомъ, а недругу недругомъ. При этомъ посолъ объявилъ, что Царь дозволилъ послу Великаго Князя, когда тотъ пріѣдетъ въ Крымъ, ити прямо къ Царю. 31 Марта Ази-Баба поѣхалъ въ Крымъ; съ нимъ отправился Московскій посолъ, Никита Васильевичъ Беклемишевъ, «бить челомъ Царю за пожалованіе» и просить у Царя ярлыка, въ которомъ бы ясно было написано это пожалованіе. При писаніи ярлыка Беклемишевъ долженъ былъ просить, чтобы дали ярлыкъ по образцовому списку, присланному съ нимъ изъ Москвы, и если къ Ко-

[80] Ак. Зап. Рос. т. 2, № 6.

ролю Царь пишетъ, что онъ его жалуетъ ярлыкомъ, то Беклемишеву при писаніи ярлыка «за пожалованіе» не стоять. Если Царь захочетъ написать въ ярлыкѣ, чтобы Великій Князь былъ съ нимъ за одинъ на его недруга, Ахмата, и если пойдетъ Ахматъ на него, то Великому Князю пустить на Орду своихъ Царевичей; въ этомъ случаѣ Беклемишеву отъ упоминанія имени Ахмата въ ярлыкѣ отговариваться и говорить, что въ ярлыкѣ уже написано, что быть другу другомъ, а не недругу недругомъ; если Баклемишевъ этого не отговоритъ, то написать въ ярлыкѣ и то, что если Ахматъ пойдетъ на Великаго Князя, то Менгли-Гирею ити на Ахмата, да такъ же быть Менгли-Гирею за одинъ на недруга Великаго Князя, на Короля, и если Король пойдетъ на Великаго Князя, то Менгли-Гирею ити на Королеву землю. Изъ этого наказа видно, что Московскій посолъ только при сильномъ упорствѣ Крымцевъ долженъ былъ согласиться на упоминаніе въ ярлыкѣ имени Ахмата, какъ врага. При этомъ Беклемишеву было наказано, что если Царь потребуетъ, чтобы Великій Князь не посылалъ своихъословъ къ Ахмату, то говорить на это: «Государя моего отчина на одномъ полѣ съ нимъ, и кочуетъ онъ (Ахматъ) подлѣ отчины моего Государя, такъ немочно тому быть, чтобы между ихъ посламъ не ходить.»

Объ успѣхѣ посольства Беклемишева [81] можно узнать изъ наказа послу, отправившемуся въ Крымъ изъ Москвы послѣ возвращенія Беклемишева. Въ то время, какъ Беклемишевъ былъ въ Крыму, въ это время, въ первой половинѣ Іюля мѣсяца, было въ Москвѣ посольство изъ Золотой Орды, откуда пришелъ Никита

---

[81] Съ Беклемишевымъ было послано нѣсколько образцовыхъ ярлыковъ, и по какому изъ нихъ далъ свой ярлыкъ Менгли-Гирей, утвердительно сказать нельзя, по тому что нѣтъ отвѣта на посольство Беклемишева. Въ С. Г. Г. и Д. т. 5 (этотъ томъ хотя не пущенъ въ продажу, но на него ссылаются, слѣдовательно, даютъ значеніе), подъ № 1 напечатанъ ярлыкъ 1474 года: это одинъ изъ образцовыхъ ярлыковъ. Какъ подлинный, онъ напечатанъ, изъ наказа послу, у Карамзина, т. 6, прим. 124. То же должно сказать о большинствѣ ярлыковъ, напечатанныхъ въ 5 т. С. Г. Г. и Д., т. е., что напечатаны проекты, а не подлинники, и по этому ссылки на нихъ (въ Ист. Рос. т. 5, прим. 126; у Вельяминова-Зернова въ Изслѣдованіи о Касимовскихъ Царяхъ, ч. 1, прим. 39, и у другихъ) не совсѣмъ основательны. О сношеніяхъ Россіи съ Крымомъ въ Великокняженіе Ивана III есть статья Г-на Калугина, напечатанная въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1855

Басенокъ съ посломъ Ахмата, Кара-Кучумомъ; съ ними пришло множество Татаръ, составлявшихъ свиту посла, какъ говорятъ, до шести сотъ человѣкъ, которыхъ кормили, да такъ же множество Ордынскихъ купцовъ. Объ какихъ собственно дѣлахъ пересылался Великій Князь съ Ахматомъ, не извѣстно. Въ Ноябрѣ возвратился Беклемишевъ отъ Менгли-Гирея съ его посломъ, Довлетекъ Мурзою, который объявилъ, что Менгли-Гирей принялъ Великаго Князя въ братство и любовь, на дѣтей и внучатъ, быть другу другомъ, а недругу недругомъ. Довлетекъ Мурза пробылъ въ Москвѣ до Марта мѣсяца слѣдующаго 1475 года, когда Великій Князь его отпустилъ къ Царю, вмѣстѣ съ своимъ посломъ, Алексѣемъ Старковымъ, изъ наказа которому мы узнаемъ о подробномъ содержаніи отвѣта Менгли-Гирея на посольство Беклемишева, и отвѣтъ Великаго Князя Довлетекъ Мурзѣ. Если Царь предложитъ вопросъ: «Я приказывалъ своему брату, чтобы онъ былъ со мною за одинъ на Царя Ахмата, и для этого пустилъ бы на него своихъ Царевичей, а братъ мой мнѣ на то правды не далъ;» Старковъ долженъ былъ на это отвѣчать: «Братъ твой билъ тебѣ челомъ, и ты пожаловалъ быть вездѣ за одинъ, безъ выговора, на всякаго недруга; мой же Государь выговаривалъ имя своего недруга, Короля; а ты вольный человѣкъ, не хочешь на него помогать и говоришь, что Король еще съ твоимъ отцомъ былъ въ братствѣ, да такъ же и съ тобою теперь, и ты этого братства не хочешь нарушать; но тебѣ также вѣдомо, вольному человѣку, что отцы и дѣды моего Государя посылали своихъ пословъ къ Ордынскимъ Царямъ, и по этому мой Государь и теперь ихъ посылаетъ къ Ахмату; такъ ты бы пожаловалъ моего Государя, не помогалъ на него Королю.» Если же Менгли-Гирей скажетъ: «Я не помогаю ему на Короля, по тому что Король мнѣ братъ, и такъ же Королю не помогаю на Великаго Князя, по тому что и онъ мнѣ братъ;» въ такомъ случаѣ Старковъ долженъ просить Менгли-Гирея, чтобы онъ объ этомъ Великому Князю отказалъ съ своими послами. Наконецъ Старкову было наказано, что если Менгли-Гирей твердо будетъ требовать, чтобы Иванъ Васильевичъ непремѣнно посылалъ Царевичей на Ахмата, и въ противномъ слу-

---

года, въ №№ 106—109. Для своей статьи Г-нъ Калугинъ, какъ и Полевой (въ Исторіи Русскаго народа), не пользовался подлинными Архивскими дѣлами.

чаѣ будетъ грозить разорвать шерть, то Старкову говорить, что Великій Князь будетъ посылать Царевичей на Ахмата, только бы и Менгли-Гирей былъ съ нимъ за одинъ на недруга Великаго Князя, на Короля, и далъ бы объ этомъ ярлыкъ. [82]

Этѣ сношенія съ Крымомъ если принесли пользу, то только въ будущемъ времени, а послѣ посольства Старкова они прекратились, по тому что въ томъ же 1475 году Крымъ былъ завоеванъ Турками. Менгли-Гирей при этомъ попалъ въ плѣнъ, потомъ былъ возстановленъ Турками на Крымскомъ престолѣ, но Ахматъ въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, послалъ своего сына на Крымъ, и взялъ всю Орду Крымскую, а Менгли-Гирея согналъ, [83] и въ то же время въ Москву пришелъ отъ него посолъ, зовя Великаго Князя въ Орду къ Царю. Ахматовъ посолъ пробылъ въ Москвѣ почти два мѣсяца (пріѣхалъ 11 Іюля и уѣхалъ 6 Сентября), и поѣхалъ въ Орду съ Московскимъ посломъ, Бестужевымъ. Великій же Князь не исполнилъ требованія Царя, не явился самъ въ Орду, а занялся Новгородскими дѣлами. Содержанія дальнѣйшихъ сношеній съ Ахматомъ мы не знаемъ, но они продолжались. Въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ управлялся съ Новгородомъ, то его дѣла тамъ разнообразно отражались въ отношеніяхъ къ Степнякамъ, и такъ же обратно; такъ, когда Иванъ Васильевичъ, въ 1478 году, привелъ Новгородъ окончательно въ свою волю, и еще онъ находился въ Новгородѣ, то къ Казанскому Царю пришла ложная вѣсть, что Великаго Князя Новгородцы побили, онъ бѣжалъ раненый и только самъ четвертъ. Въ слѣдствіе этой вѣсти Казанскій Царь послалъ свою рать на Вятку, но когда пришли справедливыя извѣстія о Новгородскихъ дѣлахъ, то Царь велѣлъ воротиться рати. Пріѣхавъ въ Москву изъ Новгорода, Иванъ Васильевичъ въ ту же весну отправилъ свою рать на Казань, но Казанскій Царь прислалъ съ челобитьемъ къ Великому Князю, который его и пожаловалъ, взялъ съ нимъ миръ на всей своей волѣ. Но

---

[82] Дѣла Крымскія № 1: Посольства Беклемишева и Старкова.

[83] О смѣнахъ Хановъ въ Крыму въ это и послѣдующее за тѣмъ время, до окончательнаго утвержденія Менгли-Гирея на Крымскомъ престолѣ, см. Изслѣдованіе по Восточнымъ и Европейскимъ источникамъ у Вельяминова Зернова: Изслѣдованіе о Касимовскихъ Царяхъ гл. III. Нуръ-Даулетъ.

еще въ то время, когда отправлялся Иванъ Васильевичъ въ Новгородъ, онъ послалъ къ Крымскому Хану, Зенебеку, посаженнику Ахматову, съ предложеніемъ быть ему съ Великимъ Княземъ въ такихъ же отношеніяхъ, какъ былъ послѣдній съ Менгли-Гиреемъ. Но заводить сношенія съ Зенебекомъ было безполезно, по тому что въ 1479 году усѣлся въ Крымѣ опять Менгли-Гирей, а Зенебекъ бѣжалъ къ Московскому Государю. Менгли-Гирей, усѣвшись въ Крыму, отправилъ грамоты въ Москву. Въ какомъ положеніи были Крымскія дѣла и объ чемъ теперь заботился Менгли-Гирей, мы узнаемъ изъ отвѣта на этѣ грамоты Ивана Васильевича. Онъ отправилъ въ отвѣтъ на грамоты посла своего, Бѣлаго; ему было наказано: если онъ на дорогѣ узнаетъ, что Ханъ въ Крыму опять перемѣнился, то долженъ вернуться въ Москву. Содержаніе рѣчей было слѣдующее: «Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка съ извѣстіемъ, что сѣлъ на мѣстѣ своего отца, и писалъ ты, что я твоего недруга, Царя Зенебека, къ себѣ принялъ, то я его для тебя принялъ, держу его у себя, и тѣмъ своей землѣ истому дѣлаю, и все то для тебя; а что писалъ ты, что если съ тобой случится невремя (несчастіе), то мнѣ принять тебя и твою истому поднять, я на это всегда готовъ.» Представляя поминки, Бѣлой долженъ былъ говорить Царю, чтобы онъ не сердился на легкіе поминки, по тому что тяжелые истомно полемъ везти, а черезъ Литву нѣтъ пути. На вопросъ Царя, по чему черезъ Литву нѣтъ пути, Бѣлой долженъ былъ отвѣчать, что тамъ стерегутъ всякаго, ѣдущаго къ Царю отъ Великаго Князя и отъ Царя къ Великому Князю. Изъ этого наказа можно видѣть, какую цѣну давали въ Москвѣ значенію Менгли-Гирея. Въ тотъ же 1479 годъ, когда Бѣлый былъ въ Крыму и Иванъ Васильевичъ отправился смирять покоренный Новгородъ, пріѣхали къ нему служить два бывшіе Крымскихъ Царя, братья Менгли-Гирея, Нуръ-Даулетъ, съ сыномъ и братомъ Айдаромъ. Они были передъ этѣмъ въ Литвѣ, теперь же пріѣхали въ Москву, гдѣ ихъ приняли. И объ этомъ, какъ о Зенебекѣ, было извѣщено въ Крымъ. Въ какомъ положеніи находились отношенія къ Степнякамъ въ то время, когда Иванъ Васильевичъ употребилъ ужасъ для смиренія Новгорода, служитъ для объясненія наказъ Князю Ивану Звѣнцу, отправившемуся въ Крымъ, по возвращеніи Бѣлаго оттуда, а Великаго Князя изъ Новгорода, 16 Апрѣля, 1480 года. Изъ наказа Князю Звѣнцу мы узнаемъ,

во первыхъ, отвѣтъ Менгли-Гирея на посольство Бѣлаго. Звѣнецъ долженъ былъ говорить Царю: «Ты приказывалъ, чтобы я на твоего недруга, на Царя Ахмата, былъ съ тобою за одинъ, и если онъ пойдетъ на тебя, и мнѣ на него отпустить своихъ Царевичей, а пойдетъ онъ на меня, то тебѣ сѣсти на конь и на него пойти, или отпустить на него своего брата, и я съ тобою на Ахмата Царя одинъ человѣкъ. Да такъ же ты былъ бы на нашего общаго недруга, на Короля, со мною за одинъ, и пожаловалъ бы, на томъ крѣпкое слово молвилъ и далъ новый ярлыкъ.» Объ этомъ послѣднемъ Князь Звѣнецъ долженъ былъ говорить «на крѣпко.» Въ доказательство того, что Король недругъ Менгли-Гирею, Князь Звѣнецъ долженъ былъ говорить: «Король взялъ къ себѣ твою братью, и держитъ ее у себя на твое лихо.» Но какъ вполнѣ неопредѣленны были отношенія Москвы къ Ахмату, служитъ слѣдующая часть наказа: «Если Царь будетъ говорить, чтобы Великій Князь не посылалъ пословъ въ Орду, то отвѣчать, что и прежде было уже говорено, т. е., нельзя не пересылаться, такъ какъ отчина Государя съ Ахматовой Ордой на одномъ полѣ; но если Царь будетъ стоять на своемъ, то Князю Звѣнцу за свой отвѣтъ крѣпко не держаться (не иматися). Потомъ если будетъ въ Крымъ вѣсть, что Царь Ахматъ на сей сторонѣ Волги и кочуетъ подъ Русь, тогда говорить Менгли-Гирею, чтобы онъ, по своему слову, пошелъ бы самъ на Ахмата, или послалъ брата. Да объ этомъ дѣлѣ тогда говорить всѣмъ вельможамъ, и если Царь не захочетъ ити на Ахмата, то пусть бы шелъ на Литовскую землю, или брата своего туда отпустилъ. А будетъ Ахматъ за Волгою, то объ этомъ не говорить.

Таково было состояніе степныхъ дѣлъ къ веснѣ 1480 года, по достовѣрнымъ источникамъ. Въ Золотой Ордѣ, какъ видно, боролись два вліянія, Московское и Литовское. Но для полноты объясненія отношеній къ Крыму здѣсь слѣдуетъ сказать, что такъ какъ прежде Менгли-Гирей просилъ, въ случаѣ несчастія, убѣжища въ Московскихъ владѣніяхъ, то теперь Князь Звѣнецъ привезъ Менгли-Гирею опасную грамоту о томъ, что въ несчастіи Царь можетъ добровольно пріѣхать въ Москву и добровольно отъѣхать. Князь Звѣнецъ долженъ былъ объявить при этомъ, что на ней Великой Князь крестъ цѣловалъ: у Христіянъ больше этой клятвы нѣтъ, и

что Великому Князю нельзя давать такой клятвы, какой требовалъ Царь, а именно, что если Великій Князь не исполнитъ обѣщанія, то быть ему убиту. [84]

Такимъ образомъ все зависѣло отъ того, что случится въ отношеніяхъ Великаго Князя къ Ахмату, и возлагалась вся надежда на талантъ Князя Звѣнца; что онъ сдѣлалъ, увидимъ ниже, теперь же обратимся къ Золотой Ордѣ.

III

Въ 1517 году, 9 Ноября, на слова Литовскихъ пословъ Московскимъ Боярамъ, что они говорятъ о неисправленьяхъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ только за угломъ (по тому что посламъ Бояре неисправленій еще не говорили, а говорили Императорскому послу, Герберштейну), а если бы сказали, то они на то и отвѣтъ дали,—тогда Бояре стали пересчитывать неисправленья Королей и начали такъ:.... «Не только Жигимондъ, но и его предки, никогда не правили по докончанью: еще Король Казимиръ былъ въ докончаньѣ съ Великимъ Княземъ, Вэсиліемъ Васильевичемъ, и было постановлено, что если надъ кѣмъ изъ нихъ Божья воля станется, то быть въ докончаньѣ съ дѣтьми, и воля Божья сталась надъ Великимъ Княземъ, Василіемъ Васильевичемъ, и Великій Князь, Иванъ Васильевичъ, послалъ къ Королю Казимиру пословъ, чтобы учинился онъ съ нимъ въ любви, какъ былъ съ отцомъ его, и Король Казимиръ, не хотя докончанье правити, началъ подъ Государемъ подыскиваться, и учалъ безерменство наводить и къ Ордынскому Царю Ахмату посылать, и навелъ его на землю Государя, и приходилъ Ахматъ подъ Угру, и въ вожехъ у него были Королевы люди, Сова Карповъ и иные люди, и Государя нашего Богъ миловалъ,—и иныхъ много дѣлъ было Государю нашему отъ Казимира....» [85] Этѣхъ иныхъ дѣлъ Бояре не сказали, а указали на главное. Что же отвѣчали послы Литовскіе на такое обвиненіе? Намъ извѣстно только, что при этѣхъ переговорахъ было много рѣчей.

---

[84] Дѣла Крымскіе № 1: Посольства означенныхъ въ текстѣ пословъ.

[85] Литов. Метр. № 2, л. 20 и 21.

Объ нашествіи Ахмата подъ Угру существуютъ въ нашихъ лѣтописяхъ два разсказа: одинъ съ офиціальнымъ характеромъ (этотъ разсказъ мы можемъ видѣть, на примѣръ, въ Никоновской лѣтописи подъ 6988 и 89 годами), другой же враждебный къ Ивану III. Здѣсь нужно замѣтить, что можетъ быть разсказъ враждебнаго лѣтописца къ Ивану III дошелъ до насъ не въ первоначальной чистотѣ; въ лучшей формѣ этотъ разсказъ мы можемъ видѣть вставленнымъ въ Софійскую лѣтопись, а въ другихъ лѣтописяхъ, которыя если и имѣли разсказъ, не подвергшійся многимъ перепискамъ, то тонъ и даже подробности его подверглись игрѣ воображенія составителей лѣтописей. Такъ же можетъ быть, что составители лѣтописи, когда брали въ основу разсказъ съ офиціальныхъ характеромъ, все таки подверглись вліянію талантливаго враждебнаго лѣтописца. Отвергать положительно подробности разсказа враждебнаго лѣтописца нельзя, по тому что сочинитель его, хотя и дѣлаетъ ошибки, но, какъ видно, былъ человѣкъ, вообще хорошо знакомый съ дѣломъ.

Послѣ отъѣзда въ Крымъ посломъ Князя Ивана Звѣнца (16 Апрѣля, 1480 г.); пришла вѣсть къ Великому Князю, что безбожный Царь Ахматъ Большіе Орды идетъ на Православное Христіянство, на Русь, похваляясь Христіянство разорить, а Великаго Князя плѣнить, какъ было при Батыѣ. Царь Ахматъ уже слышалъ, что братья отъ Великаго Князя отступили, при томъ онъ соединился съ Королемъ, съ которымъ условился, что ему ити на Великаго Князя полемъ, а тому отъ себя. Причина нашествія Ахмата была та, что Великій Князь ему выхода не платилъ. Съ Царемъ была вся Орда,—безчисленное множество Татаръ; онъ шелъ тихо вельми, ожидая Короля, такъ какъ когда онъ пошелъ, то отправилъ къ союзнику его пословъ и съ ними своего. Съ весны Великій Князь началъ отпускать своихъ Воеводъ на Берегъ, туда же на Берегъ въ Тарусу пошелъ и Князь Андрей Меньшой; 8-го Іюня былъ отпущенъ на Берегъ въ Серпуховъ, со многими Воеводами, сынъ Великаго Князя, Великій Князь Иванъ Ивановичъ. Когда Иванъ Васильевичъ получилъ вѣсть, что Царь приближается къ Дону, то вышелъ и самъ на Берегъ въ Коломну. Это было уже 23 Іюля, и здѣсь Великій Князь стоялъ доконца Сентября. Такимъ образомъ Берегъ былъ защищенъ и Татарамъ некуда было

высадиться изъ степей. Узнавши все это, Царь рѣшился, черезъ Литовскія владѣнія, обойти Оку и, переправившись черезъ Угру, вторгнуться въ Московскія владѣнія. Узнавши все это, Великій Князь велѣлъ своему сыну, Ивану Ивановичу, и брату, Андрею Меньшому, одному изъ Серпухова, а другому изъ Тарусы, ити къ Калугѣ и встать на берегу Угры. Къ Октябрю мѣсяцу Татары, ведомы Литовскими вожаками мимо Мценска, Любутска и Одоева, перешедши черезъ Оку, подошли къ Воротынску и встали на берегу Угры; но здѣсь броды и перевозы были уже заняты Москвичами.

Прежде, когда Ахматъ приходилъ подъ Алексинъ, то дѣло кончилось скоро: его отбили отъ Берегу. Теперь нашествіе очень долго приготовлялось: Ахматъ шелъ тихо и все поджидалъ помощи отъ Короля, который не думалъ ему помогать, «понеже быша ему свои усобицы,» и онъ уже отказалъ въ помощи братьямъ Великаго Князя, а Иванъ Васильевичъ предоставилъ имъ свободно бродить по Новгородскимъ областямъ, зная, что отсюда его враги не получатъ уже ни какой помощи. Стоя съ войскомъ слишкомъ два мѣсяца въ Коломнѣ, Иванъ Васильевичъ получалъ всѣ вѣсти о движеніяхъ Ахмата. Изъ словъ враждебнаго къ Ивану III лѣтописца можно заключить, что въ Коломнѣ Великій Князь и Бояре разсуждали объ образѣ обхожденія съ Татарами. Два Боярина, Ощера и Мамоновъ, были такихъ мнѣній, что за нихъ враждебный лѣтописецъ не знаетъ, какой брани прибрать; такъ объ одномъ замѣтилъ, что Князь Иванъ Андреевичъ Можайскій (надо помнить, что Можайскій былъ врагъ отца Ивана III) его мать за волшебство сжегъ, а вообще ихъ называетъ «богатыми, брюхатыми, сребролюбцами, предателями Христіянства, понаровниками Бусурманъ.» Между тѣмъ мы должны замѣтить, что этѣ Бояре и ихъ дѣти были людьми довольно образованными, по тогдашнему времени; потомъ они являлись лучшими дипломатами по степнымъ дѣламъ и въ Крымскихъ Статейныхъ спискахъ дошли до насъ записки объ ихъ посольствахъ, совершенно оправдывающіе ихъ отъ даннаго имъ названія измѣнниковъ. Обхожденіе съ Татарами, котораго совѣтовали придерживаться Ощера и Мамоновъ, послѣ постоянно держались, и покой Московскихъ границъ отъ степи, за время Ивана III, свѣдѣтельствуетъ въ ихъ защиту. Изъ

словъ лѣтописца можно понять, что Ощера и Мамоновъ говорили Ивану Васильевичу, что нужно отправить къ Ахмату посла съ поминками, побольше тѣхъ, которые далъ Король, и тогда Ахматъ навѣрно повернетъ во свояси; въ подтвержденіе этого мнѣнія они могли указывать на то, что Ахматъ идетъ «тихо вельми.» Но враждебный лѣтописецъ записалъ о Боярахъ слѣдующее: они напоминали Великому Князю бой подъ Суздалемъ, и что на немъ Великій Князь Василій попался Татарамъ въ плѣнъ, и тамъ подвергся побоямъ; а когда приходилъ Тохтамышъ, то Дмитрій Донской бѣжалъ на Кострому, а не бился съ Царемъ; Бояре говорили, что «отъ прародителей Великаго Князя есть завѣтъ не поднимать рукъ на Царя, и кончали свои убѣжденія слѣдующими словами: «побѣги и не смѣй стать съ Царемъ на бой!» Нужно замѣтить, что въ этомъ разсказѣ лѣтописи потомству подана жалоба не на Бояръ, а на Донского, когда онъ самъ сталъ управлять Великимъ Княженіемъ, и вообще на весь «кровопійственный родъ,» а главное на человѣка, который, повинуясь мысли и думѣ этѣхъ Бояръ, оставилъ войско у Оки на берегу, городокъ Каширу самъ велѣлъ сжечь и побѣжалъ въ Москву. Но оказывается, что дѣло было проще: Иванъ Васильевичъ приказалъ войску ити на Угру къ сыну, у котораго былъ Воевода Князь Данило Холмскій; самъ же, не считая нужнымъ сопровождать войско отъ Коломны до Калуги, 30-го Сентября поѣхалъ въ Москву. Сюда явился Великій Князь для того, чтобы посовѣтоваться съ Митрополитомъ, своею матерью, Княземъ Михайломъ Андреевичемъ Верейскимъ и со всѣми Боярами, и, кромѣ того, сдѣлать многія распоряженія, объ которыхъ и враждебный лѣтописецъ тоже упоминаетъ: Дмитровцевъ перевелъ въ осаду въ Переяславль, и что потомъ въ это время прислали къ Великому Князю бунтующіе его братья съ предложеніемъ помощи и будто бы говорили такъ: «Мы придемъ къ тебѣ на помощь, если ты къ намъ исправишься и силы надъ нами не будешь чинить,» и Великій Князь «отдался во всю волю своихъ братьевъ.» А съ офиціяльнымъ характеромъ разсказъ говоритъ, что братья Великаго Князя прислали о мирѣ, и онъ ихъ «пожаловалъ по печалованью матери, [86] и пр. Далѣе вреждебный лѣтописецъ говоритъ, что когда Великій Князь въѣзжалъ изъ Ко-

[86] См. выше стр. 5—7.

ломны въ Москву, то горожане, перебиравшіеся въ осаду изъ посадовъ въ городъ, начали упрекать бѣгущаго Государя, что онъ во время мира дурно управляетъ Государствомъ, а теперь выдаетъ подданныхъ Татарамъ, по тому что не платитъ Царю выхода (выходъ, какъ извѣстно, былъ въ числѣ податей, и потому народъ будто бы упрекалъ Великаго Князя въ такомъ тонѣ, что онъ этотъ выходъ не отдаетъ Царю, а оставляетъ себѣ). Когда же Иванъ Васильевичъ въѣхалъ въ городъ, то Владыка Ростовскій началъ называть его въ глаза бѣгуномъ. Все это повело къ тому, что Иванъ Васильевичъ, зная ропотъ гражданъ, опасался жить въ городѣ, въ своемъ дворѣ, и помѣстился въ Красномъ Сельцѣ, и оттуда послалъ къ сыну грамоты, чтобъ ѣхалъ онъ въ Москву; тотъ же не поѣхалъ отъ Берега: мужество показалъ, брань принялъ отъ отца и не выдалъ Христіянство; тогда Иванъ Васильевичъ послалъ къ Князю Холмскому приказъ схватить сына и привести въ Москву, но и Князь Данило того не сотворилъ.

Здѣсь мы должны замѣтить, что извѣстная партія должна была съ сочувствіемъ говорить о знаменитомъ Князѣ Холмскомъ и о Великомъ Князѣ Иванѣ Ивановичѣ. Такъ, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Князь Данило первый изъ Князей принужденъ былъ дать о службѣ клятвенную запись, по которой, за неисполненіе обязательствъ, Государь воленъ его казнить, [87] и въ то же время извѣстно намъ, что за хлопоты о сынѣ Ивана Ивановича Ряполовскій потерялъ голову, а Патрикѣевы были пострижены въ монахи. Кромѣ этого, оказывается, что враждебный лѣтописецъ не совсѣмъ вѣрно передаетъ не только извѣстный тонъ событій, но и самыя событія; такъ, онъ разсказываетъ, что Великій Князь жилъ въ Красномъ Сельцѣ двѣ недѣли, и его едва умолили возвратиться къ войску. Но по самому посланію Владыки Вассіяна на Угру видно, что въ Москвѣ было молебствіе о дарованіи побѣды надъ Невѣрными, и что Великій Князь обѣщалъ духовенству крѣпко стоять за Христіянство и льстивыхъ людей не слушать, а объ особенныхъ умоленіяхъ ничего не сказано; потомъ срокъ пребыванія въ Красномъ Сельцѣ, двѣ

[87] См. выше стр. 37.

недѣли, невѣренъ; по разсказу съ офиціяльнымъ характеромъ оказывается, что Иванъ Васильевичъ пробылъ въ Москвѣ съ 30 Сентября по 3 Октября; что въ этомъ разсказѣ не ошибка, то это можно видѣть далѣе, что 9 Октября, когда то же не вышло двухъ недѣль съ 30 Сентября, совершилось чудо: у гроба Митрополита Петра загорѣлась сама свѣча, и ее отправили съ посломъ къ Великому Князю на Угру.

Такъ, или иначе, на Угрѣ происходило слѣдующее: когда Ахматъ подошелъ къ Угрѣ, то увидалъ, что все войско Великаго Князя тутъ стоитъ. Татары остановились на противоположной сторонѣ и стали думать, какъ перейти рѣку; они подошли къ берегу и начали стрѣлять, но Русскіе отвѣчали такъ же стрѣльбою изъ луковъ и пищалей; многихъ убили и не дали Татарамъ переправиться на свой берегъ. Рѣка раздѣляла враговъ; въ это время пріѣхалъ къ войску Иванъ Васильевичъ и остановился въ Кременцѣ; въ это же время пришли на Угру Князья Андрей Большой и Борисъ. Къ разсказу объ этѣхъ событіяхъ враждебный лѣтописецъ прибавляетъ слѣдующія подробности: Иванъ Васильевичъ, не обращая вниманія на то, что толковалъ ему въ Москвѣ Владыка Вассіянъ, послалъ къ Царю Товаркова съ челобитьемъ и дарами, прося жалованья, чтобъ отступилъ прочь, а улуса своего не воевалъ. Царь отвѣчалъ: «Жалую его добрѣ, чтобы самъ пріѣхалъ бить челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили.» Но Князь Великій *опасался* ѣхать, подозрѣвая Цареву измѣну и злаго его помысла *боялся*. Это извѣстіе можно заподозрить: Ивану Васильевичу нечего было бояться, онъ просто не поѣхалъ, и дальнѣйшія слова того же лѣтописца объясняютъ, что если были заведены этѣ переговоры съ Царемъ, то Иванъ Васильевичъ зналъ, съ кѣмъ имѣло дѣло. Царь, слыша, что Великій Князь не хочетъ ѣхать, послалъ къ нему сказать: «Самъ не хочешь ѣхать, то пришли сына, или брата;» Князь же Великій сего не сотворилъ; тогда Царь опять прислалъ сказать: «Сына и брата не шлешь, то пришли Никифора Басенкова.» Никифоръ прежде былъ въ Ордѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ, и много *алафу* Татарамъ давалъ отъ себя, и за то былъ любимъ Царемъ и его Князьями. Но Князь Великій и Басенкова не послалъ. Когда въ Москвѣ узнали объ этѣхъ переговорахъ, то Владыка Вассіянъ написалъ длинное посланіе къ Ивану

Васильевичу, упрекая его, за чѣмъ онъ опять слушаетъ тѣхъ людей, которыхъ не слушать обѣщался, а по примѣру бы Донского при Мамаѣ и другихъ знаменитыхъ предковъ, какъ на примѣръ, Владимира Мономаха, вступилъ бы въ бой съ Невѣрными. Говорятъ, Иванъ Васильевичъ исполнился веселія, мужества и крѣпости послѣ прочтенія этого письма, но въ бой съ Невѣрными все таки не вступилъ, а тѣ, не перепускаемые черезъ рѣку, злились и кричали Русскимъ: «Дастъ Богъ на васъ зиму, то много будетъ дорогъ на Русь.» Зима наконецъ пришла, рѣки стали, начались морозы великіе, такъ что трудно было смотрѣть. Великій Князь приказалъ отступить войску къ Кременцу; Татары же, которые были наги, босы и ободрались, 11-го Ноября побѣжали черезъ Литовскія владѣнія въ степи. Черезъ два дни послѣ этого бѣгства, о которомъ можетъ быть въ Москвѣ и не знали, Русское духовенство приготовило соборное посланіе къ Великому Князю, благословляя его на битву съ Невѣрными. Въ посланіи нѣтъ ни какихъ намековъ на обстоятельства, о которыхъ такъ много говорится въ посланіи Вассіяна. [88]

Нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, при описаніи этого происшествія поразило то, что Орда и Русскіе будто бы одновременно бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимые. [89] Но насъ больше занимаетъ, что такое за враждебный разсказъ къ Ивану III? Въ немъ все сочувствіе обращено ко всѣмъ Русскимъ, исключая только Ивана III, нѣкоторыхъ его Бояръ и его жены, «Римлянки,» которая, какъ извѣстно, какова бы она ни была, но къ нестроенію извѣстной партіи пришла, и теперь объ ней лѣтописецъ говоритъ, что она съ казною Великаго Князя «бѣгала» на Бѣлоозеро, а не хотѣла поступить такъ, какъ сдѣлала мать Великаго Князя, которая «изволила сидѣть въ осадѣ.» Всѣ выраженія, для произведенія, извѣстнаго впечатлѣнія на читателя, подобраны лѣтописцемъ, авторитеты самые уважительные въ Россіи выставлены въ укоръ Ивану III, а посланіе Владыки Вассіяна, если только оно не поддѣлка, давало опору написать разсказъ о

---

[88] Ак. Ист. т. 1, № 90.

[89] О времени бѣгства Татаръ отъ Угры см. Ист. Р. т. 5, стр. 113—114.

нашествіи Ахмата и подшутить надъ Иваномъ III такъ, чтобы потомки не очень-то благоговѣли предъ первымъ Русскимъ Государемъ, который даже мужества не имѣлъ и былъ до того слабъ, что на него, сорокалѣтняго, могли навести ужасъ разсказы о плѣнѣ отца у Татаръ и т. д. Но странно только то, что можно было навести ужасъ разсказами на человѣка (притомъ человѣка XV вѣка), который имѣлъ такіе крѣпкіе нервы, что въ началѣ этого же года въ Новгородѣ, въ теченіи одного мѣсяца, десятками казнилъ, сотнями пыталъ и десятками тысячъ отправлялъ въ ссылку. Самое нашествіе Ахмата подъ Угру имѣетъ немного болѣе важное значеніе, чѣмъ нашествіе его же подъ Алексинъ и, кажется, въ слѣдствіе этого лѣтописнаго разсказа и посланія Вассіяна, ему придали особенное значеніе. Писалъ этотъ разсказъ человѣкъ очень образованный и вставилъ его въ лѣтопись очень ловко, хотя и можетъ броситься въ глаза то, что офиціяльный разсказъ сокращенъ и находится передъ посланіемъ Вассіяна; въ немъ уже разсказано, что Иванъ Васильевичъ находится въ Кременцѣ, а потомъ слѣдуетъ посланіе, и послѣ него вдругъ начинаются подробности о томъ, какъ Иванъ Васильевичъ въѣзжалъ въ Москву и т. д. Этотъ разсказъ могъ написать не только человѣкъ, начитанный и образованный, но такой, который могъ своими глазами видѣть Государей и многихъ Грековъ и Славянъ, которые, сохраняя свои имѣнія, но, не имѣя мужества, потеряли отечество и, поругаемые, скитаются по чужимъ странамъ. Завоеванія, которыя Иванъ III дѣлалъ, были совершены съ помощію дружины, во главѣ которой стояли Князья и Бояре; они въ года опасности отечества не выдали своего Государя; но когда Государственный порядокъ коснулся и интересовъ Князей, то въ это время, въ минуту раздумья, они захотѣли взять себѣ всю славу знаменитыхъ дѣлъ и указать потомству, что руководитель народа не такъ былъ великъ, какъ можно судить по дѣламъ, случившимся при немъ.

Карамзинъ, описывая нашествіе Ахмата подъ Угру и поддавшись вліянію разсказа враждебнаго лѣтописца, но въ то же время желая спасти славу своего героя, говоритъ, что Иванъ Васильевичъ, помня, что было съ Донскимъ при Тохтамышѣ и съ Витовтомъ на берегахъ Ворсклы, и зная, что «Золотая Орда нынѣ, или завтра, долженствовала исчезнуть, по ея собственнымъ внутрен-

нимъ причинамъ, имѣлъ славолюбіе не воина, но Государя, а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію.... и т. д. Но въ Исторіи Россіи объ лѣтописи и посланіи Вассіяна говорится такъ, что они «удивительнымъ для насъ образомъ смѣшиваютъ двѣ вещи: удаленіе Великаго Князя отъ войска и бѣгство цѣлаго войска, покинутіе Государства на жертву Татарамъ, что, по ихъ словамъ, Ощера и Мамоновъ именно совѣтовали.»

Какъ бы то ни было, но Ахматъ ушелъ отъ Угры; за Царемъ ходили въ погоню. Ахматъ возвращался въ степи чрезъ Литовскія владѣнія и грабилъ ихъ; пришедши на зиму къ устью Дона, онъ здѣсь расположился. 6 Генваря, 1481 года, онъ тутъ былъ убитъ Царемъ Шибанской или Тюменской Орды, Ивакомъ, который соединился съ Ногайскими Мурзами, для отнятія у Ахмата награбленнаго въ Литвѣ. Кончивши успѣшно дѣло, Ивакъ извѣстилъ объ этомъ Ивана Васильевича. [90]

III.

Выше мы видѣли, какой наказъ получилъ Князь Звѣнецъ, отправившійся весною 1480 года въ Крымъ. Здѣсь обстоятельства благопріятствовали ему. Когда Менгли-Гирей, въ 1479 году, занялъ Крымскій престолъ, то отправилъ не только въ Москву, но и къ Казимиру пословъ. Главнымъ посломъ къ Королю былъ Ази-Баба, который далъ присягу за своего Царя и его Князей, чтобъ быть имъ съ Королемъ другъ другу, а недругу недругомъ. Ази-Баба такъ же говорилъ отъ Менгли-Гирея о бывшихъ Крымскихъ Царяхъ, Нуръ-Даулетѣ съ братомъ, которые пріѣхали жить въ Литву. Слабость Менгли-Гирея въ это время, а главное, должно быть, по тому, что Казимиръ въ это время завелъ дружественныя сношенія съ врагомъ Менгли-Гирея, Ахматомъ, сдѣлали то, что два посольства изъ Крыма были задержаны въ Литвѣ. Въ это время явился въ

---

[90] Арх. Лѣт., стр. 158—159.

Крымъ Князь Звѣнецъ; Ахматъ шелъ подъ Русь Московскую, и по этому можно судить, какъ долженъ былъ дѣйствовать Московскій посолъ. Менгли-Гирей самъ сѣлъ на конь, вышелъ изъ Перекопа и началъ воевать Подольскую землю, дружа Великому Князю Московскому. Казимиръ не помогъ братьямъ Великаго Князя, не далъ помощи и Ахмату, по тому что, какъ мы видѣли, говоря объ Новгородѣ, началъ сношенія съ Московскимъ Государемъ, и, какъ наша лѣтопись говоритъ, что были у него еще свои усобицы. Казимиръ только послѣ всего этого рѣшился возобновить сношенія съ Менгли-Гиреемъ. Отъ него былъ отправленъ посломъ Князь Иванъ Глинскій, который долженъ былъ говорить, что его Государь хочетъ жить съ Менгли-Гиреемъ, какъ жилъ съ его отцомъ, а онъ, посолъ, пріѣхалъ видѣть присягу Царя на томъ, что обѣщалъ Ази-Баба относительно Нуръ-Даулета и его брата. Глинскій долженъ былъ, въ случаѣ вопроса Царя, говорить: «Король говоритъ, что не выступилъ ничего, а за чѣмъ же принялъ Нуръ-Даулета и Айдара? Вѣдь въ докончаньѣ стоитъ быть другу другомъ, а недругу недругомъ?» то говорить отъ себя, что Король ихъ принялъ по тому, что, какъ и прежде бывало, когда на котораго изъ Царей придетъ невремя, то они приходили въ Великое Княжество Литовское, и имъ въ хлѣбѣ и соли не отказывалось, и какъ они добровольно приходили, такъ добровольно и уходили, и этѣмъ съ тѣми, которые сидѣли въ Ордѣ на Царствѣ, дружба не нарушалалась; а Нуръ-Даулетъ съ братомъ, какъ добровольно пришли, такъ добровольно и ушли, и живутъ теперь, гдѣ имъ любо.» Это посольство Глинскаго явилось къ Менгли-Гирею уже поздно: Глинскій встрѣтилъ Царя за Перекопомъ, когда тотъ шелъ опустошать Литовскія владѣнія. Удруживъ Московскому Государю, Менгли-Гирей отправилъ посла къ Казимиру, въ отвѣтъ на посольство Глинскаго. Менгли-Гирей объяснялъ свой набѣгъ тѣмъ, что когда онъ отправилъ Аз-Бабу, то назначилъ срокъ для возвращенія его, но онъ цѣлыхъ полгода не вернулся, а потому Царь заключилъ изъ этого, что Король присягу и пріязнь отложилъ, а люди лихіе этѣ мысли похвалили, и по этому Царь на конь всѣлъ и вышелъ изъ Перекопа; здѣсь его встрѣтилъ Глинскій, который всю правду повѣдалъ, но было уже поздно и лихихъ людей нельзя было осилить. Къ этѣмъ объясненіямъ одинъ Крымскій Князь прибавилъ, что набѣгъ былъ произведенъ по тому, что Ази-Баба

не возвращался, а они слышали, что изъ Литвы пошелъ къ Ахмату посолъ. Не смотря на всѣ этѣ обстоятельства, Крымцы вступили въ сношенія съ Литвой, и Менгли-Гирей просилъ у Казимира, точно такъ же, какъ и у Ивана Васильевича, себѣ опасной грамоты на свободный пріѣздъ и отъѣздъ въ Литву, на случай пришествія на него невремени, и предлагалъ дать своего сына въ Литву, въ знакъ пріязни и правды. Казимиръ отвѣчалъ на это, что опасный листъ дастъ, а сына приметъ съ удовольствіемъ и будетъ его держать въ чести и ласкѣ. Во время этѣхъ сношеній съ Литвою, въ Крымъ пришло извѣстіе о смерти Ахмата, и Менгли-Гирей извѣстилъ Казимира, что «Царь Шибанской, Ивакъ Солтанъ, съ Мурзами, пришедши, Ахматову Орду потоптали, самаго его умертвили, людей и улусы его побрали и пошли прочь, а Князь Темиръ съ Ахматовыми дѣтьми къ намъ прибѣжали; надъ Ахматомъ такъ сталось—умеръ: намъ братъ былъ, а вамъ пріятель, то есть Божье дѣло, и были бы вы здоровы да мы, я же Ахматовымъ дѣтямъ не панъ.» [91]

Менгли-Гирей обѣщалъ Казимиру дать присягу въ своей пріязни. Во время этѣхъ сношеній Князя Звѣнца уже не было въ Крыму; онъ, исполнивъ свое дѣло, возвратился въ Москву. Весною 1481 года поѣхалъ въ Крымъ Бояринъ Тимоѳей Игнатьевичъ Скряба; онъ долженъ былъ говорить: «Ахматъ на меня приходилъ, но Богъ милосердый помиловалъ меня отъ него; а нынѣ вѣсть пришла, что Царя Ахмата въ животѣ не стало, и ты бы пожаловалъ: кто будетъ на его юртѣ и подкочуетъ къ моей землѣ, и ты бы на того пошелъ.» О своихъ отношеніяхъ къ Казимиру Великій Князь приказалъ говорить: «Нынѣ Король далъ посламъ чрезъ свою землю путь, и прислалъ ко мнѣ Король, чтобы между нами были любовь и докончанье, и я къ нему своихъословъ отправилъ, и каково между насъ дѣло будетъ, то тебѣ будетъ вѣдомо.» Если Менгли-Гирей захочетъ ити на Литовскую землю, то Скряба долженъ былъ говорить: «чтобы Царь пожало-

[91] Сборникъ Муханова, стр. 24—29. Здѣсь переводы съ Татарскаго въ Литовской Метрикѣ отличаются наборомъ словъ болѣе вѣжливыхъ, чѣмъ въ Московскихъ переводахъ; однако и у Литовцевъ встрѣчаются слова въ родѣ того, что «Орда Орду потоптала.»

валъ, шелъ бы на Ахмата, или кто на его юртѣ, а объ томъ Государь не наказывалъ, чтобы тебѣ ити на Литовскую землю.» Но такъ какъ переговоры у Ивана Васильевича съ Казимиромъ продолжались, то какую уступку изъ своихъ пріобрѣтеній хотѣли теперь сдѣлать Москвичи, служатъ доказательствомъ слѣдующія слова Наказа Скрябѣ: «а услышитъ, что Король пошелъ на Великаго Князя, то говорить Царю, чтобы онъ самъ сѣлъ на конь и пошелъ на Короля.» Иванъ Васильевичъ уступокъ не сдѣлалъ, Казиміръ же за это на него войною не пошелъ. Въ слѣдствіе этѣхъ обстоятельствъ Скряба долженъ былъ проговорить только первую часть Наказа, изъ которой было ясно, что Москва съ Литвой помирились. Сейчасъ мы видѣли, въ какихъ отношеніяхъ Менгли-Гирей былъ къ Казимиру, и по этому Менгли-Гирей далъ такой отвѣтъ, который очень обезпокоилъ Московское Правительство. Въ слѣдующемъ 1482 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ Москвы былъ отправленъ Юрій Шестакъ, который везъ съ собою Тимоѳея Скрябу, для выдачи его Татарамъ. Шестакъ говорилъ Царю отъ Великаго Князя: «Говорили намъ твои послы, что будто бы я тебѣ наказывалъ, съ своимъ Бояриномъ Тимоѳеемъ, чтобы ты помирился съ Королемъ и не воевалъ его земли до тѣхъ поръ, пока къ тебѣ будетъ вѣсть отъ насъ, и что ты по всему этому сдѣлалъ. Такъ я тебѣ этого не приказывалъ, а говорилъ, что Король присылалъ ко мнѣ своихъ пословъ о любви и докончаньѣ. Если же все это наговорилъ тебѣ мой посолъ Бояринъ, не по нашему наказу, то я его къ тебѣ послалъ, и онъ передъ тобою.» Въ это время благопріятныя обстоятельства для Казимира въ отношеніи Крыма прекратились: разбитая Ивакомъ Орда начала опять собираться около Ахматовыхъ сыновей, и по этому Шестакъ долженъ быть прибавить къ своимъ рѣчамъ, что съ Великимъ Княземъ Король мира не хочетъ, и посылаетъ въ Орду моихъ недруговъ поднимать. Шестакъ долженъ былъ стараться, чтобы Менгли-Гирей былъ съ Великимъ Княземъ на Короля недругомъ «именемъ», и если у него есть шерть къ Казимиру, то ее бы сложилъ.

Въ слѣдъ за Шестакомъ, въ Маѣ мѣсяцѣ поѣхалъ въ Крымъ другой посолъ, Михайло Кутузовъ. Причина его посольства объясняется его рѣчами къ Менгли-Гирею: «Послѣ того, какъ послали

къ тебѣ Боярина Юрія, то пріѣхалъ ко мнѣ отъ Короля посолъ Богданъ, и Король мира не хочетъ, не отдаетъ мнѣ моихъ городовъ, и ты бы къ Королю шерть сложилъ и рать бы на него пустилъ.» Если Царь скажетъ, что онъ помирился съ Королемъ, по приказу Великаго Князя съ Бояриномъ Тимоѳеемъ Скрябою, то Кутузовъ долженъ былъ сказать: «Если бы Государь то приказывалъ, то онъ тебѣ Боярина не выдавалъ бы.» Для Ивана Васильевича, какъ видно, было необходимо, въ слѣдствіе своихъ отношеній къ Казимиру, нападеніе Менгли-Гирея на Литовскія владѣнія. Особенныхъ подробностей объ отношеніяхъ Ордъ между собою и ихъ внутреннемъ состояніи мы не знаемъ, но слѣдующіе пункты Наказовъ Шестаку и Кутузову отчасти объяснятъ, по чему Иванъ Васильевичъ надѣялся, что Менгли-Гирей такъ, или иначе, но нападетъ на Литовскія владѣнія. Шестаку было приказано, что если придетъ къ нему на дорогѣ достовѣрная вѣсть, что «Царь въ Крыму перемѣнился,» то воротиться домой. А Кутузову было приказано: «и учнетъ Царь говорить: «Какъ мнѣ на Короля рать послать: Именекъ (значительный Крымскій вельможа) отъ меня бѣжалъ и наводитъ на меня моихъ недруговъ, а люди мои въ розни;» тогда Михайлу сказать: «Будетъ нельзя большой рати послать, то пошли сколько пригоже!» и учнетъ Царь говорить: «Я шерть къ Королю сложу и на него рать пошлю, а Великій Князь поберегъ бы моего дѣла — брата моего Нуръ-Даулета держалъ бы у себя;» — и Михайлу на это сказать: «Государю моему никакой корысти нѣтъ выпускать твоего брата, и держитъ онъ его для твоего дѣла, а твое дѣло и впередъ хочетъ смотрѣть.» Вообще же Кутузову было наказано, какъ бы долго ни было, но непремѣнно дождаться того, когда Царь пошлетъ свою рать на Литовскую землю. [91]

Какъ надѣялись въ Москвѣ, такъ и случилось: весною пріѣхалъ въ Москву Королевскій посолъ съ требованіемъ Новгорода и Великихъ Лукъ, лѣтомъ былъ бунтъ въ Литвѣ Бѣльскаго съ товарищами, и послѣ этого въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Менгли-Гирей, со всею своею силою, напалъ на городъ Кіевъ, по тому что сюда именно, или на Подолъ, совѣтовали ему ити Московскіе послы. Татаре зажгли Кіевъ съ двухъ сторонъ; тѣ жи-

[91] Дѣла Крымскія № 1: Посольства выше сказанныхъ пословъ.

тели, которые выбѣгали изъ города, попадались въ плѣнъ Татарамъ; Кіевскій Намѣстникъ, Хоткевичъ, съ семействомъ, тоже выбѣжалъ изъ города, и такъ же попалъ въ ихъ руки. Татары много пакостей при этомъ учинили: Печерскую церковь и монастырь разграбили, многіе жители забѣжали въ пещеры, и тамъ задохлись. Татары погнали плѣнныхъ въ Крымъ, а Менгли-Гирей служебные сосуды Софійскаго храма, золотые потиръ и дискосъ, прислалъ къ Ивану Васильевичу.

Но можетъ возникнуть вопросъ: по чему Иванъ Васильевичъ не воспользовался столь благопріятными обстоятельствами этого времени? Если Казимиръ дозволилъ поочередно отдѣлаться Ивану Васильевичу послѣ завоеванія Новгорода, отъ братьевъ и Ахмата, то теперь и Иванъ Васильевичъ выдалъ Казимиру Бѣльскаго съ товарищами и не помогъ Менгли-Гирею, хотя, впрочемъ, послѣднему впередъ объявлялъ, что помочь не можетъ. Такъ еще Юрію Шестаку было наказано, что если Царь будетъ говорить: «Великій Князь приказываетъ мнѣ шерть къ Королю сложить, а Великій Князь на Короля идетъ..ли?» отвѣчать: «Государь мой дѣлаетъ нынѣче свое дѣло съ Казанскимъ.» Дѣйствительно, послѣ смерти Казанскаго Царя, Ибрагима, умершаго около 1480 года, въ Казани начались смуты, и Иванъ Васильевичъ долго былъ занятъ Казанскими дѣлами; въ 1482 году онъ посылалъ рать на Казань, на Царя Ильгама: Воеводы Великаго Князя простояли все лѣто на Волгѣ и, помирившись съ Царемъ, пошли домой. [92]

Такъ кончился 1482 годъ; въ Мартѣ слѣдующаго года поѣхалъ въ Крымъ посломъ Князь Иванъ Лыко, долженствовавшій говорить Царю отъ Великаго Князя, по случаю взятія Кіева: «Ты какъ свое слово молвилъ, такъ и дѣло исполняешь, и я тебѣ за то челомъ бью.» Какъ прежніе послы, Князь Лыко долженъ былъ просить Царя ити на недруга Короля и указывать на то, что Великій Князь для Царя держитъ у себя его братьевъ. [93] Ни лѣтописи, ни офиціяльныя бумаги за лѣто 1483 года не сообщаютъ

---

[92] Арх. Лѣт., стр. 160; Вельяминова-Зернова Изслѣдованіе о Касимовскихъ Царяхъ, стр. 158 и слѣд.; Разрядныя книги Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 1, 6990 годъ.

[93] Дѣла Крымскія № 1: Посольства 1483 года.

ничего особенно важнаго о степныхъ дѣлахъ; самый Наказъ Князя Лыко состоитъ изъ общихъ мѣстъ; только можно предположить, что Воеводы по прежнему должны были быть готовыми къ тому, или другому, дѣлу. 1484 годъ не ознаменовался тоже ни чѣмъ особенно важнымъ, хотя за это время мы имѣемъ и болѣе матеріяловъ, чѣмъ за предшествовавшій годъ, однако они только показываютъ, какъ развивались событія. 11 Апрѣля послалъ Великій Князь Воеводъ своихъ на Казань, и посадилъ, вмѣсто Ильгама Царя, его брата, Магметъ-Аминя.[94] Потомъ еще въ Мартѣ Князь Ноздреватый, отправленный посломъ въ Крымъ, долженъ былъ, кромѣ обыкновенныхъ рѣчей о Королѣ, говорить, что Нуръ-Даулета держитъ у себя Великій Князь, а онъ хотѣлъ было бѣжать; и при томъ Великій Князь просилъ Менгли-Гирея, чтобы онъ защитилъ его, если пойдетъ на него Ордынскій Царь. Объ этомъ Царѣ прежде ничего не упоминалось въ посольствахъ въ Крымъ: то былъ Муртоза. Послѣ отправленія въ Мартѣ посольства въ Крымъ, въ Іюнѣ отправлены были туда же грамоты и Наказъ Князю Ноздреватову, чтобы говорить отъ Государя къ Царю: «Пріѣхали ко мнѣ мои люди изъ Орды и сказываютъ, что у Царей Муртозы и Седе-Ахмата есть Королевы послы, и ити имъ изъ Орды скоро, и если они еще не прошли, то Царь, если пригоже, поберегъ бы своего дѣла и моего и тѣхъ Королевскихъ Пословъ велѣлъ бы постеречи; да сказываютъ, что тѣ послы ходятъ въ Орду и изъ Орды близко Перекопа; да и впередъ бы велѣлъ стеречи пословъ Литовскихъ, если пригоже.» При этомъ было наказано, что если Царь спроситъ, что онъ слышалъ, что у Великаго Князя былъ Королевскій посолъ, Янъ Забережскій, то сказать, что онъ былъ о порубежныхъ дѣлахъ.[95]

Важныя событія приготовлялись. Были ли у Казимира въ 1483 и 84 годахъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ, утверждать, кажется, нельзя, и Хоткевичъ сидѣлъ въ плѣну. Но въ 1484 году случился голодъ въ Золотой Ордѣ, и, въ слѣдующую зиму, Ордынскій Царь, Муртоза, пришелъ въ Крымъ зимовать. Такъ какъ мы

---

[94] Разрядныя книги Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 1, годъ 6991.

[95] Дѣла Крымскія № 1: Посольства 1484 года.

могли изъ посольствъ видѣть, что вражда между Ордами не прекратилась; то Менгли-Гирей схватилъ Муртозу и послалъ его въ Кафу; кромѣ того, онъ отправилъ своего меньшаго брата на остатки Орды, Темиревъ улусъ, и досталь ихъ разогналъ. Тогда другой Ахматовъ сынъ, Седе-Ахматъ, вмѣстѣ съ Княземъ Темиромъ, изгономъ пришелъ на Менгли Гирея, разбилъ его, такъ что тотъ тайно убѣжалъ съ бою изъ своей Орды; Седе-Ахматъ освободилъ Муртозу и посадилъ его на Царствѣ. Менгли-Гирей просилъ себѣ помощи у Султана; [96] но Иванъ Васильевичъ, узнавши объ этѣхъ событіяхъ, послалъ подъ Золотую Орду Князей, Улановъ и Казаковъ, т. е., служащихъ ему Татаръ, и велѣлъ имъ преслѣдовать Ордынцевъ и отнимать у нихъ Крымскій плѣнъ. Всѣ этѣ послѣднія событія были ранней весной 1485 года, и Иванъ Васильевичъ только 31 Іюля отправилъ въ Крымъ сказать Менгли-Гирею объ этомъ и объявить, что раньше извѣстить не могъ по тому, что между Крымомъ и Московскими владѣніями въ полѣ ходятъ ихъ недруги, и по этому проѣхать нельзя. [97] Посланные подъ Орду Татары Великаго Князя пробыли въ степяхъ все лѣто и отнимали у Золотоордынцевъ плѣнныхъ Крымцевъ. Таковы были дѣла съ одной стороны степей, а съ другой Казанскія дѣла тоже не прекращались. Послѣ того, какъ прошлымъ годомъ Магметъ-Аминь былъ посаженъ на престолъ, онъ опять потерялъ его; но Великій Князь послалъ въ Казань снова Магметъ-Аминя и далъ ему войско; дѣло кончилось тѣмъ, что Магметъ-Аминь побѣдилъ, а соперникъ его, Ильгамъ, сбѣжалъ съ Казани. [98] Такимъ образомъ Иванъ Васильевичъ весь годъ былъ занятъ Татарскими дѣлами, и по этому покореніе Твери въ два пріема (въ 1485 году), кажется, можетъ объясниться такъ, что Иванъ Васильевичъ, начавши дѣло съ нею зимою, поспѣшилъ потомъ помириться, а когда освободился отъ Казанскихъ дѣлъ, то тотчасъ же порѣшилъ окончательно и съ Тверью, которую возбуждалъ Казимиръ. Казимиръ

---

[96] П. С. Р. Л. т. 6, стр. 236—237.

[97] Дѣла Крымскія № 1, Посольство 1485 г.

[98] Разрядная кн. Арх. М. Ин. Дѣлъ № 1, 6993 г.; ср. у Вельяминова Зернова; въ его сочиненіи приведены другія Разряд. кн., носящія названіе Башмаковскихъ (ч. I, стр. 171). Далѣе, въ Разрядной книгѣ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ находится разрядъ похода подъ Тверь.

не помогъ Твери, не помогъ онъ и Ордынцамъ. Что было въ концѣ лѣта и зимой 1485—86 года, намъ можетъ объяснить постоянный источникъ извѣстій о томъ времени, Наказъ послу въ Крымъ. Въ Мартѣ 1486 года отправленъ былъ посломъ въ Крымъ Бояринъ Семенъ Борисовичъ; онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею отъ Великаго Князя: «Посылалъ ты ко мнѣ посла и извѣстилъ, что Король, недругъ нашъ общій, хотѣлъ на тебя ити, а которые люди твои были посланы ко мнѣ Кіевскою дорогою, и онъ велѣлъ ихъ поимать. И ты ко мнѣ наказывалъ, что Король идетъ на тебя, и мнѣ бы Королю крѣпко недружбу учинить, то я съ тобой на нашего общаго недруга одинъ человѣкъ.» Далѣе Наказъ объясняетъ, что Менгли-Гирей просилъ у Ивана Васильевича, если Муртоза и Седе-Ахматъ будутъ на этой сторонѣ Волги и пойдутъ на Крымъ, то послать Нуръ-Даулета съ Царевичами и Татарами на нихъ. На это Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что Татары и такъ все лѣто были подъ Ордой. Потомъ Наказъ открываетъ, что Иванъ Васильевичъ ссылался съ Казимиромъ въ это время. Мы это знаемъ, и кромѣ этого Наказа, изъ дошедшихъ до насъ посольствъ Казимира въ Москву, въ которыхъ онъ, во первыхъ, объявляетъ, что Тверскаго Князя принялъ и въ хлѣбѣ-соли не отказалъ, во вторыхъ, приглашаетъ Ивана Васильевича къ союзу противъ Турокъ. [»] Этѣ пересылки Наказъ объяснялъ такъ, что Великій Князь съ Казимиромъ пересылается о мелкихъ порубежныхъ дѣлахъ (что и было отчасти предметомъ сношеній), а «гладкости въ сношеніяхъ ни которые нѣтъ.» Такъ какъ Иванъ Васильевичъ въ Августѣ 1485 года взялъ Тверь, и это считалъ побѣдою надъ Литвою, то въ Наказѣ говорилось, чтобы Царь «пожаловалъ, послалъ своихъ людей на Королевскую землю, по тому что чѣмъ недругу истомнѣе, тѣмъ лучше, а люди Государевы землю Королевскую безпрестанно имаютъ.» Въ какихъ отношеніяхъ послѣ взятія Твери былъ Иванъ Васильевичъ къ Казимиру, служитъ слѣдующая часть Наказа: «Пойдетъ Царь на Литовскую землю и захочетъ Семена съ собой взять, то ему отговариваться; но если ради Семенова отговора Царь будетъ отлагать свой походъ, то ему ити; при чемъ если

[»] Ак. З. Р. т. 1, № 88 и 89.

захочетъ ити къ Путивлю, или на Сѣверу, то говоритъ, чтобы шелъ на Подолъ, или Кіевскія мѣста.

Еще Семенъ Борисовичъ не воротился изъ Крыма, какъ Менгли-Гирей прислалъ въ Москву грамоту, извѣщая, что стоитъ на общаго недруга и съ нимъ не помирится; да такъ же извѣщалъ, что Король послалъ своего человѣка въ Орду и ведетъ къ себѣ Муртозу и Седе-Ахмата и хочетъ съ ними мириться крѣпко. На этѣ грамоты былъ отвѣтъ (3 Августа), что Король явно ведетъ Царей на Менгли-Гирея; если они будутъ близко, то ему иного дѣла, конечно, нѣтъ, кромѣ этого. [100] Въ Сентябрѣ, послѣ отсылки этѣхъ грамотъ, пріѣхалъ изъ Крыма и Семенъ Борисовичъ: онъ привезъ отвѣтъ отъ Менгли-Гирея, уже отличающійся отъ предшествующихъ грамотъ: «Что ты мнѣ говорилъ о Литовской войнѣ, то того дѣла мнѣ дѣлать нельзя теперь, а можно зимой; Орды же я не боюсь, и если Цари пойдутъ на Великаго Князя, то я на нихъ пойду, а на меня пойдутъ, то Великій Князь послалъ бы на нихъ моего брата.» [101]

Этотъ отвѣтъ объясняется слѣдующимъ: когда прошлогодняя гроза со стороны Орды прошла, то Менгли-Гирей послалъ къ Казимиру своего человѣка съ предложеніемъ, по прежнему быть въ братствѣ и дружбѣ; требовалъ у него поминокъ и выкупа за плѣнныхъ, взятыхъ въ Кіевѣ; Казимиръ на это отвѣчалъ, что онъ всегда стоитъ въ своей правдѣ и никогда не выступаетъ; а Царю извѣстно, какъ онъ самъ своей правды не сдержалъ, и по этому Казимиръ предлагалъ Менгли-Гирею подтвердить снова свою правду, и наконецъ прямо говорилъ: «Мы слышали, что Царь теперь слуга Турецкому Царю: такъ самъ бы посмотрѣлъ: онъ, будучи вольный человѣкъ отъ отцевъ, теперь какъ свою честь уважаетъ, и если бы Турецкой, врагъ Короля, пошелъ на его землю, то Царь на чьей сторонѣ стоялъ бы? А Король теперь готовъ вмѣстѣ съ другими Государями на Турецкаго. [102]

---

[100] Этѣ грамоты напечатаны у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 182—184.

[101] Дѣла Крымскія № 1.

[102] Сбор. Муханова № 25.

Но обстоятельства повели къ тому, что Менгли-Гирей сталъ дѣйствовать въ пользу Москвы. Въ степяхъ, въ теченіи лѣта 1486 года, происходило то, что бывшая Золотая Орда разсыпалась по степи и грабила попадающееся. Иванъ Васильевичъ на разбойниковъ высылалъ Нуръ-Даулета съ Татарами. Въ началѣ Марта, 1487, года, поѣхалъ въ Крымъ посолъ, котораго Наказъ объяснилъ намъ состояніе степныхъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ говорить Менгли-Гирею: «Ордынскіе люди стерегутъ нашихъ пословъ, ѣдущихъ по степямъ, и прошлымъ лѣтомъ только сами послы пріѣхали къ тебѣ, а съ людьми, которые ихъ провожали, самъ знаешь, что сталось и убытка въ томъ мнѣ много учинилось. Да нынѣче пришли ко мнѣ достовѣрныя вѣсти изъ Орды, что оттуда вышли многіе люди стеречи нашихъ пословъ: такъ ты поберегъ бы того дѣла, чтобы между нами путь не затворился, и отправлялъ бы людей на встрѣчу посламъ.» Весною 1487 года извѣстилъ Менгли-Гирей въ Москву, что на него идутъ сами Ордынскіе Цари, что онъ схватилъ Королевскихъ пословъ, присланныхъ къ нему, и спрашивалъ, что съ ними дѣлать. Этѣ послы, вѣроятно, были тѣ, которые поѣхали съ вышеизложеннымъ отвѣтомъ на посольства Менгли-Гирея. Въ слѣдствіе этѣхъ присылокъ Иванъ Васильевичъ отправилъ Нуръ-Даулета съ его Татарами на Ордынцевъ, и въ то же время послалъ къ Менгли-Гирею, извѣщая его на счетъ Королевскихъ пословъ: «Король, нашъ общій недругъ: ино самъ знаешь, какъ тебѣ надъ его послами учинить.» Посланному съ этѣми словами наказано было, что если Царь спроситъ, что же, однако, учинить надъ послами, то отвѣчать: «Самъ вѣдаешь, какъ недругу недружбу чинить: чѣмъ ему досаднѣе, тѣмъ лучше.»

Муртоза, который только стращалъ Менгли-Гирея своимъ появленіемъ въ степяхъ и не давалъ ему возможности быть въ миру съ Москвою и Литвою, и обоихъ ихъ грабилъ, придумалъ еще слѣдующее. Его постоянно безпокоили Татары Великаго Князя, которыми иногда предводительствовалъ Нуръ-Даулетъ. Муртоза прислалъ Ивану Васильевичу слѣдующую грамоту: «Нуръ-Даулетъ Царь отъ отца моего до сѣхъ мѣстъ со мною въ любви былъ, а Менгли-Гирей въ своей правдѣ не устоялъ, и нынѣча онъ нашъ недругъ, и я надежду имѣю, вмѣсто него, Царемъ Нуръ-Даулета учинить, и послалъ его звать къ себѣ; и ты за то не постой, и къ намъ отпусти,

а жены и дѣти его останутся у тебя. Если Богъ помилуетъ и тотъ юртъ дастъ, то тогда онъ у тебя ихъ добромъ возметъ. Менгли-Гирей тебѣ другъ, но и Нуръ-Даулетъ тебѣ не недругъ же, а онъ намъ пригожъ.» [103] Муртоза о своей любви и желаніяхъ извѣщалъ такъ же Нуръ-Даулета. По этому поводу Иванъ Васильевичъ, въ Октябрѣ, 1487 года, чрезъ посла, Дмитрія Шеина, извѣщалъ Менгли-Гирея: «Муртоза прислалъ къ твоему брату ярлыкъ свой, и зоветъ его къ себѣ на тебя, и ко мнѣ прислалъ о томъ же ярлыкъ, и я, берегучи твоего дѣла, Муртозины ярлыки взялъ у Нуръ-Даулета и къ тебѣ послалъ.» Но изъ Наказа Шеину оказывается, что Менгли-Гирей уже зналъ о замыслахъ Муртозы и прислалъ къ Ивану Васильевичу грамоты, на которыя тотъ давалъ слѣдующій отвѣтъ: «Ты зовешь своего брата къ себѣ, чтобы стать вамъ на своемъ юртѣ за одинъ на своихъ недруговъ: такъ, вѣдь, Муртоза звалъ твоего брата на твое лихо, и я по этому твоего ярлыка къ Нуръ-Даулету не послалъ, и свое слово не сказывалъ, берегучи твоего дѣла.» Но Менгли-Гирей этѣмъ не успокоился, онъ Шеину отвѣтилъ, что о Нуръ-Даулетѣ пришлетъ съ своими послами «маленькое словцо.» На это маленькое словцо Иванъ Васильевичъ послѣ, въ 1488 году, отвѣчалъ слѣдующей грамотой: «Тебѣ вѣдомо изъ старины и отъ отцовъ вашихъ, на одномъ юртѣ два господаря бывали ли? а гдѣ бывали, то какое добро между нихъ бывало ли? А на счетъ того, чтобы укрѣпить Нуръ-Даулета, чтобы ему подъ тобою Царства не хотѣть, то когда онъ будетъ съ тобою, такъ мнѣ по чему вѣдать, что будетъ у него въ мысли? Вы съ Нуръ-Даулетомъ одного отца дѣти, а послѣ отца вашего сколько лѣтъ былъ Нуръ-Даулетъ на Царствѣ? Вѣдь тѣ же люди ему служили, которые и тебѣ служатъ? А по чемъ вѣдать мысль твоихъ людей: всѣ ли они хотятъ твоего господарства? Это моя мысль о твоемъ дѣлѣ, а какая твоя, и ты меня объ томъ извѣсти! А я теперь твоей грамоты и слова Нуръ-Даулету не передавалъ, и не передамъ до тѣхъ поръ, какъ намъ твоя мысль будетъ объ томъ, а если захочешь, мы къ тебѣ Нуръ-Даулета отпустимъ.» [104] Менгли-

---

[103] Эта грамота изъ Крымскихъ дѣлъ напечатана у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 201—202. Отсюда, вѣроятно, перепечатана въ 5 т. С. Г. Г. и Д. № 5.

[104] Эта грамота напечатана у Щербатова т. 4, ч. 3, стр. 203—205.

Гирей не присылалъ своей мысли объ этомъ дѣлѣ. Но такъ какъ, кромѣ Нуръ-Даулета, былъ въ Москвѣ еще другой младшій братъ Менгли-Гирея, Айдаръ (который, впрочемъ, былъ въ заключеніи), то когда Менгли-Гирей просилъ отпустить къ себѣ старшаго, писалъ, что Король хочетъ Айдара выкрасть; на это Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что онъ его содержитъ въ крѣпости; а когда Менгли-Гирей обѣщалъ объ Нуръ-Даулетѣ прислать маленькое словцо, то извѣстилъ, что если Король хочетъ выкрасть Айдара, то можетъ, по тому что онъ его не боится.

Выходъ Муртозы въ 1487 году въ степи съ своихъ качевьевъ окончился по прежнему ничѣмъ. Но въ это время самъ Иванъ Васильевичъ былъ, какъ въ 1486, такъ 1487 году, занятъ Казанскими дѣлами, гдѣ перемѣнялись Цари, то Ильгамь, то Магметъ-Аминь. Къ этѣмъ Казанскимъ дѣламъ примѣшался и Крымъ, по тому что мать Магметъ-Аминя, Нуръ-Салтанъ, вышла за мужъ за Менгли-Гирея, и по этому стала хлопотать у Московскаго Государя о сынѣ. Въ Мартѣ 1487 года Иванъ Васильевичъ приказалъ сказать Нуръ-Салтанъ: «Что писала въ своей грамотѣ о своемъ сынѣ — Магметъ Аминѣ, мы какъ напередъ его добра смотрѣли, такъ и нынѣ смотримъ, какъ Богъ поможетъ.» Въ 1486 году Иванъ Васильевичъ посылалъ свои войска на поддержку Магметъ-Аминя на Казанскомъ престолѣ; однако же онъ тамъ не удержался, и Ильгамъ, должно быть, осенью, согналъ Магметъ-Аминя съ Казани, пришедши изъ Ногаевъ, по приглашенію Казанцевъ. Въ Мартѣ Иванъ Васильевичъ обѣщалъ матери Магметъ-Аминя поддержать ея сына, а 11 Апрѣля отпустилъ Воеводъ своихъ къ Казани; 24-го Апрѣля туда же отправился Магметъ-Аминь; 18 Мая Воеводы были подъ Казанью, а 9 Іюля Казань была взята. Ильгамъ съ Царицею, братьями, сестрою и съ множествомъ Князей, были приведены въ Москву; ихъ Великій Князь разослалъ въ заточенье въ Вологду, Каргополь и Бѣлоозеро. [105] Послѣ этого

---

[105] Миллеровская тетрадь Разрядовъ въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ; тамъ же Разрядная книга № 1. Въ Миллеровской тетради разсказано Казанское взятіе почти слово въ слово, какъ въ Никонов. Лѣт. подъ 1487 годомъ; что касается Софійской, то въ ней, подъ 6993 годомъ, разсказано нѣсколько событій другихъ близкихъ годовъ; лучшимъ подтвержденіемъ времени окончательнаго взятія Казани можетъ служить письмо въ Крымъ; см. Крымскихъ дѣлъ № 1, стр. 145 — 147.

10 Августа Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Крымъ сказать: «Посылалъ я на недруга своего, Ильгама, Царя Казанскаго, своихъ Воеводъ: наши Воеводы Казань взяли и Царя Ильгама поимали, съ его братіею и Князьями, а Магметъ-Аминя на Казань посадили.» Послѣ этого Казанскій Царь, опираясь на Московскую силу, долженъ былъ принять участіе въ степныхъ дѣлахъ. Въ Октябрѣ того же года, какъ сѣлъ на престолъ Магметъ-Аминь, послу, Дмитрію Шеину, наказано было, если спросятъ: «Къ Казанскому Царю послалъ ли Князь Великій, чтобы онъ слалъ свою рать на нашихъ недруговъ?» то говорить: «Государь хотѣлъ послать объ томъ часа того.»

Между Ордами Крымской и Золотой послѣ 1487 года ничего важнаго не происходило. Цари начали кочевать на сѣверѣ Азовскаго моря, и по этому вниманіе Менгли-Гирея было поглощено ихъ движеніями. Иванъ Васильевичъ, извѣщая Менгли-Гирея, что посылаетъ постоянно Нуръ-Даулета на Муртозу, объявлялъ, что люди отъ Ордынцевъ стерегутъ пословъ, ѣдущихъ въ Крымъ, и по этому нужно устроить хорошія сообщенія, и, кромѣ того, указывалось, чтобы Менгли-Гирей, дѣйствуя противъ недруговъ, ссылался съ братомъ, находящимся въ степяхъ. Въ слѣдствіе того, что ничего важнаго между Ордами не происходило, то и сношенія по поводу степныхъ дѣлъ съ Крымомъ сдѣлались очень однообразны. Послѣ Нуръ-Даулета на Орду въ степи сталъ выходить его сынъ, Сатылганъ; въ этѣхъ степныхъ походахъ участвовали иногда Казанцы, когда были свободны отъ ихъ враговъ, Ногаевъ. Въ 1491 году былъ предпринятъ довольно значительный походъ въ степь, съ участіемъ Великокняжескихъ Воеводъ, по тому что узнали въ Москвѣ, что Цари идутъ на Менгли-Гирея къ Перекопу. Золотоордынцы, узнавши объ этомъ походѣ, ушли въ свои кочевья. [106] Главная забота относительно Золотоордынцевъ заключалась въ томъ, чтобы они наконецъ ушли за Донъ, къ Кавказу. Такъ какъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ начались отъѣзды Литовскихъ служебныхъ Князей, то теперь Ивану Васильевичу особенно нужно было, чтобы Менгли-Гирей началъ свои нападенія на Литовскія владѣнія. Въ Апрѣлѣ 1490 года Мо-

[106] П. С. Р. Л. т. 6, стр. 38.

сковскій посолъ въ Крыму, Князь Ромодановскій, прислалъ грамоту къ Великому Князю, что Царь ему говорилъ: «На Царей Ордынскихъ и на Короля я съ Великимъ Княземъ одинъ человѣкъ, и доколѣ буду живъ, мнѣ съ Королемъ въ миру не бывать.» Я, Государь, Царю говорилъ, что пойдутъ Цари къ Черкасамъ, и тебѣ, Господине, ити на Королевскую землю. Царь мнѣ сказалъ: «Дастъ Богъ, управимся съ большими недругами, то Королевской землѣ отъ насъ не отдалѣть.» Менгли-Гирей искалъ всюду помощи на Золотоордынцевъ: онъ обратился къ Султану, и тотъ ему прислалъ на помощь до 2000 человѣкъ, и приказалъ въ то же время Царямъ, чтобы они ушли съ того поля прочь. Наконецъ Менгли-Гирей обратился за помощію и къ Казимиру; но этѣ сношенія не были особенно мирны; вотъ письмо Менгли-Гирея къ Казимиру, которое можно отнести къ этому времени: «Говорите, что Московскій Великій Князь велѣлъ мнѣ Королевскую землю воевать: какъ мнѣ Московскій Князь можетъ такое слово сказать? Вы это слово изъ мысли выкиньте!» [107] Когда Московскій посолъ узналъ объ этѣхъ сношеніяхъ, то обратился къ Царю и послѣ такъ описалъ свой разговоръ съ нимъ: «Пріѣхалъ къ тебѣ твой человѣкъ отъ Короля, и съ чѣмъ пріѣхалъ, добро мнѣ написать къ моему Государю.» Царь отвѣчалъ: «Пиши къ Великому Князю, изъ моихъ устъ слышавши,—посылалъ я къ Королю о моихъ побитыхъ людяхъ и чтобы онъ далъ помощь на Орду, и онъ мнѣ отказалъ: «Нынѣча у меня дѣти между собою сѣкутся и помочи отъ меня нѣтъ.» И я Царю молвилъ: «Государю моему нужно, чтобы у тебя съ Королемъ дружбы не было;» и Царь молвилъ: «Дружбы у меня съ Королемъ нѣтъ, да и дѣла мнѣ до него нѣтъ.»

Наконецъ къ 1492 году Ахматовы дѣти ушли за Донъ, къ Каспійскому морю, и Московскій посолъ въ Крыму, Лобанъ Колычевъ, долженъ былъ говорить отъ Великаго Князя Менгли-Гирею: «Приказывалъ ты съ своими послами, что хочешь ити на Королевскую землю, такъ ты вѣдаешь, какъ нашъ недругъ Король намъ недружбу учинилъ и нашихъ недруговъ, Ахматовыхъ дѣтей, на насъ навелъ, и каково они лихо тебѣ учинили; и нынѣ тѣ, недруги наши, отъ насъ поотдалѣли, и ты бы теперь пошелъ на Ко-

[107] Сбор. Муханова стр. 38.

ролевскую землю, и я хочу на него ити, а тебѣ вѣдомо, какъ я тебѣ помогалъ на Ахматовыхъ дѣтей.» Уже давно послы въ Крыму начали говорить объ отъѣздахъ Князей изъ Литовской въ Московскую службу, и теперь посолъ долженъ былъ говорить, что «люди Великаго Князя со всѣхъ сторонъ берутъ Королевскую землю—отъ Новгорода, Пскова, Твери и Московской земли; а Князей Воротынскихъ и Бѣльскихъ Великій Князь отъ Короля съ ихъ землею поималъ...» и т. д. Въ Іюнѣ того же года Лобанъ Колычевъ прислалъ въ Москву записку о Крымскихъ дѣлахъ, и въ ней писалъ: «Царь мнѣ говорилъ: «На Короля и Ахматовыхъ дѣтей я одинъ человѣкъ съ Великимъ Княземъ; а что мнѣ на Королевскую землю ити, то я нынѣча такъ вздумалъ: есть на Королевской землѣ, ниже Товани, на той сторонѣ Днѣпра, городище надъ Днѣпромъ (Очаковъ), и нынѣча я пошелъ со всѣми людьми тотъ городъ дѣлать, и какъ сдѣлаю, то буду недругу недружбу чинить.» Объ Ордѣ Ахматовыхъ дѣтей Колычевъ писалъ: «Про Ахматовыхъ людей сказывали вѣсти Царевы люди, что они зимовали въ полѣ, да на веснѣ угонили у Орды стадо, и за ними съ погонею пришелъ одинъ Царевичъ, и Царевы люди погоню побили, а Царевичу голову срѣзали да къ Царю привезли, передъ моимъ пріѣздомъ дней за шесть. Да нынѣ пріѣхалъ Царевъ человѣкъ изъ Орды и сказывалъ, что она пахала пашню на Кумѣ, а пошла, сказываетъ, на Черкасцы воевать....» Самъ Менгли-Гирей писалъ также къ Ивану Васильевичу, и изъ его письма мы узнаемъ, что Литовцы прежде, когда Ахматовы дѣти сдерживали Менгли-Гирея, какъ мы видѣли, гордо съ нимъ обращались; теперь же, когда на Сѣверѣ начались отъѣзды Князей съ отчинами, а Ахматовы дѣти откочевали къ Кавказу, то, съ одной стороны, самъ Менгли-Гирей хотѣлъ получить поминки съ Литвы, а съ другой, какъ онъ извѣщалъ: «Король большаго посла уже послалъ къ намъ, и хотя онъ не пріѣхалъ, но его слово то: «У меня два брата твои въ рукахъ, имъ я далъ помѣстья и противъ тебя не пущу; когда Орда придетъ, то будемъ съ тобою противъ нихъ недругами; а что къ отцу твоему ежегодно посылалъ я поминковъ, то и тебѣ пошлю, только бы между нами было добро и послы бы ѣздили.» Далѣе Менгли-Гирей продолжаетъ: «Наша мысль такова: съ Королемъ коли недружбу принять, то малая недружба—ничто, а недружба пойдетъ такъ: нынѣшніе зимы съ женами и со всѣми улусами

въ свой городъ кочую (въ Очаковъ) и Королю съ обманомъ добрые рѣчи молвлю, а ты своихъ тысячу людей полемъ пришли—я возьму тебѣ Кіевъ, и въ Литвѣ какъ противъ насъ обоихъ стоять: Вильну и Краковъ дастъ Богъ возмемъ...» Но Менгли-Гирей свой разбойническій характеръ не только выказывалъ въ этомъ планѣ, но какъ бы, въ вознагражденіе за то, что, по видимому, отказывался отъ Литовскихъ поминковъ, требовалъ ихъ отъ Ивана Васильевича, и не только обыкновенныхъ, которые ему посылали, но еще: «въ Кафу ѣздилъ и зимовалъ, истратился и задолжалъ 100,000 денегъ да 33,000 алтынъ, надобно въ шесть мѣсяцевъ отдать, и ты братство свое учини, отъ долга сего меня избавь и въ сором и ложь не введи...» 30 Августа, 1492 года, поѣхалъ съ отвѣтомъ на этѣ письма Менгли-Гирея Константинъ Григорьевичъ Заболотской; его Наказъ былъ слѣдующій; говорить Царю: «Нынѣ, по Божьей волѣ, нашего недруга, Короля Казимира, не стало, а его дѣти намъ такъ же недруги, и ты бы шелъ на нихъ ратью, а миру съ ними не бралъ, самъ я хочу тоже сѣсть на конь противъ нихъ; а что ты городъ дѣлаешь, то намъ сказываютъ, что онъ далеко отъ Литовской земли, у устья Днѣпра, такъ ты садись на конь и иди на Литовскую землю не мотчая!» Заболотскому наказано не отговариваясь ити вмѣстѣ съ Царемъ въ Литовскую землю, и если Царь, повоевавши, воротится въ Перекопъ, то говорить, чтобы опять шелъ.

Въ это время Заболотскому предстояло много трудовъ въ Крыму. Передъ тѣмъ, какъ ему пріѣхать, обѣщанный посолъ отъ Казимира, явился уже отъ Александра. То былъ Князь Иванъ Борисовичъ Глинскій. Посольство его къ Царю состояло въ слѣдующемъ: «Нашъ отецъ, передъ назначеннымъ къ тебѣ посломъ, отправилъ къ тебѣ своего толмача, чтобы ты прислалъ Тимеша Улана, въ закладъ того посла, пока онъ вернется отъ тебя, такъ какъ передъ этѣмъ ты пословъ отца нашего задерживалъ и иные изъ ихъ у тебя въ Ордѣ умерли. Теперь отца нашего въ животѣ не стало, и мы посла, назначеннаго имъ къ тебѣ, не задержали и послали, а ты бы вспомнилъ присягу отца твоего да и твою, и вспомнилъ бы, что когда которому Царю, или Царевичу, Орды Перекопской бывало несчастіе, то они нигдѣ коня потнаго не разсѣдлывали, кромѣ какъ только въ нашей отчинѣ, и имъ у насъ въ

хлѣбѣ и соли не было отказу. И ты, если хочешь жить съ нами и быть, какъ твой отецъ съ нашимъ отцомъ, то передъ Княземъ Глинскимъ далъ бы правду и послалъ бы своего посла къ намъ.» Далѣе Глинскій долженъ былъ говорить о городѣ, который строилъ Менгли-Гирей. [108] Дѣйствовать противъ сношеній, заведенныхъ Менгли-Гиреемъ съ Литвою, Заболотскому отчасти облегчалось только тѣмъ, что Царь передъ его пріѣздомъ писалъ въ Москву: «Король (то есть, Великій Князь) прислалъ своего посла, но то посолъ легкій, съ легкими поминками;» но все таки Менгли-Гирей твердилъ старое, что онъ городъ строитъ: «а какъ тотъ городъ содержать, то на харчи денегъ нѣтъ.... да еще приказывалъ я о своемъ долгѣ.» Когда же Лобанъ Колычевъ напоминалъ Царю, чтобы онъ шелъ на Литовскія земли, то получалъ отвѣтъ: «Тебѣ вѣдомо, что послалъ свою мысль къ своему брату, Великому Князю, и жду его отвѣтъ.»

Объ дѣлахъ Крымцевъ сначала, по видимому, приходили утѣшительныя извѣстія. Заболотской писалъ (грамота его получена 31 Декабря): «Я говорилъ Царю накрѣпко, чтобы онъ поималъ Литовскаго посла, и онъ его поималъ на Михайловъ день (8 Ноября), а самъ объявилъ, что садится на конь, но мнѣ съ собою ити не велѣлъ, и мы по этому съ Лобаномъ Колычевымъ рѣшили послать съ нимъ своихъ Казаковъ, чтобъ они видѣли, какъ Царь будетъ дѣло дѣлать.» Въ слѣдъ за этой грамотой пріѣхалъ въ Москву Лобанъ Колычевъ съ послами Менгли-Гирея, который въ грамотѣ своей писалъ, что Глинскій, кромѣ выше приведенныхъ предложеній, объявлялъ отъ Александра, что «онъ готовъ заплатить тѣ деньги, которыя Царь занялъ въ Кафѣ, и впередъ платить опредѣленные поминки, но онъ, Менгли-Гирей, ждалъ отвѣта объ этомъ отъ Великаго Князя, и теперь, вѣря словамъ Заболотскаго, идетъ на Литву.» Но такъ какъ и изъ Москвы этѣхъ денегъ тоже не дали, какъ изъ Литвы, то Заболотской писалъ, что дѣла находятся въ слѣдующемъ состояніи: «Царь отпустилъ Литовскаго посла на Николинъ день (6 Декабря) и мнѣ говорилъ, что ему о послѣ били челомъ вельможи. Да мнѣ, Государь, Царь не вѣрилъ, что ты Литовскую землю воюешь и самъ хочешь сѣсть

[108] Ак. З. Р. т. 1, № 102.

на конь, да только тогда, когда пріѣхалъ отъ Александра Литовскаго толмачъ съ грамотами и съ рѣчами о Глинскомъ, и сказалъ, что ты воюешь и города поималъ, то мнѣ Царь повѣрилъ и сѣлъ часа того на конь, а того толмача съ собою взялъ. Да я попыталъ Царя о послѣ Литовскомъ; и онъ мнѣ сказалъ: «быть ему поиману у меня въ новомъ городкѣ, какъ туда доѣду.» При этомъ Заболотской извѣщалъ, что Царь посылалъ одного сына Мурзы воевать и про Великаго Князя отвѣдывать, и они воевали между Кіевомъ и Черниговомъ, а сказываютъ, много полону брали. Объ этомъ набѣгѣ Менгли-Гирей писалъ, что Татаръ пошло 500 человѣкъ, и они объ рати Великаго Князя ничего не знали, а онъ, Царь, приказалъ имъ тамъ въ полѣ зимовать, и они зимуютъ: «конямъ ихъ истома пришла, и что съ ними сталось, не вѣдаемъ; да еще посылалъ людей подъ Кіевъ воевать, и они, повоевавши, пришли назадъ; да на дорогѣ встрѣтились они съ Ордынскими Казаками, и были пограблены.»

Такимъ образомъ изъ выше изложеннаго можно видѣть, что въ настоящее время въ Крыму открылся аукціонъ, такъ какъ для обоихъ Государей, Московскаго и Литовскаго, нужно было направить Крымскую Орду, куда имъ хотѣлось. Но въ это самое время въ Литвѣ готовились встрѣтить Менгли-Гирея. Александръ назначилъ посольство въ Польшу, извѣщая, что «Перекопской Царь вышелъ изъ Крыма, идетъ къ своему городу; что на этой сторонѣ Днѣпра, только неизвѣстно куда, этотъ поганинъ потянется, и если обернетъ на Литовскіе предѣлы, то Янъ Альбрехтъ далъ бы помощь на Невѣрныхъ.» [109] Въ Крымъ же Александръ писалъ къ Царю: «Ты къ намъ прислалъ, объявляя, что хочешь добраго житья, и въ то же время, послѣ своего посла, пустилъ въ нашу землю войну: гораздо ли такъ дѣлается? доброе ли то знамя пріязни? и если хочешь съ нами добраго житья, то войны въ наши земли не пускай, а плѣнныхъ людей выпусти!» [110] Опасности со стороны Ахматовыхъ дѣтей теперь для Крымцевъ не существовало; Заболотской извѣщалъ въ Москву: «Сказываютъ, Орда подъ Астраханью; а сказываютъ, что на нее идутъ Ногаи; а Орда, Государь,

[109] Ак. З. Р. т. 1, № 104.

[110] Тамъ же, № 107.

сказываютъ голодна.» Къ этѣмъ краснорѣчивымъ словамъ Менгли-Гирей прибавилъ въ своей грамотѣ: «Наши люди встрѣтили Ахматовыхъ дѣтей людей, что пришли нашихъ улусовъ грабить, и я велѣлъ ихъ побить.»

Послѣ полученія этѣхъ извѣстій, изъ Крыма почти полгода не приходило ни какихъ вѣстей, такъ что въ серединѣ Іюня Иванъ Васильевичъ отправилъ своихъ Татаръ съ грамотами къ Менгли-Гирею и Заболотскому, чтобы узнать, что̀ дѣлается въ Крыму. Но когда были посланы этѣ Татары, то пришли изъ Крыма грамоты отъ Менгли-Гирея, изъ которыхъ Иванъ Васильевичъ не много узналъ. Менгли-Гирей писалъ, что онъ посылалъ людей на Литовскую землю и самъ почалъ садиться на конь, но за зимою нельзя было того дѣлать, и обѣщалъ, что въ слѣдующее лѣто, какъ жнитво будетъ, пошлетъ рать подъ начальствомъ сына. На эту грамоту послѣдовалъ соотвѣтствующій отвѣтъ; въ то же время Иванъ Васильевичъ приказывалъ Заболотскому, чтобы онъ объяснилъ ему, по чему Менгли-Гирей самъ не ходилъ воевать Литву, и что такое значитъ, что онъ пишетъ, будто его люди безпрестанно и много землю воюютъ, а въ Москвѣ знаютъ, что воюютъ небольшіе отряды (малые люди). Въ Октябрѣ были наконецъ получены достовѣрныя вѣсти изъ Крыма, изъ которыхъ оказалось, что Менгли-Гирей все еще ожидалъ, или изъ Литвы, или изъ Москвы, себѣ денегъ.

Въ Литвѣ объ отношеніяхъ къ Крыму разсуждали такъ же, какъ и въ Москвѣ; какъ изъ Москвы Нуръ-Даулета съ братіею обыкновенно выпускали противъ Золотоордынцевъ, такъ и изъ Литвы выпустили одного изъ братьевъ Менгли-Гирея съ Воеводой Черкаскимъ, и они напали на новой городокъ (Очаковъ) и взяли его. Менгли-Гирей, разсердившись на это, самъ сѣлъ на конь и пошелъ на Литовскую землю. Заболотской такъ описываетъ это нашествіе Крымцевъ: «Царь перевезся за Днѣпръ, и пошелъ отъ Днѣпра на Воздвиженьевъ день (14 Сентября) въ Литовскую землю, къ Кіеву, а Уланы и Князья его говорятъ, чтобы онъ къ Кіеву не приступалъ, а пошелъ бы въ землю въ глубь. Князь же Великій Александръ послалъ къ Царю человѣка своего, и я Царю не разъ говорилъ, чтобы онъ тѣхъ людей не отпускалъ къ Литовскому, и Царь съ моихъ рѣчей того человѣка поималъ, а людей его перепродалъ.» Казалось, дѣло шло въ пользу Московскому

Государю, но уже въ это время Царь писалъ Ивану Васильевичу, что онъ, «слугъ наряжая на рать и много имъ давая, много одолжалъ;» а когда послѣ этѣхъ грамотъ въ Москву, въ Октябрѣ же, пріѣхалъ отпущенный Менгли-Гиреемъ Заболотской, то Царь писалъ: «что городъ, который у него Литовцы разорили, стоитъ ему 150,000 долгу, и я тебѣ то не солгу, по тому что въ томъ роту далъ. А Литовскій посолъ у меня, и я его держу, пока вѣсть отъ тебя придетъ; я лиха ему не чиню: послу лиха чинить непригоже...» Заболотской объявилъ въ Москвѣ, что Менгли - Гирей воротился, не сдѣлавши ни какого вреда Литвѣ.

На смѣну послѣ Заболотскаго былъ посланъ въ Крымъ, въ Ноябрѣ, того же 1493 года, посломъ Константинъ Малечникъ. Онъ долженъ былъ узнать, какого ради дѣла воротился Царь и не пошелъ на Литву. Потомъ наказано было говорить Царю, чтобы Литовскаго посла не отпускалъ, такъ же и людей, которыхъ пришлетъ Александръ въ Перекопъ, и къ нему бы не посылалъ, а недружбу врагу дѣлалъ. Это обыкновенная форма Наказа, а далѣе Наказъ показываетъ, какъ уже смотрѣли въ Москвѣ на Крымцевъ: «А взмолвитъ Царь: «Какъ мнѣ Литовскихъ пословъ не отпустить: къ Великому Князю послы Литовскіе ѣздятъ же, и онъ ихъ отпускаетъ?» то отвѣчать на это: «Были, Господине, послы у нашего Государя отъ Литовскаго, а пріѣзжали о тѣхъ городахъ и волостяхъ, что Государь у него поималъ, ино нельзя было тѣхъ пословъ не отпустить, занеже они пріѣзжали за опасомъ, а своихъ пословъ Государь къ Литовскому не посылывалъ и нынѣ не пошлетъ.» А вспроситъ Царь: «Отдастъ ли Великій Князь города, которые у Литовскаго поималъ?» отвѣчать: «Тѣхъ городовъ, волостей и селъ не отдастъ, да и иные нынѣ еще поималъ;» и взолвитъ Царь: «Я самъ ходилъ на Литовскую землю, а Великій Князь за чѣмъ не ходилъ?» отвѣчать: «Государь не успѣлъ сѣсть на конь за нарядомъ за тяжелымъ, занеже Государь хочетъ ити на недруга нарядяся, чтобы недружбу крѣпче учинить; а рать свою на Литовскую землю посылалъ.» Самая любопытная часть Наказа была слѣдующая: «Взмолвитъ Царь о харчю, что давалъ своимъ людямъ, какъ ходилъ на Литовскую землю, то говорить: «Государь мой недружбу отъ себя общимъ недругамъ доводитъ, а о чемъ прикажешь къ нему, и онъ тебѣ пошлетъ.» Въ заключеніе было наказано говорить

Царю, чтобы онъ не унималъ Царевичей, если они хотятъ воевать Литовскую землю.

Отправивши посла въ Крымъ съ такимъ Наказомъ, Иванъ Васильевичъ прекратилъ сношенія съ Царемъ на цѣлыхъ полтора года, по тому что видѣлъ, что этѣ сношенія были такія, отъ которыхъ пользы ни какой не было, кромѣ убытка. Въ это время переговоры между Москвою и Литвою о мирѣ и брачномъ союзѣ шли уже къ концу. Только лѣтомъ 1494 года Менгли-Гирей прислалъ въ Москву грамоты. Ихъ содержаніе было то, что прошлою осенью «посылалъ своихъ людей на Литву, и какъ нынѣ они воротились, то пришелъ недругъ и улусы повоевалъ, дѣтей и дочерей въ полонъ поималъ, да много коней взялъ; да посылалъ нынѣ своихъ людей къ Бѣлгороду, Литовскую землю воевать, и, сколько могъ, конями ихъ снабдилъ, а тамъ ихъ много померло...» Далѣе Менгли-Гирей извѣщаетъ, какъ его люди воевали Литовскую землю и какъ Литовскій началъ съ нимъ переговоры о мирѣ, сначала чрезъ посредничество Султана, и предлагалъ дань, но онъ, Царь, съ нимъ не помирился. [111] Въ заключеніе, Царь извѣщалъ, что Орда рѣжется между собою, и потомъ выставлялъ цѣлый рядъ запросовъ. [112]

Подобныя грамоты изъ Крыма, съ такими извѣстіями и требованіями, были только повтореніемъ стараго, и по тому могли только подтвердить убѣжденіе, что слѣдуетъ на время прекратить сношенія, и на грамоты не было отвѣта.

---

[111] Вообще грамоты Менгли-Гирея трудно читать, такъ какъ онѣ, кажется, подстрочный переводъ съ Татарскаго; эта же грамота особенно страдаетъ по этому безсмыслицею.

[112] Дѣла Крым. № 1, Посольства выше означенныхъ годовъ: они кончаются на 446 стран.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ.

ГЛАВА I.

УТРО И ПРОДОЛЖЕНІЕ ОТСТУПЛЕНІЯ РУССКИХЪ.

Графъ Солтыкъ (p. 248) пишетъ: «Когда на другой день послѣ сраженія, къ палаткѣ Наполеона, въ Шевардинѣ, пріѣхали Ней и Мюратъ, онъ слышалъ слѣдующій разговоръ:

Мюратъ. «Вчерашній день былъ жаркій: я никогда не видалъ подобнаго сраженія относительно огня артиллеріи. Подъ «Эйлау сдѣлано было столько же выстрѣловъ, но ядрами. Вчера «же обѣ арміи были такъ близки одна къ другой, что почти всегда стрѣляли картечью.»

Ней. «Мы не ударили лицемъ въ грязь (Nous n'avons pas «cassé des oeufs): потеря непріятеля должна быть огромная, и «его нравственныя силы должны быть очень потрясены, надо ихъ «преслѣдовать и воспользоваться побѣдою.»

Мюратъ. «Однако жь, они отступаютъ въ хорошемъ порядкѣ.»

Ней. «Мнѣ трудно этому вѣрить: какъ это можетъ быть послѣ такого столкновенія?»

Ней позванъ былъ къ Наполеону.

Что Русскіе отступили въ порядкѣ, это свѣдѣтельствуется всѣми авторами; но здѣсь замѣчательно то, что Мюратъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ (Отд. II, глав. 4), просилъ у Наполеона гвардейской конницы, чтобы преслѣдовать Русскихъ, переправляющихся въ безпорядкѣ чрезъ Москву рѣку.

Графъ Сегюръ (t. I, p. 406): «Французская армія оставалась «неподвижной, или скорѣй можно сказать, что нѣтъ болѣе арміи, «только одинъ авангардъ, всѣ были заняты переноскою двадцати «тысячъ раненыхъ въ Колоцкій монастырь.... Наполеонъ объѣз- «жалъ (p. 407) поле битвы; никогда ни одно не представляло та- «кого ужаснаго зрѣлища.... Въ продолженіе (p. 409) этого печаль- «наго обозрѣнія, Императоръ тщетно старался успокоить себя «самообманомъ, приказывая пересчитывать малое число плѣнныхъ «и собирать нѣсколько подбитыхъ орудій. Семь, или восемь, сотъ, «плѣнныхъ и двадцать пушекъ — были единственными трофеями «этой неполной побѣды.»

Мишо (p. 134) говоритъ: «На другой день съ обѣихъ сто- «ронъ господствовало такое уныніе, былъ такой упадокъ силъ, что «Кутузовъ, желавшій на другой день дать битву, вынужденъ былъ «отказаться отъ этого, и Наполеонъ долженъ былъ остановиться «въ Москвѣ, куда онъ такъ желалъ достигнуть, и даже не зналъ, «какое направленіе взялъ Кутузовъ.»

Унынія и упадка силъ у Русскихъ не было; самое отступленіе, чрезъ двѣнадцать часовъ по окончаніи Бородинской битвы, въ Можайскѣ, порядокъ, въ которомъ оное было совершено, это доказываетъ. Сверхъ того, битва на другой день, подъ Можайскомъ, а чрезъ два дня у Крымскаго Брода показываютъ, были ли въ нашихъ рядахъ уныніе и упадокъ силъ. У Французовъ, дѣло другое. Эпизодъ этотъ свѣдѣтельствуется иноземными повѣствователями и участниками, какъ это было въ главѣ: «Оцѣнка битвы, и какъ будетъ еще видно далѣе.

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 55) пишетъ: «Наполеонъ хо- «тѣлъ лично убѣдиться въ потеряхъ, понесенныхъ Русской гвар- «діей, и по тому, объѣзжая поле сраженія, осматривалъ мѣста, на «которыхъ сражался этотъ избранный корпусъ. На всѣхъ тѣхъ «мѣстахъ, гдѣ сражалась Русская гвардія, находили доказатель-

«ства ея храбрости и истребленія, только Преображенскаго «полка нигдѣ не было видно.[1] Этѣмъ были поражены! Отыски-«вали его, и нашли почти весь лежащимъ на полѣ битвы.»

Шамбре (t. II, p. 85) также описываетъ поѣздку Наполеона, и представляетъ всѣ ужасы самыми разительными словами, присовокупляя (p. 86): «Наполеонъ приказалъ переворотить многіе «трупы, чтобы видѣть, какимъ оружіемъ они убиты: почти всѣ «ядрами.»

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. de 1812» (t. II, p. 31), разсказавъ эту же поѣздку Наполеона и со словъ Констана (перваго Императорскаго камердинера), когда Наполеонъ возвратился: «Сонъ его былъ очень безпокоенъ, или, лучше сказать, «онъ совсѣмъ не спалъ. Нѣсколько разъ внезапно переворачивался «на постелѣ и восклицалъ: «Quelle journée! Quelle journée!»[2]

Форъ (p. 47), описавъ, что представлялось на полѣ сраженія, которое онъ осматривалъ на другой день, присовокупляетъ:

---

[1] И очень естественно, что Наполеонъ не находилъ Преображенскаго полка; ибо какъ этотъ полкъ, такъ и Семеновскій, не былъ въ дѣйствительной схваткѣ, и потеря ихъ выбывшими изъ строя была (Даниловскій, ч. II, стр. 248), въ Преображенскомъ 37, въ Семеновскомъ 22. Эти полки нѣкоторое время находились подъ ядрами. Толь (T. II, S. 113) увеличиваетъ эту потерю до семнадцати Офицеровъ и шести сотъ нижнихъ чиновъ, пораженныхъ артиллеріею!!

[2] Здѣсь текстъ перепутанъ, какъ это часто встрѣчается у Французскихъ повѣствователей: 7-го была битва. На другой день, 8-го ч., когда, по общему свѣдѣнію, Наполеонъ осматривалъ поле битвы, и съ 8-го на 9-е, уже тамъ не ночевалъ, а думалъ ночевать въ Можайскѣ. Доѣхавъ было до этого города и найдя, что Платовъ не пускаетъ Мюрата, долженъ былъ возвратиться назадъ и ночевать въ маленькой деревушкѣ, съ 8-го на 9-е ч. Между же тѣмъ Сентъ-Илеръ говоритъ: «По утру, на другой день, 9 Сентября, извѣстили, что Платовъ принялъ начальство надъ арріергардомъ и располагалъ удерживаться въ Можайскѣ. «Хорошо, сказалъ Наполеонъ: Мы останемся нѣсколько часовъ долѣе «съ нашими несчастными ранеными.» Путаница эта продолжается, ибо въ слѣдъ за симъ Сентъ-Илеръ говоритъ: «Въ сумерки Императорская главная квартира ночевала въ остаткахъ деревушки, при выходѣ съ равнины по Московской дорогѣ». Значитъ, 9-го ч. вечеромъ! Но Наполеонъ ночевалъ въ ней съ 8-го на 9-е Сентября, а по отступленіи нашего арріергарда изъ Можайска, онъ 9-го же въѣхалъ туда. Впрочемъ, не одинъ Сентъ-Илеръ путаетъ, и многіе другіе компиляторы, не изучившіе предмета, ставятъ читателя въ тупикъ.

«Подавшись впередъ, въ кустарники, я встрѣтился съ пѣхотинцемъ, «который сказалъ мнѣ, чтобы я не шелъ далѣе, по тому что тутъ «тотчасъ Французскіе аванпосты.» Должно полагать, что это было тогда, когда арріергардъ нашъ, и противъ котораго эти аванпосты были выставлены, еще не оставлялъ позиціи. Хотя это обстоятельство и ничтожно съ перваго взгляда, но оно подтверждаетъ, что арріергардъ нашъ утромъ, на другой день битвы, стоялъ еще на Бородинской позиціи, что мы, очевидцы, очень хорошо знаемъ и, какъ далѣе, другіе еще Французы подтвердятъ; въ это утро арріергардъ нашъ атаковалъ Французскіе аванпосты. Авторъ присовокупляетъ: «Погода сдѣлалась мрачной, грусть, казалось, «распространилась въ воздухѣ.». Такъ мыслили побѣдители!

Графъ Солтыкъ, также сопровождавшій Наполеона на этомъ обозрѣніи, описавъ зрѣлище поля битвы, присовокупляетъ (р. 244), какъ онъ хотѣлъ, посредствомъ опросовъ, узнать что либо отъ Русскихъ солдатъ (Солтыкъ говорилъ по Русски): «Они всѣ были «такъ раздражены, что не хотѣли произнести ни одного слова; «многіе впадали даже въ самое ужасное отчаяніе, имѣя безпре«рывно предъ глазами несчастіе своего отечества.»

Графъ Сегюръ (р. 409) присовокупляетъ: «Замѣчательно, что «Русскіе, раненые на этомъ полѣ битвы, пробирались ползкомъ, а «нѣкоторые къ перебитымъ ногамъ подвязывали палки, не испус«кая ни одного стона; можетъ быть (присовокупляетъ авторъ), «будучи далеко отъ своихъ, они расчитывали на меньшее состра«даніе. Но положительно то, что они показывались болѣе твердыми противъ боли, чѣмъ Французы.» Французъ не можетъ разсказывать ничего безъ фразъ, такъ и тутъ Графъ Сегюръ дѣлаетъ свое заключеніе: «Не то, чтобы они переносили страданіе «съ преимущественнымъ духомъ, но страдали они менѣе, по тому «что менѣе чувствительны тѣломъ, какъ и умомъ, [3] а это происхо«дитъ отъ цивилизаціи, менѣе подвинутой впередъ, и органовъ, «отвердѣвшихъ отъ климата» и пр. Но Графъ, по видимому, ставитъ ни во что религію, убѣжденіе въ защитѣ праваго дѣла, безропотное повиновеніе Провидѣнію, и тому подобныя побужденія.

---

[3] Фраза, достойная «печеныхъ яблоковъ» Г.-М. Богдановича (т. I, стр. 274).

Боссе, Префектъ дворца, также сопутствовалъ Наполеону и (t. II, p. 102) говоритъ: «Цѣлые ряды Русскихъ лежали[1] на «орошенной кровью землѣ и свѣдѣтельствовали, что они пред- «почли смерть отступленію.» Выставивъ такимъ образомъ, вмѣстѣ со всѣми другими участниками въ этой битвѣ, мужество Русскихъ (p. 96); разсказывая, что Маршалъ Бессьеръ, находясь въ головѣ старой гвардіи, близъ Шевардина, ловилъ Французскихъ солдатъ, удалявшихся съ битвы, подъ предлогомъ переноски раненыхъ товарищей на перевязочный пунктъ, присовокупляетъ, что такъ Маршалъ остановилъ четырехъ человѣкъ, несшихъ своего товарища, которому рана дозволяла идти самому; закричавъ на нихъ, они бросили раненаго и скрылись, раненый же продолжалъ путь самъ и пр., и пр. Здѣсь Префектъ невольно изобразилъ сравнительную доблесть Русскаго солдата съ Французскимъ.

Графъ Сегюръ (t. I, p. 406) пишетъ: «Въ продолженіе ночи «(послѣдовавшей за Бородинскимъ сраженіемъ), Русскіе заявили «свое присутствіе досадными криками.[2] На слѣдующее же «утро сдѣлалась тревога, распространившаяся до ставки Импера- «тора. Старая гвардія принуждена была броситься къ ружью, что «послѣ побѣды казалось намъ поруганьемъ.» Цельнеръ (S. 87) также упоминаетъ объ этой тревогѣ. Боссе (t. II, p. 102) говоритъ: «Около полудня сдѣлалась тревога, по случаю приближав- «шагося къ Французской арміи (будто бы) ошибкой значитель- «наго отряда Казаковъ, отдѣленнаго отъ Русской арміи.»

Лабомъ (p. 162) пишетъ: «На другой день послѣ битвы, Вице- «Король, полагая, что проведутъ оный на мѣстѣ, приказалъ распо- «ложить свою главную квартиру въ одной изъ уцѣлѣвшихъ дере- «вень на лѣвомъ берегу Колочи; но только что экипажи его на-

[1] Авторъ употребляетъ здѣсь слово: «gissaient misérablement,» какъ будто бы Французы лежали иначе, а не «misérablement!» О характерѣ повѣствованія Г. Боссе будетъ сказано нѣсколько словъ далѣе.

[2] «Par quelques clameurs importunes». Что хотѣлъ авторъ сказать этимъ? Ему, конечно, непріятно, что Казаки осмѣливались безпокоить побѣдителей! Но въ настоящемъ смыслѣ фраза эта показываетъ, что Русскіе ночью были на своей позиціи не обезпокоиваемы и, напротивъ, безпокоили непріятеля.

«чали въѣзжать во дворъ, какъ появилась партія, и экипажи по-«спѣшно удалились.»

Шамбре (t. II, p. 86) говоритъ: «Въ слѣдъ за отъѣздомъ На-«полеона изъ Шевардина къ Можайску, въ четыре часа по по-«лудни, вдругъ услышали крики: «Казаки! Казаки!» Вскорѣ приго-«товились принять ихъ, но они не показывались.» Значитъ, это вторая тревога старой гвардіи; ибо та, о которой говорилъ Сегюръ, произошла утромъ. Шамбре продолжаетъ: «Фуражиры, ко-«торыхъ они преслѣдовали и которые возвратились во всю прыть, «произвели эту тревогу.» Графъ Сегюръ (t. I, p. 408) присово-купляетъ: «Казаки въ тылу арміи забирали раненыхъ и мародё-«ровъ: пятьсотъ послѣднихъ скоро попалось въ ихъ руки.»

Побѣда Французовъ была такъ основательна, что партіи наши гуляли почти въ расположеніи ихъ арміи, производя тревогу до самой ставки непобѣдимаго, который, среди торжества своего, заключалъ себя въ баталіонномъ каре старой гвардіи!

Теперь посмотримъ, что Французы и ихъ союзники говорятъ объ отступленіи Русской арміи.

Выше видно было, на какихъ мѣстахъ послѣ битвы остановились сражавшіяся арміи. Здѣсь же слѣдуетъ взглянуть на то, что пишутъ иноземные историки о времени, въ которое Русскіе оставили свои позиціи и направились къ Можайску, а Французы послѣдовали за ними.

Битва кончилась послѣ четырехъ часовъ по полудни, потомъ не было уже ни какого связнаго движенія и часа два мѣнялись пушечными выстрѣлами съ обѣихъ позицій, расположенныхъ одна противъ другой. Французы первые прекратили огонь. Извѣстно, что Русскіе, далеко не признавшіе себя побѣжденными, приготовлялись рано утромъ къ наступательному движенію по предначертанію, сдѣланному еще въ самый разгаръ битвы, до трехъ часовъ по полудни. По окончаніи сраженія, начали составлять диспозицію къ наступленію за часъ до свѣта; но Главнокомандующій нашъ отмѣнилъ намѣреніе, а по какимъ причинамъ, здѣсь разсматривать не буду: отъ того ли дѣйствительно, что со-

бралъ свѣдѣнія о потеряхъ, нами понесенныхъ, чего, впрочемъ, онъ не могъ не знать тотчасъ по окончаніи битвы, слѣдственно, за нѣсколько часовъ до измѣненія своихъ предначертаній къ атакѣ; слѣдовалъ ли онъ плану отступленія, или что другое побудило его отмѣнить планъ, составленный въ пылу битвы, объ этомъ говорить не буду, а приведу только разсказы иноземцевъ, какъ объ этомъ, такъ и о времени, въ которое армія наша оставила позицію, а непріятель пошелъ за нею.

Вольцогенъ, который, по положенію своему, имѣлъ всю возможность знать обстоятельства, касавшіяся предмета, имъ описываемаго, и въ то же время недовольный Кутузовымъ, не можетъ быть подозрѣваемъ въ искаженіи истины, имъ излагаемой, хотя бы это и не подтверждалось многими другими. [6] Вотъ что говоритъ Вольцогенъ (S. 147): «Въ три часа по утру (27 Авг.) Кутузовъ прислалъ съ Адъютантомъ своимъ, Монтрезоромъ (живъ «до сихъ поръ, Генералъ отъ кавалеріи), повелѣніе Барклаю (Вольцогенъ былъ при Барклаѣ), чтобы онъ тотчасъ отправилъ за «Можайскъ резервную артиллерію и обозы, а въ слѣдъ и армію.... «(S. 148): Около шести часовъ утра, Барклай, съ остальными «войсками, направился на Можайскъ, оставивъ Платова съ арріергардомъ на позиціи.»

Гофманъ, [7] въ «Schlacht von Borodino» (S. 65), говоритъ: «Кутузовъ имѣлъ намѣреніе на другой день возобновить битву, но, «собравъ свѣдѣнія объ убыли, въ три часа ночи отдалъ прика«заніе отступить.»

Въ другомъ же сочиненіи своемъ «Tagebuch» (S. 45): «Ночью «прислано было приказаніе отступать, и по утру пришли въ Можайскъ.... Пѣхотная бригада Вольфа (бывшая Росси) оставалась «до десяти часовъ утра на полѣ битвы въ составѣ арріер-

---

[6] О значеніи Вольцогена въ 1812 году было бы говорить излишне.

[7] Гофманъ, перешедшій изъ Прусской службы въ нашъ Генеральный Штабъ, предъ войной исполнялъ должность Оберъ-Квартирмейстера 2-го корпуса Багговута. По окончаніи войны, онъ вновь перешелъ въ Прусскую службу Генералъ-Маіоромъ.

«гарда. Егерская бригада Нилара и Потемкина остались то же «въ арріергардѣ у Горокъ.» А это центръ позиціи.

Въ «Das Buch von Jahr 1812 etc.» (S. 288): «Въ три часа по «полуночи Русскіе начали отступать.»

Выше видно было, что резервная артиллерія и обозы выступили около сего времени. Далѣе (S. 289): «Только въ полдень Мю«ратъ съ кавалеріею и пѣхотною дивизіей Дюфура пошелъ за «Русскими.» Шрекенштейнъ (S. 3) то же говоритъ, что «пошли «за Русскими около полудня.»

Капфигъ (t. IX, p. 279) говоритъ, что «намѣреніе Кутузова «было на другой день возобновить битву, но, узнавъ вечеромъ о «потеряхъ, онъ отказался» и пр. «Призвавъ Барклая, чтобы раз«смотрѣть первоначальный планъ кампаніи, согласился со сдѣлан«ными ему представленіями (p. 282), и отступленіе приказано ис«полнить ночью.» Когда отбросимъ всѣ фразы, здѣсь доказывается, что пораженія не было и отступленіе могло входить и въ тайные планы Кутузова. Авторъ присовокупляетъ, что «На«полеонъ не смѣлъ преслѣдовать эту побѣду, такъ оспаривавшую«ся и почти безъ плѣнныхъ.»

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 58): «Кутузовъ совершилъ «отступленіе ночью и прикрылъ себя сильнымъ арріергардомъ.»

Маркизъ Шамбре (t. II, p. 76): «Кутузовъ предполагалъ ата«ковать на другой день, но, по полученіи свѣдѣній объ убыли, рѣ«шился на отступленіе. Онъ воспользовался ночью, чтобы ис«полнить оное; къ разсвѣту всѣ его позиціи были оставлены. Арріер«гардъ, порученный Платову, былъ составленъ изъ войскъ, най«менѣе пострадавшихъ.»

Въ другомъ же своемъ сочиненіи («Philosophie de la guerre») Генералъ Маркизъ Шамбре (p. 152) говоритъ: «Если бы Куту«зовъ не отступилъ въ ночь, послѣдовавшую за сраженіемъ, и «далъ на другой день новую битву, то, по всему вѣроятію, онъ «проигралъ бы ее, и Россія была бы порабощена.» Здѣсь слѣдуетъ принимать только то, что положительно, т. е., что данная битва не была проиграна, а только та, которая была бы дана

на другой день, могла быть проиграна; но такъ какъ послѣдняго не совершилось и предполагаемое вѣроятіе основано на однихъ мечтаньяхъ, то объ этомъ и говорить нечего. Положительно и то, что мы отступили ночью, не будучи вынуждены силой. О выраженіи же, что Россія была бы порабощена отъ потери одной битвы, остается только сожалѣть, какимъ образомъ такая нелѣпость могла быть сказана Г. Шамбре? И не уже ли онъ не понималъ, что этѣмъ самымъ выраженіемъ онъ очень ясно сказалъ, что Бородинская битва не была нами проиграна?

Полковникъ Шапюи (p. 559): «Кутузовъ отступилъ ночью «съ 7-го на 8-е Сентября, не понеся тѣхъ огромныхъ потерь, ко «торыя бываютъ участью большихъ пораженій.»

Вице-Король, въ «Запискахъ своихъ» (t. VIII, p. 9): «Русская «армія оставила поле битвы въ продолженіе ночи.» Это ясно говоритъ, что мы не были сбиты; оттѣсненный лѣвый флангъ, занявъ вторую позицію, продолжалъ огонь съ непріятелемъ до тѣхъ поръ, пока мракъ не прекратилъ его. Далѣе (p. 40) присовокупляетъ: «Послѣ столь кровопролитной битвы всѣ имѣютъ нужду «въ отдохновеніи.»

Генералъ Водонкуръ, въ «Исторіи Вице-Короля Италіянскаго» (t. II, p. 104), говоритъ: «Русская армія окончила ночью «оставленіе поля битвы. Французская армія пошла за непріятелемъ 8-го Сентября (27-го Августа).»

Арріергардъ нашъ оставался не только что до десяти часовъ утра на позиціи, но еще атаковалъ Французскіе аванпосты, и когда въ предписанное время началъ отступать, тогда только дано повелѣнье Мюрату ити за Русскими, за которыми онъ и двинулся около полудня.

Рѣдеръ (S. 154): «Въ ночь на 8-е Сентября Кутузовъ снялся съ позиціи и остановился за Можайскомъ съ арміею, которую онъ спасъ, по словамъ Бутурлина, изъ «massacre de Borodino.» Далѣе говоритъ (S. 155): «Около полудня Мюратъ получилъ приказаніе преслѣдовать съ резервнымъ кавалерійскимъ «корпусомъ и съ дивизіею Дюфура (бывшаго Фріана), и остановиться за 7, или 8, верстъ за Можайскомъ. Маршалъ Мортье,

«съ дивизіями молодой гвардіи Роге и Клапареда, долженъ под-«держивать авангардъ,» и присовокупляетъ: «Французы, уставшіе «послѣ столь кровопролитнаго боя, оставались отдыхать до обѣда «и ѣли лошадей.»

Въ «Skiz. zur eines Gesch.» (S. 202): «27-го Августа (8 «Сентября), Русскіе получили приказаніе оставить свою пози-«цію и отступить.» Должно полагать, какъ и слѣдуетъ, авторъ понимаетъ три часа по полуночи, когда приказаніе отдано, а по тому и именуетъ уже 27-мъ числомъ.

Миллеръ (t. II, p. 142) также думаетъ, что Кутузовъ, «по-лучивъ свѣдѣніе о большой потерѣ, не отваживался на вторую битву.» Значитъ, что только одна убыль людей принята была имъ въ соображеніе и побудила его отказаться отъ замышлен-наго имъ нападенія, а не то, чтобы онъ былъ разбитъ, и по тому разстроенъ въ составѣ частей своей арміи.

Въ «Жизнеописаніи Нея» (p. 57): «Русскіе оставили свою «позицію ночью, совершивъ отступленіе въ хорошемъ порядкѣ.»

Генералъ Пеле (p. 143): «Кутузовъ отступилъ ночью.»

Въ «Запискахъ Прусскаго Офицера Генеральнаго Штаба» (Denkwürdigkeiten etc. S. 117): «Русскіе отступили ночью.» — Лабомъ (p. 160) говоритъ то же.

Генералъ Сарразенъ (p. 149): «Кутузовъ оставилъ позицію «при Бородинѣ до разсвѣта. [8] Одинаково свѣдѣтельствуетъ и Мил-«леръ (t. I, S. 123), присовокупляя, что «Кутузовъ былъ вынуж-денъ къ отступленію движеніемъ 5-го корпуса Французской арміи.» Но это неправда: ни какихъ движеній не было.

Мортонваль (p. 283): «Кутузовъ, узнавъ, въ продолженіе «ночи, о понесенныхъ потеряхъ, приказалъ тотчасъ отступать.» Далѣе же (p. 320) присовокупляетъ: «Бородинская битва остави-«ла Кутузову армію еще грозную.»

---

[8] А въ широтѣ, подъ которою находится Бородино, въ концѣ Августа разсвѣтаетъ около шести часовъ.

Тиссо (t. II, p. 726), Форъ (p. 45), Норвенъ (t. III, p. 312) и многіе другіе свѣдѣтельствуютъ объ отступленіи арміи нашей «ночью.» [1]

Клаузевицъ «(Feldz. von 1812,» S. 162): «Русскіе послѣ бит«вы были въ хорошемъ порядкѣ;» далѣе (S. 169) присовокупляетъ: «Съ 7-го на 8-е ч., въ ночь, Кутузовъ отступилъ, отка«завшись отъ предположеннаго имъ нападенія на другой день.»

Въ «Запискахъ Офицера Французскаго Генеральнаго Штаба» (Mém. pour serv. à l'hist. de la guerre de 1812, t. I, p. 187—191): «Русская армія отступила въ ночи, прикрывая отступленіе до Мо«жайска сильнымъ арріергардомъ.»

Но есть повѣствователи, которые говорятъ объ отступленіи нашей арміи не ночью, а на другой день, что, впрочемъ, отчасти и справедливо; ибо независимо отъ того, что въ три часа по полуночи 27 ч. нѣкоторыя тяжести начали сниматься, за которыми около шести часовъ утра послѣдовала и вся армія, но арріергардъ нашъ оставался до десяти часовъ у Горокъ, занимая Бородинскую позицію; слѣдовательно, въ буквальномъ смыслѣ и выходитъ, что Русскіе отступили на другой день. Вотъ нѣкоторые изъ этѣхъ авторовъ:

Либенштейнъ (t. II, p. 59): «8-го Сентября (27 Августа), «очень рано утромъ, Русскіе начали отступать къ Можайску, и «за ними медленно пошелъ Мюратъ.»

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 309): «Кутузовъ на слѣдующее «утро хотѣлъ дать битву, но получивъ свѣдѣніе объ убыли, не «захотѣлъ рисковать. На другой день онъ предпринялъ отсту«пленіе на Москву, не оставляя сзади себя ни малѣйшихъ при«знаковъ потерь, имъ на канунѣ понесенныхъ.»

---

[1] Тиссо (p. 725), говоря о нападеніи Латуръ-Мобура, присовокупляетъ, по общему обыкновенію, фразу: «Успѣхъ этого нападенія былъ полный: хотя побѣда оста«лась за Французами, но канонада не прекращалась; къ вечеру она утихла, «ночью Русскіе отступили».

Тьеръ (р. 350): «Кутузовъ отдалъ приказаніе къ отступле-«нію 8-го ч. по утру, [10] предписавъ оспаривать Можайскъ все «время, необходимое для вывоза изъ онаго продовольствія, сна-«рядовъ, раненыхъ» и пр. Значитъ, что Русскій предводитель чув-ствовалъ себя для этого въ силахъ послѣ мнимой, одержанной надъ нимъ, побѣды, и арріергардъ выполнилъ возложенное на него и удерживалъ натискъ непріятеля сколько было нужно, не смотря на жаркій бой, о которомъ говорятъ Французы.

Графъ Солтыкъ (р. 249), неизвѣстно, на какомъ основаніи, и сколько я знаю, онъ и Бертезенъ только одни пишутъ, будто бы армія наша отступила вечеромъ послѣ битвы, однако же не скрываютъ, что она отступила въ хорошемъ порядкѣ. А это еще болѣе доказываетъ, что битва не разстроила арміи, если она тотчасъ послѣ оной могла начать отступленіе въ порядкѣ, которому удивляются всѣ Французы, и самъ Графъ Солтыкъ говоритъ объ этомъ.

И такъ похоже ли все это на разбитіе, на одержанную по-бѣду, вынудившую къ отступленію, на побѣду, въ какихъ бы она размѣрахъ ни была? Французы одержали мѣстный успѣхъ, т. е., заставили наше лѣвое крыло, огромными массами и упор-ными натисками, превосходною въ числительности конницею своею, загнуться назадъ, не потерявъ связи, и, занявъ вторую позицію, ожидать непріятеля, и если это есть побѣда (victoire), а не мѣстный успѣхъ (succès), то вѣрнѣе — мы одержали побѣду, от-бивъ всѣ покушенія непріятеля на правый флангъ нашего центра и, въ то же самое время, своимъ правымъ флангомъ произвели тревогу въ лѣвомъ непріятельскомъ (въ такой степени, что Вице-Король долженъ былъ укрыться въ каре пѣхоты своей) и остались непоколебимыми на всемъ помянутомъ пространствѣ. Объ этомъ говорится мною со словъ самихъ же Французовъ, а теперь обра-щусь къ ихъ же засвѣдѣтельствованіямъ объ отступленіи нашей арміи, и какъ они воспѣваютъ эту побѣду, которая, въ бу-квальномъ смыслѣ, принадлежитъ намъ.

---

[10] Здѣсь видимо Либенштейнъ, Вальтеръ-Скоттъ и Тьеръ понимаютъ утро съ трехъ часовъ по полуночи, какъ выступила резервная артиллерія и пр., и въ 6 час. армія, арріергардъ же въ 10 часовъ.

Прежде всего замѣчу, что армія наша, вопреки побѣды надъ нею, какъ говоритъ хвастливость, оставалась, какъ видно было выше, двѣнадцать часовъ послѣ битвы на мѣстѣ, думая еще съ разсвѣтомъ атаковать Французовъ, а арріергардъ нашъ, составленный изъ пѣхоты и конницы, простоялъ на полѣ битвы около шестьнадцати часовъ, и только въ десять часовъ утра, по приказанію, а не вынужденно, отступилъ, сдѣлавъ еще нападеніе на непріятельскіе аванпосты и тревожа его армію съ разныхъ сторонъ до того, что старая Французская гвардія не разъ бралась за оружіе. Послѣ сего, по засвѣдѣтельствованію непріятеля же, армія отступила въ порядкѣ, а именно:

Бомсдорфъ, участникъ, говоритъ (t. II, S. 109): «Русскіе «отступили послѣ этой битвы въ порядкѣ и медленно къ Можайску, не оставивъ ни какихъ слѣдовъ по дорогѣ.»

Биньіонъ (p. 41): «Русская армія отступаетъ, но отступленіе ея медленно и размѣрно.»

Въ «Fragm. sur l. camp. de Russie,» писанныхъ Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (p. 45): «Русскіе отступали «спокойно и въ хорошемъ порядкѣ. Французы подаются впередъ съ недовѣрчивостью.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 411): «На пути къ Можайску дорога была чиста и безъ всякихъ остатковъ людей, повозокъ и одежды. Всѣхъ убитыхъ ихъ нашли похороненными.» Описывая обозрѣніе, сдѣланное Наполеономъ поля битвы, на другой день, авторъ (p. 407) восклицаетъ: «Если остальные отступаютъ въ такомъ хорошемъ порядкѣ, съ гордостью и не упавшимъ духомъ, къ чему выигрышъ поля битвы?»

Баронъ Денье (p. 82) говоритъ, что, когда армія, 8-го Сентября, выступила къ Можайску, «она проходила лѣсъ, гдѣ все «напоминало смерть: небольшіе деревянные кресты на разныхъ «разстояніяхъ одни отъ другихъ, поставленные на свѣже поднятой землѣ, обозначали могилы, и которые воздвигнуты были «Русскими солдатами своимъ Офицерамъ.»

Г.-Л. Шрекенштейнъ, также участникъ (S. 3), свѣдѣтельствуетъ, что «Русскіе отступили утромъ 27 числа, и послѣ столь

«ужаснаго сраженія, не оставили ни какихъ слѣдовъ до самой «Москвы (только въ Можайскѣ оставили тяжело раненыхъ): поря- «докъ былъ изумительный!»

Генералъ Пеле (p. 143) пишетъ: «Замѣчательное отступ- «леніе по порядку, который царствовалъ, было облегчено «большою шириной дороги, по которой въ нѣсколько рядовъ шли «разныя войска.» То же самое свѣдѣтельствуетъ Рёдеръ (S. 155), также очевидецъ. Но если бы армія была въ безпорядкѣ, какъ обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе послѣ проиграннаго сраженія, ни какая ширина дороги не способствовала бы ей къ удержанію порядка въ такой массѣ, съ столькими пушками, парками, обозами, ранеными и т. п. [11] Спрашивается у каждаго бывалаго въ генеральныхъ битвахъ: могла ли бы армія, побѣжденная въ такой ужасной битвѣ, заниматься съ такимъ тщаніемъ погребеніемъ павшихъ товарищей, если къ отступленію была она вынуждена силою?

Маркизъ Шамбре, сказавъ то же самое, что такое отступленіе «въ одну ночь облегчалось шириною дороги,» присовокупляетъ (t. II, p. 87): «Несчастія (revers) при Бородинѣ, имѣли ре- «зультатъ болѣе гибельный, чѣмъ по наружности могли подозрѣ- «вать это. Отступленье, исполненное по одной дорогѣ въ одну «ночь, тотчасъ послѣ столь ужасной битвы, произвело почти во «всей пѣхотѣ (Русской) такой безпорядокъ, что она составляла «смѣшанную массу, не способную къ бою.» [12] Откуда Маркизъ взялъ это свѣдѣніе? Самъ онъ этого положительно не говоритъ; должно полагать, что онъ заимствовалъ его изъ неисчерпаемаго словаря фразъ, употребляемыхъ Французами, при описаніи воен-

[11] Французы имѣли прекрасное шоссе въ разныхъ направленіяхъ послѣ Ватерлоо и т. п.

[12] Здѣсь кажется Маркизъ ошибся: онъ приписываетъ арміи Русской именно то, что происходило въ его арміи. Историки свѣдѣтельствуютъ, и очевидцы помнятъ, что Мюратъ явился къ Можайску точно съ перемѣшанной массой, въ которой конный гренадёръ стоялъ возлѣ гусара, а возлѣ этого драгунъ, кирасиръ, уланъ и др., и повѣствователи не разъ упоминаютъ, что послѣ Бородина, еще на полѣ битвы и потомъ въ Можайскѣ, Наполеонъ останавливался именно для того, чтобы ввести порядокъ въ корпусахъ, а между тѣмъ они считаютъ себя побѣдителями..... побѣдители, какъ извѣстно, всегда менѣе бываютъ разстроены, чѣмъ побѣжденные.

ныхъ событій. Онъ могъ позаимствоваться отчасти и отъ Бутурлина, написавшаго свою книгу по Французски, а по тому не изъятую отъ фразъ, на которыя часто Французы и ссылаются.[13] Всѣ участники этого отступленія засвѣдѣтельствуютъ, что полки, до одного, выступили изъ своихъ мѣстъ въ наличномъ составѣ, что къ нимъ по дорогѣ присоединялись люди, находившіеся въ моментъ отступленія, по какимъ либо причинамъ въ отлучкѣ, не безъ вѣдома своихъ начальниковъ. Тѣмъ болѣе это могло случиться, что никто не ожидалъ отступленія, а напротивъ всѣ думали, что сдѣлаютъ нападеніе. Когда же мы заняли позицію у Можайска, по утру 27 Августа, окончательно всѣ люди присоединились къ своимъ командамъ и составили, по словамъ Французовъ же, какъ видно будетъ, даже еще грозную для нихъ армію. Да и самъ Маркизъ Шамбре, въ слѣдъ за помянутой фразой, говоритъ: «Непоколебимость арріергарда и сопротивленіе, имъ оказанное, прежде чѣмъ оставить Можайскъ, дозволило Кутузову удерживать этотъ городъ, въ продолженіе ночи на 9-е Сентября, части утра 9-го и оставить въ немъ только раненыхъ.» Могла ли же все это совершить безпорядочная масса? Бой былъ «жаркій,» «очень живой,» «упорный;» дѣйствіе нашей конницы, поддерживаемой нѣсколькими пѣхотными полками, а армія, выстроенная въ боевой порядокъ, стояла на позиціи въ трехъ верстахъ отъ сражающихся. Чрезъ два же дня, у Крымскаго Брода, какъ видно будетъ, эта перемѣшанная масса дала себя почувствовать. Но вотъ еще лучше: черезъ двѣ страницы, этотъ же самый авторъ (p. 89) говоритъ: «Наполеонъ, увѣренный, что Кутузовъ совершаетъ отступленіе въ хорошемъ порядкѣ, и не зная, куда онъ изъ Можайска направился, на Москву, или на Калугу, остановился.»[14] Опять спрашиваю: могла ли бы разстроенная армія,

---

[13] Вотъ, на примѣръ, одна изъ любимыхъ фразъ, которая очень часто приводится Французами, когда Бутурлинъ говоритъ объ отступающей арміи: «échapée aux «massacre de Borodino.»

[14] Но это недоумѣнье его продолжалось почти до самой Москвы. Вотъ что свѣдѣтельствуетъ Шамбре (t. II, p. 108): «Приближаясь къ Москвѣ, вдругъ Наполеонъ останавливаетъ армію $^{1}/_{13}$ Сентября (на канунѣ ея вступленія въ столицу!), «серіозно опасаясь, не взялъ ли Кутузовъ направленія на Калугу?» Какова разбитая армія?!... Маркизъ (p. 109) присовокупляетъ: «Такимъ образомъ, чрезъ

сбившаяся въ массу, не только что оказывать упорную оборону занимаемаго ею пространства, столько времени, сколько это было необходимо, но и по томъ отступать такъ, что непріятель потерялъ слѣдъ ея? Могла ли такая армія, въ 60 тыс., болѣе чѣмъ съ шестью стами пушекъ, съ многочисленными парками, обозами и т. п., исчезать изъ глазъ, не оставляя за собою ни чего такого, что указывало бы непріятелю на путь ея движенія? Между тѣмъ, Исторія войны 1812-го года, написанная Маркизомъ Шамбре, многими почитается одною изъ лучшихъ! По крайней мѣрѣ, она такъ признана нашимъ военнымъ исторіографомъ, Г.-М. Богдановичемъ.

Замѣчательно также сужденіе о Бородинскомъ сраженіи Маршала Гувьіона Сенъ-Сира. Вотъ что онъ говоритъ (t. III, p. 269): «Не смотря на самое упорное сопротивленіе, Русскіе были «побѣждены, по тому что были вынуждены отступить; [15] «но они не были разбиты; не было ни малѣйшаго смя«тенія или безпорядка ни на одномъ пунктѣ ихъ линіи: «было поражено ихъ тѣло, но не душа ихъ арміи.» И продолжаетъ (p. 270): «Наполеонъ могъ бы еще сдѣлать то, что хотѣлъ: «остановиться въ Москвѣ, на зимнихъ квартирахъ, и весною про«должать свои успѣхи, или предложить Императору Александру

«пять дней послѣ Бородинской битвы, ayant déjà repoussé Кутузова на 17 «лье отъ поля битвы, Наполеонъ не зналъ еще, какое направленіе Русскій пол«ководецъ избралъ для своего отступленія. Этотъ столь необыкновенный фактъ «могъ бы показаться сомнительнымъ, если бы онъ не доказывался повелѣніями «Наполеона своимъ Генераламъ». Здѣсь замѣчательна фраза ayant déjà repoussé! Да какъ же это repoussé, когда тутъ же говорится, что Наполеонъ не зналъ, въ продолженіи пяти дней, какое даже направленіе приняла наша армія? Кого же онъ отбрасывалъ? Впрочемъ, все это торжественно доказываетъ, что армія наша совершала побѣдоносное отступленье, не оставляя ни какого слѣда по себѣ. Эта, по его фразамъ, разбитая армія и силою вынужденная къ отступленію, преслѣдуемая l'épée dans les reins, пройдя Москву, опять исчезаетъ со втораго перехода изъ глазъ побѣдителей, которую они нашли уже на Пахрѣ, гдѣ готовились аттаковать ее (Шамбре, p. 15): «Кутузовъ $^{16}/_{28}$ Сентября отступалъ «медленно, такъ какъ будто бы это было скорѣй слѣдствіемъ соображеннаго пла«на, чѣмъ необходимостью». Опять фраза, и фраза бетозлковая!

[15] Что за доказательство!.. И гдѣ это вынужденье? Въ Малоярославцѣ Французы отступили, уже—чисто вынужденные, что и самъ Маршалъ говоритъ, а между тѣмъ они трубятъ побѣду!

«миръ, могущій быть принятымъ. Но результатъ битвы, не будучи достаточно рѣшеннымъ съ обѣихъ сторонъ, позволилъ «Кутузову спокойно отступить къ Москвѣ и колебаться: дать ли «еще вторую битву для защиты этой столицы» и т. д. Разсмотрѣвъ внимательно этѣ строки, не трудно замѣтить, что слово побѣда, вмѣстѣ съ прочимъ, тутъ сказаннымъ, совершенно лишаетъ ихъ всякаго смысла; представляя изъ себя одинъ наборъ словъ.

Генералъ Баронъ Росаръ свѣдѣтельствуетъ, что Русскіе не потеряли духа и что наступленіе Французовъ, во время преслѣдованія, было слабо, что ихъ эскадроны, дѣлали атаки медленно; они выказывали только намѣреніе поддерживать свою артиллерію и пр., присовокупляя (t. IV, p. 356): «столько осторож- «наго благоразумія не было въ характерѣ Французовъ, въ осо- «бенности тогда, когда предъ ними ретировались бы войска, надъ «коими они думали, что одержали неодолимое преимущество: въ «такихъ случаяхъ дѣятельность Наполеона никогда не имѣла рав- «ной. Русскіе съ своей стороны отступали въ порядкѣ и спо- «койно, какъ чувствующіе себя не вынужденными къ отступле- «нію и сознающіе свои силы.»

Форъ, очевидецъ, описывая въ главныхъ чертахъ Бородинскую битву, присовокупляетъ (p. 45): «Всѣ были согласны, что «непріятель отступилъ въ хорошемъ порядкѣ; вечеромъ видѣли его линіи въ движеніи, безъ всякой торопливости, не смотря «на то, что онъ потерялъ много.»

Генералъ Фезензакъ, хотя и участникъ въ битвѣ, но, вопреки всѣмъ историкамъ, вмѣстѣ съ Солтыкомъ, говоритъ, будто бы Кутузовъ отступилъ вечеромъ и (p. 46) присовокупляетъ: «Француз- «ское войско, подавляемое изнеможеньемъ, едва могло преслѣдо- «вать.» Мюратъ получилъ только между десятью и двѣнадцатью часами дня приказаніе — ити за Платовымъ, когда этотъ началъ отступленіе (а онъ началъ отступать въ десять часовъ утра); слѣдовательно, надобно же было чѣмъ либо оправдаться, что такъ долго оставляли разбитую армію безъ преслѣдованія; въ этомъ Генералъ Фезензакъ и нашелъ причину, какъ будто бы наша армія не должна была устать, отступивъ такъ, что не оставила за

собой даже колеса, не только что человѣка. А дѣло въ томъ, что если бы арріергардъ нашъ не отступилъ, то, можетъ быть, въ этотъ день Наполеонъ и не тронулся бы съ мѣста, а, пожалуй, простоялъ бы нѣсколько дней, чтобы дать отдохнуть войскамъ и выждать транспорты.

Армія наша, не будучи вовсе тревожима, начала свое отступленіе въ совершенномъ порядкѣ. Арріергардъ, подъ начальствомъ Платова, составленный изъ конницы и пѣхоты, оставленъ былъ на позиціи. Вотъ что разсказываетъ Французскій Офицеръ, Комбъ (p. 85): «Утро, наступившее послѣ этого достопамятнаго дня (Бо-«родинскаго), было очень кровопролитно. Нашему полку приходи-«лось поочереди занимать голову колонны . . . Съ первымъ раз-«свѣтомъ аванпосты наши были атакованы, и мы пошли ихъ под-«держивать; но пришлось имѣть дѣло съ многочисленнымъ арріер-«гардомъ: тридцать пушекъ встрѣтили насъ картечью, мы взяли «было (p. 86) нѣсколько изъ нихъ, но онѣ были у насъ отбиты.» И далѣе входитъ въ нѣкоторыя частности.

Керъ-Портеръ (p. 157) пишетъ: «Платовъ, съ разсвѣтомъ, «долженъ былъ не атаковать, или преслѣдовать, Французовъ, но «только тревожить ихъ.»

Все это доказываетъ, что Русскіе не полагали себя побитыми, а напротивъ искали только вредить непріятелю, вполнѣ сознавая возможность къ тому, не уклоняясь при этомъ отъ основнаго своего правила отступать, принятаго съ самаго начала кампаніи и гораздо прежде еще оной обдуманнаго. Всѣ безъ исключенья, отступая, были убѣждены, что это движенье не есть слѣдствіе потери битвы, но соображеніе Главнокомандующаго.

Послѣ Бородинской битвы обѣ арміи представляли между собою разительную противоположность: Русская, убѣжденная въ томъ, что исполнила свой священный долгъ, отступала съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства, дисциплина и на минуту не была ослаблена, разсѣянныя части, по окончаніи битвы, спѣшили ночью присоединяться къ своимъ полкамъ; непріятель, по собственному своему сознанью, не нашелъ на пути ни малѣйшихъ признаковъ, что за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ прошла тамъ армія въ шесть-

десятъ тысячъ человѣкъ, съ слишкомъ шестью стами пушекъ, огромными парками, военными и другими обозами и, сверхъ того, съ нѣсколькими тысяча мираненыхъ. Французская же армія, приписывающая себѣ побѣду, была въ разстройствѣ, свѣдѣтельствуемомъ ея же писателями, и мало того, по окончаніи этой битвы, принесшей ей побѣду, не полагала себя обезпеченною въ собственномъ своемъ лагерѣ.

Изъ всего видно, что Наполеонъ, похваляясь своею побѣдою, самъ не былъ убѣжденъ въ ея дѣйствительности. Графъ Дюма свѣдѣтельствуетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 440), что когда онъ и Дарю были позваны послѣ битвы, около девяти часовъ вечера, къ Наполеону, «бивакъ его былъ расположенъ среди каре баталіона старой гвардіи, нѣсколько сзади редута.»

Похоже ли это на сознанье себя побѣдителемъ, такъ ли это бывало послѣ всѣхъ, данныхъ ими, битвъ? Имѣя еще около ста тысячъ войска, бывшаго въ дѣлѣ, и за осьмнадцать тысячъ гвардіи, не початой въ этотъ день, находясь на столь дальнее разстоянье отъ непріятеля, будто бы побѣжденнаго и противъ котораго выдвинута была молодая гвардія, для занятія Семеновскихъ флешей, заключить себя въ баталіонный каре!! Но дѣло въ томъ, что въ ночь, послѣдовавшую за этой побѣдой, грозный побѣдитель не почиталъ себя обезпеченнымъ: наши Казаки бродили вокругъ Французской арміи, а за ними могло быть что либо другое.

Посмотримъ теперь, какъ эта побѣжденная армія, арріергардомъ своимъ, чрезъ нѣсколько часовъ, встрѣтила, по словамъ Французскихъ же писателей, побѣдоносную ихъ армію.

Генералъ Пеле (p. 143) говоритъ: «Платову оставлена была «лучшая конница, съ приказаньемъ защищать Можайскъ до «послѣдней крайности. Французская армія (продолжаетъ онъ, p. 144) устала отъ битвы, столь продолжительной и живой. [16] По «утру 8 числа Наполеонъ далъ ей нѣсколько отдохнуть; это время «было посвящено на призрѣнье раненыхъ и для возстановленья «порядка въ корпусахъ. Въ десять часовъ утра Бертье послалъ

[16] Но и Русскіе не могли не устать, а между тѣмъ, отступая, не оставили и слѣда за собой. Эта фраза неловка и ни какъ не оправдываетъ неуспѣхъ Мюрата.

«повелѣнье Мюрату итти за шесть, или за семь, верстъ далѣе Мо-«жайска.» Мюрата поддерживалъ Даву.

Какимъ же образомъ побѣдитель, послѣ своей victoire, дѣлаетъ распоряженіе о преслѣдованіи непріятеля только чрезъ шестьнадцать и болѣе часовъ по окончаніи битвы? Но дѣло въ томъ, что онъ видѣлъ Русскій арріергардъ остановившимся на позиціи до десяти часовъ утра; когда же Платовъ отступилъ, тогда Наполеонъ и велѣлъ Мюрату слѣдовать за нимъ. Очень можетъ быть, повторяю, если бы арріергардъ, слѣдуя общему предначертанью, не отступилъ, когда настало къ тому время, то изъ всего, что говорится объ этомъ эпизодѣ, нельзя положительно сказать, послалъ ли бы Наполеонъ Мюрата, чтобъ силою понудить нашъ арріергардъ оставить Бородинскую позицію?

Пеле продолжаетъ: «Непріятель (арріергардъ) занималъ крѣп-«кую позицію подъ Можайскомъ, бой продолжался до вечера.»

Графъ Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p, 441) пишетъ: «На слѣдующее утро; 8-го Сентября, Неаполитанскій Король съ «своею конницей продолжалъ преслѣдовать Русскую армію, бы-«стро отступавшую. Предъ Можайскомъ было довольно жаркое дѣ-«ло съ Русскимъ арріергардомъ. Непріятель поспѣшно оставилъ «городъ. Императоръ перенесъ туда свою Главную Квартиру».

Должно полагать, что Генералъ-Интендантъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» не помнитъ, что 8-го ч. Французы пытались занять городъ, но Платовъ отбилъ всѣ ихъ упорные натиски, и только по утру, 9 ч., послѣ нѣкоторой схватки, очистилъ оный и остановился на высотахъ, на канунѣ занимавшихся нашей арміей. Слѣдовательно, и Наполеонъ, прежде 9-го ч., не могъ перенести въ Можайскъ своей Главной Квартиры, что, впрочемъ, и сами Французы говорятъ единогласно. Правда, Наполеонъ имѣлъ намѣреніе 8-го ч. быть въ Можайскѣ, но экипажи его, доѣхавъ до авангарда, ворогились и остановились въ Кривушѣ, небольшой деревушкѣ.

Графъ Сегюръ (t. I, p. 411) говоритъ: «Увидѣвъ Можайскъ, «Мюратъ думалъ, что городъ уже принадлежалъ ему, послалъ ска-«зать Наполеону, чтобы пріѣзжалъ туда ночевать. Но Русскій «арріергардъ занялъ позицію предъ этимъ городомъ, за которымъ,

«на высотахъ, стояла вся Русская армія. Ея положеніе было «твердо и грозно, какъ и предъ битвой. Завязался бой, что- «бы еще увеличить потери, понесенныя нами на канунѣ.»

«Императоръ (р. 413) пріѣхалъ на мѣсто битвы съ наступле- «ніемъ темноты, послѣдуемый недостаточнымъ числомъ войскъ; онъ «направлялся къ Можайску шагомъ, еще болѣе медленнымъ, нежe- «ли на канунѣ, и въ такомъ глубокомъ размышленіи, что, каза- «лось, не слыхалъ грома битвы, не видалъ ядеръ, до него доле- «тавшихъ. Кто-то остановилъ его, указавъ на непріятельскій арріер- «гардъ, находившійся между нимъ и городомъ, а сзади сего по- «слѣдняго—всѣ огни пятидесятитысячной арміи. Зрѣлище это «доказывало недостаточность его побѣды и далеко не уныніе не- «пріятеля. Наполеонъ казался нечувствительнымъ. Онъ выслу- «шивалъ донесенія съ видомъ изнеможенья и оставлялъ дѣйство- «вать; потомъ возвратился и провелъ ночь въ небольшой дере- «венькѣ (Кривушѣ), въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда и на разстоя- «ніи выстрѣла отъ непріятеля. 9-го Сентября мы нашли Можайскъ «цѣлымъ и очищеннымъ, но по ту сторону непріятельскій арріер- «гардъ стоящимъ еще на высотахъ, командующихъ городомъ, «которыя на канунѣ заняты были его арміею.»

«Шамбре (t. II, p. 83) пишетъ: «Наполеонъ думалъ, что въ «тотъ же день, т. е., 8-го ч., займетъ Можайскъ. Его экипажи, «доѣхавши до авангарда, принуждены были возвратиться. Это «событіе, по видимому, мало значительное, имѣло на послѣдствіе «дѣйствій большое вліяніе.»

«Норвенъ (t. III, p. 310) говоритъ: «Послѣ того, какъ «Кутузовъ рѣшилъ отступить и, преслѣдуемый на Московской до- «рогѣ, упорно защищая Можайскъ, заявилъ онъ намѣреніе «свое дать намъ еще битву въ прекрасной позиціи, въ Фи- «ляхъ.»

Галлуа (р. 219): «Русскій арріергардъ, при Можайскѣ, «оказалъ сильный отпоръ, и Мюратъ принужденъ былъ «остановиться.» Всѣ историки единогласно говорятъ, [17] что

[17] Денье, р. 82 «здѣсь раненъ Бельяръ»; Лабомъ, р. 161; Тьеръ, р. 354; Вальтеръ-Скоттъ, t. VII, p. 309; Жизнеописаніе Нея, p. 57; Жомини,

нашъ арріергардъ, не смотря на всѣ усилія Мюрата, чтобы въ тотъ же день овладѣть онымъ, мужественно отбивалъ всѣ натиски. Не слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что мы далеко не были разстроены Бородинскою битвой? Въ ней легла почти половина арміи, но другая не упала отъ того духомъ, и чрезъ нѣсколько часовъ доказала это побѣдителямъ.

Повѣствованіе Боссе, Префекта Дворца и также очевидца, замѣчательно своею хвастливостью. Онъ (t. II, p. 101) пишетъ, въ опроверженіе того, будто бы Французы, по окончаніи Бородинской битвы, не оставляли поля сраженія, а напротивъ «пошли «впередъ, опрокинули послѣдній Русскій корпусъ, который «отважился было насъ остановить при Можайскѣ. Далѣе (p. 103) присовокупляетъ: «Мы ночевали, 8 ч., въ Можайскѣ и видѣли «вправо и влѣво укрѣпленія, приготовленныя Русскими въ намѣ«реніи защищаться; но быстрота нашего наступленія не «допустила ихъ занять этѣ укрѣпленія.» Такъ фразируютъ наши непріятели, не обращая вниманія на точность.

По утру, 28-го Августа, арріергардъ нашъ очистилъ городъ и остановился на высотахъ, на которыхъ на канунѣ стояла армія. Деньe говоритъ: «Городъ былъ удерживаемъ Русскими только «для того, чтобы облегчить возможность вывезти раненыхъ, но «изъ нихъ осталось еще много. [18] Наполеонъ въѣхалъ туда «въ десять часовъ, и оставался три дня, какъ для приведе-

---

t. II, p. 231; Унгеръ, p. 115; Раппъ, p. 170; Буржуа, p. 46; Beautis, victoire ect., t. II, p. 242; Фенъ, t. II, p. 43; Солтыкъ, p. 252; Бертезенъ, t. II, p. 59), и присоединяетъ, что дивизія Фріана очень пострадала, и безъ помощи Вислинскаго легіона была бы принуждена отступать, да и всѣ другіе изображаютъ бой при Можайскѣ кровопролитнымъ, жаркимъ, очень жаркимъ, упорнымъ и т. п.

[18] Генералъ-Интендантъ Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, 441), также говоритъ, что въ Можайскѣ нашли много (но сколько, не опредѣляетъ), нашихъ раненыхъ безъ средствъ; что было столько же труповъ, сколько и живыхъ, и присовокупляетъ: «Можно себѣ вообразить умноженіе бѣдствій «и несчастій, скопившихся на этомъ пунктѣ приращеніемъ числа нашихъ раненыхъ.» Авторъ, однако же, умалчиваетъ, что съ Русскими ранеными они обходились самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, выбрасывая ихъ въ окна, на дворъ, на улицу и т. п.

«нія въ порядокъ войскъ своихъ, которыя онъ двигалъ ма-«лыми переходами (Шамбре, t. II, p. 88), такъ, по мнѣнію нѣко-«торыхъ, и для поправленія своего здоровья.»

Фенъ (t. II, p. 46) говоритъ: «Одно изъ первыхъ при-«казаній Наполеона къ Бертье состояло въ томъ, чтобы сдѣлать «рекогносцировку Можайска и поставить редутъ въ одномъ изъ дефиле.» Далѣе присовокупляетъ (p. 48) (изъ Можайска же онъ пишетъ Герцогу Беллунскому): «Кутузовъ хочетъ воспрепятство-«вать намъ вступить въ Москву и выказываетъ свою рѣшимость «употребить все, чтобы выгнать насъ, когда мы тамъ будемъ. А «по тому я долженъ думать объ усиленіи Московской арміи, по мѣ-«рѣ того, какъ непріятель будетъ усиливать свою,» и т. д.

Такъ ли боятся побѣжденной, разбитой арміи, какъ это выражается фразами?!

Графъ Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 442), приводитъ замѣчательный случай, доказывающій, до какой степени потрясена была дисциплина во Французской арміи. Вотъ его слова: «Въ Можайскѣ, въ присутствіи Наполеона, завязался споръ, и «почти ссора, между Мюратомъ и Даву. Послѣдній охуждалъ об-«разъ преслѣдованія Мюратомъ Русскаго арріергарда, изнуряя и «разрушая остатки Французской конницы, которой Русскіе про-«тивопоставляли только легкія войска. Онъ предлагалъ Наполео-«ну дать отдохнуть этому драгоцѣнному резерву и поручить ему «авангардъ и преслѣдованіе непріятеля пѣхотою. «Находите ли «вы, спросилъ Наполеонъ у Маршала, что Неаполитанскій Король не выказываетъ достаточно ревности»? — «Слишкомъ много», отвѣчалъ Даву. Дюма оправдываетъ Маршала.

Форъ (p. 49) и Фезензакъ (p. 47) говорятъ, что Главная Квартира Наполеона вступила въ Можайскъ только 10 Сентября (29 Авг.). Это противорѣчитъ показаніямъ Денье, Шамбре, Лабома, Фена и др., которые были также, какъ и Форъ и Фезензакъ участниками. Главная Квартира вступила въ Можайскъ 9 Сентября, какъ это и было въ дѣйствительности. 7-го происходила Бородинская битва; 8-го, съ 3-хъ часовъ по полудни до поздней ночи и нѣкоторое время утромъ 9-го, мы защищали го-

родъ и потомъ оставили. Туда, въ слѣдъ за тѣмъ, вступилъ Мюратъ, а за нимъ, по показанію Барона Денье (p. 83; а онъ долженъ былъ знать положительнѣе другихъ), въ десять часовъ утра, и Наполеонъ. Здѣсь я отмѣчаю это обстоятельсво единственно для того только, чтобы показать, какія разнорѣчія встрѣчаются у Французскихъ писателей.

Генералъ Фезензакъ говоритъ: «Русскій арріергардъ защи«щалъ нѣкоторое время Можайскъ, чтобы имѣть возможность пре«дать оный пламени.» Значитъ, что арріергардъ могъ защищать городъ столько времени, сколько было ему нужно, но совсѣмъ не для того, чтобы истребить его огнемъ, для чего не было бы нужно много времени; на самомъ же дѣлѣ, только по выходѣ нашемъ, сгорѣло нѣсколько крайнихъ домовъ. Объ этомъ истребленіи нами Можайска пишетъ и Винтурини (t. I, S. 286).

Вотъ что еще замѣчательно у Генерала Фезензака (p. 47): «На другой день утромъ (т. е., когда Русскіе были уже въ Мо«жайскѣ), 5-й корпусъ маневрировалъ вправо, чтобы направить«ся на Москву, по старой дорогѣ. Кутузовъ, опасаясь быть «отрѣзаннымъ, рѣшился на общее отступленіе.» Что за путаница! Нѣсколько выше онъ сказалъ, что мы, будто бы, отступили съ Бородинской позиціи вечеромъ, а здѣсь, что движеніе 5-го корпуса заставило Кутузова къ общему отступленью! Старая же дорога, идущая чрезъ Утицу, сходится въ Можайскѣ съ новою, идущею чрезъ Бородино; какимъ же образомъ 5-й корпусъ могъ, по старой дорогѣ, угрожать тылу Кутузова, который былъ уже въ Можайскѣ?

Тиссо (p. 727), сказавъ, что Французы на другой день преслѣдовали побѣжденныхъ до Можайска, присовокупилъ: «Русскіе, разрушивъ городъ, оставили оный только послѣ «упорной защиты.» Слѣдовательно, повторяю, не были вынуждены, а вышли тогда только, когда признали это нужнымъ. Но вотъ что забавнѣе (p. 728): «По взятіи Можайска, не было «болѣе случая видѣть Русскихъ, и 2 (14) Сентября мы вступи«ли въ Москву.» Напротивъ, Русскіе, послѣ Можайска, на Крымскомъ Бродѣ остановили почти на двое сутокъ напоръ Мюрата и

Даву. Объ этомъ и позабылъ авторъ, а тамъ, однако же, было очень жаркое свиданье, какъ сей часъ увидимъ.

Только два дня послѣ занятія Можайска, Мюратъ, атаковавшій Милорадовича, принявшаго начальство надъ арріергардомъ у Крымскаго Брода, потерпѣлъ сильное пораженіе. Ф е н ъ (t. II, p. 47) говоритъ: «10-го числа Мюратъ усиливается дойти до «Крымскаго Брода; начиная съ полудня, онъ сражался, и только «ночь прекратила битву.» Ш а м б р е (t. II, p. 90) также говоритъ объ очень жаркой битвѣ у Крымскаго Брода; «но Мюратъ, «не успѣвъ сбить Милорадовича, который отразилъ Мюрата и «Даву съ пѣхотой, 11-го числа оставался на мѣстѣ, что сдѣлала «и вся армія.» С е г ю р ъ (t. I, p. 313) замѣчаетъ, что здѣсь Русскій арріергардъ отбилъ Мюрата и Мортье съ молодою гвардіей: «Отсюда «Мортье написалъ Наполеону, что онъ не будетъ болѣе «слушаться Мюрата.»

Дальнѣйшее отступленіе до Москвы описывается историками одинаково: Ронья (p. 203) говоритъ: «Отступленіе Русскихъ про«должалось на Москву, но м е д л е н н о, чтобы дать время всѣмъ сосредоточиться.»

Б р е т ш н е й д е р ъ (t. I, p. 87), пишетъ:» Русскіе, мало пре«слѣдуемые, прикрытые своею конницею, отступали м е д л е н н о. «Кутузовъ, не найдя удобной позиціи, оставилъ Москву.» Денье (p. 83) свѣдѣтельствуетъ: «Русская армія продолжала отступать къ «Москвѣ, въ т а к о м ъ ж е п о р я д к ѣ.»

Замѣчательно выражается Графъ Дюма, въ «В о с п о м и н а н і я х ъ» своихъ (t. III, p. 451). Вотъ его слова: «Русская армія, послѣ «того, какъ была разбита (battue) при Бородинѣ, прошла чрезъ «Москву, и такъ б ы с т р о и с ч е з л а предъ нами, что, такъ сказать, «мы п о т е р я л и е я с л ѣ д ъ, по направленью къ востоку.» Что за наборъ словъ! Могла ли армія, въ дѣйствительности разбитая подъ Бородинымъ, отступать такъ медленно, какъ она хотѣла и какъ она это совершила въ шесть дней, около с т а д е с я т и в е р с т ъ пространства, не оставивъ за собой, по свѣдѣтельству всѣхъ писателей, ни отсталыхъ, ни пушекъ, ни обозовъ, ни вещей, словомъ, ни колеса, какъ они выражаются; удерживать каждый разъ

натискъ Французскаго авангарда стл кьзсо овремени, сколько было было нужно, какъ, на пр., въ Можайскѣ, у Крымскаго Брода; пройти пространную столицу въ томъ же порядкѣ, и такъ быстро исчезнуть предъ Французскою арміей, что послѣдняя потеряла слѣдъ ея! Спрашивается: не уже ли разбитая армія могла совершить такія чудеса?!...

До сихъ поръ на дѣлѣ мы еще не видали этого, а встрѣчаемъ только въ наборѣ словъ непріятеля не столько истины, сколько хвастовства. [19]

Нѣкоторые писатели, и въ особенности Солтыкъ и Клаузевицъ, полагаютъ, что если бы насъ преслѣдовали сильнѣе, то могли бы произвесть въ нашей арміи безпорядокъ. Но, помимо того, что это самое выраженіе уже показываетъ, что въ нашей арміи не было того безпорядка, о которомъ мечтаетъ Шамбре (t. I, p. 87), настоящіе ихъ доводы отзываются однимъ недоброжелательствомъ къ Русскимъ; ибо, во первыхъ, допустимъ даже большой натискъ въ преслѣдованіи насъ, то онъ могъ имѣть мѣсто скорѣй до Бородинскаго сраженія, когда Наполеонъ имѣлъ еще сильную конницу, но послѣ Бородина это было уже не возможно. Конница Французовъ значительно уменьшилась и, по мѣрѣ углубленія, изнурялась до неимовѣрной степени отъ недостатка фуража. Такъ, подходя къ Москвѣ, Мюратъ, недовольный одной атакой конницы, исполненной безъ должной силы и быстроты, замѣтилъ это Генералу Нансути, который отвѣчалъ: «Это «происходитъ отъ того, что лошади мои не имѣютъ патріотизма: «наши солдаты хорошо дерутся безъ хлѣба, но лошади безъ овса не исполняютъ своей обязанности». [20] Во вторыхъ, главное

---

[19] Объ этомъ неотъемлемомъ дарѣ Французскаго племени замѣчу слегка въ Заключеніи.»

[20] Форъ (p. 304), говоря, что ихъ конница, уменьшившаяся на половину, не могла внушать ничего болѣе, какъ жалость, приводитъ отвѣтъ Нансути, или дополненье къ вышеприведенному слѣдующимъ образомъ: «Мюратъ сказалъ Генералу Нансути, что онъ въ Смоленскѣ испросилъ у Наполеона позволеніе преслѣдовать Русскихъ до Москвы l'épée dans les reins»...—«Жаль, отвѣчалъ послѣдній, что у лошадей нѣтъ соревнованія.»

успѣшно преслѣдовать армію можно тогда только, когда армія эта разбита, деморализована, разстроена и находится подъ начальствомъ не свѣдущихъ вождей. Но этого ничего не было, и далеко не было: Русская армія, выдержавъ кровавый день Бородина, не была ни разбита, ни разстроена, ни деморализирована; и можно сказать, въ чемъ подтвердятъ всѣ участники, что духъ и бодрость едва ли не возрасли у ней еще болѣе послѣ этой битвы, которой она не сознавала, и очень правильно, проигранною, а по тому съ восторгомъ готовилась сама на другой день къ нападенью. Слѣдовательно, всѣ доводы обоихъ помянутыхъ историковъ не основательны и несправедливы: они заключаютъ въ себѣ множество противорѣчій, перепутанныхъ фразами; отбросимъ послѣднія, и истина, вопреки ихъ желанію, говоритъ совершенно противное тому, что они маскируютъ.

Замѣчательна здѣсь выходка (ибо иначе и назвать нельзя) въ нѣсколькихъ строкахъ, встрѣчаемыхъ у Генерала Пеле, въ его описаніи Бородинскаго сраженія. Отрывокъ этотъ не можетъ принадлежать исторіи, какъ противорѣчащій всѣмъ иноземнымъ участникамъ въ этомъ походѣ. Авторъ противорѣчитъ и самому себѣ, когда повѣствуетъ, какъ историкъ. Здѣсь же онъ подчинилъ себя вліянію тоски по отчизнѣ, которымъ болѣе или менѣе одержимы всѣ его соотечественники, и у которыхъ, если не одно, такъ другое, обличаетъ ихъ въ хвастливости, до того невѣроятной, что теряешь къ ихъ разсказамъ вообще довѣріе, въ особенности озадачиваютъ они тѣхъ, которые недостаточно ознакомлены съ характеромъ ихъ военныхъ изложеній. Стоитъ прочитать описаніе одного сраженія при Ватерлоо, чтобы встрѣтить на каждой строкѣ высокопарныя слова о дѣятеляхъ—Французахъ въ этой битвѣ. И тамъ слово victorie довольно часто встрѣчается. [21] Но отбро-

[21] Вотъ одинъ образчикъ изъ сотенъ такихъ сочиненій. Въ книгѣ «Oeuvres de Napoleon etc.» (Дѣянія Наполеона) верхъ наглаго безстыдства и лжи. Пропускаю 1812 годъ. Но вотъ, на пр. (p. 211): авторъ, описывая день 6(18) Октября подъ Лейпцигомъ, въ заключеніи говоритъ: «Поле битвы вполнѣ осталось въ нашемъ «распоряженьи, и Французская армія была побѣдительницей на Лейпцигскихъ по«ляхъ точно также, какъ и на поляхъ Вишау. Подъ вечеръ пушки наши, на всѣхъ «пунктахъ, отбросили непріятеля за четыре версты съ поля битвы... Потеря Фран«цузовъ въ этотъ день 6(18) Окт. можетъ восходить до четырехъ тысячъ уби«тыми и ранеными, потеря непріятельская огромна и т. д. Наполеонъ рѣшился от-

сивъ фразы, видимъ совсѣмъ другое. Генералъ Пеле, описавъ Бородинскую битву, изъ коей нѣкоторые эпизоды были изложены выше, потомъ, при окончаніи, какъ бы въ утѣшеніе себѣ, обращается къ фразамъ и (p. 144, 145) говоритъ:

«Раненые Французы были сохранены для арміи, между тѣмъ «какъ часть Русскихъ раненыхъ погибла по дорогѣ и въ Москвѣ. «Но самая чувствительная потеря Русскихъ, потеря невознагради«мая, которая была чувствуема въ продолженіе всей войны, заклю«чалась въ Генералахъ, Штабъ и даже Оберъ-Офицерахъ, кото«рые пали на полѣ чести. Въ Россіи весьма трудно замѣщать ихъ. «Между тѣмъ солдатамъ ихъ начальство неотмѣнно необходимо. И «отъ того мы находили по дорогѣ, и въ особенности въ Москвѣ, «кучки этѣхъ храбрыхъ, сохранившими свое оружіе, которое Фран«цузы пренебрегали уничтожать. Если присоединить къ тому (при«бавляетъ авторъ) ружья, снаряды, вещи, пушки, которыя непрія«тель потерялъ на полѣ битвы, по дорогѣ и въ Москвѣ, глав«ная сила Русскихъ была почти совершенно разрушена.» (La principale force des Russes était presque entièrement détruite).

Возможно ли написать что либо болѣе противорѣчащее, не только всѣмъ исторіямъ, но и самому себѣ, когда авторъ разсказываетъ событія, какъ историкъ? Если бы это сказалъ всякій другой, а не Генералъ Пеле, можно было бы пройти молчаніемъ, безъ разсмотрѣнія; но авторитетъ этого военнаго писателя требуетъ возраженія и улики въ его неосновательномъ сужденіи, вынужденномъ страстью къ фразамъ и свойственною всѣмъ Французамъ хвастливостью. [22]

Показаніе, будто бы Французскіе раненые были сохранены для арміи, иначе нельзя понимать, какъ только такъ, что сохра-

---

«ступать по тому только, что начальникъ артиллеріи доложилъ объ истощеніи «снарядовъ. Это обстоятельство (p. 212) побудило Французскую армію отказать«ся отъ плодовъ двухъ побѣдъ, въ которыя она разбила войска гораздо «многочисленнѣйшія» и т. д. Ватерлооская битва (p. 327) и все написано въ такомъ же духѣ.

[22] Это проявлялось во всѣ эпохи; въ послѣднюю же войну оно выразительно высказалось; стоитъ только припомнить донесеніе Адмирала Гамелена о бомбардировкѣ Одессы и о множествѣ подобномъ, чтобы убѣдиться въ томъ.

нены были трупы ихъ, либо многіе не были даже и преданы землѣ; небольшое только число легко раненыхъ могло быть излѣчено. Безпорядокъ и всевозможные недостатки въ Колоцкомъ монастырѣ свѣдѣтельствуются всѣми писателями. Въ Можайскѣ то же самое, только Генералъ Пеле употребилъ при этомъ хвастливую фразу. [23]

---

[23] Генералъ Пеле имѣлъ случай видѣть этѣхъ раненыхъ даже и на возвратномъ пути. Генералъ Фезензакъ (p. 78) описываетъ ужасное зрѣлище Колоцкаго монастыря: «Тамъ оставили больныхъ безъ лѣкарствъ, безъ продовольствія, безъ «всякой помощи» и пр. Лабомъ и Сентъ-Илеръ (Hist. de la camp. de 1812, p. 226) говорятъ объ одномъ раненомъ Французѣ, безъ ногъ, пролежавшемъ около двухъ мѣсяцевъ на полѣ битвы, питаясь кореньями у ручья и пр. Шамбре (t. II, p. 252 и въ другихъ мѣстахъ) изображаетъ въ ужасныхъ краскахъ картину Французскихъ раненыхъ и вообще госпитали ихъ, въ которыхъ не только что не было лѣкарствъ и необходимыхъ принадлежностей, но и самаго продовольствія; люди гибли отъ голода и страданій. Буржуа (p. 50), не менѣе яркими красками представляетъ это ужасное положеніе, присовокупляя (p. 76), что во время этой кампаніи постоянно чувствовали недостатокъ въ пособіи раненымъ; между тѣмъ, говоритъ онъ, все это могло быть, если бы администрація не была въ рукахъ людей, совершенно въ томъ не свѣдущихъ. Всѣ раненые при Малоярославцѣ и изъ Колоцкаго монастыря размѣщены были по частнымъ повозкамъ, но ихъ сбрасывали въ поле. О такомъ образѣ сохраненія раненыхъ для своей арміи, всѣми дѣятелями, какъ это ниже видно будетъ, свѣдѣтельствуется. Бурнерсрода (S. 13) говоритъ, что раненые ихъ, послѣ Бородина, которыхъ они подобрали на другой день (значитъ въ тотъ день не могли, ибо не властвовали на полѣ битвы), не имѣли ни лѣкарствъ, ни продовольствія. Положеніе этѣхъ несчастныхъ, присовокупляетъ авторъ, было въ высшей степени ужасно (S. 14): Госпиталь въ монастырѣ Маломъ, куда раненые полка, въ которомъ служилъ авторъ, были сложены, чрезъ нѣсколько дней былъ атакованъ поселянами и Казаками, но отъ нихъ отбились; по полудни полкъ пошелъ съ Мюратомъ къ Можайску. Лоебергъ (S. 235) описываетъ 16(28) Октября, ужасное положеніе госпиталя въ Колоцкомъ монастырѣ, присовокупляя, что съ Бородинскаго поля и Французы, и ихъ союзники, и Русскіе не были еще погребены. Извѣстно, что по прогнаніи Французовъ (Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 244) свѣдѣтельствуетъ, что на этомъ полѣ было сожжено человѣческихъ труповъ 58,521 и конскихъ 34,472. Впрочемъ, сами Французскіе врачи: Генералъ-Хирургъ Ларрей и находившійся при Штабѣ Главной Квартиры Наполеона врачь Лемазюрье, описываютъ положеніе этѣхъ несчастныхъ. Можно бы привести множество объ этомъ достовѣрныхъ засвѣдѣтельствованій; остается только удивляться Генералу Пеле, что онъ рѣшился выпустить такую фразу!

Въ отзывѣ же о Русскихъ раненыхъ, что «часть ихъ погибла на дорогѣ и въ Москвѣ»; слово «часть» такъ неопредѣлительно, что можно допустить дѣйствительность погибшихъ въ Можайскѣ, въ Москвѣ, но отнюдь не по дорогѣ. Если же были случаи умершихъ при перевозкѣ, то число ихъ ни какъ не можетъ имѣть мѣста въ Исторіи: по мѣрѣ скопленія раненыхъ на перевязочномъ пунктѣ, ихъ тотчасъ отправляли; тяжело раненые большею частью оставались въ Можайскѣ, подводы изъ подъ нихъ скоро возвращались, всѣ же другіе раненые отправлялись въ Москву, и когда армія снялась съ позиціи, предъ разсвѣтомъ, 27 Августа, всѣ раненые были уже отправлены, но, конечно, могли оставаться нѣкоторые на полѣ битвы, въ особенности на лѣвомъ флангѣ, гдѣ перестрѣлка происходила, по наступленіи уже темноты: этѣ-то несчастные и составляли почти исключительно плѣнныхъ, которыхъ число, по сознанію самихъ историковъ, преувеличено въ 18 Бюллетенѣ. Изъ Можайска, занятаго Французами только 28 Августа, раненые безпрерывно отправлялись въ Москву, въ Можайскѣ же оставались одни тяжело раненые, въ особенности съ отнятіемъ членовъ, преимущественно ногъ, требовавшіе особенной укладки на подводы, а по тому человѣколюбіе скорѣе повелѣвало не тревожить ихъ съ мѣста. На второмъ переходѣ отъ Можайска, у Крымскаго Брода, Французы опять были задержаны нашимъ арріергардомъ на двое сутокъ, слѣдовательно, отправленные раненые имѣли всю возможность достигнуть до Москвы, и ни въ одномъ изъ селеній на этомъ пути ихъ не оставляли: если же и случалось, какъ и должно предполагать, что нѣсколько изъ нихъ и умерли, то были на привалахъ похороняемы, обрядъ, свято соблюдаемый Русскими, засвѣдѣтельствованный многими изъ повѣтствователей, какъ видно было выше, что на самомъ полѣ битвы и по дорогѣ они встрѣчали этѣ могилы. Слѣдовательно, съ Генераломъ Пеле, по этому случаю, можно согласиться въ томъ только, что дѣйствительно часть раненыхъ могла погибнуть на дорогѣ, но эта часть такъ мала, повторяю, что не должна была найти мѣста въ Исторіи и, конечно, она была несравненно меньше той части погибшихъ раненыхъ Французовъ, которыхъ ихъ армія сохранила за собой. Что же касается до раненыхъ, оставленныхъ, какъ сказано, въ Можайскѣ на попеченіе Французовъ, они почти всѣ погибли, не только отъ неимѣнія помощи,

но и съ голода, которому подвергались и самые Французы. Къ этому должно еще присоединить и то, что помѣщеніе, гдѣ находились Русскіе, было тотчасъ очищено для Французовъ, при чемъ обходились съ нашими ранеными самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, что также свѣдѣтельствуется.

Касательно же раненыхъ, оставленныхъ въ Москвѣ, то этому опять только подверглись тяжело раненые; ибо изъ Москвы другіе вывозились далѣе, такъ что многіе Бородинскіе транспорты и не останавливались въ столицѣ. Французы, по занятіи Москвы, обошлись съ ними точно также, какъ и въ Можайскѣ; слѣдовательно, если они, какъ утверждаетъ Генералъ Пеле, погибли, то, конечно, въ этомъ случаѣ они обязаны попеченію о нихъ Французской администраціи, дѣйствовавшей такъ филантропически. [«] Лишь нѣсколько нашихъ Офицеровъ, находившихся по квартирамъ, были выпользованы Французскими хирургами, а можетъ быть въ томъ числѣ случились и нижніе чины.

Генералъ Пеле, въ выноскѣ (p. 144), говоритъ, что Русскіе, оставляя Москву, поручили, письмомъ Кайсарова, раненыхъ великодушію Французскихъ войскъ, и что въ это же самое время подготовляли разрушеніе столицы огнемъ. Но между этѣми двумя событіями нѣтъ ни какого взаимнаго отношенія. Первое принято всѣми образованными арміями, второе было дѣломъ народнаго патріотизма, въ которомъ армія проявляла любовь къ родинѣ другимъ путемъ, — на поляхъ битвъ. Всякое проявленье патріотизма народомъ, при защитѣ отъ вторгнувшагося врага, должно было бы казаться въ глазахъ автора иначе, какъ онъ смотритъ на это. Запятнали ли себя Русскіе поступкомъ, подобнымъ тому, когда, при отступленьи, Французы и ихъ союзники, конвоируя нѣсколько тысячъ Русскихъ плѣнныхъ, по дорогѣ убивали ихъ и оконча-

[«] Какая разница въ человѣколюбіи представляется между Французами и Русскими! Когда мы заняли Вильну, госпитали и частные домы были завалены больными Французами и ихъ союзниками; на нихъ было обращено то же вниманіе, что и на нашихъ. Государь Императоръ не разъ посѣщалъ Французскіе госпитали, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ очень часто, и имъ не только подавали пособіе, но разливали утѣшеніе и милости, что свѣдѣтельствуется Французскими же писателями. Мортонваль (p. 464) въ особенности распространяется о заботахъ Государя Цесаревича, Корсакова, Дризена и др.

тельно около Дорогобужа хладнокровно перестрѣляли и перекололи ихъ всѣхъ, а нѣкоторыя партіи, заключивъ въ строенія, зажигали оныя! О чемъ въ «Заключеніи» буду имѣть случай сказать съ нѣкоторою подробностью.

Далѣе, Генералъ Пеле, чтобы выказать еще болѣе мнимое торжество Французовъ въ Бородинскомъ сраженіи, говоритъ: «Но «самая чувствительная потеря Русскихъ, потеря невознагради«мая, которая была чувствуема въ продолженіе всей войны, за«ключалась въ Генералахъ, Штабъ и даже Оберъ-Офицерахъ, кото«рые пали на полѣ чести. Въ Россіи весьма трудно замѣ«щать ихъ»

Нѣтъ сомнѣнія, что потеря Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, въ такомъ числѣ, какъ это было при Бородинѣ, не могла не быть чувствительной, но уже далеко не въ той степени, какъ представляетъ авторъ. У насъ изъ фронта выбыло двадцать два Генерала, но собственно, для продолженія войны, мы лишились только пятерыхъ. Убиты на мѣстѣ: Тучковъ 4-й и Графъ Кутайсовъ, ранены: Князь Багратіонъ и Тучковъ 1-й, которые вскорѣ умерли; слѣдовательно, не могли участвовать въ дальнѣйшемъ продолженіи войны, и Лихачевъ, раненый, взятъ въ плѣнъ, въ которомъ и умеръ. Остальные же семнадцать Генераловъ, не только явились къ своимъ мѣстамъ для продолженія войны въ 1813 и 1814 годахъ, но многіе были опять въ рядахъ и въ самую Отечественную Войну; то же самое должно разумѣть о Штабъ и Оберъ-Офицерахъ. Между тѣмъ какъ у Французовъ выбыло изъ фронта сорокъ девять Генераловъ, изъ коихъ десять убито на мѣстѣ, а изъ остальныхъ многіе умерли, не принявъ участія въ продолженіи войны. Но положимъ, что у насъ, по мнѣнію автора, весьма трудно замѣщать ихъ, о чемъ я скажу нѣсколько словъ далѣе, но здѣсь обращаюсь съ вопросомъ: откуда онъ взялъ, что потеря эта была чувствуема нами въ продолженіи всей войны? Не сохранились ли у насъ, независимо отъ князя Кутузова: Барклай, Беннигсенъ, Милорадовичъ, Платовъ, Дохтуровъ, Раевскій, Графъ Остерманъ-Толстой, Багговутъ, Лавровъ, Бороздинъ, Графъ Паленъ, Князь Голицынъ, Васильчиковъ, Корфъ, какъ Корпусные Командиры; Дивизіонные: Принцъ Евгеній Виртембергскій, Графъ Строгановъ, Графъ Воронцовъ, Паскевичъ, Коновницынъ, Капце-

вичъ и множество другихъ, со славою подвизавшихся во всю войну? То же самое скажу и относительно Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. На другой день, послѣ Бородинскаго сраженія, подъ Можайскомъ, и чрезъ два дня на Крымскомъ Бродѣ, «эту чувствительную потерю нашу» замѣтили ли Французы, съ коими наши войска выдержали жаркіе бои, отбивъ всѣ покушенія Мюрата и Герцога Тревизскаго, которые, по обыкновенію, обвиняли въ неуспѣхѣ другъ друга? Русскіе совершили это, не смотря на то, что въ первое время нѣкоторые полки были подъ начальствомъ Капитановъ и даже Штабсъ-Капитановъ. Могло ли быть исполнено отступленіе наше, отъ Бородина до Москвы, въ томъ порядкѣ, которому всѣ Французскіе писатели, и самъ генералъ Пеле, удивляются, когда бы мы не имѣли необходимыхъ къ тому знаній? Могла ли бы армія пройти столицу въ той изумительной правильности, если бы не было начальниковъ, постигающихъ свое назначенье, начиная съ высшихъ до ротныхъ Командировъ? Могла ли эта армія, въ семьдесятъ тысячъ, со втораго перехода отъ Москвы, вдругъ исчезнуть изъ глазъ Мюрата и Себастіани, не оставивъ по себѣ ни какихъ слѣдовъ? Наконецъ, имѣли ли случай замѣтить, что и въ послѣдствіи мы терпѣли отъ потерь, понесенныхъ при Бородинѣ, Генералами, Штабъ и Оберъ Офицерами? Если Французы могутъ упрекнуть насъ Вязьмой, Краснымъ и Студянкой, то этотъ упрекъ можетъ относиться только до лица нашего Главнокомандующаго, который могъ имѣть свои соображенія, но отнюдь не до Генераловъ, а еще менѣе до Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. [25]

Генералъ Пеле говоритъ: «Эта потеря чувствуема была въ «продолженіи всей войны;» значитъ, онъ понимаетъ и кампаніи 1813 и 1814 годовъ. Гдѣ же и тутъ замѣтилъ онъ эту «чувствительную потерю, понесенную нами при Бородинѣ?» Онъ затруднился бы указать безъ богатаго участья фразъ: изъ всѣхъ союзниковъ, Русскія знамена первыя осѣнили высоты Монмартра. Конечно, въ описаніи и этого, слишкомъ уже осязательнаго, событія, фразы занимаютъ первое мѣсто: вся Европа ополчилась противъ Франціи. Это такъ, но по чему этѣхъ фразъ нѣтъ, когда

[25] То же самое и на Чернишнѣ; ибо Мюратъ, съ авангардомъ долженъ былъ принадлежать намъ. Событіе, достаточно извѣстное, чтобы говорить о немъ.

Наполеонъ, за полтора года предъ тѣмъ, потащилъ весь материкъ Западной Европы противъ Россіи? Здѣсь умѣнье Французовъ описывать свои подвиги—молчитъ.

За тѣмъ обращусь къ выраженью автора, что «въ Россіи «весьма трудно ихъ (Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ) «замѣщать.» Положимъ, что, можетъ быть, это и такъ, но такое выраженіе, при описаньи Бородинскаго сраженія, подходитъ къ сказанному, какъ говорится у насъ, «ни къ селу, ни къ городу.» Но положимъ, что автору нужно было такъ неумѣстно вклеить эту фразу: гдѣ же, повторяю, онъ имѣлъ случай замѣтить, «въ продолженіе войны, затрудненіе» наше замѣщать означенные чины? Кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ выработали намъ отличныхъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ. Замѣщеніе первыхъ, въ полномъ значеніи слова, столь же затруднительно у насъ, какъ и вездѣ; Наполеонъ, въ осьмнадцатилѣтнюю войну выработалъ, конечно, много отличныхъ Маршаловъ и Генераловъ, изъ коихъ нѣкоторые возведены были имъ въ Короли, но всѣ ли они удались? Это другое дѣло. Многіе ли изъ нихъ имѣли способность начальствовать отдѣльно, самостоятельно? Въ его только присутствіи они и блистали; отдѣльно рѣдкій изъ нихъ остался не только что побѣдителемъ, но и былъ въ состояніи уравновѣшивать борьбу съ противникомъ: сами Французскіе писатели обличаютъ ихъ въ этомъ. Слѣдовательно, замѣщенье Генераловъ вообще трудно. Однако же, въ 1813 и 1814 годахъ мы не ощущали недостатка въ замѣщеніи всѣхъ трехъ упомянутыхъ званій, и могли успѣшно бороться съ Великою арміею Наполеона. Только, по овладѣніи Парижемъ, когда уже война кончилась, для пополненія комплекта Оберъ-Офицеровъ, всѣ Фельдфебеля и Вахмистры были произведены въ Офицеры; изъ нихъ многіе оправдали свое возвышеніе, другіе, возвратясь въ Россію, перешли въ разные гарнизоны и т. п. [26]

---

[26] Этѣ-то произведенные и получили въ арміи названье Бурбоновъ (отъ возстановленья Бурбоновъ), что перешло въ общее употребленіе до сихъ поръ называть Бурбонами всѣхъ производимыхъ въ Офицеры изъ солдатскаго званія. Пожалуй, и нынѣ произведенные съ уменьшеннымъ срокомъ Унтеръ-Офицеры, для укомплектованія Офицеровъ усиленной арміи, получатъ въ народѣ прозванье Бонапартовъ.

Генералъ Пеле, сказавъ о помянутомъ затрудненіи замѣщать у насъ чины, присовокупляетъ: «Между тѣмъ Русскимъ солдатамъ «начальство неотмѣнно необходимо.» Это аксіома не для однихъ Русскихъ солдатъ. Начальство необходимо въ каждой арміи, и чѣмъ оно положительнѣе, тѣмъ болѣе сохраняется порядокъ въ арміи. Въ этомъ отношеніи Французская армія никогда не можетъ равняться съ Русской; у насъ не было еще примѣра, чтобы неудачи могли поколебать дисциплину и потрясти порядокъ, а не только что породить въ ней деморализацію. Французы далеко этѣмъ не могутъ похвастаться. Не приводя примѣровъ до войны 1812 года, посмотримъ, что повѣствуютъ историки, описывавшіе оную. Не достигнувъ еще нашихъ границъ, дисциплина была потрясена, не отъ того ли, что во Франціи легче, чѣмъ въ Россіи, имѣть достойныхъ начальниковъ? По вступленіи въ границы, отъ Нѣмана до Москвы, дисциплина болѣе и болѣе слабѣла; противъ отсталыхъ и мародеровъ всѣ мѣры оказывались безполезными, а по занятіи Москвы, Французскіе и союзные имъ писатели, въ живыхъ краскахъ представляютъ ужасныя сцены, проистекавшія отъ совершеннаго почти упадка дисциплины. По отбитіи ихъ въ Малоярославцѣ, на третій день деморализація начала распространяться, солдаты начали бросать оружіе, составлять толпы, выпрягать изъ подъ артиллеріи, казенныхъ обозовъ и провіантскихъ повозокъ, лошадей и впрягать ихъ въ свои, нагруженныя добычей, и это все до Дорогобужа, гдѣ, чрезъ двѣнадцать дней послѣ Малоярославца, началась временная зима съ морозами, только въ 8°, то тутъ уже деморализація охватила болѣе или менѣе всѣ части арміи; сами Французы изображаютъ въ ужасныхъ видахъ неимовѣрные эпизоды. [27] А что, наконецъ, было подъ Ватерлоо? Вмѣсто того, чтобы отступить къ Лаону, всѣ бросились бѣжать, кто куда попалъ и какъ можно скорѣе. При успѣхахъ, Французская армія еще сохраняетъ дисциплину и слушается голоса начальника, но при малѣйшемъ неуспѣхѣ — всѣ остаются глухи, армія поражается паническимъ страхомъ, предшествуя деморализаціи, какъ это было въ 1836 году, при отступленіи Маршала Кло-

[27] Если во время отступленія при Вязьмѣ, Красномъ и Студянкѣ мы встрѣчаемъ порывы храбрости во Французской арміи, то это имѣетъ совершенно другой источникъ, о которомъ здѣсь распространяться нѣтъ мѣста.

зеля изъ подъ Константины. [28] Есть ли что либо приблизительное съ Русскими арміями, въ которыхъ самыя неудачи не только что не ослабляютъ дисциплины, но напротивъ скрѣпляютъ ее? Не говоря объ отступленіи нашемъ въ 1812 году, ибо отступленіе это не было вынужденнымъ, слѣдуетъ только посмотрѣть отступленіе Бибикова въ 1790 году изъ подъ Анапы, чтобы получить понятіе о нравственномъ состояніи Русскихъ армій и ясно видѣть все пристрастіе многихъ Французскихъ, въ особенности же Нѣмецкихъ, писателей, относительно нашихъ начальниковъ. Нельзя здѣсь вскользь не упомянуть о возмутительномъ происшествіи, въ 1815 году, въ Страсбургѣ. Сержантъ Далузи, избранный главою гарнизономъ, въ одно утро арестовалъ всѣхъ Офицеровъ, Генераловъ и самого Главнокомандующаго, въ крѣпости, извѣстнаго Наполеонова Генералъ-Адъютанта Раппа, наложилъ контрибуцію на городъ, удовлетворилъ весь гарнизонъ жалованьемъ, и, провластвовавъ нѣсколько дней, сдалъ опять начальство Раппу и т. д. Таково вліянье начальниковъ на дисциплину во Франціи!

Авторъ, сказавъ о непремѣнной необходимости начачальства для Русскихъ солдатъ, въ слѣдъ за симъ говоритъ: «А потому [29] мы «находили на дорогѣ, и въ особенности въ Москвѣ, кучки этѣхъ «храбрыхъ сохранившими свое оружіе, которое Французы пре«небрегали (!) уничтожать.» Въ этѣхъ строкахъ я не доискиваюсь смысла: къ чему относится слово — «а по тому»; что же это «а по тому»? — Фраза, такъ себѣ, какъ говорится: «палка въ углу, «а по тому на дворѣ дожды!»

Но оставляю въ сторонѣ это «а по тому», а обращусь къ храбрымъ кучкамъ, сохранившимъ свое оружіе и которыхъ Французы находили по дорогѣ, и въ особенности въ Москвѣ. Довольно трудно опредѣлить, что тутъ разумѣетъ Г. Пеле. По

---

[28] А усилія, употребленныя Генераломъ Савари, въ 1831 году, въ Алжирѣ, чтобы возстановить дисциплину и т. д., и т. д.?

[29] Сказавъ: «Pourtant, leurs soldats ont absolument besoin d'être commandés. Aussi «(?) trouvames nous sur les chemins, et particulièrement dans Moscou, des bandes «de ces braves, conservant leurs armes, que les français dedaignaient (!) de bri«ser.»

дорогѣ отъ Бородина до Москвы отсталыхъ у насъ не было, и быть не могло; ибо всѣ иноземцы, описавшіе это отступленіе, какъ видно было выше, свѣдѣтельствуютъ, что на этомъ пространствѣ мы не оставили ни какого слѣда, и отступленіе это было замѣчательно по порядку, господствовавшему въ немъ, что подтверждаетъ и самъ Генералъ Пеле (р. 143). При томъ же арріергардъ нашъ прикрывалъ отступленіе арміи и тамъ, гдѣ нужно было, удерживалъ всякій натискъ Французскаго авангарда, слѣдовательно, отсталыхъ отъ арміи быть не могло, а отъ арріергарда и подавно. Что же, наконецъ этѣ вооруженныя кучки, которыхъ Французы «dedaignaient» даже обезоруживать! Не встрѣчали ли Французы, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги, нашихъ крестьянъ, вооруженныхъ кто чѣмъ попало? Опять слово «презирали» не согласуется со всѣмъ тѣмъ, что писали сами же Французы о вооруженныхъ жителяхъ, которыхъ они далеко не «презирали,» и если ихъ не обезоруживали, то, конечно, не могли сдѣлать этого, ибо одна старостиха Василиса, вооруженная вилами, обезоруживала десятками ветерановъ Великой арміи!

Относительно же вооруженныхъ кучекъ, въ особенности встрѣчавшихся въ Москвѣ, представляется еще болѣе затрудненія отгадать мысль автора. Оставленіе нами Москвы очень подробно описано иноземцами, но никто не говоритъ объ остававшихся въ ней кучкахъ вооруженныхъ солдатъ, чего ни какъ и быть не могло, а сверхъ того, если бы такія и случились, то Французы не могли ихъ «презирать» и оставлять оружіе этѣмъ «храбрымъ,» какъ ихъ называетъ Генералъ Пеле, а напротивъ спѣшить обезоруживать ихъ. Но не говоритъ ли авторъ о тѣхъ мелкихъ частяхъ нашихъ войскъ, которыя не успѣли дойти до выхода изъ города, когда Французы уже вступили? Такихъ Французы не могли обезоруживать, ибо Милорадовичъ заключилъ условіе съ Мюратомъ, что если непріятель помѣшаетъ не успѣвшимъ очистить городъ выйти изъ заставы, то онъ будетъ сражаться въ самомъ городѣ. Генералъ Пеле могъ встрѣтить нѣкоторыя изъ этѣхъ командъ, или, какъ онъ называетъ, «кучекъ,» само собою разумѣется, вооруженныхъ, но тутъ слово — «презрѣнье» ни какъ мѣста имѣть не можетъ. Кучки этѣ могли, слѣдуя за арміей, оставаться на протяженіи пути къ заставѣ, ко-

нечно, не болѣе часа и были ограждены условіемъ, слѣдовательно, неприкосновенными. Нельзя отнести повѣствованія о «кучкахъ» къ тѣмъ, которые иногда по нѣскольку человѣкъ, въ Москвѣ, случались на улицахъ и которыхъ Французы, во время пожара, и въ первые дни послѣ онаго, забирали и разстрѣливали. Этѣ кучки составлялись не изъ солдатъ, а изъ жителей Москвы, остававшихся въ оной во время пребыванія Французовъ, и не имѣли оружія, но и въ такомъ даже положеніи не были «презираемы» непріятелемъ. Словомъ все, что Генералъ Пеле говоритъ объ этѣхъ кучкахъ, есть необдуманная фраза. Но онъ еще не довольствуется этѣмъ и, къ удивленью, переходитъ границы въ своихъ увлеченіяхъ.

Сказавъ о «презрѣньи,» оказываемомъ Французами къ вышесказаннымъ кучкамъ, созданнымъ его воображеніемъ, чтобы имѣть возможность сказать нѣсколько льстивыхъ фразъ своимъ орламъ, онъ прибавляетъ: «Если присоединить къ сему (т. е., къ «кучкамъ), ружья, снаряды, вещи, пушки, которыя непріятель «потерялъ на полѣ битвы, по дорогѣ (!) и въ Москвѣ, главная «сила Русскихъ была почти совершенно разрушена.» [30]

Можно ли было ожидать чего либо подобнаго отъ историка, столь отчетливо изобразившаго Бородинскій день, когда онъ безпристрастно описывалъ ходъ этой знаменитой битвы, чтобъ потомъ подчиниться общей его соотечественниковъ болѣзни — пустыми фразами потерять всякое довѣріе къ своему безпристрастью? По чему, сто разъ повторяю, по чему наши военные исторіографы по ремеслу, не займутся критическимъ разборомъ всѣхъ несообразностей, включенныхъ въ повѣствованье иноземныхъ писателей о нашей Отечественной войнѣ? [31]

---

[30] «La principale force des Russes était presque entièrement détruite.»

[31] Независимо отъ этой работы, не безполезно было бы собрать въ одно цѣлое все то, что разбросано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ Европы съ 1812 года, не только о Бородинскомъ сраженіи, но и обо всей войнѣ. Такой сборникъ былъ бы драгоцѣннымъ памятникомъ, матеріяломъ, относительно своей поучительности. Ни въ одной изъ нашихъ библіотекъ далеко нѣтъ и половины даже отдѣльно напечатанныхъ матеріяловъ. Да для сего и издержки были бы незначительны, по крайней мѣрѣ имѣли бы что либо цѣлое; вѣдь образуются же Богъ вѣсть какія Общества—подъ фирмами патріотическими т. п.?

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что «на полѣ битвы» могли быть найдены ружья, перебитыя, или даже и цѣлыя отъ убитыхъ, или только отъ раненыхъ; пусть даже и «снаряды» въ подбитыхъ ящикахъ, или въ сумахъ убитыхъ и раненыхъ; конечно, и «пушки,» большею частью въ редутахъ, а можетъ быть и нѣсколько подбитыхъ на полѣ битвы; но что подъ словомъ «вещей» разумѣетъ авторъ, не извѣстно, конечно съ оторванными ногами, сапоги и клочки аммуниціи. Все это онъ нашелъ и въ «Москвѣ,» точно въ болѣе значительномъ числѣ. Но чтобы мы потеряли подобные предметы «по дорогѣ,» это совершенно несправедливо; ибо, по засвѣдѣтельствованью всѣхъ историковъ, какъ это было видно выше, непріятель не нашелъ ни какихъ слѣдовъ нашего отступленія, «ни пушекъ, ни зарядныхъ ящиковъ, ни людей, ни вещей,» словомъ, ничего, чтобы могло указывать на отступленіе арміи, проигравшей сраженіе и которая два раза послѣ Бородина исчезала съ глазъ Мюрата и Себастіани. Самъ Генералъ Пеле (р. 143) говоритъ: «Замѣчательное отступленіе по порядку, который господствовалъ,» а чрезъ нѣсколько страницъ говоритъ, что «на дорогѣ были находимы кучки солдатъ, ружья, снаряды, вещи, пушки!» Это ни какъ не клеится «съ замѣчательнымъ порядкомъ.» Правда, онъ и тутъ прибавилъ, что отступленіе наше «было облегчено большою шириной дороги, по которой (будто бы), въ нѣсколько рядовъ, шли разныя войска.» Но если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога отъ Бородина до Можайска, а пожалуй, и до самой Москвы, была гораздо шире тогдашнихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ шоссе, то, во всякомъ случаѣ, она часто представляла пространства, на которыхъ дорога съуживалась, и вообще на мостахъ она не позволяла ити въ «нѣсколько рядовъ,» слѣдовательно, въ такихъ мѣстахъ неминуемо долженъ бы былъ происходить безпорядокъ отъ столпившихся массъ пѣхоты, конницы, стеченья артиллеріи, полковыхъ ящиковъ и т. п., а по тому ширина дороги ни какъ не облегчала бы отступленія, если бы въ войскахъ не былъ соблюдаемъ строгій порядокъ. Но довольно объ этѣхъ безотчетныхъ фразахъ; замѣчу главное.

Выше видно было, на какихъ основаніяхъ Генералъ Пеле заключаетъ: «почти совершенное разрушенье главной силы

Русскихъ.» Читаешь и не вѣришь, что подобный выводъ могъ вылиться изъ пера такого военнаго писателя, каковъ авторъ!

Взглянемъ, однако, на чемъ основываетъ онъ свое заключеніе о такихъ значительныхъ трофеяхъ, пріобрѣтенныхъ Французскою арміей, отъ которыхъ сила Русской арміи «почти совершенно разрушилась!» Начну съ Бородина, какъ это дѣлаетъ авторъ.

Въ этомъ достопамятномъ сраженіи, какъ говорятъ всѣ безъ исключенія Французскіе писатели и самъ Генералъ Пеле, не пріобрѣтено ни какихъ трофеевъ соразмѣрно кровопролитію въ ономъ. Ни одного знамени; отъ осьми сотъ до тысячи плѣнныхъ, взятыхъ по одиначкѣ, большею частью раненыхъ; около семи тысячъ раненыхъ, подобранныхъ на полѣ битвы и оставленныхъ въ Можайскѣ; [32] около сорока пушекъ, взятыхъ въ редутахъ, большею частью подбитыхъ, [33] и само собою разумѣется, нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Вотъ все, что было взято непріятелемъ подъ Бородинымъ; а мы у него взяли тринадцать пушекъ въ полѣ, слѣдовательно, остаемся въ потерѣ двадцати семи пушекъ. Какое же вліянье потеря этѣхъ двадцати семи пушекъ, пусть и всѣхъ сорока, изъ приблизительнаго числа шестисотъ сорока орудій, бывшихъ у насъ подъ Бородинымъ, могла имѣть на разрушеніе нашихъ главныхъ силъ?

«По дорогѣ» до Москвы не было у насъ взято непріятелемъ ни чего, кромѣ, какъ замѣчено, оставленныхъ въ Можайскѣ — раненыхъ.

Въ Москвѣ находилось сто пятьдесятъ пушекъ разнаго калибра, мѣдныхъ и чугунныхъ, негодныхъ къ употребленью, [34] и по Отчетамъ до осьмидесяти тысячъ разнаго ручнаго огнестрѣль-

---

[32] Это по свѣдѣніямъ Французовъ, по нашимъ гораздо менѣе.

[33] Я беру эту цифру «сорокъ» изъ писателей Французскихъ: она вѣрнѣе той, которую выставилъ Г.-М. Богдановичъ (т. II, стр. 224), по свѣдѣніямъ Можайскаго Исправника о количествѣ потерянныхъ нами пушекъ въ Бородинскомъ сраженіи!!

[34] Чрезъ пять недѣль пушки этѣ остались опять въ распоряженіи Русскихъ съ изумительными лихвенными процентами.

наго оружія, изъ коего половина требовала починки; около шестидесяти тысячъ палашей, сабель и тесаковъ. Какъ ручное огнестрѣльное, такъ и бѣлое, оружіе, передъ оставленьемъ Москвы, было разграблено, изъ остальнаго многое содѣлалось добычею пламени. По такимъ же Отчетамъ было двадцать тысячъ пудовъ пороха, двадцать семь тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ, но которые, по распоряженію Кутузова, были подожжены. Одинаково, по Отчетамъ, на два съ половиной милліона р. ас. (около 600 т. р. с.) разныхъ коммиссаріятскихъ вещей, которыя, по распоряженью Ростопчина, были преданы огню. Онъ же доносилъ, что Коммиссаріятъ и Арсеналъ были вывезены и т. д. Но пусть бы это все находилось дѣйствительно въ томъ количествѣ, въ которомъ значилось по Отчету и не было большею частью истреблено, а дѣйствительно досталось Французамъ, чтобы они могли сосчитать свою добычу. При всемъ томъ, можно ли сказать, что этѣ потери «почти разрушили главныя силы Русскихъ?» Подобная потеря не только не разрушила бы силъ Русскихъ, но едва ли и силы котораго либо и изъ мелкихъ Нѣмецкихъ владѣтелей.

Въ движеніи Русской арміи изъ Москвы до самаго Тарутина, арріергардъ нашъ, усиливаемый иногда войсками изъ главной арміи, давалъ кровопролитныя и упорныя битвы, и Французы въ этѣхъ столкновеніяхъ не могли замѣтить не только «почти совершенно разрушенной главной силы Русскихъ,» но, конечно, чувствовали ея силу столь же могущественною, какъ до Бородинскаго сраженія: въ этой битвѣ, въ Можайскѣ, на Крымскомъ Бродѣ, гдѣ въ авангардѣ ихъ была молодая гвардія, подъ начальствомъ Герцога Тревизскаго, Мортье, и подъ предводительствомъ Короля Неаполитанскаго. Не прошло трехъ недѣль по занятіи Тарутинскаго лагеря, Мюратъ былъ атакованъ и разбитъ; чрезъ шесть дней послѣ, въ Малоярославцѣ, Русскіе доказали, что главныя силы ихъ не разрушены.

Генералу Пеле должно было быть извѣстнымъ, что Русская сила далеко не была разрушена, ибо она преслѣдоваля Французовъ до самаго Парижа, продолжая давать кровопролитныя сраженія, какъ въ предѣлахъ своихъ, такъ въ Германіи и Франціи, и всегда въ головѣ союзниковъ; она первая подавала имъ примѣръ,

геряя во всѣхъ битвахъ болѣе людей, чѣмъ другіе. Французы, оставивъ въ Москвѣ и по дорогѣ до Нѣмана всю свою артиллерію и почти все ручное огнестрѣльное оружіе, потерявъ сотни тысячъ людей, не разрушили своей главной силы; какимъ же образомъ Русскіе, потерявъ только сорокъ пушекъ (ибо Московскихъ, негодныхъ къ употребленію, считать нельзя, да и онѣ опять остались у насъ), могли «почти совершенно разрушить свою главную силу?» Значитъ, здѣсь Генералъ Пеле былъ увлеченъ только фразами. Отступленіе нашей арміи, послѣ Бородинскаго сраженія, оцѣнено всѣми повѣствователями-участниками и самимъ Генераломъ Пеле, когда онъ говоритъ, какъ историкъ.

Впрочемъ, во Франціи, какъ нигдѣ болѣе, очень много такихъ историковъ событіямъ 1812 года, хвастливость коихъ доходитъ иногда до высшей степени, какъ въ этомъ Н. И. Гречъ уличилъ уже Тьера, въ разсказѣ о сраженіи при Вартенбургѣ, въ 1813 году. Они не обращаютъ вниманія ни на какую безсмыслицу, сходящую съ ихъ пера; имъ нѣтъ ни какой нужды на безпрерывныя самимъ себѣ противорѣчія. Все ихъ стремленіе заключается въ одномъ, чтобы только блеснуть фразой, удовлетворяющей преимущественную часть читающихъ Французовъ, болѣе чѣмъ истина, которую бы имъ и очень было трудно излагать, ибо часто предметъ, о которомъ берутся писать, вовсе для нихъ чуждъ, и невѣжество это обнаруживается на каждой страницѣ. Между тѣмъ многіе десятки, а пожалуй сотни и тысячи такихъ сочиненій по нѣскольку изданій, распространяются и, конечно, находятся въ рукахъ многихъ и у насъ въ Россіи, и какъ мнѣ не разъ случалось встрѣчать, что нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, въ особенности живущіе въ провинціи, получая иноземныя книги, пріобрѣтаютъ понятіе о событіяхъ своей Отечественной войны 1812 года въ превратномъ видѣ. Естественно, очень трудно разувѣрить[35] ихъ въ томъ, что они разъ уже усвоили.

Выше видно было, что многіе изъ историковъ 1812 года, занимая одно изъ первыхъ мѣстъ на этомъ поприщѣ, несовершенно

---

[35] Для обличенья такихъ сочинителей нуженъ былъ бы критическій разборъ ихъ книгъ; но такой разборъ излишенъ. Это не стоитъ серіознаго труда, а необходимы были бы однѣ указанія на явныя и рѣзкія безсмыслицы, самимъ себѣ противорѣчащія.

изъяты отъ природной наклонности къ хвастовству, относительно воинскихъ подвиговъ, искажая истину фразами.

Здѣсь, для примѣра, приведу, изъ множества сочиненій, пять, или шесть, имѣющихъ, по заглавію своему и по личности авторовъ, нѣкоторое значеніе на пріобрѣтеніе занимательности и привлеченія читателей.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи безспорно занимаютъ «Памятныя Записки» Г. Боссе (Bausset), Префекта Дворца, прибывшаго къ арміи на канунѣ Бородинскаго сраженія и всю кампанію остававшагося, по званію своему, при Наполеонѣ. Какъ очевидецъ всѣхъ событій, онъ, въ сочиненіи своемъ, изумляетъ читателей многими мѣстами, въ которыхъ не обращается ни какого вниманія не только на истину описываемыхъ имъ происшествій, разсказанныхъ людьми военными, также какъ и онъ участниками въ этой кампаніи и находившимися вмѣстѣ съ нимъ при Наполеонѣ, но и на всякій смыслъ. Г. Боссе предается болѣе другихъ хвастовству, тѣмъ менѣе извинительному, что, занимая столь высокое мѣсто, онъ долженъ бы былъ воздержаться отъ выходокъ, болѣе сносныхъ у людей, которые стоятъ, по значенію своему въ свѣтѣ, ниже его, и по тому важному предмету, который онъ задалъ себѣ для изданія въ свѣтъ Записокъ своихъ, дѣйствительно, по многимъ отношеніямъ, очень любопытныхъ. Безгранично преданный Наполеону, онъ вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Россіи и Русскихъ, бросается на нихъ, какъ говорится, очертя голову (à tête perdue), но, не смотря на то, всѣ, подбираемые для насъ, эпитеты, не въ силахъ скрыть того, что происходило въ дѣйствительности.

Выше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, я уже приводилъ выдержки изъ этого автора. Здѣсь укажу еще нѣсколько болѣе замѣчательныхъ, которыя будутъ достаточны, чтобы оцѣнить его безпристрастіе и достоинство того отдѣла, гдѣ онъ говоритъ о кампаніи 1812 года и вообще о Русскихъ.

И такъ Г. Боссе, не довольствуясь тѣмъ, что безъ изъятія историки и самъ Наполеонъ не называетъ Бородинской битвы совершенною побѣдой, онъ (t. II, p. 95) говоритъ: «Побѣда была «полная, трофеи несмѣтны» и пр. А далѣе (p. 100) повторяетъ.

«Побѣда была полная, и полная до того, что Русская армія не «осмѣлилась даже и помыслить о защитѣ своей столицы.»

Но пусть онъ основываетъ побѣду свою на томъ только, что мы оставили Москву, а вотъ его личное засвѣдѣтельствованіе о происшествіи, о которомъ ни одинъ изъ историковъ, съ нимъ находившихся, не упоминаетъ. Разсказывая, какъ онъ былъ при Наполеонѣ у Шевардинскаго редута, между прочимъ (p. 96) говоритъ: «Многіе Русскіе Генералы, тяжело раненые, по прика-«занію Наполеона, получили первое пособіе на перевязочномъ «пунктѣ: между ними былъ Князь Потемкинъ (!), раненый саб-«лей въ голову. Императорскій Хирургъ, Иванъ, сдѣлалъ ему пер-«вую перевязку» и т. д.

Нужно ли здѣсь говорить, что подъ Бородинымъ у насъ былъ взятъ въ плѣнъ только одинъ Генералъ Лихачевъ, о чемъ пишутъ и всѣ иноземные историки. Князь же Потемкинъ созданъ воображеніемъ автора. Не только что съ 1791 года, въ рядахъ Русской арміи, не бывало въ чинѣ Генерала, или въ другихъ низшихъ званіяхъ, Князя Потемкина, но при Бородинѣ не находилось и просто Генерала Потемкина. Былъ Полковникъ (Я. А.) Потемкинъ, но онъ не былъ ни раненъ, ни взятъ въ плѣнъ. Подробности, приводимыя очевидцемъ-Префектомъ, не для всѣхъ могутъ показаться вымышленною болтовней.

Говоря о томъ, что мы, оставляя Москву, поручили раненыхъ великодушію побѣдителя, авторъ присовокупляетъ (p. 104): «Ничто не было такъ справедливо, хотя это и заявляло не-«признаніе прямодушія Французской арміи и сомнѣніе въ томъ.» Прекрасная фраза! но между тѣмъ авторъ умалчиваетъ о прямодушіи, въ слѣдствіе котораго нѣсколько тысячъ нашихъ плѣнныхъ были разстрѣляны, чему, въ своемъ мѣстѣ, я приведу всѣ данныя.

Описывая зданія Кремля, Г. Боссе называетъ колокольню Ивана Великаго (p. 120) мечетью (mosquée). Въ другомъ же мѣстѣ эта колокольня уже не просто мечеть, а мечеть съ крестомъ. Вотъ этѣ забавныя строки (p. 183): «Нѣсколько до выступ-«ленія изъ Москвы спустили съ колокольни Ивана Великаго крестъ,

«который возвышался на вызолоченныхъ куполахъ боль-«шой церкви,» (и присовокупляетъ): «безсчетное количество во-«ронъ собралось на купола, на которыхъ находился крестъ, «и своимъ продолжительнымъ карканьемъ, казалось, оплакивали «свою потерю и предвѣщали преждевременную зиму. Предвѣщаніе «это было болѣе чѣмъ справедливо.»

Описывая, по своему, битву на Чернишнѣ (р. 125), говоритъ, что битва эта происходила 5/17 Октября! Замѣчательно также выраженіе, когда авторъ говоритъ о ранѣ одного знакомаго ему Офицера: «Подлый, низкій, Казакъ (un vil Cosaque), однимъ ударомъ «своей пики, разбилъ ему ногу.» Подобные эпитеты, даваемые авторомъ Русскимъ, не рѣдкость въ его книгѣ, [36] Французамъ же эпитеты иные; такъ, на пр., когда они столпились у Смоленска, потерявъ всякій порядокъ, чего не можетъ скрыть и самъ Боссе, онъ говоритъ (р. 185): «Масса (толпа, бросившая оружіе) была «еще великодушна и полна жизни (!)», и присовокупляетъ (р. 186): «Я не говорю о Генералахъ и Офицерахъ всѣхъ чиновъ: это были «Французы, и этѣмъ все сказано (c'est tout dire).»

Событія при Малоярославцѣ Г. Боссе объясняетъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Онъ утверждаетъ, что Наполеонъ никогда не имѣлъ намѣренія ити на Калугу, или на Медынь, но появленіе его въ Малоярославцѣ было только одною военною хитростію, и что онъ вполнѣ успѣлъ въ томъ, разбивъ Кутузова и отбросивъ его на Калугу, и этѣмъ выигралъ нѣсколько маршей для своего отступленія. Объ этой сказкѣ я буду говорить подробно въ «Заключеніи.»

Описывая положеніе Французовъ, когда они достигли Смоленска (р. 144), говоритъ: «Преслѣдуемые двумя, или тремя, ста-

---

[36] Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе называть Казаковъ канальями (canailles). Капфигъ (t. IX, p. 418) говоритъ, что: «Бертье, Наполеонова обезьяна, употре-«бляетъ слово каналья, когда говоритъ о Казакахъ.» Но и самъ Капфигъ хорошъ! Вотъ какъ онъ описываетъ Платова (р. 417): «Онъ отличался отъ дру-«гихъ бѣлой длинной и почтенной бородой, орденомъ Св. Владиміра, звѣздой, сі-«ющей на его Калмыцкой куртцѣ, шитой золотомъ» и пр. А въ другомъ мѣстѣ (р. 416): «У Платова двадцать полковъ (plucks), каждый въ тысячу пять сотъ «человѣкъ.» И это — историкъ!

«ми тысячъ (каково хватилъ!), безпрерывно тревожимые Казаками, «избиравшими свои жертвы» и т. д. Онъ забылъ о сказанномъ имъ выше, что Русскіе никогда не могли догнать Французовъ, и что этому спасительному событію обязаны были Наполеону, который прогналъ Кутузова изъ Малоярославца, и тѣмъ выигралъ нѣсколько маршей. [37] Въ слѣдъ за помянутыми словами (p. 145) становится разстроганнымъ и говоритъ: «Какъ уничиженные изгнанники, вы«нужденные возвращаться чрезъ эту самую Россію, чрезъ эту са«мую Польшу и добрую Германію» и т. д., продолжаетъ грустить, не смотря на все мужество и храбрость своей, воспѣваемой имъ, арміи.

Наконецъ (p. 186) авторъ говоритъ: «Отъ Смоленска, въ «особенности послѣ бойни подъ Краснымъ, армія (Французовъ) «шла въ величайшемъ безпорядкѣ.» Она бросила ружья, всевозможнаго рода экипажи. Изображая эту ужасную картину въ самыхъ яркихъ краскахъ, авторъ вдругъ восклицаетъ: «Можно ли «назвать это трофеями? Мудрыя ли стратигическія соображенія «были причиною этого ужаснаго несчастія нашего? Нѣтъ! Воен«ная слава Русскихъ состояла въ томъ только, чтобы подбирать «огромные остатки, которые стужа и голодъ заставили насъ сло«жить на снѣгѣ. Если Русскіе брали у насъ плѣнныхъ, то это было «только между разсѣявшимися, безъ оружія, изнуренными, замер«завшими, до которыхъ безжалостныя оконечности Казачьихъ пикъ «достигали, по тому только, что этѣ Французы не были вооруже«ны, по тому что они сворачивали съ дороги, для отысканія себѣ «скудной пищи, которой и не было въ этѣхъ страшныхъ пусты«няхъ.» Каждое, здѣсь сказанное, слово могло бы легко быть опро-

---

[37] Въ другомъ мѣстѣ (p. 185) пишетъ, что этотъ выигрышъ дозволилъ имъ «про«вести четыре дня въ Смоленскѣ, не бывъ тревожимы непріятелемъ» (!). Это замѣчательно; ибо, по его же словамъ, вмѣстѣ со всѣми другими повѣствователями, видно, что, начиная отъ Колоцкаго монастыря, и даже ранѣе, наши войска окружали Французовъ. Въ Вязьмѣ, Кутузовъ, со всею арміей находился въ десяти верстахъ въ сторонѣ и подкрѣпилъ пѣхотные корпуса кирасирами, которые, само собою разумѣется, въ авангардѣ быть не могли. Въ Дорогобужѣ и до самаго Смоленска одни Казаки не могли распространить ужаса въ рядахъ Великой Арміи. Самъ авторъ говоритъ о разрушеніи на Вопѣ Италіянской арміи. Развѣ все это не совершившіеся факты? Не продолжаю болѣе.

вергнуто, но авторъ такъ снисходителенъ, что избавляетъ отъ этого труда, взявъ оный на себя; ибо, въ слѣдъ за послѣдними словами, онъ спѣшитъ сказать: «Одно имя Казаковъ, даже и тогда, «когда ихъ вовсе не было, внушало внезапный и безотчетный «ужасъ. Я видѣлъ болѣе двадцати тысячъ сбившихся въ толпу, и «при восклицаніи: «Вотъ Казаки!» обращавшихся отъ страха и «ужаса въ бѣгство» и т. д. Чтобы достигнуть возможности производить такое впечатлѣніе на героевъ, каковыми Г. Префектъ Боссе, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, представляетъ своихъ Французовъ, недостаточно было одного подбиранія замерзавшихъ по сторонамъ дороги!

Далѣе (p. 190) авторъ, говоря, что Русскіе отсылали плѣнныхъ въ Сибирь, какъ преступниковъ, присовокупляетъ: «Франція «обходилась лучше съ тѣми, которые въ эту безсмертную кампа«нію были взяты въ плѣнъ на полѣ битвы.» Авторъ могъ бы очень легко обойтись безъ этой фразы, въ особенности, когда это великодушіе, приписываемое имъ своимъ соотечественникамъ, торжественно опровергается такими же, какъ и онъ, историками, которые повѣствуютъ, что, начиная отъ Москвы, и не безъ вѣдома Наполеона, умерщвляли на каждомъ шагу Русскихъ плѣнныхъ, которыхъ вели съ собою нѣсколько тысячъ, а въ Дорогобужѣ въ одинъ разъ порѣшили со всѣми, еще остававшимися. [38]

За симъ, конечно, слѣдуетъ сочиненіе одного Французскаго Камергера, подъ громкимъ названіемъ: «L'Empire ou dix ans sous Napoleon» (Имперія или десять лѣтъ при Наполеонѣ). Въ книгѣ этой, между прочимъ (t. IV, p. 16), читаемъ: «Первая Рус«ская армія была разбита, травлена (traquée).» Какъ будто Русскіе—воры, разбойники, или звѣри, противъ которыхъ дѣлалась облава и Французы на нихъ охотились! Авторъ продолжаетъ:

---

[38] Несравненно большая часть этѣхъ несчастныхъ захвачена была въ Москвѣ по подозрѣнію въ зажигательствѣ и мародерствѣ. Всѣ они были отправлены изъ Москвы прямо въ Можайскъ, за тѣмъ плѣнные въ Малоярославцѣ, Вязьмѣ и другихъ до Дорогобужа мѣстахъ, присоединены были къ помянутымъ и раздѣлили вмѣстѣ участь, т. е., подпали подъ великодушіе непріятеля. Въ «Заключеніи» посвящаю цѣлый параграфъ этому событію, почерпнутый изъ иноземныхъ историковъ.

«Преслѣдуемая въ упоръ (l'épée dans les reins), искала отступить «на Смоленскъ. 5-го Сентября (24 Августа), въ Можайскѣ, про- «изошла та великая битва, которую назвали Московскою. 11-го «Сентября, мы (т. е., Французы) вступили въ Москву» и т. д.

Жалкій Камергеръ! Къ чему было браться писать о предметѣ, о которомъ онъ едва ли читалъ; ежели же слышалъ о немъ, то у него все, даже самыя числа, перепутаны, на примѣръ: Бородинская битва была дана не 5-го, а 7-го, и она-то и была названа Московскою, а въ Можайскѣ было дѣло между нашимъ арріергардомъ и авангардомъ Французовъ не 6-го, а 8-го ч. и утромъ 9-го и т. д. Французы вступили въ Москву не 11-го, а 14-го. Наполеонъ же въѣхалъ 15-го. Какова исторія!

За симъ описаніе пребыванія въ Москвѣ и отступленія пополнено громкими фразами безпрерывнаго тріумфа надъ Русскими, перепутаннаго съ описаніемъ разстройства и деморализаціи Французской арміи, лишеній, ужаса, наводимаго Казаками на героевъ, составлявшихъ полчища Наполеона, такъ что одна строка противорѣчитъ другой, и наконецъ (p. 33) Наполеонъ у него вездѣ побѣдитель, не передаетъ уже приказаній ни Мюрату, ни Бертье, какъ это скажетъ далѣе Гюго, но «самъ лично располагаетъ свою побѣдоносную армію на зимнія квартиры,» и тогда уже только уѣзжаетъ въ Парижъ! А въ слѣдъ за симъ авторъ приводитъ 29-й бюллетень, конечно, имъ не прочтенный, ибо документъ этотъ совершенно противорѣчитъ всему тому, что авторъ говоритъ объ арміи.

Послѣ повѣствованія о подвигахъ этой арміи, «самимъ Наполеономъ расположенной на зимнія квартиры,» чрезъ нѣсколько строкъ Г. Камергеръ, забывъ все, что онъ сказалъ, описываетъ (p. 38, 39) начало 1813 года (когда Русскіе предприняли выступленіе изъ границъ своихъ для дальнѣйшаго преслѣдованія Французовъ и продолженія войны), слѣдующимъ образомъ: «Съ «приближеніемъ одного изъ тѣхъ разрушительныхъ бичей, нака- «зывающихъ народы, носились, такъ сказать, въ воздухѣ, подъ «свинцовымъ небомъ, міазмы грусти. Какая противоположность «(восклицаетъ Камергеръ) съ прошедшимъ! Въ то время миръ слѣ- «довалъ за славой, а въ 1813 году и въ виду его не было, и ве-

«личайшая армія новѣйшихъ временъ была истреблена.[39] «Слава стоила дорого, и такъ какъ она была безъ послѣдствій, «то и могла быть оспариваема.» Что за безсмысленный наборъ словъ!

За помянутыми двумя, слѣдуетъ Норвенъ, жизнеописатель Наполеона, сочиненіе котораго имѣло, до 1837 года, уже семь изданій. Книга эта одинаково замѣчательна познаніемъ описываемаго предмета. У него, на примѣръ (p. 324), при исчисленіи нашихъ Генераловъ, Орловъ-Денисовъ раздѣленъ на два лица, на Орлова и на Денисова, и такъ продолжается вездѣ, гдѣ только о немъ упоминается, тогда какъ подвиги Графа въ Отечественную войну были довольно громки, чтобы безошибочно знать его имя. Желательно было бы видѣть, какъ бы Французы разразились, если бы мы, варвары, раздѣли Графа Шуазель-Гуффье на Шуазеля и Гуфье[40] Повѣствованіе Норвена о Малоярославцѣ исполнено нелѣпостей, фразъ, лжи и хвастовства въ высшей степени; однако же, не смотря на все это, выходитъ, что Французамъ не удалось, и они вынуждены были бѣжать,[41] присовокуп-

---

[39] Значитъ, что это послѣдовало на зимнихъ квартирахъ, или по выступленіи изъ оныхъ; но авторъ не говоритъ, чтобы послѣ сего она была побѣждена до истребленья. Главное то, что эта побѣдоносная армія располагалась на зимнихъ квартирахъ въ Россіи, начиная отъ Малоярославца до Нѣмана, гдѣ и предпочла не оставлять ихъ, а успокоить себя на вѣки, избавивъ Наполеона, Мюрата и Бертье отъ заботъ этой дислокаціи!

[40] Подобная точность у Французскихъ историковъ не рѣдкость; такъ, на пр.: Баронъ Фенъ, въ своемъ манускриптѣ 1812 г. (t. I, p. 439), говоря о прибытіи къ арміи нашего Главнокомандующаго, Кутузова, называетъ его Рыминскимъ: «Golonitcheff-Kutusoff-Rimniskoi.» Такое невѣжество и вообще изуродованіе именъ господствуетъ у Французовъ. Приводить это было бы и излишнимъ трудомъ и заняло бы, пожалуй, столько же мѣста, какъ и самая книга. Самъ Шамбре (t. II, p. 88) утверждаетъ, что Тула отъ Калуги отстоитъ на одинъ переходъ! И это онъ говоритъ именно тогда, когда вдается въ стратегическія разсужденія!! И много тому подобнаго.

[41] Вольдендорфъ (Obsesrv. p. 63) приводитъ письмо Герцога Бассано (Марета) изъ Вильны къ Баварскому Генералу, Графу Вреде, въ которомъ извѣщаетъ его, что онъ получилъ изъ Вереи, отъ 5/27 Октября письмо отъ Наполеона, въ которомъ сказано: «Армія имѣла многія прекрасныя битвы. Вице-Король въ блистатель-

ляя еще къ этому (p. 331), что Казаки докучали имъ, нападая на обозы и были до того дерзки, что не пощадили и обоза Вице-Короля! «Всѣ эти оскорбленія (insultes) были сильно отражены» (около Гжатска).

Не смѣшно ли слово «оскорблять?» Такъ выразиться можетъ только Французъ, въ особенности же когда, чрезъ нѣсколько дней, этѣ «insultes» Казаковъ, «оскорбили обозы,» не только Вице-Короля, но и самаго Императора! Заключу и этѣ замѣчанія еще однимъ забавнымъ разсказомъ Г. Норвена. Описывая, какъ наши крестьяне расправлялись съ Французами, авторъ упрекаетъ ихъ въ неблагодарности, или непризнательности, къ Наполеону, который (p. 335) «хотѣлъ ихъ освободить, «а они нападали на Французовъ и истребляли ихъ.» Дѣйствительно, варвары!

Галлуа, также въ «Исторіи Наполеона» (II part., p. 437): «Въ Смоленскѣ Французы нашли двѣсти пушекъ и мортиръ «большаго калибра». И конечно, не увезли этого вымышленнаго количества трофеевъ! У автора (p. 448), не Мортье взрываетъ Кремль, а Макдональдъ, находившійся подъ Ригой .. «Отступленіе Русскихъ изъ подъ Малоярославца было такъ торопливо, что они бросили двадцать пушекъ въ рѣку! и т д. [42]

«номъ дѣлѣ овладѣлъ Малоярославцемъ $^{13}/_{25}$ Октября (битва была $^{12}/_{24}$) и Русскіе «потеряли отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ.» Такъ морочитъ всю Европу Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, на основаніи сообщеній самаго повелителя. Здѣсь замѣчательно то, что послѣ занятія Москвы не было другихъ дѣлъ, кромѣ обычныхъ столкновеній нашего арріергарда съ авангардомъ Французовъ. Единственнаго же дѣла на Чернишнѣ Наполеонъ не могъ называть блистательнымъ, ибо Мюратъ потерялъ половину своей артиллеріи и прогнанъ до Спасъ-Купли. Что же относится собственно до Малоярославца, то самое письмо изъ Вереи оцѣняетъ его, ибо до Вереи бѣгство уже началось. Въ «Corresp. de Napoleon» (t. VII) собраны всѣ сношенія Марета изъ Вильны съ иностранными Дворами. Любопытны усилія его обморачивать ихъ въ то уже время, когда Наполеонъ бѣжалъ, потерявъ свою армію. Врочемъ, дипломація болѣе или менѣе основана на обманѣ.

[42] Малоярославецъ очень занимаетъ всѣхъ вообще Французскихъ повѣствователей: это очень естественно, ибо здѣсь положенъ былъ предѣлъ двадцатилѣтнему ихъ

Кастельверъ, въ «Военныхъ Меморіялахъ Франціи», изданныхъ уже въ 1846 году, наполнилъ книгу свою подобными выходками. Замѣчу одну, которой изложенье, по важности своей, дастъ понятіе о прочемъ (р. 275): «Наполеонъ избѣгаетъ «Барклая (!) и идетъ чрезъ Витебскъ и Смоленскъ въ Москву» и т. д.

Гюго, въ «Жизнеописаніи Наполеона,» книгѣ, изданной уже въ 1837 году, исчисляя мѣста, при которыхъ Наполеонъ всегда насъ разбивалъ (р. 373), называетъ ихъ: «Островно, Витебскъ,» тогда какъ при послѣднемъ рѣшительно ни какой битвы не было, а между нашимъ арріергардомъ и Французскимъ авангардомъ происходила битва въ Островнѣ, а не въ Витебскѣ; но это второстепенное, а вотъ что далѣе (р. 376). Приступая къ описанію Бородинской битвы, авторъ говоритъ: «Русская армія «была расположена за Москвой рѣкой, правый флангъ примыкалъ «къ Бородину, лѣвый къ Колочѣ» (!!!!). Расположить такъ армію никто не умудрится, стоитъ только взглянуть на карту. [43] Такъ вѣрно описываетъ Г. Гюго главнѣйшее событіе кампаніи! На

движенію впередъ, а потому чего-то они не пишутъ о событіяхъ при этомъ годѣ! Нѣкоторые вдаются даже въ географическія и этимологическія разысканія; такъ, напр., Полковникъ Комбъ, издавшій объ этой войнѣ, уже въ 1853 году, Записки свои, между прочимъ (р. 139), говоритъ: «Малоярославецъ, маленькій городокъ по Французски, село Розановъ (village de Roses), лежитъ на возвышеньи; былъ защищаемъ рѣкой Окой, которая есть одинъ изъ рукавовъ Москвы рѣки.» (!!). Замѣчательно также и то, что почти всѣ историки о кампаніи 1812 года, говоря о Бѣлоруссіи и Литвѣ, называютъ тамошнихъ лошадей конями (konia)! А удивительнѣе, что Графъ Солтыкъ также пишетъ. Одинъ Французскій путешественникъ-историкъ, описывая Россію, между множествомъ нелѣпостей, говоритъ о собакахъ: «C'est une espèce des chiens, qu l'on noment «dans le pays sabaki et qui ont une grande ressemblanse avec les chiens de nos «pays.» Точно тоже и «espèce des cheveaux, que l'on noment konia!» Но то ли еще встрѣчается въ прогрессѣ просвѣщенья Французовъ по этому предмету! Стоитъ только заглянуть въ ихъ историческія и географическія книги, или, по крайней мѣрѣ, въ большую часть изъ нихъ.... Лѣтъ за десять предъ симъ, одинъ путешественникъ по Россіи, разоблаченный въ Сѣв. Пчелѣ, говорилъ о нашихъ морозахъ: «они такъ, по его словамъ, сильны, что отъ нихъ замерзаютъ глаза, но въ теплой избѣ они принимаютъ прежнія свойства.»

[43] Пусть глупитъ такъ этотъ Гюго.... но Канфигъ!! Онъ, изображая Бородинскую позицію (t. IX, p. 269), говоритъ, что село Бородино составляетъ лѣвый флангъ

стр. 378 уморительный его взглядъ на религіозный обрядъ Русскихъ, совершенный на канунѣ битвы. На стр. 383 говоритъ: «Разбитая на всѣхъ пунктахъ Русская армія, въ пять часовъ ве«чера была въ полномъ отступленіи по Можайской дорогѣ на Москву,» и въ слѣдъ за симъ: «Кутузовъ воспользовался ночью, «чтобы совершенно очистить поле битвы» и т. д. Какъ же согласовать это? Вся книга составлена съ такою безотчетливостью. Заключу, однако же, слѣдующимъ (р. 399): «Лишь только Импе«раторъ увидѣлъ свою армію внѣ опасности отъ непріятеля, «которому много содѣйствовала суровость времени года, онъ не«медленно уѣхалъ въ Парижъ, поручивъ Мюрату и Бертье распо«ложить ее на зимнихъ квартирахъ.» Замѣчательнѣе же всего, что все это сказано тотчасъ по приведеніи вполнѣ 29-го Бюллетеня, дающаго ясное понятіе объ арміи и т. д. Во всякомъ, однако же, случаѣ Г. Гюго былъ скромнѣе вышепомянутаго Камергера, который приписалъ «расположеніе арміи по зимнимъ квартирамъ самому Наполеону.»

Пусть историки-компиляторы безъ всякаго стыда пишутъ и выставляютъ свое невѣжество на судъ публики, которая, въ свою очередь, не возражаетъ противъ лжи, недостатковъ, безпрерывныхъ самому себѣ противорѣчій, по тому что сочиненія этѣ, испещренныя фразами, льстятъ самолюбію читающихъ Французовъ о подвигахъ своихъ соотечественниковъ. Но эта слабость, это самообольщеніе, болѣе или менѣе встрѣчается и у историковъ, учавствовавшихъ въ войнѣ 1812 года, и фразы, разсыпаемыя ими въ историческомъ текстѣ, разительно противорѣчатъ одна другой. Шамбре, Лабомъ, Фенъ, Дюма, Пеле, Шапюи, Сегюръ и др., подчинены этой страсти, и у нихъ встрѣчаются тѣ же необходимыя выходки, какъ, на пр., у Генерала Фезензака, который, какъ участникъ, описывая битву при Малоярославцѣ (р. 74), говоритъ: «Въ этой блистательной битвѣ выигрышъ

Русскихъ! Здѣсь онъ не ошибается въ названіи, ибо пишетъ «granbourg,» чего о Семеновскомъ или Утицѣ сказать нельзя. Далѣе путаетъ еще болѣе: у него Бородино занято то войсками Принца Карла Мекленбургскаго, то гвардейскими егерями, то Принцъ Карлъ защищаетъ дорогу въ Калугу! Корпуса Багговута и Остермана составлены изъ отборныхъ (élite) войскъ и т. д., и т. д. Словомъ, какъ говорится, валяетъ съ плеча.

«остался за Французами, не смотря на ихъ меньшую числитель-«ность противъ непріятеля.» И, въ слѣдъ за этой «блистательной» побѣдой, продолжаетъ, что Французы, не успѣвъ открыть себѣ путь, прегражденный имъ въ Малоярославцѣ, вынуждены были начать отступленіе по той самой дорогѣ, по которой они пришли въ Москву и которая была совершенно разорена, и съ самаго Малоярославца начинаетъ описывать въ сильно яркихъ краскахъ плачевное состояніе своей арміи!

Въ «Запискахъ къ Исторіи Войны» и пр., сочиненіи серіозномъ, писанномъ Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба, [1] въ которомъ отчетливо и правильно говорится о многомъ, сочинитель оговаривается фразами подобнаго рода (t. I, p. 269): «Та-«ковы побѣды Русскихъ, которыя обманули Европу своими лжи-«выми реляціями, и хвастались, что мужествомъ своимъ истребили «армію, которая постоянно ихъ била,» и пр. Вотъ въ какомъ духѣ описаны всѣ частности. Я имѣлъ случай выше не разъ указывать на этого повѣствователя. Забавенъ въ этомъ отношеніи и Буржуа, также участникъ кампаніи: оба разсказываютъ многіе эпизоды очень вѣрно, но потомъ удовлятворяютъ себя и свою публику фразами, совершенно искажающими ими же самими, какъ очевидцами, сказанное. Не говоря о путаніи и извращеніи именъ нашихъ Генераловъ, они многихъ, по усмотрѣнію своему, убиваютъ, а въ послѣдующихъ эпизодахъ убитые ими уже воскресли и опять дѣйствуютъ до самаго Парижа, и т. п.

Впрочемъ, и самъ Наполеонъ не былъ чуждъ этой слабости искажать истину. Всѣ повѣствователи, имѣющіе вѣсъ въ историческомъ отношеніи, не смотря на всю преданность свою къ Наполеону, не могутъ скрыть его наклонности омрачать правду. Содержаніе Бюллетеней Великой арміи вошло во всеобщую поговорку, и когда хотятъ сказать о лжецѣ, говорятъ: «онъ лжетъ, «какъ Бюллетень! (Il ment comme un bulletin).»

Вотъ, въ заключеніе, одинъ изъ тысячи образчиковъ скромности Наполеона. Дю-Кассъ (p. 238) приводитъ одно письмо На-

---

[1] «Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, par «un officier de l'état major de l'armée française. Paris 1817, in 4°, 2 v.» Со множествомъ картъ и плановъ.

полеона, отъ 6/18 Генваря, 1813 года, написанное имъ къ брату своему, Іерониму, Королю Вестфальскому, вскорѣ послѣ того, какъ онъ ушелъ изъ Россіи. Въ письмѣ этомъ Наполеонъ, описывая отступленіе 1812 года, между прочимъ говоритъ: «Вашему Ве«личеству извѣстно изъ обнародованныхъ донесеній о побѣдахъ, «одержанныхъ мною надъ Русской арміей; я ни разу не встрѣ«чалъ ее, чтобы не разбить: ея конница, ея пѣхота вообще ока«зали себя съ дурной стороны. Ея Казаки одни хорошо дѣйство«вали въ родѣ войны, къ которому они сродны. Послѣ битвы «Смоленской и Бородинскаго сраженія, я вступилъ въ Москву» и пр. Всѣ письма составлены точно въ такомъ же духѣ. И отъ чего же у насъ не выставляютъ всего этого наружу, въ настоящемъ свѣтѣ?

ГЛАВА II.

РУССКІЙ СОЛДАТЪ.

Выше (отд. II, гл. 2) упомянуто, что Генералъ Бертезенъ, Тьеръ и многіе другіе находили смѣшнымъ, что Кутузовъ, на канунѣ Бородинской битвы, приказалъ въ лагерѣ исполнить нѣкоторые религіозные обряды, съ цѣлью, будто бы «возбудить въ Русскомъ солдатѣ храбрость» къ предстоящей битвѣ! Не понимая религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ Православныхъ,[45] они какъ бы приписываютъ этому обстоятельству мужество, оказанное Русскими при Бородинѣ, о которомъ они сами и вообще всѣ другіе разсказываютъ въ своихъ повѣствованіяхъ.

Русскій солдатъ никогда не имѣлъ надобности въ возбужденіи его храбрости, какъ это дѣлается у другихъ, и въ особенности у Французовъ, которымъ на канунѣ, или предъ битвой, читаются приказы, взывающіе къ ихъ обязанностямъ и храбрости. У насъ такія воззванія чрезвычайно рѣдки, и если это было сдѣлано предъ Бородинскою битвой, выходившей изъ круга обыкновенныхъ особенностью обстоятельствъ, приказъ нашего Главнокомандующаго долженъ былъ показаться непріятелямъ чѣмъ-то чрезвычайнымъ, тогда какъ они сами у себя свыклись съ подобными воззваніями, и мы не обращали тогда ни какого вниманія на приказъ, читанный войскамъ предъ битвой, по утру 26-го Августа. Какая же противоположность была между обоими этѣми воззваніями? Намъ говорили о долгѣ отстаивать отечество, а не-

---

[45] Отвергая это, они сами были далеки отъ неисполненія нѣкоторыхъ обрядовъ, преимущественно служенія торжественныхъ молебновъ за одерживаемыя Наполеономъ I побѣды, иногда даже мнимыя.

пріятелю: чтобы онъ дрался храбро, иначе ожидаетъ его голодная смерть! Французы очень хорошо знаютъ, что ни предъ Пултускомъ, ни предъ Прейсишъ-Эйлау, у насъ такихъ приказовъ отдаваемо не было, а между тѣмъ Наполеонъ, на островѣ Св. Елены, отдаетъ даже преимущество тогдашнимъ солдатамъ предъ Бородинскими. Относительно же религіознаго обряда, такъ какъ Русскіе, рѣшившись отстаивать на поляхъ Бородина святое дѣло, обрекали себя на смерть, что они доказали своимъ самоотверженіемъ, по повѣствованію всѣхъ авторовъ, и въ томъ числѣ Бертезена и Тьера, то исполненіе священнаго обряда становилось для каждаго необходимостью, точно такъ, какъ и Французъ, на одрѣ смерти, ищетъ совершить долгъ Христіянина. Въ послѣднее время видимъ, что и самъ Кавуръ призвалъ въ этомъ случаѣ Священника. Слѣдовательно, такая выходка Генерала Бертезена, Тьера и другихъ, неумѣстна.

Доблести Русскаго солдата давно извѣстны: Варнери, Генералъ Прусской службы, писавшій около 1771 года,[46] говоритъ: «Русскіе имѣютъ своихъ природныхъ Генераловъ, кото«рые блистали бы въ арміяхъ цѣлаго свѣта,»[47] и присовокупляетъ: «Русскій солдатъ не имѣетъ себѣ подобнаго.» Французъ Волней, въ извѣстномъ сочиненіи «О современной Турец«кой войнѣ,» въ началѣ 1788 г., говоря о Русскихъ войскахъ, присовокупляетъ: «Въ Семилѣтнюю войну, въ Пруссіи, они «пріобрѣли своими побѣдами репутацію вторыхъ войскъ въ Европѣ.»[48] Самъ Фридрихъ Великій, въ ту же самую войну, по-

---

[46] «Remarques sur le milit. des Turcs etc. Breslau 1771.»

[47] Еще въ Семилѣтнюю Войну, Фридрихъ Великій, разбирая дѣйствія нашихъ Генераловъ, обратился къ своей свитѣ и сказалъ: «Остерегайтесь, сколько можно, этого Румянцева!» Послѣ же Кагула, великій полководецъ-Государь приказывалъ накрывать у себя столъ всегда однимъ приборомъ больше, и не позволялъ никому занимать ближайшаго подлѣ себя стула. Когда спросили его о причинѣ сего, Король отвѣчалъ: «Оставляю мѣсто для друга моего, Ру«мянцова, котораго хотя и нѣтъ, но я какъ бы всегда ожидаю его, «оставляя ему мѣсто и предлагая ему хлѣбъ и соль.»

[48] Кого же Волней считалъ тогда первыми: Прусаковъ, или своихъ соотечественниковъ, Французовъ?

читаетъ Русскія войска опаснѣйшими изъ всѣхъ, противъ которыхъ онъ долженъ былъ бороться, присовокупляя, что «Русскихъ можно разбить, но не побѣдить; для побѣды надъ «ними надобны два дѣйствія: сначала убить солдата, а потомъ убитаго свалить съ ногъ!» Слова, повторенныя въ послѣдствіи какимъ-то другимъ знаменитымъ военачальникомъ. Костюшко и Блюхеръ выражались на счетъ непоколебимой стойкости Русскаго солдата еще съ большею энергіей. Наполеонъ, независимо отъ многихъ отзывовъ, сдѣланныхъ имъ о Русскихъ войскахъ въ продолженіе войны, въ Запискахъ своихъ, писанныхъ на островѣ Св. Елены, называетъ ихъ войскомъ очень храбрымъ. Говоря же о легкихъ войскахъ вообще, онъ, между прочимъ, отзывается о нашихъ Казакахъ слѣдующимъ образомъ. [1]

«Самъ онъ (Казакъ), красивый сбою, кроткій, ловкій, хит-«рый, хорошій всадникъ, неутомимъ; онъ рожденъ на лошади и «образовался въ войнѣ, на равнинахъ онъ то же, что бедуинъ въ «степяхъ, барбетъ (barbet) въ Альпахъ, онъ не входитъ никогда «въ домъ, не спитъ въ постелѣ, всегда перемѣняетъ бивакъ свой «съ закатомъ солнца, чтобы не проводить ночи на томъ мѣстѣ, «гдѣ непріятель могъ замѣтить его днемъ» и т. д.

Наслѣдный Принцъ Шведскій (Бернадотъ), въ послѣдствіи Король, сражавшійся противъ Русскихъ, а потомъ предводительствовавшій ими, имѣлъ возможность оцѣнить высокія качества Русской арміи: отзывы его и отдававшіеся имъ Бюллетени по Сѣверной арміи, неоднократно свѣдѣтельствовали это. Въ 20-мъ Бюллетенѣ (4 Октября, 1813 года, въ Бернбургѣ) сказано о Казакахъ: «Эти безстрашные люди не только служатъ глазами для «арміи, но еще сражаются въ линіи, разсѣваютъ эскадроны, ата-«куютъ карреи, переплываютъ на лошади рѣки, и являются въ «тылу непріятельской арміи, гдѣ распространяютъ страхъ и без-«порядокъ.»

Въ сраженіи подъ Денневицемъ, сей Принцъ, будучи свѣдѣтелемъ, что артиллеристы отъ шести орудій, конной роты Полковника Арнольди, пошли въ атаку и взяли двѣ пушки, снялъ

[1] Mém. de Napoleon. par le c. Montholon. Édit. de Paris. 1823 (t. I, p. 262).

шляпу и, поклонившись канонирамъ, сказалъ: «Много я испыталъ «чудесъ въ войнѣ, но не видалъ артиллеріи, берущей орудія у «пѣхоты,» и потомъ, возвысивъ голосъ, прибавилъ: «у пѣхоты «Французской!» Оканчивая этѣмъ выписки о доблестяхъ Русскаго солдата въ другихъ войнахъ, обращусь къ войнѣ 1812 года, и приведу нѣсколько отрывковъ изъ Французскихъ писателей, независимо отъ тѣхъ, которые вошли въ разныя другія главы.

Прадтъ (p. 215), описывая неожиданный пріѣздъ Наполеона изъ Россіи въ Варшаву, говоритъ: «Императоръ, остановив«шись въ Англійской гостинницѣ, вызвалъ къ себѣ своего По«сланника, Епископа Прадта, Графа Потоцкаго и Министра Финан«совъ. Разговаривая съ ними, онъ хвалился, что вездѣ билъ Рус«скихъ, присовокупляя: «это не Фридландскіе и Эйлаускіе сол«даты. Нынѣшніе не могутъ противустоять намъ. У меня еще пре«красная армія, въ сто двадцать тысячъ человѣкъ.»

Положеніе, въ которомъ тогда находился Наполеонъ, могло заставить его говорить все то, что приведено выше, но нельзя не удивляться, что, четыре года спустя, онъ говоритъ то же.

О' Меара (t. I, p. 201) передаетъ разговоръ свой съ Наполеономъ на островѣ Св. Елены. На вопросъ его о сравнительномъ достоинствѣ солдатъ: Русскихъ, Прусскихъ и Нѣмецкихъ, Наполеонъ отвѣчалъ: «Солдаты измѣняются: они бываютъ въ одинъ «день храбры, а въ другой трусы. Я видѣлъ Русскихъ при Эй«лау совершавшими чудеса мужества: это были все герои. При «Бородинѣ, окопавшись неодолимымъ образомъ, въ числѣ 250,000 «человѣкъ, допустили меня съ 90,000 разбить себя.» [50]

Въ разныхъ другихъ мѣстахъ одинаково отдаетъ онъ справедливость мужеству Русскихъ солдатъ, но, само по себѣ разумѣется, вездѣ ихъ бьетъ; непонятно только, по чему онъ отдаетъ преимущество солдатамъ Аустерлица и Эйлау предъ Бородинскими, о которыхъ всѣ отзываются самымъ блистательнымъ образомъ.

---

[50] Объ этой числительности, такъ безразсудно данной, было говорено въ своемъ мѣстѣ.

Бюржинe, говоря о защитѣ Смоленска, присовокупляетъ (p. 297): «Русскій умираетъ съ неустрашимостью на томъ самомъ «мѣстѣ, на которомъ начальникъ его приказалъ ему умереть.»

Капфигъ, описавъ событія при Смоленскѣ, при передовомъ движеніи Наполеона (t. IX, p. 252), присовокупляетъ: «Русскіе «умираютъ въ битвахъ, и ихъ баталіоны не просятъ пощады.» Далѣе (p. 263), говоря о Бородинской битвѣ: «Московское ополче«ніе горѣло желаніемъ схватиться съ непріятелемъ, солдаты — въ «продолженіи только нѣсколька дней: оно рвалось умереть за отечество.» [51]

Шамбре, дѣлавшій всю кампанію 1812 года и послѣдующія (t. II, p. 476), замѣчаетъ: «Храбрость Русскаго солдата не такъ «стремительна, какъ солдата Французскаго; это, если я могу такъ «выразиться, храбрость самоотреченья, а у рекрутъ она можетъ «быть еще выше, чѣмъ у старыхъ солдатъ; но эти послѣдніе пред«почтительнѣе, по тому, что знаютъ свое дѣло. Въ Россіи нужно «много времени, чтобы образовать солдата, а по тому рекруты, «прибывшіе къ Кутузову, были еще очень неловкими.»

Однако же они справились, и самъ же Маркизъ этотъ, въ другомъ мѣстѣ (t. II, p. 81) говоритъ: «Я долженъ присовокупить, «что Кутузовъ былъ бы совершенно разбитъ, безъ мужества и «упорства, съ какими Багратіонъ защищалъ редуты.»

---

[51] Кнезебекъ, Прусскій Посланникъ при нашемъ Дворѣ, въ депешѣ своей Королю, отъ $^{11}/_{23}$ Марта, 1812 года, предсказываетъ совершившіяся въ послѣдствіи событія. Онъ говоритъ (Corresp. ined. de Napoleon, t. VII, p. 446): «Русскіе «вообще храбры, и нація, аттакованная въ своихъ предѣлахъ, народная масса, «подвигаемая Священниками, какъ это, конечно, будетъ, тогда война можетъ «принять характеръ народной и религіозной борьбы; она будетъ продолжительнѣй «той войны, которую бы Александръ предпринялъ вести внѣ своихъ границъ.» Пишутъ, что Талейранъ говорилъ Наполеону, когда онъ замышлялъ экспедицію въ Россію: «Не троньте медвѣдя въ его берлогѣ!» Патріархъ дипломатовъ лучше своего Императора зналъ неунывающій духъ нашего народа. Шамбре (t. II, p. 144) говоритъ, что когда въ Петербургѣ узнали о занятіи Москвы и начали отправлять по Невѣ къ Ладожскому озеру архивы и драгоцѣнности, присовокупляетъ: «Но отъ сего не послѣдовало утраты духа, а удвоили усилія и пожертвованія — для пораженія врага.»

Генералъ Сарразенъ (p. 149) говоритъ: «Кутузовъ показалъ, «что онъ опытный полководецъ; Русская армія поддержала его «репутацію.»

Генералъ Вильсонъ (p. 19) говоритъ о героическомъ мужествѣ арміи и народа. Въ другомъ мѣстѣ (p. 108): «Эти войска со«ставляютъ армію, которая храбростью не уступаетъ ни одной «другой и не имѣетъ себѣ подобной въ перенесеньи трудовъ по«хода, голода и окрѣплости въ лишеніяхъ физическихъ, измѣне«ніи климата.

Генералъ Пеле (p. 121), описывая худо расположенную армію нашу подъ Бородинымъ, присовокупляетъ: «Укрѣпленія были «худо расположены. Единственное достоинство оныхъ заключа«лось въ слѣпой храбрости тѣхъ, которые должны были «защищать ихъ.»

Генералъ Баронъ Жомини (t. II, p. 229): «Всѣ битвы, ко«торыя даваемы были Французами Русскимъ, въ продолженіе ше«сти лѣтъ (съ 1805), были сильно оспариваемы; чего же должно «ожидать отъ усилій, которыя они окажутъ подъ стѣнами Мо«сквы?»

Унгеръ, участникъ въ битвѣ (p. 112): «Русская конница, «распредѣленная впереди во время атаки Французами, сдѣлала «также многія атаки. Она овладѣла многими Французскими бата«реями, но потеряла ихъ, исключая десяти пушекъ» и пр. Далѣе (p. 114) онъ говоритъ: «Славная защита, которую Русскіе про«тивопоставили числительнѣйшимъ усиліямъ Французовъ, была «частью дѣломъ Русской конницы. Она попеременно сражалась и «съ успѣхомъ противъ конницы, пѣхоты и артиллеріи, какъ это «видно изъ свѣдѣтельства обѣихъ сторонъ.» [52]

Полковникъ Шапюи, описывая Бородинское сраженіе, между прочимъ (p. 594) говоритъ: «Борьба была такая ужасная, что

---

[52] Унгернъ написалъ о конницѣ чресвычайно глубокомысленное сочиненіе. Въ немъ онъ описываетъ и критически разбираетъ обходъ Уварова и Платова и вообще дѣйствія Кутузова подъ Бородинымъ.

«самые старые солдаты не помнятъ, чтобы они когда ни будь ви-«дѣли столько отваги съ одной стороны и неустрашимой обороны «съ другой. Атакующіе были достойны тѣхъ, которые защища-«лись. Худыя распоряженія Кутузова при размѣщеніи арміи, безъ «замѣчательной храбрости его войскъ, его распоряженія при пер-«вомъ началѣ битвы содѣлались бы для него пагубными.»—«Вели-«кое упорство (р. 559) со стороны Кутузова, который такимъ «образомъ выкупилъ свои ошибки. Ни минуты не сомнѣвался въ «мужественной оборонѣ своихъ войскъ, онъ содѣлалъ свое разби-«тіе не столь чувствительнымъ.»

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. de 1812» (t. II, p. 15), сказавъ о составленіи Наполеономъ превосходной диспозиціи, по которой, натискомъ на нашъ лѣвый флангъ, наша армія была припе-рта въ уголъ сліянія Колочи съ Москвой рѣкой, и тутъ принуж-дена положить оружіе, [53] присовокупляетъ: «Успѣхъ въ этомъ былъ «бы несомнѣннымъ противъ другихъ войскъ, менѣе воинствен-«ныхъ, нежели Русскія, и противъ вождя не столь упорнаго, какъ «Кутузовъ.»

Ограничиваюсь этѣми выписками; ибо въ эпизодахъ Бородин-ской битвы мужество Русскихъ, иноземными же повѣствователя-ми, несравненно ярче выказано. Но нельзя здѣсь не замѣтить, что, независимо отъ того, что всѣ Славянскія племена имѣютъ болѣе или менѣе врожденныя свойства положительной храбрости, не мо-жетъ быть, чтобы въ этомъ случаѣ и устройство арміи къ тому не содѣйствовало. Русскій человѣкъ, вступая въ военную службу, становится какъ бы постояннымъ жителемъ, гражданиномъ своего полка.

Устройство [54] и составъ полковъ нашихъ представляетъ нѣчто необыкновенное, далеко превосходящее составъ и устройство слав-

---

[53] Не только, чтобъ армія наша положила оружіе, но и можно ли было заста-вить сто тысячъ такимъ образомъ? «Трудно было бы исполнить это и со ста тысячами барановъ, такъ, чтобы большая часть изъ нихъ не избѣгла сего,» очень спра-ведливо замѣтилъ Генералъ Окуневъ.

[54] Объ этомъ уже много говорено въ книгѣ: «Нѣкоторыя замѣчанія по поводу двухъ сочиненій, вышедшихъ подъ заглавіемъ: «Малая война» (Спб. 1851 г.).

цыхъ Римскихъ легіоновъ, когда они переносили орлы свои далеко отъ границъ. Пѣхотный полкъ нашъ, въ полномъ своемъ составѣ, уподобляется народонаселенію цвѣтущаго города: это подвижной городъ въ полномъ значеніи слова. Полкъ нашъ имѣетъ свою церковь, Священника, пѣвчихъ и церковную прислугу, своихъ врачей, фельдшеровъ и цырюльниковъ, свою аптеку и свой госпиталь съ необходимыми къ нимъ принадлежностями, свою канцелярію, своего юриста въ лицѣ аудитора, свою музыку и своихъ пѣсенниковъ, [55] свою казну, свой обозъ, своихъ оружейниковъ, свои швальни, свою кузницу и др. мастерскія, своихъ лошадей, свой шанцевый и другіе инструменты, свои хлѣбные запасы, свои пороховые и другіе военные снаряды, наконецъ свои временныя жилища-палатки. Въ каждомъ полку половина людей хлѣбопашцы; есть рыбаки, не страшащіеся какихъ бы то ни было водъ, [56] есть охотники всѣхъ родовъ, есть плотники, каменьщики,

---

[55] Въ 1813 году, когда главная квартира Сѣверной арміи находилась нѣкоторое время въ Цербстѣ, передъ зарей, къ за́мку, занимавшемуся Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ (Бернадотомъ), приходила музыка и пѣсенники поочередно отъ квартировавшихъ въ городѣ Ширванскаго и Невскаго полковъ. Пѣсенники особенно обращали на себя вниманіе Главнаго Штаба Арміи. Однажды начальникъ Главнаго Штаба Арміи, Генералъ Адлеркрейцъ, спросилъ бывшаго при томъ нашего Генерала: «Не уже ли мы возимъ для хора женщинъ?» Генералъ отвѣчалъ: «То, что онъ принимаетъ за голосъ женщинъ — исполняется какимъ ни будь гренадеромъ-усачемъ,» и въ доказательство тому оба сошли съ террасы и подошли къ хору, гдѣ Шведскій Генералъ убѣдился, что дѣйствительно усачъ-гренадеръ поетъ юнымъ женскимъ голосомъ. Возвратясь, онъ разсказалъ Принцу, а этотъ, въ свою очередь, подошелъ къ хору, и въ этотъ разъ, противъ обыкновеннаго, далъ болѣе на «pour boir». Едва ли не въ каждомъ полку найдутся и актеры, не говоря уже о комедіянтахъ, фокусникахъ, фиглярахъ и т. п. Мы видѣли, всегда и въ настоящее время, и то и другое во всѣхъ полкахъ.

[56] Въ 1808, когда 6-я дивизія Генералъ-Лейтенанта Барклая де Толли занимала Куопію, предложено было сдѣлать, подъ начальствомъ Полковника Маркиза Паулуччи, экспедицію по озеру, къ проливу Рауковирта. Для сего собраны были всѣ мелкія лодки, на которыхъ въ каждой могло помѣщаться отъ двухъ до шести человѣкъ. По наряду назначенъ былъ въ эту экспедицію баталіонъ Ревельскаго полка, который, сѣвъ въ тѣ лодки, отправился по назначенію (слишкомъ за тридцать верстъ), прикрываемый всего двумя канонирскими лодками, подъ начальствомъ Лейтенантовъ: Колзакова (нынѣ Адмирала) и Мохова. Экспедиція

кирпичники, штукатуры, маляры, кузнецы, кожевники и др. всякаго рода чернорабочіе мастеровые, могущіе удовлетворить нуждамъ первой необходимости, есть столяры, печники, слесаря, мѣдники, ткачи, сапожники, позументщики и мастеровые Офицерскихъ вещей, свѣчники и разные другіе фабричные и заводскіе рабочіе, огородники, хлѣбопеки, повара и пр. Не ограничиваясь этими необходимыми для первыхъ нуждъ мастеровыми, каждый полкъ можетъ удовлетворить даже и прихотямъ роскоши: найдутся мастера часовыхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, хорошіе каретники, мебельщики, обойщики и живописцы, башмачники и отличные портные, мужскіе и женскіе, кухмистеры и кондиторы; словомъ, въ каждомъ полку можно встрѣтить представителей почти всѣхъ родовъ ремеслъ и искуствъ.

Къ этому удивительному составу нашихъ полковъ должно прибавить еще болѣе удивительныя свойства Русскаго солдата.

увѣнчалалась предполагаемымъ успѣхомъ, и никто тогда не думалъ и спрашивать: справятся ли сами пѣхотинцы съ лодками?

[1] Доказательствомъ тому можетъ служить праздникъ, данный Вестреботнійскимъ корпусомъ, при отъѣздѣ своего незабвеннаго начальника, Графа Каменскаго, въ Улеаборгѣ, по заключеніи Фридрихсгамскаго мира. Торжество это приготовлено было въ нѣсколько дней не успѣвшимъ еще совершенно стянуться корпусомъ (изъ 4 т. съ небольшимъ человѣкъ), на возвратномъ пути его послѣ блистательныхъ подвиговъ въ Вестерботніи. Оно замѣчательно тѣмъ, что все было исполнено солдатами по рисункамъ и подъ руководствомъ ихъ же Офицеровъ. Для сего за городомъ устроенъ былъ павильонъ: залы его сплошь украшены были транспарантами, изображавшими военные подвиги Графа, и многими другими аллегорическими картинами въ томъ же родѣ. Отъ квартиры Графа (бывшей въ домѣ Бургомистра Лиліендаля) до мѣста праздника, на пространствѣ верстъ пяти, тянулась иллюминація, мѣстами пересѣкаемая арками, съ эмблематическими изображеніями. Самый павильонъ горѣлъ разноцвѣтными, художнически распредѣленными, огнями. Блистательный фейерверкъ и наконецъ воздушный шаръ, тоже украшенный транспарантами, завершили этотъ праздникъ. А какъ, по случаю кончины отца виновника торжества (Фельдмаршала Графа Каменскаго) въ домѣ его продолжался еще трауръ, то, вмѣсто бала, играны были, сочиненныя Офицерами по случаю торжества, новые марши и Польскіе съ куплетами. Не знаю, найдутся ли еще свѣдѣтели этому празднику, кромѣ А. А. Закревскаго, тогда бывшаго Адъютантомъ Графа Каменскаго (нынѣ Графъ, Генералъ-Адъютантъ и пр.; впрочемъ и онъ уже недавно умеръ): пятьдесятъ пять лѣтъ — много времени!

Нельзя было не изумляться его всегдашней находчивости даже въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Среди нихъ силы его духа какъ бы удвоивались, обычная преданность къ начальникамъ усиливалась: въ этѣ минуты, не щадя ни трудовъ, ни самого себя, онъ старался оберегать ихъ и угождать имъ, и, услышавъ за то «спасибо», гордился имъ и почиталъ себя вполнѣ награжденнымъ. Кто помнитъ «лагери-города,» устроенныя на короткое время лейбъ-гвардіи егерскимъ баталіономъ, Низовскимъ и Ревельскимъ мушкетерскими полками, при киркѣ Идепсальми, въ Октябрѣ 1808 года, Пермскимъ и Могилевскимъ мушкетерскими же при городѣ Умео, въ 1809 году, [57] наконецъ достопамятный лагерь при Тарутинѣ, въ 1812 году, тотъ можетъ вполнѣ оцѣнить разностороннія способности Русскаго солдата. Все это, однако, происходило еще въ мѣстахъ, хотя и разоренныхъ войной, но не совершенно лишенныхъ возможности доставать, впрочемъ и съ большимъ трудомъ, кой-какіе матеріялы для устройства Офицерскихъ балагановъ; за то, во время перехода Генералъ-Лейтенанта Барклая де Толли, въ началѣ Марта, 1809 года, чрезъ Кваркенъ, по пустынному пространству замерзшаго моря, на протяженіи около ста верстъ, и при движеніи въ это же время Генералъ-Адъютанта Графа Шувалова при 28° Р°, [58] въ Торнео, не было уже ни какихъ мѣстныхъ средствъ. И здѣсь, съ помощью лыжъ и

---

[58] Командиры этѣхъ полковъ, Полковники Мезенцевъ и въ особенности Князь Сибирскій, давали блестящіе праздники при освѣщеніи всего лагеря разноцвѣтными фонарями, разумѣется, изъ бумаги сдѣланными.

[59] Въ Киркѣ Кеми, куда корпусъ собирался для нападенія на Торнео, лежащаго въ 25-ти верстахъ оттуда, дѣлаемы были опыты, какъ въ эту стужу можно дѣйствовать ружьемъ. Солдатъ, съ заряженнымъ ружьемъ выходилъ изъ избы и, пройдя сто шаговъ, останавливался и дѣлалъ выстрѣлъ, потомъ заряжалъ ружье, но спустить курка уже не могъ.

[60] Въ каждомъ полку выбрано было нѣкоторое число людей въ застрѣльщики, особенно изъ уроженцевъ старой Финляндіи и другихъ Сѣверныхъ Губерній, гдѣ употребляются лыжи. Въ Улеаборгѣ было собрано нѣсколько сотъ такихъ лыжъ и роздано въ полки застрѣльщикамъ, какъ для удобства проходить огромныя пространства снѣжныхъ равнинъ на поверхности замерзшаго Ботническаго залива, такъ и для обхода праваго фланга непріятеля, если бы онъ вздумалъ гдѣ либо утвердиться и ожидать сраженія... Но случая употребить этѣ лыжи по предна-

и самаго снѣга, Русскій солдатъ умѣлъ дѣлать ночлегъ сноснымъ для Офицеровъ, такъ что потомъ съ удовольствіемъ вспоминали объ этомъ кочевьѣ, какъ о празднествѣ особенно памятномъ. Вотъ неоспоримыя доказательства способностей нашего солдата, всегда и вездѣ неистощимаго въ изобрѣтательности. Я привелъ этѣ примѣры по тому, что свѣдѣтели и участники описанныхъ мною подвиговъ быстро исчезаютъ одинъ за другимъ.

Среди необитаемыхъ степей за Байкаломъ, Араксомъ, Русскій полкъ находитъ всѣ средства для своего существованія. Ведомый достойными начальниками, далеко превосходитъ онъ знаменитые легіоны Цезаря и Траяна. Подкавказье усѣяно у насъ укрѣпленными лагерями и военными поселеніями, устройствомъ которыхъ славились Римляне. Да сверхъ того, у насъ есть многое, что Римлянамъ и въ голову не приходило. [61]

При такомъ общемъ устройствѣ войскъ, съ такими людьми, способными и готовыми на все для службы Царю и Отечеству, можетъ ли быть что невозможнымъ для Русскаго оружія въ какой бы то ни было странѣ, противъ кого бы то ни было въ мірѣ?

Доблести Русскаго солдата и ратника до сихъ поръ тѣ же, что и прежде, что и въ 1812 году. Севастополь служитъ тому торжественнымъ доказательствомъ. Два первостепенныя, сильнѣй-

---

значенью не представлялось, и онѣ послужили вмѣсто балокъ на ямы, которыя вырывались въ снѣгу иногда до самаго льда. На этѣ балки - лыжи набрасывали рогожи, или вѣтви ельника, и потомъ засыпали снѣгомъ, чтобы не могъ проникать воздухъ. Въ этой крышѣ, для входа въ снѣжный буракъ, оставляли отверстіе, которое закрывалось чѣмъ попало: ковромъ, войлокомъ, рогожей и т. п., по срединѣ раскладывался огонь, и ледяное жилище согрѣвалось.

[61] А съ ними исчезнутъ навсегда и плоды ихъ опытовъ и наблюденій въ великой борьбѣ Европы съ Россіею, въ продолженіе которой мы сражались и противъ и въ союзѣ со всѣми ея народами, не исключая самихъ Турокъ. Какіе матеріялы можно было бы собрать тогда о характеристикѣ иноземныхъ войскъ во всемъ развитіи страстей въ тѣхъ, или другихъ, обстоятельствахъ! Лѣтъ тридцать тому назадъ я имѣлъ случай говорить объ этомъ, по моему мнѣнію, чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

шія и богатѣйшія въ Европѣ, Государства, съ двумя второстепенными, [62] соединивъ свои морскія и сухопутныя силы, одновременно охватили всѣ оконечности нашего пространнаго Отечества. Двѣ армады, каковыхъ еще до того времени не видано, развели пары: первая два года сряду являлась предъ Кронштадтомъ, преграждавшимъ путь въ столицу, не смѣя ни чего предпринять; вторая, многочисленнѣйшая, первоначально съ осьмидесятитысячнымъ десантомъ, вооруженная всѣхъ родовъ огнестрѣльнымъ оружіемъ дальняго полета съ новоизобрѣтенными разрушительными снарядами, вошла въ Черное Море. Врагъ вышелъ на берегъ къ под-

---

[62] Но не этѣми только четырьмя Державами ограничивалась лига или чудовищный этотъ союзъ. Другія двѣ первостепенныя Державы вступили въ оный болѣе или менѣе гласнымъ образомъ парализировать дѣйствіе Россіи. Изъ нихъ одна болѣе открыто: придвинувъ сильную армію къ границамъ Молдавіи и Валахіи, въ тылъ нашимъ войскамъ, заставила насъ перемѣнить весь мудро обдуманный планъ кампаніи, и наконецъ очистить Княжества, которыя она и заняла. Другая, своимъ обычнымъ нейтралитетомъ, подобно тому, какъ въ 1805 году она сохраняла нейтралитетъ, когда Франція хозяйничала въ Австріи, забирая живьемъ цѣлыя арміи съ ихъ Главнокомандующимъ, не пожелавшимъ выждать Русскихъ, спѣшившихъ къ нему на помощь; такъ въ свою очередь Австрія сохраняла нейтралитетъ въ 1806 году, когда Пруссія была разгромлена при Іенѣ (и также не выждавъ Русскихъ); такъ эта послѣдняя опять сохраняла нейтралитетъ, когда Австрія пала въ Ваграмѣ. Въ 1812 году, соединившись они, напали на единственную свою защитницу — Россію. Но она восторжествовала и отплатила имъ: снявъ съ нихъ цѣпи рабства, возвратила имъ народную самостоятельность, и Государи, отчужденные отъ законныхъ престолонаслѣдій, заняли ихъ вновь. Кто подалъ руку помощи въ 1849 году падающей Австріи? И помощь эта водворила потрясенную законность въ цѣлой Германіи. Въ признательность за все это, въ 1854 году, какъ и въ 1812-мъ, обѣ помянутыя Державы вновь прибѣгли къ нейтралитету, въ разныхъ видахъ: Австрія, подъ предлогомъ опасенія за Италіянскія владѣнія, которыхъ въ послѣдствіи не спасла же, забывъ, что оба раза она обязана могущественному великодущію Россіи за обладаніе оными; вторая за Зарейнскія области и свой купеческій флотъ. Прямое ихъ дѣйствіе могло временно быть имъ тягостнымъ; но могущество Россіи не истощенное, возстановило бы ихъ въ правахъ своихъ, и онѣ вышли бы изъ борьбы со славой. Этотъ нейтралитетъ былъ для насъ хуже открытой борьбы. Не распространяюсь о семъ болѣе: все къ лучшему! Исторія Россіи не запятнана иноземною помощью для собственной защиты; она всегда боролась одна, и всегда помогала слабымъ, одолѣваемымъ врагами, чѣмъ гордится каждый Русскій. Исходъ Восточной войны возвеличилъ насъ.

готовленнымъ къ измѣнѣ Татарамъ, и, не взирая на всѣ этѣ преимущества и на самую числительность войскъ, находившихся тогда для защиты полуострова, подвигался робко, ощупью. На Альмѣ нашелъ онъ Русскихъ, которые, не смотря на превосходство силъ непріятеля, атаковавшаго ихъ съ фронта и громившаго въ лѣвый флангъ сильнымъ огнемъ съ флота, встрѣтили его съ прежнимъ мужествомъ. Цѣлыя сутки и болѣе союзныя войска оставались на мѣстѣ, не рѣшаясь ити въ слѣдъ за отступившими.

Севастополь, совершенно открытый съ сухаго пути, внезапно превращается въ пространную укрѣпленную позицію, потребовавшую всѣхъ усилій искуства извѣстныхъ и опытныхъ инженеровъ, чтобы правильной осадой приблизиться къ земляным насыпямъ, импровизованнымъ противъ осаждающихъ. Одиннадцать мѣсяцевъ нѣсколько тысячъ орудій самаго большаго калибра громили Русскихъ. Истребительные снаряды новаго изобрѣтенія разрушили искуственную защиту, но ни на минуту не поколебали мужества обороняющихся.[63] Если дѣла: Инкерманское и на Ѳедюхиныхъ горахъ не удались; если второй штурмъ не былъ отбитъ, подобно первому, это, конечно, произошло не отъ недостатка мужества, а отъ причинъ, вовсе отъ войскъ не зависѣвшихъ. Непріятель, занявъ нѣсколько укрѣпленій на нашей линіи, не отваживался сдѣлать шага далѣе, и мы, въ ночь, очистили южную сторону и приготовились къ столь же упорной оборонѣ на сѣверной. Но непріятель усталъ бороться съ арміею, которая съ каждымъ днемъ возрастала духомъ. Пусть укажутъ войско, которое при такихъ

---

[63] Вотъ одинъ примѣръ изъ множества доказательствъ духа Русскаго человѣка:. Курское Ополченье принимало дѣятельное участье при отбитіи перваго штурма на Севастополь. При осмотрѣ на третій день Княземъ Горчаковымъ Госпиталя раненыхъ, одинъ ратникъ помянутаго Ополченья, съ подвязанной рукой, отнесся къ нему: «Ваше Сіятельство! прикажите меня выписать!» — «Ты раненъ, сказалъ «Князь, куда же ты пойдешъ?» — «Въ Реданъ, В. С-во, въ свою дружину.» На вопросъ Князя о ранѣ, лѣкарь отвѣчалъ, что она въ воспалительномъ состояніи и нагноеніе еще не началось, а по тому отпустить опасно. «Ничего, В. С., возразилъ ратникъ: ужъ начили бить, то пусть, такъ ихъ м..., и добиваютъ; только «бы въ дружинѣ, да и я маху не дамъ. Сдѣлайте отеческую милость, В. С., пу«стите въ дружину: она на батареѣ, а здѣсь съ тоски помрешь!» Князь подарилъ ему 25 рублей.

условіяхъ, въ продолженіе почти года, осыпаемое ежедневно десятками тысячъ снарядовъ, не поколебалось бы въ нравственномъ отношеніи! Всякое другое дошло бы до высшей степени деморализаціи.

Непріятель, имѣя базисомъ свой многочисленный флотъ, не выходилъ, такъ сказать, изъ подъ защиты нѣсколькихъ тысячъ своихъ орудій огромнаго размѣра, и, однако, нигдѣ, ни на одномъ пунктѣ, онъ не сдѣлалъ перехода внутрь страны. Онъ ограничивался на всѣхъ моряхъ сожженіемъ орудіями неукрѣпленныхъ городовъ и селеній. Флотъ его являлся къ устью Двины, къ Ревелю и къ Нарвѣ, чтобы издали бросить нѣсколько зажигательныхъ снарядовъ; то же съ одинаковою цѣлью подходилъ и къ другимъ мѣстамъ этого прибрежья. Подойдя съ нѣсколькими линейными кораблями и съ десятитысячнымъ десантомъ, разрушилъ недостроенную казарму въ Бомарзундѣ, защищавшуюся нѣсколькими стами гарнизона, и воспѣлъ побѣду! Выжегъ многія мѣста на прибрежьѣ Ботническаго и Финскаго заливовъ, и вездѣ, гдѣ задумывалъ выйти на берегъ, былъ прогоняемъ прежде, чѣмъ успѣвалъ достигнуть своей цѣли; бросилъ нѣсколько бомбъ въ Свеаборгъ и Кронштадтъ, съ разстоянья, до котораго тогда могли достигать не всѣ наши орудія.

На Бѣломъ морѣ онъ безстрашно бомбардировалъ беззащитный Соловецкій монастырь. На Восточномъ океанѣ, въ Петропавловскѣ, сдѣлавъ то же, выслалъ было десантъ, но былъ отбитъ съ большою потерей.

Въ Черномъ морѣ бомбардировалъ Одессу, ни мало не укрѣпленную, и не рѣшился выйти на берегъ. Кинбурнъ съ слабымъ гарнизономъ, а еще съ слабѣйшими укрѣпленіями и средствами къ оборонѣ, былъ скоро превращенъ въ груду камней, многочисленнымъ флотомъ и десантомъ.

Дѣйствія непріятельской армады по Абхазскому берегу столь же славны.

Въ Азовскомъ морѣ тѣ же опустошенія береговъ, съ единственною цѣлью истребленія, которому подверглись по преиму-

ществу Керчь и Таганрогъ; въ этотъ послѣдній непріятель пытался сдѣлать десантъ, но былъ отбитъ горстью случившейся тамъ команды и Казаковъ.

Вотъ всѣ подвиги лиги Восточной войны! Въ нихъ Русскій солдатъ принималъ участье въ борьбѣ только въ Севастополѣ и окрестностяхъ, гдѣ онъ выказалъ себя тѣмъ же самымъ, какимъ онъ бывалъ всегда и прежде. Въ немъ не нужно было возбуждать храбрость фанатизмомъ къ религіи, какъ говорятъ Бертезенъ, Тьеръ и др.; онъ съ юныхъ лѣтъ проникнутъ обязанностью защищать святыню, Царя и родину: этого напоминать ему не нужно. Если же доблести его не всегда увѣнчивались успѣхомъ, это, повторяю, не его вина. Продолжительный миръ не могъ образовать Барклаевъ, Беннигсеновъ, Багратіоновъ, Милорадовичей, Дохтуровыхъ, Раевскихъ, Строгановыхъ, Воронцовыхъ, Паленовъ, Остерманова, Тучковыхъ, Багговутовъ, Коновницыныхъ, Васильчиковыхъ, Сабанеевыхъ, Голицыныхъ, Платовыхъ и многихъ другихъ славныхъ военачальниковъ, подвизавшихся на поляхъ Бородинскихъ, въ предшествующихъ и послѣдующихъ войнахъ. Но за всѣмъ тѣмъ иноземцы, описывая Севастопольскія битвы, отдаютъ Русскому солдату ту же справедливость, какую отдали ихъ предшественники солдатамъ Бородинскимъ.

Генералъ Бисмаркъ, описывая Бородинское сраженье, говоритъ: [64] «Трудно обратить Русскую армію въ совершенное бѣгство (pleine déroute): солдаты никогда не оставляютъ поля битвы, не получивъ на то приказанья». [65] И дѣйствительно, едва ли можно найти примѣръ тому послѣ Нарвы, но тогда Русская армія только начинала образовываться въ регулярную, и великій преобразователь вскорѣ положилъ твердое ей основаніе. Между тѣмъ въ другихъ войскахъ, не говоря о Турецкихъ, Персидскихъ и отдѣльныхъ частей, часто многочисленныхъ, это случается и съ цѣлыми арміями. Приведемъ по одному только примѣру въ нашъ

---

[64] Spectateur milit. 1847, t. XXIV, p. 150.

[65] «Они умираютъ тамъ, гдѣ поставилъ ихъ начальникъ.» — «Они умираютъ, гдѣ начальникъ приказалъ умереть.» — «Они предпочитаютъ смерть плѣну» и пр., и пр. Все это замѣчено по отзывамъ самого непріятеля.

вѣкъ: Въ 1806 Іена, въ 1808 отступленіе Мура къ Коруну, въ 1809 Ваграмъ, въ 1815 Ватерлоо, въ 1849 Новара и пр. Объ Ульмѣ и говорить нечего. Тутъ былъ примѣръ, совершенно противоположный бѣгству: главная армія, въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, съ своимъ Главнокомандующимъ, сдалась въ плѣнъ, безъ видимой необходимости!

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

Въ Барчалинской дистанціи умножившіеся грабежи и убійства, отъ впадающихъ въ наши границы изъ Ахалцыхскаго Пашалыка разбойниковъ, заставили меня обратиться къ Пашѣ съ просьбою о усмиреніи оныхъ и сохраненіи, подобно намъ, существующихъ между обоими Государствами дружественныхъ отношеній. Паша обѣщалъ все, и ни чего не исполнялъ. Не будучи уважаемъ въ Провинціи, ему порученной, не могъ онъ ни въ чемъ успѣвать, если бы даже и найлучшія имѣлъ намѣренія. Итакъ оставалось мнѣ употребить собственно отъ меня зависящія мѣры. Я приказалъ собрать довольно сильную партію Барчалинской конницы: ею отогнано нѣкоторое количество лошадей и скота, была небольшая перестрѣлка, но разбойники не успѣли собраться въ равныхъ силахъ, и по тому вреда не могли нанести; видя же готовность со стороны нашей отмщевать за грабежи и злодѣйства, прекратили оныя и по прежнему возстановился порядокъ.

Отъ Министерства сообщено Посланнику нашему въ Константинополѣ, что находящіеся въ пограничныхъ Турецкихъ Областяхъ начальники попущаютъ подчиненные имъ народы на непріязненныя дѣйствія. Столько же мало внимали представленіямъ его по сему предмету, какъ и дѣламъ, о коихъ производилъ онъ переговоры. Турецкое Министерство утверждало, что нельзя прекратить безпорядки сіи, развѣ, по содержанію послѣдняго Трактата, возвращены будутъ Редутъ-Кале, маленькая и ничтожная крѣпостца Анаклія и Сухумъ-Кале въ Абхазіи. На пріобрѣтеніе сего послѣдняго изъявлено особенное желаніе. Посланникъ, надѣясь на успѣхъ въ прочихъ дѣлахъ, далъ уразумѣть, что возвращеніе Сухумъ-Кале можетъ имѣть мѣсто, донесъ о томъ нашему Министерству, а сіе разрѣшило его дать въ томъ обѣщаніе и меня по принадлежности увѣдомило. Весьма не приличествовало обстоятельствамъ здѣшняго края сіе великодушіе, и я возразилъ слѣдующими объясненіями: Турки, владѣя Анапою, и сильное по тому имѣя вліяніе на многочисленные Закубанскіе народы, содержатъ въ безпрерывныхъ безпокойствахъ земли войска Черноморскаго и правый флангъ Кавказской Линіи, но трудное весьма имѣя сообщеніе съ Абхазіею, не простираютъ они владычества своего на живущіе по полуденной покатости Кавказа народы, и по тому единственно сохраняется спокойствіе въ Провинціяхъ нашихъ лежа-

щихъ по берегу Чернаго моря. Предоставленіе имъ Сухумъ-Кале допуститъ рѣшительное вліяніе на обитателей горъ и, подобно Закубанцамъ, будутъ они снабжаемы оружіемъ и возмущаемы противъ насъ. Турки получатъ при Сухумъ-Кале лучшую при сихъ берегахъ и довольно безопасную рейду, и въ ней находящіяся суда дадутъ покровительство продажѣ невольниковъ, которая, вмѣстѣ съ присоединеніемъ Абхазіи, почти совсѣмъ прекращена. Невольники сіи похищаемы будутъ въ нашихъ Провинціяхъ и, какъ въ недавнихъ еще бывало временахъ, снабдятъ серали вельможей Оттоманскихъ. Надобно будетъ, для безопасности нашихъ владѣній, содержать гораздо большее число войскъ въ мѣстахъ, гдѣ нездоровый климатъ производитъ между ими чрезвычайную смертность и ужасныя болѣзни. Продовольствіе оныхъ, привозимое съ большими затрудненіями изъ Россіи и не менѣе тягостными издержками, введетъ казну въ разорительные расходы. Въ заключеніе объяснилъ я, что весьма невыгодное произведетъ впечатлѣніе въ подвластныхъ намъ народахъ то, что Области, добровольно принявшей покровительство Россійскаго Государя, владѣтель коей принялъ Христіянскую Вѣру, лучшая часть отторгается въ пользу Державы Мусульманской. Что сіе поколебать можетъ довѣренность прочихъ владѣтелей къ Правительству, и они по прежнему искать будутъ связей съ Турками, которыя они начинаютъ оставлять, не находя ихъ болѣе для себя полезными.

Министерство наше не отвергло моихъ замѣчаній, и Посланнику въ Константинополѣ поручено было отклонить требованіе по сему предмету Порты; если же имѣлъ онъ о томъ переговоры, то объяснить, что ни малѣйшаго со стороны нашей не будетъ сдѣлано затрудненія въ возвращеніи Сухумъ-Кале, если, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, Оттоманская Порта сохранитъ постоянно дружественное свое расположеніе и не подастъ основательныхъ причинъ къ неудовольствіямъ. Нельзя сомнѣваться, что, при коварной политикѣ Оттоманской не можетъ такъ долгое время продолжиться доброе согласіе, и по тому, правдоподобно, Сухумъ-Кале останется нашимъ.

Въ семъ году производилась работа на новой дорогѣ, отъ Тифлиса въ Кахетію, чрезъ хребетъ горъ, называемый Гомборъ, и я осматривалъ оную. Но замѣтить возможно было, что безъ пос-

се (chaussée) дорога сія хорошею не будетъ, сколько ни хорошо дано оной направленіе. Множество источниковъ, растворяя глубокую грязь, мѣстами дѣлаютъ ее весьма неудобною. Новая сія дорога сокращаетъ въ половину разстояніе до города Телавы, проходя возвышеніями, для устроенія постовъ чрезвычайно здоровыми.

Войско Черноморское, по Высочайшему соизволенію, поступило въ семъ году подъ начальство командира Кавказскаго корпуса. Задолго прежде искалъ я средствъ избавиться сего войска, ибо извѣстны были мнѣ допущенные въ немъ безпорядки, разстроенное онаго хозяйство, безтолковое распоряженіе Войсковой Канцеляріи, которою самовластно управляли Адъютанты Генераловъ Дюка де Ришелье и потомъ Графа Ланжерона. Французскимъ Администраторамъ нелегко было познакомиться съ нуждами и особенно свойствами Запорожцевъ. Сверхъ того, зналъ я, что самое отправленіе службы производится Казаками нерадиво, и Закубанцы, дѣлая частые и весьма удачные на земли ихъ набѣги, содержатъ ихъ въ большомъ страхѣ. Прежде, для охраненія ихъ, расположенъ былъ полкъ пѣхоты и полурота артиллеріи, и хотя, до поступленія еще Казаковъ въ мою команду, представлялъ я о необходимости продолжить пребываніе тамъ полка, но оный оттуда удаленъ, и я долженъ былъ удѣлять въ помощь войска съ Кавказской Линіи, тогда какъ для собственной защиты оной ихъ недостаточно.

Для наблюденія за лучшимъ управленіемъ войска и въ особенности для распоряженія кордонною стражею, введенія строгой и Казакамъ не знакомой дисциплины и большей въ охраненіи границы бдительности, отправилъ я войска Донскаго Генералъ-Маіора Власова 3-го, давъ ему степень приличной власти.

Я получилъ увѣдомленіе, что войско Черноморское умножается 25,000 душъ, переселяемыхъ изъ Малороссіи по добровольному ихъ вызову, и что переселеніе, начавшись въ 1821 году, продолжится три года. Распоряженіе сіе сдѣлано по представленію Генералъ-Маіора Киселева, которому поручено было обозрѣніе войска, и оное необходимо по уменьшенію народонаселенія отъ вреднаго климата.

Довольно задолго до окончанія года повсюду было совершенно покойно, и я вознамѣрился ѣхать въ Петербургъ. Изъ Россіи имѣлъ я извѣстіе, что Государь, по окончаніи Конгресса въ Троппау, возвратится къ Новому Году въ С.-Петербургъ.

Выѣхавъ изъ Тифлиса въ концѣ Декабря мѣсяца, до самаго Орла не имѣлъ я ни какихъ изъ Петербурга извѣстій. Посланный ко мнѣ фельдъегерь ѣхалъ другою изъ Россіи дорогою и заболѣлъ въ пути. Съ нимъ, какъ послѣ узналъ я, посланы были бумаги, что возникшая въ Неаполѣ революція понудила союзныхъ Государей продолжить Конгрессъ, и дабы находиться ближе къ мѣсту происшествій, перенесенъ оный въ городъ Лайбахъ, въ Австрійскихъ владѣніяхъ, куда уже отправился Императоръ, и по тому нѣтъ ни чего точнаго на счетъ его возвращенія. Въ Орлѣ подтвердились всѣ сіи извѣстія, и я не зналъ, на что рѣшиться. Могъ я, пробывъ въ Петербургѣ нѣсколько времени, не дождаться Государя, ибо не приличествовало мнѣ долгое время быть въ отсутствіи отъ своего мѣста, возвратиться же изъ Орла было не болѣе прилично, ибо никто не повѣрилъ бы, что не извѣстны мнѣ были происшествія, и подумать могли, что ѣхалъ я единственно для свиданія съ отцемъ моимъ. Итакъ предпочелъ я ѣхать далѣе.

Въ бытность мою въ Петербургѣ въ короткое время получены извѣстія о возмущеніи Грековъ противъ Турокъ, и все давало видъ, что неуспѣшныя дѣла Посланника нашего въ Константинополѣ доведутъ насъ до разрыва съ Портою; о возвращеніи Государя подтверждались слухи и пріуготовлены были на границѣ экипажи.

На сдѣланный мною вопросъ партикулярнымъ письмомъ, могу ли я дождаться Государя, Начальникъ Главнаго Его Штаба отвѣтствовалъ мнѣ, по Его приказанію, чтобы я оставался въ Петербургѣ.

Вскорѣ за симъ возгорѣлась революція въ Піемонтѣ и казалось, что Франція принимаетъ въ оной участіе. Заговоръ скрывался между войсками, и часть оныхъ, возмутившись, заняла крѣпость Александрію. Король, угрожаемый опасностію, оставилъ Государство. Австрійскія войска изъ сосѣдственныхъ Піемонту Областей выступили немедленно, дабы воспрепятствовать распростра-

ненію духа мятежа, а Государь Императоръ, вспомоществуя Австрійцамъ, назначилъ особенную армію изо ста тысячъ человѣкъ, которой и дано повелѣніе пріуготовиться къ слѣдованію въ Италію. Въ Австріи дѣлались распоряженія для путеваго продовольствія сихъ войскъ.

Я получилъ Высочайшій рескриптъ и приказаніе пріѣхать въ Лайбахъ. Начальникъ Главнаго Штаба сообщилъ мнѣ, чтобы я поспѣшилъ пріѣхать. Были слухи, что я назначенъ Главнокомандующимъ идущей въ Италію арміи, и прежде отъѣзда моего изъ Петербурга получены нѣкоторыя иностранныя газеты, въ коихъ о томъ упоминаемо было.

Въ концѣ Апрѣля мѣсяца пріѣхалъ я въ Лайбахъ. Революція въ Неаполѣ совершенно прекратилась, самый городъ занятъ уже былъ Австрійцами. Успѣхи Австрійскихъ войскъ въ Піемонтѣ и сдача на капитуляцію Александрійской крѣпости положили конецъ возмущенію. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что Франція не пріемлетъ ни какого въ томъ участія, и опредѣлено возвратить Россійскую армію.

Государь 1-го Мая отправился въ Петербургъ, мнѣ приказано прибыть туда же. Я получилъ позволеніе провести нѣкоторое время въ Вѣнѣ и Варшавѣ.

Такимъ образомъ, сверхъ всякаго ожиданія моего, былъ я Главнокомандующимъ арміи, которой я не видалъ и доселѣ не знаю, по чему назначеніе мое должно было сопровождаемо быть тайною. Не было на сей счетъ Указа, хотя, во время пребыванія въ Лайбахѣ, Государь и Императоръ Австрійскій не одинъ разъ о томъ со мною говорили. Это не отдалило неудовольствія отъ тѣхъ, которые почитали себя въ правѣ быть предпочтенными мнѣ, и я умножилъ число завистующихъ моему счастію. Немного оправдался я въ глазахъ ихъ, оставшись тѣмъ же, какъ и прежде, Корпуснымъ Командиромъ. Конечно, не было доселѣ примѣра, чтобы Начальникъ, предназначенный къ командованію арміею, былъ столько, какъ я, доволенъ, что война не имѣла мѣста. Довольно сказать въ доказательство сего, что я очень хорошо понималъ невыгоды явиться въ Италіи вскорѣ послѣ Суворова и

Бонапарте, которымъ вѣка удивляться будутъ. Русскому нельзя не знать, какія препятствія поставляемы были Суворову Австрійскимъ Правительствомъ, а изъ нашихъ и лучшихъ даже Генераловъ, не думаю, чтобы возмечталъ кто ни будь ему уподобиться.

Проживши въ Петербургѣ до 30 числа Августа, имѣлъ я видъ претендента на какую ни будь награду, и Государь, всегда ко мнѣ милостивый, между прочими, награжденными въ сей день, пожаловалъ и мнѣ аренду, отъ принятія которой я отказался. Давно великодушенъ былъ Государь, и награждая меня, и выслушивая отзывъ мой, что я награды не пріемлю. Могу признаться, что въ отказъ мой не вмѣшивалось самолюбіе, но почиталъ я награду свыше заслугъ моихъ и мнѣ ни по какимъ причинамъ не принадлежащею. Средства существованія, хотя не роскошныя, доставляла мнѣ служба, внѣ оной не страшился бы я возвратиться къ тому скудному состоянію, въ которомъ я рожденъ, но еще могъ надѣяться на гораздо лучшее, ибо отецъ мой за усердную службу свою получилъ награды отъ Императрицы Екатерины II.

Въ первыхъ числахъ Сентября я отправился обратно въ Грузію, чего многіе не ожидали.

Прибывъ въ Екатеринодаръ, занялся я разсмотрѣніемъ состоянія войска Черноморскаго, и оно, какъ въ отношеніи военномъ, равно и по части хозяйства, въ совершеннѣйшемъ разстройствѣ.

Тутъ узналъ я о подробностяхъ сраженія съ Закубанцами, которые, въ числѣ до полутора тысячъ лучшихъ, подъ предводительствомъ извѣстнѣйшихъ изъ разбойниковъ, сдѣлали нападеніе на земли Черноморцевъ, съ намѣреніемъ разорить ихъ селенія. Приличныя распоряженія, смѣлость въ предпріятіи Генерала Власова 3-го и чрезвычайно темная ночь, скрывшая малыя его силы, пріуготовили гибель разбойниковъ. Слѣдуя за ними съ тылу, отрядивъ небольшую часть Казаковъ, которая вела съ ними перестрѣлку съ переди въ то время, какъ въ окружности повсюду зажженные маяки и пушечные сигнальные выстрѣлы привели Закубанцевъ въ замѣшательство, онъ успѣлъ отрѣзать дорогу къ отступленію, и когда они, не подозрѣвая о его присутствіи, думали безопасно возвратиться, встрѣтилъ онъ ихъ картечными выстрѣлами и ружейнымъ огнемъ расположенныхъ въ камышахъ Каза-

ковъ. Почитая себя отовсюду окруженными, искали они спасенія въ бѣгствѣ: часть одна, случайно направившаяся по сухому мѣсту, могла, хотя съ потерею, удалиться, но главныя ихъ силы, обманутыя темнотою, попали на обширный и глубокій заливъ изъ рѣки Кубани и, сильно преслѣдуемые Казаками, потонули въ оном, и не спасся ниже одинъ человѣкъ. Казаки вытащили въ послѣдующіе дни слишкомъ 600 лошадей и болѣе нежели таковое число богатаго оружія.

Закубанцы, пріѣзжавшіе для вымѣна плѣнныхъ, признавались, что въ семъ случаѣ лишились они храбрѣйшихъ изъ своихъ вожатыхъ и разбойниковъ, и что вообще потеря ихъ простирается свыше тысячи человѣкъ.

Черноморскіе Казаки никогда не имѣли подобнаго успѣха противъ Закубанцевъ и, какъ узналъ я отъ Генерала Власова, что если бы не ночь препятствовала имъ видѣть силы ихъ, конечно, не смѣли бы они вступить съ ними въ дѣло. И при семъ неожиданно счастливомъ происшествіи, страхъ, внушенный прежде Закубанцами, наводилъ на нихъ робость.

Въ Черноморіи нашелъ я переселяемыя изъ Малороссіи семейства въ ужаснѣйшей бѣдности. Войско безъ всякихъ средствъ вспомоществовать имъ, по истощенію своихъ доходовъ. Въ одно время выслано ихъ изъ Малороссіи вдвое большее число, нежели распоряжено было Правительствомъ. На прежнихъ жилищахъ своихъ продавали они имущество за безцѣнокъ, ограблены были Земской Полиціи чиновниками, отправлены въ путь въ самое позднее осеннее время, и многіе весьма лишившись въ дорогѣ скота своего, безъ средствъ ити далѣе, остались зимовать по разнымъ Губерніямъ, выпрашивая для существованія милостыню.

Въ такой нищетѣ нашелъ я ихъ разбросанныхъ по дорогѣ, возвращаясь изъ Петербурга. Сіи несчастные должны умножить силу войска Черноморскаго противу многочисленнаго, угрожающаго ему, непріятеля. Правительства же распоряженія были и полезны и благоразумны.

Прибывъ въ Георгіевскъ, узналъ я, что Кабардинцы производили на Линіи грабежи и разбои, которые съ нѣкотораго вре-

мени весьма умножились; что всѣ, имѣвшіе на равнинѣ селенія, удалились къ горамъ, гдѣ почитали себя въ безопасности и, въ случаѣ движенія войскъ нашихъ, могли сыскать близкое убѣжище; что въ тайныхъ сношеніяхъ были съ Закубанцами, приглашая сихъ къ содѣйствію въ нападеніяхъ на Линію. Генералъ-Маіору Сталю 2-му приказалъ я назначить тысячу человѣкъ пѣхоты, четыре орудія артиллеріи и триста человѣкъ Казаковъ, и отрядъ сей поручилъ Подполковнику артиллеріи Коцареву, Офицеру расторопному и дѣятельному, приказавъ ему съ 1-го числа Генваря вступить въ Кабарду и стараться наносить возможный вредъ хищникамъ.

Зимнее время Кабардинцы, по необходимости, имѣютъ конскіе заводы и стада скота на равнинѣ, ибо глубокіе въ горахъ снѣга отъемлютъ совершенно средства продовольствія. Подполковнику Коцареву приказано быть въ безпрерывномъ движеніи, дабы непріятеля содержать повсюду въ страхѣ и неизвѣстности, гдѣ наиболѣе угрожаетъ ему опасность. Подвижность войскъ облегчала ихъ успѣхи, ибо, заботясь о защитѣ, не могъ непріятель соединиться въ силахъ.

Во Владикавказѣ задержанъ я былъ двѣнадцать дней безпрерывными бурями и выпавшимъ въ горахъ снѣгомъ, прервавшимъ совершенно сообщеніе съ Грузіею. Въ сіе время, собравъ подробныя свѣдѣнія о шалостяхъ, дѣлаемыхъ Чеченцами, приказалъ Генералъ-Маіору Грекову 1-му сдѣлать экспедицію въ лѣсистую часть земли ихъ, куда доступъ въ зимнее время удобнѣйшій. Однѣ частыя перемѣны наказанія звѣрскій народъ сей могутъ держать въ нѣкоторомъ обузданіи, и лишь прекратилась боязнь взысканія, наклонность къ своевольству порождаетъ злодѣйскіе замыслы.

Въ Грузіи нашелъ я совершеннѣйшую тишину, также и въ Провинціяхъ Мусульманскихъ. Многіе изъ сотрудниковъ моихъ и войска ради были моему возвращенію, многіе, въ особенности смиряемые мною Князья и Дворяне Грузинскіе и избалованные старшины Татарскіе, не съ удовольствіемъ меня увидѣли. Доходили многіе слухи о разныхъ на мое мѣсто назначеніяхъ, и легко мнѣ бы-

ло понять, что чрезмѣрная въ предмѣстникахъ моихъ снисходительность многимъ правилась.

Въ началѣ года примѣтны были готовыя возродиться въ Абхазіи безпокойства. Владѣтель области сей, Князь Шарвашидзе, молодой человѣкъ, воспитывавшійся въ Петербургѣ, въ Пажескомъ Корпусѣ, назначенъ будучи въ достоинство Владѣтеля, не понравился знатнымъ людямъ своей земли; ибо, сдѣлавши отвычку отъ ихъ обычаевъ, забывъ даже природный языкъ, будучи при томъ весьма средственнаго ума, не умѣлъ взяться съ твердостію за управленіе и отличить тѣхъ, кои привыкли пользоваться большимъ уваженіемъ. Асланъ-Бей, убійца отца своего, нѣкогда также Владѣтеля Абхазіи, укрывавшійся послѣ сего преступленія во владѣніяхъ Турецкихъ, собралъ многочисленную шайку Горцевъ и готовился напасть на Абхазію. Молодой Князь Шарвашидзе не имѣлъ людей приверженныхъ, которые бы его остерегли, напротивъ многіе были со стороны убійцы и скрывали его намѣренія, но узналъ обо всемъ Правитель Имеретіи, Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ и, собравъ небольшой отрядъ войскъ, пошелъ поспѣшно въ Абхазію.

Владѣтель прибѣгъ подъ защиту гарнизона нашего въ крѣпостцу Сухумъ-Кале, которую непріятель, не будучи въ состояніи взять, пошелъ на встрѣчу Князю Горчакову, съ намѣреніемъ препятствовать ему въ слѣдованіи. Дорога отъ границъ Мингреліи на довольно большое разстояніе лежитъ по низменному песчаному берегу моря, по коему, не прерываясь, протягается весьма густой лѣсъ. Непріятель занималъ оный и въ одно время велъ перестрѣлку съ авангардомъ и арріергардомъ его. Но храбрыя войска наши и въ семъ положеніи умѣли разсѣять оное и даже съ весьма незначительною потерею. Дорогу очищала артиллерія, распространяющая ужасъ между народами, къ ней не пріобыкшими. Въ лѣсу и наши стрѣлки не хуже здѣшнихъ. Болѣе урона понесли трусливые Мингрельцы, которые присоединены были къ нашимъ войскамъ и, не принося ни малѣйшей пользы, дѣлали одно лишь замѣшательство.

Непріятель бѣжалъ, не видя возможности противостать войскамъ нашимъ; Генералъ-Маіоръ Князь Горчяковъ, взявъ изъ

крѣпостцы Сухумъ-Кале Владѣтеля, послѣдовалъ за бѣгущими, привелъ въ покорность возмутившихся подданныхъ, взялъ аманатовъ изъ лучшихъ фамилій, и Цебельдинское, ни кому не повиновавшееся, общество, довольно сильное и воинственное, привелъ въ зависимость. Асланъ-Бей скрылся въ горахъ, спасаясь отъ самихъ сообщниковъ его, которые негодовали на него за претерпѣнный ими уронъ и обманутыя надежды на добычу и пріобрѣтеніе плѣнныхъ.

Князь Горчаковъ, оставивши двѣ роты въ мѣстѣ пребыванія Владѣтеля, въ селеніи Соупсу, возвратился въ Имеретію.

Спустя нѣсколько времени послѣ сего, Асланъ-Бей обольстилъ обѣщаніями легковѣрныхъ и еще нашлись многіе, пожелавшіе испытать счастія. Въ большихъ силахъ напалъ онъ на селеніе Соупсу, но войска наши, находясь въ замкѣ, къ которому присоединили нѣкоторыя укрѣпленія, защищаясь храбро и вспомоществуемыя дѣйствіемъ артиллеріи, причинили непріятелю уронъ, какого онъ никогда не испытывалъ, и онъ, бросивши тѣхъ, спасся стремительнымъ бѣгствомъ. Послѣ сего совершенное водворилось спокойствіе.

При семъ послѣднемъ происшествіи подданные Владѣтеля не измѣнили своимъ обязанностямъ и, находясь съ меньшимъ его братомъ, усердно сражались. Чарскіе Лезгины, сосѣдственные Кахетіи въ буйственныхъ наклонностяхъ своихъ, и надѣясь на силы свои и нѣкоторыя прежде удачи, начали выходить явно изъ послушанія, принимать разбойниковъ и способствовать имъ въ нападеніяхъ на Кахетію. Когда требованы были отъ нихъ захваченные плѣнные, они не возвращали оныхъ, посланнымъ къ нимъ съ приказаніемъ причинили побои и оскорбленіе.

Защищаться противъ насъ обязались присягою.

Генералъ-Маіоръ Князь Эристовъ посланъ былъ съ отрядомъ войскъ для усмиренія возмутившихся.

Въ Мартѣ переправился онъ за рѣку Алазань, прошелъ равнину безъ сопротивленія. Лезгины укрывались въ селеніяхъ своихъ, у самой подошвы горъ, избирая мѣста твердыя. Князь Эри-

стовъ занялъ Чары, главнѣйшее изъ селеній, жители укрѣпились въ части онаго, называемой Закатала, которую почитаютъ неприступною.

Князь Эристовъ, по твердости мѣстоположенія, не рѣшился атаковать, боясь большой потери, но жители медленіе его, въ ожиданіи моихъ приказаній, принявъ за уготовленія, прислали просить о прощеніи, объявляя, что готовы исполнить всѣ его приказанія.

Давъ имъ прощеніе, Генералъ-Маіоръ Князь Эристовъ пошелъ къ лежащему недалеко оттуда селенію Катехи, косго жители не помышляли просить о прощеніи. Они, оставивъ селеніе, удалились въ тѣсное мѣсто между почти неприступныхъ горъ, укрѣпились окопами и готовы были упорно защищаться, ибо при нихъ были семейства ихъ, которыхъ, по причинѣ въ горахъ снѣговъ, не могли отправить далѣе.

Баталіоны Грузинскаго гренадерскаго и 41 егерскаго полковъ атаковали укрѣпленія, подъ жаркимъ огнемъ непріятеля, который обращенъ былъ въ бѣгство штыками, но собрался для защиты семействъ своихъ. При семъ случаѣ потерпѣлъ онъ большой уронъ, пострадали многія семейства и въ плѣнъ взято нѣкоторое число.

Водворившееся повсюду въ областяхъ нашихъ спокойствіе, дружественныя отношенія съ Персіею, которымъ, сколько могло отъ меня зависѣть, далъ я, по возвращеніи изъ Петербурга, еще большую прочность, доброе согласіе съ пограничными Турецкими начальниками, дало мнѣ возможность отправиться въ Кабарду, которую предположилъ я занять войсками, и часть старой Линіи нашей, порочную по слабости своей, пагубную для войскъ по нездоровому мѣстоположенію, перенести въ мѣста несравненно удобнѣйшія и выгодныя. Между тѣмъ отрядъ войскъ артиллеріи Подполковника Коцарева, въ началѣ зимы не оставлялъ Кабарды, нѣкоторыхъ изъ владѣльцевъ, болѣе наклонныхъ въ жизни безмятежной, согласилъ жить на плоскости, подъ нашею зависимостію, другихъ непреклонныхъ и намъ непокорствующихъ, преслѣдовалъ повсюду, разорилъ селенія ихъ, отогналъ во множествѣ лошадей

ихъ и стада, но, по малочисленности войскъ, не могъ изгнать злѣйшихъ разбойниковъ, и они не переставали возбуждать мятежъ.

Проѣхавъ съ малыми весьма затрудненіями чрезъ горы, въ Екатериноградѣ собралъ я отрядъ войскъ, и 22-го Мая вступилъ въ Кабарду.

Въ составъ отряда поступили:

1 баталіонъ 7-го карабинернаго полка

1 баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка.

Легкой Артиллеріи 8-мь орудій.

300 Линѣйныхъ Казаковъ.

Генералъ-Маіору Сталю 2-му приказалъ я усилить отрядъ Подполковника Коцарева, расположенный на рѣкѣ Баксанѣ, присутствовать при немъ лично и занять на рѣкѣ Малкѣ урочище, называемое Каменный Мостъ. На вершинахъ Кубани наблюдать предписано войска Донскаго Полковнику Побѣднову съ небольшимъ легкимъ отрядомъ.

Первое обозрѣніе начато съ рѣки Уруха и по теченію оной впаденія ея въ Терекъ и далѣе вверхъ по оному.

Потомъ отрядъ ходилъ въ вершины рѣки Черека и имѣлъ небольшую перестрѣлку, гдѣ и сожжено нѣсколько непокорныхъ селеній.

Партія, посланная на рѣку Нальчикъ, отбила табунъ лошадей и стадо овецъ.

Осмотрѣны мѣста вверхъ по рѣкѣ Чегему, гдѣ, въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ, истреблено селеніе, и Кабардинцы, неожиданно атакованные, не воспользовались удобностію обороны.

Отрядъ, подъ личнымъ моимъ начальствомъ, соединясь съ отрядомъ подъ командою Генералъ-Маіора Сталя 2-го, ходилъ къ самымъ вершинамъ рѣки Баксана до того, какъ не только кончились дороги, по коимъ могли проходить пушки, но гдѣ и самая пѣхота должна была пробираться по тѣснымъ тропинкамъ. Отрядъ Генералъ-Маіора Сталя 2-го слѣдовалъ по лѣвому берегу

рѣки. Засѣвшій въ самомъ сжатомъ мѣстѣ ущелья, непріятель предпринялъ остановить войска наши. Ночью четыре орудія на людяхъ подняты были на гору, и отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятель удалился; но какъ удобно могъ онъ засѣсть въ нѣкоторомъ назади разстояніи и орудій далѣе провезти было уже не возможно, то по обоимъ берегамъ рѣки посланы были въ обходъ команды, которыя, занявъ, ближайшія къ дорогѣ, мѣста, могли затруднить его отступленіе. Непріятель сего не дождался и, поспѣшно бѣжавъ, открылъ путь войскамъ нашимъ.

Далѣе нашли мы довольно пространныя долины, гдѣ всѣ войска собрались, и занимали оба берега рѣки. Наконецъ, близъ селенія Осетинскаго, называемаго Ксанти, гдѣ собрались главнѣйшіе изъ Кабардинскихъ разбойниковъ, войска встрѣтили сопротивленіе, но непріятель въ ночи оставилъ сдѣланные имъ каменные завалы и бѣжалъ за Кубань, болѣе же въ земли Карачаевскаго народа, живущаго на Кубани. Осетины пришли просить пощады. Войска, вышедши изъ Баксанскаго ущелья, перешли на рѣку Куму, близъ истребленнаго Бибердова аула. Отсюда Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ 3-й съ частію войскъ, къ какимъ присоединился съ отрядомъ Полковникъ Побѣдновъ, отправленъ на Кубань къ Каменному Мосту, для воспрепятствованія Кабардинцамъ при побѣгѣ за Кубань, увлечь подвластныхъ ихъ съ семействами и имуществомъ. Лишь скоро узнали они о движеніи войскъ, поспѣшили перейти за Кубань, но нѣкоторыхъ застали еще войска наши, отбили стада ихъ и преслѣдовали спасающихся вверхъ по Кубани, гдѣ мѣста непреступныя могли служить имъ убѣжищемъ. Далѣе семи верстъ и съ величайшимъ затрудненіемъ не могли пройти войска наши, и нигдѣ при всемъ усиліи не могъ остановить ихъ непріятель. 7-го Кабардинскаго полка нѣсколько человѣкъ, переплывъ Кубань, сожгли одно селеніе, перестрѣлка во многихъ мѣстахъ была довольно сильная.

Отъ рѣчки Тахтамышъ прошелъ я самъ до Каменнаго Моста, для обозрѣнія Кубани.

Оттуда всѣ войска возвратились къ рѣчкѣ Тахтамышу, и симъ кончено обозрѣніе Кабарды, во всемъ ея пространствѣ, отъ Владикавказа и до Каменнаго Моста, въ вершинахъ Кубани.

Офицеры квартирмейстерской части сдѣлали довольно обстоятельную съемку или, по крайней мѣрѣ, несравненно совершеннѣйшую всѣхъ доселѣ произведенныхъ обозрѣній, хотя нельзя сказать, чтобы недостаточно было времени собрать о странѣ сей свѣдѣнія, особенно когда Кабарда наслаждалась продолжительнымъ прежде спокойствіемъ и совершенно повиновалась нашей власти. Въ дѣлахъ предмѣстниковъ моихъ ни чего не нашелъ я, кромѣ нелѣпо составленной карты изъ произведенныхъ частныхъ экспедицій, для связи коихъ надобно было прибѣгать къ разнымъ вымысламъ. Не избѣжала оныхъ и лучшая карта Буцковскаго, по разсказамъ сочиненная.

Впрочемъ войска въ сей разъ проходили туда, гдѣ никогда прежде они не бывали.

На возвратномъ пути моемъ отъ рѣки Кубани, для образованія новой чрезъ Кабарду Линіи, избралъ я слѣдующія мѣста. На вершинахъ рѣчки Тахтамышъ, откуда открывается теченіе Кубани, до поворота ея при Невинномъ мысѣ, предположилъ устроить укрѣпленіе.

На рѣкѣ Кумѣ, у бывшаго Хахандукова аула, небольшой укрѣпленный постъ.

На рѣчкѣ Подкумокъ, при урочищѣ Бургусантъ, укрѣпленный постъ.

Постъ для коммуникаціи при курганѣ, называемомъ Красивый.

Исправить укрѣпленіе при Кислозаводскѣ.

На высотѣ Жиналкѣ учредить два извѣщательныхъ поста, открывающихъ окрестности на большое пространство. При Казакахъ на сихъ мѣстахъ должна быть пѣхота.

Укрѣпленіе на Малкѣ, у Каменнаго Моста, гдѣ лучшія проходятъ за Кубань дороги. Ниже сего, на броду чрезъ сію рѣку, учредить постъ.

Довольно сильный постъ, укрѣпленный на рѣчкѣ Кулькужинъ, долженъ служить связью съ укрѣпленіемъ на Баксанѣ и

препятствовать проходу хищниковъ къ селеніямъ нашимъ скрытными мѣстами, прилежащими къ старой Линіи.

На рѣкѣ Баксанъ, близъ урочища Кызбурунъ, устроено уже было укрѣпленіе и вооружено. Оставивъ двѣ роты гарнизона, приказалъ я сдѣлать временныя на зиму жилища.

Ниже сего укрѣпленія предположено сдѣлать постъ на броду, самомъ удобнѣйшемъ во время высокихъ водъ въ Баксанѣ.

На рѣкѣ Чегемѣ небольшой укрѣпленный постъ, служащій для обезпеченія сообщенія.

На рѣкѣ Нальчикъ главное въ Кабардѣ укрѣпленіе, въ коемъ расположится Штабъ-Квартира полка, назначаемаго для обороны земли.

На лѣсистомъ курганѣ коммуникаціонный постъ, гдѣ со временемъ учредится телеграфъ.

На рѣкѣ Черекъ небольшое укрѣпленіе.

На рѣчкѣ Лескень укрѣпленный постъ.

На рѣкѣ Урухъ довольно обширное укрѣпленіе съ небольшимъ на правомъ берегу оной для защищенія моста. Здѣсь со временемъ намѣренъ я проложить дорогу изъ Грузіи, которая менѣе подвержена будетъ опасности той, которая проходитъ на Моздокъ и куда Чеченцамъ и прочимъ Горскимъ народамъ удобно дѣлать набѣги.

Разстояніе будетъ немного короче, но главнѣйшая выгода въ томъ, что охраняющія прежнію дорогу войска, отдаленныя и съ прочими связи не имѣющія, будучи переведены на новую дорогу, сблизятся съ учреждаемою Линіею и, подкрѣпивъ оную, будутъ способствовать охраненію земли. Новая дорога прикрыта будетъ Терекомъ, отъ стороны горъ безопасна, ибо оныя населены Осетинами, народомъ безсильнымъ и мало предпріимчивымъ.

Во время пребыванія моего въ Кабардѣ, нѣкоторыя укрѣпленія приводились къ окончанію, всѣмъ сдѣланъ чертежъ и начались работы. Войскамъ на зимнее время приказано сдѣлать шалаши.

Въ Кабардѣ учрежденъ судъ изъ Князей и Узденей, на основаніи прежнихъ ихъ правъ и обычаевъ, уничтожено вредное вліяніе глупаго и невѣжественнаго духовенства, которое, со времени удаленія Князей отъ судопроизводства и уничтоженія ихъ власти, въ народѣ произвело всѣ безпорядки и разбои, побудившее наконецъ мѣстное начальство желать ближайшаго за Кабардинцами присмотра.

Въ составленіи суда почти ни одного не нашлось способнаго человѣка. Никто почти изъ Князей, и лучшіе непремѣнно, ни читать, ни писать не умѣютъ. Молодые люди хвастаютъ невѣжествомъ, славятся одними разбоями и хищничествомъ. Словомъ, Кабардинскій народъ дошелъ до той степени упадка, что нѣтъ признака прежнихъ свойствъ его, и въ сраженіяхъ нѣтъ прежней смѣлости, которою Кабардинцы отъ прочихъ народовъ отличались.

Воспоминаніе прежнихъ воинственныхъ подвиговъ, дѣяній знаменитѣйшихъ изъ соотечественниковъ, усилили въ нихъ чувство нынѣшняго ничтожества, а съ нимъ вмѣстѣ породились и всѣ гнуснѣйшіе пороки.

Впрочемъ и доселѣ Кабардинцы почитаются изъ храбрѣйшихъ Горскихъ народовъ.

Два баталіона Ширванскаго полка оставлены въ Кабардѣ, баталіонъ 7-го Кабардинскаго полка возвращенъ въ Грузію, излишніе Казаки распущены по домамъ. Сентября 7-го числа я возвратился въ Тифлисъ.

Во всѣхъ областяхъ нашихъ на полуденной странѣ Кавказа было совершенно покойно. Персія, не получивъ отъ Турціи удовлетворенія, за сдѣланныя торгующимъ утѣсненія и обиды, причиненныя ѣздящимъ на богомолье въ Калбалай, начала непріязненныя дѣйствія. Война съ Греками, отвлекающая все вниманіе Порты и большую часть средствъ ея и многочисленныя изъ Анатоліи войска, поставила ее въ затруднительное положеніе противъ Персіянъ. Сіи воспользовались онымъ, безъ всякаго почти сопротивленія заняли Баязетскій Пашалыкъ, крѣпостцу Мушъ, Малашгердъ и нѣкоторыя другія мѣста, разграбили многія селенія и

увлекли значительное количество въ плѣнъ Армянскихъ семействъ. Набѣги ихъ простирались до окресностей Багдада, гдѣ всѣ не большія ошибки окончились въ ихъ пользу. Измѣна одного изъ Турецкихъ Пашей много способствовала лучшимъ ихъ успѣхамъ.

Со стороны Эриванскаго Ханства не съ одинаковыми дѣйствовали Персіяне выгодами; ибо одинъ изъ главныхъ Куртинскихъ чиновниковъ съ тысячею и болѣе семействъ воинственнаго сего народа, передавшись къ Туркамъ, снискалъ храбростію и предпріимчивостію своею ихъ довѣренность и съ ихъ войсками, дѣлая на Ханство набѣги, производилъ опустошеніе и бралъ въ плѣнъ. Въ одной довольно горячей схваткѣ вырѣзалъ часть Персидской конницы, состоявшую изъ разбойниковъ, бѣжавшихъ давно уже изъ Татарскихъ нашихъ дистанцій.

Турецкіе посланные начальники въ отношеніи къ намъ поступали весьма дружественнымъ образомъ, повсюду прекращено было почти обыкновенное воровство, и Паша Карскій не только не препятствовалъ Армянамъ, въ числѣ пяти сотъ семействъ, боявшихся разоренія отъ Персіянъ, переселиться въ наши предѣлы, но въ послѣдствіи позволилъ вывезти оставленный ими хлѣбъ и скотъ.

Нѣкоторое время жители города Карса, страшась Персіянъ, присылали ко мнѣ съ предложеніемъ, чтобы я занялъ войсками ихъ городъ и мѣста, по границѣ расположенныя. Не могъ я сдѣлать сего по настоящимъ обстоятельствамъ, но многія селенія спасли мы тѣмъ, что, для охраненія купленнаго у нихъ нами хлѣба, расположенъ былъ малый отрядъ войскъ нашихъ.

Время совершенно свободное вознамѣрился я употребить на обозрѣніе нѣкоторыхъ Провинцій.

Осмотрѣвъ расположеніе артиллерійскихъ ротъ на горѣ Гомборъ, въ первый еще разъ видѣлъ я Кахетію, богатую и прелестную страну, лучшую во всей Грузіи.

Не трудно понять, какъ удобно смирить сосѣдственныхъ Кахетіи Лезгинъ Чарскихъ, которые не только давали у себя убѣжище всѣмъ преступникамъ, но способствовали Горцамъ разными пособіями и вмѣстѣ съ ними нападали на Кахетію и произво-

дили въ ней грабежи. Занимаемыя сими Лезгинами земли, лучшія въ сей странѣ, и будучи расположены на возвышенностяхъ, въ знойное время лѣта несравненно менѣе подвержены болѣзнямъ, свирѣпствующимъ на низменности. Занятіе земли сей отдастъ намъ въ руки всѣ выгоды изъ горъ, всѣ торговыя Горскихъ народовъ сношенія и, сверхъ того, по крайней мѣрѣ, четыре тысячи семействъ, бывшихъ не въ давнемъ времени Христіянами, народа весьма трудолюбиваго, который Лезгины оторвали отъ Грузін, пользуясь слабостію Царей и внутренними раздорами, несчастную страну сію раздиравшими. Покоренный ими народъ сей изнемогаетъ подъ звѣрскою ихъ властію и насъ ожидаетъ, какъ избавителей. Необходимо нужно привести сіе въ исполненіе, но не мнѣ будетъ предлежать оное; ибо, занятъ будучи другими дѣлами, не менѣе возможности заключающими, не имѣю я времени.

Пробывъ нѣсколько въ поселеніи Нижегородскаго драгунскаго полка, осматривалъ я урочище Царскіе Колодцы, гдѣ располагается Штабъ Ширванскаго пѣхотнаго полка и одна батарейная рота.

Вскорѣ послѣ сего былъ я въ Карталиніи и въ... отправился осмотрѣть Шекинскую, Ширванскую и Карабагскую Провинціи. Сію послѣднюю особенно нужно мнѣ было видѣть послѣ побѣга Генералъ-Маіора Мехти-Хана. Причины удаленія его въ Персію были слѣдующія: родной племянникъ Хана, Полковникъ Джафаръ-Кули-Ага, наслѣдующій по немъ Ханское достоинство, имѣлъ съ нимъ явную вражду, которую нѣсколько разъ старался я прекратить безуспѣшно, и которая болѣе усилилась отъ несправедливости Хана, при раздѣлѣ между ими имѣнія. Проѣзжая по городу Шушѣ, въ позднее время ночи, Джафаръ-Кули-Ага, не подалеку отъ Ханскаго дома, былъ раненъ двумя выстрѣлами изъ ружей; слѣдовавшіе за нимъ нѣсколько человѣкъ прислужниковъ, испуганные, не имѣли смѣлости броситься на убійцъ, и они успѣли скрыться. Окружной въ Карабагѣ Начальникъ, Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, по жалобѣ Джафаръ-Кули-Аги, который, по происшествіи, прямо къ нему явился, произвелъ строжайшее изслѣдованіе. На Хана перваго пасть должно было подозрѣніе: самъ Джафаръ-Кули-Ага доказывалъ, что за нѣсколько дней предупрежденъ онъ былъ о семъ намѣреніи Хана, и по тому взяты были

подъ стражу люди, служащіе при Ханѣ, и на которыхъ, по извѣстной особенной ихъ предпріимчивости, удобнѣе могъ онъ возложить подобное препорученіе. Между тѣмъ, по другимъ совсѣмъ причинамъ, арестованъ былъ знатнѣйшій изъ Бековъ, къ которому найболѣе имѣлъ Ханъ довѣренности, и Ханъ, боясь, чтобы не быть изобличеннымъ, если не въ намѣреніи убійства, то въ другихъ какихъ либо непозволительныхъ поступкахъ, паче же въ худомъ управленіи землею, противъ котораго доходилъ до него ропотъ народа, бѣжалъ поспѣшно въ Персію.

До пріѣзда моего приказалъ я отпустить въ Персію оставшихся двухъ женъ его, и не только позволилъ взять имущество свое, но и далъ денегъ на дорогу.

Прибывъ въ Карабагъ, учредилъ я городской судъ (Диванъ), народъ во всей Провинціи приведенъ былъ къ присягѣ на вѣрность подданства Императору, и чиновникамъ поручено было, описавъ землю, привести въ ясность принадлежащее казнѣ имущество. Я оставилъ имущество каждаго неприкосновеннымъ, прежнія права и обычаи въ прежней силѣ. Главнѣйшаго изъ Бековъ, который, именемъ Хана, управлялъ землею, пользуясь неограниченною его довѣренностію, пріобрѣлъ огромное имѣніе и не надѣялся сохранить его, оставилъ при прежнихъ правахъ его, не отъемля его собственности. Словомъ, употребилъ я всѣ средства, чтобы успокоить каждаго и внушить приверженность къ новому Правительству.

Въ исчисленіи доходовъ, казнѣ принадлежащихъ, приказалъ я соблюсти умѣренность, и все, что поступило въ оную изъ частныхъ имуществъ, не оставилъ я безъ должнаго вознагражденія. Распоряженіемъ симъ оставилъ я всѣхъ довольными. Изслѣдованіе о покушеніи на жизнь Полковника Джафаръ-Кули-Аги было довершено и совершенно обнаружилось, что Ханъ не имѣлъ ни малѣйшаго въ томъ участія; напротивъ, весьма многіе изъ лучшихъ людей заключили, что Джафаръ-Кули-Аги сдѣлалъ то самъ, съ намѣреніемъ взвести подозрѣніе на Хана, подвергнуть его наказанію и воспользоваться его мѣстомъ. Найболѣе производило сомнѣніе то, что онъ прежде, за нѣсколько дней, говорилъ многимъ, что извѣстно ему намѣреніе Хана, а самъ ни малѣйшей не бралъ

предосторожности, хотя Генералъ-МаіоръКнязь Мадатовъ особенно то ему совѣтовалъ.

Таковой поступокъ, худое расположеніе къ Джафаръ-Кули-Агѣ всего Карабага и то обстоятельство, что, будучи уже разъ измѣнникомъ и находясь при Персидскихъ войскахъ, во время нападенія Аббасъ-Мирзы на Карабагъ, коему, по знанію мѣстъ, служилъ найлучшимъ провожатымъ въ землѣ собственнаго отечества, заставили меня удалить его въ Россію, положивъ ему достаточное содержаніе, и я при себѣ отослалъ его.

Былъ я въ Ширванской и Шекинской Провинціяхъ, вошелъ въ подробное разсмотрѣніе казеннаго хозяйства и взимаемыхъ въ пользу оной разныхъ податей. Въ первой изъ сихъ Провинцій обширные посѣвы Сарачинскаго пшена, требующаго большой работы и трудовъ поселянъ, и съ большими затрудненіями за малую цѣну поступающаго въ продажу, перемѣнилъ на заведенія шелковичныхъ деревьевъ; ибо шелкъ приноситъ несравненно болѣе выгодъ, и можетъ долгое время сохраняться безъ поврежденія.

Въ облегченіе народа и дабы дать торговлѣ нѣсколько болѣе свободы, уменьшилъ я рахтарный сборъ (таможенный).

Въ первый разъ могъ я видѣть обстоятельно, сколько богаты сіи Провинціи хлѣбопашествомъ и шелководствомъ, и что, если бы могла казна сдѣлать нѣкоторыя заведенія и фабрики, онѣ доставили бы казнѣ доходъ весьма значительный. Нѣкоторое время воздерживаюсь я предложить о семъ, дабы сколько ни будь болѣе могли привыкнуть жители къ недавно введенному Россійскому управленію и не могли думать, что главнѣйшее вниманіе онаго обращено исключительно на умноженіе выгодъ казны.

Будучи въ старой Шамахѣ, вызвалъ я къ себѣ Генералъ-Маіора Барона Вреде, бригаднаго командира, начальствующаго въ Дагестанѣ, и обоихъ полковыхъ командировъ. Предписалъ Штабъ-Квартиру Апшеронскаго пѣхотнаго полка перенести изъ города Кубы на избранное вновь мѣсто на рѣкѣ Куссаръ. Давно желалъ я избавиться неопрятнаго и гнуснаго города, въ которомъ войска подвергались всегда необыкновенной смертности, но, по недѣятельности и лѣности Барона Вреде, не могъ того достигнуть,

хотя мѣсто избрано въ близкомъ весьма разстояніи. При семъ полку назначено поселить женатыхъ онаго солдатъ, перенести военный изъ Кубы госпиталь, жилище Окружнаго въ Дагестанѣ Начальника.

Такъ же равномѣрно назначено мѣсто для Штабъ-Квартиры Куринскаго пѣхотнаго полка, не подалеку отъ Дербента, и для поселенія женатыхъ солдатъ.

Осмотрѣна кратчайшая дорога изъ Шамахи въ Кубу, но, по затруднительной разработкѣ, не признана удобною: приказано осмотрѣть идущую чрезъ Алты-Агачъ.

На возвратномъ пути изъ Нухи къ Тифлису, проѣзжалъ я владѣніями Полковника Султана Елиссеуйскаго, имѣя въ виду учредить со временемъ прямѣйшую въ Грузію дорогу. Конечно, нѣкоторое время не будетъ она безопасною, по близости Лезгинъ Чарскаго Общества, но, при значительномъ сокращеніи, представляетъ большія удобности.

Въ Февралѣ возвратился я въ Тифлисъ.

Поручику Путей Сообщенія, Боборыкину, поручалъ я прежде осмотрѣть новую, чрезъ хребетъ Кавказа, дорогу, по направленію отъ города Гори, чрезъ Рачинскій округъ Имеретійскій области и далѣе по сѣверной покатости горъ, слѣдуя теченію рѣки Ардонъ до плоскости Кабардинской. Переправясь чрезъ хребетъ горъ, въ небольшемъ разстояніи отъ онаго, остановленъ онъ былъ непокорствующими намъ Осетинами селенія Тиби, все переѣденное имъ разстояніе нашелъ онъ несравненно удобнѣйшимъ теперешней чрезъ Кавказъ дороги, и если разъ разстроено будетъ прочное сообщеніе, то оно менѣе подвержено будетъ разрушенію и меньшихъ потребуетъ издержекъ. Кромѣ сего новая дорога и ту представляетъ важную выгоду, что съ Кавказской Линіи, достигая до Рачинскаго округа, раздѣляется она на двое и, проходя въ Грузію, въ то же время идетъ въ Имеретію и другія по Черному морю лежащія Провинціи. Теперь же какъ войска, такъ и всѣ вообще транспорты, проходятъ изъ Россіи весьма въ близкомъ отъ Тифлиса разстояніи. Посланный со стороны Линіи Офицеръ такъ же не допущенъ былъ сдѣлать обозрѣніе. Съ Кав-

казской Линіи получилъ я извѣстіе, что за Кубанцы, собравшись въ большихъ силахъ, сдѣлали нападеніе на кругло-лѣское селеніе и, разграбивъ большую часть онаго, увлекли въ плѣнъ до четырехъ сотъ душъ обоего пола. Двѣ роты пѣхоты, спѣшившія ити на помощь селенію, встрѣчены были особенною толпою Закубанцевъ въ превосходныхъ силахъ и, хотя перестрѣлка была весьма жаркая, но роты, опрокинувъ ихъ, не допустили истребить всего селенія, и непріятель обратился поспѣшно къ Кубани.

Генералъ-Маіоръ Сталь 2-й, направивъ ближайшія войска на преслѣдованіе непріятеля, не могъ съ пѣхотою догнать его, но Линейные Казаки, въ числѣ до семи сотъ человѣкъ съ двумя орудіями конной артиллеріи, при самой переправѣ чрезъ Кубань ударили на толпы съ рѣшительностію, и непріятель въ замѣшательствѣ бросался въ рѣку, при чемъ, изъ собственнаго признанія Закубанцевъ, потерю свою почитаютъ они свыше полутора ста человѣкъ убитыми и потонувшими. Не мало погибло и нашихъ поселянъ, захваченныхъ въ плѣнъ, ибо всѣхъ ихъ не успѣли они переправить прежде. Отбито плѣнныхъ, какъ въ семъ случаѣ, такъ и при отступленіи отъ кругло-лѣскаго селенія, не болѣе какъ до ста человѣкъ. Отогнанныя стада вообще всѣ остались въ рукахъ нашихъ.

При первомъ извѣстіи о нападеніи Закубанцевъ, командиръ Навагинскаго пѣхотнаго полка, Подполковникъ Урнажевскій, перешедши довольно съ большимъ отрядомъ за Кубань и къ рѣкѣ Лабѣ, могъ удобно разбить непріятеля, въ большемъ безпорядкѣ спасающагося и обремененнаго добычею, но посланные отъ него для развѣдыванія Закубанцы, находившіеся проводниками при его войскахъ, увѣрили его, что непріятеля вблизи нѣтъ, и что, напротивъ, всѣ разъѣхались въ свои жилища, и онъ возвратился на Линію. Послѣ достовѣрно дознано, что непріятель въ самомъ разстроенномъ положеніи и, боясь быть атакованнымъ при переправѣ, находился въ близкомъ разстояніи.

Въ то же время замѣчены между Кабардинцами, Владѣльцами и Узденями, тайныя сношенія съ Закубанцами, и приверженными намъ людьми даны извѣстія, что сіи послѣдніе обѣщали Кабардинцамъ прійти съ силами, дабы способствовать имъ увлечь съ

собою подвластныхъ своихъ, ибо безъ оныхъ не могли они за Кубанью найти средства удобнаго существованія.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ отправилъ я на Кубань Начальника Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіора Вельяминова 3-го, приказалъ собрать ему сколько возможно войскъ и Казаковъ, остановить два Донскихъ Казачьихъ полка, изъ числа смѣнившихся и отправляющихся на Донъ.

Съ симъ отрядомъ войскъ перешелъ онъ за Кубань, напалъ на селенія живущихъ за Кубанью Ногайцевъ, которые участниками были въ разореніи кругло-лѣскаго селенія и къ толпѣ за Кубанцевъ присоединили 500 человѣкъ своей конницы, предводительствуемой многими изъ ихъ Князей.

Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ 3-й, при разореніи селеній, не встрѣтилъ почти ни какого сопротивленія, взялъ въ плѣнъ 1400 душъ обоего пола и всякаго возраста и весьма большое количество скота. Возвращаясь отъ рѣки Большаго Зеленчука, затрудненныя нестройнымъ движеніемъ великаго числа арбъ и скота, войска наши вскорѣ догнаны были Закубанцами въ числѣ до тысячи человѣкъ

Арріергардъ нашъ испытывалъ жестокое нападеніе намѣревавшагося отбить плѣнныхъ, и наконецъ толпа непріятеля, отдѣлясь, обскакала впередъ, думая остановить войска наши при переходѣ одно тѣсное и неудобное мѣсто. Но войсками нашими предупрежденный непріятель не могъ воспрепятствовать слѣдованію отряда и былъ опрокинутъ съ потерею, весьма для него чувствительною. Въ дѣйствіи со стороны нашей были одни Линейные Казаки и конныя орудія, отъ пѣхоты малое число стрѣлковъ.

Послѣ сего, не видя успѣха въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи, непріятель возвратился, и отрядъ безъ препятствія перешелъ обратно за Кубань.

Большія чрезвычайно воды дѣлали переправы затруднительными. Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ 3-й замѣтилъ, что войска наши, по Кубани расположенныя, долгое время не имѣвшія дѣйствій съ Закубанцами, имѣютъ къ нимъ чрезмѣрно большое уваженіе, въ которомъ участвуютъ и самые Офицеры.

Избѣгая ужаснѣйшихъ въ Тифлисѣ жаровъ, отправился я для осмотра части границы съ Турціею и Персіею.

Прибыли въ Караклиссу назначенныя мною для разграниченія съ Персіею по Гюлистанскому трактату чиновники, Генералъ-Маіоръ Ермоловъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Могилевскій и Полковникъ Ага-Бекъ Садыковъ, со стороны Персіи ожидаемы были чиновники.

Со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ осмотрѣвъ, въ военномъ отношеніи, округъ Самхетію, для лучшей обороны земли и преграженія путей къ Тифлису, избралъ я разоренное селеніе Манглисъ для Штаба 7-го карабинернаго полка, урочище Бѣлый Ключъ опредѣлилъ для 31-го егерскаго полка, и при обоихъ должны быть поселены женатые ихъ солдаты. Перемѣна расположенія егерскаго полка найболѣе представляетъ выгодъ, ибо онъ переходитъ изъ мѣста чрезвычайно нездороваго, гдѣ всегда необыкновенная бывала между людьми смертность.

На урочище Гергеръ, гдѣ расположенъ баталіонъ 41-го егерскаго полка, назначилъ я поселить женатыхъ солдатъ Тифлискаго полка. На Каменной рѣчкѣ (Джалалъ-Оглу), у самой чрезъ оную переправы, квартиры одной артиллерійской роты, полки Казачьи, содержащіе стражу на границѣ, перемѣнятъ теперешнія мѣста свои.

Крѣпость Цалку нашелъ я въ разрушенномъ состояніи, каковое терпимо быть можетъ по одному мирному съ Турками состоянію.

Мѣстоположеніе оной сколько ни худое, не могъ я въ окрестности избрать лучшаго; покрываетъ она собою мѣста по большой части гнусныя, землю совершенно опустошенную; желалъ я отклонить ее далѣе отъ границъ, но она скрылась бы между горами, и сообщенія ея съ другими, и даже въ самой близи лежащими, мѣстами, сдѣлались бы совершенно затруднительными. И такъ предполагаю я нѣсколько ее исправить, въ такое приведя состояніе, чтобы не возможно было сорвать малыми силами.

Проѣзжалъ я до Дилижанскаго ущелья, съ намѣреніемъ разсмотрѣть мѣсто для устроенія небольшаго укрѣпленія, ибо дорога сія есть лучшая для караванов, изъ Персіи идущихъ, и кратчайшая.

Возвратясь въ Тифлисъ, приказалъ я командиру Херсонскаго гренадерскаго полка, Полковнику Попову, съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ пѣхоты пройти по вновь отыскиваемой чрезъ Кавказъ дорогѣ столько далеко, какъ безъ большаго затрудненія могутъ проходить повозки, дабы могъ я сообразить, до котораго разстоянія можно будетъ подвозить провіянтъ для войскъ, которыя употреблены будутъ на обозрѣніе дороги. Со стороны Кабарды посланъ былъ Путей Сообщенія Маіоръ Кершень.

Полковникъ Поповъ прошелъ все разстояніе до хребта и нѣсколько даже за оный, встрѣченъ былъ тѣми же Осетинами, которые прежде посланнаго Офицера не пропустили, имѣлъ съ ними перестрѣлку и весьма благоразумно не упорствовалъ ити далѣе; ибо опасно вдаться въ незнакомыя совершенно мѣста, съ малымъ числомъ людей, и когда, по отдаленію, ни кѣмъ не могъ онъ быть вспомоществуемъ. Маіоръ Кершень, съ пособіемъ Священника, проповѣдующаго въ горахъ Христіянскую вѣру и весьма уважаемаго по его благочестію, успѣлъ осмотрѣть дорогу по сѣверной покатости Кавказа на всемъ пространствѣ, гдѣ представляетъ она самыя величайшія затрудненія, и подходилъ довольно близко къ тѣмъ деревнямъ, жители коихъ противились Полковнику Попову. По мнѣнію осматривавшихъ дорогу и доставленнымъ ими свѣдѣніямъ заключать можно, что дорога должна быть гораздо удобнѣйшою прежней. Я самъ желалъ ее видѣть, но удержанъ былъ разными обстоятельствами.

Отъ Командующаго въ Дагестанѣ, Генеръ-Маіора Фонъ Краббе, получилъ я донесеніе, что нѣкоторыя изъ деревень Мехтулинскаго Округа вышли изъ повиновенія, не исполняютъ обязанностей своихъ, и когда поставленный надъ ними Приставъ понуждалъ ихъ къ высылкѣ рабочихъ и подводъ, то жители имѣли дерзость нанести ему побои, и что къ таковому поступку возбуждены они неблагонамѣренными людьми обнадеживающими ихъ пособіемъ. Генералъ-Маіоръ Фонъ Краббе, находя малое число войскъ, занятыхъ работою при крѣпости Бурной, недостаточнымъ на случай важнѣйшаго возмущенія, поспѣшилъ отправить съ шестью ротами пѣхоты, 6 орудіями артиллеріи и частію Татарской конницы, Куринскаго пѣхотнаго полка командира, Полковника Верховскаго, которому хорошо извѣстны были мѣста и самый народъ того

края; ибо онъ, въ 1820 году, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, расположенъ былъ въ оном съ значительнымъ отрядомъ войскъ. По прибытіи въ Мехтулинскій Округъ къ Полковнику Верховскому долженъ былъ присоединиться одинъ баталіонъ Апшеронскаго полка и 4 орудія изъ крѣпости Бурной. Управляющій работами при сей крѣпости, піонерный Подполковникъ Евреиновъ, до прибытія Полковника Верховскаго усмирилъ оказавшія противъ Пристава дерзость деревни, которыя не только безъ всякаго сопротивленія обратились къ покорности, но и просили прощенія въ винѣ своей и приступили къ исполненію прежнихъ повинностей. Сіе скорое усмиреніе дало поводъ Полковнику Верховскому возвратиться съ отрядомъ, и онъ, достигнувши селенія Карабудагентъ, пошелъ обратно къ Дербенту. Находившійся при Полковникѣ Верховскомъ, родной племянникъ и зять Шамхала, Умалатъ-Бекъ, которому благодѣтельствовалъ онъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, воспользовавшись отдаленіемъ его отъ войскъ, убилъ его выстрѣломъ изъ ружья и скрылся въ горы. Точной причины гнуснаго злодѣйства сего неизвѣстно. Нѣкоторые думаютъ, что оно было слѣдствіемъ заговора съ Аварскимъ бывшимъ Ханомъ, съ которымъ убійца имѣлъ сношенія съ позволенія Г. Верховскаго. Другіе полагаютъ, что, отчаявшись въ примиреніи съ Шамхаломъ, съ которымъ былъ онъ во враждѣ за разводъ съ дочерью его, что между знатными Мусульманами почитается величайшимъ безчестіемъ, подозрѣвалъ онъ, что Полковникъ Верховскій тому препятствуетъ, и будто, подозрѣвая перемѣну его къ себѣ прежняго расположенія, боялся, чтобы Начальство не имѣло на счетъ его сомнѣнія.

Вскорѣ послѣ сего происшествія убійца, имѣя приверженныхъ людей между подвластными Шамхала, взбунтовалъ нѣкоторыя изъ его деревень, къ нимъ присоединился Горскій народъ, называемый Койсу-Бойменцы.

Генералъ-Маіоръ Фонъ Краббе тотчасъ возвратилъ войска и не замедлилъ самъ прибыть къ нимъ. Желая не дать усилиться возмущенію, тотчасъ пошелъ онъ наказать селенія Карандай и Эрпели. Первое изъ сихъ, при маломъ сопротивленіи, разорено до основанія. При послѣднемъ собравшійся въ силахъ непріятель, пользуясь лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, дрался довольно упорно.

Съ нашей стороны не было удобности употребить съ выгодою артиллеріи и, по малочисленности войскъ, нельзя было овладѣть всею деревнею, и, по тому не вся истреблена оная. Войска, проводивши ночь на мѣстѣ сраженія, отошли на другой день. Непріятель не осмѣлился выйти изъ лѣсовъ. Сраженіе сіе, происходившее 29 и 30 Іюня, удержало многихъ отъ возмущенія, но подъявшіе оружіе не довольно были наказаны.

Генералъ-Маіоръ Краббе возвратился къ своей должности въ Кубу, войска остались по старшинству въ командѣ Подполковника Евреинова и расположились въ Мехтулинскомъ Округѣ.

Въ первыхъ числахъ Августа жители Мехтули убили опредѣленнаго при нихъ отъ Начальства Пристава, и тотчасъ во всемъ Округѣ примѣтно было расположеніе къ бунту, хотя еще не было ни чего явнаго. Но 13-го числа, когда отъ войскъ отдѣлена была рота, для препровожденія транспорта съ провіянтомъ, внезапно конница непріятельская напала на оную при селеніи Кафферъ-Кумыкъ, два часа продолжалась перестрѣлка, но противъ построеннаго изъ повозокъ каре, при коемъ было орудіе, конница ни чего рѣшительнаго предпринять не осмѣлилась. На звукъ выстрѣловъ пришелъ изъ Параула весь отрядъ, и непріятель, увидѣвъ движеніе онаго, удалился.

Войска, соединясь, расположились при Кафферъ-Кумыкъ въ твердой довольно позиціи. Транспортъ провіянта и обозъ, устроенные въ каре, защищаемы были малымъ числомъ людей и всѣ прочіе занимали лежащія по области высоты.

Въ ночи собрался непріятель въ большихъ силахъ и расположился по возвышеніямъ далѣе пушечнаго выстрѣла. Во весь день продолжалась перестрѣлка, но въ такомъ разстояніи, что вреда отъ оной не произошло ни какого. На 15-е число, въ продолженіи весьма темной ночи, непріятель, собравшись въ значительномъ количествѣ за обширнымъ курганомъ, началъ работу укрѣпленія, и, вырывъ родъ траншей, приблизился къ передовымъ нашимъ постамъ, занимающимъ высоты, съ тѣмъ, чтобы, не проходя подъ выстрѣлами большаго разстоянія, вдругъ изъ траншей сдѣлать нападеніе.

Высланные отъ передовыхъ постовъ нашихъ на ночное время секретные пикеты открыли работу непріятеля, весьма уже близко производимую. Тотчасъ будучи подкрѣплены, начали они перестрѣлку, которая продолжалась до разсвѣта, не менѣе двухъ часовъ. Лишь только возможно было различать предметы, пѣхота наша, при сильномъ дѣйствіи артиллеріи, ударила въ штыки на непріятельскіе окопы и въ такое привела замѣшательство стѣснившіяся въ траншеяхъ толпы, что онѣ, не скоро выбравшись изъ оныхъ, подверглись пораженію штыками и, оставивъ до двухъ сотъ тѣлъ, предались поспѣшнѣйшему бѣгству. Войска преслѣдовали ихъ до самаго селенія, которое немедленно было очищено. Въ продолженіи дня непріятель оставилъ и самыя отдаленныя возвышенія. Отрядъ, не болѣе какъ изъ 1300 человѣкъ и 6 орудій состоявшій, потерявъ убитыми 11-ть и ранеными 32 человѣка, разсѣялъ силы не менѣе 6 тысячъ. Войска безпрепятственно, и даже ни кого не встрѣтивъ, прибыли къ селенію Параулъ и около его расположились лагеремъ.

Жители всѣхъ селеній, участвовавшихъ въ дѣйствіи противъ нашихъ войскъ, пришли просить пощады, не скрывая своего преступленія.

Избѣгая необходимости наказывать большое число виновныхъ, имъ объявлено прощеніе, но наложенъ штрафъ хлѣбомъ и скотомъ въ пользу войскъ и весьма небольшое число денегъ, дабы взысканіе было чувствительнѣйшимъ. Нѣкоторые изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ бунта взяты подъ стражу.

Получивъ о сихъ происшествіяхъ извѣстіе, почелъ я нужнымъ быть самъ въ Дагестанѣ. Малое число войскъ, тамъ находящееся, могло ободрить Горскіе народы къ новымъ предпріятіямъ, тѣмъ болѣе, что, по глупости своей, вѣрили они распущеннымъ убійцею слухамъ, что съ Турками и Персіянами война занимаетъ всѣ войска наши и туда никто не прибудетъ. Сверхъ того, нельзя было совершенно положиться на Акушинцевъ, которыхъ присоединеніе къ мятежникамъ могло быть опаснымъ, хотя до того не брали они ни какого въ безпокойствахъ участія и поведеніе ихъ было безъ упрека. Итакъ, составивъ отрядъ во Владикавказѣ изъ одного баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка, изъ Грузіи

отправленнаго, одного взятаго изъ Кабарды баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка, восьми орудій артиллеріи и одной сотни Линейныхъ Казаковъ, пошелъ я съ онымъ, Сентября 20 числа, по рѣкѣ Сунжѣ, дабы осмотрѣть мѣста вновь учрежденной Линіи.

Сдѣлавъ одинъ день роздыха въ крѣпости Грозной, пошелъ я чрезъ крѣпость Внезапную, укрѣпленія Амиръ-Аджи-Юртъ и Казіюртъ, до крѣпости Бурной, куда прибылъ Октября 3-го числа и не медля вошелъ въ Мехтулинскій Округъ, расположивъ квартиру мою въ селеніи Казанишь. Два некомплектныхъ баталіона прибывшихъ со мною, показались силами ужасными, ибо ни кого здѣсь не увѣришь, чтобы могло ихъ быть мало при главномъ начальникѣ. Горцы, которые, какъ предполагали жители, намѣрены были собраться и сдѣлать нападеніе, отложили предпріятіе, сосѣдственныя имъ селенія, надѣявшіяся на помощь ихъ и до того не покорствовавшія, просили помилованія, которое и даровано имъ, и войска расположились по селеніямъ, гдѣ назначены имъ зимнія квартиры.

Предъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Грузіи Наслѣдникъ Персіи, Аббасъ-Мирза, прислалъ ко мнѣ чиновника, съ объявленіемъ, что между Персіею и Турціею прекращены непріязненныя дѣйствія и уже составлены пункты мирнаго договора. При семъ случаѣ довольно хвастливо упомянулъ, что Турки принуждены къ тому блистательными успѣхами его оружія.

Коммиссары наши, посланные для назначенія границы, увѣдомили, что вскорѣ послѣдовать долженствующій миръ, чрезвычайно возгордилъ Персіянъ, и что, въ переговорахъ съ ихъ чиновниками, на каждомъ шагу начали они испытывать противорѣчія, вопреки здраваго смысла и въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ. На примѣръ, берега рѣки опредѣляютъ они не по теченію оной, но напротивъ. Впрочемъ, подобныя понятія принадлежатъ собственно Аббасъ-Мирзѣ, котораго многіе почитаютъ великимъ геніемъ, преобразователемъ своего народа и вводящимъ Европейское просвѣщеніе.

Мнѣніе сіе раздѣляетъ съ прочими и наше Министерство, имѣющее нужду знать его короче.

Отъ начальника Штаба получилъ я донесеніе, что онъ сдѣлалъ вторительный поискъ за Кубань. Первое нападеніе произвело такой ужасъ между жителями, ближайшими къ нашей границѣ, что они сколько можно отдалились къ горамъ, и сіе было причиною, что войска, подъ командою его бывшія, сдѣлали три перехода, не будучи ни кѣмъ усмотрѣны. Внезапно напалъ на три Ногайскіе аула, въ совершеннѣйшей безпечности бывшіе, съ потерею двухъ человѣкъ вырѣзано до 300 душъ всякаго возраста и обоего пола, взято въ плѣнъ 566 душъ и болѣе 2 тыс. рогатаго скота. Владѣтель успѣлъ спастись съ женою, но всего лишившись имущества. Непомѣрная потеря непріятеля произошла отъ того, что Казаки на самомъ разсвѣтѣ застали жителей спящихъ, мгновенно отрѣзали между аулами сообщеніе и не допустили ихъ соединиться. Оставалась одна сторона свободная къ рѣкѣ Лабѣ, но скрытно прошедшая къ самой переправѣ наша пѣхота, встрѣтивъ на оной спасающихся, многихъ побила и перехватала.

На возвратномъ пути къ Кубани собрались большія толпы непріятеля, думая воспользоваться затрудненнымъ движеніемъ войскъ отъ плѣнныхъ и большаго числа скота, но въ подобномъ же случаѣ испытавъ прежде чувствительный уронъ, не осмѣлились сдѣлать онѣ рѣшительнаго нападенія и ограничились одною издалека перестрѣлкою. Мѣста открытыя способствовали безпрепятственному движенію. Въ верхнемъ Каракайдакѣ и части независимой отъ насъ Табассарани обнаружились безпокойства, и небольшія шайки разбойниковъ начали производить грабежи на земляхъ нашихъ. Родственники возмутившагося измѣнника тайно ему вспомоществовали тѣмъ болѣе успѣшно, что занимали почетныя у насъ мѣста, но я приказалъ въ селеніяхъ ихъ расположить войска и на ихъ продовольствіи, смотря въ то же время за исправностію обывательскихъ карауловъ, и тотчасъ прекратились шалости. Генералъ-Маіоръ Асланъ-Ханъ Кюринскій и Казыкумыцкій наказалъ Табассаранцевъ отгономъ стадъ ихъ.

Въ семъ году въ первый разъ въ странахъ здѣшнихъ появилась опасная болѣзнь, Cholera morbus. Въ 1821 году, перенесшись изъ Индіи въ Персію, произвела она тамъ большія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опустошенія, повторилась въ слѣдующемъ году не съ меньшею жестокостію, и наконецъ у насъ въ границахъ,

первоначально посѣтивъ лежащія по нижней части рѣки Куры селенія, распространилась въ городъ Баку, по Ширванской Провинціи, нѣкоторымъ округамъ Провинціи Кубинской и даже въ городѣ Астрахани. Нельзя исчислить точной потери людей, ибо между Мусульманами, паче кочующими, нѣтъ средствъ собрать вѣрныхъ свѣдѣній, но гдѣ таковыя были возможны, замѣтно, что изъ числа заболѣвающихъ умиралъ пятый и даже шестой человѣкъ.

Правительство не упустило въ семъ случаѣ прислать нѣсколько лѣкарей и наставленія, но прежде сего взяты уже были нужныя мѣры, и первыя свѣдѣнія о средствахъ пользованія сей болѣзни доставлены мнѣ Англичанами, давно знакомыми съ нею въ Индіи, и тамъ пребывающими Армянами.

Вообще, къ счастію нашему, болѣзнь сія стоила намъ несравненно меньшей потери, нежели въ Персіи.

По извѣстіямъ изъ Грузіи, миръ между Персіею и Портою не приведенъ къ окончанію, по нѣкоторымъ несогласіямъ, но правдоподобно, что Порта, по причинѣ неудачныхъ дѣйствій въ Греціи, стараться будетъ устранить всѣ затрудненія, ибо имѣетъ нужду въ войскахъ, противъ Персіи употребленныхъ. Аббасъ-Мирза имѣлъ свиданіе на границѣ Карабага съ Генералъ-Маіоромъ Княземъ Мадатовымъ, и встрѣтились весьма дружелюбно.

Но объясненіе сего, что безпрерывное переселеніе и бѣгство кочующихъ народовъ пораждаетъ между дружественными Державами непріятности и охлажденіе, что бѣглые Ханы и всякаго другаго состоянія люди, принимаемые въ Персіи, получая позволеніе жить близко границъ нашихъ, производятъ разбои и подговариваютъ подданныхъ нашихъ, что имѣютъ тайныя связи и сношенія, Правительству вредныя, и что на разныя по сему предмету мои представленія Персія, не пріемля ни какихъ мѣръ, даетъ мнѣ право поведеніе ея почитать неблагонамѣреннымъ.

Аббасъ-Мирза, принявъ объясненіе благосклонно, увѣрялъ, что онъ употребитъ всѣ средства доказать, какъ велико желаніе его пріобрѣсти милостивое къ себѣ расположеніе Императора, и что онъ не замедлитъ сдѣлать распоряженіе, которымъ здѣшнее

Начальство будетъ довольно. Мнѣ остается сказать, что, зная Аббасъ-Мирзу, я никогда и ни одному слову его не повѣрю.

Генералъ-Маіоръ Власовъ донесъ, что войско Черноморское весьма удачно отразило шайку Закубанцевъ изъ 1500 человѣкъ, которые, подъ предводительствомъ извѣстныхъ разбойниковъ, намѣревались напасть на учреждаемое вновь на лѣвомъ флангѣ селеніе. Черноморцы были гораздо въ меньшемъ числѣ, ибо извѣстіе о приближеніи непріятеля, не за долго полученное, не дало достаточно времени собрать большое число войскъ. Казаки особенно оказали рѣшительность и безстрашіе, подъ собственнымъ распоряженіемъ Генералъ-Маіора Власова.

Я намѣревался наказать лежащее въ горахъ селеніе Ара-Канъ, и, собравъ войска при селеніи Джангутай, часть небольшую отрядилъ для обозрѣнія дороги, которая по слухамъ была не проходимою. Она найдена совершенно не таковою, и даже артиллерія, хотя съ затрудненіемъ, могла, однако же, слѣдовать за войсками на большое разстояніе, но наставшая ненастная погода, недостатокъ лѣса для дровъ и трудность подвезти фуражъ, заставили меня отложить предпріятіе. Вскорѣ потомъ, съ частію войскъ прошедши до селенія Эрпели, приказалъ я осмотрѣть дороги къ деревнямъ Гимри и Иргана, принадлежащія обществу Койсу-Бойлинцевъ, намъ не повинующемуся. Переходъ чрезъ хребетъ, называемый Аракесъ, оказался нѣсколько затруднительнымъ, особенно спускъ по необычайной крутизнѣ своей; ущелье, по коему пролегаетъ къ деревнямъ путь, паче къ Иргана, довольно проходимо, но безъ артиллеріи.

При осмотрѣ дороги произошла перестрѣлка. Непріятель, трусливо защищавшій хребетъ, обратился въ поспѣшнѣйшее бѣгство.

Генералъ--Маіоръ Власовъ 1-й, составивъ отрядъ войскъ въ три тысячи Казаковъ, съ двумя ротами пѣхоты и нѣсколькими орудіями, выступилъ за Кубань, для наказанія народа Абазехскаго, во всѣхъ набѣгахъ на границы наши участвующаго и дающаго у себя пристанище разбойникамъ. Предупрежденный о движеніи войскъ, непріятель укрылъ въ лѣсахъ семейства, но не могъ спасти имущества. Генералъ-Маіоръ Власовъ, прошедши въ ночь до шестидесяти верстъ, окружилъ два селенія, но уже не было жителей, кромѣ карауловъ и нѣсколькихъ человѣкъ, засѣвшихъ

въ ближайшемъ лѣсу, изъ котораго производили ружейный огонь. Селеніе было разграблено и обращено въ пепелъ и взято одно мѣдное шестифунтовое орудіе изъ числа тѣхъ, кои даны Анапскимъ Пашею Закубанцамъ. Въ обратномъ слѣдованіи чрезъ лѣсистыя мѣста, Абазехи думали остановить войска наши и отбить захваченное орудіе, но, повсюду отраженные съ урономъ, уступили храбрости Казаковъ. На равнинѣ встрѣчены были большія толпы конницы Закубанцевъ, но онѣ не рѣшились препятствовать слѣдованію войскъ.

Со стороны Дагестана продолжалось бездѣйствіе войскъ нашихъ. Посредствомъ Шамхала и Акушинцевъ надѣялся я достать аманатовъ отъ ближайшихъ Горскихъ народовъ.

Я самъ не долженъ былъ ихъ требовать, дабы не подвергнуться отказу, который легко могли сдѣлать, не будучи угрожаемы ни какою опасностію и не видя въ близи войскъ нашихъ. Я заставилъ жителей страны разумѣть, что Главнокомандующему нельзя сдѣлать отказа безнаказанно, и покореніе Акушинской Области въ семъ смыслѣ было имъ вразумительнѣйшимъ примѣромъ.

Здѣсь, въ Казанищѣ, склонилъ я Шамхала пригласить къ себѣ Сеидъ-Ефендія, извѣстнаго ученостію и между Горцами пользующагося величайшимъ уваженіемъ и довѣренностію.

Принадлежа къ числу главнѣйшихъ священныхъ особъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на дѣйствія ближайшихъ къ намъ народовъ. Въ дружескихъ съ Шамхаломъ сношеніяхъ, онъ пріѣхалъ къ нему и познакомился со мною.

Нѣсколько разъ видѣлся я съ нимъ, но не иначе, какъ у Шамхала и въ ночное время, дабы не было подозрѣнія между Горцами о знакомствѣ между нами, и они оставались въ убѣжденіи, что онъ не угождалъ ни одному изъ Русскихъ начальниковъ. Въ немъ нашелъ я человѣка здравомыслящаго, желающаго спокойствія, и мнѣ не трудно было угадать, что онъ не откажется быть мнѣ полезнымъ. О свиданіяхъ съ нимъ не зналъ никто изъ моихъ приближенныхъ, кромѣ одного, необходимаго мнѣ, переводчика. Посредствомъ Шамхала я обѣщалъ Сеидъ-Ефендію доставлять жалованье.

Умершаго Мехтулинскаго Владѣльца, Гассанъ-Хана сынъ, молодой человѣкъ, увезенный дядею его, измѣнникомъ Аварскимъ Ханомъ, бѣжалъ изъ Авара, явился ко мнѣ, испрашивая прощеніе въ безпокойствахъ, которыя возбуждалъ онъ во владѣніяхъ, отцу его принадлежавшихъ, подстрекаемъ будучи къ тому умершимъ въ недавнемъ времени его дядею. Сей послѣдній мечталъ, въ глупости своей, казаться опаснымъ для насъ, и тѣмъ наклонить Правительство къ прощенію гнусной его измѣны и возвращенію отнятаго жалованья, которое давало ему избыточные способы существованія и средство имѣть людей, себѣ приверженныхъ.

Молодому человѣку, надѣявшемуся на великодушіе Правительства, даровалъ я прощеніе и возвратилъ деревни, бывшія отца его, принявъ присягу на вѣрность подданства Императору.

Мѣра сія, по удостовѣренію здѣшнихъ, можетъ дать спокойствіе, ибо всегда мятежники возраждались со стороны жителей Мехтулинскихъ, которыми легко можетъ онъ управлять, по привязанности къ нему оныхъ.

Наставшее холодное время и снѣга, покрывшіе горы, составляющія границу нашу въ Персію, воспрепятствовали Коммиссарамъ нашимъ продолжать ихъ дѣйствія по предмету назначенія границъ, и я прикалъ имъ возвратиться въ Тифлисъ.

Изъ присланныхъ ими донесеній обнаружились затрудненія, которыя самъ Аббасъ-Мирза вымышлялъ для воспрепятствованія въ разграниченіи и при свиданіи съ Коммиссарами старался, въ присутствіи многихъ своихъ чиновниковъ, выставить несправедливое занятіе войсками Русскими части Ханства Талышенскаго. Окружающіе его не разъ говорили, что Аббасъ Мирза намѣренъ отправить въ Петербургъ довѣренную особу, если встрѣтитъ со стороны Коммиссаровъ несговорчивость въ опредѣленіи границы, какъ онъ желаетъ, то есть, совершенно уклоняясь, смысла трактата. Онъ ни мало не сомнѣвается въ успѣхѣ, полагаясь на вниманіе, которое Правительство оказываетъ безъ разбора каждому ничтожному изъ Персіянъ. Весьма мало понимаетъ Аббасъ-Мирза велукодушную систему нашего Правительства и, конечно, не по-

добнаго ему человѣка, исполненнаго всѣхъ низкихъ свойствъ, можно вразумить легко въ оную.

Болѣзнь Начальника Штаба, Генералъ-Маіора Вельяминова 2-го, заставила меня позволить ему ѣхать въ Тифлисъ, для излѣченія, и войска, по Кубани расположенныя для охраненія границы отъ набѣговъ, поручены артиллеріи Полковнику Кацареву.

1824 г. Изъ числа бѣжавшихъ за Кубань Кабардинцевъ одинъ знатнѣйшій между Князьями, въ сопровожденіи нѣсколькихъ извѣстныхъ разбойниковъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ Дагестанъ. Начальникъ Штаба предупредилъ меня, что Князь Арсланъ Бекъ Біесленевъ имѣетъ порученіе отъ прочихъ предложить мнѣ условія, на коихъ готовы они возвратиться на прежнее свое жительство. Я вызывалъ его одного, желая, чтобы онъ, какъ человѣкъ, по способности своей, могущій быть полезнымъ Правительству, переселился въ Кабарду, но ни съ кѣмъ изъ прочихъ не почиталъ я приличнымъ входить въ переговоры.

Встрѣтивъ въ немъ человѣка болѣе многихъ Кабардинцевъ здравомыслящаго, легко мнѣ было вразумить его, что уничтожительно было бы для меня допустить условія съ людьми, нарушившими данную присягу въ вѣрности Государю; что виновные должны просить о прощеніи, а не предлагать условія; что могутъ надѣяться на великодушіе Правительства, готовое оказать оное раскаевающемуся; что несправедливо было бы предоставить большія выгоды измѣнникамъ предъ тѣми, кои, не оставляя земли своей, покорствуютъ Правительству и его распоряженія выполняютъ безпрекословно.

Не страшилъ я угрозами виновныхъ, но не скрылъ отъ нихъ, что не долженъ терпѣть пребываніе ихъ близко границъ нашихъ, дабы примѣромъ безнаказанности не ободрили къ злодѣяніямъ людей неблагонамѣренныхъ.

Нелѣпыя желанія Кабардинцевъ состояли въ слѣдующемъ:

1. Возвратиться въ свою землю не иначе, если Правительство уничтожитъ устроенныя въ 1822 году крѣпости и удалитъ войска отъ горъ.

Это значитъ имѣть средство продолжать прежнія злодѣянія, не подвергаясь наказанію, имѣть въ горахъ убѣжище.

2. Разбирательство дѣлъ оставить во всемъ, на прежнемъ основаніи, то есть, въ рукахъ священныхъ особъ.

Это происки Муллъ, самыхъ величайшихъ невѣждъ, которые, изъ всѣхъ исповѣдующихъ законъ Мусульманскій, какъ будто для того собраны въ Кабардѣ, чтобы славиться мудростію своею между людьми еще большей степенью невѣжества омраченными. Князья Кабардинскіе первое между таковыми занимаютъ мѣсто.

Кабардинскимъ Князьямъ по тому выгоденъ Шаріатъ или Судъ священныхъ особъ, что они, пользуясь корыстолюбіемъ ихъ, въ рѣшеніи дѣлъ всегда могутъ наклонять ихъ въ свою пользу въ тяжбахъ съ людьми низшаго состоянія. Законъ Мусульманскій хотя признаетъ всѣ вообще состоянія свободными, но священныя особы, удаляясь сего правила, полное дѣйствіе Шаріата допускали въ разбирательствѣ дѣлъ между Князьями и знатнѣйшими фамиліями Узденей, а простой народъ, когда требовала польза знатнѣйшихъ и богатыхъ, всегда былъ утѣсняемъ, и бѣдный никогда не получалъ правосудія и защиты. Возобновленія Шаріата выпрашивали у меня Кабардинскіе Князья и Уздени, оставшіеся подъ управленіемъ нашимъ, съ тѣмъ, чтобы дѣла простаго народа разбираемы были по Россійскимъ законамъ.

3. Если бы Начальство отказало исполнить желанія, то испросить согласія онаго на пребываніе ихъ за Кубанью, съ тѣмъ, чтобы воспрещено было войскамъ ихъ преслѣдовать, или нарушать ихъ спокойствіе, что, въ удостовѣреніе удаленія ихъ отъ всякихъ вредныхъ замысловъ, дадутъ они аманатовъ.

Это означаетъ намѣреніе продолжать тайныя связи съ соотечественниками своими, оставшимися подъ управленіемъ нашимъ, дабы, возбуждая ихъ противъ Правительства, представляя имъ убѣжище за Кубанью и защиту тамошнихъ народовъ, склонить начальство... [2] безпокойства, предложила имъ возвратиться въ Кабарду на тѣхъ условіяхъ, которыя найдутъ они для себя полезными.

---

[2] Въ подлинникѣ тутъ пропускъ.

До побѣга Кабардинцевъ за Кубань были отъ нихъ у насъ аманаты. Изъ присяжныхъ листовъ ихъ можно составить цѣлые томы. Со стороны нашей были употреблены увѣщанія убѣдительнѣйшія, самое великодушное снисхожденіе, истолковано, сколько необходима перемѣна поведенія ихъ для собственной ихъ выгоды, но ни что не помѣшало имъ быть гнуснѣйшими измѣнниками, презрительнѣйшими изъ мошенниковъ.

Итакъ, по извѣстности мнѣ обстоятельствъ, отвергъ я желаніе Кабардинцевъ, за Кубанью живущихъ. Асланъ-Бекъ Біесленевъ, принятый ласково и съ уваженіемъ, получа отъ меня подарки самымъ привѣтливымъ образомъ, отправился обратно.

Кажется, что пріятно ему было дать мнѣ чувствовать, что онъ, лишь только возможно ему будетъ, возвратится въ Кабарду, и что онъ получилъ совсѣмъ другое о Русскихъ понятіе. Онъ прежде не бывалъ ни у одного изъ Русскихъ начальниковъ.

Оставивъ небольшое число войскъ въ Мехтулинскомъ Округѣ, для утвержденія водвореннаго спокойствія, отправился я въ Дербентъ.

Давъ постановленіе Каракайдацкой Провинціи и обложивъ постоянною податью Терекеменскія оной селенія, которыя пользовались льготою для поправленія, послѣ военныхъ дѣйствій въ 1819 году, истребившихъ ихъ, поручилъ я привести въ извѣстность жителей города Дербента и ввести нѣкоторый полицейскій порядокъ, что, нерадѣніемъ прежняго Коменданта и послабленіемъ Генералъ-Маіора Барона Вреде, совершенно было пренебрежено. Городъ приказалъ я по возможности улучшить расширеніемъ улицъ и, не допуская исправлять починкою ветхія строенія, сдѣлать площади. Городъ, стѣсненный до чрезвычайности неопрятностію жителей, дѣлаетъ воздухъ необыкновенно вреднымъ, что и понудило прибѣгнуть къ расширенію его.

Въ Кубинской Провинціи исправилъ я постановленіе, которымъ доселѣ руководствовались Беки, имѣющіе въ управленіи казенныя деревни. Въ перемѣнѣ сей доставлено народу не малое облегченіе и опредѣлена обстоятельно мѣра повинности онаго въ отношеніи къ Бекамъ.

Издалъ я постановленіе въ разсужденіи священныхъ особъ, коимъ опредѣлено нужное оныхъ количество, имъ — приличное содержаніе. Положены правила для постепеннаго возведенія въ званія Ефендіевъ и Ахундовъ. Воспрещено посылать за границу для обученія закону, гдѣ многіе до сего получали свидѣтельства на различныя званія и, сообразно онымъ, занимали мѣста въ Провинціяхъ нашихъ. Постановленіемъ уничтожено невѣжественное постановленіе званіе Муллъ сохранять наслѣдственно въ семействахъ, отъ чего произошло, что большая часть таковыхъ ни чему не имѣли нужды учиться и о законѣ ни малѣйшаго понятія не имѣютъ.

Учредилъ Коммиссію для разбора Бекскихъ фамилій, ибо многіе присвоили себѣ достоинство сіе несправедливо.

Въ Кубинской Провинціи нашелъ я большую часть Бекскихъ фамилій и вообще простой народъ весьма приверженными Правительству и старающимися доказать свою вѣрность. Войска въ Провинціи временно набираемыя служатъ съ усердіемъ и довольно храбро.

Семейства опредѣленныхъ на военную службу людей, изъ коихъ содержатся въ Провинціи караулы и посылаются противъ непріятеля отряды, ограничилъ я числомъ четырехъ сотъ, съ тѣмъ, чтобы пополняемы были убывающія семейства.

Въ числѣ военныхъ людей приказалъ назначить зажиточнѣйшихъ, дабы могли имѣть лучшихъ лошадей и исправное оружіе.

Въ Ширванской Провинціи не могъ я тѣхъ же ввести постановленій, какъ въ Кубинской, ибо народъ и самые Беки не имѣли времени сдѣлать къ намъ привычки, по недавнему введенію управленія нашего.

Съ особеннымъ вниманіемъ обратился я къ казенному хозяйству, уменьшилъ, нѣсколько отяготительные для народа, посѣвы хлѣба, и часть таковыхъ замѣнилъ заведеніемъ шелковичныхъ садовъ, распредѣливъ постепенное оныхъ ежегодно умноженіе.

Вообще поставилъ я на видъ мѣстному начальству, что полезнѣе ограничить количество посѣва чалтыка (Сарачинскаго пше-

на), который затруднительно сохранять безъ поврежденія даже короткое время и который требуетъ несравненно большихъ трудовъ и работы, нежели шелкъ, порчѣ не подвергающейся. Поручилъ такъ же посѣвъ хлопчатой бумаги.

Въ городѣ Старой Шамахѣ, издавна разоренномъ и оставленномъ, мною возобновленномъ въ 1821 году по начертанному плану, начаты строенія, и уже большое количество лавокъ весьма хорошихъ возведены въ разныхъ мѣстахъ. Главную мечеть, зданіе весьма великолѣпное, которое исправляли жители на пожертвованныя ими деньги, приказалъ я строить на казенный счетъ, возвративъ сдѣланныя ими издержки.

Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Тифлисъ примѣчены въ Абхазіи нѣкоторыя неудовольствія сосѣдственныхъ Горцевъ. Молодой Владѣтель не могъ прекратить ихъ, мать его, женщина глупая и своеобычная, напротивъ, умножала ихъ своею неловкостію, и ближайшихъ селеній жители, прежде спокойные, начали производить разбои.

Для усмиренія ихъ должна была часть, находящагося въ Сухумѣ, гарнизона сдѣлать нападеніе на одно изъ селеній. Оно было разорено, но войска, возвращаясь, встрѣтили скрывшагося въ лѣсу непріятеля и при началѣ перестрѣлки убитъ Подполковникъ Михинъ, храбрый Офицеръ, командовавшій отрядомъ. Вѣроятно, что за симъ послѣдовалъ нѣкоторый безпорядокъ, и онъ былъ причиною потери нашей, ибо убито и ранено 42 человѣка, что не весьма обыкновенно.

Вскорѣ за симъ возгорѣлся общій мятежъ, и неудовольствія на фамилію Владѣтельнаго Князя вооружили противъ него и самихъ сосѣдей. Онъ удалилъ мать свою въ Сухумъ, подъ защиту войскъ нашихъ, самъ, оставшись въ домѣ своемъ въ селеніи Соупсу, гдѣ находилось до 300 человѣкъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, содержался въ тѣсномъ облежаніи болѣе полутора мѣсяца. Недостатокъ въ укрѣпленіи воды и необходимость запасаться оною понуждала дѣлать вылазки, но потеря со стороны нашей не достигла даже и десяти человѣкъ.

Начальствующій въ Имеретіи, Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ, съ 1400 человѣками пѣхоты и двумя орудіями пошелъ для освобожденія находившагося въ Соупсу отряда.

При рѣкѣ Ингуръ непріятель былъ въ небольшихъ силахъ и не могъ воспрепятствовать переправѣ, хотя оная была весьма затруднительна, но далѣе къ Сухумъ-Кале сдѣлалъ во многихъ мѣстахъ завалы, собравшіяся толпы были многочисленны и дрались упорно. Войска, разсѣявъ ихъ, дошли до Сухума.

Отъ сего мѣста до селенія Соупсу 30 верстъ, но дорога тѣсная лежитъ по берегу моря между утесистыми скалами, покрытыми лѣсомъ почти непроходимымъ, и здѣсь-то ожидалъ непріятель съ большими выгодами встрѣтить войска наши.

Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ, сдѣлавъ обозрѣніе дороги и усмотрѣвъ, что невозможно безъ чувствительной потери выгнать многочисленнаго непріятеля изъ мѣстъ, по природѣ твердыхъ и, сверхъ того, тщательно укрѣпленныхъ, рѣшился сдѣлать высадку.

Первоначально съ 800 человѣками пѣхоты вышелъ онъ на берегъ въ пяти верстахъ отъ Соупсу, овладѣлъ прилежащимъ лѣсомъ и устроилъ небольшое укрѣпленіе. Дѣйствіе артиллеріи съ судовъ не допустило непріятеля затруднить высадку, и оная совершилась съ ничтожнымъ урономъ. Вскорѣ прибыло изъ Сухума еще 250 человѣкъ пѣхоты. Сихъ оставилъ онъ въ укрѣпленіи, а съ первыми пошелъ къ Соупсу. Непріятель дѣлалъ усилія не допустить его, но не могъ устоять. Находившійся въ укрѣпленіи отрядъ усмотрѣвъ, что главнѣйшія непріятельскія силы обратились противъ войскъ, идущихъ отъ берега, сдѣлалалъ вылазку, зажегъ ближайшія къ укрѣпленію строенія, въ которыхъ укрывались мятежники, и заставилъ ихъ удалиться. Между тѣмъ непріятель побѣжалъ, потеря его была значительна и войска, безпрепятственно соединившись, возвратились на берегъ.

Военныя суда въ достаточномъ количествѣ, изъ Крыма присланныя, способствовали успѣху высадки и предпріятія. Генералъ-Маіоръ Князь Горчаковъ благоразумно сдѣлалъ распоряженіе къ дѣйствію столько же рѣшительному, какъ и смѣлому.

Владѣтель Абхазскій пребылъ непоколебимымъ въ вѣрности Императору и съ семействомъ выѣхалъ въ Мингрелію къ родственнику своему Генералъ-Лейтенанту Князю Дадіяну; который, собравъ милицію свою, содѣйствовалъ войскамъ нашимъ. Но оказались ничтожными пособія его; ибо народъ его, не безъ основанія разумѣется весьма робкимъ между жителями здѣшней страны.

Въ теченіи лѣта войска наши за Кубанью имѣли повсюду весьма счастливые успѣхи. Командующій оными, артиллеріи Полковникъ Кацаревъ, преслѣдовалъ укрывающихся тамъ бѣглыхъ Кабардинцевъ. Абазинцы, принявшіе ихъ и съ ними участвующіе въ разбояхъ, найболѣе за то потерпѣли: селенія ихъ разорены, лошади и скотъ захвачены во множествѣ, въ людяхъ имѣли они уронъ необыкновенный. Страхъ распространенъ между сосѣдственными имъ народами. Болѣе нежели въ двадцать разъ отмщено злодѣямъ за нападеніе на селеніе Круглолѣское.

Анапскій Паша, по убѣдительной просьбѣ Закубанцевъ, присылалъ чиновника испрашивать помилованія имъ и прекращенія дѣйствій войскъ. Нѣкоторыя изъ ближайшихъ обществъ пріуготовились дать аманатовъ въ удостовѣреніе, что будутъ жить спокойно и возбранять производящимъ разбои и хищничества переходъ чрезъ ихъ земли.

Нельзя вѣрить обѣщаніямъ Паши; ибо не имѣетъ онъ силы воздержать народы, къ грабежамъ пріобыкшіе и ему не повинующіеся. Столько же неблагонадежны и клятвы самихъ народовъ; ибо нѣтъ между ими людей, имѣющихъ власть, и никто вліяніе оной не допускаетъ надъ собою. Полезнѣйшіе совѣты старѣйшихъ въ посмѣяніи у буйной молодежи и нѣтъ обузданія на оную. Разбои и грабежи въ ихъ понятіи — слава, пріобрѣтаемая добыча составляетъ значительную выгоду.

Въ непродолжительное пребываніе мое сего года на Кавказской Линіи осмотрѣлъ я строящіяся казенныя зданія на Минеральныхъ Водахъ. Нѣтъ ни малѣйшаго хозяйства въ пріуготовленіи нужныхъ матеріяловъ, ничто не доставляется въ потребное время.

Смерть Командующаго на Линіи, Генералъ-Маіора Сталя 2-го, даетъ удобность ввести, какъ по сей части, такъ и по многимъ другимъ, лучшій порядокъ.

Я осмотрѣлъ большую часть укрѣпленій по Новой въ Кабардѣ Линіи, и нашелъ много сдѣланныхъ временныхъ жилищъ для воинскихъ чиновъ довольно прочныхъ и удобныхъ. Построены мосты чрезъ нѣкоторыя изъ рѣкъ.

Изъ укрѣпленія на Урухѣ прошелъ чрезъ Татартупскій хребетъ до Владикавказа и легко увидѣть могъ, сколько удобнѣе будетъ новая дорога отъ сего послѣдняго мѣста не чрезъ Моздокъ, какъ было прежде, но прямо на Екатериноградъ, и предварительныя по сему предмету сдѣланы распоряженія.

Въ нынѣшнемъ году намѣревался я пройти чрезъ Кавказъ для обозрѣнія новой дороги въ Грузію, о которой, по доходящимъ слухамъ и изъ свѣдѣній, хотя, впрочемъ, не весьма обстоятельныхъ, нашихъ Офицеровъ, видѣвшихъ оную, судить надлежитъ, что она несравненно лучше теперешней дороги, но принужденъ былъ отложить обозрѣніе до другаго времени, по причинѣ необычайно дождливой осени, которая, продливъ пребываніе въ горахъ войскъ, могла затруднить продовольствіе оныхъ. Отрядъ войскъ, изъ Грузіи посланный, переходилъ чрезъ хребетъ безпрепятственно, и жители горъ оказывали довольно пріязненное расположеніе.

Начальнику Корпуснаго Штаба поручивъ въ командованіе войска на Кавказской Линіи, впредь до назначенія настоящаго Начальника, возвратился я въ Грузію, на тотъ случай, если Наслѣдникъ Персіи, Аббасъ-Мирза, вознамѣрится имѣть со мною свиданіе, какъ о томъ изъяснился онъ нашему Повѣренному въ дѣлахъ.

На Линіи свирѣпствовали ужаснѣйшія болѣзни: въ Георгіевскѣ до того достигла смертность, даже между чиновниками, что въ Присутственныхъ Мѣстахъ мало было занимавшихся дѣлами, и я, дабы совершенно не остановились оныя, рѣшился просить Государя о скорѣйшемъ переводѣ областнаго города въ Ставрополь и объ ассигнованіи нѣкоторой суммы для найма частныхъ строеній подъ Присутственныя Мѣста, до устроенія казенныхъ зданій.

Императоръ соизволилъ на представленіе мое, и рѣшено обратить Ставрополь въ областной городъ. Ассигнована сумма для найма строеній изъ имѣющейся въ распоряженіи моемъ экстраординарной. Георгіевскъ остался временно Уѣзднымъ городомъ, до учрежденія таковаго при Горячихъ Водахъ.

1825. Годъ сей началъ спокойно, пребывая въ Тифлисѣ. Съ Персидскимъ Правительствомъ продолжалась переписка о границахъ, и оно казалось наклоннымъ кончить всѣ непріятности, возникшія по сему предмету. Съ точностію исполняя строгія предписанія, старался всячески отвратить нарушеніе дружественныхъ сношеній, закрывалъ глаза на многія неловкости Аббасъ-Мирзы, обращая ихъ на счетъ невѣжества пограничныхъ Начальниковъ. Повѣренный въ дѣлахъ при Персидскомъ Дворѣ, Г. Мазаровичъ, предупредилъ меня о намѣреніи его прислать ко мнѣ чиновника для переговоровъ, и что самъ онъ готовъ назначить со мною свиданіе на границѣ, въ полной увѣренности кончить дѣло дружелюбнымъ образомъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Тифлисъ Фетъ-Али-Ханъ, Беглербегъ Тавризскій; при немъ находился (Муганджисы Баши) главный инженерный чиновникъ и одинъ Секретарь, котораго недоѣрчивый Аббасъ-Мирза, какъ шпіона, придалъ для наблюденія за его поведеніемъ. Фетъ-Али-Ханъ имѣлъ полномочіе заключить со мною условія о разграниченіи. Я поручилъ Генералъ-Лейтенанту Вельяминову войти съ нимъ въ переговоры, имѣя въ виду то, что если бы я самъ составилъ условный актъ, не приличествовало бы мнѣ; или, по крайней мѣрѣ, было бы неудобно сдѣлать въ ономъ измѣненія. Фетъ-Али-Ханъ объявилъ мнѣ о желаніи Аббасъ-Мирзы видѣться со мною, и что отъ меня зависитъ назначить для того мѣсто и время. Сіе наиболѣе побуждало меня оставить зависящими отъ меня нѣкоторыя средства, при свиданіи съ Аббасъ-Мирзою сдѣлать ему угожденіе небольшою въ нѣкоторыхъ статьяхъ перемѣною.

Фетъ-Али-Ханъ дѣйствовалъ довольно чистосердечно, и со стороны его, послѣ нѣкоторыхъ усилій и возраженій, весьма вѣжливо и съ отличнымъ благоразуміемъ Генералъ-Лейтенантомъ Вельяминовымъ опровинутыхъ, заключенъ актъ. Я приваралъ къ

себѣ Фетъ-Али-Хана, истолковалъ ему умѣренность требованій въ сравненіи съ пожертвованіями, на которыя рѣшаюсь я для сохраненія дружбы и добраго согласія. Онъ не могъ не чувствовать справедливости моего предложенія, и то же подтвердили его чиновники, изъ коихъ мнѣніе шпіона, какъ не трудно было замѣтить, было у него въ особомъ уваженіи. Я объяснилъ Фетъ-Али-Хану, что хотя вправѣ я требовать, дабы приложилъ онъ печать свою къ заключенному условію, но что, желая избавить его отъ жестокой отвѣтственности, въ случаѣ, если условіе не понравится Наслѣднику и онъ съ нимъ не будетъ согласенъ, я его отъ того увольняю. Сколько ни былъ онъ благодаренъ за вниманіе мое объ охраненіи его, онъ не только ручался, что Аббасъ-Мирза будетъ доволенъ успѣхами его, но что въ полномъ убѣжденіи, что онъ оказалъ отечеству величайшія заслуги, онъ не сомнѣвается обратить на себя самыя щедрыя награды, каковыхъ весьма не многіе удостоиваются. Словомъ, онъ былъ въ восхищеніи. Во все время пребыванія его въ Тифлисѣ, онъ былъ содержанъ роскошнымъ образомъ. Удовлетворенъ со стороны честолюбія отличнымъ пріемомъ и почестями. Со стороны корыстолюбія — необыкновенно дорогими подарками.

Изъ словъ Фетъ-Али-Хана должно было предполагать, что Аббасъ-Мирза желалъ со мною сблизиться (если только самъ онъ не былъ имъ обманутъ), но что нѣтъ сомнѣнія, что нужно было ему лучшее мое расположеніе къ нему; ибо Фетъ-Али-Ханъ секретно объявилъ мнѣ, что Аббасъ-Мирза, будучи чрезвычайно озлобленъ на Сардаря Эриванскаго, не видитъ другаго средства смѣнить его, развѣ со стороны моей будутъ принесены жалобы на него Шаху. Онъ подтвердилъ мнѣ, что весьма давно хочетъ Аббасъ-Мирза поставить сына своего въ Эриванской Провинціи, дабы присвоить богатые оной доходы. Не скрылъ и того отъ меня, что если бы отозвался я Шаху довольнымъ поведеніемъ пограничныхъ Начальниковъ, непосредственно зависящихъ отъ него, и что для лучшаго спокойствія и утвержденія прочнѣйшей связи предоставилъ бы я Шаху о пользѣ подчинить всю границу одному Начальству, то надѣется Аббасъ-Мирза успѣть въ желаніи своемъ получить въ управленіе и Гилянскую Область. Итакъ Аббасъ-Мирза хотѣлъ сдѣлать меня орудіемъ своихъ выгодъ. Я далъ

Фетъ-Али-Хану надежды, что буду дѣйствовать согласно видамъ его, стараясь всѣ средства употребить въ пользу окончанія дѣла о границахъ.

Фетъ-Али-Ханъ, по возвращеніи въ Тавризъ, былъ принятъ Аббасъ-Мирзою весьма неблагосклонно и даже угрожаемъ наказаніемъ. Заключенными условіями былъ недоволенъ и на письмо мое, наполненное вѣжливостями и всѣмъ, что могло казаться обязательнымъ, не хотѣлъ отвѣчать самъ, но поручилъ отнестись ко мнѣ Кайшакалу. Повѣренный нашъ въ дѣлахъ, Г. Мазаровичъ, представилъ неприличіе подобнаго поступка, и Аббасъ-Мирза разсудилъ за благо самъ объясниться письмомъ. Онъ сообщилъ мнѣ замѣчанія свои на заключенный актъ Генералъ-Лейтенантомъ Вельяминовымъ, оспаривалъ все то, что требовалъ я, въ замѣну несравненно большихъ выгодъ, уступаемыхъ нами, превратно толковалъ смыслъ Гюлистанскаго трактата и что, по силѣ онаго, должна была Персія возвратить намъ, утверждалъ принадлежащимъ ей. Въ заключеніе предложилъ, по данному ему отъ Шаха повелѣнію, утвердить условія сіи, если мною приняты оныя будутъ, но что, въ противномъ случаѣ, не имѣя власти и полномочія, онъ не откажется, однако же, употребить свое стараніе, дабы исходатайствовать волю Шаха, его родителя. Отзывъ сей, совершенно противный увѣреніямъ Фетъ-Али-Хана и слишкомъ рѣшительный для свойствъ Аббасъ-Мирзы, который, въ обстоятельствахъ, гораздо менѣе вѣрныхъ, готовъ прибѣгать къ разнымъ изворотамъ, скрывая настоящее намѣреніе, ясно доказывалъ, что подпалъ онъ сильному вліянію людей, не доброжелательствующихъ намъ.

Вскорѣ сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что онъ слѣдовалъ совѣтамъ Тавризскаго Первосвященника, Муштенда Мирзы-Мехти, человѣка хитраго, славящагося фанатизмомъ. Онъ увѣрялъ Аббасъ-Мирзу, что малѣйшая сговорчивость его потеряетъ его во мнѣніи народа, что однимъ оружіемъ можно смирить гордость Русскихъ и даже возвратить потерянныя Персіею Области и самую Грузію, изгнавъ невѣрныхъ за хребетъ Кавказа. Что всѣ Мусульмане, подвластные намъ, возьмутъ участіе въ войнѣ, столько священной. Разсужденіе сіе происходило въ Совѣтѣ Аббасъ-

Мирзы и между прочими, наиболѣе пользующимися довѣренностію его, Сурхай, бывшій Ханъ Казыкумыцкій, извѣстный измѣнникъ, изгнанный, по распоряженіе моему, въ 1820 году, изъ его владѣній, ручался, что, имѣя много приверженцевъ и сильныя между Горскими народами связи, онъ возбудитъ ихъ противъ насъ и многочисленныя полчища ихъ обратитъ на Грузію. Чиновникъ, присланный отъ Сардаря Эриванскаго, будучи призванъ въ Совѣтъ сей, утверждалъ, что если только позволено будетъ его Начальнику, то, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, будетъ онъ въ Тифлисѣ, на что, безъ всякаго пособія со стороны Наслѣдника, собственныхъ средствъ его достаточно. Первосвященникъ Мирза-Мехти присовокупилъ, что, благословя побѣдоносныя знамена Аббасъ-Мирзы, онъ, предводительствуя 15 тыс. Муллонъ, пойдетъ впереди, указуя путь къ славѣ. Аббасъ-Мирза, пріученный къ самой подлой лести, вѣрилъ всѣмъ симъ нелѣпостямъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, если бы не удалось ему одною наружностію твердости и безъ войны заставить насъ исполнить его требованіе, тоже общее стремленіе всѣхъ состояній не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія въ успѣхахъ. Аббасъ-Мирза введенъ былъ въ заблужденіе однимъ изъ чиновниковъ его, бывшихъ въ Петербургѣ, который увѣрилъ его, что всѣ затрудненія, которыя я ему поставляю, могутъ удобно разрѣшены быть въ Министерствѣ, съ которымъ выгоднѣе имѣть ему непосредственное сношеніе. Чиновнику сему, какъ изъ собственныхъ словъ его извѣстно, внушено было въ Петербургѣ, что я имѣю столько многихъ и сильныхъ непріятелей, что Аббасъ-Мирзѣ достаточно возложить на меня вину существующихъ неудовольствій, и, конечно, достигнетъ онъ желаемаго; ибо готовы они дѣйствовать противъ самыхъ убѣдительныхъ моихъ представленій.

Довѣренный въ дѣлахъ, Г. Мазаровичъ, въ подробности увѣдомилъ меня, какъ о разсужденіяхъ, бывшихъ въ Совѣтѣ Аббасъ-Мирзы, такъ и о другихъ обстоятельствахъ, которыя показывали его готовымъ на самыя рѣшительныя мѣры. Извѣстно было сильное вліяніе его на Шаха и что симъ послѣднимъ предоставленъ ему былъ полный произволъ.

Тѣмъ страннѣе долженъ былъ мнѣ казаться послѣдній отзывъ Аббасъ-Мирзы, когда въ первый разъ, присылая Фетъ-Али-

Хана, писалъ онъ, что онъ имѣетъ отъ него полную довѣренность, и когда послѣ, опровергая заключенныя имъ условія, онъ сообщилъ мнѣ, что самъ онъ не имѣетъ власти иначе довершить дѣло о границахъ, какъ по сдѣланному имъ предложенію. Безсмысленныя противорѣчія сіи поставили меня довольно въ затруднительное положеніе. Трудно было успѣть въ Аббасъ-Мирзѣ, по его упорству; не болѣе было надежды склонить Шаха, который совершенно не входилъ въ дѣла и вниманіе котораго Аббасъ-Мирза конечно уже наклонилъ на свою сторону; однако же, испытывая всевозможныя средства и въ точности исполняя волю Государя, отдалять всякій поводъ къ разрыву, написалъ я вѣжливое письмо Аббасъ-Мирзѣ и самому Шаху, которому предложилъ я, какъ средство послѣднее, нѣкоторыя измѣненія въ актѣ, заключенномъ Генералъ-Лейтенантомъ Вельяминовымъ. Болѣе сего не оставалось ни чего сдѣлать, и далѣе малѣйшее угожденіе съ моей стороны было бы виновное пренебреженіе собственныхъ выгодъ и не удалило бы къ послѣдствіи повода къ возобновленію неудовольствій. Аббасъ-Мирза, весною сего года, объѣзжалъ границу со стороны Эриванскаго Ханства, подъ видомъ будто бы охоты. Наблюденіе за нимъ обнаруживало, что онъ точно ни чего болѣе не видалъ, какъ собакъ своихъ и ястребовъ. Въ цѣль путешествія его входило намѣреніе устрашить Сардаря Эриванскаго смѣною, или заставить откупиться большими пожертвованіями.

Но Сардарь имѣлъ при Шахѣ сильныхъ друзей, которые его поддерживали, ихъ надѣлялъ онъ подарками, и Сардарь, ни мало не страшась Аббасъ-Мирзы, отдѣлался отъ него обыкновенными вѣжливостями и весьма небогатыми дарами.

Аббасъ-Мирза былъ въ большомъ озлобленіи. Не взирая на вызовъ его видѣться со мною, объявленный мнѣ Фетъ-Али-Ханомъ, на самый обязательный отвѣтъ мой, которымъ предоставлялъ я ему назначеніе мѣста и времени, онъ не увѣдомилъ меня даже о прибытіи своемъ въ Эривань, что, по обычаямъ Персидскимъ, разумѣется величайшею грубостію.

Я, со стороны своей, изъ приличія, показалъ совершенное къ тому равнодушіе.

Вызвавъ изъ Тавриза Г. Мазаровича, поручилъ я ему мои письма и окончательные переговоры. Знаніе его Министерства Персидскаго, нѣкогда довѣренность и даже пріязнь Аббасъ-Мирзы, особенное благоволеніе самаго Шаха, давали еще мнѣ нѣкоторыя надежды, если не кончить дѣло разграниченія, по крайней мѣрѣ, сдѣлать на нѣкоторое время условіе, оставляя до возобновленія переговоровъ въ настоящихъ границахъ.

Государю Императору отправилъ я письмо, въ которомъ изобразилъ поведеніе Аббасъ-Мирзы, и что увлекаемъ будучи совѣтами враждующихъ намъ людей и обманутый льстивыми увѣреніями, что приверженный ему народъ жаждетъ случая освободить стенящихъ подъ игомъ нашимъ единовѣрцевъ, имѣетъ онъ намѣреніе поддерживать оружіемъ требованія свои о границахъ. Что сдѣланы имъ распоряженія о собраніи войска и производятся пріуготовленія къ войнѣ. Донесъ я объ отправленіи Мазаровича, но въ то же время объяснилъ, что Шахъ, удаляясь всякихъ дѣлъ, сложилъ оныя на Аббасъ-Мирзу, предоставивъ ему полную свободу дѣйствовать по произволу; что сей со стороны его не встрѣчаетъ ни малѣйшаго противорѣчія въ своихъ замыслахъ, и что, по ходу дѣлъ, предвижу я войну неизбѣжную. Я просилъ пріумноженія войскъ одною пѣхотною дивизіею и нѣсколькими Казачьими полками, какъ средства предупредить войну.

Вмѣстѣ съ симъ, 12-го числа Іюля, извѣстилъ я обо всемъ съ возможною подробностію Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, Статсъ-Секретаря Графа Нессельроде.

Повѣренный нашъ въ дѣлахъ, Г. Мазаровичъ, былъ принятъ Аббасъ-Мирзою неблагосклонно. Онъ не умѣлъ даже воздержать себя отъ разныхъ дерзостей, которыя, кажется, дѣлалъ съ намѣреніемъ, дабы, вызвавъ Мазаровича на возраженіе, имѣть право поступить съ нимъ непріятнымъ образомъ. Аббасъ-Мирза имѣлъ неблагоразуміе стр шить даже угрозами, хвастливо говоря о войскахъ своихъ, об артиллеріи. Онъ сказалъ Г. Мазаровичу, что напрасны надежды его на Шаха, на счетъ мой расточалъ самыя оскорбительныя ругательства. Г. Мазаровичъ нашелъ между-вельможъ подлѣйшихъ льстецовъ, рабственно угождающихъ Наслѣднику, холодность и отдаленіе, но онъ имѣлъ людей, ему обязан-

ныхъ, и отъ нихъ узналъ всѣ обстоятельства. Шахъ въ обращеніи съ Г. Мазаровичемъ былъ гораздо вѣжливѣе, но, примѣтно, предупрежденъ былъ Аббасъ-Мирзою, и о дѣлахъ переговоры были безуспѣшны. Можно сказать, что о нихъ разсуждать не хотѣли, но, скрывая рѣшительное намѣреніе прервать сношенія дружественныя, объявили, что съ письмомъ отъ Шаха и окончательными предложеніями будетъ присланъ ко мнѣ чиновникъ, облеченный въ довѣренность.

Будучи предваренъ, что между Чеченцами примѣчаемы тайныя совѣщанія, что появился между ними лжепророкъ, возмущающій ихъ противъ насъ, приказалъ я баталіону 41 егерскаго полка, расположенному въ Ширвани, немедленно слѣдовать въ станицы Гребенскаго войска, обоимъ баталіонамъ Ширванскаго полка, стоявшимъ въ Кабардѣ, быть въ готовности, поручивъ ихъ въ распоряженіе Начальствующаго на Линіи, Генералъ-Лейтенанта Лисаневича.

Вскорѣ получилъ я извѣстіе, что Чеченцы, предводимые лжепророкомъ, довольно въ большихъ силахъ, въ ночи съ 7-го на 8-е число, напали на Амиръ-Аджіюртскій постъ и сожгли оный. Укрѣпленіе поста было непрочное, ибо на скоро изъ плетня сдѣланное, и рва вокругъ его почти не было. Но въ гарнизонѣ находилась рота пѣхоты и весьма сильная артиллерія. Сего для обороны было слишкомъ достаточно, но начальникъ гарнизона былъ чрезвычайно неосторожень, не взирая, что въ тотъ же самый день, выступившій изъ укрѣпленія, Генералъ-Маіоръ Грековъ предварялъ его о намѣреніи Чеченцевъ сдѣлать покушеніе на постъ. Не за долго предъ нападеніемъ успѣлъ онъ даже прислать одного изъ приверженныхъ намъ Аксаевскихъ жителей съ извѣстіемъ, что сильныя толпы конницы взяли направленіе къ посту и въ ночи прибудутъ къ оному.

Начальствовавшій онымъ 43 егерскаго полка Капитанъ Осиповъ, сдѣлавъ расчетъ гарнизона по мѣстамъ, распустилъ людей въ казармы и ни мало не усилилъ обыкновеннаго караула. Чеченцы отъ стороны лѣса подошли, не будучи замѣченными. Весьма темная ночь и сильный вѣтръ имъ способствовали. Внезапно вошли они въ укрѣпленіе и тотчасъ опрокинули часть плетня,

ограждавшаго оное. Люди въ безпорядкѣ выскакивали изъ казармъ, когда укрѣпленіе было уже наполнено непріятелемъ: они не могли противиться малыми силами; Капитанъ Осиповъ, защищавшійся съ горстью людей и будучи уже раненъ, бросился въ Терекъ и утонулъ. Непріятель испыталъ только два выстрѣла изъ орудія, стоявшаго въ воротахъ, при коемъ былъ главный караулъ не болѣе какъ изъ девяти человѣкъ при Унтеръ Офицерѣ. Выстрѣлы сіи на нѣкоторое время привели въ замѣшательство Чеченцевъ, но уже не было кому онымъ воспользоваться, ибо люди наши были разсѣяны и большая часть гарнизона спасалась, переплывая Терекъ.

Въ сіе время переправлялся пороховой погребъ, и снаряды крѣпостныхъ орудій хранились въ сараѣ, покрытомъ камышомъ. Сообщившійся оному огонь произвелъ столько сильный взрывъ, что орудія были разбросаны и части лафетовъ разметаны на противномъ берегу рѣки. Чеченцы въ ужасѣ побѣжали изъ укрѣпленія, и уже не появлялись. Потеря наша простирается убитыми, погибшими при взрывѣ и потонувшими, всего до семидесяти человѣкъ. Потеря непріятеля была не менѣе. Взбѣшенъ я былъ происшествіемъ симъ, единственно отъ оплошности нашей случившимся. Еще досаднѣе мнѣ было, что успѣхъ сей могъ усилить партію мятежниковъ, умножить вѣрующихъ въ лженророка. Я не обманулся! Генералъ-Маіоръ Грековъ не могъ присптѣть къ защитѣ поста, ибо силы его состояли изъ пѣхоты, сдѣлавшей уже большой переходъ. Онъ прибылъ къ укрѣпленію Герзели-Аулъ, дабы обезпечить его отъ нападенія, усилилъ гарнизонъ одною ротою егерей и двумя орудіями, приказалъ поправить укрѣпленіе. Оттуда, прошедши въ крѣпость Внезапную, усилилъ ее такъ же одною ротою, и возвратился въ станицу Червленную, дабы собрать нѣсколько войскъ. Между тѣмъ Чеченцы, распустивъ лживую молву о пріобрѣтенныхъ ими успѣхахъ, ободрили сообщниковъ, пригласили сосѣднихъ имъ Горцевъ и, въ числѣ четырехъ тысячь человѣкъ, пришли къ укрѣпленію Герзели-Аулъ и начали стѣснять его облежаніемъ, до того, что гарнизомъ вскорѣ лишенъ былъ воды. Непріятель въ близкомъ разстояніи расположилъ свои окопы, въ родѣ траншей, и предпринялъ штурмъ. Нѣкоторая часть перешла уже ровъ и была на валу, но штурмъ отбитъ

съ чувствительнымъ урономъ. Лжепророкъ, однако же, нашелъ средство возстановить упадшій духъ обѣщаніемъ блистательныхъ успѣховъ, то есть, обогащенія добычею. Но болѣе ободрила мятежниковъ измѣна Аксаевскихъ жителей, которые съ ними соединились, и готовность Андреевскихъ жителей послѣдовать тому же при малѣйшей удачѣ.

Мятежъ сей могъ распространиться въ Дагестанъ, гдѣ, по многолюдству, могъ онъ быть несравненно опаснѣйшимъ, тѣмъ болѣе, что изъ Грузіи мало весьма могъ я отдѣлить силъ, и некомплектъ въ войскахъ былъ чрезвычайный.

Генералъ-Лейтенантъ Лисаневичъ, узнавши о случившемся въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, приказалъ баталіонамъ Ширванскаго полка, 1-му слѣдовать въ крѣпость Грозную, 2-му сколько возможно поспѣшнѣе прибыть въ станицу Червленную, для чего выставлены были подводы, самъ прибылъ туда же.

Между тѣмъ Генералъ-Маіоръ Грековъ собралъ три роты 43 егерскаго полка, 400 Линейныхъ Казаковъ и нѣсколько орудій. Генералъ-Лейтенантъ Лисаневичъ, взялъ отрядъ сей подъ личное начальство и, не дожидаясь 2 баталіона Ширванскаго полка, переправился Терекъ въ Амиръ-Аджи-Юртѣ и пошелъ къ Герзели-Аулу. Приближаясь къ оному, замѣченъ онъ былъ непріятельскою конницею, которая немедленно обратилась въ бѣгство, не давши ни чего знать облегающей укрѣпленіе пѣхотѣ.

Посланные впередъ Казаки успѣли отхватить часть непріятеля; гарнизонъ, видя приспѣвшую помощь, сдѣлалъ вылазку, и вскорѣ по томъ прибылъ отрядъ. Мятежники понесли чувствительный весьма уронъ, который могъ быть гораздо значительнѣе, если бы не способствовали спасенію ихъ лежащія по близости лѣса и гористое мѣстоположеніе. Потеря наша была самая ничтожная. Лжепророкъ бѣжалъ изъ первыхъ, въ сопровожденіи самаго малаго числа сообщниковъ, всѣ разошлись по домамъ, не помышляя о соединеніи и въ боязни жестокаго наказанія. Жители Аксая, кромѣ главнѣйшихъ зачинщиковъ, оставившихъ городъ, искали измѣну свою загладить совершенною покорностію и просили пощады. Не возможно было ожидать благопріятнѣй-

шихъ обстоятельствъ и столько скораго уничтоженія мятежа, но внезапное происшествіе вдругъ все перемѣнило. Генералъ-Лейтенантъ Лисаневичъ, желая схватить нѣкоторыхъ, оставшихся въ Аксаѣ, мятежниковъ, для примѣрнаго ихъ наказанія, приказалъ старшему Князю, Маіору Мулѣ-Хассаеву, представить къ себѣ всѣхъ почетнѣйшихъ старшинъ съ тѣмъ, чтобы въ числѣ ихъ были непремѣнно замѣченные имъ самые буйные и найболѣе къ мятежу склонные. Потребовалъ отъ него списка таковыхъ. Генералъ-Маіоръ Грековъ, лучше знавшій народъ сей, представлялъ ему, что не приличествовало задержать людей, имъ призванныхъ, паче еще подвергнуть наказанію; что поступокъ сей произведетъ въ народѣ безпокойства и уничтожитъ совершенно довѣренность къ Начальству. Маіоръ Князь Мула-Хассаевъ обязывался, въ самое непродолжительное время, всѣхъ ихъ доставить безъ всякаго затрудненія.

Генералъ Лейтенантъ Лисаневичъ не послушалъ обоихъ, и 16 числа по утру не менѣе 300 человѣкъ лучшихъ жителей Аксая введены были въ укрѣпленіе Герзели-Аулъ. Не было взято ни какихъ мѣръ осторожности, Аксаевцы многіе были вооружены, нашъ караулъ не былъ не только усиленъ, даже не выведенъ въ ружье, команды отпущены за дровами и на фуражировку, и въ укрѣпленіи оставалось менѣе людей, нежели Аксаевцевъ. Вышедши предъ нихъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Офицеровъ, Генералъ Лисаневичъ сталъ, въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, упрекать ихъ гнусною измѣною, грозить истребленіемъ виновнѣйшихъ и началъ вызывать нѣкоторыхъ по представленному ему списку. Онъ зналъ хорошо Татарскій языкъ, и по тому объяснялся безъ переводчика, который бы могъ смягчить выраженія. Двое изъ вызванныхъ старшинъ съ покорностію предстали предъ нимъ. У нихъ сняли кинжалы и отвели ихъ подъ стражу; третій, будучи вызываемъ по списку, видя участь первыхъ двухъ, противился, но когда его принудили, онъ, тихо подойдя къ Генералу Лисаневичу, вдругъ бросился на него съ кинжаломъ, который онъ до того скрывалъ подъ одеждою.

Онъ нанесъ рану смертельную въ животъ насквозь. Неостановясь, кинулся на Генералъ-Маіора Грекова, и сей въ мгновеніе кончилъ жизнь подъ его ударами. По близости находились

Казаки и нѣкоторые изъ приверженныхъ намъ Мусульманъ, которые, послѣ пораженія Генерала Лисаневича, могли остановить его, но до того велико было ихъ изумленіе, что они пребывали неподвижны. Человѣкъ уже не молодой, Главный Приставъ Кумыцкій, Капитанъ Филатовъ, бросился на него, и хотя получилъ прежде рану, но, по счастію, она не была тяжелою, и онъ, схватясь съ нимъ грудь съ грудью, успѣлъ вонзить ему кинжалъ въ брюхо, отвратя ударъ его рукою.

Силы злодѣя гораздо были превосходнѣе, и уже преодолѣвалъ онъ Филатова, но одинъ изъ Армянъ, приставивъ къ нему ружье, повергъ его мертваго выстрѣломъ. Генералъ Лисаневичъ захватя рукою рану, стоялъ опершись объ заборъ и сохранялъ твердость, но когда сказали ему о смерти Генерала Грекова, вырвалось у него слово: «Коли!» и оно было сигналомъ истребленія всѣхъ безъ разбора. Въ сіе время Командиръ 43 егерскаго полка выводилъ изъ казармъ караульныхъ 20 человѣкъ, кои немедленно ударили на толпу, и къ нимъ присоединились прочіе, бывшіе въ укрѣпленіи. Аксаевцы въ величайшемъ страхѣ и замѣшательствѣ бросились къ воротамъ и чрезъ валъ укрѣпленія, успѣли заколоть двоихъ часовыхъ у воротъ, но въ слѣдъ кололи ихъ штыками и пустили ружейный огонь. Вырвавшіеся изъ укрѣпленія встрѣчены были возвращающеюся съ фуражировки командою, прибѣжали конвои командъ, посыланныхъ за дровами, и изъ 300 человѣкъ Аксавцевъ весьма немногіе спаслись бѣгствомъ. Между ними погибли люди совершенно невинные и нѣсколько испытанныхъ въ приверженности къ намъ. Въ числѣ ихъ были нѣкоторые изъ жителей города Андрея. Если бы не овладѣлъ Аксаевцами совершенный страхъ, они могли захватить, близко ихъ стоявшія, ружья караульныхъ и людей, высланныхъ за дровами, и безъ всякаго затрудненія овладѣть укрѣпленіемъ и артиллеріею, при коей не было ни одного канонира. Въ укрѣпленіи были большіе запасы снарядовъ и патроновъ.

Такимъ образомъ неблагоразуміе Генерала Лисаневича могло быть причиною важнѣйшихъ слѣдствій. На Линіи не оставалось ни одного Генерала. Начальникъ Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ, одинъ, который могъ привести дѣла въ по-

рядокъ, находился съ отрядомъ за Кубанью, для наказанія хищныхъ народовъ за набѣги и разбои, дѣлаемые ими на Линіи.

Тотчасъ по полученіи извѣстія объ Амиръ-Аджи-Юртъ, хотѣлъ я выѣхать на Линію, но болѣзнь меня удерживала; когда же 22 числа узналъ я о случившемся въ Герзели-Аулѣ и о смерти Генералъ-Маіора Грекова, я отправился 24 числа.

Во Владикавказѣ усилившеюся болѣзнію удержанъ я былъ до 3-го числа Августа, и уже не было надежды на выздоровленіе. Здѣсь сдѣлалъ я распоряженіе оставить укрѣпленіе Преградный Станъ, покойнымъ Генералъ-Маіоромъ Дельпоццо построенное весьма невыгоднымъ образомъ и въ такомъ разстояніи отъ рѣки Сунжи, что вода легко могла быть отрѣзана. Укрѣпленію, за отдаленіемъ его, ни откуда нельзя было дать помощи. Старую дорогу отъ Моздока во Владикавказъ, лежащую чрезъ хребетъ Кабардинскихъ горъ, чрезвычайно неудобную, для движенія транспортовъ затруднительную и подверженную нападенію хищниковъ, которые могли укрываться въ лѣсахъ и, почти не подвергаясь опасности, наносить большой вредъ, приказалъ я перенести отъ Екатеринограда, чрезъ Урухскую крѣпость, мимо Татартупскаго мыса и чрезъ рѣку Ардонъ, до Владикавказа; приступить немедленно къ устроенію мостовъ и временныхъ укрѣпленій, для расположенія въ оныхъ конвоевъ.

Дорога сія, въ сравненіи съ прежнею, представляла величайшія во всѣхъ отношеніяхъ преимущества, но къ учрежденію оной нельзя было приступить, не ставъ твердою ногою въ Кабардѣ, которую, въ 1822 году, занялъ я перенесеніемъ Линіи.

Отъ Владикавказа до крѣпости Грозной прошелъ я съ 1-мъ баталіономъ Ширванскаго полка, двумя орудіями и 250 Донскими Казаками Полковника Сергѣева полка, и хотя извѣстно было, что повсюду были сборища возмутившихся Чеченцевъ и Карабулаковъ, однако же я ни мало не былъ ими обезпокоенъ въ пути. Въ Грозной присоединилъ я двѣ роты 41 егерскаго полка и два орудія; прошедши чрезъ Червленную станицу и переправившись Терекъ въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, имѣлъ я съ собою шесть ротъ пѣхоты, 300 Донскихъ и 250 Линейныхъ Казаковъ и 9 орудій артиллеріи.

Я поспѣшилъ къ городу Андрею, гдѣ неблагонамѣренные люди готовы были произвести возмущеніе и, соединясь съ сосѣдними Горцами, пристать къ лжепророку, который проповѣдывалъ повсюду истребленіе Невѣрныхъ, возбуждая ко всеобщему вооруженію.

Приближеніе войскъ къ городу прекратило смятеніе въ оном, главнѣйшіе изъ возмутителей бѣжали. Здѣсь нашелъ я баталіонъ Апшеронскаго полка, который прибылъ изъ крѣпости Бурной, и одну роту 41 егерскаго полка. Въ крѣпости Внезапной сдѣлалъ я большія перемѣны: уменьшилъ пространство оной, усилилъ профиль, и она, при несравненно меньшемъ гарнизонѣ, сдѣлалась непреодолимою. Уничтоживъ обширное нижнее укрѣпленіе, я замѣнилъ его одною каменною башнею съ пристройкою, дабы имѣть во власти своей воду. Работы въ крѣпости продолжались около трехъ недѣль. Чеченцы, въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ, показались на высотахъ въ окрестностяхъ Андрея, надѣясь на измѣну жителей онаго, но какъ они остались въ совершенной покорности, то они удалились, ни чего предпринять не осмѣлившись.

Между тѣмъ былъ я въ городѣ Аксаѣ, коего жители, исключая Князей, были въ бѣгахъ, и городъ совершенно оставался пустой. Безъ участія ихъ въ измѣнѣ не могли Чеченцы ни чего предпринять противъ укрѣпленія Герзели-Аулъ, которое въ подобномъ случаѣ всегда подвергалось большой опасности. По сему уваженію вознамѣрился я перенести укрѣпленіе на лучшее мѣсто, и въ то же время, дабы прервать связи Аксаевцевъ съ Чеченцами, давнимъ сосѣдствомъ и даже родствомъ утвержденныя, и избѣжать всегда непріятной необходимости наказывать за измѣну, предположилъ я перевесть самый городъ, который расположенъ будучи въ мѣстахъ гористыхъ и покрытыхъ непроходимымъ лѣсомъ, гдѣ удобно могли они укрываться, утверждалъ въ нихъ нѣкоторое чувство независимости и своевольства, столько соблазнительныхъ для прочихъ.

Я вызвалъ жителей, давъ имъ прощеніе, и хотя многимъ изъ нихъ не правилось перенесеніе, но они согласились. Но явилось только до 200 семействъ, которыя настаивали, чтобы позволено имъ было остаться на прежнемъ жительствѣ, чего я не долженъ

былъ предоставить. Мѣсто для новаго Аксая назначено мною на рѣчкѣ Тишъ-Кечу, во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выгоднѣйшее прежняго, ибо здѣсь жители Аксая имѣли лучшее свое хлѣбопашество, здѣсь прежде бывало ихъ богатое скотоводство. Для охраненія ихъ въ мѣстахъ сихъ, болѣе открытыхъ, и для того, чтобы имѣть за ними необходимый надзоръ, учредилъ я укрѣпленіе, которое и построено, по возвращеніи моемъ изъ крѣпости Внезапной.

Въ продолженіи работъ многіе начали уже селиться въ новомъ Аксаѣ; въ городѣ начертаны правильныя улицы и площади, и люди благонамѣренные ободряли выборъ мѣста и выгоды онаго.

Составивъ отрядъ мой изъ 1-го и 2-го баталіоновъ Ширванскаго, 2-го баталіона Апшеронскаго, 2-го баталіона 41 егерскаго полковъ и роты 43 егерскаго полка, бывшей въ гарнизонѣ въ Герзели-Аулѣ, могъ я отдѣлить часть войскъ для устроенія укрѣпленія въ Амиръ-Аджи-Юртѣ, дабы, ускореніемъ работъ, выиграть время. 300 Донскихъ Казаковъ Полковника Сергѣева полка отпустилъ на Донъ, двѣ роты 41 полка отправилъ въ крѣпость Грозную, около коей поселившійся форштатъ былъ слабо защищенъ и на который, извѣстно мнѣ было, что Чеченцы намѣревались сдѣлать нападеніе. Распоряжено доставленіе въ крѣпость Грозную большихъ запасовъ провіянта и снарядовъ на зимнюю экспедицію противъ Чеченцевъ, и сіи двѣ роты, не ослабляя гарнизона крѣпости, должны были служить конвоемъ для транспортовъ.

17 Ноября кончены были всѣ главныя работы въ укрѣпленіяхъ Ташъ-Кечу и Амиръ-Аджи-Юртѣ, и войскамъ, съ необычайною дѣятельностію и доброю волею трудившимся, далъ я отдохновеніе, расположа ихъ въ станицахъ войскъ Гребенскаго и Семейнаго. Было приказано готовиться къ зимнему походу.

Пребываніе мое въ Кумыцкихъ владѣніяхъ водворило совершенное спокойствіе въ Дагестанѣ. Акушинцы, въ добромъ согласіи съ Шамхаломъ, приверженнымъ къ намъ, пребывали въ совершенной покорности и другихъ удерживали своимъ примѣромъ. Сынъ Шамхала и Владѣлецъ Мехтулинскій пріѣзжали ко мнѣ, и тишина въ Дагестанѣ давала мнѣ полную свободу дѣйствовать противъ Чеченцевъ и строго наказать ихъ.

Въ Октябрѣ вспыхнуло возмущеніе въ Кабардѣ; нѣкоторые изъ Владѣльцевъ бѣжали въ горы, дабы пройти за Кубань, но прежде напали они на селеніе солдатское и разграбили оное, вспомоществуемы будучи, перешедшею къ нимъ изъ за Кубани, сильною партіею. Въ нападеніи семъ учавствовали почти всѣ живущіе по рѣкѣ Малкѣ Кабардинцы.

Трусость Подполковника Булгакова, Командира Кабардинскаго пѣхотнаго полка, не допустила наказать хищниковъ; ибо догнавши ихъ въ тѣсномъ ущельѣ, обремененныхъ добычею и плѣнными, имѣя достаточныя силы и пушки, не смѣлъ на нихъ ударить. Солдаты явно негодовали за сію робость, я назначилъ тотчасъ другаго Начальника и, вразумительно изъяснившись на счетъ подлой его трусости, приказалъ ему подать прошеніе въ отставку. Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ, находясь съ войсками за Кубанью, былъ извѣщенъ о намѣреніи Закубанцевъ сдѣлать набѣгъ въ границы наши, и заблаговременно предупредилъ Булгакова. Партія сія, и съ нею соединившіеся Кабардинскіе измѣнники, на возвратномъ пути своемъ, находя удобнѣйшія дороги захваченными нашими войсками, принуждены были вдаться въ непроходимые пути почти у самаго хребта Кавказа, гдѣ, испытавъ ужасный холодъ, бросивши вообще всѣхъ лошадей, потерявъ много людей погибшими, возвратилась за Кубань. Черный народъ не послѣдовалъ за Владѣльцами, какія ни предпринимали они средства, дабы удержать оной. Для усиленія войскъ въ Кабардѣ, приказалъ я прибыть изъ Грузіи одному сводному баталіону изъ Херсонскаго и Грузинскаго гренадерскихъ полковъ. Генералъ-Маіору Вельяминову предписалъ, ускоривъ окончаніемъ его дѣйствій, возвратить войска на Линію.

26 Октября Командиръ 43 егерскаго полка, Подполковникъ Сарочанъ, съ отрядомъ изъ 700 человѣкъ пѣхоты, малаго числа Казаковъ, Чеченской конницею и 6-ю орудіями артиллеріи, выступилъ изъ крѣпости Грозной, дабы возмутившимся Чеченцамъ помѣшать укрѣпиться въ Ханъ-Калѣ, гдѣ начали они большія работы. Они, въ числѣ до 4 тыс. человѣкъ, встрѣтили войска наши, опрокинули Чеченскую нашу конницу и смѣшали Казаковъ, и сей успѣхъ ихъ былъ причиною чувствительнаго ихъ урона, ибо нагло приблизившись къ каре нашей пѣхоты, подверглись они картечнымъ выстрѣламъ. Войска наши, неоднократно обращая ихъ

въ бѣгство, наконецъ возвратились въ крѣпость при сильной довольно перестрѣлкѣ. Мятежники послѣ сего не продолжали уже работъ своихъ въ Ханъ-Калѣ.

Желая обстоятельнѣе знать о происшествіяхъ въ Кабардѣ, отправился я въ Екатериноградъ, гдѣ дожидался меня Начальникъ Корпуснаго Штаба и куда вызвалъ я изъ Тифлиса Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Мазаровича, возвратившагося изъ Персіи.

Изъ Червленной станицы выѣхалъ я 20 Ноября, рано по утру. День былъ мрачный и по землѣ разстилался чрезвычайный густой туманъ. Были невѣрные слухи, что партія Чеченцевъ намѣревалась переправиться на лѣвый берегъ Терека. Имъ извѣстно было о моемъ выѣздѣ, по благовременному заготовленію лошадей и конвоя, по той причинѣ, что оныхъ нѣтъ на мѣстахъ въ достаточномъ количествѣ. Партія, до тысячи человѣкъ, приблизившись къ Тереку противъ Казіорскаго Шанца, отрядила на нашу сторону 400 человѣкъ, дабы напасть на меня. Мѣста совершенно открытыя допустили бы меня замѣтить въ далекомъ разстояніи, но густой туманъ тому воспрепятствовалъ, и я проѣхалъ спокойно. Вскорѣ послѣ напали они на большую дорогу, схватили нѣсколько человѣкъ проѣзжихъ и пустились на Казачьи хутора, въ надеждѣ на добычу. Едва отпустилъ я конвой, прибывъ въ Калиновскую станицу, какъ дано было знать о появившейся партіи. Конвой, состоявшій изъ 120 человѣкъ храбрыхъ Гребенскихъ Казаковъ, быстро помчался къ Казіорскому Шанцу, гдѣ, нашедши Чеченцевъ, ударилъ на нихъ и въ величайшемъ замѣшательствѣ погналъ къ Тереку. Они оставили нѣсколько человѣкъ убитыми и всѣхъ захваченныхъ плѣнныхъ. Вскорѣ подоспѣли Казаки изъ Калиновской станицы съ однимъ конным орудіемъ, и Чеченцы удалились отъ Терека. Такимъ образомъ ускользнулъ я отъ силъ несоразмѣрныхъ, но не думаю, однако же, чтобы для того только, дабы схватить меня, рѣшились они на большую потерю, безъ чего нельзя было преодолѣть Казаковъ.

Въ Екатеринодарѣ Г. Мазаровичъ сообщилъ мнѣ, что Аббасъ-Мирза не хотѣлъ слышать о сдѣланныхъ мною предложеніяхъ, и что въ пріемѣ, сдѣланномъ ему Шахомъ, видѣлъ онъ совсѣмъ противное прежнему его расположенію и той довѣренности, которою онъ отличалъ его.

Г. Мазаровичъ не сомнѣвался, что война непремѣнно послѣдуетъ, хотя, по отпускѣ его изъ Султаніи, вскорѣ отправленъ будетъ чиновникъ съ порученіями отъ Шаха, впрочемъ, заключающимися въ повтореніи желаній его, дабы границы были назначены на основаніи предложенія Аббасъ-Мирзы, который успѣлъ совершенно наклонить его къ своему мнѣнію. Чрезъ нѣсколько дней увѣдомилъ меня Генералъ-Лейтенантъ Вельяминовъ о прибытіи чиновника надменнаго и горделиваго, который желалъ непремѣнно трактовать со мною. Вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я отъ него самаго письмо, въ коемъ испрашивалъ онъ, дабы назначилъ я ему время и мѣсто свиданія на Линіи. Сего, по многимъ причинамъ, нельзя мнѣ было ему предоставить, и я самымъ вѣжливымъ образомъ отвѣчалъ ему, что онъ можетъ съ тою же довѣренностію переговорить съ Генераломъ Вельяминовымъ, заступающимъ мѣсто мое съ полною властію. Онъ, не вступя ни въ какіе переговоры, отправился обратно, и изъ сего легко можно было замѣтить, что порученіе его было единый предлогъ, дабы выиграть время.

Здѣсь получилъ я извѣстіе о кончинѣ Императора Александра 1-го: вѣсть внезапная, и тѣмъ еще болѣе горестная. Прежде пронеслись слухи не довольно обстоятельные, и пріятно было находить ихъ невѣроятными.

Вскорѣ Указъ Сената о присягѣ Императору Константину. Начальнику Корпуснаго Штаба позволилъ я отправиться въ Тифлисъ, по причинѣ болѣзни. Туда же обративъ Г. Мазаровича, самъ поѣхалъ въ Червленную. Декабря 26 дня прибылъ фельдъегерь съ отреченіемъ его отъ престола и Манифестомъ о восшествіи на Тронъ Императора Николая 1-го. Войска при мнѣ и въ окрестностяхъ находившіяся, приняли присягу въ величайшемъ порядкѣ и тишинѣ.

1826 годъ. Генералъ-Маіоръ Князь Меньшиковъ, бывшій Генералъ-Адъютантъ покойнаго Императора, назначенъ въ Персію съ объявленіемъ о восшествіи на Престолъ нынѣ Царствующаго. Подъ симъ предлогомъ имѣлъ онъ порученіе войти въ переговоры о разграниченіи и стараться сколько возможно кончить дѣло сіе, утвердивъ пріязненныя съ Персіею связи. На сей конецъ, сверхъ

выгодныхъ предложеній, сдѣланныхъ мною Аббасъ-Мирзѣ, угодно было Государю Императору уступить полуденную часть Талышенскаго Ханства.

Генералу Князю Меньшикову приказано было войти по сему предмету со мною въ разсужденіе и собрать всѣ нужныя отъ меня свѣдѣнія, по чему и прибылъ онъ въ Червленную. Почти ни какого не было неудобства отдать и все Ханство Талышенское, которое, не принося намъ ни малѣйшихъ выгодъ, малымъ числомъ войскъ защищаемо быть не можетъ, а содержанія для того большаго числа оныхъ не стоитъ. Но по свойству Персіянъ, въ особенности же Аббасъ-Мирзы, не возможно было надѣяться достигнуть тѣмъ прекращенія неудовольствій и даже претензій со стороны его.

Давно было желаніе Аббасъ-Мирзы пріобрѣсти его, дабы показать народу своему, что Россія ищетъ дружбы его даже самыми пожертвованіями.

Онъ не одинъ разъ обращался ко мнѣ о томъ съ безстыдною просьбою. Наконецъ предлагалъ за Ханство деньги, но съ тѣмъ, чтобы изданъ былъ публичный актъ, которымъ Ханство предается во власть его, а имъ деньги уплачены будутъ по тайному условію. Не только подобныя мѣры не почиталъ я приличествующими, но отдачу Ханства, сколько, впрочемъ, ни безполезнаго для насъ, не находилъ возможнымъ, по тому что оно покорилось Россіи добровольно. Отецъ нынѣшняго Хана, въ надеждѣ на покровительство Россіи, противился Персіи, испыталъ войну несчастную, изгнанъ былъ изъ своихъ владѣній и наконецъ Гюлистанскимъ трактатомъ, въ концѣ 1813 года, часть Ханства довольно значительная предоставлена была Персіи.

Россіи принадлежатъ многія Мусульманскія Провинціи, на коихъ уступка Талышенскаго Ханства непремѣнно произвела бы невыгодное для насъ вліяніе, которое не упустила бы Персія поддерживать тайнымъ образомъ, и сопредѣльнаго Персіи Ханства Карабагскаго Владѣтель, соединенный тѣсными узами родства съ Шахомъ, былъ бы поводомъ къ величайшимъ неудовольствіямъ. Когда, въ 1817 году, отправлялся я посломъ въ Персію

извѣстно мнѣ было, что Шахъ, обнадеженный ходатайствомъ Англіи, объявилъ разныя желанія, и хотя предоставлено мнѣ было, обозрѣвъ границу, изыскать средство, не повреждая, разумѣется, выгодамъ нашимъ, сдѣлать какую ни будь уступку, я не нашелъ ни чего другаго въ угожденіе Шаху, какъ сдѣлать Талышенское Ханство независимымъ отъ Россіи и подъ покровительствомъ обѣихъ Державъ. Но сего предложенія моего Государю Императору неугодно было ободрить. Слѣдовательно, давно видѣлъ я, что отдать Талышенское Ханство во власть Персіи было неприлично.

Чрезъ нѣсколько дней Генералъ-Маіоръ Князь Меньшиковъ отправился въ Тифлисъ. Можно было надѣяться, что, одаренъ будучи отличнымъ умомъ, счастливыми способностями, и притомъ довольно хитрый, что въ дѣлахъ съ Персіянами совсѣмъ не мѣшаетъ, онъ успѣетъ въ исполненіи порученія и даже безъ уступки ничтожной частицы Талышенскаго Ханства.

Порученіе дѣла, независимо отъ меня, должно было обнаружить, что не я былъ причиною затрудненій. Я просилъ о семъ прежде оффиціяльно, но при покойномъ Императорѣ сего не сдѣлано; теперь же легко замѣтить я могъ, что успѣли сдѣлать внушеніе, что несговорчивость со стороны моей виною всѣхъ неудовольствій, и что Аббасъ-Мирзѣ гораздо пріятнѣе имѣть дѣло со всякимъ другимъ. Словомъ, я начиналъ видѣть недостатокъ ко мнѣ довѣренности.

Января 22-го дня войска собрались при крѣпости Грозной. Онѣ состояли изъ двухъ баталіоновъ Ширванскаго, одного Апшеронскаго, одного 41 егерскаго полковъ, одной гренадерской роты Тифлискаго пѣхотнаго полка, 600 Линейныхъ Казаковъ и 16 орудій артиллеріи. Съ такими войсками можно было наказать не однихъ Чеченцевъ.

26-го числа прошли войска Ханъ-Кале, непріятеля было не болѣе 200 человѣкъ, который произвелъ перестрѣлку съ арріергардомъ. Въ первый разъ былъ я на семъ мѣстѣ, и видѣлъ труды покойнаго Генералъ-Маіора Грекова, ибо едва оставались признаки лѣса, прежде непроходимаго, гдѣ, въ 1806 году, Генералъ Булгаковъ понесъ весьма чувствительный уронъ, много ободрив-

шій Чеченцевъ. Теперь обширная и прекрасная долина представляетъ свободный доступъ въ средину земли ихъ, и нѣтъ оплота, на который они столько прежде надѣялись. Въ тотъ же день занято селеніе Большая Атага. Войска нашли роскошное продовольствіе для себя и для лошадей.

Жителей застали весьма не многихъ, ибо спаслись они въ ближайшіе лѣса, въ домахъ осталось много имущества. Селеніе не менѣе 600 дворовъ, и много домовъ хорошихъ.

Войска, расположенныя лагеремъ у селенія, два дня съ ряду имѣли довольно сильную перестрѣлку, Казаки дрались при обозрѣніи переправы чрезъ рѣку Аргунъ. Въ Малой Атагѣ, лежащей на противоположномъ берегу, замѣчены большіе огни, слышны были выстрѣлы и крикъ въ ознаменованіе радости о прибытіи на помощь сосѣдей, и тогда же дали знать лазутчики, что пришли Чеченцы, по Мичику живущіе, часть Ичкеринцевъ и нѣсколько Лезгинъ.

30 числа, въ 4-ре часа по полуночи, послалъ я два баталіона Ширванскаго полка, одну роту 41 егерскаго, 8-мь орудій артиллеріи и 500 Казаковъ, сжечь селеніе Чахкери, гдѣ непріятель имѣлъ удобное пристанище и всегда собирался. Предъ разсвѣтомъ войска, приблизившись къ селенію, замѣчены были карауломъ, и по тому, не теряя времени, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушекъ, одинъ баталіонъ бросился въ селеніе, изъ коего непріятель спасся бѣгствомъ. Баталіонъ, сжегши селеніе безъ препятствія, выступилъ изъ онаго; но когда войска въ обратный путь отошли около версты, чрезвычайно густой туманъ легъ на землю, съ которымъ соединившійся дымъ отъ горящаго селенія, до того затмили свѣтъ, что въ самомъ близкомъ разстояніи нельзя было ни чего видѣть.

Въ сіе время приспѣлъ стоявшій за Аргуномъ непріятель; онъ не могъ видѣть числа войскъ нашихъ, такъ какъ и его прибытіе познано было по одному ужасному его крику. Часть конницы его, проскакавъ мимо нашихъ стрѣлковъ, столкнулась съ Казаками, но была опрокинута ими. Отъ силы столкновенія нѣсколько человѣкъ Чеченцевъ и Казаковъ опрокинуты были на

землю. Рѣдко видятъ сіе кавалеристы, хотя не рѣдко говорятъ о шокѣ. За симъ большія толпы атаковали нашу пѣхоту. Артиллерія дѣйствовала картечью и не далѣе пятидесяти шаговъ, такъ что отрываемы были члены и раздираемы тѣла. Бросавшіеся спасти тѣла, по обыкновенію, были въ свою очередь истребляемы. Третье нападеніе было сильнѣйшее и продолжалось долѣе. Непріятель ударилъ всѣми силами: встрѣченный картечью, батальнымъ огнемъ пѣхоты и Казаками, онъ обращенъ въ стремительное бѣгство. Непріятель былъ въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, дрался отчаянно, ибо лжепророкъ лично самъ находился и многіе священнослужители возбуждали ихъ къ тому пѣніемъ молитвъ. Но далѣе не было уже ни одного выстрѣла, вѣроятно, по тому, что поднявшійся туманъ обнаружилъ число войскъ нашихъ. Изъ признанія Чеченцевъ извѣстно, что они потеряли не менѣе двухъ сотъ человѣкъ одними убитыми, въ числѣ коихъ многихъ отличныхъ между ими людей. Они говорили, что никогда прежде не испытали они столько жестокой схватки.

Послѣ сего сраженія непріятель разсѣялся, и войска 2-го Февраля, пройдя Ханъ-Кале безъ выстрѣла, возвратились въ крѣпость Грозную.

5-го числа, оставивъ обозы, дабы двигаться съ большею быстротою, войска, пройдя ночью Ханъ-Кале, у селенія Большой Чечень, переправились за Аргунъ и заняли деревню Бельгетой, которую оставили жители. Казаки сожгли небольшое селеніе, Ставноколь, гдѣ захватили въ плѣнъ семейства и отбили стадо скота. Керменчукъ, одно изъ главныхъ и богатѣйшихъ селеній въ Чечнѣ, просило о пощадѣ, и получило оную, дало Аманатовъ. Я ласкалъ жителей, имѣя въ виду проложить дорогу.

8-го числа войска, послѣ ничтожной перестрѣлки, заняли половину селенія Алды, которой буйные жители, никогда прежде не повинуясь, всегда возбуждали безпокойства, другой половинѣ дана пощада, и жители съ семействами остались въ домахъ покойными. Здѣсь застигли насъ жестокіе морозы, продолжавшіеся болѣе недѣли. По прекращеніи оныхъ, войска послѣдовали чрезъ Гойтинскій лѣсъ, гдѣ ожидалъ я быть встрѣченъ непріятелемъ. Но онъ былъ въ малыхъ силахъ, и баталіонъ 41 егерскаго полка

съ такою быстротою погналъ его, что онъ и самые завалы оставилъ безъ сопротивленія. За баталіономъ посланные Казаки выгнали Чеченцевъ изъ селенія Белакай и сожгли оное. Далѣе въ слѣдованіи къ селенію Рошни, небольшая часть пѣхоты въ арріергардѣ и Казаки вели перестрѣлку. Въ сей день Казаки, прикрывая фланговое движеніе войскъ, показали примѣрную неустрашимость, подъ огнемъ довольно сильнымъ Чеченской пѣхоты: я не видалъ ни одного Казака, стрѣляющаго по пустому, ни одного иначе ѣдущаго, какъ малымъ шагомъ. Смѣю думать, что это не самое легкое и въ регулярной конницѣ.

Оставленное селеніе Гихи, большое и богатое прекрасными садами, приказалъ я сжечь, ибо жители онаго упорствовали прійти въ покорность. Сады истреблены однихъ только главнѣйшихъ мятежниковъ. Чрезъ Гихинскій лѣсъ нашелъ я проходъ весьма трудный: большія и старыя деревья, между коими множество валежнику, дорога тѣсная и излучистая, представляли непріятелю удобство обороны, и я, конечно, потерпѣлъ бы уронъ, но онъ, полагая, что я пойду въ обратный путь тою же дорогою, тамъ ожидалъ меня, и войска прошли безпрепятственно. Мошенническое селеніе Доунъ-Мартанъ, въ которомъ укрываются всегда Кабардинскіе Абреки, сожжено. Отсюда, довольно обширными и прекрасными полями, принадлежащими Карабулакамъ, прошелъ я до селенія Казахъ-Кечу. Пришедшіе съ покорностію жители, впрочемъ, много разъ виновные, испросили пощаду. Войска возвратились въ крѣпость Грозную 21 числа.

Во все время движенія дѣлалъ я съ намѣреніемъ малые весьма переходы, дабы непріятелю дать возможность собраться, ожидая, что онъ рѣшиться дать сраженіе. Способъ сей былъ вѣрнѣйшій положить конецъ мятежу, или иначе надобно отыскивать мятежниковъ въ ихъ убѣжищахъ, на что не доставало у меня времени.

Наставшая ненастная погода, дороги отъ чрезвычайной грязи сдѣлавшіяся затруднительными и невозможность продовольствовать лошадей за совершеннымъ недостаткомъ фуража, понудили меня отложить дѣйствія до удобнѣйшаго времени, и по тому, усиливъ гарнизонъ крѣпости Грозной однимъ баталіономъ, одною

сотнею Казаковъ, оставивши въ ней всю артиллерію, приказалъ я всѣмъ прочимъ войскамъ отправиться по квартирамъ на Линію; самъ, 28 Февраля, поѣхалъ въ Червленную.

Марта 7-го числа прибылъ ко мнѣ Князь Меньшиковъ (смотри выше).

6 числа Апрѣля, приказавъ войскамъ переправиться за Терекъ, прибылъ я впередъ въ Грузію. Въ Чечнѣ продолжался мятежъ; лжепророкъ старался возбуждать обольщающими прорицаніями, но уже примѣтно уменьшилось вѣрованіе въ него; посыланные люди къ Лезгинамъ съ требованіемъ помощи привезли однѣ обѣщанія. Напротивъ, весьма многія изъ селеній не нарушили покорности и представили аманатовъ лучшихъ фамилій по нашему назначенію. Сдѣлавъ наблюденіе, что упорнѣйшіе изъ Чеченцевъ суть тѣ, кои живутъ въ мѣстахъ менѣе приступныхъ, гдѣ никогда, или давно весьма, не бывали войска наши, куда, по множеству въ пути препятствій, не могутъ приходить внезапно, а по тому жители, имѣя время скрыть въ лѣсахъ семейства и имущество, являются съ оружіемъ, вознамѣрился я открыть кратчайшія дороги и прорубить лѣса далѣе отъ дороги ружейнаго выстрѣла въ обѣ стороны. По таковымъ путямъ, не испытывая ни какихъ затрудненій, могутъ войска повсюду появиться съ большою быстротою и безъ всякой опасности, даже въ небольшихъ силахъ. Такимъ образомъ, безъ непріязненныхъ дѣйствій, можно удерживать ихъ въ послушаніи, а въ послѣдствіи пріучить къ спокойствію.

10 числа войска прибыли къ селенію Алханъ-Юртъ, и тотчасъ небольшая часть пѣхоты на каюкахъ переправилась на правый берегъ Сунжи, при чемъ была ничтожная перестрѣлка.

Сожжена деревня Курчали, гдѣ мятежники въ лѣсу, чрезвычайно густомъ, дрались съ нѣкоторою упорностію. Дорога прекрасная открыта до селенія Гихи, и частію проходитъ прелестною поляною.

17 числа возвратился я въ Алханъ-Юртъ, дабы дать войскамъ отдохновеніе въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Въ сей день, близко къ переправѣ чрезъ Сунжу, арріергардъ былъ

сильно атакованъ, и я долженъ былъ дать ему подкрѣпленіе, перестрѣлка продолжалась до глубокаго вечера, но переправа совершенно была безопасна.

Предводитель Кизлярскаго Уѣзда съ нѣсколькими Дворянами и Депутатами всѣхъ сословій пріѣхали поздравить войска съ праздникомъ и, въ знакъ уваженія ихъ къ трудамъ ихъ, Гг. Офицеровъ угащивали обѣдомъ, солдатамъ выдана была роскошная порція виномъ и мясомъ.

Между тѣмъ производилась порубка лѣсу въ окрестности. Прибыли Казаки, 500 человѣкъ, которыхъ оставлялъ я на Линіи, за неимѣніемъ подножнаго корма, и съ ними 300 человѣкъ Чеченцевъ, живущихъ по Тереку, съ топорами для работъ.

23 числа, оставя всѣ тягости въ вагенбургѣ при Алханъ-Юртѣ, войска на легкѣ прибыли, 25 числа рано, предъ селеніе Урусъ-Мартанъ. Послѣ сдѣланнаго мнѣ отказа, на повторенныя нѣсколько разъ предложенія, дать аманатовъ, нашелъ я жителей къ оборонѣ готовыхъ и съ ними соединившихся сосѣдей. Построивъ батарею противъ селенія, обратилъ я вниманіе ихъ на оную и въ то же время съ противоположной стороны баталіонъ 41-го егерскаго, три роты Апшеронскаго полковъ и рота гренадерскаго Тифлискаго полка, бросились въ деревню: испуганный непріятель бѣжалъ стремительно, и даже въ лѣсу не смѣлъ остановиться. Многіе побросали ружья. Уронъ былъ довольно чувствительный. На звукъ орудій собирались окрестные жители, но Казаки и наши Чеченцы заняли дороги, и по тому, пробираясь лѣсами, не успѣли они прійти во время.

Селеніе приказалъ я истребить, великолѣпные сады вырублены до основанія. Черезъ рѣку Мартанъ сдѣлана хорошая переправа и открыта широкая дорога. На обратномъ пути сожжены два селенія Рошни. Многія другія приведены въ покорность и войска безпрепятственно чрезъ Алханъ-Юртъ возвратились въ крѣпость Грозную, 28 числа. Войскамъ дано три дня для пріуготовленія сухарей. Чеченская конница отпущена на праздникъ Байрамъ. Она служила съ отличнымъ усердіемъ, заглаждая вину свою, когда 26 Октября бѣжала она, оставивъ нашихъ Казаковъ.

2-го числа Мая войска, пройдя Ханъ-Кале, перешли чрезъ Аргунъ у селенія Беглекой. Очищена дорога черезъ лѣсъ, отдѣляющій селеніе Шали, которая прежде прорублена была Генералъ-Маіоромъ Грековымъ. Селеніе сожжено и сады вырублены.

Съ 600 человѣкъ пѣхоты, четырьмя орудіями и 300 Казаковъ пошелъ я сдѣлать обозрѣніе Шалинскихъ полей. Чеченцы засѣли въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надобно было проходить лѣсомъ. Нельзя было выгнать ихъ, не овладѣвши небольшею деревушкою. Генералъ-Маіоръ Лаптевъ мгновенно занялъ оную, но къ ней прилежалъ частый очень лѣсъ, непріятель усилился, мы должны были захватить довольно большое пространство и въ мѣстоположеніи совершенно для насъ невыгодномъ. Я сберегалъ Казаковъ, но долженъ былъ спѣшить часть оныхъ, ибо чувствовалъ въ пѣхотѣ недостатокъ; 4 орудія артиллеріи служили намъ величайшимъ пособіемъ, и мы прошли трудное мѣсто. Огонь былъ жестокій, и непріятель имѣлъ дерзость броситься въ шашки на одну егерскую роту. Казаки поддержали оную и обратили его съ урономъ.

Въ послѣдствіи проложены дороги отъ селенія Беглекой на поля Теплинскія, мимо возвышенія, называемаго Гойтъ-Кортъ, съ вершины коего видна Чечня на большое разстояніе. Далѣе прорублена дорога мимо селенія Чертой, за рѣчку Джалгу, до селенія Керменчукъ и мимо онаго. Жители Керменчука разумѣли лѣса свои непреодолимою оградою ихъ свободы, и по тому не хотѣли, чтобы къ нимъ проложена была дорога. Они всячески старались отклонить меня отъ того, и присланные ко мнѣ отъ общества Старшины говорили, что они не могутъ ручаться, чтобы народъ не сталъ тому противиться. Въ то же время дано мнѣ знать, что общество просило помощи отъ сосѣдей. Въ такомъ случаѣ перемѣна намѣренія и даже самая нерѣшительность могла показаться имъ робостію, или недостаткомъ средствъ съ нашей стороны, и по тому приступлено къ работѣ. Селеніе нашли мы совершенно пустымъ, семейства и имущество скрыты были въ ближайшихъ лѣсахъ, хозяева домовъ, не менѣе 600 человѣкъ, были подъ ружьемъ при входѣ въ селеніе. Въ ужасномъ страхѣ находились они, когда увидѣли, что направленіе дороги пошло чрезъ тѣ самыя мѣста, гдѣ укрывались семейства, и я не былъ покоенъ

опасаясь, чтобы въ лѣсу, гдѣ трудно было усмотрѣть за солдатами, малѣйшій безпорядокъ не возбудилъ ихъ къ дракѣ въ защиту семействъ. Приказано было Старшинамъ находиться при каждой командѣ, дабы были они свидѣтелями, что мы ни какой обиды, или паче оскорбленія, дѣлать имъ не хотѣли, и, сказать надобно къ удивленію, что не произошло ни одного непріятнаго случая. Разсыпанные по лѣсу люди находили женщинъ и дѣтей, и поступали съ ними ласково, находили имущество, и ставили караулъ для охраненія онаго. Жители, удивленные подобнымъ обращеніемъ, изъ благодарности угащивали солдатъ, пріуготавливая для нихъ пищу.

Когда надобно было на другой день прійти для окончанія работы, всѣ семейства были въ домахъ, и намъ оказываема была полная довѣренность. Часть войскъ введена была въ селеніе, по собственному желанію жителей, дабы неблагонамѣренные изъ сосѣдей не могли, закравшись въ обширные сады, нарочно завести перестрѣлку, чтобы пало подозрѣніе на самихъ жителей и чтобы за то подвергнуть ихъ наказанію. Въ продолженіи двухъ дней работы, производилась сильная весьма перестрѣлка съ прибывшими отъ рѣки Мичика, съ Шалинцами и другихъ окрестныхъ мѣстъ Чеченцами. Одна изъ ротъ Ширванскаго полка имѣла случай наказать штыками болѣе дерзкихъ, и сіе было поучительнымъ для другихъ примѣромъ.

По окончаніи работы войска, 17 числа Мая, перешли чрезъ рѣку Аргунъ. Вода была уже высокая и переправа довольно затруднительная. Я поспѣшилъ, дабы не остаться за рѣкою безъ провіянта. На завтра прибыли войска къ крѣпости Грозной.

Послѣ двухъ дней роздыха, Ханъ-Кале разчищено совершенно, расширена долина болѣе прежняго, проложена дорога по самой срединѣ, и мѣсто, прежде страшное, можетъ нынѣ уподоблено быть прекрасному гулянью.

Въ сіе время приказано было 500 Казакамъ и 100 отборнымъ Чеченцамъ собраться у Наура и, скрытнымъ образомъ дойдя до Сунжи, переправиться за оную, близъ селенія Казахъ-Кечу, и напасть на селенія Карабулацкія, дабы отогнать скотъ. Подполковники Петровъ и Ефимовичъ исполнили порученіе въ точно-

сти, произвели нападеніе внезапно и съ неимовѣрною быстротою.

Не подалеку отъ селенія Даудъ-Мартанъ и Акбарзой, за рѣкою Оссою, схватили нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ, нѣсколькихъ преслѣдуя потопили въ рѣкѣ, отбили 400 штукъ рогатаго скота и болѣе 100 барановъ. Войска собрались у крѣпости Грозной 23 числа, и 25 отпущены на квартиры на Линію.

Такимъ образомъ кончилась экспедиція противъ Чеченцевъ. Одни, живущіе по рѣкѣ Мичику, остались непокорными, но они, кромѣ воровства и разбоевъ, ни чего болѣе сдѣлать не въ состояніи; потухъ мятежъ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ, и всѣ главнѣйшія селенія приведены въ послушаніе и представили аманатовъ. Исчезло мнѣніе, что лѣса могутъ служить твердою оградою; напротивъ, движеніе войскъ въ весеннее время было несравненно пагубнѣе для Чеченцевъ; ибо, не смѣя показываться въ открытыхъ мѣстахъ, оставили они поля невоздѣланными, по той же причинѣ скотоводство ихъ оставалось безъ корму. При вскрытіи весны прятавшіяся въ лѣсахъ семейства подверглись чрезвычайнымъ болѣзнямъ и смертности, которыя долженъ продолжать угрожающій голодъ. Впредь всеобщій мятежъ едва ли возможенъ, ибо всюду и скоро могутъ проходить войска. Охраненіе семействъ обратитъ каждаго къ собственной защитѣ, дѣйствія будутъ частныя, соединять силы будетъ неудобно.

Въ заключеніе долженъ я отдать справедливость отличному усердію и неутомимой дѣятельности войскъ, труды коихъ были постоянны, ибо надлежало ежедневно или быть съ топоромъ на работѣ, или подъ ружьемъ, для охраненія работающихъ и весьма часто въ дѣйствіи. Къ подобнымъ усиліямъ безъ ропота можетъ возбуждать одна привязанность къ своимъ начальникамъ, и сія справедливость принадлежитъ Гг. Офицерамъ. Полное уваженіе мое пріобрѣли Линейные Казаки. Прежде видалъ я ихъ небольшими частями и не такъ близко, но теперь могу судить и о храбрости ихъ и о предпріимчивости. Конечно, изо всѣхъ многоразличныхъ Казаковъ въ Россіи едва ли есть подобные имъ!

26 числа возвратился я въ Червленную, и имѣлъ нужду въ отдохновеніи.

Іюня 4-го числа былъ я въ укрѣпленіи Ташъ-Кечу, гдѣ, собравъ старшихъ Владѣльцевъ и всѣхъ Князей Кумыцкихъ, далъ я нужныя наставленія по части управленія. Главному Кумыцкому Приставу приказалъ на рѣчкѣ Ярыкъ-Су водворить сильное селеніе, расположить главный изъ карауловъ, которые поставляются отъ земли, для охраненія оной отъ Чеченцевъ. Селеніе сіе закроетъ идущія къ городу Андрею дороги, по коимъ, послѣ оставленія стараго Аксая, легко могли прокрадываться хищники.

На обратномъ пути моемъ чрезъ Червленную станицу далъ я приказаніе 2-му баталіону Ширванскаго полка слѣдовать въ Кабарду, куда отправлена такъ же часть Казаковъ для усиленія кордона.

Въ Екатериноградѣ занятъ я былъ дѣлами Линіи съ Начальникомъ оной, Генералъ-Маіоромъ Княземъ Горчаковымъ. Въ Кабардѣ все было тихо и не предвидѣлось ни какихъ безпокойствъ.

За Кубанью не слышно было, чтобы собирались хищники. Для начальствованія войсками на правомъ флангѣ Линіи назначенъ мною Полковникъ Князь Чевчевадзевъ. Генералъ-Маіору Князю Горчакову поручилъ ускорить переселеніе Казаковъ на новую Линію и другія избранныя мѣста.

Въ Владикавказъ прибылъ я по новой отъ Екатеринограда дорогѣ и, сопровождавшему меня Путей Сообщенія Полковнику Гозіуму поручилъ сдѣлать въ ней слѣдующія перемѣны: при урочищѣ Пришибъ, въ 13 верстахъ отъ Екатеринограда, учредить укрѣпленный постъ. Уничтожить укрѣпленіе при рѣчкѣ Аргуданъ, въ которой вода оказалась весьма нездоровою, и перевести постъ къ рѣкѣ Уруху, не подалеку отъ устья онаго, чрезъ которую построить мостъ. Лежавшую выше по рѣкѣ, Урухскую крѣпость срыть, отъ чего не мало сократится дорога и будетъ проходить мѣстами болѣе открытыми. Укрѣпленіе на рѣчкѣ Лескенѣ, выходящее внѣ Линіи, уничтожить. Бывшіе со мною 1-й баталіонъ Ширванскаго полка и сводный изъ гренадерскихъ Херсонскаго и Грузинскаго полковъ, во многихъ мѣстахъ расчистили дорогу и сдѣлали ее еще удобнѣйшею и менѣе опасною. Генералъ-Лейтенантъ Вельяминовъ доставилъ мнѣ, полученную отъ Князя Меньшикова, шифрованную бумагу, въ которой увѣдомляетъ онъ, что

Аббасъ Мирза сыскалъ человѣка, который за 5 тыс. тумановъ (20,000 руб. серебр.) взялся убить меня.

Я удивленъ былъ симъ, но не впалъ въ отчаяніе, что не нравлюсь такому человѣку, каковъ Аббасъ-Мирза.

Іюля 2 числа возвратился я въ Тифлисъ, послѣ одиннадцати мѣсяцевъ отсутствія.

Генералъ-Маіоръ Князь Меньшиковъ находился въ Тавризѣ, и оттуда были послѣднія его депеши, въ коихъ увѣдомлялъ, что, по приглашенію Шаха, отправляется онъ въ Султанію, что Аббасъ-Мирзою былъ принятъ благосклонно.

Повсюду на границѣ было совершенно спокойно и не возможно было ожидать ни какихъ непріязненныхъ со стороны Персіянъ поступковъ, по крайней мѣрѣ въ то время, какъ у нихъ находился Князь Меньшиковъ, съ изъявленіемъ желанія Императора хранить и еще болѣе сдѣлать твердыми связи дружества, и когда Императоръ послалъ Аббасъ-Мирзѣ собственноручное письмо чрезвычайно благосклонное. Шаху въ подарокъ отправлена была, чрезъ Астрахань, великолѣпная кровать хрустальная съ серебряною оправою, сдѣланная по его желанію, объявленному Повѣренному въ дѣлахъ, Г. Мазаровичу. Со стороны Эривани съ нѣкоторымъ числомъ войскъ стоялъ Сардарь Эриванскій близко къ урочищу Миракъ.

Во время отсутствія моего Аббасъ-Мирза жаловался Генералъ-Лейтенанту Вельяминову на занятіе войсками нашими Балыкчайскаго поста при озерѣ Гогча. Мною приказано было отвѣтствовать, что урочище Балыкъ-Чай признаю я принадлежащимъ къ Персіи и сего не оспариваю, но что занято оное на томъ же самомъ основаніи, какъ Персіяне удерживаютъ во власти своей большое пространство населенной земли отъ рѣки Чоундуръ до рѣки Капанакъ-Чай въ Карабагскомъ Ханствѣ, и что окончаніе дѣла о разграниченіи разрѣшитъ: должны ли мы оставить урочище Балыкъ-Чай, или получить оное въ замѣнъ уступаемаго нами. Генералъ-Лейтенантъ Вельяминовъ приказалъ построить небольшое укрѣпленіе при разоренномъ селеніи Миракъ, на границѣ Эриванскаго Ханства, но работы были прекращены, по просьбѣ Аббасъ-Мирзы

къ Князю Меньшикову, когда еще онъ былъ въ пути къ Тавризу. Онъ еще не зналъ Персіянъ, и его можно было увѣрить, что если не сдѣлаетъ онъ угоднаго ему, то можетъ онъ принять его неблагосклонно, или даже отказать принять его. Князь Меньшиковъ прислалъ, находившагося при немъ, Полковника Бартоломея, убѣждая Генерала Вельяминова оставить Мирацкое укрѣпленіе.

Я располагался ѣхать для обозрѣнія границы, какъ вдругъ, 19-го числа, получаю изъ Караклиса, отъ артиллеріи Подполковника Флиге, рапортъ, что Сардарь Эриванскій напалъ съ большими силами на постъ нашъ при урочищѣ Миракъ, и что въ то же самое время истреблено селеніе Малая Караклиса, лежащая не подалеку отъ укрѣпленія Гумри, и отогнанъ казенный табунъ, принадлежавшій Тифлискому пѣхотному полку, пасшійся на рѣчкѣ Гамзачиманъ, въ 18 верстахъ отъ Большой Караклисы. О Полковникѣ Князѣ Севарсемидзевѣ, командующемъ войсками на границѣ, который находился на Мирацкомъ посту, не было ни какого извѣстія, и Подполковникъ оставался по немъ старшимъ.

Изъ сего происшествія явно было нарушеніе мира прежде обдуманное, но отнюдь не самовольный поступокъ Сардаря Эриванскаго, какъ то поняло Министерство наше.

И такъ съ сего времени начинается война съ Персіею!

ЗАПИСКА

ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА

О

ПОСОЛЬСТВѢ ВЪ ПЕРСІЮ

ВЪ 1817 ГОДУ.

Заключенный съ Персіею миръ, въ концѣ 1813 года, положилъ конецъ продолжительной войнѣ, которая хотя и не была для Россіи важною, могла, однако же, многія имѣть неудобства въ то время, какъ непріятель былъ въ отечествѣ нашемъ и Москва въ рукахъ его. Счастливый оборотъ дѣлъ нашихъ, изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Россіи, ужасное понесенное имъ пораженіе и войска наши, прошедшія путемъ побѣдъ въ сердце Германіи, вразумили Персіянъ, что для спокойствія ихъ надобно искать мира съ Россіею, а не льстить себя пустою надеждою пріобрѣсти его оружіемъ.

Персія трактатомъ признала власть Россіи надъ покоренными ею провинціями, но отправила въ С.-Петербургъ чрезвычайнаго Посла, поручивъ ему убѣжденіемъ и просьбами склонить великодушіе Государя Императора на возвращеніе нѣкоторыхъ изъ сихъ провинцій.

Посолъ прибылъ во время отсутствія Государя, который, начальствуя арміями внѣ предѣловъ Россіи, озабоченъ былъ успокоеніемъ Европы, освобождая ее отъ ига Наполеона.

По возвращеніи Государя, Посолъ Персидскій представилъ просьбу Шаха, и получилъ въ отвѣтъ, что, въ доказательство искренней пріязни, назначаюсь я Посломъ къ Его Величеству Шаху, и мнѣ дано наставленіе, изъявляю-

щее волю Императора во всемъ, сколько возможно, соотвѣтствовать желаніямъ Шаха и сохранить дружелюбное его расположеніе.

Посолъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга, а вскорѣ послѣ него и я отправился. Пробывъ короткое время въ Грузіи, объѣхалъ я нѣкоторыя мѣста границъ, дабы удостовѣриться, можно ли безъ вреда сдѣлать какую ни будь уступку Персіянамъ, если бы то было необходимымъ, и допустить измѣненіе границы безъ ослабленія оной?

По сей причинѣ принужденъ я былъ умедлить отъѣздомъ моимъ въ Персію.

1813 годъ.

Апрѣля 17. Сдѣлавъ заблаговременно всѣ нужныя къ отъѣзду въ Персію пріуготовленія, назначивъ частныхъ начальниковъ какъ надъ войсками, такъ и въ провинціяхъ, отправился я изъ Тифлиса. Всѣ чиновники Посольства, отслуживъ въ Соборѣ молебенъ, приняли благословеніе въ путь Митрополита. Въ селеніи Коды былъ первый ночлегъ, откуда возвратились многіе изъ Грузинскихъ Князей, которые насъ провожали.

18. Эмиръ Айвазло. Здѣсь простились мы съ Генералъ-Маіоромъ Кутузовымъ, начальникомъ по мнѣ войскъ въ Грузіи и провинціяхъ, лежащихъ на полуденной сторонѣ Кавказа; съ Генералъ-Маіоромъ Сталемъ, Управляющимъ въ Грузіи гражданской частью.

19. Акъ-Кёрпи.

20. Агзебіюкъ. Встрѣтился съ 9 егерскимъ полкомъ, который, по общему размѣщенію войскъ, изъ Бамбацской провинціи переходитъ въ Карабахское Ханство.

21. Крѣпостца Лори. Трудная переправа чрезъ рѣчку Джалалъ-Оглу.

22. Каракилисса. Переѣздъ чрезъ гору Безобдалъ, по худому состоянію едва обработанной дороги, чрезвычано затруднительный.

Здѣсь изъ Тифлискаго пѣхотнаго полка взяты лошади подъ обозъ на дальнѣйшій путь и прибавлена въ свиту Посольства команда изъ 2 Унтеръ-Офицеровъ и 24 гренадеръ.

25. Селеніе Беканты.

26. Гумри. Укрѣпленіе, лежащее въ близкомъ разстояніи отъ Персидскихъ границъ и на самой Турецкой границѣ. Здѣсь слушали мы обѣдню; остановились, по причинѣ худой погоды и сильнаго весьма снѣга, тогда какъ въ Тифлисѣ давно уже тепло и воды въ большомъ возвышеніи.

19. Чирпили, Караванъ-Сарай. Карскій Паша присылалъ чиновника поздравить меня съ пріѣздомъ; написавъ столько же вѣжливый отвѣтъ и сдѣлавъ подарокъ, которымъ былъ доволенъ посланный, на другой день отправилъ я его обратно.

30. Талынь. Большое селеніе, первое въ границахъ Персіи. Оно во время войны опустошено было нашими войсками. Верстъ 6 не доѣзжая, встрѣченъ я былъ нѣкоторымъ числомъ войска и близкимъ родственникомъ Сардаря Эриванскаго. Пріѣхалъ тутъ же назначенный при Посольствѣ Главнымъ Приставомъ (Мех-мендаръ), Аскиръ-Ханъ, бывшій Посломъ въ Парижѣ при Наполеонѣ.

Здѣсь простился я съ провожавшими меня и возвратилъ конвой, который взятъ былъ изъ Гумри.

При первыхъ, оказанныхъ мною, вѣжливостяхъ чиновникамъ Персидскимъ, изъяснилъ я имъ, что прилично Сардарю Эриванскому встрѣтить меня, когда буду я въѣзжать въ Эривань.

Мая 1. Эчмядзинъ, престольный Армянскій монастырь. За пять верстъ встрѣченъ я былъ пятью Епископами верхомъ, которые, сойдя съ лошадей, поздравили меня съ пріѣздомъ. Болѣе нежели за версту выѣхалъ самъ Патріархъ. Я сошелъ съ лошади и, сколько ни удерживалъ его, онъ то же сдѣлалъ. У воротъ монастыря нашелъ я духовенство съ крестами и образами, въ великолѣпной одеждѣ, и съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ препровожденъ я былъ до назначеннаго мнѣ дома. Съ намѣреніемъ не пошелъ я прямо въ церковь, дабы не привести съ собою толпы встрѣчавшихъ меня Персіянъ, которые въ храмахъ нашихъ обыкновенно не оказываютъ ни какого уваженія святынѣ. Тутъ же узналъ я, что множество приставлено шпіоновъ для наблюденія за Патріархомъ и нашимъ обращеніемъ съ нимъ. Это первый опытъ недовѣрчивости къ намъ Персіянъ, которой скрыть они не умѣли. Въ день Вознесенія Патріархъ отправлялъ богослуже-

ніе, говорилъ рѣчь, въ которой призывалъ благословеніе Божіе на исполненіе, возложенныхъ на меня Государемъ Императоромъ, порученій, и всѣми нами замѣчено, что когда Патріархъ упоминалъ о Императорѣ, всегда тотчасъ за нимъ долженъ былъ громко прокричать имя Шаха, дабы это могли слышать Персіяне, или иначе подвергался онъ взысканію, за избавленіе отъ коего Персіяне берутъ всегда хорошія деньги. Съ прискорбіемъ видѣлъ я, что чиновники Персидскіе во время богослуженія требовали стулья и сидѣли, когда не могли не замѣтить они, что я не только не сѣлъ на предложенное мнѣ кресло, ниже сталъ на коверъ, нарочно для меня разосланный. Чиновники сіи не смѣютъ сидѣть при Сардарѣ Эриванскомъ, или нѣсколько разъ заставятъ повторить приглашеніе, почитая то за рѣдкую и величайшую милость.

3. Эривань. Верстъ за 15 выѣхалъ на встрѣчу братъ родной Сардаря съ конницею Персидскою и Куртинскою въ числѣ до пяти тысячъ человѣкъ. Я проѣхалъ по фронту, чтобы Куртинцамъ, народу особенно храброму, сказать привѣтствіе, выученное мною на Татарскомъ языкѣ, и что ими принято съ удовольствіемъ. Началась скачка и перестрѣлка, и Куртинцы оказались не сравненно проворнѣе и искуснѣе Персіянъ. Я хотѣлъ войти въ Эривань съ нѣкоторою церемоніею, но проливной дождь тому воспрепятствовалъ. Неподалеку отъ крѣпости нашелъ я приготовленныя ко встрѣчѣ войска: одинъ баталіонъ регулярной пѣхоты и народную Персидскую пѣхоту, то есть, мужиковъ съ ружьями. За версту выѣхалъ самъ Сардарь, призвавъ въ помощь врожденное въ Персіянахъ притворство и стараясь скрыть, сколько непріятно было ему предупредить меня подобною вѣжливостію. Гордый сей вельможа, близкій человѣкъ Шаху, уважаемый нѣкогда по храбрости, нынѣ по чрезвычайному богатству, не ожидалъ, что бы я того потребовалъ.

Мнѣ показана квартира въ домѣ начальника баталіона регулярной пѣхоты. Пуншъ и ликеръ начали и утвердили знакомство; веселый хозяинъ мой пьянъ всякій день по нѣскольку разъ.

Сардарь сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе первый, и вскорѣ за тѣмъ былъ я у него со всею свитою. Угащивали насъ обѣдомъ и сластями, забавляли пѣніемъ, которому одинъ несноснѣйшій крикъ

уподобленъ быть можетъ, и пляскою, съ которою сравнивается одно ужасное кривляніе. Персіяне наслаждаются симъ съ восторгомъ, и молодые мальчики, пляскѣ изученные, не за одно искуство сіе получаютъ ихъ одобреніе и награды.

Послѣ сего былъ я приглашенъ въ садъ Сардаря со всею свитою. Такой же данъ былъ обѣдъ, тѣ же мучили насъ пѣвцы и плясуны. Была музыка посольства, и всѣмъ очень понравилась. Мы угощали Сардаря нашими конфектами и мороженымъ. Крѣпкіе ликеры и пуншевое мороженое были въ общемъ вкусѣ. Изъ благопристойности и то и другое называли мы цѣлительнымъ для желудка составомъ. Отъ наименованія сего наморщились рожи Персіянъ, но пріятный вкусъ, а паче очаровательная сила оживили ихъ веселіемъ, и въ честь закона твоего, Великій Пророкъ, не вырвался ни одинъ вздохъ раскаянія. Главный Докторъ Сардаря болѣе всѣхъ вкусилъ цѣлительнаго состава, а имъ ободренный Сардарь далъ примѣръ прочимъ собесѣдникамъ. Долго на лицѣ одного изъ священнослужителей изображался упрекъ въ невоздержаніи, но розовый ликеръ смягчилъ ожесточеніе Мусульманина и усладилъ горесть его.

Здѣсь простились мы съ Сардаремъ, съ изъявленіемъ съ обѣихъ сторонъ величайшаго дружества. Вельможа сей, весьма близкій Шаху, изъ одного съ нимъ рода Каджіяровъ, почитается въ Персіи однимъ изъ умнѣйшихъ людей, думаю, даже изъ самыхъ просвѣщеннѣйшихъ, чему, въ понятіи Персіянъ, ни мало не препятствуетъ то, что онъ ни писать, ни читать не умѣетъ. Оказанная имъ храбрость при наказаніи возмутившейся нѣкогда Хоросанской провинціи, пріобрѣла ему довѣренность Шаха; теперь занимаемое имъ важное мѣсто принадлежитъ ему, какъ чиновнику испытанной вѣрности, которая столько необходима въ начальникѣ пограничной области. Родной братъ его, кромѣ напитковъ, во всемъ достойная его подпора.

Вельможи сіи, по множеству женъ, имѣютъ толпы дѣтей, которыя по большой части наслѣдуютъ ихъ добродѣтели. Персія долгое время можетъ гордиться постоянствомъ своихъ нравовъ.

До прибытія моего въ Эривань разнесся въ простомъ народѣ слухъ, что я веду съ собою войско. Глупому Персидскому легко-

вѣрію казалось возможнымъ, что я везу скрытыхъ въ ящикахъ солдатъ, которые могутъ овладѣть городомъ. Невидимые мои легіоны состояли изъ 24 человѣкъ пѣхоты, и столькихъ же Казаковъ, а регулярная моя конница вся заключалась въ одномъ драгунскомъ Унтеръ-Офицерѣ, который присматривалъ за единственною верховою моею лошадью. Вотъ всѣ силы, которыя приводили въ трепетъ пограничныя провинціи Персидской Монархіи. Казалось, и въ нѣкоторыхъ чиновникахъ гордость и притворство не скрыли страха, издавна вселеннаго въ нихъ Русскими. Я проѣзжалъ въ лучшее время года, и окрестности Эривани показались мнѣ весьма пріятными.

7. Селеніе Чарни. Изъ Константинополя возвратился, посыланный отъ меня, Капитанъ Назаровъ, съ извѣстіями пріятными и весьма во время.

Въ сей день переѣхали мы 26 верстъ.

8. Селеніе Девалу. 24 версты.

9. Селеніе Нарушенъ, въ Шарульскомъ округѣ, 39¼ верстъ. Для солдатскаго праздника служили молебенъ.

10. Селеніе Хоки, 27 верстъ. Непріятное впечатлѣніе произвела смерть одного изъ служителей, перваго умершаго въ короткое время пребыванія нашего на землѣ Персидской, собственно отъ непривычки къ климату.

11. Городъ Нахичеванъ, 27 верстъ. Ханъ, управляющій не большою сею областію, человѣкъ отлично вѣжливый и весьма веселый, тронутъ былъ особеннымъ уваженіемъ, оказаннымъ мною къ несчастному его состоянію. Онъ лишенъ зрѣнія во время обладанія Персіею злодѣя Аги-Мегмедъ-Хана, одного изъ родоначальниковъ нынѣ царствующей фамиліи. Вырвалась горькая жалоба на жестокость тирана. Не всегда состояніе рабства заслушаетъ чувство оскорбленія, и если строги судьбы опредѣленія, благодѣтельная природа даетъ въ отраду многимъ надежду отмщенія. Но сей несчастный, уже въ лѣтахъ, клонящихся къ старости, лишенный зрѣнія, двадцать лѣтъ отлученный отъ приверженныхъ къ нему подвластныхъ, не можетъ и сего имѣть утѣшенія. Осторож-

ное Правительство удерживаетъ сына его залогомъ вѣрности. Какія новыя чувства испытываетъ, при подобной встрѣчѣ, человѣкъ, живущій подъ кроткимъ правленіемъ! Здѣсь, между врагами свободы, надобно научиться боготворить ее. Здѣсь съ ужасомъ видишь предержащихъ власть, не познающихъ предѣловъ оной въ отношеніи къ подданнымъ, съ сожалѣніемъ смотришь на подданныхъ, не чувствующихъ достоинства человѣка. Благословляю стократъ участь любезнаго отечества, и ничто не изгладитъ въ сердцѣ моемъ презрѣнія, которое почувствовалъ я къ Персидскому Правительству. Странно смотрѣли на мое соболѣзнованіе провожавшіе меня Персіяне: рабы сіи изъ подобострастія готовы почитать глаза излишествомъ. Неподалеку отъ Нахичевана, на берегу рѣки Аракса, построена крѣпость Аббасъ-Абатъ. Искуство Европейцевъ начертало оную.

13. Ночлегъ на правомъ берегу Аракса, 30½ верстъ. Рѣка означаетъ границу между Ханствомъ Нахичеванскимъ и Адербиджаномъ, заключающимъ въ себѣ многія провинціи и Ханства.

Доселѣ не сдѣлали мы шагу безъ сопровожденія войскъ, и весьма примѣтно было, что старались показать ихъ сколько можно болѣе и сколько умѣли въ лучшемъ видѣ. Въ городахъ не оставалось ремесленника, на котораго бы не нацѣпили ружья, хватали пріѣзжающихъ на торгъ поселянъ и составляли изъ нихъ конницу, дабы вразумить насъ, какими страшными ополченіями ограждаемы пограничныя области Персіи.

Изъ благопристойности я только смѣялся сему, но не только смѣшно было то Персіянамъ.

14. Галаку, Караванъ-Сарай. 34 версты.

15. Марандъ. Небольшой городокъ въ пріятной и весьма населенной долинѣ, 24½ версты. Управляющій областью Ханъ выѣхалъ на встрѣчу; въ домѣ его отведена была для меня прелестная квартира.

17. Селеніе Софіанъ. 36 верстъ. Отдаляясь отъ Аракса, земля показывается худшаго свойства и самый видъ непріятенъ, что переѣхавши Марандъ еще болѣе чувствительно.

18. Селеніе Согланъ, 12 верстъ. Здѣсь сдѣлали мы пріуготовленіе къ въѣзду въ Тавризъ, предупреждены будучи нашимъ Приставомъ о дѣлаемыхъ по распоряженію Наслѣдника Персіи, Аббасъ-Мирзы, пріуготовленіяхъ ко встрѣчѣ, и что для того назначены войска и многіе изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ. Отъ Аббасъ-Мирзы присланы мнѣ были фрукты съ пышнымъ привѣтствіемъ, коего смыслъ заключался въ желаніи его, чтобы столько же сладко было знакомство наше!

19. Городъ Тавризъ, 14 верстъ, главный въ Адербиджанской провинціи, пребываніе Наслѣдника. Верстахъ въ семи предъ городомъ встрѣченъ я былъ Тавризскимъ Беглербегомъ (Военнымъ Губернаторомъ), со многими другими чиновниками, высланы были скороходы и нѣсколько верховыхъ лошадей. Вскорѣ за нимъ пріѣхалъ Визирь, сынъ Каймакама, Мирзы Бюзюрка, втораго Министра въ Государствѣ, съ великолѣпною свитою.

Вельможей сихъ долженъ я былъ выслушать безконечныя привѣтствія и, съ своей стороны, сколько ни щедръ былъ на вѣжливости, чувствую, что не могъ сравниться съ ними.

Впереди города выстроены были войска въ линію числомъ до 16,000 человѣкъ. На правомъ крылѣ сорокъ два орудія артиллеріи и небольшое весьма количество регулярной конницы, потомъ двѣнадцать баталіоновъ регулярной пѣхоты, далѣе всѣ нерегулярныя войска, Персидская и Куртинская конницы и пѣхота

Когда приблизился я къ войскамъ, началась стрѣльба изъ пушекъ и, по мѣрѣ того, какъ проѣзжалъ я баталіоны, они дѣлали на караулъ.

Офицеры Индійской Купеческой Компаніи, нанимающіеся у Персіянъ обучать войска, стояли предъ фронтомъ. Нѣкоторые въ Англійскихъ мундирахъ, другіе въ одеждѣ собственнаго изобрѣтенія и, въ угожденіе Персіянамъ, въ ихъ овчинныхъ шапкахъ. Мнѣ дали замѣтить Наслѣдника, который incognito, въ простой весьма одеждѣ, проѣзжалъ позади линіи войскъ, дабы надзирать за ихъ устройствомъ.

До самыхъ воротъ крѣпости простирались войска, и, проѣзжая мимо ихъ, доведенъ я былъ до квартиры, назначенной мнѣ въ

домѣ Каймакама, въ сопровожденіи многочисленной свиты, съ которою разстался я у воротъ дома.

Чрезъ часъ времени прислалъ Каймакамъ спросить, когда быть можетъ у меня, и мы свиданіе отложили до слѣдующаго утра, и въ тотъ же день послѣ сдѣлалъ я ему визитъ одинъ, безъ свиты.

Послѣ сего былъ я у Наслѣдника, Аббасъ-Мирзы, съ всѣми чиновниками Посольства.

Чрезъ Пристава нашего, посредствомъ обыкновеннаго разговора, сообщено мнѣ было весьма нѣжнымъ образомъ объ обычаяхъ и церемоніалѣ, употребляемыхъ при Персидскомъ Дворѣ: что въ комнату Наслѣдника нельзя войти въ сапогахъ, но должно надѣвать красные чулки; что одинъ я могу быть въ комнатѣ съ Совѣниками Посольства, а прочіе чиновники должны стоять на Дворѣ подъ окошками, и прочія довольно странныя предупрежденія.

Во время Наполеона, когда всѣ средства изыскивалъ онъ вредить Россіи, присланный отъ него въ Персію Генералъ Гарданъ, дабы вкрасться въ довѣренность Персіянъ, дѣлалъ всѣ имъ угожденія, и ему, послѣ краснаго колпака вольности, нетрудно было надѣвать красные чулки. Посланники Англійскіе и въ Персіи живущіе чиновники, совершенно съ другими видами, но съ намѣреніемъ, тѣсною связью пріобрѣсти исключительныя для торговли выгоды, также не дѣлаютъ затрудненія въ исполненіи предлагаемаго этикета. Они къ Шаху и Наслѣднику ходятъ въ красныхъ чулкахъ, Офицеры же и къ Каймакаму не смѣютъ войти иначе. А какъ я не пріѣхалъ ни съ чувствами Наполеонова шпіона, ни съ прибыточными расчетами прикащика купечествующей націи, то я не согласился на красные чулки и прочія условія.

И такъ Аббасъ-Мирза, по долгомъ разсужденіи мудраго его совѣта, рѣшился насъ принять не въ комнатахъ, но предъ домомъ: не сидя на коврахъ своихъ, которыхъ доселѣ не дерзалъ попирать ни одинъ сапогъ, но стоя на каменномъ помостѣ внутренняго двора, у самаго окна, подъ портретомъ родителя своего.

Отъ самаго дома моего до дворца, по тѣснымъ, кривымъ и неопрятнымъ улицамъ, стояли войска; подведенная мнѣ съ конюш-

ни Наслѣдника верховая лошадь, безъ уваженія смотрящая на регулярныя Персидскія войска, толкала ихъ безпрерывно, и я боялся, что пріѣду ко дворцу по трупамъ половины ополченій Персидской Монархіи.

Пріѣхавъ на большой дворъ, гдѣ также вокрутъ онаго стояла пѣхота подъ командою Англійскаго, въ овчинной шапкѣ, Офицера, слѣзли мы съ лошадей, ибо далѣе, по тѣснотѣ дверей, ѣхать было не возможно. Мы прошли небольшой дворъ, гдѣ въ комнатахъ сидѣли знатнѣйшіе чиновники; далѣе провели насъ довольно темными переходами подъ сводомъ, гдѣ за рѣшетками, въ комнатахъ на подобіе норъ, расположены были ближайшіе домашніе чиновники (animaux domestiques), наконецъ вступили мы на обширный, весьма опрятно вымощенный, дворъ, украшенный нѣсколькими бассейнами, гдѣ на краю увидѣли мы, подъ навѣсомъ, сдѣланнымъ изъ полотна, человѣка въ обыкновенной красной одеждѣ, безъ всякихъ украшеній, по лѣвую сторону котораго стояли три мальчика въ богатѣйшемъ убранствѣ.

Можно было не узнать, что то былъ Наслѣдникъ, но шедшіе впереди насъ Церемоніймейстеръ и Адъютанты его начали поспѣшно снимать свои туфли и кланяться почти до земли. Не останавливаясь продолжала мы ити далѣе; на срединѣ двора они догнали насъ и опять начались поклоны, но уже не столько продолжительные, ибо, снявъ прежде туфли, нѣтъ обыкновенія снимать что либо болѣе; знатнѣйшіе туфли могутъ, однако же, доходить до средины двора, но ни одна предѣла сего не преступаетъ. И такъ приближаемся мы къ полотняному навѣсу, и уже вблизи видимъ Наслѣдника. Мы въ сію минуту походили на военныхъ людей, утомленныхъ сильнымъ въ знойное время переходомъ, поспѣшающихъ на отдыхъ подъ ставку маркитанта.

Все до сего времени было и смѣшно и глупо; можно многое простить, когда узнаешь Аббасъ-Мирзу. Наслѣдникъ престола, любимый сынъ Шаха, воспитанный въ пышности и роскоши, которому съ молокомъ матери вливалось необузданное властолюбіе, на юношество котораго должно было сдѣлать впечатлѣніе звѣрское правленіе дѣда его, Аги-Мегмедъ-Хана и начало самаго царствованія отца его, но онъ, не взирая на то, имѣетъ простое и пріятное

обращеніе, весьма вѣжливъ, не любитъ пышности и гордъ менѣе многихъ. Какъ Наслѣдникъ, имѣетъ обширную власть, но дѣлаетъ изъ нея менѣе худое употребленіе, нежели другіе. Съ молодыми лѣтами его соединяетъ онъ пріятную наружность. Онъ принялъ всѣхъ съ чрезвычайною вѣжливостью, съ каждымъ говорилъ очень ласково, и мы, пробывши около часа, возвратились домой. Вышедши изъ подъ навѣса, тотчасъ надѣли мы шляпы, а Церемоніймейстеръ и Адъютанты начали отступленіе свое прежнимъ порядкомъ, то есть, поклонами на тѣхъ же мѣстахъ, съ тою только разностью, что въ обратномъ пути каждый ловилъ туфли, расторопный успѣвалъ надѣвать собственныя, но многіе другіе выносили въ рукахъ и нерѣдко чужія.

Многимъ, какъ и мнѣ самому, страннымъ казался пріемъ на дворѣ, но Персіяне старались представить сіе въ видѣ особеннаго уваженія; они говорили, что Наслѣдникъ никого не принималъ иначе, какъ сидя, а при семъ случаѣ онъ стоялъ, и не на коврахъ.

Вотъ самое убѣдительное обстоятельство, которое должно смягчить каждаго, и я замолчалъ о томъ до времени.

На другой день хотѣлъ я по утру ѣхать за городъ, но Аббасъ-Мирза прислалъ предложить мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, и что онъ покажетъ мнѣ свою конницу. Послѣ обѣда, въ пятомъ часу, нашелъ я его у воротъ дворца уже готоваго, и мы поѣхали. По улицамъ стояли Персидская и Куртинская конницы, и онѣ за нами въ слѣдъ выѣхали въ поле. Невдалекѣ отъ города нашли мы артиллерію, готовую къ ученью, но безъ лошадей. Мы проѣхали мимо оной, и Аббасъ-Мирза говорилъ мнѣ, что завести артиллерію научили его Русскіе. Я хвалилъ намѣреніе и что онъ избралъ хорошій образецъ для подражанія, ибо Англійская артиллерія извѣстна своимъ искуствомъ и устройствомъ, а что если Русскіе были причиною, что онъ завелъ оную, то онъ вразумилъ другихъ, сколько она необходима; ибо народъ самый непросвѣщенный, Туркменцы, * чувствуя ея пользу, просили завести у нихъ оную.

---

* Народъ Туркменскій имѣетъ всегдашнюю вражду съ Персіею, и въ посдѣднюю противъ нея войну имѣлъ нѣкоторыя выгоды. Онъ граничитъ съ Хоросанскою

Примѣтно было, что онъ съ большимъ любопытствомъ слушалъ разговоръ сей, и даже спросилъ, къ кому относились они съ своею о томъ просьбою? Я отвѣчалъ, что, за отсутствіемъ моимъ изъ Грузіи, поручилъ я заняться тѣмъ заступающему мое мѣсто Начальнику. Онъ не могъ скрыть, что неравнодушно о томъ слышитъ. Между тѣмъ Персидская и Куртинская конницы выстроились каждая въ особенную линію. Отъ Куртинской отдѣлились части, стали нападать одна на другую и началась перестрѣлка. Народъ сей управляетъ лошадьми съ особенною ловкостью, и лошади у нихъ весьма хорошія. Изъ Персіянъ не выѣзжалъ ни одинъ человѣкъ, ибо ихъ при Куртинцахъ показать не возможно: столько сіи послѣдніе во всемъ ихъ превосходятъ. Отъ конницы обратились мы къ артиллеріи, которой 18 орудій конныхъ начали стрѣлять въ цѣль. Щиты поставлены были довольно въ далекомъ разстояніи и весьма малыхъ измѣреній, и артиллерія дѣйствовала отлично хорошо.

Аббасъ-Мирза пригласилъ меня въ свой садъ, который разводитъ съ недавняго времени. Въ бесѣдкѣ готово было угощеніе чаемъ, но съ тѣмъ, чтобы я былъ съ нимъ вмѣстѣ, а вся свита моя въ другой комнатѣ: я не согласился на сіе, и мы остались всѣ вмѣстѣ. При выѣздѣ изъ сада, одна лошадь Аббасъ-Мирзы была ему подведена, а наши всѣ оставались за оградою сада. Данъ былъ знакъ моему ординарцу, и подлѣ лошади Наслѣдника явилась и моя лошадь. Офицеры мои не упустили сего изъ виду, и сколько ни показалось то страннымъ Персіянамъ, но мы отправились рядомъ. Нѣтъ случая, нѣтъ обстоятельства, въ которомъ бы Персіяне не желали показать гордости, и хотя въ возвратъ получаютъ или большую, или даже и самое презрѣніе, они переносятъ равнодушно и возвращаются къ старой привычкѣ. Въ городѣ мы разстались и поѣхали по домамъ.

По утру былъ у меня съ визитомъ Визирь, сынъ Каймакама, и меньшій сынъ, женившійся недавно на дочери Шаха. Всѣ главнѣйшія особы посѣщали меня съ чиновниками, имъ подчиненными.

областью, богатою и воинственною, которая уже нѣсколько лѣтъ возмутилась противъ Персіянъ.

Одни не были военные регулярныхъ войскъ, ибо не съ кѣмъ было прислать ихъ, кромѣ Англійскихъ Офицеровъ, командующихъ ими, но сіи, думаю, посовѣстились представлять тѣхъ, конхъ во фронтѣ били они кулаками въ зубы, что видѣли многіе изъ Посольтсва.

Сею полезною операціею Англичане внушаютъ Персіянамъ познанія о чести, и хотя послѣдніе досадуютъ на то, но утѣшены тѣмъ, что, въ свою очередь, передаютъ удары своимъ подчиненнымъ. Одни нижніе чины остаются безъ удовлетворенія, но справедливая судьба можетъ и имъ представить благопріятный случай, и ручаться нельзя, чтобы когда ни будь Англійскіе экзерцирмейстеры не расплатились за кулачные удары.

Въ вечеру приглашенъ я былъ смотрѣть фейерверкъ, расположенный на обширномъ дворѣ артиллерійскихъ казармъ. Аббасъ-Мирза отозвался, что не хотѣлъ безпокоить меня своимъ присутствіемъ, которое требовало нѣкотораго этикета. Не уже ли, подумалъ я, и тутъ надобны были красные чулки? И такъ со мною были Визирь и другія знатныя особы. Фейрверкъ состоялъ изъ множества вещей, довольно искусно приготовленныхъ, но онѣ такъ худо и тѣсно были расположены, что однѣ другимъ сообщили огонь. Не во время все загорѣлось почти вдругъ: высокія стѣны Двора удержали дымъ, и мы, не видя ничего, можемъ только разсуждать о ужасномъ стукѣ и громѣ, который, казалось, долженъ былъ разрушить глиняное зданіе казармъ и такой же дворецъ, къ нимъ прилежащій. Фейерверкъ, который могъ продолжиться около двухъ часовъ, сгорѣлъ не болѣе какъ въ четверть часа, и въ оправданіе свое сказали, что они поспѣшно зажгли для того, чтобы не наскучить мнѣ продолженіемъ онаго.

Пріуготовленіе фейерверка и распоряженіе онымъ поручено было Французамъ и Итальянцамъ, въ Персидской службѣ находящимся, которые, укрываясь отъ общаго въ отечествѣ своемъ презрѣнія, прибѣжали сюда искать изъ милости пропитанія, но Англичане, по всегдашней враждѣ съ Французами и пользуясь довѣренностію Персіянъ, содержатъ ихъ на діетѣ. Одинъ только Полковникъ самозванецъ, служившій, какъ увѣряетъ, въ гвардіи Наполеона, по пріѣздѣ получилъ въ команду два баталіона пѣхо-

ты, но и сей легко быть можетъ тѣхъ же самыхъ похвальныхъ свойствъ, которыя отличаютъ Французскихъ мародеровъ, разсыпавшихся нынѣ по всему свѣту.

Изъ Тегерана прибылъ чиновникъ съ извѣстіемъ, что Шахъ, по совершеніи брака двухъ сыновей своихъ, отправляется въ Султанію, лѣтній дворецъ, гдѣ спасается онъ отъ жаровъ, обыкновенныхъ въ Тегеранѣ. Я получилъ увѣдомленіе о томъ отъ Верховнаго Визиря (Садраземъ) и приглашенъ былъ пріѣхать въ Султанію, если къ свадьбѣ не успѣю быть въ Тегеранѣ. Сіе рѣшительно не было возможнымъ, и я дальнѣйшій путь мой, расположивъ безъ лишней поспѣшности и покойнымъ образомъ, назначилъ вскорѣ отъѣздъ мой изъ Тавриза. Аббасъ-Мирза и Каймакамъ, пользующійся неограниченною его довѣренностью, старались склонить меня, чтобы я долѣе остался въ увеселительномъ замкѣ, называемомъ Уджанъ, представляя, что далѣе до Султаніи и въ ней самой не буду я имѣть приличнаго помѣщенія. Велико было настояніе ихъ, а потому казалось мнѣ подозрительнымъ, и какъ я хотѣлъ предупредить Шаха въ Султаніи, дабы не могъ онъ сдѣлать замѣчанія на счетъ медленности, я объявилъ, что ѣду непремѣнно, и имѣю на то причины. За день до отъѣзда моего Аббасъ-Мирза пригласилъ меня ѣхать съ нимъ за городъ. Я отозвался, что выѣзжая завтра, берегу я глаза мои, въ которыхъ чувствую большую боль, и потому немогу имѣть удовольствіе его видѣть, а прошу позволенія прислать одного изъ чиновниковъ моихъ, который представитъ Наслѣднику благодарность за благосклонный и милостивый пріемъ его, вѣжливости и вниманіе, которое онъ всѣмъ оказывалъ. Къ тому прибавилъ я, что дождался бы я облегченія въ болѣзни, чтобы имѣть у него прощальную аудіенцію, но какъ не былъ я имъ принятъ приличнымъ образомъ, а встрѣтился съ нимъ на дворѣ, и за аудіенцію того почесть не могу, то и не полагаю себя въ обязанности откланиваться ему; впрочемъ, какъ съ человѣкомъ милымъ и любезнымъ, съ которымъ пріятно мнѣ было сдѣлать знакомство, желалъ бы я еще разъ гдѣ ни будь встрѣтиться, если бы болѣзнь мнѣ не препятствовала.

Сей неожиданный отвѣтъ на приглашеніе поразилъ Каймакама, и за симъ послѣдовало продолжительное объясненіе, въ которомъ старался онъ увѣрить, что пріемъ на дворѣ былъ самымъ

величайшимъ доказательствомъ уваженія, котораго онъ до того времени никому не оказывалъ, но что всѣ прежде Посланники надѣвали красные чулки, будучи принимаемы въ комнатахъ. Я приказалъ сказать ему, что не могу ити въ сравненіе съ другими, будучи Посломъ сильнѣйшей и сосѣдственной Державы, которой дружественное расположеніе слишкомъ ощутительныя доставляетъ выгоды Персіи. Если же красные чулки должны быть основаніемъ и прочностью дружбы между обѣихъ Державъ, и безъ нихъ обойтись невозможно, то я прошу Каймакама предупредить Шаха, что я ихъ не надѣну, а между тѣмъ, чтобы не дѣлать безполезно излишняго пути, я на дорогѣ буду ожидать отвѣта: ѣхать ли мнѣ далѣе, или возвратиться въ Россію? Сіе извѣстіе ужаснуло Каймакама и, не взирая на утонченную его хитрость, безъ сомнѣнія, не было въ расчетѣ. Онъ зналъ, что не укрылась отъ меня ненависть его къ Русскимъ, и мнѣніе мое о немъ, какъ о величайшемъ изъ плутовъ, и потому не могъ сомнѣваться, что его поставлю я виною всѣхъ могущихъ случиться неудовольствій.

Между тѣмъ Аббасъ-Мирза прислалъ мнѣ сказать, что онъ жалѣетъ, что уже меня не увидитъ, но что на завтра поутру приметъ моего чиновника. Я приказалъ Совѣтнику Посольства, Г. Соколову, все откровенно объяснить Аббасъ-Мирзѣ, и не съ меньшими подробностями, какъ и самому Каймакаму, оставилъ его ожидать обѣщаннаго свиданія, а самъ, вмѣстѣ почти съ восходомъ солнца, выѣхалъ изъ города съ однимъ изъ моихъ Адъютантовъ, ибо для прочихъ не были готовы лошади. Въ городѣ сдѣлалась суматоха: по одиначкѣ догоняли меня чиновники, которые обязаны были провожать меня, почти на половинѣ перехода съ большою свитою достигъ меня Беглербегъ Тавризскій, и когда убѣждалъ я его, чтобы онъ не безпокоилъ себя и возвратился, онъ отвѣчалъ, что не оставитъ меня, если не скажу какого либо привѣтствія, которое будетъ доказательствомъ, что я не имѣю на него гнѣва, безъ чего подвергнется онъ большимъ непріятностямъ отъ Аббасъ-Мирзы. Я отпустилъ его восхищеннымъ моею вѣжливостью и безъ боязни наказанія; отдѣлался я и отъ прочей толпы, которыхъ не огорчилъ разлукою со мною.

Аббасъ-Мирза принялъ объясненіе Г. Соколова съ учтивостью и кротостью. Со стороны Г. Соколова употреблена была возможная вѣжливость и должное къ особѣ его уваженіе. Аббасъ-Мирза изъявилъ сожалѣніе, что не могъ видѣться со мною при выѣздѣ и проводить меня, что огорчаетъ его то заключеніе, которое непремѣнно сдѣлаютъ, что я уѣхалъ съ неудовольствіемъ, и что онъ можетъ за то навлечь на себя негодованіе Шаха.

Едва пріѣхалъ я на ночлегъ, въ 15 верстахъ отъ города, явились ко мнѣ трое чиновниковъ съ письмомъ отъ Аббасъ-Мирзы, чрезвычайно вѣжливымъ и пріятнымъ, въ которомъ благодаритъ, что чрезъ Г. Соколова объяснился я съ нимъ совсѣмъ чистосердечіемъ, которое онъ особенно уважаетъ и принимаетъ за истинную дружбу, не терпящую притворства.

Надобно сообщить понятіе о Каймакамѣ. Онъ извѣстенъ хитростію своею, которой удивляются сами Персіяне, имѣющіе способность притворяться въ высокой степени. Въ четверть часа разговора о чемъ бы то ни было, нѣсколько разъ повторяетъ онъ, что онъ дервишъ, не имѣющій ни какихъ страстей свѣтскаго человѣка, равнодушный ко всѣмъ почестямъ, чуждъ всякихъ суетныхъ желаній. Надобно, однако же, замѣтить, что сей отшельникъ занимаетъ второе мѣсто въ Государствѣ, желаетъ съ жадостію заступить мѣсто Верховнаго Визиря, и готовъ безъ страха на сіе смиреніе. Сей, чуждый страстей, праведникъ, молитвою и постомъ наложившій оковы на слабости, человѣку свойственныя, имѣлъ, и даже теперь имѣетъ, гаремъ, и похоронилъ не менѣе пятнадцати человѣкъ дѣтей. Сына своего возвелъ въ достоинство Визиря, безъ всякихъ его заслугъ и пріуготовляетъ ему свое мѣсто, слѣдуя единственному побужденію презирать почести и суетныя титла. Не причастный властолюбію, не допускаетъ онъ никого воспользоваться довѣренностью Аббасъ-Мирзы, одинъ надъ нимъ неограниченное сохраняя вліяніе. Проповѣдуя безкорыстіе и, по словамъ его, не оставляя сыну въ наслѣдство сокровищъ, не только не вопрошаетъ его, какими средствами удовлетворяетъ онъ прихотямъ своимъ и раскоши, но съ намѣреніемъ не видитъ, когда послѣднее вырываетъ онъ у несчастнаго, и то даже, что бы алчность самая ненасытимая оставила въ пользу горестной нищеты

Визирь, сынъ Каймакама, молодой и весьма обыкновенный человѣкъ, славится между Персіянами тѣмъ, что безъ затрудненія можетъ сочинять стихи, хотя, впрочемъ, никто таковыхъ за образецъ не почитаетъ.

Важное мѣсто, имъ занимаемое, доставлено ему собственно изъ уваженія къ отцу его, коему ввѣрено было воспитаніе Аббасъ-Мирзы съ самой его юности и надъ которымъ доселѣ сильна власть его. Болѣзненное состояніе Визиря сблизило съ нимъ Англійскаго Доктора, сей ввелъ къ нему своихъ товарищей и посредствомъ сына, снискавъ довѣренность отца его, пріобрѣли они благорасположеніе Аббасъ-Мирзы. И такъ безъ Англичанъ почти ни что не дѣлается у Двора Наслѣдника. Напрасно дипломатическіе агенты приписали бы то ловкости своей: прежде ихъ произведутъ то подарки, а еще болѣе входъ Доктора въ гаремъ Наслѣдника.

Во время пребыванія моего въ Тавризѣ данъ мнѣ былъ почетный караулъ. Ему строго приказано было не впускать въ домъ мой никого изъ жителей, подъ видомъ тѣмъ, чтобы не безпокоили они своимъ любопытствомъ. Съ такою точностію исполнялось сіе, что останавливали и брали подъ стражу служителей Посольства, Грузинъ и Татаръ, которыхъ одежда походила на Персидскую. Въ домѣ употреблены были прислужники, знавшіе Русскій языкъ, дабы служить могли шпіонами. Словомъ, каждый поступокъ Персіянъ доказывалъ ихъ недовѣрчивость и обнаруживалъ стараніе скрыть отъ свѣдѣнія нашего слабость и ничтожество Правительства и хотя обманчивою наружностію похитить у насъ сколько ни будь уваженія. Я не могъ выѣхать за городъ, чтобы не тотчасъ извѣстно было о томъ Аббасъ-Мирзѣ, и чтобы невызвался онъ ѣхать вмѣстѣ со мною. Избѣгая сего наблюденія, я рѣшился сидѣть дома, нѣкоторые же изъ чиновниковъ, наскучивъ заточеніемъ, вздумали выйти на прогулку за городъ, но часовые у воротъ города остановили ихъ и надлежало возвратиться. Вообще сказать можно, что мы содержались какъ будто въ крѣпости. Объявивъ о семъ чиновнику, присланному ко мнѣ отъ Верховнаго Визиря, не скрывъ при семъ достойнаго Персіянъ презрѣнія, просилъ я его предупредить, чтобы не были еще испытываемы подобные поступки, или почту я ихъ нарушеніемъ дружественныхъ обязанностей и начертаю себѣ другой образъ поведенія. Большое удо-

вольствіе доставляли намъ чиновники Англійской Миссіи, при Дворѣ находящіеся, съ которыми видаясь довольно часто, пріятно проводили время. Я угощалъ ихъ обѣдомъ въ день имянинъ Короля, они не разъ приглашали къ сѣбѣ моихъ Офицеровъ.

Въ Тавризѣ познакомился я съ Докторомъ Аббасъ-Мирзы, которому досталось по наслѣдству Медицинское искуство. Въ фамиліи его, какъ сказывалъ онъ, не одно уже столѣтіе переходитъ оно отъ отца къ сыну, а иногда и не къ одному изъ сыновей, и теперь старшій братъ его Докторомъ при Шахѣ, а отецъ былъ при Агѣ-Мегмедъ-Ханѣ.

Подобныя чудеса могутъ быть у однихъ только Персіянъ, хотя сами они служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, что достоинства въ потомствѣ не всегда переходятъ; ибо, судя по состоянію ихъ теперь, быть не можетъ, чтобы изъ нихъ не было прежде чего ни будь лучшаго.

Собственно о Тавризѣ буду имѣть въ памяти, что, будучи вторымъ послѣ Испагана городомъ въ Государствѣ, онъ не что иное, какъ обширная деревня, также изъ глины, какъ и всѣ прочія, построенная съ тою только разностію, что бѣдныя и безобразныя хижины, его наполняющія, скрыты въ пространныхъ садахъ, лежащихъ въ немъ во множествѣ. Въ оправданіе сего имѣютъ Персіяне бывшее предъ симъ за 37 лѣтъ землетрясеніе, разрушившее городъ до основанія. Но гдѣ та земля, которая, при средствахъ самыхъ ограниченныхъ, въ теченіи равнаго времени, не могла привести въ лучшее состояніе городъ, прежде знаменитый и десять уже лѣтъ служащій мѣстопребываніемъ Наслѣднику Царства? Городъ, по положенію своему, имѣетъ довольно богатую торговлю и, конечно, извлекаетъ изъ оной пользу, но или похищаетъ оную Правительство, или, какъ увѣряли меня, пріобрѣтающіе укрываютъ ее отъ похищенія; и то и другое не дѣлаетъ чести Правительству и, конечно, не обѣщаетъ обогащенія Государства.

Я стыдился, что Тифлисъ, въ 15 лѣтъ Правленія Російскаго, представляетъ еще кучу неопрятныхъ каменьевъ, но, какъ слышу, для Персіянъ можетъ онъ быть восьмымъ чудомъ въ свѣтѣ, ибо самый Испагань, кромѣ малаго числа зданій, свидѣтельствующихъ

нѣкогда великолѣпіе Софіевъ, все прочее развалины и гораздо болѣе половины города оставлено жителями.

Въ самый день выѣзда изъ Тавриза, одинъ изъ сопровождавшихъ меня Кабардинскихъ Узденей умеръ. Его лѣчилъ Персидскій Докторъ, и кажется, мы заплатили дань наслѣдственному искуству.

26. Селеніе Васьмичъ, 18 верстъ. Здѣсь въ первый разъ увидѣли мы прекрасныя рощицы, окружающія со всѣхъ сторонъ селеніе. Прежде думали мы, что разсажены онѣ жителями, или для удовольствія, или съ намѣреніемъ охранять себя отъ зноя, но въ селеніи семъ существуетъ древній обычай при рожденіи каждаго младенца мужескаго пола насаждать общими трудами пятьдесятъ и болѣе деревъ, которыя въ извѣстномъ возрастѣ получаетъ онъ въ распоряженіе свое на начальное основаніе собственности,

27. Урочище Сейдъ-Абатъ.

28 Уджанъ, 25½ верстъ. Замокъ, выстроенный Аббасъ-Мирзою въ недавнемъ времени, довольно обширный и во вкусѣ Азіятскомъ, хорошо расположенный, не весь еще отдѣланъ и весьма скудно, такъ что стекла вставлены въ 5, или 6, комнатахъ. Персіяне положеніе замка почитаютъ прелестнымъ и, какъ кажется, по тому только, что на пространной, занимаемой имъ, долинѣ видятъ они въ продолженіи двухъ, или трехъ, мѣсяцевъ зеленую траву, которая повсюду въ другихъ мѣстахъ выгараетъ отъ солнца. Долина окружена голыми и пустыми возвышенностями и не въ дальнемъ разстояніи горами, на которыхъ довольно долго сохраняющійся снѣгъ охлаждаетъ воздухъ. Изъ замка видны четыре небольшія деревни бѣдныя, по тому что у самой большой дороги. Здѣсь довольно сей причины, чтобы поселянамъ быть въ совершенной нищетѣ, ибо изъ посылаемыхъ отъ Правительства чиновниковъ, рѣдко который не снабжатеся законнымъ правомъ требовать отъ нихъ всего безденежно.

Такъ съ многочисленною свитою проѣзжающій Вельможа истребляетъ въ одинъ день запасы нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Проходятъ военные, состояніе ихъ заставляетъ завидовать состоянію бѣднѣйшаго изъ поселянъ, и его имуществомъ распоряжаются, какъ собственностію.

Вообще видъ разоренныхъ сихъ селеній и безплодныхъ горъ наводитъ тоску. Та же тоска неразлучна и въ самомъ замкѣ, котораго бѣдное внутреннее убранство не представляетъ ни малѣйшаго развлеченія. Въ самой большой комнатѣ выставлены двѣ картины, изъ коихъ первая изображаетъ Аббасъ-Мирзу, представляющаго Шаху регулярныя свой войска и артиллерію: Шахъ изображенъ сидящимъ верхомъ во всемъ Царскомъ убранствѣ, Аббасъ-Мирза лежащимъ на землѣ, у переднихъ ногъ лошади, какъ будто проситъ о помилованіи за введеніе въ войскахъ Европейскаго устройства, что въ Шахѣ могло возродить подозрѣніе на какіе ни будь замыслы. Люди, всякими способами домогающіеся власти, паче же достигшіе владычествованія, предполагаютъ въ другихъ тѣ же самыя желанія и смотрятъ съ робостію на средства удовлетворять онымъ.

Другая картина изображаетъ побѣду, одержанную надъ Россійскими войсками. Тутъ Русскіе обращены въ бѣгство, ни одинъ не дерзаетъ остановиться противъ непобѣдимыхъ войскъ Аббасъ-Мирзы, многіе увлекаемы въ плѣнъ, или съ уничиженіемъ просятъ помилованія, головы дерзнувшихъ противиться повергаются предъ его лошадью. Нѣтъ въ помощь несчастнымъ Русскимъ ни единой преграды, могущей удержать стремленіе героевъ Персіи. Какъ вихри несутъ кони ужасную артиллерію: уже разсѣваетъ она смерть между Русскими, и гибель ихъ неотвратима. Со стороны Русскихъ одно орудіе, около котораго спасаются разсѣянные, и оно уже готово впасть во власть побѣдителя. Разрушается Россійская Монархія, и день сей изглаждаетъ имя Русское съ лица земли! Но кто виновникъ сихъ ужасныхъ перемѣнъ на земномъ шарѣ? Не самъ ли Шахъ, столько царствованіемъ своимъ прославленный? Нѣтъ, онъ не оставлялъ гарема своего, населеннаго множествомъ красотъ, и труды, во славу отечества имъ поднятые, обогатили его семью младенцами, въ одинъ день рожденными, въ дополненіе къ сотнѣ, или болѣе, которыхъ имѣлъ онъ прежде. Не Аббасъ ли Мирзѣ, Наслѣднику, предоставила судьба уничтоженіе сильнѣйшаго въ мірѣ народа? Нѣтъ, никогда не провождалъ онъ войска къ побѣдамъ, никогда не видалъ онъ торжествующихъ, и слава на полѣ битвы всегда принадлежала рѣзвому коню его, спасавшему его быстрымъ бѣгомъ. Герой, вѣнчавшій себя безсмертною славою, есть

Англичанинъ Линдезей, изъ войскъ Остъ-Индской Компаніи. Онъ изображенъ въ картинѣ повелѣвающимъ артиллеріею. Сему великому мужу недоставало только великаго художника, который бы представилъ его Юпитеромъ Громовержцемъ.

Я спросилъ сопровождавшихъ меня Персіянъ, какое картина представляетъ сраженіе? Не Асландузское ли? Наморщились рожи ихъ, и страхъ, изобразившійся въ чертахъ отъ одного объ ономъ воспоминанія, заставилъ меня не требовать отвѣта.

Въ семъ сраженіи Аббасъ-Мирза потерялъ войска и артиллерію. Самъ съ трудомъ спасся бѣгствомъ, и только одна та часть арміи осталась непобѣжденною, которую составляли его жены; ибо предосторожность удалила ихъ заблаговременно. Отъ пораженія осталась одна пушка, въ доказательство преимущества регулярныхъ войскъ, при коихъ можно что ни будь укрыть отъ гибели, тогда какъ въ подобныхъ случаяхъ Персіяне обыкновенно ничего не спасали. Я сдѣлалъ другой вопросъ: не Ленкоранское ли сраженіе? Какъ будто окованъ былъ языкъ Персіянъ, и ложь, столько обыкновенная въ устахъ ихъ, не изобрѣла отвѣта. Надобно было догадаться, что не оно. Въ семъ случаѣ четыре тысячи Персіянъ въ укрѣпленіи съ артиллеріею не могли защититься противъ тысячи пяти сотъ человѣкъ, укрѣпленіе было взято и они вырѣзаны. Услышавъ о томъ Аббасъ-Мирза, спѣшившій на помощь, возвратился. Съ нимъ было только до десяти тысячъ человѣкъ, но мудрая осторожность требовала десяти на одного; ибо до сего времени Персіяне на таковомъ расчетѣ основывали свои предпріятія. Наконецъ сказано мнѣ, что картина представляетъ разбитіе баталіона Троицкаго пѣхотнаго полка. Я замолчалъ противъ правды.

Не много болѣе трехъ сотъ человѣкъ, составлявшихъ баталіонъ на маршѣ, были окружены Персіянами. Одинъ измѣнникъ извѣстилъ ихъ о точной силѣ баталіона, и Аббасъ-Мирза, желая блистательнымъ успѣхомъ загладить прежнія неудачи, рѣшился съ пятьнадцатью тысячами и артиллеріею пуститься на сіе дерзкое, сомнительное и опасное предпріятіе. Долго не могъ преодолѣть баталіона, но когда храбрый командиръ онаго и всѣ Офицеры

убиты были, когда люди не имѣли патроновъ и оставался одинъ Офицеръ, состоявшій при баталіонѣ подъ арестомъ, то сей, принявъ начальство надъ оставшимися людьми, съ малымъ весьма числомъ оныхъ, сдался Персіянамъ. Вотъ знаменитая побѣда, для пріобрѣтенія которой необходимъ былъ Маіоръ Линдезей.

Въ сей же комнатѣ стояли портреты нашего Государя и Наполеона. Изъ всѣхъ изображеній Государя, конечно, не было ни столько мало похожаго, ни столько худо сдѣланнаго. Живописецъ создалъ его изъ собственнаго воображенія, и о талантѣ его судить возможно. Наполеонъ похожъ болѣе и, конечно, по тому, что живописецъ имѣлъ случай видѣть Итальянцевъ, пришедшихъ промѣнять на баранью шанку и мундиръ Персидскій зубные свои порошки и зонтики, и онъ попалъ на смуглое лице и впалые глаза, соотчичамъ Наполеона столько свойственные.

Каймакамъ прислалъ младшаго сына своего, чтобы присутствіемъ своимъ вселялъ веселость и удовольствіе въ скучное наше обиталище. Юноша сей, не имѣющій семнадцати лѣтъ, другой уже годъ женатый на Шахской дочери, пріѣхалъ довольно съ большою свитою; въ числѣ первѣйшихъ лицъ былъ при немъ Молла, учившій его читать и писать. Мнѣ кажется, что его прислали для того, чтобы отдалить отъ молодой супруги, которой онъ, конечно, болѣе занимается, нежели азбукою. Въ его лѣта жена не всегда лучшій путеводитель къ мудрости. Здѣсь Молла заставитъ его вытвердить нѣкоторыя поученія изъ Корана, чѣмъ нерѣдко довершается воспитаніе молодаго человѣка. Къ такимъ совершенствамъ присоединясь знатная порода, безъ обиды прочихъ, возведетъ его на высочайшія степени Государства. Правила общежитія, надобно думать, преподаетъ ему его отецъ, ибо юноша сей уже весьма гордъ и высокомѣренъ. Едва съ мѣста пошевелясь и съ видомъ покровительства принимаетъ онъ приходящихъ къ нему знатныхъ особъ. Ходитъ къ нему съ почтеніемъ и Приставъ нашъ, любезный Аскеръ-Ханъ. Но онъ давно уже служитъ при Дворѣ, и кто же можетъ лучше его дать младшимъ придворнымъ урокъ угодливости и униженія? Съ удивленіемъ замѣтитъ надлежитъ, что люди придворные въ Персіи похожи на всѣхъ другихъ придворныхъ, и тогда какъ народы между собою не имѣютъ не только большаго въ нравахъ сходства, ниже легчайшаго въ свойствахъ

подобія, они какъ будто одну особенную націю составляютъ, различествуя только въ степени просвѣщенія, которая опредѣляетъ степень утонченія и ловкости.

Здѣсь получили мы письма изъ Тифлиса, и радость была чрезвычайная, ибо имѣли случай писать въ Россію. Летятъ извѣстія къ ближнимъ и друзьямъ изъ дальней стороны, и всѣхъ одни желанія, — скорѣе возвратиться.

6. Селеніе Текмедашъ, 16 верстъ.

7. Селеніе Шингилъ-Абатъ, 24 версты, лежитъ въ сторонѣ отъ большой дороги, въ хорошемъ мѣстоположеніи, окружено прекрасными садами и въ большомъ количествѣ имѣетъ найлучшую и здоровую воду. Расчитывая прибытіе Шаха въ Султанію не прежде втораго дня Рамазана, я расположился прожить здѣсь, вмѣсто того, чтобы ожидать его въ какомъ ни будь скучномъ мѣстѣ. Во время моего здѣсь пребыванія познакомился я Англійской службы съ Полковникомъ Джонсономъ и Капитаномъ Салтеромъ, возвращавшимися изъ Индіи въ отечество. Полковникъ служитъ Начальникомъ Штаба при войскахъ въ Бомбаѣ, человѣкъ весьма умный и безпристрастный въ своихъ сужденіяхъ. Отправившись моремъ изъ Индіи, онъ вышелъ на берегъ въ Бендеръ-Буширѣ, на Персидскомъ заливѣ, оттуда проѣзжалъ чрезъ Ширазъ и всѣми лучшими полуденными провинціями и наконецъ чрезъ Испаганъ и Тегеранъ. Онъ удивленъ былъ бѣдностію и малымъ населеніемъ Персіи. Замѣчанія, сдѣланныя имъ на счетъ нравовъ народа, весьма любопытны; Дворъ и вельможей описалъ онъ удивительнымъ образомъ. Въ разсужденіяхъ своихъ о Персіянахъ употреблялъ онъ невыгодное для нихъ безпристрастіе и справедливость, со всѣмъ незнакомыя его соотечественникамъ, находящимся въ Персидской службѣ, которые, по мѣрѣ получаемыхъ ими выгодъ, кажется, расточаютъ имъ возможную похвалу и лесть. Весьма скромно, не безъ удивленія, однако же, сообщилъ онъ мысли свои въ разсужденіи нѣкоторыхъ изъ путешественниковъ, описавшихъ Персію не съ самою строгою истиною, доказывая тѣмъ, что въ короткое время, послѣ обозрѣнія ихъ, не могли произойти столько великія перемѣны, каковыя имъ найдены. Онъ отправился чрезъ полуденную часть Россіи. Я далъ нужныя о томъ приказанія въ

Тифлисъ и на Кавказскую Линію, а ему рекомендательныя письма въ Россію и Варшаву.

Вскорѣ послѣ него проѣхалъ также изъ Индіи Г-нъ Стречай, бывшій при одномъ изъ Маратскихъ Владѣтелей Резидентомъ отъ Индійской Компаніи. Проживши 14 лѣтъ въ Индіи, онъ оставилъ ее въ молодыхъ еще лѣтахъ съ богатымъ весьма состояніемъ, пріобрѣтеннымъ гражданскими и дипломатическими порученіями, которое въ отечествѣ доставитъ ему пріятное существованіе. Я вспомнилъ Полковника Джонсона, который не восхищался добродѣтелію большей части сихъ господъ, богатѣющихъ въ короткое время, тогда какъ военному человѣку надобно прослужить нѣсколько лѣтъ, чтобы собрать отъ жалованья своего столько денегъ на проѣздъ въ Англію. Ему самому не менѣе 1200 фунтовъ стерлинговъ стоилъ переѣздъ отъ Бомбая до Лондона съ женою и малою весьма прислугою.

19. Селеніе Верзаганъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, переходъ 24 версты. Сюда пріѣхалъ изъ Тегерана Коллежскій Совѣтникъ Мазаровичъ, посланный мною изъ Тифлиса тому уже четыре мѣсяца. Радость, съ каковою онъ съ нами встрѣтился, истолковала намъ тѣ удовольствія, которыхъ лишился онъ, оставляя столицу обладателя Персіи.

Много любопытнаго имѣлъ онъ пересказать намъ, и не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что время, которое пробудемъ мы въ Персіи, будетъ скучнѣйшее въ нашей жизни. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ Мирзы Абдулъ-Вахаба, одного изъ Министровъ, пользующагося особенною довѣренностію Шаха, который Его Величествомъ присланъ мнѣ былъ на встрѣчу, въ ожиданіи, что, выѣхавши изъ Тавриза, нигдѣ я не остановлюсь и прямо проѣду въ Султанію. Г. Мазаровичъ познакомилъ меня съ характеромъ сего вельможи, который почитается однимъ изъ умнѣйшихъ.

22 Селеніе Туркманъ, на большой дорогѣ, переходъ 10 верстъ. Отсюда послано приказаніе чиновнику, препровождающему подарки въ Султанію, чтобы не внималъ настояніямъ Персіянъ ѣхать въ Тегеранъ, какъ уже то не разъ отъ него требуемо было.

23. Селеніе Аванлыгъ, въ сторонѣ отъ большой дороги, переходъ 26 верстъ. Медленнѣе становилось движеніе наше по причи-

ходящійся, склонялъ меня уѣхать прежде, ибо по ворожбѣ день для нихъ былъ благопріятный, но я на то не согласился.

Іюля 5. Урочище Саманархи. 25½ верстъ. Меня встрѣтилъ Министръ и любимецъ Шаха, Мирза Абдулъ-Вахабъ, хотя Г. Мазаровичъ посланъ былъ впередъ условиться, чтобы не дѣлано было для меня встрѣчъ и церемоній. Мы нашли приготовленный гораздо лучшій лагерь, нежели каковыми до того мы пользовались. Готовъ былъ караулъ изъ регулярныхъ войскъ, называемыхъ Джанбази, находящихся постоянно при Шахѣ, въ родѣ гвардіи. Мирза Абдулъ-Вахабъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, которое на другой день я отдалъ. Встрѣча сопровождаема была обыкновенными Персидскими привѣтствіями, отъ которыхъ давно уже болитъ у меня голова и отъ которыхъ въ отчаяніи наговорилъ я еще болѣе вѣжливостей въ ихъ нелѣпомъ родѣ.

Послѣ сихъ двухъ свиданій я сдѣлался немного нездоровъ, и мы нѣсколько дней не видались. Я предупрежденъ былъ, что отъ Шаха поручено ему было вступить со мною въ переговоры, дабы, до прибытія его въ Султанію, могъ онъ знать, въ чемъ состоять будутъ мои предложенія. Не приличествовало мнѣ, не имѣвши у Шаха аудіенціи и не представя грамоты, имѣть съ кѣмъ либо переговоры, и по тому уклонялся я отъ ежедневныхъ свиданій, дабы не поставить себя на короткую ногу.

Его мучило безпокойство, какъ объясниться со мною, но желалъ нетерпѣливо начать переговоры, прежде нежели пріѣдетъ Садръ-Аземъ или Верховный Визирь, Мирза Шефи, дабы отнять у него честь успѣха въ негоціяціи. Онъ, пользуясь знакомствомъ съ Г. Мазаровичемъ, сдѣланнымъ въ Тегеранѣ, пригласилъ его къ себѣ и открылся, что Шахъ не переставалъ надѣяться, что, по предложенію Посла его, бывшаго въ Петербургѣ, возвращены будутъ Персіи земли, Россіею пріобрѣтенныя, и что въ особенности настоятельны будутъ требованія о Карабагѣ. Г. Мазаровичъ, не имѣя отъ меня порученія, не могъ дать рѣшительнаго отзыва, но, въ видѣ собственнаго разсужденія, довольно ясно выразилъ ему могущество Россіи, ея спокойное состояніе и дружественныя съ сосѣдями связи, представилъ ему, что не только въ прежнія войны, но даже и въ отечественную 1812 года, сдѣлала она отъ

Турціи пріобрѣтеніе, и что въ настоящемъ положеніи ея нетрудно ей будетъ настоять на точномъ исполненіи трактата, а по тому едва ли ожидать возможно, чтобы отдала она земли, добровольно покорившіяся высокой ея Державѣ. Кажется, весьма ясно, но Министръ, извѣстный за умнѣйшаго въ Персіи, сего ни какъ не понялъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, нѣсколько еще разъ домогался узнать, можетъ ли онъ надѣяться, что Россія уступитъ Карабагъ? Онъ говорилъ, что за отказомъ можетъ послѣдовать война, хвасталъ, какъ Персіянинъ, рабъ и любимецъ, средствами и силою Персіи, утверждая, что подвластные намъ въ Грузіи и Дагестанѣ народы преданы душою Персидскому Правительству и уже нравственно покорены, что отъ Персіи зависитъ имѣть все теперь по самыя ворота Тифлиса. Вотъ понятія людей, съ которыми долженъ я имѣть сношенія. Подобныхъ нелѣпостей съ намѣреніемъ вымыслить не возможно, надобно непремѣнно быть убѣжденну въ основательности сужденій. Вотъ познанія здѣшняго Министерства о Россіи, средствахъ ея и могуществѣ. Оно полагаетъ насъ не много болѣе опасными сосѣдями Трухменцевъ и Авганцевъ, особенно съ того времени, какъ услужливые Англичане заводятъ у нихъ регулярныя войска и артиллерію. Сими внушеніями на нашъ счетъ мы, конечно, имъ обязаны.

9. Я ѣздилъ въ Султанію смотрѣть привезенные изъ Россіи подарки. Нельзя было ожидать, чтобы по горамъ и почти безъ дороги могли они такъ хорошо сохраниться, въ особенности зеркала большихъ чрезвычайно измѣреній.

Тотъ же день возвратился я въ Саманархъ.

Мирза Абдулъ-Вахабъ прислалъ мнѣ чрезъ Г. Мазаровича грамоту Шаха, коею довѣряетъ онъ ему вступить со мною въ переговоры. Вскорѣ потомъ пришелъ онъ самъ, и я объяснилъ ему, что, не имѣвши аудіенціи у Шаха, не могу я ни съ кѣмъ имѣть переговоровъ, но что, зная его за человѣка отличнаго ума и дарованій, почитаю я за особенную честь пріобрѣсти его дружбу, и не хочу отнять у себя удовольствія разсуждать съ нимъ, какъ съ пріятелемъ, о томъ, чего, въ качествѣ Посла, нельзя мнѣ открыть ему, какъ Государственному человѣку. Разговоръ продолжался не менѣе четырехъ часовъ съ повтореніями самыми утомительными, и

я рѣшительно объявилъ ему, что я не пріѣхалъ снискивать дружбу Шаха пожертвованіемъ областей, которыхъ жители прибѣгли подъ покровительство Россіи; что есть много другихъ выгодъ, которыя Персія можетъ извлечь изъ благорасположенія Россійскаго Императора; что убѣдительнымъ доказательствомъ великодушія его и залогомъ пріязни можно почитать то, что, не взирая на порочность границъ земли нашей съ Персіею, не намѣренъ онъ улучшить ихъ на счетъ своихъ сосѣдей, и хотя всѣ имѣетъ средства исполнить то, что пожелать можетъ, не хочетъ онъ поступать вопреки выгодъ Державы, которой уважаетъ онъ доброе согласіе и дружбу. Я пригласилъ его взглянуть на карту и убѣдиться, что, безъ нарушенія существенныхъ выгодъ и не давъ повода къ неизбѣжнымъ раздорамъ въ послѣдствіи, не возможно уступить шага земли. Переговоръ продолжался съ соблюденіемъ возможной умѣренности и хладнокровія съ обѣихъ сторонъ. Мы разстались и, за нимъ въ слѣдъ, отослалъ я не распечатанную грамоту Шаха.

Послѣ сего видѣлись мы не менѣе десяти, или двѣнадцати, разъ, и всегда повторяемы имъ были тѣ же вопросы и настоянія, какъ будто недовольно часты, или недовольно вразумительны, были мои возраженія и отказы. Съ какою наглостію выхвалялъ онъ мнѣ свое Правительство, увѣряя, что не только требуемыхъ ими земель жители, но и самая Грузія, конечно, пожелаетъ быть уступленною Персіи. Съ какимъ безстыдствомъ исчислялъ свои силы и сколько участь военныхъ людей завиднѣе нашей. Возразивъ приличнымъ образомъ противъ перваго предложенія, я, по желанію его, прекратилъ разсужденіе мое, въ которомъ разительно представлены были многіе пороки и даже нелѣпость Правительства. Я согласовался въ разсужденіи войскъ, хвалилъ ихъ храбрость, показывая, что вѣрю несмѣтнымъ силамъ Персіи. Относительно участи военныхъ людей я изъяснилъ, что гдѣ нѣтъ понятія о чести, тамъ, конечно, остается искать выгодъ, отъ чего всѣ военные ихъ люди похожи на разбойниковъ, не имѣющихъ въ предметѣ ни славы Персіи, ни чести оружія, но одинъ грабежъ. Оскорбительнымъ показалось примѣчаніе мое о чести, но я привелъ въ примѣръ, что отличнѣйшіе изъ Государственныхъ людей наказывались безъ суда, по одной волѣ Щаха, продажею женъ, и

онъ не могъ не признать, чтобы въ подобныхъ случаяхъ честь сколько ни будь не была угрожаема. Но доказательства, приведенныя мною по тому подѣйствовали болѣе, что Мирза Абдулъ-Вахабъ могъ привести себѣ на память полученное имъ по пятамъ наказаніе, не взирая на особенную къ нему любовь и довѣренность Шаха. Конечно, въ душѣ своей не могъ онъ не согласиться, что продажа женъ и дѣтей оскорбительны, и сіе случилось съ Визиремъ Мирзою Гаджи-Ибрагимомъ, виновникомъ возведенія на престолъ нынѣшняго Шаха.

Нѣкоторыя изъ свиданій нашихъ были весьма шумны. Мирза Абдулъ-Вахабъ сказалъ мнѣ, что, безъ возвращенія областей, онъ сомнѣвается, чтобы удержалъ я дружественныя связи, и что Шахъ оскорбленъ будетъ отказомъ въ томъ, чего онъ такъ давно ожидаетъ и на что имѣетъ надежды въ самомъ отвѣтѣ къ нему Государя и въ тѣхъ словахъ, которыя сказалъ онъ, отпуская Персидскаго Посла изъ С.-Петербурга, и что онъ не возметъ на себя объявить о томъ Шаху, опасаясь его гнѣва. Я отвѣчалъ, что Государь Императоръ будетъ крайне жалѣть о разрывѣ, и хотя намѣревался онъ постоянно сохранять дружбу, но знаетъ, что не возможно ни чего щадить на защиту вѣрныхъ ему подданныхъ, которые все свое счастіе поставляютъ въ его покровительствѣ. Я присоедилъ, что, зная обязанности мои наблюдать достоинство Россіи и моего Государя, если въ пріемѣ Шаха увижу холодность и въ переговорахъ о дѣлахъ замѣчу намѣреніе нарушить миръ, я не допущу до того, объявлю самъ войну и потребую границъ по Араксъ. При томъ я истолковалъ способъ овладѣть Араксомъ, который заключался въ томъ, что надобно взять Тавризъ, и, возвратя изъ великодушія Адербиджанскую провинцію, удержать области по Араксъ, въ чемъ должны они будутъ признать примѣрную умѣренность. Жаль мнѣ, сказалъ я ему, что вы почтете за хвастовство, которое между нами не должно имѣть мѣста, но я бы назначилъ вамъ день, когда Русскія войска возьмутъ Тавризъ. Я желалъ бы только, чтобы дали мнѣ слово дождаться меня тамъ для свиданія. Я присоединилъ также, что для Персіи несчастная война должна имѣть пагубныя слѣдствія; ибо есть люди, могущіе воспользоваться междоусобіемъ, которое произведутъ неудачи, найдутся желающіе престола, къ которому нынѣшній Шахъ проло-

жилъ дорогу, соблазнительную для каждаго предпріимчиваго человѣка, и что многочисленное семейство Шаха удержать за собою престолъ тѣмъ менѣе будетъ въ состояніи, что истребленіе его есть единственное средство избѣжать отмщенія. И такъ первая несчастливая война должна низвергнуть нынѣшнюю династію! Вотъ что ожидаетъ Персію, и не уже ли сосѣди, изъ коихъ теперь уже нѣкоторые безпокойны, останутся равнодушными зрителями внутреннихъ мятежей и раздоровъ?

Въ сей день мы оба не сохранили прежняго нашего хладнокровія, хотя изрѣдка дѣлали одинъ другому величайшія привѣтствія, но кажется, что мои доказательства были убѣдительны, ибо у него вырвалось слово: «Не уже ли и Талышинскаго Ханства отдать не возможно, когда лучшая часть онаго уже во владѣніи Персіи и когда остальная столько ничтожна?» Я отвѣчалъ, что онъ хорошо очень знаетъ Талышинское Ханство, и что оно точно таково, но отдать его по тому невозможно, что оно есть звено, связующее границы наши, и что въ рукахъ Персіянъ будетъ оно вѣчно яблокомъ раздора съ Россіею.

«Вы можете судить о невозможности удовлетворить желанію Шаха возвращеніемъ земель, ибо и самаго Талыша предложить я не намѣренъ, сколько, впрочемъ, сама по себѣ потеря сія ни маловажна для Россіи.»

Послѣ со стороны Мирзы Абдулъ-Вахаба неоднократно дѣлаемы были тѣ же настоянія, а съ моей тѣ же отказы, и наконецъ долженъ я былъ сказать, что Государемъ возложено было на меня обозрѣніе границъ, и мною донесено, что малѣйшей уступки дѣлать не возможно, и что послѣ того надобно мнѣ быть измѣнникомъ, чтобы сдѣлать противное, но что скорѣе я на все прочее рѣшиться готовъ, Отвѣта сего ни что не могло быть вразумительнѣе, и Абдулъ-Вахабъ менѣе уже сталъ меня мучить. Къ тому жь приближалось время пріѣзда Шаха въ Султанію.

Изъ всѣхъ разговоровъ моихъ сдѣлалъ я самое краткое извлеченіе; ибо не было свиданія, которое бы кончилось однимъ часомъ, но весьма не рѣдко продолжалось до четырехъ и, сверхъ того, Мазаровичъ, какъ его пріятель, то жь повторялъ ему въ разныхъ притчахъ.

Посыланный отъ меня съ письмомъ къ Садръ-Азаму, Мирзѣ Шефи, Князь Бековичъ-Черкаскій, возвратился съ отвѣтомъ, что Шахъ непремѣнно прибудетъ въ Султанію къ 20 числу Іюля. О томъ же извѣстилъ меня Мирза Абдулъ-Вахабъ и вскорѣ пригласилъ меня со всѣми чиновниками Посольства къ обѣду; потомъ званы мы были на чай, при чемъ была наша музыка, и мы угощали его сластями и мороженымъ.

19. Мирза Абдулъ-Вахабъ отправился на встрѣчу Шаха, а я поѣхалъ въ Султанію осмотрѣть приведенные въ порядокъ подарки.

20. По утру прибылъ Шахъ въ Султанію, сопровождаемый многими изъ сыновей своихъ и до 20 тысячъ войскъ, коихъ большая часть принадлежала старшему сыну, Мамадъ-Али-Мирзѣ, котораго лишилъ онъ престола въ пользу третьяго сына своего, Аббасъ-Мирзы, объявленнаго уже Наслѣдникомъ. Шахъ ѣхалъ верхомъ на сѣрой лошади, которой всѣ ноги по брюхо, хвостъ и грива выкрашены были оранжевою краскою. Одежда на немъ была весьма простая. Близко къ Шаху находился одинъ Садръ-Азамъ и изрѣдка подъѣзжалъ къ нему или сынъ его, Мамадъ-Али-Мирза, или зять его, первый Адъютантъ, Али-Айяръ Ханъ; впереди Шаха шли сорокъ скороходовъ. Въ двухъ стахъ шагахъ позади находилась толпа сыновей и далѣе за ними войска, которыя проходили и по сторонамъ дороги, никого вообще къ оной не допуская. Регулярная пѣхота, называемая Джанбазы, расположена была въ одну шеренгу по обѣимъ сторонамъ дороги, почти на три версты. Артиллеріи при оной было не болѣе восьмнадцати орудій, но впереди Шаха шли около четырехъ сотъ верблюдовъ, навьюченныхъ Фалконетами, изъ коихъ производилась пальба залпами, часто повторяемая. Такимъ образомъ Шахъ прибылъ во Дворецъ, буде таковымъ можно назвать небольшой, неопрятно построенный изъ глины, домъ, предъ которымъ посажено нѣсколько рядовъ ракитъ по грязному и довольно вонючему ручью, между ими пробѣгающему.

Шахъ, проѣзжая мимо нѣкоторыхъ Офицеровъ Посольства, привлеченныхъ любопытствомъ, привставъ на стремена, кричалъ имъ: «Здравствуйте, добро пожаловать!» Привѣтствіе сіе, столько

рѣдкое, удивило всѣхъ Персіянъ, которые много о томъ говорили, и я вѣрилъ сей рѣдкости, ибо въ то же время Англійскій Повѣренный въ дѣлахъ, съ однимъ изъ чиновниковъ Миссіи, сошедши съ лошадей, хотя и дѣлали самые низкіе поклоны, но Шахъ, однако же, не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Шахъ вступилъ во Дворецъ, а войска расположились лагеремъ. Во Дворцѣ съ Шахомъ живутъ жены его, которыхъ въ нынѣшній разъ было только сорокъ, танцовщицы, забавляющія его въ гаремѣ и нерѣдко раздѣляющія съ женами нѣжность его. Живутъ также евнухи, не всегда строгіе хранители непорочности женъ. Сыновья, вельможи и всѣ прочіе чиновники расположены лагеремъ неподалеку отъ Дворца. Нѣкоторымъ изъ нихъ въ особенное отличіе позволяется имѣть при себѣ свои гаремы.

До прибытія Шаха любопытенъ я былъ видѣть внутренность Дворца, и нашелъ его столько мало обширнымъ, что на каждую изъ женъ недостаетъ по одной комнатѣ, а многихъ изъ нихъ, сгоняя въ одну горницу, содержатъ вмѣстѣ. Повсюду неопрятность отвратительная, рѣдкія изъ комнатъ имѣютъ окончины, но большею частію деревянныя грубыя рѣшетки, каковыя дѣлаются надъ яслами для закладыванія сѣна. Есть между прочими строеніями восьмиугольная башня, гдѣ жены живутъ нѣсколько пристойнѣйшимъ образомъ, но въ ней помѣщаются ихъ только четыре, съ такимъ же числомъ прислужницъ. Въ другой башнѣ находится уединенный кабинетъ Шаха, посвященный сладострастію, господствующей его наклонности. Здѣсь проводитъ онъ большую часть времени, забывая, что онъ уничижаетъ себя, какъ Государь, какъ человѣкъ. Нѣсколько сотъ женъ, изъ коихъ каждая не можетъ удостоиваться свиданья съ Шахомъ; во ожиданіи онаго, какъ единственнаго счастія, изощряетъ себя на всѣ роды обольщенія, расточаетъ отраву лести, и Царь женоподобный, въ семъ жилищѣ срама и безчестія, мечтаетъ себя превыше всѣхъ во вселенной!

Шахъ уже шесть дней находился въ Султаніи и, конечно, странно казалось ему, что я оставался въ Саманархи, но я выжидалъ, чтобы поставили для меня приличный лагерь и сдѣлали всѣ нужныя пріуготовленія. При семъ случаѣ можно было замѣтить, что содержаніе Посольства обращено было на счетъ вельможъ, и Шахъ не употребилъ на то ни малѣйшей издержки, ибо

у нѣкоторыхъ изъ нихъ взяты были палатки, у другихъ убранство оныхъ и даже прислуга.

Наконецъ согласился я ѣхать, и сдѣланъ церемоніялъ для въѣзда въ лагерь. Присланъ одинъ изъ Хановъ отъ имени Шаха сдѣлать мнѣ приглашеніе, и для встрѣчи съ частію войскъ высланъ Вали Курдистанскій, одна изъ знатнѣйшихъ особъ, пользующійся особенными преимуществами, каковыя нѣкогда предоставляемы были Царямъ Грузинскимъ, когда покорствовали они Персіи.

Подобно какъ въ странахъ нашихъ слоны привлекаютъ любопытство черни, такъ я въѣхалъ въ лагерь при величайшемъ стеченіи народа. Многіе изъ знаменитѣйшихъ особъ прислали поздравить меня съ пріѣздомъ и прислали множество плодовъ и сластей. Въ Персіи огурцы составляютъ важный подарокъ и бобы принимаются за рѣдкость. Таковыя лакомства присылаются почти каждый день и нерѣдко съ такимъ расчетомъ, чтобы прислугѣ, приносящей ихъ, заставить заплатить дорогою, по обыкновенію, цѣною.

Самъ Шахъ ничего лучшаго не присылаетъ, развѣ прибавляя нѣсколько дичи, будто самимъ имъ застрѣленной, что поставляется особеннымъ благоволеніемъ и милостію. Таковое вниманіе стоитъ всегда довольно дорого, ибо даются подарки чиновникамъ, присылаемымъ съ привѣтствіемъ, и деньги прислугѣ. Иноземцы избавляются отъ назначенія количества сей подати, но своимъ вельможамъ дается знать, какое число денегъ должны они дать приносящимъ, и деньги сіи отбираетъ Шахъ, по чрезвычайной скупости своей, или иногда часть оныхъ обращается въ счетъ получаемаго ими жалованья. Шахъ такую же дань получаетъ и съ своихъ женъ, и сего рода сборъ составляетъ довольно значащую часть собственнаго его дохода. Жены щедрымъ пожертвованіемъ покупаютъ иногда съ нимъ свиданіе, и одно посѣщеніе стоитъ остатковъ отъ многихъ лѣтъ бережливой жизни. Но добровольныя сіи приношенія посвящаемы были здравымъ силамъ Шаха, теперь же собирается дань нищетою богатая.

Прежде нежели имѣть у Шаха аудіенцію, я посѣтилъ Верховнаго Визиря, такъ называемаго Садръ-Азамъ. Остановлюсь, чтобы сдѣлать краткое описаніе сего вельможи. Ему восемьдесятъ

лѣтъ; болѣе сорока лѣтъ отправляетъ онъ настоящую должность, служивши при трехъ Государяхъ. Въ злодѣйское правленіе Аги-Магметъ-Шаха неоднократно подвергался онъ казни, и въ школѣ его изучился и видѣть и дѣлать беззаконіе равнодушно. Онъ самъ изобличенъ былъ въ намѣреніи отравить одного Министра, коего завидовалъ онъ дарованіямъ и довѣренности, пріобрѣтенной имъ у Шаха. Изобличеніе не повредило ему въ мысляхъ Государя, и для заглажденія вины надобно только было въ присутствіи его просить прощенья на колѣнахъ у того, кого онъ отравить старался, а Шаху заплатить штрафъ деньгами. Всѣ знаютъ о происшествіи, и никого оно не удивляетъ. Здѣсь и Государь и Министръ въ пристойномъ видѣ! Вельможа сей, потерявъ сыновей, въ отчаяніи, что не имѣетъ кому передать въ наслѣдство благородныя свои свойства. Богатъ чрезвычайно, скупъ еще болѣе и всѣми средствами пріумножаетъ свое имущество, Французы, и нынѣ Англичане, дѣлаемыми ему подарками, снискивали успѣхъ въ дѣлахъ своихъ. Шахъ нашелъ, однако же, способъ войти въ часть имѣнія его при жизни и всѣмъ овладѣть по смерти. Онъ единственную дочь его назначилъ быть супругою одного изъ сыновей своихъ. Ей не болѣе десяти лѣтъ, но уже другой годъ она лишилась жениха своего. Шахъ, однако же, не теряя времени, замѣстилъ его другимъ, и сей несчастной нѣтъ спасенія, ибо у Шаха семьдесять сыновей, и въ такомъ количествѣ выборъ не затруднителенъ.

Хитрый сей вельможа сдѣлалъ мнѣ привѣтливый пріемъ, осыпалъ обыкновенными вѣжливостями. Изъ учтивости платилъ я ему тѣмъ же, и чтобы не быть совершенно неловкимъ, я сталъ показывать удивленіе къ высокимъ его качествамъ и добродѣтелямъ. Старикъ принялъ лесть за настоящую правду, и я, снискавъ довѣріе къ моему простосердечію, свелъ съ нимъ знакоиство. Какъ мужа опытнаго и мудраго, просилъ я его наставленій и увѣрялъ, что, руководимый имъ, я не могу не сдѣлать полезнаго.

Въ знакъ большой къ нему привязанности, я далъ ему названіе отца и, какъ сынъ покорливый, обѣщалъ ему откровенность во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ. И такъ, о чемъ невыгодно мнѣ было трактовать съ нимъ, какъ съ Верховнымъ Визиремъ, я обращался къ нему, какъ къ отцу; когда же надобно было возражать ему, или даже пострацать, то, храня почтеніе, какъ сынъ, я обле-

кался въ образъ Посла. Сею эгидою покрывалъ я себя въ однихъ крайнихъ случаяхъ и всегда выходилъ торжествующимъ. Я, однако же, употребленіемъ сего средства не хотѣлъ истощевать спасительной его силы.

Великій Визирь сдѣлалъ также мнѣ посѣщеніе. Іюля 31 дня Шахъ далъ мнѣ пріемную аудіенцію. Для сего назначена была близъ Дворца поставленная палатка. Церемоніялъ сдѣланъ былъ для меня отличный отъ всѣхъ прежде бывшихъ. На всѣхъ прежде бывшихъ Пословъ надѣвали красные чулки и вводили ихъ безъ туфель, я же вошелъ въ сапогахъ, и принято было за особенное угожденіе съ моей стороны, что одинъ изъ лакеевъ моихъ, за сто шаговъ не доходя палатки, стеръ пыль съ моихъ сапогъ. Прочимъ Посламъ поставляли кресла на каменномъ помостѣ, подъ наружнымъ наметомъ палатки, для меня поставлены были внутри оной, противъ трона и на томъ же самомъ коврѣ. Около меня стояли два Совѣтника Посольства. Смѣшны мнѣ были всѣ сіи мелочи, но я долженъ былъ наблюдать ихъ и желалъ отличнаго пріема. Въ назначенный часъ для аудіенціи присланъ былъ, для приглашенія меня на оную, второй Генералъ-Адъютантъ Шаха. Отъ ставки и до Дворца, по обѣимъ сторонамъ дороги, стояла регулярная пѣхота. По условію должны были сопровождающіе меня Офицеры Посольства войти также подъ наметъ палатки, но я узналъ, что намѣрены были поставить ихъ снаружи, и хотя всѣ первые чиновники Государства всегда находятся внѣ палатки, но я не хотѣлъ, чтобы Русскіе Офицеры раздѣляли съ ними сію часть и объявилъ, что если не введутъ ихъ въ палатку, то я пріѣду одинъ съ переводчикомъ. Съ полчаса продолжались пересылки, прошло назначенное время, Шахъ въ полномъ убранствѣ, и все такъ сдѣлано было, какъ я желалъ. Я со свитою введенъ былъ въ палатку тѣлохранителей, гдѣ находился первый Генералъ-Адъютантъ, зять Шаха, Али-Айяръ Ханъ, знатный однимъ съ нимъ происхожденіемъ отъ племени Каджаровъ; вмѣстѣ съ ними были: Вали Курдистанскій, Мирза Абдулъ-Вахабъ, Государственный Секретарь, Мирза Абдулъ-Гассанъ-Ханъ, бывшій Посломъ въ Россіи, и нѣсколько другихъ знатнѣйшихъ особъ. Гордость Персидская изобрѣла обыкновеніе, что входящій въ комнату не прежде обращаетъ на себя вниманіе, какъ пройдя половину оной, и тогда

только встаютъ они съ мѣста. Такимъ образомъ принялъ меня Садръ-Азамъ, точно такъ принималъ и я его. Здѣсь, въ палаткѣ тѣлохранителей, я ожидалъ той же встрѣчи, и по тому, войдя въ оную, я ни малѣйшаго не обратилъ вниманія на тѣхъ, кои, въ ожиданіи меня, тамъ находились и которые сидѣли на стульяхъ, не вставая. Я, избравъ ближайшій стулъ, на другомъ покойнымъ образомъ положилъ свою шляпу и перчатки, и началъ заниматься размѣщеніемъ пришедшихъ со мною. Генералъ-Адъютантъ, зять Шаха, подбѣжалъ ко мнѣ, упрашивая, чтобы сѣлъ я на первое мѣсто въ палаткѣ. Я, не вставая со стула и заставивъ его постоять предъ собою, согласился сѣсть на предложенное мѣсто. Подали кофе, чай и кальяны, и вскорѣ потребовали меня къ Шаху: со мною пошли два Совѣтника, изъ коихъ одинъ несъ грамоту Императора, прочіе Офицеры Посольства остались въ палаткѣ, но ихъ чрезъ пять минутъ также представили.

Шахъ привѣтствовалъ всѣхъ самымъ благосклоннымъ и пріятнымъ образомъ, но въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ Офицеровъ не умѣлъ скрыть чрезвычайной гордости, которая не показалась добрымъ предвѣщаніемъ для дѣлъ моихъ, и въ чемъ я весьма обманулся. Аудіенція не продолжалась болѣе часа, и я отправился домой.

Нетерпѣливость Шаха видѣть привезенные ему подарки, о коихъ разсказано было ему много любопытнаго, заставила его дать мнѣ другую аудіенцію и, вопреки принятаго обыкновенія, согласиться самому получить подарки. И такъ, Августа 3 числа, призванъ я былъ во Дворецъ, а прочіе Офицеры, которыхъ не могъ я представить въ первый разъ, ожидали въ палаткѣ, гдѣ разставлены были подарки. Шахъ, не долго удержавъ меня у себя, просилъ показать ему подарки и сказалъ, что, отправивши обыкновенную свою молитву, онъ тотчасъ придетъ и долго ждать меня не заставитъ. Онъ пришелъ чрезъ полчаса, восхищенъ былъ подарками, удивлялся многимъ вещамъ, а паче зеркаламъ, коимъ, конечно, не бывало подобныхъ величиною, и говорилъ, что легче имѣть милліоны, и что имъ предпочелъ бы такіе подарки. Былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ пріятнымъ образомъ и, взявъ рюмку, сказалъ, что кристаллъ такъ превосходно выработанъ, что можетъ дать охоту употреблять вино. Словомъ, не упустилъ ни одного

пристойнаго случая сказать самыя лестныя привѣтствія на счетъ вниманія къ нему Императора. По выходѣ изъ палатки остался нѣкоторое время, чтобы я представилъ ему Офицеровъ и, не соблюдая ни какой пышной наружности, обошелся съ ними просто и обязательно. Симъ кончилась вторая аудіенція, и Шахъ приближеннымъ своимъ говорилъ, что онъ мною доволенъ чрезвычайно, и что предъ нимъ, какъ Государемъ, болѣе меня быть почтительнымъ не возможно.

Отдавъ подарки Шаху, я отослалъ назначенные Императоромъ нѣкоторымъ изъ сыновей его и вельможамъ. Потомъ, боясь терять напрасно время, объяснился съ Садръ-Азамомъ, что нужно приступить къ дѣлу, и условился, чтобы сноситься между собою на бумагѣ. Предосторожность сія необходима была по тому, что много разъ испытано было, что въ понятіи Персіянъ не постыдно и не безчестно утверждать противное тому, въ чемъ прежде совершенно соглашались, или даже божиться, въ опроверженіе сказаннаго прежде публично. Не хотѣлось мнѣ начать первому бумагою, но примѣтивъ, что они медлятъ, того выжидая, я, взявъ за предлогъ разговоръ съ Садръ-Азамомъ, вызвался первоначально самъ пустою бумагой, дабы завязать переписку. Всѣ по дѣламъ бумаги писаны собственною моею рукою, и сію предосторожность употребилъ я по тому, что обстоятельства были немного затруднительны, то чтобы отвѣтственность на одномъ мнѣ возлежала, и чтобы въ неосмотрительности, непредвидѣніи и даже самомъ незнаніи не было упрекаемо несправедливо другому. Будучи военнымъ человѣкомъ, не имѣлъ я въ предметѣ подобныхъ порученій, къ нимъ не пріуготовлялъ себя, и погрѣшности мои не стыдятъ меня, ибо происходятъ отъ новости предмета, отнюдь не отъ недостатка усердія, или желанія добра. Симъ новымъ занятіемъ, по счастію моему, временнымъ, не сдѣлаю я себѣ имени, не хочу скрывать моихъ ошибокъ, говорю о нихъ и охотно надъ собою смѣяться буду.

Главнѣйшій предметъ дѣлъ моихъ былъ тотъ, чтобы удержать за нами области, которыхъ сильно домогалась Персія. Отказъ самъ по себѣ уже непріятенъ, а намъ надобно было не только сохранить, но и утвердить связи дружества; и такъ я избралъ путь ласкательства и лести Шаху и на словахъ и на письмѣ, и сей сто-

собъ въ отношеніи къ Царямъ, весьма; впрочемъ, обыкновенный, вреда никогда не производящій, принесъ мнѣ немалую пользу.

Начались переговоры о дѣлахъ, и Садръ-Азамъ обѣщалъ мнѣ нѣсколько конференцій: я объяснился рѣшительно на первой, которая отняла охоту повторять таковыя, и кончилось одною. Мирза Шефи употребилъ тѣ же настоянія, какъ и Мирза Абдулъ-Вахабъ въ Саманархи и, получивъ тотъ же отрицательный отвѣтъ, объявилъ мнѣ, что онъ не смѣетъ доложить о томъ Шаху. Я обѣщалъ вывести ихъ изъ затрудненія собственнымъ съ нимъ объясненіемъ. Министры испугались и должны были признаться, что они безъ воли Шаха сдѣлали мнѣ сіи предложенія, будучи убѣждены, что справедливо было бы уступить пріобрѣтенныя нами области, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ. Я въ послѣдній разъ сказалъ имъ, что, сдѣлавъ обозрѣніе границъ, какъ Главноначальствующій въ Грузіи, донесъ я Императору о невозможности сдѣлать малѣйшей уступки, и что Государь, давъ мнѣ власть говорить его именемъ, безъ сомнѣнія, подтвердитъ мое мнѣніе.

А чтобы увѣрились они болѣе, что твердъ я буду въ моемъ предложеніи, я сказалъ, что если увижу я во снѣ, что имъ отдаются земли, то, конечно, не пробужусь во вѣки. Я замѣтилъ, что сіе объясненіе было нѣсколько вразумительно, ибо послѣ сего слабо повторяемы были требованія. На сей конференціи наклонилъ я разговоръ на счетъ Каймакама, Мирзы Бюзюрка, втораго Министра въ Государствѣ, которому, подъ начальствомъ Наслѣдника Аббасъ-Мирзы, ввѣрено было управленіе Адербиджаномъ и другими пограничными провинціями. Сей вельможа, явно недоброжелательствующій намъ, худо расположилъ меня къ себѣ въ проѣздъ мой чрезъ Тавризъ, и я имѣлъ къ нему справедливую ненависть. Я объявилъ Садръ-Азаму и Мирзѣ Абдулъ-Вахабу, что злоба Каймакама противъ Русскихъ можетъ имѣть печальныя для Персіи слѣдствія; что сей подлый плутъ будетъ причиною разрыва дружбы и многихъ слезъ вашихъ, но что поздны будутъ сожалѣнія; что, утвержденію добраго согласія онъ не только не способствуетъ, напротивъ, вымышляя гнуснѣйшія нелѣпости, возбуждаетъ противъ насъ народы пограничныхъ Персіи областей. Оба Министра выслушали сей панегирикъ, не осмѣливаясь возразить ни слова, ибо я бралъ на себя доказать подлые его поступки. Нельзя ни

было защищать его, ибо каждый изъ нихъ, если не въ семъ, то, конечно, въ другихъ случаяхъ, дѣлывалъ подобныя мерзости и противъ Каймакама ругательство былъ общій всѣмъ приговоръ.

Вотъ новый способъ трактовать о дѣлахъ Государственныхъ, и тотъ, который помогъ мнѣ удалить величайшаго плута отъ участія въ конференціяхъ.

15 Августа отправилъ я курьера въ С.-Петербургъ, но еще не могъ сказать ни чего вѣрнаго о дѣлахъ нашихъ.

16 числа Шахъ вздумалъ забавлять меня разными зрѣлищами. Слышалъ я придворную его музыку, столько же гнусную, какъ и всѣ прочія въ Персіи; видѣлъ пѣвчихъ, не лучшихъ музыки, и танцовщиковъ въ самыхъ неблагопристойныхъ кривляніяхъ. Изъ саду на крыщкѣ Дворца, поверхъ самой той комнаты, гдѣ Шахъ чаще сидѣлъ на тронѣ, по протянутой веревкѣ плясали два молодые мальчика. Шахъ былъ въ восторгѣ отъ ихъ искуства, заставлялъ меня удивляться имъ и спрашивалъ, видали ли мы что подобное въ Европѣ? Приведены были слоны, которые, почерпая изъ бассейновъ воду, поливали садъ, а иногда и предстоящихъ. Они ловкимъ образомъ всходили по лѣстницамъ на верхній терасъ сада. Тутъ же представлялся посланецъ отъ Синдскаго народа. Его остановили посреди сада, въ 150 шагахъ отъ Шаха, заставили сдѣлать нѣсколько поклоновъ, взяли отъ него письмо, и одинъ изъ чиновниковъ прокричалъ содержаніе онаго. Шахъ во все горло крикнулъ ему привѣтствіе. Потомъ прочли списокъ привезенныхъ имъ подарковъ, пронесли ихъ чрезъ садъ, и посланецъ откланялся. Въ слѣдъ за нимъ предсталъ сынъ Мамадъ-Алиханъ Мирзы, старшаго сына Шахскаго, прочтенъ былъ поднесенный имъ списокъ подарковъ, которые пронесены были близко подъ окнами Дворца и состояли изъ большаго числа шалей, парчей, самыхъ денегъ и множества катеровъ. Таковыми подарками иногда платятъ сыновья за одинъ благосклонный взглядъ нѣжнаго родителя. Всѣ сіи зрѣлища представлены были во время Салама. Саламъ есть собраніе всѣхъ наличныхъ сыновей Шахскихъ и знатнѣйшихъ особъ Государства. Онъ обыкновенно бываетъ до полудня и продолжается по волѣ Шаха. Въ Султаніи бываетъ онъ въ саду, гдѣ самый высокій терасъ занимаютъ сыновья, на нижнихъ стоятъ всѣ про-

чіе. Для Каджаровъ, единоплеменныхъ Шаха, есть особенное мѣсто. Всѣ стоятъ подъ открытымъ небомъ; Шахъ сидитъ на разосланномъ коврѣ, въ открытой галереѣ, не менѣе 12 аршинъ возвышенія надъ верхнимъ террасомъ, большею частію въ самой простой одеждѣ. Оттуда во все горло кричитъ онъ предстоящимъ, изъ коихъ весьма немногіе имѣютъ право ему отвѣтствовать. Когда хочетъ прекратить онъ Саламъ, встаетъ и, ни какого не давая знака, уходитъ. Тогда всѣ идутъ по домамъ, размученые отъ жара, большая часть не обративъ на себя ни малѣйшаго вниманія Царя, не слыхавши сладкихъ его рѣчей и готовясь на завтра наслаждаться тѣмъ же увеселеніемъ. Въ сихъ собраніяхъ никогда иноземцы не бываютъ; но какъ Дворцовый садъ состоитъ изъ нѣсколькихъ ракитовыхъ деревъ, то мы весьма удобно видѣли, какимъ образомъ все сіе отправляется. Изъ особеннаго ко мнѣ уваженія, позволено было моимъ Офицерамъ приходить на Саламъ, но однимъ часомъ прежде собранія прочихъ; а какъ мнѣ хотѣлось знать, о чемъ Шахъ въ такомъ случаѣ разсуждаетъ, онъ же, вѣроятно, съ одними Русскими ограничилъ бы себя привѣтствіями, то я и отклонилъ таковыя посѣщенія. Самому мнѣ предоставлено было право присылать сказать, когда я желаю видѣть Шаха; Генералъ-Адъютантъ, докладывая немедленно о томъ, испрашивалъ назначенія времени и мнѣ давалъ знать. Я не пользовался симъ правомъ, и не бывалъ иначе, какъ по приглашенію. Однако же, въ короткое время пребыванія моего, я бывалъ у Шаха гораздо чаще, нежели всѣ, до меня бывшіе, иностранцы. Онъ до такой степени былъ внимателенъ ко мнѣ, что присылывалъ узнать о моемъ здоровьѣ, и не выѣзжалъ ни одинъ разъ на охоту, чтобы не прислать мнѣ въ подарокъ дичи, которую, для большей мнѣ почести; посыланные отъ Шаха убивали его рукою.

16 Августа получилъ я отъ Мирзы Шефи бумагу, въ которой объяснено было, что Шахъ пріязнь Государя Императора предпочитаетъ пользѣ, происходящей отъ пріобрѣтенія земель. Я предваренъ былъ однимъ изъ вѣрныхъ людей, что Шахъ на бумагу мою приказалъ дать отвѣтъ, согласный съ моимъ желаніемъ; что въ совѣтѣ хотя нѣкоторые настояли, чтобы требовано было возвращеніе областей рѣшительно, Шахъ отвѣчалъ съ твердостію, что онъ прервать дружбы не намѣренъ, и если бы Рус-

скіе нечистосердечно желали оной, или бы имѣли вредные для Персіи замыслы, изъ поведенія ихъ можно то замѣтить и среди самаго мира. Старшій сынъ, лишенный наслѣдства, далъ мнѣніе о утвержденіи мира; конечно, имѣлъ онъ въ виду собственную пользу; ибо въ войнѣ съ нами Наслѣдникъ, братъ его, врагъ ему непримиримый, входитъ у Шаха въ большую довѣренность и силу, выпрашиваетъ большія деньги и составляетъ войска, которыя въ мирное время имѣть ему не позволяется. Часть сихъ войскъ остается при немъ постоянно, обращаясь въ регулярныя. Знаетъ Мамадъ-Али-Мирза, что войска сіи будутъ противъ него, когда надобно будетъ сразиться за похищенное наслѣдство.

И такъ благоразуміемъ Шаха и большею всѣхъ прочихъ дальновидностію рѣшено, что земли уже требованы не будутъ, и въ тотъ же день самъ Шахъ изустно подтвердилъ мнѣ о томъ ловкимъ весьма образомъ, въ лестныхъ для Императора выраженіяхъ. Министры желали выставить то за особенную милость ко мнѣ Шаха, на что сдѣлалъ я имъ одинъ вопросъ: «Не предлагаетъ ли Его Величество какой ни будь провинціи, предоставляя мнѣ выборъ оной? Въ такомъ случаѣ я буду умѣть избрать приличествующую. Если же милость Шаха ограничивается тѣмъ, что онъ отъ насъ не требуетъ провинцій, то ихъ надобно взять у насъ, а Государь подданныхъ своихъ не оставляетъ безъ защиты.»

22-го Августа Шахъ пригласилъ насъ всѣхъ на праздникъ, который долго весьма пріуготовлялся. Начало состояло изъ плясуновъ, танцовщиковъ по веревкѣ, придворныхъ пѣвчихъ и музыкантовъ; Шахъ желалъ, чтобы была и наша музыка, и ей показано было мѣсто близко противъ него. Въ вечеру сожженъ былъ величайшій фейерверкъ, состоявшій изъ множества фонтановъ и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ ракетъ. Главнѣйшая красота фейерверка, сколько можно замѣтить, должна заключаться въ ужасномъ стукѣ, а для того употреблена была вся артиллерія, бывшая въ Султаніи, и не менѣе трехъ сотъ фалконетовъ.

Предъ фейерверкомъ я былъ у Шаха, потомъ онъ смотрѣлъ оный изъ башни своего гарема, а для насъ была поставлена особенная палатка. Шахъ желалъ, чтобы Русскіе въ сей день были вмѣстѣ съ Персіянами, и потому Казакамъ и прислугѣ По-

сольства показаны были лучшія мѣста. Со мною попеременно сидѣли главнѣйшіе Министры и зять его, Генералъ-Адъютантъ. Меня удивило, что не былъ приглашенъ Англійскій Повѣренный въ дѣлахъ. Конечно, не могли думать Персіяне, чтобы намъ было непріятно находиться вмѣстѣ, ибо между нами было самое дружественное обращеніе. Не рѣдко видали они Англичанъ, обѣдающихъ у меня, я самъ былъ у нихъ, и Офицеры мои ходили къ нимъ довольно часто. Когда приглашаемъ я былъ вельможами, я также не встрѣчалъ никогда Англичанъ; но сіе недоумѣніе мое разрѣшено было въ послѣдствіи тѣмъ, что Англичане не только въ присутствіи Шаха, но и у вельможъ, по принятому ими этикету, должны были, снимая обувь, быть въ однихъ чулкахъ и сидѣть не на стульяхъ, но на Персидскихъ коврахъ.

Шахъ, поѣхавши одинъ разъ на охоту, приказалъ показать мнѣ свои сокровища; я приглашенъ былъ съ Офицерами. Мы видѣли алмазъ такой величины, которому нѣтъ подобнаго въ свѣтѣ, видѣли нѣсколько другихъ, каковыхъ мало кто имѣетъ изъ Царей, цвѣтныхъ каменьевъ, большое множество и чрезвычайной величины. Чиновникъ, показывавшій ихъ, увѣрялъ, что гораздо большее количество сокровищъ остается обыкновенно въ Тегеранѣ, и что Шахъ беретъ съ собою весьма немногія. Нельзя сомнѣваться, чтобы не было ихъ болѣе того, что намъ показывали; но извѣстно, однако же, что Шахъ имѣетъ съ собою всегда драгоцѣннѣйшія, не ввѣряетъ ихъ никому другому, кромѣ одного евнуха, который съ нимъ неразлученъ и всегда имѣетъ ихъ на себѣ въ дорогѣ.

Въ Персіи были примѣры, что кто обладаетъ сокровищами, въ рукахъ того можетъ быть престолъ Персидскій. Нынѣ царствующій Шахъ, услыхавъ о смерти дяди своего, Ага-Магметъ-Хана, зналъ весьма хорошо, что надобно поспѣшнѣе захватить сокровища, бывшія въ Тегеранѣ. Хранившій ихъ былъ человѣкъ, ему преданный; Шахъ имѣлъ хорошихъ лошадей; оставалось только пріѣхать скоро, и въ пять дней изъ Шираза былъ онъ въ Тегеранѣ. Здѣсь не всегда нужны права болѣе основательныя. Въ Государствѣ, каково есть Персидское, гдѣ восходившіе на престолъ путями беззаконными оставили примѣры соблазнительные для людей предпріимчивыхъ, жаждущихъ владычествованія, гдѣ

нѣтъ законовъ, правилъ чести, гдѣ и самая вѣра не сильнымъ служитъ обузданіемъ, и часто искусными толкователями пріемлетъ направленіе, льстящее страстямъ, тамъ нѣтъ обезпеченія для царствующаго и до слѣдующаго дня не простираются надежды. Шахъ и теперь удерживаетъ породу быстрыхъ лошадей, ибо не можетъ быть увѣренъ, чтобы не случилось съ такою же скоростію спасаться, съ каковою спѣшилъ къ обладанію. Всякій день въ Султаніи видали, что, кромѣ обыкновеннаго во Дворцѣ караула, да ночь приводится болѣе тысячи человѣкъ, которые занимаютъ всѣ входы, располагаются внутри Дворца и снаружи оный окружаютъ. При входѣ въ гаремъ есть особенная стража изъ людей, Шаху приверженныхъ, кои, вмѣстѣ съ жизнію его, охраняютъ и собственное свое существованіе, но ко всему тому прибавлена еще предосторожность, сокрывающая отъ ихъ свѣдѣнія, въ которой части гарема онъ проводитъ ночь.

Какая строгая полиція въ гаремѣ! Тамъ есть также различныя должности, возлагаемыя на старыхъ женщинъ, которыя съ самыхъ дней ребячества въ состояніи тягчайшаго рабства и самой тѣсной неволѣ, лишены будучи всѣхъ въ жизни наслажденій, смотрятъ съ ожесточеніемъ на тѣхъ, коимъ судьба удѣлила ихъ хотя маловажнія. Симъ ввѣряется надзоръ за женами и наложницами. Въ семъ адѣ вѣчнаго раздора и вражды Мусульмане думаютъ найти первѣйшія блага, чѣмную любовь и дружбу! Здѣсь предсѣдитъ та же недовѣрчивость и боязнь. Здѣсь вѣрнѣйшая изъ супругъ, самая страстная изъ любовницъ, не иначе предается въ объятія Шаха, какъ по строжайшемъ обысканіи. Ни какая завязка, ни какой снурокъ не имѣютъ права удерживать на ней одежды. Подозрѣніе и робкая осторожность совлекаютъ опую, и невѣнно укрывшаяся булавка ужасаетъ, какъ орудіе, грозящее жизни. Красавица предстаетъ обнаженная, съ оскорбленіемъ въ сердцѣ, что не прелестей наготы ея искали взоры страстные любовника.

Въ комнатѣ, гдѣ показываемы были сокровища, стояли два портрета Шаха, сдѣланныя вновь, и я ни какъ не подозрѣвалъ, чтобы Шахъ вздумалъ одинъ препроводить къ Императору, другой подарить мнѣ. Оба они написаны ужаснѣйшимъ образомъ, и кажется Шахъ менѣе всего заботится о сходствѣ, но чтобы борода

написана была длиннѣе обыкновенной, глаза самые черные, каковыхъ у него нѣтъ, и чтобы одежда была богатою. Въ разсужденіи драгоцѣнныхъ камней онъ великодушно позволяетъ изобразить ихъ въ большомъ видѣ, нежели они есть. Портреты отъ Дворца до ставки моей отнесены были Офицерами, и я сопровождалъ ихъ. Шахъ очень доволенъ былъ симъ вниманіемъ.

Генералъ-Адъютантъ, зять Шаха, угащивалъ насъ и, вѣроятно, по приказанію его, старался убѣдить меня, сколько не великодушно съ нашей стороны, что не удовлетворено желанію Шаха и не возвращены требованныя имъ провинціи, что между пріятелями, каковы оба великіе Государя, не должны имѣть мѣста подобные отказы. Глупый вельможа думалъ, что, въ угожденіе такому Государю, не должно затрудняться отдать Грузію и до самаго Терека. Съ равнымъ благоразуміемъ продолжалъ онъ разговоръ болѣе двухъ часовъ, и всегда права его на снисхожденіе Императора основаны были на равной справедливости. Отвѣты мои по необходимости даны были не съ самыхъ хладнокровіемъ, и все пересказано было Шаху. На другой день приглашенъ я былъ къ Шаху, и онъ упомянулъ мнѣ о семъ разговорѣ. Никто не могъ ожидать, чтобы Шахъ пріятнымъ образомъ шутя, сталъ говорить и о томъ, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, и что не исполнились надежды, которыя питалъ онъ долгое время. Онъ, обратясь къ зятю своему, говорилъ: «Взгляни на Посла: какъ ему совѣстно, что не исполнилъ моего желанія, когда я готовъ все сдѣлать угодное его Государю. Онъ не имѣетъ, что сказать противъ этого. Я же въ дружбѣ всѣмъ жертвую охотно.» Многое другое говорилъ онъ, и спросилъ меня, перескажу ли я Государю? Я отвѣчалъ, что обо всемъ донесу непремѣнно, и присовокупилъ къ тому, что Его Величество, Шахъ, говорилъ мнѣ о томъ самымъ благосклоннѣйшимъ образомъ, что въ глазахъ его не только не было ни малѣйшаго негодованія, напротивъ, прочелъ я въ нихъ намѣреніе Шаха всегда быть истиннымъ другомъ Русскихъ. Онъ доволенъ былъ отвѣтомъ. Между прочими разговорами коснулся Шахъ власти своей, которую выставлялъ несравненно превыше власти всѣхъ Европейскимъ Государей, уподобляя себя тѣни Божіей на землѣ. Я отвѣчалъ ему, что пріятна тѣнь отъ человѣка, подъ скиптромъ котораго благоденствуетъ нѣсколько милліоновъ

народа, исчисляющаго дни его благотвореніями, но осмѣлился сдѣлать вопросъ: какова была тѣнь дядюшки его, Аги-Магметъ-Хана? Шаха до того простиралось ко мнѣ расположеніе, что онъ вопросъ мой принялъ безъ неудовольствія и даже усмѣхнулся.

Вскорѣ послѣ сего имѣлъ я отпускную аудіенцію, и при мнѣ была вся моя свита. Шахъ былъ чрезвычайно благосклоненъ, каждому сказалъ пріятнѣйшія привѣтствія, такъ что всѣ отошли весьма чувствительными къ лестному его вниманію. Мнѣ собственноручно отдалъ отвѣтъ на письмо Императора, сказавъ, что онъ такъ расположенъ ко мнѣ, что языкъ его не хочетъ произнести, что онъ меня отпускаетъ, и я по истинѣ разстался съ нимъ съ сожалѣніемъ. За день до прощанья мнѣ и всѣмъ чиновникамъ Посольства присланы были ордена Льва и Солнца и подарки, и я представлялся Шаху въ его орденѣ, что принято имъ было съ особеннымъ удовольствіемъ.

Не задолго предъ симъ, по просьбѣ Мирзы Шефи и Мирзы Абдулъ-Вахаба, прекратилъ я неудовольствіе мое на Каймакама. Мирза Шефи пригласилъ меня къ себѣ, и тамъ нашелъ я Каймакама, предупрежденнаго, что я готовъ все забыть. Мы сошлись безъ объясненій, увѣряли одинъ другаго въ дружбѣ, которой между нами существовать не могло. Съ обѣихъ сторонъ одинаковы были чувства и степень довѣрія къ обѣщаніямъ, но всему приданы были благовидныя наружности. Шахъ былъ тѣмъ доволенъ; ибо онъ досадовалъ, что Каймакамъ могъ дать мнѣ причину къ неудовольствію, но жалѣлъ, что я трактовалъ его, какъ плута. Каймакамъ тотчасъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе, и я также былъ у него.

Многіе изъ вельможъ хотѣли сдѣлать мнѣ угощеніе, но уже мало оставалось до отъѣзда, и я отказался отъ церемоніяльныхъ обѣдовъ нѣкоторыхъ господъ, а для сокращенія скуки, согласился пріѣхать къ нимъ на чай. Симъ много избѣжалъ я безпрерывно повторяемыхъ наглыхъ привѣтствій и несносныхъ вѣжливостей. Не могъ я отдѣлаться отъ обѣдовъ Мирзы Шефи и Низамутъ-Девле; у Генералъ-Адъютанта, зятя Шахскаго, у Вали Курдистанскаго и у Мирзы Абдулъ-Вахаба былъ я угощаемъ чаемъ и сластями. Желая также пригласить къ себѣ затнѣйшихъ особъ, я на-

значилъ день, и думалъ, что мнѣ довольно для того позвать, кого желаю, но здѣсь не наши обыкновенія. Изъ моего праздника вышло дѣло Государственное. Вмѣшался Садръ-Азамъ, внесенъ былъ докладъ на Высочайшее усмотрѣніе. Шахъ все дѣлалъ мнѣ пріятное, и рѣшеніе послѣдовало благосклонное. Онъ разсматривалъ списокъ особъ, которыхъ я пригласить намѣревался, нѣкоторыхъ исключилъ по неравенству съ прочими, и безъ околичностей сказано, что съ ними не могутъ они быть въ одномъ обществѣ, и, вмѣсто сорока, или пятидесяти, человѣкъ, было у меня только пятьнадцать. Для сего собраны были главнѣйшія священныя особы, дабы пріискать въ Алкоранѣ, какимъ образомъ, не оскорбляя закона, посѣтить Невѣрнаго. Мусульмане секты Аліевой не могутъ употреблять пищи, приготовленной Христіянами, и по тому нельзя было бы ко мнѣ пріѣхать, но изволеніе Шаха и боязнь сдѣлать мнѣ отказъ, превозмогло совѣтъ Первосвященниковъ, и рѣшено было предложить мнѣ о допущеніи ихъ прислуги, которая бы сварила чай, накладывала и рѣзала кушанье. Между посѣтившими были двое, извѣстные строгимъ соблюденіемъ закона. Первый Каймакамъ, происходящій отъ поколѣнія Сеида, въ фамиліи котораго было нѣсколько угодниковъ, ревностный послѣдователь Магомета, въ законѣ коего, для пользы своей, нашелъ онъ снисхожденіе ко всякимъ злодѣяніямъ. Онъ готовъ на всѣ преступленія и не приметъ пищи, до которой коснулся ножъ, бывшій въ рукахъ Христіянина; онъ изъ боязни воздерживался порицать, но самъ, кромѣ плодовъ, не ѣлъ ничего. Всѣ прочіе были чрезвычайно воздержны въ пищѣ, но, вставъ изъ за стола, каждый, выбравъ кушанье, которое нравилось по наружности, просилъ, чтобы приказалъ я отнести къ нимъ. Безъ свидѣтелей законъ не бываетъ у нихъ помѣшательствомъ. Между ними былъ одинъ, знакомый намъ, которому наливали ликеръ въ чашку, когда другимъ подавали чай, и онъ не отказывался отъ повтореній. Таковыхъ весьма много, особливо изъ живущихъ близъ границъ нашихъ, то есть, у источника божественнаго сего напитка. Убранство стола и освѣщеніе имъ весьма нравилось, и они хвалили порядокъ нашей прислуги. Однако же вилка и ложка казались имъ излишествомъ, и они постигнуть не могутъ, какъ человѣкъ могъ рѣшиться отнять у себя наслажденіе въ каждомъ изъ кушаньевъ обмыть нечистоту рукъ своихъ и на усахъ и бородѣ не сохранить остатковъ употреблен-

ной пищи. Они не знаютъ салфетокъ, и нерѣдко слуга снабжаетъ ихъ платкомъ весьма неопрятнымъ.

Когда я приглашаемъ бывалъ обѣдать, всегда выпрашивали мои столовые приборы и стаканы, не дѣлали затрудненія, чтобы мы употребляли наше вино, и нерѣдко даже доставляли вины весьма хорошія, Испаганское и Ширазское превосходнѣйшее. Персіяне обыкновенно ѣдятъ на коврахъ, постланныхъ на землѣ, но для насъ нарочно дѣлались столы и наши употреблялись стулья. Блюдъ пріуготовляется безчисленное множество, каждому подаютъ въ особенной посудѣ и на особенномъ деревянномъ, раскрашенномъ подносѣ, на которомъ помѣщается не менѣе пятынадцати блюдъ. Посреди стола оставляется прохожая дорога, на которой является прислуга, предупреждающая желанія ваши. Понравится ли вамъ какое кушанье, тутъ готова уже услужливая рука и, отрывая часть мяса, кладетъ предъ вами; хотите ли вы жирнаго пилава, котораго бѣлизна, подобная снѣгу, восхищаетъ вкусъ вашъ, уже касается его рука и цвѣтъ кирпичный, которымъ выкрашена она, и ногти красные, рѣдко обрѣзываемые, сочетаваются съ бѣлизною пшена, и услуживающій вамъ гордится мыслію, что удвояетъ наслажденіе ваше. Вдругъ вы видите ту же самую руку, богатую останками пилава, вырывающую внутренность арбуза къ вашимъ услугамъ. По счастію нашему, руки сіи не всегда мѣшаются въ распоряженіе жидкостей, ибо изобрѣтательный умъ Персіянъ создалъ для того деревянныя ложки. Я забылъ сказать, какъ прислуга является на столѣ, посреди онаго. Она восходитъ послѣ того, какъ уже каждый занялъ свое за столомъ мѣсто. Плечо ваше служитъ ей подпорою. Если не уклонили вы головы, она не дѣлаетъ препятствій, чрезъ нее переступаютъ, не затрудняясь, и длинныя полы безобразной Персидской одежды скрываютъ васъ отъ глазъ товарищей. Едва проглянули вы, какъ уже другой подобный покровъ васъ затмѣваетъ. За такимъ столомъ можно отобѣдать, не давая подозрѣнія о своемъ существованіи. Не знаю я, принадлежитъ ли сіе къ роскоши Восточной, о которой столько слышимъ мы баснословныхъ разсказовъ.

На ужинѣ у Низамутъ-Девле угащиваемы были мы совсѣмъ другимъ образомъ: прислуга не ходила по столу и не попирала бесѣдующихъ; то же число блюдъ, но всѣхъ ихъ пожирать не принуж-

дали. Хозяинъ, извѣстный въ Персіи богатствомъ, хотѣлъ блеснуть онымъ, и мы видѣли много серебрянной посуды, и палатки освѣщены были лампами чистаго золота и во множествѣ. Низамутъ-Девле, проводя меня подъ руку за столъ, страннымъ весьма образомъ сталъ перебирать пальцы на лѣвой моей рукѣ. Я позволилъ ему сію забаву, думая, что въ Восточныхъ обычаяхъ значитъ то изъявленіе пріязни, но вдругъ почувствовалъ я на пальцѣ необыкновенной величины перстень. Оторвавъ руку, я сказалъ ему, что подобныхъ подарковъ и такимъ образомъ предложенныхъ, я не принимаю, и скажу на то ему причину. Онъ обидѣлся отказомъ, и если бы за столомъ могъ онъ сидѣть со мною рядомъ, то, конечно, пустился бы на другое какое либо предпріятіе, но меня спасъ высокій мой чинъ, ибо возлѣ меня по приличію мѣсто занимаемо было знатнѣйшими. Однако же въ продолженіи ужина объяснилъ онъ мнѣ чрезъ переводчика, что если не принимаю я перстень, то предлагаетъ онъ мнѣ неоправленный камень, и я разстался съ нимъ, не умѣвши растолковать ему, что можно отказаться отъ пріобрѣтенія драгоцѣннаго подарка. На другой день показывалъ онъ переводчику моему чрезвычайной величины синій яхонтъ, съ которымъ дѣлалъ онъ на меня наступленіе. Точно такимъ образомъ Садръ-Азамъ Мирза Шефи одному изъ Англійскихъ Посланниковъ подарилъ перстень, и Англичанинъ не устыдилъ его отказомъ. Пріятно мнѣ, по крайней мѣрѣ, думать, что Персіяне поступокъ мой не принимали въ видѣ корыстолюбія, чего не говорили они объ Англійскомъ Посланникѣ, ибо безстыдно и, можетъ быть, даже лживо разказывали, что на богатую весьма сумму вывезъ онъ подарковъ.

Садръ-Азамъ на другой день также присылалъ мнѣ въ подарокъ жемчуги, но я равномѣрно и отъ нихъ отказался. Сей вельможа на принятіе ихъ не вынуждалъ моего согласія, напротивъ, воспользовался именемъ моимъ, чтобы, подъ видомъ подарка мнѣ, выпросить у другихъ лошадей, извѣстныхъ красотою въ Персіи и, удержавъ ихъ у себя, прислалъ мнѣ другихъ весьма обыкновенныхъ. Онъ отмщевалъ, кажется, за похищеніе у него Шахомъ подарковъ, отъ Государя Императора ему присланныхъ, которые взялъ онъ у него, не выждавши отъѣзда моего изъ Султаніи.

Такимъ образомъ собираются и самыя Государственныя сокровища. Въ замѣнъ за нихъ обыкновенно не предлагается ничего, кромѣ всемилостивѣйшаго одобренія скромности, если таковая сохранена будетъ. Шахъ, отечески снисходя, не рѣдко испытуетъ въ сей добродѣтели. Вельможи, въ свою очередь, людей низшаго состоянія пріучаютъ къ презрѣнію богаствъ, и такъ до самаго простаго народа, которому если и остается кусокъ желѣза, и тотъ безжалостная судьба изковываетъ въ цѣпи рабства и рѣдко въ острый мечъ на отмщеніе угнетенія.

29 Августа назначилъ я выѣздъ мой изъ Султаніи. По утру нѣтоторые изъ вельможей болѣе со мною знакомые пріѣхали со мною проститься, и я съ безконечными ихъ привѣтствіями и съ увѣреніями въ постоянной любви, каковыхъ самой прелестнѣйшей женщинѣ насказать болѣе не возможно, даже со вздохами, простился не прежде полудня, и поѣхалъ въ самый несносный жаръ. Истинное сожалѣніе замѣтилъ я въ одномъ, стоявшемъ у меня карауль, ибо я обходился съ нимъ ласково и давалъ ему деньги. Они ни къ тому, ни къ другому не пріучены. При Шахѣ въ Султатаніи регулярныхъ войскъ было шесть баталіоновъ пѣхоты и восьмнадцать орудій артиллеріи. Желая показать мнѣ, съ какою дѣятельностію производится образованіе войскъ, сихъ несчастныхъ предъ ставкою моею обучали отъ утра до вечера. На ученьи бывала и та артиллерія, которая возится на верблюдахъ и состоитъ изъ небольшихъ фалконетовъ. Иногда, для церемоніяльныхъ пріемовъ и праздниковъ, являлась она съ пѣшею прислугою, когда каждый человѣкъ несетъ на плечѣ свою пушку. Ни что лучше не напоминало мнѣ видѣнный въ ребячествѣ моемъ балетъ Ивана Царевича, и едва ли артиллерія Шахская лучше бумажныхъ пушекъ балета. Мнѣ всевозможныя показаны были ополченія, дабы вселить въ меня страхъ и почтеніе къ могуществу Персіи, но всему вѣрнѣйшее объясненіе получилъ я отъ моего караула, который, выпрашивая хлѣба, съ чистосердечіемъ признавался, что никогда столь не мучили ихъ ученьями, какъ со времени моего прибытія; что безпрерывно вводятся новости, и только то остается постояннымъ, что имъ выдаютъ весьма худую и недостаточную пищу, и если когда родственники не привозятъ имъ оной изъ деревень, они умираютъ съ голоду. Я удивился, что способъ не да-

вать войскамъ пищи, знакомый Европейцамъ въ одно только военное время, здѣсь во всегдашнемъ употребленіи. Открытіе таковой тайны было бы весьма полезно для всемірнаго въ нынѣшнее время народа.

Августа 30. Сей день праздновали мы въ городѣ Зенганѣ. Здѣсь казалось намъ все въ новомъ видѣ, послѣ двухъ мѣсячнаго пребыванія въ лагерѣ, весьма непріятнаго въ жаркое время. Намъ отвели очень хорошіе дома. Отсутствіе управляющаго городомъ и съ нимъ всѣхъ властей, дало свободу жителямъ, и въ первый разъ видѣли мы множество женщинъ, которыя смѣли не закрываться. Я вступилъ въ управленіе полиціею и запретилъ прогонять ихъ, что обыкновенно дѣлается здѣсь весьма простымъ и легкимъ образомъ, бросая камнемъ и ни мало не заботясь, попадаетъ ли онъ въ лице, или голову. Думаю, что я былъ первый столько явный защитникъ прекраснаго пола въ землѣ Мусульманской. Женщинъ удѣлъ сердце чувствительное, и я видѣлъ сожалѣніе ихъ, что не могутъ доказать своей благодарности. Сему препятствовали мущины и, какъ кажется, отъ нѣкоторой благоразумной осторожности, дабы незнаніе языка не заставило изобрѣсти другаго средства объясненія. Но что можетъ удержать стремленіе сердца къ добродѣтели, и я могъ бы сказать примѣръ благодарности.... Но я говорю о Зенганѣ. Музыка наша привлекла тьму слушателей, которые находили ее весьма пріятною. Слухъ ихъ никогда не поражали звуки стройные и нѣжные. Въ музыкѣ Персидской наша волынка и рылѣ могли бы занимать важное между инструментами мѣсто. Предпочтеніе дается трубѣ и бубнамъ. Въ самомъ пѣніи высокое искуство состоитъ въ ужасномъ крикѣ, во все горло, съ самыми дикими оборотами голоса. Такова музыка самаго Шаха, которой удивляются всѣ, и меня спрашивали, есть ли у насъ такое искуство и столько чувствами обладающая музыка? Послѣ музыки Персидской можно находить мелодію въ крикѣословъ.

Возвратный путь мой ускоряю я сколько возможно, дабы избѣжать приближающейся осени, которая непріятна при переѣздѣ горъ на границахъ нашихъ.

31. Караванъ-Сарай Никпей.

Сентября 1. Караванъ-Сарай Серчамъ.

2. Городъ Міяна. На семъ переходѣ переправились мы чрезъ цѣпь горъ, называемыхъ Кафланку. Съ вершины оныхъ представляется обширный видъ, и я откланялся горамъ, лежащимъ надъ Султаніею. Здѣсь оканчиваются безплодныя равнины Зенганской области и начинается Адербиджанъ, обширная провинція, гораздо болѣе населенная и изобильная. Горы Кафланку представляютъ прехожденіе природы отъ хаоса къ стройному чину, и какъ будто волѣ Творца противоборствовала враждующая сила. Нѣтъ мѣста, имѣющаго правильный видъ; есть громады, не имѣющія собственнаго основанія, которыя кажутся въ движеніи, въ ожиданіи назначенія предѣловъ, ихъ же не преступятъ никогда.

3. Растагъ. Англичане, бывшіе въ Султаніи, проѣхали въ Тавризъ, желая предупредить насъ. Они доставили мнѣ письмо Садръ-Азама, исполненное отчаянія послѣ разлуки со мною, въ которомъ увѣряетъ, что чувствуетъ приближеніе свое къ гробу, лишившись надежды видѣться со мною. Я долженъ былъ отвѣчать такія же нелѣпости, но видѣлъ, что мы не такъ легко сіе дѣлать умѣемъ. Между Европейцами нерѣдко непонятное относится къ выспреннему (sublime), и нѣсколько у мѣста точекъ.... какъ будто заключающихъ сокровенный смыслъ, выводятъ изъ затрудненія, но Персіяне не понимаютъ сихъ тонкостей и требуютъ непремѣнно, чтобы все написано было.

Сажусь писать, и создаю образецъ въ Восточномъ вкусѣ:

«Со дня разлуки печально солнце освѣщаетъ природу, увяли розы и припахиваютъ полынью. Померкъ свѣтъ въ глазахъ моихъ, и какъ уже позади меня тѣ мѣста, которыя украшаетъ онъ своимъ присутствіемъ, то глаза, единымъ зрѣніемъ оныхъ насыщаясь, желаютъ переселиться въ затылокъ.» Я не оспаривалъ въ немъ чувство приближенія ко гробу, ибо казалось мнѣ нѣсколько неловкимъ хвалить цвѣтущую молодость въ человѣкѣ девяноста лѣтъ. Не стану утверждать, но что-то въ подобномъ родѣ писалъ я къ Мирзѣ Шефи. Не правда ли, что, по обыкновенію нашему, можно было бы нѣкоторую часть письма замѣнить точками?..... Персіяне долго еще лишены будутъ сихъ выгодъ.

Англичане сказывали, между прочимъ, что Шахъ на отпускной аудіенціи говорилъ имъ, что онъ много меня любитъ и доволенъ весьма моими поступками. Не по тому былъ мнѣ пріятенъ отзывъ сей, чтобы благоволеніе Шаха было необходимо для моего счастія, но видѣли Англичане, что могутъ нравиться ему и другіе, и что на благорасположеніе его по прежнему не будутъ они распространять монополіи.

4. Селеніе Туркманчай.

5. Селеніе Тикмедашъ.

6. Уджанъ, замокъ Наслѣдника Аббасъ-Мирзы, въ которомъ прежде проводилъ я нѣкоторое время.

7. Селеніе Васьмичъ.

8. Растагъ. Отсюда отправилъ я въ Таврисъ для занятія квартиръ. Писалъ къ Каймакаму, Мирзѣ Бюзюркъ, что я не желаю церемоніяльной встрѣчи, ибо Шахомъ приказано было оказывать мнѣ возможнѣйшую почесть, и чтобы не было малѣйшей причины къ неудовольствію, оттуда спрашивали, какую угодно мнѣ опредѣлить встрѣчу?

9. Городъ Тавризъ. За полчаса отъ города встрѣченъ я былъ однимъ изъ знатныхъ чиновниковъ, командующихъ иррегулярною въ Адербиджанѣ конницею, со свитою 300 человѣкъ. Англійскіе Офицеры, съ которыми познакомился я прежде, выѣхали также на встрѣчу. Пріѣхавъ въ домъ Каймакама, мнѣ отведенный, услышалъ я о нагломъ поступкѣ, служащаго въ войскахъ Аббасъ-Мирзы, Французскаго Офицера, Г. Мерше, называющагося Полковникомъ гвардіи Наполеона и Кавалеромъ Почетнаго Легіона. Онъ музыкантамъ Посольства не только не позволилъ занять, назначенную на одномъ дворѣ съ нимъ, квартиру, но, выгнавъ ихъ вонъ, осмѣлился одному дать два удара саблею. Я послалъ просить Аббасъ-Мирзу объ удовлетвореніи и сказать, что подобной наглости снести я не долженъ. Онъ тотчасъ прислалъ чиновника увѣрить меня, что онъ наказанъ будетъ; но когда потребовалъ я, чтобы со стороны моей былъ тому свидѣтель, то легко было примѣтить, что намѣрены были меня обма-

нуть. Адъютанту моему, посланному съ 6 человѣками гренадеръ, приказано было взять Француза подъ караулъ. Въ квартирѣ его не было, но, дождавшись Г. Мерше, спрошено у него было, какъ смѣлъ онъ сдѣлать такой поступокъ? Онъ хотѣлъ продолжать дерзости, но тотъ самый музыкантъ, котораго онъ оскорбилъ, сшибъ его съ ногъ ловкимъ ударомъ и его, разложа, наказали плетьми. Мнѣ принесена была сабля его, которую, отославъ Наслѣднику, объяснилъ я при томъ, что мнѣ пріятно надѣяться, что подобный негодяй въ службѣ его терпимъ не будетъ. Отвѣтъ данъ былъ, что онъ изгнанъ будетъ изъ города, саблю, однако же, не приняли, ибо Аббасъ-Мирза, предупрежденъ будучи, спасся въ своемъ гаремѣ, чтобы не допустить моего посланнаго.

На другой день дана была мнѣ аудіенція, и я увидѣлъ дѣйствіе Шахскаго фермана, ибо не было предложено мнѣ ни какихъ условій о церемоніялѣ. Я и чиновники Посольства введены были въ комнату, и мнѣ готовы были кресла. Для поднесенія подарковъ Государя Императора имѣлъ я другое свиданіе, въ коемъ вѣжливости и привѣтствія расточаемы были безъ пощады. Вскорѣ послѣ сего приглашенъ я былъ къ Аббасъ-Мирзѣ послѣ обѣда; разговоръ былъ продолжительный о разныхъ предметахъ, и коснулся требованія моего о возвращеніи плѣнныхъ и бѣглыхъ, съ предупрежденіемъ, что я не долженъ досадовать, если многіе изъ нихъ не объявятъ согласія возвратиться. Онъ говорилъ, что ему гораздо прискорбнѣе видѣть въ рукахъ нашихъ цѣлыя области, Персіи принадлежащія, но онъ и на то не жалуется. Я весьма учтиво отвѣчалъ, что когда Е. В. Шахъ разсудилъ за благо не требовать сихъ областей, уважая добрую дружбу и благорасположеніе Государя Императора, то уже намъ обоимъ не приличествуетъ ни какое о томъ сужденіе. Я присоединилъ, что принадлежность Персіи областей опровергается тѣмъ, что онѣ всегда признавали себя независимыми, и что, не будучи покоренными Россійскимъ оружіемъ, добровольно прибѣгли подъ покровительство Императора. Если бы покорствовали они Персіи, могли ли бы онѣ по произволу своему располагать собою? «Если Ваше Высочество, сказалъ я ему, почитаете ихъ по тому принадлежащими, что Шахъ Надиръ вносилъ въ нихъ оружіе, то не всегда земли, въ продолженіи войны, временно занимаемыя войсками, на-

всегда остаются покоренными, и сему тотъ же Шахъ Надиръ можетъ служить примѣромъ, ибо когда оставилъ онъ часть войскъ своихъ въ Дагестанѣ и удалился съ главными силами, то жители тѣхъ странъ, не желая покорствовать власти его, напали на оставленныя имъ войска и ихъ истребили. Обратимся еще къ ближайшимъ временамъ, присовокупилъ я: Ага-Мегмедъ-Ханъ, дядя вашъ, какимъ образомъ осаждалъ Шушу, собственную крѣпость? ибо Вы считаете Ханство Карабагское вамъ принадлежащимъ, и какъ подвластный Ханъ защищался противъ своего Государя?» Онъ отвѣчалъ мнѣ, что имѣющіяся грамоты въ Ханствахъ, данныя Шахами, и Персидская монета могутъ служить доказательствомъ, что Персія простирала владычество свое на сіи земли. Я возразилъ, что грамоты не могутъ быть доказательствомъ, особенно въ то время данныя, когда боязнь и страхъ выпрашивали оныя у власти насильственной и беззаконной, и что монету съ Персидскою надписью бьютъ и теперь такія области, которыя Персіи не принадлежатъ.

Аббасъ-Мирза сказалъ мнѣ, что онъ, конечно, лучше знаетъ исторію своей земли, нежели я; я отвѣчалъ, что я не смѣю спорить о томъ, но что я не хуже знаю исторію тѣхъ странъ, которыхъ Персія въ себѣ не заключала, какъ, на примѣръ, Адербиджанской области и самаго Тавриза, въ которомъ Вы теперь находитесь. Шахъ Аббасъ Великій взялъ его отъ Турокъ, присоединилъ къ Персіи и умѣлъ удержать во власти, но въ то же время трудно согласить меня, что Авганцы и Индія должны принадлежать Персіи, по тому что Шахъ Надиръ былъ тамъ съ войсками, точно какъ былъ въ Карабагѣ, Дагестанѣ и Ширвани. Внутреннія безпокойства Персіи не допустили сохранить завоеваній, и народы, уразумѣвшіе возможность возвратить потерянную независимость, воспользовались обстоятельствами и возстали противъ насилія и угнетеній, и Россія въ послѣдствіи приняла ихъ подъ покровительство уже свободными. Они клялись въ вѣрности Государю, который подданныхъ своихъ не оставлялъ безъ защиты. Непріятенъ былъ разговоръ Аббасъ-Мирзѣ, и онъ, стараясь доказать мнѣ, что я несправедливо разсуждаю, началъ возраженія свои сопровождать нѣкоторою горячностію. Замѣтивъ ему, что можно оставить разговоръ сей, я подтвердилъ, что правую сторону привыкъ защи-

щать смѣло, и что если здѣсь не въ обыкновеніи разсуждать свободно, то я еще не успѣлъ сдѣлать къ тому привычки. Онъ говорилъ мнѣ, что должность мою, какъ Посла, не полагаетъ онъ въ томъ, чтобы упрекать имъ въ присвоеніи власти и оспаривать права ихъ. Должность моя, отвѣчалъ я, не можетъ и въ томъ заключаться, чтобы принадлежащее намъ по всѣмъ правамъ согласиться принять отъ нихъ, въ видѣ снисхожденія. За симъ разговоръ былъ о Правительствахъ, и онъ въ преимущественномъ видѣ представлялъ Персидское. Сколько хладнокровно ни старался я разсуждать, не могъ, однако же, сдѣлать возраженія безъ нѣкоторыхъ щекотливыхъ доказательствъ. Онъ увѣрялъ меня, что если бы отдать на произволъ жителямъ областей нашихъ переселиться въ Персію, то перешла бы большая часть ихъ охотно, ибо образъ правленія нашего не сходствуетъ съ нравами ихъ и ихъ ожесточаетъ. Я видѣлъ, что сужденіе сіе сообщено ему Каймакамомъ, Мирзою Бюзюркомъ, который съ самаго ребячества воспитывая его, и доселѣ сохранилъ надъ нимъ власть, и какъ онъ самъ тутъ присутствовалъ, я съ намѣреніемъ началъ отвѣчать нѣсколько колкимъ образомъ: «Жалѣю, Ваше Высочество, что сообщено Вамъ ложное понятіе о Русскомъ Правленіи; оно не можетъ быть Вашимъ собственнымъ, но, конечно, принадлежитъ кому ни будь изъ величайшихъ невѣждъ. Не позволяю себѣ осуждать Персидское Правительство, но думаю, что и нашему нельзя отнести въ порокъ то, на примѣръ, что никто не можетъ лишить другаго чести, ибо законы связуютъ своеволіе каждаго, тогда какъ вы и честь отъемлете, и жизни лишаете по произволу. У насъ собственность каждаго ограждена, и никто коснуться ея не смѣетъ, буде законы не допускаютъ. У васъ нѣтъ собственности, ибо имущество каждаго принадлежитъ Вамъ, лишь бы на то была воля Ваша, хотя бы, впрочемъ, самая неосновательная и пристрастная. У насъ нельзя тронуть волоса. У васъ избавляется одинъ сильный, котораго оскорбить опасно. Я не думаю, чтобы неограниченное самовластіе могло быть привлекательнымъ, и не слыхалъ, чтобы оно было залогомъ выгодъ народа.» Съ жаромъ продолжался разговоръ нашъ, и мы разстались, надувшись одинъ на другаго.

На другой день Приставъ при Посольствѣ (Мегмендарь) предупредилъ меня, что Аббасъ-Мирза желаетъ звать меня обѣдать.

Я зналъ этикетъ Персидскій, что какъ Шахъ, такъ и сыновья его всегда обѣдаютъ одни, а всѣ прочіе особенно. Поблагодаря за приглашеніе, я объяснился, что мнѣ, какъ Послу, неприлично быть призвану для накормленія, тогда какъ Аббасъ-Мирза не будетъ за столомъ вмѣстѣ со мною. Меня хотѣли убѣдить тѣмъ, что всѣ до меня то дѣлали, но я не согласился. Аббасъ Мирза, угождая мнѣ, изобрѣлъ новое средство. Въ обѣденное время позванъ я былъ въ загородный его домъ съ моею свитою, гдѣ мы нашли его, занимающагося устройствомъ сада. Короткое время походя съ нами, онъ пригласилъ меня и обоихъ Совѣтниковъ Посольства въ бесѣдку, будто имѣя нѣчто говорить со мною, поручивъ одному изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ заниматься съ другими, дабы не было имъ скучно. Разговоръ со мною начался объясненіемъ о спорѣ между нами вчерашняго дня: онъ извинялся, что говорилъ съ нѣкоторою горячностію и дѣлалъ, можетъ быть, непріятныя мнѣ возраженія. Я отвѣчалъ ему, что прошу извиненія, если не умѣста былъ чистосердеченъ и не умѣлъ въ разсужденіяхъ моихъ забыть того, что я Посолъ Россійскаго Императора. Онъ признался, что его тронуло сдѣланное мною замѣчаніе, что и самый Тавризъ не есть древняя принадлежность Персіи, но пріобрѣтеніе, полученное отъ Турокъ. «Послѣ того, говорилъ онъ, какъ Посолъ сильнаго Государя разсуждаетъ такимъ образомъ, то я въ столицѣ моей не долженъ почитать себя въ безопасности.»— «Мнѣ легко отвѣчать на сіе Вашему Высочеству и оправдаться совершенно. Если можно винить Государство въ завоеваніяхъ, имъ сдѣланныхъ, то ни которому столько упрекать нельзя оными, какъ Россіи. Покореніе Персіею Адербиджанской области не иначе относиться должно, какъ къ славѣ ея.» Въ продолженіи разговора мы оба сидѣли въ креслахъ. Послѣ сего предъ нимъ и мною поставлены были столы и закуски. Это былъ первый примѣръ, что сынъ Шахскій и, что болѣе, Наслѣдникъ, обѣдалъ въ одной комнатѣ и въ одно время съ кѣмъ либо, особенно съ иностранцемъ. Конечно, сіе было знакомъ отличнаго уваженія, но не менѣе удивленъ я былъ, когда, вставъ изъ за стола, говорилъ онъ слишкомъ часъ, безъ соблюденія всякой церемоніи, и, въ доказательство, что между нами не должно быть неудовольствія, но искренняя дружба, онъ подалъ мнѣ руку и мою пожалъ пріятельски. Сей родъ вѣжливости со стороны Аббасъ-Мирзы былъ свыше всякаго

ожиданія. Чиновники Посольства были угащиваемы въ саду особенно.

Во время пребыванія моего въ Тавризѣ показывали мнѣ ученье пѣхотнаго баталіона. Я удивленъ былъ хорошимъ видомъ людей, скорымъ заряженіемъ ружья и точностію въ построеніяхъ. Вообще таковъ былъ баталіонъ, каковыхъ нѣтъ ни одного у меня въ Грузіи. Я долженъ былъ сдѣлать заключеніе, что подобные ему баталіоны могутъ быть и многіе другіе. Обучавшему баталіонъ, Англійскому Капитану, сказалъ я справедливое привѣтствіе, что, видѣвши въ Парижѣ Англійскую армію, я не видалъ полковъ, столько хорошо выученныхъ. Аббасъ-Мирза былъ въ восхищеніи и торжествовалъ, какъ образователь регулярныхъ войскъ въ Персіи. Столько же хорошимъ нашелъ я ученье артиллеріи, которую Аббасъ-Мирза мнѣ показывалъ. Проворство найболѣе обратило вниманія, и я замѣтилъ, что въ артиллерію люди выбираемы лучшіе. По окончаніи ученья, онъ пригласилъ меня осмотрѣть орудія и спрашивалъ, не нужно ли сдѣлать въ нихъ перемѣны для усовершенствованія? Артиллерія въ образѣ и уставѣ своемъ совершенно Англійская. Первыя орудія для образца были привезены изъ Индіи, но теперь отливаютъ въ Тавризѣ довольно хорошія. Основаніе литейнаго завода сдѣлано Французами, когда присланъ былъ Наполеономъ Генералъ Гарданъ, но оный распространенъ и усовершенствованъ Англичанами. Построеніе лафетовъ и всего, принадлежащаго къ артиллеріи, производится съ довольнымъ искуствомъ. Мастеровые всякаго рода обучаемы были въ Индіи, и артиллерія въ короткое время можетъ быть и многочисленна и въ порядкѣ. Разработывается мѣдная руда хорошаго качества и свинецъ достается въ изобиліи. Учрежденъ ружейный заводъ, но еще въ младенчествѣ. Регулярныхъ войскъ въ распоряженіи собственно Аббасъ-Мирзы не болѣе 15 т. человѣкъ, но формированіе оныхъ продолжается. До сего собираемы были рекруты съ одного осѣдлаго народа, теперь же и самые кочующіе давать оныхъ не отказываются. Персіяне, съ ребячества безпрерывно будучи на конѣ и много упражняясь въ стрѣляніи изъ ружья, поступаютъ въ службу хорошими уже стрѣлками и готовыми въ конницу. Къ перенесенію трудовъ способны, въ пищѣ воздержны удивительно, къ быстрымъ движеніямъ сродны и

неутомимы. Я могъ сіе замѣтить, когда чиновникамъ Посольства давались обытельскія лошади, то хозяева оныхъ, не смотря иногда на жаркое время и даже на переходъ болѣе 30 верстъ, дабы получить лошадей, прихаживали въ одно время. Я видалъ часто бѣгущихъ скорою рысью не менѣе двухъ верстъ и съ ношею, которая не легче вооруженія нашего солдата. Послѣ таковаго движенія пища ихъ состоитъ изъ небольшаго куска черстваго и весьма невкуснаго хлѣба, арбуза, дыни, или горсти пшена, свареннаго въ водѣ, которое всегда имѣютъ при себѣ. Сонъ, къ которому они весьма наклонны, вѣроятно, возобновляетъ силы ихъ послѣ трудовъ, ибо, при самыхъ обыкновенныхъ, спятъ они чрезвычайно много.

Введеніе регулярныхъ войскъ въ Турціи всегда сопровождаемо было ропотомъ и даже возмущеніями. Тотъ же Магометанскій законъ въ Персіи, и непримѣтно, чтобы производило оно большое неудовольствіе. Стоило только сказать, что войска надобны необходимо, и тому всѣ повѣрили безъ размышленія; стоило указать на Русскихъ, что противостать имъ сіе средство есть единственное, и желаніе оградить себя отъ нихъ склонило къ согласію безусловному. Надѣтъ одинаковый мундиръ по образу Европейскому, выбрита борода, и нѣтъ негодованія. Русскіе нѣкогда не такъ легко разстались съ бородами. Въ Персіи коснулась ихъ рука и не великаго человѣка, но ихъ какъ будто отъ природы не бывало!

Аббасъ-Мирза постигаетъ небходимость въ ученыхъ Офицерахъ, и по тому нѣсколько молодыхъ людей знатнѣйшаго рода обучаетъ онъ въ Англіи на собственномъ иждивеніи. Какое истолкованіе дадутъ Европейскія Державы старанію ихъ образовать военныхъ людей въ Персіи? Сосѣди не должны взирать съ равнодушіемъ на сіи предпріятія, паче извѣдавъ въ народѣ отличную способность къ подражанію. Развѣ умедлитъ успѣхи просвѣщенія закоснѣлость людей знатнѣйшаго состоянія, которые страшатся, чтобы достоинства не похитили нѣчто отъ преимуществъ, породѣ принадлежащихъ—причина, порождающая одинаковую боязнь въ знатныхъ всего мира. Еще немало препятствовать будутъ обстоятельства отдаванія образованія Персіянъ въ руки Англичанамъ, которыхъ сухой и холодный характеръ изъ пламеннаго свойства Пер-

сіянъ не удобенъ извлекать всѣхъ возможныхъ средствъ. Грубое ихъ обращеніе мертвитъ добрую волю Персіянъ, малое снисхожденіе къ ихъ недостаткамъ порождаетъ злобу. Если бы Французы были въ Персіи столько времени, какъ Англичане, съ искуствомъ ихъ возжигать честолюбіе, давать наклонностямъ согласное съ намѣреніемъ направленіе, вдохнуть обольщающую надежду и въ блескѣ приманчивомъ показать предметы, возбуждающіе къ усиліямъ, Персіяне были бы давно на себя не похожи. Какимъ быстрымъ ходомъ приблизили бы они войска къ усовершенствованію; съ какимъ удобствомъ сообщили бы военныя знанія простѣйшими правилами, изъ обширной опытности извлеченными! Персіянъ надо увлекать обольщеніемъ, лаская страсти ихъ, льстя самолюбію. Французы были короткое время въ Персіи, и оставили послѣ себя пріятнѣйшія воспоминанія. Англичане большими деньгами перекупили расположеніе къ себѣ Персидскихъ Министровъ, но въ мнѣніи ихъ о достоинствахъ далеко остались назади отъ соперниковъ. Изъ разговоровъ моихъ съ Верховнымъ Визиремъ и съ нѣкоторыми другими осмѣливаюсь я судить такимъ образомъ. Визирь признался, что чрезъ него производились дѣла какъ Французовъ, равно и Англичанъ, и что сіи послѣдніе, рукою щедрою разсыпавъ золото, наклонили въ свою пользу. Старикъ въ восемьдесятъ лѣтъ честь свою боялся унести въ гробъ, и предъ смертію въ ней сторговался. Французамъ казалось неблагоразумнымъ платить дорого за такую честь, какова была Мирзы Шефи, имъ недостало купеческой расчетливости. Вотъ средства, которыми Англичане снискиваютъ большое къ себѣ уваженіе Персіи, и гнусная скудость Шаха еще болѣе возвышаетъ оное, ибо онъ домогается продолженія тѣхъ же субсидій, которыя получилъ во время войны съ нами, но едва ли не кончится одною надеждою. Кажется, однако же, что Шахъ замѣчаетъ, что онъ обольщаемъ и, конечно, связь его не была бы уже столько тѣсною, но любимый сынъ, Аббасъ-Мирза, удерживаетъ ихъ, какъ людей, для войскъ его необходимыхъ. Англичане, конечно, не ожидали найти такую страну свѣта, гдѣ бы могли они распространить монополію и на самое военное искуство, искуство, превосхотва въ которомъ никто въ нихъ доселѣ не признавалъ. Кто бы думать могъ, что я имъ въ томъ способствовалъ? Какой геній покровитель Англіи устремилъ плети на Француза Мерше? Онъ судьбою предназначенъ былъ смирить

гордость ихъ и явить предъ лицемъ Персіи превосходство свое въ знаніи военномъ. Уже возрасталала довѣренность къ нему Аббасъ-Мирзы, трепетали Англичане и въ отчаяніи ожидали своего паденія. Полковникъ Мерше, по увѣренію Англичанъ, былъ не что иное, какъ бѣглый Французскій солдатъ, носящій ложную фамилію, а я почитаю его тѣмъ опаснѣйшимъ, что и таковымъ будучи, онъ затмѣвалъ ихъ своими достоинствами. Ему поручена была бригада, и онъ, взявъ преимущество, давалъ уже покровительство иноземцамъ. Помощникомъ его былъ бѣглый нашъ Армянинъ изъ Карабага, который, по чернымъ и курчавымъ волосамъ и по смуглому цвѣту лица, былъ поддѣланъ подъ мамелюка и состоялъ въ числѣ оныхъ при Наполеонѣ. Оба сіи герои, счастливые соперники Англичанъ, сраженные плетьми, должны были оставить неблагодарную Персію и нести просвѣщеніе въ другую страну міра.

И такъ возвратимся къ Персидскимъ войскамъ. Аббасъ-Мирза формируетъ также регулярную конницу. Уподобить ее ни чему не возможно, ибо и Папскія войска въ сравненіи—совершенство. Представьте людей, которые, пріобыкши къ хорошему и мѣткому ружью, замѣнили его бракованнымъ Англійскимъ карабиномъ, вмѣсто сабли лучшаго несравненно желѣза, прицѣпили Англійскую драгунскую саблю въ желѣзныхъ ножнахъ, для того, кажется, чтобы познакомиться съ безпрерывною ржавчиною. Командующій сею конницею Англичанинъ не могъ показать мнѣ оной, отзываясь, что люди недовольно хорошо ѣздятъ и лошади еще не выучены. Хотѣлъ бы я посмотрѣть правила манежа, которыя преподаетъ Англичанинъ. Надобно жалѣть о Персіянахъ, если искуство то же, какое видалъ я на гуляньѣ въ Екатерингофѣ. Меня не удивила и кавалерія Англійская, которую я тоже видѣлъ. Аббасъ-Мирза не хвасталъ мнѣ сею чудесною кавалеріею, но я, какъ добрый союзникъ, вызвался самъ сказать, что она нужна необходимо и что ею только распространяются пріобрѣтаемыя побѣдою выгоды; кажется, однако же, что онъ не принялъ сего за истину.

Дѣла, о которыхъ долженъ я былъ разсуждать съ Каймакамомъ, шли своимъ порядкомъ. Условились о времени для начертанія границъ между обѣими Державами, и все между нами происходило самымъ пріятельскимъ образомъ; но когда коснулось до возвра-

щенія плѣнныхъ и тѣхъ изъ нашихъ дезертировъ, которые сами того пожелаютъ, Каймакамъ, слывущій праведникомъ, славящійся святостію житія своего, началъ употреблять всѣ мошенничества и обманы. Я объяснилъ ему, что сколько ни почитается онъ за мудраго, но въ дѣлѣ столько яснымъ, одинъ онъ думать въ состояніи, что обмануть возможно. Онъ прибѣгалъ къ божбѣ и клялся Алкораномъ. «Разсказывайте то ребятамъ, говорилъ я ему. Не ужь ли не вижу я, что столько же трудно Вамъ произнести клятву, сколько для меня понюхать табаку? Не уже ли возможнымъ почитаете Вы скрыть злодѣйскіе и подлые поступки съ Русскими плѣнными? Не теперь ли еще удерживаете Вы насильственно тѣхъ, которые желаютъ возвратиться? Не заключаете развѣ ихъ въ темницы, боясь, чтобы не объявили они мнѣ о своемъ желаніи? Не дерзайте произнести слова: ибо сегодня одинъ изъ таковыхъ несчастныхъ всполошилъ сторожей, бросившись съ крышки къ стоящему у обоза Русскому караулу. Онъ въ моихъ рукахъ, и я, подъ присягою снявъ съ него показаніе, напечатаю ко всеобщему свѣдѣнію о безчестномъ Вашемъ поведеніи. Если въ первый разъ въ жизни Вашей слышите человѣка, говорящаго Вамъ и о Васъ самихъ правду, и она непріятна, испытайте заставить меня замолчать. Насъ здѣсь двѣсти человѣкъ, среди столицы Наслѣдника и войскъ Вашихъ. Прибавьте къ нимъ еще сто баталіоновъ, и я Васъ не болѣе уважать буду. Предупредите Вашего Наслѣдника, что если во Дворцѣ, въ числѣ тѣлохранителей его, узнаю Русскаго солдата, не взирая на его присутствіе, я вырву его у Васъ.» Каймакамъ былъ въ величайшемъ замѣшательствѣ, отъ того болѣе, что было нѣсколько свидѣтелей, какъ обходятся съ вельможею, котораго всѣ трепещутъ. Онъ упрекалъ меня, что я поступаю насильственно и не хочу выслушать его оправданій. Я рѣшился слушать, но, какъ онъ, по обыкновенію своему, началъ отъ сотворенія міра, то я посовѣтовалъ ему оставить пустые разсказы и говорить дѣло, буде можетъ, или, по крайней мѣрѣ, отвѣчать на вопросы. Опять была ужасная схватка, и я совершенно его уничтожилъ. Я спросилъ его, что ихъ привязываетъ столько къ нашимъ бѣглымъ? Онъ отвѣчалъ, что Аббасъ-Мирза имѣетъ къ нимъ большую довѣренность, составилъ изъ нихъ внутреннюю свою стражу и ввѣрилъ имъ свою особу. «Слѣдовательно, сказалъ я ему, недостаетъ только того, чтобы отличная сія гвардія проложила

ему путь къ престолу Персидскому, что я, какъ добрый союзникъ, весьма желаю. Я надѣюсь, Господинъ Каймакамъ, что Вы согласитесь съ тѣмъ, что о подобныхъ происшествіяхъ, во всякомъ случаѣ, необходимо знать Главнокомандующему въ Грузіи, какъ близкому сосѣду.» Прекративши разговоръ, я съ нимъ разстался.

Еще было въ такомъ же родѣ дружеское свиданіе.

19. Имѣлъ я прощальную аудіенцію у Аббасъ-Мирзы, и вмѣстѣ со мною были многіе изъ чиновниковъ. Всѣ вообще приняты были съ возможною вѣжливостію. Онъ говорилъ мнѣ объ увѣренности, что я остаюсь всѣмъ доволенъ; конечно, не увожу съ собою ни малѣйшей непріятности; присоединилъ, что Каймакамъ донесъ ему о согласіи моемъ оставить чиновника для отобранія показанія отъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, желающихъ возвратиться. Увѣренія въ искренности были взаимныя и, кажется, сей трактатъ нѣжности и дружбы обязались мы хранить безъ измѣненія и въ будущей жизни. Съ Персіянами къ подобнымъ условіямъ надо приступать безъ затрудненія и страшиться будущей жизни не должно, ибо рѣдкій изъ Персіянъ не попытается слѣдовать въ жизни настоящей. Всегда безтрепетно призывалъ я во свидѣтели Великаго Пророка Магомета, и списки вал къ обѣщаніямъ моимъ довѣренность. Я увѣрилъ, что предки мои были Татары и весьма не давно еще ближайшіе изъ родныхъ моихъ перемѣнили законъ. Я выдалъ себя за потомка Чингизъ-Хана и, не рѣдко разсуждая съ ними о превратности судьбы, удивлялъ ихъ замѣчаніемъ моимъ, что въ той самой странѣ, гдѣ владычествовали мои предки, гдѣ все покорствовало страшному ихъ оружію, я нахожусь Посломъ, утверждающимъ миръ и дружбу, Посломъ народа, побѣдившаго насъ. О семъ доведено до свѣдѣнія Шаха, и онъ съ уваженіемъ смотрѣлъ на потомка столь ужаснаго завоевателя. Доказательствомъ неоспоримымъ происхожденія моего служилъ, бывшій въ числѣ чиновниковъ Посольства, двоюродный братъ мой, Полковникъ Ермоловъ, которому, къ счастію моему, природа дала черные, подслѣповатые глаза и, выдвинувъ впередъ скуластыя щеки, расширила лицо на подобіе Калмыцкаго. Шаху донесено было о сихъ явныхъ признакахъ моей породы, и онъ приказалъ показать себѣ моего брата. Я видѣлъ, что мнѣ легко было быть потомкомъ даже Та-

мерлана. Одинъ изъ вельможей спросилъ у меня, сохранилъ ли я родословную; рѣшительный отвѣтъ, что она хранится у старшаго фамиліи нашей, утвердилъ навсегда принадлежность мою Чингизъ-Хану. Я однажды сказалъ, что могу отыскивать Персидскій престолъ, но замѣтилъ, что Персіяне не любятъ забавляться подобными шутками. Въ народѣ, столько легковѣрномъ и частыми перемѣнами пріобыкшемъ къ непостоянству, шутка сія можетъ имѣть важныя слѣдствія. Въ случаѣ войны, потомокъ Чингизъ-Хана, самъ начальствующій непобѣдимыми Россійскими войсками, будетъ имѣть великое на народъ вліяніе.

Простясь съ Аббасъ-Мирзою и пріуготовивъ все къ отъѣзду будущаго дня, оставалось мнѣ въ послѣдній разъ видѣться съ Каймакамомъ.

20. Поутру я былъ у него, и когда требовалъ онъ, чтобы оставилъ я чиновника, для спроса плѣнныхъ о желаніи ихъ возвратиться, я отказалъ въ томъ; ибо въ ту самую ночь, боясь, чтобы Русскіе солдаты, знавъ о выѣздѣ моемъ, ко мнѣ не явились, не только посадили ихъ подъ стражу, но нѣкоторымъ даже набили на ноги колодки. Представивши всю гнусность сего поступка, разругавши Каймакама, какъ человѣка безчестнаго, хотѣлъ я только отправиться въ путь, какъ Аббасъ-Мирза пригласилъ меня къ себѣ, вѣроятно, узнавши о томъ, что у меня съ Каймакамомъ происходило. Я извинился, что, будучи одѣтъ по дорожному, я не смѣю къ нему представиться, и что уже съ самаго утра отправилъ я свои экипажи. Каймакамъ старался меня увѣрить, что все будетъ сдѣлано въ мое угожденіе, что я не буду имѣть причины роптать, и что онъ, для оправданія своего, проситъ, чтобы я оставилъ чиновника. Я отвѣчалъ, что обманутъ быть не хочу и жалѣю, что прежде позволялъ столько нагло себя обманывать.

Только выѣхалъ я за городъ, Англійскій Повѣренный въ дѣлахъ и всѣ Офицеры съѣхались проводить меня, и я простился съ ними самымъ пріятельскимъ образомъ.

День выѣзда изъ Тавриза былъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни: я желалъ его съ нетерпѣніемъ; ибо смертельно наскучило мнѣ безпрерывное притворство, одинъ и тѣ же увѣренія въ дружбѣ людей, очевидно желающихъ намъ зла и которые

скрыть не могутъ своей къ намъ ненависти; безконечныя повторенія самыхъ мучительныхъ привѣтствій, которыя по всему Государству какъ будто отданы при паролѣ, утомили меня до крайности. Вырвался я наконецъ изъ сего ненавистнаго мѣста, которое не иначе соглашусь я увидѣть, развѣ съ оружіемъ въ рукахъ, для разоренія гнѣзда всѣхъ враждующихъ намъ. Здѣсь пріемлются они съ одобреніемъ и всякое злоумышленіе ихъ противъ насъ вознаграждается, какъ добродѣтель. Здѣсь, въ образѣ Каймакама, предсѣдитъ коварство въ сонмѣ всѣхъ злодѣяній и нечестія, и уста его рекутъ законъ, развязующій на всѣ преступленія. Аббасъ-Мирза образовавшему юность его отдалъ полную власть и, въ простотѣ своей, служитъ орудіемъ злодѣйствъ его. Природа не во всей силѣ дала ему Персидскія наклонности, но, съ ребячества свидѣтелемъ будучи всякаго рода неистовствъ, согласовалъ онъ съ ними свои правила и готовъ на всѣ безчестныя дѣянія.

20. Селеніе Софіянъ. Я пріѣхалъ поздно изъ Тавриза и давно не имѣлъ столько покойной ночи, но весьма обманулся въ надеждѣ на продолженіе спокойствія, ибо на другой день рано прислалъ Аббасъ-Мирза Мегмендаря, Аскаръ-Хана, съ которымъ я простился навсегда въ Тавризѣ, и съ нимъ вмѣстѣ Мирзу, своего Министра Финансовъ, и втораго своего Адъютанта. По обыкновенію прошелъ часъ въ пустыхъ привѣтствіяхъ прежде нежели приступить къ дѣлу, и дѣло сіе заключалось въ томъ, чтобы склонить меня прислать чиновника для спроса плѣнныхъ и бѣглыхъ. Я отказалъ, какъ и прежде, и думалъ, что все кончено; но когда садился на коня, они объявили мнѣ, что имѣютъ еще другія порученія, которыя объяснятъ мнѣ на ночлегѣ. Сколько ни соглашалъ я ихъ объясниться, но они говорили, что не хотятъ умедлять отъѣздъ мой и меня безпокоить; и такъ я пріуготовился къ терпѣнію и поѣхалъ далѣе.

21. Городъ Маранди. Въ слѣдъ за мною пріѣхали посланные и тотъ же день узналъ я, что Аббасъ-Мирза поручилъ имъ убѣдить меня, дабы офиціяльно призналъ его Наслѣдникомъ престола. Разговоръ продолжался нѣсколько часовъ, и со стороны ихъ истощены были всѣ доказательства, что несправедливо отказать въ семъ требованіи; а чтобы рѣшительно наклонить меня, призваны въ помощь цѣлыя тетради писемъ предмѣстника моего.

въ которыхъ, при всемъ возможномъ ласкательствѣ, онъ давалъ Аббасъ-Мирзѣ титулъ Наслѣдника. Сіе обстоятельство наиболѣе поставило меня въ затрудненіе, но отвратила оное послѣдняя грамота Государя, въ коей титула сего написано не было. Основавшись на оной, отклонилъ я офиціяльное признаніе, говоря, что за особенное благоволеніе принимать надлежитъ, что Императоръ не оспариваетъ назначеніе его Наслѣдникомъ, и что, не поступая въ семъ случаѣ вопреки волѣ Шаха, самымъ молчаніемъ о семъ предметѣ доказываетъ свое согласіе. Я увѣрялъ, что Государь столько всегда готовъ оказывать ему благорасположеніе свое, что офиціяльное признаніе умножить его не въ состояніи. Послѣ продолжительнаго разговора, не менѣе, однако же, долженъ я былъ отвѣчать на бумагѣ, ибо Аббасъ-Мирза имѣлъ неосторожность вызвать меня на то письмомъ своимъ. Проводя всю ночь въ сочиненіи отвѣтовъ, поспѣшилъ я выѣхать рано, боясь быть удержаннымъ еще какими ни будь требованіями.

22. Караванъ-Сарай Галагу. Подъѣзжая къ лагерю, увидѣлъ я присланнаго изъ Грузіи Офицера. Доселѣ съ бумагами присылаемы были Татары пограничныхъ нашихъ провинцій, и не обмануло меня предчувствіе, что я долженъ былъ узнать непріятное извѣстіе. Офицеръ привезъ донесеніе о смерти Генералъ-Маіора Кутузова, которому, въ отсутствіе мое, поручилъ я командованіе войсками въ Грузіи. Не могло быть для меня несчастнѣе извѣстія, ибо въ немъ потерялъ я вѣрнаго друга, найлучшаго помощника по службѣ и товарища, съ которымъ вмѣстѣ сдѣлалъ я всѣ послѣднія кампаніи противъ Французовъ. Я былъ въ отчаяніи, ибо зналъ весьма хорошо, что Кутузова не легко замѣнить другимъ.

23. Лагерь на берегу рѣки Аракса.

24. Городъ Нахичеванъ. Здѣсь съ удовольствіемъ увидѣлъ я слѣпаго Хана, ибо онъ одинъ во всей силѣ чувствуетъ гнусность Правленія, которому крайность одна заставляетъ его повиноваться. Онъ имѣетъ твердость смѣло разсуждать о немъ и самимъ Персіянамъ выхвалять преимущества Россійскаго. Онъ, видя уваженіе мое къ несчастному его состоянію, говоритъ мнѣ съ довѣренностію, не скрываетъ сердце его ожесточеніе на злодѣй-

скій съ нимъ поступокъ и скорбитъ, лишенный возможности отмщенія. Ага-Мегмедъ-Ханъ отнялъ у него зрѣніе, и сильная рука его, готовая на пораженіе, блуждая во тьмѣ, не обрѣтаетъ жертвы! Недавно возвращенный въ свое Ханство, заботится онъ о благоустройствѣ его и менѣе прочихъ отягощаетъ подвластныхъ ему, терпѣливо переноситъ недостатки, двадцать до сего лѣтъ перенося самую бѣдность. Къ возвращенію моему спѣшилъ онъ отдѣлать нѣсколько комнатъ въ своемъ домѣ, но не имѣлъ времени. «Здѣсь, говорилъ онъ мнѣ, сидя у окна, восхищался я нѣкогда богатствомъ прекраснѣйшей долины: простирающейся къ Араксу, она покрыта была обширными садами и лѣсомъ, многолюдное населеніе ее оживляло; теперь, сказываютъ мнѣ, обращена она въ пустыню, и нѣтъ слѣдовъ прежняго ея богатства. Мысль о семъ уменьшаетъ горесть, что я лишенъ зрѣнія, и не рѣдко благодарю я судьбу, что закрыла она глаза мои на разоренія земли, которая, въ продолженіи трехъ вѣковъ, блаженствовала подъ управленіемъ моихъ предковъ. Междоусобныя войны и прохожденіе арміи Шаха Надира вносили въ несчастную землю сію опустошеніе, каждый шагъ сего завоевателя ознаменованъ былъ бѣдствіемъ народовъ. Здѣсь не такъ еще давно были и Русскія войска, но они не пролили слезъ въ землѣ нашей, и зломъ не воспоминаютъ о нихъ соотечественники мои. Теперь Вы, Посолъ сильнѣйшаго Государя въ мірѣ, удостоиваете меня Вашей пріязни и, не пренебрегая бѣднаго жилища моего, позволяете принять себя, какъ друга. Не измѣните тѣхъ же чувствъ благорасположенія, Господинъ Посолъ, когда неопредолимыя войска Государя Вашего войдутъ побѣдителями въ страну сію. Хотя приближаюсь я къ старости, но еще не сокрушитъ она силъ моихъ, и послѣдніе дни жизни моей успокою я подъ сильною защитою оружія Вашего. Нѣкое предчувствіе меня въ томъ увѣряетъ; ибо зная Персіянъ, не полагаюсь я на прочность дружбы, которую утвердить Вы столько старались: я не сомнѣваюсь, что или они нарушатъ оную своимъ вѣроломствомъ, или Васъ заставятъ нарушить ее, вызывая къ отмщенію вѣроломства.»

25. Растагъ. Еще разъ видѣлся я съ Ханомъ, и мы простились.

26. Селеніе Юртчи, въ округѣ Шаруль. Большая часть сего округа населена жителями Карабагскаго Ханства, увлеченными

въ плѣнъ, или бѣжавшими изъ онаго. Многіе желаютъ возвратиться, но бдительный за ними надзоръ отнимаетъ возможность.

27. Селеніе Гущи-Демурчи.

28. Селеніе Янгидже.

29. Городъ Эриванъ. Сардаря, начальствующаго въ области, оставили мы въ Тавризѣ, куда потребованъ онъ былъ Аббасъ-Мирзою, для важныхъ порученій. Братъ его находился съ войсками противъ Куртинцевъ, дѣлавшихъ нападеніе на область; всѣ главныя власти были въ отсутствіи и въ городѣ примѣтна была большая свобода. Лагерь нашъ поставленъ былъ въ саду Сардаря, противъ самаго его дома, отдѣленнаго рѣкою. Гаремъ Сардаря обращенъ къ сторонѣ сада. Любопытство видѣть Русскихъ, или рѣдко допускавшаяся свобода смотрѣть въ окна, привлекла къ онымъ всѣхъ обитателей гарема, и мы у видѣли строй женъ и наложницъ различнаго образа и возраста. Близкое разстояніе и пособіе съ обѣихъ сторонъ зрительныхъ трубокъ способствовали обозрѣнію. Глаза наши мало встрѣчали пригожихъ женщинъ: одну замѣтили мы прекрасную, но всегда скучную и задумчивую; казалось, упрекала она судьбу въ похищенной у нея свободѣ, и взоры ея часто спускались къ рѣкѣ, у которой оканчивалась стѣна, нѣсколько саженей отвѣсно возвышающаяся, служащая основаніемъ гарему. Нѣтъ спасенія красавицѣ! Ревность и подозрѣніе поставили жилище ея на скалѣ утесистой, неприступной и жизнь ея должна протечь въ заключеніи. Кто пріемлетъ вздохъ твой, прекрасная? Невнятенъ онъ подругамъ твоимъ, въ которыхъ прелести твои порождаютъ зависть. Онѣ бѣгутъ тебя, и нѣтъ сердца сострадательнаго, раздѣляющаго печаль твою. Ни что, ни самая любовь, не услаждаетъ снѣдающей тебя горести; она далека отъ объятій человѣка, которому предаешься ты изъ одной боязни, избѣгая жестокой казни за непокорность. Можетъ ли сердце твое любить того, кто лишаетъ тебя всѣхъ наслажденій въ жизни?

Между прочими, привлеченными любопытствомъ въ лагерь нашъ, явился главный евнухъ Сардаря, которому ввѣряется присмотръ за гаремомъ. Онъ спрашивалъ многихъ, за чѣмъ смотрятъ

они на женщинъ, и когда сказана ему была самая вразумительная истина, что смотрять для того, чтобы видѣть, онъ удалился, но вскорѣ послѣ закрылись и окошки гарема. Тѣхъ женщинъ, которыя выходили на открытую галерею, видѣли мы, какъ принуждалъ онъ возвратиться, не скоро повинующіяся изъ нихъ испытывали даже палочные удары. Болѣе уваженія оказывалъ онъ красавицѣ, но и ее заставилъ онъ скрыться, и она уже не появлялась. Старыя и безобразныя не обращали его вниманія, но онѣ также не обращали и взоровъ нашихъ. Сіи послѣднія отправляютъ должность и прислужницъ и стражи въ гаремѣ, и за скромность ихъ порукою смерть, если когда, получивъ свободу, не умѣютъ они сохранить оной. По большей, однако же, части онѣ жизнь свою оканчиваютъ въ гаремѣ, вѣроятно, дабы удобнѣе сохранить тайну. Въ стражу сію поступаютъ самыя злѣйшія женщины, какъ будто бы для несчастныхъ, за коими имѣютъ онѣ надзоръ, недовольно одного мученія жить въ вѣчномъ заточеніи.

30. Растагъ.

Октября 1. Селеніе Егавертъ. Жители онаго Армяне, бывшіе въ Грузіи, коимъ позволено возвратиться въ прежніе дома свои. Они не смѣли принять насъ, какъ единовѣрцевъ, давшихъ нѣкогда имъ убѣжище, ибо меня провожали многіе изъ Персидскихъ чиновниковъ, которые не терпятъ въ нихъ привязанности ихъ къ намъ. Здѣсь узналъ я, что завтрешній день Командиръ Тифлискаго полка встрѣтитъ меня съ ротою гренадеръ и пушкою, встрѣтитъ меня, не доходя границъ нашихъ. Я нетерпѣливо желалъ видѣть товарищей моихъ, отъ которыхъ хотя только полгода былъ я въ отсутствіи, но время казалось мнѣ безконечнымъ.

2. Урочище Башабарань. Граница Россійская къ сторонѣ Персіи. Далеко не доѣзжая, встрѣченъ я былъ командою Донскихъ Казаковъ, высланныхъ для конвоя. Вскорѣ послѣ того усмотрѣли мы на возвышеніи развѣвающееся знамя храбрыхъ войскъ нашихъ. Удовольствіе мое было свыше всякаго выраженія, и теперь не воспоминаю я о томъ равнодушно. Далеки были отъ меня горделивыя помышленія, что я начальствую въ странахъ сихъ, что мнѣ повинуются сіи войска. Я сталъ бы въ рядахъ

сихъ храбрыхъ воиновъ и товарищемъ ихъ нашелъ бы я удовлетвореніе моей гордости. Никогда неразлучно со мною чувство, что я Россіянинъ.

Тебѣ, Персія, не дерзающая расторгнуть оковы поноснѣйшаго рабства, которыя налагаетъ ненасытимая власть, ни какихъ предѣловъ не признающая; гдѣ подлыя народа свойства уничижаютъ достоинство человѣка и отъемлютъ познаніе правъ его; гдѣ нѣтъ законовъ, преграждающихъ своевольство и насиліе; гдѣ обязанности каждаго истолковываются раболѣпнымъ угожденіемъ властителю; гдѣ самая вѣра научаетъ злодѣянію и дѣла добрыя не получаютъ возмездія; тебѣ посвящаю я ненависть мою и, отягчая проклятіемъ, прорицаю паденіе твое!

На Башабарани возвышенное мѣстоположеніе было причиною довольно чувствительной стужи, которая намъ, изнѣженнымъ прекраснымъ климатомъ Персіи, была непріятна.

3. Амамлы, ближайшее къ границѣ селеніе, принадлежащее Россіи.

4.
5. } Селеніе Каракилисса.

6. Лагерь на берегу Каменной рѣчки.

7. Лагерь при Акъ-Керпи.

8. Селеніе Эмиръ-Айвазло.

9. Селеніе Саганлугъ.

10. Городъ Тифлисъ. Въ то самое число возвратился я изъ Персіи, въ которое прошедшаго года пріѣхалъ я изъ Петербурга. Съ какихъ противоположныхъ странъ! Въ какое непродолжительное время! Здѣсь нашелъ я бездну дѣлъ, и нѣтъ время помышлять о семъ журналѣ. Оканчиваю мои записки, которыя писалъ я для того, чтобы прочесть ихъ, какъ шутку, друзьямъ моимъ, или въ послѣдствіи привести на память происшествія, которыхъ странность всегда дѣлать будетъ любопытными.

Рѣчь, говоренная Шаху при первой аудіенціи.

«Императоръ Всероссійскій, Великій Государь мой, равно постоянный въ правилахъ своихъ и чувствахъ, уважая отличныя качества Вашего Величества и любя славу Вашу, желаетъ твердаго и всегдашняго мира съ Персіею.

Государь Императоръ удостоилъ меня порученія представить предъ Ваше Величество его желаніе. Въ искренности его, предъ лицемъ Персіи, призываю я Бога во свидѣтели!

Себя почту тогда совершенно счастливымъ, когда удостоюсь высокаго благоволенія Вашего Величества.»

Рѣчь, говоренная Шаху при отпускной аудіенціи.

«Съ первымъ шагомъ моимъ на землю Персидскую принесъ я въ душѣ моей почтеніе къ знаменитымъ дѣламъ и славѣ Вашего Величества, и сіе чувство почерпнулъ я въ истинной дружбѣ и уваженіи, которое Великій Государь мой сохраняетъ къ особѣ Вашей. Нынѣ, имѣвъ счастіе познать лично высокія добродѣтели Вашего Величества, возвращаюсь я, исполненный удивленія. И благополучно утвержденный миръ, и милостивый благосклонный пріемъ, котораго удостоились Россіяне, будутъ новымъ поводомъ дружбы и большей привязанности Великаго Государя ихъ къ Великому Обладателю Персіи. Молю Бога, да продолжитъ доброе согласіе для блага обоихъ народовъ!

Благополучное царствованіе и слава Вашего Величества есть желаніе сердца каждаго Россіянина!»

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

ОБРЯДНЫЯ ПѢСЬНИ

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ЗБРУЧА,

ВЪ СЕЛАХЪ ДУБКОВЦАХЪ, РОШТОВЦАХЪ И СОРОКѢ,

СОБРАННЫЯ

Игн. Галькомъ.

РУССКОЕ ВЕСЁЛЬЕ.

Высмотрѣвши себѣ дѣвушку, парубокъ посылаетъ къ роднымъ ея кого либо узнать о томъ, угодно ли будетъ имъ выдать ее за него, что называется: «послати людей; послати до неи». Если предложеніе его имъ пріятно, то отвѣчаютъ: «Прійдѣть, прійдѣть: Яко-сь то буде»; а если неугодно: «Нехай вамъ Богъ дае зъ инои стороны, а намъ зъ инои,» или тому подобное. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е., когда парубокъ получитъ отказъ, или какъ говорятъ тамъ: «макогонъ оближе», молодежь ставитъ огромный соломенный макогонъ на корчмѣ, говоря: «Не въ свое вдався». Если же предложеніе принято то парубокъ, захвативъ кварту горѣлки въ кишеню (карманъ), отправляется въ сумерки съ старостою въ домъ дѣвушки за собственнымъ словомъ, которое слѣдуетъ запить могоричемъ. Это называется Словины.

Весёлье (свадьбу) охотнѣе всего назначаютъ въ недѣлю (воскресенье). Въ четвертокъ передъ недѣлей сговоренная дѣвушка, которая съ того времени называется уже княгиней, одѣвается по праздничнему, украшаетъ голову цвѣтами и лентами, которыя распускаетъ по плечамъ, выбираетъ себѣ дружку и поддружку, отправляется съ ними за барвѣнкомъ на вѣнки и, собравши его, сколько нужно, приглашаетъ прочихъ дѣвушекъ на вѣнкоплетины, что дѣлается вечеркомъ. Сюда приходитъ и женихъ, также называемый съ тѣхъ поръ княземъ, съ дружкою и поддружкою и музыкою.

Вѣнокъ для княгини плетется на коленцѣ зъ прядива, а для князя тоже на ней, или же на соломенной плетенкѣ, употребляемой на капелюхи (лѣтнія шляпы), и вышивается листочками барвѣнка.

Княгиня при вѣнкоплетинахъ, усадивъ дѣвушекъ вокругъ стола, сама удаляется куда ни будь въ сторону, а князь садится съ дружбами и музыкантами у порога. Дружка, взявъ косинку для вѣнка и вѣточку барвѣнку, разбросаннаго по столу, «благословится до отця и до матери», т. е., три раза говоритъ: «Прошу, Пане Отче, поблагословити!» На что отецъ отвѣчаетъ тоже трикратно: «Нехай Богъ благословитъ!» Точно то же самое говоритъ и къ матери: «Прошу, Пани Матко благословити!» которая благословитъ, какъ и Отецъ. Послѣ того дружка привязываетъ вѣточку барвѣнка, употребленную при благословеніи, къ косинкѣ и ставитъ такъ начатой вѣнокъ на столъ, который дѣвушки доплетаютъ, распѣвая слѣдующія пѣсни:

1.

Благослови, Боженьку,
Благослови, Боженьку,
Та й ты, рôдный батеньку,
Своему дитятку 2.
Вѣночокъ сплѣтати!

Благослови, Боженьку 2.
Та й ты, рôдна матîнько,
Своему дитятку, и проч.

Благослови, Боженьку,
И ты, рôдный батеньку,
Та й ты, Божая Мати,
Будешъ намъ помагати
Вѣночокъ сплѣтати.

2.

Зъ зимы на весну походитъ,
Иванё городець городитъ,
До него Мариня выходитъ:
«Городи, Иваню, городець,
Будемо садили барвѣнець,
То тобѣ, то менѣ на вѣнець!»
Ой скочила Марисенька въ городець,
А за нею Иванё молодець;
Ой скочила Мариня на хвильку,
Нарѣзала запаску барвѣньку,
Тîлько-то ей присѣвку.

3.

Зацвѣли фіялочки, зацвѣли,
Всю гору крутую окрыли,
Ино стеженька маленька,
Куда ходила Марися молоденька,
За нею батенько слѣдою:
«Не ходи, батеньку, за мною,
Не маю я порадоньки съ тобою!»

Зацвѣли фіялочки, зацвѣли,
Всю гору крутую окрыли,
Ино стеженька маленька,
Куда ходила Марися молоденька,
За нею Матѣнка слѣдою, и проч.

Зацвѣли фіялочки, зацвѣли,
Всю гору крутую окрыли,
Ино стеженька маленька,
Куда ходила Марися молоденька,
За нею Иванѣ слѣдою:
«Ходи, ходи Иванѣ, за мною,
Маю я порадоньку съ тобою!»

4.

Війся, вѣночку, гладко, 2
Якъ червоне яблко,
Пôдемо межи люди,
Наша славонька буде.

5.

Где ты, барвѣнку, рôсъ, рôсъ,
Що-сь такій красный вырôсъ?
«Я въ лѣсѣ при керници,
При студенной водици;
Мене вода пôдходила,

Мене вода холодила,
Прійшолъ часъ-годинонька,
Вырѣзала княгинонька,
Молодая Марисенька.»

Доплетая вѣнокъ, поютъ молодой:

6.

Летѣла сорока, чичече,
Сѣла си на столикъ, щебече:
Вплелисьмо вѣночокъ, и вдатный,
«Вже тобѣ, Марисю, остатный.

Ой встань, Марисю, не сиди,
На свôй ся вѣночокъ подиви,
Вплелисьмо вѣночокъ, и вдатный,
Вже тобѣ, Марисю, остатный!

7.

Казалъ есь, батеньку, не дась мя,
А теперь кажешь, ôтдась мя.
На що я вѣночокъ той плела,
Коли въ немъ не буду ходила?
Поставлю въ свѣтлоньцѣ — зôвяне,
Пущу на Дунай — поплыне,
Ой вже мое паненьство загине! —

8.

Ой по горѣ полониченьки:
Мои любы вечерниченьки,
Вже жъ бо ми на васъ не ходитоньки,
Съ панянками не дружитоньки!
Ци я зêлю не вгодила,
Щобъ въ вѣночку не ходила?
Ой вже жъ бо я та й не вгоджу,
Якъ той вѣночокъ сходжу!

9

Спросила Марисенька дѣвочокъ,
Щобы ей вплели вѣночокъ,
А въ суботоньку на хвильку,
А въ недѣленьку всю днинку,
А въ понедѣлокъ скинь вѣнокъ.
Съ золотыми биндочками на кôлокъ!

Сдѣлавши вѣнокъ для молодой, другія дѣвушки принимаются плести его и для молодаго, распѣвая:

10.

А вчера зъ вечера папорошенька спадай, 2
А въ опôлночи дробенъ дощикъ пôйшолъ,
А передъ дôднемъ вода зѣлье забрала: —
Зъ чого жъ ми будемъ князеви вѣнецъ плели?
Ой є въ городцѣ крещастный барвѣнокъ, —
Зъ того мы будемъ князеви вѣнокъ плели.

11.

Ой є въ лузѣ калина, 2
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла.
Пôшли ê дружки рвати, 2
Не далася ломати.
Ажъ пôшла Марисенька,
Нарвала, наломала,
Та й внесла до свѣтлоньки,
Меже красныи дѣвоньки.

12.

Єдна була тополенька въ тôмъ саду,
Єдна була Марисенька въ тôмъ дому.
Буйныи вѣтры вѣяли,
Зъ тополй листья не звѣяли,
Ажъ восходовый вѣтеръ повѣялъ.
Зъ тополй листячко звѣялъ.

Єдна була тополенька въ тôмъ саду,
Єдна була Марисенька въ тôмъ дому.
Всѣ хлопцѝ на нюю вважали,
Но Марисеньки не взяли.
А Ивасенько якъ наважилъ,
Та й Марисеньку собѣ взялъ.

13.

Ой ходила Марисенька по саду,
Та садила садъ-виноградъ до ряду,
Поливала го сытою,
Просила батенька просьбою:
«Запирай, батеньку, ворôтця,
Не пускай Ивасенька молодця,
Бо пріѣде Ивасенько съ боярами,
Та й вытопче садъ-виноградъ коникамы!»

14.

Ой по пôдъ лѣсокъ, лѣсокъ,
Припалъ дрôбненькій снѣжокъ:
Мариня походила,
Слѣдоньки поробила.
Засѣли на нюю ловцѝ, —
Раштовецкіи хлопцѝ:
Коники потомили —
Маринѝ не зловили.

Ой по пôдъ лѣсокъ, лѣсокъ,
Припалъ дрôбненькій снѣжокъ:
Мариня походила,
Слѣдоньки поробила.
Засѣли на нюю ловцѝ, —
Дубковецкіи хлопцѝ:
И кониковъ не втомили —
И Мариню зловили.

Доплетая вѣнокъ князю, поютъ:

15.

Дайся, Иваню, чути:
Не хтять ся вѣнки вити
Безъ меду, безъ горѣлки,
Безъ Марисеньки дѣвки.

Тогда молодой подаетъ дружбѣ фляшку съ горѣлкою, который пьетъ къ дружкѣ, а та къ молодой, отъ нея же къ дѣвушкамъ, кои поютъ дружбѣ въ насмѣшку:

16.

Дружба ножа не мае, 2
Намъ хлѣба не вкрае:
Дайте му колодача,
Пай намъ вкрас колача!

17.

Було що ѣсти, пити,
Нйкому припросити.
Марисенька молоденька,
Дружечка пишненька: —
«Не дивуйте ся тому,
Не дружчила никому: —
Первый ся разъ придало,
И то ся не вдало!»

Послѣ того дружка беретъ вѣнокъ княгининъ на голову и пляшетъ съ дружбою; тоже дѣлаютъ и прочія дѣвушки, и ставятъ оба вѣнка разомъ на два буханця (особый родъ хлѣба) на столѣ, гдѣ и остаются до субботы; дѣвушки же, выходя изза стола, поютъ:

18.

На двôръ таньцювати, 2
Дружбоньки оглядати,
Цы въ синыхъ сукманахъ,
Цы въ жолтыхъ чоботёхъ,
Чы высоки пôдковы,
Цы не криви ноги?

Послѣ двухъ танцевъ расходятся по домамъ.

Въ пятницу, вечеромъ, бываютъ заручины (обрученіе), которое происходитъ торжественно такъ: родичи молодаго и молодой, вмѣстѣ съ молодыми кладутъ всѣ правую руку въ одно мѣсто, и староста вяжетъ имъ руки, приговаривая: «Той ся гудзъ (узелъ) вяже не на рôкъ, не на два, а на цѣлый вѣкъ. Кто той гудзъ розвяже, заплатитъ великый строфъ: дастъ сто золотыхъ на корчму, а три крейцера на церковь. Т. е., нарушеніе этого обрученія ведетъ къ безчестной жизни, кончающейся преимущественно пьянствомъ и забвеніемъ Бога. При обрученіи родичи обѣихъ сторонъ обѣщаютъ подарить обрученнымъ по возможности своей, кто хлѣбомъ, кто какими вещами и т. п., а молодая раздаетъ своимъ дѣвушкамъ бѣлые ручники (полотенца), при чемъ тѣ поютъ:

19.

Ой вже, Мариню, по заручинахъ!
Погадай теперь собѣ:
За чужои матêноньки
Снѣданенька не буде;
Обѣдецъ пôдъ полудне.
Но обѣдъ на стôлъ даютъ,
Мариню высылаютъ:
«Йди, Мариню, по воду
До широкого броду!»
Нêжь Мариня съ водовъ прійшла,
Вже й вечеряôтойшла.
«Теперъ, Мариню, помыи миски
И цѣновыи лôжки,
И точеніи тарелй,
Не стало ти вечерй. —
«Тôлко й я вечеряла,
Где стала, заплакала!»

Въ субботу поминаютъ мертвыхъ. Молодые, сопровождаемые дружиной своей, отправляются въ церковъ къ исповѣди. По возвращеніи обѣдаютъ, и обѣ стороны составляютъ свой свадебный причтъ. Молодой беретъ двухъ свахъ и свѣтилку, а молодая тоже двухъ свахъ и брата или дѣвочого дружбу. Свахами бываютъ замужнія женщины въ родѣ, тоже свѣтилка и братъ, первая — дѣвушка, а второй — парубокъ. Собственно требовалось бы, чтобъ свѣтилкой была родная сестра молодаго, а дѣвочимъ дружбой — такой же братъ молодой. За тѣмъ молодая уходитъ въ комору или въ сѣни, если ея нѣтъ, а дѣвочій дружба за ней, дѣвушки же поютъ:

20.

Дайте намъ стôлця,
Щѣточки и гребѣнця,
Дайте намъ й кожуха, —
Нехай сяде молодуха
Косу русу чесати,
На село выправляти!

21.

Зъ за горы соненько, зъ за горы:
Выведи, братчику, сестру зъ коморы,
Посади ѣ на столецъ,
Дай намъ щѣтку, гребѣнецъ,
Косу русу чесати,
На село выправляти!

Дѣвочій дружба ведетъ молодую въ свѣтлицу, сажаетъ ее на лавку, покрытую кожухомъ, вывороченнымъ шерстью, и ищетъ глазами гребня и щетки, а дѣвушки поютъ:

22.

Посадилъ братъ сестру на стôлецъ,
Самъ поѣхалъ до Чернецъ
Куповати щѣтку и гребѣнецъ,
Розчесати косу русу пôдъ вѣнецъ.

Тутъ является дружба съ щеткою, гребнемъ и ножикомъ и, обратясь къ отцу, говоритъ трижды: «Прошу, Пане Отче, о благословеньство!»

тоже къ матери, на что обое отвѣчаютъ: «Нехай Богъ благословитъ!» Тогда дружба разрѣзываетъ ножикомъ заплетки у косы, удаляется, а дружки, расплетая косу, поютъ:

23.

Благослови, Боженьку,
И отець и мати,
Своему детятку
Косу розплѣтати!

24.

Где твои, Марисеньку, коваль,
Що твою косоньку кували? —
Нехай же прійдуть, розкують,
Нехай си срѣбро, злото заберуть!

25.

Ой просо просо, волотье,
Ой косо-росо, жаль ми тя —
Не рокъ я тебе плекала,
Молодымъ борщикомъ змывала, —
Шелковь хусточковь стерала,
Золотымъ гребѣньцемъ чесала,
Будучи въ мѣстѣ, шпилила,
Идучи по подъ гай, маила,
То жъ'емь тя, косонько, строила!

Когда расплетутъ косу:

26.

Приступи, батеньку, къ менѣ,
Розчеши косоньку менѣ,
Бѣлыми ручепьками,

Дрôбными слёзоньками!
Легкіи рученьки твои,
При головоньцѣ моей.

Тоже повторяютъ къ матери и всей роднѣ, подавая при семъ каждому гребень, съ которымъ подойдя къ молодой, поведутъ имъ три раза по головѣ и потомъ поцѣлуютъ ее въ чело, а она того въ обѣ руки. При семъ не обходится безъ слезъ. Подъ конецъ дружка расчешиваетъ до гладка голову и повязываетъ ее гарасôвкою, а дѣвушки поютъ:

27.

Пôдъ окномъ теренъ тешутъ,
А въ хатѣ косу чешутъ,
Пôдъ окномъ черешенька,
Пôдъ нею Марисенька
Косу-росу чесала,
Батенька прикликала:
«Батеньку, голубочку,
Розчеши ми косочку!» —
«Є у тебе дружечка,
Найвѣрнѣйша служечка,
У неи рученьки бѣлй
До головоньки твоёй.»

Мать беретъ вѣномъ и, обратясь къ старостѣ, говоритъ три раза: «Пане старосто, прошу, благословѣтъ!» На что тотъ отвѣчаетъ, тоже три раза: «Нехай Богъ благословитъ!» тогда мать цѣлуетъ дочь въ обѣ стороны и въ чело и надѣваетъ ей вѣнокъ; малодая цѣлуетъ мать въ обѣ руки, а дружка пришиваетъ вѣнокъ къ гарасовкѣ, дѣвушки же поютъ:

28.

Ой цы огонь, цы поломень палае? —
На Марисоньцѣ золотый вѣнець сіяє.
То жъ-то, Марисю, ладный,
То жъ-то, Марисю, вдатный,
Але жь бо и остатный!

Послѣ того молодая встаетъ, а родные садятся на ея мѣстѣ, держа каждый по два хлѣба въ рукахъ. Староста приводитъ къ нимъ молодую и, имѣя въ рукахъ трость, три раза говоритъ: «Милый отче, милая пани матко! О то (вотъ) стала дѣтина ваша передъ вами, якъ янгелъ передъ Господомъ Богомъ. Маючи (имѣя, намѣреваясь) въ станъ малженьскій вступити, потребуе до того вашого родительского благословенъства. Бути може (быть можетъ), що не разъ воли вашои и не послухала и супротивнымъ словомъ оскорбила. Прошу для того по разъ першій простѣтъ ѣй все! Кому Отецъ и мати на землѣ провину (проступокъ) отпускаютъ, тому и отецъ нашъ на небесахъ грѣха не памятае. Для того прошу простѣть ѣй все, благословѣтъ ю по щиро родительско и выправѣтъ (отпустите) въ счастливу годину (время) на село!» Молодая затѣмъ падаетъ родителямъ въ ноги, а они благословляютъ ее, полагая хлѣбъ на голову: «Цехай тя Богъ благсловитъ счасьемъ, здоровьемъ, долевь добровь и дорóбкомъ (заработкомъ) счастливымъ, щобы-сь ся мала, якъ ся святая земля маѣ!» Когда же въ третій разъ молодая падаетъ въ ноги, дѣвушки поютъ:

29.

Першій разъ, Марисенько, першій разъ,
Поклонися батенькови зо сто разъ!
Не рóкъ тебе батенько годувалъ,
Нѣжь ся твого поклононьку дочекалъ.

Тоже поютъ матери; а когда молодая кланяется прочимъ, поютъ такъ:

30.

Грайте, музики, рѣзко,
Кланяйся, Мариню, низько,
Отцеви, Матйноньцй,
Всей своей родиноньцй,
И найменьшой дѣтиноньцй!
Не єдинъ ти скаже:
«Благослови тя, Боже!»

31.

Чорная тернинонька,
Марися дѣтинонька,
Низенько ся кланяє,
На сердцю жаль має.

Приступайся близенько,
Кланяйся, серденько!
Не единъ ти скаже:
«Благослови тя, Боже!»

Между тѣмъ выходятъ отецъ и мать, каждый имѣя при себѣ пару хлѣбовъ и кусокъ соли, мать также святую воду, и становятся одинъ возлѣ одного, а другой возлѣ другаго одвѣрка хаты. Послѣ поклоновъ, староста отправляется въ сѣни, а дружба дѣвочій провожаетъ молодую съ дружками на село. Она, подошедши къ дверямъ хаты, благословится у старосты три раза, который, за тѣмъ дѣлаетъ шапкою трижды крестъ въ дверяхъ, говоря: «Самъ, Христе Боже, благослови насъ!» послѣ чего идетъ въ сѣни, а за нимъ молодая и всѣ прочіи. У сѣнныхъ дверей снова благословится у старосты три раза, выходитъ на дворъ, проходя между родителями, съ хлѣбомъ стоящими. Дѣвушки, идя за молодою на дворъ, поютъ:

32.

Марисю матѣнка родила,
Мѣсяцёмъ городила,
Соненькомъ вперезала,
На село выправляла.
«Иди, сыну, въ счастливу годинку,
И спроси собѣ всю свою родинку,
Близькую, далекую,
Велику, маленькую!»

Дружба съ молодою и дружками останавливается посреди двора, къ нему подходитъ мать и подаетъ два бохонцѣ (хлѣбы), и потомъ, въ сопровожденіи отца, который впереди идетъ съ хлѣбомъ и солью, обходитъ ихъ вокругъ и кропитъ святою водою, при чемъ дѣвушки поютъ:

33.

Скропляй насъ, матѣнонько,
Священною водою,
Доброю доленькою!

За симъ молодая съ своими дружками и дружбою и отправляются на село приглашать гостей на свадьбу. Впрочемъ, дружба, оставивъ хлѣбъ въ третьей хатѣ, возвращается назадъ, а дружка идетъ впереди и говоритъ: «Проситъ молода о благословеньство», при чемъ молодая падаетъ къ ногамъ, произнося: «Просили васъ, татунё и мамуня, и я Вашенци прошу, будьте ласкови, прійдѣтъ на весêлье!» Пôддружка несетъ подарки, которыя кто дастъ, большею частью прядиво.

У молодого въ субботу тоже происходитъ, что и у молодой, кромѣ, разумѣется, расплетанія косы. Но молодой безъ вѣнка идетъ на село приглашать гостей, имѣя, однако жь, самъ и оба дружбы барвêнковыя квѣтки. Пѣсни же поютъ у молодаго въ это время почти исключительно родичи.

Въ ту пору, какъ молодые собираются итти на село, двѣ свахи, отъ молодаго и молодои, съ вѣтками бирвêнковыми на головѣ, отправляются тоже на село приглашать женщинъ до короваю. Послѣднія сходятся, однѣ въ домъ молодаго, другія въ домъ молодой, неся съ собою въ подарокъ то муку, то хлѣбъ, то курицу, и т. п. Мать даетъ имъ лучшей пшеничной муки, послѣ чего онѣ, благословясь у старосты, поютъ:

34.

Благослови, Боженьку, и проч.,

какъ при плетеніи вѣнковъ, вставляя, гдѣ слѣдуетъ: «короваецъ мѣсити». Послѣ того поютъ:

35.

Сварилася пшениченька съ коколёмъ на поленьку:
«Ой ты, чорный коколеньку,
Не стôй ты на поленьку!
Бо тебе за плôтъ вергутъ,
А зъ мене коровай плещутъ.»

36.

Голѣната муку сѣяла,
А рижа росчиняла,
А хороша мѣсила.

А росчинля поютъ:

37.

Ой лѣску, лѣску на пѣску,
Ярая пшениченька у стѣжку:
Мы ѣѣ зготуемо,
На коровай спытлюемо.

38.

Журилася Марисенька (Ивасенько),
Що не маѣ короваю.
Є надѣенька въ Бозѣ,
Є пшениченька въ стозѣ,
Мы ѣѣ зготуемо,
На весѣлье спытлюемо.

39.

Выйшла мати на подвѣрье,
Проситъ своихъ сосѣдъ до себе:
«Мои люби сосѣдоньки, прійдѣтъ но до мене!
Бо теперъ гараздъ у мене.
Далъ ми ся Бѣгъ дождати,
Дитятко сгодувати,
До добрыхъ людей дати.

Въ суботоньку зъ полуденька година,
Съѣхалася вся Марисина родина,
Свезла, снесла сѣмь кѣрцѣвъ муки на коровай,
Милый Боже, великій нашъ буде коровай!

Далѣе поютъ :«сѣмъ ѳасокъ масла, сѣмъ бербениць сыра, сѣмъ кѣпъ яецъ», и пр., гдѣ нужно. Мѣся же поютъ:

40.

Проси Бога, Марисенько (Ивасеньку),
Щобъ Богъ далъ,

Щобъ ти ся коровай вдалъ —
Якъ день бѣлый,
Якъ Богъ милый,
Якъ ясное соненько,
Що свѣтитъ въ ôконенько!

Сдѣлавъ большой хлѣбъ (коровай) приготовляютъ также разомъ множество небольшихъ, продолговатыхъ колачиковъ (гусочокъ) и круглыхъ (коровайчиковъ), для подарку знатнѣйшимъ лицамъ въ громадѣ сельской, при чемъ поютъ:

41.

Поѣдемо по пôдъ горы
Куповати пôдпоры, —
Пôдпоры куповати,
Стоженько пôдперати.

Сбираясь посадить коровай въ печь, бросаютъ въ нее напередъ двѣ балабушечки (комокъ тѣста), припѣвая:

42.

Коровайная пара
Въ пѣчь заглядала —
По припѣчку грала,
Цы буде нашъ коровай красный.

А сажая въ печь коровай, поютъ:

43.

Нашъ пьецъ тарахкоче,
Та чого жъ бо ôнъ хоче? —
Короваю масного,
И дружбоньки красного.

44.

Дайте намъ руки вмыти,
Горѣлки ся напити!
Завдали 'сте намъ роботу,
Покажѣтъ же намъ охоту!

45.

Заходять насъ вѣсти,
Хотятъ намъ дати ѣсти —
Пшеничныи колачѝ,
Поставлено на столѣ.

Ихъ просятъ сѣсть за столъ, подаютъ что ни будь перекусить (сыра съ хлѣбомъ и т. п.), а онѣ, подкрѣпя себя, поютъ:

46.

Где староста дѣвочій?
Покажи свои очи!
Нехай мы знаемъ,
Кого старостовь звати маемъ.

47.

Нашъ староста вдался —
Сѣмь лѣтъ не вмывался,
Взяла го сваха за бороду,
Та завела го во воду,
Пѣскомъ терла, водовь мыла,
Чересломъ подголила, за столомъ посадила.
Нашъ староста зъ мѣста,
Ємy голова зъ тѣста,
Зубы зъ петрушки,
Очи зъ чернушки,
А въ лицяхъ дѣры,
Повылѣзали щури.

Голова снôпками вшита,
Борода гонтьемъ побита,
А въ головѣ вуши,
А въ бородѣ мыши, —
Треба гребéнь купити,
Та вуши выбити,
Кота зловити,
И мыши выгнати.

Нашъ староста якъ панъ,
На нéмъ синій жупанъ,
Личкомъ пôдперезался,
На всю бѣду придался.

Нашъ староста старенькій,
Якъ голубъ сивенькій. —
А вдарь чоломъ,
А знай соромъ,
Выведи насъ зъ за стола,
Не чини намъ сорома!

Староста встаетъ и подходитъ къ каждой женщинѣ съ словами: «А прошу кречно, а прошу!» и выводитъ ее, а онѣ поютъ ему:

48.

Старостѣ шелюгъ дати,
Щобы насъ вывéлъ зъ хаты;
Я бы' мъ му и два дала,
Що бы' мъ съ нимъ погуляла.

Послѣ того, прогулявшись кто съ кѣмъ хочетъ нѣсколько, опять собираются, смотрятъ, готовъ ли коровай, и если готовъ, то вынимаютъ изъ печи и поютъ:

49.

Где жъ ты бувалъ, нашъ гостю, кораваю?
Що жъ ты видалъ, нашъ гостю, кораваю?
«Ой бувалъ же я та въ чистéсенькóмъ полю,
Ой видалъ же я мѣсяць надъ зорою.»

Когда коровай женщины вынутъ, дружба ставитъ его на столъ, гдѣ онъ и остается до своего времени. При возвращеніи молодыхъ поютъ:

50.

Прійшла Марися зъ села,
Смутненька, невесела,
Всѣ дворы проходила,
Слёзоньки не вронила.
Ажъ на батенькôвъ прійшла,
Та й стала, задумала,
Ревненько заплакала:
«Батеньку-голубонько,
Не гнѣвайся на мене,
Що 'мъ ти хлѣбъ переѣла,
Сукнѣмь ти походила,
Въ роботѣ не вгодила!»

Тутъ староста выходитъ въ сѣни, а дружка (со стороны молодой, а дружба со стороны молодаго) опятъ беретъ три раза благословеніе у него; вступая въ сѣни поютъ:

51.

Добрый вечеръ, мати,
А зъ сѣней до хаты!
Цы гараздъ мы зробили,
Всю родину спросили,
Близькую, далеку,
Велику, маленьку?

Изъ хаты отвѣчаютъ имъ свахи:

52.

Гараздъ, детинко, гараздъ,
Пôйдешъ на посагъ заразъ.

Подойдя къ порогу хаты, снова благословятся трижды у старосты, а вошедши въ хату, поютъ дружки, или дружбы:

53.

Добрый вечеръ тому,
Кто є въ тѣмъ дому:
И старому, и малому,
И Богови Святому!

Потомъ здороваются со всѣми, при чемъ молодые падаютъ всѣмъ въ ноги Вернувшись изъ села, молодой отправляетъ дружбы къ невѣстѣ съ подарунками (обыкновенно рантухъ, кустки и два колачики, гусочки). Дружбы, взявъ три раза благословеніе у старосты, несутъ подарки къ молодой и поютъ дорогой:

54.

Вѣтрецъ повѣвае,
Дощикъ покрапляє,
Ивановы даруночки якъ макъ процвѣтаютъ,
А зъ руточки двѣ квѣточки: —
«Будь село весело —
Подарунки несемо,
Отъ пана молодого до панѣ молодои,
Бо мы служеньки его.

Староста, услыхавъ пѣніе, выходитъ въ сѣни, а молодая съ дружками своими садится поскорѣе за столъ. Пришедшіе, поблагословясь трикратно у старосты, входятъ за нимъ въ хату и вручаютъ подарки, при чемъ дѣвушки поютъ:

55.

Черезъ Дунай глубокій
Лежитъ явôръ широкій:
Ишолъ черезъ него дружбонька.
Проситъ Бога дружечка,
Щобы дружбонька не втонулъ,
Щобы подаруночкôвъ не згубилъ.

Подаруночки — рубочки,
За рутяныи вѣночки.
Мѣстскіи сыночки,
Принесли намъ подаруночки:
Подарунки ôтдайте,
Сами си сѣдайте!

Зъ пôдъ зеленои вишнѣ,
Два боярчики вышли,
Вôйшли они до хаты,
Не умѣли ся звитати,
На лавцѣ посѣдали,
Золотомъ осіяли.

Послѣ этого дружка и пôддружка подходятъ къ нимъ и говорятъ: «Просимо на паненьскій вѣночокъ!» берутъ у нихъ шапки ихъ, къ которымъ, сидя за столомъ, пришиваютъ небольшіе барвѣночные вѣночки, въ срединѣ коихъ имѣется красненькій, свернутый квѣточкой, бантикъ. При семъ поютъ:

56.

Нѣякій дружбонька, нѣякій,
Маѣ квѣточку съ клакôвъ,
Дружечка бдрываѣ,
Зютисту пришиваѣ.

Цы не соромъ, дружбонько, не соромъ,
Ѣхати безъ пола, безъ жучка,
Стояти въ свѣтлоньцѣ безъ шлячка,
Безъ рутяного вѣночка? —

Наша швачка зô Львова,
Пріѣхала вчора,
Привезла си голку,
И ниточку шолку,
Пришивати квѣточку,
Зъ зеленого барвѣночку,
Дружбови на шапочку.

Пришивши вѣночокъ, дружка надѣваетъ себѣ на голову шапку дружбы и подбоченясь, подскакиваетъ подъ пѣнье дѣвушекъ:

57.

Подивися, дружбонько, на мене!
Не красшій я Козакъ отъ тебе?
Я въ твоемъ шлячку-колпачку,
Та рутяномъ вѣночку.

На сватовôй лавцѣ
Я въ дружбовой шапцѣ,
Теперь я маю волю,
Дружбонько, надъ тобою.

Шихо, дружбонько, шихо,
Не здуришъ дружбоньки тихо!
Посягни у кишеню,
Вытягни грошéй жменю,
Посыпъ на тарели,
Якъ на бѣломъ папери,
Выкупи си шапку у мене!

Допче дружечка, допче,
Черевички выдопче —
Дружба ся поставитъ,
Черевички направитъ.

Обыкновенно дружки требуютъ большаго выкупу за свои вѣночки отъ дружбъ, что ставитъ ихъ въ непріятное положеніе, тѣмъ болѣе, что тутъ и дѣвушки докучаютъ дружбѣ пѣснями:

Я на тое не дивлюся,
До стѣны обернуся —
До стѣны очеиьками,
До дружбоньки плеченьками.

До Львова дружечка ходила,
За таляръ шолку купила —
За червоного волочки —
Пришивати квѣточки.

Не кидай ми трояка,
Я не люблю дворака;
Кинь менѣ шестачиска,
Бо я люблю простачиска!

Моя мати не котлярочка,
Я не котлярчина дочка,
Я котловъ не латала,
Щобы'мъ по грошу брала.

На що-сь ся въ дружбы бралъ,
Коли сь грошій не малъ?
Було пойти молотити,
Шестака си заробити,
Шапочку выкупити.

Нашъ поддружба хорошій,
Пожичь дружбѣ грошей,
Бо нашъ дружба въ неславѣ,
Его шапка въ заставѣ.

Вылѣзъ дружба на липу,
Потрясае калиту —
Ще три крайцари мае,
И съ ними розмовляе,
Щобы съ ними зробити:
Цы шапку выкупити?
Цы тютюну купити?
Цы горѣлки выпити?
Цы ся оженити? —

Стоять кони коло плота,
И просятъ околота,
Зъѣли бы и солому,
Часъ, посланци, до дому.

Гадали послы ночувати —
Чимъ мы ихъ будемъ годувати?
Злапаемъ сову въ стодолѣ,
Зваримо имъ въ росолѣ.

Чимъ мы имъ будемъ солити?
Чимъ мы имъ будемъ перчити?
Е много куколю на полю,
Е много полену по селу:
Куколемъ будемъ солити,
Поленомъ перчити.

Дружба проводитъ молодую въ хату, а дѣвушки поютъ:

63.

Ой летѣла зазуленька черезъ садъ,
Ой кликала Марисеньку на посагъ:
«Ой лети ты, зазуленько, за гору,
Закѣмъ я ся молоденькая сберу,
Своему батенькови поклоню!

Послѣ того молодая падаетъ въ ноги роднымъ точно такъ, какъ передъ отходомъ на село, при чемъ и пѣсни тѣже самыя поются, что и тогда, прибавляя, гдѣ нужно:

Другій разъ, Марисенько, другій разъ,
Поклонися батенькови зо сто разъ, и проч,

Получивъ благословеніе отъ всѣхъ, присутствующихъ при этомъ, дружба-братъ обводитъ молодую три раза вокругъ стола и т. д., послѣ чего усаживаетъ ее за столъ, и помѣщается тутъ же, по другой сторонѣ дружки. Прочія дѣвушки тоже садятся и поютъ:

64.

Братъ сестру за стôлъ веде,
Веде ёё, веде, научае:
«Сестро моя, коса твоя росчесана,
Часъ тобѣ на посаженьку сѣдати.»

65.

Сѣла Мариня на посаженьку,
Якъ на роженцѣ квѣтка;
Ей батенько, ей рôдненькій,
Не може ся на ню надивити.
«Мариню жь моя, дитятко жъ мое,
То же'сь ми теперь мила.» —
«Ой мôй батеньку, мôй голубоньку!
Цы долго я буду такая?» —
«Будешъ, дитятко, будешъ,
Якъ у мене будешъ;

А якъ пôйдешъ ôтъ мене,
Спаде красота съ тебе —
Съ личенька румяного,
Зо стану паненьского.» —
«Ой мôй батеньку,
Сивый голубоньку!
Ни въ чôмъ я ти не вгодила:
Ни въ роботоньцѣ,
Ни въ походоньцѣ,
Ни въ полю, ни на нивоньцѣ.»

66.

Ой славенъ, славенъ Маринен посагъ!
Ой по чôмъ же ôнъ такъ дуже славенъ?
По всѣхъ ôконьцяхъ лигелй сидять,
Ангелй сидять, доленьку судять,
А надо дверьми самъ Господь стоитъ,
Самъ Господь стоитъ, книжочку читае,
Книжочку читае, доленьку роздае,
Доленьку роздае, Марину пытае:
«Марину, дитятко! Чія лѣпша доленька —
Ой цы Божая, цы батенькова?»
«Лѣпша Божая, якъ батенькова!
Батенько дае, та й вымовляе,
А Господь дае, ще й причиняе.»

67.

Ой где ся дѣлъ, где ся подѣлъ,
Марисеньки батенько?
Ой чомъ не вôйде, ой чомъ не вôйде,
До новои свѣтлоньки?
Чомъ не приступитъ, чомъ не приступитъ,
До тесового стола?
Чомъ не дарує, чомъ не дарує,
Марисеньку на посазѣ?

68.

Стань, батеньку, противъ мене,
Та напійся до мене,
Полною, полненькою,
Доброю доленькою!
Часъ мене дарувати,
Присудила Божа Мати,
Не великимъ посагомъ —
А счастьемъ, здоровьенькомъ.

Передъ молодой на столѣ стоятъ: коровай, тарелка для денегъ и горѣлка, для подчиванья тѣхъ, которые подходятъ къ ней съ подарками, начиная отъ отца. Дѣвушки далѣе поютъ отъ имени отца, который, тронутый происходящимъ, обыкновенно не въ состояніи что либо сказать:

Я полнонькой не выпиваю,
Счастья, долй не вгадаю.
Обое 'сте молоденьки,
Просѣтъ Бога доленьки;
Чистои, Пречистои,
Котра доленьку роздае,
Доброю и лихую,
На челядь молодую.
Стань, матйнко, противъ мене, и проч.

69.

Даруй мене, родинонько,
Зъ вечора въ суботоньку!
Якъ я ся запоможу,
Отдати ти можу;
Буду ся гараздъ мати,
Буду ти дяковати,

70.

Що то ми за дорога —
Отъ стола до порога!
Родина выдопгала,
Мариню даровала.

71.

Скочила Мариня на теренъ,
Махнула хусточковъ напередъ:
«Розступѣтся, родина,
Най мене дарує чужина,
Не великимъ даромъ-посагомъ,
А счастьемъ, здоровьемъ за столомъ!»

Когда парубки подходятъ даровать, имъ поютъ:

72.

Мѣсяченько ясный,
Андрусенько красный,
Що вѣйшолъ до хаты,
Мариню даровати.

Ровесникамъ поютъ:

73.

Горою соненько колує,
Мариню товаришъ дарує,
Не великимъ даромъ-посагомъ, —
А счастьемъ, здоровьемъ за столомъ.

74.

Гдѣ ся тіи подѣли,
Що за нами глядѣли?
Теперь не вôйдутъ до хаты,
Мариню даровати.

75.

Ой вы, хлопчики маленьки,
Сбирайте шелюжки дрôбненьки!
Треба Марини чобôтокъ,
Зъ самого золота пôдкôвокъ, —
Щобы пôдкôвки бренѣли,
По пôдъ луженьки шумѣли.

76.

Пійте, молодцѝ, пійте,
Но стклянокъ не побійте,
У насъ стлянки дорогіи —
По четыры золотыи,
А порція по грошу,
Пійте, молодцѝ, прошу!

77.

Даровано Марисеньку
Ревными золотыми,
Талярами битыми,
А мы ревныхъ не знаемъ.
По столѣ посуваемъ:
Лежте, полежте, ревны,
На тôмъ тесовôмъ столѣ,
Та й на лепнôмъ обрусѣ!

Послѣ подарковъ, подаютъ дѣвушкамъ-пѣвицамъ закуску, при чемъ прислуживаютъ дружба дѣвочій и дружки; дѣвушки поютъ:

Нашъ дружба ножа не мае и пр.

78.

Наша дружка по̀дъ сволокъ,
Зъѣла колачо̀въ сорокъ
Най ся нихто не противитъ,
Най ся здорова живитъ!

79.

Не боялистеся Бога.
Не наѣлистеся дома,
Сорому не знаете,
Въ запаски хова̀ете? —
«Мы люди дорожни,
У насъ запаски порожни.»

80.

Не сто̀йте коло грубы,
Не заглядайте въ зубы, —
Мы собѣ заробили,
Щобы 'сьмо ся поживили.

81.

Пійте, панєнки, пійте,
Но стклянокъ не побійте! и прч.

82.

Милый Боже! Ходитъ голубъ по столѣ,
Крыльцѝ въ пивцю мачае,
Всѣ панєночки честуе,

Ино Марисеньку минає,
Бо вже зъ паненьства выстає,
До старыхъ людей пристає.

Подъ конецъ закуски поютъ:

83.

Було що ѣсти, пити,
Нѣкому припросити, и пр. См. N. 17.

84.

Нашъ староста дѣвочій,
Покажи свои очи!
Нехай мы знаємъ,
Кого старостовъ звати маємъ!

Старостѣ шелюгъ дати,
Щобы насъ вывелъ зъ хаты.
Я бы 'мъ му и два дала,
Щобы 'мъ съ нимъ погуляла.

Староста вскакиваетъ и съ словами: «А прошу, Паненки, прошу!» выводитъ ихъ изъ за стола, а онѣ продолжаютъ пѣть:

85.

Зъ за стола, паненки, зъ за стола,
На Марисине подвóрье —
Давно мы въ Маринѣ бували,
На ёи подвóрью гуляли.

Потомъ, погулявши немного, расходятся по домамъ.

Точно такимъ же образомъ сажаютъ и молодаго на посадъ, съ пожѣненіями, приличными ему. Къ малымъ парнямъ обращаются съ такой пѣсней:

86.

Гадайте, хлопцй, гадайте,
Дрóбніи шелюжки складайте!
Треба Иваневи конй кувати,
До Маринѣ ѣхати;
Теперь ноченька темненька,
Дорога слизенька,
У Марисѣ холзскій двóръ,
Не втримаеся воронъ кóнь.
Щобы Иванько самотрѣмъ,
Заѣхалъ до Маринѣ на обѣдъ.

За столомъ, съ одной стороны молодаго сидятъ дружбы, а съ другой свѣтилка, свахи и дѣвушки. При закускѣ для дѣвушекъ-пѣвицъ хлопочетъ въ особенности свѣтилка, такъ какъ заботливость о дѣвушкахъ составляетъ ея главную обязанность.

Подъ конецъ свахи плетутъ изъ перьевъ, барвѣнка и овса рóзку, или просто берутъ сосновыя вѣточки и втыкаютъ ихъ въ коровай для украшенія, сверху которыхъ привѣшиваютъ яблока, распѣвая:

87.

Пойшли дружечки на Дунай пѣречко сберати,
Мариси рóзочку сплѣтати:
«Ой рóзко, рóзко гóльчаста,
Ще жъ есь до того и крещаста,
Берегомъ, берегомъ Дуная приплыла —
У Маринй на столѣ освила.

Этѣмъ оканчивается суббота.

Въ воскресенье рано являются приглашенные гости къ молодой и молодому. Свахи, привѣшивая къ шапкѣ молодаго вѣнокъ, поютъ:

88.

Соненько сходитъ та й граe,
Иванѣ конька сѣдлае.

Єго ся батенько пытае:
«Где жъ ты ся, сыну, сбѣраешъ?» —
До людей, батеньку, до людей:
Я си тамъ дѣвоньку полюбилъ,
Котру ми Господь присудилъ.»

Родичи садятся на ослонѣ съ хлѣбомъ; тутъ происходитъ благословеніе такое же, какое при отходѣ на село, или передъ посагомъ. Старостá въ концѣ прибавляетъ: «Благословѣтъ го (его) и въ счастливу годину съ пôдъ вѣнка рутяного пôдъ вѣнецъ Царскій выправѣтъ!» Сваха же и дѣвушки послѣ 3-го поклона поютъ до самаго конца:

Третій разъ, третій разъ,
Поклонися, Ивасеньку, своєму батенькови зо сто разъ, и пр.

Послѣ сего отправляются на дворъ съ тѣми самыми церемоніями, какъ при отходѣ на село; подъ конецъ мать подаетъ молодому два хлѣба подъ мышку и ѣдутъ въ домъ молодой, если недалеко; если же далеко, то ѣдутъ: молодой съ дружбами верхомъ впереди всѣхъ, а прочіе на возахъ, или саняхъ, за ними. Но и впереди самаго поѣзду ѣдетъ парубокъ съ хоругвою весѣльною, т. е., съ красною хусткою (платкомъ), привѣшенною къ жерди, отъ чего и называется онъ Хорунжимъ. Требуется, чтобы онъ былъ вдатный (удалой), могъ бы соскакивать не разъ съ коня, погулять, опять вскочить на него и т. п. дѣлать. Во время этого поѣзда свахи и свѣтилки поютъ молодой:

89.

Ой по пôдъ лѣсокъ, лѣсокъ, битая дороженька,
Куда ѣхалъ Иванѣ молоденькій,
Єму калина дорогу заступила.
Выймилъ шабельку, взялъ калину рубати,
Калина стала до него промовляти:
«То не для тебе калина посажена,
Ино для тебе Мариня наряджена.»

Когда подъѣдутъ къ двору молодой, дружки съ дѣвушками, сидя съ молодою за столомъ, привѣтствуютъ гостей близъ порога:

90.

Ой зять намъ ся стелитъ
По подвôрью хмелёмъ,

По сѣнехъ васильком̀ъ,
Въ хатѣ барвѣнкомъ,
А за столомъ, столомъ,
Сивесенькимъ соколомъ.

Въ эту пору дружба благословится у старосты, староста молодаго у старосты молодой, и потомъ входятъ въ хату, а свахи имъ поютъ:

91.

Не бавте насъ, не бавте,
Хутко выправляйте —
Do kościoła świętego,
Do stanu małżeńskiego (такъ!)!

Дѣвушки поютъ:

92.

Якъ въ недѣленьку рано
Море ся розыграло;
Не море жь то грае —
Но Мариня потопае;
Мариня потопае,
Батенька прикликае:
«Батеньку-голубоньку!
Не дай ми загинути,
Въ тôмъ Дунаю потонути!» —
«Не хотѣла 'сь мя слухати,
Не буду тя ратувати.

Свахи отвѣчаютъ имъ:

Не бавте насъ, не бавте, и проч., какъ выше.

Дѣвушки повторяютъ:

Якъ въ недѣленьку рано, и проч., съ примѣненіемъ къ Матѣнкѣ.

Свахи опять отвѣчаютъ имъ:

Не бавте насъ, не бавте, и проч.

Тутъ покрываютъ ослонъ вывороченнымъ кожухомъ, молодая съ дѣвушками и дружками встаютъ изъ за стола, родичи садятся на благословеніе въ третій разъ, при чемъ молодые кланяются разомъ, одинъ тому, а другая другому, по очередно. Послѣ поклоновъ молодая прикрѣпляетъ за поясъ молодому большую хустку (платокъ), сложенную вдоль, которая касается самой земли, и выходятъ на дворъ съ обычными церемоніями (см. N. 88). Мать подаетъ молодой тоже два хлѣба, кропитъ еще водою, и за тѣмъ уже отправляются въ церковь, распѣвая:

93.

Вѣй, вѣтре, дорогою,
За нашею молодою, —
Розвѣй ѣй косу-росу (русу)
По червонѣмъ поясу —
До одного волоса,
Нехай пѣйде поголоска,
Що була панѣночка!

Приближаясь къ церкви, поютъ:

94.

Ой конѣ, конѣ вороніи,
Цы чуется въ силѣ?
Цы вытягнете насъ пѣдъ гору,
Пѣдъ тую крутую,
Пѣдъ тую церковцю святую?
А въ тѣй церквѣ святый Спасъ:
Ой попе, попе! ѓатьку нашъ,
Отвори церковь противъ насъ,
И звѣнчай, звѣнчай двое дѣтей зъ межи насъ!

Пришедши къ церкви, молодые отдаютъ свои хлѣбы, какъ приносъ вѣнчальной. Послѣ вѣнчанія, отправляясь назадъ, свахи и прочія поютъ:

95

Дякуймо попенькови,
Якъ рôдному батенькови,
Що намъ шлюбъ далъ,
И не много ôтъ насъ взялъ —
Пôвтора золотого,
Отъ нашого молодого!

Дорогою поютъ:

96.

Сіяла зоронька, сіяла:
Съ кѣмъ ты Мариню слюбъ брала?

Дружки съ молодежью отвѣчаютъ:

«Съ тобою, Иваню, съ тобою,
Якъ съ ясною зорою!»

Свахи повторяютъ:

По чѣмъ ты мя, Марисенько, пôзнала,
Що 'сь мене зорою назвала?

Дѣвушки поютъ:

По мовѣ, Иваню, по мовѣ,
Червона шапочка на тобѣ,
Червона шапочка якъ огень,
Черніи оченька якъ теренъ.

Всѣ весѣльные:

97.

Впаду я ластôвкою,
Передъ своёвь матѣнкою:
«Ой матѣнко моя,
Вже жь бо я не твоя, —

Ой вже жь бо я того пана,
Що я съ нимъ присягала!»

98.

Радуйся, матѣнонько!
Взяло шлюбъ дитятонько,
Якъ єдно, такъ другоє,
Вже жь то твои обоє. —
«Тогды ємь ся радовала,
Якъ ємь тя годувала;
Теперь ся величаю,
Бо двоє дѣтей маю.»

99.

Выйди, матѣнко, звитайся,
Своего дитятка спытайся,
Где твоє дитятко бывало —
Пѣдъ царскимъ вѣнцемъ стояло,
Съ хорошимъ Иванѣмъ шлюбъ брало!

Всѣ весѣльные идутъ въ домъ молодой, на дворѣ ея и поютъ:

100.

Ой о Святѣмъ Дусѣ,
Выйди матѣнко въ кожусѣ!
Якій кожухъ мохнатый,
Такій твѣй зять богатый.

Мать выступаетъ на порогъ, одѣтая въ кожухъ, вывороченный шерстью вверхъ, и подаетъ зятю въ чаркѣ воду, какъ будто горѣлку, а свахи поютъ:

101.

Не пій, зятуню, першои полноньки,
Перша полнонька — велика зрадонька!

И зять не пьетъ, но выливаетъ ее назадъ себя; мать тоже повторяетъ, а свахи опять поютъ:

Не пій, зятуню, другои полноньки,
Друга полнонька — лихая доленька!

Зять и ее выливаетъ за себя. Тогда мать наливаетъ въ чарку горѣлки, пьетъ сама, наливаетъ еще и подноситъ зятю, а свахи поютъ:

Ой пій, зятуню, третую полноньку,
Третая полнонька — добрая доленька!

Молодый пьетъ, обращаясь къ молодой, молодая къ дружкѣ, и т. д., такъ, что всѣ весѣльные пьютъ по рюмкѣ передъ порогомъ, потомъ поблагословятся и вступаютъ въ хату, гдѣ привѣтствуютъ другъ друга. Нѣсколько спустя молодой отправляется къ себѣ на обѣдъ, а молодая обѣдаетъ у себя со своими. Вечеромъ молодой идетъ къ молодой съ короваемъ, который покрываютъ рантухомъ такъ, чтобы розка съ яблоками видна была, потомъ отдаютъ его дружбѣ на плечи, молодой беретъ фляшку съ горѣлкой въ карманъ, а сваха калачиковъ-гусочокъ въ кобели, и идя поютъ:

102.

Ой ты, Иваню, отважный Козаче!
Где ся выбѣраешь въ дорогу по ночи!
Ой где жь ты будешь ноченьку ночувати?
Ой где жь ты будешь вечерю вечеряти? —
«Ой маю жь бо я надѣеньку въ Возѣ,
Ой маю жь бо я тестенька при дорозѣ:
Ой тамъ я буду ноченьку ночувати,
Ой тамъ я буду вечерю вечеряти,
Ой тамъ я буду розмову розмовляти!»

Тоже самое поютъ, примѣнительно къ тещѣ, и т. д. во всю дорогу. Со стороны молодой поджидаетъ молодого молодежь, которая перехватываетъ ему дорогу, поставляя на ней небольшой столъ съ хлѣбомъ и солью; при молодежи находятся и старосты. Молодой останавливается и подчуетъ всѣхъ водкою, а свахи подносятъ гусочки для закуски, и поютъ:

103.

Ой гребля, гребля велика,
Ой туча, туча глубока,
Ой пускай, пускай до хаты,
Не дай намъ стояти!
Бо нашъ коровавцъ великій,
Не може дружба втримати.

Столикъ послѣ того принимается прочь, староста молодаго беретъ благословенье отъ старостъ молодой, и продолжаютъ путь. Пришедши къ молодой, находятъ ее за столомъ, окруженную дѣвушками: съ одной стороны сидитъ братъ-дружба, а съ другой дружки. При приближеніи молодаго къ порогу, дѣвушки поютъ:

104.

Ой стукнули ковани конѝ на дворѣ:
Ой сховай мене, мо́й батеньку, въ коморѣ!
«Не поможе, моє дитятко, комора,
Бо обступили ковани конѝ довкола.»

Когда весѣльные молодаго войдутъ въ хату, дѣвушки поютъ:

105.

Ой братчику-ремѣстнику!
Сѣдай собѣ на столику,
Сѣчи, рубай, сестры не дай,
Не дай ѣ́ за гро́шъ, за два;
Бо она въ тебе сестра ладна;
Не дай ѣ́ за чотыри,
Бо будутъ ся съ тебе кпили.

Когда отецъ и мать скажутъ, что пріятелье въ комору ни къ чему не поведетъ, братъ-дружба заступается за сестру и старается ее защитить, при чемъ саблею махаетъ черезъ столъ, не допуская молодаго подступиться поближе; свахи же молодаго поютъ:

106.

Будь, братчику, ласкавъ!
Лишаемъ ти заставъ,
Коника вороного,
Иваня молодого.

Дѣвушки перебиваютъ:

107.

Ой чого-сь прійшолъ? — По дѣвку.
А маешь же горѣлку?
Маешь же музыки грайніи?
Маешь же свашоньки спѣвніи?
Маешь же старосты мовніи?
Маешь же дружбоньку скакуна?
Щобы ся не набралъ сорома!

Свахи отвѣчаютъ:

Мы прійшли по дѣвку, и проч.

Теперь начинается споръ дружбы-брата съ молодымъ и его дружбами. Дружба-братъ, имѣя у себя фляшку, наполненную краснымъ буряковымъ квасомъ, показываетъ, что онъ, при винѣ, не нуждается въ горѣлкѣ молодаго; не нуждается также въ бесѣдѣ со старостою, имѣя у себя книги и т. п. Молодый старается убѣдить его, и все больше и больше втыкаетъ грошей въ гусочки: препираніе длится до тѣхъ поръ, пока одна сторона не одолѣетъ другую своею веселою бесѣдою. Впрочемъ, требуется, чтобы молодой склонилъ брата-дружбу своими предложеніями, который, согласясь взять тарѣлку съ гусочками и деньгами, выпиваетъ рюмку горѣлки изъ рукъ молодаго, подчуетъ его своимъ буряковымъ квасомъ, бросается отъ молодой черезъ столъ въ хату, за нимъ бѣгутъ тоже дѣвушки изъ за стола, и такимъ образомъ оставляютъ молодую съ дружками. Тогда дружбы берутъ молодаго, провожаютъ его три раза по лавкамъ вокругъ стола, послѣ чего молодой становится возлѣ молодой, которая, какъ бы въ отчаяніи, хватается за столъ, а онъ отры-

ваетъ ее отъ него, цѣлуетъ и садится близъ нея. За тѣмъ свахи съ прочими весѣльными молодаго садятся за столъ. Въ продолженіе этого обряда дѣвушки поютъ:

108.

Татаринъ братъ, Татаринъ,
Продалъ сестру за таляръ, —
Пугачѝ надлетѣли,
Галоньки розо̀гнали,
Сами си посѣдали.

Свахи отвѣчаютъ:

109.

Любая наша згода,
Що ся не стала пригода,
Разомъ 'сьмо посѣдали,
Любезно ся звитали.

110.

Заходятъ насъ вѣсти,
Що намъ дадутъ ѣсти:
Пшеничніи колачѝ,
Поставлено на столѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, подаютъ закуску, послѣ которой свахи поютъ:

111.

Выйди, дружбонько, на подво̀ренько,
Подивися на соненько,
Цы часъ дары роздавати,
Короваѐмъ обдѣляти?

Дѣвушки съ родными молодой отвѣчаютъ:

112.

Запрягали 'сьмо телицю,
Орали на пшеницю,
По горѣ, по долинѣ,
Щобы було всей родинѣ,
Щобы весь рôдъ обдѣлити,
И никого не гнѣвити.

113.

Ой насъ роду много,
Не стане для кождого;
Є въ насъ кому брати,
Не мае що давати.

Свахи молодаго отвѣчаютъ:

114.

Дайте намъ мѣры,
Коли не дасте вѣры:
Якъ будемъ мѣрити,
То будемъ вѣрити,

Со стороны молодой отвѣчаютъ:

Пôслали 'сьмо вчора
По мѣру до Львова —
Токаря не застали,
И мѣры не дôстали

Тогда дружба, взявши позволеніе съ благословеніемъ отъ старосты, начинаетъ рѣзать коровай, котораго куски подаютъ не только присутствующимъ, но и для отсутствующихъ оставляютъ, а свахи поютъ:

115.

Нашъ когутъ чорнокрылый:
Нашъ дружбонька чорнобривый,

Не жаль єму дати,
Колача вкраяти.

Со стороны молодой отвѣчаютъ:

116.

Ваша дружба коровай крає,
Семеро дѣтей має,
Збѣглися дѣти съ торбами,
Весь коровай забрали.

117.

Попекли свахи гуски
Зъ гречанои луски —
Роду не обдѣлили,
Сами ся поживили.

Свахи отвѣчаютъ:

118.

Выбачай, родоньку, ласкаво,
Що намъ гусокъ не стало:
Гуси воды захтѣли,
На Дунай полетѣли.

Когда молодежь, нагулявшись довольно, станетъ расходиться по домамъ, сторона молодаго садится съ молодою за столъ: по одной рукѣ обѣ дружки, а по другой свахи, а прочіе вокругъ стола. Дружки снимаютъ съ нея вѣнокъ и весь дѣвичій строй, при чемъ поютъ:

119.

Выбивай, мати, клинцѝ,
Где висѣли перстѐнцѝ,

Выбивай и кôлочки,
Где висѣли биндочки!

Это — послѣдняя услуга со стороны дружокъ; въ память и въ благодарность молодая привязываетъ по лентѣ имъ на головѣ, а свахи поютъ:

120.

До дому, дружечки, до дому,
Парити свинёмъ солому!

Дружки отвѣчаютъ:

А мы вже попарили,
И свахамъ зоставили.

121.

Варила дружечка перôжки,
Защѣпувала ихъ въ три рôжки:
Не зъ самого сыра, зъ пшона,
Приступися, дружбонько, до стола!
Жаль бы ми бувъ, дружбонько, на тебе,
Щобъ я не мала даруночку ôтъ тебе.

Дружба приближается къ столу, втыкаетъ нѣсколько грошей въ гусочку и подаетъ ихъ для памяти на тарѣлкѣ дружкѣ, а пôддружка — пôддружкѣ. Тутъ дружба пьетъ до дружки, дружка до пôддружбы, а пôддружба до пôддружка, и за тѣмъ дружки скачутъ черезъ столъ и поютъ:

122.

Скочили дружечки зъ за стола —
Бувай намъ, Мариню, здорова!
На тобѣ хусточка и чѣпецъ,
А для насъ биндочки пôдъ вѣнецъ.

Свахи подхватываютъ:

123.

Дай, матѣнко, покрытенько
На свое детятенько!

Мать вынимаетъ рантухъ, подаетъ его дружбамъ, а тѣ, взявшись за его концы, ходятъ съ нимъ нѣсколько по хатѣ, и потомъ набрасываютъ на молодую, которую свахи закручиваютъ въ него и поютъ:

124.

Тоне вѣночокъ, тоне,
Плыне вѣночокъ, плыне —
Вѣночокъ на Дунаю,
А рубочокъ близько краю.

Послѣ того надѣваютъ на голову молодой шапку молодаго, встаютъ изъ за стола и поютъ:

125.

Злапалъ ци, Иванѣ, пташину,
Любу, милу, красную —
Съ ручоньками, съ ноженьками,
Съ чорными оченьками.
До дому дружечки до дому, и проч.

Дружки отвѣчаютъ:

Не сама жъ я ту прійтла,
Не сама я ôтси пôйду:
Возьмѣтъ скрипки, цымбалы,
Заведѣтъ мя до мамы,
Дайте й коновочку пива,
Щобы мя мати не била!

Всѣ идутъ съ музыкой за ворота, гдѣ, попрощавшись, какъ слѣдуетъ, дружки отправляются домой, а прочіе назадъ въ хату, въ которой молодая встрѣчаетъ отца и мать на ослонѣ, прощается съ ними и отправляется тогда уже со всѣми въ домъ молодаго. Свахи поютъ:

126.

Остатне кланяненько,
На вѣки мешканенько!

Родные молодой поютъ:

127.

Памятай, Иваненьку —
Даемъ ти Мариненьку:
Щобъ не були ôкномъ дверй,
Щобъ не лягла безъ вечерй,
А якъ буде зимна роса,
Щобъ не ходила боса!

Свахи молодаго поютъ:

128.

Загортай, мати, жаръ:
За доньковь великій жаль;
Закидай сырй дрова:
Бувай, мати, здорова!

129.

Сѣдай, Мариню, съ нами
На малёвани сани:
У насъ горы золотыи
У насъ рѣки мёдяныи,
У насъ вербы грушки родятъ,
У насъ дѣвки въ злотѣ ходятъ.

Дорогою поютъ:

130.

Отвори, мати, лѣску —
Ведемо ти невѣстку;
Отвори, мати, скрыню —
Ведемо ти господыню,
До коморы ключницю,
До муки розфѣйницю.
Отверай, мати, хату —
Ведемо ти пелехату,
Она въ пецу не розпалитъ,
Бо си брови осмалитъ;
Она тѣста не замѣситъ,
Бо ей зъ носа сомпель виситъ:
Она коровы не выдоитъ,
Бо ся фоста боитъ;
Она не пôйде въ поле,
Бо тамъ въ ноги коле;
Она хаты не замете,
Бо ей гôрко ся зôгнути, и т. п.
Хоть о святôмъ дусѣ, и проч.

Мать встрѣчаетъ невѣстку на порогѣ, надѣвши на себя вывороченный кожухъ, а свахи поютъ:

Яка волна мохната,
Така невѣстка багата.

Мать подноситъ воду пить, и дѣлаетъ все прочее такъ, какъ мать молодой послѣ вѣнчанія молодому; см. N. 101. Потомъ подаютъ угощеніе, а по угощеніи провожаютъ молодыхъ въ стодолу, на ложе, которое дружбы стараются сдѣлать какъ можно хуже; свахи, провожая, поютъ:

131.

Иде Мариня до ложа —
За нею Мати Божа,
Дае ей коруночку,
На ея головочку.

Вступая въ стодолу, дружба благословится у старосты, а вошедши въ нее, оба говорятъ молодой, чтобы она разула молодаго. Молодой въ обоихъ сапогахъ имѣетъ деньги за трудъ снимавшей, въ противномъ случаѣ она имѣетъ право голенищами оттрепать по ногамъ его. Затѣмъ притворяютъ крѣпко двери стодолы и удаляются въ хату къ прочимъ. Спустя извѣстное время, приводятъ молодыхъ въ хату, которую приказываютъ молодой подмести, что она и исполняетъ, а гости жартуютъ (шутятъ) и переносятъ соръ изъ одного угла въ другой. Потомъ надѣваютъ на нее очѐпокъ (родъ чепца), отправляютъ съ подарками (короваемъ и курицей) къ священнику, а отъ него и къ другимъ, кому слѣдуетъ отдать честь, при чемъ дорогой поютъ:

132.

Съ подарунками идемо,
Подарунки несемо,
Житніи, цы пшеничніи,
Щобы були величніи.

Въ заключеніе молодой отправляется къ роднымъ молодой, сопровождаемый дружбами, неся съ собою подарки имъ, т. е., жареную курицу и двѣ гусочки-колачики на тарѣлкѣ. Курица убрана барвѣнкомъ и калиною, а голову держитъ, словно живая, которую иногда и позолочиваютъ. По приходѣ съ этѣмъ подаркомъ, родные молодой поютъ:

133.

Добрая годинонька настала,
Що Марисенька по батенька пôслала,
Чотыре конѝ, пятый вôзъ,
Шестого вôзничого, щобь привêзъ.

Тутъ молодой проситъ родныхъ жены своей къ себѣ. Мать, взявши курицу, рѣжетъ ее на кусочки и подаетъ всей роднѣ, которая купаетъ съ гусочками-колачиками, припѣвая:

134.

Принêсъ намъ зять курку,
Посадивши на бандурку:
Посадилъ бнъ ѐ мудре —
Куприкомъ на полудне.

Послѣ того всѣ ѣдутъ къ молодому съ преданами (приданымъ), т. е, скрынею (сундукомъ), которую поставляютъ на возъ, сверху ея коровай и поручаютъ отвезти ее дружбѣ дѣвочему; на другой же возъ садятся отецъ и мать кое съ кѣмъ, и поютъ дорогою:

135.

Слѣдомъ, матѣнко, слѣдомъ —
А со пшеничнымъ хлѣбомъ,
Куда наша перепелонька,
Що съ нами ѣла, пила,
Що съ нами говорила,
До свѣта полетѣла.
Будемо по голосочку
Пѡзнавати Маринечку.
Кобы Мариня знала,
Що ей батенько ѣде,
Ставила бы мосты
Съ золотои трости —
Батенька перевести,
Матѣнку перенести.

Узнавъ о приближеніи съ преданами, пѡддружка наряжается тотчасъ молодою, выходитъ на дворъ здороваться съ родными и упавши въ ноги, хватаетъ за нихъ и старается повалить, что производитъ смѣхъ между смотрящими, а родные молодой поютъ:

136.

Ой не наше то дѣло,
Що до насъ тутъ прибѣгло;
Покажѣтъ намъ наше —
Наше золоте пташе,
Що съ нами ѣло, пило,
До свѣта полетѣло.

Когда смѣхъ утихнетъ, является молодая въ очѣпкѣ, здоровается съ родными, которые, поздоровавшись съ родными молодого, входятъ въ хату, садятся за столъ: мать молодой, вынувъ фляшку съ виномъ, убранную барвѣнкомъ и калиной, подчуетъ всѣхъ, а тѣ съ нею опять цѣлуются. Затѣмъ подаютъ перекуску (закуску), по которой раздаютъ коровай роднымъ молодаго, точно такъ, какъ было это вечеромъ въ воскресенье у молодой (см. N. 111 — 118); за раздачей коровая слѣдуетъ ужинъ.

Во вторникъ же утромъ прощаются съ дружбами и свѣтилками, которымъ молодая даритъ по лентѣ, и весѣльные отправляются по своимъ домамъ.

Буде изъ молодыхъ кто вдовецъ, или вдова, то церемоніи такому никакой не бываетъ, а лишь тому, кто еще въ первый разъ вступаетъ въ бракъ. Вдовцу и вдовѣ совсѣмъ никакихъ церемоній не дѣлается.

Если изъ молодыхъ кто сирота, то представителемъ отца и матери такого бываетъ ближайшій изъ его родныхъ. По тому и пѣсьни приспособляются къ этому обстоятельству, на примѣръ:

Кому жъ ты ся, Марисенько, кланяешь,
Коли свого батенька (матѣньки) не маешь?
Зацвила въ лузѣ калина,
Є у мене батенько (матѣнька) чужина:
Поклонюся чужому,
Буде ми ся здавати, що свому.

Вмѣсто пѣсьни подъ N. 65 поютъ:

Знати Галоньку
По лѣталоньку —
Що тихонько лѣтає:
Знати Мариню, що сирôтонька —
Бо батенька не має.
Пôшлю я ворону
Въ чужу сторону,
По свою родиноньку,
А соколонька
По свого батенька,
Въ сыру земленьку.
Ворона летитъ,
Вѣстоньку несе —
Ѣде родина, ѣде,
А соколъ летитъ,
Вѣстоньку несе —
Не буде батенько, не буде.
Радъ бы я витати,
Та й привôдъ дати,
Своєму дитяточку —
Сыра земленька,
Заступила оченька,
Прилягла ми ручку.

Отправлялсь къ вѣнцу:

Отворѣтся, ворота, —
Ѣде до шлюбу сирота!
Ѳи серденько ся здрыгає,
Що свого батенька не має.
Кликнули янголѝ въ небѣ,
Збудили батенька въ гробѣ:
«Ой встань, батеньку, до суду —
Твоє дитятко ѣде до шлюбу!»

ГАЁВКИ.

А. Гаёвки въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.

Дѣвушки, распѣвая этѣ гаёвки, берутъ дружка дружку за руку, образуютъ длинную плотную вереницу и дѣлаютъ самыя разнообразныя движенія, словно какъ бы ходили въ гаѣ (рощѣ). Но гаёвки въ обширномъ смыслѣ имѣютъ каждая свое особое тѣлодвиженіе.

1.

Ой вже весна вскресла!
Ой що же 'сь намъ принесла? —
«Принесла 'мь вамъ паски,
Яйцѣ и колбаски,
На дѣвоньки краски,
На дѣвки вѣнки,
На молодицѣ рубки,
На паробки шлеи,
Бо у нихъ долги шеи. *

2.

Тамъ коло двора сидѣла вдова,
Ой мала жь она та три дѣвоньки:
Одна зъ нихъ була тонка, высока,
А друга була бѣла, румяна,

---

* Каждый стихъ повторяется.

А третья була чорна, горбата.
Тонка, высока для поповича,
Бѣла, румяна для крôлёвича,
Чорна, горбата то для панича.
Ой якъ ся взяли паны съѣздити,
Такъ взяли ему её ганити:
Цы жь тамъ не було бѣлыхъ, румяныхъ?
Цы жь тамъ не було тонкихъ, высокихъ?
А ты собѣ взялъ чорну, горбату!
Липка тоненька борзо ся зломитъ,
Редьква бѣленька, коли гôренька,
Мачокъ чорненькій, гой солоденскій.

3.

На широкôмъ Дунаю писарь гуси зганяе,
Гу-у! гу-у! гугугу! писарь гуси зганяе.
Писарь гуси зганяе, на молодцѝ моргае,
Гу-у! гу-у! гугугу! на молодцѝ моргае.
Ой молодцѝ, молодцѝ! скажѣтъ моєй дѣвоньцѝ,
Гу-у! гу-у! гугугу! скажѣтъ моєй дѣвоньцѝ.
Най она замужъ иде, бо ся мене не дôжде,
Гу-у! гу-у! гугугу! бо ся мене не дôжде.
Якъ дѣвчина почула, ажъ за Дунай махнула,
Гу-у! гу-у! гугугу! ажъ за Дунай махнула,
Накопала корёня зъ пôдъ бѣлого камёня,
Гу-у! гу-у! гугугу! зъ пôдъ бѣлого камёня.
Полоскала на рѣцѣ, варила го въ молоцѣ,
Гу-у! гу-у! гугугу варила го въ молоцѣ.
Ой вставила до жару: «Кипи, корёнь, по малу,
Гу-у! гу-у! гугугу! кипи, корёнь, по малу!»
Ой ще корёнь не вкипѣлъ, а вже писарь прилетѣлъ,
Гу-у! гу-у! гугугу! а вже писарь прилетѣлъ.
Ой чого жь ты прилетѣлъ, коли 'сь мене не хотѣлъ?
Гу-у! гу-у! гугугу! коли 'сь мене не хотѣлъ?
Якъ бы я тя не хотѣлъ, я бъ до тебе не летѣлъ,
Гу-у! гу-у! гугугу! я бъ до тебе не летѣлъ.

Всёй же я свѣтъ вже злѣталъ, щемъ такои не видалъ,
Гу-у! гу-у! гугугу! ще 'мъ такои не видалъ:
На станочку тоненька, на личеньку бѣленька,
Гу-у! гу-у! гугугу! на личеньку, бѣленька.
Всёй же я свѣтъ вже злѣталъ, щемъ такои не видалъ,
Гу-у! гу-у! гугугу! щемъ такои не видалъ.
Ой на стану, на стану, такой я тя дóстану,
Гу-у гу-у! гугугу! такой я тя дóстану!
Ялóвнику безъ лѣку, скрыня грошей въ стебнику,
Гу-у! гу-у! гугугу! скрыня грошей въ стебнику!
Скрыня грошей въ стебнику, и дѣвчина въ лѣтнику,
Гу-у гу-у! гугугу! и дѣвчина въ лѣтнику!
Трицять коней на стайни, сорокъ овецъ въ кошари,
Гу-у! гу-у! гугугу! сорокъ овецъ въ кошари!

4.

Пóшли два братѝ въ поле орати,
Ганунька сестра ѣстоньки несла:
Ой здыбало еѐ гей бы два братѝ,
Гей бы два братѝ, два нежонатыхъ.
Дали Гануньцѣ коня тримати,
А сами сѣли, снѣданье съѣли.
Взрѣла Ганунька, що неправдонька,
Пустила коня въ чистое поле,
Сама скочила въ синёе море;
Ой якъ скакала, наповѣдала,
Щобы въ тóмъ морю воды не брати,
На водѣ пѣна, — щобъ не сбирати,
На травѣ роса, — щобъ не щипати,
Въ лѣсѣ береза, — щобъ не рубати,
Въ лузѣ калина, — щобъ не ломати,
Въ терну тернина, — щобъ не сбирати,
На грущцѣ груша, — щобы не рвати.
Бо въ морю вода — Гандзына врода,
На водѣ пѣна — Гандзына мѣна,
А въ травѣ роса — Гандзына коса,

Въ лѣсѣ береза — Гандзыне тѣло,
Въ лузѣ калина — Гандзыне личко,
Въ терну тернина — Гадзыни очи,
На грушцѣ груша — Гандзына душа.

5.

Ходжу, броджу по пôдъ лозы, душко моя!
Щиблю, ломлю барвѣнъ-листокъ — —
Барвѣнъ-листокъ, синій цвѣтокъ — —
Синій цвѣтокъ, я вью вѣнокъ — —
Я вью вѣнецъ, пôйду въ танецъ — —
А въ тôмъ танци нелюбъ ходитъ — —
Богдай вѣнка ажъ до вѣка — —
Якъ нелюба до обѣда — —
Нелюбъ гляне — вѣнецъ вяне — —
Милый гляне — вѣнецъ цвѣте — —

6.

Ой ты зазуле, ты дубрôвная,
Ой не куй рано въ тôй дубровонцѣ,
Та не буди мене та въ комороньцѣ!
Бо у мене свекорь, та не батенько,
Скаже ôнъ мѣнѣ дѣло робити,
Зъ долины въ гору камѣнь котити!
Ой ты зазуле, ты дубрôвная,
Ой не куй рано въ тôй дубровонцѣ,
Та не буди мене въ тôй дубровонцѣ!
Бо у мене свекроха, та не матѣнка,
Збудитъ мене ранче ôтъ себе,
Та скаже мѣнѣ дѣло робити,
Зъ долины въ гору камѣнь котити!

7.

Молодая ключниця по замкахъ ходила,
Молодого сторожа за руку водила:
«Стороже, жарты замкни въ чотыри замки,
Щобы не залѣталъ сивый соколенько,
Щобы не выносилъ панѣньской красы!
Панѣньска краса, якъ на барвѣнку роса:
Въ сырватцѣ мочена, на Дунаю прана,
На Дунаю прана, на шнурку сушена,
На шнурку сушена, на столѣ тачана,
На столѣ тачана, въ папѣръ завинена,
Въ папѣръ завинена, шпильковъ зашпилена,
Шпильковъ зашпилена, до куфра схована!»

Молодая ключниця по замкахъ ходила,
Молодого сторожа за руку водила:
«Стороже, жарты замкни въ чотыри замки,
Щобы не залѣталъ сивый соколенько,
Щобы не выносилъ паробоцкой красы!
Паробоцка краса, якъ на смѣтью роса:
Въ помыяхъ мочена, въ калабанѣ прана,
Въ калабанѣ прана, на плотѣ сушена,
На плотѣ сушена, на землѣ тачана,
На землѣ тачана, въ мѣшокъ завинена,
Въ мѣшокъ завинена, шиломъ зашпилена,
Шиломъ зашпилена, до грубы схована!»

8.

Дивно жь намъ, дивнесенько, пойшли дѣвки на вино,
Дивно жь н. д., молодицѝ за ними,
Д. н. д., а паробки назорцѝ,
Д. н. д., закупили дѣвки три крамы,
Д. н. д., молодицѝ три домы,
Д. н. д., а паробки три псярнѝ:
Д. н. д., берутъ дѣвки стонжечки,

Д. н. д., молодицѝ рантушки,
Д. н. д., а паробки колпаки.
Д. н. д., сыплятъ дѣвки червони,
Д. н. д., молодицѝ таляри,
Д. н. д., а паробки черепки.
Д. н. д., берутъ дѣвки медъ-вино,
Д. н. д., молодицѝ горѣлку,
Д. н. д., а паробки пивище.

9.

Тамъ пòдъ дубрòвкою, пòдъ зелененькою,
Тамъ паробки комарѝ бьютъ.
Тамъ пòдъ д. п. з. вже єдного забили.
Т. п. д. п. з. пòшли жь они до пана,
Т. п. д. п. з. будуть ся нимъ дѣлили.
Т. п. д. п. з. припалъ (котрому тамъ) голубецъ:
Т. п. д. п. з. «Цы жъ я, пане, не молодецъ?» —
Т. п. д. п. з. «Иди, Иваню, до дому,
Т. п. д. п. з. спече мати печеню,
Т. п. д. п. з. будешь мати вечерю!»

10.

Ой ще жь я тамъ не бувалъ,
Где ся явòръ розвивалъ.
Ой яворе, явореньку зелененькій!
Ой взòшло жъ тамъ, взòйшло
Три мѣсяцѝ ясныхъ, ой яворе, я. з.
Три мѣсяцѝ ясныхъ,
Три паробки красныхъ: ой яворе, я з.
Єдинъ ми найкрасшій,
Нашъ Василенько, ой яворе, я. з.
Другій ми найкрасшій,
Нашъ Иваненько, ой яворе, я. з.

Третій ми найкрасшій,
Нашъ Гринуненько, ой яворе, я. з.

Ой ще жъ я тамъ не бувалъ,
Где ся явôръ розвивалъ, ой яворе, я. з.
Взôйшло жь бо тамъ, взôйшло,
Три зôроньки ясныхъ, ой яворе, я. з.
Три зôроньки ясныхъ,
Три дѣвоньки красныхъ: ой яворе, я. з.
Єдна ми найкрасша,
Наша Марисенька, ой яворе, я. з.
Друга ми найкрасша,
Наша Гануненька, ой яворе, я. з.
Третья ми найкрасша,
Наша Тацуненька, ой яворе, я. з.
А Мариню взяти,
Съ Василемъ свѣнчати, ой яворе, я. з.
А Ганусю взяти,
Съ Иванёмъ свѣнчати, ой яворе, я. з.
А Тацуню взяти,
Съ Гринунёмъ свѣнчати. ой яворе, я. з.
Мариня со своимъ,
Йде въ холодокъ спати, ой яворе, я. з.
Гануся со своимъ
Йде въ поле робити; ой яворе, я. з.
Тацуня со своимъ
Йде до коршмы пити, ой яворе, я. з.
Василь иде со своєвь,
Очи протирає; ой яворе, я. з.
Иванъ иде со своєвь,
Та й плаче, та й плаче; ой яворе, я. з.
Гринё иде со своєвь,
Та й скаче, та й скаче, ой яворе, я з.

11.

А въ школѣ на припѣчку,
Гралъ дѣдько на скрипочку:
Паробки ся позбѣгали,
И передъ нимъ таньцювали.

12.

Пôдъ порогомъ паця квичитъ,
На припѣчку кисѣль бѣжитъ,
На постели воркунъ ворчитъ;
Паця каже: «Нагодуй мене!»
Кисѣль каже: «Помѣшай мене!»
Воркунъ каже: «Поцѣлуй мене!»

13.

Въ поповôй долинѣ
Выздыхали всѣ свинѣ:
Хлощѣ ся сбѣгали,
Зубами вытягали.

14

Та вербовая дощечка, дощечка,
Та ходила по нêй Настечка, Настечка,
Та решетомъ воду носила, носила,
Та дубровоньку гасила, гасила.
Та кôлько въ тôмъ решетцю водицѣ, водицѣ,
Тôлько въ паробкахъ правдицѣ, правдицѣ.
Що вступлю, то влуплю сухого деревця калинки, калинки.
Та роскладу огникъ съ тернинки,
Та приставлю борщикъ въ горнятку, въ горнятку;

А въ тôмъ борщику мысяча головка, головка,
Кто ёё буде ѣсти? — Паробки, паробки!

Та вербовая дóщечка, дощечка,
Та ходила по нёй Настечка, Настечка,
Та решетомъ воду носила, носила,
Та дубровоньку гасила, гасила,
Та кôлько въ тôмъ решетцю дúрочокъ, дúрочокъ,
Тôлько у насъ дѣвочокъ, дѣвочокъ.
Що вступлю, то влуплю сухого деревця калинки, калинки,
Та роскладу огникъ съ тернинки, съ тернинки,
Та приставлю каши въ горнятку, въ горнятку;
А въ той кашонцѣ грудка масла, грудка масла,
Кто ёё буде ѣсти? — Дѣвочки, дѣвочки.

15.

Въ (якôмъ тамъ сосѣднôмъ мѣстцѣ) дощикъ иде. —
До (своего се́ла) не чувати:
«Идѣтъ, люди, дивитися,
Иди, Гринуненьку, женитися!»
Поѣхалъ ôнъ на озериско,
Везе Мариню якъ помелиско.
Та й лѣталъ, та й лѣталъ по пôдъ небеса,
Причѣпилъ си жорна до пояса:
Где стане — крупы меле,
Крупы меле, опалае,
Та й Мариню обôймае.
Крупы меле, кашу варитъ,
Кашу варитъ, кишки паритъ,
Бо ёй на Великдень живôтъ болитъ.

16.

Сидѣла квочка коло кôлочка:
Буклѣя, моя милая,
Ты зъ мене мыслями духъ выяла!

Вывела она семеро курятокъ,
Буклѣя и т. д
Єдно жъ ми курятко — нашъ Иваненько,
Буклѣя и т. д
Друге ми курятко, — нашъ Гринуненько.
Буклѣя и т. д

Тутъ перебираютъ пѣвицы нѣсколько парубковъ, которые невдалекѣ отъ нихъ находятся, выставляя каждаго разныя добрыя или дурныя стороны, на примѣръ:

У Ивасенька горбатый тѣсчонько,
Буклѣя и т. д.
А у Гринуненька великіи патлы,
А въ Василенька великіи зубы,
А въ Павлуненька бѣлыи рученьки,
А въ Яндрусенька чорніи оченька, — и т. д.
Горбатыми плечами плотъ подперати,
Буклѣя и т. д.
Великими патлами пецъ замѣтати,
Великими зубами корыта стругами,
Бѣлыми руками паненки витати,
Чорными очима листы писати и т. д.

Б. Гѣвки въ обширнѣйшемъ смыслѣ.

Поставивъ одну дѣвушку посередкѣ, прочія дѣвушки, взявшись за руки, окружаютъ ее, и потомъ, ходя округъ ея, поютъ:

1.

Чернушко-душко, вставай раненько,
Вставай раненько, вмывай личенько!
Хотятъ тя люди взяти,
Хочемъ тя за мужь дати.

Стоящая по середкѣ, спрашиваетъ:

За кого, матусенько?
За кого, любусенько?

Прочія отвѣчаютъ:

За господаря, за его сына.

Первая:

Не пôйду, матусенько!
Не пôйду, любусенько!
За господаремъ треба рано встати,
Тра рано встати, обѣдъ варити:
Не пôйду, матусенько!
Не пôйду, любусенько!

Прочія повторяютъ сначала: «Чернушко-душко» и т. д., прибавляя: «що бы вставала раненько и вмывала личенько, бо ю хотятъ люди взяти, бо ю хотятъ замужъ дати», а она спрашиваетъ снова: «за кого.» Тѣ отвѣчаютъ:

За Цыгана,
За его сына! —

Она опять отвѣчаетъ, що «не по́йде», бо:

За Цыганиномъ, за его сыномъ,
Тра рано встати, мѣшкомъ дымати,
А я не вмѣю, тай ще не смѣю:
Не по́йду, матусенько! и проч.

Дѣвушки снова поютъ: «Чернушко-душко» и проч., прибавляя, что теперь выдадутъ ее «за Поповича, за его сына,» но она и того «не хочетъ,» бо:

За Поповичомъ тра рано встати,
Тра рано встати, книжку читати: —
Не по́йду, матусенько! и проч.

Тогда дѣвушки поютъ ей, что отдадутъ ее «за дѣдовина, за его сына;» она, по прежнему, «отказывается,» бо:

За дѣдовиномъ, за его сыномъ,
Тра рано встати, торбы латати:
Не по́йду, матусенько! и проч.

Наконецъ соглашается выйти:

За ганчарика, за его сына!
Ой по́йду, матусенько!
Ой по́йду, любусенько!
За ганчарикомъ, за его сыномъ,
Тра долго спати, нерано встати:
Онъ зробитъ горнецъ, возьме чорвонецъ,
Ой по́йду, матусенько!
Ой по́йду, любусенько!

2.

Дѣвушки становятся вокругъ, каждая отдѣльно, и поютъ:

Вонъ, хлопцѝ, вонъ, на горѣ лѣнъ,
На долинѣ зеленецъ, за три грошѝ молодецъ,
А за таляръ дѣвка, а за таляръ дѣвка!
Мои люби ласто́вочки,

Просили васъ, матѣночки,
Ой сôйдѣтся вразъ,
И въ долонѝ трясъ!

И сошедшись разомъ въ кучку трясъ въ ладони! но въ тактъ всѣ до одной. Потомъ, стоя вмѣстѣ, поютъ сначала, а въ концѣ прибавляютъ:

Розôйдѣтся вразъ,
И въ долонѣ трясъ!

Далѣе:

Отвернѣтся вразъ,
И въ долонѣ трясъ!
Присядьте си вразъ,
И въ долонѣ трясъ! —
Полягайте вразъ,
И въ долонѣ трясъ! — и т. п.

3.

Одна стоитъ посередкѣ, а прочія, окруживъ ее, подаютъ дружка дружкѣ руки и, ходя вокругъ ея, поютъ:

Ходитъ качорь въ гороховôмъ вѣнку,
Выбирай си, качорику, що найкрасшу дѣвку!

Середняя беретъ одну изъ нихъ, кружится съ нею и отпускаетъ къ прочимъ, что повторяется нѣсколько разъ, пока каждая дѣвушка не попляшетъ съ качорикомъ.

4.

При этой пѣсьнѣ наблюдается тоже самое, что и при пѣсьнѣ N. 3.

Та любесенькій голубе, голубе!
Та сивесенькій соколе, соколе!
Ой такъ, зайку, въ скоки, боки!
Ой такъ, зайку, та въ долоньки!
Скочкомъ-бочкомъ перевернися,
Гребѣньчикомъ розчешися!
Ой взуй же ся въ черевички,
Шукай собѣ панѣночки!

5.

При этой пѣснѣ наблюдается тоже самое, что и при пѣснѣ N. 3.

Тымку мôй рожовый,
Где жъ ти былъ? «Во Львовѣ!» —
Що жъ ти тамъ давали?
«Сто злотыхъ червоныхъ!» —
Ты, небоже, Тымку,
Возьми собѣ Химку,
Съ котровь хочь,
Та пôдскочь! —

6.

Дѣвушки становятся, какъ при N. 3-мъ; стоящая въ серединѣ представляетъ «дѣда», а дѣвушки поютъ:

Ой йди, дѣду, гусята пасти!
Ой дѣдъ, дѣдъ розстогнался!
Ой, йди, дѣду, гусятину ѣсти!
Ой дѣдъ, дѣдъ розскакался! —
Ты старый дѣду, чому ся не женишь!

Дѣдъ отвѣчаетъ:

«Старои не хочу, молода не пôйде.»

Всѣ повторяютъ:

Тану, Тану, тану! молода не пôйде.
Дѣдъ: Хоть она пôйде, въ пецу не розпалитъ;
Всѣ: Тану, т. т. въ пецу не розпалитъ.
Дѣдъ: Хоть въ пецу розпалитъ, ничого не приставитъ;
Всѣ: Тану, т. т. ничого не приставитъ.
Дѣдъ: Хоть она приставитъ, то го не посолитъ;
Всѣ: Тану, т. т. то го не посолитъ;
Дѣдъ: А хоть го посолитъ, то го не сваритъ;
Всѣ: Тану, т. т. то го не сваритъ.
Дѣдъ: Хоть она го сваритъ, то го не поставитъ;
Всѣ: Тану, т. т. то го не поставитъ.
Дѣдъ: Хоть мыску поставитъ, то сама не сяде.
Всѣ: Тану, т. т. то сама не сяде.

У тебе, дѣдуню, бородка шолкова,
У тебе, дѣдуню, оченька тернови.
Поѣдь но, дѣдуню, та на ярмарчище.
Та купи на бабу велику фандище!

7.

Поставивъ одну въ серединѣ, прочія дѣвушки окружаютъ ее въ недальнемъ разстояніи. Первая представляетъ любезную парубка, или жену, а послѣднія — парубка, и поютъ:

Чому, Галю, не таньцюешь? Галю! Галю!

Середняя отвѣчаетъ:

Бо не маю черевичковъ, кавалеру!

Дѣвушки отвѣчаютъ:

А я тобѣ черевички справлю, справлю!

Середняя:

То я тобѣ потаньцюю,
Ще й Вашецѣ поцѣлюю, кавалеру!

Такъ перебирается одежда дѣвичья или лѣтникъ. Послѣ къ середней присоединяется одна, а прочія поютъ:

Пойду жъ бо я зъ мѣста до мѣста,
Та куплю женѣ черевички зъ краму.
Чекай, жено, най примѣряю:
Цы вразъ, цы гараздъ, цы не коротеньки.

Вновь присоединившаяся показываетъ, что примѣряетъ середней черевички, и вдругъ отъ радости, что онѣ какъ нельзя лучше по ногѣ, прижимаетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ, а прочія поютъ:

Жоно жъ моя, жононько,
Та мов жъ ты серденько!
Пойду жъ бо я зъ мѣста до мѣста,
Та наберу жонѣ сороченьку зъ краму;
Чекай, жоно, най змѣряю! и проч.

8.

Дѣвушки, взявшись за руки, составляютъ кругъ, по серединѣ котораго становится одна изъ нихъ, представляющая парубка и поетъ:

Ой пôйду жь бо я ажь до Люблина
По холодочку въ лѣтѣ, по студененькой росѣ,
Ажь до Люблина дѣвку любити, —
По холодочку въ лѣтѣ, и проч.

Стоящая въ серединѣ выбираетъ себѣ изъ прочихъ дѣвушекъ тестя, свекровь и т. п., и поетъ:

Вотъ-тото буде та мôй тестенько!
Вотъ-тото буде моя свекронька!
Вотъ-тото буде мôй рôдный братенько!
Вотъ-тото буде моя сестронька!
А вотъ-тото буде моя миленька!

Прочія дѣвушки:

По холодочку въ лѣтѣ,
По студененькой росѣ.

Всѣ разомъ:

Дѣвку 'мь си влюбилъ,
Тестя 'мь си найшолъ,
По холодочку въ лѣтѣ,
По студененькой росѣ.

Женихъ, оженившись поетъ:

Ой ты, батеньку, горѣлки возьми,
А ты, матенко, колачй печи,
А ты, братчику, пива навари,
А ты, сестронько, хустоньки пери,
А ты, миленька, со мною ходи!

Прочія дѣвушки:

По холодочку въ лѣтѣ,
По студененькой росѣ.

Мужъ, недовольный тѣми, показываетъ имъ кулаки:

Тобѣ, батеньку, вотъ тото буде!
Тобѣ, матѣнко, вотъ тото буде! и т. д.
А ты, миленька, ходи со мною!

Дѣвушки поютъ.

По холодочку въ лѣтѣ,
По студенькой росѣ.

За тѣмъ мужъ велитъ женѣ своей итти съ нимъ; но тутъ онъ, опомнившись, начинаетъ передъ родными извиняться.

Ой ты, батеньку, та не гнѣвайся,
Я вчора пьянъ былъ, та не тямился.
Ой ты, матѣнко, та не гнѣвайся и т. д.

Дѣвушки доканчиваютъ:

По холодочку въ лѣтѣ,
По студененькой росѣ.

Видя, что жена не идетъ съ нимъ, спрашиваетъ всѣхъ:

Кто видалъ, кто слыхалъ
Мою жену на торзѣ?

Дѣвушки отвѣчаютъ:

А мы её видимо, тобѣ её не дамо.

Мужъ:

А а вамъ яйця дамъ,
Свою жену выдурю!

Дѣвушки:

А мы яйце изъѣмо,
Тобѣ жены не дамо.

Мужъ обѣщаетъ дѣвушкамъ дать всего изъ освящаемаго при Пасхѣ, но тѣ отвѣчаютъ, что онѣ все то скушаютъ, а жены все таки не выдадутъ ему; подъ конецъ мужъ говоритъ:

Я перстѣнецъ вамъ подкочу,
Свою жену выхвачу!

А дѣвушки отвѣчаютъ:

А мы перстѣнецъ на палецъ,
Тобѣ жены — кавалецъ!

Мужъ, разсердившись, бросается къ женѣ, которая стоитъ за коломъ (внѣ круга), но дѣвушки берутъ ее въ коло (кругъ), смѣются надъ его гнѣвомъ, и расходятся, припѣвая:

Я въ городоньку якъ панъ, якъ панъ,
А за городонькомъ якъ песъ, якъ песъ!

9.

Коло (кругъ), какъ подъ N 8-мъ. Стоящая посереди̇нѣ кола представляетъ воробця, которому дѣвушки предлагаютъ вопросы:

Та воробчику спадку, спадку!
Цы бывалъ же ты въ садку, въ садку?
Цы видалъ же ты, якъ по̀дъ макъ орютъ?

Воробчикъ ковыряетъ палочкой по землѣ, а дѣвушки поютъ:

Ой такъ, такъ, орютъ по̀дъ макъ!

Та воробчику спадку, спадку!
Цы бывалъ же ты въ садку, въ садку?
Цы видалъ же ты якъ макъ сѣютъ?

Воробчикъ машетъ рукой, какъ то дѣлается при сѣяніи, а дѣвушки поютъ: «Ой такъ, такъ, сѣютъ макъ!» и опять спрашиваютъ: «Якъ макъ скородятъ, полятъ, жнутъ, трясутъ?» На это, въ отвѣтъ, воробчикъ деретъ пальцами по землѣ, рветъ, траву, показывая руками, какъ жнутъ и т. п., а дѣвушки, похваливъ его за то, поютъ: «Ой такъ такъ, скородятъ, полютъ, жнутъ, трясутъ макъ!»

10.

Дѣвушки, взявшись за руки, образуютъ длинный рядъ, при чемъ двѣ первыя, отступивъ немного, поднимаютъ руки, подъ которыми проходятъ прочія, начиная съ конца ряда, и поютъ:

Ой війте ся огѐрочки,
Закѣмъ будутъ насѣнночки,
Щобъ ся люде дивовали,
Що ся красно повязали!

Ой погорѣ, по долинѣ,
Щобы было всей родинѣ!
Ой вьются огёрочки, вьють,
У дѣвчины на подвóрю медъ-вино пьють.

Когда весь рядъ пройдетъ такимъ образомъ подъ руками, то лѣвая рука задней очутится на лѣвомъ плечѣ передней, а правая рука передней — на ея лѣвомъ плечѣ, лѣвой же держится третьей дѣвушки. Тутъ поднимаютъ обѣ руки, подъ которыми опять цѣлый рядъ дѣвушекъ проходитъ, отъ чего вторая дѣвушка прійдетъ къ третьей въ то самое положеніе, въ какомъ была первая съ нею, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ не повяжутся. Ясно, что послѣдняя въ ряду не завяжется; почему она, взявши предпослѣднюю, обходитъ съ нею всѣхъ прочихъ, и потомъ становится вдвоемъ обокъ. То же самое дѣлаютъ слѣдующія двѣ и по окончаніи присоединяются своею парой къ первой, и это повторяется, пока всѣ не станутъ парами, одна подлѣ другой. Во время того дѣйствія поютъ:

Иванчику, Бѣлоданчику (или Подолянчику):
Поплынь, поплынь по Дунайчику,
Та зъ калинового лугу,
Выведу пару другу!

Становятся парами, нѣсколько отступя, кромѣ послѣдней, которая идетъ подъ руками всѣхъ прочихъ, и, отошедши, останавливается передъ первою. Это дѣлаютъ и слѣдующія пары, что продолжается столько, сколько угодно. При семъ дѣвушки поютъ:

Воротарю, воротнику!
Отвори ми воротонька! —
Ой що жъ то ми за панъ ѣде?
Ой що жъ то ми за даръ везе? —
Крайнёе детятенько,
Золотое зернятенько.

Послѣ сего дѣвушки становятся парами обокъ себя такъ, что обѣ дѣвушки изъ пары стоятъ одна противъ другой и держатся за обѣ руки, при чемъ правою рукой хватается за лѣвую на к о́ с т к а х ъ, а лѣвою за правую руку своей товарки тоже на к о́ с т к а х ъ. Когда всѣ пары установятся, то составится какъ бы п о м о́ с т ъ изъ рукъ, на которой пускаютъ дѣвочку, чтобъ она по немъ ходила, а прочія поютъ:

Ходитъ жукъ по ручинѣ,
А жучиха по деревинѣ.
Грай, жучку, грай,
То тобѣ край!

Ой дайте намъ околота,
Поведемъ хлопцѝ до болота,
А въ болотѣ хлопцѝ плачутъ,
А въ золотѣ дѣвки скачутъ.
Грай, жучку, грай, небоже,
Най ти Панъ Бо̀гъ допоможе!

11.

Дѣвушки становятся гурмою (толпою), передъ которую выходитъ одна и говоритъ: «Помогай Бо̀гъ вамъ!» Прочія отвѣчаютъ: «Дай, Боже, здоровье!» Первая спрашиваетъ: «Где вашъ Кострюбъ?» Тѣ отвѣчаютъ: «Поѣхалъ на ярмарокъ!» — «Чого?» — «Сорочку набирати.» — «Кому?» — «Менѣ.» — «Не нишо̀й.» Дѣвушка представляетъ несчастную, которая не могла съ своимъ милымъ никакъ сойтись; узнавъ, что онъ уѣхалъ на ярмарку за сорочкой для другой, жалѣетъ, что поздно рѣшалась открыться ему въ своей любви. Дѣвушки, какъ бы родные ея милаго, поютъ:

Головонько моя бѣдна!
Що жь бо я и вчинила?
Що жь бо я и вчинила?
Кострюбонька не злюбила.
Пріѣдь, пріѣдь, Кострюбоньку!
Стану съ тобовь до шлюбоньку,
Въ недѣлю-недѣленьку,
На то̀мъ сиво̀мъ кониченьку!

Несчастная снова повторяетъ: «Помогай Бо̀гъ вамъ!» и проч., и получаетъ подъ конецъ въ отвѣтъ, что ея Кострюба поѣхалъ, спо̀дницю набирати. для другой; это приводитъ ее въ смутокъ (печаль), и дѣвушки поютъ также, какъ и въ первый разъ, что повторяется до тѣхъ поръ, пока не переберутъ всего наряда дѣвичьяго, который Кострюба отправился купить для другой; потомъ говорятъ, что поѣхалъ въ старосты, къ другой, чтобъ тамъ обвѣнчаться. «А котра жъ то его наречена жена?» спрашиваетъ она въ сердцахъ. «А отъ котра!» отвѣчаютъ, указавъ на одну изъ среды своей, которая представляется ей дурною, похуже ея, и потому она поетъ:

Слава жь тобѣ, святый Боже,
Ой вже мене Кострюбъ во̀зьме!

Узнавши наконецъ, что Кострюбъ умеръ, обманувшій ея надежду, она, вмѣстѣ съ дѣвушками, поетъ съ отчаянія, смѣшаннаго вмѣстѣ съ радостью:

Слава тобѣ, святый Царю,
Вже мо̀й Кострюбъ на цминтарю!

Ноженьками придоптала,
Ученьками приплескала:
Лежи, дурню, теперь въ ямѣ,
Наклялъ ты ся моей мамѣ!

12.

Слѣдующая гаёвка поется смѣшаннымъ языкомъ, Русско-Польскимъ. Садится замужняя женщина и беретъ на колѣна дѣвочку, которая ложится ницъ. Другія дѣвушки садятся вокругъ ея, а три изъ нихъ, ставши передъ замужней, поютъ:

Pomagaj Bóg, Żelman, Pomaga Bóg jego brat,
Pomagaj Bóg Żelmanowa rodzina!

Сѣдящія отвѣчаютъ, какъ въ самой пѣсынѣ, при чемъ слово Żelman обѣ стороны употребляютъ:

Bodaj zdrów, Żelman, bodaj zdrów jego brat,
Bodaj zdrów, Żelmanowa rodzina!
Woco, woco, Żelman, woco, woco jego brat,
Woco, woco, Żelmanowa rodzina? —
Wo panienkie, Żelman, wo panienkie jego brat,
Wo panienkie, Żelmanowa rodzina! —
Na jakij grunt, Żelman, na jakij grunt jego brat,
Na jakij grunt, Żelmanowa rodzina? —
Na chłopski grunt, Żelman, na chłopski grunt jego brat,
Na chłopski grunt, Żelmanowa rodzina! —
А мы панны не маемо,
На хлопскій грунтъ не даемо,
Idź precz, Żelmanowa rodzina! —
Бувай здоровъ, Жельманъ,
Бувай здоровъ jego brat,
Бувай здоровъ Żelmanowa rodzina! —

Дѣвушки удаляются, а сѣдящія возвращаютъ ихъ:

Wróć się, wróć się, Żelman,
Wróć się, wróć się, jego brat,
Wróć się, wróć się, Żelmanowa rodzina!

Тѣ возвращаются и снова начинаютъ пѣть, приглашая ее выйти замужъ на грунтъ шляхецкій, поповскій, дѣдовскій (сельскій), наконецъ на Королевскій.

Теперь панну мы маемо,
На Кролёвскій грунтъ даемо,
Вотъ панна, вотъ, Zelmanowa rodzina!

Взявши отданную, отправляются съ нею въ другую сторону кладбища, гдѣ спрашиваютъ ее, умѣетъ ли она жати, вязати, и т. п., на что та отвѣчаетъ: «Нѣ, мене мамуня моя того не вчила,» за что въ нее, какъ нездалую (неученую), тыкаютъ пальцами, а она убѣгаетъ къ своей мамѣ, къ которой прочія приходятъ и поютъ:

Przyjdź, duszko, przyjdź!
Przyjdź, swaszko, przyjdź!
Зле 'сь си доньку научила,
Дитину 'сь ми зволочила! —
Зле 'сь си сына научила,
Дитину 'сь ми зволочила!
Przyjdź, duszko, przyjdź!
Przyjdź, swaszko, przyjdź!
Єдна воша варена,
А друга печена!
Ср... стара, ѣджь си сама! —
Твоя донька хлѣбъ садила,
На лопатѣ воши била! —
А твôй сынъ молотилъ,
На копици воши билъ!
Твоя донька лядащиця,
Твоя донька нездалиця!
Послали ê до овецъ,
Покололъ ê баранецъ!
А твôй сынъ сѣчку рѣзалъ,
Та на скрынцѣ воши вѣшалъ!
Ср... стара, сиди си сама!

ПѢСЬНИ

РУССКАГО МАКОВИЦКАГО ЛЮДА ВЪ УГРІИ,

СОБРАННЫЯ

Александромъ Павловичемъ,

Приходскимъ Священникомъ въ селѣ Бѣловежѣ, Пряшевской Епархіи.

1.

Коли муровали бѣлу Маковицу,
Гонили на панске убогу вдовицу.
Одну недѣленьку газду поховала,
Другу недѣленьку сына породила.
— — со сыномъ слѣгала;
— — сына на свѣтъ дала;
Въ три дни по породѣ на панске ей гнали
На панске ей гнали, покоя не дали.
На панске ся брала, горенько плакала,
Въ сызахъ купаного сына повивала.
На едной ручечцѣ сыночька тримала,
А съ другомъ рученьковъ камени давала:
«Муруйте, мурари, бѣлу Маковицу,
Не гонте на панске убогу вдовицу!»
Камени давала, озера глядала,
Жебы въ немъ своего сына поховала.
«Плавай, сыну, плавай по тихомъ озери,
Не зазналъ ты отца, не зазнашь матери;

Отца ты не зазналъ; бо ти го Панъ Богъ взялъ,
Матери не зазнашъ, бо тя утопила.
Утопитъ тя мати, не будешъ ей знати,
Будешъ тамъ въ озерѣ на вѣки плывати;
Та будешь въ озерѣ, якъ рыбка плавати,
Я подъ Маковицовъ до смерти плакати »

2.

Въ Угелѣ, въ Угелѣ, багатомъ Угелѣ,
А где ми тамъ жіе то убога вдова,
То убога вдова съ Угеле попова?
Мала она, мала дванацетъ сыночьковъ,
То ты сыночькове якъ нагло подросли,
Якъ нагло подросли, та на розбой пошли.
Єще она мала миле єдно чадо
Съѣднала го пасти Угелское стадо.
Пасло оно, пасло, стадо потратило,
Стадо потратило, дражки поблудило.
Вышло оно, вышло на ширу поляну,
По Русски спѣвало, горенько плакало.
Ей, обчули ми дванацетъ сбойници,
А якъ го обчули, то го обскочили,
Стали они, стали радоньку радити:
Что они съ нимъ маютъ, о Боже, сробити?
А єденъ братѣчько наймладшій, найкрасшій:
«Ей, повѣчь ты, повѣчь, откале ты родомъ?» —
«Ей, родомъ я, родомъ съ Угеля попова,
Тамъ въ Угелѣ жіе моя мати вдова.» —
«Сестро наша, сестро, покажъ тотъ фартушокъ,
Няй ти обсыпеме талярами брушокъ.
Понесь ты то, понесь, тамъ нашой матери,
Нягай она знае, сбосвъ сыновъ ма!»

3.

Съ єдной страны горы ружичька проквитатъ,
Съ другой страны бѣдна сирота нарѣкатъ,
Нарѣкатъ, нарѣкатъ, а брескинѣ сбиратъ:
«Брескинки, брескинки, якъ я васъ насбирамъ,
Якъ я васъ насбирамъ, кому же я васъ дамъ?
Кому же я васъ дамъ? Няна, мамы не мамъ,
Єдного брата мамъ, але о немъ не знамъ.»
Вѣтрикъ подуває, братъ коня стѣгає;
«Кто си на мня кличе? Гога, коню, гога!
Ми ся вшитко видитъ, же то сестра моя.»
Даровалъ ей дары, поставу два валы,
Два валы поставу на сукню белаву.
Ей обчюли ми то дванацетъ сбойници,
А якъ ихъ обчюли, та ихъ обступили;
Стали они, стали радоньку радити,
Чтобы они мали съ нима уробити.
Таку они, таку раду урадили:
Ганѣчьку сестрѣчьку взяли за женичьку
Яничька братѣчька шмарили въ темничьку.
«Ганѣчько, сестрѣчько, кедъ ти буде добрѣ,
Кедъ ти буде добрѣ, не забудъ же о мѣ!»
Ганѣчьцѣ, сестричьцѣ барзъ тамъ добрѣ было,
Цѣлкомъ о братови дѣвчятко забыло!
Сѣмь роковъ тамъ жила, якъ пахоля мала,
Свому пахолятку такъ она спѣвала:
«Ей люляй ми, люляй, ты мала дѣтино,
Ей не машь ты, не машь ніякой родины;
Ей маешь ты, маешь єдного уичька,
Єдного уичька, на имя Яничька.»
Ключики порвала, въ темницу бѣжала:
«Янѣчьку, братѣчьку, якъ же ся мѣ маешь?» —
«Ганѣчько, сестрѣчько, якъ о мя не дбаешь.» —
«Янѣчьку, братѣчьку, ци ти купель грѣти?» —
«Волѣла бы ты мѣ по попонька пóти.
Ей иди ты, иди по попа Руского,
Няй ся высповѣдамъ съ грѣху смертельного!»

4.

Ходило дѣвчятко коло Визлой воды,
Плакало, молило про милого Бога:
«Что мѝ дай, то мѝ дай, милый Пане Боже,
Лемъ ты мѝ то не дай дѣтинского болю,
Дѣтинского болю, бо я ся го бою!»
Скоро оно, скоро словце выгварило,
Двохъ бѣлыхъ сыночьковъ на свѣтъ породило.
Само оно, само в'но ихъ крестило,
Само оно, само мена имъ давало:
А єдному дало Ердыди Адамчо,
А другому дало то Ердыди Янчо.
Оно ихъ шмарило до той Визлой воды:
«Нягай васъ колыше тота Визла вода,
А нягай васъ плекатъ сама Матка Божя!»
А само ся взяло доловъ ку Будину,
Доловъ ку Будину, ку Будинской корчмѣ.
Напой продавати, пѣняжки читати.
То та Визла вода барзъ ся розиграла,
Двохъ бѣлыхъ сыночьковъ на брегъ выметала.
Такъ они ся взяли доловъ ку Будину,
Доловъ ку Будину, ку Будинской корчмѣ:
«Кочьмарко, кочьмарько, молода кочьмарько,
Дай ты намъ напою тако й безъ мѣряня,
Мы тобѣ пѣняжки тако й безъ читаня.»
Она имъ напою тако й безъ мѣряня,
Они єй пѣняжки тако й безъ читаня.
Она имъ напою тако й до скляночьки,
Они єй пѣнязи до єй кишеночьки.
«Щугайчицы двоми, шумны вы обоми,
Чорны очи мате, мѣ ся подобате,
Котрый мня возмете, не побануете!» —
Янйчько молодшій такъ то єй повѣдалъ:
«Дуже я походилъ, дуже я побродилъ,
Жебы сынъ матѣрь взялъ, никде я не видалъ!» —
Скоро она, скоро словце выслухала,
На добрый порошокъ тамъ ся розсыпала.

5.

Плаваютъ рыбочьки по тихомъ Дунаю:
Что мѣ съ молодости, кедъ своли не маю!
Младость, моя младость, где 'сь ся мѣ подѣла,
Ци 'сь мѣ утонула, ци 'сь пожаромъ стлѣла?
Кедъ есь утонула, плавай къ береженьку,
Кедъ пожаромъ стлѣла, горе ми серденьку!
Маешъ ты миня, мати, за нелюба дати,
Волишь ты миня, мати, въ вѣнци поховати.
Мати не слухала, за нелюба дала,
Такъ ей повѣдала и наказовала:
Жебы ажь о сѣмъ лѣтъ съ гостми прибывала.
Она не слухала, о рокъ прилетѣла,
Во вишневомъ садку на голузку сѣла,
Почала кукати, жалю задавати,
Съ той великой туги, ажъ ся яли сухы,
Голузочьки сухы въ садѣ розвивати.
Вышла на дверенька мати ей старенька,
Зачяли ей горьки слезы обливати:
«Кедъ есь зозуленька — до лѣса кукати,
А кедъ моя донька, подъ со мновъ до хаты!
Дѣвко моя люба, где же твое тѣло?» —
«Мое, мати, тѣло съ вѣтромъ улетѣло
Нягай го мужъ не бивае!»
«Доне моя, доне, где же твои руки?» —
«Мои, мамо, руки пошли они въ муки
Нягай ихъ мужь не стискае!»
«Дѣвусь моя мила, где же твои лица?» —
«Мои, мамо, лица пошли на плитица:
Нягай ихъ мужь не фласкае!»
«Дѣвусь моя, дѣвусь, где же твои очи?» —
«Мои, мамусь, очи пошли они въ ночи,
Нягай ихъ мужь не добае!»
«Доне моя, доне, где твои волосы?» —
«Мои, мамо, власы тихій Дунай носитъ,
Нягай ихъ мужь не тырмоситъ!»

6.

Ей погнѣвался, та й погнѣвался
Мой милый на мене,
Осѣдлалъ коня вороненького
Поѣхалъ пречь отъ мене!
Кебы я мала слугу вѣрного,
Послала бы я до него,
На Украину, на Украину
До мого наймильшого.
Послала бы я, послала бы я
Слугу найвѣрнѣйшого,
Няй бы пріѣхалъ, няй бы пріѣхалъ;
Бо ми тяжко безъ него.
Ей волы мои, половенькіи,
Чему же вы не орете?
Ахъ лѣта мои молоденькіи,
Якъ вы марнѣ гинете!
Свѣти мѣсачьку, ахъ свѣти ясно,
Свѣти якъ млынске коло,
Выйди, дѣвчино, сама едина,
Проговоръ ко мнѣ слово!
»Якъ же я маю, ахъ, къ тебѣ выйти,
И словце проговорити,
Ей будутъ люде то говорити,
Же тя хочю любити!« —
Нягай говорятъ и нягай судятъ
И по цѣлому свѣту,
Я тебе любилъ, любити буду
Мой предорогій цвѣту!

7.

Старша сестра брата мала,
На войну го выправляла,
На войну го выправляла,
Коника му осѣдлала.

Ужъ панове съ войны идутъ,
Братового коня ведутъ.
«Ахъ панове мои милы!
Где 'сте мого брата дѣли?
Ци вы его порубали?
Ци вы его посѣкали?
Ци вы его пострѣляли?» —
«Ни мы его не порубали,
Ни мы его не пострѣляли.
Ой осталъ онъ въ широ̂мъ поли,
Въ широ̂мъ поли на табори,
Триматъ главу при камени.
Коникъ его биля него,
Гребе ножьковъ, жалуе го,
Же не мае газды свого,
Малъ бы оброкъ, малъ бы сѣно:
Єсть тамъ плачу, нарѣканя,
Єсть тамъ кырви розливаня,
Єсть тамъ кырви по ко̂сточьки,
Гинутъ красны тамъ дѣточьки,
Летитъ палашъ за палашомъ,
Лѣеся кровь доловъ носомъ,
Летитъ куля за кульками,
Тече тамъ кровь потоками,
Єденъ кричитъ: «Ратуйте мня!»
Другій кричитъ: «Добійте мя!»
Третій кричитъ: «Берте яму,
Берте яму, кладте мня въ ню!»
Коли уже слѣпы народы провидятъ,
Христіянски дѣти! ахъ, про что кровь цѣдятъ!»

8.

Ахъ якъ тяжко за тобою тужитъ сердце, мила,
Когда мышлю, чьто 'мъ тя любилъ, ты мене любила.
Въ ночи не спю, день ми смутный, все гадка о тобѣ.
Жити буду я для тебе, любовь скончу въ гробѣ.

Якъ не бачу твоєй красы, рокомъ ми година,
Не розбієтъ моєй туги найблизша родина;
Хотя пôду, но при тебѣ я сердцемъ остану,
Не хотѣлъ бы я зрадити дорогу, кохану. —
«А якъ пôдешь, мôй наймильшій, дай же менѣ знати,
Абы знало мое сердце, вôдки вызирати.» —
Якъ одъѣхалъ, такъ одъѣхалъ, не сказалъ ни слова,
Тôлко кивнулъ рученькою: «Будь, мила, здорова!»
Сидитъ мила въ загородкѣ, карты выкладае,
Летитъ соколъ съ чужихъ сторонъ, она ся пытае:
«Ты, соколе сивусенькій, высоко лѣтаешъ,
Ци ли мого наймильшого да кде не видаешъ?» —
«Твôй наймильшій при могилѣ съ Богомъ почиває,
Єму соколъ сивусенькій голову искае.»
Ахъ, ты земле, земле, земле, свята мати,
Роспадися на четверо, дай ми ся сховати!

9.

Ахъ, Боже мой, которы
Сотворилъ небо и зори,
Потѣшъ мене сироту,
Най забуду клопоту!
Ци лêгаю, ци встаю,
Все о тобѣ гадаю,
Бо ми якъ въ день, такъ въ ночи,
Ставашъ мила предъ очи.
Ни ми ѣсти, ни пити,
Ахъ не знаю, якъ жити,
Бо ми якъ въ день, такъ въ ночи,
Ставашъ мила предъ очи.

10.

Скажи минѣ правду, ци любишъ ты мене,
Ци любишъ ты мене, ци пôдешъ за мене?
Ци любишъ ты мене, або нѣ,
Не суши серденько во минѣ!

«Тогда я ти буду всю правду казати,
Якъ мы будемъ въ церкви до шлюбу ставати.
Скажу я ти правду такую,
Не любуй ти, милый, другую!

Бо ты мене берешъ таку молодую,
Таку молодую, таку дорогую,
А коли я буду въ недугу,
Не позирай же ты на другу!» —

«Скари мене, Боже, на дорозѣ гладкой,
Малъ бы 'мъ мыслити о иншой да якой!
Скари мене, Боже, и доразъ,
Малъ бы 'мъ подумати негораздъ!»

11.

А тамъ доловъ, на долинѣ береза стояла:
Смутна мати на рученькахъ дѣтину тримала.
На полянѣ, на полянѣ шугай траву коситъ,
За шугаёмъ смутна мати дѣтиноньку носитъ:
«На же ти го, бѣлый шугай, на, твою дѣтину!
Вера Боже, присямъ Богу, же ти го прокильну!» —
«Дамь я тобѣ, дѣвчяточько, сто яловыхъ овецъ,
Лемъ ты на мня не повѣдай, же я его отецъ!» —
«А я возму, а я возму, сто яловыхъ овецъ,
А я повѣмъ, а я повѣмъ, же ты его отецъ.» —
«Дамъ я тобѣ, дѣвчинонько, корову сивую,
А я лишу, а я лишу дѣтиноньку твою.» —
«А я возму, а я возму корову сивую,
А я лишу, а я лишу дѣтиноньку твою.» —
«Дамъ я тобѣ, дѣвчинонько, коня вороного,
Лемъ не повѣджь, лемъ не повѣджь на мене самого! —
«А я возму, а я возму коня вороного,
А я повѣмъ, а я повѣмъ на тебе самого.» —
«Дамъ я тобѣ, дѣвчинонько, коновочьку меду,
А я тебе, а я тебе съ розуму выведу.» —
«Солодкій медъ, солодкій медъ въ твоёй коновочьци,

Добрый розумъ, добрый розумъ въ моей головочьци.
Чьто 'сь посѣялъ, чьто 'сь посѣялъ, то будешь сберати,
Ты дѣтинѣ грѣшный отецъ, а я грѣшна мати.
Ты обѣцалъ, ты слюбовалъ за жену мня взяти,
Вера Боже, присямъ Богу, то ся мусить стати.» —
«Ужь ся стало, и не дастся стати премѣнити,
Не годенъ я ужь инакше собѣ порадити.
Нестаточнѣ, ахъ нечестно мы вразъ учинили,
Красы, вѣнца зеленого мы ся посбавили.
Кедъ мы смѣли передъ Богомъ злы скутки зробити,
А мусиме передъ свѣтомъ встыдъ, ганьбу терпѣти.
Побермеся, а будеме богобойно жити,
Богъ намъ рачитъ наши грѣхи тяжки отпустити.»
Ахъ жалостне, прежалостне стояло весѣля:
Нѣтъ барвѣнку, розмаріи ни жядного зѣля.
Плачутъ, руки заламуютъ бѣдный отецъ-мати,
Было, было имъ дѣточьки лѣпше дозирати.
Было, было дозирати, якъ цвѣтокъ, дѣвицу,
Жебы мотылъ не засѣялъ до ней гусеницу.
Бо хоцъ мотылъ позлатистый, красны крылца маѥ,
Але съ ѥго сердца червакъ квѣтки пожираѥ.
Треба, треба мотылисковъ бити, отганяти,
Та дѣвочки, якъ цвѣточьки, будутъ проквитати.

12.

Кедъ ся милый отъ милой бралъ,
Праву руку отъ ней жядалъ:
«Мила моя, дай ми руку,
Не приду я того року.
Кедъ не приду о рокъ, о два,
Не чекай мня, мила, никда!»
За два роки го чекала,
А на третій чарувала,
На третій го чаровала,
Суху грушку подливала:
Боже, Боже, чьто за чары,

Же мертве тѣло прогваритъ.
Въ четверъ вечуръ по вечери
Не выстало и полночи,
Иде милый дуркаючи:
«Ци спишъ, мила, ци ты чуешъ,
Ци ты мене обчекуешъ?» —
«Не спю, милый, чую, чую,
Бо я тебе обчекую.» —
«А ты мила мого сердца,
Отворъ же ми, отворъ дверца!» —
«Витай, милый, наймилѣйшій!
Ци ти постѣль постелити,
Ци челядку побудити?» —
«Мила, не стель, ты ся не трудъ,
А ни ты челядку не будъ.
Но сядъ собѣ на столичокъ,
Поискай мня да кусчичокъ!»
А якъ она го искала,
Прегоренько заплакала:
«Ей милый мой, наймиленьшій!
Ахъ чьто же ся тобѣ стало,
Же тво личько такъ поблядло,
А волоски побутнѣли?» —
«Мила моя, сердце єдно,
Не дивуйся чуду тому!
То ся стане бодай кому.
При Дунаю варту 'мь стоялъ,
На мня силный вѣтеръ вѣялъ,
Тамъ ми личька поблѣднѣли,
А волосы побутнѣли.
Мила моя, сердцо єдно,
Выпровадъ мня на загумно,
На загуменки зелены,
Подъ черешни, подъ червены!
Тамъ мы собѣ посѣдаме,
Тамъ мы собѣ руки даме.»
Якъ они тамъ посѣдали,
Та когуты заспѣвали.

«Идъ до дому, моя мила,
Жебы 'сь ся не обизрѣла,
А скоро ся ты огляднешъ,
Та ты доразъ тамъ пропадешъ.
Мила моя, сердцо єдно,
Подякуй Богу милому,
И когутови ночьному,
Кебъ былъ когутъ не заспѣвалъ,
Былъ бы 'мъ ти голову снималъ,
Ахъ бо я ужь не твой милый,
Лемъ я дяболъ справедливый!»

13.

Ей доловъ, ми доловъ, тамъ доловъ далеко,
Ей жили, тамъ жили двѣ близки сусѣды.
Єдна мала дѣвку бѣлую Ганичьку,
Друга мала сына бѣлого Яничька.
Тоты двоє люди такъ ся любовали,
Же и въ святой церкви покоя не мали.
Они въ святой церкви покоя не мали,
Со златымъ яблочькомъ до себе метали:
Ганусина мати на томъ застояла.
Отъ вышней сусѣды муръ тягати дала.
«Мураре, мураре, такъ же муръ тягайте,
До вышней сусѣды облачокъ нягайте,
Жебы я видѣла бѣлого Яничька,
Коли онъ поведе до воды коничька!» —
«Умру, матусь, умру, про бѣлу Ганичьку,
Про ей бѣле тѣло моє сердце млѣло.»
«Не умри, Яничьку, про бѣлу Ганичьку,
Дамъ я мурувати округлу корчьмичьку:
Пойдутъ до ней, пойдутъ панѝ и панове,
А чей мати пуститъ до ней и Ганичьку.» —
«Пустте мня, мамичько, до округлой корьчмы!» —
«Не пущу, не пущу, ты хижечна курво!» —
«Умру, матерь, уму про бѣлу Ганичьку,

Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло.
«Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
Ей дамъ я справити ременяный мостокъ:
Панове и паньи пойдутъ по мостичьку,
А чей пуститъ мати и бѣлу Ганичьку.» —
«Умру, матусь, умру про бѣлу Ганичьку,
Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло.» —
«Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
Дамъ вымуровати округлу церковцу,
Панове и паньи пойдутъ до церковци,
Може и Ганичьку мати до ней пошле.» —
«Пусти мня, мамичько, до округлой церкви!» —
«Не пойдешь, не пойдешь, ты, хижечна курво!» —
«Умру я, мамичько, про бѣлу Ганичьку,
А ужь конецъ былъ, серденько не било.»
Ганчя ся дознала кановцу порвала,
Кановцу порвала, на воду бѣжала,
Труны ся хватила, житя утратила.
А такъ едно тѣло легло съ другимъ тѣломъ,
Души спочиваютъ съ милымъ паномъ Богомъ.
Съ едной страны церкви Яничька сховали,
Съ другой про Ганичьку смутный гробъ выбрали,
На Янчовомъ гробѣ росла розмарія,
На Ганчиномъ бѣла прекрасна лелія.
Тоты двое зёля такъ повырастали,
Ажь ся ихъ вершочьки верхъ церкви схаджали.
Ганусина мати на томъ застояла,
Драбины ставляла, вершки сожинала.
Яничьково тѣло съ гробу прогварило:
«Ей мати, ты мати, пренедобра мати,
Не дала 'сь намъ жити, дай намъ почивати!
Хоцъ тѣло во гробѣ гніе, порохніе,
Але наша любовь и за гробомъ жіе.»

14.

Пошолъ Ванічько въ огляды
Безъ материной порады,

А мати якъ ся дознала,
Доразъ на гору бѣжала.
На высоку гору бѣжала,
Жолте корѣня копала,
Въ червеномъ винѣ мочила,
Жебы невѣсту гостила.
Невѣста презъ прагъ вкрочуе
Свекра ей сь виномъ честуе:
«Пій ты, невѣсто, пій вино,
Не пила 'сь таке якъ живо!»
Невѣста краснѣ здравкала,
Не пила, Ванёви дала.
Скоро Ванюсё ся напилъ,
Доразъ за сердце ся хватилъ:
«Ахъ, мамо, чьто вы сробили,
Никда вы добры не были.
Хотѣли 'сте Ганчю стравити,
Ей, а вы мене стравили!»
Ужъ Ванюшкови берутъ гробъ,
Гануся иде на выводъ.
Ванюшку несутъ до гробу,
Гануся иде съ выводу.
Партичько моя премила,
Ахъ якъ ты ми ся смѣнила:
Я лемъ съ Ванйчкомъ шлюбъ взяла,
Але съ нимъ нôчьку не спала!»

15.

На самы святы Русаля
Мати сыночька прокляла;
А якъ она го прокляла,
Та го до лѣса послала,
Выгнала єго до лѣса:
«Иди ты собѣ до бѣса!
Жебы ты тамъ сталъ яворомъ,
А твôй коничокъ каменемъ!

Якъ тому тыждень преходилъ,
Матери жаль ся уробилъ:
«Ей Боже, Боже, Боже мой,
Ахъ где ся подѣлъ тотъ сынъ мой?
А буде ярмакъ въ Левочи,
Пôйду я, пôйду плачучи,
Пôйду я, пôйду на него.
Глядати сына моего.»
Ходитъ отъ краму до краму,
Смотритъ до очей каждому.
Треба ся домовъ вертати,
Не можь ту сына познати.
Якъ ишла домовъ, дощь падалъ,
Та ей до лѣса тамъ загналъ.
А стала она подъ яворъ,
Вздыхала: «Боже, Боже мой,
Ей яворъ, яворъ зеленый,
Якій ты красный, руменый;
Таки на тобѣ голузки,
Якъ мого сына волоски.
Таки на тобѣ листочьки
Якъ того сына губочьки!»
А яворъ ку ней промовилъ:
«Ой иди, мамо, ты домовъ,
Отъ тамо до дому своего,
Ужь я не пôйду до него!
Идъ оганяти худобу,
Бо я до дому не пойду.
Я ту остану яворомъ,
А сивый коникъ каменемъ!»

16.

А тамъ доловъ при Выравѣ,
Святый образъ малёвали.
Лукачь почалъ малювати,
Пришла къ нёму Божа мати:
«Ляжь, Лукачу, лягни спати,
Буду образъ малёвати!»
Лемъ тваричьку притулила,
Доразъ образъ утворила.
«Встанъ, Лукачу, встанъ заспаный,
Ужь ти образъ смалёваный!»
Чьтыри волы запрягали,
Святый образъ на вôзъ клали.
Якъ съ образомъ въ лѣсѣ были,
Тамъ ихъ сбойницы встрѣтили:
«Стôй, фурмане, не ходъ далѣ!
Мы твой образъ порубаме.»
Фурманъ кричитъ: «Не рубайте,
Стовпами ту поставайте!»
Гнетъ стовпами поставали,
Святый образъ не рубали.
А такъ они далѣ ишли
Ажь и къ святой церкви пришли:
Дзвоны самы задзвонили,
Свѣчьки самы ся зажжали.
Якъ до церкви образъ клали,
Та ангели заспѣвали.
Богъ кличе: «Фурмане, горѣ,
Понагляйся, подъ гевъ скорѣ!» —
«Якъ я маю горѣ ити,
Маю жену, маю дѣти?» —
«Ци ли хочешь корецъ грошей,
Ци хочешь райски роскоши?» —
«Не хочу я корецъ грошей,
Волю я райски роскоши!»

17.

А што же я, а што же я, бѣдна, учинила?
За што жь мене молоденьку зла доля побила?
А што же я буду, бѣдная, чинити?
Кого вѣрне сердцемъ люблю, того не любити?
Чи я въ свѣтѣ, чи я въ свѣтѣ, токмо единая,
За што жь бо я молоденька такъ несчастливая!
Ци я въ дому, ци въ дорозѣ, ци я во чужинѣ,
Не знала я никда добра, а ни три годины.
И родина и чужина мною ся цурае,
А въ несчастью рады мѣнѣ жаднои не дае.
Єстъ у свѣтѣ людей много, а нема съ кимъ жити,
Бѣдна жь моя головонька, што буду чинити?
Мати моя, мати моя, што же 'сь учинила,
На што 'сь мене молоденьку на сей свѣтъ родила?
Родила 'сь мня, моя мати, дала 'сь сердцу волю,
А не дала 'сь ми съ тимъ жити, черезъ кого болю.
Лѣпше жь было мене, мати, въ купелѣ зальяти,
Нѣжъ такую несчастную на сей свѣтъ пускати.
Ховала 'сь мня, моя мати, въ папѣръ завивала,
За панича лагодила, за немила дала.
Посѣяла руту круту по надъ берегами:
Нѣякъ мѣнѣ погуляти передъ ворогами.
А я своёй крутѣ рутѣ вершки позрываю,
Якъ вороги спати лягнутъ, я си погуляю.
На што минѣ, моя мати, собаки тримати,
Маю жъ бо я ворогоньки, што будутъ брехати.
Нехай брешутъ, нехай брешутъ, добрешутся лиха,
Моя душа, сердце мое, любуймося стиха!
Жито мати, жито мати, жито, не пшеница:
Чѣмъ хлопчину не любити, коли подобится.
Ахъ вы, неба, ахъ вы, неба, вы, роки правдивы,
Видячи мене въ несчастью, будте справедливы.
Позвольте жъ ми, аже бы я счастливая была,
Съ тымъ, кого 'мъ надъ житя свое сердцемъ улюбила!

18.

«Постôй, постôй, Коломыйче, десь въ чорта бавился,
Якимъ чортомъ хочешь быти, же 'сь такъ осмолился?»
«Мы хорошо ходимо, такъ якъ и вы люде,
Коломыйчокъ, якъ хрущокъ, коло дому буде.»

«Не знаешь ты, пане брате, не знаешь ты бѣды,
Яке лихо въ нашêмъ дому, спробовати приди!
У насъ газда неборакъ, ѣсть хлѣба и рака,
И недѣля и пятница у него еднака.»

«А мы бѣды не знаемъ, а ни въ чужомъ дому,
Не кланяемся за грôшъ, ни за хлѣбъ никому;
Бо мы маемъ подостатокъ якъ ѣсти, такъ пити,
Скоро прійдемъ до домоньку, есть где отпочити.»

«Мы полрока съ гладу мремо, нимъ осмакъ найдемо,
Куска хлѣба не найдемъ, якъ до дому прійдемъ.
А якій грôшъ заробимо, лигнеся въ дорозѣ,
А прійшовши до домоньку, лихо на порозѣ.»

Я прійшовши съ дороги, топчу коло хаты,
Жêнка кричитъ и не даетъ до себе пристати.»
«Иди, иди, сатано, пропивши худобу,
А я пôду на Вкраину съ дѣтьми на слободу.

«Ты встрашився кочерги, та й утêкъ отъ жêнки,
А мы, кпы, со стрѣльбами павши межи дѣвки.
Не встрашатъ насъ Ляхôвъ саблй, не встрѣшатъ ни знаки,
Якъ насъ придутъ полошити—выпнемъ на нихъ с...и.

19.

«Ой ты дѣвчино зарученая,
Чому такъ ходишь засмученая»? —
«Ахъ якъ я маю весела быти?
Кого я люблю, тяжко забыти!»

«Ей ты дѣвчино, мыслями блудишь,
Сама не знаешь, кого ты любишъ.» —
«Знаю я, знаю, кого кохаю,
Тôлько не знаю, съ кимъ жити маю!»

20.

Ей знати, знати, кто кого любитъ,
Съ близенька сѣдитъ, серденькомъ нудитъ.
Ей знати, знати, кто съ кого кпится,
Съ далека сидитъ, чортомъ дивится.
Ей знати, знати, кто неженатый,
Хорошо ходитъ, мушу признати.
Ей знати, знати, кто оженився,
Сгорбивъ, скулився и зажурився.
Ей бѣда тому та женатому,
Якъ тому горнцу, та щербатому,
Кипитъ и кипитъ, а все сбѣгае,
Где повернеся, счастья не мае.

ПѢСЬНИ

РУСИНОВЪ-ЛЕМКОВЪ ВЪ ГАЛИЦИИ,

СОБРАННЫЯ

Алексѣемъ Ивановичемъ Торонскимъ.

1.

Зôйди, мѣсячку, зôйди, мѣсячку, такъ якъ кой млынске коло:
Выйди, дѣвчино, мое серденько, прогвари до мня слово!
«Якъ же я маю, якъ же я маю, до тебе выходити,
Люде говорятъ, люде боронятъ, жебы тя не любити!» —
«Нехай говорятъ, нехай боронятъ, ажъ по цѣлôмъ свѣту,
А я тя люблю, любити буду, ты мôй рожовый квѣту!» —
«Жадна пташина безъ товариша не пребыває въ лѣсѣ,
А ты поѣхалъ, мене поняхалъ, якъ ластôвоньку въ стрѣсѣ!
А ты поѣхалъ, мене поняхалъ, а я, бѣдненька, плачу,
Сплакала 'мь очи, якъ въ день, такъ въ ночи, што свѣта не бачу »
Ей волы мои половенькіи, чомъ вы мѣ не орете?
А лѣта мои молоденькіи, якъ мѣ марнѣ гинете!
А волы мои половенькіи, перестанте орати,
А лѣта мои молоденькіи, перестанте гуляти!
Ой летѣвъ орелъ та по надъ море, немилостиво кряче:
«Каждый отецъ и кажда мати за своимъ сыномъ плаче!»
Ой летѣвъ орелъ та по надъ море: «Дай, море, пити!»

А трудно менѣ молоденькому въ чужой сторонѣ быти.
Выросла травка барзъ высокая, побродили ей люде:
Не было правды въ нашôй сторонѣ, а ни южь ей не буде.
Якъ на Подôлю, такъ на Пôдгорью голосненькіи звоны:
Поклонитеся своей родинѣ, не вернуся николи!

2.

Гавране, гавране, высоко лѣтаешь,
Высоко лѣтаешь, далеко выжаешь.
Ци не видѣлъ ты тамъ мои штирй волы,
Мои штырй волы, всѣ штырй половы?
«Ой видѣлъ, я, видѣлъ, на высокой горѣ,
На высокой горѣ отецъ нима оре,
Отецъ нима оре и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей дѣвоньки навертацъ волоньки.»
Твôй найстаршій братикъ пшеничку сѣе,
Пшеничку сѣе и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей сестрички вынести пшеничкы.»
Середушній братикъ бороницъ ся сбера'тъ,
Бороницъ ся сбера'тъ и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей сестрички навертацъ коничкы.»
Твоя стара мати за кроснами сѣдитъ,
За кроснами сѣдитъ и все тя спомина'тъ:
«Нѣтъ моей дѣвоньки навиваць чôлоникы,
Наймолодшій братикъ пистолетъ вытера'тъ,
Пистолетъ вытера'тъ, за тобовъ ся сбера'тъ.»
Скоро того дѣвча, скоро выслухало,
Заразъ ся отъ жалю на прахъ розсыпало;
А чорны гавраны потрêбъ отправляли,
А дробны птачькое барзъ краснѣ спѣвали!
Вшитко ся кланяло, древо и корêня,
Древо и корêня и вшитко створêня;
Лемъ ся не вклонила несчестна осика:
Бодай ся трепала отъ нынѣ до вѣка,
Отъ нынѣ до вѣка, до вѣка вѣчного,
До вѣка вѣчного, до суду страшного!

3.

Приснилъ мѣ ся сонъ дивненькій,
Же мѣ хорый братъ рôдненькій:
Треба коцй запрѣгати,
До братенька поѣхати.
Якъ ввидѣлъ братъ сестру свою,
Гваритъ до жены посполу:
«Сховай, жено, хлѣбъ зо стола,
Бо ту иде сестра моя!» —
«Цытъ, братеньку, не страхайся,
Хлѣбъ зо стола не ховайся!
Не иду тя выѣдати,
Лемъ тя иду отвижати.
Плыне вода, а все буде,
Мы пôмреме, а хлѣбъ буде.» —
«Тече вода, и все текла,
Моя сестра правду рекла.»

4.

Ой тату, татоньку, лемъ есь мня едну малъ,
И то ту ты мене далеко отъ ся далъ,
За горы высоки, за лѣсы глубоки,
Лемъ по поли хожу и лишеньки свожу!
«Цытъ ле ты, дѣвонько, цыть ле ты, небого;
«Машь ты девять братôвъ, мене десятого,
«Мене десятого, вôтця старенького,
«Якъ мы ся зôйдеме, кривду оженеме.»
Пришли они, пришли, передъ новы врата:
«Отворь же намъ, отворь, наша сестра власна!» —
«Я вамъ не отворю, бо ся мужа бою,
Мои бѣлы ручкы назадъ повязаны,
Мои дрôбны ключи ёму пôдъ главами.» —
«Жено моя люба, съ кимъ ты тамъ говоришь,
Съ кимъ ты тамъ говоришь, чомъ му не отворишь?» —
«Ишли люди, ишли до мѣста нового,

Дороги не знаютъ, мене ся пытаютъ.» —
«Вара, жено, вара зъ той тюрнички заразъ,
Бо южь ся не будешь по ней прохажала.»
«Теперь 'сте мѢ, братя, кривдоньку огнали,
«Мои дрѢбны кости на прахъ розсыпали!»

5.

Лѣтала пава, лѣтала,
Срѣбны квѣточки, злоты перѣчка роняла;
Лѣтала она безъ горы,
До своей любой ростомиленой матери.
Тамъ ей весѣлье стояло,
Штирѝ трубаше, пять пахолятъ ей грало:
«Грайте, трубаше, весело,
«Покля мѢ вѣнецъ, златый перстѣнецъ на главѣ;
«Бо якъ я го ся посбуду,
«И половицу така весела не буду!»

6.

Ой заквитли фіялоньки, заквитли,
Цѣлы горы и долины закрыли,
Ходитъ по нихъ Марисенька спышная,
За невъ, за невъ ей мати стихая:
«Не ходъ же ты, моя мати, за мною,
«Не мила мѢ розмова съ тобою.
«Лемъ мѢ мила розмовонька съ кимъ иншимъ,
«Тимъ Василёмъ молоденькимъ наймильшимъ.»

7.

Козакъ коня напавае,
Дѣвча воду наберае:
«Дѣвче, дѣвче! подь же съ нами,

Съ молодыма Козаками!»
Дѣвча дурне послухало,
Съ Козаками поѣхало.
Ишли ночку и другую,
А на третью стали стати,
Казалъ Козакъ лôжка слати:
«Не мати мня выдавала,
«Жебы я ти лôжка слала;
«Выдала мня воля моя,
«Несчастная доля моя!»
А зъ суботы на недѣлю
Вышло дѣвча на могилу,
Попатрило на долину:
На долинѣ фіялочки,
Сбераютъ ихъ паняночки
На недѣлю на вѣночки.
Дѣвча стало, заплакало,
До матере отказало:
«Няй ся мати не фрасуе,
«Няй мѣ вѣнo не готуе,
«Бо ся ужь свѣновала,
«Съ Козачками поѣхала!»

8.

Ѣхали Козацы,
И Галинка съ нима:
«Што будешь робила,
Галенько єдина? —
«Буду шаты прала,
«По таляру брала.» —
«Де жь ихъ будешь прала,
Галенько єдина?» —
«На тихôмъ Дунаю,
«Козаче, гультаю!» —
«Де будешь сушила,
Галенько єдина?» —
«На єдвабномъ снуре,

«Козаче, байдуре!» —
«Чѣмъ будешь качала,
Галенько єдина?» —
«Златовъ качальничковъ
«И срѣбнымъ прайничкомъ.» —
«Де жь будешь качала,
Галенько єдина?» —
«На липовомъ столе,
«Козаче, соколе!»

9.

О Савѣ.

Пѣшовъ панъ Сава, забавился
Въ попа на обѣдѣ,
Та южь запомнулъ та панъ Сава
О своєй тяжкой бѣдѣ.

Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ землю похилился:
Иде Сава зъ Украины,
Южь кусъ засмутился.

«Гараздъ, гараздъ, челядонько,
Якъ ся мѣ маєте?
Бо я ходжу вандруючи,
Якъ ту газдуєте?» —

«Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
Добрѣ ся намъ поводитъ,
Ваша жена, наша панѣ,
Сына намъ породитъ.»

Сѣлъ сой Сава конецъ стола,
Листоньки сой пише,
А Савова молодая
Дѣтину колыше.

«Иди, дѣвко, до пивницѣ,
Вточи мѣ горѣлки,
Нехай я ся разъ напію
До свеѣ любой жѣнки!

Иди, хлопче, до пивницѣ,
Вточи менѣ вина,
Нехай я ся разъ напію
До своєго сына!»

Сидитъ Сава конецъ стола,
Листонькы читає,
А Савова молодая
Дѣтину купає.

«Иди, хлопче, до пивницѣ,
Вточи тамъ мѣ меду,
Маме мы самъ тѣхъ талярóвъ
Якъ єдного леду!»

Єще хлопецъ не повернулъ
Зъ той новой пивницѣ,
Полно Ляхóвъ-Гайдамахóвъ
Въ Савовóй свѣтлицѣ.

«Гараздъ, гараздъ, пане Саво,
Якъ ты намъ ся маєшь?
Далекіи гости маєшь,
Чѣмъ ихъ привитаєшь?»—

«Далъ бы 'мъ вамъ вина-пива,
Не будете пити,
Лемъ вы мене молодого
Хочете сгубити!»

Взяли Саву, пóднесли го:
«Пóзри на маєтокъ свóй,
Же єсъ ходилъ, рабуючи,
«Теперь не буде твóй.

Ой не єденъ пресердечнѣ
Горенько заплакалъ:
А ты ходилъ, гуляючи
«За ёго працу 'сь скакалъ.»

Взяли Саву на три пики,
Пóднесли го горѣ:
«Ой повѣдай, пане Саво,
Де 'сь пѣняжки подѣлъ?»

«Дрѡбненьки 'емь попропивалъ,
Бѣленьки 'емь смѣнялъ,
А сивеньки кониченьки
Панѡмъ 'емь даровалъ.»

«А на жь ти ты, пане Саво,
То за твои збытки,
Не ходъ церкви рабуючи,
До села Вербитки!»

10.

На полянѣ, на Турянѣ,
Лежитъ Янчикъ порубаный,
Порубаный, пострѣляный
И кулями спробиваный.
Пришолъ къ нѣму отецъ ёго:
«Сыну, сыну, што ту робишь?
Чомъ до дому не приходишь?
Южь сѣмъ рочкѡвъ якъ воюешь,
Де жь есь товаръ поподѣвалъ?» —

«Тату, тату, идь до дому,
Не робь жалю сердцу мому!
Не пыташься, што мя болитъ,
Лемъ ся пыташь о товарѣ!

На полянѣ, на Турянѣ,
Лежитъ Янчикъ порубаный,
Порубаный, пострѣляный,
И кулями спробиваный.
Пришла къ нему мати ёго:
«Сыну, сыну, што ту робишь
Чомъ, и проч.

На полянѣ, на Турянѣ
Лежитъ Янчикъ порубаный,
Порубаный, пострѣляный,
И кулями спробиваный
Пришла къ нему мила ёго,

Кричитъ, плаче, жалуе го:
«Милый, милый, што ту робишь,
Чомъ до дому не приходишь?»
Шату драгу розодрала,
Єго рану завивала.
«Лѣпша миленька,
Якъ мати родненька.»

11.

Плывало дѣвчатко по тихомъ Дунаю,
Перехожа'тся отецъ по зеленомъ гаю:
«Ей тату, таточку, поможь мѣ приплынути;
Бо южь мѣ приходитъ въ Дунайку загынути!» —
«Дѣвко моя люба, бодай 'сь загинула,
Бодай 'сь загинула, бо 'сь недобра была!»

Плывало дѣвчатко по тихомъ Дунаю,
Перехожа'тся мати по зеленомъ гаю:
«Ей мати, матѣнко, поможь мѣ приплынути;
Бо южь мѣ приходитъ въ Дунайку загинути!» —
«Дѣвко моя люба, бодай 'сь загинула,
Бодай 'сь загинула, бо 'сь недобра была!»

Плывало дѣвчатко по тихомъ Дунаю,
Перехожа'тся братикъ, сестра и проч.

Плывало дѣвчатко по тихомъ Дунаю,
Перехожа'тся милый по зеленомъ гаю.
«Ей милый, миленькій, поможь мѣ приплынути;
Бо южь мѣ приходитъ въ Дунайку загинути!»
Милый ся прихопилъ, за ручку го вхопилъ,
За ручку го вхопилъ, зъ Дунайку выхопилъ.
«Лѣпшій мой миленькій,
Якъ отецъ родненькій.»

12.

Верхъ Бескида зеленого
Пасе Янчикъ коня свого,
Пасе, пасе, попасуе,
На коничка посвистуе:

«Коничку мôй чорногривый,
Чомъ есь смутный, невеселый?
Цы ти шкодитъ сбруя моя,
Цы сабличка соболёва?» —

«Не шкодитъ мѣ сбруя твоя,
Ни сабличка соболёва,
Лемъ мѣ шкодятъ фальши твои:
Ходишь на мѣ до милои.

Самъ сой пôдешь до милои,
Мене ставишь на выгонѣ,
Ты сой пôдешь до свѣтлицѣ,
Мѣ не дадутъ соломицѣ.

Тобѣ дадутъ ѣсти, пити,
Мене выйдутъ дѣти бити;
Тобѣ дадутъ винця-пивця,
Мѣ не дадутъ а ни сѣнця.

Кобысъ мѣ далъ жмѣнку зерна,
Пôдскочилъ бы 'мъ такъ якъ сёрна;
А я не мамъ сѣчки, соломы,
Южь мя съѣдятъ сôроки, вороны!»

13.

Пôшло дѣвча на воду,
До зеленого огороду,
Нашло собѣ барвѣнецъ,
Зачало вити вѣнецъ.
Пришолъ къ нему младенецъ:
«Дѣвче, дѣвче, дай вѣнецъ!» —
«Не дамъ я ти тотъ вѣнецъ;
Бо ты съ пекла отмѣнецъ.» —

«По чѣмъ же 'сь мня пѡзнала,
Же 'сь мня отмѣнцомъ назвала?» —
«Познала 'мъ тя по мовѣ, по ходѣ,
По отмѣнской подобѣ.» —
Якъ го вхопилъ за власы,
Полетѣлъ съ нимъ презъ лясы;
Якъ съ нимъ пришолъ надъ пекло,
Ударилъ съ нимъ у вѡкно.
«А вы, старши, выходте,
И ворота отворьте!» —
«Што тамъ таке несете,
Же отворицъ кажете?» —
«Несу душу и тѣло,
Двѣ душечки сронило,
Двѣ душечки спалило,
А и третью мыслѣло,
Все въ вѣночку ходило.
Дайте же му смолу пити,
Няй привыка'тъ съ нами быти,
Кажте же му ложе слати,
Няй привыка'тъ съ нами спати!»
Прохажат'ся по пеклѣ:
«Боже, Боже, якъ ту злѣ!»
Вышло собѣ надъ пекло:
«Боже, Боже, якъ тепло!»
Якъ тепло вдарило,
Чорны очка спалило.
«Жебы былъ кто зъ Моравы,
Отказала бы 'мъ до мамы:
Мае мама двѣ цуры,
Няй имъ не дасть потуги;
Мѣ потуги давала,
До пекла мня нагнала,
Отъ церкви мня боронила
До корчмы мня гонила.»

14.

Откыль соненько сходило,
Тамъ дѣвча яблôнь садило:
«Росни, яблôнко, высоко,
Во сто вершенькôвъ широко;
Квитни, яблôнко, бѣлено,
Родь мѣ яблôчко червено,
Родь же мѣ єдно, або двѣ,
Якъ мои личка обѣдвѣ!
Подуй, вѣтрôньку, зъ Дуная,
Сваль мѣ яблочко зъ конаря,
Сваль же мѣ єдно, або двѣ,
Єдно милому, друге мѣ.
Кому жъ я го мамъ даровати?
Даровала бы я го старому, —
Не мило сердцу мому,
Лемъ го дарую молодому, —
То мило сердцу мому.»

15.

Сошла намъ ся новина,
Панѝ пана забила,
Въ огородку го сховала,
Рутку на немъ посѣяла:
«Росни, рутка, высоко,
Якъ панъ въ землѣ глубоко.»
А рутка ся сбахтала,
Ажь по вôкна достала.
«Пôзри, дѣвко, въ густый лясъ,
Ци не иде кто до насъ?»—
«Идутъ, идутъ панове,
Небощика братове.»
«По чѣмъ же 'сь ихъ пôзнала,
Же 'сь ихъ братьми назвала?» —
«По коничку сивавôмъ,

По уздѣ злотавôй.»
Пришли они до двора:
«Выходъ до насъ, братова,
Наша невѣстъ немила!
Де 'сь намъ брата, подѣла?»
«На вôйну 'мъ го послала.»—
«Мы тамъ тадыль ѣхали,
Были бъ мы го пôзнали.
Наша невѣстъ немила,
Чомъ ти кровця по стѣнахъ?» —
«Дѣвка курку заржнула;
Бо ся гостей сподѣла.» —
«Хоцъ бы десять заржнула,
Така бы кровъ не была.
Наша невѣстъ немила!
Чомъ ти дѣти смутныи?
Ци ти хлѣбецъ не ѣли?
Ци ти винце не пили?»—
»О ѣли мы, пили мы,
Але намъ єсть немиле,
Бо нашь отецъ на ложѣ,
Серденько му на ножѣ.»
Якъ єй взяли въ густый лясъ,
Та зъ ней сняли злотый пасъ.
«Не будешь ся пасала,
Не ты ся нимъ старала;
Постарался кто иншій,
Нашь братенько наймильшій.»—
«Ведте же насъ безъ Краковъ,
Маю я тамъ трёхъ братôвъ,
«Мене братя откуплятъ.» —
«Срѐбла, злата не хочеме,
Лемъ смерть за смерть кладеме.»

16.

Ты, дѣвко же, дѣвко,
Ци пôдешь ты за мня?
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Ци пôдешь ты за мня?

«Ой пôду я, пôду,
Лемъ ты по мене прійдъ.»
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Лемъ ты по мене прійдъ.

Пришли они по ню,
Съ трёма возиками.
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Съ трёма возиками.

На єднôмъ возику
Срёбло и золото,
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Срёбло и золото.

На другôмъ возику
Скринка и перинка.
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Скринка и перинка.

На третôмъ возику,
Сидятъ молодята.
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Сидятъ молодята.

Ишли они, ишли
Чрезъ великы мосты.
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Чрезъ великы мосты.

Впали они, впали
Ажь до глыбокости,
Гопъ, гопъ, гопъ, дзюмъ, дзюмъ, дзюмъ!
Фіямъ, фіямъ та я ямъ!
Ажъ до глыбокости.

17.

Королева сова весе̂ля справляла,
А зозуля сестра рады додавала,
Заяцъ прибѣгає съ великими дарами,
Съ кашовъ и крупами.
«Пріймѣте заяца
До свого палаца!»
А когутъ съ курочковъ житце молотили,
А качуръ съ качечковъ до млына возили;
Баранъ муку меле,
Вовця мѣрку бере,
Комаръ воду носитъ,
Блоха тѣсто мѣситъ.
А сѣра гусонька хлѣбъ до пеца сажатъ,
Гусакъ на но сычитъ,
Хлѣбъ до пеца лѣчитъ:
«Цытъ же, момотливый,
Бо 'сь мѣ хлѣбъ помылилъ!»
А медвѣдь басує,
Волкъ съ козовъ танцує:
«Гоя, козо, гоя!
Бо ты будешь моя.»
Якъ ся розо̂грали,
Въ поле поѣхали.

II.

Пѣсни, посмыл въ великомъ постѣ.

1

О кончинѣ человѣка.

Ще солнце не зашло,
Спати положуся,
До сповѣди ще беруся,
Богу помолюся.

Описуютъ срѣбло, злото,
Дорогіи шаты,
А южъ мѣнѣ ничь съ собою
Не брати.

Хоцъ бы я бралъ, хоцъ не бралъ,
Тамъ того не треба,
Штири дошки, сягу земли,
Спасенія зъ неба.

Якъ задзвонятъ во всѣ дзвоны
О девятой годинѣ,
Подякую сему свѣту
И своей родинѣ.

А якъ поймутъ грѣшне тѣло
Въ глыбокыи долы,
Якъ засыплютъ глыновъ очи,
Не гляну николи.

Южъ я иду до гробу
Темного, смутного,
Де жъ я буду спочивати
Ажъ до дня судного?

Ни мѣсяцъ, ни солнце
Не засвѣтятъ бо́льше,
Де жъ я буду мати
Во гробѣ мѣстце?

Ни свѣтъ не обачу,
Ни гласъ не услышу,
Лемъ я по́ду лежати
Во вѣчну темницу.

Зламаное ребро, кости,
Зламаныи руки,
Душа по́йде несмертельна
На вѣчныи мукы.

Душа по́йде несмертельна
На вѣчную страту,
А якъ ми кто Богу служитъ
Такъ бере заплату.

Всѣ панове, монархове
И бѣдакы темны,
Кладутъ во гро́бъ свое тѣло
И кости мизерны.

«Будте мѣ здоровы,
Сусѣды коханы,
Пришолъ часъ, година
Ростатися съ вами!

Бувай мѣ здорова,
Наймильша названа,
Была ты мѣ вдячна
По все кохана!

Няй тя Богъ пожегнае
Съ тыма сиротами,
Што есть ласки Божой,
Няй ся дѣе съ вами!

А я въ теперѣшнемъ
Разѣ не жалую,
Бо я ся уже до чорной
Землѝ готую.»

2.

Въ раю мѣ, въ раю въ тôмъ небеснôмъ раю,
Стоитъ мѣ тамъ, стоитъ округлый столичокъ,
А за намъ мѣ сѣдитъ самъ Сынонько Божій,
А передъ нимъ служитъ душа справедлива.
Душа справедлива словце прогварила:
«Ей Боже, Боженьку, спусти же ты мене,
Спусти же ты мене до моєй матерѝ;
Бо въ моєй матерѝ двояке весѣля:
Братъ мѣ ся женитъ, сестра замужъ иде;
Будутъ они собѣ дары даровати,
Мѣ не будутъ, бо о мѣ забудутъ.» —
Душо справедлива, я тобѣ не сперамъ,
На тамъ тôмъ свѣтѣ стати,
Єсли ты хочешь другій разъ вмерати.» —
«Волю я, Боже, о ничѣмъ не знати,
Маю я, маю другій разъ вмѣрати.
Южъ сѣмь рочкôвъ сполна якъ 'ємъ умерала,
Все мѣ гôрко въ горлѣ, штомъ тяжко коналa!»

4.

О страстяхъ Господнихъ.

Ишолъ Христосъ, ишолъ до Єрусалима,
А Божія Мати плачучи за нима:
«Сыну мôй, сыну! съѣдналъ єсь сой слугу,
Слугу невѣрного, Юду проклятого.»
Волѣлъ єсь ся Юда на порохъ розсыпати,
Малъ єсь Пана Христа Жидôмъ запродати.
Жиды невѣрницы, Жиды проклятницы,

Били, мордовали, не мали жалости,
Ажь 'му было видно его святы кости;
Тернову корону на главу складали,
А руцѣ и нозѣ на крестъ пригвождали;
А Божая Мати пôдъ крыжомъ стояла,
Пôдъ крыжомъ стояла, съ жалю омлѣвала:
«Ой сыну мôй, сыну, же бы 'сь мня ближе былъ,
Прецѣжъ бы ты зъ мене да яку помôчь мѣлъ,
Прецѣ бы я тобѣ голову пôдперла,
И зъ твого личенька святу кровцю стерла.»
А ты, Святый Петре, чого жъ ты тамъ стоишь?
Чомъ тоту невѣсту, чомъ ей не утолишь?
Утоль же ей, утоль, яко матку свою,
Будешь пребывати въ небѣ вразъ со мною!»

4.

Ой повѣчь же мѣ, соловѣю, правду,
Де я свого Спаснтеля найду,
Ци ли на горѣ, ци ли на долинѣ,
Ци ли на крыжовôй виситъ деревинѣ?
Горы и долины треба розмѣряти,
А на тôй горѣ треба умерати.
На полудне солнце наступае,
А южъ на крестѣ Христосъ умерае.
Жиды взяли, во грôбъ поховали,
И каменіемъ запечатовали;
Жаворонокъ пискатъ, въ гору ся пôдноситъ,
Господу Богу погрêбъ оголошатъ.
«Ты, голубе, дармо не гуркаешь,
Господу Богу погрêбъ отправляешь.»
Ище пташкове жалостно пискали,
Господу Богу погрêбъ отправляли.
Христосъ Спаситель самъ словенько мовитъ:
«Нехай ко мнѣ святый Петро ходитъ!»
Скоро святый Петро тое услышавши:
«Ой йду заразъ», слезами ся залявши.
Ой выбавилъ 'емь всѣхъ грѣшникôвъ зъ мукы,
А на тое мѣсце отдамъ Юду въ рукы.»

5.

О Лазарѣ.

Былъ тамъ богачь богатый,
И во срѣблѣ, во златѣ,
А Лазаря брата малъ,
А на Бога ничь не дбалъ.
По обѣдѣ, по банкитѣ,
Пôшолъ богачь на прохажкы,
А Лазарь го высмотрѣлъ:
«Ей богачу, брате мôй,
Вынесъ, вынесъ хлѣба мѣ!»
Онъ ся до нёго озвалъ:
«Што ты брешешь, сгнилый псе,
Ни о хлѣбѣ, ни о водѣ,
Не пышь же ся въ моёмъ родѣ!»
Пôшолъ богачь до костела,
На далеко обходилъ,
Жебы го Лазарь не видѣлъ.
А Лазарь го высмотрѣлъ:
«Ей богачу, брате мôй,
Вынесъ, вынесъ хлѣба мѣ!
Вынесъ, вынесъ воды, хлѣба
Заплатитъ ти Панъ Богъ зъ неба,
Кой ти найбарже буде треба!»
Онъ ся до нёго обôзвалъ:
«Южъ 'єсь мѣ ту надоѣлъ,
Палацы 'сь мѣ засмердѣлъ.»
Лѣпши были псы-скотина,
Якъ богачь братъ-родина,
Скôркы съ хлѣба сбёрали
Лазарёви давали.
Выгварилъ Лазарь молитву:
«Боже, Боже мôй,
Або мене пôдôймій,
Або мня возь къ собѣ!»
Не выстала година,
Пришла Лазарёви новина:
«Сбёрайся, Лазарю, съ нами,

Мы твои слугове,
Ти зъ неба ангелове.»
Пôшли они съ нимъ далеко,
Ажь на небо высоко:
«Зажій, Лазарю, ложа того,
Не зажилъ єсь такового.»
Не выстала година,
Пришла богачови новина:
«Сбѐрайся, богачу, съ нами:
Бо ми твои слугове,
Зъ пекла пекельны дьяблове.»—
«А я ся васъ не бою,
Я ся отъ васъ откуплю,
А съ Богомъ ся выбію,
Бо бôльшу силу маю.»
Пышну челядь порозганяли,
И палацы порозваляли.
Видѣлъ богачь, же не жарты,
Зачался самъ сбѐрати,
Срѐбло, злото до кишенѝ пхати.
Пôшли они съ нимъ далеко,
Ажь до пекла глыбоко:
«Зажій, богачу, трунку мого,
Не зажилъ єсь такого:
Звыкъ ты вшелякы банкеты справляти,
Вшелякы трункы попивати.»
Якъ ôнъ ся того напилъ,
За серденько ся улапилъ.
Позрѣлъ богачь далеко,
Ажь на небо высоко,
Видѣлъ тамъ Лазаря брата свого:
«Ой, Лазарю, брате мôй,
Омочь палецъ, закропъ языкъ мôй!» —
«Хоцъ бымъ ти спустилъ цѣле море,
Южъ ти, брате, не поможе!»

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

Межъ тѣмъ какъ въ Польскомъ станѣ была такая смута, Шведскій полководецъ, Графъ Яковъ, совѣтовался съ Великокняжескимъ вождемъ, Михаиломъ Скопинымъ, какъ бы отнять имъ у Поляковъ городъ Дмитровъ. Какъ скоро узналъ о томъ Польскій вождь, Сапѣга, онъ началъ уговаривать находившуюся при немъ жену Димитрія, что, если она не намѣрена ѣхать къ отцу и матери въ Польшу, пусть отправляется тайкомъ къ своему Государю, Димитрію. Она отвѣчала, что, чѣмъ ѣхать ей, коронованной Великой Княгинѣ всея Россіи, въ такомъ позорѣ и уничиженіи къ друзьямъ, лучше она останется въ Россіи и раздѣлитъ съ своимъ Государствомъ все, что ни пошлетъ имъ правосудный Богъ. Она велѣла сдѣлать себѣ Польское мужское платье изъ краснаго бархата, купила сапоги и шпоры, саблю, пистолеты, сѣла на коня и, точно вооруженный кавалеристъ, ѣхала до Калуги 48 миль, съ 50-ю Казаками. Подъѣхавъ ночью къ городскимъ воротамъ, она постучалась, сказала, что пріѣхалъ Камеръ-Юнкеръ Димитрія, не хотѣла говорить ни съ кѣмъ другимъ, кромѣ самаго Князя, и требовала, чтобы ее впустили. Стража тотчасъ же дала о томъ знать Димитрію. Онъ въ минуту смекнулъ, что это такое, велѣлъ отворить ворота; Камеръ-Юнкеръ подъѣхалъ къ его комнатамъ, былъ немедленно впущенъ, и они встрѣтили другъ друга съ великою радостью и горемъ.

По отъѣздѣ Марины Юрьевны изъ Дмитрова, Сапѣга занялъ этотъ городъ нѣсколькими сотнями Казаковъ, а самъ пошелъ въ монастырь Іосифовъ (Osippou), занялъ также и его нѣсколькими сотнями Казаковъ и отправился подъ Смоленскъ, къ Королю Сигизмунду. Прочія войска расположилъ онъ, въ видѣ гарнизона, по деревнямъ, на рѣкѣ Угрѣ (Vgra), въ очень плодородномъ краю, въ которомъ не было еще ни какихъ войскъ.

Шведскій полководецъ, Графъ Яковъ, и Русскій, Михаилъ Скопинъ, послали нѣсколько эскадроновъ и пѣхотныхъ ротъ въ Дмитровъ; они били петардами въ ворота, которыя тотчасъ же растворились; въ сильномъ азартѣ вломились въ городъ, перебили всѣхъ тамъ бывшихъ, кромѣ только женщинъ и дѣтей, заняли городъ новымъ войскомъ и воротились опять въ станъ, съ веселымъ духомъ и великой славой. Узнавъ о томъ, Польскій полководецъ,

Рожинскій, не осмѣлился долѣе оставаться въ подмосковномъ станѣ, ушелъ оттуда какъ можно скорѣе и отправилъ пословъ къ своему Королю, съ предложеніемъ своей службы противъ Великаго Князя и Москвитянъ, если только Король уплатитъ его войску за два года жалованье, остающееся у нихъ въ долгу на Димитріи. Король ни какъ не хотѣлъ согласиться на это: онъ обѣщался платить имъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ, какъ они начнутъ служить ему. Поляки были тѣмъ недовольны, начали ругать своего вождя и укорять въ томъ, что онъ прогналъ ихъ Государя, Димитрія, которому они присягали и служили такъ долго; они положили между собою, чтобы Рожинскій съ нѣкоторыми изъ главныхъ Ротмистровъ и Офицеровъ отправился къ Королю, а другіе съ простыми воинами пошли на Угру, гдѣ расположился Сапѣга, желая дождаться возвращенія послѣдняго, не привезетъ ли онъ отъ Короля какого ни будь особеннаго отвѣта объ уплатѣ имъ жалованья. Они будутъ соображаться съ этѣмъ отвѣтомъ; между тѣмъ грабили, дѣлали набѣги во всемъ этомъ краю и оставляли все голо и пусто, куда ни приходили.

По взятіи города Дмитрова, Шведскій полководецъ съ Русскимъ вождемъ пошелъ очень спокойно въ Москву, къ Великому Князю; въ одинъ годъ они покорили и привели въ повиновеніе Шуйскому всѣ мѣстечки и города, лежавшіе между Финляндіею, Москвою и пристанью Св. Николая, освободили самого Шуйскаго и городъ Москву отъ долговременной осады. Теперь не видать стало ни одного человѣка изъ 100 тысячъ Поляковъ, или Казаковъ, которые стояли между Москвою и Троицкимъ монастыремъ, два года сильно своевольничали по всей странѣ и распоряжались всѣмъ, какъ имъ было угодно. Великій Князь былъ очень доволенъ и радъ; онъ не только велѣлъ принять въ городѣ Графа и подчиненное ему войско съ большою пышностью и торжествомъ, но и снабдилъ ихъ кушаньемъ и напитками, чтобы никому нельзя было жаловаться на недостатокъ въ чемъ либо нужномъ.

Точно также онъ подарилъ и всѣмъ Офицерамъ, по чину каждаго, за вѣрную службу нѣсколько лошадей, платья и другихъ вещей. Полководецъ отдыхалъ тамъ нѣсколько недѣль съ своимъ войскомъ.

Между тѣмъ какъ онъ жилъ нѣсколько времени въ Москвѣ у Великаго Князя, Русскій вождь, Михаилъ Скопинъ, умеръ, а Янъ Сапѣга, ѣздившій къ Польскому Королю подъ Смоленскъ, возвратился на Угру къ войску съ такимъ отвѣтомъ послѣдняго, что онъ ничего не желаетъ давать имъ за службу Димитрію II-му, а что выслужатъ у него, онъ то и будетъ уплачивать изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Войска были очень недовольны: послали посла въ Калугу къ своему старому Государю, Димитрію, извинялись въ измѣнѣ, затѣянной полководцемъ Рожинскимъ подъ Москвою, который получилъ за то воздаяніе отъ Бога и умеръ, а собратій его, виноватыхъ въ томъ, нѣтъ больше въ станѣ, по тому что они отправились подъ Смоленскъ къ Королю; у нихъ же никогда не было въ умѣ измѣнять ему, отъ того и не пошли къ Королю, а остались у него въ землѣ; если онъ выдастъ имъ за три только мѣсяца остающееся на немъ жалованье, то за другіе мѣсяцы они потерпятъ, будутъ продолжать служить ему, опять отвѣдаютъ счастья и пойдутъ на Москвитянъ.

Это извѣстіе было по сердцу Димитрію: онъ далъ благопріятное рѣшеніе посламъ, просилъ повременить немного, пока достанетъ денегъ и самъ явится къ нимъ. Потомъ велѣлъ наложить подать на весь преданный ему край, собралъ нѣсколько тысячъ рублей и прибылъ къ войску съ своими Русскими и Казаками. Такъ и соединились: онъ заплатилъ имъ за три мѣсяца жалованье, и взялъ съ нихъ новую присягу; сбирались ити къ Москвѣ и опять осадить ее.

Въ то время, какъ Король Сигизмундъ жестоко тѣснилъ осажденныхъ въ Смоленскѣ, Великій Князь все придумывалъ средства и способы, какъ бы выручить ихъ, чтобы эта крѣпость не досталась Королю: онъ усердно просилъ Шведскаго полководца, Графа Якова, отправиться въ походъ съ его братомъ, Дмитріемъ Ивановичемъ, на выручку его войска въ Смоленскѣ. Но Шведскій вождь имѣлъ довольно причинъ къ отказу: не былъ еще исполненъ Выборгскій договоръ относительно крѣпости Кексгольма, которую слѣдовало отдать Шведскому Королю черезъ два мѣсяца по приходѣ въ страну Шведскаго войска, хотя уже прошло два года. Король писалъ о томъ нѣсколько разъ съ нарочнымъ къ Велико-

му Князю, довольно было требованій и со стороны Шведскаго вождя; но оба ничего не получили, кромѣ пустыхъ писемъ и обѣщаній. Графъ Яковъ уже намѣренъ былъ еще изъ Александровской Слободы ити обратнымъ путемъ въ Финляндію, по тому что не получалъ ни чего, кромѣ пустыхъ словъ и посуловъ.

Великій Князь и его совѣтники замѣтили ревностное усердіе Шведскаго вождя въ этомъ дѣлѣ; Шуйскій прислалъ ему утвержденную имъ грамоту на крѣпость Кексгольмъ и принадлежащую къ ней область, за своей и Государственной печатями, и отрядилъ людей, которые по этой грамотѣ должны были все передать Королевскимъ уполномоченнымъ и коммисарамъ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ.

Великій Князь заключилъ также другой договоръ съ полководцемъ, по которому было обѣщано, что если Шведскій Король будетъ продолжать помогать ему противъ непріятелей его и Царства, то онъ подаритъ Королю и Шведской Коронѣ еще другія крѣпости и земли, кромѣ Кексгольма. Опытъ показалъ, какъ сдержали условіе относительно этѣхъ другихъ крѣпостей; мы разскажемъ о томъ въ другомъ мѣстѣ.

Сверхъ того, Великій Князь обязанъ былъ выдать Шведскому войску за нѣсколько мѣсяцевъ жалованье, за вѣрную его службу странѣ, а особливо за освобожденіе отъ долговременной Московской осады и обращеніе въ бѣгство Поляковъ, съ большимъ для нихъ урономъ и позоромъ.

Забывая все это, Полководецъ Графъ Яковъ, послѣ всѣхъ обѣщаній, склонился наконецъ на неотступныя просьбы Великаго Князя съ его Государственными совѣтниками, подать ему вѣрную помощь противъ его враговъ. Графу хорошо было извѣстно, что Король, Государь прямодушный и вѣрный союзникъ Великаго Князя Василія, съ удовольствіемъ увидитъ, что ему подана помощь, гдѣ было можно. Полководецъ, однако жь, требовалъ, чтобы сначала удовлетворили войско недоплаченнымъ жалованьемъ, представляя, что оно тѣмъ усерднѣе будетъ къ службѣ Великаго Князя, а для него, вождя, могла быть опасность отъ неплатежа жалованья наемнымъ воинамъ. Впрочемъ, это не имѣло другихъ послѣд-

ствій, кромѣ того, что Великій Князь и Русскіе надавали вождю большихъ обѣщаній: «въ три мѣсяца разочтутся съ нимъ и уплатятъ все въ точности, къ полному удовлетворенію войска.» Самъ Великій Князь далъ удостовѣреніе въ томъ на бумагѣ; братъ его, Князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, предлагалъ себя въ заложники въ томъ, что эта недоимка будетъ уплачена въ точности. Такимъ образомъ Шведскій вождь вышелъ изъ Москвы въ 1610 г., послѣ Троицына дня, съ братомъ Великаго Князя, Дмитріемъ Шуйскимъ, главнымъ Русскимъ Воеводой. Его намѣреніе было выручить тѣснимыхъ Поляками въ Смоленскѣ и, такимъ образомъ, избавить всю страну отъ нихъ, Литовцевъ и Русскихъ мятежниковъ. Когда они прибыли въ Можайскъ, по приказанію Короля, примкнулъ къ нимъ Фельдмаршалокъ Эвердъ Горнъ, съ 3000-ми конницы и пѣхоты. На пути къ нимъ онъ взялъ приступомъ города Погрелу (Pogrella) и Осиповъ * и перебилъ находившихся тамъ Казаковъ. Это очень было досадно Димитрію Второму, который и сталъ жестоко ненавидѣть и гнать иностранцевъ, бывшихъ у него въ службѣ Но и Фельдмаршалокъ тотчасъ же повелъ рѣчь объ уплатѣ жалованья его отряду, по тому что до сихъ поръ они получили очень немного. Все это было напрасно, а потому Эвердъ Горнъ не принялъ и подарка, сдѣланнаго ему Великимъ Княземъ, а сначала настойчиво требовалъ уплаты жалованья приведенному имъ войску.

Не менѣе ихъ требовало жалованья и войско, пришедшее изъ Москвы съ Графомъ Де ла Гарди: всѣ они отказывались отъ всякаго дальнѣйшаго похода, пока имъ не уплатятъ. Имъ предложили для раздачи только что прибывшіе товары и деньги; но они не хотѣли брать того, сообразивъ, что его далеко недостаточно, да и товары большею частію состояли въ соболяхъ и сукнахъ, которые не только оцѣнены были чрезвычайно дорого, но и ни на что не годились воинамъ въ томъ мѣстѣ, особливо соболи, за неимѣніемъ купцовъ, которые могли бы дать за нихъ деньги, или другія необходимыя вещи. Хоть, можетъ быть, войско и уговорили бы ласкою и бранью взять немного денегъ и товаровъ, и оно было бы довольно, но Русскій вождь, Дмитрій Шуйскій, не хотѣлъ давать Шведскому полководцу и его Офицерамъ времени, нужнаго на раздачу воинамъ денегъ; онъ отрядилъ одного изъ

* Іосифовъ Волоко-Ламскій монастырь.

Русскихъ Полковниковъ, по имени Григорья Волохина (Wolochin). Этотъ, повидимой отвагѣ, заносчивости и опрометчивости, зашелъ такъ далеко съ бывшими у него подъ командой 5000 человѣкъ, что, когда Поляки стали сильно тѣснить его, онъ не могъ уже отступить къ своему мѣсту, а долженъ былъ съ своимъ отрядомъ огородить себя тыномъ, за которымъ имъ негдѣ было достать куска хлѣба, да и Поляки тѣснили ихъ жестоко.

Русскій вождь, Дмитрій Шуйскій, приступалъ къ Шведскому полководцу съ такою безотвязною настойчивостью, даже со слезами на глазахъ, чтобы онъ поспѣшилъ на выручку къ бѣднымъ осажденнымъ, которые были цвѣтъ Русской арміи, а теперь, за неимѣніемъ продовольствія, либо попадутъ въ руки непріятеля, либо умрутъ съ голода, что предложилъ даже себя въ заложники за недоданное жалованье, чтобы только поставить на ноги войско.

Онъ надоѣлъ Графу Якову, и наконецъ упросилъ его выступить такъ поспѣшно, какъ мы уже сказали; все войско должно было итти восемь миль въ самую жару, и въ полночь прибыло, усталое и истомленное, къ мѣсту, по имени Клушино (Klusin), гдѣ ему должно было ночевать; нѣсколько безпокойныхъ людей изъ иностранныхъ воиновъ тайкомъ перебѣжало къ непріятелю, разсказало ему про свое несогласіе изъ за неуплаченнаго жалованья, трудный переходъ, сдѣланный ими въ сильную жару въ одинъ день, и увѣряло, что, по этому случаю, непріятель встрѣтитъ у нихъ небольшое сопротивленіе и оборону. Отъ того-то и вышло, что Польскій полководецъ, Станиславъ Жолкевскій (Solkouski), оставилъ Русскихъ, огородившихся частоколомъ, разбилъ ложный станъ, вколотилъ кругомъ поля въ землю множество хмѣлевыхъ тычинъ, надѣлъ на нихъ платье, а впереди такого стана велѣлъ остаться нѣсколькимъ сотнямъ конныхъ воиновъ на легкихъ лошадяхъ, такъ что они вездѣ были видны изъ укрѣпленія Русскихъ и начали съ ними переговоры о сдачѣ Королю. Между тѣмъ онъ съ войскомъ напалъ на Шведовъ тѣмъ храбрѣе, что доброе ихъ дѣло сдѣлано только по нуждѣ. Полководецъ Графъ Яковъ и Фельдмаршалокъ, Эвердъ Горнъ, лично сдѣлали нѣсколько жестокихъ кавалерійскихъ нападеній на непріятеля и сначала принудили его къ отступленію. Тогда было бы очень кстати, если бы Русскій вождь, Дмитрій Шуйскій, имѣя въ виду благо отечества и свою собственную честь,

воспользовался этѣмъ случаемъ, бросился бы изъ за своихъ рогатокъ и обоза, которыми заставилъ себя, и пособилъ Шведскому войску сдѣлать храброе нападеніе на непріятеля: тогда побѣда, съ Божіею помощью, навѣрное осталась бы на сторонѣ Шведовъ.

Что же сдѣлали Русскіе? Они поступили такъ же, какъ и подъ Тверью и Торжкомъ: остались въ своемъ обозѣ и загороди и были совершенно праздными зрителями боя до тѣхъ поръ, пока непріятель не бросился на нихъ со всѣми силами; тогда они побѣжали съ позоромъ въ Москву въ сильныхъ попыхахъ, до смерти заѣздили нѣсколько сотъ лошадей и такимъ образомъ бросили Шведовъ: отъ того иноземные воины, и безъ того уже недовольные, какъ вѣроломные люди, получили случай и предлогъ перейти къ непріятелю цѣлыми ротами съ распущенными знаменами. Тогда Графъ Яковъ и Фельдмаршалокъ Эвердъ Горнъ, съ оставшеюся еще вѣрною конницей, стремленіемъ непріятеля были отрѣзаны отъ пѣхоты; одинъ Нѣмецкій Подполковникъ въ измѣнившемъ полкѣ, по имени Конрадъ Линкъ, съ нѣсколькими Нѣмецкими, Англійскими и Шотландскими Капитанами, вступилъ въ переговоры съ непріятелемъ, безъ вѣдома и согласія полководца, и заключилъ съ нимъ договоръ, пока Графъ Яковъ собиралъ конницу и не успѣлъ еще вступить въ станъ. Едва только Графъ, съ Горномъ и такимъ числомъ конницы, какое могъ собрать и привести, подъѣхалъ къ пѣхотѣ, съ намѣреніемъ опять возобновить бой и храбро напасть на непріятеля, мятежное войско, отказавшись уже отъ всякаго повиновенія начальству, заставило его силою и съ прицѣленными ружьями вступить переговоры съ Жолкевскимъ и согласиться на договоръ во всей его цѣлости. Въ договорѣ не было ни какихъ другихъ условій, кромѣ того, что Шведскій вождь можетъ отправиться изъ Россіи безъ всякихъ препятствій и опасности, куда ему угодно, съ тѣми воинами, которые захотятъ за нимъ слѣдовать.

Теперь большая часть войска перешла къ непріятелю, и Графъ Яковъ находилъ себя слишкомъ слабымъ для дальнѣйшаго вспоможенія Великому Князю Московскому: у него было не больше 300 лошадей всего, и съ этѣмъ небольшимъ остаткомъ онъ дол-

женъ былъ еще податься ближе къ Новгороду, пока не наберетъ побольше людей изъ Финляндіи и Ливоніи, чтобы продолжать освобожденіе Великаго Князя.

Когда Шведскій полководецъ ушелъ, и Русскіе съ позоромъ убѣжали въ Москву, сдались Полякамъ и тѣ 5000, что были осаждены и заперты съ Григоріемъ Волохинымъ за загородью, пошли съ Поляками, Русскими, Нѣмцами, Шотландцами и Французами, всею толпой, подъ Москву и начали жестоко осаждать ее съ одного конца.

Великій Князь Шуйскій теперь опять былъ осажденъ въ Москвѣ, а Шведскій полководецъ находился на дорогѣ въ Новгородъ съ Фельдмаршалкомъ и другими Офицерами, не перешедшими къ Полякамъ: всѣ они лишились всей своей собственности. Графъ прибылъ въ городъ Погрелу (Pogrella), куда еще впередъ Фельдмаршалокъ отрядилъ роту Французовъ и надѣялся на гарнизонъ; но тамъ его также ограбили, и онъ едва ушелъ живой изъ крѣпости пѣшкомъ, въ томъ платьѣ, что на немъ было. Такъ подошли къ Новгороду, въ полной надеждѣ, что Новгородцы поймутъ и оцѣнятъ разныя, сдѣланныя имъ, благодѣянія, заявятъ должную признательность за вѣрную помощь и защиту, недавно оказанную имъ Шведскимъ войскомъ, примутъ ласково своего благодѣтеля и заступника въ его затрудненіи и станутъ угощать его: вышло совсѣмъ другое, по тому что, какъ скоро Новогородцы узнали, что полководецъ близко, они не пустили его къ себѣ на глаза и велѣли сказать, что не дадутъ ему и бывшимъ при немъ ни чего, кромѣ пороха и пуль; предлагали не ближе 10-ти миль подходить къ Новгороду и взять дорогу прямо на Тихвинъ (Tieffin) въ Выборгъ.

Еще недовольные этой, хотя и большою, несправедливостью, они удержали нѣсколькихъ гонцевъ, отправленныхъ съ письмами отъ Короля къ полководцу, и велѣли Намѣстнику въ Нотебургѣ остановить гонцевъ Графа Якова въ Швецію, съ очень важными письмами и бумагами, между Королемъ и великимъ Княземъ, также и разныя вещи Графа и другихъ Офицеровъ, которыя они пересылали въ Финляндію. Такъ это и было сдѣлано. Они не подумали, какой ужасный и постыдный порокъ неблагодарность, которую не только Христіяне, но и язычники считали такъ нена-

вистною и презрѣнною:. язычники говорили очень справедливо: «Omnia mala dixeris, si hominem ingratum dixeris.» Item: «Ingratus est veluti mus in pera, aut anguis in gremio.» Но если Русскіе уже такъ слѣпы, упрямы, ожесточены и не хотятъ учиться благодарности у людей, для убѣжденія себя ихъ примѣромъ, хотя посмотрѣли бы они на неразумныхъ животныхъ и взяли ихъ за образецъ себѣ. Животныя не только благодарны, каждое по своему, Господу Богу, ихъ Создателю, но и людямъ, отъ которыхъ получали какое ни будь добро, даже и взаимно другъ другу. Ясный примѣръ того у насъ слонъ: этотъ звѣрь, точно вѣрная собака за хозяиномъ, вездѣ ходилъ за человѣкомъ, вытащившимъ его изъ ямы, въ которую поймали его охотники; точно также аистъ, который никогда не забываетъ благодѣяній, оказанныхъ ему отцомъ его и матерью: кормитъ ихъ, ухаживаетъ за ними въ старости, носитъ ихъ на спинѣ, достаетъ все, для нихъ нужное. * Но все это Новогородцамъ было не въ прокъ: они явились въ своемъ городѣ не только неблагодарными за добро, но даже врагами, съ порохомъ и свинцомъ, противъ своего благодѣтеля. Впрочемъ, онъ не слишкомъ смотрѣлъ на эту несправедливость и угрозы, а пробирался все ближе и ближе къ Новгороду, въ надеждѣ, что они одумаются и припомнятъ лучше сдѣланное имъ добро. Графъ шелъ туда особливо по тому, что, по письменной просьбѣ къ нему Великаго Князя о продолженіи Шведской помощи на нѣкоторыхъ условіяхъ, онъ обѣщалъ дожидаться въ Новгородѣ отвѣта изъ Швеціи относительно этѣхъ условій и, въ случаѣ согласія на нихъ Великаго Князя, располагалъ выписать больше войска изъ Финляндіи и Ливоніи Однако жь надежда обманула Полководца: Новогородцы, не смотря на неоднократныя обѣщанія, не только не выдавали ему задержанныхъ въ Нотебургѣ гонцовъ, бумагъ и вещей, да еще и оставили въ плѣну у себя нѣкоторыхъ его служителей, посланныхъ въ городъ за покупкою разныхъ необходимостей, и выслали тайкомъ Казаковъ

* Аистъ обыкновенно вьетъ гнѣзда на кровлахъ домовъ: въ Испаніи, въ Турціи и въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ онъ пользуется особеннымъ расположеніемъ жителей. Извѣстно, что Греки, въ прежнее время своего рабства, нарочно истребляли аиста изъ ненависти къ Туркамъ.

и стрѣльцовъ, которые напали на Шведскихъ воиновъ, не опасавшихся ни какого зла, или непріязни, въ этомъ мѣстѣ, въ то время, какъ они кормили лошадей, и мошеннически убили ихъ.

Между тѣмъ Полководецъ получилъ вѣрное извѣстіе, что Москвитяне, по особенному непостоянству, вѣроломно отложились отъ своего Государя и Великаго Князя, Василія Шуйскаго, къ которому привязывали ихъ долгъ и присяга, прогнали его въ монастырь, надѣли на него клобукъ и постригли его въ монахи. Графъ ясно замѣчалъ, что Новгородцы съ каждымъ днемъ становились непріязненнѣе, а по тому и отказался отъ всякой пріятной надежды выручить мирнымъ и честнымъ образомъ людей, задержанныхъ въ Нотебургѣ, и чрезвычайно нужныя бумаги, письма и вещи. Этого нельзя было ожидать, и Полководецъ наконецъ вынужденъ былъ употребить и принять другія мѣры. По тому и велѣлъ схватить и задержать троихъ Дворянъ, одного Секретаря и двоихъ гражданъ, прибывшихъ изъ Новгорода безъ всякаго вида, только изъ одного молодечества, чтобы поболтать со Шведами. Объ этомъ онъ тотчасъ же далъ знать Новгородцамъ, также и о причинѣ, по чему это сдѣлано. «Этѣ люди до тѣхъ поръ останутся подъ стражей, пока не освобождены будутъ Шведы, задержанные въ Нотебургѣ, и не возвратятъ ему писемъ, бумагъ и вещей, задержанныхъ противъ всякаго права въ Нотебургѣ.» Онъ тотчасъ же и пошелъ въ Нотебургъ, предложивъ имъ сдѣлать обмѣнъ въ этомъ городѣ. Нотебургцы сначала притворились, что готовы на это, а ночью, очень хитро и ловко, отважились было освободить своихъ и помочь имъ укрыться оттуда, Шведовъ же оставить у себя. Какъ скоро Полководецъ узналъ о томъ, онъ отправилъ Новгородскихъ купцовъ въ Выборгъ, гдѣ содержались они гораздо лучше, нежели Шведы въ Нотебургѣ.

Между тѣмъ одинъ Французскій Капитанъ, Лавила (Lavila), съ нѣкоторымъ числомъ войска, сдѣлалъ нападеніе на крѣпость Ладогу и взялъ ее за то, что ни ему, ни воинамъ Великій Князь не выдавалъ заслуженнаго жалованья, да и Новгородцы приняли его очень плохо, хотя онъ и стоилъ всего хорошаго отъ нихъ.

Въ то же время, какъ это происходило подъ Нотебургомъ и Ладогой, Фельдмаршалокъ Эвердъ Горнъ отдѣлился отъ Полко-

водца и направилъ путь въ Нарву: подъ городомъ Ямо (Ямы) онъ повстрѣчался съ Польскимъ вождемъ, Александромъ Лисовскимъ (Lisouski), имѣлъ съ нимъ сраженіе и истребилъ его войско, изъ котораго уцѣлѣлъ только самъ Лисовскій, съ нѣсколькими воинами, и убѣжалъ въ Псковъ (Pleschow).

Послѣ того какъ Великій Князь Василій Шуйскій сведенъ былъ съ престола и прогнанъ въ монастырь, а Москву держали въ суровой осадѣ Поляки и вѣроломные Русскіе, пронеслась вѣсть, что Лжедимитрій Второй занялъ Пафнутьевскій монастырь и жалостно избилъ бывшихъ тамъ Русскихъ. Въ Москвѣ было несогласіе и смятеніе между Русскими; нѣсколько негодяевъ убѣжали изъ города и дали знать Лжедимитрію объ этомъ раздорѣ: «въ городѣ не всѣ соглашаются присягать Владиславу, сыну Польскаго Короля, много и такихъ, которые расположены къ Самозванцу; недостаетъ только того, чтобы они увидали и услыхали, что онъ прибылъ, и тогда въ городѣ выйдетъ отъ того еще больше несогласія между жителями, а для него будетъ удобнѣе вести дѣла съ ними и испытать счастья.» Лжедимитрій послушался ихъ совѣта и затѣй и двинулся съ войскомъ подъ Москву, однако жь Москвитяне защищались храбро, каждый день дѣлали вылазки на его станъ, имѣли съ нимъ нѣсколько стычекъ: онъ могъ замѣтить, что добромъ ему ничего не сдѣлать съ ними, расположилъ другимъ образомъ свое войско, на случай вылазки и нападенія Москвитянъ, и спряталъ тайно въ кустахъ по всѣмъ дорогамъ нѣсколько сотенъ Казаковъ, для того, чтобы эти приняли и били Москвитянъ не только спереди, но и съ тыла и съ боковъ. Такъ это и было сдѣлано, а Москвитяне, послѣ вылазки, благодарили Бога, что воротились въ городъ; съ этого дня они не смѣли больше отваживаться на Димитрія и просили Польскаго Полководца, Станислава Жолкевскаго, чтобы онъ пособилъ имъ нѣсколькими ротами копейщиковъ. И они, вмѣстѣ съ Поляками, напали всей силой на станъ Лжедимитрія. Поляки, бывшіе на сторонѣ его, увидавъ возвращеніе Москвитянъ, ихъ храбрость и неустрашимость, опустили копья и не хотѣли больше сражаться по прежнему. Димитрій принужденъ былъ убираться въ Калугу съ своими Казаками и Татарами. Такъ Поляки и одержали побѣду, остались въ Москвѣ и дождались въ ней того, что они,

по случаю междоусобія самихъ Москвитянъ, была разорена и сожжена до основанія; и Захарій Ляпуновъ (Lippenow) принудилъ Поляковъ выйти оттуда, какъ и было сказано о томъ прежде, при описаніи города Москвы.

Замѣтивъ, что Поляки, бывшіе съ нимъ подъ Москвою, не показываютъ уже такой преданности къ нему, какъ было прежде, Димитрій не слишкомъ былъ озабоченъ этѣмъ и сказалъ, что будетъ искать утѣшенія и пособія у Турокъ и Татаръ, которые помогутъ ему завоевать отцовское наслѣдіе, а иначе онъ ничего не сдѣлаетъ. Если же онъ, законный наслѣдникъ, не получитъ ничего, тогда погибнетъ и вся Россія: ей не будетъ отъ него покоя, пока онъ останется въ живыхъ. Онъ послалъ въ Астрахань самаго вѣрнаго своего Ротмистра Корпезецкаго, который долженъ былъ возвѣстить его милость жителямъ и всему краю, что онъ желаетъ прійти къ нимъ съ Великой Княгиней и имѣть у нихъ свое мѣстопребываніе, по тому что Москва и почти вся Россія осквернена нехристами и иновѣрными Поляками. Онъ не уважалъ теперь ни одного Поляка, ни Нѣмца, а только своихъ Казаковъ, Татаръ и Русскихъ; они были его лучшіе и вѣрнѣйшіе слуги и воины; они одни должны были находиться около него днемъ и ночью, и они только стояли на карауле и ѣздили на охоту съ нимъ.

Но вышелъ такой случай между Татарами, что одинъ Татарскій Князь, или Мурза, и сынъ его, служившіе Самозванцу, поссорились между собою, и сынъ, изъ ненависти и зависти къ отцу, наклеветалъ на него Лжедимитрію, будто бы онъ замышляетъ тайкомъ бѣжать въ Москву. Димитрій до того разсердился, что велѣлъ схватить Мурзу и тутъ же бросить въ Оку и утопить. Это жестоко огорчило другого Татарскаго Мурзу, Росланова (Rosslanoff),* который вѣрно зналъ, что донесеніе сына ложь и обманъ и хотѣлъ за то убить его, какъ только онъ вернется съ охоты съ Димитріемъ. Тамъ былъ еще другой молодой Татаринъ, очень похожій на сына утопленнаго, по платью и наружности. Димитрій вернулся съ охоты вечеромъ, когда уже стало темно; Мурза натолкнулся на этого Татарина, невиноватаго ни въ чемъ, и убилъ его до смерти. Самозванецъ очень обидѣлся, велѣлъ схва-

* Урусова.

тить Росланова и бросить въ темницу съ 50-ю другими Татарами, по нѣскольку разъ бить и славно отдѣлать ихъ плетьми; а потомъ опять взялъ оттуда, возвратилъ имъ прежнее положеніе и власть и часто употреблялъ ихъ для разсылокъ. При выѣздахъ на охоту и въ другихъ развлеченіяхъ, онъ полагался на нихъ больше, чѣмъ на другихъ, имѣлъ объ нихъ доброе мнѣніе и думалъ, что они уже позабыли теперь и темницу и позоръ. Но они по прежнему питали къ нему тайную ненависть, все высматривали случай привести въ исполненіе свой умыселъ и отомстить за поруганіе и позоръ, который нанесъ онъ имъ тѣмъ, что посадилъ въ темницу и отдѣлалъ плетьми.

Случилось разъ, что выѣхавши на охоту, онъ имѣлъ при себѣ изъ придворной челяди не больше трехъ слугъ и тридцати Татаръ, которые усердно прислуживали ему. Тотъ Мурза приказалъ другимъ Татарамъ, своимъ товарищамъ, чтобы они приготовили себѣ лошадей, когда Димитрій поѣдетъ на охоту, выбрались тайкомъ изъ города и стояли бы на сторожѣ; послѣ охоты онъ къ нимъ пріѣдетъ, по томъ всѣ вмѣстѣ они отправятся въ Татарію, свою родину, и останутся тамъ.

Выѣхавъ съ тѣми тремя служителями и Татарами, Димитрій хотѣлъ позабавиться охотой и отъѣхалъ почти съ полмили отъ города. Тогда-то вышла наружу потаенная злоба изъ Татарскаго сердца: Мурза, ѣхавшій позади первымъ послѣ Димитрія, взялъ ружье, и пострѣлилъ его на вылетъ, такъ что онъ свалился съ лошади, по томъ вынулъ саблю, отрубилъ ему голову и сказалъ: «Я тебя выучу, какъ топить въ рѣкѣ Татарскихъ Мурзъ, сажать ихъ въ темницу, угощать плетьми и кнутьями; самъ-то ты не что иное, какъ плутъ, воръ и обманщикъ, а они все таки были самыми вѣрными твоими слугами такое долгое время.»

Собственные служители Самозванца не долго смотрѣли на это зрѣлище, ударили лошадей, и поскакали поскорѣе въ городъ. Они разскакали тамъ, что за охота была у нихъ. Татары, не мѣшкая долго, помчались въ назначенное мѣсто, гдѣ собрались другіе ихъ товарищи, и въ числѣ 2000 человѣкъ поѣхали въ широкую степь, въ Татарію, на свою родину, силою забирая себѣ все, что могли схватить на дорогѣ. Но Русскіе и Казаки, нахо-

дившіеся въ Калугѣ, велѣли бить набатъ и палить изъ большихъ пушекъ: собралось все войско и поспѣшило было въ догонку за Татарами Но это было по пустому, по тому что прежде чѣмъ Русскіе собрались и сѣли на лошадей, Татары были уже такъ далеко, что ни какъ нельзя было догнать ихъ. Но другіе Татары, остававшіеся въ станѣ и ничего не знавшіе объ этомъ замыслѣ, всѣ, сколько ихъ ни нашлось тамъ, должны были горько раздѣлаться за это и поплатиться своимъ горломъ.

По окончаніи этой Татарской охоты, начальники, Дворяне, Казаки и граждане пошли за городъ посмотрѣть мѣсто, гдѣ затравленъ былъ заяцъ, и нашли на землѣ безголовое тѣло Лжедимитрія въ одной рубашкѣ, взяли его, положили на сани, отвезли въ городъ, пришили голову къ туловищу, вымыли его на чисто и положили на столъ, чтобы всѣ, кому хотѣлось, могли видѣть его; черезъ нѣсколько дней похоронили его въ городской церкви, съ Московскими обрядами, какъ обыкновенно хоронятъ Русскіе своихъ Великихъ Князей: это было 11 Декабря, 1610 года. Его мятежническая, неправая и предательская война тянулась почти 3 года, и въ это время тысячи невинныхъ людей нашли себѣ жалкій конецъ. Русскіе не забудутъ его, пока свѣтъ стоитъ.

Оставшаяся послѣ него жена, Марина Юрьевна. по смерти его родила сына, названнаго тоже Димитріемъ. Русскіе Бояре, Дворяне, граждане и воины въ Калугѣ присягнули ему въ томъ, что если онъ придетъ въ возрастъ, то будетъ царствующимъ Великимъ Княземъ всея Россіи. Русскіе Бояре назначили матери Великаго Князя въ Калугѣ значительное содержаніе, чтобы она съ ребенкомъ могла жить по Княжески. Тамъ и жила она до тѣхъ поръ, пока Москвитяне не выбрали себѣ въ Государи и Великіе Князья, нынѣ царствующаго, Михаила Ѳедоровича.

Послѣ того какъ Русскіе свели съ царства Великаго Князя, своего Государя, которому принимали присягу, Василія Ивановичя Шуйскаго, прогнали его въ монастырь, постригли въ монахи, по томъ взяли опять оттуда и отвели плѣнникомъ, съ братомъ его и нѣсколькими другими Боярами, къ Польскому Королю подъ Смоленскъ, прогнали Лжедимитрія Втораго отъ Москвы въ Калугу и выбрали Великимъ Княземъ сына Польскаго Короля,

Принца Владислава, послѣ всего того они все еще не отдавали Шведской Коронѣ область Карелію съ крѣпостью Кексгольмомъ, согласно Выборгскому договору. Эту область Великій Князь и Государственные Совѣтники уступили въ наслѣдственное владѣніе Шведской Коронѣ, что скрѣпили грамотою и печатью, но много прошло сроковъ, когда бы надо было передать эту крѣпость и область. Стало какъ нельзя очевиднѣе, что Русскіе явно хотятъ обмануть и не намѣрены сдержать и исполнить грамоту Василія Ивановича Шуйскаго, послали 3000 вооруженныхъ людей для неожиданнаго нападенія на Коммиссаровъ, которые должны были по договору принять крѣпость для Короля. Тогда, для сохраненія этой крѣпости и области и въ отвращеніе позора, который могъ выйти изъ того для Короля и Шведской Короны, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ, вынужденъ былъ крайностью не позволять дольше Русскимъ надувать себя, велѣлъ осадить Кексгольмъ и сдѣлать сильное нападеніе на эту крѣпость.

Между тѣмъ пришли къ нему письма отъ Новгородскаго Намѣстника, Ивана Одоевскаго (Ivvan Adieuski), и его собратіи, также и отъ Полковника Солтыкова (Solticous). Письма были такого содержанія, что Новгородцы, со всѣми другими Княжествами Русскаго Государства, единодушно выбрали Государемъ и Великимъ Княземъ сына Польскаго Короля, Принца Владислава. Онъ и всѣ Русскія сословія совсѣмъ не намѣрены соблюдать договоры и соглашенія между могущественнѣйшимъ и высокороднымъ Королемъ Карломъ IX-мъ и Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ, и по тому Полководецъ, ни мало не медля, долженъ снятъся и оставить ихъ предѣлы, а не то, они выгонятъ его и подъ охраной Русскихъ войскъ выпроводятъ въ Финляндію. На выручку осажденнымъ они послали наконецъ много галеръ и лодокъ съ войскомъ въ Ладожское озеро, но этѣ суда были отбиты и прогнаны Шведами и Финнами. Изъ всего этого Шведскій вождь могъ видѣть, что Русскіе словомъ и дѣломъ оказались врагами Короля и его подданныхъ, вопреки всѣмъ прежнимъ славнымъ договорамъ, а особливо Тявзинскому и Выборгскому. Онъ принужденъ уйти отъ Кексгольма съ большею частію войска, однако же, для продолженія и окончанія осады, оставилъ отрядъ Намѣстнику Выборгскому, Арфваду Тоннисену, землевладѣльцу въ Дю-

стерби, который велъ это дѣло мужественно до тѣхъ поръ, пока Русскіе, принужденные голодомъ, не сдали ему крѣпости. Графъ же направилъ путь къ Новгороду, все съ тою цѣлью и мыслью, чтобы, во первыхъ, какимъ бы то ни было способомъ, выручить людей, письма, бумаги и вещи, которыя были задержаны, противъ всякаго права, въ Нотебургѣ, а во вторыхъ, въ обезпеченіе себѣ, которое его Шведское Величество во всякомъ случаѣ упустилъ изъ вида со стороны Русскихъ. Графъ Яковъ и не могъ поступить иначе, если хотѣлъ вѣрно служить своему Королю и отечеству, имѣя въ виду то, что Русскіе рѣшительно вопреки Выборгскому договору, безъ вѣдома и согласія Шведскаго Короля, заключили договоръ съ общимъ ихъ непріятелемъ, Полякомъ, и даже выбрали своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ сына Польскаго Короля, главнаго врага Шведовъ. Изъ того всякому легко заключить, что настояла крайняя необходимость, для Его Шведскаго Величества обратить бдительный взоръ на этотъ союзъ между Русскими и Поляками, быть особенно осторожнымъ въ своихъ дѣлахъ и во время обезпечить для себя тѣ мѣста, откуда могъ произойти величайшій вредъ для него и его отдаленныхъ земель, такъ какъ этѣ мѣста заняты его врагами.

Я уже въ короткихъ словахъ сказалъ, какъ вѣроломные Москвитяне взяли подъ стражу своего Великаго Князя, Василія Шуйскаго, и выдали Королю, въ Польшу; тамъ онъ въ плѣну и умеръ и похороненъ на полѣ возлѣ самой дороги, между Торунемъ и Варшавой, гдѣ и поставлена надъ нимъ часовня. Москвитяне выбрали и провозгласили своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ сына Польскаго Короля, Принца Владислава. На это далъ имъ Король свое согласіе съ слѣдующими условіями: чтобы Вѣра у обѣихъ сторонъ оставалась безъ перемѣны, Владиславъ держалъ при Дворѣ служителей, какіе ему будутъ угодны, изъ Русскихъ и иностранцевъ; Москвитяне пользуются своими обыкновенными льготами, постановленіями и правами во всей ихъ полнотѣ, какъ въ духовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ. По томъ они съ большимъ торжествомъ ввели въ городъ Польскаго Полководца, Станислава Жолкевскаго, дали ему помѣщеніе тамъ и присягнули, въ его лицѣ, Польскому Принцу на вѣрность и преданность. Но такъ какъ Принцъ Владиславъ не могъ явиться въ Москву

такъ поспѣшно, какъ хотѣлось бы Русскимъ, а Поляки дѣлали много своевольства, по тому Русскіе и измѣнили Польскому Принцу, сдѣлались въ другой разъ клятвопреступниками и говорили: «Достанемъ для такой невѣсты такого жениха, который станетъ защищать и оборонять ее.» Такъ и вспыхнула наконецъ явная война и перестала не прежде, пока бѣдственно не погибло нѣсколько сотъ тысячъ Москвитянъ, городъ сожженъ и разоренъ, Поляки, державшіеся тамъ два года, выморены голодомъ, и Москва опять возвращена была Русскимъ, какъ уже и было разсказано въ 1-й части.

Овладѣвъ Москвою, Русскіе выбрали своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ Михаила Ѳеодоровича. Это было очень досадно женѣ Лжедимитрія, Маринѣ Юрьевнѣ, по тому что Калужане обѣщали выбрать въ Великіе Князья ея сына, когда онъ придетъ въ возрастъ и будетъ въ силахъ править Царствомъ. Отъ того она и вышла за мужъ за одного Поляка, прежде служившаго Полковникомъ у Димитрія, по имени Ивана Заруцкаго (Ivan Zaruski). Въ качествѣ опекуна молодаго Государя, онъ долженъ былъ вести войну съ Москвитянами и силою приводить области къ присягѣ ему. Такъ онъ и дѣлалъ два года, пока не вступилъ съ Москвитянами въ жестокій бой подъ Ярославлемъ: онъ проигралъ это сраженіе, былъ прогнанъ, наконецъ попалъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ сыномъ Димитрія и Великой Княгиней, Мариной Юрьевной, и былъ отведенъ въ Москву; тамъ жалостнымъ образомъ посадили его на колъ, невиннаго ребенка повѣсили, а мать заключили въ темницу, гдѣ она и умерла въ большомъ горѣ и бѣдствіи.

Между тѣмъ какъ этѣ смуты и раздоры поднимались въ разныхъ мѣстахъ страны, явился другой плутъ и обманщикъ, служившій въ Москвѣ простымъ Секретаремъ, и такъ же, какъ и другіе, называлъ себя роднымъ сыномъ Ивана Васильевича, Димитріемъ, который теперь уже три раза въ разное время подвергался такой великой смертной опасности, сначала въ Угличѣ, потомъ въ Москвѣ и наконецъ въ Калугѣ, однако жь все избѣгалъ смерти и былъ настоящій сынъ Ивана Васильевича.

Это былъ краснобай, продувной, хитрый и отчаянный малой, а отъ того и собралось къ нему нѣсколько сотъ негодяевъ

и мошенниковъ, которые все помогали его словамъ и бреднямъ находить сочувствіе и прикрашивали ихъ. Этотъ разбойникъ отправился сперва въ Новгородъ, а по томъ въ Ямы и Иваньгородъ; тамошнія области: Иваньгородская, Ямская, Копорская, Гдовская и другія признали его своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ и присягнули ему. Въ Иваньгородѣ онъ набралъ довольно войска и послалъ своихъ пословъ къ Шведскому Намѣстнику въ Нарвѣ и Государственному Совѣтнику, благородному и храброму Филиппу Шедингу, землевладѣльцу въ Шедви и Кундѣ, съ настоятельнѣйшею просьбой, чтобы Намѣстникъ написалъ къ могущественному и высокородному Королю Шведскому, славной памяти, Карлу IX, о великой невѣрности и измѣнчивости его подданныхъ, безпрестанно старавшихся лишать его благосостоянія и жизни, но Всемогущій Богъ всегда чудеснымъ образомъ спасалъ его отъ ихъ вредныхъ и плутовскихъ умысловъ. Шведской Король, по врожденной своей добротѣ и милосердію, не поможетъ ли ему отнять его наслѣдственныя земли? Намѣстникъ тотчасъ же исполнилъ это и послалъ къ Королю Карлу IX Христофора Вульфедорфа, съ увѣдомленіемъ, что въ Иваньгородъ прибыла какая-то личность, выдающая себя за Димитрія, роднаго сына Ивана Васильевича, съ просьбою и мольбой, чтобы Намѣстникъ донесъ Королю объ ея положеніи и обстоятельствахъ.

Вскорѣ послѣ того Его Королевское Величество отправилъ въ Иваньгородъ меня, Петра Петрея, изъ города Оребри въ Швеціи, съ письмомъ и полномочіемъ, также и съ строгимъ приказаніемъ, чтобы доподлинно развѣдать и узнать, дѣйствительно ли это Первый Димитрій, вѣнчанный и помазанный въ Москвѣ, которому присягнулъ этотъ городъ со всѣми Русскими областями. Тогда Его Королевское Величество подумаетъ, какимъ образомъ пособить ему противъ враговъ, чтобы онъ могъ опять овладѣть своими наслѣдственными землями; на первый случай онъ долженъ будетъ прислать къ Королю пословъ и заключить съ нимъ договоръ о томъ.

Но Самозванецъ, узнавъ, что я видалъ и зналъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Москвѣ, другого, убитаго Димитрія, не хотѣлъ допустить меня къ личному свиданію съ нимъ, не смотря на мои частыя и настоятельныя просьбы о томъ; онъ отвѣчалъ, что ему не

здоровится, при томъ же онъ не такъ и одѣтъ, какъ бы слѣдовало Монарху и Великому Князю, и можно было принять Королевскаго слугу. Отъ того я и хотѣлъ явиться къ его Совѣтникамъ, чтобы передать имъ свое порученіе, а они дали бы на то основательный и дѣльный отвѣтъ, какъ бы въ присутствіи Лжедимитрія. Такъ я и поступилъ наконецъ. Совѣтники просили, чтобы Его Величество жилъ въ добромъ сосѣдствѣ и согласіи съ ихъ законнымъ и природнымъ Государемъ и Великимъ Княземъ, пособилъ ему по праву овладѣть его наслѣдственными землями; что ихъ Государь при первомъ же случаѣ пришлетъ полномочныхъ пословъ къ Его Величеству, которые изложатъ подробнѣе его просьбу и заключатъ договоръ съ Королемъ. Но такъ какъ онъ былъ не истинный Димитрій, а ложный и самодѣльный, то посланники такъ и не пріѣзжали и ни какихъ переговоровъ не состоялось. Самозванецъ вышелъ изъ Иваньгорода съ войскомъ по дорогѣ въ Псковъ, съ намѣреніемъ привести тамошнихъ жителей въ покорность себѣ, съ помощію нѣсколькихъ пушекъ, которыя съ нимъ были. Это было 24 Іюня, 1611 года. Онъ былъ уже въ полномъ наступленіи, когда узналъ, что вышелъ въ поле Графъ Яковъ Де ла Гарди, находившійся тогда на дорогѣ въ Повгородъ, и что онъ наскоро отрядилъ Фельдмаршалка Эверда Горна съ нѣкоторымъ числомъ войска для воспрепятствованія намѣреніямъ Самозванца. Узнавъ о томъ, Лжедимитрій двинулся поскорѣе къ Гдову, бросивъ со страха и пушки, увезенныя по томъ Псковитянами въ свой городъ. Фельдмаршалокъ все преслѣдовалъ его, хотѣлъ поздороваться съ нимъ и въ Гдовѣ, но онъ убѣжалъ оттуда, большая часть его войска была истреблена, самъ онъ съ великою опасностью на силу уплелъ ноги и прибылъ опять въ Иваньгородъ. Тогда Фельдмаршалокъ Эвердъ Горнъ отступилъ къ своему Полководцу и прибылъ въ его станъ. Псковичи вообразили себѣ, что если будетъ у нихъ какой ни будь Государь и Великій Князь, хоть и не настоящаго Княжескаго происхожденія, то все же никто не осмѣлится тревожить и осадить городъ Псковъ: они отправили пословъ въ Иваньгородъ и звали Самозванца въ Великіе Князья къ себѣ. Этотъ не долго думалъ, явился туда и, поживши тамъ нѣсколько времени, сталъ очень нахаленъ, при всѣхъ позорилъ женъ и дочерей, дѣлалъ много другихъ своевольствъ и злодѣйствъ. Псковитянамъ стало ясно, что подъ его правленіемъ

они скорѣе потерпятъ вредъ, обнищаютъ и погибнутъ, нежели найдутъ свое счастье, отъ того они и затѣяли мятежъ, поднялись на него всѣми силами и перебили его стражу. Онъ принужденъ тайкомъ бѣжать изъ Пскова. Казаки узнали, что и Дворяне не хотятъ дольше терпѣть его, но у каждаго изъ нихъ было свое на умѣ, по тому что всѣ они бѣжали изъ города, куда кому было угодно. Казаки хотѣли захватить Самозванца, но у него былъ добрый конь; замѣтивъ невѣрность Казаковъ, онъ хотѣлъ ускользнуть, и скоро бы уѣхалъ, если бы одинъ Казакъ не попалъ ему изъ лука въ плечо, отъ чего онъ долженъ былъ сдаться въ плѣнъ, связанный по рукамъ и ногамъ, приведенъ въ Псковъ и отосланъ въ Москву. Тамъ довольно долго сидѣлъ онъ у воротъ Кремля, прикованный къ большой цѣпи, на всеобщее поруганіе и позоръ, до тѣхъ, поръ пока Русскіе не выбрали себѣ Государемъ нынѣ царствующаго Михаила Ѳеодоровича Романова и не присягнули ему. Этотъ велѣлъ его жалостнымъ образомъ повѣсить. Такъ Самозванецъ и получилъ свое заслуженное и достойное воздаяніе: въ ряду Самозванцевъ онъ Третій Лжедимитрій, выдававшій себя законнымъ сыномъ тирана Ивана Васильевича.

Теперь вездѣ въ Россіи были великія смуты и ссоры; Шведскій Полководецъ находился въ походѣ изъ Кексгольма въ Новгородъ; Москвитяне отмѣнили избраніе молодаго Принца Владислава, возстали на Поляковъ, владѣвшихъ Москвою, и осадили ихъ; Новгородцы тоже перемѣнились въ мысляхъ, начали обходиться миролюбиво съ Шведскимъ Полководцемъ, и, чтобы сначала уладиться съ нимъ въ нанесенномъ ему убыткѣ, велѣли выдать ему остановленныхъ въ Нотебургѣ людей, съ бумагами и вещами (о которыхъ мы нѣсколько разъ говорили), хотя большая часть послѣднихъ была испорчена и украдена.

Въ это самое время въ Новгородѣ находился одинъ Московскій Воевода, по имени Василій Бутурлинъ (Bütterlin); Русскія сословія отправили его изъ стана подъ Москвою въ Новгородъ съ порученіемъ и полномочіемъ договориться отъ ихъ имени съ Шведскимъ Полководцемъ въ слѣдующемъ: «Сословія, во первыхъ, просятъ и желаютъ, чтобы Шведскій вождь забылъ всѣ случившіяся непріятности и обиды и отложилъ всѣ спорныя дѣла, возникшія во

время этого смятенія и бунта между обоими Государствами, до тѣхъ, поръ пока сословія не рѣшатъ и не согласятся относительно Великаго Князя, а тогда всякія недоразумѣнія покончатся и устранятся мирно, къ обоюдному удовольствію. Во вторыхъ, чтобы Полководецъ, въ ихъ крайнемъ положеніи и нуждѣ, поспѣшилъ съ Королевско-Шведскимъ войскомъ на помощь къ нимъ подъ Москву, для скорѣйшаго овладѣнія Кремлемъ, бывшимъ въ рукахъ Поляковъ, такъ какъ сословія опасаются, чтобы Польскій Король, располагавшій въ то время большими силами, не поспѣшилъ на выручку къ осажденнымъ. Въ третьихъ, Бутурлинъ обѣщалъ отъ имени сословій уговорить Новгородцевъ, чтобы они уплатили Шведскому войску, въ счетъ его жалованья, такую сумму, какую въ состояніи достать въ это время. Въ четвертыхъ, Бутурлинъ обѣщался отъ имени сословій уступить Шведскому Королю крѣпость Нотебургъ, въ обезпеченіе и залогъ жалованья для войска.»

Полководецъ, выслушавъ этѣ предложенія, подалъ Бутурлину Королевское письмо къ Русскимъ сословіямъ, котораго главное содержаніе было слѣдующее: «Его Королевское Величество искренно предостерегалъ ихъ отъ вредныхъ козней Поляковъ и Папистовъ, увѣщевалъ ихъ жить согласно и выбрать себѣ такого Князя изъ своего собственнаго народа, который бы стоилъ того и намѣренъ былъ соблюдать прежніе честные договоры и соглашенія между обоими Государствами Король и прежде оказалъ добрую и полезную помощь Русскому народу, не только съ значительными расходами для себя, но и съ потерею изъ за того крѣпости Пернова въ Ливоніи. Онъ предлагаетъ имъ теперь, изъ признательнаго вниманія къ нему, уступить еще крѣпость и область Кексгольмъ, и тогда станетъ продолжать помогать имъ противъ ихъ непріятелей.» Воевода Бутурлинъ сдѣлалъ тѣ же самыя предложенія и на словахъ, говорилъ и совѣтовался о томъ съ Новгородцами, по томъ опять пришелъ къ Полководцу и далъ понять ему, что всѣ Русскія сословія знаютъ по опыту, что имъ нѣтъ счастья въ ихъ туземныхъ Великихъ Князьяхъ; а такъ какъ онъ не предлагаетъ имъ ни кого другаго, то не кого лучше желать имъ въ Государи и Великіе Князья себѣ, кромѣ одного изъ сыновей Его Королевскаго Величества, Карла IX, или Свѣтлѣйшаго

и Высокороднаго Князя Густава Адольфа, нынѣ царствующаго Короля, или младшаго брата Его Величества, Герцога Карла Филиппа.

Полководецъ не оставилъ безъ вниманія это предложеніе, которое могло послужить къ умноженію величія, чести, могущества и выгодъ Короля и его Высокородныхъ наслѣдниковъ: онъ взялся всеподданнѣйше донести о томъ Его Королевскому Величеству, совѣтуя, черезъ Бутурлина, Русскимъ сословіямъ, что если они въ самомъ дѣлѣ надумали это, то послали бы въ Швецію знатныхъ пословъ, снабженныхъ достаточнымъ полномочіемъ, и просили о томъ какъ слѣдуетъ, съ доброю надеждою, что Король отзовется на это со всякимъ снисхожденіемъ.

Изъ всего того ясно можно видѣть честный образъ мыслей Короля въ отношеніи къ Русскому народу, по тому что, если бы тутъ было что ни будь другое, Король не сталъ бы предостерегать Русскихъ отъ коварныхъ замысловъ ихъ непріятелей, а тѣмъ менѣе совѣтовать имъ взаимное согласіе, въ которомъ, по благословенію Божію, заключается лучшая доля благосостоянія Государства, какъ сказываетъ пословица: «Concordia res parvae crescunt, discordia magnae dilabuntur,» напротивъ, когда Поляки руководили Лжедимитріемъ, или другимъ какимъ ни будь способомъ, онъ постарался бы еще больше раздѣлить умы сословій, и то уже бывшіе въ сильномъ взаимномъ раздорѣ и недовѣріи, чтобы Его Королевскому Величеству тѣмъ удобнѣе было удить въ мутной водѣ, имѣть возможность сдѣлаться покровителемъ Русскаго Государства и овладѣть имъ всѣмъ, или большею его частію. Довольно ясно, что этого вовсе не было въ мысляхъ, или въ намѣреніяхъ Его Величества, и ясно не только изъ приведенныхъ теперь предостереженій и увѣщеваній, но и изъ того, что Король совѣтовалъ Русскимъ сословіямъ выбрать Великаго Князя изъ ихъ народа и вызывался подать имъ полезную помощь, чтобы Русскіе могли имѣть миръ и спокойствіе, и притомъ выбрать такого Государя, который расположенъ бы былъ соблюдать прежніе славные договоры между обоими Государствами, сдѣлать слѣдующее вознагражденіе за большія издержки въ пользу Великаго Князя, и напасть на непріятеля общими съ Королемъ силами.

Послѣ вышепомянутаго предложенія, сдѣланнаго Русскимъ Генераломъ Бутурлинымъ отъ имени всѣхъ Русскихъ сословій, что они охотно бы желали въ Государи себѣ одного изъ сыновей Его Королевскаго Величества, Шведскій вождь счелъ необходимымъ предоставить сословіямъ дѣло, предложенное Бутурлинымъ, и ожидать ихъ дальнѣйшаго отзыва и утвержденія. Бутурлинъ обѣщался доставить это въ 14-ть дней. Такимъ образомъ Полководецъ и послалъ Королевское письмо, о которомъ мы упоминали, съ однимъ Финляндскимъ Дворяниномъ, Гансомъ Мункомъ, къ Русскимъ сословіямъ въ Москву: онъ прописалъ тутъ все, о чемъ они переговаривали и условились съ Бутурлинымъ, и требовалъ на это нужнаго ему для свѣдѣнія отзыва.

Между тѣмъ у него съ Бутурлинымъ и Новгородцами заключено перемиріе на такихъ условіяхъ, чтобы ни одна сторона не дѣлала ничего враждебнаго относительно другой, чтобы Шведскія суда и лодки, стоявшія съ Кексгольмѣ и привозившія разные припасы въ станъ, могли свободно и безпрепятственно проходить мимо города Ладоги, отнятаго недавно съ помощію огнестрѣльнаго снаряда, у Французскаго Капитана Лавилы; этѣ суда плавали бы до самаго Шведскаго стана, чтобы Шведскимъ воинамъ было чѣмъ содержаться. Новгородскіе граждане должны были также привозить за сходную цѣну припасы и все необходимое въ Шведскій станъ.

Но этѣ статьи вовсе не были исполнены Новгородцами. Они не позволили Шведскимъ судамъ и лодкамъ съ припасами пройти мимо Ладоги, а когда Шведы, согласно договору, безъ всякаго насилія и своевольства стали искать себѣ пищи, на нихъ вѣроломно напали Казаки и стрѣльцы, посланные для того изъ Новгорода: отчасти изрубили ихъ, отчасти же увели въ городъ, и тамъ жалостно сѣкли плетьми и кнутьями, мучили и другими муками.

Въ такомъ положеніи Шведскій Полководецъ простоялъ съ своимъ войскомъ подъ Новгородомъ цѣлыхъ два мѣсяца, все ожидая отвѣта отъ Московскихъ сословій (обѣщаннаго, по самой долгой мѣрѣ, черезъ 14 дней); межъ тѣмъ все проводили его разными пустыми предложеніями: на нѣкоторыя изъ нихъ Полководецъ

сегодня согласится, а завтра ихъ опять отмѣнятъ Новгородцы и, вмѣсто того, поведутъ рѣчь о чемъ ни будь другомъ, новомъ и совершенно противномъ прежнему. Хотя Бутурлинъ сначала, можетъ быть, дѣйствовалъ и прямо въ этомъ дѣлѣ, однако Новгородцы сбили его съ пути, за что имъ наконецъ и досталось порядкомъ.

Полководецъ замѣтилъ, что всѣ ихъ старанія клонятся только къ тому, какъ бы провести его хитрыми продѣлками до тѣхъ поръ, пока войско его не ослабѣетъ отъ голода, болѣзни, также и отъ урона въ людяхъ, которыхъ Новгородцы каждый день тайно убивали на фуражировкахъ, и не уменьшится въ числѣ, чтобы имъ наконецъ тѣмъ удобнѣе было заставить его сдаться, или совершенно разбить, или же принудить къ отступленію въ Финляндію, не покончивъ дѣла, а это послѣднее принесло бы не менѣе опасности, какъ и позора для войска, если сообразить, что впереди его были двѣ непріятельскія крѣпости, Ладога и Нотебургъ, да въ тылу Новгородцы и Бутурлинъ.

По тому Шведскій вождь сильно настаивалъ объ исполненіи добровольнаго мирнаго договора, и повелъ дѣло къ тому, чтобы Новгородцы, по прежнему ихъ желанію, удовлетворили Шведскихъ воиновъ не доплаченнымъ жалованьемъ. Они находили разныя отговорки, лукавыя увертки одинѣ за другими, до тѣхъ поръ, пока Полководецъ не подвинулся съ войскомъ подъ самый городъ и не потребовалъ отъ нихъ рѣшительнаго объясненія, по тому что они хоть и каждый день приходили для переговоровъ, но съ большимъ двоедушіемъ и непостоянствомъ, между тѣмъ все развѣдывали о войскѣ Шведскомъ и его силѣ, прислали не много припасовъ, которыхъ не доставляли уже нѣсколько недѣль, намѣреваясь сражаться, подожгли монастырь, въ которомъ происходили переговоры, чтобы, при благопріятномъ вѣтрѣ, дымъ пожара обратился на Шведовъ: такъ во время переговоровъ они лукаво приготовлялися уже къ нападенію. Но ихъ славно прогнали въ городъ, и при этомъ осталось у нихъ на мѣстѣ до 100 человѣкъ и три эскадрона конницы. Вскорѣ пожелали они опять договариваться о мирѣ: когда же 12-го Іюля начались переговоры, они сдѣлали нападеніе всѣми силами, положивъ истребить, или прогнать, всѣхъ Шведовъ, однако жь въ другой разъ были храбро

прогнаны въ городъ. Стало быть, всѣ эти переговоры были одинъ обманъ: Новгородцы располагали изнурить Шведское войско, чтобы отъ голода, болѣзни и меча оно наконецъ отступило, безъ надлежащаго договора. Это привело въ большое раздумье Графа, и онъ напослѣдокъ порѣшилъ на томъ, чтобы Новгородцы удовлетворили его войско 300 рублей. Они не соглашались, не желали заплатить и бездѣлицы, а лучше хотѣли подвергнуть опасности жизнь свою, своихъ женъ и дѣтей и все свое счастье.

Видя, что изъ этого выходитъ явная вражда, Графъ Яковъ, по совѣту Фельдмаршалка Эверда Горна и другихъ Офицеровъ, совсѣмъ рѣшился и положилъ сдѣлать приступъ къ Новгороду. Не желая дѣлать того неожиданно для жителей, онъ далъ имъ знать на письмѣ и на словахъ, что впередъ будетъ наносить имъ всякой вредъ грабежомъ, огнемъ и мечемъ въ войнѣ съ ними, какъ съ вѣроломными и обманчивыми варварами, и пойдетъ приступомъ къ Новгороду. Узнавъ о томъ, Русскіе тотчасъ же подожгли въ окрестности города древніе монастыри и дворы, которыхъ было тамъ очень много, и вырубили ближніе сады, чтобы имѣть открытое поле впереди и вокругъ себя, и чтобы можно было храбро обороняться съ городскаго вала.

Покончивъ всѣ приготовленія къ приступу, Полководецъ притворился, будто хочетъ сдѣлать нападеніе на городъ съ востока, съ другой стороны рѣки Волхова, гдѣ находился собственно купеческій городъ, въ которомъ было очень много богатства и гдѣ всего вѣроятнѣе предполагали нападеніе.

Такимъ образомъ жившіе на другомъ краю крѣпости положили, что для нихъ нѣтъ ни какой бѣды, были безпечны, точно гуляли въ розовомъ саду; они думали, что Шведы ничего не возмутъ съ своимъ малымъ войскомъ противъ великаго ихъ множества; по человѣческому разсудку почти и не возможно было съ горстью людей взять приступомъ такой большой и населенный городъ, о которомъ по всѣмъ землямъ ходила пословица: «Кто можетъ воевать противъ Бога и Великаго Новагорода?» Это сдѣлалъ теперь Шведскій вождь, Графъ Яковъ: видимъ въ томъ чудное дѣло Божіе, когда угодно Ему наказать страну и городъ. Онъ ослѣпляетъ людей такъ, что они презираютъ непріятеля и

приходятъ въ безпечность. А когда угодно Ему даровать побѣду, тогда она не зависитъ отъ человѣческихъ силъ, отъ войска и военныхъ снарядовъ, по тому что хотя конь и всадникъ и будутъ снаряжены на бой, но побѣда приходитъ отъ Господа. То же совершили Давидъ, Маккавеи и другіе богобоязненные воины, дѣлавшіе успѣхи во имя Господа и не полагавшіеся на собственную силу, подобно Голіяѳу, Ксерксу и многимъ другимъ. Въ бою, говоритъ Соломонъ, не помогаетъ быть сильнымъ, по тому что сила, помощь и паденіе въ Богѣ.

Итакъ, 15-го Іюля, 1611 года, Полководецъ, во имя Божіе, велѣлъ на разсвѣтѣ ударить ложную тревогу внизу на рѣкѣ, у бѣлой нижней стѣны, а съ западной стороны сдѣлали нападеніе на валъ Шведскіе воины, которые, точно алчные молодые львы, или медвѣди, кололи и рубили Русскихъ, которые и должны были отступить съ валу; Шведы вырубили изнутри городскія ворота, и въ городъ все болыпе и больше наѣзжало ихъ конницы, на выручку пѣхотѣ, не смотря на сильную пальбу Русскихъ съ башенъ, оцѣпили воинами улицы и ворота, чтобы никто изъ нихъ не могъ выйти. Между тѣмъ Шведы сбили ихъ съ вала, гнали отъ одной стѣны до другой, такъ что они все мѣняли свои позиціи, до бѣлой стѣны на рѣкѣ, гдѣ въ самомъ началѣ поднялась тревога, и остановились тамъ для храбраго сопротивленія. Тамъ же, подъ открытымъ небомъ, былъ станъ и Бутурлина. Шведы сильно напали на него, и Русскіе выбѣжали во множествѣ и попадали въ рѣку, кто вмѣстѣ съ лодкой, кто прямо въ воду, съ намѣреніемъ переплыть, и отъ того топили другъ друга и тонули. По тому что мостъ, ведшій черезъ рѣку въ другой городъ, былъ быстро оцѣпленъ Шведами, чтобы никто не могъ переходить по немъ.

Въ крѣпости не было ни какого особеннаго войска; Шведы съ одной стороны овладѣли городомъ; Воевода Бутурлинъ съ своими Казаками и стрѣльцами еще на первыхъ порахъ, до прихода Шведовъ, отступилъ за мостъ, на другую сторону, разбилъ лавки, ограбилъ ихъ, сколько имѣлъ на то возможности второпяхъ и убѣжалъ оттуда, оправдывая себя тѣмъ, что возьмутъ же и разграбятъ все Шведы, такъ ближе и справедливѣе сдѣлать это Русскимъ. Тогда Митрополитъ Исидоръ и Намѣстникъ, Иванъ

Никитичъ Одоевскій, и всѣ другія лица свѣтскаго и духовнаго званія, которыя заперлись въ крѣпости, тотчасъ же послали своихъ пословъ къ Шведскому Полководцу и просили поступить съ ними кротко и миролюбиво. Онъ въ минуту согласился на это: провозгласили миръ, положили оружіе, враждебныя дѣйствія остановлены и запрещены, и по томъ заключенъ взаимный добровольный и невынужденный договоръ. Главнѣйшимъ основаніемъ его было то, что Новгородцы признали своимъ и всего Русскаго Государства покровителемъ Шведскаго Короля, его наслѣдниковъ и преемника, а одному изъ сыновей вышепомянутаго Короля, или нынѣ славно царствующаго Государя въ Швеціи, или его молодаго брата, Герцога Карла Филиппа, кого ни дастъ имъ отецъ изъ нихъ обоихъ, присягали, какъ своему и всего Русскаго Царства Государю и Великому Князю.

Такимъ образомъ 25 Іюля торжественно заключенъ крѣпкій союзъ между Шведскимъ вождемъ и Новгородцами: они и клялись ему въ томъ подъ открытымъ небомъ въ крѣпости и единогласно обѣщали сдержать свою клятву.

Для обезпеченія и подтвержденія всего этого, Новгородцы послали въ Швецію гонца, по имени Ивана Якушкина (Jakuski), съ смиреннымъ увѣдомленіемъ къ Его Королевскому Величеству объ этихъ происшествіяхъ и договорѣ, покамѣстъ не пришлютъ къ нему другихъ пословъ съ полномочіемъ для дальнѣйшихъ соглашеній объ этомъ высокой важности дѣлѣ.

Послѣ взятія приступомъ Новгорода, Шведскій вождь, съ вѣдома и согласія Новгородцевъ, велѣлъ осадить крѣпости Ладогу и Нотебургъ, и занять ихъ отъ имени ожидаемаго изъ Швеціи Великаго Князя, согласно заключенному договору. Въ продолженіи этого времени Псковитяне и нѣкоторыя другія области взяли себѣ въ Государи и Великіе Князья отчаяннаго плута, Лжедимитрія III-го, о чемъ упоминали мы выше. Услыхавъ, что Шведскій Король доподлинно узналъ, что онъ плутъ, соблазнитель и обманщикъ цѣлой страны, Самозванецъ по тому и не надѣялся отъ него ни какого вспоможенія, и позволялъ своимъ безбожнымъ Казакамъ свободно живиться грабежомъ въ землѣ Его Величества, вмѣсто жалованья, при чемъ далъ знать Королю, что намѣренъ

укрѣпить и уступить Польшѣ городъ и крѣпость Псковъ. Шведскій Король не находилъ для себя удобнымъ и безопаснымъ долѣе терпѣть такого безбожнаго и вѣроломнаго сосѣда: онъ велѣлъ своему Полководцу заблаговременно предупредить такую бѣду и занять крѣпость, такъ близко лежавшую къ предѣламъ его земель, откуда непріятель, владѣвшій ею, легко могъ причинять много большаго вреда. Полководецъ тотчасъ же и исполнилъ это съ полнымъ усердіемъ, и покорилъ города Гдовъ, Иваньгородъ, Ямы, Тихвинъ, Погрелу и нѣсколько другихъ областей, истребилъ и выгналъ Казаковъ; они ушли оттуда и привели своего плутовскаго Государя плѣнникомъ въ Москву, какъ мы уже и разсказывали. Все это было ко благу всего Русскаго Государства и новоизбраннаго Великаго Князя, одного изъ сыновей Его Королевскаго Величества, котораго пошлютъ имъ Богъ и Король. О томъ настоятельно просили Полководца всѣ Московскія сословія, чрезъ посланнаго къ нему Воеводу Бутурлина. Полководецъ отъ Королевскаго имени согласился и обѣщалъ это.

Московскія сословія въ Ярославлѣ узнали, что Новгородъ завоеванъ Шведами и вышесказанный договоръ заключенъ между Шведскимъ вождемъ и Новгородцами: въ слѣдствіе принятаго у нихъ рѣшенія подъ Москвою и прежняго ихъ выбора, они въ другой разъ отправили посольство, и во главѣ его Степана Лазаревича Татищева (Tatissou), ко всѣмъ Новгородскимъ сословіямъ, и между прочимъ заботились о томъ, чтобы они прислали къ нимъ въ Ярославль уполномоченныхъ извѣстить ихъ о статьяхъ договора, заключеннаго между Полководцемъ и Новгородцами, а въ особенности объ условіяхъ, на какихъ они должны будутъ имѣть Шведскаго Принца Великимъ Княземъ всего Русскаго Государства: тогда вмѣстѣ съ Новгородцами и они пошлютъ полномочныхъ пословъ ото всѣхъ областей и званій Русскаго Царства къ Его Королевскому Величеству и будутъ просить у него сына въ Государи и Великіе Князья себѣ Полководецъ и всѣ Новгородскія сословія, духовныя и свѣтскія, послали въ Ярославль къ нимъ своихъ выборныхъ, отъ Дворянства Ѳедора Тимоѳѣевича Оболенскаго, Смирнова Елизарьевича Отрепьева (Smirnou Elizarevitz Utrepia), отъ Духовенства Игумена Вяжицкаго (VVeschetzkoi) Никольскаго монастыря Игнатія, отъ горожанъ Истому Игнатьева (Istom Ignatiof) и Ивана Галицкаго (Galiskou). Выборнымъ дано

полномочіе договориться и обсудить съ ними избраніе Великаго Князя изъ сыновей Шведскаго Короля и всѣ другія, касающіяся общей пользы, дѣла. Воротившись оттуда, выборные принесли Полководцу и Новгородскимъ сословіямъ такой отвѣтъ, что Русскія сословія, собравшіяся въ Ярославлѣ, рѣшились неизмѣнно держаться рѣшенія, принятаго подъ Москвою, которое они еще прежде велѣли предложить Графу Якову черезъ Бутурлина.

Въ оправданіе себя, что не отправляютъ на этотъ разъ полномочныхъ пословъ въ Швецію, они приводили ту причину, что такъ какъ пріѣздъ къ нимъ его Княжеской Милости изъ Швеціи такъ долго замедлился, то они опасаются, что съ Шведской стороны не серьезно думаютъ о выборѣ, а по тому и съ послами ихъ въ Швеціи можетъ случиться то же, что случилось въ Польшѣ; однако жь это было напрасное и излишнее опасеніе. Они не послали также ни какихъ полномочныхъ пословъ и въ Новгородъ, для окончательнаго рѣшенія и назначенія съ Полководцемъ и Новгородцами условій выбора и образа правленія ожидаемаго Великаго Князя, по тому что Графъ Яковъ отозвался, что не имѣетъ полномочія соглашаться на что бы то ни было относительно перемѣны Вѣры новоизбраннаго Великаго Князя; впрочемъ, они хотѣли прислать въ Новгородъ Коммиссара, который войдетъ по этому дѣлу въ разныя сношенія съ Полководцемъ и Новгородцами и дастъ окончательное рѣшеніе, къ общему спокойствію и согласію. Они отправили потомъ своихъ выборныхъ, Порфирія Захарина (Sakarin) и Ѳедора Шишкина (Ziski) въ Новгородъ, которыхъ просьба и дѣло состояли въ томъ, что всѣ Русскія сословія отозвались еще разъ по прежнему, что желаютъ неизмѣнно остаться при принятомъ ими рѣшеніи подъ Москвою, относительно избранія Великаго Князя изъ сыновей Шведскаго Короля.

Но они остерегались посылать своихъ пословъ къ молодому Принцу, пока онъ находится еще въ Швеціи, просили Новгородцевъ послать ихъ отъ себя, отъ имени всѣхъ Русскихъ областей и сословій, и какъ можно скорѣе торопить пріѣздомъ ожидаемаго Государя. Когда же прибудетъ онъ въ Новгородъ, они тамъ сдѣлаютъ пріемъ ему съ приличными почестями, какъ своему Государю и Великому Князю. Между прочимъ желали, чтобы межъ ними и Новгородскими сословіями сохранилась добрая друж-

ба, сосѣдскія довѣріе и согласіе; выборные уполномочены были утвердить это, и потомъ заключенъ между обѣими сторонами миръ до пріѣзда новаго Великаго Князя изъ Швеціи.

Еще по первому объявленію Русскихъ сословій, собранныхъ въ Ярославлѣ, Новгородская область отправила своихъ пословъ, которыми изъ Духовнаго званія были: Никандръ, Архимандритъ Георгіевскаго монастыря, изъ Дворянства Поліотъ Колычевъ (Colizet). Михайло Боборыкинъ (Bodboriken), и Секретарь Третякъ Malentone, а изъ гражданъ Степанъ Иголкинъ, съ значительною дружиной изъ молодыхъ Дворянъ и прислужниковъ. Имъ приказано было неотступно просить Короля Карла IX отъ имени всего Русскаго Царства, а въ особенности отъ имени сословій Новгородской области, чтобы Его Королевское Величество всемилостивѣйше пожаловалъ Русской державѣ и имъ въ особенности въ Государи и Великіе Князья одного изъ великородныхъ своихъ сыновей, или нынѣ царствующаго Короля Густава Адольфа, или юнаго Герцога Карла Филиппа.

Но Король Карлъ скончался еще до пріѣзда пословъ; правленіе и присягу отъ всѣхъ сословій принялъ старшій сынъ Его Величества, какъ ближайшій наслѣдникъ, по тому и Новгородскіе посланники должны были изложить свою просьбу Его Королевскому Величеству въ Стокгольмѣ, съ усердною просьбою отъ всѣхъ Русскихъ сословій, что если Король, по случаю того, что царствуетъ въ своемъ наслѣдственномъ Государствѣ, не можетъ быть ихъ Государемъ и Великимъ Княземъ, то милостиво бы пожаловалъ имъ въ Государи и Великіе Князья своего младшаго брата, Свѣтлѣйшаго и Высокороднаго Князя и Государя, Карла Филиппа, наслѣдственнаго Князя Шведскаго, Готскаго и Вендскаго, Герцога Зюдерманландскаго, Нерикскаго и Вермеландскаго. Равнымъ образомъ они смиренно просили Свѣтлѣйшую Высокородную Государыню, Госпожу Христину, Королеву Шведскую, Готскую, Вендскую, Финляндскую, Карельскую, Королеву Эстовъ въ Ливоніи, Лапонцевъ и Каянъ въ Сѣверныхъ странахъ, и урожденную Герцогиню Шлезвигскую и Голштинскую, чтобы Ея высокомощное Величество изъявила свое согласіе и соизволеніе на ихъ просьбу. Это дѣло, какъ чрезвычайно значительное и важное, предложено на вольномъ сеймѣ всѣмъ Государственнымъ Совѣтникамъ и сословіямъ и, по зрѣломъ разсужденіи,

рѣшено было единодушно исполнить просьбу Русскихъ областей, для возвращенія имъ спокойствія и чтобы сдѣлать ихъ еще больше обязанными Его Королевскому Величеству. Тотчасъ же сдѣлано постановленіе о томъ, и велѣно все приготовить къ отъѣзду Принца.

Но въ это же самое время Короля занимала война съ Даніей: онъ лично самъ проводилъ большую часть времени въ полѣ; отъ того и нельзя было Его Княжеской Милости поспѣшить своимъ отъѣздомъ такъ скоро, какъ того хотѣли; его отъѣздъ затянулся до Іюня 1613 года; тогда Его Королевское Величество велѣлъ отвезти своего любезнаго Государя брата, Герцога Карла Филиппа, въ Выборгъ, на нѣсколькихъ хорошо снаряженныхъ большихъ военныхъ корабляхъ, не безъ значительныхъ расходовъ для Государства, съ довольно многочисленнымъ Княжескимъ поѣздомъ. Король надѣялся при томъ, что всѣ сословія Русскія примутъ Герцога, какъ бы и слѣдовало, черезъ своихъ полномочныхъ пословъ, и будутъ разсуждать и переговаривать съ Королевскими посланниками, приданными Герцогу въ видѣ помощниковъ, о разныхъ нужныхъ дѣлахъ обоихъ Государствъ, Швеціи и Россіи. Однако жь, никто не явился изъ Русскихъ пословъ. По тому Герцогъ отправилъ нѣсколькихъ Дворянъ, пріѣхавшихъ съ Его Княжеской Свѣтлостью, съ письмами въ Новгородъ, а по томъ и въ Москву, и велѣлъ тамъ увѣдомить о своемъ пріѣздѣ въ Выборгъ. Не смотря на это, не явился, однако жь, никто, кромѣ Новгородскихъ пословъ, прибывшихъ черезъ нѣсколько времени, впрочемъ безъ полномочій, чтобы только поздравить съ пріѣздомъ Его Княжескую Милость отъ Новгородской области, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, сопровождать его въ Новгородъ: они всеподданнѣйше просили Герцога собрать ихъ и принять подъ свое правленіе, точно овецъ безъ пастыря. Но Королевскіе послы представляли имъ, что Король, Государь братъ Герцога, Госпожа мать его и Государственныя сословія, дали этого юнаго высокороднаго Принца въ Государи и Великіе Князья не одной Новгородской, но и Володимирской, Московской и другимъ областямъ Русскаго Государства. А теперь они видятъ, что ни одна изъ выше названныхъ областей не послала въ Выборгъ ни одного посла, или уполномоченнаго, для пріема Герцога, да и Новгород-

скіе посланники не снабжены отъ ихъ собратій приличнымъ полномочіемъ для разсужденія и рѣшенія разныхъ необходимыхъ дѣлъ, по тому и Шведскіе послы не могутъ такъ поспѣшно продолжать столь важное дѣло по однимъ только требованіямъ и просьбамъ Новгородцевъ; но прежде нежели Герцогъ отправится дальше за границу страны, необходимо подождать посланниковъ отъ другихъ сословій или, по крайней мѣрѣ, обстоятельнаго и рѣшительнаго отвѣта отъ нихъ. Новгородцы все настаивали на своей прежней просьбѣ, поставляя на видъ, что Новгородская область, до покоренія ея Московскимъ Государемъ, имѣла своихъ особенныхъ Великихъ Князей, которые и правили ею; между ними былъ одинъ, тоже Шведскаго происхожденія, по имени Рюрикъ (Rurich), и Новгородцы благоденствовали подъ его правленіемъ. И какъ встарину Новгородская область содержала прилично и по Княжески своихъ Великихъ Князей, и могла нѣсколько столѣтій быть безопасною ото всѣхъ окрестныхъ и сосѣднихъ народовъ, точно такъ же можетъ быть и теперь, хотя Володимирская, Московская и другія области и не захотѣли бы согласиться на избраніе Герцога, чего, однако жъ, онѣ не сдѣлаютъ, какъ надѣются Новгородцы, лишь только услышатъ о пріѣздѣ Герцога въ Новгородъ. Новгородцамъ тотчасъ же возразили, что для Шведскаго Герцога, всего Королевскаго дома и всего Государства, не только будетъ стыдно, но и унизительно, если Герцогъ удовольствуется и ограничится только частію Государства, будучи призванъ на управленіе и обладаніе всею Русскою землею; у Герцога и дома есть наслѣдственное Герцогство, которое ни чѣмъ не уступитъ Новгородскому въ обширности, силѣ и доходахъ, да и тѣмъ еще предпочтительнѣе, что Герцогъ можетъ пользоваться имъ въ мирѣ и тишинѣ, тогда какъ Новгородское Княжество вынужденъ будетъ оборонять вооруженною рукою не только отъ Поляковъ и Литовцевъ, но еще и отъ того, кого возьмутъ себѣ въ Великіе Князья другія области Русскаго Государства, и отъ собственныхъ своихъ мятежниковъ и ослушниковъ, которые замѣчаются уже въ большомъ числѣ, чего нельзя будетъ сдѣлать ему съ одними средствами и силами Новгородской области, а по тому и встрѣтится необходимость призвать на помощь своего Государя брата, Шведскаго Короля. Король не прочь будетъ отъ того для брата, но справедливость потребуетъ сдѣлать ему приличное воз-

награжденіе и при томъ достаточное обезпеченіе за большіе расходы на это.

Новгородскіе послы должны бы вспомнить еще при томъ, что Шведскій Король имѣетъ также значительныя требованія на Русскомъ Государствѣ за военныя издержки, сдѣланныя еще прежде знаменитымъ Государемъ отцомъ его; а такъ какъ отъ того должна уменьшиться Новгородская область, то на долю Герцога останется очень немного. Сверхъ всего того, не за долго до прибытія Герцога въ Выборгъ, монастырь и мѣстечко Тихвинъ и крѣпость Гдовъ съ ихъ областью отложились отъ него, вопреки ихъ присягѣ и крестному цѣлованію, измѣнническ напали на его гвардейцевъ и жалкимъ образомъ перебили ихъ, съ помощію Москвитянъ, отъ которыхъ нельзя было и ожидать ничего враждебнаго. Они все еще продолжали бунтовать, не смотря, что молва о пріѣздѣ Герцога разошлась уже по всей странѣ. По тому-то Герцогъ и Королевскіе послы сочли полезнымъ и необходимымъ подождать отзыва всѣхъ Русскихъ сословій. Межъ тѣмъ Новгородскіе посланники могли бы добиваться другаго полномочія въ Новгородѣ, чтобы имъ можно было вести переговоры съ Герцогомъ и Королевскими послами обо всѣхъ нужныхъ дѣлахъ; но они все настаивали на своей прежней просьбѣ, хотя и не умѣли опровергнуть ни какихъ доводовъ противъ нея. Что же касается до полномочія, то, по ихъ мнѣнію, оно было не нужно, по тому что Король и Герцогъ безъ труда сочтутся между собою, какъ любезные родные братья, въ военныхъ и другихъ расходахъ, сдѣланныхъ Королемъ, и въ какихъ бы то ни было его требованіяхъ.

Герцогъ уже довольно времени дожидался въ Выборгѣ отвѣта отъ Русскихъ сословій, и слышалъ, что Новгородцы, а особливо знатнѣйшіе Дворяне и граждане, забывъ свою присягу и должную вѣрность, каждый день другъ за другомъ бѣгутъ въ отложившіяся мѣста и въ Москву, вездѣ возмущаютъ крестьянъ и причиняютъ неисправимый вредъ странѣ, а Москвитяне хоть и положили сохранять миръ и добрыя сосѣдственныя сношенія съ Шведскимъ Полководцемъ и Новгородцами, какъ упоминали мы выше, однако жь не только не останавливаютъ такихъ бунтовщиковъ и возмутителей, но еще сами дѣлаютъ всякое зло покорнымъ подданнымъ и Шведскому войску; наконецъ, когда отняли

опять Москву у Поляковъ, они выбрали въ Великіе Князья себѣ Михаила Ѳеодоровича Романова, легкомысленно пренебрегая прежнимъ выборомъ Шведскаго Князя. Герцогъ позвалъ къ себѣ Новгородскихъ посланниковъ и далъ имъ знать, что теперь на самомъ дѣлѣ узналъ невѣрность, ложь и непостоянство Новгородскихъ и другихъ Русскихъ сословій и не намѣренъ больше заботиться о нихъ и подвергаться такимъ затрудненіямъ и смертной опасности, но всѣ свои права и справедливыя требованія на Русскомъ Царствѣ, а въ особенности на Новгородской области, полученныя имъ по свободному избранію, онъ тѣмъ самымъ вполнѣ уступаетъ и передаетъ Шведскому Королю, своему многолюбезному Государю брату, ему же поручаетъ и предоставляетъ справедливую месть за нанесенную обиду: это тѣмъ еще болѣе, что у Короля, какъ сказали мы выше, безъ того уже были большіе счеты на Русскомъ Царствѣ, котораго не малою частью онъ владѣетъ теперь по праву войны. Съ тѣмъ Герцогъ и отпустилъ Новгородскихъ пословъ, а самъ отправился въ обратный путь въ Швецію.

Теперь у Шведскаго Короля довольно было справедливыхъ причинъ преслѣдовать оружіемъ Русскія сословія и области, какъ справедливо требовала того добрая слава его Королевскаго Величества, по тому что также поступали и многіе другіе знаменитые Государи въ подобныхъ случаяхъ, въ прежнее и наше время, чему найдемъ много примѣровъ въ Исторіи. Однако жь, знаменитый Король старался сначала уладить и потушить все это лаской и кроткими средствами: чрезъ своего Полководца, Графа Якова Де ла Гарди, онъ велѣлъ уговаривать Русскія сословія, чтобы они одумались, остались при прежнемъ выборѣ и послали уполномоченныхъ въ удобное для того мѣсто для переговоровъ и миролюбиваго окончанія всякихъ недоразумѣній и несогласій, вышедшихъ у нихъ съ Королемъ. Но сословія ни сколько не посмотрѣли на это и осыпали Полководца множествомъ невѣжливыхъ словъ въ своихъ различныхъ письмахъ, въ которыхъ, между многими другими нелѣпостями, приказывали ему, точно какія власти, очистить Новгородъ со всѣми зависѣвшими отъ него землями и отступить съ Шведскимъ войскомъ въ Финляндію, прибавивъ къ тому сильную угрозу, что они его выгонятъ. Но какъ Полководца ни испугали, ни обидѣли этѣ пустыя и неприличныя угрозы, они въ самомъ

дѣлѣ напали на укрѣпленія Старой Русы, а наконецъ, послѣ многихъ другихъ враждебныхъ умысловъ, прислали въ Новгородъ двухъ Воеводъ, по имени Дмитрія Трубецкаго и Данила Мезецкаго съ нѣсколькими тысячами пѣхоты и конницы. Они расположились въ 4-хъ миляхъ отъ города, въ удобномъ мѣстечкѣ Бронницахъ (Branissau), съ намѣреніемъ взять Новгородъ приступомъ. Но они обманулись въ разсчетѣ: благодаря Божіей помощи, хорошему счастію Короля, благоразумію и усердію Полководца, также храбрости и мужеству другихъ Офицеровъ и простыхъ воиновъ, они доведены были до того, что не только потеряли большую часть своего войска, но и сами спаслись позорнымъ бѣгствомъ. Замѣчая съ каждымъ днемъ, что ни какая кротость или умѣренность вовсе неумѣстна съ Русскими, Король взялся за дѣло гораздо серьезнѣе: самъ вышелъ въ поле, осадилъ крѣпость Гдовъ и взялъ ее приступомъ. Послѣ этого завоеванія, Король въ другой разъ приказалъ своимъ совѣтникамъ и Офицерамъ уговаривать изъ Нарвы Русскія сословія, чтобы они, взвѣшивая опасность, въ которой находились, бросили свою непріязнь и старались бы о мирѣ и согласіи съ нимъ. На случай, если они примутъ этѣ благонамѣренныя убѣжденія, сдѣланныя съ добрымъ намѣреніемъ и полезныя для ихъ собственнаго блага, Король послалъ еще въ запасъ Фельдмаршалка Эберда Горна изъ Канкаса, Полковника Еспера Андерсена Краузе изъ Вернештадта и Секретаря Магнуса Мартенсена Пальма изъ Басто: они должны были вести переговоры съ Русскими о мирѣ. Но все это ни сколько не по могло съ невѣжественными людьми, чтобы они обратили на это вниманіе, или склонились бы къ справедливости; вмѣсто того письма, приходившія отъ нихъ къ Фельдмаршалку и его товарищамъ, были наполнены множествомъ обидъ и неправыхъ обвиненій. Они не только пренебрегли такими миролюбивыми увѣщаніями Короля, но новоизбранный Великій Князь ихъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, послалъ еще множество Казаковъ и стрѣльцовъ въ Королевскія области; своими грабежами и убійствами они причинили значительный вредъ Ладожскому, Копорскому, Ямскому и Иваньгородскому округамъ. Онъ отправилъ также и другой отрядъ Казаковъ, которые должны были дѣлать такой же вредъ Кекскгольмской и Нотебургской области; въ досталь къ тѣмъ онъ отправилъ еще одного изъ своихъ Воеводъ, Никиту Волженскаго, съ

другимъ отрядомъ, для внезапнаго овладѣнія крѣпостью Ладогой. Но все это не удалось имъ: всѣ они вмѣстѣ храбро отражены, прогнаны, области очищены и приведены въ безопасное положеніе. Король необходимо принужденъ былъ ити на Псковъ съ сильнымъ, коннымъ и пѣшимъ, войскомъ, осадилъ этотъ городъ, жестоко тревожилъ его ядрами и картечью, не прекращалъ пальбы и не отступалъ отъ города; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока присвоившій себѣ права, Великій Князь, и Русскія сословія не упросили великомощнаго и высокороднаго Государя Іакова, Короля Великобританскаго, и превосходительнаго Господина Генерала Стадена, послать отъ себя знатныхъ пословъ, и дружескими увѣщаніями, чрезъ письма и гонцовъ, уладить эту вражду. Славный Шведскій Король, Государь кроткій и умѣренный, больше искалъ мира и спокойствія, нежели войны и кровопролитія, и лучше видѣлъ благо и сохраненіе людей, нежели ихъ несчастіе и погибель. Не только по убѣжденію Короля Великобританіи, но и по собственному разсудку, которымъ наградилъ его Богъ въ высокой степени, по врожденной добротѣ и великодушію, онъ согласился тотчасъ же снять осаду и ушелъ отъ города, отдавъ приказанія своимъ знатнымъ полномочнымъ посламъ. Съ послами Короля Іакова и Великаго Князя Московскаго они съѣхались въ Столбовѣ, деревнѣ между Тихвинымъ и Ладогою, и привели свое дѣло къ такому концу, что всѣ раздоры, ссоры, несогласія, неудовольствія и недоразумѣнія, нѣсколько лѣтъ происходившія между Швеціею и Россіею, были безъ всякаго лукавства улажены и покончены, а миръ, согласіе и дружба возстановлены. Этотъ мирный договоръ отъ слова до слова слѣдующаго содержанія:

«Мы, полномочные посланники могущественнаго Государя Густава Адольфа, Божіею милостію Короля Шведскаго, Готскаго и Вендскаго, Великаго Князя Финляндскаго, Государя Эстляндскаго, Карельскаго и Ингерманландскаго, Яковъ Де ла Гарди, Графъ Лекко, Баронъ Эркгольмскій, владѣлецъ Колки, Рунзы и Киды, Его Королевскаго Величества Совѣтникъ и Главнокомандующій Генералъ, Генрихъ Горнъ, владѣлецъ Канкаса, Вендена и Гесле, Его Королевскаго Величества Маршалъ и Земскій Судья на Эландѣ, Арфвидъ Тонисенъ изъ Динстерби, Намѣстникъ Выборгскій и Карельскій, также и тамошній Земскій Судья и Секретарь, Маг-

нусъ Мартенсенъ Пальмъ изъ Басто, дѣлаемъ симъ извѣстнымъ, что, по приказу выше поименованнаго Его Величества, нашего всемилостивѣйшаго Короля и Государя, мы находились вмѣстѣ съ полномочными послами Великаго Князя всея Россіи, Михаила Ѳеодоровича, Даніломъ Ивановичемъ Мезецкимъ, Алексѣемъ Ивановичемъ Сущинымъ, и Секретарями, Николаемъ Никитинымъ сыномъ Новеновымъ и Добрынею Семеновымъ, въ деревнѣ, называемой Столбова, лежащей между Ладогою и Тихвинымъ, для разсмотрѣнія и замиренія всякихъ несогласій и раздоровъ, происходившихъ и наконецъ обратившихся въ открытую вражду, войну и кровопролитіе, между могущественными и высокородными Государями, достославной и блаженной памяти, Государемъ Карломъ IX, Королемъ Шведскимъ, Готскимъ Вендскимъ, Финляндскимъ, Карельскимъ, Лапландскимъ Сѣверныя земли, Каянскимъ, Эстскимъ въ Ливоніи, потомъ между Свѣтлѣйшимъ, могущественнѣйшимъ, высокороднымъ Государемъ, Густавомъ Адольфомъ, Королемъ Шведскимъ, Вендскимъ и Готскимъ, Великимъ Княземъ Финляндскимъ, Герцогомъ Эстляндскимъ и Карельскимъ, Государемъ Ингерманландскимъ и Короною Шведскою съ одной стороны, и между нѣкоторыми Великими Князьями Русскаго Царства, а особливо нынѣшнимъ Великимъ Княземъ и всея Россіи Самодержцемъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и Русскимъ Государствомъ съ другой стороны.

Первый поводъ къ этому мирному договору поданъ былъ Свѣтлѣйшимъ, могущественнѣйшимъ и высокороднымъ Княземъ и Государемъ Іаковомъ, Божіею милостію, Королемъ Великобританіи, Франціи и Ирландіи, защитникомъ вѣры, многолюбезнымъ братомъ, дядею и особеннымъ добрымъ пріятелемъ Его Королевско-Шведскаго Величества, по тому что Его Королевское Величество, Король Іаковъ, не только чрезъ пословъ и письма, но и чрезъ своего знатнаго посла, благороднаго, храбраго и мужественнаго Господина Рыцаря, Іоанна Мерика, Тайнаго Камергера Его Королевскаго Величества, дружески уговаривалъ выше названнаго могущественнаго, высокороднаго Государя, Густава Адольфа, Короля Шведскаго, чтобы добрыми и Христіянскими средствами покончить и прекратить эту ссору и войну, до сихъ поръ происходившую у него съ Великимъ Княземъ Русскимъ, Михаиломъ

Ѳеодоровичемъ. Его Величество Шведскій Король, по собственному природному расположенію къ миру, не охотно видя безполезныя войны и пролитіе Христіянской крови, также и ради вѣрной дружбы и близкаго родства между нимъ и Королемъ Великобританіи, склонился на это благонамѣренное дружеское увѣщаніе, обративъ болѣе вниманія на особенную тѣсную дружбу между предками Его Величества, Шведскаго Короля, и нѣкоторыми Русскими Великими Князьями, особливо же между Карломъ IX и Великимъ Княземъ Василіемъ Ивановичемъ. Для прекращенія неудовольствій Свѣтлѣйшій и Высокопочтенный Король Густавъ Адольфъ изъявилъ согласіе на это свиданіе въ Столбовѣ. Мы, выше названные Королевскіе полномочные послы, съ Русскими Великокняжескими послами, взаимно согласились и договорились во всѣхъ важныхъ дѣлахъ между обоими Государями и ихъ областями и землями, во имя Св. Троицы, и при благоразумномъ и усердномъ посредничествѣ Королевско-Великобританскаго посла, и по Королевскому полномочію, возложенному на насъ выше названнымъ Королемъ, нашимъ Всемилостивѣйшимъ Государемъ, рѣшили и постановили слѣдующее, а именно: Во 1-хъ, симъ предаются забвенію, не вмѣняются ни во что и признаются полюбовно покончеными всѣ, происходившія со времени Тявзинскаго мира въ минувшіе годы хищенія, убійства, пожары и другія обиды, какимъ бы образомъ и кѣмъ бы онѣ ни были сдѣланы, между Королемъ Шведскимъ, Карломъ IX, высоконезабвеннымъ Его Королевскаго Величества почтеннымъ и многолюбезнымъ родителемъ, и нынѣ царствующимъ Королемъ, Густавомъ Адольфомъ, и Короною Шведскою, и бывшими Русскими Великими Князьями, а особливо нынѣ царствующимъ Великимъ Княземъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и Русскимъ Царствомъ, также и между областями обоихъ Государей, землями, городами, народами, служителями и подданными, такъ что симъ прекращается всякая между ними непріязнь и недоразумѣніе, и никогда въ вѣкъ не должно приходить на память и возбуждать раздраженіе на обѣихъ сторонахъ, но по этому нынѣшнему мирному договору, между обѣими державами, ихъ областями, землями и городами, какъ изстари имъ принадлежащими, такъ и уступленными и возвращенными по этому миру, и между всѣми ихъ подданными, на будущее время возстановляется, возобновляется и утверждается,

для ненарушимаго соблюденія, вѣчный миръ, и заключается дружба, такъ чтобы оба Государя другъ другу всячески доброжелательствовали, радѣли о взаимной пользѣ и благѣ и оказывали одинъ другому должное во всякихъ дѣлахъ.

Въ 2-хъ. По доброму расположенію къ Великому Князю Русскому и для сохраненія Христіянскаго спокойствія и согласія, по этому мирному договору, Шведскій Король уступаетъ и возвращаетъ Русскіе города и крѣпости, взятые имъ въ минувшихъ годахъ, а именно: Великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Ладогу и Гдовъ, съ зависящими отъ нихъ деревнями и Сумерскимъ погостомъ, также и всѣ коронныя, монастырскія и духовныя помѣстья, со всѣми жалованными и наслѣдственными помѣстьями, приходами, деревнями и всякими другими мѣстами, со всѣми ихъ доходами и правами, кромѣ тѣхъ только крѣпостей и городовъ, которые уступлены Великимъ Княземъ Шведскому Королю, по этому мирному договору, о чемъ будетъ сказано послѣ въ подробности.

Въ 3-хъ. Вмѣстѣ съ выше названными крѣпостями и городами, Шведскій Король возвращаетъ и уступаетъ также Великому Князю всякія церковныя украшенія, какъ въ церковь Св. Софіи, такъ и во всѣ другія церкви и монастыри въ Новгоротѣ и другихъ крѣпостяхъ и городахъ, со всѣмъ, что ни находится на этѣхъ украшеніяхъ, и не дозволяетъ ничего вывозить изъ нихъ, также и собственности и пожитковъ Митрополита, всего духовенства, и всего Русскаго народа, какихъ бы то ни было сословій, живущаго, или проживающаго въ вышеназванныхъ городахъ и областяхъ, съ женами и дѣтьми и всякими пожитками и собственностью; возвращаются также рукописи и книги, принадлежащія Канцеляріямъ и Городскимъ Управамъ, всѣ Русскія пушки, со всѣми ихъ принадлежностями, и колокола, находившіеся въ означенныхъ крѣпостяхъ и городахъ минувшаго 20 Ноября. По условію, положенному въ дополненіе того съ Королевскимъ Британскимъ посланникомъ, Господиномъ Іоанномъ Мерикомъ, исключаются изъ того колокола, проданные послѣ означеннаго числа самими Новгородцами, для удовлетворенія войска и увезенные изъ Новгорода. Тѣ же колокола, которые взяли и увезли, не заплативъ за нихъ, Королевскіе воины и слуги, по тщательномъ розысканіи, должны быть возвращены и доставлены въ Новгородъ, равно

какъ и купленные Королевскими воинами и находящіеся еще на мѣстѣ въ Новгородѣ, Новгородцы вольны выкупить за ту же цѣну, за какую и продали, и послѣ того Королевскіе воины не должны больше покупать колоколовъ въ Новгородѣ и увозить ихъ какимъ бы то ни было образомъ.

Въ 4-хъ. При выходѣ изъ упомянутыхъ крѣпостей и городовъ Королевско-Шведское войско не должно причинять ни какихъ насилій людямъ Великаго Князя въ Новгородѣ, Старой Русѣ, Порховѣ, Ладогѣ и въ ихъ округахъ, также и въ Сумерской области, ни мечемъ, ни огнемъ, ни хищеніемъ, а тѣмъ менѣе уводить съ собою Русскихъ людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей на Шведскую сторону и отнимать у нихъ имущество. Но если кто ни будь изъ Шведскаго войска оставитъ какое ни есть имущество въ упомянутыхъ крѣпостяхъ и городахъ, по невозможности увезти съ собою все, это должно оставаться подъ вѣрнымъ сохраненіемъ до тѣхъ поръ, пока оставившій или самъ придетъ, или пришлетъ другого, уполномоченнаго, за этѣмъ имуществомъ; такіе люди совершенно безопасно и безпрепятственно допускаются ѣздить по своему дѣлу туда и обратно.

Въ 5-хъ. Королевско-Шведскіе Намѣстники и Начальники должны уступить и возвратить Русскимъ Великокняжескимъ, отряженнымъ для того, Воеводамъ и Начальникамъ, выше упомянутые крѣпости и города: великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, съ ихъ округами и Сумерскую область, въ присутствіи Королевско-Великобританскаго посла, Господина Іоанна Мерика, или одного изъ Камеръ-Юнкеровъ этого Короля, кого изъ нихъ пошлетъ, выше названный посолъ, въ продолженіи 14-ти дней послѣ утвержденія и скрѣпленія этого мирнаго договора между ними, полномочными посланниками обѣихъ сторонъ, за нашею подписью, печатью и клятвою на Св. Евангеліи съ нашей, и крестнымъ цѣлованіемъ съ другой, стороны.

Въ 6-хъ. Въ три недѣли по заключеніи мира Королевско-Шведскіе Намѣстники и Начальники должны также сдать Воеводамъ и Начальникамъ Русскаго Великаго Князя крѣпость Ладогу, съ ея округомъ, въ присутствіи посланника Англійскаго Короля, со всѣми Русскими жителями, ихъ имуществомъ и всѣми

Русскими пушками. Шведское войско не должно уводить оттуда никого изъ Русскихъ, не дѣлать имъ насилія и не грабить ихъ, также и не вывозить оттуда упомянутыхъ пушекъ. Но Гдовъ, со всѣмъ его округомъ и жителями, долженъ еще на нѣкоторое время оставаться за Шведскимъ Королемъ, до утвержденія настоящаго мирнаго договора обоими Государями, собственноручною подписью Его Королевскаго Величества и Государственною печатью, также и печатью Великаго Князя, Королевскою клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ Великаго Князя, и до тѣхъ поръ, пока не назначены и не опредѣлены будутъ границы, и посланники, присланные для того обоими Государями, побывавъ у этѣхъ послѣднихъ, не возвратятся на границу опять со всѣмъ уже покончennымъ дѣломъ. Тогда, въ теченіе 14-ти дней послѣ того, Королевско-Шведскіе Намѣстники и Начальники должны будутъ возвратить и сдать Гдовъ, присланнымъ для принятія этого города и крѣпости изъ Пскова Русскимъ Воеводамъ и Начальникамъ, со всѣми Русскими пушками и Русскими жителями, съ ихъ имуществомъ. Но во все время, пока Гдовъ будетъ оставаться за Королемъ, всѣ Гдовцы и жители области этого города должны платить Королю слѣдующія подати и оказывать пособіе для содержанія войска, также и находиться все по прежнему въ крѣпости. Въ это время Королевскіе люди не должны причинять Гдовцамъ и деревенскимъ жителямъ ни какого насилія и отягощенія и не грабить ихъ, а тѣмъ менѣе уводить оттуда Русскихъ людей, или увозить къ себѣ ихъ пушки.

Въ 7-хъ. Любезный Государь, братъ Короля, Свѣтлѣйшій и Высокородный Князь, Карлъ Филиппъ, наслѣдственный Принцъ Шведскій, Готскій и Вендскій, Герцогъ Зюдерманландскій, Нерикскій и Вермеландскій, не долженъ послѣ того объявлять свои притязанія на крѣпости Великій Новгородъ, Порховъ, Старую Русу, Ладогу, Гдовъ и Сумерскій погостъ, со всѣми ихъ деревнями и принадлежностями, не долженъ и заводить съ ними какую ни будь войну, и постарается забыть крестное цѣлованіе ему такого множества людей. Король тоже обѣщается за себя, своихъ наслѣдниковъ и послѣдующихъ Шведскихъ Королей, не помогать противъ этѣхъ городовъ и крѣпостей вышепомянутому Герцогу, Карлу Филиппу, ни войскомъ, ни деньгами.

Въ 8-хъ. За это доброе расположеніе и дружбу Короля, Великій Князь за себя, своихъ наслѣдниковъ и всѣхъ послѣдующихъ Великихъ Князей Русскихъ, также и всего Русскаго Государства, а особливо Новгородской области, уступаетъ и отдаетъ Королю Шведскому слѣдующіе города, крѣпости и земли, а именно: Ивангородъ, Ямы, Копорье и Нотебургъ, со всѣми, зависящими отъ нихъ, городами, мѣстечками, землями, областями, приходами и принадлежащими къ нимъ деревнями, съ ихъ обыкновенными настоящими пограничными межами, съ людьми, тамъ живущими и проживающими, со всѣми другими принадлежностями, берегами, рѣками и озерами, не исключая ничего, все это уступаетъ и передаетъ онъ Свѣтлѣйшему, Могущественному, Высокородному Государю Шведскому, Густаву Адольфу, и Шведской Коронѣ, въ вѣчную собственность и въ вѣчное употребленіе и пользованіе, безпрепятственно отъ какихъ бы то ни было наслѣдниковъ и потомковъ теперешняго Великаго Князя и другихъ Великихъ Князей Русскихъ, съ согласія и отреченія Новгородской области, на вѣчныя времена, и въ такое же полное пользованіе и владѣніе, какъ владѣли и пользовались этѣми городами бывшіе Великіе Князья Русскіе, особливо прежній Великій Князь Иванъ Васильевичъ и сынъ его, Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ. Впрочемъ, монахи, со всѣми принадлежащими къ нимъ лицами и всею ихъ собственностью, также Дворяне и граждане вышеупомянутыхъ городовъ и мѣстечекъ, желающіе добровольно перейти къ Великому Князю, въ теченіе 14-ти дней по обнародованіи этого договора, могутъ свободно отправляться изъ этѣхъ городовъ въ какое хотятъ мѣсто въ землѣ Великаго Князя, съ ихъ женами и дѣтьми, со всею челядью и всѣмъ имуществомъ.

Для извѣстности Русскимъ жителямъ въ уступленныхъ городахъ и крѣпостяхъ обо всемъ, что условлено здѣсь, тотчасъ же послѣ окончательнаго утвержденія этого мира между нами, полномочными послами обѣихъ сторонъ, во всѣ упомянутые города и мѣстечки мы пошлемъ Королевскихъ пословъ, которые, въ присутствіи Камеръ-Юнкера, отправленнаго Великобританскимъ посломъ, должны будутъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что всѣ монахи и принадлежащія къ нимъ лица, также Дворяне и граждане, желающіе переѣхать изъ этѣхъ городовъ въ продолженіе 14 дней на сторону Великаго Князя, вольны сдѣлать это съ своими

женами, дѣтьми, прислугою и имуществомъ; никто изъ нихъ не долженъ оставаться тамъ противъ воли, по принужденію, или задержкѣ; для того надобно назначить имъ провожатыхъ, которые проводятъ ихъ свободно и безопасно до ближней границы Великаго Князя со всѣмъ имуществомъ, чтобы кто ни будь не прибилъ ихъ и не ограбилъ. Однако жь положительно постановлено и рѣшено между нами, Королевскими и Великокняжескими послами, что всѣ Русскіе приходскіе Священники и всѣ крестьяне въ вышеназванныхъ областяхъ и городахъ, уступленныхъ Королю Великимъ Княземъ, ни подъ какимъ видомъ не могутъ уходить оттуда, но должны оставаться тамъ на жительствѣ подъ властію Шведской Короны, со всѣми женами, дѣтьми и челядью, такъ же, какъ и тѣ Дворяне и граждане, которые не выѣдутъ оттуда въ теченіи двухъ недѣль.

Въ 9-хъ. Вышепомянутый Король Густавъ Адольфъ получаетъ также отъ Великаго Князя Михаила Ѳедоровича 20,000 руб. хорошою, употребляемою въ обращеніи и не фальшивою, серебряною монетою, которые долженъ выдать намъ, Королевско-Шведскимъ посламъ, Великобританскій посолъ, Іоаннъ Мерикъ, тотчасъ же по заключеніи и утвержденіи этого мирнаго договора между нами.

Въ 10-хъ. Пушки, военные снаряды, колокола и прочія вещи, доставшіяся Шведскому Королю во взятыхъ имъ Русскихъ крѣпостяхъ и вывезенные оттуда еще до мирнаго договора, заключеннаго между нами, Королевскими Шведскими послами и Королевско-Британскимъ посломъ, минувшаго 20 Ноября, остаются за Шведскимъ Королемъ и Шведскою Короною, безъ всякихъ спросовъ и требованій; тѣ же Русскія пушки, которыя находятся въ крѣпостяхъ, возвращенныхъ Русскому Великому Князю, или останутся тамъ, или должны быть возвращены ему.

Въ 11-хъ. Великій Князь, Василій Ивановичъ, предоставилъ и утвердилъ своею грамотою за Королемъ, блаженной памяти, Карломъ IX, и Шведскою Короною, крѣпость Кексгольмъ, съ ея областью, въ вѣчное пользованіе и владѣніе, за вѣрную и добродушно оказанную помощь ему противъ Поляковъ. Равнымъ образомъ и теперешній Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, подтверждаетъ и обезпечиваетъ, по настоящему мирному договору,

этотъ даръ Великаго Князя, Василія Ивановича, за себя, своихъ наслѣдниковъ и послѣдующихъ Великихъ Князей Русскихъ, такъ, чтобы вышеназванная крѣпость Кексгольмъ, со всею ея областью, жителями, правами верховной власти, доходами и льготами, въ ней существующими, на сушѣ и на водѣ, съ обыкновенными ея границами и межевыми знаками, не исключая ничего, какъ владѣли и пользовались ею прежніе Русскіе Великіе Князья, принадлежала на вѣчныя времена Шведскому Королю, Густаву Адольфу, его наслѣдникамъ и послѣдующимъ Шведскимъ Королямъ и Шведской Коронѣ, безо всякаго противорѣчія и спора.

Въ 12-хъ. Во избѣжаніе на будущее время всякихъ затрудненій и недоразумѣній, обѣ стороны согласились и договорились, чтобы на слѣдующее 1-е Іюня, 1617 года, прислать Королевско-Шведскихъ и Русскихъ Великокняжескихъ полномочныхъ Комиссаровъ, по трое съ каждой стороны, хорошихъ и честныхъ людей изъ Дворянскаго сословія, и Секретарей на взаимное ихъ свиданіе между Нотебургомъ и Ладогою при рѣкѣ Лабуѣ (Lawa), гдѣ эта рѣка изливается въ Ладожское озеро: они должны будутъ сойтись на срединѣ моста, построеннаго обѣими сторонами черезъ Лабую, показавъ другъ другу свои полномочія и, нашедши ихъ правильными и удовлетворительными, они станутъ полагать границы между Королевскими и Великокняжескими землями, такъ чтобы Нотебургскую, Копорскую, Ямовскую и Иваньгородскую области разграничить надлежащими межевыми знаками отъ Ладожской, Новгородской, Сумерской и Гдовской областей. Въ то же самое время, слѣдующаго 1-го Іюня, другіе полномочные Коммиссары обоихъ Государей, тоже по трое съ каждой стороны, сойдутся на границѣ между Кексгольмскою областью, приходомъ Сольмисъ и Новгородскою областью, въ приходѣ Агнисма, у Ладожскаго озера, и такимъ же образомъ, какъ сказано о первыхъ Коммиссарахъ, осмотрятъ обыкновенныя границы области, какъ онѣ были изстари, и подтвердятъ ихъ, а не нашедши старыхъ, должны будутъ, по надлежащемъ соглашеніи, поставить новые межевые знаки, для предупрежденія такимъ образомъ всякихъ дальнѣйшихъ споровъ и раздоровъ изъ за границъ. Пограничные Коммиссары должны разъѣзжаться оттуда не прежде, пока не уговорятся во всемъ относительно границъ по дружески.

Все, что ни сдѣлаютъ и ни положатъ упомянутые Коммиссары, должно быть, какъ слѣдуетъ, включено въ письменные договоры, написанные на пергаментѣ и запечатанные, за подписью и печатью Коммиссаровъ обѣихъ сторонъ; они должны будутъ утвердить своею клятвою и крестнымъ цѣлованіемъ этѣ договоры и обмѣняться ими между собою. Границы, положенныя межевальными Коммиссарами, какъ между Нотебургомъ, Копорьемъ, Ямами и Иваньгородомъ съ одной стороны, такъ и Ладогою, Новгородомъ, Семеновымъ и Гдовомъ съ другой, также и между Кексгольмскою и Новгородскою областями, по заключенному нынѣ договору, должны на вѣчное время твердо и ненарушимо соблюдать оба Государя, ихъ наслѣдники и потомки. Для большей крѣпости оба Государя должны будутъ выразиться о томъ въ ясныхъ словахъ въ подтвердительныхъ грамотахъ, которыя пришлются отъ нихъ для этого договора, и Король дастъ въ томъ клятву, а Великій Князь крестное цѣлованіе.

Въ 13-хъ. Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичъ, дядя нынѣ царствующаго Великаго Князя, Михаила Ѳедоровича, по мирному договору, заключенному при Тявзинѣ въ 1595 году, отказался отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на Ливонію. Точно такъ же и Великій Князь, Василій Ивановичъ, отказался отъ нихъ по мирному договору, заключенному въ Выборгѣ въ 1609 году, по которому положено было, чтобы нынѣшній Великій Князь, Михаилъ Ѳедоровичъ, его наслѣдники и послѣдующіе Великіе Князья, никогда въ вѣкъ не присвоивали бы себѣ какихъ либо правъ на Ливонію, тѣмъ менѣе Великій Князь не долженъ отнимать у нынѣ царствующаго Короля Шведскаго, Густава Адольфа, или у послѣдующихъ Шведскихъ Королей и Шведской Короны, и присвоивать себѣ на письмѣ, или на словахъ, титулъ Государя Ливоніи и крѣпостей, которыя на вѣчно уступаются и отдаются теперь Великимъ Княземъ Шведскому Королю, не долженъ также позволять, или приказывать, своимъ Воеводамъ, начальникамъ и служителямъ упоминать и употреблять упомянутый титулъ Государя Ливоніи и уступленныхъ крѣпостей ни въ грамотахъ, ни на словахъ, а напротивъ того нынѣшній Великій Князь, его наслѣдники и послѣдующіе Русскіе Князья, въ своихъ грамотахъ къ Шведскому Королю, его преемникамъ и послѣдующимъ Королямъ,

всегда должны давать принадлежащій имъ титулъ «Ливонскихъ и Карельскихъ.»

А по тому мы, полномочные послы обѣихъ сторонъ, положили, что такъ какъ на этомъ съѣздѣ не рѣшено между нами относительно полнаго титула обоихъ Государей, а именно въ титулѣ Короля не рѣшено о словахъ и «Ингерманландіи,» а въ титулѣ Великаго Князя «и многихъ другихъ областей Государь и Повелитель,» то мы, посланники обѣихъ сторонъ, все это отложили до личнаго объясненія обоихъ Государей, и въ случаѣ согласія одного изъ нихъ писать полный титулъ, а именно, если Шведскому Королю угодно будетъ писать Великому Князю полный титулъ: «Государь и Повелитель,» и Великій Князь захочетъ писать Королю полный титулъ: «и Ингерманландіи и Кареліи,» то каждый изъ нихъ долженъ прислать съ своими послами два подтвержденія этого договора, одно съ полнымъ, а другое съ сокращеннымъ титуломъ. Когда же въ обоихъ подтвержденіяхъ, а именно, къ Королю будетъ написанъ полный титулъ: «и Ингерманландіи,» и къ Великому Князю тоже полный титулъ: «и Повелитель,» то посланники обѣихъ сторонъ должны будутъ показать другъ другу эти подтвержденія и послѣ того отправиться къ обоимъ Государямъ; когда же кто ни будь изъ нихъ не согласится, и подтвердительныя грамоты, утверждающія этотъ договоръ, приплются съ сокращеннымъ титуломъ, то оба посла должны будутъ также показать ихъ другъ другу и отправиться, каждый съ грамотою своего Повелителя, къ обоимъ Государямъ.

Въ 14-хъ. Дозволяется и выговаривается свободная и безпрепятственная торговля между Шведскимъ и Русскимъ Государствами и ихъ подданными, такъ что всѣ купцы, подданные Шведскаго Короля, какъ живущіе въ Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи, такъ и въ Иваньгородѣ, Ямахъ, Копорьѣ, Нотебургѣ и Кекгольмѣ, къ какому бы народу они ни принадлежали, къ Русскому, или къ другому какому, заплативъ свои пошлины въ надлежащей таможнѣ, могутъ свободно и безпрепятственно торговать въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ и другихъ Русскихъ городахъ, съ подданными и купцами Великаго Князя, а также свободно и безпрепятственно ѣздить въ Русское Государство по своимъ торго-

вымъ и промышленнымъ дѣламъ, черезъ всѣ земли и области Великаго Князя.

Равнымъ образомъ дозволяется также всѣмъ подданнымъ Великаго Князя купцамъ изъ Русскаго Государства, изъ Новгородской и Псковской областей и всякихъ другихъ городовъ, съ платою пошлинъ въ надлежащей таможнѣ, свободная и безпрепятственная торговля въ Стокгольмѣ, Выборгѣ, Ревелѣ, Нарвѣ и другихъ городахъ Швеціи, Финляндіи и Ливоніи, съ подданными и купцами Шведскаго Короля, также дозволяется имъ свободно и безпрепятственно ѣздить чрезъ Государство, земли и области Короля по своимъ торговымъ и другимъ дѣламъ.

Въ 15-хъ. Такъ какъ Шведы и другіе, подданные Короля Шведскаго, купцы имѣли прежде торговый домъ въ Новгородѣ, то и теперь отводится для нихъ хорошій и просторный домъ въ этомъ городѣ, по условіямъ Тявзинскаго и Выборгскаго договоровъ. Такіе же дома позволяется имъ имѣть и въ Москвѣ и Псковѣ, въ этомъ же ихъ собственномъ домѣ они могутъ отправлять богослуженіе по своей вѣрѣ, но кромѣ того не строить ни какихъ своихъ церквей. Равнымъ образомъ, такъ какъ и Русскіе подданные и купцы прежде свободно имѣли торговый домъ въ Ревелѣ, то, согласно содержанію Тявзинскаго и Выборгскаго договоровъ, и нынѣ имъ тоже отводится хорошій и просторный домъ въ Ревелѣ, Стокгольмѣ и Выборгѣ; въ этѣхъ домахъ они могутъ свободно отправлять и богослуженіе по своей вѣрѣ, въ Стокгольмѣ и Выборгѣ, также въ Ревелѣ въ своей церкви, которую имѣли тамъ изстари, не должны только строить тамъ другихъ церквей своего исповѣданія.

Въ 16-хъ. Если какіе ни будь подданные Шведскаго Короля имѣютъ неуплаченные долговые счеты въ Русскомъ Государствѣ, еще со времени Великихъ Князей Ѳедора Ивановича и Бориса Ѳедоровича, съ казною этѣхъ Государей, или какія ни будь законныя взысканія на частныхъ лицахъ въ Россіи, такимъ надо сдѣлать удовлетвореніе и уплатить. Равнымъ образомъ слѣдуетъ удовлетворять купцовъ и подданныхъ Великаго Князя, у которыхъ есть неуплаченные еще долги на Шведской Коронѣ, со времени Короля Іоанна III и блаженной и достославной памяти, Карла IX, или законныя взысканія на частныхъ лицахъ.

Въ 17-хъ. Подданнымъ Шведскаго Короля, будутъ ли это послы, или гонцы и вѣстники, вездѣ дозволяется свободный, безопасный и безпрепятственный проѣздъ чрезъ земли и владѣнія Великаго Князя, въ Персію, Турцію, Крымъ и другія мѣста на Востокѣ, не находящіяся во враждѣ съ Великимъ Княземъ, съ тѣмъ только, чтобы ѣдущіе не брали съ собою купцовъ съ товарами. Равнымъ образомъ посламъ и гонцамъ Великаго Князя тоже разрѣшается безопасно и безпрепятственно проѣзжать землями и владѣніями Шведскаго Короля въ Римскую Имперію, Великобританію, Францію, Испанію, Голландію, Нидерланды, Данію или другія земли, не состоящія въ открытой ссорѣ съ Королемъ, но только не брать съ собою ни какихъ купцовъ съ товарами.

Въ 18-хъ. Всѣ плѣнники, изъ какого бы ни были они народа, или сословія, тотчасъ же по заключеніи мира должны быть освобождены и отпущены на границѣ, безъ всякаго выкупа: тѣхъ же изъ нихъ, которые такъ далеко уведены въ Швеціи, или въ Россіи, что не могутъ такъ скоро дойти до границы, обѣ стороны должны будутъ 1-го Іюня, 1617 года, безъ всякой остановки и обмана, отвести къ границѣ между Нотебургомъ и Ладогой у рѣки Лабуи, и тѣмъ возвратить имъ свободу безъ всякаго выкупа. Что же до плѣнниковъ, которые пожелаютъ добровольно остаться и служить на той или другой сторонѣ, могутъ такіе сдѣлать то свободно.

Въ 19-хъ. Люди Великаго Князя не должны сманивать къ нему Русскихъ, или другихъ иноземцевъ, которые живутъ въ городахъ, крѣпостяхъ и деревняхъ, также и въ принадлежащихъ къ тому волостяхъ, уступленныхъ Великимъ Княземъ въ наслѣдственное владѣніе Шведскому Королю, также и во всѣхъ прочихъ городахъ, принадлежавшихъ прежде Россіи. Равнымъ образомъ и подданные Шведскаго Короля не должны переманивать къ себѣ льстивыми словами Русскихъ изъ городовъ, деревень и областей Великаго Князя.

Въ 20-хъ. Всякіе перебѣжчики съ одной стороны на другую, перебѣжавшіе по измѣнѣ, изъ за убійства, воровства, или по какой бы то ни было причинѣ, Русскіе ли они, или иностранцы, должны быть безотговорочно выданы по требованію стороны,

съ которой бѣжали, со всѣмъ покраденнымъ, награбленнымъ, или взятымъ съ ними.

Въ 21-хъ. Шведскіе Намѣстники и Начальники, также и Русскіе Воеводы и Власти въ пограничныхъ крѣпостяхъ, каждый въ судебномъ вѣдомствѣ и въ земляхъ своего Государя, обязываются съ особеннымъ рвеніемъ и усердіемъ преслѣдовать и истреблять всякихъ разбойниковъ и злодѣевъ, гдѣ бы ихъ ни нашли и ни взяли. Если бы случилось, что какіе ни будь подданные Великаго Князя возмутились, собрались въ шайку и причинили вредъ Королевскимъ землямъ, тогда Великій Князь волент преслѣдовать ихъ и безпощадно наказать, а кромѣ того по надлежащей оцѣнкѣ вознаградить подданныхъ Короля за всѣ, причиненные имъ убытки. Если же Королевскіе подданные причинятъ какой ни будь вредъ владѣніямъ и подданнымъ Великаго Князя въ землѣ его, они точно такъ же, безъ всякой пощады, подвергаются заслуженному наказанію, а нанесенный ими убытокъ вознаграждается по надлежащей оцѣнкѣ.

Въ 22-хъ. По случаю какихъ ни будь вышедшихъ затрудненій и несогласій между обѣими сторонами, этотъ миръ нарушаться не долженъ; но если которая ни будь сторона найдетъ для себя тягостною причиненную ей несправедливость, тогда Намѣстникъ, или Воевода этой стороны, долженъ увѣдомить о томъ Намѣстника, или Воеводу, ближайшей, или пограничной, крѣпости, гдѣ случилось дѣло. Послѣ того они должны будутъ съѣхаться на границѣ вмѣстѣ, выслушать спорное дѣло и покончить его полюбовно. Если же дѣло такъ важно, что они не могутъ рѣшить его, то должны отложить его до съѣзда Посланниковъ обоихъ Государей.

Въ 23-хъ. Впрочемъ, Тявзинскій мирный договоръ, заключенный въ 1595 году, остается въ полной силѣ, возобновляется и скрѣпляется этимъ договоромъ во всѣхъ статьяхъ, кромѣ той, которая здѣсь положительно измѣнена и постановлена въ другомъ видѣ.

Въ 24-хъ. Симъ остается также въ дѣйствительной силѣ, заключенный на вѣчныя времена, договоръ въ Выборгѣ 1609 года, между Королемъ Карломъ IX и Великимъ Княземъ Василіемъ

Ивановичемъ, имѣющій прямое отношеніе къ вѣчному миру и уступкѣ Ливоніи и Кексгольма.

Въ 25-хъ. Этотъ договоръ о вѣчномъ мирѣ простирается и на всѣ земли, области, города и подданныхъ обоихъ Государей, такъ что никто изъ послѣднихъ ни явно, ни тайно, не долженъ затѣвать что ни будь вредное, или позволять какіе злые умыслы противъ областей, земель, крѣпостей, или подданныхъ Короля и Шведскаго Государства, или Великаго Князя и Россіи. По тому ни Король, ни его преемники и послѣдующіе Короли не должны ни сами, ни черезъ другихъ, причинять какое либо зло Русскому Государству, городамъ и крѣпостямъ Старой Русѣ, Пскову, городу и крѣпости Порхову, Гдову, Ладогѣ, Тихвину, Соловецкому (Soloussk) монастырю, Сомѣ и Колѣ, мѣстечкамъ и зависимымъ отъ нихъ волостямъ, Колмогорской крѣпости и всей Двинской странѣ, также и Лапонскимъ приходамъ (Уѣздамъ), принадлежащимъ Россіи, Каргополю и всей Каргопольской странѣ, Вологдѣ и другимъ крѣпостямъ, землямъ, волостямъ и подданнымъ, не воевать съ ними и не замышлять противъ нихъ ни какого зла.

Тѣмъ менѣе и Великій Князь и его наслѣдники и потомки, ни сами, ни черезъ другихъ, не должны причинять и допускать ни какого зла Королю и его Государствамъ, землямъ и владѣніямъ, особливо не долженъ Великій Князь затѣвать ни какого злаго умысла, или дозволять это противъ Выборга, Ревеля, Нарвы, Вейсенфельса, Иваньгорода, Ямъ, Копорья, Нотебурга, Кексгольма, Нейшлота, Тавастгуса, Каянбурга, Влабурга и Лапонскихъ приходовъ * (Уѣздовъ), принадлежащихъ къ Шведскому Государству и противъ другихъ Его Величества земель, городовъ и крѣпостей, съ принадлежащими къ нимъ волостями и подданными, не воевать съ ними и не причинять имъ ни какого зла, но обѣ стороны должны дѣлать другъ другу всякое добро и вѣрно соблюдать все, служащее ко взаимной дружбѣ между ними.

Въ 26-хъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановляется, чтобы полномочные послы обоихъ Государей съѣхались вмѣстѣ, 1-го будущаго Іюня, между Нотебургомъ и Ладогой, на самомъ рубежномъ раздѣленіи, и тамъ каждый бы изъ нихъ показалъ и далъ прочесть

* Саврel у Петрея: не уже ли это испорченное Kirchspiel?

другому утвержденіе этого мирнаго договора, то есть, посланники Шведскаго Короля должны показать и дать прочесть посламъ Великаго Князя утвержденіе Шведскаго Короля, за Королевскою подписью и печатью, на всѣ эти статьи и совершенно слово въ слово, какъ написаны онѣ здѣсь, безо всякаго обмана.

Послѣ того послы обоихъ Государей, прочитавъ подтвердительныя грамоты, должны одинъ послѣ другаго, снять съ нихъ вѣрныя противни, а подлинныя возвратить. Когда прочтутъ такимъ образомъ подтвердительныя грамоты и найдутъ ихъ правильными и надлежащаго содержанія, тогда Королевскіе послы съ подтвердительной грамотой Короля отправятся поспѣшно въ Москву.

Въ ихъ присутствіи Великій Князь, по своему Великокняжескому обычаю, утверждаетъ на вѣчныя времена миръ своею печатью и крестнымъ цѣлованіемъ, какъ по содержанію договора, заключеннаго теперь между нами, полномочными послами, такъ же и по содержанію утвердительной грамоты, которую Великій Князь отправитъ къ Шведскому Королю въ 1 число будущаго Іюня, 1617 года.

Крестное цѣлованіе Великаго Князя должно быть написано на бумагѣ. Сдѣлавъ свое крестное цѣлованіе и на этой грамотѣ, Великій Князь привѣситъ подъ нею Государственную печать, и по томъ отдастъ ее Королевскимъ посламъ. Послѣ того Великокняжескіе послы должны будутъ отправиться съ подтвердительною грамотой своего Государя къ Шведскому Королю.

Тогда Король, въ присутствіи Великокняжескихъ пословъ, по своему Королевскому обычаю, подтвердитъ вѣчный миръ клятвою на Евангеліи, по содержанію договора, заключеннаго между обоими послами, также и по содержанію утвердительной грамоты, которую Король пришлетъ къ Великому Князю будущаго 1-го Іюня, 1617 года. Эта Королевская клятва также должна быть написана на бумагѣ, и Король, скрѣпивъ клятвою подтвердительную грамоту, подпишетъ ее своею рукою, запечатаетъ Государственною печатью и вручитъ посламъ Великаго Князя.

Въ 27-хъ. Великокняжескіе Воеводы и Начальники должны принимать на границѣ съ честію и ласкою и приличнымъ при-

крытіемъ Королевскихъ пословъ, которые будутъ отправляемы за подтвержденіемъ договора и по другимъ дѣламъ, и провожать ихъ съ одинаковой охраной какъ въ Москву, такъ и обратно къ границѣ, чтобы во все продолженіе дороги, или пока они не будутъ на мѣстѣ, не было имъ нанесено какого безчестья, или позора, отъ подданныхъ Великаго Князя.

Равнымъ образомъ и Королевскіе Намѣстники и Начальники должны принимать съ почетомъ и ласкою Великокняжескихъ пословъ, которые будутъ посылаемы, какъ для подтвержденія этого мирнаго договора, такъ и по другимъ дѣламъ, и на пути ихъ въ Стокгольмъ и оттуда къ границѣ провожать ихъ и оказывать имъ всякое доброе содѣйствіе, а Королевскіе подданные ни коимъ образомъ не должны наносить посламъ безчестія, или позора.

Въ 28-хъ. Толмачи, служившіе прежде Русскому Правительству, должны такъ и остаться въ Королевской службѣ. Если Король пошлетъ ихъ къ Великому Князю, или къ другому иноземному Государю, чрезъ земли и области Великаго Князя, вмѣстѣ съ послами, или безъ нихъ, они должны проѣзжать Швецію свободно, безопасно и безпрепятственно. Равнымъ образомъ, если и тѣ толмачи, которые находятся теперь на службѣ Великаго Князя, а прежде служили въ Швеціи, будутъ посылаться Великимъ Княземъ или къ Шведскому Королю, или чрезъ Швецію къ другимъ иностраннымъ Государямъ и Властямъ, при посланникахъ, или безъ нихъ, также пропускаются въ Россію свободно и безъ всякой для себя опасности.

Въ 29-хъ. Постановляется также, что, если по изволенію и опредѣленію Божію, въ Швеціи, или Россіи, послѣдуетъ перемѣна Правителей, вновь принявшій правленіе Государь сначала долженъ посѣтить другаго Государя черезъ своихъ пословъ и просить его о дружескомъ расположеніи къ себѣ. А потомъ и другой долженъ посѣтить его также черезъ посланниковъ и обѣщать ему эту дружбу.

Въ 30-хъ. Можетъ случиться, что оба Государя пошлютъ одинъ къ другому пословъ по какимъ ни будь дѣламъ, тогда эти обоюдные послы должны съѣзжаться на границѣ, или между Иваньгородомъ и Гдовомъ, или между Нотебургомъ и Ладогой,

какѣ обѣ стороны сочтутъ лучше и удобнѣе, на самой срединѣ рубежнаго раздѣленія, и безо всякихъ споровъ, или разнорѣчій, и полюбовно обсудить и покончить дѣла, которыя поручатъ имъ ихъ Государи.

Въ 31-хъ. Если выйдетъ такой случай, что корабли, боты, лодки и другія суда, принадлежащія Королевскимъ подданнымъ и купцамъ, съ товарами, или съ чѣмъ другимъ, потерпятъ крушеніе у той земли, которою Великій Князь владѣетъ на Ладожскомъ озерѣ, или Пейпусѣ, такимъ людямъ предоставляется свобода безпрепятственно уѣхать оттуда, со всѣми пожитками, которые спасутъ они или сами, или черезъ другихъ, а подданные Великаго Князя должны пособлять имъ подбирать и спасать ихъ прибитые къ берегу пожитки.

Равнымъ образомъ, если бы случилось, что лодки, боты и корабли подданныхъ Великаго Князя на плаваніи черезъ Швецію въ Ревель, Нотебургъ и другіе города Швеціи, Финляндіи и Ливоніи, или корабли и барки съ Великокняжескими послами, гонцами или вѣстниками къ Императору, Римскому Папѣ, въ Великобританію, или другія Государства, или на обратномъ пути въ Россію, потерпятъ крушеніе отъ бури, или по какому другому случаю, у Шведскаго берега, на Соленомъ, или на Ладожскомъ озерѣ, всѣмъ людямъ на этѣхъ судахъ предоставляется свободный и безпрепятственный отъѣздъ оттуда со всѣмъ имѣніемъ, которое успѣютъ они спасти сами, или съ постороннею помощію, а Королевскіе подданные должны пособлять имъ подбирать и спасать ихъ имущество.

Въ 32-хъ. Также постановляется, что Король Шведскій не долженъ помогать войскомъ Польскому и Литовскому Королю, сыну его Владиславу, Польской Коронѣ и Литовскому Княжеству, также и всей Польской и Литовской Державѣ, а тѣмъ менѣе не долженъ стоять за одно съ Польскимъ Королемъ, ни самъ собою, ни чрезъ подущеніе другихъ иноземныхъ Государей и Правителей и тайные происки съ ними, не занимать земель и крѣпостей, принадлежащихъ Великому Князю и Россіи, и такимъ образомъ приводить ихъ подъ власть свою.

Также и Великій Князь не долженъ помогать противъ Короля и Государства Шведскаго ни деньгами, ни войскомъ, Ко-

ролю Польскому и Литовскому, сыну его Владиславу, Польской Коронѣ, Литовскому Княжеству и всѣмъ Польскимъ и Литовскимъ областямъ, не стоять съ ними за одно, а тѣмъ менѣе ни самъ собою, ни подущеніемъ другихъ иноземныхъ Государей и Правителей на Короля и Корону Шведскую и тайными происками съ ними не брать земель и крѣпостей, издревле принадлежащихъ Королю и Коронѣ Шведской, или чего бы то ни было изъ уступленнаго Королю Великимъ Княземъ въ силу этого договора, не присвоивать себѣ того и не владѣть тѣмъ.

Въ 33-хъ. Между нами также положено и условлено, чтобы послы, присланные Королемъ для утвержденія этого мирнаго договора, имѣли полномочіе на заключеніе союза между обоими высокими особами противъ Польскаго Короля Сигизмунда, Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго, на такихъ условіяхъ, какія оба Государя найдутъ полезными, и представили бы этотъ договоръ имъ на утвержденіе.

Для болѣе твердаго и вѣрнаго обезпеченія, что все положенное, постановленное и рѣшенное нами, Королевскими и Великокняжескими полномочными Коммиссарами между собою и при посредничествѣ Великобританскаго посла, будетъ вѣрно исполнено и соблюдено во всѣхъ статьяхъ и условіяхъ, безъ обмана и коварства, нашимъ всемилостивѣйшимъ Королемъ Шведскимъ, Его Королевскими наслѣдниками и послѣдующими Шведскими Королями, мы, Королевскіе Уполномоченные, подтвердили этотъ мирный договоръ нашею клятвою на Святомъ Евангеліи и, по данному на то полномочію, приложили къ нему наши обыкновенныя печати, дружески просили и пригласили также Королевскаго Великобританскаго посла, выше названнаго Господина Мерика, чтобы и онъ тоже, для памяти о Великобританскомъ Королѣ, какъ посредникѣ, скрѣпилъ своею подписью и печатью все, постановленное здѣсь, а по томъ мы, Королевско-Шведскіе послы, вручили этотъ, заключенный нами, договоръ полномочнымъ Великокняжескимъ посламъ, а вмѣсто его взяли у нихъ договорную ихъ грамоту.

Писана въ Столбовѣ
27 Февраля, 1611 года.

Такъ, благодаря изложеннымъ выше условіямъ, эта трудная, кровожадная и долговременная, война, стоившая жизни и принесшая горе многимъ тысячамъ невинныхъ людей, кончилась этѣмъ спасительнымъ замиреніемъ, за что благодареніе праведному и милосердому Богу, по тому что война какая-то бездонная пропасть и золотой неводъ, которымъ не много поймаешь и достанешь прибыли.

Послѣ того, какъ этотъ славный мирный договоръ былъ благополучно оконченъ полномочными Послами обоихъ Государей, и они разстались другъ съ другомъ въ искренней дружбѣ, уѣхали и повезли отвѣтъ своимъ Государямъ, этѣ послѣдніе отправили своихъ Уполномоченныхъ, согласно договору: Король послалъ своихъ въ Москву, а Великій Князь своихъ же въ Стокгольмъ; Королевскими были: Густавъ Штейнбокъ, Баронъ въ Кронебекѣ и Орестенѣ, наслѣдственный владѣлецъ въ Торпѣ и Государственный Совѣтникъ Швеціи, Яковъ Якобсенъ Баатъ, наслѣдственный владѣлецъ въ Стёфле, Членъ Королевскаго Придворнаго Суда, и Секретарь Магнусъ Мартенсенъ Пальмъ изъ Босто Когда они пріѣхали въ Москву и должны были явиться на пріемъ къ Великому Князю, для исполненія своего порученія, онъ прислалъ для нихъ, съ знатнѣйшими ихъ товарищами, 30 лошадей, на которыхъ Посланники и поѣхали въ крѣпость, другъ возлѣ друга, сопровождаемые двумя Русскими Дворянами, однимъ съ правой, а другимъ съ лѣвой, стороны. Передъ Посланниками ѣхала ихъ прислуга, а впереди 50 Русскихъ Дворянъ. Отъ Двора и помѣщенія Пословъ были поставлены по обѣ стороны стрѣльцы и воины, очень плотно другъ къ другу, съ ружьями, въ числѣ 1,500 человѣкъ до самаго Великокняжескаго Дворца. Когда Послы подъѣхали къ Великокняжескому жилищу, прислуга и Камеръ-Юнкеры сошли первые съ лошадей, а Послы ѣхали до дворцовой лѣстницы, и потомъ уже Русскіе повели ихъ по ней.

Когда вошли они въ переднюю комнату Великаго Князя, явились двое Русскихъ Бояръ, и приняли ихъ вмѣсто своего Государя: одинъ, говорившій съ ними, стоялъ съ обнаженною головою, другой имѣлъ на головѣ шапку, которую снималъ при названіи Короля и Великаго Князя. Вся передняя зала была занята людьми, которые всѣ были одѣты въ золотую парчу, а на

головахъ имѣли большія высокія шапки изъ чернаго лисьяго мѣха; всѣ они сидѣли на скамьяхъ и стульяхъ, вставая только тогда, когда произносились имена Государей. По входѣ Посланниковъ въ ту комнату, гдѣ находился Великій Князь, вышелъ Русскій Канцлеръ и громкимъ голосомъ доложилъ ему, что прибыли полномочные Послы Шведскаго Короля. Великій Князь приказалъ подойти имъ. Они тотчасъ же были поставлены предъ Великаго Князя, и выше названный Канцлеръ продолжалъ далѣе, что если Королевскіе Послы имѣютъ что представить Великому Князю, то должны сдѣлать это теперь. Послы обнажили головы, Господинъ Густавъ Штейнбокъ началъ говорить, привѣтствовалъ Великаго Князя отъ лица Его Королевскаго Величества и подалъ ему Королевскую вѣрительную грамоту. Великій Князь не много наклонилъ голову, благодарилъ съ короною на головѣ, по тому что ему было неловко снимать корону и обнажать голову, спросилъ о здоровьѣ и состояніи Короля, Господинъ Густавъ далъ приличный отвѣтъ на это. Послѣ того Яковъ Якобсенъ продолжалъ рѣчь, начатую Густавомъ, и передалъ все, происходившее 27 Февраля въ Столбовѣ между Послами обоихъ Государей, и какимъ образомъ послѣдовало заключеніе мира.

Наконецъ, Секретарь Мансъ Мартенсенъ Пальмъ заключилъ эту рѣчь и упомянулъ о томъ, что рѣшено было въ Столбовѣ, и что для докончанія мира они отправлены съ Королевскимъ подтвержденіемъ къ Великому Князю видѣть его крестное цѣлованіе и получить его грамоту въ томъ.

По окончаніи рѣчи, Великій Князъ велѣлъ спросить Пословъ, черезъ Канцлера, о здоровьѣ, какъ они ѣхали въ дорогѣ, весело ли и по здорову ли? Они отвѣчали на то съ приличною благодарностью, и Великій Князь подалъ имъ руку. Послѣ того Господинъ Густавъ Штейнбокъ подалъ ему Королевское подтвержденіе, которое тотъ взялъ не самъ, а Канцлеръ. Межъ тѣмъ покрыли Персидскимъ ковромъ лавку позади Пословъ, на которой они и сѣли и въ то же время накрылись.

Послѣ того Великій Князь, чрезъ Канцлера, Пристава Посланниковъ, спрашивалъ ихъ о здоровьѣ и звалъ къ своей рукѣ. Послѣ благодарности, они подошли къ нему и, прикоснувшись къ его рукѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и поцѣловали ее.

При этомъ онъ велѣлъ еще сказать черезъ Канцлера, что Великій Князь жалуетъ ихъ своимъ Великокняжескимъ обѣдомъ и пришлетъ его къ нимъ. Они благодарили его съ должнымъ почтеніемъ, и какъ представленіе тѣмъ и кончилось, удалились отъ него, а принимавшіе ихъ Русскіе проводили ихъ изъ залы, черезъ другую переднюю комнату, на квартиру.

Послѣ этого представленія послы въ другой разъ явились къ Великому Князю, который также сидѣлъ въ своемъ Великокняжескомъ украшеніи, но ни чего не говорилъ съ ними, и они, только поблагодаривъ его за присланныя кушанья, были отпущены къ его Совѣтникамъ, отъ которыхъ и должны получить отвѣтъ Великаго Князя. Послы ушли съ ними въ другую комнату, въ которой были потомъ вмѣстѣ еще пять разъ кромѣ этого, но увидали Великаго Князя не прежде, пока не пригласили ихъ наконецъ смотрѣть крестное цѣлованіе, при чемъ происходило слѣдующее:

Послѣ того, какъ послы отдали поклонъ и Канцлеръ Великаго Князя произнесъ свою рѣчь, прочли во всеуслышаніе крестоцѣловальную грамоту, и положили ее въ золотое блюдо на икону подъ крестъ, сдѣланный изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Послѣ краткой рѣчи, которую сказалъ самъ Великій Князь стоя, что желаетъ честно соблюдать все по заключенному договору и ожидаетъ того же и отъ Короля, онъ наклонилъ голову и велѣлъ двумъ знатнѣйшимъ Князьямъ Царства, Ѳедору Ивановичу Мстиславскому (Mstislouski) снять съ себя корону, а Ивану Михайловичу Воротынскому взять у него посохъ или скипетръ. Канцлеръ пригласилъ пословъ, чтобы они смотрѣли со вниманіемъ, какъ приложится Великій Князь ко кресту. Государь отступилъ на одинъ шагъ отъ своего стула, приложился лицомъ къ Распятію и по томъ поцѣловалъ его, по видимому, съ большимъ благоговѣніемъ. Сдѣлавъ это, онъ самъ сказалъ посламъ: «Теперь Вы видѣли, что мы цѣловали крестъ, и сдержимъ все, что положено въ постановленномъ договорѣ между нами, Великимъ Государемъ. Царемъ и Великимъ Княземъ, Михайломъ Ѳедоровичемъ, всея Россіи Самодержцемъ и многихъ областей Государемъ и Повели-

телемъ, и нашимъ многолюбезнымъ братомъ, вашимъ Государемъ, могущественнымъ Королемъ Шведскимъ, Густавомъ Адольфомъ;» по томъ велѣлъ опять возложить на себя корону, подать скипетръ и снова сѣлъ на свое кресло. Канцлеръ взялъ крестоцѣловальную грамоту, сталъ съ ней на право отъ Великаго Князя, просилъ подойти пословъ ближе и подъ глазами Великаго Князя подалъ имъ эту грамоту. Такимъ же образомъ происходила и передача отвѣтной грамоты Великаго Князя и, по ея полученіи, посламъ велѣно было садиться.

Они сидѣли, однако жь, не долго, по тому что Великій Князь тотчасъ же заговорилъ съ ними и отпустилъ ихъ совсѣмъ съ такими словами: «Густавъ и Максъ, поклонитесь отъ насъ многолюбезному нашему брату, Великому Королю Шведскому, Густаву Адольфу! Мы отпускаемъ Васъ къ нему безъ задержки.» Канцлеръ сказалъ по томъ, что Великій Князь жалуетъ пословъ своимъ Великокняжескимъ кушаньемъ и пришлетъ его къ нимъ. За тѣмъ, поблагодаривъ Великаго Князя за доброе угощеніе и пожелавъ ему долгоденствія, счастія и мирнаго царствованія, также и побѣды надъ врагами, послы откланялись и простились съ нимъ, и были съ приличною почестью отведены на квартиру. Они пробыли у себя съ часъ, когда прислано было отъ Великаго Князя 120 кушаньевъ, всѣ рыбныя, и столько же большихъ и малыхъ сосудовъ, съ разными винами, медомъ и пивомъ. Наконецъ на прощанье онъ прислалъ имъ и сторожамъ ихъ нѣсколько сороковъ соболей, черныхъ лисицъ и куницъ, а ихъ челяди 30 рублей денегъ. Такъ они и отправились изъ Москвы, пробывъ тамъ 14-ть недѣль и не имѣя свободнаго ни выхода, ни выѣзда.

Въ то время, какъ они вели переговоры по дѣламъ мирнаго договора съ Великимъ Княземъ и настоятельно требовали крестнаго цѣлованія и утвержденія, въ Швецію явились Великокняжескіе полномочные: Ѳедоръ Борятинскій (Fedro Boletinskoi), Осипъ Прончищевъ (Osipovv Pronzusovv), и Секретарь Богданъ Кашкинъ (Kaskin), тоже за тѣмъ, чтобы просить у Короля утвержденія мирнаго договора. 5-го Іюня, 1617-го года, они имѣли пышный и торжественный въѣздъ въ Стокгольмъ: по обѣимъ сторонамъ улицы были поставлены воины, плотно другъ къ другу, въ полномъ вооруженіи; послы должны были проходить между ними до самой

квартиры; палили изъ множества большихъ пушекъ, а воины стрѣляли изъ ружей.

20-го Іюня нѣсколько сотъ Дворянъ проводили ихъ на красивыхъ лошадяхъ въ замокъ; тамъ принималъ ихъ Король, а 28-го числа, въ присутствіи всѣхъ ихъ, Король въ городской церкви публично утвердилъ и скрѣпилъ клятвою Столбовскій мирный договоръ между Его Величествомъ и Великимъ Княземъ, для полнаго соблюденія этого договора. При томъ происходило слѣдующее торжественное шествіе:

Сначала по обѣ стороны улицы были поставлены нѣсколько полковъ воиновъ, какъ это было и прежде при входѣ пословъ; между рядами ихъ, назначенные для того Дворяне, провожали во Дворецъ посланниковъ, а оттуда, послѣ привѣтствія Его Величеству, шествіе направилось къ церкви въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сначала ѣхали верхомъ два Маршалка, Господинъ Филиппъ Шедингъ, потомственный владѣлецъ въ Скви и Кундѣ и Государственный Совѣтникъ, и Господинъ Клауссъ Горнъ, потомственный владѣлецъ въ Канкасѣ и Государственный Совѣтникъ; впереди ихъ ѣхали трубачи, а позади 100 Дворянъ, по двое другъ за другомъ.

Послѣ того шли пѣшкомъ, также по двое, Господа Государственные Совѣтники, за ними Его Княжеская Милость, Герцогъ Курляндскій Вильгельмъ, послѣ него Государственные Совѣтники тоже пѣшкомъ, а потомъ опять ѣхали верхомъ Его Княжеская Милость Карлъ Филиппъ, Герцогъ Зюдерманладскій, Нерикскій и Вермеландскій, братъ Его Королевскаго Величества, за нимъ тоже верхомъ три Русскіе посланника, а за ними слѣдующіе четыре Государственные Совѣтника съ Королевскими регаліями и знаками верховной власти, пѣшкомъ.

Государственный Канцлеръ съ державою, Господинъ Аксель Оксенштіерна, Баронъ Кимита, владѣлецъ Фигольма и Тидена, Дворянинъ.

Государственный Адмиралъ со скипетромъ, Господинъ Горге Гильденштернъ, Баронъ Биркезундтъ и Фегельвикъ, Дворянинъ.

Государственный Маршалъ и Главнокомандующій съ мечомъ, Господинъ Яковъ Де ла Гарди, Графъ Леккё, Баронъ Энгельмъ, владѣлецъ въ Колкѣ, Кидѣ и Рунзѣ, Дворянинъ.

Государственный Главный Стольникъ съ короною, Господинъ Магнусъ Бракъ, Графъ Визинбургъ, Баронъ Ридбогальмскій и Аксгальмскій, Дворянинъ.

Потомъ явился Его Королевское Величество съ большою знатною свитою, а за нимъ слѣдовали Секретари и Камергеры.

Шедшіе впереди Дворяне стали по обѣимъ сторомъ церковнаго входа, въ приличномъ порядкѣ другъ возлѣ друга, до внутреннихъ хоръ, такъ что это торжественное шествіе проходило между ними.

Этѣ хоры были чрезвычайно нарядно убраны коврами, вытканными съ золотомъ и серебромъ, а полъ по всему церковному переходу устланъ красивымъ кармазиннаго цвѣта сукномъ.

У самой нижней ступени алтаря поставленъ обитый серебромъ столъ, на которомъ Господа Государственные Совѣтники положили корону и другія Королевскія регаліи; на этой же сторонѣ поставлено было нѣсколько богато убранныхъ стульевъ рядомъ.

Первый сѣлъ Король, напротивъ его Русскіе посланники, возлѣ него стали ихъ Княжескія Милости: Герцогъ Карлъ Филиппъ и Герцогъ Курляндскій Вильгельмъ.

Господа Государственные Совѣтники стали въ порядкѣ по обѣимъ сторонамъ хоръ; сидѣли также Архіепископъ Упсальскій, Докторъ Петръ Кеницъ, и Епископъ Выборгскій Магнусъ Олай Элимей.

Послѣ пріятной музыки на органахъ и разныхъ инструментахъ, исполненной гармонично, слушали прекрасную рѣчь Архіепископа Упсальскаго о мирѣ и его свойствахъ. По окончаніи ея, Государственный Стольникъ всталъ и возложилъ на Короля корону, а Государственные Совѣтники окружили Его Величество.

Потомъ Государственный Канцлеръ сказалъ Русскимъ посламъ слѣдующія слова: «Его Королевское Величество желаетъ

соблюдать все, постановленное въ мирномъ договорѣ, и скрѣпить его клятвою.»

Когда Канцлеръ во всеуслышаніе прочиталъ договоръ, Король съ посланниками всталъ и положилъ палецъ на Библію, сказавъ: «Все это мы дѣйствительно исполнимъ.» Онъ приложилъ руку къ грамотѣ и запечаталъ ее Государственною печатью; Государственный Канцлеръ вручилъ ее посламъ, и потомъ всѣ опять заняли свои мѣста. Пѣли: «Тебе Бога хвалимъ,» а за тѣмъ послѣдовала опять музыка на органѣ и на другихъ инструментахъ, послѣ чего играли на трубахъ и литаврахъ, палили изъ пушекъ, воины салютовали троекратнымъ залпомъ изъ ружей, и потомъ все шествіе въ назначенномъ порядкѣ возвратилось въ Королевскій замокъ. По приходѣ туда, послы отведены были съ прежнимъ торжествомъ на квартиру, гдѣ прекрасно и по Королевски угощали ихъ разными кушаньями и напитками.

Передъ отъѣздомъ Его Величество пожаловалъ въ даръ посламъ и товарищамъ ихъ прекрасныхъ лошадей, въ сѣдлахъ и съ уздами, съ серебряною отдѣлкою, нѣсколько драгоцѣнныхъ позолоченныхъ подносовъ и кубковъ, прекраснаго и дорогаго сукна, бархата, атласа и дамаста. Послѣ того съ нѣкоторыми Дворянами они отвезены были на Королевскихъ, хорошо снаряженныхъ, военныхъ корабляхъ въ Выборгъ, и потомъ провожаемы были дальше съ приличною почестію къ границѣ.

Такимъ образомъ коротко разсказали мы обо всѣхъ Русскихъ Великихъ Князьяхъ, властвовавшихъ въ Россіи со временъ трехъ братьевъ, Синеуса, Трувора и Рюрика, до нынѣ царствующаго Великаго Князя, Михайла Ѳедоровича, и множествѣ происходившихъ несогласій, раздоровъ, войнъ и враждебныхъ дѣйствій въ Россіи между Шведами, Поляками и Русскими, вмѣстѣ съ тѣмъ и объ условіяхъ вѣчнаго мира, торжественно заключеннаго между Шведскимъ и Московскимъ Государями съ разными процессіями и церемоніями.

V

СМѢСЬ

ГРАМОТЫ.

1.

ОТРЕЧЕННАЯ ГРАМОТА НОВГОРОДСКАГО АРХІЕПИСКОПА ѲЕОФИЛА († 1480).

Се язъ, Ѳеофилъ, бывшій Архіепископъ Великаго Новагорода и Пскова, сіе написахъ о томъ, что есмь добилъ челомъ своему Господину Геронтію, Митрополиту всеа Руси, предъ Архіепископы и Епископы, предъ Асафомъ, Архіепископомъ Ростовскымъ и Ярославскымъ, и предъ Семіономъ, Епископомъ Рязанскымъ и Муромскымъ, и предъ Герасимомъ, Епископомъ Коломенскымъ, и предъ Сарскымъ Епископомъ Прохоромъ, и предъ всѣми сборы великіе Митрополіи всеа Руси. И по своему челобитію пріяхъ отъ него благословеніе и прощеніе о своемъ дрзновеніи, еже хотѣхъ пасти стадо Христово словесныхъ овець, и того сдержати и управляти не возмогохъ, да, свое ради немощи, оставилъ есми свою Архіепископію и степень своего Святительства Великаго Новагорода и Пскова. А по сихъ оже ми Богъ повелитъ живу быти, и язъ къ тому ни что же не хощу Святительскыхъ преданій дѣйствовати, ни вступатись ни которыми же дѣлы, ни именоватись Архіепископомъ, ни учити, ни учиму быти; зане бо уже не есмь Епископъ, вся бо дѣла Святительскаа оставихъ, и симъ своимъ написаніемъ отрекохся всего, а изволихъ собѣ жити въ монастыри, въ иночьскомъ житьи, пребываа въ покореніи и во всемъ повиновеніи, и до послѣдняго мни здохновенія берегучи своса душа отъ сѣтей непріязненныхъ духовъ лукавства, по реченному словеси Господомъ нашимъ, Іисусъ Христомъ: «никто же бо, рече, возложе руки на орало и зря вспять, управленъ еси во царствіи небеснемъ», яко Того есть слава и держава въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

Отреченная сія совершенно отлична отъ той отреченной Архіепископа Ѳеофила, которая помѣщена въ Актахъ Арх. Экспед. т. I, стр. 128, и писана, какъ очевидно изъ сравненія, спустя нѣсколько времени послѣ напечатанной. Списокъ ея находится въ сборникѣ Новгородской Софійской библіотеки, XVII вѣка.

2.

ГРАМОТА

НОВГОРОДСКАГО АРХІЕПИСКОПА ГЕННАДІЯ ОБЪ ОСВОБОЖДЕНІИ ШЕСТИ СОБОРНЫХЪ СВЯЩЕННИКОВЪ ОТЪ СЛУЖЕНІЯ ЧЕРЕДНОЙ СЕДМИЦЫ ВЪ СОФІЙСКОМЪ СОБОРѢ, СЪ ПЛАТОЮ ЗА СІЕ ПО ГРИВНѢ СОФІЙСКОМУ СВЯЩЕННИКУ. 30 НОЯБРЯ, 1486 ГОДА.

По милости святыя Софѣя Премудрости Божія, и Его Пречистыя Богоматере, се добиша челомъ вся шесть соборовъ Господину Государю Преосвященному Архіепископу Великаго Новаграда и Пскова, Владыкы Геннадію, Староста седмисоборской Попъ Иванъ, служитель святаго Ивана Предтечи, и всѣ Старосты соборскіе, Староста Попъ Ѳедоръ Борисоглѣбскій и весь соборъ святаго Ивана Предтечи, [1] Староста Попъ Оксентій, служитель святые Богородицы, и весь соборъ Богородицкой, [2] Староста Попъ Иванъ Дмитревской, и весь соборъ Яковлевской, [3] Староста Попъ Яковъ Четыредесяцкой, и весь соборъ Четыредесяцкой, [4] Староста Попъ Иванъ, служитель святые Богородицы, и весь соборъ Архангельской, [5] Староста Попъ Григорій Всесвяцкой, и весь соборъ Власьевской, [6] вся шесть соборовъ, [7] чтобы пожаловалъ,

---

[1] Соборъ Предтеченскій на Опокахъ, нынѣ Предтеченская ружная церковь, на Торговой сторонѣ.

[2] Соборъ Богородицкій, нынѣ Успенская приходская церковь, на Торговой также сторонѣ.

[3] Соборъ Яковлевскій, упраздненный и разобранный въ 1848 году, на Софійской сторонѣ.

[4] Соборъ Четыредесятскій, то есть церковь 40 Мучениковъ, находившаяся на Софійской сторонѣ.

[5] Соборъ Архангельскій, нынѣ приходская церковь Архангела Михаила, на Торговой сторонѣ.

[6] Соборъ Власіевскій, нынѣ приходская церковь Священномученика Власія, на Софійской сторонѣ.

[7] Въ это число, очевидно, не входитъ Софійскій соборъ, какъ имѣвшій главный надзоръ надъ прочими шестью соборами на Софійской и Торговой сторонахъ, и въ частности надъ каменноградскими или кремлевскими церквами.

освободилъ его собору седмому служити Попу Софѣйскому недѣля, вмѣсто гороцкого Попа, чья чреда придетъ, что ихъ была старина при прежнихъ Архіепископахъ, всякому Священнику улицкому у престола святыя Софѣя Премудрости Божіи; а держати своя недѣля отъ года до году по своему чреду, чья недѣля прилучитца. И тѣ Старосты вся шесть соборовъ били челомъ и сказывали прежнимъ Архіепископомъ, Евѳимію, и Іонѣ, и Ѳеофилу. И Архіепископъ Евѳимій тѣхъ Старостъ и всѣхъ ихъ шесть соборовъ пожаловалъ, по тому же и Іона, таже и Ѳеофилъ пожаловаша, что которому Попу улицкому прилучитца недѣля держати у святыя Софѣя Премудрости Божія, ино въ его мѣсто держать Софѣйской Попъ ту недѣлю улицкаго Попа, чья будетъ чреда. А тотъ Попъ улицкой, кто будетъ, наимъ, принесетъ гривну на пѣвшей недѣли въ среду тому Попу Софѣйскому, кто за него стоитъ недѣлю; или не принесетъ тое гривны на тыи сроки, ино взяти Архіепископу на томъ Попѣ на улицкомъ за вину два рубли, а Попу Софѣйскому, за его службу, взяти гривна за пѣвшая съ другою гривною, а Протопопу съ братьею бочка меду Рускаго кислого. И Господинъ Преосвященный Владыка Геннадій, по ихъ челобитью, пожаловалъ Старосту седмисоборскаго и всѣхъ Старостъ соборскихъ, и всѣ шесть соборовъ, по тому, какъ пожаловали ихъ прежніе Архіепископы, Евѳимій, и Іона, и Ѳеофилъ, волитъ держати тѣ недѣли годовыя своимъ соборнымъ Софѣйскимъ Попомъ за тѣхъ Поповъ за улицкихъ. А который Попъ улицкой не принесетъ тое гривны Софѣйскому Попу на пѣвшей недѣли въ среду, и взяти Господину Преосвященному Владыкы, Геннадію, на томъ Попѣ на улицкомъ, за его вину, два рубли, а Попу Софѣйскому, за его службу, взяти гривна пѣвшая съ другою гривною; а Протопопу Гаврилу, и хто ни будетъ по немъ Протопопъ, съ братьею съ соборяны, взяти бочка меду Рускаго кислого. Да и грамоту свою жаловальную имъ далъ за своею печатью за казенною, на утвержденіе имъ, въ лѣта 6994-е, мѣсяца Ноября въ 30 день.

А сей грамоты противень къ дому Святѣй Софѣи у Протопопа съ братьею, а другій противень у семисоборскаго Старосты и у всѣхъ шти соборовъ, а на грамотѣ назади Архіепископа Владыкы Геннадія рука Греческимъ письмомъ. А печать у грамоты казенная

свинцовая на черномъ шолку, а на печати Спасъ на престолѣ, и на другой письмо въ кругу (на печати) Греческое же писано.

Недавній списокъ этой грамоты съ харайтенаго подлинника найденъ между бумагами Новгородской Софійской Библіотеки, оставленными внѣ описи.

Примѣчаніе. Грамота Архіепископа Геннадія имѣетъ свою важность по указанію на древній церковный обычай въ Новгородѣ и на раздѣленіе церквей Новгородскихъ, принадлежавшихъ къ семи соборамъ. Подобное раздѣленіе видно изъ крестнаго хода, совершеннаго въ 1417 году Архіепископомъ Симеономъ со всею седмію соборовъ, [1] равно и изъ Новгородскаго посольства въ 1477 году къ Московскому Великому Князю Ивану Васильевичу III. При семъ посольствѣ, Новгородскій Архіепископъ Ѳеофилъ началъ просительную рѣчь слѣд. словами: «Государь Князь Великій! Я, богомолецъ твой, Архимандриты, Игумены и Священники всѣхъ семи соборовъ, бьемъ Тебѣ челомъ»... Какіе именно были соборы въ Новгородѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, сіе объясняется изъ рукописнаго Архіерейскаго Чиновника или Устава Софійскаго собора. Въ этомъ Уставѣ упоминаются по мѣстамъ всѣ семь соборовъ. Изъ нихъ первый и главный, Каѳедральный Софійскій, къ коему принадлежали, кромѣ Софійскихъ, Священники девяти престольныхъ церквей, находившихся по близости къ сему собору, 1-й соборъ Похвальскій или Похвалы Пресвятыя Богородицы, находившійся на Софійской площади, къ которому принадлежали всѣ Кремлевскія церкви, именовавшіяся каменноградскими. Этотъ соборъ, какъ надобно полагать, построенъ и названъ соборомъ, вмѣсто находившейся въ Кремлѣ Борисоглѣбской соборной церкви. 2-й соборъ Знаменскій, 3-й Успенскій, 4-й Предтеченскій и 5-й Николаевскій Дворищскій. [2] Къ нимъ принадлежали всѣ церкви, находившіяся на Торговой сторонѣ въ Славенскомъ и Плотенскомъ концахъ. 6-й соборъ Яковлевскій на Софійской сторонѣ, къ которому принадлежали всѣ церкви сей стороны. Принадлежавшія къ пяти послѣднимъ соборамъ церкви именовались улицкими или посадскими, а бывшіе при соборахъ Священники назывались Поповскими Старостами,

[1] Новг. 1 лѣт., стр. 107.

[2] Нынѣ въ Новгородѣ, кромѣ Софійскаго собора, остается два: Знаменскій и Николаевскій на Дворищѣ, почти на прежнемъ положеніи, и два, Успенскій и Предтеченскій, обращены въ приходскія церкви, а Похвальскій и Яковлевскій совсѣмъ упразднены.

3.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА III-ГО НОВГОРОДСКОМУ СОФІЙСКОМУ СОБОРУ О СБОРѢ РАЗНЫХЪ ПОШЛИНЪ И ХЛѢБНОЙ РУГИ СЪ НОВГОРОДСКИХЪ ПЯТИНЪ. АВГУСТА 1504 ГОДА.

Се азъ, Князь Великій, Иванъ Васильевичъ, всея Русіи, и сынъ мой, Князь Великій, Василей Ивановичъ, всея Русіи, пожаловалъ есмя въ своей отчинѣ, въ великомъ Новѣгородѣ, Софѣйского Протопопа, Василія, да Протодіякона Софѣйского, Моисея, да у Придѣльныхъ престоловъ Священниковъ: Володимерского, Аѳанасіевского, Спаского, Настасьинского, Воскресенского, Златоустского, Богоявленского, Исповѣдническаго, Никольского, Петровского, Ивановского въ темницѣ, Стефановского, Богословского, Якимовского, да двухъ Священниковъ Ерусалимскихъ, да Рождественского, да Михаилова Чуда, что на полатѣхъ у Ерусалима Святого, да четырехъ Діяконовъ, или хто по нихъ иныи Протопопъ, и Протодіяконъ, и Священники, и Діяконы, у тѣхъ престоловъ будутъ. Велѣлъ есмя имъ имати пошлины отъ вѣнцовъ въ великомъ Новѣгородѣ и на посадѣхъ, и въ погостѣхъ. Въ деревской пятинѣ: съ Холынского погоста, съ Бронницкого погоста, съ Наволоцкого погоста, съ Боженского погоста, съ Понедѣльского погоста, съ Сытинского погоста, съ Влажинского погоста, съ Тухальского погоста, съ Листовского погоста, съ Холовского погоста, съ Кременицкого погоста, съ Устьеволомского погоста, съ Косоцкого погоста, съ Полищского погоста, съ Хрестцовского погоста, съ Язенщского погоста, съ Ручьевского погоста, съ Лукоцкого погоста, съ Островского погоста, съ Бѣльского погоста, съ Яжелбицкого погоста, съ Шегринского погоста, съ Ситенского погоста. А въ Шелонской пятинѣ съ Паозерья и съ Заверяжья, изъ Люболядъ, съ Голинского погоста, съ Коростынского погоста, съ Буряжского погоста, съ Фроловского погоста, съ Втурского погоста, съ Любинского погоста, съ Боротинского погоста, съ Березского погоста, съ Вшельского погоста, съ Павского погоста, съ Влоговещского поста, съ Вширского погоста,

съ Хмерского погоста, съ Бистрѣевского погоста, съ Влосицкого погоста, съ Влядского погоста, съ Прибужского погоста, съ Щепечского погоста, съ Сумерского погоста, съ Бѣльского погоста, съ Которского погоста, съ Дремяцкого погоста, съ Петровского погоста, съ Передольского погоста, съ Косицкого погоста, съ Сабельского погоста, съ Сутоцкого погоста, съ Михайловского погоста, съ Вретенского погоста, съ Святинского погоста, съ Выменского погоста. А въ Воцкой пятинѣ съ Григорского погоста на Кречневѣ, да съ Никольского и съ Пидебского съ Заверяжья, съ Луского погоста, съ Гдицкого погоста, съ Климяцкого погоста, съ Тесовского Спаского погоста на Рядяжѣ, съ Сабельского погоста, съ Хрепельского погоста, съ Косицкого погоста съ Передольского погоста, съ Городенского погоста, съ Буковского погоста, съ Тигоцкого погоста, съ Солецкого погоста на Волховѣ, съ Грузинского погоста на Волховѣ, съ Коломецкого погоста на Волховѣ, съ Онтоновского погоста на Волховѣ, съ Ивановского, съ Перехздского. А въ Обонежской пятинѣ съ Коломенского погоста на Волховѣ, съ Ивановского погоста на Робѣ, съ Петровского погоста на Волховѣ, съ Онтоновского погоста на Волховѣ, съ Пречистенского въ деревахъ долзехъ погоста, съ Воскресенского погоста на Литвѣ рѣцѣ, съ Пречистые на Тихвинѣ погоста, съ Волотольского погоста, съ Петровского погоста на Хоминѣ, съ Пречистые Боженского монастыря, съ Петровского погоста на Куninѣ, съ Введенского погоста, съ Холынского погоста, съ Пречистые на деревяницѣ погоста, съ Онтоновского погоста въ дымѣхъ, съ Никольского погоста въ дреглехъ, съ Михайловского погоста на Черномъ, съ Климяцкого погоста въ Колбягахъ, съ Мышенского погоста на рѣцѣ на Вишерѣ, съ Пречистые погоста Устье-волмы на Мстѣ, съ Покровского погоста на Хубцѣ, Спаского надъ Коломномъ съ погоста на Мстѣ, съ Никольского погоста въ Моркиничахъ на Устьѣ Мды рѣки, съ Никольского погоста на Пшовжѣ, съ Петровского погоста на Пшовжѣ, съ Никольского погоста, и съ Полищского, съ Солецкого погоста на Волховѣ, съ Ондрѣевского погоста на Грузинѣ, съ Петровского погоста въ Мелегижахъ, съ Егоріевского погоста въ Неболчахъ, съ Дмитріевского погоста въ Кременичахъ. А имати имъ та пошлина отъ вѣнцовъ, съ отрока полторы деньги Новгородскіе, и съ дѣвицы полторы деньги Новгородскіе, а со вдовца три

деньги Новгородскіе, и со вдовы три деньги Новгородскіе, то имъ и отъ печати. А что шла пошлина Софѣйскому Протопопу и Протодіякону и Попомъ съ проскурницею, и имъ та пошлина съ проскурницею имати по старинѣ. А антими(н)сы вѣдать Софѣйскому Протопопу, и Протодіякону, и Священникомъ по старинѣ. А со шти соборовъ служити городскимъ Священникомъ у Софѣя великого по старинѣ. А что шла пошлина Софѣйскому Протодіякону и Діякономъ съ пяти концовъ съ городскихъ церквей на праздники, и ту имъ имати пошлину по старинѣ. А класти имъ съ тѣхъ пошлинъ деньги всѣмъ на дѣлъ— Протопопу, и Протодіякону, и Попомъ и Діякономъ. А дѣлитись имъ тѣми пошлинами всѣми: Протопопу полторы выти, а Протодіякону и Попомъ всѣмъ по выти, а Діякону вполы Попа полвыти, а двѣма крылошаномъ, да Діякомъ застѣннымъ, всѣмъ на человѣка вполы вполы Діякона четверть выти. Также есмя ихъ пожаловалъ: хто въ нашей отчинѣ, въ великомъ Новѣгородѣ, нашъ Дворецкой ни будетъ, и онъ дастъ съ году на годъ Софѣйскому Протопопу полтретьятцеть коробей ржи, да полтретьятцеть коробей овса, а Протодіякону Софѣйскому, да придѣльныхъ престоловъ Священникомъ: Володимерскому, Афанасіевскому, Спаскому, Настасинскому, Воскресенскому, Златоустскому, Богоявленскому, Исповѣдническому, Никольскому, Петровскому, Ивановскому въ темницѣ, Стефановскому, Богословскому, Якимоянскому, да двѣма Священникомъ Ерусалимскимъ, да Рождественскому, да Михайловскому у Чуда, по пятинадцати коробей ржи, да по пятинадцати коробей овса на человѣка, а четыремъ Діякономъ Софѣйскимъ по десяти коробей ржи, да по десяти коробей овса, а двѣма крылошаномъ Софѣйскимъ, да семинадцати Дьякомъ, что у застѣнныхъ церквей, по пяти коробей ржи, да по пяти коробей овса на человѣка. А имати имъ всѣмъ тотъ хлѣбъ у нашего Дворецкаго съ году на годъ, на Семень день лѣтопроводца, а взяти имъ тотъ хлѣбъ впервые на Семень день лѣта 7013 года. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7012, Августа.

Грамота сія въ подлинникѣ не сохранилась, а дошла до насъ въ спискахъ XVII вѣка. О подлинникѣ въ грамотахъ XVII вѣка пишется: «Была, де, у нихъ (соборянъ) харатейная грамота, и тоѣ, де, грамоту Нѣмецкіе люди (Шведы), какъ были въ Новѣгородѣ, у Софѣйскаго Попа, Никифора, отняли и сожгли, а Попа Никифора убили до смерти, и съ тоѣ грамоты остался у нихъ списокъ.» Этотъ-то списокъ и составляетъ предлагаемую здѣсь грамоту 1504 года.

4.

ГРАМОТА

ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА НОВГОРОДСКОМУ МИТРОП ЛИТУ, МАКАРІЮ, О РАЗРѢШЕНІИ ВОЛОГОДСКАГО АРХІЕПИСКОПА НЕКТАРІЯ, ЖИВШАГО НА СМИРЕНІИ КЪ НОВГОРОДСКОМЪ КИРИЛЛОВѢ МОНАСТЫРѢ. 1621 года, 24 МАІЯ.

Благословеніе Великаго Господина, Святѣйшаго Филарета, Патріарха Московскаго и всея Русіи, о святѣмъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренія, Макарью, Митрополиту Ноугородцкому и Великолуцкому. Въ нынѣшнемъ въ 129 году сыскивали мы, сыну, всякими сыски и распрашивали на соборѣ бывшаго Вологодцкаго Архіепископа, Нектарья, что его отлучилъ отъ Архіепископства Крутицкой Митрополитъ, Іона, безъ сыску, не по дѣлу, по доводу Вологодцкаго Протопопа, Василья. И на соборѣ мы о томъ дѣлѣ сыскали, и сказали на соборѣ Нектарью Архіепископу, что онъ отлученъ отъ Святительства неповинно. И къ приговору нашему хотѣли мы руки свои приложити, да за тѣмъ къ тому дѣлу мы рукъ своихъ не приложили, по тому что сказывалъ намъ въ роспросѣ Архіепископъ Нектарей, какъ онъ былъ сосланъ въ Кириловъ монастырь; и онъ, будучи въ Кириловѣ, при Флавьянѣ Игуменѣ причащался въ патрахѣли, а при Саватеѣ Игуменѣ причащался безъ патрахѣли, по тому что ему не далъ причащаться въ патрахѣли игуменъ Саватѣя; а чаяли мы того, что онъ причащался безъ патрахѣли своею волею; а Архіепископу мы о томъ не повѣрили, а пригорили о томъ писати въ Кириловъ, къ Игумену Саватеѣ, и къ соборному старцу, къ Евстаѳью, и къ Нектарьевымъ отцомъ духовнымъ. И Азъ, сыну, о томъ писалъ въ Кириловъ монастырь къ игумену Саватеѣ, да къ соборному старцу Евстаѳью, и посылалъ по Нектарьевыхъ по двухъ отцовъ духовныхъ, которые Кириловскіе Свещенники были ему отцы духовные, а велѣлъ тѣмъ отцомъ духовнымъ быти къ себѣ, къ Москвѣ, а къ Игумену Саватеѣ и къ соборному старцу къ Евстаѳью писалъ о томъ, чтобъ Игуменъ о томъ отписалъ ко мнѣ, по своему свещенноиночеству, также бы и старецъ Евстаѳей отписалъ по своему иночеству. И Нектарьевы отцы духовные, два Свещенника Ки-

риловскихъ, пріѣхавъ къ Москвѣ, сказывали мнѣ въ духовнѣ сами по своему свещенноиночеству, и рѣчи за своими руками дали, что Нектарью причащаться въ патрахѣли не далъ я, Игуменъ, а не своею волею; и билъ челомъ о томъ многажда, чтобъ ему велѣлъ причащаться въ патрахѣли; и Игуменъ Саватѣя въ патрахѣли причащаться ему не далъ, по тому что онъ написанъ въ грамотѣ, какъ присланъ въ монастырь, простымъ старцемъ, а не Архіепископомъ. Да и Игуменъ Саватѣя писалъ къ намъ, по своему свещенноиночеству, и отписку прислалъ за своею рукою, что Нектарей Архіепископъ причащался безъ патрахѣли не своею волею, а хотѣлъ причащаться въ патрахѣли, да не далъ ему въ патрахѣли причащаться онъ, Игуменъ Саватѣя, по тому что онъ написанъ въ грамотѣ, какъ присланъ въ Кириловъ, простымъ старцемъ, а не Архіепископомъ. Да и Евстаѳей, соборный старецъ, ему, Игумену, отъ Архіепископа Нектарья билъ челомъ, чтобъ ему велѣлъ причащаться въ патрахѣли, и онъ, де, не далъ ему причащаться въ патрахѣли, по тому что онъ написанъ простымъ старцомъ; а Евстаѳей къ намъ о томъ прислалъ отписку за своею рукою, а писалъ то жъ, что и Игуменъ Саватѣя къ намъ писалъ въ своей отпискѣ. И Архіепископъ Нектарей въ великій постъ о томъ намъ билъ челомъ многажда сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами, и просилъ о томъ у насъ разрѣшенья, чтобы мнѣ ему о томъ Указу чинити и разрѣшити; а боится смертнаго часа, что въ патрахѣли причаститься безъ нашего Указу не смѣетъ, а безъ патрахѣли не смѣетъ же. И Азъ, сыну, по вашему общему соборному совѣту и по послѣднему сыску, что писалъ изъ Кирилова Игуменъ и соборной старецъ Евстаѳей и Нектарьевы отцы духовные, два Свещенноинока, рѣчи дали за своими руками, Нектарья Архіепископа въ субботу Лазареву разрѣшилъ и благословилъ Святительская вся дѣйствовати, и божественную Литоргею служити. И по Государеву, Цареву, Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи Указу, и по нашему благословенію, велѣно ему быти до указу на Троецкомъ подворьѣ; а Митрополитъ Іона передъ нами въ томъ прощался и съ Нектарьемъ Архіепископомъ простился жъ. А пишу къ тебѣ, сыну, для того, чтобъ тебѣ о томъ вѣдомо было. А милость Божья и Пречистые Богородицы и великихъ чюдотворцовъ, Петра, Алексѣя и Іоны молитвы и благословеніе, и нашего смиренія благослове-

ніе да есть и будетъ съ Твоимъ Святительствомъ нынѣ и во вѣки. Аминь.

На оборотѣ: «О святомъ Дусѣ сыну и сослужебнику нашего смиренія, Макарью, Митрополиту Ноугородцкому и Великолуцкому». 129 г., Маія въ 24 день, подалъ сынъ Боярской Докучай Харламовъ».

Списокъ съ подлинной грамоты.

Подлинная грамота найдена въ Новгородскамъ Консист. Архивѣ старыхъ дѣлъ.

5.

ЖАЛОВАННАЯ НЕСУДИМАЯ ГРАМОТА

ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА МАКАРЬЕВО-ЖЕЛТОВОДСКОМУ МОНАСТЫРЮ. ІЮНЯ 10 ДНЯ, 1628 г.

Божіею милостію, смиренный Великій Господинъ и Государь, Святѣйшій Филаретъ, Патріархъ царствующаго града Москвы и всея Русіи, пожаловали есма Нижегородскаго Уѣзда Пресвятыя Живоначальныя Троицы и Преподобнаго Макарія Желтоводскаго Чудотворца новые пустыни Строителя Аврамія, съ братіею, что онѣ Намъ били челомъ о жалованной несудимой грамотѣ, чтобы въ тое пустыню нашимъ Десятильникомъ и Поповскимъ Старостамъ въѣзжати не велѣть. И Азъ, смиренный Великій Господинъ, Святѣйшій Патріархъ царствующаго града Москвы и всея Русіи, Строителя Аврамія съ братіею пожаловали, свою жалованную несудимую грамоту дати имъ велѣли, и не надабе тое пустыни Строителю и Попамъ наше сборное, ни Петровское, ни къ Старостамъ Поповскимъ съ тяглыхъ Попы не тянутъ, и Нашимъ Десятильникомъ и Поповскимъ Старостамъ въѣзжати въ тое пустыню ни по что не велѣть; и кормовъ своихъ и конскихъ и иныхъ ни какихъ пошлинъ не емлютъ; и тое пустыни Строителя, и старцовъ, и слугъ, и всего причету Церковнаго не судятъ ни въ чемъ. А кому будетъ тое пустыни до Строителя. и до старцовъ, и до слугъ, и до

крестьянъ, и до всего причету Церковнаго какое дѣло, ино ихъ сужу Азъ, смиренный Великій Господинъ и Государь, Святѣйшій Филаретъ, Патріархъ царствующаго града Москвы и всея Русіи, иль кому Прикажу, Бояромъ и приказнымъ своимъ людемъ. А срочатъ имъ наши приставы передъ нами стать на три срока въ году, на Семенъ день лѣтопроводца, да на Рожество Христово, на Троицынъ день; а мимо тѣхъ сроковъ по нихъ управныхъ и зазывныхъ грамоть не емлютъ, и Приставовъ не посылаютъ. А платить съ тое пустыни Строителю наша церковная дань въ нашу казну по окладнымъ книгамъ по новому дозору Нижегородскаго Архангельскаго Протопопа Тимоѳея съ товарищи, 136 году, вдвое дани, по двадцати по одному алтыну по четыре деньги, Десятильничихъ пошлинъ алтынъ по четыре деньги, казенныхъ платежныхъ пошлинъ по семи алтынъ на годъ. А что впредь въ той пустынѣ прибудетъ приходныхъ людей изъ пуста въ живущее, иль отъ иныхъ церквей приходные люди учнутъ приходити, имъ съ того новоприбыльнаго приходу давати наша церковная дань въ нашу казну по нашему уложенію. А вѣнчати тое церкви бѣглымъ Попомъ въ своемъ приходѣ отроковъ, и вдовцомъ молитвы говорить, и умершихъ скорою смертію похоронять безъ Десятильничихъ и отъ Старостъ Поповскихъ безъ знамянъ и безъ похоронныхъ памятей; а похороняти имъ тѣхъ людей, надъ которыми учинится скорая смерть: кусомъ подавится, или кто ково ножемъ зарѣжетъ, или съ дерева убьется, или утонетъ не купаючися, или отравною смертію умретъ, а не самъ себя отравитъ, и тѣхъ людей похороняти у церкви Божіи; а которой человѣкъ вина опьется, или удавится, или зарѣжется, или съ качелеи убьется, или своею охотою купаючися утонетъ, или самъ себя отравитъ, или иное какое дурно самъ надъ собою учинитъ своими руками, и тѣхъ у церкви Божіи не похоронять и надъ ними на отпѣвати, а велѣть ихъ класть въ убогихъ дому, а не будетъ убогихъ дому, и ихъ класть въ полѣ, чтобъ отъ церкви далече. А про то сыскивати накрѣпко, чтобъ женились ни въ родѣ, ни во племянѣ, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ и не четвертымъ бракомъ, и не отъ живы жены мужъ, и не отъ жива мужа жена, а четвертой бы бракъ отнюдь не именовался. А вѣнечныхъ пошлинъ имать съ отрока по два алтына по три деньги, съ двоеженца по четыре алтына по три деньги, съ троеженца по шести алтынъ по три день-

ги, съ похоронной по гривнѣ, съ почеревной по четыре алтына по двѣ деньги; да тѣ вѣнечные знамена и имена женихомъ и невѣстамъ велѣти писати въ книги, имянно которого мясоѣду, и мѣсяца, и числа; да тѣ деньги и тѣмъ деньгамъ книги Попомъ за своими руками привозить къ намъ, къ Москвѣ, съ данью вмѣстѣ, на срокъ на Рожество Христово ежегодъ безпереводно. Отъ чужихъ приходовъ тое церкви Попу отнюдь безъ Десятильничихъ и отъ Старостъ Поповскихъ безъ знамянъ свадебъ не вѣнчати, и безъ похороныхъ памятей умершихъ скорою смертію не похороняти. А дана сія наша жалованная грамота въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7136, Іюня въ 10 день.

Смиренный Филаретъ, Божіею милостію Патріархъ Московскій и всея Русіи.

На оборотѣ сей грамоты:

Іоасафъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи.

Іосифъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи.

Смиренный Никонъ, Божіею милостію Патріархъ Московскій и всеа Русіи.

Божіею милостію Іоасафъ Патріархъ.

6.

ГРАМОТА

ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА О ПРЕКРАЩЕНІИ БЕЗЧИНІЙ, ПРОИСХОДИВШИХЪ ОТЪ КАБАЧНЫХЪ ШАТРОВЪ ПРИ ХУТЫНѢ МОНАСТЫРѢ. 11 ДЕКАБРЯ, 1632 г.

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, въ Нашу отчину, въ Великій Новгородъ, Воеводамъ Нашимъ, Князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому да Павлу Ивановичу Волынскому, да Дьякомъ Нашимъ, Ивану Софонову, да Ѳедору Дружинину. Билъ Намъ челомъ, и отцу Нашему, Великому Государю

Святѣйшему Филарету Никитичу, Патріарху Московскому и всея Русіи, изъ Великаго Новагорода Спаса Ѳутыня монастыря Архимандритъ Ѳеодоритъ съ братіею, а сказалъ: пріѣзжаютъ къ нимъ изъ Великаго Новагорода, на праздникъ Петрова посту, въ первую пятницу, на память чудотворца Варлаама, кабацкіе Головы и откупщики съ кабакомъ, и ставятся подъ монастыремъ, и отъ того, де, кабака ставится воровство, и душегубство, и крова, и драки, и продажи, и убытки великіе, и въ церковь люди ходятъ пьяные, и пакости чинятъ на монастырѣ и въ церквѣ многіе. И Намъ бы ихъ пожаловати, на праздникъ чудотворца Варлаама съ кабакомъ подъ монастырь пріѣзжать и на монастырской землѣ ставиться не велѣть, чтобъ имъ впередъ отъ кабака продажъ, и убытковъ, и стѣсненья, и въ монастырѣ и въ церкви безчинства никакова небыло. И какъ къ вамъ ся Наша грамота придетъ, и вы бы кабацкимъ откупщикамъ и Головамъ впередъ изъ великаго Новагорода, на праздникъ чудотворца Варлаама, подъ монастырь съ какабацкимъ питьемъ ѣздить николи, и корчмы и кабака подъ монастыремъ держать не велѣли; а прочетъ сю Нашу грамоту и списавъ съ неѣ списокъ слово въ слово, оставили бъ есте у себя, а сю Нашу подлинную грамоту отдали того Спаскаго Ѳутыня монастыря Архимандриту Ѳеодориту съ братіею, и они ее держатъ у себе впередъ, для иныхъ Нашихъ Бояръ, и Воеводъ, и Діаковъ, и приказныхъ людей. Писанъ на Москвѣ лѣта 7141, Декабря въ 11 день. Діакъ Максимъ Чирковъ.

Списокъ съ грамоты найденъ въ бумагахъ Новгородскаго Консисторскаго Архива старыхъ дѣлъ.

7.

ПИСЬМО

АРХИМАНДРИТА ТРОИЦКО-СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ, ДІОНИСІЯ, И КЕЛАРЯ, АВРАМІЯ ПАЛИЦЫНА, НОВГОРОДСКОМУ МИТРОПОЛИТУ, МАКАРІЮ, О ССУДѢ ДЕНЕГЪ НА ПОКУПКУ РЫБЫ ВЪ НОВГОРОДѢ. 8-го НОЯБРЯ, 1619 ГОДА.

Великому Господину, Преосвященному Макарію, Митрополиту Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ, Живоначальные Троицы Сергіева монастыря Архимаритъ Діонисей да Келарь Аврамей съ братьею челомъ бьютъ. Вели, Государь, писать въ домъ Живоначальные Троицы о своемъ Святительскомъ пребываніи, какъ тебе Христосъ сохраняетъ; а изволишь вѣдати про домъ Божій и обитель великаго чюдотворца Сергія, стоитъ, нашему окаянству общій нашъ Владыко, Христосъ, еще терпитъ, Октября по 2-е число тѣлеснѣ живы. Послали мы, Государь, въ Великій Новгородъ Троецкого слушку, Василья Туменского, для монастырскаго обиходу рыбы купить, а денегъ съ нимъ на ту рыбную покупку не послали за проѣздомъ; а онадежась на твое, Государево, жалованье, дерзнули къ тебѣ написати, чтобъ тебѣ милость показать для дому Живоначальные Троицы и великаго чюдотворца Сергія, велѣти тому Троецкому слушкѣ да Сытинскому прикащику, Ивану Осѣкову, на ту рубную покупку взаимъ денегъ, сто рублевъ, дать, а къ намъ о томъ отписать; и мы тебѣ тѣ деньги по зимнему пути пришлемъ не замотчавъ, или кому ты велишь на Москвѣ отдать, и мы ихъ по тому же велимъ заплатить не замотчавъ. А мы тебѣ челомъ бьемъ и о твоемъ Святительскомъ пребываніи должны молити Бога.

На оборотѣ письма надписано:

«Великому Господину, Преосвященному Макарію, Митрополиту Великаго Новагорода и Великихъ Лукъ». Другимъ почеркомъ: «128, Ноября въ 8 день, подалъ отписку Троецкой слуга Князь Василей Туменской.»

Подлинное письмо найдено въ Новогородскомъ Консисторскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ.

Сообщ. Д. Членъ Архимандритъ Макарій.

АКАДЕМИКИ МИЛЛЕРЪ И ФИШЕРЪ

и

ОПИСАНІЕ СИБИРИ.

1.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, изъ Правительствующаго Сената, Иркутской Провинціальной Канцеляріи. По Указу Ея Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ, по доношеніямъ Академіи Наукъ и Сибирскаго Приказу, приказали: обрѣтающагося въ Камчатской Экспедиціи Профессора Миллера, отъ Камчатской поѣздки, за показанною его болѣзнію, уволить, и для излѣченія быть ему въ С.-Петербургѣ, и ѣдучи изъ Сибири черезъ тѣ мѣста, гдѣ онъ еще не былъ, или въ бытность свою довольно долгаго времени не имѣлъ, надлежащія къ обстоятельному описанію Натуральной Исторіи изслѣдованія чинить; а для произведенія ко окончанію и оной Экспедиціи обсерваціи быть прежде отправленнымъ въ ту Экспедицію, Профессору Г. Гмелину, Адъюнкту Штеллеру, да къ нимъ въ помощь отправить нынѣ Адъюнкта Фишера, и пр. и пр. 1739 г., Марта 30 дня.

2.

Въ Канцелярію Академіи Наукъ

Репортъ.

Прошлаго Генваря 14 дня прислана ко мнѣ изъ оной Канцеляріи журнальная записка, отъ 30 Декабря, прошлаго 1747 г., послѣ которой велѣно въ сочиненіи Сибирской Исторіи мнѣ трудиться обще съ Профессоромъ Фишеромъ, чего для мнѣ и всѣ мои сочиненія такъ разположить, какъ я съ Профессоромъ Фишеромъ о томъ

соглашуся. И того же дня я писалъ къ помянутому Профессору Г. Фишеру партикулярное письмо, въ которомъ я его просилъ, чтобъ онъ мнѣ объявилъ, какую часть Сибирскихъ описаніевъ онъ на себя принять изволитъ, дабы я по тому мои труды разположить могъ. А понеже я на оное письмо по сіе число отвѣту не получилъ, и я опасенъ, чтобъ такое замедленіе въ самомъ дѣлѣ не учинило какое препятствіе, по тому что знать должно, въ чемъ Г. Профессоръ Фишеръ дѣйствительно трудится, или впредь трудиться намѣренъ, дабы я въ тѣхъ же дѣлахъ напрасно время не провожалъ, того ради Канцеляріи Академіи Науки представляю, чтобъ соблаговолено было его о томъ въ Канцеляріи допросить, а что онъ скажетъ, о томъ меня увѣдомить. Февраля 13 дня, 1748 г.

Gerard Fridrich Müller.

(Изъ Журнала Историческаго Собранія.)

3.

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРЕВОДЪ НѢМЕЦКОЙ ЗАПИСКИ МИЛЛЕРА.

(Читано въ Историческомъ Собраніи 29 Апрѣля, 1748 г.)

Понеже я увѣдалъ, что Г. Профессоръ Фишеръ, 18 числа сего мѣсяца, въ Собраніи объявилъ, что онъ намѣренъ дѣлать вещественной исторической и географической о Сибири Лексикомъ, то я за потребно разсудилъ мнѣніе мое о томъ сообщить.

1. Г. Профессоръ Фишеръ отъ Его Высокопревосходительства, Г. Президента, мнѣ приданъ, и онъ, по силѣ моего контракта, обязался въ сочиненіи Сибирской Исторіи, Географіи и въ другихъ, принадлежащихъ къ тому, описаніяхъ мнѣ помогать. Я для того, Генваря 14 дня, сего года, требовалъ отъ него письменно извѣстія, что онъ дѣлать хочетъ и можетъ, дабы я въ своемъ дѣлѣ по тому поступать могъ, но отъ него отвѣту на то не получалъ. Но какъ я о томъ же, Февраля 13 дня, въ Академическую Канцелярію представленіе подалъ, но и на то и понынѣ ничего еще мнѣ въ извѣ-

стіе не сообщено. Но чтобъ Г. Профессоръ Фишеръ мнѣ въ моихъ трудахъ помогалъ, то бъ оному быть по тому плану, по которому я мои дѣла разположилъ, и о чемъ я въ дедикаціи къ Его Высокографскому Сіятельству, Г. Президенту, при напечатанной моей диссертаціи, о письмахъ Тангутскихъ и о прочемъ объявилъ.

2. Правда, сочиненіе лексиконовъ вещественныхъ, историческихъ и географическихъ, нынѣ во многихъ Европейскихъ Государствахъ весьма употребительно, но въ такомъ токмо намѣреніи, чтобъ оные къ пріисканію служили тѣмъ, которые въ наукахъ упражняются, куда лексиконы принадлежатъ. Но ежели кто покусится учиться съ начала какой наукѣ изъ какого ни будь вещественнаго лексикона, тотъ въ своемъ мнѣніи весьма обманется и отъ замѣшательства голова закружится. Изъ того слѣдуетъ увѣщаніе, что лексикона вещественнаго дѣлать нельзя о такихъ вещахъ, которыя напередъ систематическимъ порядкомъ еще не предложены и не описаны. Для сей причины ни который народъ не начиналъ наукъ такими лексиконами, но дѣлали лексиконы, когда уже науки, куда надлежатъ Исторія и Географія, натуральнымъ своимъ порядкомъ сочинены были. Что бъ сказали о Геродотѣ, Ливіи, Страбонѣ, Птоломеѣ, ежели бы они свои Исторіи, Географіи, алфавитнымъ порядкомъ, какъ лексиконы, написали? И понеже о Сибири ничего еще настоящаго не напечатано, то лексикона сначала разумные читатели таково жъ не похвалятъ.

3. Я не могу себѣ представить, откуда бъ Г. Профессоръ Фишеръ довольствомъ запасся къ сочиненію вещественнаго лексикона о Сибири, развѣ думаетъ онъ всеконечно употреблять мои дѣла, что бы весьма несправедливо было ему дозволить, развѣ бы мои описанія напередъ напечатаны были. Но ежели бъ я противнаго чего опасался, то бъ имѣлъ я причину за гору скрыться, дабы мнѣ въ томъ то жъ не сдѣлалось, какъ когда, при напечатанной здѣсь политической Географіи присланныя мои изъ Сибири описанія вездѣ употребляли, не упомянувъ при томъ ни однажды о моемъ имени. Но что Г. Профессоръ Фишеръ изъ собственныхъ своихъ, на Сибирскомъ пути учиненныхъ, примѣчаній полнаго вещественнаго лексикона о Сибири сдѣлать не въ состояніи, то сіе явствуетъ, какъ изъ писемъ, поданныхъ имъ, по пріѣздѣ оттуда назадъ, въ Академическую Канцелярію, такъ и изъ сего, что онъ

не во всѣхъ мѣстахъ былъ, и такихъ извѣстій, которыя къ тому дѣлу принадлежатъ, ни коимъ образомъ достать не могъ.

4. Но ежели скажутъ, что изъ того не будетъ вреда, ежели какое дѣло сперва и не совсѣмъ полно будетъ: оное можно всегда поправлять и дополнять; но сіе подлинно токмо годится о такихъ дѣлахъ, которыя сначала вдругъ въ лучшее состояніе приведены быть не могутъ. Но здѣсь то не годится; ибо когда мои описанія напечатаны будутъ, то тогда ни какого недостатка къ дѣланію вещественнаго лексикона о Сибири не останется.

5. Впрочемъ, въ вещественныхъ лексиконахъ та прибыль, что находящіеся въ нихъ по случаю недостатки не столь легко въ глаза попадаются, какъ когда матеріи въ натуральномъ своемъ разположеніи описаны будутъ. Ибо оные недостатки до тѣхъ поръ явны не бываютъ, пока не случится какой матеріи, о которой извѣстіе требуется, а въ лексиконѣ либо ни какого, либо довольнаго, извѣстія о томъ нѣтъ.

Въ вышепоказанной политической Географіи есть алфавитный реестръ рѣкамъ въ Россіи, что бы весьма удивительно показалось, ежели бы то алфавитнымъ порядкомъ сдѣлано не было. Да и Штраленбергъ въ прежнихъ своихъ извѣстіяхъ, которыя онъ изъ Сибири съ собою привезъ, для прикрытія недостатковъ, употребилъ алфавитный порядокъ. Но непристойно бы было такимъ примѣрамъ послѣдовать.

6. Вещественные лексиконы подлинно не что иное есть, какъ реестры книгамъ, которыя о какой ни будь наукѣ напечатаны, гдѣ, вмѣсто того, чтобъ читателя показаніемъ страницъ къ самымъ книгамъ отсылать, все изъ книгъ выписывается и въ реестръ вносится. Такой трудъ никто за особливую важность не почтетъ и я думаю, что Г. Фишеръ свое время съ большею пользою къ сочиненію собственныхъ писемъ употребить можетъ. Напротивъ того, ежели потребуется когда вещественный лексиконъ, то на оное, дѣло кого ни будь изъ Студентовъ, подъ его, или моимъ, смотрѣніемъ употребить можно. Апрѣля 29 дня, 1748.

Герардъ Фридрихъ Миллеръ.

4.

ПЕРЕВОДЪ (СЪ ЛАТ.) ЗАМѢЧАНІЙ ФИШЕРА, ПОДАННЫХЪ 4 МАЯ.

Какія почтенный Господинъ Ректоръ Университетскій и Историографъ, Герардъ Фридрихъ Миллеръ, противъ меня, въ Собраніи Историческомъ, 29 Апрѣля, читалъ примѣчанія, то главнѣйшая ихъ сила, сколько припамятовать могу, состоитъ почти въ слѣдующемъ:

1. Что я не отвѣтствовалъ на присланное ко мнѣ отъ него, 14 Генваря, письмо, которымъ отъ меня требовалъ извѣстія, которую часть исторіи Сибирской сочинить я намѣренъ.

2. Что онъ мнѣ не допуститъ изъ писемъ своихъ къ умноженію моего лексикона Сибирскаго географическаго и историческаго ничего не выписывать до тѣхъ поръ, пока оныя напечатаны будутъ.

3. Да и Профессору исторіи не должно вступать въ такое дѣло, когда оное и Студентъ хорошо исправить можетъ.

Я уповаю, что оныя его мнѣнія въ такую силу толковать можно.

1. Что почтенный оный Господинъ ниже прежде, ниже послѣ того письма, ничего мнѣ не объявлялъ о своемъ намѣреніи, что, конечно, сдѣлать надлежало бы, ежели бы хотѣлъ онъ вѣдать о моемъ намѣреніи.

Къ тому жъ въ то время и склонность его ко мнѣ не мало отмѣнилась (а для чего, я не знаю: пускай самъ скажетъ, буде хочетъ), что я примѣтилъ какъ изъ его дѣлъ, такъ и отъ другихъ слышалъ.

Тогда думалъ я, ежели бы онъ, по прежней дружбѣ со мною поступилъ, то бъ не употребилъ на то повелительнаго письма, но сошедшися, вмѣстѣ дружески со мною переговорилъ.

Наконецъ, не зналъ я, откуда онъ взялъ такую власть, ибо я думалъ, да и нынѣ еще думаю, что Президентское и Канцелярское дѣло есть Профессора на экзаменъ звать, а не товарищеское.

2. Почтенный оный Господинъ не дозволяетъ, чтобъ лексиконъ мой Сибирской, примѣчаніями его умноженный, прежде въ народъ пущенъ былъ, пока рукописныя его дѣла напечатаны не будутъ. Но пусть такъ будетъ, я не спорю. А ежели не дозволяетъ изъ своихъ рукописныхъ дѣлъ чего ни будь выписать, то, по видимому, уничтожаетъ Высочайшую власть, которая тѣ дѣла въ своей власти имѣетъ. Ибо я думаю, что онъ казеннымъ и притомъ еще великимъ жалованьемъ себѣ умножилъ путь, ниже для себя собралъ онъ въ Сибири историческія оныя извѣстія, но что либо ни сдѣлалъ, то все оное для общей пользы сдѣлалъ.

3. Почтенный оный Господинъ обманывается, думая, что лексиконъ Сибирскій географическій и историческій и Студентъ сдѣлать въ состояніи. Ежели къ сочиненію такого лексикона довольно того, чтобъ выписывать безъ разсужденія, безъ разбору, все то, что попадется, то я такой трудъ съ охотою другимъ оставляю. Но ежели изъ выписываемыхъ вещей потребно многія изслѣдовать, изъяснить, исправить, перемѣнить, оставить, то явствуетъ, что къ такому дѣлу требуется мужъ великаго разума, многаго ученія и довольно искуснаго, а не Студента не здраваго разсужденія, не искуснаго и недовольнаго ученія. Ибо ежели чужіе труды умалять вольно, то и я равномѣрно сказать могу, что и Подъячаго посредственнаго разума довольно къ сочиненію Сибирской исторіи, ежели Архивы прилежно прочтетъ, и выпишетъ, и соберетъ все, что слышалъ отъ Сибирскихъ промышленниковъ. Но ежели мнѣ такъ нынѣ дѣлать, то бъ я такой трудъ легко оставить могъ; а понеже я къ сочиненію Сибирскаго лексикона много уже собралъ (что все я на справедливое разсмотрѣніе съ охотою отдаю), то я ни какого другого намѣренія не имѣлъ, какъ выписываніемъ того, что годно покажется, изъ рукописныхъ извѣстій его и почтенныхъ Гг. Гмелина и Штеллера, сіе дѣло въ совершенство привесть.

Чего ради прошу, чтобъ мнѣ позволено было впредь то дѣлать, что я самъ изберу, безъ указу другого; ибо что съ принужденія дѣлается, то худо удается, да и я заподлинно увѣрить не могу, чтобъ то хорошо удалось, за что не по охотѣ примешься.

Оный, де, почтенный Господинъ того же дня говорилъ и о вспоможеніи, которое я ему чинить обѣщался, по силѣ, заключен-

наго съ Сіятельнѣйшимъ Президентомъ, контракта. Какъ я у него спросилъ, какъ онъ разумѣемъ то вспоможеніе и въ какую силу оное толкуетъ, то немедленно отвѣчалъ, что онъ все отправлять будетъ, а мнѣ ничего не останется. Но я вспоможеніе оное взаимное разумѣю. А ежели онъ все дѣлать станетъ, а мнѣ останется честь послушанія, то напередъ видѣть можно, сколь бѣдное состояніе будетъ, когда я принужденъ буду на лицо оное особистое, суровое, угрюмое и на мановенія оныя (quum adspicere cogar vultum illum gravem, severum, tristem, nutusque illos, quibus museum illud geographico-historicum temperaturus est), которыми управлять онъ станетъ Департаментомъ Географическимъ и Историческимъ. А меня онъ тѣмъ жесточае гнать станетъ, чѣмъ лучше получитъ случай къ сочиненію того, котораго онъ нынѣ почитаетъ себѣ за непріятеля и къ явному объявленію, сколь больше онъ властію меня превосходитъ. Прочіе же почитать будутъ меня за равнаго и подобнаго себѣ, который ни чести, ни голосу не имѣетъ, а ежели я что дѣлать имъ прикажу, то они словъ моихъ слушать не будутъ, изъ чего смѣхъ, поношеніе, ссоры и ненависти необходимо произойдутъ. А я контрактомъ не обязался служить своему товарищу и за справедливость не признаю, чтобъ Профессоръ повелѣвалъ Профессоромъ. Я же, буде почтенный Г. Миллеръ принимаетъ меня себѣ за равнаго и товарища, обѣщаюсь и всячески готовъ все то исполнять и дѣлать, что чести моей противно не будетъ, и всѣми силами стараться буду, что онъ тайную вражду, которая между нами имѣется, или, какъ слышно, оная есть, совершенно оставить. Но ежели тако онъ поступитъ, то я всеконечно то, что въ силѣ моей состоитъ, въ дѣйство произвесть постараюся, и ни какая вражда не помѣшаетъ, которая бы меня отъ истиннаго и честнаго пути и отъ должности моей отвратила.

Іоганъ Фишеръ, Профессоръ Исторіи.

Мая 4 дня, 1748 г.

5.

ВЪ КАНЦЕЛЯРІЮ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Доношеніе.

Въ вчерашнемъ Историческомъ Собраніи подалъ Г. Профессоръ Фишеръ нѣкоторое письмо, въ которомъ онъ старался опровергнуть поданное мною, прошедшаго Апрѣля 29 дня, о сочиненіи историческаго и географическаго лексикона Сибири мнѣніе, при чемъ я весьма сожалѣю, что оный Г. Профессоръ о мнѣ думаетъ, будто я честь его повреждать и надъ нимъ команду имѣть намѣренъ, чего у меня никогда въ умѣ не было, какъ всѣ меня знающіе и съ которыми я какъ, приватно, такъ и въ Канцеляріи, о немъ, Г. Профессорѣ, говаривалъ, засвидѣтельствовать могутъ. А понеже Г. Профессоръ Фишеръ съ сердца своего и за многими поносительными на меня словами, на которыя нынѣ отвѣтствовать за излишнее почитаю, самое дѣло почти забылъ и предложенныя отъ меня о намѣренномъ лексиконѣ доказательства отчасти умолчалъ, а отчасти не полные приводилъ, того ради не соизволено ли будетъ мое письмо, въ которомъ я свое мнѣніе предложилъ, ему сообщить, и ежели онъ въ прежнемъ своемъ мнѣніи устоитъ, то требовать у него на всѣ пункты онаго письма полнаго отвѣта. Напротивъ того я прошу, чтобъ его письмо мнѣ сообщено было, дабы я свою невинность отъ его поношенія защитить могъ.

Ger. Fridr. Müller.

Мая 5 дня,
1748 г.

6.

ПИСЬМО ТЕПЛОВА КЪ МИЛЛЕРУ.

Благородный Г. Профессоръ Университета, Ректоръ и Исторіографъ!

Понеже сочиненія Вашего Сибирской Исторіи глава первая производится въ печать, которую велѣно въ Типографіи какъ найскорѣе печатать, а извѣстно Канцеляріи Академіи учинилось, что Вы корректуру исправляете неоднократно и удерживаете у

себя, отъ чего теченіе дѣлъ прерывается и происходитъ остановка, и интересу Ея Императорскаго Величества трата, а опредѣленіями Канцеляріи Академіи Наукъ въ прошломъ 747 г. велѣно печатающіяся книги, или какія піесы, по опробаціи, болѣе одного корректурнаго листа не перемѣнять. И въ слѣдствіе того, и чтобъ остановки въ Типографіи не было, учиненнымъ въ Канцеляріи Академіи, сего Октября 10 дня, опредѣленіемъ велѣно той книги корректуру править Переводчику Голубцову, а Ваше Благородіе отъ корректуры помянутой книги увольняется, о чемъ изволите быть извѣстны.

Вашему Благородію

готовый слуга

Г. Миллеру.

Григорій Тепловъ.

Октября 14 дня,
1748 г.

Этотъ Голубцовъ былъ ужасный пьяница, и за сіе разжалованъ былъ изъ Переводчиковъ въ Копіисты, съ обѣщаніемъ, за всякой разъ, если усмотрѣнъ будетъ пьянъ, наказывать его батоги нещадно.» (Указъ Е. И. В. Имп. А. Н. Профессору Миллеру, отъ 16 Іюня, 1799 г., № 1048.)

7.

УКАЗЪ О НЕПЕЧАТАНІИ ЛѢТОПИСИ ПРИ СИБИРСКОЙ ИСТОРІИ.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской. Изъ С.-Петербург. Канцеляріи Академіи Наукъ Профессору, Университета Ректору и Историографу Миллеру. Понеже сего Іюня 12 дня Указомъ Ея Императорскаго Величества, присланнымъ изъ Главной Канцеляріи Академіи Наукъ объявлено, что Вы требуете, дабы позволено было при печатаніи сочиненія Вашего о Сибирской Исторіи напечатать Лѣтопись Сибирскую и Тобольскую, какая послана была для опробаціи; по прочтеніи же самимъ Г. Президентомъ сей книги усмотрѣно, что хотя по разсужденію Вашему и потребны доказательства къ Вашей Сибирской Исторіи, однако находится при достопамятныхъ вещахъ не малое число во

оной же Лѣтописи лжей, басней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя ни какого имновѣрства не токмо не достойны, но и противны Регламенту Академическому, въ которомъ именно запрещается Академикамъ и Профессорамъ не мѣшаться ни какимъ образомъ въ дѣла, касающіяся до Закона; а хотя же бы что и до Закона не касалося, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и лжи, которыя ни какого основанія не имѣютъ, тѣмъ больше съ здравымъ разсужденіемъ не сходно такую книгу напечатать вмѣсто доказательства подъ именемъ будто бы только древностей и стараго сложенія, ибо ложь не касается до склада, но до самаго дѣла. И по опредѣленію оной Главной Канцеляріи Академіи Наукъ велѣно показанную Лѣтопись, для обявленныхъ и основательныхъ резоновъ, печатаніемъ остановить до того времени, пока оная и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и очищены отъ помянутыхъ непристойныхъ сказокъ, происходящихъ отъ излишняго изувѣрства. Сіе, де, разумѣется не о употребительномъ въ древнія времена складѣ (которымъ, конечно, таковыя книги, для лучшаго удостовѣренія читателю, и напечатать должно), но о матеріи, включенной въ оныхъ книгахъ. Чего ради и Предисловіе къ Сибирской Исторіи, которое Вы, сочинивъ, прислали для опробаціи, перемѣнено, на основаніи вышеписаннаго, вмѣстѣ со обстоятельствами, до Сибирской Исторіи касающимися, которое Предисловіе для напечатанія прислано при томъ Указѣ. Того ради, въ силу онаго Указа, въ С.-Петербургской Канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: присланное Предисловіе, подписанное Его Сіятельства Графа, Академіи Наукъ Г. Президента, рукою, при той Исторіи печатать, а помянутой Лѣтописи въ печать не издавать, а съ вышеписаннаго Предисловія сообщается при семъ точная копія. И Профессору, Университета Ректору и Исторіографу Миллеру, о томъ вѣдать. Іюня 14 дня, 1749 г.

Иванъ Шумахеръ.

Секретарь Петръ Ханинъ.

Подканцеляристъ Василій Худяковъ.

8.

Благородный Г. Профессоръ!

Въ прошломъ 750 г., Октября 6 числа, опредѣленіемъ Его Высокографскаго Сіятельства, Академіи Наукъ Г. Президента, написаны Вы были въ Адъюнкты на годъ, а сего Февраля 21 числа Его жъ Высокографское Сіятельство опредѣлилъ Профессорскій Вашъ чинъ возвратить Вамъ по прежнему, и при томъ приказалъ отъ всѣхъ дѣлъ Васъ уволить, а оставить только при одномъ сочиненіи Сибирской Исторіи, чтобъ оную, какъ найскорѣе, къ совершенному окончанію привесть, и сколько когда Вами оной на Нѣмецкомъ языкѣ сочинено будетъ, оное бъ подавать Вамъ для перевода на Россійскій языкъ при репортахъ въ Канцелярію, и о томъ Ваше Благородіе изволите вѣдать и непремѣнно чинить исполненіе по выше означенному Его Высокографскаго Сіятельства опредѣленію, а о томъ же, о чемъ куда надлежитъ, ордеры посланы.

Вашего Благородія

готовый слуга

Г. Миллеру.

Ив. Шумахеръ.

Февраля 25 дня,
1751 г.

9.

Благородный Г. Профессоръ!

Присланнымъ отъ Его Сіятельства, Академіи Наукъ Президента, Графа К. Г. Разумовскаго, ордеромъ, между прочимъ, повелѣно, чтобъ немедленно секретно сочинить обстоятельное опроверженіе на изданную Делилемъ во Франціи карту о новыхъ изо-

обрѣтеніяхъ на сѣверной сторонѣ Южнаго моря, и на изданное при томъ его изъясненіе; а въ ономъ опроверженіи свѣту показать всѣ нечестныя въ семъ дѣлѣ Делилевы поступки и главныя его карты и изъясненія неисправности, однако, не означивая ихъ точно, дабы онъ самъ прежде времени ими пользоваться не могъ; и при томъ объявить, что въ неукоснительномъ времени отъ Академіи Наукъ изданы быть имѣютъ новыя генеральная и спеціальная карты Россійской Имперіи которыя сочиняются по такимъ новѣйшимъ обсерваціямъ и измѣреніямъ, которыхъ Делиль имѣть не могъ. Для исполненія сего обѣщанія, немедленно приняться за пріуготовленіе всего того, что требуется къ сочиненію той исправнѣйшей генеральной и спеціальной карты Россійской Имперіи, которыя дѣлать въ Географическомъ Департаментѣ, подъ смотрѣніемъ Вашимъ и Г. Профессора Гришова. Ежели же недостастъ какихъ извѣстій къ исправленію всѣхъ недостатковъ прежнихъ картъ, такъ оныхъ требовать изо всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ надѣяться можно. По собраніи всѣхъ потребныхъ извѣстій къ сочиненію новой Россійской генеральной и спеціальной картъ, и по окончаніи Вами Сибирскаго Описанія, сочинить Вамъ къ Россійскому атласу Географическое Описаніе, которое бы въ печати не превосходило одного волумена или, по высокой мѣрѣ, двухъ посредственной величины въ осьмую долю листа, а въ томъ Описаніи, не вступая въ самыя мелкія подробности, которыя отложить до другого времени, упомянуть только о натуральныхъ свойствахъ, преимуществахъ и недостаткахъ каждой страны, и о промыслахъ, и о всякихъ отмѣнныхъ обрядахъ тамошнихъ народовъ, при чемъ наблюдать всячески краткость, но выписывать токмо важнѣйшія обстоятельства, которыя читателя увеселить и наставленію его служить могутъ. По чему въ Канцеляріи Академіи Наукъ опредѣлено: соизволеніе Его Сіятельства Г. Президента, Графа К. Г. Разумовскаго, чрезъ сіе объявить Вамъ и Г. Профессору Гришову, и сообщить Вамъ извѣстія, находящіяся въ Географическомъ Департаментѣ, въ Конференцъ-Архивѣ и въ Библіотекѣ. А дабы показать Вамъ находящіяся географическія извѣстія, о томъ къ Г. Ассессору Тауберту и Архиваріусу Стафенгагену ордеры посланы. Того ради оныя Вамъ разсмотрѣть, довольны ли оныя къ требуемому исправленію, и ежели усмотрѣны будутъ довольными, то немедленно приняться Вамъ за

. . .

дѣло и объявить, что еще Вамъ потребно, и о томъ имѣете быть извѣстны, и Вамъ Его Высокографскаго Сіятельства повелѣнія исполнить.

Вашего Благородія

готовый слуга

Г. Профессору Миллеру.

Ив. Шумахеръ.

Марта 13 дня,
1753 г.

10.

ПИСЬМО МИЛЛЕРА КЪ ГРАФУ РАЗУМОВСКОМУ.

Monseigneur!

Quoique nous nous flattons de voir bientôt arriver Votre Excellence à S.-Pétersbourg, je n'ai pourtant pas voulu manquer à mon devoir de lui faire mon très-humble rapport sur une affaire, que je ne doute pas, que Votre Excellence approuvera, comme visant au bien de la nation et de l'Empire.

Le Senat et le Collége de'Amiranté ayant trouvé, que le Corps des cadets de marine a besoin d'une réforme et entre autre d'une inspection particulière sur l'instruction des cadets, on m'a cru capable de me charger de cette inspection, et c'est pour celà, que j'ai été appellé vendredi passé le 19 de ce mois au Collége de l'Amirauté, on m'en a fait l'offre. On ne prétend pas, que cela soit regarde comme un engagement en forme, ou qu'on venille par la préjudicier à mes occupations dans l'Académie. On m'a prié seulement d'employer pour le bien des cadets le tems, que je pourrois épargner de mes autres affaires. J'ai répondu, qu' en fidel sujet de notre très-gracieuse Souveraine, je me trouvois obligé de servir l'état à tous égards selon mon possible, et qu' ainsi je ne refuserois pas de rendre ce service au Corps des cadets de marine, pourvu dans l'Académie n' en soufrissent

point et comme je ne pouvois pas savoir, si le peu de tems, que j'avois à moi, suffiroit à rendre des services assez importans par rapport à cette inspection, je ne prétendois aussi pour celà aucun salaire, mais que je laissois au Collége de me faire une gratification pour mes peines, lorsqu' on en verroit l'utilité. Celà a été agrée. Cependant on m'a prié d'accepter pour le commencement deux cent roubles par an, ce que je n'ai pas trouvé à propos de refuser.

En vérité, Monseigneur, mes occupations dans l'Académie sont telles, qu'il m'en reste fort peu de tems à moi. Mais comme je suis accoutumé à y employer non seulement le jour, mais aussi une bonne partie de la nuit, et que d'ailleurs je ne frequente presqu' aucune compagnie, je crois en dounant seulement un couple d'heures par jour au Corps des cadets de marine, y faire tant de bien, qu'on s'en reconnoitra dans la suite.

C'est, Monseigneur, l'état de l'affaire, que j'ai cru être de mon devoir de représenter à Votre Excellence. Je vous en demande Votre gracieuse approbation. Le tems doit faire voir, si en m'aquitant de la nouvelle inspection, je manquerai à mes devoirs à l'Académie. Le sçai combien ces occupations me sont cheres, puisq' elles me font honneur dans le monde savant.

J'ai differé, Monseigneur, par modestie, mais peut être mal à propos, de vous informer d'une autre affaire, qui me regarde. Il ne peut pas être indifferent à votre Excellence d'apprendre, que les membres du corps, au quel vous présidé, sont estimés des savans du dehors de l'Empire. Ainsi je dois vous dire, que dans le mois de Fevrier passé l'Académie des Sciences de Stokholm m'a choisi un de ses membres, et que l'Académie des Sciences de Paris m'a envoyé dans le même tems une patente de Correspondant. Ce dernier titre est regardé de la même valeur, comme celui de membre dans d'autres Académies.

En souhaitant à Votre Excellence toutes les prosperités pour le cours de son voyage, je suis avec infiniment de respect et de soumission.

G. F. Müller.

S.-Pétersbourg.
Ce 22 Octobre, 1761 an.

11.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА МИЛЛЕРА КЪ ГРАФУ РАЗУМОВСКОМУ.

Ваше Сіятельство!

Хотя мы льстили себя надеждою скораго Вашего возвращенія въ С.-Петербургъ, я счелъ, однако, своею обязанностію всепокорнѣйше донести Вашему Сіятельству о дѣлѣ, которое заслужитъ Ваше одобреніе, какъ имѣющее въ предметѣ благо народа и Государства.

Сенатъ и Коллегія Адмиралтейства нашли необходимымъ произвести нѣкоторыя преобразованія въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ; они сочли нужнымъ учредить должность особеннаго Инспектора за обученіемъ Кадетовъ, а меня способнымъ къ исполненію обязанностей такой должности; въ силу чего въ прошлую пятницу, 19 числа текущаго мѣсяца, меня призвали въ Коллегію Адмиралтейства и предложили мѣсто Инспектора. На это не смотрятъ, какъ на полное обязательство съ моей стороны, и не желаютъ такимъ назначеніемъ помѣшать моимъ занятіямъ по Академіи. Меня просили только удѣлять, для блага Кадетовъ, тѣ досуги, которые мнѣ предоставятъ другія мои занятія. Я отвѣтилъ, что, въ качествѣ преданнаго подданнаго Нашей Милостивой Государыни, я считаю своею обязанностію служить Государству, по мѣрѣ силъ и возможности, и не откажусь оказать такую услугу Морскому Кадетскому Корпусу, лишь бы только не потерпѣли отъ того мои Академическія занятія; я прибавилъ при томъ, что мнѣ не извѣстно, достаточно ли будетъ моихъ досуговъ для исполненія важной Инспекторской должности, по тому и не требую ни какой за это дѣло платы, а предоставляю на усмотрѣніе самой Коллегіи вопросъ о моемъ вознагражденіи, и лишь тогда, когда она удостовѣрится въ дѣйствительной пользѣ моихъ попеченій. Однако, меня упросили принять, для начала, вознагражденіе, состоящее изъ двухъ сотъ рублей въ годъ; я не счелъ нужнымъ отъ него отказаться.

Дѣйствительно, Ваше Сіятельство, отъ моихъ занятій по Академіи остается у меня очень мало досужнаго времени. Но такъ

какъ я привыкъ посвящать имъ не только дни, но и большую часть ночей, и вообще нигдѣ не бываю въ обществѣ, то предполагаю, что выдѣливъ, для занятій по Морскому Кадетскому Корпусу, два часа въ день, могу принести такую пользу, которая сама скажется послѣ.

Вотъ именно то дѣло, которое я счелъ своею обязанностію представить на усмотрѣніе Вашего Сіятельства, осмѣливаясь испросить на него Вашего милостиваго разрѣшенія. Время покажетъ, на сколько исполненіе обязанностей Инспектора стѣснитъ мои занятія по Академіи. Я знаю, на сколько они для меня дороги: изъ за нихъ я пользуюсь почетомъ въ ученомъ мірѣ.

До сихъ поръ, изъ скромности, я отлагалъ, можетъ быть, весьма не кстати, донести Вашему Сіятельству о дѣлѣ, лично меня касающемся. Можетъ быть, Ваше Сіятельство не совсѣмъ равнодушно узнаетъ, что Члены Общества, въ которомъ Вы предсѣдательствуете, уважаемы учеными чуждыхъ Государствъ. Итакъ я долженъ сказать, что въ прошедшемъ Февралѣ мѣсяцѣ Академія Наукъ въ Стокгольмѣ избрала меня въ число своихъ Членовъ, а Парижская Академія Наукъ въ то же время прислала мнѣ патентъ на званіе Члена-Корреспондента. Такое званіе считается наравнѣ съ Членскимъ въ другихъ Академіяхъ.

Съ искреннимъ желаніемъ всѣхъ благъ въ предстоящемъ Вашемъ путешествіи, честь имѣю быть къ Вашему Сіятельству съ величайшимъ уваженіемъ и покорностію.

Г. Ф. Миллеръ.

С.-Петербургъ.
22 Октября, 1761 года.

ПОПЫТКА

В. Н. КАРАЗИНА БѢЖАТЬ ЗА ГРАНИЦУ.

---

10 Августа, 1798 года, Каразинъ, съ женою и дворовымъ человѣкомъ, пріѣхалъ въ Гродно.

Въ ночь, съ 12 на 13 число, приготовился бѣжать за границу, нашелъ 4 Жидовъ, которые должны были перевезти его черезъ рѣку. Но былъ пойманъ караульными, представленъ Начальству и посаженъ на гауптвахту, а жена «въ особомъ мѣстѣ также подъ карауломъ.» При немъ найдены векселя на 7000 р. и 1421 Гамбургскихъ талеровъ, да наличныхъ золотомъ 100 червонцевъ и серебромъ 100 рублей.

Изъ Гродна Каразинъ написалъ слѣдующее письмо къ Князю Вяземскому:

«Высокопревосходительный Господинъ Рекетмейстеръ,

Милостивѣйшій Государь!

Не имѣю щастія знать, кто Вы; но Богомъ и человѣчествомъ заклинаю Васъ представить присылаемое прошеніе Его Величеству подлинникомъ, въ часъ милости.

Увѣренъ я, что Вы зжалитесь надъ нещастнымъ; увѣренъ, что Вы не захотите подтвердить общаго предубѣжденія противу вельможъ и приворныхъ, и покажете, что есть между ими люди, имѣющіе сердце нѣжное, способное къ участвованію въ судьбѣ ближняго.

Не законовъ боюсь я, которые молчатъ въ семъ случаѣ, ни Государя, которой великодушенъ, но одной медлительности суда, которая, заставивъ невинныхъ, иногда только подозрѣваемыхъ, томиться въ оковахъ цѣлые годы, бываетъ мучительнѣе всякой казни.

Вашъ, по вѣкъ свой благодарнѣшій и покорнѣйшій слуга,

Василій Каразинъ.

P. S. Прошеніе сіе посылается другой разъ; ибо случай, съ которымъ первое, подобное сему, отправлено, былъ сомнителенъ.»

ПИСЬМО КЪ ГОСУДАРЮ.

«Государь!

Угнѣтенная совѣсть нудитъ меня устремиться къ стопамъ Твоимъ съ глубокимъ чувствованіемъ своего преступленія.

Ты зришь во мнѣ, Государь, того дерзкаго, который, въ послѣднихъ числахъ Іюня, безпокоилъ Твой, отверзтый всегда для жалобъ подданныхъ, слухъ прошеніемъ о позволеніи отлучиться въ чужіе краи. Получивъ отказъ, отказъ, умягченный выраженіями самой кротости, вмѣсто того, чтобъ, съ протчими вѣрноподданными, почтить съ благоговѣніемъ важныя причины, заставляющія тебя ограничить входы и исходы Царства Твоего, простеръ я безумную наглость до толикой степени, что покусился, близъ города Ковна, ускользнуть отъ недремлющаго ока блюстителей Твоихъ предѣловъ.

Посрамительное взятіе подъ стражу есть слѣдствіемъ сего. Государь! Жизнь моя была, есть и будетъ въ рукахъ Твоихъ; не смѣю отверзти устъ на оправданіе. Но не вѣритъ мое сердце, чтобы преступленія, гдѣ одно любопытство, одно невинное желаніе быть счастливымъ, служило побудительною причиною, нашли въ Тебѣ мстителя. Иныхъ винъ не знаю я; невозбранный пріѣздъ изъ Губерніи, гдѣ я жилъ, въ столицу, двумѣсячное въ ней пребываніе, безпрепятственное прибытіе чрезъ Псковъ, Ригу и Митаву сюда, пусть будутъ въ томъ свидѣтельствами, и грозы

гнѣва Твоего пусть будутъ готовы карать меня за ложь! Наконецъ хотя бы строгости суда Твоего угодно было приписать мое бѣгство мрачной непріязни къ правленію Твоему, человѣколюбивый Монархъ.., не уже ли милосердіемъ Твоимъ не восхощешь Ты примирить меня съ нимъ? Не уже ли допустишь, чтобъ наказаніе жестокое оправдало въ душѣ моей непріязнь сію?

Прощеніе мое, или и самое позволеніе удалиться, куда пожелаетъ человѣкъ, наказанный уже стыдомъ, раскаяніемъ и потерею неоцѣнимыхъ выгодъ въ отечествѣ своемъ, не можетъ на сердцахъ Твоихъ подданныхъ произвести иныхъ, кромѣ спасительныхъ, впечатлѣній.

Но когда то не возможно, и когда сія неограниченная довѣренность къ милосердію Твоему назваться должна дерзостію, Монархъ, по крайней мѣрѣ позволь мнѣ умолять тебя о повелѣніи представить меня ближе къ мѣсту величественнаго престола Твоего: не одинъ я несу тяжесть заключенія; бременная жена, невинная моя спутница, раздѣляетъ его со мною.

Сократи томленіе нещастныхъ, ужасные часы неизвѣстности и страха, и да не медлительный судъ, но слово Самодержавія, рѣшитъ нашу участь!

Верховный Судія! Милователь!... Безпредѣльный Владыка! Отецъ!... со слезами объемлю колѣна Твои и ожидаю наказанія, мною заслуженнаго, или прощенія, свойственнаго великой душѣ Твоей.

Вѣрноподданный,

Дворянинъ Слободско-Украинской Губерніи,

Василій Каразинъ.»

30 Августа, 1798 г.
Г. Ковно.

Каразина Высочайше повелѣно было доставить съ женою въ Петербургъ.

Здѣсь онъ далъ слѣдующее показаніе:

«Харьковской Дворянинъ Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ отъ роду имѣетъ двадцать пять лѣтъ, родомъ изъ Слободской Украинской Губерніи, гдѣ и получилъ воспитаніе, которое, довершено бывъ въ Петербургѣ, доставило ему самыя лестныя понятія о чужихъ краяхъ. Давно уже имѣлъ намѣреніе провести жизнь свою тамъ, тѣмъ болѣе, что слабое его здоровье и мысли, какія онъ получилъ въ дѣтствѣ своемъ, лишивъ его службы и, слѣдовательно, многихъ выгодъ въ обществѣ, онъ почиталъ невозможностію здѣсь, въ Россіи, излѣчиться и здѣлаться полезнымъ; имѣніе его состояло въ двухъ стахъ съ лишкомъ душахъ, которое онъ, воображая, что ни какого затрудненія не найдетъ получить отъ Государя позволеніе, продалъ. Но когда получилъ онъ отказъ, то отчаяніе вселило въ него намѣреніе выѣхать тайно, а ободряла надежда, что ежели бы онъ и задержанъ былъ, то поступокъ сей по ажется Государю достойнымъ болѣе презрѣнія, нежели наказанія. Поселиться расположенъ онъ былъ въ окрестностяхъ Гамбурга, и тамъ, посреди просвѣщеннаго общества, среди природы, искуствомъ доведенной до завиднаго совершенства, среди лучшихъ способовъ питать свою нравственность, провести нѣсколько лѣтъ, оставшихся ему по его болѣзни.

Имѣніе продано въ Петербургѣ, но распоряженіе къ продажѣ здѣлано было еще въ Украинѣ, то есть, отдано было оно покупщику на откупъ на такихъ условіяхъ, которыя бы могли раззорить меня, естли бы имѣніе осталось за мною; сверхъ того здѣлано съ нимъ обязательство: изъ двадцати девяти тысячь полученныя за имѣніе десять перевелъ покупщикъ на себя, для уплаты въ банкъ, восемь тысячь перевелся онъ платить кредиторамъ, а одиннатцать тысячь Каразинъ, получа наличными, взялъ на оные, съ великою потерею, два векселя отъ Томсона и Компаніи, а одинъ у Рижскихъ банкеровъ Цукербекера и Клейна.

Въ службѣ находился Лейб-гвардіи въ Семеновскомъ полку по спискамъ съ 1785 году, но на лицо никогда. Страсть моя къ наукамъ и родъ философской жизни, какую я вести началъ почти

съ дѣтства моего, наконецъ самое здоровье, отвлекли отъ оной мысли навсегда. Я много разъ имѣлъ случай быть выпущену въ армію, или другимъ образомъ получить чинъ, но я добровольно отказывался отъ него, не взирая на усилія моихъ родственниковъ, и сіе изъ двухъ причинъ: зналъ, что я умру прежде, нежели заслужу оной по достоинству, даромъ же носить отличіе я гнушался; сверхъ того боялся я, что не найду со всѣми возможными отличіями того щастія, которое находилъ у себя въ кабинетѣ, или въ сельской рощѣ своей.

По возшествіи Его Императорскаго Величества вѣроятно выключенъ я изъ полку, но объ етомъ я не освѣдомлялся.

Жена Каразина, именемъ Домна Иванова дочь, родомъ изъ Слободской Украинской же Губерніи, Богодуховской округи, села Кручика; въ супружествѣ живетъ два года и восемь мѣсяцей, отъ роду ей шестнадцать лѣтъ.

Слуга ихъ, Евстафій Сѣренко, изъ подданныхъ. Онъ еще въ Псковѣ получилъ пашепортъ, для возвращенія въ мѣсто его рожденія, но принуждены были его взять съ собою оттуда до Ковна, за невозможностью найти наемнаго человѣка. Отъ границъ расположены были Каразины отослать непремѣнно.

Другихъ намѣреній вредныхъ, или вышней власти противныхъ, онъ, Каразинъ, никогда въ себѣ не питалъ и имѣть не могъ, что подтвердятъ безъ сумнѣнія самыя точнѣйшія выправки.

Живя въ глубокомъ уединеніи, почти все время жизни неимѣлъ онъ ни съ кѣмъ сношенія, что еще болѣе подтверждаетъ его женидьба, въ противность обычаямъ большаго свѣта, на бѣдной воспитанницѣ матери его, подданной, съ которою онъ, не взирая на укоризны родственниковъ его, расположенъ былъ проводить жизнь свою. Воображалъ онъ, что въ отдаленномъ краю самое сіе различіе между состояніями и званіями супруговъ будетъ, между прочимъ (такъ!)... и сіе было одною изъ причинъ, побудившихъ его оставить отечество.

Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ.»

Октября 1-го,
1798 г.

Дѣло Каразина было доложено Государю 4 Октября. «Каразина Высочайше повелѣно опредѣлить въ штатскую службу.»

По этому случаю Генералъ-Прокуроръ Лопухинъ писалъ Государственному Казначею и Главному Медицынской Коллегіи Директору, Барону Васильеву, слѣдующее:

«Милостивый Государь,

Баронъ Алексѣй Ивановичъ!

Государь велѣлъ опредѣлить въ службу Василія Каразина. А какъ объявилъ онъ желаніе быть подъ начальствомъ Вашего Высокопревосходительства, то я, препровожая его при семъ къ Вамъ, покорно прошу его, какъ молодаго человѣка, имѣющаго нѣкоторыя познанія, употребить въ Департаментѣ, по его способности, и принять въ свое покровительство.

Генералъ-Прокуроръ Петръ Лопухинъ.»

Примѣчаніе. Этѣ любопытныя свѣдѣнія о В. Н. Каразинѣ взяты изъ Правительственнаго источника. Онѣ во многомъ не сходятся съ тѣми свѣдѣніями, которыя приводитъ Г. П. Данилевскій въ біографіи своей: «В. Н. Каразинъ,» помѣщенной имъ въ его изданіи: «Украинская старина» (Харьковъ 1766 г., стр. 103—1 4), и которыя взяты имъ изъ «Записки» сына Василія Назарьевича, Ф. В. Каразина. Вѣроятно, онѣ будутъ имѣть ту же самую участь, какую и «Записка Г. Анастасевича о В. Н. Каразинѣ,» напечатанная мною въ «Чтеніяхъ» 1861 г. (кн. 3, отд. V, стр. 192—199) и вызвавшая со стороны Ф. В. упреки въ поддѣлкѣ. Такое незаслуженное подозрѣніе было опровергнуто мною въ «Чтеніяхъ» 1865 г. (кн. 2, отд. V, стр. 196—201). Заподозрившаго приглашалъ я взглянуть на Записку объ его отцѣ. Подозрѣніе же свое Ф. В. Каразинъ высказалъ въ письмѣ къ Г. П. Данилевскому, который, извѣщая его о появленіи Записки Анастасевича въ «Чтеніяхъ,» просилъ опровергнуть нѣкоторые, не совсѣмъ лестные, отзывы въ ней о В. Н., тѣмъ болѣе, что въ Харьковѣ, писалъ онъ, сбираются поставить памятникъ послѣднему, какъ виновнику основанія тамошняго Университета, и даже выйдетъ скоро въ свѣтъ альманахъ съ біографіями замѣчательныхъ Украинскихъ дѣятелей, между прочимъ и В. Н. Каразина, куда войдетъ также Записка Анастасевича. Кн. Н. Н. (женатый на племянницѣ Ф. В. К.), съ вѣдома Ф. В., обнародовалъ его

отвѣтъ Г. Данилевскому въ N. 10-мъ «Современной Лѣтописи» (9-го Мая, 1865 г.), такъ какъ, по его словамъ, «публичная клевета требуетъ и публичнаго опроверженія.» Но письмо Ф. Н. К. къ Г. П. Д. не вполнѣ было тогда напечатано; теперь оно послѣднимъ, въ упомянутой выше его «Украинской старинѣ» (стр. 166—168), приведено далеко въ большемъ объемѣ. Изъ него открывается, что Ф. Н. К., слѣдуя чувствамъ, внушаемымъ ему «священной для него памятью», безъ дальняго ругаетъ составителя Записки объ его отцѣ, величая ее вздоромъ, глупой, а Анастасевича—блюдолизомъ, гнуснымъ клеветникомъ, неблагодарнымъ и т. п. прелестными именами, и заключаетъ свое письмо слѣдующей просьбой къ Г. П. Данилевскому: «Напишите, пожалуйста, Бодянскому, если Вы съ нимъ въ перепискѣ, что надувать такъ народъ Божій грѣшно.» Въ отвѣтъ на эту просьбу, только теперь до меня дошедшую, я, пользуясь случаемъ преданія гласности новыхъ свѣдѣній о В. Н. К., обращаюсь вторительно съ своей къ Ф. В. просьбой: не угодно ли будетъ ему пожаловать ко мнѣ и подвергнуть всевозможному осмотру, столько огорчающую его, Записку Анастасевича, и если онъ разубѣдится въ неосновательности своего подозрѣнія въ ея поддѣлкѣ, не приписывать уже за тѣмъ послѣдней ни кому на свѣтѣ, но вѣдаться потомъ, какъ знаетъ, съ однимъ лишь составителемъ оной. Въ противномъ случаѣ надувательство уже будетъ, по меньшей мѣрѣ, не на сторонѣ Бодянскаго. Я убѣжденъ, что приглашеніе мое дойдетъ до него тѣмъ же путемъ, какимъ дошло къ нему и свѣдѣніе о помѣщеніи Записки въ «Чтеніяхъ». На послѣднія напрасно онъ смотритъ съ такой высоты, которая вовсе не подъ стать ему. Сказавъ, что онъ пріобрѣлъ ихъ у книгопродавца, тѣмъ самымъ даетъ знать, что, по крайности, названіе ихъ ему извѣстно, между тѣмъ, прикидываясь вовсе не вѣдущимъ того, онъ позволяетъ себѣ тѣшиться надъ ними, называя ихъ «какія-то древнія чтенія.» Вѣдь это чистая Брамбеусовщина! Покойный Баронъ (теперь уже не безпокойный), когда противникъ былъ ему не по плечу, обыкновенно прибѣгалъ къ подобнымъ штукамъ, чтобы имѣть на своей сторонѣ хоть охотниковъ до зубоскальства. Но уже кто-то изъ Римлянъ замѣтилъ: «Ars neminem habet osorem, nisi ignorantem.»

О. Б.

ДОПРОСЫ

КОСТЮШКѢ, НѢМЦЕВИЧУ И ПРОЧИМЪ, И ИХЪ ПОКАЗАНІЯ.

1.

En quoi consistait le plan de la révolution en Pologne? et quel but a-t-elle eu? quelles relations avoient les rebelles avec les pays étrangers et principalement avec la France, la Turquie, la Suède et les autres puissances étrangères, ainsi qu'avec l'Autriche et la Prusse? Et en quelle des puissances a-t-on mis plus de confiance? Quels moyens a-t-on employé pour surprendre la religion des Polonois? Qui étoit la principale cause de l'insurrection contre les Russes à Varsovie? Quel parti a-t-on pris pour produire une rebellion dans les États appartenant à la Russie?

2.

Questions à faire à Kosciuszko.

On sait par des informations exactes, qu'après la dissolution de l'armée, qui avoit combattu contre les troupes Impériales, de Russie, qui ont établi la confédération de Targovitza, le prisonnier avant de quitter la Pologne, avoit parcouru différentes provinces, dans l'intention d'y exciter les esprits à l'insurrection? Quels sont les noms des principaux d'entre eux?

Quel est le but du voyage, qu'il avoit entrepris à Léopol et quels sont nommément les amis, qu'il y alloit chercher?

A-t-il fait part à ces amis du projet, qu'il avoit formé de soulever la Pologne? Ont-ils approuvé ce projet et se sont-ils offerts à y prendre part?

En s'arrêtant à Sieniava y a-t il trouvé, le Prince et la Princesse Czartoryski, qui sont les maîtres de cet endroit? Quelles étaient les conversations, qu'il a eues avec ses hôtes? leur a-t-il confié son projet? Quels sont les encouragemens, qu'ils y ont donnés et les secours effectifs, qu'il en a reçus, soit pour commencer son entreprise, soit pour la continuer?

Il est connu par la déposition des autres, que la Princesse Adam Czartoryski avoit offert au prisonnier une de ses filles en mariage, en cas de réussite dans son projet, qu'il avoit depuis ce tems porté sur lui le portrait de cette promise, et qu'en effet il lui a été fourni par la dite Princesse Czartoryski des sommes assez considérables pour exciter et soutenir la révolution? Par la même source on sait, qu' outre une certaine dame Dembinska, Starostine Albromska, qui avança trois cents mille florins en faveur de cette même révolution, il y a eu plusieurs particuliers en Galicie, parmi lesquels on compte la Dame Kossakowska, qui fournirent également de l'argent. On demande au prisonnier de déposer la vérité sur tous ces faits, de même que sur la nature de ses liaisons en Galicie et sur les noms, la qualité et le nombre des adhérens, qu'il s'étoit acquis dans cette province?

Lorsqu'il a rejoint à Leipsig ses compatriotes Potocki, Kollontay, Zabiello, Weissenhoff et d'autres, quelles étoient leurs relations avec la cour de Saxe? Cette cour avoit elle connaissance de leurs plans de révolution, y donnoit-elle son consentement et a-t elle fait quelques offres ou promesses de l'àppuyer?

Qu'est-ce que c'est que le petit Conseil établi à Varsovie, dont le prisonnier parle dans ses dépositions; qui sont nommément les gens qui le composoient, et comment et sous la direction de qui s'est-il érigé?

Dans quel mois Barszcz a-t-il été envoyé à Paris et quelles sont les lettres, plans ou instructions, dont il a été porteur?

Qui fournissoit les fonds d'argent, avec lesquels le prisonnier, n'étant pas riche lui-même, faisoit avant le commencement de la révolution des voyages si éloignés, recevoit et envoyoit des courriers?

Outre Barszcz le prisonnier n'a-t-il pas dépêché dans le courant du mois de Mars dernier des environs de Cracovie un homme de

confiance à lui chargé de dépêches pour le Ministre d'alors en France le nommé Desforges? Quel a été l'objet de cet envoi et le prisonnier a-t-il reçu quelque réponse sur cette expédition?

Quelles étoient les liaisons du prisonnier avec Desforges et Hennin, dont l'un a été ci-devant Ministre en Pologne et qui maintenant se trouve conjointement avec l'autre employé à Constantinople?

Le Roi de Pologne étoit-il instruit du projet et du plan de la révolution? Le prisonnier étoit-il en liaison avec le Castellan Mostowski et le Chambellan Vengierski? avoit-il connoissance des deux écrits, qu'on a trouvés chez eux, lorsqu'ils ont été arrêtés? Ces écrits étoient intitulés, l'un: «Extraits des livres moraux du Grand Good, philosophe indien, donnés pour régle de vie à ses fidèles,» et l'autre: «l'Indien?» Quels sont enfin les auteurs de ces deux écrits?

D'où émanoit l'autorité, dont le prisonnier s'étoit revêtu? Se l'est-il arrogée lui-même, ou est-ce le petit Conseil, qui la lui a conferée?

Que sont devenus les deux Princes Sapieha, l'un Maréchal de la Diète Révolutionnaire pour la Lithuanie, et l'autre Grand-Maître d'artillerie pour la même Province, instituée pour la Diète de Grodno?

Kollontay a-t-il été en effet nommé Primat du Royaume de Pologne et par qui?

Quel est le nom du Sotnik ou officier de Cosaques, qui, pendant le siège de Varsovie, est venu aux postes avancés des Polonois, pour demander à parler à l'officier, qui y commandoit et auquel il avoit remis un écrit, contenant des offres de désertion avec plusieurs de ses camarades à de certaines conditions, et quelles suites a eu cette affaire? On exige là dessus les détails les plus amples et les plus véridiques, le fond de la chose étant constaté par les informations les plus irrécusables?

En quel endroit et dans quelles mains a-t-il laissé la correspondance et les papiers relatifs au commandement suprême, qu'il avoit

exercé dans toutes les parties de l'administration publique durant le tems, qu'il a été à la tête des insurgés?

Le prisonnier est tenu de dire tout ce, qu'il sait relativement aux pourparlers, qui ont eu lieu entre Manstein et Zajonczek, et généralement quelles relations ont eu Luchezini et Manstein avec Ignace Potocki et d'autres personnes de la même trempe?

Il doit faire un récit vrai de la mort du Prince Primat Poniatowski, puisqu'il est connu par les gazettes, qu'il avoit été empoisonné par Kollontay.

Il est obligé de donner une description détaillée sur les liaisons ou les relations, qu'il a eues avec le Comité du Salut public? Car on sait, qu'il lui faisoit espérer, que ce n'est qu'au commencement, qu'il vouloit ménager le clergé et la noblesse; mais que dans la suite son intention étoit de rendre en Pologne les choses sur le même pied, qu'elles sont maintenant en France, qu'il vouloit même faire entrer au service les émigrés, et qu'il avoit enfin espéré de trouver les moyens pour exciter des troubles dans différentes provinces de la Russie et pour attenter à sa flotte de la mer Noire.

3.

Réponses de Kosciuszko.

Je n'ai pas été dans aucune Province de Pologne, car d'après l'ordre donnée à Kozienicé, pour les quartiers d'hiver, aux differents corps de nos trouppes, je me suis rendu à Varsovie, où je suis resté même sans sortir, jusqu'à mon voyage à Leopol, le but de celui a été, de savoir, si cela est vrai, que comme tout le monde parlait et même on trouvoit dans la gazette, que M. Kossakowska m'avait fait une rente de vingt mille florins, j'ai été chez elle, elle m'a parlée, qu'elle a des biens en Pologne, qui lui font 20 mille de rente, par an, et que du St-Jean, qui vient, elle propose de me les céder, je lui ai remercié, et dis, que je me contente de peu de choses, j'ai rendu visite outre le gouverneur et le général, si je me rappelle bien à M. Mniszek, Grabianka, Rzewuski, Mire, mais je n'ai pas parlé à personne de l'insurrection, car moi-même je n'ai pas

parlé alors du tout de faire l'insurection. À Sieniava j'ai trouvé le Prince et la Princesse avec la famille, les conversations ont été générales, et sur l'article de Pologne les uns disoient, que va être partagé, les autres qu'on faira un gouvernement héréditaire, mais je n'ai pas confié à personne du projet de l'insurection, car ni même alors je n'ai pas pensé moi même, d'autant plus que je ne savois pas ce, que deviendra la Pologne, et je n'ai pas reçu d'eux pas un sous, sur aucun prétexte, je leurs parlois, que j'avois à Leopol; la Princesse m'a proposée d'aller avec elle, comme elle partoit bientot, et il y avoit plusieurs personnes pour ce voyage, la Princesse avec ces filles, madame Mire, M. Rzewuski, Szymanowski et moi. Quant au mariage ni le Prince, ni la Princesse ne m'ont jamais offert sur aucune prétexte ou condition, ni même sans condition, une de ces filles, ni même je n'ai pas porté ni son portrait, ni d'aucune femme dans ma vie; non plus que je n'ai pas reçu aucune somme pour exciter, ni pour soutenir une révolution; le Public alors me marioit avec cinq femmes, tantot, avec M-le Zamoyska, avec la fille du Prince Czartoryski, avec M-le Zurowska, avec M-le Zakrewska, etmoi réellement je faisois la cour à Potocka, la veuve, dans l'intention de me marier avec elle. À l'égard de Madame Dembinska, Starostine Albromska, si je me rappelle bien, qu'elle est venu me prier pour qu'on rend l'argent pris par Kollontay du dépôt mis au couvent, appartenant à son cousin, ou du moins la moitié de cet argent, je fis rendre une partie, le dépôt entier monté à trois ou à six mille ducats, je ne m'en souviens pas bien. Madame Kossakowska ne m'a jamais rien donnée, excepté une canne, quand j'ai été à Leopol. Quant à la Galicie, je menagois toujours l'Autriche et je ne voulois donner aucun ombrage de peur d'avoir plus d'ennemis et croyant quelle sera toujours de nos amies, c'est pour cela, que je n'ai pas cherché des adherents, quelques jeunes gens venoient servir comme volontaires, je les ai placés au nombre à peu près de vingts, dans le corps d'husards, pour leurs noms je ne m'en souviens pas. J'ai recommandé au département militaire de chercher par quel moyen de trouver d'acheter en Galicie de draps toiles amunition, mais je ne sais pas des personnes, d'ont il se servit, quant à moi, je n'ai pas eu des liaisons; je me résouviens d'avoir écrit une lettre à M. Dzieduszycki pour me procurer des nouvelles Turques, et s'il ne pouvoit trouver un emprunt de l'argent sur des bijoux, que la trésor en avoit. A'égard de la cour de Saxe, Potocki alloit

souvent se présenter, mais j'ignore, si elle a eu quelque connoissance de l'insurrection, nous n'avons pas cependant reçu ni promesse d'appui, ni consentiment, ni offre, que je sache. Le petit Conseil, que je nomme à Varsovie, comme je voulois, étoit pour avoir une communication entre les trouppes et les habitants, mais j'ignore sous la direction de qui il étoit érigé, et les personnes qui le composoient, excepté Kapostas, lequel y a été, et du Valichnowski, et Jelski, qui m' ont apportés des nouvelles. Je ne me résouviens pas, dans quel mois Barszcz a été parti en France, mais a peu près deux mois avant l'insurrection. Sur l'instruction ou lettres, qu'il avoit, il faut s'adresser à M. Potocki et Kollontay, je sais en gros, qu'ils m'ont dit; c'étoit de nous envoyer de l'argent, d'armes et d'avoir le secours des Turques. Quand j'ai quité le service, j'avois à moi mille ducats, partant de Varsovie Starostine de Mallagocki m'a donnée cinq cent ducats, M. Zamoyska trois cent ou quatre cent, si je me rappelle bien, car tout le monde savoit, que j'ai été pauvre; après Jelski m'a apporté deux cent ou trois cent ducats, et pendant mon séjour à Leipsig, j'ai mangé à la table de Potocki, qui ne me coutoit rien; quant aux courriers, en Pologne c'est eux même qu'ils dépensoient, et quelquefois pour eux Potocki et Kollontay dépensoient. Je n'ai pas envoyé personne ni avant, ni après que Barszcz a parti en France à Desforges de Cracovie, mais je ne sais pas pour sûr pour Potocki et Kollontay, quand ils sont arrivés à Cracovie, je ne me resouviens pas cependant, qu'ils m'ont dit quelque chose sur cela. Quant à M. Desforges, je l'ai vu une fois à Varsovie; il m'a proposé d'entrer au service françois, je ne l'ai pas accepté, n'ayant aucune liaison avec lui. Je ne sais pour sûr, si le Roi de Pologne étoit instruit du projet et du plan de l'insurrection; ceux qui se sont trouvé dans le petit Conseil de Varsovie, sauront mieux ceci que moi; je ne lui ai écrit, qu'à la blocade de Varsovie et sur des choses très particulières.

Je connois Mostowski, je l'ai quité à Varsovie, pour M. Wengierski, je ne le connois pas du tout. À l'égard de l'extrait des livres «Moraux du Grand Gohod,» et l'autre «l'Indienne», je ne sais non seulement les auteurs, mais pas même les sujets, qui traite ces livres. Quant à mon titre, j'étois revêtu à Cracovie par les habitants et les trouppes, mais le plan a été donné par Potocki et Kollontay, pour empêcher d'autres parties de se former contraires à l'intérêt de la nation, et pour avoir l'en-

semble. Sapieha, Maréchal ancien, a été chez moi; quant je suis sorti de Cracovie, je lui ai donné un brevet du Général-Major; il a été en Lituanie, après il est revenu à Varsovie, je l'ai quité malade. De l'autre Grand-Maître de l'artillerie, je ne sais ce, qu'il est devenu, après que Mokranowski a pris le commandement en Lithuanie. Kollontay n'a pas été nommé Primat ni par moi, car cela ne m'appartenoit pas, ni par d'autres personnes, que je sache. Je ne m'en souviens pas du nom de Sotnik, mais le Colonel Burzynski et la Vice-Brygadiers Rzewuski sauront, car cela étoit arrivé devant leurs postes, l'écrit contenoit, si je me rappelle bien, sur les offres des grades, et une demande, si cela est vrai, qu'il y a une révolte chez eux près de Don: pour ce, qui regarde des grades, je les ai offert, mais quand à la seconde question, je lui fis répondre, que je ne savois pas, et craignant, qu'on ne débauche pas nos trouppes, ou qu'ils fassent pas un prétexte pour savoir nos endroits faibles et forts, je fis cesser toute communication, sous peine rigide, sans ma connoissance, et je n'ai plus entendu parler de ce Sotnik. Une partie de mes papiers, ce qui regarde le Civil, étoient chez Kollontay, après qu'il est parti, ils étoient dans ma Chancellerie, avec les autres papiers Militaires; d'après ma captivité, je ne sais ce, qu'ils sont devenues. Pour parler Manstein avec Zajonczek, a été, si je me souviens bien, que le premier a dit, s'il n'y a pas quelque accommodement à faire, l'autre a répondu, il faut nous rendre les provinces et après nous verrons les proposition; après la conversation est tombée sur la reddition de Varsovie. Zajonczek a repondu, qu'il faut nous battre pour cela; toute la conversation a été imprimé, on peut l'avoir; car pour moi, je ne me rappelle pas toute entière ni des mots, ni des frases, dont ils se sont servis. À l'égard de la conversation de Manstein avec Luchezini et avec Potocki, il n'a pas été, car Potocki m'auroit dit quelque chose. Il avoit une lettre écrite du Roi de Prusse au Roi, et du Général Szverin au Commendant de Varsovie, mais tout cela a été imprimé. Quant à la mort du Prince, s'il a été empoisoné, ou non et par qui, je ne sais pas du tout, j'ai été trop loin de Varsovie, occupé de nos trouppes, pour savoir des nouvelles. J'ai déjà dis avant, qu'étant à Paris, je n'ai pas parlé qu' avec le Ministre Le Brun; je n' ai pas vu le Comité du Salut Public, ni j'ai tenu aucun des cours à l' égard du clergé et de la noblesse, pour faire la même chose, qu'en France, ou des promesses à aucun; émigrés pour les faire entrer en

notre service, la preuve est que nous n'avons pas eu pas un à notre service. Ne connaissant aucun moyen pour exciter des troubles dans les provinces de la Russie et pour attenter à sa flotte de la Mer Noire, je n'ai pas pu prommetre, ni même envoyer personne. Je me resouviens, qu' avant pour parler de Manstein avec Zayonczek à la blocade de Varsovie, Major Lipinski a été fait prisonnier par les Prussienes, et que nous l'avons soupsone d'être prit volontairement. Quelques jours après il a deserté chez nous sur le champ, je l'ai fis arrêté avec défence, que personne ne parle pas avec lui, et je voulois le renvoyer au Prussienes le lendemain, mais la canonnade vive m'a empêché, après la quelle il a été redemandé par le Général Szverin, je le fis renvoyer. Celui-ci en partant, vouloit absolument parler avec moi sur une chose de grande conséquence; pour parler donc avec lui, j'ai choisi Zajonczek et Kniazievicz; il leurs dit, qu'il est chargé de nous dire, que si nous voulions entrer au service du Roi de Prusse, toutes nos grades seront retenu avec une récompence. Voila à peu près la conversation, mais pour savoir au juste, le Général Kniazievicz, fait prisonier avec moi, le dira.

Th. Kosciuszko.

4.

Question.

Selon les nouvelles, qu'on a reçues de Varsovie, trois couronnes des Rois de Pologne, Casimir, Sobieski et du dernier Roi, qu'on a gardées à Cracovie, ont été prises et apportées de là par Kosciusko à Varsovie. Il est donc tenu de dire, pourquoi les a-t-on transportées de leur première place à Varsovie, et où sont-elles à présent?

5.

Réponse.

Je ne sais pas, si les couronnes étoient à Varsovie, et qui les avoit emporté et c'est pour la première fois, que j'entend parler.

Th. Kosciuzko.

ПЕРЕВОДЪ НА РУССКІЙ.

1.

Въ чемъ состоялъ планъ Польской революціи? Къ какой клонилась она цѣли? Какія сношенія имѣли мятежники съ заграничными Государствами, въ особенности съ Франціею, Турціею, Швеціею и другими иностранными Державами? Какія съ Австріею и Пруссіею? Которой изъ Державъ болѣе довѣряли? Къ какимъ средствамъ прибѣгли, чтобы завлечь Поляковъ? Кто былъ главной причиной мятежа противъ Русскихъ въ Варшавѣ? На что рѣшились въ виду произвести возмущеніе въ земляхъ, принадлежащихъ Россіи?

2.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ КОСТЮШКѢ.

Извѣстно, въ слѣдствіе точныхъ дознаній, что послѣ разсѣянія арміи, которая сражалась съ Русскими Императорскими войсками, установившими Конфедерацію въ Торговицѣ, плѣнникъ, до выхода изъ Польши, посѣтилъ нѣсколько областей, съ намѣреніемъ приготовить умы къ возмущенію. Необходимо знать имена главныхъ вожатыхъ?

Какую цѣль имѣлъ онъ въ виду, во время предпринятаго имъ путешествія въ Львовъ, и какихъ именно друзей онъ тамъ искалъ?

Передалъ ли онъ имъ о задуманномъ планѣ возмущенія Польши, и согласились ли они принять въ немъ участіе?

Въ бытность плѣнника въ Сенявѣ, засталъ ли онъ тамъ Князя и Княгиню Черторыйскихъ, какъ владѣтелей тамошней мѣстности? Какіе велъ онъ разговоры съ своими хозяевами? Передалъ ли онъ имъ о своемъ намѣреніи? Чѣмъ старались они одобрить его дѣло, и какую дѣйствительную помощь ему оказали для начала и для продолженія его предпріятія?

Извѣстно, по показаніямъ другихъ плѣнниковъ, что Княгиня Черторыйская предложила плѣннику руку одной изъ своихъ дочерей, въ случаѣ удачи его намѣренія; извѣстно,

что съ того времени онъ носилъ при себѣ портретъ своей невѣсты; дознано также, что Княгиня Черторыйская дѣйствительно предложила ему довольно значительныя денежныя суммы для начала и поддержанія возмущенія. Тѣмъ же путемъ дознано, что, кромѣ одной Госпожи Дембинской, Старостины Альбромской, которая предложила триста тысячъ флориновъ въ пользу возмущенія, было еще нѣсколько частныхъ лицъ въ Галиціи, между прочимъ Госпожа Косаковская, которыя также ссудили плѣнника деньгами. Требуютъ отъ него полнаго признанія во всемъ выше приведенномъ; также желаютъ знать, какія были у него связи въ Галиціи? Требуется знать имена, званіе и число сообщниковъ, которыхъ плѣнникъ пріобрѣлъ въ Галиціи?

Когда онъ соединился съ своими соотечественниками, Потоцкимъ, Колонтаемъ, Забѣломъ, Вейсенгофомъ и другими, какія были у нихъ сношенія съ Дворомъ Саксонскимъ? Дворъ Саксонскій зналъ ли объ ихъ планѣ возмущенія, далъ ли на него свое согласіе, и какія сдѣлалъ предложенія, или обѣщанія, для поддержанія возмущенія?

Какое имѣетъ значеніе Малый Совѣтъ, учрежденный въ Варшавѣ, о которомъ плѣнникъ говоритъ въ своихъ показаніяхъ? Изъ кого именно онъ состоялъ? Какимъ образомъ и подъ чьимъ вѣдѣніемъ былъ онъ учрежденъ?

Въ которомъ мѣсяцѣ Барщъ посланъ былъ въ Парижъ, какія письма, планы, и инструкціи были ему поручены?

Кто снабжалъ плѣнника деньгами, съ помощію которыхъ, будучи самъ человѣкомъ небогатымъ, могъ путешествовать такъ далеко еще до начала революціи, посылать и получать курьерскія извѣстія?

Не посылалъ ли еще плѣнникъ въ теченіе послѣдняго Марта мѣсяца, кромѣ Барща, еще одно довѣренное лицо изъ окрестностей Кракова, и не поручалъ ли ему депешъ для тогдашняго Министра Французскаго Деформа? Какая была причина этого посланія и получилъ ли плѣнникъ какой ни будь отвѣтъ?

Какія были сношенія плѣнника съ Деформомъ и Гениномъ, изъ которыхъ первый былъ недавно Министромъ въ Польшѣ, а те-

перь находится, вмѣстѣ съ другимъ, Повѣреннымъ въ Константинополѣ?

Король Польскій зналъ ли о проектѣ и о планѣ революціи? Плѣнникъ имѣлъ ли сообщенія съ Каштеляномъ Мостовскимъ и Камергеромъ Венгерскимъ? Зналъ ли онъ о содержаніи бумагъ, найденныхъ у нихъ при арестѣ? Бумаги этѣ не носили ли слѣдующаго названія: «Извлеченія изъ нравственныхъ сочиненій Великаго Гуда, философа Индійскаго, служащія правилами жизни для его послѣдователей,» а другія подъ названіемъ: «Индіецъ»? Кто, наконецъ, авторъ такихъ сочиненій?

Кѣмъ даны были права, которыми пользовался плѣнникъ? Самъ ли онъ присвоилъ ихъ себѣ, или даны ему они были Малымъ Совѣтомъ?

Что сталось съ двумя Князьями Сапѣгами, изъ коихъ одинъ былъ Маршаломъ революціоннаго Сейма для Литвы, а другой Главнымъ Начальникомъ артиллеріи той же области, назначенный и для Гродненскаго Сейма?

Колонтай былъ ли дѣйствительно назначенъ Примасомъ Королевства Польскаго, и кѣмъ былъ опредѣленъ въ эту должность?

Какъ назывался Сотникъ или Казацкій Офицеръ, который, во время осады Варшавы, подошелъ къ передовымъ постамъ Поляковъ, для переговоровъ съ Офицеромъ, который ими командовалъ, передалъ ему бумагу, въ которой предлагалъ перебѣжать къ Полякамъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, но съ извѣстными условіями? Какія были послѣдствія этого дѣла? Требуютъ самыхъ подробныхъ и правдивыхъ показаній, такъ какъ сущность этого дѣла дознана по самымъ точнымъ справкамъ.

Въ какомъ мѣстѣ и въ чьихъ рукахъ плѣнникъ оставилъ переписку и бумаги, относящіяся къ главному начальству, которое было ему ввѣрено по всѣмъ отраслямъ общественнаго правленія, въ бытность его во главѣ мятежниковъ?

Плѣнникъ обязанъ сказать все, что ему извѣстно о переговорахъ, бывшихъ между Манштейномъ и Заѣнчкомъ, вообще о

сношеніяхъ Лукезини и Манштейна съ Игнатіемъ Потоцкимъ и другими лицами того же рода?

Онъ обязанъ правдиво разсказать о смерти Князя Примаса Понятовскаго, такъ какъ извѣстно по газетамъ, что его отравилъ Колонтай.

Онъ обязанъ подробно описать сношенія и связи, которыя у него были съ Комитетомъ Общественной Безопасности.

Извѣстно, что плѣнникъ обнадежилъ Комитетъ въ томъ, что только сначала будетъ покровительствовать Духовенству и Дворянству, но что со временемъ намѣренъ поставить Польшу въ то положеніе, въ которомъ находится теперь Франція; онъ хотѣлъ даже принять въ службу эмигрантовъ; наконецъ, онъ надѣялся найти средства произвести возмущеніе въ различныхъ областяхъ Россіи, и даже посягнуть на Черноморскій флотъ.

3.

ОТВѢТЫ КОСТЮШКИ.

Я не былъ не въ какой области Польской, по тому что, по приказанію, данному въ Козеницѣ на счетъ зимнихъ квартиръ различныхъ корпусовъ нашихъ войскъ, я долженъ былъ отправиться въ Варшаву, и оставался тамъ безвыѣздно до самаго моего путешествія въ Львовъ. Цѣль послѣдняго было желаніе узнать, правду ли говорили, и даже печатали, въ газетахъ, что будто Г-жа Косаковская подарила мнѣ двадцать тысячь флориновъ ежегоднаго дохода? Я былъ у Г-жи Косаковской, и она мнѣ сказала, что имѣетъ помѣстья въ Польшѣ, которыя приносятъ ей 20,000 флориновъ ежегоднаго дохода, и что она согласна мнѣ ихъ уступить съ наступающаго Иванова дня; я ее поблагодарилъ и отвѣтилъ, что довольствуюсь малымъ. Потомъ я былъ у Губернатора, у Генерала и, если не ошибаюсь, у Г-дъ Мнишка, Грабянки, Ржевускаго, Мира, но я никому не говорилъ о предполагаемомъ возмущеніи, по тому что вовсе о немъ тогда не думалъ. Въ Сенявѣ я засталъ Князя и Княгиню со всѣмъ ихъ семействомъ; разговоры наши касались всего вообще; въ отношеніи же Польши иные говорили, что ее скоро раздѣлятъ, другіе же, что правленіе сдѣлается наслѣдственнымъ; но я никому не говорилъ о возмущеніи, по тому что не думалъ

тогда объ этомъ, тѣмъ болѣе, что не зналъ, что станется съ Польшею; я не получилъ отъ нихъ ни какихъ денегъ, ни подъ какимъ предлогомъ; я сказалъ имъ только, что отправляюсь въ Львовъ. Княгиня предложила мнѣ ѣхать съ нею вмѣстѣ, по тому что она сама собиралась туда ѣхать; нѣсколько лицъ готовились къ отъѣзду, Княгиня съ дочерьми, Г-жа Мире, Г-нъ Ржевускій, Шямановскій и я. Что касается до предполагаемаго брака, ни Князь, ни Княгиня никогда мнѣ не предлагали подъ какимъ ни есть предлогомъ, съ условіемъ, или безъ условій, руки которой ни будь изъ своихъ дочерей; никогда не имѣлъ я портрета не только дочери Черторыйскаго, но даже какой бы то ни было женщины; я не получалъ также ни какихъ денегъ, для возбужденія, или поддержанія, мятежа. Правда, въ общественномъ мнѣніи тогда шла молва о предполагаемой моей женитьбѣ, по меньшей мѣрѣ, съ пятью женщинами: съ Замойской, съ дочерью Князя Черторыйскаго, съ дѣвицей Зуровской, съ Закревской, а я дѣйствительно ухаживалъ тогда за вдовою Потоцкаго, съ намѣреніемъ на ней жениться.

Что касается до Г-жи Дембинской, Старостины Альбромской, то, если не ошибаюсь, она просила меня похлопотать о возвращеніи денегъ, взятыхъ Колонтаемъ изъ монастыря, гдѣ онѣ хранились; деньги принадлежали ея двоюродному брату; она желала получить, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, половину, что я и сдѣлалъ; вся сумма состояла изъ трехъ, или шести, тысячъ червонцевъ насколько могу, впрочемъ, припомнить. Г-жа Косаковская никогда ничего мнѣ не дарила, кромѣ трости, въ бытность мою въ Львовѣ. Что касается до Галиціи, я всячески старался щадить Австрію, и не хотѣлъ дать повода къ подозрѣніямъ, изъ страха нажить себѣ еще враговъ; я вполнѣ вѣрилъ, что она всегда будетъ нашей союзницей, по тому-то я и не хлопоталъ о сообщникахъ. Нѣсколько молодыхъ людей вступили въ службу добровольно, было ихъ не болѣе двадцати, и я помѣстилъ ихъ въ гусарскій корпусъ, но именъ ихъ я не помню. Я совѣтовалъ Военному Департаменту найти средство запастись въ Галиціи сукномъ, полотномъ и военными припасами, но я не знаю, кому поручено было это дѣло; я же ни какихъ не имѣлъ тамъ сношеній; помню я только, что написалъ письмо къ Г-ну Дзѣдушицкому, съ желаніемъ узнать коечто о Туркахъ, и съ просьбою найти денегъ подъ залогъ драгоцѣнныхъ казенныхъ вещей. О Сак-

сонскомъ Дворѣ могу сказать, что Потоцкая часто туда являлась, но не знаю, зналъ ли онъ о возмущеніи, и намъ не дѣлали. на сколько это мнѣ извѣстно, ни какихъ обѣщаній, предложеній, не изъявили ни какого согласія. Называемый мною Малый Совѣтъ въ Варшавѣ, по моему желанію, служилъ средствомъ сообщенія между войскомъ и жителями города, но мнѣ не извѣстно, подъ чьимъ вѣдѣніемъ онъ учредился и кто были члены Совѣта, развѣ только Капостасъ, который тамъ учавствовалъ, еще Валихновскій, Ельскій, которые мнѣ иногда передавали разныя вѣсти. Я не помню, въ какомъ мѣсяцѣ Барщъ отправился во Францію, кажется, мѣсяца за два до возмущенія; на счетъ его инструкцій и писемъ слѣдуетъ обратиться къ Потоцкому и Колонтаю; я знаю только, что они сказали мнѣ вообще, что пришлютъ намъ денегъ, оружія и обѣщаютъ помощь со стороны Турокъ. Когда я вышелъ изъ службы, у меня было тысяча червонцевъ; при моемъ отъѣздѣ изъ Варшавы Старостина Малагоцкая дала мнѣ пять сотъ червонцевъ, Г-жа Замойская триста, или четыреста, на сколько помню; всѣ знали, что я былъ бѣденъ; позже Ельскій принесъ мнѣ двѣсти, или триста, червонцевъ. Въ бытность мою въ Лейпцигѣ я обѣдалъ у Потоцкаго, а это мнѣ ничего не стоило; что касается до курьеровъ, то послѣдніе сами тратились на это дѣло въ Польшѣ; случалось, однако, что Потоцкій и Колонтай брали траты на себя. Я никого не посылалъ изъ Кракова къ Деформу ни до отъѣзда Барща во Францію, ни послѣ того; но не могу навѣрное сказать того же о Потоцкомъ и Колонтаѣ, въ бытность ихъ въ Краковѣ; даже я не помню, говорили ли они мнѣ объ этомъ. Г-на Деформъ я видѣлъ всего одинъ разъ въ Варшавѣ: онъ предложилъ мнѣ вступить въ службу во Франціи, но я отказался отъ этого, такъ какъ ни какихъ не имѣлъ съ Деформемъ связей. Я не знаю, зналъ ли Польскій Король о проектѣ и планѣ возмущенія; лица, которыя находились въ Маломъ Варшавскомъ Совѣтѣ, должны знать объ этомъ лучше; я писалъ Королю только во время осады Варшавы о дѣлахъ совершенно постороннихъ.

Я знакомъ съ Мостовскимъ, и разстался съ нимъ въ Варшавѣ, но Венгерскаго я совершенно не знаю; что до «Извлеченія изъ нравственныхъ сочиненій Великаго Гуда» и «Индійца», я не только не знаю автора такихъ сочиненій, но и совершенно незна-

комъ съ ихъ содержаніемъ. Титулъ свой я получилъ отъ жителей Кракова и войска, планъ возмущенія былъ составленъ Потоцкимъ и Колонтаемъ, чтобы помѣшать образованію другихъ партій, несогласныхъ съ интересами народа, и дѣйствовать сообща. Сапѣга, старинный Маршалъ, былъ у меня; когда я выступилъ изъ Кракова, то произвелъ его въ Генералъ-Маіоры; онъ былъ въ Литвѣ, потомъ вернулся въ Варшаву; когда я разстался съ нимъ, онъ былъ болѣнъ. Что сталось съ другимъ, Главнымъ Начальникомъ артиллеріи, я рѣшительно не знаю послѣ того, какъ Мокрановскій назначенъ былъ Начальникомъ въ Литвѣ. Колонтай не былъ назначенъ мною Примасомъ, по тому что это не было въ моей власти, да и на сколько то мнѣ извѣстно, онъ не былъ назначаемъ въ эту должность и другими.

Я не помню имени Сотника, но Полковникъ Буржинскій и Вице-Бригадиръ Ржевускій должны его знать, потому что это случилось съ постомъ, которымъ они командовали; на сколько помню, въ бумагѣ просились чины и предлагался вопросъ о томъ, правда ли, будто у Казаковъ возмущеніе на Дону? Что касается до чиновъ, то я ихъ предлагалъ, но на второй вопросъ я велѣлъ ему отвѣтить, что ни чего не зналъ, изъ боязни, чтобы не стали сманивать нашихъ солдатъ, и не явились бы, подъ предлогомъ переговоровъ, вызнать наши слабыя мѣста, а по тому велѣлъ прервать всякія сношенія, подъ строгимъ наказаніемъ, преслѣдуя говорящихъ безъ моего вѣдома; съ тѣхъ поръ я не слыхалъ болѣе о Сотникѣ. Часть тѣхъ моихъ бумагъ, которыя касались гражданскаго вѣдомства, находилась у Колонтая; послѣ его отъѣзда онѣ были въ моей Канцеляріи, съ другими военными бумагами, но по случаю моего плѣна я не знаю, что съ ними сталось. На счетъ разговора Манштейна съ Заёнчкомъ, содержаніе его было, на сколько помню, такое: первый спросилъ, нѣтъ ли возможности сдѣлать какое соглашеніе? другой отвѣтилъ, что прежде слѣдуетъ вернуть наши области и потомъ уже посмотрѣть, каковы предложенія; потомъ разговоръ зашелъ о сдачѣ Варшавы: Заёнчекъ сказалъ тогда, что слѣдуетъ сражаться; вообще весь разговоръ былъ напечатанъ, и его можно достать, а я рѣшительно не помню ни словъ, ни выраженій, ими употребленныхъ. Относительно разговора Манштей-

на съ Лукезини и Потоцкимъ, предполагаю, что его не было; иначе мнѣ Потоцкій что ни будь сказалъ бы о немъ. У него было одно письмо отъ Короля Прусскаго къ Королю, другое отъ Генерала Шверина къ Варшавскому Коменданту (Циховскому?), но и это все было напечатано. Касательно смерти Князя (Примаса?), я ничего не знаю, былъ ли онъ отравленъ, или нѣтъ; я слишкомъ былъ тогда далекъ отъ Варшавы, занятъ нашими войсками, и мнѣ было не до новостей. Я выше уже сказалъ, что, въ бытность мою въ Парижѣ, разговаривалъ я только съ Министромъ Лебрёномъ, но не имѣлъ сношеній съ Комитетомъ Общественной Безопасности; никогда ни чего не говорилъ на счетъ Духовенства и Дворянства, съ намѣреніемъ сдѣлать въ Польшѣ то же, что было во Франціи; никогда не обѣщалъ эмигрантамъ принять ихъ въ службу; доказательствомъ тому можетъ быть то, что ни одного эмигранта не было въ нашемъ войскѣ. Мнѣ не извѣстны были ни средства произвести возмущеніе въ Русскихъ областяхъ, ни возможность посягнуть на Черноморскій флотъ, по тому я не могъ ни чего обѣщать и не имѣлъ нужды кого ни будь посылать съ порученіемъ. Вспоминаю я еще, что до разговора Манштейна съ Заёнчкомъ, во время осады Варшавы, Маіоръ Липинскій былъ взятъ въ плѣнъ Пруссаками, и мы подозрѣвали, что онъ отдался въ плѣнъ намѣренно, тѣмъ болѣе, что онъ перешелъ къ намъ нѣсколько дней спустя; я тотчасъ велѣлъ его взять подъ стражу и запретилъ съ нимъ говорить кому бы то ни было; я хотѣлъ на слѣдующій день немедленно отослать его къ Пруссакамъ, но сильная перестрѣлка помѣшала мнѣ въ этомъ; послѣ перестрѣлки Генералъ Шверинъ потребовалъ его возвращенія, и я отослалъ къ нему Маіора. Отправляясь, онъ непремѣнно хотѣлъ переговорить со мною о весьма важномъ дѣлѣ; я поручилъ Заёнчку и Княжевичу поговорить съ нимъ; тогда онъ сказалъ имъ, что ему поручено передать намъ: въ случаѣ, если мы пожелаемъ перейти въ службу къ Королю Прусскому, то вступимъ тѣми же чинами и получимъ еще награду. Вотъ въ чемъ вообще состоялъ разговоръ. Чтобы узнать это дѣло повѣрнѣе, можно разспросить Генерала Княжевича, который также, какъ и я, въ плѣну: онъ вѣроятно отвѣтитъ.

Ѳ. Костюшко.

4.

ВОПРОСЪ.

Судя по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Варшавы, три короны Польскихъ Королей: Казимира, Собіескаго и послѣдняго Короля, которыя находились всегда въ Краковѣ, взяты были оттуда Костюшкой и привезены имъ въ Варшаву. Онъ обязанъ сказать, почему перенесли ихъ изъ прежняго мѣста въ Варшаву, и гдѣ находятся онѣ теперь?

5.

ОТВѢТЪ.

Я не знаю, были ли короны въ Варшавѣ; мнѣ не извѣстно также, кто ихъ туда перенесъ; я впервые объ этомъ слышу.

Ѳ. Костюшко.

ПИСЬМО

Варшавскаго Коменданта, Орловскаго, къ Костюшкѣ, вскорѣ по взятіи Варшавы.

Traduction de la lettre de Mr. Orlowski à M. Kosciuszko en date de Varsovie le 1/12 Novembre 1794.

Mon ami!

C'est avec la plus vive satisfaction, que je saisis pour vous écrire, l'occasion que me fournit le départ du Baron de Bühler, homme respectable à tous égards et mon ami. Je crois, que cela même vous donnera la meilleure opinion de lui. Je vous écris par son canal uniquement dans le dessein de m'informer de l'état de votre santé, qui m'alarme d'autant plus, que je sais, que vos blessures mêmes l'avoient mise en danger.

Prague vient d'être enlevé d'un seul coup, Varsovie est prise; quant aux débris de nos troupes, non seulement la force supérieure du vainqueur, mais la disette même leur arrache les armes des mains. C'est ici que finissent toutes nos affaires.

Recevez cette triste nouvelle avec cétte fermeté d'âme, qui vous est naturelle; il n'y a rien de stable dans ce monde, les Etats, comme les hommes, ont des bornes fixes de leur existence. Dans ce désastre doit vous consoler au moins la générosité et la douceur, avec laquelle le vainqueur agit autant qu'il peut à l'égard des vaincus; et s'il continue à en user toujours de même, vous verrez encore, que notre nation, du caractère que vous la connaissez, se liera le plus étroitement avec lui.

Mon ami! Si vous voulez me faire savoir l'état de votre santé, adressez vous toujours au Baron de Bühler. C'est un homme plein d'humanité et de sentiments, qui m'ont inspiré depuis longtemps la plus grande estime et de l'amitié pour sa personne. C'est lui, qui me fera parvenir sans faute votre lettre.

Votre situation et votre destinée sont vraiment tristes, mais soyez persuadé, que tout le monde vous estime, les ennemis mêmes vous considérent, tous respirent des sentiments d'humanité, vous ne devez donc vous attendre qu'à des sentiments de compassion à votre égard. Considérez de quelle douceur je jouis actuellement. La politesse et les bons procédés, que j'ai observés ici en qualité de Commandant à l'égard des prisonniers Russes, qui ne s'opposaient en rien à mes devoirs, mais que la seule humanité excitoit en moi, me procuroient la plus grande satisfaction, lors même que je trouvois l'occasion de rendre à quelqu'un d'eux quelque service, qui ne me coutoit rien, sachant bien, que la moindre chose, que je pouvois faire alors pour adoucir leur triste situation, ne pouvoit être reçue qu'avec sensibilité. C'est ce, que je regardois comme ma plus grande récompense. Mais actuellement, qu'ils sont tous libres, la reconnoissance, qu'ils me témoignent, me fait rougir et attendrit mon coeur, ce que le votre peut bien concevoir.

Ayez donc l'espérance, que cette nation sensible, qui connoit bien tout le poids de votre malheur, aura pitié de vous, car vous n'avez pas été brigand, ni dévastateur. C'est la nation et les troupes, qui vous ont mis à leur tête; la nation avoit même mis toute sa confiance en vous; si vous êtes coupable, toute la nation en corps devroit expier votre faute. Quant à moi, soyez persuadé, que jusqu'au dernier souffle de ma vie je ne cesserai d'être votre ami.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА ОРЛОВСКАГО КЪ КОСТЮШКѢ, ОТЪ $^{1}/_{12}$ НОЯБРЯ, 1794 ГОДА.

Другъ мой!

Съ величайшемъ удовольствіемъ пишу Вамъ, пользуясь отъѣздомъ Барона Бюлера, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго уваженія и къ тому же моего друга, что послѣднее

вполнѣ расположитъ Васъ къ нему. Я пишу Вамъ чрезъ его посредство единственно съ цѣлью освѣдомиться о Вашемъ здоровьѣ, о которомъ я сильно безпокоюсь, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно до чего полученныя раны подвергли жизнь Вашу опасности.

Прага взята однимъ приступомъ, Варшава тоже; что касается до остатковъ нашихъ войскъ, то превосходство силъ побѣдителей и недостатокъ припасовъ буквально принуждаютъ ихъ положить оружіе. Съ этѣмъ оканчиваются всѣ наши дѣла.

Примите такое печальное извѣстіе съ тою твердостію духа, которая Вамъ свойственна; ничего нѣтъ прочнаго на землѣ: и Государства и люди ограничены въ предѣлахъ своего существованія. Въ такомъ бѣдствіи Васъ могутъ, однако, утѣшить великодушіе и умѣренность побѣдителей въ отношеніи побѣжденныхъ: если они будутъ всегда поступать такимъ образомъ, Вы увидите, что нашъ народъ, судя по его характеру, крѣпко привяжется къ побѣдителямъ.

Другъ мой! Если Вы хотите извѣстить меня о своемъ здоровьи, адресуйтесь всегда къ Барону Бюлеру. Человѣкъ онъ гуманный и чувствительный, по чему я ощущаю къ нему величайшее уваженіе и дружбу. Онъ собственно перешлетъ мнѣ непремѣнно Ваше письмо.

Ваше положеніе и судьба истинно печальны, но будьте увѣрены во всеобщемъ уваженіи, даже непріятели Васъ уважаютъ; они отличаются человѣколюбіемъ, слѣдовательно, Вы въ правѣ ожидать отъ нихъ полнаго къ себѣ соболѣзнованія. Обратите вниманіе на сладкое чувство, которое я теперь ощущаю. Въ качествѣ Коменданта, я былъ учтивъ и хорошо поступалъ съ плѣнными Русскими; это ни сколько не противорѣчило чувству долга: одно человѣколюбіе побуждало меня къ такимъ поступкамъ; я съ величайшемъ удовольствіемъ оказывалъ кому либо изъ нихъ незначительныя для меня услуги, зная хорошо, что все, сдѣланное мною для облегченія ихъ участи, возбудитъ только признательность. Послѣднее считалъ я величайшею для себя наградой. Теперь, когда всѣ они свободны, самая ихъ признательность смущаетъ меня и сильно отзывается въ моемъ сердцѣ, а Ваше, вѣроятно, сочувствуемъ моему.

Итакъ надѣйтесь, что такой признательный народъ, который знаетъ всю тяжесть Вашихъ несчастій, будетъ сочувствовать Вашему положенію, по тому что Вы не были ни душегубцемъ, ни грабителемъ. Васъ выбрали вождемъ народъ и войско; народъ сосредоточилъ въ лицѣ Вашемъ всѣ свои надежды; если Вы виновны, весь народъ долженъ искупить Вашу вину. Что касается до меня, то будьте увѣрены, что я буду Вашимъ другомъ до послѣдней минуты моей жизни.

ПИСЬМО

Костюшки къ Графу** о покупкѣ земли Высочайше ему пожалованной, и о выдачѣ паспорта за границу.

Monsieur le Comte!

Comme Votre Excellence est certainement informé des ordres gracieux, que Sa Majesté l'Empereur a daigné donner, pour que la terre, qui m'étoit donnée, fut achetée au fisc impérial, je prends la liberté de m'adresser à Votre Excellence, pour la prier, qu'elle ait la bonté de m'accorder son appui, pour que ces ordres fussent executés dans quelques jours, vu que la saison avancée et ma santé délabrée exigent mon départ le plus prompt. C'est avec la plus grande confiance dans les sentiments de Votre Excellence, que je me résigne à Vos bontés et Votre décision, pour ce qui regarde le prix de cette terre et le payement, que je supplie qu'il fut en espèces, ou les échanges sûrs, afin que je sois en état de passer au plutôt par Stockholm, Londres à Philadelphie. En même temps j'ai l'honneur de Vous prier, Monsieur le Comte, d'avoir la bonté de me pourvoir d'un passeport, qui pourroit me servir jusqu'à l'endroit.

Votre Excellence voudra bien agréer l'assurance des sentiments respectueux, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

Monsieur le Comte

de Votre Excellence

le très-humble et très-obéissant serviteur

Th. Kosciuszko.

Ce 21 Nbre 1796.

St. Pétersbourg.

РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ.

Ваше Сіятельство!

Такъ какъ Вашему Сіятельству, вѣроятно, извѣстенъ милостивый Указъ Его Величества, по которому землю, мнѣ данную, велѣно продать въ казну, то я беру на себя смѣлость обратиться къ Вашему Сіятельству съ слѣдующею просьбою: не отказать мнѣ въ своемъ покровительствѣ для скорѣйшаго исполненія Указа Его Величества, на томъ основаніи, что время теперь позднее, а мое разстроенное здоровое заставляетъ меня торопиться отъѣздомъ. Съ полною увѣренностію въ расположеніе Вашего Сіятельства, я поручаю себя Вашей милости и вполнѣ подчиняюсь Вашему рѣшенію. Что касается до цѣны за землю и платы за нее, я покорнѣйше прошу выдать ее мнѣ звонкою монетою, или деньгами, годными для промѣна, и тѣмъ дать мнѣ возможность скорѣе уѣхать въ Филадельфію, проѣздомъ черезъ Стокгольмъ и Лондонъ. Смѣю также просить Ваше Сіятельство о выдачѣ мнѣ пашпорта, который могъ бы послужить до означеннаго мѣста.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣреніе въ чувствѣ высокаго уваженія, съ которымъ честь имѣю быть

Вашего Сіятельства

всепокорный слуга

Ѳ. Костюшко.

21 Ноября, 1796 года.
С.-Петербургъ.

ДѢЛО

О

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

въ 1821 году.

I.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

о Общемъ Собраніи Императорскаго Санктъ-Петербургскаго Университета 3, 4 и 7-го числа Ноября сего 1821 года.

(Въ Главное Правленіе Училищъ.)

Въ трехъ журналахъ чрезвычайныхъ собраній Университета 3, 4 и 7-го Ноября, содержатся всѣ подробности дѣла объ отобраніи отъ Профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Адъюнкта Арсеньева, отвѣтовъ на вопросы, составленные для того въ Главномъ Правленіи Училищъ изъ тетрадей Студентовъ, слушавшихъ у нихъ лекціи.

Подлинные отвѣты, мнѣнія и протесты и другіе акты приложены при выпискахъ.

При самомъ началѣ засѣданія обнаружился планъ, подкрѣпленный, по всѣмъ вѣроятіямъ, надеждою остановить изслѣдованіе, и чрезъ то представить мѣры Правительства необдуманными и недостаточными къ обузданію ученаго вольнодумства. Все было соображено противною партіею, чтобы защитить не только лица обвиненныхъ преподавателей, но даже и самыя системы ихъ ученія.

Намѣреніе сіе необходимо имѣло бы желаемый успѣхъ, если бы я не остановилъ дерзости Шармуа съ твердостью и рѣшительностью. Я предложилъ судить таковую дерзость, и Шармуа единогласно обвиненъ. По собраніи голосовъ, видя, что покушеніе его не удалось, онъ просилъ и у меня и у всего собранія прощенія, которое ему и даровано. И противъ всего-то такъ нагло протестовалъ онъ, на другой день, когда голоса о поступкѣ его были уничтожены, надѣясь и симъ опрокинуть ходъ всего дѣла.

Профессоръ Балугьянскій, при требованіи мнѣнія о семъ поступкѣ Профессора Шармуа, сказалъ, что Собраніе Университета превращается въ Инквизицію; когда я ему сіе замѣтилъ, то сталъ отыгрываться изъясненіемъ Латинскаго слова (Inquisitio).

Не смотря на все сіе, единогласно и благонамѣренными и противодѣйствовавшими Членами Общаго Собранія признано:

1) Ученіе всѣхъ четырехъ преподавателей вреднымъ: первыми — положительно, послѣдними подъ условіемъ: «если обвинительные акты основательны, безпристрастны.»

2) Сами преподаватели неблагонадежными и опасными; первыми — положительно, послѣдними—условно: «если преподаватели дѣйствительно будутъ изобличены въ преступномъ ученіи, имъ приписываемомъ.»

По призваніи въ Присутствіе Профессора Галича и по прочтеніи вопросовъ, я тронутъ былъ до глубины сердца, видя Русскаго Профессора, извѣстнаго многимъ по доброй нравственности, потерявшаго себя черезъ пристрастіе къ внушенному ему въ Германіи лжемудрію, и, какъ умѣлъ, старался тронуть его упреками въ неблагодарности къ Правительству, на счетъ коего онъ воспитанъ, во вредѣ, который нанесъ тому мѣсту, гдѣ самъ образованъ, и наконецъ въ усиліи постановить заблуждающійся разумъ человѣческій на мѣсто того Спасителя, кровію коего онъ искупленъ. Не знаю, подѣйствовало ли на него сіе увѣщаніе, но Галичъ написалъ въ отвѣтѣ слѣдующія слова:

«Сознавъ невозможность отвергнуть вопросные пункты, отвѣчаю желаніемъ не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія.»

служащія къ оправданію Германа и Раупаха, для уничиженія Правительства.

Профессоръ Балугьянскій, до призванія Германа и Раупаха въ Присутствіе, сдѣлалъ мнѣ весьма подозрительный вопросъ: «Какая цѣль Правительства: одно ли ученіе, или самые преподаватели осуждаются? Ибо въ послѣднемъ случаѣ могутъ быть необходимы другаго рода сужденія?»

Я на сіе отвѣтствовалъ приказаніемъ записать вопросъ сей въ журналъ, и по тому только отложилъ сіе, что онъ, Балугьянскій, сталъ извиняться и говорить, что хотѣлъ сказать не то, и по тому, что Директоръ убѣждалъ меня оставить сію наглость, скрывавшуюся подъ личиною мнимаго неумѣнья выразить свои мысли.

Видя, что нѣтъ возможности составить общаго мнѣнія; ибо, съ одной стороны, благонамѣренные Члены Университета, проникнутые святостью дѣла, не могли согласиться съ неблагонамѣренными, и отъ того, естественно, происходили длинныя, пустыя словопрѣнія, я нашелся въ необходимости превратить совѣщаніе въ вопросы. Отъ сего произошли: 1) разные голоса противудѣйствующей партіи; 2) упорное отверженіе основательности выписокъ, указывающихъ на вредность ученія, и 3) настоятельное подкрѣпленіе требованій Германа и Раупаха о выдачѣ имъ собственныхъ записокъ и Студентскихъ тетрадей. Сими средствами надѣялись подвергнуть вопросные пункты ученому разбору, и тѣмъ судебный ходъ дѣла превратить въ школьное словопрѣніе. Многіе голоса подкрѣпляли требованіе Германа, «предать ученіе его судьямъ, имѣющимъ основательнѣйшія понятія о наукѣ», притворяясь не видящими того, что дѣло идетъ не объ учености, но о нападеніи на Религію и Правительство.

Профессоръ Шармуа, видя, что не возможно оправдать Германа и Раупаха законно, прибѣгнулъ къ средству незаконному, которое состояло въ томъ, чтобы отвергнуть право Предсѣдателя предлагать вопросы, и написалъ въ мнѣніи своемъ, что не почитаетъ себя обязаннымъ отвѣчать на такіе вопросы, которые не находятся въ предписаніи Вашего Сіятельства; смыслъ сего тотъ, что я не долженъ дѣлать таковыхъ вопросовъ.

[illegible] въ 1821 г.

[illegible] что сіе непрі- [illegible] малѣйшаго влі- [illegible] —и онъ исполнилъ то.

[illegible] казался больнымъ и чрезъ Деманжа [illegible] продолжившееся до ночи засѣданіе не позво- [illegible] на разсмотрѣніе Университетскаго Собра- [illegible] нѣкоторые Члены, зная содержаніе оной, про- [illegible] ея Профессору Шармуа, и я оставилъ ее, за [illegible] въ рукахъ Профессора Балугьянскаго, во избѣжаніе [illegible]

[illegible] въ сей бумагѣ прибавилась другая отъ того же [illegible] и третья отъ Деманжа. Всѣ онѣ заключали протесты [illegible] Профессору Шармуа, который включилъ [illegible] отрицаніе отъ одного изъ прежнихъ своихъ мнѣній, [illegible] сужденія по самому дѣлу. Не только я, но и боль- [illegible] Собранія увидѣла въ семъ поступкѣ лживость характе- [illegible] упомянутыхъ Профессоровъ, и по тому всѣ происшест- [illegible] въ журналѣ.

[illegible] ожидать, чтобы сіе дѣло рѣшилось об- [illegible] каждый Членъ написалъ свое мнѣніе, но всѣ [illegible] обвиненія Шармуа, а нѣкоторые и Де- [illegible]

[illegible] я удостовѣрился, [illegible] существуетъ въ Университетѣ [illegible] Членами, и что при ихъ расположеніи Пра- [illegible] будетъ противодѣйствія, [illegible] которыя всегда полагать будутъ пре- [illegible]

Дмитрій Руничъ.

[illegible]

II.

ЗАПИСКА

о производствѣ дѣла по обвиненію Профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета въ чрезвычайныхъ Собраніяхъ Правленія и Конференціи онаго Университета 3-го, 4-го и 7-го Ноября, 1821 года. *

С.-Петербургскій Университетъ имѣлъ несчастіе навлечь себѣ нареканіе со стороны своего Начальства, и чрезъ то обратить на себя вниманіе не только столицы, но всей Россіи, а можетъ быть и цѣлой Европы. Внезапное обвиненіе Профессоровъ: Германа, Раупаха, Галича и Адъюнктъ-Профессора Арсеньева, возбудило любопытство публики, состраданіе всѣхъ людей благомыслящихъ и участіе самаго Монарха.

---

* Записка эта была уже одинъ разъ напечатана въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г., кн. 3, отд. V, стр. 179 — 205, теперь же помѣщается вновь гораздо въ полнѣйшемъ видѣ, полнѣйшемъ даже противу того, какъ она приведена въ «Матеріялахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го» (Спб. 1866, стр. 132 — 159). Этѣмъ мы обязаны сыну самаго составителя Записки, Подполковнику Путей Сообщеній Шисову, которому и приносимъ за то искреннѣйшую благодарность. Къ ней, для большой ясности, присоединены нами еще изъ упомянутыхъ выше «Матеріяловъ»: 1, Краткая Записка о общемъ собраніи Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 3, 4 и 7-го числа Ноября, 1821 года, представленная Г. Руничемъ въ Главное Правленіе Училищъ (стр. 127 — 131): она поставлена въ началѣ всего «Дѣла;» 2, Выписки вредныхъ мѣстъ изъ лекцій Профессоровъ Германа, Раупаха и Арсеньева (стр. 100 — 127), и 3, Вопросные пункты и отвѣты на нихъ Профессоровъ Германа, Раупаха, Галича и Арсеньева (стр. 167 — 178). Желающихъ знать мнѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ (Кн. А. Н. Голицына), Главнаго Правленія Училищъ, Членовъ Комитета Министровъ и другихъ лицъ объ этомъ «Дѣлѣ,» отсылаемъ къ упомянутымъ «Матеріяламъ для исторіи образованія въ Россіи» и пр. (стр. 72 — 100, 178 — 220).

О. В.

Поводъ къ сему обвиненію отъ Начальства объявленъ, но истинныя причины, оставаясь загадкою, для всякаго посторонняго, подразумѣваются, и рано, или поздно, могутъ быть обнаружены, выведены и доказаны, какъ изъ связи происшествій и обстоятельствъ, большею частію извѣстныхъ, такъ и изъ оффиціяльныхъ бумагъ. Самое производство сего дѣла въ Университетскихъ Собраніяхъ, Ноября 3-го, 4-го и 7-го дня, 1821 года, при которомъ настоятельно требовалось обвиняемыхъ непремѣнно осудить по самому обвиненію, лишивъ ихъ всѣхъ возможныхъ и законныхъ средствъ къ оправданію, самое это, по себѣ уже достопримѣчательное во многихъ отношеніяхъ, производство дѣла есть только простое и весьма естественное слѣдствіе оныхъ причинъ. Не стоило труда изложить со всею историческою точностію, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія происшествія, случившіяся въ сихъ Собраніяхъ, чрезвычайныхъ не по одному своему названію, но и по сущности. Оставалось только сличить и повѣрить, большею частію записанныя тогда же для памяти, замѣчанія тѣхъ изъ Членовъ Конференціи, кои полагали, что не иначе можно слѣдовать преднамѣреваемымъ, при томъ чужимъ и постороннимъ, цѣлямъ и планамъ, какъ развѣ забывши долгъ, поправши честь, презрѣвши стыдъ и усыпя совѣсть.

Засѣданіе 3-го Ноября.

Подъ предсѣдательствомъ Господина Исправляющаго должность Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера, Дмитрія Павловича Рунича. Началось въ 10-ть часовъ утра.

Предполагалось, что главная цѣль сего Собранія оставалась для Членовъ неизвѣстною; по тому что, тайно и необыкновеннымъ образомъ приглашенные къ оному, обвиняемые Профессоры собраны были въ особомъ, удаленномъ отъ Присутствія, залѣ.

По прибытіи Предсѣдательствующаго, Г-па Рунича, и Директора, Г-па Кавелина, избранъ Профессоръ Плисовъ, за болѣзнію Конференцъ - Секретаря Бутырскаго, къ исправленію его должности.

Читаны сперва Г-мъ Руничемъ Отношенія къ нему Г-на Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, при которыхъ препровождаетъ два Высочайшія повелѣнія о томъ, что С.-Петербургскій Университетъ удостоенъ титула Императорскаго Университета, и что Профессоръ Балугьянскій увольняется отъ званія Ректора.

Третьимъ Отношеніемъ Г-нъ Министръ предлагаетъ исправленіе должности Ректора въ Университетѣ поручить, до времени, Г-ну Заслуженному Профессору Зябловскому.

Потомъ Г-нъ Руничъ велѣлъ подать портфель и, въ слѣдъ за тѣмъ, началъ читать Представленіе свое на имя Г-на Министра духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, содержаніемъ коего было то, что «еще прежде вступленія его въ исправленіе должности Попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, доходили до него слухи, что въ здѣшнемъ Университетѣ преподается ученіе на правилахъ разрушительныхъ; что онъ тому не вѣрилъ, предполагая, что примѣръ (Казанскаго Университета и) Профессора Куницына, вѣроятно подѣйствовалъ; что, вступивши въ исправленіе должности Попечителя, онъ препоручилъ Г-ну Директору взять (тайно) отъ нѣкоторыхъ Студентовъ и Воспитанниковъ Благороднаго Пансіона, дѣланныя ими, Записки по части преподаванія нѣкоторыхъ Профессоровъ; что изъ сихъ Записокъ усмотрѣлъ онъ, что Профессоръ Раупахъ проповѣдуетъ явно обдуманную систему невѣрія и проч.; что Профессоръ Германъ изъ Статистики, науки простой, дѣлаетъ тоже»... Тутъ слѣдовали разныя, ужасныя, неимовѣрныя и даже въ различныхъ отношеніяхъ невозможныя, преступленія, въ коихъ оные Профессоры обвинялись отъ Г-на Исправляющаго должность Попечителя и, между прочимъ, сколько помнить можно, въ Маратизмѣ и Робеспьеризмѣ. Такого же рода были и обвиненія Профессора Галича и Адъюнктъ-Профессора Арсеньева.

Въ слѣдъ за тѣмъ читалъ Г-нъ Руничъ, послѣдовавшее на то, Предложеніе Г-на Министра, при которомъ препровождаетъ (обратно) выписки изъ тетрадей и книгъ и, заготовленные въ Главномъ Правленіи Училищъ, вопросные пункты, на которые предла-

гаетъ требовать отъ обвиняемыхъ Профессоровъ отвѣтовъ, для сужденія и мнѣнія по оному Конференціи.

Г-нъ Руничъ велѣлъ Экзекутору позвать въ Присутствіе сперва Профессора Германа, а между тѣмъ позволилъ себѣ не только укорительныя, неосновательныя и неумѣстныя, замѣчанія на счетъ отзыва Германа къ Ректору, но также странныя, а еще болѣе неприличныя, насмѣшки на счетъ тутъ находившихся собственноручныхъ его тетрадей, называя оныя гадкими, мерзкими, чтобъ взять въ руки, и къ тому еще смердящими. Онъ даже предлагалъ нюхать оныя, кому угодно, показывая, съ своей стороны, отвращеніе отъ какого-то дурнаго въ нихъ запаха и зажимая носъ. При семъ не пощаженъ даже покойный Шлецеръ, бывшій учитель Германа.

Между тѣмъ явился въ Присутствіе Германъ. Г-нъ Руничъ читалъ ему вопросные пункты, до обвиненія его касающіеся, а Г-нъ Кавелинъ — выписки изъ Студентскихъ тетрадей. Чтеніе продолжалось долго; Германъ наблюдалъ молчаніе, а между тѣмъ сѣлъ на одномъ изъ стоявшихъ въ особомъ ряду позади стульевъ, кои, вѣроятно, для того и были поставлены

По окончаніи чтенія, Г-нъ Руничъ требовалъ, чтобы Г-нъ Германъ тутъ же далъ тотчасъ письменные отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо.

Троекратно обращался Германъ къ Собранію съ просьбою о сообщеніи ему оныхъ вопросныхъ пунктовъ на домъ, дабы ему можно было въ спокойномъ духѣ дать удовлетворительные на оные отвѣты, но Г-нъ Руничъ отзывался совершенною невозможностію то позволить, велѣлъ ему садиться тутъ же, за особымъ столомъ, и, не медля, писать отвѣты. Германъ безпрекословно повиновался.

Профессоръ Плисовъ долженъ былъ сѣсть съ нимъ вмѣстѣ, чтобы читать и переводить оные вопросные пункты, но, видя продолжаемыя со стороны Г-на Рунича, и словами и тѣлодвиженіями, неприличныя насмѣшки на счетъ помянутыхъ тетрадей Германа, и частію развлекаясь, а частію показывая знаки удивленія, останавливался при чтеніи обвинительныхъ пунктовъ. За-

мѣта то, Г-нъ Руничъ спрашивалъ Г-на Кавелина довольно двусмысленно: «Развѣ Г-нъ Плисовъ такой же Нѣмецъ?»

Тутъ Германъ, сперва чрезъ Плисова, а потомъ и самъ лично, началъ просить о позволеніи писать отвѣты въ особой камерѣ. Г. Руничъ не соглашался, а наконецъ, по представленіямъ нѣкоторыхъ Членовъ, просьба Германа уважена, и Плисовъ отряженъ съ нимъ, для надзора при составленіи письменныхъ его отвѣтовъ въ особой камерѣ.

Между тѣмъ, по приказанію Г. Рунича, призванъ Профессоръ Раупахъ, который, вошедши въ Присутствіе и учтиво поклонясь Собранію, сѣлъ тотчасъ на одномъ изъ позади стоявшихъ стульевъ. Обстоятельство маловажное и ни кѣмъ не замѣченное, но въ послѣдствіи (по журналу) вмѣненное Раупаху въ число преступленій. Раупахъ просилъ позволенія говорить по Французски, но ему читали по Русски, и онъ увѣрялъ, что понимаетъ.

По прочтеніи обвиненій, Г. Руничъ требовалъ отъ него, какъ прежде и отъ Германа, но только съ нѣкоторыми неосновательными угрозами, чтобы онъ тутъ же садился и писалъ немедленно отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо.

Раупахъ отвѣчалъ, что это въ тогдашнемъ его положеніи не возможное дѣло, и что онъ не иначе можетъ отвѣчать, какъ тогда, когда возвращены ему будутъ собственныя его тетради, а для сличенія и удостовѣренія — тетрадь того изъ Студентовъ, по которымъ сдѣланы выписки. «Итакъ Вы не повинуетесь Собранію, «сказалъ ему Г. Руничъ, а слѣдовательно и Главному Правленію Училищъ, а по сему и Министру, а по сему и Государю (указывая на зерцало, которое тутъ нарочито для сего случая поставлено было, «ибо ни прежде, ни послѣ, не было зерцала въ Собраніи Правленія «и Конференціи), словомъ, не повинуетесь Верховной Власти, по«становленной отъ Бога, и не признаете ни какого закона.» Члены Конференціи изумились.

«On ne peut pas m'imposer une loi, que je suis incapable de «remplir», отвѣчалъ Раупахъ коротко и съ нѣкоторымъ благороднымъ негодованіемъ на подобныя заключенія. «Ah! on ne peut pas

«vous imposer une loi», прервалъ его торопливо Г. Руничъ, повторяя сіи слова и пропуская послѣднія:

«Que je suis incapable de remplir», прибавлялъ всякій разъ Раупахъ.

«Посмотримъ, говорилъ Руничъ, что далѣе будетъ: начало хорошо,» а между тѣмъ велѣлъ ему непремѣнно садиться за столомъ и отвѣчать, какъ можетъ и что хочетъ.

Раупахъ сѣлъ за особый столъ и написалъ свой отвѣтъ, въ которомъ подтвердилъ свой отзывъ о невозможности дать удовлетворительные отвѣты на предлагаемые ему вопросные пункты.

(Отвѣтъ сей измѣненъ переводомъ Профессора Толмачева, какъ то многіе при чтеніи журнала замѣтили). Когда Раупахъ отдалъ письменный свой отвѣтъ, велѣно ему выйти. Г. Кавелинъ, ко всеобщему удивленію, приказалъ Экзекутору взять его подъ свой присмотръ, а сей, вышедши, увѣрялъ всѣхъ, что Раупаха выгнали изъ Присутствія.

Тогда Г. Руничъ началъ не только ругать его всяческими поносными словами, но и называть: бунтовщикомъ, возмутителемъ, зажигателемъ, государственнымъ измѣнникомъ (rebelle, insendiaire), повторяя сіи ужасныя слова и не давая никому выговорить ни одного слова.

Г. Кавелинъ говорилъ, что «если бы Г. Руничъ послушался «его и сдѣлалъ было Отношеніе къ Оберъ-Полицейместеру, чтобы «прислалъ человѣка четыре жандармовъ, то тогда, между голыхъ «палашей, стоя за налоемъ, Раупахъ бы болѣе не запирался; что, «впрочемъ, можно и теперь еще послать на гауптвахту» и проч. Съ неописаннымъ изумленіемъ Профессоры: Лодій, Балугьянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Вишневскій, Ржевской, Адъюнктъ Радловъ и Директоръ Училищъ Тимковскій, начинали говорить, дѣлать свои представленія и свято увѣрять, что въ поведеніи Раупаха ни малѣйше не было ни чего предосудительнаго, но Г. Руничъ и Г. Кавелинъ не давали никому произнесть ни одного слова. Ужасъ и справедливое негодованіе изъявляло Собраніе; однако жь иные Члены показывали при томъ нѣкое странное равнодушіе. Исправляющаго должность Конференцъ-

Секретаря, Профессора Плисова, не было въ Собраніи, и въ послѣдствіи уже объяснилась причина, по чему онъ именно, а не другой кто, отряженъ къ Профессору Герману.

Между тѣмъ Плисовъ принесъ, данные Германомъ, письменные отвѣты; Г. Руничъ и Г. Кавелинъ продолжали повторять ужасныя названія: возмутителя, бунтовщика, государственнаго измѣнника и проч., на Французскомъ и на Русскомъ языкѣ, стараясь всячески увѣрить въ томъ Плисова; въ послѣдствіи, при подписаніи журнала, уговаривалъ его даже къ тому, чтобы онъ, какъ подписался съ мнѣніемъ, сказалъ въ ономъ только то, что «хотя я и не былъ свидѣтелемъ возмутительныхъ поступковъ Раупаха, но согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, кои почитаютъ оные таковыми.» Отвѣтъ Германа на главный вопросной пунктъ: «Что приведете Вы въ оправданіе, что въ Запискахъ Вашихъ не содержатся разрушительныя правила въ отношеніи къ Религіи, Государству?» и проч.—вопросъ, на который физически не возможно было отвѣчать удовлетворительно, состоялъ въ томъ: 1) мою совѣсть, которая чиста, и 2) разсмотрѣніе всѣхъ началъ и выраженій, кои я признаю своими (ибо въ читанныхъ мнѣ выпискахъ изъ Студентскихъ тетрадей, говорилъ Германъ, замѣтилъ я превратныя мысли, коихъ я не признаю за свои)—La révision faite par des juges compétens versés dans les sciences politiques. Потомъ просилъ законныхъ средствъ къ своему оправданію. Онъ призванъ въ Присутствіе. Г. Руничъ дѣлалъ ему упрекъ въ томъ, что онъ такимъ образомъ ни его, ни Главнаго Правленія Училищъ, не «признаетъ pour juges compétens,» что такой отзывъ Германа не можетъ быть принятъ и проч. Наконецъ ему велѣли выйти и дожидаться.

Г. Руничъ сказалъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, что «отвѣты Германа были бы, впрочемъ, достаточны, если бы не противузаконное, какъ онъ называлъ, требованіе: révision par des juges compétens, которое, какъ говорилъ онъ, ни какъ не можетъ быть допущено.» Потомъ спрашивалъ, что дѣлать съ объясненіемъ Раупаха?

Всѣ Члены единогласно отвѣчали, что «надлежитъ призвать «Раупаха въ другой разъ, дабы онъ могъ, если хочетъ, подобно

«Германа, въ особой камерѣ, сколько время ему позволитъ, писать «отвѣты на каждый вопросный пунктъ особо, и потомъ такое, по«дробнѣйшее перваго, объясненіе представить Начальству; если же «онъ того не захочетъ дѣлать, то довольствоваться прежнимъ его «объясненіемъ и представить оное Начальству.» Когда Раупахъ въ другой разъ явился въ Собраніе, то Г. Руничъ выразилъ заключеніе Конференціи въ превратномъ смыслѣ: якобы Конференція упорно настоитъ и требуетъ, чтобы онъ, Раупахъ, непремѣнно отвѣчалъ на каждый вопросный пунктъ особо, и при томъ опять тутъ же въ Присутствіи. Профессоры Балугьянскій, Грефе и нѣкоторые другіе старались замѣтить настоящее заключеніе Конференціи. Между тѣмъ Раупахъ рѣшился отвѣчать, какъ могъ; сѣлъ въ углу съ Г. Кавелинымъ, который читалъ ему порознь вопросные пункты. Написавши отвѣты, въ которыхъ ограничился простымъ отрицаніемъ обвиненій и требованіемъ времени и законныхъ средствъ къ своему оправданію, Раупахъ отдалъ оные Г. Руничу. По прочтеніи сихъ отвѣтовъ, Раупаху велѣли выйти. Тогда Г. Руничъ началъ опять называть его возмутителемъ, бунтовщикомъ и проч.

«Какъ милостиво Правительство, говорилъ онъ, что позволяетъ «преступникамъ свободно являться предъ судъ, вмѣсто того, «что надлежало бы, между жандармовъ съ голыми палашами, за«ставить ихъ за налоемъ писать отвѣты. Но и сіи отвѣты Раупаха «оскорбительны для Собранія; они не содержатъ въ себѣ ни чего, «кромѣ упорнаго запирательства, продолжалъ онъ; я бывалъ при «подобныхъ криминальныхъ слѣдствіяхъ, при коихъ преступники «во всемъ запирались такъ же, какъ и нашъ Раупахъ, и я знаю, «что по томъ слѣдуетъ дѣлать; а между тѣмъ, на основаніи пред«писанія Г. Министра, приступимъ къ опредѣленію нашего мнѣ«нія: какой приговоръ мы сдѣлаемъ по отвѣтамъ Профессоровъ «Германа и Раупаха?»

Тутъ велѣлъ онъ Плисову собирать голоса и мнѣнія, начиная по порядку съ младшихъ Членовъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ-то: Роговъ, Поповъ и Щегловъ, изъявляли всю готовность давать оныя, и начинали уже говорить — обстоятельство, которое явно показывало, что они о преднамѣреваемомъ производствѣ дѣла были достаточно вразумлены и наставлены. «Собирайте голоса и

мнѣнія!» сказалъ Г. Руничъ Плисову, который медлилъ, и навлекъ чрезъ то несправедливые упреки Г. Рунича.

Профессоръ Балугьянскій спрашивалъ, о чемъ надлежало судить и давать мнѣнія? Г. Руничъ отвѣчалъ ему грубыми насмѣшками.

Профессоръ Соловьевъ спрашивалъ о томъ же, и услышалъ отъ него, кромѣ грубыхъ выраженій, угрозы.

Профессору Грефе, который такъ же начиналъ дѣлать свои представленія, сказалъ, что «онъ, Грефе, предубѣжденъ въ пользу обоихъ обвиняемыхъ Профессоровъ; впрочемъ, можетъ быть это «происходитъ и отъ одной доброты сердца,» прибавилъ онъ, поправляя свою ошибку.

Однако жъ, не смотря на колкія насмѣшки и грубыя выраженія, въ коихъ Г. Руничъ объяснялся, прибавляя, что «онъ ни «какъ не думалъ встрѣтить такого сопротивленія въ Членахъ «Конференціи, собранныхъ имъ, по предписанію Г. Министра,» не смотря на все это, Профессоры: Балугьянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ и нѣкоторые другіе объявили, что они изъ Предложенія Г. Министра и изъ начатаго производства дѣла не видятъ еще, въ чемъ должно состоять ихъ мнѣніе.

Тогда Г. Руничъ, подумавши сперва немного, предложилъ для мнѣнія вопросъ, сказавши при томъ и повторяя нѣсколько разъ по Русски, по Нѣмецки и по Французски, что «мы здѣсь «не для того, чтобы судить и опредѣлять рѣшительныя за «ключенія, что это только для формы и въ исполненіе Пред «писанія Г. Министра, что Главное Правленіе Училищъ само су «дило уже и будетъ судить» и проч. Первый, предложенный для мнѣнія, вопросъ былъ: «Удовлетворительны ли отвѣты Профессоровъ Германа и Раупаха?.»

Всѣ Члены, кои были предварительно предупреждены и разумлены въ разсужденіи производства дѣла, отвѣчали на сей, и двусмысленный и неопредѣлительный, вопросъ, въ одинъ голосъ: «Неудовлетворительны».

Другіе спрашивали: «О какомъ отношеніи идетъ дѣло: о томъ ли только, чтобъ убѣдиться въ томъ, что такимъ образомъ на-

чатое и производимое дѣло не приведетъ ни къ какому объясненію, или о томъ, чтобъ изслѣдовать дальше и требовать отвѣтовъ, предоставивши обвиняемымъ всѣ средства и способы, какихъ они по закону въ правѣ съ своей стороны требовать?»

Г. Руничъ говорилъ однимъ: «Nous ne sommes pas ici pour juger.»—«Скажите только Ваше мнѣніе прямо на вопросъ, безъ всякихъ отношеній!» подтверждалъ онъ другимъ. «Тутъ что-то кроется,» говорилъ онъ вообще; «это какіе-то крючки, уловки, ябедничество, наконецъ заговоръ.» (!) «Что это значитъ?» повторялъ онъ; «Гдѣ я? Такъ ли и всегда ли въ Конференціи проис «ходили совѣщанія?» и пр. пр. Продолжая такимъ образомъ говорить и не давая никому произнесть ни одного слова, Г. Руничъ требовалъ, чтобы непремѣнно подаваемы были мнѣнія на вопросъ, и при томъ въ одномъ словѣ: да, или нѣтъ. Такимъ-то образомъ другіе отвѣчали, что оные отвѣты Профессоровъ Германа и Раупаха недостаточны къ объясненію вопросовъ, разумѣя, и даже прибавляя въ нарочитыхъ мнѣніяхъ, что оные отвѣты и не могли быть достаточны, судя по времени и способамъ, къ тому предоставленнымъ.

Г. Зябловскій, Кавелинъ и Руничъ прибавили, что не только неудовлетворительны, но и въ оскорбительныхъ выраженіяхъ. Профессоръ Плисовъ, исправляющій должность Конференцъ-Секретаря, медлилъ отмѣчать сіе прибавленіе, частію удивляясь явной неосновательности онаго, а частію предполагая, что если бы оные отвѣты и въ самомъ дѣлѣ были въ оскорбительныхъ выраженіяхъ, то, на основаніи законовъ, не надлежало бы оныхъ и принимать. Г. Руничъ требовалъ, чтобы прибавленіе сіе было непремѣнно записано, и Плисовъ не могъ и не смѣлъ прекословить.

Потомъ предложенъ для мнѣнія другой вопросъ, который Г. Руничъ, вмѣстѣ съ Г. Кавелинымъ, диктовали Конференцъ-Секретарю по словамъ, не заключавшимъ въ связи ни какого смысла, и который четыре раза былъ писанъ, поправляемъ, переписываемъ снова на особой листъ и опять поправляемъ, наконецъ остался въ сихъ словахъ: «Можно ли допустить мнѣніе Профессоровъ Гер- «мана и Раупаха въ томъ, что они не признаютъ выпи- «сокъ, составленныхъ въ Главномъ Правленіи Училищъ и

«отъ Г. Министра въ Общее Собраніе Университета пре-
«провожденныхъ, законными и на собственномъ ихъ уче-
«ніи основанными?»

Исключая самаго Г. Рунича и Г. Кавелина, никто не понималъ, а можетъ быть рѣдкій и по нынѣ понимаетъ, настоящій смыслъ сего вопроса. Изъ отвѣтовъ Профессоровъ Германа и Раупаха не видно, чтобы они сомнѣвались въ томъ, что выписки изъ тетрадей въ Главномъ Правленіи Училищъ составлены, или что они отъ Г. Министра препровождены; равнымъ образомъ никто почти не понималъ и не зналъ, какой законности выписокъ оные Профессоры яко бы не признаютъ.

Профессоры: Лодій, Балугьянскій, Грефе, Чижовъ, Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Вишневскій, Плисовъ, Ржевскій, Директоръ Училищъ Тимковскій и Адъюнктъ Радловъ, просили объясненія смысла сего вопроса. Прочіе молчали, ожидая, что̀ скажетъ Г. Руничъ. Г. Руничъ прерывалъ всякаго порознь и никому не давалъ произнесть ни одного слова; требовалъ, чтобы мнѣнія были собраны.

Но когда приступили къ собранію голосовъ, начиная съ младшихъ Членовъ, и когда даже и тѣ, кои (какъ примѣчено уже и прежде, а въ послѣдствіи явно оказалось) были предупреждены и наставлены въ разсужденіи производства дѣла, не знали, какъ отвѣчать, то Г. Руничъ объяснилъ сей вопросъ, сказавши: «Не уже ли Вы думаете, что можно было бы допустить такое противузаконное мнѣніе Профессоровъ Германа и Раупаха?» Тогда большая часть отвѣчала, что «не можно»; иные даже не понимая, что̀ сіе предположеніе значило, и къ чему оно послужитъ. Нѣкоторые дали особыя письменныя мнѣнія разнаго содержанія. *

Г. Руничъ, въ свою очередь, написалъ на черновомъ листѣ собственноручно длинное мнѣніе, въ которомъ онъ говорилъ, между

---

* Въ послѣдствіи Г. Кавелинъ, взявши съ собою черновыя бумаги назадъ, вымаралъ въ семъ вопросѣ слово: «законными», и заставилъ исправлявшаго должность Конференцъ-Секретаря, Профессора Плисова, переписать сей вопросъ на особой листъ, увѣряя, что, въ минуту его отсутствія изъ Собранія, оное слово отмѣнено. Тогда отрицательные отвѣты: «не можно», приняли другой смыслъ, а нѣ-

прочимъ, что такое мнѣніе Профессоровъ Германа и Раупаха грубо, дерзко, оскорбительно, противузаконно, и проч. Читая и повторяя сіе свое мнѣніе неоднократно, склонялъ Членовъ на оное согласиться.

Но когда и изъ того нельзя еще было вывесть ни чего рѣшительнаго къ осужденію Профессоровъ Германа и Раупаха, то Г. Руничъ началъ диктовать по словамъ третій вопросъ, который самъ по себѣ былъ совершенно понятенъ, но привелъ въ немалое изумленіе всякаго, кто не былъ предубѣжденъ и остался безпристрастенъ.

Вопросъ сей состоялъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Принявъ въ соображеніе неудовлетворительность отвѣтовъ, данныхъ Профессорами Германомъ и Раупахомъ съ одной стороны, а съ другой важность, заключающуюся въ вопросахъ, на кои оные сдѣланы, и личное поведеніе Профессора Раупаха въ Общемъ Присутствіи, остается, для исполненія предписанія Г. Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, рѣшить: какого мнѣнія Конференція о преподанныхъ ими ученіяхъ и о благонадежности ихъ, какъ наставниковъ юношества?»

Тутъ-то явно оказалось, что многіе изъ Членовъ не только были предупреждены на счетъ сего вопроса, но вразумлены и на счетъ отвѣта на оный, а вообще предубѣждены въ пользу незаконнаго производства сего дѣла; ибо Адъюнктъ-Профессоры: Роговъ, Поповъ и Щегловъ, не дожидаясь еще, пока сей вопросъ будетъ написанъ, при самыхъ первыхъ, диктованныхъ Г. Руничемъ, начальныхъ словахъ, изъ коихъ другіе ничего еще понять не могли, начали писать мнѣнія и отвѣты. Имъ послѣдовали немедленно Профессоры Дегуровъ и Толмачевъ, Зябловскій приготовлялся также писать.

Г-нъ Кавелинъ и Г-нъ Руничъ еще съ большимъ противу прежняго ожесточеніемъ и крикомъ оспаривали всякаго, кто толь-

---

которыя особыя мнѣнія другихъ Профессоровъ не имѣли непосредственнаго отношенія къ вопросу.

ко осмѣлился представлять, что на сей вопросъ нельзя еще отвѣчать; что Г-нъ Руничъ самъ повторялъ прежде неоднократно, что мы здѣсь не для того, чтобы судить и дѣлать рѣшительныя опредѣленія; что изъ отвѣтовъ Профессоровъ Германа и Раупаха, недостаточныхъ къ объясненію вопросовъ, или неудовлетворительныхъ, нельзя еще ни чего заключить; наконецъ, что надлежитъ предоставить онымъ Профессорамъ всѣ законные средства и способы къ ихъ оправданію, и что они имѣютъ право того требовать.

Послѣднія сіи представленія подѣйствовали на Г-на Рунича и Г-на Кавелина, кои, сперва, заглушая каждаго и не давая никому выговорить ни одного слова, стращали всякаго нареканіемъ соумышленничества съ обвиняемыми, говорили о заговорѣ, о возмутительномъ яко бы поступкѣ Раупаха, называя его бунтовщикомъ; о томъ, что вѣрно хотятъ защищать его, подражать ему; Г-нъ Кавелинъ твердилъ неоднократно объ отношеніи къ Оберъ-Полицеймейстеру, о жандармахъ съ голыми палашами и т. п. Чувствуя ужасную несправедливость такихъ упрековъ и явной обманъ, всѣ благомыслящіе Члены, по непривычкѣ къ такимъ явленіямъ, тронуты были до слезъ.

Между тѣмъ, послѣднія представленія о томъ, чтобы дать обвиняемымъ всѣ возможныя средства къ ихъ оправданію, и что они въ правѣ требовать того по законамъ, привели въ недоумѣніе Г. Кавелина и въ замѣшательство самого Г-на Рунича, потому что и тотъ и другой всячески старались удалить даже мысль о законныхъ средствахъ.

Подумавши немного, Г-нъ Руничъ спросилъ: «Какого же мнѣнія Конференція о преступленіяхъ, въ коихъ оные Профессоры обвиняются (невѣріе, безбожіе и проч.)?»—«Сіи преступленія ужасны, но въ отношеніи къ обвиняемымъ еще не доказаны», былъ отвѣтъ.

«А выписки, присланныя изъ Главнаго Правленія Училищъ?» говорилъ Г-нъ Руничъ, и потомъ предложилъ вопросъ: «Судя по выпискамъ, присланнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ, какого мнѣнія Конференція о подобномъ ученіи?»

Между тѣмъ какъ приготовлялись писать мнѣнія на сей вопросъ такъ, какъ онъ есть, Адъюнктъ Профессоры: Роговъ, Щегловъ и Поповъ начали читать свои, готовыя уже и при томъ безусловныя, мнѣнія на вопросъ такъ, какъ онъ предложенъ былъ Г-мъ Руничемъ прежде.

Такая торопливая наглость не могла быть приписана одной неопытности сихъ молодыхъ людей, коихъ весьма еще недавно видѣли за ученическою скамьею.

Роговъ читалъ первый: осуждалъ Раупаха во всемъ и полагалъ, что онъ не заслуживаетъ ни какой довѣренности. Причина тому извѣстна: каѳедра Раупаха ему обѣщана и, сверхъ того, другія лестныя награды и знаки отличія. О Германѣ же отзывался Роговъ, что онъ—бывшій его Учитель. Г-нъ Руничъ хвалилъ его, даже благодарилъ, сколько можно припомнить, за первое, но винилъ за послѣднее и совѣтовалъ молчать о томъ, что онъ учился у Германа.

Потомъ читалъ свое мнѣніе Щегловъ (которому обѣщана каѳедра Физики и, сверхъ того, также знаки отличія). Удивительно, съ какимъ отчаяннымъ хладнокровіемъ сей молодой человѣкъ произносилъ рѣшительной приговоръ въ такомъ дѣлѣ, котораго онъ совершенно не разумѣлъ, и которое даже по виду не было еще доказано, осуждая безусловно обвиняемыхъ Профессоровъ вообще, полагая ихъ совершенно не заслуживающими никакой довѣренности и, что еще ужаснѣе, ссылаясь на всѣ, извѣстные ему (Щеглову), какіе-то законы, какъ будто есть такіе законы, по коимъ можно осудить безъ суда и права! Съ какимъ ожесточеніемъ упоминалъ онъ о Раупахѣ, называлъ его поступокъ (Раупахъ, какъ замѣчено выше, по входѣ въ Присутствіе сѣлъ на стулъ) возмутительнымъ, полагалъ его безнадежнымъ и проч. Къ поведенію Германа и Щегловъ былъ снисходительнѣе, говоря, что онъ, впрочемъ, человѣкъ доброй — качество, которое по дѣлу не могло служить Герману въ пользу.

«Браво! Прекрасно! Безподобно!» повторялъ Г-нъ Руничъ, прерывая его въ чтеніи. «Вотъ каковы должны быть мнѣнія! Господа! я напередъ объявляю, что я мнѣнія Г-на

Щеглова. Я очень радъ, Г-нъ Щегловъ, что Вы имѣете такую твердость; я почти не сомнѣвался.».. и т. п. Г-нъ Кавелинъ улыбался; нѣкоторые изъ Членовъ ему въ томъ подражали; прочіе поражены были изумленіемъ и негодованіемъ.

Но когда, въ слѣдъ за тѣмъ, Адъюнктъ - Поповъ и потомъ Профессоры Дегуровъ и Толмачевъ (коимъ всѣмъ также обѣщаны награды и знаки отличія) начали читать свои мнѣнія такого же содержанія и въ такомъ же духѣ и тонѣ, то сіе справедливое негодованіе возросло до того, что прочіе опять поражены были до слезъ; Профессору же Балугьянскому сдѣлался родъ обморока, и онъ принужденъ былъ встать съ своего мѣста.

Прочіе Профессоры: Плисовъ, Ржевскій, Вишневскій, Шармуа, Деманжъ, Чижовъ, Грефе, Балугьянскій и Лодій, также Директоръ Училищъ Тимковскій и Адъюнктъ Радловъ, не признавая по такому производству дѣла обвиняемыхъ Профессоровъ ни виновными, ни невинными, и принуждены будучи дать свое мнѣніе о самомъ обвиненіи, то есть, о тѣхъ преступленіяхъ, о которыхъ Исправляющій должность Попечителя писалъ въ своемъ представленіи Г-ну Министру, и о тѣхъ вопросныхъ пунктахъ и выпискахъ, кои присланы изъ Главнаго Правленія Училищъ, отвѣчали, въ письменныхъ своихъ мнѣніяхъ, почти единогласно, что, «судя по симъ выпискамъ, ученіе, въ оныхъ содержащееся, безъ всякаго сомнѣнія, подлежитъ, и подлежало бы, отверженію;» иные прибавляли, что «такое ученіе (какъ ученіе) было бы ужасно, не могло бы быть терпимо ни въ какомъ, ни публичномъ, ни приватномъ, заведеніи, и что тотъ, кто преподавалъ бы такое ученіе, не заслуживалъ бы ни какого довѣрія.» Иные писали особыя мнѣнія, въ коихъ требовали предоставить Профессорамъ Герману и Раупаху всѣ законные средства и способы къ ихъ оправданію.

Между тѣмъ готовилось другое явленіе, важное и вмѣстѣ забавное.

Профессоръ Шармуа, въ письменномъ своемъ мнѣніи на сей вопросъ, между прочимъ, сказалъ: «Je ne me trouve pas en compétence d'y répondre.»

Надлежало видѣть, а описать, или представить себѣ, не возможно, того ужаснаго ожесточенія, съ какимъ Г-нъ Руничъ устремился на Профессора Шармуа по одному только, явному съ своей стороны, недоразумѣнію сихъ словъ, понимая изъ оныхъ, яко бы Профессоръ Шармуа, посредствомъ оныхъ, оспаривалъ его Президентское право предлагать вопросы. Г-нъ Кавелинъ старался схватить сіе письменное мнѣніе Профессора Шармуа и вырвать оное изъ рукъ, но Шармуа самъ подалъ оное добровольно Г-ну Руничу, который читалъ, перечитывалъ и остался въ прежнемъ недоразумѣніи, или, по крайней мѣрѣ, съ намѣреніемъ оное обнаруживалъ. Профессоры: Балугьянскій, Грефе, Лодій и нѣкоторые другіе старались его освободить отъ онаго, но сіи старанія остались тщетны, по тому что Г-нъ Руничъ и Кавелинъ не только не давали никому произнесть ни одного слова, но и заглушали всякаго крикомъ, которой проницалъ сквозь каменные своды къ живущимъ вверху, которой внятно былъ слышанъ Студентами (всѣ Студенты вообще были заперты въ своихъ комнатахъ) въ ближнихъ комнатахъ, отдѣляемыхъ отъ Собранія камерою и корридоромъ.

Г-нъ Руничъ кричалъ, что Шармуа, отвѣчая такимъ образомъ, не только оспариваетъ права его, яко Президента, но не признаетъ, слѣдовательно, законности ни Собранія, ни предписанія Министра, а слѣдовательно, противится и Верховной Власти. Потомъ, хвалясь своими предками, заслугами и достоинствами по качеству Члена Главнаго Правленія Училищъ, Попечителя и Президента, онъ продолжалъ ругать Профессора Шармуа всяческими язвительными, поносными и укорительными, словами, называя себя сыномъ отечества, вѣрнымъ подданнымъ Государю, истиннымъ Христіянином, а Профессора Шармуа — пришлецомъ, чадомъ революціи, выходцемъ изъ отечества Маратовъ и Робеспьеровъ, бунтовщикомъ, Государственнымъ измѣнникомъ, вторымъ Раупахомъ, некрещеннымъ и т. п. «Vous n'étes pas «baptisé, vous étes enfant de la révolution, vous étes sorti du pays «des Marats et des Robespiers, vous étes rebelle, c' est une rebellion, «incendie etc.»

Профессоръ Шармуа отвѣчалъ, съ свойственною ему откровенностію, скромностію и благородствомъ (кои, однако жь, Гг.

Руничъ и Кавелинъ почитали замѣшательствомъ и трусостію), что онъ ни чѣмъ не заслужилъ такихъ упрековъ, что гнѣвъ Его Превосходительства основывается на собственномъ его недоразумѣніи, что ему и на мысль не приходило оспаривать его права. Гг. Руничъ и Кавелинъ прерывали его прежними укорительными выраженіями; даже молодость его, какъ Профессора, причтена ему была въ укоръ. Шармуа клялся, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго побужденія, ни повода, ни намѣренія, оспаривать чьи либо права; но самая клятва его обращена Гг. Руничемъ и Кавелинымъ въ смѣхъ, а между тѣмъ, вѣроятно, самыя слова: «чьи либо права,» произнесенныя Профессоромъ Шармуа, подали Г-ну Руничу новую мысль. «Вы нарушили права цѣлаго Собранія, которое, въ лицѣ моемъ, обижается, и должно обижаться», сказалъ онъ, и вдругъ, вопреки всякому порядку и законамъ, именно же вопреки Указу 31-го Декабря, 1765 года, Отдѣленіе 2-е, въ которомъ нарочито выражено: «Никому отнюдь не отступать отъ самой точности предписанныхъ въ Генеральномъ Регламентѣ всѣмъ Членамъ должностей, и чрезъ выступленіе изъ предѣловъ своего званія не наносить одному противъ другаго раздраженій и партикулярныхъ неудовольствій и недоброжелательства, дабы чрезъ то не заходить другъ противъ друга въ недѣльные голоса, а потомъ и въ персональные протесты, чѣмъ единственно не только дѣламъ, но и самимъ мѣстамъ разрушеніе причиняется;» вдругъ Г-нъ Руничъ обращается къ Собранію съ двусмысленными, условными и неопредѣленными, какъ и прежде въ общемъ дѣлѣ, вопросами и, не давая никому опомниться отъ изумленія, требуетъ на оные мнѣнія Собранія, надѣясь чрезъ то уловить всякаго.

Первый, предложенный имъ вопросъ, состоялъ въ томъ: «Позволительно ли Профессору Шармуа оспаривать права Президента, или смѣетъ ли онъ то дѣлать?»

Всѣ единогласно отвѣчали, что «непозволительно, не смѣетъ», разумѣя, какъ само по себѣ слѣдуетъ, то, что Президентскихъ правъ вообще никто оспаривать не смѣетъ, и что если бы кто осмѣлился сдѣлать то, то это былъ бы поступокъ непозволительный. Вопросъ и отвѣтъ, по приказанію Г-на Рунича, записаны Плисовымъ на особомъ листѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ Г-нъ Руничъ велѣлъ писать другой вопросъ: «Какимъ почитаетъ Кон-

ференція поступокъ Шармуа, и чего онъ достоенъ?» Всѣ принялись писать мнѣнія. Профессоры: Балугьянскій, Грефе и Деманжъ пытались остановить непріятное, соблазнъ подающее и наименѣе Г-ну Руничу дѣлающее чести, явленіе, но Г-нъ Руничъ, вмѣстѣ съ Г-мъ Кавелинымъ, не внимали ни какимъ представленіямъ, продолжали ругать Профессора Шармуа и увѣрять, что вся Конференція должна обижаться его поступкомъ. При семъ Г-нъ Руничъ забылся до того, что, между прочимъ, сказалъ: «Не уже ли почитаете меня мальчишкою (un polisson)?»

Тутъ Профессоръ Дегуровъ, заботясь о чести Г. Рунича болѣе, нежели о своей собственной, и сидя подлѣ Профессора Шармуа, началъ говорить ему нѣчто на ухо, а потомъ, обратясь къ Г-ну Руничу, сказалъ, что Профессоръ Шармуа согласится просить прощенія. Г-нъ Руничъ догадался. Шармуа молчалъ и не изъявлялъ ни малѣйшаго желанія то сдѣлать. Г-нъ Кавелинъ началъ вынуждать его просить прощенія, угрожая ему, въ противномъ случаѣ, всѣми бѣдствіями суда по формѣ; но Шармуа продолжалъ молчать. Тогда Г-нъ Руничъ, съ своей стороны, началъ говорить гораздо снисходительнѣе, однако жь показывать, что простить Шармуа не можетъ. «Какъ Руничъ, какъ Христіанинъ, сказалъ онъ, я бы Васъ охотно простилъ, но какъ Президентъ, въ лицѣ коего Шармуа обидѣлъ все Собраніе, не могу простить.»

Тутъ Шармуа, безъ дальнѣйшаго затрудненія, всталъ и, обратясь къ Членамъ Собранія, произнесъ слѣдующія слова: «Если Вы, Милостивые Государи, обижаетесь моимъ какимъ либо неумышленнымъ поступкомъ, то я покорнѣйше прошу простить меня.» Всѣ Члены изъявили чистосердечное согласіе. Съ примѣтною радостію схватилъ Г-нъ Руничъ всѣ бумаги: мнѣнія Членовъ о томъ, смѣетъ ли Шармуа (или кто либо другой) оспаривать права Президента; мнѣнія по другому вопросу, и самое мнѣніе Шармуа на общій, предложенный Г-мъ Руничемъ, вопросъ о Профессорахъ Германѣ и Раупахѣ, и—изорвалъ тутъ же.

Все сіе странное явленіе относительно Профессора Шармуа, за выключеніемъ мѣста, въ которомъ оно происходило, ужасныхъ словъ, Г-мъ Руничемъ произнесенныхъ, и тяжкой обиды, Профессору Шармуа чрезъ то причиненной, походило на театральное.

Между тѣмъ Профессоръ Балугьянскій, который во все продолженіе дѣла, при подобныхъ случаяхъ, не скрывалъ знаковъ изумленія, и при напасти, претерпѣнной Профессоромъ Шармуа, явно обнаруживалъ оные, началъ читать свое мнѣніе на общій, предложенный Г-мъ Руничемъ, вопросъ: «Судя по выпискамъ, присланнымъ отъ Главнаго Училищъ Правленія, какого мнѣнія Конференція о подобномъ ученіи и проч.?» — «Ученіе, предложенное въ сихъ выпискахъ, сказалъ Г-нъ Балугьянскій въ своемъ мнѣніи, ужасно и не можетъ быть терпимо ни въ какомъ, ни публичномъ, ни приватномъ, заведеніи. Профессоры, кои преподавали бы такое ученіе, были бы недостойны ни какого довѣрія отъ Правительства.»

Всѣ Члены Собранія удивились, когда услышали, что самъ Г-нъ Руничъ, который, какъ замѣчено выше, вопреки всякому порядку и закону, не въ очередь и слишкомъ еще рано, пристalъ къ найпристрастнѣйшему мнѣнію Щеглова, самъ Руничъ, а вмѣстѣ съ нимъ (сколько помнить можно) и Г-нъ Кавелинъ и Зябловскій, пристали безусловно къ сему, поданному Балугьянскимъ, условному мнѣнію, которое, какъ отвѣтъ на общее предложеніе, до обвиняемыхъ Профессоровъ Германа и Раупаха не касалось. Причина такой перемѣны въ Г-нѣ Руничѣ и снисхожденія къ Г-ну Балугьянскому, которому онъ, въ слѣдъ за тѣмъ, началъ расточать свои ласкательства, подразумѣвалась изъ словъ и поступковъ Г-на Рунича въ отношеніи къ Профессору Шармуа, и прежде еще къ Профессору Раупаху.

Но какимъ же поражены были негодованіемъ Члены Конференціи, когда на другой же день Исправляющій должность Конференцъ-Секретаря, Профессоръ Плисовъ, объявилъ Г-ну Балугьянскому, что Г-нъ Кавелинъ на дому у себя сдѣлалъ подлогъ въ семъ его мнѣніи, вымаравши въ переводѣ онаго условную частицу бы и заставивши его, Плисова, переписать переводъ сего мнѣнія въ такомъ видѣ на особой листъ. При чтеніи Журнала (который составлялъ не Плисовъ, а самъ Кавелинъ), въ Собраніи 7-го Ноября, это въ самомъ дѣлѣ обнаружилось.

Напослѣдокъ, когда всѣ уже Члены были совершенно изнурены и измучены и тѣломъ и духомъ, въ продолженіи одиннад-

цати часовъ безпрерывнаго на одномъ мѣстѣ сидѣнія въ Собраніи, въ которомъ умышленной, но явной, обманъ, противузаконное обстоятельство, наглость и насиліе злонамѣренныхъ не могли быть удержаны однимъ изумленіемъ, ужасомъ и смятеніемъ Членовъ благомыслящихъ. Засѣданіе кончилось въ 9-ть часовъ по полудни.

На другой день, въ 10 часовъ утра, назначено другое Собраніе, для производства дѣла Галича и Арсеньева.

Г-нъ Кавелинъ взялъ съ собою всѣ бумаги и приказалъ Плисову на другой день, по утру, явиться къ нему на домъ, въ 6-ть часовъ, для приведенія въ порядокъ бумагъ и составленія журнала.

Предъ Собраніемъ 4-го Ноября.

На другой день предъ Собраніемъ узнали, что бумаги не приведены еще въ порядокъ и журналъ Чрезвычайнаго Собранія, 3-го Ноября, еще не составленъ.

Профессоръ Плисовъ тогда же открылъ нѣкоторымъ по довѣренности, что Г-нъ Кавелинъ у себя на дому дѣлалъ ему какіе-то непонятные намеки и увѣщанія въ выраженіяхъ аллегорическихъ и мистическихъ; что онъ говорилъ о Вавилонскихъ башняхъ, кои должны разсыпаться; поощрялъ его (Плисова) къ мужеству; подтверждалъ не обращаться вспять, чтобы не сдѣлаться Лотовою женою и т. п.; что, приведенъ будучи въ замѣшательство, онъ самъ не понималъ, къ чему сіи увѣщанія Г-на Кавелина клонятся; ибо, какъ извѣстно, съ Галичемъ и Арсеньевымъ самъ Кавелинъ намѣревался поступить гораздо снисходительнѣе, нежели съ Германомъ и Раупахомъ, и для того приглашалъ ихъ предварительно къ себѣ, а Галича, сверхъ того, и чрезъ предварительные переговоры (посредствомъ самаго Плисова, чего, однако жь, сей не исполнилъ) обращалъ къ тому, чтобы онъ не былъ философомъ.

Такимъ образомъ, какъ Профессоръ Плисовъ, такъ и тѣ, коимъ онъ дѣлалъ сію довѣренность, не понимали, къ чему оныя увѣщанія Г. Кавелина относятся.

Въ послѣдствіи изъ теченія дѣлъ открылось явно, что сіи увѣщанія Г. Кавелина клонились къ тому, чтобы онъ, Плисовъ,

по должности Конференцъ-Секретаря покрылъ въ журналѣ тѣ подлоги, кои въ Засѣданіи 3-го Ноября ими уже сдѣланы и согласился на тѣ, кои они (Руничъ и Кавелинъ) намѣревались еще сдѣлать. Опытъ доказалъ, сколь мало Плисовъ расположенъ былъ слѣдовать симъ преступнымъ внушеніямъ, гнушаясь пагубными совѣтами, подъ какою бы личиною оные ни укрывались.

Между тѣмъ, до времени прибытія Членовъ въ назначенное Собраніе, 4-го Ноября, когда Плисовъ, въ прилежащей къ Канцеляріи аудиторіи, съ Канцелярскими служителями приводилъ въ порядокъ привезенныя Г. Кавелинымъ бумаги вчерашняго Собранія, Толмачевъ, который находился тутъ же, занимаясь сочиненіемъ вымысловъ на поведеніе въ Собраніи Профессора Раупаха, и не зная еще, въ какомъ превратномъ отношеніи подѣйствовали на Профессора Плисова намеки и наставленія Г. Кавелина, обратился къ нему съ вопросомъ, въ какомъ порядкѣ Члены подаютъ голоса? Плисовъ показалъ ему списокъ, начиная съ Адъюнкта Радлова.

«Радловъ Нѣмецъ, съ тѣмъ нечего дѣлать,» сказалъ Толмачевъ; «я пойду прямо къ Русскимъ.»—«А за тѣмъ, если смѣю спросить?» возразилъ Плисовъ.

— «Скажу, чтобъ не разбивались въ голосахъ; я какъ «загартую, то такъ и пойдетъ», отвѣчалъ Толмачевъ съ безстыдною довѣренностію и при всѣхъ, тутъ находившихся, Канцелярскихъ служителяхъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ подходилъ тутъ же къ Рогову, Попову и Щеглову и давалъ имъ шепотомъ какіе-то совѣты и наставленія. Слово «загартую,» употребленное симъ Профессоромъ Россійскаго Краснорѣчія, не всякій изъ слышавшихъ разумѣлъ, но его намѣреніе было не только понятно изъ словъ, но и очевидно изъ дѣйствія.

Профессоръ Шармуа прислалъ свидѣтельство Доктора о своей болѣзни.

Профессоръ Чижовъ объявилъ, что Профессоръ Соловьевъ находится даже въ опасности жизни, и что вчерашнее Собраніе до того разстроило тѣлесныя, а еще болѣе душевныя, силы Г. Соловьева, что онъ тогда же лишился даже памяти, и вышедши изъ Собранія ночью, вмѣсто того, чтобъ ити домой, въ 6-ю Ли-

нію, очутился въ Коломнѣ, самъ про то ни чего не зная, а былъ приведенъ на свою квартиру матросами, впалъ въ чрезвычайное разслабленіе тѣлесное и душевное.

Между тѣмъ собрались Члены.

Засѣданіе 4-го Ноября.

Началось въ 11-ть часовъ утра.

Если не по важности, то, по крайней мѣрѣ, по чрезвычайности происшествій и разнообразности явленій, сіе Засѣданіе не уступаетъ ни мало предшествовавшему. Тѣ же пріемы со стороны Гг. Рунича и Кавелина, тѣ же изгороты и увертки, но только гораздо безпритворнѣе, и хотя цѣль была та же, но средства различны. Самый уже приступъ показывалъ нѣкую несомнѣнную увѣренность со стороны того и другаго въ томъ, что цѣль будетъ достигнута.

Г. Руничъ читалъ заготовленные, въ Главномъ Правленіи Училищъ, для отвѣтовъ Галича, вопросные пункты (обвиненіе въ невѣріи, безбожіи, разрушительныхъ правилахъ и пр.), а Г. Кавелинъ читалъ въ то же время изъ книги Галича «Исторіи Философскихъ системъ,» выписанныя доказательства на оные пункты. Всѣ сіи доказательства, за исключеніемъ, развѣ, тѣхъ мѣстъ, кои не для всякаго понятны, могли бы приличнѣе служить доказательствомъ той истины, что нѣтъ въ свѣтѣ ни чего столь невиннаго, что бы не могло быть обращено въ вину, или даже въ преступленіе.

Галичъ излагалъ въ своихъ книгахъ системы всѣхъ знатнѣйшихъ, древнихъ и новыхъ, философовъ въ историческомъ видѣ и не прибавляя своего ни одного слова. Сіи системы и мнѣнія мѣстами повыписаны изъ его книги и поставлены ему въ преступленіе. Дитя въ состояніи было, сообразя обстоятельства, оправдаться на мѣстѣ Галича.

Нѣкоторые изъ Членовъ Конференціи осмѣлились замѣтить и говорили, что Галичъ не можетъ подвергнуться отвѣтственности

за мнѣнія людей, коихъ нѣсколько уже тысячъ лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы доказано было, что сіи мнѣнія ложны; что, обязанъ будучи разсказывать и излагать сіи чужія мнѣнія, онъ погрѣшилъ бы противъ исторической вѣрности, если бы позволилъ себѣ какую либо въ оныхъ перемѣну; что печатная книга Галича, пропущенная въ Цензурѣ, служитъ уже доказательствомъ, что въ ней не нашли ни чего противнаго.

Всѣ таковыя представленія были тщетны. Г. Руничъ не понималъ оныхъ, или, по крайней мѣрѣ, притворялся, что не понимаетъ. Онъ упрекалъ Галича въ томъ, что онъ въ своей книгѣ не опровергаетъ сихъ системъ, кои, впрочемъ, частію сами себя, а частію взаимно, одна другую опровергаютъ, какъ то ясно и въ книгѣ Галича представлено. Г. Руничъ уподоблялъ сію книгу тлетворному яду, или заряженнымъ пистолетамъ, положеннымъ среди играющихъ дѣтей, либо дикихъ, не знающихъ употребленія огнестрѣльнаго оружія. Но сіе сравненіе, придуманное, вѣроятно, прежде, не шло ни мало къ книгѣ Галича, по которой онъ читалъ лекціи въ Университетѣ Студентамъ, прослушавшимъ уже курсъ Философіи; дѣти же и дикіе, подъ именемъ коихъ неизвѣстно кого разумѣлъ Г. Руничъ, хотя въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ понятія о такомъ огнестрѣльномъ оружіи, которому уподоблялась Г. Руничемъ книга Галича, но самое сіе незнаніе спасетъ ихъ и отъ предполагаемаго имъ злоупотребленія.

Но изъ собственныхъ объясненій Г. Рунича оказалось, что онъ самъ себя даже ставитъ въ семъ отношеніи въ числѣ оныхъ дѣтей, или дикихъ, хотя то съ нѣкоторою оговоркою; ибо, говоря о мнимомъ соблазнѣ, къ которому, по его мнѣнію, книга Галича подаетъ поводъ, произнесъ онъ торжественно:

«Я самъ, если бы не былъ истиннымъ Христіяниномъ «и если бы благодать свыше меня не осѣняла, я самъ не «отвѣчаю за свое поползновеніе при чтеніи книги Галича.» (Сіи достопамятныя и въ другомъ отношеніи слова нѣкоторыми изъ Членовъ Конференціи тогда же записаны.)

Между тѣмъ Галичъ позванъ въ Присутствіе. Г. Руничъ тотчасъ обратился къ нему съ назидательнымъ, но слишкомъ длиннымъ и частію неприличнымъ, увѣщаніемъ, въ выраженіяхъ чрез-

вычайно странныхъ. Поводомъ къ такому увѣщанію, какъ изъ самыхъ словъ Г. Рунича заключалось, было то, что Галичъ Русскій. И какихъ ругательствъ не говорилъ онъ при семъ случаѣ на счетъ всѣхъ иностранцевъ, въ Россіи пребывающихъ, а особливо замѣчая, что нѣкоторые изъ Членовъ Конференціи родомъ иностранцы, до которыхъ, слѣдовательно, сіи ругательства непосредственно касались, оными обижались. Потомъ, между ласковыхъ словъ, дѣлая Галичу горькіе упреки въ мнимой его неблагодарности къ мѣсту, въ которомъ онъ (Галичъ) самъ воспитанъ, къ Отечеству, къ Богу и къ Государю, и обвиняя его въ невѣріи, въ безбожіи, въ святотатственномъ нападеніи на божественность Откровенія, и т. п., Г. Руничъ, между прочимъ, сказалъ:

«Вы явно предпочитаете Язычество Христіянству, «распутную Философію дѣвственной невѣстѣ, Христовой «Церкви, безбожнаго Канта самому Христу, а Шеллинга и «Духу Святому.» Не значило ли это въ поношеніе Галичу непотребно ругаться святынею, и при томъ въ Присутственномъ Мѣстѣ и при зерцалѣ! «Подите, сказалъ наконецъ Г. Руничъ Галичу, «и напишите отвѣтъ, достойный Васъ, достойный Правительства, по повелѣнію коего Вы сюда призваны, нако«нецъ достойный той довѣренности, которую оно можетъ «впредь имѣть къ Вамъ!» Галичъ вышелъ въ особую комнату съ Адъюнктомъ Роговымъ, а между тѣмъ призванъ въ Присутствіе Адъюнктъ-Профессоръ Арсеньевъ.

Г. Руничъ обратился къ нему также съ увѣщаніями, подобно какъ и къ Галичу, но только какъ бы для виду, собственно же для того, чтобъ послѣ тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ устремиться на него съ ругательствами и злословіемъ. Когда Г. Руничъ запинался, то Г. Кавелинъ договаривалъ язвительныя слова, а когда тотъ уже, такъ сказать, почти задыхался, то сей заступалъ его мѣсто. Кромѣ обвиненій по вопроснымъ пунктамъ, на кои подлежало отвѣчать Арсеньеву, кромѣ упрековъ въ мнимой неблагодарности къ Богу, къ Государю и Отечеству, Арсеньевъ долженъ быть еще слушать, какъ его злословятъ въ глаза, называя невѣжею, глупцомъ и пр. Руничъ, ошибаясь въ правилахъ чести и границахъ благопристойности, и не стыдясь ни какихъ вымысловъ, забывался даже до того, что, при чтеніи

одной изъ обвинительныхъ статей на счетъ крѣпостнаго состоянія, сказалъ: «Вы сами, Г. Арсеньевъ, весьма еще недавно вышли изъ крѣпостнаго званія.»

Причиною таковаго ожесточенія Гг. Рунича и Кавелина противу Арсеньева (какъ самъ Г. Кавелинъ въ тотъ же день, въ вечеру, у себя на дому, и въ присутствіи Профессора Плисова, Толмачева и нѣкоторыхъ Канцелярскихъ служителей, признался) было то, что Арсеньевъ, который, какъ тогда же говорилъ Кавелинъ, обвинялся только за компанію Герману, презрѣлъ многократныя его (Кавелина) приглашенія къ себѣ на домъ, при которыхъ могъ бы въ томъ увѣриться и знать, какъ себя вести» Я таки «и не надѣялся на него,» прибавилъ тогда же Г. Кавелинъ, а особ«ливо съ тѣхъ поръ, какъ онъ, глупецъ, не соображая ни мало «временныхъ обстоятельствъ, бросился — и къ кому же? — «къ Великому Князю!»..

Послѣ брани, злословія и ругательствъ, Арсеньеву читаны были Г. Руничемъ Вопросные пункты, а Г. Кавелинымъ выписки изъ печатной книги, изданной Арсеньевымъ, а въ добавокъ изъ записокъ и замѣчаній (сдѣланныхъ однимъ, или нѣкоторыми?) изъ воспитанниковъ Пансіона по предмету Статистики, преподаваемой въ ономъ Арсеньевымъ.

Арсеньевъ объявлялъ и прежде, а теперь подтверждалъ то же, что онъ никогда не давалъ воспитанникамъ въ запискахъ ни одного слова; что онъ не отвѣчаетъ за тѣ слова и выраженія, въ коихъ кто либо изъ воспитанниковъ Пансіона самъ, можетъ быть, изъ шалости (а можетъ быть еще и по наущенію), дѣлалъ свои замѣчанія; что онъ теорію Статистики преподавалъ по печатной книгѣ Профессора Германа, изданной въ 1807 году отъ Главнаго Правленія Училищъ и одобренной Правительствомъ.

«Это не послужитъ Вамъ въ оправданіе, прервалъ его Г. Ру«ничъ, что книга напечатана и одобрена отъ Правительства; «тогда было время, а теперь другое.» При семъ разсказалъ Г. Руничъ, что Главное Правленіе Училищъ препоручило своему Ученому Комитету разсмотрѣть всѣ прежде напечатанныя и одобрен-

ныя книги; что теперь уже 18 разныхъ сочиненій, изданныхъ и одобренныхъ отъ прежняго Главнаго Правленія Училищъ, усмотрѣны (въ два дня (!), сколько изъ его словъ помнить можно) предосудительными, развратными и пр., и скоро будутъ осуждены на истребленіе!

«До Васъ доберутся тутъ же,» сказалъ онъ, сидящему по «лѣвую къ нему сторону, Директору Училищъ и Цензору Тимков- «скому. «Много мнѣ предлежитъ хлопотъ, продолжалъ онъ, но «моя ревность все преодолѣетъ!»

Горе книгамъ, а особливо одобреннымъ отъ прежняго Главнаго Правленія Училищъ, думалъ всякій изъ Членовъ Собранія въ то время, когда нѣкоторые изъявляли сожалѣніе только на счетъ хлопотъ и трудовъ, подъемлемыхъ Г. Руничемъ.

Арсеньевъ продолжалъ свое объясненіе и говорилъ дальше, что Статистику Европейскихъ Государствъ проходилъ онъ по порядку статей, изложенныхъ въ оной теоріи, заимствуя матеріялы изъ разныхъ иностранныхъ Статистическихъ сочиненій, а Статистику Россійскаго Государства читалъ онъ по своей собственной печатной книгѣ, съ утвержденія и одобренія самого Директора Пансіона, Г. Кавелина. «Грѣшенъ, Ваше Превосходитель- «ство, сказалъ Г. Кавелинъ; признаюсь, что я прежде одобрилъ «и утвердилъ въ руководство для преподаванія въ Пансіонѣ Ста- «тистики печатную книгу Г. Арсеньева: но по ней же читалъ «Статистику и въ Лицеѣ и въ Благородномъ онаго Пансіонѣ. «Однако жь это Вамъ не извиненіе, Г. Арсеньевъ, продолжалъ онъ; «теперь это мое прежнее одобреніе Вашей книги не у мѣста, и «я теперь же беру оное назадъ.»

При чтеніи Арсеньеву вопросныхъ обвинительныхъ пунктовъ и приводимыхъ изъ его печатной книги доказательствъ, замѣчено только то, что оные обвинительные пункты для Арсеньева, вѣроятно, заготовлены еще прежде, нежели книгу Арсеньева читали и искали въ ней и думали найти соотвѣтствующія онымъ доказательства.

Припомнить всѣ сіи пункты и въ порядкѣ изложить тѣмъ труднѣе, что они читаны наскоро и какъ бы мимоходомъ; одна-

ко жь вообще можно сказать, что не было ни одного такого обвиненія въ оныхъ пунктахъ, которому бы соотвѣтствовало доказательство.

На примѣръ, вопросной пунктъ: «Что приведете Вы въ оправданіе того, что дерзнули открывать величайшія Государственныя тайны?»

«Послушайте, Михайло Андреевичъ, говорилъ Г. Руничъ «Балугьянскому, самому Графу Гурьеву, вѣроятно, неизвѣстны тѣ «Государственныя тайны, кои намъ Г. Арсеньевъ открываетъ. «Послушайте, Г. Плисовъ, это и до Васъ также касается по части «преподаванія Финансовъ.»

Г. Кавелинъ, понизя тонъ, дрожащимъ голосомъ и съ притворнымъ страхомъ, читалъ изъ выписокъ, присланныхъ отъ Главнаго Правленія Училищъ, доказательство на сіе обвиненіе Арсеньева въ открытіи Государственныхъ тайнъ. Это было то самое мѣсто въ книгѣ Арсеньева, въ которомъ онъ говоритъ о суммѣ выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій, основывая Статистическія сіи извѣстія не только на публичныхъ актахъ, но и на Всемилостивѣйшихъ Манифестахъ, изданныхъ во всенародное извѣстіе. Слѣдовательно, это были такія Государственныя тайны, кои извѣстны всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Профессоры Балугьянскій и Плисовъ, къ которымъ въ особенности обращалъ рѣчь Г. Руничъ, не упустили ему то замѣтить; Г-нъ Руничъ молчалъ, прочіе изъявляли знаки удивленія.

Въ самомъ дѣлѣ удивительно, какъ Главное Правленіе Училищъ, въ которомъ, какъ многократно говорилъ и писалъ Г. Руничъ, выписки вредныхъ мѣстъ изъ тетрадей и книгъ обвиняемыхъ Профессоровъ сдѣланы, свѣрены, просмотрѣны, и по онымъ вопросные пункты заготовлены, какъ Главное Правленіе Училищъ Высочайшіе Манифесты и публичные акты, во всенародное извѣстіе объявленные, назвало величайшею Государственною тайною.

Такого же рода были и другія обвиненія, на которыя, по вопроснымъ пунктамъ, требовались отвѣты отъ Арсеньева. Онъ,

на примѣръ, говоритъ о безопасности и о свободѣ промышленности, какъ о средствахъ къ достиженію цвѣтущаго состоянія оной, какъ о главнѣйшемъ правилѣ управленія оной, не только признанномъ въ теоріи, но и принятомъ на практикѣ въ нашемъ Отечествѣ, равно какъ и во всякомъ просвѣщенномъ Государствѣ; а по присланнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ вопроснымъ пунктамъ за сіе именно обвиняютъ его (Арсеньева) въ томъ, что онъ преподаетъ тѣмъ самымъ правила разрушительныя и низпровергающія гражданскія и государственныя связи.

Арсеньевъ говоритъ въ своей книгѣ, что «свобода промышлен-«никовъ и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ при-«умноженіи богатства частнаго и народнаго; а вопросный особой пунктъ, на основаніи того, обвиняетъ его въ посмѣяніи мѣрамъ того Правительства, подъ благотворнымъ вліяніемъ коего онъ живетъ и пользуется всѣми выгодами жизни.

Онъ говоритъ мимоходомъ о правленіи Наполеона; а вопроснымъ пунктомъ это примѣнено къ нашему Отечеству! И когда при чтеніи сего мѣста Профессоръ Плисовъ это замѣтилъ, то Г. Руничъ, упрекнувши его въ соумышленничествѣ, запретилъ тутъ же Арсеньеву писать то въ своихъ отвѣтахъ. Виноватъ ли Арсеньевъ, что бѣлое называютъ чернымъ, и можно ли запретить ему отвѣчать, что бѣлое есть бѣлое, даже и послѣ того, когда другіе также думаютъ?

Наконецъ, послѣ многихъ неприличныхъ прицѣпокъ и придирокъ Г-на Рунича къ Профессору Балугьянскому, который на неумѣстныя и выходящія изъ границъ благопристойности его шутки отвѣчалъ молчаніемъ, Арсеньевъ отпущенъ въ особую камеру, для составленія письменныхъ отвѣтовъ на вопросные пункты.

Не успѣлъ онъ выйти, какъ Адъюнктъ Роговъ принесъ письменный отвѣтъ Галича. Онъ состоялъ, сколько помнить можно, въ слѣдующихъ словахъ:

«Сознавая невозможность отвергнуть, или опровергнуть, пред-«ложенные мнѣ вопросные пункты, прошу не помянуть грѣховъ «юности и невѣдѣнія.»

(Подписано) Галичъ.

По прочтеніи сего отвѣта, Г-нъ Руничъ зарыдалъ. Ему послѣдовали въ томъ и нѣтоторые изъ Членовъ.

Галичъ призванъ въ Присутствіе. «Послѣ сего, воскликнулъ Г-нъ Руничъ, могу ли я рѣшиться бросить на Васъ камень!» Онъ бросился обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича. Увлекаясь восторгомъ, онъ называлъ Галича «блуждающею овцою, оглашеннымъ, обращеннымъ, просвѣтившимся.» Увѣрялъ все Собраніе, что «обращеніе сіе есть чудесное дѣйствіе бла«годати Божіей; что въ сію самую минуту благодать коснулась «его (Галича) сердца; что только слѣпотствующій умъ того не «видитъ; что признаніе Галича относится къ славѣ Спасителя «міра; что Пастырь овецъ подъялъ его на рамена свои и несетъ «уже въ домъ Израилевъ.* Г-нъ Кавелинъ подтверждалъ сіе видѣніе, и потомъ бросился также обнимать, привѣтствовать и поздравлять Галича. То же сдѣлалъ, въ свою очередь, и Г-нъ Зябловскій.

Всѣ Члены Собранія были чрезвычайно тронуты и приведены въ изумленіе.

Кто не жалѣлъ о бѣдномъ Галичѣ, который, двумя строками, поставилъ себя въ такое положеніе, что самъ Г-нъ Руничъ не могъ рѣшиться бросить на него (новый) камень!

Конечно, одинъ только Галичъ подтвердить можетъ, сколько подѣйствовали на него предварительныя увѣщанія Г-на Кавелина и угрозы, что онъ, Галичъ, въ противномъ случаѣ объявленъ будетъ съумасшедшимъ (какъ то Г-нъ Кавелинъ подтверждалъ ему не только чрезъ Плисова, который и въ семъ случаѣ не могъ выполнить препорученія, но и чрезъ Священника Павскаго, а, можетъ быть, и еще чрезъ многихъ другихъ); сколько подѣйствовало на него настоящее его положеніе, страшные упреки, произнесенные Г-мъ Руничемъ, и сколько внутреннее его сознаніе невинно-

---

* Всѣ сіи странныя выраженія слово въ слово записаны въ самомъ Собраніи нѣкоторыми изъ Членовъ; они содержатся также въ Донесеніи Г-на Рунича на имя Г-на Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія отъ 13-го Ноября, 1821, а частію также и въ Протоколѣ Собранія 4-го Ноября.

сти оспоривало наружное признаніе, которое къ тому еще и двусмысленно.

Въ самомъ дѣлѣ, восторгъ Г-на Рунича, изливаемый въ неистощимыхъ словахъ, выраженіяхъ и дѣйствіяхъ, вдругъ и внезапно превратился, такъ сказать, въ оцѣпенѣніе. Онъ умолкъ, бросалъ сомнительные и двусмысленные взгляды то на Галича, то на Г-на Кавелина, который также молчалъ и отвѣчалъ только знаками, пожимая плечами. Г-нъ Зябловскій начиналъ говорить, но (сколько помнить можно) не сказалъ ни чего.

Г-нъ Руничъ обратился потомъ къ Галичу:

«Любезный Александръ Ивановичъ! сказалъ онъ, перемѣня «тонъ и съ примѣтнымъ неудовольствіемъ; «наружность можетъ «быть обманчива. Чѣмъ бы, на примѣръ, могли Вы на опытѣ до«казать то, въ чемъ настоящее положеніе Ваше подаетъ поводъ «сомнѣваться?»

Галичъ не отвѣчалъ ни слова. «Не согласились ли бы Вы, «продолжалъ Г нъ Руничъ, запечатлѣть свое признаніе тѣмъ, чтобъ «издать вновь Вашу «Исторію системъ Философскихъ,» и въ преди«словіи къ оной торжественно описать Ваше обращеніе и «отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименитомъ разумѣ «основаннаго?»

Галичъ молчалъ. Г-нъ Руничъ задумался; читалъ и перечитывалъ отвѣтъ Галича; потомъ вдругъ принялъ прежній веселый видъ и съ прежнимъ восторгомъ, или, лучше сказать, съ новымъ восхищеніемъ обратился къ Собранію, которое уже приготовлялось услышать сообщеніе новаго видѣнія: «Но на что намъ дру«гіе доводы? Самое уже сіе сознаніе Г-на Галича не явнымъ ли «служитъ доказательствомъ, что вредныя и опасныя ученія дѣй«ствительно были въ здѣшнемъ Университетѣ, а слѣдственно, и во «всемъ Учебномъ Округѣ допущены? А сего уже и довольно; «а сего уже и довольно!» повторялъ онъ нѣсколько разъ и такимъ значительнымъ тономъ, что рѣдкій не могъ понять, что въ томъ только и состояла вся главная цѣль. «Пусть теперь усиливаются доказывать противное», прибавилъ онъ съ явною нескром-

ностію, которую тотчасъ Г-нъ Кавелинъ далъ ему замѣтить, прервавши торопливо его рѣчь.

Тутъ Г-нъ Руничъ обратился опять къ Галичу; говорилъ, что онъ долженъ непремѣнно получить прощеніе; что онъ самъ будетъ о томъ ходатайствовать у Г-на Министра; что до будущаго опредѣленія рода ученыхъ занятій Галича онъ теперь же позаботится о новой для него должности. Наконецъ, Галичъ вышелъ изъ Присутствія. Въ слѣдъ за тѣмъ Арсеньевъ принесъ свои письменные отвѣты и подалъ оные Г. Руничу.

При первомъ взглядѣ на сіи отвѣты Г-на Рунича и Г. Кавелина, полились прежнія ругательства со стороны того и другаго на Арсеньева. Причина тому та, что Арсеньевъ въ оныхъ письменныхъ отвѣтахъ защищался и требовалъ законныхъ средствъ къ совершенному его оправданію. При чтеніи оныхъ Г. Руничъ коверкалъ слова, ломалъ языкъ, кривлялся, смѣялся и даже хохоталъ. Профессоръ Балугьянскій, къ которому онъ часто при томъ обращался, бросалъ на него значительные взгляды, коими старался выразить всю неприличность его поведенія. Г-нъ Руничъ пытался задобрить Г-на Балугьянскаго ласковыми словами, а между тѣмъ кончилъ чтеніе отвѣтовъ Арсеньева и велѣлъ ему оставить Собраніе.

Въ слѣдъ за тѣмъ предложены отъ Г-на Рунича разные вопросы для мнѣнія Конференціи: «Удовлетворительны ли отвѣты Арсеньева (объ отвѣтѣ Галича не спрашивалось)? Могутъ ли печатныя книги: «Исторія Философскихъ системъ Галича» и «Статистика Россіи Арсеньева,» быть употребляемы въ руководство къ преподованію? и наконецъ, заслуживаютъ ли Галичъ и Арсеньевъ, какъ наставники юношества, довѣренность Правительства?»

Какія на каждый изъ сихъ вопросъ были мнѣнія каждаго порознь изъ Членовъ, припомнить трудно, по причинѣ произведеннаго, вѣроятно, съ намѣреніемъ, Гг. Руничемъ, Кавелинымъ и Зябловскимъ замѣшательства. Г. Кавелинъ занимался сочиненіемъ описанія на случай обращенія Галича, и выходилъ нѣсколько разъ изъ Присутствія; Г. Руничъ, пособляя ему, дѣлалъ то же; Г. Зяб-

ловскій искалъ Галича, чтобъ переговорить съ нимъ; нѣкоторые изъ Членовъ вставали съ своихъ мѣстъ и ходили взадъ и впередъ. По всѣмъ симъ причинамъ, припомнить мнѣнія каждаго порознь Члена на предложенные о Галичѣ и Арсеньевѣ вопросы, трудно. При подписаніи же (съ 7-го на 8-е число Ноября, ночью и, такъ сказать, въ просонкахъ), составленнаго о томъ Г. Кавелинымъ по своему усмотрѣнію, Протокола, рѣдкій изъ Членовъ могъ обратить надлежащее на то вниманіе. Довольно, что по симъ частнымъ мнѣніямъ слѣдовало одно общее заключеніе: что отвѣтъ Арсеньева недостаточенъ, и, судя по времени и предоставленнымъ ему средствамъ къ тому, не могъ быть достаточенъ; что Галичъ и Арсеньевъ, какъ по своимъ познаніямъ, такъ и по нравственнымъ достоинствамъ, заслуживаютъ довѣренность Правительства въ качествѣ наставниковъ юношества; наконецъ, что даже и тогда, когда изданныя ими для руководства печатныя книги признаны будутъ негодными къ классическому употребленію, они могутъ преподавать лекціи по другимъ книгамъ, кои имъ будутъ предписаны въ руководство. Вотъ истинный смыслъ общаго мнѣнія, не смотря на несправедливыя заключенія, выведенныя въ составленномъ отъ Г. Кавелина Протоколѣ и при чтеніи онаго замѣченныя.

Между тѣмъ, въ продолженіе сего Засѣданія, Профессоръ Деманжъ подалъ Г. Руничу бумагу, объявляя, что Профессоръ Шармуа препоручилъ ему представить оную Собранію.

Въ первый еще разъ увидѣло Собраніе смятеніе и безпокойство того, который до сихъ поръ поминутно почти приводилъ въ безпокойство и смятеніе все Собраніе. «Боже мой! Возможно ли это!» воскликнулъ наконецъ Г. Руничъ, приподнявши листокъ и увидѣвши ясно, что это протестація Профессора Шармуа въ причиненной ему, вчерашній день въ Собраніи, тяжкой обидѣ.

«Милостивые Государи! продолжалъ онъ жалкимъ тономъ, «вотъ чѣмъ платитъ Шармуа за мое и Ваше снисхожденіе «къ его проступку! Онъ протестуетъ противу сего, моего и Вашего, снисхожденія, и когда же? Тогда, когда всѣ акты, дока«зывающіе проступокъ, по общему и единодушному Вашему «согласію, уничтожены! (Сравн. Засѣданіе 3-го Ноября).

Смущеніе Г. Рунича возрасло до того, что онъ обращался нѣсколько разъ къ Деманжу, и ожидалъ, или даже спрашивалъ (сколько нѣкоторые помнятъ), не возьметъ ли онъ поданной имъ бумаги назадъ?

Въ намѣреніи ли отвесть новую грозу, или больше изъ жалости къ Г. Руничу, Профессоры Балугьянскій и Грефе начали говорить, и предлагали: «не читать въ семъ Собраніи протеста Шармуа, а оставить до будущаго, и если Профессоръ Шармуа будетъ настоять въ томъ, чтобы дать дѣлу надлежащій ходъ, то тогда оно пойдетъ законнымъ порядкомъ.» Всѣ были согласны на сіе представленіе. Г. Руничъ, оправясь отъ смятенія, въ которое привелъ его одинъ взглядъ на сію бумагу, началъ опять по прежнему ругать Профессора Шармуа. Профессоръ Балугьянскій посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, и онъ ограничился однимъ, произнесеннымъ имъ сквозь зубы, словомъ «мошенникъ,» которымъ называлъ онъ Шармуа. Онъ обратился тотчасъ къ Профессорамъ Балугьянскому и Грефе, наговорилъ тому и другому множество ласковыхъ словъ на счетъ ихъ добродушія, благородства и проч. Упрашивая Балугьянскаго остаться служить въ Университетѣ съ нимъ вмѣстѣ, обѣщалъ ему званіе Заслуженнаго и пр., и пр. Наконецъ разсудилъ запечатать протестъ Шармуа своею печатью и отдать для храненія Г. Балугьянскому.

Засѣданіе кончилось въ 4 часа по полудни. Назначено собраться 7-го числа, въ 6 часовъ по полудни, для подписанія Протоколовъ. Г. Кавелинъ взялъ съ собою всѣ бумаги и приказалъ Профессору Плисову явиться къ нему на домъ въ тотъ же день, въ 8 часовъ вечера, для составленія Протоколовъ.

Засѣданіе 7-го Ноября.

Началось въ 6-ть часовъ вечера.

Засѣданіе сіе назначено единственно для подписанія Протоколовъ обоихъ предшествовавшихъ Собраній. Г. Руничъ привезъ оные въ своемъ портфелѣ, и Г. Кавелинъ желалъ самъ оные читать въ Собраніи, говоря, что «ему знакомѣе рука писца, и что

онъ, сверхъ того, нѣсколько пособлялъ Плисову при составленіи оныхъ.»

Профессоръ Балугьянскій представилъ, отданную ему для храненія, запечатанную протестацію Профессора Шармуа съ полученнымъ тутъ же письмомъ сего послѣдняго и съ приложеннымъ при оном дополнительнымъ объясненіемъ. Въ слѣдъ за тѣмъ подана Г. Руничу такого же содержанія протестація Профессора Деманжа. Г. Руничъ хотя и сказалъ, что онъ все это предвидѣлъ, но между тѣмъ предварительное совѣщаніе съ Г. Кавелинымъ, по содержанію сихъ протестовъ, считалъ для себя необходимымъ. А по тому чтеніе Протоколовъ поручено Профессору Плисову, только съ подтвержденіемъ читать поскорѣе и не останавливаясь.

При первой орѳографической ошибкѣ Плисовъ нашелъ случай объявить, что «оба сіи Протоколы составлялъ не онъ.» Г. Кавелинъ сперва шуткою запирался въ томъ, что сіи Протоколы составлялъ онъ самъ; говорилъ, что онъ на сей разъ служилъ для Плисова писцомъ, и въ томъ только пособлялъ ему, между тѣмъ велѣлъ Плисову продолжать чтеніе.

Послѣ предложеній Г. Министра, прописанныхъ въ Протоколѣ перваго Засѣданія, слѣдовало самое производство дѣла по обвиненію Профессоровъ Германа и Раупаха. Плисовъ останавливался при чтеніи каждаго обстоятельства, изложеннаго въ превратномъ смыслѣ, и наконецъ, не смотря на всѣ усилія, съ какими Г. Кавелинъ старался, даже угрозами, ударжать его, объявилъ, что «онъ ни мало не участвовалъ въ составленіи сихъ обоихъ Протоколовъ, и что, по тому самому, не отвѣчаетъ за подлоги, коими они наполнены.»

Г. Руничъ притворился, что ни чего про то не знаетъ, а Г. Кавелинъ едва могъ умѣрить то ожесточеніе, въ которое привело его сіе объявленіе Плисова; однако жь, замѣчая, что оно не сдѣлало большаго впечатлѣнія въ Членахъ Собранія (по тому что это было уже большею частію извѣстно), Г. Кавелинъ наконецъ объявилъ, съ своей стороны, что Протоколы составлены Толмачевымъ подъ его надзоромъ,» а сей и въ самомъ дѣлѣ подтвердилъ это.

Г. Руничъ началъ изъявлять Г. Кавелину свою благодарность, выхвалять его ревность и усердіе къ общему благу, увѣрять его въ признательности цѣлаго Собранія, и прочія тому подобныя дѣлать учтивости, и при томъ въ такихъ выраженіяхъ, въ коихъ всякъ разумѣлъ нѣкоторый родъ ироническаго оборота, а наконецъ и самъ Г. Кавелинъ старался отклонять двусмысленность оныхъ.

Потомъ велѣли Плисову продолжать чтеніе, но съ прежнимъ подтвержденіемъ: поскорѣе и не останавливаясь, по тому, какъ говорилъ Г. Руничъ, что время въ самомъ дѣлѣ дорого. «Я «не выйду изъ Собранія, прибавилъ онъ, прежде нежели мы это «совершенно кончимъ, а потомъ отправимъ еще Французовъ» (указывая на протесты Профессоровъ Шармуа и Деманжа). Тутъ говорилъ онъ о безобразныхъ явленіяхъ, происходившихъ въ прежнихъ Засѣданіяхъ; о томъ, что сіи явленія повторяться не могутъ и не должны, что онъ уже усталъ.... Но всѣ сіи напоминанія и самый тонъ, съ которымъ они произнесены, возобновляя въ памяти каждаго тѣ по истинѣ безобразныя явленія, кои всякъ по чистой совѣсти могъ относить только къ самому Г. Руничу, тѣмъ менѣе еще оставляли надежды вѣрить, что сіи безобразныя явленія отъ Г. Рунича повторяться теперь не могутъ и не должны, а усталости его въ подобныхъ случаяхъ никто еще изъ Собранія не могъ замѣтить.

Между тѣмъ, изъ всѣхъ сихъ приступовъ, всякій напередъ уже могъ заключить, что въ Протоколахъ желаютъ нѣчто скрыть.

Но кто могъ себѣ представить, чтобъ злоупотребленіе простиралось до такой степени, и при томъ въ такомъ явномъ безстыдствѣ, въ какомъ оно оказалось въ сихъ Протоколахъ!

1) Тутъ употреблены всѣ возможныя усилія, чтобъ скрыть настоящій ходъ дѣла.

2) Истощены всѣ ухищренія въ словахъ и выраженіяхъ, чтобъ дать превратный смыслъ безпристрастнымъ мнѣніямъ больше части Членовъ Собранія.

3) Наконецъ, учинены всѣ нужные къ тому подлоги.

Въ дополненіе ко всему тому, Г. Кавелинъ и Г. Руничъ, при всякомъ случаѣ, понуждали Плисова читать скорѣе, запрещая ему останавливаться даже и тогда, когда Члены Собранія замѣчали и старались показать всю важность и гнусность обмана. Когда же нѣкоторые изъ нихъ осмѣлились спросить: «Можно ли будетъ просмотрѣть Протоколы сіи особо, прочесть въ другой разъ, или хоть взглянуть на нихъ?» то были жестоко осмѣяны Г-мъ Кавелинымъ и Г. Руничемъ, который наконецъ сказалъ: «Теперь у всякаго «еще на лицѣ маска; при подписаніи журналовъ она спа«детъ, и тогда увидимъ, кто каковъ!»

Не смотря, однако жь, на всѣ сіи ухищренія, всякій изъ Членовъ могъ при чтеніи Протокола замѣтить слѣдующіе подлоги:

1) Словесное объясненіе Раупаха и письменные отвѣты его названы въ Протоколѣ возмутительными и, сверхъ того, упорствомъ, наглостію, запирательствомъ и пр., при чемъ сказано, яко бы Собраніе находитъ оные таковыми.

2) Письменный отвѣтъ Раупаха измѣненъ въ переводѣ Толмачева (что нѣкоторые изъ Членовъ тутъ же замѣтили).

3) Изъ мнѣнія Членовъ, по которому письменные отвѣты обоихъ Профессоровъ, Германа и Раупаха, признаны недостаточными къ объясненію дѣла или, какъ нѣкоторые говорили, неудовлетворительными, выведено заключеніе, по которому сіе обращено въ собственную вину подсудимыхъ.

4) Особое письменное мнѣніе Профессора Балугьянскаго на сей 1-й, предложенный въ Собраніи 3-го Ноября, вопросъ, не занесено въ Протоколъ, но введено въ счетъ голосовъ, по которымъ отвѣты подсудимыхъ почитались неудовлетворительными.

5) Когда Г. Балугьянскій замѣтилъ такое упущеніе и, при чтеніи Протокола, требовалъ, чтобы сіе особое его мнѣніе было въ оном ъ означдно, то ему это обѣщано Г. Кавелинымъ, однако жь, не исполнено; напротивъ того, Толмачевъ вызвался тутъ же писать свое мнѣніе на мнѣніе Балугьянскаго, началъ писать, не извѣстно нн кому, что именно, и сіе писаніе, сколько извѣстно, приложено къ Протоколу

6) Изъ объясненій и отвѣтовъ Профессоровъ Германа и Раупаха, по которымъ тотъ и другой не признаютъ себя виновными въ преподаваніи того ученія, коимъ, по вопроснымъ пунктамъ, обвиняются, требуя разсмотрѣнія сего дѣла par des juges compétens, въ Протоколѣ выведено заключеніе, яко бы они тѣмъ самымъ опорочиваютъ Правительство и оспариваютъ законность актовъ.

7) Большинствомъ безпристрастныхъ голосовъ требовалось предоставить обвиняемымъ всѣ законныя средства и способы къ ихъ оправданію; о семъ въ Протоколѣ ни чего не упомянуто; напротивъ того, изъ особыхъ письменныхъ мнѣній нѣкоторыхъ изъ Членовъ выведенъ упрекъ въ соумышленничествѣ съ обвиняемыми.

8) Какъ въ томъ же, такъ и въ другомъ, мѣстѣ въ Протоколѣ сказано, что сіе самое (т. е., требованіе обвиняемымъ законныхъ средствъ къ оправданію) значитъ требованіе для подсудимыхъ актовъ на домъ. Потомъ тамъ же сказано, яко бы такое требованіе предложено было на судъ Конференціи, но, какъ дерзкое, или противузаконное, отвергнуто большинствомъ 14-ти голосовъ противъ 6-ти. Это заключеніе было ложное, по тому что такой вопросъ никогда не былъ предлагаемъ на судъ Конференціи.

9) Когда сперва самъ Г. Зябловскій уже признался, а послѣ и прочіе всѣ Члены подтвердили, что такой вопросъ никогда не былъ предложенъ на судъ Конференціи, то Толмачевъ вызвался одинъ противъ всѣхъ доказать противное, и тутъ же, въ другой разъ, принялся, по просьбѣ Г. Рунича и Г. Кавелина, писать о томъ свое мнѣніе.

10) За симъ Г. Кавелинъ началъ поправлять это въ Протоколѣ, но при сей поправкѣ выпущены только нѣкоторыя слова, а смыслъ вымысла остался, и поспѣвшее къ тому времени мнѣніе Толмачева, хотя не читано въ Собраніи, но, по словамъ Г. Рунича и Г. Кавелина, долженствовало быть приложено при Протоколѣ, «чтобъ дать ходъ дѣлу,» какъ то послѣдній не стыдился сказать тутъ же.

11) Во второмъ, предложенномъ въ Собраніи 3-го Ноября Г. Руничемъ, вопросѣ: «Можно ли допустить мнѣніе Профессоровъ

Германа и Раупаха въ томъ, что они не признаютъ выписокъ, въ Главномъ Правленіи Училищъ составленныхъ, законными и на собственномъ ихъ ученіи основанными?» слово «законными» въ Протоколѣ выпущено, и изъ общаго предположенія, въ семъ непонятномъ вопросѣ содержащагося, выведены ложныя заключенія.

12) Въ 3-мъ вопросѣ Г. Рунича, въ томъ же Собраніи, Ноября 3 дня, предложенномъ: «Судя по выпискамъ, препровожденнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ, какого мнѣнія Конференція о преподанныхъ Профессорами Германомъ и Раупахомъ ученіяхъ и о благонадежности ихъ, какъ наставниковъ юношества?» въ Протоколѣ поставлены слова: «судя по выпискамъ» и проч. во вмѣстительномъ знакѣ [—], и Г. Кавелинъ, равно какъ и Г. Руничъ, доказывали, что сіи слова, яко не нужныя, должны быть выпущены.

13) Изъ отвѣтовъ и письменныхъ мнѣній Членовъ на сей вопросъ выведены заключенія ложныя.

14) Въ мнѣніи на сей вопросъ Г. Балугьянскаго, съ которымъ согласился Г. Руничъ, Г. Кавелинъ и Г. Зябловскій, условная частица бы въ Протоколѣ выпущена. Плисовъ объявилъ тутъ же, что сей подлогъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, сдѣлалъ Г. Кавелинъ у себя на дому, при составленіи Протоколовъ.

15) Г. Балугьянскій тутъ же протестовалъ противъ сей перемѣны и, для уличенія въ ономъ Г. Кавелина, требовалъ подлинное свое, на Французскомъ языкѣ поданное, мнѣніе, но ему не сдѣлано удовлетвореніе.

16) По объявленіи Г. Балугьянскимъ сего протеста, Г. Руничъ, Г. Кавелинъ и Г. Зябловскій рѣшились взять назадъ свое согласіе съ онымъ и пристать къ безусловному мнѣнію Щеглова, но въ Протоколѣ все осталось по прежнему, и Г. Балугьянскій, равно какъ и большая часть другихъ Членовъ, ложно считаются въ числѣ тѣхъ, кои осуждаютъ обвиняемыхъ Профессоровъ Германа и Раупаха, по тому что, по предложенному въ Собраніи, 3-го Ноября, отъ Г. Рунича вопросу, надлежало давать, и большею частію всякъ давалъ, свое мнѣніе о обвиненіяхъ, со-

держащихся въ вопросныхъ пунктахъ и выпискахъ, а не о Профессорахъ Германѣ и Раупахѣ, коихъ преступленіе ни посредственно, ни непосредственно, не было доказано. Но для сего-то подлога и слова, «судя по выпискамъ,» и пр., выключены въ Протоколѣ.

Вотъ главнѣйшіе подлоги, всѣми замѣченные при чтеніи перваго Протокола въ Засѣданіи 7-го Ноября.

По прочтеніи, Г. Кавелинъ взялъ оный въ Канцелярію, подъ предлогомъ выправить орѳографическія ошибки, собственно же для того, чтобъ никто изъ Членовъ Собранія не могъ просмотрѣть онаго въ другой разъ. Потомъ приступили къ чтенію другаго Протокола, по производству дѣла Галича и Арсеньева.

Время было уже около третьяго часу за полночь. Г. Руничъ подтверждалъ опять, что онъ не выйдетъ изъ Собранія прежде, нежели прочтенъ будетъ сей Протоколъ и онъ не отправитъ Французовъ; но сіе напоминаніе было почти излишнее, по тому что и безъ того всякій изъ Членовъ, чья совѣсть не была усыплена, или продана, слишкомъ былъ занятъ первымъ Протоколомъ и не могъ обратить на второй надлежащаго вниманія.

Однако жь, нельзя было не замѣтить, что и сей второй Протоколъ въ каждомъ пунктѣ измѣненъ, сообразно видамъ Г. Рунича и Г. Кавелина.

Обращеніе Галича (сколько помнить можно) и въ Протоколѣ представлено чудомъ, которое, однако жь, тутъ приписано не столько дѣйствію Благодати, сколько сильной рѣчи Г. Рунича, которую Г. Кавелинъ и въ прошломъ уже Собраніи называлъ «боговдохновенною,» но теперь считалъ себя тѣмъ болѣе вправѣ назвать оную таковою, предполагая, что язвительныя укоризны, поносныя слова и ругательства, кои при произнесеніи оной, такъ сказать, рѣкою лились изъ устъ Г. Рунича на бѣднаго Галича, уже забыты. Вообще говоря, все сіе, такъ названное, обращеніе Галича, описано такимъ притворнымъ напѣвомъ, который составляетъ чрезвычайный контрастъ съ тою цѣлію, которой надѣются чрезъ то достигнуть, а еще болѣе съ тѣми средствами, кои были употреблены къ тому.

При чтеніи, прописаннаго въ Протоколѣ, письменнаго его отвѣта, замѣчено, что это не его отѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не тотъ отвѣтъ Галича, который онъ далъ въ Собраніи 4-го Ноября. Для повѣрки надлежало пріискать подлинной; при дѣлахъ его не было, а находился тутъ собственноручый же и за подписаніемъ Галича, но подложной, другой отвѣтъ, отъ перваго даннаго имъ въ Собраніи 4-го Ноября различный не только по содержанію, но и по наружному виду, какъ то сперва Г. Балугьянскій, а потомъ и всѣ тутъ же замѣтили, Г. Кавелина, на котораго отвѣтственность въ семъ дѣлѣ Плисовъ сослался, но его не было на ту пору въ Собраніи; ибо онъ, вышедши въ Канцелярію, велъ съ Г. Руничемъ совѣщанія о протестахъ Деманжа и Шармуа. Г. Зябловскій принужденъ былъ тутъ же объявить, что «сей другой (подложной) отвѣтъ Галича, подписанный 4-мъ числомъ, вытребованъ отъ него «Г. Кавелинымъ уже 7-го числа и занесенъ въ Протоколъ, а первой потерянъ; впрочемъ, это ничего не значитъ, прибавилъ «Г. Зябловскій, и Галичъ вѣрно уже не отступится отъ сего «отвѣта.»

Для чего сей подлогъ сдѣланъ, уже всякой догадывался; но по какому праву Г. Кавелинъ позволилъ себѣ такое злоупотребленіе? Это такой вопросъ, который тутъ же приходилъ на мысль всякому, но который предложенъ будучи для мнѣнія, безъ сомнѣнія, произвелъ бы разногласіе и, судя по аналогіи прежнихъ случаевъ, за вѣрное можно было предположить, что одни сказали бы, что такой поступокъ Г. Кавелина противенъ закону, — и это мнѣніе сочтено бы было перекапіемъ, крючками, уловками, ябедничествомъ, а можетъ быть и заговоромъ; другіе сказали бы просто, что Г. Кавелинъ въ правѣ поступать по праву, сверхъ права и противу права, — и сіе мнѣніе, хотя бы оно было и не многими объявлено, удержало бы перевѣсъ тамъ, гдѣ голоса принимались-ни по вѣсу, ни по счету, но по крику, съ которымъ произносятся. А по тому никто не осмѣлился произнесть слова.

Изъ голосовъ и мнѣній Членовъ на предложенные Г. Руничемъ въ Собраніи 4-го Ноября о Галичѣ и Арсеньевѣ вопросы, выведены въ Протоколѣ ложныя заключенія:

1) Объ отвѣтѣ Арсеньева сказано просто, что онъ признанъ неудовлетворительнымъ, или недостаточнымъ, къ объя-

сненію вопросныхъ пунктовъ, и сіе обращено въ вину ему же, Арсеньеву; напротивъ того

2) Нигдѣ не сказано, что въ числѣ сихъ вопросныхъ пунктовъ большая часть такихъ, кои могли быть скорѣе обращены въ обвиненіе того, кто по онымъ пріискивалъ въ книгѣ Арсеньева выписки и ссылки, какъ то и въ самомъ Собраніи 4-го Ноября замѣчено.

3) Въ Протоколѣ не сказано, что, говоря о неудовлетворительности отвѣтовъ Арсеньева, большинствомъ голосовъ требовалось также предоставить ему законныя средства и способы къ его оправданію.

4) Въ Протоколѣ выведено ложное заключеніе, будто ученіе Галича и Арсеньева положительно признано опаснымъ и вреднымъ, а сами они, Галичъ условно, а Арсеньевъ положительно, не заслуживающими довѣрія.

Между тѣмъ какъ чтеніе сего втораго Протокола приближалось уже къ концу, а время къ четвертому часу за полночь, и Г. Кавелинъ возвратился въ Присутствіе, Г. Руничъ прервалъ чтеніе и обратился къ Собранію съ длинною рѣчью.

Содержаніе оной было уже частію извѣстно Конференціи изъ разсказовъ Г. Рунича въ прежнемъ Собраніи 4-го Ноября, а о цѣли также всякъ догадывался; нѣкоторыя выраженія возбудили изумленіе и справедливое негодованіе Членовъ. Г. Руничъ началъ своею родословною съ прадѣда, который, какъ онъ говорилъ, служилъ при Петрѣ Великомъ, по порядку къ дѣду, который жилъ при Аннѣ Ивановнѣ и т. д.; потомъ, говоря о своей собственной 25-тилѣтней усердной и безпорочной службѣ, перешелъ не посредственно къ началу въ Университетскихъ Собраніяхъ производства дѣлъ о обвиняемыхъ Профессорахъ. Тутъ говорилъ онъ о прекаціяхъ, крючкахъ, уловкахъ, какой-то злоумышленной противудѣйствующей партіи, изъявляющей подозрѣніе на Правительство, коего права онъ защищаетъ.

Частію по причинѣ чрезвычайной усталости, а частію также и по привычкѣ къ такимъ несправедливымъ упрекамъ, Г. Руничемъ многократно и въ прежнихъ Собраніяхъ, безъ всякаго осно-

ванія и безъ малѣйшаго повода, произнесеннымъ, никто изъ Членовъ Собранія не считалъ за нужное спросить, что чрезъ то Г. Руничъ разумѣетъ. При томъ же онъ и самъ внезапно перемѣнилъ тонъ: «Почтеннѣйшее Сословіе, Милостивые Государи, «Любезнѣйшіе мои Сотрудники! Я надѣюсь, я не сомнѣваюсь, я «увѣренъ въ томъ, что Вы примете мою сторону, будучи сами «обижены въ лицѣ моемъ» и проч. Дѣло шло о протестѣ Профессора Шармуа, и Г. Руничъ, мѣшая сіи ласковыя выраженія съ прежними ужасными словами и ноносными ругательствами, называлъ Профессора Шармуа возмутителемъ, бунтовщикомъ, забѣглымъ, исчадіемъ революціи, мошенникомъ и т. п.

Журналъ по сему дѣлу Г. Руничъ диктовалъ, и частію самъ тутъ же писалъ, а Г. Кавелинъ въ Канцеляріи смотрѣлъ за редакціею.

Но сколько ни старался тотъ и другой дать превратный толкъ письменному мнѣнію Шармуа (которое подало поводъ къ тяжкой обидѣ, причененной ему отъ Г Рунича въ Собраніи 3-го Ноября), сколько ухищреній ни употребляли въ словахъ и выраженіяхъ, опуская всѣ названія: «бунтовщика, зажигателя, выходца изъ отечества Маратовъ и Робеспьеровъ» и пр., изъ самаго уже сего Протокола (сколько помнить можно) явно открывается поступокъ Г. Рунича, и Конференція, не въ правѣ будучи судить своего Президента, положила представить дѣло на судъ Высшаго Начальства.

Приступили къ подписанію Протоколовъ: «Теперь, говорилъ Г. Руничъ, у всякаго спадетъ маска; теперь-то увидимъ, кто каковъ!» и наконецъ, въ заключеніе всѣхъ, такъ названныхъ самимъ Г. Руничемъ, безобразныхъ явленій, коихъ Конференція имѣла несчастіе быть многократно свидѣтелемъ въ продолженіе сихъ трехъ Засѣданій, и при томъ въ такое время, въ которое всякъ готовъ уже былъ повѣрить, что такія явленія повторяться не будутъ, — вдругъ Г. Руничъ обращается къ Г. Балугьянскому, который, подписывая Протоколъ Собранія 3-го Ноября, объявилъ, и при самой подписи отмѣтилъ, что подаетъ особое мнѣніе. «А! что это значитъ?» спросилъ Г. Руничъ.

Г. Балугьянскій отвѣчалъ, что «это значитъ то, что онъ подаетъ особое мнѣніе на Протоколъ.» Г. Руничъ требовалъ, чтобы сіе мнѣніе было писано и подано тутъ же; говорилъ опять, что онъ не выйдетъ изъ Собранія, пока дѣло не будетъ кончено совершенно. Но Г. Балугьянскій отвѣчалъ, что на подачу мнѣнія есть законный срокъ. «Такъ признайтесь же, Милостивой Государь, сказалъ Г. Руничъ Профессору Балугьянскому, что это заговоръ; я это видѣлъ и прежде, продолжалъ онъ, еще и въ первое Собраніе; здѣсь есть еще и другіе. А! теперь какъ маски спали!..»

Г. Балугьянскій прервалъ сіи рѣчи, и хотя былъ не менѣе другихъ пораженъ важностію значенія оныхъ, но оказалъ примѣрное равнодушіе, упрашивая Г. Рунича не употреблять такихъ странныхъ названій. Г. Руничъ замолчалъ, но не на долго. Вдругъ началъ говорить о томъ, что, «по настоящему, надлежало бы подсудимыхъ Профессоровъ привесть съ жандармами, поставить въ «Собраніи налой и заставить ихъ, при обнаженныхъ сабляхъ, писать отвѣты, такъ какъ то дѣлается въ Уголовной Палатѣ, или «даже прямо отослать въ Уголовную Палату».

«Тогда была бы форменная инквизиція», сказалъ Г. Балугьянскій. Нельзя себѣ представить, съ какимъ восторгомъ подхватилъ Г. Руничъ слово инквизиція. «Хотите ли, это «запишемъ въ Журналъ?» сказалъ онъ Г. Балугьянскій охотно изъявлялъ на то свое согласіе, а между тѣмъ, желая вывесть его изъ недоразумѣнія, сказалъ, что форменное слѣдствіе называется processus inquisitorius, и онъ могъ ошибиться въ Русскомъ словѣ.

Сколько Г. Кавелинъ ни усиливался, ни подстрекалъ Г Рунича, чтобъ «дать ходъ дѣлу», однако жь сей на то не согласился, а обратилъ все свое вниманіе на тѣхъ, кои подписывали Журналы. Грефе, Чижовъ и Плисовъ (потомъ также Соловьевъ) подписывали съ мнѣніемъ, не смотря на то, что Г. Кавелинъ и Г. Руничъ тутъ же называли это «злоумышленною противудѣйствующею «партіею, раскрытіемъ того плана, который обнаружился «еще въ самомъ началѣ заговоромъ». Г. Руничъ благодарилъ Бога, что онъ «послалъ ему сей случай узнать и различить людей; говорилъ о своей готовности, о непремѣнномъ своемъ

«долгѣ употребить все свое ходатайство о обращеніи Высокомо-«наршаго вниманія на полезную службу и ревностное содѣйствіе «тѣхъ, кои ему пособляли въ трудномъ дѣлѣ преобразованія здѣш-«няго Университета».

Засѣданіе кончилось 8 Ноября въ 4 часа за полночь. Не присутствовали въ семъ Собраніи: Профессоры Понснеръ, Бутырскій Соловьевъ, Деманжъ, Шармуа, Ржевскій и Адъюнктъ-Профессоръ Радловъ, которому, равно какъ Деманжу и Шармуа, не былъ посыланъ Журналъ для подписанія.

На другой день (9-го Ноября) отправлены на имя Г. Рунича особыя мнѣнія на Журналъ Чрезвычайнаго Собранія отъ Профессоровъ: Плисова, Чижова, Соловьева, Грефе и Балугьянскаго. У Профессора Плисова, такъ какъ исправляющаго должность Конференцъ-Секретаря, освѣдомлялись, одни о томъ, получены ли ихъ мнѣнія, а прочіе о томъ, когда назначено будетъ послѣднее Засѣданіе, для прочтенія особыхъ мнѣній и диспута по онымъ, такъ какъ то, на основаніи законовъ, слѣдовало. Но узнали, что Плисовъ въ тотъ же день сдѣлался болѣнъ и послалъ просьбу о увольненіи его отъ порученной ему временно Секретарской должности. Между тѣмъ нѣкоторые изъ Канцелярскихъ служителей, бывшіе на ту пору у Г. Кавелина, разсказывали о необычайномъ пріемѣ, сдѣланномъ Плисову симъ послѣднимъ, наконецъ и самъ Плисовъ подтвердилъ слѣдующее:

Чрезъ нѣсколько часовъ по окончаніи послѣдняго Собранія, позванъ онъ Г-нъ Кавелинымъ, для составленія меморій и выписокъ изъ Журналовъ.

При самой встрѣчѣ устремился на него Г. Кавелинъ съ такими проклятіями и заклинаніями, кои показывали уже не гнѣвъ и не ожесточеніе, но самую высшую степень изступленія, говоря Плисову, что «онъ теперь его не обманетъ, и что онъ теперь же заставитъ его клясться предъ иконою въ церкви.» Когда Плисовъ изъявилъ весь ужасъ своего положенія, а по томъ ска-

залъ, что ему не въ чемъ каяться, то Г. Кавелинъ обратилъ всѣ злословія и заклинанія на Профессора Балугьянскаго; говорилъ, «что онъ не знаетъ, чѣмъ согрѣшилъ предъ Богомъ, что Богъ не «удостоилъ его быть орудіемъ своего праведнаго мщенія; что онъ, «отлучившись изъ Присутствія, не слыхалъ отзыва Г-на Балугьян-«скаго о подложномъ отвѣтѣ Галича, что, въ противномъ случаѣ, «онъ заставилъ бы Балугьянскаго кровью его написать это.» При семъ называлъ Балугьянскаго мерзкимъ Превосходительствомъ и тому подобными мерзкими словами. О Соловьевѣ отзывался онъ съ подобными ругательствами за то, что Соловьевъ подписалъ Журналъ съ мнѣніемъ, называлъ Соловьева безумнымъ и притворносъумасшедшимъ. Потомъ говорилъ, что всѣхъ тѣхъ, кои при производствѣ дѣла не въ томъ духѣ дѣйствовали, въ какомъ надлежало, слѣдуетъ выкинуть изъ Университета. Наконецъ, поручая Плисова надзору Толмачева, пока составитъ выписки изъ Журналовъ и меморіи, требовалъ, чтобы онъ тутъ же написалъ свое мнѣніе, которое и диктовалъ тутъ же на словахъ Толмачеву, и которое состояло въ томъ, что Плисовъ долженъ былъ сказать: «хотя я и не былъ свидѣтелемъ возмутительнаго поступка Раупаха въ Собраніи 3-го Ноября, но согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, кои оный таковымъ почитаютъ.» Г-нъ Кавелинъ уѣхалъ тогда же къ Г-ну Руничу, а Плисовъ изъ подъ надзора ушелъ.

На другой день, когда Плисовъ уже былъ болѣнъ, Г-нъ Кавелинъ призывалъ его чрезъ Экзекутора и еще чрезъ одного Чиновника, но онъ не явился, а 10-го числа отправилъ на имя Г-на Кавелина письмо.

МНѢНІЕ

Э.-О. ПРОФЕССОРА ПЛИСОВА.

Хотя я, избранъ будучи, за болѣзнію Конференцъ-Секретаря Бутырскаго, къ исправленію его должности, и скрѣпилъ Журналъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Университета, Ноября 3 дня, составленный подъ надзоромъ Г-на Директора Университета, и въ Собраніи, Ноября 7-го начавшемся, а 8-го окончившемся, подписанный, но тѣмъ не менѣе, по званію моему Члена Конференціи, считаю непреложною обязанностію, по убѣжденію совѣсти и по долгу присяги, присовокупить слѣдующее:

1) Письменные отвѣты Профессоровъ Германа и Раупаха, на сообщенные имъ въ Собраніи вопросные пункты, не заключали въ себѣ и по моему мнѣнію ни какихъ оскорбительныхъ выраженій, какъ-то нѣкоторые изъ Гг. Членовъ полагали, и по тому, сообразно съ Указами 1718-го, Генв. 19, 1753-го, Ноября 29, 1764-го, Сентября 13-го, и другими, къ сему относящимися, Всемилостивѣйшими узаконеніями, приняты къ дѣлу.

Но когда сіи отвѣты, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ Членовъ, а въ томъ числѣ и по моему, признаны недостаточными къ объясненію вопросовъ, по мнѣнію же другихъ неудовлетворительными, что я не иначе, какъ въ томъ же отношеніи понимаю, то есть, неудовлетворительными къ объясненію вопросныхъ пунктовъ, необходимо нужному для дальнѣйшаго сужденія и мнѣнія по оному: то я полагаю, что надлежало требовать отъ помянутыхъ Профессоровъ, Германа и Раупаха, отвѣтовъ дополнительныхъ на вопросные пункты, предоставивъ онымъ Профес-

сорамъ всѣ нужныя къ тому, возможныя и законно позволенныя, средства и способы.

Судя по выпискамъ, присланнымъ изъ Главнаго Правленія Училищъ, въ законности и подлинности коихъ никто не можетъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, котораго я, по своему разумѣнію, не вижу и въ самыхъ отвѣтахъ Профессоровъ Германа и Раупаха, обвиненіе оныхъ Профессоровъ почитаю дѣломъ чрезвычайной важности, заслуживающимъ по тому изслѣдованія по всей строгости законовъ. Но сіи выписки, по моему мнѣнію, содержатъ въ себѣ только обвиненіе оныхъ Профессоровъ, а не осужденіе, какъ то и изъ самаго препровожденія сего дѣла въ Общее Собраніе Университета отъ Господина Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, явствуетъ. Но осужденіе, по силѣ всѣхъ существующихъ Всемилостивѣйшихъ законовъ, почитается невозможнымъ безъ изслѣдованія, объясненія и совершеннаго удостовѣренія со стороны осуждающаго въ томъ, что обвиняемый дѣйствительно учинилъ все то, что къ полному понятію о преступленіи относится, и что при всѣхъ средствахъ и способахъ, законами ему предоставленныхъ, онъ не можетъ ничего привесть къ своему оправданію.

Профессоры Германъ и Раупахъ, въ письменныхъ своихъ отвѣтахъ, при Журналѣ приложенныхъ, изъявили всю готовность дать удовлетворительные отвѣты на вопросные пункты, если только имъ предоставлены будутъ всѣ нужныя, возможныя и законно позволенная, средства, обнаруживая при томъ свою надежду къ оправданію.

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго, я полагаю мнѣніемъ:

I. «Что по всѣмъ законамъ, Божескимъ и человѣческимъ, и по силѣ всѣхъ гражданскихъ узаконеній, подъ благотворнымъ вліяніемъ коихъ мы имѣемъ счастіе наслаждаться безопасностію и благосостояніемъ, Общее Собраніе Университета не можетъ отказать обвиняемымъ Профессорамъ, Герману и Раупаху, во всѣхъ возможныхъ и законно позволенныхъ средствахъ и способахъ, почитаемыхъ ими нужными къ ихъ оправданію.»

II. Почитаю за нужное привесть въ соображеніе, что отправленъ будучи отъ Собранія Депутатомъ къ Профессору Герману, для надзора при составленіи имъ письменныхъ его отвѣтовъ (какъ то и по Журналу значится), и находясь въ отдаленной отъ Присутствія камерѣ, я не былъ свидѣтелемъ поступковъ Профессора Раупаха, названныхъ въ Журналѣ возмутительными, и по тому отнюдь не могу судить объ оныхъ.»

Прошу мнѣніе сіе, при Журналѣ Общаго Чрезвычайнаго Собранія Университета, представить Высшему Начальству.

Экстра-Ординарный Профессоръ М. Плисовъ.

ЗАПИСКА

О

частномъ испытаніи въ С.-Петербургской Губернской Гимназіи ученикамъ VII класса, произведенномъ въ среду 7-го Декабря, 1821 года, по предмету Естественнаго Права.

(Профессора Плисова.)

Испытаніе началось въ присутствіи: Г. Испр. долж. Ректора Университета, Статскаго Совѣтника и Кавалера, Евдокима Филипповича Зябловскаго, Г-на Директора Училищъ С.-Петербургской Губерніи, Статскаго Совѣтника и Кавалера, Ивана Осиповича Тимковскаго, Г-на Инспектора Гимназіи, Коллежскаго Совѣтника и Кавалера, Ѳедора Ивановича Миддендорфа, и Профессора Университета, Надворнаго Совѣтника и Кавалера, Моисея Гордіевича Плисова.

Вскорѣ потомъ прибылъ въ собраніе Г-нъ Директоръ Университета, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Дмитрій Александровичъ Кавелинъ, а спустя нѣсколько времени и Г-нъ Испр. должн. Попечителя, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Дмитрій Павловичъ Руничъ.

Профессоръ Плисовъ представилъ программу или оглавленіе статей и предметовъ, пройденныхъ подъ его руководствомъ воспитанниками; Г-нъ Испр. должн. Ректора вызывалъ учениковъ и самъ предлагалъ имъ вопросы. До прибытія Г-на Испр. должн. Попечителя не произошло ни чего особеннаго, кромѣ того, что когда по причинѣ посторонннихъ предметовъ, въ которые Г-нъ Директоръ Университета вводилъ учениковъ, чрезъ дававшіе имъ вопросы, испытаніе удалялось отъ своей цѣли, и Профессоръ

Плисовъ намѣревался что-то сказать, то Г-нъ Директоръ Университета предупреждалъ его, сказавши: «Это у Васъ скверная привычка мѣшаться, и я скажу Вамъ однажды навсегда, что если Вы осмѣлитесь говорить, то Васъ выведутъ вонъ.» Профессоръ отвѣчалъ молчаніемъ, а между тѣмъ Директору Университета угодно было заставить ученика, Лаубе, проговорить наизустъ Десятословіе, и сей, будучи приведенъ въ замѣшательство, сдѣлалъ ошибку, пропустивши слова: «елико на небеси горѣ.» Въ слѣдъ за тѣмъ вызваны еще трое учениковъ, которые говорили наизустъ Десять заповѣдей. Наконецъ прибылъ Г-нъ Испр. должн. Попечителя, и образъ испытанія еще болѣе измѣнился.

Вызванный Г-мъ Испр. долж. Ректора воспитанникъ долженъ былъ говорить: «О правильномъ понятіи, названіи, предметѣ и опредѣленіи науки Естественнаго Права.» Сказавши сперва, что «названіе Естественнаго Права существовало прежде, нежели оно составило предметъ особой науки, и что прежде, нежели образовалось правильное объ ономъ понятіе, съ онымъ названіемъ соединяемы были многія весьма различныя понятія», началъ потомъ излагать исторически разныя сіи понятія. Г-нъ Испр. должн. Попечителя остановилъ его на мнѣніи Гоббеза, который, какъ сказалъ воспитанникъ, разумѣлъ подъ Естественнымъ Правомъ «систему правъ, приличныхъ людямъ въ какомъ-то естественномъ состояніи, предшествовавшемъ общежительному и гражданскому». Его Превосходительство объявилъ, что «и Естественное Право и не возможно имѣть ни какого другого понятія: что это должно быть и опредѣленіемъ сей науки». Воспитанникъ началъ доказывать, что они имѣютъ совсѣмъ другое понятіе и опредѣленіе сей науки, и что Естественное Право въ понятіи Гоббеза было бы предметомъ пустыхъ умствованій, игрою воображенія, и не имѣло бы ни какой практической пользы» и т. п.—«Вы хотите меня переучивать?», прервалъ Г. Испр. должн. Попечителя; оставьте сей напрасный трудъ!» Профессоръ Плисовъ начиналъ также говорить, но Г. Директоръ Университета велѣлъ ему молчать, грозя выслать его вонъ. Испытаніе продолжалось; статья для вопроса осталась та же.

Говоря о разныхъ названіяхъ Естественнаго Права, воспитанникъ, между прочимъ, сказалъ: «Сію науку можно бы назвать фи-

лософіею права, если бы сіе слово не имѣло такого неопредѣлительнаго значенія.» — «Это и есть безумная философія!» прервалъ Г. Испр. должн. Попечителя, и потомъ продолжалъ довольно длинное разсужденіе, изъ котораго, однако жъ, никто не понялъ ни чего. Профессоръ Плисовъ говорилъ, что «именно для избѣжанія сего недоразумѣнія и предубѣжденія, онъ не даетъ Естественному Праву сего названія.» Г. Директоръ Университета велѣлъ ему молчать, съ прежнею угрозою.

«Исторія положительнаго права,» говорили, между прочимъ, воспитанники далѣе, «служитъ доказательствомъ тому, что, кромѣ нарочитыхъ законовъ, существуютъ также положенія здраваго разума и обычаи, кои во многихъ случаяхъ замѣняютъ недостатокъ нарочитыхъ законовъ.» Г. Исправ. должн. Попечителя прервалъ это своимъ постороннимъ разсужденіемъ и наконецъ сказалъ, что «Естественное Право не предполагаетъ ни исторіи, ни положительнаго права, ни нарочитыхъ законовъ», и потому отнюдь не слѣдуетъ о томъ и говорить (!).

Г. Испр. должн. Ректора назначилъ другой по программѣ вопросъ: «Доказательство, что Естественное Право, какъ особая, отдѣльная отъ прочихъ, наука, существуетъ.» Вызванный вновь воспитанникъ, продолжая отвѣчать на оный, между прочимъ сказалъ: «Всякій человѣкъ при здравомъ разумѣ различаетъ правое отъ несправедливаго, какъ въ своихъ поступкахъ, такъ и въ поступкахъ другихъ людей, хотя бы о томъ не было ни какого постановленія въ нарочитыхъ законахъ, или хотя бы даже положительный законъ опредѣлялъ противное» и проч.

Трудно припомнить слова и выраженія, коими Г. Испр. долж. Попечителя угодно было нѣсколько разъ прервать оное краткое и ясное изложеніе. Наконецъ изъ длиннаго и отрывистаго своего разсужденія онъ вывелъ и сказалъ заключеніе: «Всѣ люди по природѣ глупы и безумны.»

«Глупые, безумные и имъ подобные, сказалъ воспитанникъ, составляютъ исключеніе изъ правила.»

«Цѣлыя Республики глупыхъ и безумныхъ представляетъ намъ исторія, возразилъ Г. Испр. должн. Попечителя: примѣромъ

тому служитъ Республика Абдеритовъ.» — «Это Виландовъ романъ, а не исторія,» сказалъ Профессоръ Плисовъ, но его не слушали, а разговоръ совершенно посторонній и сужденія, ни мало не относящіяся къ предмету, продолжаемы были Г. Директоромъ Университета въ довольно обидныхъ на счетъ Профессора выраженіяхъ о безуміи ученыхъ и т. п. Одна посторонняя мысль, одно постороннее слово рождало другое еще постороннѣйшее. Наконецъ Профессоръ Плисовъ принужденъ былъ доложить, что «главная цѣль испытанія состоитъ въ томъ, чтобы удостовѣриться въ степени успѣховъ, сдѣланныхъ воспитанниками въ наукѣ; просилъ продолжать испытаніе, не устраняясь въ такія матеріи, которыя не имѣютъ ни малѣйшей связи съ предметомъ.»

«Вы осмѣливаетесь меня учить?» спросилъ его Испр. долж. Попечителя.

«Я никакъ не беру на себя этого труда, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ Профессоръ Плисовъ.

«Да и что это за умъ, въ самомъ дѣлѣ?» продолжалъ Г. Испр. должн. Попечителя; «умъ, разумъ, разумѣніе, сила мышленія, — это, вѣроятно, также немаловажную у Васъ играетъ роль?»

«Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Профессоръ Плисовъ, она также предполагается во всякомъ мыслящемъ человѣкѣ; и хотя есть люди, кои мыслятъ, что не должно мыслить, но большая часть говоритъ это по подражанію другимъ, другіе подражаютъ въ томъ третьимъ и т. п.; однако жь, если дойти до перваго чудака, который мыслитъ, что не должно мыслить, то онъ все же, вѣдь, мыслитъ.» Сіе постороннее отступленіе прервано другимъ еще постороннѣйшимъ; разговоръ между Г. Испр. должн. Попечителя и Г. Директоромъ Университета продолжался, а испытаніе удалялось отъ своей цѣли.

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ, видя необходимость, или почитая себя въ состояніи отвѣчать на всѣ таковыя посторонніе матеріи, въ посторонніхъ вопросахъ имъ предлагаемыя, продолжали вдаваться въ оныя и судить по своему; Профессоръ Плисовъ объявилъ, что онъ не ручается за правильность такихъ сужденій.

«Это Ваша обязанность,» сказалъ Испр. должн. Попечителя.— «Я отвѣчаю за правильность сужденій, относящихся къ преподанной мною наукѣ, возразилъ Профессоръ Плисовъ; но предметы, которые предлагать изволите, ни посредственно, ни непосредственно, не входили никогда въ составъ оной.»

Тутъ вызваны нѣсколько воспитанниковъ вдругъ. «Что есть Государство? Что есть верховная власть? Какимъ образомъ люди оставили естественное состояніе? Какъ пожертвовали они свободою? Что такое подчиненность?» и пр. и пр., вопросы, одинъ за другимъ предложены имъ были отъ Г. Испр. должн. Попечителя. Г. Директоръ Университета сопровождалъ оные своими сужденіями въ выраженіяхъ довольно странныхъ, хотя и не совсѣмъ понятныхъ, на пр.: «отъ чего произошло то, что одинъ повелѣваетъ, а милліоны должны повиноваться? Безъ сомнѣнія, лучше повелѣвать, нежели повиноваться! Какъ можно понять, или представить, себѣ возможною эту жертву?»

Профессоръ Плисовъ объявилъ, что «вопросы о Государствѣ и верховной власти относятся къ Публичному или Государственному Праву, котораго онъ не проходилъ; что, вопреки сужденію Г. Директора Университета, онъ имѣетъ о сихъ важныхъ предметахъ совершенно другія учебныя понятія, и что такъ какъ онъ не проходилъ Публичнаго Права, то самое оное сужденіе Г. Директора, которое онъ, Профессоръ, почитаетъ не только превратнымъ, но и ни съ чѣмъ несообразнымъ, можетъ послужить соблазномъ для воспитанниковъ.»

Г. Испр. должн. Попечителя велѣлъ Профессору молчать; а между тѣмъ воспитанники, распрашиваемы будучи, отвѣчали какъ могли, не сказавши, однако жь, ни чего противнаго здравому смыслу или существу дѣла. Профессора спросили: «Принимаетъ ли онъ это за свое ученіе?» Онъ повторилъ сказанное прежде, что онъ не преподавалъ Публичнаго Права.

«Откуда же воспитанники получили всѣ сіи понятія?» спросилъ Г. Испр. должн. Попечителя.

«Кромѣ тѣхъ понятій, отвѣчалъ Профессоръ Плисовъ, кои они въ теченіе годичнаго курса заимствовали отъ меня по части

преподаваемой мною имъ науки, они могутъ имѣть разныя другія; но я еще разъ повторяю, что я не проходилъ Публичнаго Права, къ которому относятся предложенные вопросы.»

«Вы меня ни какъ не проведете и въ томъ не увѣрите,» возразилъ Г. Испр. должн. Попечителя. «Вы хотите меня обмануть; Вы хотите ускользнуть, подобно Профессору Булугьянскому, который, призванъ будучи въ Главное Правленіе Училищъ, виллялъ, виллялъ и старался всячески ускользнуть отъ подобныхъ вопросовъ, но наконецъ долженъ былъ сознаться.»

«Я не проходилъ Публичнаго Права,» повторялъ Профессоръ Плисовъ, а впрочемъ, въ сужденіи и объясненіи воспитанника я не нахожу ни чего противнаго здравому смыслу, или въ какомъ бы то ни было отношеніи предосудительнаго.»

Вмѣсто того, чтобы тутъ же спросить Директора Гимназіи, Инспектора, или самыхъ учениковъ, и удостовѣриться въ томъ, въ чемъ, не извѣстно, по какой причинѣ, не довѣряли Профессору Плисову, который, кажется, не имѣетъ ни какой надобности скрывать то, что послужило бы ему же въ похвалу, т. е., если бы, кромѣ Естественнаго частнаго Права, означеннаго въ программѣ, онъ проходилъ и Публичное; вмѣсто всего этого Г. Испр. должн. Попечителя продолжалъ: «Такъ Вы не проходили Государственнаго Права? Вотъ я тотчасъ то узнаю! Возьмемъ статью о поступкахъ (по программѣ). «О сравненіи поступковъ съ законами,» сказалъ Г. Испр. должн. Ректора вызванному имъ ученику. Сей послѣдній, опредѣливъ понятіе о поступкѣ, началъ опредѣлять различные роды оныхъ по различію отношеній: «Всякій поступокъ, говорилъ онъ, предполагаетъ дѣйствіе; но поступокъ не всегда состоитъ въ дѣйствіи; упущеніе дѣйствія также называется поступкомъ, когда предполагается, что оно могло, или же долженствовало, быть сдѣлано. Въ семъ отношеніи поступки раздѣляются на положительные, кои состоятъ въ содѣланіи, и отрицательные, состоящіе въ упущеніи. На пр., пойти, куда должно ити, есть поступокъ положительный; остаться, есть поступокъ отрицательный.»

«Этотъ примѣръ не годится,» сказалъ Г. Испр. должн. Попечителя; «ити есть дѣйствіе физическое.» — «Но оно можетъ быть

предметомъ нравственныхъ и юридическихъ отношеній,» отвѣчалъ воспитанникъ.—«Приведите другой примѣръ,» сказалъ Профессоръ Плисовъ. «Кто оказываетъ другому милость, помощь, снисхожденіе и т. п., продолжалъ воспитанникъ, или, на пр., платитъ долгъ, тотъ совершаетъ поступокъ положительный; кто того не дѣлаетъ, тотъ, чрезъ упущеніе, совершаетъ поступокъ отрицательный.»

«А!» прервалъ Г. Испр. долж. Попечителя, «и послѣ этого Вы все еще будете говорить, что не проходили Публичнаго Права, когда, какъ извѣстно, платежъ долга, какъ поступокъ положительный, относится къ Публичному Праву» (?).

Ученики поражены были не меньшимъ удивленіемъ, какъ и самъ Профессоръ, который, послѣ таковаго объясненія, считалъ уже излишнимъ всякое дальнѣйшее съ своей стороны замѣчаніе, и по тому отвѣчалъ молчаніемъ.

Испытаніе продолжалось, но, вмѣсто даннаго вопроса, Г. Испр. должн. Попечителя предложилъ другой прежній: Доказательство, что Естественное Право существуетъ.»

Доказавши, что общія понятія о правѣ или естественные законы существуютъ, воспитанникъ продолжалъ: «Сіи общія понятія или естественные законы вездѣ и всегда одинаковы, существенны, и по тому заключаются въ самой природѣ человѣка.»

«Вы ни какъ меня не увѣрите въ томъ, что естественные законы вездѣ и всегда одинаковы», возразилъ Г. Испр. должн. Попечителя.

«Исторія и ежедневный опытъ всякаго въ томъ убѣждаетъ, отвѣчалъ воспитанникъ; за нѣсколько тысячелѣтій люди различали добродѣтель отъ порока и справедливость отъ несправедливости такъ, какъ различаютъ и нынѣ, и такъ, какъ будутъ различать до тѣхъ поръ, пока человѣкъ остается человѣкомъ.»

«Исторія полна злодѣевъ», прервалъ Г. Испр. должн. Попечителя, и по тому отнюдь не можетъ служить доказательствомъ.»

«Это же самое, отвѣчалъ воспитанникъ, доказываетъ уже то, что злодѣйство различали, а это только мы и сказать хотимъ.»

«Сколько же протекло тысячелѣтій, о которыхъ Вы говорите?» спросилъ Г. Испр. должн. Попечителя.

«Мы употребляемъ здѣсь опредѣлительное выраженіе вмѣсто неопредѣлительнаго,» отвѣчалъ воспитанникъ. «И въ томъ отношеніи, въ которомъ мы говоримъ, прибавилъ Профессоръ Плисовъ, нѣтъ нужды въ точныхъ вычисленіяхъ.»

Г. Испр. должн. Попечителя продолжалъ свое разсужденіе съ Г. Директоромъ Университета въ такихъ выраженіяхъ и словахъ, которыхъ, при всей странности, трудно припомнить. Между тѣмъ далъ другой вопросъ вызваннымъ воспитанникамъ: «О различіи между правомъ естественнымъ и правомъ положительнымъ.»

Одинъ изъ нихъ, между прочимъ, сказалъ, что «иное различіе состоитъ и въ томъ, что законы положительные бываютъ различны по различію мѣста и по различію времени на одномъ и томъ же мѣстѣ, а по тому терпятъ перемѣны и изъятія. Напротивъ того законы естественные (начертанные въ сердцѣ каждаго человѣка, какъ доказывали уже прежде), составляющіе предметъ права естественнаго, суть законы постоянные, непремѣнные и существенные.»

Доказательство сего послѣдняго сказано было уже прежде, при семъ же вопросѣ. Но когда самое положеніе принято Г. Испр. должн. Попечителя за нѣчто несообразное, противное, опасное, или въ какомъ-то отношеніи предосудительное, и когда онъ, изъявляя то и требуя настоятельно, чтобы оное положеніе было повторено нѣсколько разъ, началъ тутъ же для себя писать оное по словамъ воспитанника, то сей послѣдній на вопросъ: «по чему естественные законы постоянны, непремѣнны и существенны? отвѣчалъ перифразомъ, сколько можно помнить: «по тому, что они основываются на общихъ началахъ ума.» — «Вы имѣете другія доказательства,» сказалъ Профессоръ Плисовъ. — «А отъ сего Вы отступаетесь?» спросилъ его Г. Испр. должн. Попечителя. — «Я и въ семъ не нахожу ни чего несообразнаго,» продолжалъ Профессоръ.

Изъявляя свое убѣжденіе въ противномъ, Г. Испр. должн. Попечителя положилъ себѣ въ карманъ записанное имъ со словъ

воспитанника положеніе, говоря при томъ: «Вотъ это уже къ чему ни будь пригодится.»

Замѣчая, между прочимъ, что время непримѣтно уходитъ, а испытаніе болѣе и болѣе удаляется отъ своей цѣли, Г. Директоръ Гимназіи считалъ своимъ долгомъ о томъ и другомъ напомнить, что и сдѣлалъ, подошедши къ Г. Испр. должн. Ректора Университета. Въ послѣдствіи Г. Испр. должн. Ректора представилъ о томъ Г. Испр. должн. Попечителя, который отвѣчалъ ему:

«Я хочу испытать прежде его (указывая на Профессора Плисова) и ученіе, которое онъ разсѣевалъ.»

«Вашему Превосходительству угодно испытывать меня?» спросилъ скромно Профессоръ Плисовъ.

«Ну, да!» отвѣчалъ Г. Испр. должн. Попечителя.

«Позвольте, однако жъ, доложить Вашему Превосходительству, что здѣсь, кажется, не мѣсто для испытанія меня,» сказалъ Профессоръ Плисовъ.

«Какъ?» прервалъ Г. Директоръ Университета. «Изъ чего Вы взяли, что Васъ экзаменовать хотятъ?»

«Изъ собственныхъ словъ Его Превосходительства,» отвѣчалъ Профессоръ.

«Да не такъ ли Вы сказали, Ваше Превосходительство,» продолжалъ Г. Директоръ Университета (обратясь къ Г. Испр. должн. Попечителя), «не такъ ли Вы сказали, что предоставляете Г. Профессору экзаменовать учениковъ?»

«Точно такъ!» отвѣчалъ Г. Испр. должн. Попечителя. «Вы не дослышали, Г. Плисовъ,» продолжалъ онъ. «Изъ чего Вы взяли? Продолжайте экзаменовать, спрашивайте, давайте вопросы, продолжайте!»

«Это опять другое распоряженіе, которое угодно Вашему Превосходительству дѣлать, сказалъ Профессоръ Плисовъ, а первое состояло въ томъ, чтобы экзаменовать меня. Я это очень хорошо слышалъ, такъ какъ и всѣ предстоящіе, а по тому осмѣли-

ваюсь доложить, что хотя мое званіе и увольняетъ меня отъ всякаго дальнѣйшаго испытанія, однако жъ я охотно подвергнусь оному, предполагая, какъ само собою разумѣется, что испытующій будетъ имѣть основательное свѣдѣніе въ наукѣ.»

«Продолжайте экзаменовать сами!» прервалъ Г. Испр. должн. Попечителя; «или Вы хотите, чтобы я обвинилъ Васъ въ неповиновеніи?»

Тутъ Профессоръ Плисовъ, который до сихъ поръ и не начиналъ еще экзаменовать (по тому что вызовъ учениковъ и предложеніе для вопросовъ общихъ статей по программѣ дѣлалъ Г. Испр. должн. Попечителя, а Профессору при всякомъ случаѣ, когда онъ начиналъ говорить, велѣно было молчать), принужденъ былъ дать ученику вопросъ, а между тѣмъ, спустя нѣсколько времени, просилъ извинить его, что не можетъ продолжать, по причинѣ, приключившагося ему круженія головы, и вышелъ изъ собранія.

ПРОШЕНІЕ

къ Государю Императору.

Всемилостивѣйшій Государь!

Несправедливость, оказанная мнѣ непосредственнымъ моимъ Начальствомъ, поставила меня въ необходимость искать защиты у Высшаго. Я обратился, на основаніи законовъ, къ Министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Три мѣсяца съ половиною ожидалъ я рѣшенія моей просьбы; наконецъ, Министру угодно было, именно по причинѣ оной, отрѣшить меня отъ должности.

Виновному даютъ законы право приносить оправданіе, невинному предоставляютъ средства доказывать свою невинность, а истинѣ, всегда близкой къ Твоему, Государь, сердцу, открытъ путь и къ Твоему престолу.

Я невиненъ; не оправдываюсь; пріемлю смѣлость всеподданнѣйше поднесть при семъ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе ту самую Записку, которую я представлялъ Министру и которая служила поводомъ къ удаленію меня отъ должности.

Болѣе десяти лѣтъ отправлялъ я сію должность, безпорочно, съ постоянною ревностію и усердіемъ, по засвидѣтельствованію Начальства, обратившимъ Монаршее вниманіе Вашего Императорскаго Величества. Нынѣ я отставленъ, и въ данномъ на имя Правленія Университета, за № 191-мъ, предложеніи сказа-

«но: «Профессоръ Плисовъ не можетъ быть терпимъ при Универ-«ситетѣ по тому, что, по неблагонадежному образу мыслей, онъ «слѣдуетъ всегда направленію противной партіи.»

Государь! Воля моего Начальства для меня законъ, но оскорбленіе гражданской моей чести тяжкой ударъ.

Я всегда думалъ, что въ любезномъ нашемъ Отечествѣ, какъ и во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ, состоитъ одна только партія,—партія вѣрноподданныхъ, готовыхъ во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и знанія каждаго, общему благу, въ предписанномъ законами порядкѣ. Къ сей партіи, если только можно назвать симъ страннымъ именемъ милліоны имѣющихъ счастіе подъ Твоимъ кроткимъ скипетромъ наслаждаться безопасностію и благосостояніемъ, къ сей партіи принадлежалъ я всегда, и до послѣдней минуты моей жизни принадлежать буду. О другихъ партіяхъ не вѣдаю, и вѣдать не смѣю.

Государь! Мнѣ прегражденъ путь на поприщѣ званія моего, по мѣрѣ силъ моихъ, быть полезнымъ моему Отечеству, но открытъ путь къ правосудію, къ Твоему сердцу. Ты укажешь мнѣ новое поприще, на которомъ могу продолжать усердное мое Тебѣ служеніе, оставаясь вѣрнымъ тѣмъ чистымъ внушеніямъ совѣсти, коихъ я нынѣ сдѣлался безвинною жертвою.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный Моисей Плисовъ, бывшій Профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

Марта 29 дня,
1822 г.

ВЫПИСКИ

ВРЕДНЫХЪ МѢСТЪ ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПРОФЕССОРОВЪ ГЕРМАНА, РАУПАХА И АРСЕНЬЕВА.

Выписки мѣстъ изъ лекцій Профессора Германа.

О теоріи Статистики.

Относительно къ вопросу четвертому.

Раздѣленіе Статистики.

1.

Тетр. II, стр.

Предметъ Статистики есть Государство. Оно есть такое учрежденіе большаго или мельшаго общества людей, по которому одни, для безопасности, покорили свою волю законамъ, а другіе наблюдаютъ оные и приводятъ ихъ въ дѣйство..... Двѣ главныя части Статистики: народъ и Правительство, о благосостояніи коихъ она и должна говорить; но спрашивается: которая же предшествуетъ? Часть управляемая всегда предшествуетъ управляющей. И по тому Статистикъ во первыхъ долженъ говорить о состояніи народа, какъ части управляемой, а потомъ о способѣ управленія онымъ, какъ части управляющей.

2.

Тетр. III, стр. 65.

Монархія имѣетъ ту безцѣнную выгоду, что вся верховная власть соединена въ одномъ физическомъ лицѣ — Монарха, который какъ

Богъ единъ и всемогущъ на земли. Онъ не ограниченъ во власти, не ограниченъ и въ благодѣяніяхъ къ своему народу; но жалко, что сіе мѣсто занято не ангеломъ, а человѣкомъ; жалко, что наслѣдуютъ его люди разныхъ характеровъ: что одинъ созидаетъ, то другой, по смерти его, разрушаетъ.

О налогахъ.

3.

Тетр. V, стр. 114.

Налагать подать сію на капиталъ (какъ у насъ нынѣ) по оцѣнкѣ домовъ выгодно только для Правительства; ибо оно имѣетъ постоянный банкъ, на коемъ налогъ основать можетъ; но чрезвычайно несправедливо въ разсужденіи гражданъ; ибо тогда они должны платить съ дома, который имъ не приноситъ ни какого дохода.

4.

Тетр. V, стр. 118.

Поголовный налогъ несправедливъ по тому, что оный не щадитъ никого. Бѣдный крестьянинъ равную несетъ тягость съ капиталистомъ.

О государственныхъ долгахъ.

5.

Тетр. VI, стр. 138.

Правительство когда умножаетъ бумажки, подданные думаютъ, что оно когда либо заплатитъ за сіи билеты, и сія увѣренность въ добромъ расположеніи Правительства поддерживаетъ бумажки внутри Государства. Намъ купецъ клянется, что ассигнація стоитъ, на примѣръ, 5 рублей, но иностранецъ другими глазами смотритъ на сіе. Онъ говоритъ, что эта бумажка стоитъ только 1¼ руб., ибо у васъ выпущено бумажекъ въ четверо болѣе, нежели сколько нужно, а по тому и платить вы въ состояніи только ¼ часть.

6.

Тетр. VI, стр. 140.

Серебро и золото суть металлы, стоющіе труда и работы, и по своей цѣнности могутъ служить мѣрою всѣхъ вещей; мы же, напротивъ, хотимъ простою бумажкою измѣрять цѣнность оныхъ. Чрезвычайное зло для всѣхъ классовъ подданныхъ. По мѣрѣ того, какъ цѣнность золотыхъ и серебряныхъ денетъ поднимается, или упадаетъ, и на все цѣнность возвышается, или упадаетъ.

7.

Тетр. VI, стр. 140.

Признано, что бумажки вредны (кусокъ бумажки не есть кусокъ золота). Хотя болѣзнь сія сдѣлалась уже чувствительною во всей Европѣ, но лѣкарство для излѣченія оной не вездѣ еще употребительно.

8.

Тетр. VI, стр. 147.

Правительство, ежели находится въ долгу, теряетъ нравственность — чиновники склонны къ грабежу. Кто занимаетъ важное мѣсто и худо за сіе награждается, тотъ имѣетъ вексель, позволеніе грабить, и самое Начальство повинуется симъ законамъ необходимости. Такъ говорятъ экономисты.

9.

Тетр. VI, стр. 160.

Государь не можетъ быть судьею; ибо судья есть лицо, судящее по законамъ, ему даннымъ. Сіе особливо наблюдается во Франціи, гдѣ Король ни во что не мѣшается въ дѣлахъ судебныхъ — рескрипты его или указы, въ судебныхъ дѣлахъ, касательно рѣшенія оныхъ, не принимаются. И такъ ex jure publico видно, что какъ несправедливо то, чтобы Государь былъ судья, такъ равно несправедливо, чтобы судилъ и народъ, участвующій въ Верховной власти.

10.

Тетр. VII, стр. 168.

Вотъ причина, по которой Римляне предъ начатіемъ войны и по окончаніи оной посылали жрецовъ объявить волю боговъ народу. По сему самому и въ наше время всѣ трактаты начинаются: «Во имя Святыя Троицы.»

Наши предки, будучи въ язычествѣ, заключали трактаты при Перунѣ, во время же Христіянства—въ церкви.

11.

Тетр. VII, стр. 168.

При соблюденіи трактатовъ, Богомъ засвидѣтельствованныхъ, никто не можетъ быть обиженъ, и на семъ-то священномъ союзѣ основывается благо народа (которое не что иное есть, какъ утвержденіе правилъ нравственности и основаніе блага народнаго), который въ настоящее время и утвержденъ между Державами Европы.

12.

Тетр. VII, стр. 171.

Сія система (равновѣсія) продолжалась отъ Фридриха до 1814 года; но три изъ главнѣйшихъ Державъ Европы: Пруссія, Австрія и Россія, разрушили единогласно сію систему раздѣленіемъ Польши. Коль скоро подали сей примѣръ, то никто уже не могъ защищать своей собственности.

13.

Тетр. VIII, стр. 207.

Частный человѣкъ сильный и добрый не имѣетъ нужды скрывать своихъ чувствованій и показываться инымъ, нежели каковъ онъ есть. Слѣдовательно, таинстволюбіе нужно для однихъ только слабыхъ и дурныхъ людей, дабы скрыть свои недостатки и злые умыслы. Подобно сему и Государство.

14.

Тетр. VIII, стр. 208.

Во всей политикѣ Макіавелевой таинстволюбіе есть ключъ и душа всѣхъ дѣлъ. Но для сильнаго Государства, управляемаго мудрымъ Государемъ, который надѣется на преданность своихъ подданныхъ, такое таинстволюбіе низко и вредно: низко, ибо доказываетъ слабостъ; вредно, ибо распространиться могутъ невѣрныя свѣдѣнія въ публикѣ. И такъ могущественныя Государства: Англія, Франція и Россія не имѣли такого таинстволюбія; но когда безмѣрное множество постоянныхъ войскъ разорило финансы, тогда торговля началась съ чужими народами, даже непріятелями, тогда и большія Государства, чувствуя слабость въ разсужденіи финансовъ, желая сокрыть народонаселеніе и другіе виды, ввели государственную тайность.

Относительно къ вопросу пятому.

15.

Тетр. II, стр. 31.

Откуда мы получаемъ общія понятія? Изъ самихъ себя. Нашъ разумъ, изъ свода многихъ однородныхъ феноменовъ, по собственному своему усмотрѣнію, выводитъ общее понятіе, и какъ бы тайнымъ образомъ составляетъ системы, кои, такъ какъ, по своей слабости и неосновательности, одна послѣ другой возникли, всегда противорѣчатъ себѣ по самому дѣлу (objectum), а не по формѣ; ибо опытность время отъ времени умножается, и чрезъ то предметы болѣе и болѣе уясняются, и наконецъ иногда совершенно принимаютъ новый видъ; разумъ же, составляющій форму предметовъ, пребываетъ одинъ и тотъ же.

16.

Тетр. III, стр. 59.

(Говоря о расширеніи Государствъ:)

Государство не вдругъ составляется, но въ разныя эпохи размножается, разныя провинціи, по разнымъ условіямъ, присоединяются къ нему. Однѣ, будучи завоеваны, разграбляются, или, остав-

шись невредимы, получаютъ законы отъ завоевателя; другія же, напротивъ, хотя и побѣждены, но, имѣя еще довольно силы противостоять непріятелю, вступаютъ въ переговоры съ нимъ и требуютъ отъ него разныхъ преимуществъ, объявляя, что, въ случаѣ согласія на таковыя требованія, охотно сдаются въ противномъ же случаѣ готовы сражаться. Отсюда-то и происходятъ провинціи на особенныхъ правахъ.

17.

Тетр. III, стр. 69.

Безопасность состоитъ въ томъ, чтобы никто и ничто не могло противодѣйствовать употребленію силъ человѣка, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ; но сего онъ самъ по себѣ достичь ни какъ не можетъ. Итакъ, человѣкъ, вступивши въ политическое состояніе, въ полномъ правѣ требовать отъ Правительства (оной).

Внутренняя обязанность.

18.

Тетр. III, стр. 72.

Все, что разумъ человѣческій могъ предвидѣть, чѣмъ свобода наша угнетается, заключилъ въ общихъ правилахъ, называемыхъ законами (Leges).

19.

Тетр. VII, стр. 191.

Гражданинъ-воинъ (говоря объ учрежденіи милиціи или земскаго войска) никогда не измѣнитъ отечеству, и болѣе будетъ наблюдать выгоду общественную, между тѣмъ какъ военные регулярные корпусы мало по малу становятся чужіе своему народу, такъ что они въ рукахъ Правительства легко могутъ быть употреблены вопреки пользы онаго.

20.

Тетр. VIII, стр. 200.

Правительство не знаетъ даже самыхъ простыхъ предметовъ. Я (Германъ) не знаю точно даже числа городовъ въ Россіи. Нигдѣ

не означено опредѣленное число оныхъ, никто утвердительно не можетъ сказать, сколько выходитъ ведръ вина, хлѣба и пр. Самыя оффиціальныя свѣдѣнія, изданныя Правительствомъ, подвержены сомнѣнію и требуютъ великой статистической критики.... Оффиціальныя свѣдѣнія имѣютъ тотъ недостатокъ, что они обнародываются для извѣстной предполагаемой цѣли, и обнародываются.... сообразно съ достиженіемъ оной. Извѣстны, на пр., споры въ церковной исторіи о томъ: «Сіе есть Тѣло Мое и Кровь Моя.» Многія изданы книги, и pro и contra оправданы.

О Статистикѣ Россіи.

Относительно къ вопросу четвертому.

21.

Тетр. XIII, стр. 246.

Состояніе Русскихъ крестьянъ показало уже, что первая причина худаго состоянія крестьянъ есть феодальная система, по коей законодатели, при важнѣйшихъ перемѣнахъ, ни какого не обращали на нихъ вниманія.

22.

Тетр. XIV, стр. 269.

Далѣе, Петръ ни мало не распространялся касательно крестьянъ. Ему нужно было только, чтобы онъ могъ на 20 лѣтъ, при показанномъ числѣ людей въ такомъ-то краю, полагать подати, какъ въ разсужденіи рекрутъ, такъ и сборовъ.

23.

Тетр. XV, отъ 289 до 291 стр.

Поправленіе мостовъ и дорогъ, провожденіе колодниковъ, фуры, требуемыя для провожденія полковъ, все сіе требуется съ крестьянина въ натурѣ, а не деньгами; ибо у крестьянина нѣтъ денегъ, а ежели бы и были, то нѣтъ людей, кои взялись бы исполнить сіи должности. При исполненіи оныхъ ни мало не берутъ въ разсужденіе времени и обстоятельствъ крестьянина. Одинъ день для него

рѣшителенъ такъ, что ни какія деньги не могутъ замѣнить потери сего дня. Когда Правительство платитъ ему за исполненіе сихъ повинностей (за фуры), то плата сія не соотвѣтствуетъ тому, что онъ потерялъ въ тотъ день; ибо когда надлежало ему, на примѣръ, косить, то онъ его потерялъ, а на другой день помѣшалъ ему дождь.

24.

Тетр. XV, стр. 296.

Совсѣмъ на другихъ основаніяхъ учредить полицейскія повинности сельскія, уменьшить налоги на крестьянъ.

25.

Тетр. XXVI, стр. 534.

Статистикъ, оставляя всеобщія описанія и не представляя народа въ Китайскихъ картинахъ, долженъ сказать и изъяснить разныя понятія о просвѣщеніи, долженъ сказать о заведеніяхъ, Правительствомъ, или частными людьми, для распространенія просвѣщенія учрежденныхъ и открытыхъ, и при каждомъ изъ оныхъ долженъ отличать характеръ и представить начало, по коему было бы можно судить о таковомъ заведеніи: таковыхъ заведеній суть три рода: 1) церковь, 2) школа, и 3) законодательство и управленіе Государства.

26.

Тетр. XXVII, стр. 585.

Предпріятіе Никона очистить слогъ Священныхъ книгъ было великимъ шагомъ къ просвѣщенію. Въ лѣтахъ невѣжества множество, безъ сомнѣнія, испорченныхъ словъ вкрались чрезъ переписчиковъ - невѣждъ въ рукописи. Ибо сіи писцы рѣдко были одушевлены охотою къ сей работѣ, по тому что онѣ обыкновенно даваемы были монахамъ, какъ штрафъ за преступленія. Слѣдовательно, нельзя было ожидать исправности.

27.

Тетр. XXIX, стр. 621.

Нельзя быть вмѣстѣ первымъ Магистратомъ и Государемъ.

28.

Тетр. XXIX, стр. 639 и 640.

Отличительная черта неограниченной монархіи есть быстрота по дѣламъ. Государь, какъ земной Богъ, повелѣваетъ, и все немедленно исполняется. Онъ есть творецъ, сколько человѣкъ можетъ заслужить сіе великое имя. Для обширнаго еще младенчествующаго Государства, гдѣ всѣ источники народнаго богатства еще не открыты, гдѣ сношенія между жителями простѣе, нельзя желать лучшаго образа правленія. Чрезъ нѣсколько десятилѣтій такой народъ, имѣвшій счастіе быть управляемъ Государями, подобными Марку Аврелію, Антонину и другимъ, удивительные дѣлаетъ успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ и замѣняетъ цѣлыя столѣтія годами. Но эта же самая быстрота въ управленіи неограниченной монархіи заключаетъ въ себѣ самое великое зло, когда Тиверій, Клавдій и Неронъ занимаютъ престолы.

29.

Тетр. XXX, стр. 653.

Опытомъ доказано, что когда право предложенія дается монархическому началу, тогда послѣднимъ результатомъ непремѣнно бываетъ жестокій деспотизмъ.

Относительно къ вопросу пятому.

30.

Тетр. XII, стр. 233.

Говоря о изгнаніи Жидовъ изъ Европейскихъ Государствъ со временъ Крестовыхъ походовъ сказано: на жестокой и, можно сказать, несправедливой участи основаны всѣ ихъ характеристическія черты, кои мы въ послѣдствіи вмѣняемъ имъ въ порокъ. Отсюда проистекла ихъ неприверженность къ отечеству; ибо они не имѣли его.

31.

Тетр. XIV, стр. 272.

1) Мнѣніе народа (opinion publique) есть царь царей; оно даетъ законамъ болѣе или менѣе силы въ матеріальномъ пространствѣ.

32.

Тетр. XXVI, стр. 536.

Не надобно себѣ представлять начало политическихъ сословій по идеалу, каковой намъ представляетъ естественное право, по коему они основаны на договорахъ. Надобно ихъ здѣсь представить такъ, какъ они дѣйствительно случились, то есть: сильный повелѣваетъ слабымъ. Превосходная сила, безъ сомнѣнія, была главнѣйшею, по крайней мѣрѣ, причиною для основанія всѣхъ Государствъ. И такъ всѣ первоначальныя учрежденія въ Государствахъ сдѣланы были силою. Сильный обыкновенно дальше идетъ, нежели сколько имѣетъ онъ на то право, съ тѣмъ, чтобы защищать самаго себя и чтобы подчиненнымъ его невозможно было противъ него встать.

33.

Тетр. XXVI, стр. 537.

Государства приняли нынѣшнее свое положеніе точно такъ, какъ и земной шаръ. Землетрясенія, огнедышащія горы, большія наводненія, дали земному шару нынѣшній его видъ. Устройства Государствъ, насильственнѣйшіе мятежи, бунтъ революціи, потомъ мирные договоры между сражающимися, дали нынѣшнимъ Государствамъ образованный ихъ видъ.

34.

Тетр. XXVI, стр. 550 и 551.

Изъ сего видно, что въ Протестантской Церкви все происходитъ per disputationem, а въ Католической нѣтъ ни какой disputationem, а есть чистая неограниченная власть Папская. Разумѣется, что просвѣщеніе зависитъ отъ духа господствующей Церкви. Въ Протестантской оно могло скорѣе распространиться, ибо не было ни какихъ притѣсненій, а всякому позволялось разсуждать свободно о предметѣ. Напротивъ, въ Католической Церкви первымъ грѣхомъ почитается разсуждать о предметахъ, до Церкви касающихся . .

. . . . . .

. . . . . .

и сіе назвали Theologia Dominans. Такимъ образомъ они взяли Астрономію подъ власть свою, и Галилей отъ ихъ инквизиціи потерпѣлъ. Дошли до Анатоміи; ибо грѣшно рѣзать мертвыхъ, утверждали они. Jus naturae также подпало власти ихъ; ибо никто не осмѣлился говорить иначе, какъ что написано въ Старомъ Завѣтѣ. Минералогія, Геологія должны быть сходны съ исторіею сотворенія міра, съ I главою Моисея.

35.

Тетр. XXVI, стр. 554.

Ежели терпимость, свобода толкованія, существуетъ въ Церкви, тогда успѣхи просвѣщенія будутъ быстры; въ противномъ случаѣ — медленны.

36.

Тетр. XXVII, стр. 564.

На примѣръ, филологъ, свѣдущій въ Греческомъ и Еврейскомъ языкахъ, излагающихъ Св. Писаніе, будетъ скромнѣе и осторожнѣе въ своихъ толкованіяхъ (interpretatio), когда въ этомъ мѣстѣ преподаются Исторія и Философія, изъясняющія всѣ мѣста, касательно всѣхъ народовъ, слѣдовательно, и Еврейскаго, и стыдно будетъ преподавать такія системы, кои явно можно отвергать истинами другой науки . . . . . .

37.

Тетр. XXVIII, стр. 602.

Общество имѣетъ опредѣленную цѣль, а толпа нѣтъ. Непремѣнно нужно, чтобъ всѣ члены общества были согласны въ разсужденіи сей цѣли, несогласный же долженъ оставить оное. Сіе общее согласіе (la volonté générale) есть первое основаніе всякаго общества.

Сіе сохраненіе всеобщей безопасности должно существовать, ни мало не вредя другимъ постороннимъ лицамъ, не участвующимъ въ составѣ сего общества. Симъ различается политическое общество отъ шайки разбойниковъ.

38.

Тетр. XXVIII, стр. 604 и 605.

Общество должно передать власть выбирать мѣры, нужныя для достиженія общественной цѣли, или одному, или нѣкоторымъ.

Сей второй актъ общественной воли есть основаніе Правительствъ, и какъ скоро передана отъ большаго числа членовъ сословія власть выбирать мѣры одному, или нѣкоторымъ, тогда уже по общественной волѣ состоятъ Правительство и подданные или народъ. И тогда-то сословіе сіе получаетъ названіе политическаго общества. Слѣдовательно, политическое общество есть такое общество, гдѣ, для постояннаго сохраненія безопасности всѣхъ членовъ, составляющихъ оное, не вредя другимъ, не участвующимъ въ семъ сословіи, большинство членовъ передало одному, или нѣкоторымъ, власть выбирать надлежащія мѣры только для достиженія общей цѣли . . . . . .

39.

Тетр. XXVIII, стр. 611.

Договоръ, который дѣйствительно существуетъ, не долженъ быть ни выраженъ, ни написанъ. Онъ основанъ на глубокомъ чувствѣ общей нужды. Тутъ не надобно ни словъ, ни письма, ни переклички, ни собранія голосовъ. Ежели бы они въ своихъ сужденіяхъ не забыли того, что ежедневно предъ нашими глазами совершается, когда садимся за столъ, когда ложимся спать, когда соединенными силами предпринимаемъ какую ни будь работу, или соглашаемся вмѣстѣ веселиться.

40.

Тетр. XXVIII, стр. 612.

Гдѣ совершился коренной договоръ, на которомъ основались политическія общества? Отвѣчаемъ: онъ совершается ежедневно: каждый гражданинъ, каждый членъ общества, пока онъ въ немъ находится, добровольно совершаетъ оный ежедневно. Далѣе,

Первый, въ разсужденіи цѣли, есть актъ основанія политическаго общества; другой, въ разсужденіи выбора мѣръ, есть актъ устрой-

ства политическаго общества, который раздѣляетъ общество на двѣ части: на правительство и народъ.

41.

Тетр. XXVIII, стр. 614.

Но разумѣется, что сей второй актъ на устройство политическаго общества, бывъ заключенъ только для достиженія общей цѣли, а ни мало на рабство большаго числа членовъ общества и не на ограниченную власть малаго числа, составляющаго Правительство.

42.

Тетр. XXVIII, стр. 615.

Злоупотребленіе верховной власти Правительствомъ можетъ случиться при всякомъ образѣ правленія. И сія политическая болѣзнь называется деспотизмомъ. Слѣдовательно, деспотизмъ не есть особенный образъ правленія, какъ многіе изъ писателей думали, но болѣзнь отъ злоупотребленія верховной власти въ монархическомъ и республиканскомъ образѣ правленія. Когда сія болѣзнь достигаетъ высшей степени, то случается, что народъ возбуждается, дѣлается революція и перемѣняется образъ правленія. Это дѣло возможное.

43.

Тетр. XXIX, стр. 617.

По мѣрѣ какъ нужды членовъ общества раздробляются, умножаются — и глупое слово (мысль) писать конституцію. Она для государственнаго устройства не пишется, но рождается; она есть послѣдній результатъ тѣхъ нуждъ, кои народъ имѣетъ по степени, до коей достигло народонаселеніе, народное богатство и просвѣщеніе. Ежели бы была возможность писать конституцію, то ученые люди могли бы составить оную изъ лучшихъ извѣстнѣйшихъ конституцій; но такіе проекты не имѣютъ успѣха, ежели они не основаны на дѣйствительныхъ нуждахъ народа. И такъ какъ нельзя сшить кафтана для людей разныхъ лѣтъ и образа по одной мѣрѣ, такъ нельзя давать идеальной конституціи народу, хотя бы она была совершеннѣйшая.

44.

Тетр. XXIX, стр. 629.

Верховная власть есть результатъ добровольнаго акта передать высшему начальству выборъ мѣръ.

45.

Тетр. XXIX, стр. 631.

Но какъ можетъ случиться, что Верховная власть хотя на время забудетъ общую цѣль, и какъ возможно, чтобы она употребила данную ей власть для другой цѣли, противной договору, по которому она существуетъ, то спрашивается, какъ можно предостеречь политическое общество отъ политическихъ болѣзней, коимъ оно тогда подвергается и кои со стороны Правительства называются деспотизмомъ, а со стороны народа революціею?

46.

Тетр. XXIX, стр. 641.

Аристократія имѣетъ безцѣнную выгоду.

47.

Тетр. XXX, стр. 645.

Демократическій образъ правленія имѣетъ ту выгоду, что каждый гражданинъ въ полномъ смыслѣ можетъ сказать: «Я человѣкъ.»

48.

Тетр. XXX, стр. 669 и 670.

Нѣтъ ни чего столь вреднаго, какъ пустое мнѣніе, что въ коренномъ законѣ ни что и никогда не должно быть перемѣняемо. — Общее мнѣніе вооружается тогда противъ нихъ, и рано или поздно опрокинетъ ихъ къ общему несчастію. Ибо народъ умѣетъ опрокидывать существующія учрежденія.

49.

Тетр. XXX, стр. 672.

Во время бѣшенства Французской революціи, когда народъ усталъ отъ сильнаго и неправильнаго движенія, то умные люди хватились, но поздно, за правила Государственнаго права. Тщетно рука деспота штыками укрощала ихъ занятія. Сей достопамятный примѣръ долженъ служить намъ свѣтильникомъ для будущихъ вѣковъ.

50.

Тетр. XXXI, стр. 694.

И такъ много возникло голосовъ въ новѣйшія времена противъ дворянъ и духовенства, какъ противъ состояній политическихъ. Французская революція разрушила ихъ совершенно, и хотя они опять были возстановлены, но общее мнѣніе во многихъ Государствахъ, даже между просвѣщенными, существуетъ противъ ихъ, какъ особливо привелигированныхъ классовъ.

51.

Тетр. XXXI, стр. 700.

Великое число недовольныхъ изъ самыхъ Бояръ, кои даже оставили Россію, служитъ доказательствомъ, что они не привыкли къ неограниченному такому правленію.

52.

Тетр. XXXII, стр. 706.

Чтобъ имѣть ясное понятіе, на чемъ основано великое почтеніе, въ коемъ духовенство было у всѣхъ народовъ, начиная съ средняго вѣка, надобно имѣть философскіе виды объ идолопоклонствѣ.

53.

Тетр. XXXII, стр. 712 и 713.

Люди, кои первые выдумали и изобразили сіи естественныя идеи для дикаго человѣка, выдумали также cultum deorum, обряды, по которымъ они служили имъ, и сдѣлались жрецами. Уже Цицеронъ

говоритъ, что первоначальное ученое знаніе человѣка распространилось на всѣ предметы, что оно было cognitio rerum divinarum et humanarum вмѣстѣ. Слѣдовательно, жрецы—и философы, и математики, и медики, и юристы, и все. Во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ случаяхъ народъ испрашивалъ ихъ совѣта. Гораздо ранѣе Манеса въ Египтѣ существовала теократія (Theocratie), то есть, что управляли народомъ касты жрецовъ, подъ именемъ ихъ боговъ. Весьма занимателенъ философскій разборъ Египетскаго идолопоклонства, и видно, что прошли многія столѣтія, пока оно приняло такой истинно философскій видъ, при самой необразованной и даже смѣшной наружности; на примѣръ, удивительно въ Египетскомъ идолопоклонствѣ то, что для каждаго начала, коихъ находимъ два въ Египтѣ: одно начало activum, дѣятельное, и passivum, страдательное, два назначаются бога, изъ коихъ одинъ мужскаго, а другой женскаго рода. Удивительно также, какъ сіи старинныя понятія о Богѣ вездѣ существуютъ, то есть, сіи два начала ведутъ между собою войну и побѣждаютъ одно другое, но вовсе не уничтожаютъ.

Теперь посмотримъ, какое имѣло вліяніе на процессъ образованности идолопоклонство.

54.

Тетр. XXXII, стр. 715.

Человѣческій разумъ дошелъ мало по малу до высшихъ понятій, открытій общихъ началъ. Сіи общія начала были прямымъ противорѣчіемъ съ баснословіемъ, по тому что въ баснословіи нѣтъ ни чего общаго, все individuum. Начало идолопоклонства представляло картину чувства—и такъ оно осталось—и такъ непремѣнно приняло свое начало.

Выписка нѣсть изъ лекцій Профессора Раупаха о Всеобщей исторіи.

Относительно къ вопросу второму.

1.

Тетр. II, стр. 46.

§ 11. Священное Писаніе весьма коротко объясняетъ нравы первыхъ человѣковъ, постановленія, родъ жизни и участь, а въ

Священныхъ книгахъ другихъ народовъ такъ баснословно, что для исторіи нѣтъ отъ нихъ пользы. Въ одномъ только всѣ удивительно согласны: это потопъ, истребившій бо́льшую часть человѣческаго рода.

За симъ слѣдуетъ сказаніе о потопѣ изъ Бероза Халдейскаго, весьма похожее на происшествіе, описанное въ Священномъ Писаніи.

2.

Тетр. IV, стр. 95.

§ 16. Индія, между Индомъ и Гангомъ, была уже въ древнія времена весьма просвѣщенною страною. Сословіе жрецовъ и строгое раздѣленіе кастъ было уже въ то время, какъ Священныя книги, Веды, были составляемы, что безспорно долженствовало быть за многія тысячи лѣтъ до нашего лѣтосчисленія.

3.

Тетр. IX, стр. 125.

§ 38. (Говоря о несмѣтныхъ хронологическихъ періодахъ Индійцевъ находится слѣдующее). Въ продолженіи Мануаптара управляетъ Fuery, т. е., родъ священнаго, въ тѣло облеченнаго, бога.

4.

Тетр. XXVI, стр. 576.

§ 65. Очищенія различныя предписаны (Зороастромъ) и установлены тѣмъ же почти образомъ, какимъ у Израильтянъ. (Далѣе слѣдуетъ ученіе Зороастра объ участи душъ по смерти, представленное съ тѣмъ же намѣреніемъ).

5.

Тетр. XXVI, стр. 577.

Въ такомъ состояніи всѣ души, смотря по своимъ заслугамъ, находятся до воскресенія тѣлъ, которое по истеченіи 12 тысячъ лѣтъ послѣдуетъ. Тогда добрые и злые воскреснутъ, моря и земли возвратятъ кости ихъ, Оромазъ ихъ сложитъ и облечетъ жилами и плотію. Вмѣстѣ съ воскресеніемъ людей возобновится вся при-

рода, воспримет свою первообразную красоту. Осужденные, смирившись различными наказаніями, очистившись въ пламени раскаленнаго металла, вмѣстѣ съ блаженными насладятся веселіемъ. Самый Ариманъ и демоны его признаютъ законъ Оромаза.

Относительно къ вопросу третьему.

Тетр. II, стр. 26.

§ 7. Въ примѣчаніи объ эрахъ, употребляемыхъ различными народами и въ различныя времена, сказано: Въ Древней Исторіи употребляли всегда ега mundi, которую сочли изъ Священныхъ книгъ Евреевъ; но оно не употребительно, поелику сіи самыя книги несогласны между собою, на пр., Христосъ родился:

По промежуткамъ временъ въ текстѣ въ году міра	3944
По особымъ членамъ въ томъ же текстѣ	4111
По сравненію Усеера въ томъ же текстѣ. . . .	4004
По числамъ промежутковъ въ Самаритскомъ текстѣ	4305
По особымъ числамъ того же кодекса	4424
По числамъ промежутковъ въ обыкновенномъ спискѣ 70 толковниковъ	5270
По особымъ числамъ Константинопольскаго списка 70 толковниковъ.	5508
По Пезрору изъ 70 толковниковъ.	5872
По Іосифу.	4658

7.

Тетр. II, стр. 38.

§ 9. Священныя книги мы знаемъ только у трехъ народовъ: Іудеевъ, Мидянъ и Индійцевъ.

Стр. 40 и 41.

§ 10. Начало исторіи человѣческаго рода такъ темно, что ни мѣста, ни времени, гдѣ оный получилъ свое начало, опредѣлить не можемъ; такимъ же образомъ родъ жизни, его участь и дальнѣйшее развитіе (progressus) намъ неизвѣстенъ. Преданіе и разумъ научаютъ, что Южная Азія вѣроятно была первымъ жилищимъ людей. О мѣстѣ, гдѣ начался родъ человѣческій, различныя мнѣнія:

въ книгѣ Бытія глав. 2, ст. 8 и пр. говорится такъ . . . . . Все сіе хотя довольно хорошо опредѣлено, но весьма далеко отъ справедливости; ибо нѣтъ на земномъ шарѣ рѣки, раздѣляющейся на четыре части, или рѣкъ; отъ сего нѣкоторые полагали рай въ Сиріи, другіе въ Арменіи, иные въ Месопотаміи, другіе въ Персіи, а иные въ Индіи полагали быть раю; Священныя книги прочихъ народовъ, кои остались цѣлы, или коихъ отрывки только имѣются, совсѣмъ не упоминаютъ о раѣ. Изъ сего явствуетъ, что каждый народъ полагалъ первымъ рожденіемъ человѣка собственную свою землю.

9.

Тетр. III, стр. 56.

§ 11. Послѣ сего слѣдуетъ повѣствованіе о Девкаліоновомъ потопѣ, и потомъ заключеніе: Изъ сего ясно видно, что въ древности было большое наводненіе; но потопъ даетъ весьма пространную исторію для спора: можетъ быть вопросъ: частный, или общій, былъ потопъ? Я думаю, что ни того, ни другаго утверждать нельзя.

10.

Тетр. VIII, стр. 178.

§ 22. Сами Евреи болѣе имѣютъ о себѣ извѣстій, нежели какой другой народъ; ибо сохранены *записки* самаго народа и находятся во всѣхъ рукахъ; поелику Христіянская религія, изъ уваженія къ источникамъ, изъ коихъ она проистекла, включила ихъ въ свои Священныя книги.

11.

Тетр. VIII, стр. 179, 180 и 182.

§ 22. Переводы Древняго Завѣта суть: 70 толковниковъ, въ Александріи, мало по малу исправлены тамошними Іудеями. Найлучше переведено (Моисеево) Пятикнижіе, найхуже Даніилъ. Другіе переводы на Греческій языкъ суть: Аквилы, Ѳеодотіона Ситимаха . . . . . И поелику 70 толковниковъ и Еврейскіе тексты потерпѣли много перемѣнъ и искаженій, то сіи драгоцѣнныя записки имѣемъ мы не въ такой чистотѣ, какъ желать того было бы должно.

(Іосифъ Флавій можетъ также быть употребленъ для изъясненія Іудейской исторіи. Причисляется сюда и Талмудъ). Въ новѣйшія времена много писано о Іудеяхъ, но мы все еще не имѣемъ хорошей исторіи оныхъ.

12.

Тетр. VIII, стр. 189.

§ 23. (Въ примѣчаніи сказано:) Торжественный актъ, коимъ Моисей основалъ новое Государство, былъ тотъ, что онъ приказалъ поклясться 13-ти колѣнамъ, никогда не поклоняться другому Богу, какъ Іеговѣ, коего онъ . . . . . представлялъ имъ не только какъ Бога, но и какъ временнаго Царя ихъ союза, и во имя Его далъ новому Государству законы. Сему Іеговѣ. Царю и Богу Израильтянъ, посвятилъ онъ колѣно Левіино, и чрезъ сіе возвысилъ его въ жреческое дворянство.

13.

Тетр. VIII, стр. 190.

§ 23. Здѣсь не чрезъ колоніи образованнѣйшаго народа, но чрезъ добровольное соединеніе многихъ колѣнъ, подъ предводительствомъ образованнѣйшаго колѣна, произошло Государство, которое, впрочемъ, также какъ Египетъ, было теократическое.

14.

Тетр. IX, стр. 193.

§ 24. Когда, съ одной стороны, права и постановленія колѣнъ оставались неприкосновенны, а съ другой установлялась теократія, отъ того и произошла смѣшанная форма Еврейской республики. Ибо аристократія была подъ надзоромъ колѣна Левитовъ, т. е., высочайшая власть, властію жрецовъ умѣряемая, была у начальниковъ колѣнъ. Отсюда происходитъ публичное право Евреевъ, коего цѣль была та, чтобы духъ народа привлечь къ почитанію Іеговы, и симъ союзомъ религіи утвердить союзъ колѣнъ.

15.

Тетр. X, стр. 225.

§ 24. Въ правѣ постановленія говоритъ: Іегова былъ Царь Израильтянъ, и ему принадлежало естественно все право властителя.

(О согласіи или несогласіи Іеговы на вопросы жрецовъ изъясняется такъ, что) жрецъ вопрошалъ Іегову чрезъ Urim и Thumim — родъ оракула, о коемъ мы не знаемъ болѣе, въ чемъ оно состоитъ.

16.

Тетр. X, стр. 233 и 237.

§ 24. Говоритъ, что законы полицейскіе были тѣсно соединены съ религіею, что законъ о трехъ высокихъ праздникахъ, пасхѣ, праздникѣ недѣль и праздникѣ кущей, принадлежащихъ къ полицейскимъ законамъ, равно какъ освященіе субботъ, новый годъ, и праздникъ очищенія, о чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, принадлежатъ къ полицейскимъ законамъ, также о левитской нечистотѣ людей, домовъ и платья, сюда причислены. Нечистота домовъ Лев. 2 XIV, ст. 33—37 изъясняется тѣмъ, что это не иное что, какъ Acidum nitri (селитренная кислота), которая у насъ часто на домахъ показывается.

17.

Тетр. XI, стр. 254.

§ 25. Конституція Израильтянъ уже при своемъ началѣ носила въ себѣ двоякое сѣмя поврежденія: во первыхъ, что религія была слишкомъ отвлеченна, мало падала на чувства и слишкомъ мало была соразмѣряема съ грубою природою человѣческою; во вторыхъ, что между колѣнами былъ нѣкоторый родъ ревности, ибо нѣкоторыя были тѣсно соединены между собою и составляли какъ бы партію противъ другихъ.

18.

Тетр. XII, стр. 265 и 267.

§ 26. (Въ примѣчаніи говоритъ о Самуиловыхъ достоинствахъ, о благопріятствующихъ ему обстоятельствахъ, что онъ Израильтянъ возвратилъ къ служенію Іеговы). Но онъ хотѣлъ на будущее время обезопасить Израильское Государство, и помышлялъ о средствахъ, какъ бы служеніе Іеговы, на коемъ сіе Государство было основано, могло быть обезопасено отъ вторичнаго его паденія. Жреческій орденъ былъ въ упадкѣ; ибо худые нравы его сочленовъ отняли

у народа все уваженіе къ оному, ибо онъ вѣроятно былъ слишкомъ богатъ и развратенъ. И такъ онъ прибѣгъ къ другому средству, и основалъ орденъ въ извѣстныхъ Пророческихъ школахъ.... Воспитанники сихъ Пророческихъ школъ были назначаемы въ учители народа, и назывались Пророками; ибо въ тѣ времена пророчествовать значило преподавать ученіе религіи въ пѣсняхъ, сопровождаемыхъ музыкою.

19.

Тетр. XII, стр. 270.

§ 26. Говоря о Давидѣ, догадывается, что, можетъ быть, Давидъ былъ воспитанникъ Пророческаго ордена (доказываетъ это тѣмъ, что онъ имѣлъ великую любовь къ поэзіи и музыкѣ).

20.

Тетр. XII, стр. 278.

§ 26. Соломонъ, если изображать его по тому образу, какъ лѣтописцы предали намъ объ немъ въ отдѣльныхъ чертахъ, былъ мужъ съ весьма счастливыми способностями, кои чрезъ воспитаніе подъ руками Пророковъ были развернуты. Его правленіе отличается литературою, начинавшею процвѣтать тогда между Евреями. Самъ Царь былъ поэтъ, какъ и его отецъ, но не съ возвышенностью; его стихотворенія принадлежатъ къ нижнему стилю и болѣе суть плодъ размышленія и науки, нежели генія.

21.

Тетр. XII, стр. 168.

§ 46. Въ семъ періодѣ началась борьба Христіянства съ Язычествомъ. Христіянскіе писатели все представляли, чтобъ доказать безсмысленность древней естественной религіи и, такимъ образомъ, доставить легкій ходъ своей вѣрѣ. Противъ сего тогдашніе языческіе философы, коихъ обыкновенно называютъ Новоплатониками, составили теологическую систему, дабы оправдать древнюю естественную религію, какъ сообразную съ разумомъ; оная основывалась

преимущественно на древней Египетской. Обѣ партіи писали другъ противъ друга съ великою силою и ненавистью; много было говорено о религіи Египтянъ, но легко можно представить, какъ при семъ раздѣленіи мнѣній истина страдала: Христіяне и Язычники превращали истину, чтобы изъ того вывести доказательство своего мнѣнія; даже не совѣстились дѣлать подложныя творенія, кои выдавали за древнія и коими доказывали свои положенія.

22.

Тетр. XXVI, стр. 384.

Третье священное торжество (у Симитовъ), * о которомъ мы упомянули, было Даруни, или благословеннаго хлѣба и чаши, которое въ воспоминаніе Гома, перваго виновника и учредителя религіи Оромазовой, празднуется. Когда молитвы, называемыя «изешне,» читаются, Священникъ освящаетъ маленькіе опрѣсноки или булочки, и съѣдаетъ; сіе сдѣлавши, оный сокъ Гоме изъ священной чаши выпиваетъ. Для надлежащаго уразумѣнія сей церемоніи, надобно знать, что на языкѣ маговъ Гомъ означаетъ Пророкъ и вмѣстѣ растеніе, такъ что сокъ растенія означаетъ кровь Пророка, по чему Зороастръ вводитъ Гома говорящимъ: «Кто меня вкушаетъ, призывая меня съ пламеннымъ сердцемъ и изливая молитвы смиренныя, тотъ воспріиметъ отъ меня блага міра.» Сіе торжество, какъ отдѣльно, такъ и совокупно съ другими священными обрядами, совершалось и совершается и у Персовъ, потомковъ древнихъ Персовъ и Мидянъ.

Относительно къ вопросу четвертому.

23.

Тетр. IX, стр. 201 и 202.

§ 24. Полигамія, безъ сомнѣнія, была позволена у Израильтянъ, и только ревность къ вѣрѣ отвергла сіе (что доказываетъ писаніями Давида и говоритъ:) не должно думать, что Моисеевы установленія содержатъ все совокупное право Евреевъ (а поелику безъ права не состоитъ ни какая фамилія, не только цѣлое колѣно, а по сему неми-

---

* На предыдущей страницѣ сказано: «Сіе торжество совершенно сходно со службою Католическою.»

нуемо образовалось право обыкновенія). Такое право нашелъ и Моисей у Евреевъ, и только тамъ даетъ онъ законы, гдѣ ему не нравится право обыкновенія.

24.

Тетр. XI, стр. 211.

§ 24. Слова: «Господинъ могъ употреблять свою дѣвку въ наложницу, или дать ее для сего употребленія сыну; въ обоихъ случаяхъ, если мужъ ею наскучится, она должна быть отпущена безденежно,» подтверждены Священнымъ Писаніемъ. Втор. гл. XX, ст. 10—14.

(Показаніе на текстъ, и вообще заключеніе, выводимое изъ смысла постановленій Ветхозатѣтныхъ, совсѣмъ ложное).

25.

Тетр. XIII, стр. 292.

§ 27. Іеровоамъ видѣлъ, что доколѣ Іерусалимъ, столица Царей Іудейскихъ, будетъ имѣть религіозную святыню въ глазахъ его подданныхъ.... дотолѣ онъ не можетъ увѣренъ быть въ своемъ господствѣ, (и для того-то) запретилъ путешествія въ Іерусалимъ, и поставилъ въ Веѳилѣ и Данѣ золотыхъ тельцовъ, чтобъ подъ симъ образомъ поклоняться Іеговѣ.

26.

Тетр. XIII, стр. 293.

§ 27. При Ахавѣ было введено изъ Финикіи служеніе Ваалу, и (отъ того) обѣ религіозныя партіи, обожатели Іеговы и Ваала, начали другъ друга преслѣдовать.

27.

Тетр. XIII, стр. 300.

§ 27. (Повѣствуя объ осадѣ Іерусалима Сеннахеримомъ, утверждаетъ, что одна моровая язва въ Ассирійскомъ войскѣ спасла Іудею, и что, при всѣхъ тогдашнихъ Царяхъ, служеніе Іеговы находилось въ безпрестанной борьбѣ съ служеніемъ Ваала.

28.

Тетр. XIV, стр. 309.

Въ продолженіи §§ 28 и 29 доказываетъ, что сказаніе Библейское объ Ассиріянахъ нелѣпо и невѣроятно

Относительно къ вопросу пятому.

29.

Тетр. VII, стр. 149.

§ 20. Всякая вѣра упадаетъ со временемъ въ той мѣрѣ, какъ разумъ просвѣщается, что необходимо случается при умножающейся опытности.

30.

Тетр. X, стр. 129 и 130.

§ 39. Производящая мужская сила, мужской первоначальный элементъ, протекаетъ безпрестанно чрезъ второй женскій, такъ какъ онъ сіе дѣлалъ тогда, когда производимъ былъ міръ, и его продолжительное порожденіе. Человѣкъ, изъ всѣхъ сотворенныхъ существъ, есть существо самое загадочное. Душа, какъ животворящее, дѣйствующее и производящее въ человѣкѣ, играла такую же роль въ человѣческой природѣ, какую животворящее мужское начало играло во всей вселенной; и поелику она, какъ нѣчто сотворенное, въ слѣдствіе системы истеченія, долженствовала быть истеченіемъ обоихъ коренныхъ началъ, то было естественно, что она почиталась изліяніемъ дѣятельнаго мужскаго начала, поелику она во всѣхъ отношеніяхъ ему уподоблялась.

31.

Тетр. XI, стр. 148.

§ 43. Съ волею боговъ, что человѣкъ долженъ поступать справедливо, съ ихъ ревностію къ справедливости, жрецы соединили всю свою нравственность и на оной основали свое гражданское законодательство, которое въ то время обнимало всю систему должностей человѣка, сколь далеко они развернулись у самыхъ законодателей. Такимъ образомъ въ видѣ божескаго закона извнѣ вошло въ человѣ-

ка то, что произошло только изъ развитія его собственныхъ способностей, и какъ повелѣніе всесильнаго божества, управляющаго судьбою человѣка, изобрѣло повиновеніе, которое оно всегда бы изобрѣло, какъ законъ собственнаго разсудка.

32.

Тетр. X, стр. 150.

§ 43. Вѣра есть единственная наука того времени, такъ какъ она и вообще есть наука воображенія, и, слѣдовательно, долженствовала господствовать въ человѣкѣ, доколѣ господствовала въ человѣкѣ сія способность души.

33.

Тетр. XII, стр. 178.

§ 46. Изъ сихъ обоихъ * первоначальныхъ существъ произошли два другія, огонь и вода; огонь начало мужское и дѣятельное, вода женское и страждущее; и здѣсь разумѣть должно не столько земной огонь, сколько тотъ, который, какъ дѣйствующее начало, проницаетъ всю вселенную, и влажность, которая равномѣрно распространена по вселенной. Изъ сихъ произошли теперь небо и земля, также начало мужское и женское; но опять не сіе видимое небо и не сія видимая земля, но паче эфиръ; изъ сего исходитъ вся оплодотворяющая сила, и нижній воздухъ, который принимаетъ въ себя сію оплодотворяющую силу и чрезъ то дѣлаетъ возможнымъ всякое земное произрастаніе.

34.

Тетр. XIX, стр. 263.

То, что представить можно съ нѣкоторымъ видомъ истины, какъ дѣйствительное древнее и истинное, есть слѣдующее: въ началѣ были, и непрестанно находятся, два начала, свѣтъ и тьма, одно духовное и мужское, другое матеріяльное и женское. То и другое по порядку истеченія, какъ творился міръ, развивалось и, дабы міръ хранился, нынѣ непрестанно развивается.

---

* Сначала было два существа, мужское, дѣятельное, свѣтъ, или дыханіе, и женское, страждущее, ночь или мракъ, слѣдовательно, духовное и матеріяльное.

35.

Тетр. XXII, стр. 312 и 315.

Хотя всѣ сіи божества (Ваалъ, Адонаи и проч.) должны причислены быть къ солнцу, однако изъ того, что у древнихъ встрѣчается, легко видѣть можно, что идея объ оныхъ была основана на космологическихъ началахъ, такъ что не только солнце, но и причина вещей, рождающая мужское начало, означались: Белъ, Ваалъ, Адонаи или Адонисъ, одно и то же означаютъ.

36.

Тетр. XXVII, стр. 395.

Никто изъ древнихъ не имѣлъ понятія о Богѣ невещественномъ.

Относительно къ вопросу шестому.

37.

Тетр. III, стр. 65.

§ 13. Много было споровъ о происхожденіи гражданскаго общества, особливо же о происхожденіи верховной власти. Одни утверждаютъ, что верховная власть непосредственно учреждена самимъ Богомъ, хотя нельзя привести тому ни какого историческаго доказательства.

38.

Тетр. III, стр. 79.

§ 14. Напослѣдокъ третій родъ Государствъ, встрѣчающійся въ исторіи позже двухъ первыхъ, произошелъ чрезъ силу и оружіе. Одно..... воинственное племя поработило другія — и здѣсь является уже истинная монархія.

39.

Тетр. XX, стр. 469.

§ 36. Отъ божества исходило тогда все законодательство, и чрезъ то для народа, который былъ еще слишкомъ грубъ, чтобы повиноваться законамъ разума, получило связующую силу.

Выписка мѣстъ изъ уроковъ Адъюнкта Арсеньева въ Университетскомъ Пансіонѣ о Статистикѣ.

Относительно къ вопросу третьему.

ИЗЪ ТЕТРАДЕЙ СТУДЕНТСКИХЪ.

1.

Стр. 27.

Народъ былъ прежде Правительства, слѣдовательно, народъ важнѣе Правительства, и мы должны говорить о народѣ, такъ какъ о важнѣйшемъ предметѣ.

2.

Стр. 47.

Правленіе образуется тогда, когда люди, перешедши различныя степени гражданской жизни, наконецъ подвергаютъ себя волѣ какого либо лица физическаго, или нравственнаго, которому даютъ власть дѣйствовать по своему расположенію. Сія верховная власть образуется при перехожденіи людей изъ семейственныхъ обществъ въ гражданскія, для безопасности. Соединенное гражданское общество руководствуется извѣстными правилами или законами. Сумма всѣхъ сихъ правилъ или законовъ составляетъ Конституцію Государства.

3.

Стр. 53.

Монархія есть самая лучшая (форма). Здѣсь власть отдается одному; но иногда Монархъ, вмѣсто добра, можетъ произвести зло. Положимъ, что Государь добръ, старается о безопасности подданныхъ; но онъ смертенъ; послѣ него бываетъ новый, который злодѣйствуетъ, приводитъ подданныхъ въ ужаснѣйшее состояніе. И такъ мы видимъ, что во всякомъ Правленіи есть свои недостатки. Англія узнала оные, и избрала лучшее, и имѣетъ совершеннѣйшее Правленіе.

Необыкновенная полиція.

4.

Стр. 62.

Чиновники сей полиціи, для удобнѣйшаго розыска, бываютъ тайны и называются шпіонами или розыщиками; имъ поручаетъ Правительство свою безопасность. По своему основанію, эта полиція очень полезна; но, будучи орудіемъ деспотизма, ужасна и вредна для самаго Государства. Она стоитъ большихъ издержекъ на жалованье чиновникамъ. Посредствомъ сей полиціи нарушаются даже требованія правъ человѣчества. Это есть сѣмя раздоровъ и недовѣрчивости между гражданами Государства.

5.

Стр. 118.

Винная торговля, золотые и серебряные рудники и проч. суть исключительная принадлежность Правительства. Легко видѣть можно невыгоды сихъ регалій: поелику Государь принадлежитъ къ классу не производящему, онъ худой хозяинъ, и сіе показываетъ, что Государство еще далеко отъ Государственнаго устройства. Петръ Великій былъ первымъ фабрикантомъ, купцомъ и вообще былъ монополистъ, отъ чего дѣлался подрывъ подданнымъ; ибо очевидно, что Государь удобнѣе можетъ содержать и заводить фабрики, нежели частный, а по тому онъ можетъ дешевле продавать издѣлія оныхъ.

6.

Стр. 124.

Полезно оцѣнивать домы и брать налоги, соображаясь съ цѣною дома, или съ капитала, что и существуетъ у насъ, въ С.-Петербургѣ, но что также несправедливо.

7.

Стр. 137.

Когда будемъ вникать въ составъ Государства и въ отношенія подданныхъ къ Правительству, и обратно, то увидимъ, что налоги

суть необходимы и показываютъ, что Государство на извѣстной степени образованія. Но налоги вредны; ибо имѣютъ вредное вліяніе на народонаселеніе, на промышленность, на просвѣщеніе, и вообще на благосостояніе народа; ибо, при тягостныхъ налогахъ, молодой человѣкъ, едва прокармливающій себя и уплачивающій налоги, не можетъ думать о супружествѣ, и опасается, въ случаѣ брака, впасть въ крайнюю бѣдность; отъ сего народонаселеніе уменьшается и притомъ дѣти отъ бѣдности въ нѣкоторыхъ семействахъ умираютъ. Налоги также вредны и для народнаго богатства. Сіе богатство состоитъ въ запасѣ капиталовъ, которые пріобрѣтаются бережливостію, которую налоги уменьшаютъ. И такъ налоги вредятъ и народному просвѣщенію, какъ слѣдствію богатства, ибо при налогахъ всякій думаетъ не о своемъ просвѣщеніи, но о корысти.

ВОПРОСНЫЕ

ПУНКТЫ И ОТВѢТЫ НА НИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ ГЕРМАНА, РАУПАХА, ГАЛИЧА И АРСЕНЬЕВА.

Вопросные пункты Профессору Герману.

Въ письмѣ Вашемъ къ Ректору Университета показано Вами, что, преподавая 15 лѣтъ Статистику, не писали Вы уроковъ своихъ, изъ подражанія учителю Вашему, Шлецеру, и что Студенты, слушавшіе изустное Ваше преподаваніе, могли въ тетрадяхъ своихъ вмѣстить то, чего Вы имъ не говорили; при томъ препроводили Вы къ Ректору написанные Вами отрывки Статистики Австріи. По сему спрашивается:

1. Ежели вы не имѣете привычки писать Вашихъ лекцій, то по чему, не писавъ Статистики Россіи, написали Статистику Австріи, изъявъ и изъ нея, однако же, всѣ тѣ мѣста, въ коихъ можно предполагать тѣ же самыя собственныя мнѣнія, кои въ Россійской Статистикѣ Вы обнаружили, какъ-то: о Правительствѣ, о Духовенствѣ, о Церкви, и проч.?

Я не однократно намѣревался писать курсъ Статистики, но другія мои занятія мнѣ въ томъ препятствовали. Я хотѣлъ писать Руководство къ Статистикѣ Европейскихъ Государствъ, и сдѣлалъ опытъ въ семъ родѣ, начавъ Австрійскою Имперіею. Потомъ я оставилъ сей планъ, предпочитая способъ преподаванія Статистики по предметамъ, входящимъ въ составъ сей науки. Предметы въ Австрійской Статистикѣ суть тѣ же самые, кои находятся и въ лекціяхъ моихъ по Статистикѣ Россійскаго Государства. Различіе состоитъ только въ томъ, что въ первой я хотѣлъ писать Руководство, а во второй входилъ въ большія подробности касательно тѣхъ же самыхъ предметовъ, сколько то нужно было для Студентовъ Университета.

2. Какимъ образомъ могло произойти случайно, что у нѣсколькихъ Студентовъ Вашей аудиторіи всѣ вредныя мнѣнія о Религіи и Правительствѣ совершенно въ смыслѣ и въ выраженіяхъ согласны, а у тѣхъ, кои представили тетради неполныя, недостаетъ именно тѣхъ тетрадей, въ которыхъ вредныя мѣста заключаются?

Въ семъ вопросѣ заключаются два разные предмета: а) что есть вредныя мнѣнія въ отношеніи къ Религіи и къ Правительству въ тетрадяхъ тѣхъ Студентовъ, которые представили полный курсъ, между тѣмъ какъ въ другихъ тетрадяхъ неполныхъ недостаетъ тѣхъ статей, кои вредны; б) какимъ образомъ могло случайно произойти, что тетради многихъ Студентовъ сходны и по смыслу и по выраженіямъ? Къ а): Я утверждаю, что мои мнѣнія, объясненныя такъ, какъ я оныя понимаю, не вредны; но я замѣтилъ изъ читанныхъ мнѣ выписокъ, что въ оныхъ есть мѣста, противныя моимъ началамъ. Наконецъ, я совершенно не знаю, по чему иныхъ тетрадей недостаетъ у Студентовъ. Ко б): Я никогда не писалъ своихъ лекцій и никогда не давалъ Студентамъ своихъ собственныхъ записокъ, какъ то я уже объявилъ. Студенты не иначе могли принимать мои изустныя преподаванія, какъ за положенія (comme des données), по тому что я объясняюсь довольно худо по Русски. Надлежало изъ нихъ дѣлать редакцію, чтобы составить записки въ порядкѣ чистымъ Русскимъ слогомъ. Я увѣренъ, что многіе изъ Студентовъ располагали оныя по своему, будучи прилежны; а, можетъ быть, есть и такія уставныя записки (cahiers de fondation), кои, въ теченіе многихъ лѣтъ, переходили изъ рукъ въ руки и были пополняемы Студентами по собственнымъ ихъ понятіямъ.

3. Что можете Вы представить въ подверженіе показанія Вашего, что Ваше изустное преподаваніе не вмѣщало въ себѣ ни чего, противнаго Религіи и Государственному правленію?

а) Мою совѣсть, которая чиста; никогда, никогда я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія говорить противъ Религіи, или противъ Правительства; б) разсмотрѣніе всѣхъ, извлеченныхъ изъ Студентскихъ тетрадей, мѣстъ, кои будутъ мною признаны сообразными съ моими настоящими началами, если разсмотрѣніе сіе будетъ сдѣлано такими судьями (juges compétens), кои извѣстны по политическимъ своимъ свѣдѣніямъ.

4. Ежели предположить, что многіе изъ Студентовъ Вашихъ помѣстили въ свои тетради, какъ Вы сами изъясняете, болѣе или менѣе (plus ou moins) то, что Вы имъ изустно преподавали, то какимъ образомъ произошло, что обѣ науки, Вами преподанныя, т е., Теорія Статистики и Статистика Россіи, имѣли вообще явнымъ основаніемъ своимъ и цѣлію порицаніе Христіянства, оскорбленіе до-

стоинства Церкви, существующаго въ Россіи Правленія и вообще Верховной власти?

Я пришелъ въ ужасъ, услыша сей пунктъ обвиненія, который вынуждаетъ меня нижайше просить о разсмотрѣніи сего дѣла сообразно съ отвѣтомъ 3 б).

5. Для чего въ преподаваніе Статистики вмѣстили Вы совершенно чуждыя сей наукѣ матеріи, въ изложеніи которыхъ обнаруживаются правила возмутительныя?

Тутъ также два предмета заключаются въ одномъ вопросѣ: спрашивается: а) по чему въ моихъ Статистическихъ лекціяхъ есть матеріи, почитаемыя посторонними для сей науки, и б) сіи посторонніе матеріи названы вредными? Отвѣчаю на а): Можно проходить Статистику или исторически и, такимъ образомъ, она должна быть преподаваема, по моему мнѣнію, въ Гимназіяхъ; или политически, какъ она должна быть преподаваема, по моему мнѣнію, въ Университетѣ. По моему мнѣнію, Статистика есть средоточіе всѣхъ Политическихъ наукъ. Она доставляетъ доказательства всѣмъ симъ наукамъ, а по тому начала сихъ наукъ должны быть развиты (dévelopées) въ соотвѣтственныхъ тому статьяхъ Статистики, а особливо въ теоріи Статистики, которая представляетъ сокращеніе оныхъ, ибо нельзя отвѣчать на то, что еще неизвѣстно. Наконецъ, всѣ входящіе въ Статистику предметы и самый способъ преподаванія оной означены въ моей Теоріи Статистики, съ одобренія Главнаго Правленія Училищъ и на казенный счетъ напечатанной въ 1809 году для Гимназій Россійской Имперіи. Къ б): Я ссылаюсь на мой отвѣтъ № 3, 2 и 4.

6. Какимъ образомъ, разсматривая по однимъ правиламъ чести и благоприличія, можете Вы оправдать публичное порицаніе дѣйствій того Правительства, которому Вы служите, и предъ воспитанниками, коихъ образованіе было Вамъ ввѣрено отъ него?

Ужасный упрекъ, содержащійся въ семъ вопросѣ, не прежде мнѣ можетъ быть сдѣланъ, какъ тогда, когда я удостоюсь разсмотрѣнія приведенныхъ изъ Студентскихъ тетрадей мѣстъ всѣхъ вмѣстѣ и такими людьми, кои въ наукахъ Политическихъ искусны. Наконецъ, я нижайше прошу снабдить меня копіею съ выписки тѣхъ мѣстъ, кои въ объяснительныхъ пунктахъ показаны.

Вопросные пункты Профессору Раупаху.

1. Для чего и съ чьего дозволенія преподавали Вы въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, вмѣсто Исторіи, Вамъ назначенной и которую слѣдовало Вамъ соглашать съ общепринятыми классиками сей науки, Систему Философскую, произвольно Вами составленную?

Я училъ Свѣтской Исторіи такъ, какова она должна быть, а не Системѣ Философской.

2. Съ какимъ намѣреніемъ устремляли Вы преподаваніе сей Философіи единственно къ убѣжденію Вашихъ слушателей въ томъ, что языческая теогонія есть будто бы ученіе истинное и единственный источникъ религіи Еврейской и Христіянской?

Я не училъ тому, чтобы теогонія язычниковъ содержала что ни будь справедливое.

3. Съ какимъ намѣреніемъ усиливались Вы въ преподаваніи уроковъ Вашихъ потрясти достовѣрность книгъ Св. Писанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвергнуть Божественное Откровеніе Ветхаго и Новаго Завѣта, и, выводя постоянно во всей системѣ преподаванія Вашего сходство Индійскихъ обрядовъ съ таинствами Христіянства, стремились поколебать достовѣрность Божественнаго установленія оныхъ священныхъ таинствъ?

Я не нападалъ на достовѣрность Священнаго Писанія.

4. Какъ позволили Вы себѣ предлагать слушателямъ Вашимъ вымышленныя, порицательныя заключенія о Божественныхъ преданіяхъ въ Библіи, подкрѣпляя выводимые Вами изъ того ложные толки превратнымъ показаніемъ смысла текстовъ?

Я не представлялъ превратно смысла Священнаго Писанія.

5. Съ какимъ намѣреніемъ внушали Вы и вводили въ ученіе Ваше такія понятія, которыя ведутъ къ матеріялизму и атеизму.

Я не проповѣдывалъ матеріялизма.

6. Съ какимъ намѣреніемъ и по какому праву, служа Россійскому Правительству, учили Вы въ Императорскомъ Университетѣ, что Верховная власть есть только насильственное завладѣніе народною сво-

бодою, и, такимъ образомъ, вмѣсто полезнаго преподаванія Исторіи, разсѣевали мнѣнія и начала возмутительныя?

Я не училъ тому, что власть Верховная основана на притѣсненіи.

Опроверженія свои я не прежде могу подтвердить доказательствами, какъ въ то время, когда даны будутъ средства, т. е., когда сообщена будетъ мнѣ выписка изъ моихъ уроковъ, когда мнѣ возвращены будутъ мои тетради съ экземпляромъ одного изъ моихъ слушателей, и когда мнѣ предоставлено будетъ нужное время.

Вопросные пункты Профессору Галичу.

Въ письмѣ Вашемъ къ Ректору Университета, на требованіе отъ Васъ тетрадей, по коимъ Вы преподавали разныя части Философіи, объявили Вы, что основаніемъ уроковъ Вашихъ брали Вы Курсъ Философіи Карпе и печатную книгу Вашу: Исторію философскихъ системъ.

Нынѣ въ тетрадяхъ Студентовъ Вашихъ обнаружены начала, противныя Вѣрѣ и властямъ, установленнымъ отъ Бога; и по тому предлагаются Вамъ слѣдующіе вопросы:

1. Чѣмъ докажете Вы, что въ изустномъ преподаваніи Вашемъ не было ни чего, сему подобнаго?

2. Чѣмъ можете доказать, что разрушительныя начала, въ тетрадяхъ Студентовъ Вашихъ обнаруженныя, не суть извлеченія изъ собственной книги Вашей — Исторіи философскихъ системъ, которая, вмѣщая въ себѣ всѣ сіи начала, открытое даетъ предпочтеніе Философіи Шеллинга, противной ученію Божественнаго Откровенія?

3. Въ предисловіи Вашемъ ко второй части сей книги, утверждаете Вы сами, что вожделѣнные успѣхи Вашихъ слушателей познакомили ихъ чрезъ нее съ ученіями древнихъ мудрецовъ; то, на основаніи сего собственнаго признанія Вашего, спрашивается: съ какимъ намѣреніемъ излагаете Вы противныя ученію Вѣры понятія Индійской Философіи, указывая на источники оныхъ самые вредные и авторовъ самыхъ опасныхъ?

4. Съ какимъ намѣреніемъ вводите Вы въ число философскихъ сектъ ученіе Евреевъ и Христіянъ, въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта заключающееся, стараясь утвердить тѣмъ, что оныя ученія не суть Откровеніе Божественное, но вымыслъ человѣческій?

Сознавъ невозможность отвергнуть вопросные пункты, отвѣчаю желаніемъ не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія.

Вопросные пункты Профессору Арсеньеву.

Въ донесеніи Вашемъ Ректору Университета Вы говорите, что не имѣете ни какихъ тетрадей, ниже систематическихъ записокъ по Вашему предмету, а руководствовались поименованными въ донесеніи Вашемъ авторами и книгами; Статистику же Россіи преподавали Вы по напечатанной собственной книгѣ Вашей, дѣлая въ оной разныя перемѣны и поправки. По сему:

1. Ежели Вы не заготовляли Вашихъ лекцій письменно, то какимъ образомъ оказавшіяся въ тетрадяхъ воспитанниковъ Благороднаго Университетскаго Пансіона вредныя мнѣнія о Религіи и Правительствѣ совершенно между собою согласны въ смыслѣ и выраженіяхъ?

2. Чѣмъ опровергнете Вы то, что найденныя въ тетрадяхъ воспитанниковъ вреднаго духа мѣста суть собственныя ихъ прибавленія, а не изъ Вашихъ преподаваній взятыя?

На вопросные пункты, предложенные мнѣ Высшимъ Начальствомъ Университета, честь имѣю представить мои отвѣты:

На 1-й и 2-й вопросы: Тетрадей и записокъ моихъ по Статистикѣ я ни Студентамъ, ни воспитанникамъ не давалъ. Что записки Студентовъ согласны между собою въ смыслѣ и выраженіяхъ, это происходитъ отъ того, что во время класса, при преподаваніи моемъ, одинъ изъ воспитанниковъ Пансіона замѣчалъ главное и вообще, что ему казалось достойнымъ замѣчанія, послѣ класса все приводилъ въ порядокъ по своему образу мыслей и своимъ слогомъ. Составленное однимъ переписываемо было всѣми прочими. Записки, та-

кимъ образомъ сдѣланныя, могли совершенно отступить отъ смысла моего, и мысли, мною изложенныя, въ другихъ выраженіяхъ представленныя воспитанниками, могутъ теперь быть обращены въ сторону, для меня чрезвычайно невыгодную. Начальство мое, получивши тетради, такъ искаженныя и несообразностями наполненныя, конечно, по долгу своему, не зная ихъ происхожденія, должно осуждать меня, какъ преступника. Впрочемъ, съ увѣренностію въ душѣ и съ спокойствіемъ совѣсти, я смѣю увѣрить Начальство, что я никогда не позволялъ себѣ входить въ сужденія о Вѣрѣ, мною свято чтимой. Съ дѣтства моего я привыкъ думать, что Вѣра есть краеугольный камень доброй нравственности и человѣческаго счастія.

3. Для чего, преподавая Статистику, вводили Вы въ оную чуждыя сей наукѣ матеріи, въ изложеніи которыхъ обнаруживаются начала и заключенія возмутительныя противу благосостоянія общественнаго?

На 3-й вопросъ: Преподавая Статистику, съ намѣреніемъ я не думалъ никогда касаться области другихъ наукъ. Но, смотря на нее, какъ на науку политическую, а не историческую, или географическую, я сближался съ предметами, сродными и близкими ей, хотя они главнѣйше принадлежатъ къ Политической Экономіи, или къ Праву Государственному: «Staatsrecht und Staatsvervaltungslehre sind die Hauptheile der Statistik», такъ говоритъ Шлецеръ, толико знаменитый своими заслугами по Статистикѣ и по Исторіи нашего отечества. Кромѣ простыхъ показаній въ числахъ, я позволилъ въ книгѣ моей сужденія и заключенія по многимъ предметамъ, считая это для себя обязанностію, ибо я имѣлъ въ виду правило того же Шлецера: «Es giebt eine Statistique raisonnée.» Да проститъ мнѣ почтенная Конференція и Правленіе, что я привожу самыя подлинныя слова Шлецера: «Eigentlich fordert man dem Statistiker nur Facta ab, aber oft muss er die Folgen erwähnen zum Beweis, dass sein Factum statistisch richtig sei». Впрочемъ, таковыя сужденія мои, таковыя заключенія, я дѣлалъ, будучи совершенно чуждъ всякаго злонамѣренія. Въ продолженіе одиннадцатилѣтней службы моей я никогда не былъ ослушникомъ Высшей власти и моего Начальства: воля его была для меня священною.

Преподавая Теорію Статистики, я руководствавался печатною книгою Г. Профессора Германа, моего наставника въ сей наукѣ,

руководствовался тѣмъ безбоязненнѣе, что она была преподаваема повсюду по повелѣнію Главнаго Училищъ Правленія. Отвѣчать на многія статьи, изложенныя въ выпискѣ, будетъ продолжительно теперь. Если Начальству моему благоугодно будетъ приказать мнѣ отвѣчать на нихъ письменно, на каждую часть порознь, то за особенное счастіе почту себѣ исполнить это, тѣмъ болѣе, что при семъ я имѣлъ бы случай открыть мой образъ мыслей и представить, какъ мало я наклоненъ съ намѣреніемъ къ возмутительности, буйству, непокорности властямъ и богохульству. Но рессаге (errare) humanum est.

4. Для чего и съ должнаго ли, отъ кого слѣдовало по Уставу, позволенія приняли Вы въ руководство преподаванія въ Благородномъ Пансіонѣ Статистики такую книгу Вашу, которая заключаетъ въ себѣ непозволенныя сужденія и опороченія отечественнаго Правительства, существующихъ законовъ, формы правленія гражданскаго и духовнаго?

На 4-й вопросъ: Книга моя введена въ Пансіонѣ не по формальному предложенію Начальства, но съ словеснаго соизволенія Г. Директора Пансіона. Впрочемъ, она введена и въ Лицеѣ и въ Пансіонѣ Царскосельскомъ безъ моего содѣйствія, по волѣ тамошняго Высшаго Начальства.

Въ заключеніе беру смѣлость представить Высшему Начальству мое увѣреніе, что я никогда не порочилъ съ намѣреніемъ ни какихъ отечественныхъ постановленій, кольми паче не дерзаю осуждать формы правленія гражданскаго и духовнаго. Я чувствую благотворность его и нахожу себя счастливымъ подъ кровомъ отечества моего. Несказанно счастливымъ почелъ бы себя, если бы Высшее Начальство даровало мнѣ случай отвѣчать на каждую статью выписки порознь. Въ томъ состоитъ моя покорнѣйшая просьба, исполненіе коея будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія Начальства.

НЕДОУМѢНІЯ,

ВОЗБУЖДЕННЫЯ ЧТЕНІЕМЪ СОЧИНЕНІЯ

«ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1812 ГОДА.

ПО ДОСТОВѢРНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ,

СОСТАВЛЕННАЯ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ. СОЧИНЕНІЕ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА М. БОГДАНОВИЧА. 3 ЧАСТИ. С.-ПЕТЕРБ. 1859, ВЪ 8-КУ.»

Мы уже имѣемъ два важныя сочиненія о сей достопримѣчательной, въ военномъ и политическомъ отношеніи, войнѣ: одно Бутурлина, другое Михайловскаго-Данилевскаго. Первое имѣетъ большой авторитетъ даже у иностранцевъ; второе, по отчетливости, ясности и изяществу изложенія, составляетъ одно изъ занимательнѣйшихъ чтеній для всякаго Россіянина, одушевленнаго любовію къ своему отечеству. Новый авторъ, какъ объявилъ онъ самъ, принялъ намѣреніе изложить исторію сей войны съ критической точки зрѣнія; ибо, по словамъ его, «исторія войны, основанная на критическомъ изслѣдованіи, можетъ представить болѣе пользы и занимательности военному и не военному читателю, нежели разсказъ, изъ котораго нельзя видѣть ни характера дѣйствователей, ни причинъ, побуждавшихъ ихъ къ излагаемымъ», т. е., мною, сочинителемъ, «дѣйствіямъ.»

Слово «излагаемымъ» немножко не у мѣста, но не будемъ обращать вниманія на небольшіе недосмотры; замѣтимъ только, что, по понятію автора, сущность и назначеніе критической исторіи именно состоитъ «въ описаніи характера дѣйствующихъ лицъ

и изъясненіи причинъ ихъ дѣйствій.» Не будемъ разсуждать, на сколько вѣрно такое опредѣленіе, но, руководствуясь имъ, обратимъ на эту часть разсказа преимущественное вниманіе, не упуская изъ вида и другихъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя новостію взгляда автора породили въ насъ нѣкоторыя недоумѣнія. Къ такому разряду принадлежитъ въ самомъ началѣ описанія сей войны мѣсто, гдѣ авторъ говоритъ о дѣйствіи, какое произвелъ на умы нашего простаго народа слухъ о нашествіи Наполеона на Россію.

(Т. I. стр. 92) «Современники 1812 года свидѣтельствуютъ, что имя Бонапарта поселяло тогда въ нашемъ простомъ народѣ таинственный ужасъ, подобно имени злаго духа.»

Намъ кажется, что, вмѣсто того, чтобы приводить въ этомъ случаѣ свидѣтельства современниковъ, столь неясныя и столь неопредѣленныя, слѣдовало бы напередъ спросить этѣхъ господъ, что разумѣютъ они подъ злымъ духомъ, сообразно съ понятіями простаго народа? Если это, по его понятіямъ, означаетъ лѣшаго, домоваго, кикимору и даже самаго дьявола, то можно было бы только посмѣяться надъ такими свидѣтельствами и не приводить ихъ съ такимъ легковѣріемъ, дабы не уменьшить тѣмъ достоинства исторіи. Если же это только фраза, употребленная съ намѣреніемъ выразить ею самую крайнюю и высшую степень ужаса при имени Бонапарта, то скажемъ утвердительно, основываясь также на свидѣтельствахъ современниковъ, что простому народу даже имя его было вовсе, такъ сказать, не впечатлительно. Кому не извѣстно, что въ войнахъ съ иностранными Государствами нашъ простой народъ всегда употребляетъ имя народное, не думая о предводителяхъ? Такъ, въ послѣднюю Турецкую войну, простолюдинъ говорилъ: «На насъ идетъ Французъ да Англичанинъ за Турку.» Такъ и во время нашествія Наполеона простолюдинъ говорилъ только: «На насъ идетъ Французъ.» Не споримъ, что грамотный классъ даже изъ простонародья не могъ не знать и имени Наполеона. Но откуда этотъ ужасъ при его имени? Извѣстны были побѣды его, одержанныя надъ Нѣмцами. Но со времени революціонныхъ войнъ такъ уже равнодушно слышали объ ихъ пораженіяхъ, что даже считали ихъ вовсе неспособными противустоять Французамъ безъ помощи Русскихъ, какъ это оправдалось въ то время, когда предводительствовалъ ими великій Суворовъ.

Мы помнимъ, съ какимъ одушевленіемъ восторженнымъ, съ какими надеждами, Русскій народъ сопровождалъ первое войско, отправленное въ помощь Австрійцамъ подъ предводительствомъ Кутузова. * Произошло сраженіе несчастное. Кутузовъ, изъ опасенія не угодить Государю, примѣтно одобрявшему мнѣнія Австрійскихъ Генераловъ, не смѣлъ быть настойчивымъ, Австрійская же тактика такое предназначила направленіе войскамъ, какого и самъ Наполеонъ не могъ бы придумать лучше для своего непріятеля, чтобы одержать надъ нимъ полную побѣду. Слѣдующая война за Пруссію, въ которой успѣхи нашего оружія смѣнялись неудачами, по тому только имѣла невыгодный исходъ, что мы, предпринявъ ее, не подготовили достаточнаго количества силъ и средствъ, необходимыхъ къ ея продолженію, и если бы не этотъ недосмотръ, то Австрія несомнѣнно соединилась бы съ нами, и Наполеонъ нашелся бы тогда же въ необходимости очистить Германію. Впрочемъ, всѣ такія разсужденія принадлежали только высшему классу гражданъ. Что же касается до простаго народа, то онъ мало заботился и разсуждалъ о тѣхъ войнахъ, которыя происходили за границею, и лишь на столько тяготился ими, на сколько тягостна и непріятна была для него рекрутчина. При томъ, привыкши ратовать со славою противъ Европейскихъ народовъ со временъ Петра Великаго, онъ, естественно, утвердился въ мысли о своей непобѣдимости, и, въ слѣдствіе этой укоренившейсямысли, онъ встрѣтилъ вторженіе Наполеона (или, какъ онъ говорилъ, Француза) за самое наглое оскорбленіе своей чести и славы, и по тому встрѣтилъ его не съ таинственнымъ какимъ-то ужасомъ, но съ жаждою мщенія и непримиримой злобы къ врагу дерзновенному. Автору извѣстно, съ какой готовностію простой народъ, возбужденный воззваніями Растопчина, стремился, съ чѣмъ ни попало, на Поклонную гору, при самомъ приближеніи непріятеля къ столицѣ. А

---

* Тогда ходила въ народѣ пѣсенка, которую мы въ дѣтствѣ напѣвали подъ музыку экосеза. Вотъ двѣ первыя строфы, оставшіяся въ моей памяти:

«Нутка, Русскіе солдаты,
Станемъ Нѣмцевъ выручать:
Они больно трусоваты,
Намъ за нихъ, знать, отвѣчать.

Не боимся мы Французовъ:
Штыкъ всегда востеръ у насъ,
Лишь бы батюшка Кутузовъ
Допустилъ скорѣе насъ.»

такое дѣйствіе отнюдь не могло быть слѣдствіемъ какого-то таинственнаго ужаса.

«Съ приближеніемъ войны, всякій пожаръ, всякое естественное бѣдствіе, приписывалось вліянію Наполеона и его агентовъ, которые, дѣйствительно, разосланы были Французскимъ Правительствомъ въ большомъ числѣ для собранія свѣдѣній и для возбужденія малодушныхъ людей къ мятежу и предательству.»

Здѣсь почти сколько фразъ, столько жъ заключается и вопросовъ. 1) Какъ могло быть, что естественныя бѣдствія, т. е., происходящія въ слѣдствіе необходимыхъ законовъ природы, нашъ народъ приписывалъ Наполеону и его агентамъ? 2) На счетъ какихъ предметовъ и отъ какихъ лицъ эти агенты собирали свѣдѣнія? Наконецъ 3) въ какой части нашего Государства, какихъ людей и какого сословія, они привлекали къ мятежу? Сіи два послѣдніе вопроса стоили того, чтобы отвѣчать на нихъ удовлетворительно. Что же касается до перваго, касательно естественныхъ дѣйствій, приписываемыхъ Наполеону, то на него и не можетъ быть ни какого отвѣта, по тому что онъ превосходитъ всякое, не только вѣроятіе, но даже и невѣроятіе.

«Въ 1811 году явилась комета. Не къ добру эта звѣзда — говорили у насъ — она помететъ Русскую землю.»

Считать кометы предвѣстницами бѣдъ столь свойственно всякому простому народу, что не стоило и упоминать объ этомъ.

«Открылось обширное поприще воображенію: разсказывали о небесныхъ знаменіяхъ, предвѣщавшихъ нѣчто чрезвычайное.»

Желательно было бы, чтобы, въ доказательство словъ своихъ, авторъ представилъ намъ хоть одно знаменьице, разумѣется, порожденное тогда разсказами народа, котораго воображенію открылось тогда столь обширное поприще. Къ счастію, такъ какъ ни какихъ тогда небесныхъ явленій, кромѣ предшествовавшей кометы, не было, то и не было ни какихъ выдуманныхъ знаменій, и ни какихъ о нихъ разсказовъ. Мы, старожилы, тогда юноши, очень хорошо помнимъ это время. И ни въ чьихъ, оставшихся изъ того времени, запискахъ вовсе ни о какихъ знаменіяхъ, хотя выдуманныхъ, не упоминается.

«Полагали, что уже настало время страшнаго суда Божія.»

Полагали, т. е., ожидали, что лишь только Наполеонъ вступитъ въ предѣлы наши, то и настанетъ страшный судъ Божій. Если это правда, то такое ожиданіе, при всемъ, сопровождающемъ его, страхѣ, не могло не поселить въ душѣ народа нашего и достаточной доли надежды, что праведный гнѣвъ Божій скорѣе всего разразится надъ этимъ всесвѣтнымъ грабителемъ и душегубцемъ. Вѣдь не насъ же однихъ Господь пришелъ бы судить, а несомнѣнно, вмѣстѣ съ нами, и этого злодѣя Наполеона. Не могъ же простой народъ не ожидать и этого, если только, въ самомъ дѣлѣ, по словамъ автора, ожидалъ страшнаго суда Божія.

«Въ самомъ имени Наполеона, переложенномъ въ цифры, по Еврейскому счисленію, мнили отыскать звѣря (Антихриста), означеннаго въ Апокалипсисѣ числомъ 666; а какъ въ другомъ мѣстѣ Апокалипсиса опредѣленъ былъ предѣлъ славы этого звѣря числомъ 42, то надѣялись, что 1812 годъ, въ которомъ Наполеонъ имѣлъ отъ рода 43 года, будетъ временемъ его паденія.»

Здѣсь, кажется, авторъ уже забылъ, что онъ ведетъ рѣчь о простомъ народѣ. И такъ, при нашествіи Французовъ, нашъ народъ выучился и читать по Французски (ибо вычисленія, представленныя авторомъ, сдѣланы по Французскому алфавиту), и могъ дѣлать вычисленія, и даже позаботился узнать, сколько лѣтъ имѣлъ отъ роду Наполеонъ при вторженіи въ Россію? Не уже ли авторъ не могъ разсудить, что такое вычисленіе могло быть сдѣлано только въ такомъ кружкѣ, или обществѣ, гдѣ говорятъ по Французски, гдѣ ищутъ разсѣянія и забавы въ разрѣшеніи шарадъ, загадокъ и пр., и гдѣ, слѣдовательно, и этѣ вычисленія столько жь имѣли вѣса и важности, сколько и шарады? Можно ли же выдавать изобрѣтеніе какого ни будь досужаго балагура, обращающагося въ большомъ обществѣ, за народное мнѣніе? Можно бы упомянуть развѣ только о томъ, что, такъ называемые, книгочеты изъ самаго простонародья думали видѣть сходство имени Наполеона съ именемъ Апокалипсическаго Аполліона, и выставляли такое замѣчаніе не столько съ надеждою устрашить кого ни будь, сколько возвеличить себя въ глазахъ простяковъ своей начитанностію. Точно также при первомъ появленіи холеры отыскивали

скивали о ней пророчество въ Библіи. Но всѣ такіе толки, не имѣвшіе ни какихъ слѣдствій, заслуживаютъ ли какое ни будь вниманіе?

И такъ вся эта лѣствица ужасовъ нашего простаго народа вовсе ни къ чему не служитъ и не оправдывается ни событіями, ни здравымъ смысломъ. Если же что было, то развѣ только опасеніе и, пожалуй, страхъ, свойственный всякому народу, страхъ разоренія и опустошенія страны, коими обыкновенно сопровождается всякое нашествіе войскъ непріятельскихъ.

Съ особенною подробностію авторъ разсуждаетъ о предварительныхъ планахъ, предложенныхъ разными лицами нашему Правительству, для веденія оборонительной войны, въ случаѣ вторженія Наполеона въ наши предѣлы. Ни одинъ еще изъ нашихъ писателей не говорилъ о семъ такъ подробно, что авторъ ставитъ на видъ, и въ чемъ охотно мы отдаемъ ему справедливость. Можно только пожалѣть о томъ, что ни одинъ изъ этѣхъ плановъ и предположеній не оказался сообразнымъ съ обстоятельствами, и по тому всѣ они остались безъ исполненія. Но, распространяясь такъ много о планахъ нашихъ, онъ представляетъ вкратцѣ и планъ направленія на наши арміи войскъ Наполеона, но столь не ясно и столь сбивчиво, что мы ни какъ не могли прочесть его безъ особеннаго напряженія вниманія, чтобы сколько ни будь понять его. Вотъ слова его:

(Т. I, стр. 124, 125) «На счетъ плана первоначальныхъ дѣйствій Наполеона, нельзя сказать ни чего достовѣрнаго, по тому что онъ, располагая лично дѣйствіями своей арміи, не имѣлъ надобности въ составленіи опредѣлительныхъ инструкцій, которыя однѣ лишь могли бы послужить къ объясненію его предначертаній.»

Авторъ говоритъ, что если бы Наполеонъ не предводительствовалъ лично, то принужденъ бы былъ раздать письменныя инструкціи своимъ Генераламъ. Положимъ; но тогда-то какимъ же бы образомъ мы узнали по этѣмъ инструкціямъ планъ «первоначальныхъ дѣйствій» Наполеона? Вѣдь инструкціи не печатаются въ газетахъ и часто бываютъ тайною и для самыхъ приближенныхъ лицъ къ командующимъ Генераламъ. И такъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ авторъ говоритъ о первоначальныхъ планахъ Наполеона,

все также мы ни чего бы не могли знать о нихъ въ то время, если бы Наполеонъ и не предводительствовалъ лично.

«Но изъ писемъ Наполеона къ брату его, Іерониму, и самыхъ дѣйствій оказывается, что онъ предполагалъ, устремивъ главную массу своихъ силъ къ Нѣману противъ 1-й нашей арміи, оттѣснить ее», т. е., отъ Нѣмана; но куда же оттѣснить?—«и по томъ направить, одну часть войскъ въ слѣдъ за 1-ю арміею, а другую въ тылъ 2-й арміи.»

Наполеонъ, переправясь чрезъ Нѣманъ, вполнѣ былъ увѣренъ, что громадными своими силами онъ или принудитъ 1-ю армію нашу къ отступленію, или, въ противномъ случаѣ, разобьетъ ее. Къ чему жь тутъ употреблено слово: предполагалъ, гдѣ слѣдовало сказать: принялъ намѣреніе, рѣшился, положилъ и пр.? Мы думаемъ, что это слово (предполагалъ) сказано авторомъ не по недосмотру, а съ намѣреніемъ, и вотъ съ какимъ. Передъ этѣмъ говорилъ авторъ о нашихъ планахъ и предположеніяхъ къ оборонѣ, на случай Наполеонова вторженія въ Россію. И вотъ, въ соотвѣтственность этому, онъ счелъ за нужное говорить о планахъ и предположеніяхъ Наполеона. Но наши планы и предположенія составлялись и обсуждались въ Петербургѣ, еще за долго до вторженія Наполеона. Его же планы составились тотчасъ при первомъ взглядѣ на расположеніе нашихъ армій. И по тому здѣсь уже не было мѣста ни какимъ съ его стороны предположеніямъ, а немедленный приступъ къ дѣйствіямъ рѣшительнымъ. Продолжаемъ.

«Предположилъ, устремивъ главную массу своихъ силъ къ Нѣману противъ 1-й арміи, оттѣснить ее, и потомъ направить одну часть войскъ за 1-ю арміею.»

Только-то? И такъ не ударить на 1-ю армію, не атаковать, не разбить ее тотчасъ при первой встрѣчѣ, а только принудить къ отступленію? Авторъ не оставляетъ на этотъ счетъ ни какого сомнѣнія въ читателѣ, утверждая, что Наполеонъ именно предполагалъ это, и предполагалъ въ первоначальномъ планѣ своихъ дѣйствій, для чего и употребилъ всю массу войскъ своихъ, хотя, впрочемъ, и не было нужды въ цѣлой массѣ, если и одна только часть ея достаточна была къ тому, чтобы принудить Барклая

къ отступленію. Откуда жь такая любезность Наполеона относительно къ нашей арміи? Откуда это намѣреніе только оттѣснить, а не разбить ее? Вотъ откуда. Мы сейчасъ это объяснимъ благосклонному читателю. Разумѣется, что авторъ, какъ творецъ своего цѣлаго, полнаго во всѣхъ частяхъ, произведенія, зналъ, что Барклай необходимо будетъ отступать отъ превосходныхъ силъ Наполеона, и по тому, въ сообразность съ этѣмъ еще будущимъ дѣйствіемъ Барклая, распорядился уже прежде предпринятыми, или, по словамъ автора, сначала предположенными дѣйствіями и Наполеона, давая разумѣть читателю, что и Наполеонъ, въ первоначальномъ своемъ планѣ, не имѣлъ въ виду разбить нашу армію, а только оттѣснить ее, т. е., заставить отступить, и потомъ итти въ слѣдъ за ней. Но заставить какого ни будь полководца, не говорю Наполеона, распоряжать предварительныя свои дѣйствія въ сообразность съ будущими дѣйствіями своего противника, слѣдовательно, съ такими, которыхъ онъ еще знать не можетъ и даже, можетъ быть, и не предполагаетъ, по нашему мнѣнію, очень.... какъ бы сказать?... очень наивно.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: откуда же хотѣлъ Наполеонъ оттѣснить нашу армію, и куда оттѣснить ее? На это отвѣта нѣтъ. Впрочемъ, какъ это дѣло было только въ предположеніи Наполеона, то онъ въ то время, какъ дѣлалъ это предположеніе, можетъ быть, еще и самъ не зналъ хорошо, откуда и куда будетъ оттѣснять ее И такъ положимъ, что это сказано въ общемъ смыслѣ, т. е., оттѣснить откуда бы то ни было, и куда бы то ни было.

«а другую (часть главной массы предполагалъ направить) въ тылъ 2-й арміи. Войска же, назначенныя для дѣйствія съ фронта противъ 2-ой арміи, подъ начальствомъ Короля Іеронима, должны были наступать нѣсколькими днями позже, съ тою цѣлью, чтобы, удерживая Князя Багратіона въ бездѣйствіи, пріуготовить его пораженіе.»

Понятно, что хочетъ дать намъ разумѣть авторъ, то есть, пока такимъ образомъ Багратіонъ, не видя предъ собою непріятеля, будетъ стоять неподвижно на своемъ мѣстѣ, вышеупомянутая 2-ая часть массы между тѣмъ обойдетъ его съ тыла; тогда и Іеронимова армія ударитъ на него съ фронта, и этѣмъ обоюд-

нымъ нападеніемъ Багратіонъ будетъ разбитъ совершенно. Вотъ мысль автора. Но онъ извинитъ насъ, если здѣсь мы обнаружимъ небольшое сомнѣніе. Намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы Наполеонъ приказалъ Іерониму замедлить свое нападеніе на Багратіона, съ цѣлію долѣе удержать его въ бездѣйствіи. Во-первыхъ, по тому, что такъ какъ Наполеонъ, по словамъ самаго автора, предполагалъ, что 1-ая армія будетъ отступать отъ его большой арміи, то не могъ сомнѣваться, что и 2-й арміи будетъ предписано отступленіе. Въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы Іерониму маневрировать, дѣлая фальшивыя атаки на Багратіона, а не давать ему, медленностію своего наступленія, свободнѣйшаго и безопаснѣйшаго случая къ отступленію. Что и дѣйствительно произошло. По тому что, когда Іеронимъ обратился на него, тогда Багратіонъ уже отступалъ. Во вторыхъ, намъ извѣстно, что въ послѣдствіи Наполеонъ нерѣшительными и вялыми дѣйствіями Іеронима былъ крайне недоволенъ и, въ слѣдствіе этого, отнялъ у него команду надъ войскомъ, что и освободило Багратіона совершенно отъ Іеронимова преслѣдованія. Вотъ причины, по уваженію которыхъ намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы Наполеонъ приказалъ Іерониму замедлить свое наступленіе на Багратіона; а что таково было, по словамъ автора, именно намѣреніе Наполеона, въ томъ не позволяютъ намъ сомнѣваться слова автора, что «войска Іеронима должны были наступать (на Багратіона) нѣсколькими днями позже.» Слово должны ясно указываетъ, что эта мѣра была въ планѣ Наполеона, въ чемъ мы, по вышесказаннымъ причинамъ, весьма сомнѣваемся. Авторъ указываетъ на письмо Наполеона къ Іерониму изъ Дрездена. Но въ этомъ письмѣ отъ 14 (26) Мая, то есть, почти еще за мѣсяцъ до Наполеонова приближенія къ нашимъ границамъ, предписывается Іерониму сдѣлать какую-то демонстрацію на Волынь и потомъ ити въ противную сторону, а куда? не извѣстно. Вотъ и все. И была ли произведена такая демонстрація и имѣла ли какія ни будь слѣдствія, также не извѣстно. И такъ изъ этого ни какъ нельзя заключить, чтобы Наполеонъ приказывалъ Іерониму дѣлать свои наступленія нѣсколько позже. И если бы это было такъ, то за что жь бы Наполеону сердиться на Іеронима? А это на стр. 164 подтверждаетъ и самъ авторъ, то есть, самъ себѣ противорѣчитъ, и, что всего удивительнѣе, даже вмѣняетъ себѣ въ обязанность оправдывать

Іеронима предъ судомъ Наполеона! Кто бы теперь ожидалъ этого отъ Русскаго историка? Не лучше ли бы обязанность такой адвокатуры предоставить Іеронимовымъ пріятелямъ?

«Въ промежуткѣ же между этѣми частями большой арміи должна была слѣдовать третья подъ командою Вице-Короля Италійскаго, чтобы разобщить наши арміи и содѣйствовать главнымъ силамъ Наполеона въ случаѣ, если бы мы приняли сраженіе.»

Что здѣсь разумѣть подъ именемъ большой арміи? (Нельзя не удивляться, что въ такомъ небольшомъ разсказѣ представляется столько вопросовъ и недоумѣній.) Можетъ быть, это вышесказанная масса, раздѣлившаяся на двѣ части? И такъ слѣдуетъ вопросъ: не составляетъ ли эта вновь появляющаяся армія Вице-Короля 3-ю часть тойже массы? Ибо изъ словъ автора, что «между этѣми частями большой арміи (т. е., массы) должна была слѣдовать 3-я,» можно разумѣть какъ часть большой арміи, такъ и особую армію. И такъ, если это 3-я часть большой арміи, то не слѣдовало бы впереди упоминать объ арміи Іеронима. Слѣдовало бы сказать, что Наполеонъ, отправивши 2-ую часть массы (ибо 1-я осталась противъ Барклая) въ тылъ Багратіона, направилъ 3-ю въ промежуткѣ этѣхъ 2-хъ частей, и дѣло было бы совершенно ясно, и потомъ слѣдовало бы говорить и объ арміи Іеронима. Но такъ какъ объ Іеронимѣ сказано впереди, то въ этомъ случаѣ этѣ двѣ части предложенія оказываются перепутанными. Что и логикою и реторикою осуждается. Теперь положимъ другой случай, т. е., что армія Вице-Короля не есть часть большой арміи, т. е., массы, а особая армія. Но въ этомъ случаѣ авторъ, сказавши о двухъ частяхъ массы и потомъ объ арміи Іеронима, непосредственно за тѣмъ слѣдующими словами: «между этѣхъ частей большой арміи,» даетъ разумѣть читателю, что и Іеронимово войско составляло также часть большой арміи. Самая, по видимому, маловажная, частица «же», коею Іеронимова армія связывается съ двумя впереди упомянутыми частями массы, дѣлаетъ намекъ на такое соединеніе. Если жь это такъ, то возникаетъ новый вопросъ: гдѣ же тотъ промежутокъ, въ которомъ съ своимъ войскомъ пойдетъ Вице-Король? По тому что, съ допущеніемъ предположенія, что войско Іеронима составляетъ 3-ю часть массы, или большой арміи, открываются два промежутка, а не одинъ, а именно: одинъ между первою и вто-

рою частію массы, направленными противъ Барклая, и въ тылъ Багратіона, другой между сею послѣднею и арміею Іеронима. Въ которомъ же изъ двухъ промежутковъ пойдетъ армія Вице-Короля? Очевидно, что, съ принятіемъ арміи Іеронима, какъ части большой массы, этотъ вопросъ не разрѣшается. Что жь теперь дѣлать? Остается 3-й и послѣдній случай, тотъ, что эта армія Вице-Короля есть, послѣ главной массы и арміи Іеронима, особая 3-я армія, которая и пойдетъ въ промежуткѣ двухъ частей главной массы. Но этотъ послѣдній случай совершенно подходитъ подъ тотъ первый случай, когда мы разсматривали армію Вице-Короля, какъ часть большой арміи: и здѣсь, какъ и тамъ, ей слѣдовало 2-е мѣсто послѣ главной массы, Іероннмовой же арміи 3-е. Этого требовала ясность, съ пренебреженіемъ которой необходимо должна была произойти запутанность и обивчивость разсказа. Но, какъ будто всей этой неясности еще недовольно; къ великому неудовольствію читателя, сейчасъ возникнетъ въ душѣ его новое недоумѣніе изъ словъ автора, что эта армія Вице-Короля будетъ «содѣйствовать главнымъ силамъ Наполеона, въ случаѣ, если бы мы приняли сраженіе.» Спрашивается: гдѣ этѣ главныя силы Наполеона? Вѣроятно, здѣсь разумѣется та же въ началѣ упомянутая масса? Но съ тѣхъ поръ, какъ она отдѣлила отъ себя часть въ тылъ Багратіона, она сама сдѣлалась только частію массы. И такъ гдѣ жь этѣ главныя силы? Тамъ, гдѣ самъ Наполеонъ? Но при которой же изъ двухъ частей главной массы онъ находится? Намъ кажется, что если найдено за нужное сказать о предводительствѣ Іеронима и Вице-Короля, то не излишнимъ было бы поименовать и предводителей двухъ частей Главной арміи.

Выпишемъ же, для сравненія съ симъ разсказомъ автора о главномъ планѣ Наполеона, слова Барклая о томъ же, взятыя изъ его Записки и помѣщенныя авторомъ на стр. 486. Сказавъ напередъ о разобщеніи нашихъ армій, Барклай продолжаетъ: «Наполеонъ, взлянувъ на такое расположеніе армій нашихъ, питалъ себя двумя вѣрными надеждами: или разрѣзать ихъ колоннами своими на части и, истребивъ каждую порознь, мгновенно восторжествовать надъ нами, или же принудить насъ къ скорѣйшему и ближайшему отъ границъ соединенію и заставить дать генеральное сраженіе тогда, когда силы его, превосходя почти втрое наши, были еще въ самомъ лучшемъ состояніи.» Теперь дѣло объясни-

лось, и очень просто. Первая цѣль Наполеона была не допустить наши обѣ арміи къ соединенію, чтобы разбить каждую особо, для чего и посылаетъ онъ особое сильное войско между ними. И такъ вотъ гдѣ промежутокъ! Промежутокъ между нашими разобщенными арміями, который автору, не извѣстно по чему, заблагоразсудилось лучше отнести къ войскамъ Наполеона. Такой взглядъ намъ кажется превратнымъ и отнюдь не представляющимъ дѣла въ настоящемъ видѣ, и это уже не первый случай въ этомъ небольшомъ разсказѣ Выше мы уже видѣли, какъ, вмѣсто пламеннаго желанія Наполеона разбить нашу 1-ую армію при первой съ нею встрѣчѣ, авторъ, принимая въ уваженіе будущія дѣйствія Барклая, вноситъ въ предположенный планъ Наполеона намѣреніе только оттѣснить его, и потомъ за нимъ слѣдовать. Вотъ и здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о далекомъ разобщеніи нашихъ армій и образовавшемся такимъ образомъ между ними большомъ промежуткѣ, онъ говоритъ о промежуткѣ между арміями Наполеона. Откуда необходимо въ читателѣ возникаетъ мысль о двухъ промежуткахъ. Наконецъ, говоря объ этой «большой арміи», объ этѣхъ «главныхъ силахъ», не сказавъ предварительно, гдѣ онѣ, при появленіи четырехъ отдѣльныхъ армій, авторъ оставляетъ читателя въ совершенномъ недоумѣніи на счетъ этого вопроса. Теперь слѣдуетъ окончательный періодъ всего этого разсказа:

«Кромѣ всѣхъ этѣхъ армій, для угроженія фланговъ общаго расположенія нашихъ войскъ, направлены были корпуса: Магдональда къ Нижнему Нѣману и Шварценберга къ Бугу.»

Здѣсь хотя фраза: «фланги расположенія» едва ли употребительная, однако жъ, такъ какъ мысль автора понятна, то мы этѣмъ и довольны.

Теперь, если читатель, оставя въ сторону всѣ свои недоумѣнія, забрагоразсудитъ прочесть весь этотъ разсказъ въ непрерывномъ его слѣдованіи, то необходимо замѣтитъ въ немъ какую-то особенную принужденность и безсвязность всѣхъ частей его въ отношеніи къ цѣлому, безсвязность, особенно обнаруживающуюся въ трехъ, непосредственно за первою частію, въ которой говорится о массѣ, слѣдующихъ періодахъ или предложеніяхъ, начинающихся словами: «Войска же, назначенныя» и пр. (а объ этѣхъ

войскахъ не было еще и говорено). Потомъ: «въ промежуткѣ же.» Наконецъ словами: «Кромѣ всѣхъ этѣхъ армій.» Всѣ сіи поставленныя для связи слова не только не представляютъ легкой, естественной, непринужденной связи частей между собою, но показываютъ напротивъ какое-то напряженіе мысли, чтобы какъ ни будь, хотя съ усиліемъ, втиснуть этѣ части въ одну общую раму. Не уже ли, въ самомъ дѣлѣ, было такъ трудно этѣ немногія части представить въ ясной связи между собою?

Теперь приступимъ къ описанію характеровъ, важнѣйшему, по словамъ автора, свойству, коимъ должна отличаться критическая исторія. И во первыхъ, къ изображенію характера Барклая.

Стр. 133. «Главнокомандующій 1-ю Западною арміею, Военный Министръ, Барклай де Толли, отличался опытностію въ бояхъ.»

Но развѣ о Багратіонѣ, Платовѣ, Ермоловѣ, Витгенштейнѣ и др., нельзя сказать того же?

«И положительными»—мы разумѣемъ: основательными «свѣдѣніями по военной и административной частямъ.»

Это вѣроятно. Иначе, какъ бы Государь назначилъ ему столь важный постъ? Это слѣдовало бы прибавить, по тому что этѣ отличныя качества Барклая были извѣстны пока одному только Государю, а отнюдь не всей націи. По этому-то столь важное назначеніе Барклая въ сей войнѣ сначала и удивило многихъ.

«Основными чертами его характера были: прямодушіе, хладнокровіе и непоколебимость.»

Прямодушіе есть общее свойство всякаго честнаго и благороднаго человѣка и гражданина. Но къ чему говорить о немъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о битвахъ? Хладнокровіе въ опасностяхъ битвъ всегда похваляется въ полководцахъ, и мы увидимъ въ послѣдствіи это похвальное качество Барклая вполнѣ оправданнымъ его дѣйствіями. Касательно же непоколебимости, если будемъ разумѣть подъ симъ словомъ твердую, непреклонную волю въ исполненіи принятыхъ намѣреній, то едва ли найдемъ такую безусловно непреклонную волю даже въ величайшихъ полководцахъ. Сколько

встрѣчается непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, которыя препятствуютъ исполненію самыхъ твердыхъ намѣреній! Эту истину мы вскорѣ увидимъ оправданною дѣйствіями самаго Барклая, разсказанными авторомъ. По тому намъ кажется, что это слово: «непоколебимость,» какъ-то нечаянно сорвалось съ пера сочинителя, если только онъ не разумѣлъ подъ нимъ чего ни будь другого. Если жь нѣтъ, то изъ всѣхъ трехъ основныхъ чертъ Барклаева характера, принимая прямодушіе за не имѣющее здѣсь мѣста, непоколебимость за не оправданную на самомъ дѣлѣ, останемся пока довольны однимъ хладнокровіемъ Барклая.

«Стремленіе къ уничтоженію недостатковъ и злоупотребленій, существовавшихъ въ Военномъ Управленіи, побуждало его къ введенію преобразованій, приносившихъ несомнѣнную пользу, но вызвавшихъ неудовольствіе и злобу его сильнаго предмѣстника, Графа Аракчеева, который старался вредить ему при всякомъ случаѣ.»

Къ чему здѣсь появляется Аракчеевъ? Такое лице можно и должно бы было выставить въ такомъ только случаѣ, когда бы оно явилось ставящимъ изъ злобы препоны Барклаю въ его дѣйствіяхъ во время этой кампаніи. Тогда несомнѣнно должно бы было предварительно познакомить съ такимъ лицемъ читателя и приготовить его къ узнанію этѣхъ козней, съ которыми новая борьба могла предстоять Барклаю. Но во всей книгѣ объ Аракчеевѣ не говорится ничего подобнаго. Напротивъ, самыми ясными свидѣтельствами будетъ показано, что Государь имѣлъ къ Барклаю полное довѣріе, при которомъ всѣ козни Аракчеева, если бы и были, должны были обратиться въ ничто. Если же это относится къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ этой кампаніи, то въ такомъ случаѣ къ чему упоминать объ этой злобѣ Аракчеева, когда-то вредившей Барклаю? Развѣ только къ тому, чтобы возбудить въ читателѣ тщетные вопросы: гдѣ, когда, какъ вредилъ Барклаю Аракчеевъ? Я говорю «тщетные,» по тому что во всей книгѣ читатель не найдетъ ни какого на нихъ отвѣта! Далѣе, это стремленіе Барклая къ уничтоженію злоупотребленій, существовавшихъ въ Военномъ Управленіи, опять возбуждаетъ новые тщетные вопросы: какія были злоупотребленія до Барклая въ Военномъ Управленіи? Въ чемъ состояли его нововведенія, преобразованія? На это также не бу-

детъ отвѣта. Къ чему жь упоминать объ этомъ при описаніи характера Барклая?

«Недовѣрчивость, составлявшая одно изъ отличительныхъ качествъ его характера, заставляла его стремиться къ исполненію многихъ обязанностей, которыя онъ могъ бы поручить своимъ подчиненнымъ, и затрудняла ходъ дѣлъ по управленію войсками.»

Наконецъ, дошли мы и до слабой стороны Барклаева характера! Только къ удивленію, по какому-то особенному счастію Барклая, во всей книгѣ не найдете ни одного, сколько ни будь неудачнаго, дѣйствія, въ которомъ бы можно было поставить ему въ вину эту слабость его характера. Напротивъ, если будете разсматривать его дѣйствія внимательно и приписывать исполненіе ихъ во всѣхъ подробностяхъ только ему одному, то должны будете съ удивленіемъ признаться, что эта недовѣрчивость, если только она была въ немъ, составляла одно изъ превосходнѣйшихъ, похвальнѣйшихъ его качествъ, рѣдкихъ въ главномъ предводителѣ. Припомнимъ хоть одно его отступленіе изъ подъ Витебска, въ виду самаго Наполеона, отступленіе, порядкомъ, точностію, искуствомъ изумившее самихъ Французовъ!

«Его преданность къ Государю и Россіи была безпредѣльна.»

Но кто жь изъ Генераловъ того времени не заслуживаетъ той же похвалы? Наконецъ, къ чему это слово: и «Россіи,» какъ будто Барклай былъ не Русскій подданный?

«Но у него недоставало способности говорить съ Русскими солдатами.»

А какая необходимость говорить Главнокомандующему съ солдатами? и часто ли встрѣчаются такіе случаи? Съ солдатами говорятъ Главнокомандующіе обыкновенно посредствомъ воззваній, приказовъ и проч.

«Войска и народъ считали его иностранцемъ, что въ народной войнѣ было несчастіемъ для самаго Барклая.»

Неудивительно, если народъ считалъ его иностранцемъ, когда вотъ и теперь самъ авторъ считаетъ его иностранцемъ, говоря, что онъ былъ весьма преданъ Россіи. Вѣдь не сказалъ бы

авторъ такъ же, на пр., о Ермоловѣ. А что это было несчастіемъ для Барклая, то это было обстоятельство побочное, имѣющее силу только при другихъ важнѣйшихъ условіяхъ. Въ смыслѣ племеннаго различія и Беннигсена считали также иностранцемъ; но Пултускъ и Эйлау уже сдѣлали имя его уважительнымъ въ народѣ. Витгенштейнъ успѣлъ также обратить на себя вниманіе народное первыми блестящими подвигами. Все несчастіе Барклая, котораго отличныя способности были извѣстны одному только Государю, состояло въ томъ, что ни въ предыдущихъ войнахъ съ Французами, имя его, какъ предводителя, вовсе не было гласно, ни въ этой войнѣ, въ которой онъ долженъ былъ подчинить себя необходимости отступленія, котораго народъ никогда по достоинству оцѣнить не можетъ, онъ не имѣлъ средства отличить себя какимъ ни будь блестящимъ дѣломъ. И такъ не удивительно, если все его отступленіе приписывалось или его неспособности, или даже, особенно по уступленіи Французамъ Смоленска, измѣнѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ, конечно, и самое имя Барклая, какъ иностранца по происхожденію, могло имѣть силу.

«И препятствіемъ для общей пользы.»

Если Барклай дѣйствовалъ благоразумно, то въ его имени и не было препятствія для общей пользы.

«При всей твердости своего характера, Барклай принужденъ былъ, изъ опасенія не угодить общему мнѣнію, скрывать свои намѣренія и иногда объявлять въ приказахъ вовсе не то, что требовалось обстоятельствами и необходимостію.»

Если за приказомъ должно слѣдовать исполненіе и, слѣдовательно, самое дѣйствіе, то эта мысль будетъ значить, что Барклай иногда дѣйствовалъ только въ угожденіе общему мнѣнію, т. е., или сражался, или отступалъ, вовсе не принимая въ уваженіе того, что требовалось обстоятельствами. Это худо, и не служитъ къ чести Барклая. Но гдѣ же это видно изъ дѣйствій Барклая? Впрочемъ, можетъ быть, мы не такъ понимаемъ слово: «приказъ?» И такъ будемъ читать далѣе.

«Въ то время, когда мы уже принуждены были отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій, и когда растянутое наше распо-

ложеніе не позволяло намъ и думать о защитѣ нашихъ границъ, Барклай писалъ Князю Багратіону: «Надѣюсь, что Богъ помилуетъ насъ отъ отступленія.»

Какъ это неблагородно! Обманывать своего товарища, съ которымъ должно было дѣйствовать единодушно и направлять взаимныя дѣйствія къ одной общей цѣли! Такъ-то и самыя лестныя надежды Барклая авторъ уничтожаетъ своею строгою критикою! Теперь читателю, негодующему на такой лукавый поступокъ Барклая, позволительно взять перо, и изъ вышепредложеннаго изображенія Барклаева характера вычеркнуть первую, поставленную авторомъ, отличительную черту его—прямодушіе. Впрочемъ, сколь ни естественно, сколь ни свойственно, по нашему мнѣнію, всякому человѣку (не исключая, конечно, и Генерала Барклая) въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ питать надежду на лучшую будущность, однако жь, не смотря на то, мы не можемъ оставить словъ автора безъ повѣрки. По этому первый и главный нашъ вопросъ будетъ слѣдующій: въ какое время писалъ такъ Барклай Багратіону? Еще 10-го Апрѣля. Вотъ когда! Т. е., когда самъ Наполеонъ былъ еще въ Парижѣ и когда войска его не переходили еще и чрезъ Одеръ. И въ это-то время мы и не думали о защитѣ границъ нашихъ? Отъ чего же и отъ кого же тогда мы должны были бѣжать? Но извѣстно, что у самаго Государя первая мысль была дѣйствовать наступательно и перевести войска за границу, чтобы тамъ встрѣтить Наполеона. Въ этомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, предполагалъ дѣйствовать и Барклай, и въ этомъ смыслѣ и писалъ. Какъ же можно такъ неумѣстно приводить слова его и наводить тѣнь сомнѣнія на его прямодушіе? Къ сожалѣнію, этотъ примѣръ такого превратнаго толкованія словъ Барклая у нашего автора не единственный, какъ увидимъ вскорѣ.

«Слѣдствіемъ того была недовѣрчивость войскъ къ своему Главнокомандующему.»

Но мы уже видѣли тѣ сильныя доказательства, на которыхъ основалъ эту недовѣрчивость войскъ къ Главнокомандующему авторъ.

«Немногія лишь лица, приближенныя къ нему болѣе прочихъ, могли оцѣнить высокія его качества.»

Какъ это слѣдуетъ изъ предыдущаго? Какъ изъ приказовъ, противорѣчащихъ тому, что слѣдовало дѣлать, немногія лица могли заключить о высокихъ качествахъ предводителя? Вотъ, если бы тамъ, гдѣ сочинитель говоритъ о высокихъ качествахъ Барклая, прямодушіи и проч., онъ присовокупилъ, что эти качества были, однако жь, извѣстны немногимъ, тамъ эта фраза была бы у мѣста, а здѣсь къ чему она? Не лучше ли было бы, вмѣсто всѣхъ этихъ ненужныхъ околичностей и фразъ, объяснить читателю, когда именно и при какомъ случаѣ Императоръ Александръ I, узнавъ отличныя Барклаевы способности, убѣдился въ его военныхъ талантахъ до такой степени, что назначилъ ему первое мѣсто въ борьбѣ съ Наполеономъ. Вотъ о чемъ слѣдовало бы автору навести подробныя справки, и сообщить объ этомъ читателямъ.

И такъ, вотъ начертаніе Барклаева характера, сдѣланное авторомъ. Теперь обратимся къ самымъ дѣйствіямъ, чтобы ознакомиться лучше, какъ съ характеромъ Барклая, такъ и искуствомъ самаго автора въ изложеніи его дѣйствій.

Стр. 134. «Не смотря на убѣжденіе свое въ необходимости уклоняться отъ боя съ значительными силами непріятеля, Барклай приступалъ неохотно къ отступленію.» Говоря такъ, авторъ прибавляетъ, что Барклай 12 Іюня отправилъ письмо къ Багратіону (у автора не сказано откуда, но, по видимому, изъ Вильны), въ которомъ увѣдомлялъ его, что у Свѣнцянъ онъ или приметъ сраженіе, или самъ будетъ атаковать непріятеля, если позволятъ обстоятельства. Потомъ продолжаетъ:

«По отъѣздѣ Государя изъ Вильны въ Свѣнцяны 14 Іюня, Барклай сосредоточилъ въ Вильнѣ 3-й и 4-й пѣхотные корпуса, но медлилъ отступать съ умысломъ, оставаясь въ Вильнѣ до послѣдней возможности.»

Какой это былъ умыселъ и въ чемъ состоялъ, читатель, къ сожалѣнію, не узнаетъ никогда.

«Хладнокровный, непоколебимый воинъ не хотѣлъ уступить Вильны, не помѣрившись съ непріятелемъ.»

«Двѣ, или три, удачныя сшибки нашего арріергарда утвердили его въ принятой имъ рѣшимости.»

«И тѣмъ болѣе, что безвременное отступленіе могло поколебать отвагу и мужество, одушевлявшія Русскихъ воиновъ.»

«Въ продолженіи 15 Іюня онъ оставался у Вильны, присоединивъ къ себѣ пѣхоту арріергарда 3-го корпуса и оставя кавалерію его на рѣкѣ Вакхѣ, корпусу же Багговута приказано было остановиться у Ширвинты.»

Я съ намѣреніемъ разложилъ весь этотъ § на части, во первыхъ, для того, чтобы читатель яснѣе могъ видѣть, какъ каждая изъ этѣхъ частей все болѣе и болѣе усиливаетъ его вниманіе и возбуждаетъ въ немъ безпрестанно возрастающее ожиданіе близкаго, неминуемаго сраженія; во вторыхъ, чтобы яснѣе выставить тѣ противорѣчія, въ которыя безпрестанно впадаетъ авторъ. Сей часъ онъ увѣрялъ насъ, что Барклай, «изъ опасенія не угодить общему мнѣнію,» отдавалъ приказы, противорѣчащіе своимъ убѣжденіямъ. Такъ, на примѣръ, писалъ Багратіону, что имѣетъ надежду не отступать болѣе, слѣдовательно, будетъ сражаться, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ намѣреніе отступить. Теперь же, посмотрите, съ какой убѣдительной настойчивостью авторъ увѣряетъ насъ, не оставляя и тѣни сомнѣнія, что Барклай рѣшительно хотѣлъ принять сраженіе подъ Вильною. Послѣдуемъ же за нимъ въ этомъ рѣшительномъ его намѣреніи. Вниманіе наше уже довольно возбуждено ожиданіемъ боя. И такъ будемъ читать далѣе.

«Но когда, въ слѣдъ за тѣмъ.»

Въ слѣдъ за чѣмъ? За всѣмъ ли тѣмъ, что было сказано, или только за тѣмъ, что Барклай оставался у Вильны, присоединивъ и проч.?

«16-го Іюня непріятельскій авангардъ сталъ тѣснить ближайшія къ нему наши войска, тогда Барклай принужденъ былъ отступать.»

Вотъ результатъ нашихъ ожиданій! Вмѣсто ожидаемаго, неминуемаго сраженія, хладнокровный и непоколебимый Барклай отступаетъ—и когда? Когда непріятель сталъ напирать на наши войска! Но не уже ли Барклай столь былъ безразсуденъ, что и не предполагалъ нападенія со стороны Наполеона, и въ про-

стоуміи своемъ думалъ, что Наполеонъ, вступивъ въ наши предѣлы, остановится и будетъ ожидать его нападенія? Наконецъ, если Барклай хотѣлъ помѣряться съ непріятелемъ, то чего же бы лучше этого случая? И такъ изъ двухъ одно: или Барклай перемѣнилъ свое намѣреніе по причинамъ, которыхъ сообщить намъ авторъ по чему-то не заблагоразсудилъ, хотя и хвалился, что въ своей исторіи онъ преимущественно обратитъ на нихъ вниманіе, или всѣ эти причины: удачныя ошибки арріергарда, опасеніе безвременнаго отступленія, могущаго поколебать мужество нашихъ воиновъ, столь сильно побуждающія Барклая къ сраженію, родились только въ воображеніи автора? Что и дѣйствительно такъ. Это мы сейчасъ увидимъ изъ собственныхъ же словъ его.

«Еще наканунѣ онъ (Барклай) послалъ Адъютанта своего, Капитана Сеславина, къ начальнику авангарда 4-го корпуса, Генералъ-Маіору Дорохову, подвергавшемуся опасности быть отрѣзаннымъ, при движеніи непріятеля къ Трокамъ, съ приказаніемъ отступить отъ Оранъ на Михалиски. Генералу Платову послано приказаніе отступать отъ Гродна, чрезъ Лиду и Сморгони, къ Свѣцянамъ, также на соединеніе съ первою арміею...»

Вотъ что! И такъ еще наканунѣ, т. е., еще 15-го числа, Барклай принялъ намѣреніе отступать; слѣдовательно, напоръ непріятеля 16-го числа отнюдь не былъ причиною его отступленія? И дѣйствительно. Если бы Барклай непремѣнно положилъ сражаться у Вильны, могъ ли бы тогда онъ дать еще 15-го числа предписаніе Дорохову и Платову отступать въ направленіи къ Свѣцянамъ, гдѣ, по самымъ словамъ его, приведеннымъ сочинителемъ выше, онъ и намѣревался вступить въ сраженіе. Теперь читатель спроситъ: къ чему жь авторъ такъ много распространялся, говоря о рѣшимости Барклая сражаться подъ Вильною, когда на самомъ дѣлѣ вовсе этого не видно? Этотъ вопросъ мы постараемся разрѣшить вскорѣ, а теперь пока, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ замѣтить только то, что у автора не рѣдко встрѣчаются мѣста, гдѣ онъ, въ противность логикѣ, изъ сказанныхъ имъ обстоятельствъ, или посылокъ, выводитъ заключенія не только не соотвѣтствующія содержанію предыдущаго, но даже вовсе ему противорѣчащія, какъ, на примѣръ, здѣсь: какимъ образомъ изъ твердой рѣшимости сражаться, можетъ выйти необходимость от-

ступленія безъ особенной побудительной причины? Здѣсь оба случая: и рѣшимость сражаться по самымъ побудительнымъ причинамъ, и рѣшимость отступать уже вовсе безъ причины (ибо встрѣча съ однимъ только непріятельскимъ авангардомъ отнюдь не можетъ быть достаточною причиною къ отступленію), представляются тождевременными, а это все равно, какъ если-бы было сказано, что Барклаій рѣшился сражаться и въ то же время не сражаться; но въ такомъ предложеніи, по началу противорѣчія, то или другое необходимо ложно. Послѣднее дѣйствительно произошло, слѣдовательно, первое необходимо ложно. Откуда же такія противорѣчія? Но если изъ словъ автора мы не узнаемъ причины противорѣчащихъ дѣйствій Барклая, то кажется намъ, что мы узнаемъ причину противорѣчій автора. И такъ, благосклонный читатель, потрудитесь взглянуть на вышеизложенный авторомъ планъ первоначальныхъ дѣйствій Наполеона. Что прежде всего встрѣчаете вы въ этомъ планѣ? Намѣреніе Наполеона «оттѣснить» Барклая. Вотъ, такимъ-то образомъ Наполеонъ теперь и начинаетъ тѣснить его. Барклай же, чтобы не подать вида, что онъ отступаетъ отъ Наполеона безъ всякаго съ его стороны оттѣсненія, и предоставляетъ случай своему арріергарду, отступивъ, между тѣмъ, самъ уже далеко, завязать небольшое дѣльце съ Наполеоновымъ авангардомъ. Подумаете, что оба противника какъ будто согласились прежде на счетъ своихъ дѣйствій! Какое жъ теперь изъ всего этого разсказа должно вывести заключеніе? Несомнѣнно, всю эту рѣшимость Барклая сражаться должно принять за чистое съ его стороны притворство; а этѣ столь сильно побуждающія его причины къ принятію сраженія, то есть, нѣсколько удачныхъ сшибокъ нашего арріергарда, отвагу и мужество, одушевлявшія Русскихъ воиновъ, и это въ особенности безвременное отступленіе, должно будетъ принять за какую-то риторическую фигуру, коею авторъ, къ несчастію Барклая, столь неудачно заблагоразсудилъ прикрасить его отступленіе. Вотъ еще другой подобный примѣръ. Послѣдуемъ съ авторомъ за Барклаемъ къ Витебску.

(Стр. 198 и слѣд.) «Не смотря на мужественныя дѣйствія нашихъ войскъ и на искусныя распоряженія ихъ начальниковъ, непріятель, пользуясь своими двойными силами, успѣлъ приблизиться къ Витебску, гдѣ были расположены главныя силы 1-й Запад-

ной арміи. Барклай, все еще надѣявшійся на прибытіе Багратіона, чрезъ Могилевъ къ Оршѣ, откуда 2-я армія уже могла войти въ связь съ 1-ю, рѣшился принять сраженіе на Лучосѣ, хотя занятая имъ позиція не представляла выгодъ въ оборонительномъ отношеніи. Причины, побуждавшія его къ тому, состояли, по собственному его показанію: 1) въ томъ, что непріятель еще не успѣлъ сосредоточить къ Витебску всѣ свои войска; 2) упорное сопротивленіе непріятелю нашихъ войскъ въ дѣлахъ 13-го и 14-го Іюля ручалось за успѣхъ въ бою противъ превосходныхъ силъ, и 3) принявъ сраженіе, Барклай отвлекалъ вниманіе непріятеля отъ Багратіона, который, пользуясь тѣмъ, могъ удобнѣе сблизиться съ первою арміею.»

Замѣтимъ, что словъ: «противъ превосходныхъ силъ,» въ Запискѣ Барклая не находится, но авторъ здѣсь въ чужую Записку вмѣстилъ свои собственныя слова, сообразно съ своей собственной цѣлію, не смотря на то, что они совершенно противорѣчатъ предыдущимъ словамъ Барклая.

Непосредственно слѣдуетъ за симъ:

«По всей вѣроятности, послѣдняя изъ этѣхъ причинъ—желаніе способствовать присоединенію Багратіона — преимущественно предъ прочими побуждала нашего Главнокомандующаго къ принятію боя; къ тому же Русскія войска жаждали рѣшительной встрѣчи съ врагами. Возможно ли было избѣгать ее въ то время, когда Князь Багратіонъ, по приглашенію самаго Барклая, долженъ былъ находиться на пути къ Оршѣ и подвергался, въ случаѣ отступленія 1-й арміи, опасности быть атакованнымъ и разбитымъ главными силами Наполеона....»

Очевидно, что это сужденіе, въ которомъ авторъ раскрываетъ сокровенную причину дѣйстій Барклая, принадлежитъ самому автору.

«При всемъ томъ, несоразмѣрность его силъ съ непріятельскими, не подавала вѣроятности въ успѣхѣ.»

Кому не подавала вѣроятности? Безъ сомнѣнія, Барклаю. Но въ словахъ его, выставленныхъ самимъ авторомъ, мы видимъ про-

тивное. Странно какъ-то примѣшивать свои собственныя сужденія къ сужденіямъ другого лица, какъ его собственныя. Теперь ясно, по чему въ Запискѣ Барклая сдѣлана авторомъ вышесказанная вставка.

«Съ нашей стороны можно было ввести въ дѣло не болѣе 80-ти тысячъ человѣкъ противъ 150-ти тысячъ непріятелей.»

Можно усомниться, что Барклай, рѣшаясь сражаться, предполагалъ столь огромныя силы у непріятеля, по тому что непріятель, по словамъ самого Барклая, еще не успѣлъ сосредоточить къ Витебску всѣ свои войска. Во вторыхъ, Барклай полагался на храбрость войскъ своихъ, на которой и утверждалась его надежда на успѣхъ предстоящихъ сраженій. Что же касается 3-й причины къ принятію сраженія, т. е., чтобы дать средства Багратіону сблизиться съ 1-ю арміею, причины, которую авторъ выставляетъ за главную, подкрѣпляя ее еще своими собственными умствованіями, то я считаю здѣсь не излишнимъ читателю, для лучшаго уразумѣнія всего дѣла и повѣрки словъ сочинителя, предложить подлинныя слова Барклая изъ его Записки.

«Мое намѣреніе было, — говоритъ онъ, — вступить въ сраженіе при Витебскѣ, и я могъ предпринять оное, ибо

1) Непріятель не собралъ еще всѣхъ своихъ силъ: онъ единственно имѣлъ въ своемъ распоряженіи 3-й корпусъ подъ начальствомъ Маршала Нея, 4-й подъ начальствомъ Вице-Короля Итальянскаго, часть 1-го, находившагося около Сѣнна, два кавалерійскіе корпуса подъ начальствомъ Короля Неаполитанскаго, и гвардію.

2) По тому, что храбрость и мужество, оказанныя арміею въ сраженіяхъ 13 и 14 числа, были для меня вѣрнымъ ручательствомъ въ пріобрѣтеніи побѣды.

3) По тому, что я чрезъ это достигнулъ бы важной цѣли, обращая на сію точку вниманіе непріятеля, останавливая его и доставляя тѣмъ Князю Багратіону удобность приблизиться къ 1-й арміи.» Т. е., предполагая, что 2-я армія уже на пути къ соединенію съ 1-ою. И такъ здѣсь рѣчь только о томъ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ Багратіона, и дать сему средства къ скорѣйшему соединенію съ 1-ю арміею.

Что же касается до Барклаева опасенія, т. е., чтобы, въ случаѣ его отступленія, Багратіонъ не подвергнулся пораженію, то читатель видитъ, что у Барклая на счетъ этого опасенія нѣтъ ни одного слова. И такъ это опасеніе придумано самимъ авторомъ. Но, можетъ быть это одно изъ требованій критической исторіи, которая, можетъ быть, не довольствуется изложеніемъ тѣхъ только причинъ, которыми дѣйствующія лица руководствовались тогда въ своихъ дѣйствіяхъ, но заставляетъ ихъ имѣть въ виду и другія, и даже важнѣйшія, которыя, впрочемъ, тогда имъ и на умъ не приходили. Теперь, послѣ этой выписки изъ Записки Барклая, обратимся опять къ словамъ автора.

«Такое значительное превосходство непріятеля въ числѣ войскъ способствовало ему обойти позицію Барклая, отрѣзать намъ отступленіе къ Порѣчью и отбросить 1-ую армію къ Двинѣ, текущей на этомъ пространствѣ между высокими, обрывистыми берегами и преставляющей возможность переправы только лишь на весьма немногихъ пунктахъ.»

И въ этомъ-то ужасномъ положеніи, въ которомъ ни самъ Наполеонъ, ни нашъ непобѣдимый Суворовъ, не отважились бы на сраженіе, Барклай дерзаетъ уповать даже и на побѣду! Но читайте читайте:

«Такимъ образомъ рѣшительное сраженіе казалось неизбѣжнымъ.»

Такимъ образомъ, т. е., въ слѣдствіе всего вышесказаннаго, а именно, въ слѣдствіе весьма невыгодной позиціи, вдвое сильнѣйшаго числа непріятельскихъ войскъ, которымъ Барклай могъ быть окруженъ и отброшенъ къ Двинѣ, въ слѣдствіе всего этого (т. е., самаго критическаго положенія нашей арміи) рѣшительное сраженіе казалось неизбѣжнымъ! Намъ бы казалось, что въ слѣдствіе этѣхъ данныхъ нечего было бы о сраженіи и думать. Какимъ же образомъ у автора вышло слѣдствіе совершенно противоположное? Если б ыавторъ, не примѣшивая своихъ собственныхъ сужденій, основался только на тѣхъ побудительныхъ причинахъ къ сраженію, которыя выставилъ Барклай, то это заключеніе было бы согласно съ предыдущимъ; но теперь, когда собственными своими сужденіями, всю надежду Барклая на успѣхъ, авторъ представилъ вовсе несбы-

точною и химерическою, могъ ли сдѣлать отъ лица своего такое противорѣчащее собственнымъ словамъ своимъ заключеніе? Нельзя не сказать, что авторъ обладаетъ какимъ-то особеннымъ искуствомъ одной рукой строить, а другой въ то же время разрушать то, что построилъ. Но будемъ продолжать.

«Наполеонъ съ самаго начала кампаніи искалъ его (сраженія); въ нашей арміи многіе желали сразиться, руководствуясь безсознательною отвагою и не разсчитывая послѣдствій.»

Новое недоумѣніе! Ужь не для того ли, подумаетъ читатель, Барклай рѣшался на сраженіе, чтобы угодить этѣмъ Наполеону, т. е., чтобы, въ угожденіе ему, быть имъ совершенно разбитымъ, и еще угодить какимъ-то многимъ, руководимымъ безразсудною отвагою и не помышляющимъ о томъ, каковы будутъ слѣдствія сраженія? Не думаемъ. И по тому, намъ кажется, все это предложеніе, или §, здѣсь вовсе не кстати. Но кромѣ этого, здѣсь мы находимъ и еще одну мысль, или фразу, которой, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы дать мѣсто не здѣсь, а гдѣ ни будь тамъ— гораздо повыше. Это относится къ словамъ, что Наполеонъ съ самаго начала кампаніи искалъ сраженія. Но мы видѣли, что въ первоначальномъ планѣ Наполеона, составленномъ авторомъ, сказано, что Наполеонъ сначала имѣлъ намѣреніе только оттѣснить Барклая, и потомъ за нимъ слѣдовать. А теперь авторъ утверждаетъ, что Наполеонъ съ начала кампаніи желалъ сразиться съ Барклаемъ. И такъ, если еще сначала таково было намѣреніе Наполеона, то въ первоначальномъ его планѣ, изложенномъ авторомъ, слѣдовало бы сдѣлать небольшую поправочку, что, какъ мы надѣемся, авторъ и исполнитъ при новомъ изданіи своей книги. И что за пріятность впадать безпрестанно въ противорѣчія?

«Но въ то время, когда диспозиція къ бою была уже разослана, когда Барклай де Толли уже донесъ Государю о принятомъ имъ намѣреніи и извѣстилъ о томъ же Багратіона, умоляя его занять Оршу, въ это самое время, въ ночи съ 14-го на 15-е Іюля, въ главную квартиру 1-ой арміи прибылъ Адъютантъ Багратіона, Поручикъ Князь Меньшиковъ, съ извѣстіемъ отъ Князя Багратіона о неудачѣ покушенія его пройти чрезъ Могилевъ. Тогда же Багратіонъ, увѣдомляя Барклая о сосредоточеніи силъ Даву

въ Могилевѣ и о движеніи своемъ правѣе сего пункта, изъявлялъ сомнѣніе въ возможности соединить наши арміи въ Смоленскѣ. Не смотря на то, Барклай де Толли, при всей своей непоколебимости, увлекаемый общимъ порывомъ, не рѣшался отступать.»

Т. е., хотя и былъ непоколебимъ въ намѣреніи отступать, однако жь, въ угожденіе общему порыву, не рѣшался отступить. И такъ вся Барклаева рѣшимость сражаться принадлежала не ему, а внушенію другихъ, т. е., вышесказанныхъ, руководимыхъ безсознательною отвагою? Гдѣ же эта Барклаева непоколебимость, выставленная авторомъ, какъ главная черта его характера?

И такъ и теперь еще, когда уже Барклаю нѣтъ болѣе повода заботиться о положеніи Багратіона и опасаться какой-то за него отвѣтственности, онъ еще не оставляетъ своего намѣренія сражаться изъ угожденія общему порыву? Стало быть, надежда соединенія со 2-ою арміею была не главною причиною этой рѣшимости на сраженіе. И такъ все то мѣсто, гдѣ авторъ выставляетъ ее за главную, слѣдуетъ вычеркнуть.

«Генералъ Ермоловъ поспѣшилъ къ нему (Барклаю) и предрекалъ ему, въ случаѣ боя на позиціи впереди Витебска, неизбѣжную гибель арміи. «Насъ спасаетъ одно обстоятельство, сказалъ онъ: фронтъ позиціи прикрытъ Лучосою, которую перейти въ бродъ довольно трудно. Пока непріятель будетъ отыскивать брода, мы должны немедленно, снявшись съ позиціи, начать отступленіе; въ противномъ случаѣ армія наша подвергнется пораженію по частямъ.» Главнокомандующій собралъ военный совѣтъ; всѣ согласились съ мнѣніемъ Ермолова..... Главнокомандующій, раздѣляя убѣжденіе Генерала Ермолова, рѣшился отступать чрезъ Порѣчье къ Смоленску.»

Наконецъ-то, сверхъ всякаго ожиданія, является, для развязки дѣйствія, Ермоловъ. И подлинно, безъ его совѣта, или Барклай (смотря на положеніе, въ которое онъ поставленъ авторомъ), огромными силами Наполеона, или авторъ, началомъ противорѣчія, были бы совершенно разбиты. Пусть разсудитъ читатель самъ. Предположимъ на минуту, что авторъ руководствовался бы одной

Запиской Барклая, оставя въ сторону совѣтъ Ермолова, * тогда какъ бы онъ долженъ былъ объ этомъ выразиться не иначе, какъ такимъ образомъ: «Не смотря на то (окончательная фраза автора изъ предпослѣдняго отдѣла), Барклай де Толли, при всей своей непоколебимости, увлекаемый общимъ порывомъ, не рѣшался отступать, и, однако жь, не смотря на твердое намѣреніе сражаться, рѣшился отступить.» Какое бы это было ужасное противорѣчіе! Теперь, чтобы болѣе убѣдить насъ въ томъ, что Барклай отступилъ дѣйствительно, по причинѣ невыгодной позиціи и предрекаемаго Ермоловымъ неминуемаго на ней пораженія нашей арміи, авторъ, непосредственно за сими своими словами, приводитъ слѣдующія слова Барклая изъ его Записки:

«Въ такихъ обстоятельствахъ, пишетъ онъ (Барклай), не было ни какой цѣли сражаться подъ Витебскомъ.»

Вотъ другой случай произвола, по нашему мнѣнію, отнюдь непозволительнаго въ приведеніи словъ другаго лица тамъ, гдѣ они вовсе не у мѣста, и гдѣ, по этому, они необходимо должны ввести читателя въ заблужденіе, утвердивъ его въ мысли, что и дѣйствительно Барклай отмѣнилъ предпринятое намѣреніе сражаться по причинѣ невыгодной позиціи. Выпишемъ же теперь все это мѣсто изъ Записки Барклая. И такъ, сказавши о своей рѣшимости сражаться, Барклай продолжаетъ:

«Генераламъ, пишетъ онъ, были сообщены надлежащія наставленія, и всѣ были въ ожиданіи важнаго происшествія слѣдующаго дня; но въ ночи съ 14-го на 15-ое получилъ я отъ Князя Багратіона извѣстіе о неудачномъ его нападеніи на Могилевъ. Онъ сообщалъ мнѣ, что былъ принужденъ принять болѣе вправо и лишиться надежды соединиться съ 1-ю арміею; что Маршалъ Даву сосредочилъ всѣ свои силы въ Могилевѣ; онъ съ прискорбіемъ признавался мнѣ также, что ни онъ, ни я, не можемъ предупредить Даву въ занятіи Смоленска.»

За симъ и слѣдуютъ слова Барклая, приведенныя выше авторомъ: «Въ такихъ обстоятельствахъ не было ни какой цѣли сра-

* Ермоловъ, дѣйствительно, представлялъ Барклаю невыгоды позиціи. Толь утверждалъ противное. Но ни о томъ, ни о другомъ у Барклая нѣтъ ни слова.

жаться подъ Витебскомъ.» Теперь читатель видитъ ясно, что объ опасности позиціи у Барклая нѣтъ и помину. Выпишемъ же послѣ этого, для яснѣйшаго уразумѣнія причинъ, побудившихъ Барклая къ отступленію, все послѣдующее изъ его Записки въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ мы читаемъ оное у автора:

«Самая побѣда не принесла бы намъ пользы, если бы между тѣмъ Даву занялъ Смоленскъ. Вступивъ въ сраженіе, я безъ всякой пользы пожертвовалъ бы 20-тью, или 25-тью, тысячами человѣкъ, не имѣя способа, даже по одержаніи побѣды, преслѣдовать непріятеля; ибо Даву, занявъ Смоленскъ, пошелъ бы въ тылъ 1-ой арміи; а если бы я рѣшился на него напасть, то Наполеонъ послѣдовалъ бы за мною, и я былъ бы окруженъ непріятельскими войсками. Единственное мое отступленіе, даже послѣ побѣды, было бы направлено чрезъ Суражъ къ Велижу и, слѣдовательно, я еще болѣе отдалился бы отъ 2-й арміи. По всѣмъ симъ соображеніямъ рѣшился я немедленно слѣдовать къ Смоленску.»

И такъ вотъ главная причина Барклаева отступленія. Не превосходство силъ непріятельскихъ и не опасная позиція, а опасеніе, чтобы не попасть между двухъ огней, если бы Даву предупредилъ обоихъ Главнокомандующихъ занятіемъ Смоленска, было причиною отступленія Барклаева. Безъ сомнѣнія, авторъ возразитъ на это, что совѣтъ на счетъ позиціи, однако жь, дѣйствительно былъ собранъ и выслушаны мнѣнія Генераловъ. Не споримъ. Но и Кутузовъ собиралъ совѣтъ подъ Москвою, принявъ твердое намѣреніе оставить ее непріятелю. Въ такомъ смыслѣ былъ собранъ совѣтъ и Барклаемъ, въ которомъ было разсуждаемо на счетъ позиціи, но тогда, когда уже Главнокомандующій принялъ свое рѣшеніе.

Теперь, прочитавъ и припомнивъ все, написанное авторомъ о Барклаѣ, какое читатель составитъ себѣ понятіе объ его дѣйствіяхъ и характерѣ? Безъ сомнѣнія то, что это былъ Генералъ безразсудный, который, съ твердоій рѣшимостью сражаться, однако жь, всегда отступалъ, сперва изъ подъ Вильны, безо всякой достаточной причины, а потомъ изъ подъ Витебска, по причинѣ опасной позиціи, которую разглядѣлъ (или справедливѣе, другой разглядѣлъ за него) уже при самомъ отступленіи. Разумѣется, другаго заключенія здѣсь вывести нельзя. Но о Барклаѣ до-

вольно. Перейдемъ теперь къ его товарищу и посмотримъ, не найдемъ ли и въ его подвигахъ чего ни будь похожаго на дѣйствія Барклая?

И такъ обратимся къ дѣйствіямъ Багратіона подъ Могилевомъ.

(Стр. 212) «Князь Багратіонъ, надѣясь предупредить сосредоточеніе значительныхъ силъ непріятеля въ Могилевѣ и пробиться силою къ Оршѣ, отрядилъ въ тотъ же день изъ Бобруйска къ Могилеву 7-й пѣхотный корпусъ Раевскаго...»

Прося извиненія у автора, скажемъ откровенно, что онъ обладаетъ какимъ-то особеннымъ искуствомъ выражаться темно и непонятно; посмотрите, сколько разныхъ смысловъ можно дать этой фразѣ:

1. Если обратите вниманіе на грамматическую связь частей, она будетъ значить:

Багратіонъ надѣялся и предупредить сосредоточеніе значительныхъ силъ непріятеля ... и пробиться силою, т. е., потомъ, или въ то же время.

Въ этомъ смыслѣ, предупредить и пробиться силою противорѣчитъ одно другому: если надѣялся предупредить, то какая нужда въ то же время пробиваться силою?

2. Если обратите вниманіе на значительныя силы, то фраза будетъ имѣть смыслъ:

Багратіонъ надѣялся предупредить значительныя силы непріятеля, и пробиться силою, въ случаѣ, если онѣ не будутъ значительны.

3-й смыслъ, который можно дать этой фразѣ, будетъ:

Багратіонъ надѣялся или предупредить значительныя силы непріятеля, или, въ случаѣ, если бы не предупредилъ, то пробиться сквозь нихъ силою.

Теперь читатель пусть пока оставитъ въ запасъ всѣ эти 3 случая, въ ожиданіи, который изъ нихъ будетъ годиться въ послѣдствіи.

(Стр. 213) «Даву убѣжденъ былъ въ необходимости удержанія за собою Могилева, куда направлялись главныя его силы, а между тѣмъ успѣлъ собрать на этомъ пунктѣ не болѣе 28 тыс. человѣкъ.»

«Князь Багратіонъ, удостовѣрясь о занятіи непріятелемъ Могилева, хотя и не зналъ навѣрно ни о числѣ войскъ, тамъ находившихся, ни о силѣ тѣхъ, которыя могли подкрѣпить ихъ въ послѣдствіи, однако же, рѣшился ити на встрѣчу Маршалу Даву и проложить себѣ путь оружіемъ».

Т. е., хотя и не зналъ навѣрно, какія силы у Даву находятся теперь и прибудутъ въ послѣдствіи, однако жь рѣшился проложить себѣ путь сквозь нихъ оружіемъ, однимъ словомъ, рѣшился сражаться, не смотря ни на какія силы. Теперь изъ 3-хъ толкованій, предложенныхъ выше, касательно намѣренія Багратіона овладѣть Могилевомъ, читатель, безъ сомнѣнія, предпочтетъ другимъ послѣднее, и будетъ ожидать великаго побоища.

(Стр. 214) «10 Іюля передовыя войска Раевскаго, оттѣснивъ непріятельскій авангардъ, расположенный у деревни Дашковки, заставили его отойти на позицію у Салтановки...»

«11 Іюля Багратіонъ приказалъ Раевскому, съ его корпусомъ и частію кавалеріи Сиверса, въ числѣ 15-ти тысячъ человѣкъ, атаковать непріятеля.»

Потомъ слѣдуетъ описаніе дѣла при Салтановкѣ. Послѣ геройскихъ, но тщетныхъ, усилій, войска наши принуждены были отступить.

(Стр. 216) «Нѣсколько захваченныхъ въ плѣнъ Французовъ (послѣ вышесказаннаго неудачнаго сраженія) увѣряли (Раевскаго), что у Маршала Даву было три пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскія дивизіи, и что всѣ прочія его силы были собраны въ Могилевѣ.»

Хотя это выражено темно и сбивчиво отъ того, что не сказано, гдѣ находились первыя пять дивизій, но не будемъ этого доискиваться, останемся довольны и симъ однимъ извѣстіемъ, что всѣ войска Даву были собраны въ Могилевѣ и внѣ Могилева, вѣроятно, гдѣ ни будь по близости.

«Генералъ Раевскій, видя совершенную невозможность прорваться чрезъ дефиле, за которымъ стояли значительныя непріятельскія силы, приказалъ войскамъ отступать...»

Намъ кажется, здѣсь въ выраженіи есть маленькая неточность, а отсюда и нарушеніе исторической истины. Раевскій, въ своихъ Запискахъ говоритъ слѣдующее: «Не смотря на таковую несоразмѣрность въ силахъ (моихъ съ силами Даву), мнѣ нечего было опасаться въ дефиле, мною занимаемой, относительно нападенія на меня; но я видѣлъ невозможность принудить непріятеля уступить мнѣ мѣсто, имъ занимаемое, и чрезъ то достичь моей цѣли; по чему и велѣлъ войскамъ моимъ отступать.» Изъ сихъ словъ видно, что Раевскій и не хотѣлъ выступить изъ дефиле, которая была въ его власти, только по тому, что видѣлъ невозможность, по выходѣ изъ нея, сбить непріятеля съ его позиціи. А это совсѣмъ другое дѣло. Какая же нужда была ему пробиваться тамъ, гдѣ никто не могъ остановить его?

(Стр. 217) «На слѣдующій день Даву, ожидая вторичнаго нападенія со стороны Багратіона, простоялъ на мѣстѣ и обратилъ все вниманіе на укрѣпленіе позиціи при Салтановкѣ, а, между тѣмъ, 2-ая армія отступала къ Новому Быхову...»

Вотъ еще неожиданность! Отказъ Багратіона отъ всякихъ дальнѣйшихъ покушеній и полное отступленіе, хотя въ планѣ его совсѣмъ этого не было. Какая же была причина столь внезаннаго отступленія? По чему авторъ не заблагоразсудилъ объяснить ее читателю? Или для того, чтобы, въ соотвѣтственность тому, какъ онъ изобразилъ намъ Барклая, въ одно и то же время и рѣшающимся сражаться, и отступающимъ безъ необходимой побудительной причины, представить намъ и Багратіона столь же неосмотрительнымъ и безразсуднымъ въ своихъ отважныхъ предпріятіяхъ? Гдѣ же это, столь торжественно заявленное, обѣщаніе представить намъ въ своей критической исторіи не только характеры дѣйствующихъ лицъ, но и побудительныя причины ихъ дѣйствій? Къ великому сожалѣнію, видимъ противное и находимъ себя принужденными, для узнанія этѣхъ причинъ, прибѣгать къ предшествовавшимъ историкамъ. Чего бы стоило выписать, хоть, на пр., это небольшое, но примѣчательное, мѣсто изъ Записокъ Раевскаго,

который говоритъ, что при самомъ началѣ своей атаки онъ получилъ записку отъ Князя Багратіона, который писалъ ему: «Я извѣщенъ, что противъ тебя не болѣе шести тысячъ непріятелей. Атакуй съ Богомъ и старайся по пятамъ ихъ ворваться въ Могилевъ!» Но по прибытіи Князя къ мѣсту дѣйствія, когда безуспѣшная атака и извѣстія плѣнныхъ удостовѣрили его, что Даву занимаетъ Могилевъ съ большими силами, то необходимо, желая сохранить вторую армію цѣлою и невредимою, до соединенія ея съ первою, Князь Багратіонъ долженъ былъ, и рѣшился, отступать. Вотъ и все. Вмѣсто этого, какъ выражается авторъ? Сказавши напередъ, что Даву, въ ожиданіи возобновленія атаки, оставался на мѣстѣ, вдругъ, какъ будто для того, чтобы болѣе возбудить удивленіе въ читателѣ, ставитъ А съ запятою и говоритъ на отрѣзъ: «между тѣмъ вторая армія отступала.»

Теперь, познакомившись съ искуствомъ автора въ описаніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ и самыхъ дѣйствій, обратимся къ описаніямъ сраженій. Но какъ сіи описанія вообще довольно продолжительны, то выберемъ для этого какое ни будь покороче, хоть, на пр., описаніе сраженія войскъ нашихъ подъ командою Чичагова съ войсками Наполеона, при переходѣ ихъ чрезъ Березину, близъ Стаховскаго лѣса, по тому что это описаніе гораздо короче прочихъ.

«Дѣло началось съ разсвѣтомъ... Наши егеря оттѣснили непріятеля, покрывъ себя славою. Перестрѣлка въ лѣсу была весьма кровопролитна... Войска наши, въ ожиданіи подкрѣпленій, подавались впередъ, но, по мѣрѣ сближенія къ Брилямъ, встрѣчали большое сопротивленіе, и при выходѣ изъ лѣса были встрѣчены ядрами, которыя, разбивая деревья и ломая сучья, наносили большой вредъ нашимъ егерямъ. Около 9 часовъ утра Чичаговъ, прибывъ въ Стаховъ, послалъ въ дѣло 9-ю и 18-ю дивизіи, подъ начальствомъ своего начальника Штаба, Генерала Сабанѣева, который, будучи чрезвычайно пристрастенъ къ разсыпному строю, еще не дойдя до поля сраженія, разсыпалъ въ цѣпь значительную часть своей пѣхоты. Эта туча стрѣлковъ, которою управлять въ лѣсу не было ни какой возможности, кинулась впередъ съ громкими криками, и открыла огонь въ тылу Чаплицева авангарда.

Чаплицъ съ своимъ отрядомъ впереди всѣхъ войскъ завязываетъ дѣло; ему въ подкрѣпленіе идутъ стрѣлки и въ тылу его открываютъ огонь. Здѣсь читатель, незнакомый съ военными дѣлами, придетъ въ недоумѣніе: по комъ же этѣ стрѣлки стрѣляютъ? Передъ ними непосредственно находится уже дѣйствующій отрядъ, или войско Чаплица. И такъ они стрѣляютъ въ тылъ своимъ. Но это невѣроятно. Что жь читателю остается дѣлать? Конечно, ничего инаго не остается, какъ просить объясненія отъ какого ни будь опытнаго воина, который бы вразумилъ насъ, какимъ образомъ можетъ случиться, что, когда передняя линія войскъ стрѣляетъ по непріятелю, вторая, находящаяся въ тылу ея, дѣлаетъ то же, не вредя передней? Развѣ стрѣляя отвѣсно? Но стрѣлять изъ ружей отвѣсно, значитъ, стрѣлять попусту.

«Въ то же время Ней, пользуясь нѣсколько открытою мѣстностью, на которую вышли Чаплицовы стрѣлки, приказалъ своей кавалеріи атаковать ихъ.»

Опять недоумѣніе. Сейчасъ мы видѣли стрѣлковъ Сабанѣева; теперь видимъ стрѣлковъ Чаплица, о которыхъ впереди вовсе не было упомянуто, хотя было упомянуто объ егеряхъ его. По ходъ мысли и дѣла, по видимому, даетъ разумѣть стрѣлковъ Сабанѣева. И такъ, можетъ быть, по тому теперь они названы Чаплицовыми, что поступили подъ его команду? Или не разумѣются ли подъ ними Чаплицовы егеря, о которыхъ сказано выше? Здѣсь егеря Чаплица и стрѣлки Сабанѣева такъ перемѣшаны, что не знаете, о которомъ родѣ воиновъ идетъ рѣчь.

«Кирасиры Думерка, съ быстротою молніи ударивъ на нашихъ егерей, прорвали стрѣлковую цѣпь, при чемъ непріятель успѣлъ захватить до 600 плѣнныхъ.»

Если о движеніяхъ и исправной во всѣхъ отношеніяхъ кавалеріи было бы слишкомъ много сказано, что они производятся съ быстротою молніи, то трудно, кажется, повѣрить, чтобы Французская кавалерія, которая, какъ извѣстно, наиболѣе другихъ войскъ потерпѣла отъ недостатка лошадямъ корма, могла въ то время производить движенія съ быстротою молніи. Впрочемъ, такая фраза имѣла бы свое мѣсто въ одѣ, написанной въ похвалу Думерковой конницы.

«Но неустрашимость нашихъ Генераловъ поправила дѣло. Самъ Чаплицъ, съ двумя ескадронами Павлоградскихъ гусаръ, бросился на встрѣчу Французской кавалеріи и выручилъ Князя Щербатова, который уже былъ окруженъ непріятелями, тащившими его съ лошади.»

Читатель, конечно, по самому ходу разсказа, ожидалъ бы освобожденія изъ плѣна шести сотъ храбрыхъ Дунайцевъ, и вотъ, вмѣсто этой ожиданной выручки, которой непремѣнно требовала поправка дѣла, выручка неожиданная Князя Щербатова. Но несправедливо утверждаетъ авторъ, что этой выручкой дѣло поправлено. Уже ли ему не извѣстно, что когда говорятъ о потеряхъ, то и принимаютъ въ счетъ только то, что потеряно, а не то, что изъ этихъ потерь спасено? Кто ни будь изъ загорѣвшагося дома выхватитъ свой халатъ, между тѣмъ какъ остальная его одежда сгорѣла. Поправилъ ли онъ свою потерю тѣмъ, что выбѣжалъ изъ огня въ одномъ халатѣ?

«За тѣмъ, до одиннадцати часовъ ночи, продолжалось упорное застрѣльщичье дѣло; но мѣрѣ ослабленія цѣпи, она смѣнялась другою; артиллерія же наша по прежнему могла дѣйствовать только изъ двухъ орудій, между тѣмъ какъ непріятель обстрѣливалъ выходъ на площадку огнемъ сильной батареи; отъ этого наши орудія не могли держаться болѣе получаса и, потерявъ всю свою прислугу и лошадей, смѣнялись другими. По истребленіи роты Арнольди, она была замѣнена постепенно тремя другими: всѣ онѣ, дѣйствуя такимъ же образомъ, потерпѣли огромную потерю.»

Послѣ сего читатель долженъ заключить необходимо, что въ этомъ сраженіи выигрышъ долженствовалъ быть на сторонѣ непріятеля.

«Уронъ нашихъ войскъ въ этомъ дѣлѣ вообще простирался до двухъ тысячъ человѣкъ. Непріятель потерялъ около пяти тысячъ человѣкъ.»

Послѣ всего, сказаннаго объ этомъ сраженіи, читатель не повѣритъ, чтобы потеря непріятеля превышала нашу.

Доселѣ въ предложенныхъ нами мѣстахъ, относящихся къ повѣствовательному роду, разобранныхъ нами подробно, хотя не

многихъ (для многихъ, впрочемъ, столь подробный разборъ почти и невозможенъ), но представляющихъ, каждое въ особенности, разсказъ цѣлый и полный по содержанію, мы имѣли въ виду обратить вниманіе читателя, какъ вообще на характеръ повѣствованія, на логическую послѣдовательность и ходъ мыслей, такъ въ особенности на ясность, важнѣйшее условіе хорошаго историческаго разсказа. Теперь приступимъ къ подробнѣйшему разсмотрѣнію мѣста, въ которомъ авторъ, если еще не совсѣмъ уничтожаетъ, то, по крайней мѣрѣ, много, много уменьшаетъ честь и славу Русскихъ въ пожертвованіи непріятелю Москвою, принимая его въ такомъ смыслѣ, въ какомъ оно здѣсь отнюдь не можетъ быть допущено. Но, прежде нежели приступимъ къ его доводамъ, объяснимся сперва, на чемъ основывается мнѣніе, что оставленіемъ столицы непріятелю, Русскіе граждане принесли великую искупительную жертву своего народнаго величія и славы, независимо отъ послѣдующихъ блестящихъ успѣховъ Русскаго оружія.

Здѣсь главнѣйшій вопросъ въ томъ: что побудило Московскихъ жителей къ оставленію столицы? А извѣстно, что высшій и зажиточнѣйшій классъ гражданъ началъ наиболѣе выбираться изъ Москвы еще со времени извѣстія о взятіи непріятелемъ Смоленска. Мы, Московскіе старожилы, тогда еще юноши, довольно хорошо помнимъ это смутное время. Чего жь боялись этѣ Московскіе выходцы? Лишенія жизни отъ руки враговъ? Но новѣйшія завоеванія Европейскихъ полководцевъ — не Татарскія нашествія. Даже низшій классъ гражданъ зналъ, что Европейскіе непріятели не убиваютъ мирныхъ гражданъ, и Наполеонъ, вступавшій столько разъ побѣдителемъ въ разныя столицы, оставлялъ неприкосновенными жизнь, свободу и имущество мирныхъ гражданъ, разумѣется, облагая только жителей разными поборами, которые сколько бы ни были тяжки для Московскихъ жителей, но несомнѣнно не составили бы и 5-й части того, чего они лишились, оставя столицу. Но, можетъ быть, это ихъ удаленіе изъ Москвы было соединено съ надеждою, въ случаѣ отдачи непріятелю столицы, скораго заключенія мира? Еще бы питать эту надежду, когда всѣмъ было извѣстно твердое намѣреніе Александра, не отлагать оружія до тѣхъ поръ, пока ни одного непріятеля не останется на землѣ Русскоій! Но и кромѣ этого смѣло можно утверждать, что такое по-

мышленіе о мирѣ тогда и на умъ ни кому не приходило, и во всѣхъ разговорахъ ничего не было обнаруживаемо, кромѣ глубоко укоренившейся мысли, отмстить врагу, не смотря ни на какія пожертвованія. И такъ, Москвичи оставили свои домы, а многіе и имущество, на жертву всѣхъ случайностей, соединенныхъ съ враждебнымъ нашествіемъ непримиримаго и раздраженнаго непріятеля, даже въ жертву всепожирающаго пламени, и поступили такъ изъ доброй воли, безо всякаго понужденія со стороны Правительства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ засвѣдѣтельствованъ всей исторіей того времени. И вотъ то пожертвованіе, которое не только Русскіе, но даже и иностранные, писатели называютъ великодушнымъ и славнымъ. Не могу не выписать здѣсь прекраснаго мѣста изъ сочиненія славнаго нашего критика, Генерала Окунева (къ сожалѣнію, въ переводѣ, за неимѣніемъ оригинала):

«Если бы оставленіе Москвы было не что иное, какъ временный побѣгъ, для личнаго спасенія отъ обидъ раздраженнаго непріятеля; если бы жители ея сохранили надежду найти, по возвращеніи въ дома свои, то благосостояніе, коимъ всегда наслаждались, то поступокъ сей былъ бы маловажною жертвой, о которой исторія не удостоила бы вспомнить. Но когда подумаешь, что большая часть обитателей сей огромной столицы, бросивъ жилища свои, предала непріятелю, отъ отчаянія неумолимому, всю надежду своего благосостоянія, будущность дѣтей своихъ; что отецъ, выходя изъ стѣнъ родины своей, преслѣдуемый мыслію, что теряетъ съ нею свое и дѣтей своихъ достояніе, не воротился для спасенія его изъ хищныхъ рукъ непріятеля и заглушилъ вопль природы голосомъ любви къ отечеству: вотъ самоотверженіе, которому, безъ сомнѣнія, мало примѣровъ въ исторіи народовъ.» И дѣйствительно. Если можно найти не многіе примѣры еще въ Исторіи Древней, то едва ли можно найти примѣръ подобнаго пожертвованія въ Исторіи новѣйшаго времени. Наполеонъ вступалъ въ Берлинъ, Мадритъ, Вѣну: но была ли которая ни будь изъ сихъ столицъ покинута жителями? Посмотримъ же теперь, какой жертвы требуетъ отъ Московскихъ гражданъ авторъ. Сказавши напередъ, что въ главной квартирѣ Кутузова нѣкоторые изъ спасшихся Московскихъ жителей хвалились, что они сами зажгли дома

свои (чего жь бы, казалось, лучше? или и это не было пожертвованіе?), онъ продолжаетъ:

(Т. II, стр. 316) «Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Московскій пожаръ былъ преднамѣреннымъ подвигомъ жителей первопрестольной столицы, которые, будто бы, въ великодушномъ порывѣ любви къ отечеству, рѣшились, для спасенія его, принести общую великую жертву.»

И такъ, авторъ отнимаетъ у Россіянъ не только честь пожертвованія, но даже и любовь къ отечеству. И что жь значитъ эта фраза съ предпоставленной частицей «будто бы?» «Будто бы изъ любви къ своему отечеству?» Но, конечно, это недосмотръ. Настоящее мѣсто этой частицы было бы тамъ, гдѣ поставлено «чтобы,» или, что еще лучше, слѣдовало бы совсѣмъ ее выбросить. Мысль отъ этого ничего бы не потеряла. А теперь эта частица даетъ поводъ думать, что она поставлена какъ будто съ намѣреніемъ.

«Не входя въ изслѣдованіе вопроса, послужилъ ли Московскій пожаръ въ пользу Россіи.»

И авторъ еще сомнѣвается въ томъ, что Московскій пожаръ послужилъ въ пользу Россіи? Но ему, какъ историку, и при томъ, какъ онъ заявилъ себя, историку критическому, по преимуществу надлежало бы обслѣдовать этотъ вопросъ всестороннимъ образомъ, и потомъ вывести надлежащее заключеніе, въ поученіе намъ, не критическимъ читателямъ, а не обходить его мимо, какъ недостойный изслѣдованія, или какъ будто въ избѣжаніе труда, какого потребовало бы подобное изслѣдованіе.

«Мы могли бы справедливо гордиться имъ, если бы въ дѣйствительноети всѣ жители столицы, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ, единодушно совершили этотъ подвигъ, жертвуя своимъ достояніемъ, для нанесенія вреда непріятелю.»

Непосредственно за симъ авторъ присовокупляетъ:

«Но этого не было, и не могло быть, по тому что большая часть, если не всѣ жители (смѣло можно было сказать: почти всѣ

домовладѣльцы) оставили уже свои домы. По этому и не могли условиться (предварительно) на сожженіе домовъ своихъ.»

И такъ, авторъ, для полнаго права гордиться Москвичамъ своимъ пожертвованіемъ, требуетъ съ ихъ стороны дѣйствія, по собственнымъ словамъ его, невозможнаго? Но не безразсудно ли требовать того, чего не возможно исполнить? Если же они не исполнили того, чего сдѣлать уже не могли, то по чему жь не имѣютъ права гордиться тѣмъ, что сдѣлали все то, что только было въ ихъ возможности, сообразно съ той благородной и высокой цѣлію, которая была указана высокимъ нравственнымъ долгомъ любви къ отечеству? Теперь обратимся къ предыдущимъ словамъ автора, что: «мы справедливо могли бы гордиться сожженіемъ Москвы, если бы всѣ жители столицы, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ единодушно совершили этотъ подвигъ.»

Авторъ съ каждымъ словомъ болѣе и болѣе удивляетъ насъ своей критикой и логикой. Касательно сей послѣдней, хотя и представляется намъ счастливый случай просить автора высказаться положительно и опредѣленно, сколько именно изъ трехъ сотъ тысячъ Московскихъ гражданъ нужно было этѣхъ многихъ, чтобы похвалиться единодушнымъ всѣхъ желаніемъ сожженія жилищъ своихъ? Здѣсь мы съ пользою воспользовались бы предлагаемымъ намъ логикою Соритомъ, который поставилъ бы автора въ великое затрудненіе отвѣчать намъ. И въ самомъ дѣлѣ, чтобы онъ могъ отвѣчать намъ, если бы, на примѣръ, мы спросили: сколько жь нужно этѣхъ многихъ, 100, 200, 300 и т. д.? и потомъ, если бы на какомъ ни будь числѣ онъ остановился, мы стали бы безпрерывно уменьшать его единицею? Что бы тогда? Но это въ сторону. Замѣтимъ только, къ чему ведетъ иногда необдуманно сказанная фраза. А во всякомъ изслѣдованіи правильная постановка вопроса есть первая и важнѣйшая задача для всякаго изслѣдователя; а такой вопросъ, то есть, по чему жители не зажгли жилищъ своихъ сами, ни какъ не йдетъ къ тому смутному состоянію, въ которомъ тогда находилась столица. И такъ будемъ же въ этомъ розысканіи держаться нити простаго здраваго смысла; можетъ быть, держась этой нити, мы и найдемъ правильное рѣшеніе предложеннаго авторомъ вопроса.

И такъ для того, чтобы истребленіе столицы было полнымъ и славнымъ пожертвованіемъ, авторъ требуетъ «единодушія» въ этомъ подвигѣ всѣхъ гражданъ, для чего необходимо было сдѣлать имъ мірскую сходку и потомъ, съ общаго согласія, подложить огонь подъ свои домы? Но съ этѣмъ условіемъ очевидно, что гражданамъ слѣдовало на этотъ подвигъ согласиться заранѣе, по тому что въ самый день вступленія непріятеля въ столицу это было бы уже поздно. Тутъ уже нѣкогда было думать о всеобщемъ совѣщаніи, а дѣйствовать одиночнымъ образомъ, кому какъ вздумалось. Но какимъ образомъ могли они знать заранѣе, будетъ ли оставлена во власть непріятеля столица? Положимъ, однако, что просвѣщеннѣйшіе и прозорливѣйшіе изъ нихъ, по взятіи Смоленска и вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшемъ отступленіи нашей арміи отъ Бородина, могли почти несомнѣнно ожидать занятія непріятелемъ столицы и, въ слѣдствіе этого, рѣшиться на сожженіе домовъ своихъ. Но вотъ вопросъ, имѣли ли они на это право и могли ли покуситься на это безъ воли Правительства? Уже ли автору неизвѣстенъ тотъ основной законъ всякаго благоустроеннаго общества, въ силу котораго всякій гражданинъ пользуется своею собственностію лишь на столько, на сколько позволяетъ это благосостояніе цѣлаго Государства, о которомъ попеченіе принадлежитъ Правительству? И такъ, вотъ въ чемъ заключается истинная постановка вопроса, который, вмѣсто того, чтобы обратить къ Правительству, авторъ обратилъ къ гражданамъ, и тѣмъ поставилъ себя въ такое фальшивое положеніе, что и не зналъ, откуда бы ему набрать достаточное число гражданъ для великодушнаго пожертвованія. А вотъ у насъ теперь они всѣ на лице. Кому не извѣстно, что во всякомъ благоустроенномъ Государствѣ общая воля всѣхъ гражданъ, особенно въ смутныхъ обстоятельствахъ его, выражается въ волѣ Правительства, и взаимно, воля Правительства имѣетъ общее значеніе воли каждаго гражданина, когда верховная власть утверждается на непоколебимой преданности народа, на его духѣ и національномъ характерѣ? И какъ бы Александръ успѣлъ сокрушить владычество Наполеона, если бы весь народъ Русскій, на призывъ его священной воли, не отозвался совершенною готовностію на всевозможныя пожертвованія? И такъ, спроситъ авторъ: «Москва истреблена по повелѣнію Правительства?»—Не думаемъ, по тому что на

это не имѣемъ ни какихъ доказательствъ. «Слѣдовательно, самими гражданами?» — Мы уже доказали, что на это не имѣли они ни права, ни возможности. «Къ чему же хвалиться небывалымъ подвигомъ, что они сами зажгли Москву?» — Русскіе этѣмъ никогда и не хвалились. Эту о нихъ молву въ Европѣ разгласилъ самъ Наполеонъ. «И такъ Москва сожженна непріятелями?» — Не возможно, чтобы начальники войскъ непріятельскихъ при самомъ вступленіи имѣли въ виду столь пагубное для нихъ самихъ истребленіе. «Что жь было причиною истребленія Москвы?»—Остается одно: случай и, можетъ быть, произволъ нѣкоторыхъ лицъ, сокрытыхъ въ неизвѣстности, и по тому принадлежащій также къ дѣйствіямъ случайнымъ. «Гдѣ жь та жертва, которою столько гордятся Русскіе?» — Если бы граждане не оставили Москвы, то она осталась бы цѣла. Это допускается всѣми. Но когда граждане оставили ее во власть непріятеля, то она уже погибла для нихъ въ политическомъ смыслѣ. А при такомъ убѣжденіи, кто изъ гражданъ могъ надѣяться, что она не погибнетъ и матеріяльно? И случай совершилъ то, чего они ожидали и, въ ожиданіи чего, Москву оставили. И вотъ жертва, принесенная ими на алтарь любви къ отечеству; ибо оставленіемъ столицы, дѣйствительно, они сами были виновниками ея истребленія. Касательно случая можно дѣлать всѣ возможныя предположенія, но самое дѣло навсегда останется подъ завѣсою непроницаемою.— По чему же главная постановка вопроса обращена къ Правительству? — По тому, что когда верховная власть заявила непримиримую войну съ врагомъ нашего отечества, то и вся нація дѣйствовала въ одномъ духѣ съ Верховною Властію. Отсюда истекли всѣ пожертвованія. Отсюда и произвольное оставленіе Москвы жителями, безъ всякаго внѣшняго побужденія со стороны Правительства. Но, спроситъ авторъ: «Если жители были столько увѣрены, что, при занятіи непріятелемъ столицы, она несомнѣнно погибнетъ, то по чему, въ этомъ случаѣ, они не заявили Правительству своей готовности и всеобщаго желанія истребить свои жилища огнемъ, для нанесенія вящшаго вреда непріятелю, если не имѣли права сдѣлать это сами?» Согласимся на минуту съ авторомъ и представимъ себѣ, что граждане и явились бы съ такимъ предложеніемъ къ Правительству. Что̀ бы тогда на такое заявленіе отвѣчалъ имъ вовѣки незабвенный вельможа, представитель народнаго

духа, Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ? Несомнѣнно, онъ отвѣчалъ бы имъ такъ: «Друзья мои, это не ваше дѣло, это дѣло мое: мнѣ ввѣрилъ Государь заботу касательно всѣхъ необходимыхъ распоряженій на счетъ судьбы столицы. И отъ кого вы узнали, что Москва непремѣнно будетъ во власти непріятеля, откуда пришла вамъ мысль преждевременнаго ея истребленія? Наше войско и вождь его еще не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобы не питать надежды на отраженіе врага. Но допустимъ, что войско и не въ состояніи защитить ее, въ такомъ случаѣ, какъ знать, не сдѣлаетъ ли Главнокомандующій какой ни будь диверсіи, и такимъ образомъ, можетъ быть, заставитъ непріятеля оставить предѣлы Московской Губерніи. Еще болѣе, что будетъ тогда, когда Наполеонъ, узнавъ о такомъ преждевременномъ истребленіи Москвы, не пойдетъ къ ней, а обратится назадъ и, притянувъ къ себѣ всѣ войска, находящіяся въ тылу, обратится на Петербургъ, или и въ южныя Губерніи? Тогда къ новому истребленію городовъ и селъ вы присоедините еще свое, столь великое безъ всякой нужды и пользы для отечества. И такъ оставьте эту мысль! Ни какое пожертвованіе со стороны гражданъ не обязываетъ, однако жь, ихъ на безразсудныя дѣйствія. Ступайте же съ Богомъ по домамъ своимъ, а еще лучше выѣзжайте изъ столицы, оставя ее на мое попеченіе! Старайтесь сохранить жизнь свою! Она драгоцѣнна для отечества, даже драгоцѣннѣе всего имущества вашего, по тому что

«Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она.»

Это, друзья мои, не пустая фраза, но святая истина для всякаго народа, желающаго сохранить свою независимость, честь и славу, а въ особенности для васъ, Русскихъ.»

Въ этѣхъ чертахъ желали мы выразить мысли, желанія, опасенія, и надежды Московскихъ гражданъ, во время приближенія непріятеля къ столицѣ. Мы не списывали ихъ съ подлинника, по тому что это не возможно, не только теперь, но и въ то самое время можно бы это сдѣлать развѣ только отчасти. Еще менѣе позволяли себѣ выдумывать что ни будь необыкновенное, несогласное съ нравственнымъ бытомъ человѣка и гражданина, по тому что при выдумкахъ были бы изобличены, можетъ быть, самыми фактами. А судили о расположеніи умовъ Московскихъ гражданъ

въ то критическое время, слѣдуя только простому здравому смыслу, который одинъ лишь теперь можетъ быть надежнымъ руководителемъ въ сужденіи о сокровенныхъ дѣйствіяхъ того времени; по этому ни мало не опасаемся, если авторъ, не оставляя любимой своей мысли, возразитъ намъ, что: «такъ какъ подобнаго заявленія, касательно истребленія столицы, не было сдѣлано Правительству со стороны гражданъ, то очевидно, что они и не имѣли намѣренія истребить огнемъ свои жилища и, слѣд., не могутъ хвалиться такою жертвою.» Признаемся откровенно, что мы отнюдь не находимъ не естественнымъ и не благоразумнымъ желаніе Москвичей при оставленіи столицы, чтобы ихъ жилища сохранились въ цѣлости, даже и при занятіи ея непріятелемъ. Но какую могло имѣть силу и значеніе такое желаніе при томъ всеобщемъ убѣжденіи, на здравомъ смыслѣ основанномъ, что непріятель, найдя городъ оставленнымъ властями и жителями, и воспользовавшись тѣмъ, что въ немъ оставалось, несомнѣнно, въ отмщеніе за обманутую свою надежду на миръ, истребитъ его огнемъ? Что жь въ такомъ случаѣ оставалось дѣлать? Самимъ зажечь свои жилища не дозволяла какъ неизвѣстность будущаго положенія города, такъ и неизвѣстность, было ли такое истребленіе сообразно съ видами Правительства, которому одному только принадлежало право дѣлать все то, что оно считало необходимымъ для спасенія отечества. И если бы оно имѣло это намѣреніе, то и извѣстило бы о томъ жителей, которые безропотно приняли бы такую мѣру, какъ необходимую для спасенія отечества, которое не заключалось въ спасеніи одной Москвы. Что жь оставалось дѣлать жителямъ? Ничего другого, какъ оставить Москву на произволъ судьбы, или, какъ лучше выражались наши добрые Москвичи, на волю Божью и Государеву, т. е., сдѣлать то, чего не сдѣлала въ новѣйшее время ни одна Европейская нація, предпочитающая свое благостояніе, спокойствіе и имущество независимости. Да сохранитъ насъ Богъ отъ осужденія ихъ! Можетъ быть, онѣ находились въ большей крайности, чѣмъ мы. Но это, однако жь, не уменьшаетъ славы нашего пожертвованія. Отъ чего жь авторъ отказываетъ Москвичамъ въ правѣ имъ гордиться? Мы, кажется, употребили всѣ возможные доводы, въ доказательство того, по чему Московскіе жители не могли и не должны были заранѣе истреблять домовъ своихъ. Ужь не требуетъ ли онъ того (впрочемъ, объ этомъ онъ ясно не выразился,

но сдѣлаемъ ему эту послѣднюю, крайнюю уступку), чтобы хотя не всѣ (по тому что почти всѣ давно уже выѣхали), то, по крайней мѣрѣ, всѣ оставшіеся граждане, если не съ общаго совѣщанія (котораго сдѣлать не было уже времени), то по какому ни будь особенному внушенію, страха ли, злобы ли, при самомъ вступленіи непріятеля, съ зажженными факелами бѣгали, какъ изступленные, изъ улицы въ улицу, и зажигали дома свои подъ выстрѣлами непріятелей?

Въ такомъ случаѣ, мы попросили бы у автора, по крайней мѣрѣ, пощады жизни гражданъ и позволенія сдѣлать имъ это втайнѣ. Но едва ли онъ согласится и на это, по тому что такое тайное дѣйствіе сокроетъ въ неизвѣстности и истинное число гражданъ, а ему надо «многихъ, многихъ.» И такъ, чтобы не кружиться намъ безпрестанно около этого рокового слова, со скуднымъ запасомъ нашей логики, скажемъ автору на отрѣзъ, что такого примѣра пожертвованія, какого требуетъ онъ, не представляетъ исторія ни одного славнаго города ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. Это увидимъ сейчасъ изъ примѣра, приведеннаго самимъ авторомъ. И такъ посмотримъ, что говоритъ онъ далѣе.

«Слѣдовательно, выказывать пожаръ Москвы, въ видѣ гибели Сагунта, столько же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войскъ.»

Эта фраза имѣетъ двѣ части. Обратимся сперва къ Сагунту. Что сравнивать пожаръ Москвы съ пожаромъ Сагунта нелѣпо, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; да и никто изъ всѣхъ повѣствователей о сей великой эпохѣ и не дѣлалъ такого нелѣпаго сравненія. А это и приводитъ насъ въ крайнее удивленіе, откуда автору представилась эта мысль? Если бы она была выражена какимъ ни будь уважаемымъ писателемъ, тогда и нужно было бы упомянуть о ней и ее опровергнуть, что очень легко сдѣлать, какъ сейчасъ увидимъ. Впрочемъ, откуда бы она ему ни представилась, но то несомнѣнно, что, отказывая Москвичамъ въ чести пожертвованія своимъ имуществомъ и жилищами, онъ ясно даетъ разумѣть, что тогда только имѣли бы они право на такую славу, если бы поступили въ этомъ случаѣ подобно Сагунтійцамъ. Обратимся же къ преданіямъ старины глубокой.

Небольшой, но хорошо укрѣпленный, цвѣтущій торговлею и богатствомъ жителей, хотя съ небольшой, но плодоносной, областью, составляющій маленькую республику, управляемую общиною, городъ осажденъ Аннибаломъ, вождемъ жестокимъ и мстительнымъ. Можетъ быть, Сагунтійцы, оставленные самимъ себѣ, и оставили бы свой городъ во власть Аннибала и, такимъ образомъ, сберегли бы даже и домы и значительную часть имущества, или, въ случаѣ желанія остаться вѣрными Римлянамъ, и видя невозможность устоять противъ Аннибала, заблаговременно отправили бы на корабляхъ свои сокровища и удалились, кто куда могъ. Но, къ сожалѣнію, случилось противное: твердо полагаясь на скорую помощь своихъ, дотолѣ непобѣдимыхъ, союзниковъ, Римлянъ, и на укрѣпленія своего города, они рѣшились защищаться и выдержать, до прибытія помощи, осаду. Къ несчастію, Римляне медлили и проводили время въ тщетныхъ переговорахъ съ Карѳагеномъ, тогда какъ городъ, не смотря на отчаянную защиту гражданъ, послѣ многихъ приступовъ, чрезъ безпрерывное разрушеніе укрѣпленій, приведенъ въ крайнее положеніе. Въ этомъ-то совершенно отчаянномъ положеніи блеснула еще одна, и послѣдняя, надежда ко спасенію. Принесено послѣднее условіе отъ Аннибала, что если жители предадутъ городъ и все свое имущество въ его власть, то онъ позволитъ имъ удалиться въ одной одеждѣ и отведетъ мѣсто, гдѣ они могутъ поселиться. Можно вообразить, сколь поразительна была эта вѣсть для гражданъ при мысли о потерѣ всего, что привязывало ихъ къ жизни и дѣлало ее столь для нихъ драгоцѣнною? Что жъ остается имъ дѣлать? Собирается совѣтъ, и вдругъ богатѣйшіе и почетнѣйшіе граждане оставляютъ его, не произнося слова. Они, по собственному побужденію, собираютъ всѣ свои драгоцѣнныя вещи, свозятъ ихъ на площадь, воздвигаютъ большой костеръ, зажигаютъ его, повергаютъ въ огонь свои сокровища, а многіе и самихъ себя, и погибаютъ вмѣстѣ съ ними, и между тѣмъ, какъ собравшійся народъ, при видѣ столь ужаснаго зрѣлища, въ оцѣпененіи и страхѣ, недоумѣваетъ, на что ему рѣшиться, вдругъ слышитъ крики осаждающихъ, которые, разрушивъ послѣднія укрѣпленія, вторгаются въ городъ. Теперь все кончено. Городъ взятъ. Въ сію-то роковую минуту граждане, одни, зажигая дома свои, погибаютъ съ ними въ пламени, другіе, не покидая оружія, падаютъ отъ меча непріятелей. И Аннибалъ,

раздраженный столь отчаяннымъ, сопротивленіемъ, повелѣваетъ умертвить всѣхъ безъ исключенія способныхъ владѣть оружіемъ, остальныхъ отдаетъ въ рабство своимъ сподвижникамъ. Городъ также, по его повелѣнію, разрушенъ до основанія, чтобы не могъ служить точкою опоры для Римлянъ, если бы они рѣшились перенести войну въ Испанію. А это и было главною побудительною причиною его осады.

Вотъ исторія погибели Сагунта, и вотъ жертва, которой требуетъ отъ гражданъ Московскихъ авторъ. Читатель извинитъ меня, если я разсказалъ сію исторію слишкомъ подробно. Мое намѣреніе было предложить на судъ его сравнительно положеніе города осажденнаго, съ городомъ, покинутымъ во власть непріятеля. Одинъ оставленъ добровольно мирными гражданами, другой въ осадѣ защищается гражданами-воинами на подобіе гарнизона, защищающаго крѣпость. Есть ли тутъ какое ни будь сходство? И не поступили ли бы и Сагунтійцы подобно Москвичамъ, если бы не рѣшились выдержать осаду? Разность положенія была причиною и разности поступка. И такъ условіе автора на право гордиться Москвичамъ своимъ пожертвованіемъ намъ кажется весьма необдуманнымъ; по тому что руками ли самихъ жителей истребленъ городъ, или оставленъ ими для истребленія мстительному врагу, въ пожертвованіи разницы нѣтъ. По нашему мнѣнію, оставленіе жителями столицы еще болѣе возвышаетъ ихъ жертву тѣмъ, что въ наше время не существуетъ уже этого варварскаго обычая убивать и оковывать оцѣпями рабства безоружныхъ жителей и водить плѣнныхъ военачальниковъ и царей за тріумфальною колесницею побѣдителя, какъ это было въ древности. Послѣ сего трудно понять, какимъ образомъ пришло на мысль автору сравнивать пожертвованіе Москвой съ гибелью Сагунта? Не уже ли не нашелъ онъ болѣе близкихъ примѣровъ для сравненія? Не сообразнѣе ли было бы съ дѣломъ указать здѣсь на примѣръ великаго народа древняго міра, Аѳинянъ, которые, при нашествіи Ксеркса, подобно Москвичамъ, оставили свой городъ на жертву непріятелю, который и истребилъ его огнемъ, какъ, по всему вѣроятію, поступилъ бы съ Москвой и Наполеонъ, если бъ она не была зажжена предварительно? Что отвѣчалъ великій Аѳинскій полководецъ, когда его укоряли, что онъ присовѣтовалъ гражда-

намъ оставить городъ? «Мы оставили домы и стѣны, сказалъ онъ, не желая искупить бездушныя вещи рабствомъ.» Съ такимъ же чувствомъ народной гордости могъ сказать и Москвичъ: «Мы бросили свой городъ, чтобы не быть хотя на нѣсколько дней рабами Наполеона.» И нѣтъ сомнѣнія, что не столько пожаръ Москвы терзалъ его душу, сколько это горделивое пренебреженіе къ его всемогущей волѣ и, съ нимъ вмѣстѣ, потеря надежды на славный миръ, столь нетерпѣливо имъ ожидаемый. Вотъ вѣчная слава Русскихъ! И такъ Наполеонъ былъ къ намъ справедливѣе, когда, въ безсмертной своей бесѣдѣ съ Прадтомъ, сказалъ, что «истребленіемъ Москвы Русскіе сдѣлали пожертвованіе, достойное древнихъ Римлянъ.» Еще оставалась ему надежда успокоить и снабдить всѣмъ необходимымъ въ оставленной Москвѣ свою армію: случилось противное его желанію. Вмѣсто всѣхъ ожидаемыхъ имъ удобствъ и успокоенія арміи въ Москвѣ, онъ принужденъ былъ вступить на ея пепелище (чего необходимо слѣдовало ожидать съ удаленіемъ жителей), пепелище, гдѣ, по прекрасному выраженію Тьера, «на обгорѣлыхъ стѣнахъ каждаго великолѣпнаго зданія, ему казались кровью и огнемъ напечатлѣнныя слова: «Point de paix... guerre à mort!»

Обратимся теперь ко второй части фразы, которая говоритъ, что «также нелѣпо приписывать пожаръ Москвы жестокости Наполеона и буйству его войскъ.» Здѣсь однимъ предикатомъ соединены понятія совершенно противоположныя: дѣйствіе случайное съ дѣйствіемъ преднамѣреннымъ. Что отъ необузданной толпы потерявшихъ дисциплину пьяныхъ солдатъ могли произойти поджоги, въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего нелѣпаго. Но какъ такое дѣйствіе было бы слѣдствіемъ безумнаго своевольства и безъ всякой цѣли, то оно и было бы дѣйствіемъ случайнымъ и, слѣдовательно, не имѣющимъ мѣста, когда дѣло идетъ о дѣйствіяхъ, предпринятыхъ съ извѣстною цѣлію. Совсѣмъ другое дѣло, когда рѣчь идетъ о Наполеонѣ. Если бы, на примѣръ, пожаръ Москвы былъ произведенъ по его приказанію, то такое дѣйствіе было бы уже преднамѣреннымъ, что, въ соотвѣтственность сказанному о преднамѣренномъ поджогѣ Москвичей, могло бы только повести къ слѣдующему любопытному вопросу: если бы Москва была сохранена во все то время, какъ Наполеонъ въ ней находился, была

ли бы она пощажена имъ при его выступленіи?» Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если мы припомнимъ повелѣнія Наполеона Маршалу Мортье не только взорвать Кремлевскія укрѣпленія, но и сжечь Дворецъ Кремлевскій, казармы и всѣ общественныя зданія, кромѣ Воспитательнаго Дома, потомъ приказаніе всѣмъ Маршаламъ, командующимъ аррьергардомъ, истреблять огнемъ всѣ города и села, находящіеся на пути ихъ отступленія, повелѣніе Нею не только взорвать Смоленскія укрѣпленія, но даже уцѣлѣвшія тамъ отъ перваго пожара немногія зданія, не смотря на то, что въ нихъ оставалось даже нѣсколько раненыхъ Французовъ, припомнивъ, говорю, всѣ эти повелѣнія злодѣя, исполняемыя съ неизъяснимымъ злорадствомъ его клевретами, то ни сколько уже не будемъ сомнѣваться въ томъ, что Москва, если бъ и не была сожжена самыми жителями (хотя бы и по распоряженію лицъ Правительственныхъ, что все равно, какъ нами доказано выше), то все, однако жь, она была бы сожжена Наполеономъ. Вотъ новое свѣдѣтельство принесенной на алтарь любви къ отечеству жертвы! И если жители столицы, при ея оставленіи, были увѣрены, что Наполеонъ, въ неистовой злобѣ, не пощадитъ ее, то еще ли авторъ будетъ сомнѣваться, что если бы Графъ Ѳедоръ Васильевичъ сказалъ два слова, что истребленіе столицы необходимо для истребленія врага, то ни одинъ изъ жителей не усомнился бы самъ внести огонь въ свое жилище? Положимъ, что такая жертва не могла бы обойтись безъ горькихъ слезъ. Но надо же быть снисходительнымъ къ слабой человѣческой природѣ. Вѣдь и Сагунтійцы не безъ горькихъ слезъ сожигали свои сокровища и погибали съ ними. И вотъ съ какой точки всѣ уважаемые, какъ Русскіе, такъ и иностранные, писатели смотрѣли на подвигъ Московскихъ гражданъ. Къ сожалѣнію, авторъ, какъ будто недовольный еще всѣмъ тѣмъ, что онъ сказалъ къ уменьшенію славы Русскихъ въ пожертвованіи столицей, оканчиваетъ слѣдующими словами свое сужденіе (Т. II, стр. 317): «Къ чему оскорблять истину хвастливымъ изложеніемъ небывалаго подвига?» Неправда! Что подвигъ, совершенный Московскими гражданами, есть подвигъ бывалый, мы доказали подобнымъ подвигомъ Аѳинянъ при нашествіи Ксерска. Можемъ присоединить къ этому еще подобный подвигъ Римлянъ при нашествіи Галловъ. А въ томъ смыслѣ, въ какомъ разумѣетъ его авторъ, справедливо

можно сказать, что онъ не бывалъ нигдѣ, никогда. Что Московскіе граждане никогда подобнымъ подвигомъ и не хвалились, какъ несправедливо укоряетъ ихъ авторъ, о томъ мы сказали уже выше. Но не будемъ слишкомъ строги. Мы вполнѣ увѣрены, что авторъ въ этомъ разсужденіи не удалился бы отъ своихъ предшественниковъ, если бы, къ сожалѣнію, мысль его не была занята исторіей Сагунта (которая, впрочемъ, какъ некстати приведена имъ, мы доказали выше). И подлинно. Если онъ имѣлъ въ виду погибель осажденнаго города, съ отчаяніемъ защищаемаго вооруженными жителями, то для чего было обращаться къ примѣру столь отдаленной древности? Не лучше ли было указать здѣсь на примѣръ, къ намъ ближайшій, на достославную во вѣки защиту Сарагоссы, примѣръ, близко подходящій къ защитѣ Сагунта, за исключеніемъ развѣ только этого гражданскаго самоистребленія, которое, впрочемъ, по нашему мнѣнію, еще болѣе долженствовало бы удержать автора отъ такого сравненія? Но этого довольно. Теперь перейдемъ къ другому, и послѣднему, предмету нашихъ недоумѣній.

Мы уже разсмотрѣли нѣкоторыя дѣйствія, разсказанныя нашимъ авторомъ, двухъ главныхъ вождей нашего отступленія, и въ особенности Барклая; по этому было бы не въ порядкѣ вещей не обратить вниманіе на главнаго вождя изгнанія непріятеля, Фельдмаршала Кутузова. И такъ возьмемъ какое ни будь изъ его дѣйствій, въ сужденіи о коемъ критика автора, сообразно нашему ожиданію, обнаружилась бы полнѣе и для насъ поучительнѣе. Читатель, уже знакомый съ Исторіею этой войны, несомнѣнно одобритъ нашъ выборъ, когда мы возьмемъ для сего разсмотрѣнія самый критическій моментъ изъ всѣхъ дѣйствій Кутузова, моментъ его отступленія изъ подъ Малоярославца къ Детчину.

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ читателей не содрогался духомъ, внимая сужденіямъ нашихъ критиковъ объ этомъ, по ихъ мнѣнію, опасномъ отступленіи, открывавшемъ непріятелю свободную дорогу, чрезъ Медынь, къ Калугѣ? Къ счастію нашему, основательное изложеніе дѣла, какое мы находимъ въ Исторіи сей войны у Данилевскаго, успокоило насъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворительнымъ изъясненіемъ причинъ, побудившихъ Фельдмаршала къ этому от-

ступленію. Правда, и это отступленіе не могло бы предупредить непріятеля въ занятіи Медыни, если бы Наполеонъ ухватился за это дѣло пораньше. Но въ этомъ случаѣ была бы уже вина не Фельдмаршала, а вина обстоятельствъ, въ слѣдствіе коихъ, если бы онъ и не успѣлъ предупредить Наполеона въ занятіи Медыни, то могъ, однако жь, заградить ему путь къ Калугѣ. Въ томъ-то и состояло главное затрудненіе Фельдмаршала. Наполеонъ имѣлъ предъ собою три пути къ Калугѣ. Слѣдовательно, Фельдмаршалу надлежало быть готовымъ встрѣтить его на каждомъ изъ нихъ. Увидимъ, какъ онъ вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія. Но прежде намъ необходимо знать, какъ судитъ объ этомъ отступленіи авторъ.

Въ самомъ началѣ своего разсказа онъ также упоминаетъ о донесеніи Кутузова Государю, въ которомъ Фельдмаршалъ заявилъ предъ нимъ свое твердое намѣреніе вступить съ Наполеономъ при Малоярославцѣ въ генеральное сраженіе, «безъ коего, писалъ онъ, ни подъ какимъ видомъ непріятеля въ Калугу не пущу.» И какая жь была причина перехода отъ Тарутина къ Малоярославцу? Потомъ, какъ извѣстно, въ слѣдствіе донесенія о появленіи непріятельскихъ отрядовъ на Медынской дорогѣ, онъ рѣшается перемѣнить позицію, избравъ для сего пунктъ болѣе центральный, между Малоярославской и Медынской дорогой. Теперь, безъ сомнѣнія, читатель ожидаетъ отъ критическаго автора всесторонняго обсужденія этого дѣйствія, разумѣется, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, съ помощію благодѣтельной частицы «если бы,» на примѣръ: что было бы тогда-то, если бы Наполеонъ, или Кутузовъ, поступилъ, или не поступилъ, такъ-то и пр.? Правда, не всегда эта запоздалая частица удовлетворительно рѣшаетъ дѣло. Но, вѣдь, предшествующіе писатели обсуживали это дѣйствіе, то и автору слѣдовало бы обратить вниманіе на ихъ критику, и особенно по тому, что взгляды ихъ онъ называетъ узкими. Напротивъ, здѣсь-то онъ и отказывается отъ всякой критики, и своимъ произвольнымъ судомъ, ни на чемъ не основаннымъ (съ исключеніемъ, развѣ, фанфаронадъ Французскихъ писателей), въ такой страхъ приводитъ душу читателя, какой можно только было испытать въ то время, пожалуй, при вѣсти о потерѣ всякой надежды на спасеніе отечества. Вотъ слова его:

(Т. III, стр. 48) «Самъ Кутузовъ, не смотря на превосходство нашихъ силъ (но по свѣдѣтельству самихъ Французскихъ писателей Наполеонъ, при выступленіи изъ Москвы, имѣлъ войска отнюдь не менѣе, если еще не болѣе, нежели было у насъ. Тьеръ даетъ ему не менѣе 100 тысячъ) и на выгоды своего расположенія, усомнился въ возможности одержать верхъ въ генеральномъ сраженіи, и предпочелъ отступить.» (?)

Если это такъ, то для чего же авторъ впереди сказалъ, что появленіе непріятеля на Медынской дорогѣ «заставило нашего Главнокомандующаго опасаться за Калугу?» Что за смѣшеніе въ мысляхъ? Тамъ авторъ даетъ разумѣть, что Главнокомандующій отступилъ изъ опасенія, чтобы непріятель не обошелъ его по Медынской дорогѣ, а здѣсь, что онъ отступилъ, изъ опасенія быть разбитымъ! Теперь посмотримъ, куда авторъ заставляетъ отступить нашего Фельдмаршала?

«Какъ на пути къ Калугѣ не было ни какой позиціи, которая равнялась бы своими выгодами съ мѣстностію, занятою нашими войсками подъ Малоярославцемъ (замѣтимъ, что Данилевскій говоритъ противное на счетъ позиціи у Детчина. Кому болѣе вѣрить, читатель рѣшитъ самъ), то отступленіе Князя Кутузова отъ сего города ясно выказывало, что онъ, въ случаѣ наступленія Наполеона, не заградилъ бы ему путь къ Калугѣ, а отошелъ бы за Оку.»

Кому выказывало? Извѣстно, что въ послѣдствіи критиковали это отступленіе Бутурлинъ, Окуневъ и Ермоловъ, каждый съ своей точки зрѣнія и основываясь на предположеніяхъ, но никто не обнаружилъ подозрѣнія, что оно было предшествующимъ дѣйствіемъ отдачѣ Калуги во власть Наполеона. Даже величайшій панегиристъ его, Тьеръ, не допускаетъ въ Кутузовѣ такого безразсуднаго и пагубнаго намѣренія, какое открылъ авторъ. Что Фельдмаршалъ не желалъ сраженія, это очень понятно по тому, что онъ замышлялъ Наполеону сопровожденіе совсѣмъ въ другомъ родѣ. Но этого нельзя было достигнуть иначе, какъ преградивъ ему всѣми силами путь въ Калугу. Что Наполеонъ былъ совершенно въ этомъ увѣренъ со стороны Фельдмаршала, доказывается выступленіемъ Даву изъ Малоярославца противъ Милорадовича. И къ чему предприни-

мать наступленіе на нашъ авангардъ? Отъ Наполеона нельзя ожидать дѣйствія безъ причины. Понятно, что этѣмъ наступленіемъ на нашъ авангардъ дѣлая видъ, что онъ не оставилъ намѣренія ити атаковать нашу армію, Наполеонъ хотѣлъ сколько возможно долѣе удержать Фельдмаршала въ его позиціи, и тѣмъ сколько можно выиграть болѣе спокойнаго времени къ своему отступленію, о которомъ Фельдмаршалъ и увѣдомился уже ночью и, въ слѣдствіе этого, тутъ же послалъ повелѣніе Милорадовичу ити къ Медыни.

И такъ вотъ какой конецъ, по суду автора, долженствовало воспріять, въ случаѣ наступленія Наполеона на нашу армію, это столько прославленное фланговое движеніе Фельдмаршала къ Тарутину и отъ Тарутина къ Малоярославцу! И совершитель этѣхъ подвиговъ отказывался отъ всей славы, прежде имъ снисканной, и ставилъ себя въ такую отвѣтственность предъ Государемъ и отечествомъ, которая уже ни чѣмъ не могла быть оправдана! Сдѣлать фланговый маршъ для загражденія пути непріятелю въ южныя Губерніи, и потомъ отдать ихъ добровольно! Если бы авторъ поставилъ себя въ положеніе Князя, то ясно бы увидѣлъ, что сраженіе за путь въ Калугу, гдѣ бы дано оно ни было, у Детчина, или у Полотняныхъ заводовъ, даже съ несчастливымъ окончаніемъ, для Фельдмаршала было извинительнѣе, нежели отступленіе. Неудачи въ сраженіяхъ извиняются, по тому что здѣсь не только искуство предводителя, но и счастливый случай, имѣетъ великое значеніе для успѣха. Но бросить на жертву непріятелю постъ, съ потерею котораго исчезала вся надежда на счастливый исходъ всей войны — вотъ что непростительно. По этому Фельдмаршалъ не могъ обманывать Государя, донося ему, что онъ ни коимъ образомъ безъ генеральнаго сраженія не пуститъ непріятеля въ Калугу. Немаловажнымъ доказательствомъ къ подтвержденію сей рѣшимости служатъ и слова самого автора, утверждающіяся на достовѣрныхъ свѣдѣтельствахъ, что (т. III, стр. 37) «самъ Фельдмаршалъ (тотчасъ по прибытіи съ арміей къ Малоярославцу) отправился къ сражавшимся войскамъ и оставался въ огнѣ, не обращая вниманія на представленія бывшихъ тогда при немъ Генерала Тормасова и Генералъ-Интенданта Ланскаго.» А такое самопожертвованіе маститаго старца, послѣднее въ его боевой жизни, достаточно

могло убѣдить автора, какую важность полагалъ Фельдмаршалъ въ удержаніи этого важнаго поста, и какую обнаружилъ рѣшимость въ его защитѣ.

Теперь, такъ какъ проницательная критика автора угадала (чего не угадалъ и самъ Наполеонъ) въ отступленіи Фельдмаршала сокровенное намѣреніе, во избѣжаніе генеральнаго сраженія, отдать Наполеону южныя Губерніи (чего, впрочемъ, ни одинъ изъ предшествовавшихъ писателей не могъ проникнуть), то обратимся къ автору съ слѣдующимъ вопросомъ: если Князь Кутузовъ при отступленіи дѣйствительно имѣлъ намѣреніе отдать Калугу и отступить за Оку, то для чего остался въ позиціи у Детчина, менѣе нежели въ 20 верстахъ отъ Малоярославца, а не продолжалъ своего отступленія въ Калугу? Въ тотъ день, когда Фельдмаршалъ былъ уже у Детчина, Наполеонова армія находилась еще въ прежнемъ положеніи предъ Малоярославцемъ. Самъ онъ, прибывши къ сему городу, удостовѣрился въ отступленіи нашей арміи, которой авангардъ, подъ командою Милорадовича, оставался предъ Малоярославцемъ. Предъ полуднемъ Даву, занимавшій Малоярославецъ, выступилъ противъ Милорадовича, который отступалъ. Между обоими войсками происходила нѣкоторое время перестрѣлка. Такія дѣйствія войскъ не могли быть неизвѣстны Фельдмаршалу, и отнюдь не могли поселить въ немъ увѣренности, что Наполеонъ, владѣя Малоярославцемъ, не рѣшится ити атаковать его въ новой позиціи. Не смотря на то, онъ не оставлялъ ее, и отнюдь не предпринималъ ни какихъ мѣръ къ отступленію, все еще ожидая Наполеонова нападенія на него со стороны Малоярославца. Въ противномъ случаѣ, т. е., изъ боязни быть разбитымъ, которую приписываетъ ему авторъ, онъ бы долженъ былъ скорѣй воспользоваться свободнымъ временемъ и не медлить отступленіемъ къ Калугѣ, и здѣсь, удостовѣрясь о движеніи противъ него Наполеона, заблаговременно переправить войско чрезъ довольно широкую рѣку и не дожидаться напора всей непріятельской арміи, чтобы, при поспѣшномъ отступленіи чрезъ довольно обширный городъ, быть принужденнымъ, противъ своей воли, возобновить Фридландское сраженіе. Выпишемъ здѣсь кстати мѣсто изъ сочиненія ученѣйшаго нашего критика, Генерала Окунева: «Завладѣвъ Медынскою дорогою, говоритъ онъ, Наполеонъ принудилъ бы лѣвое

крыло Русскихъ, оставивъ Калужскую дорогу, отступить даже до Серпуховской; ибо сіе движеніе Французовъ угрожало бы не только лѣвому крылу Русской арміи, но и обходомъ ей въ тылъ.» Надо замѣтить, что Генералъ Окуневъ говоритъ это въ томъ лишь предположеніи, если бы Принцъ Евгеній въ самомъ началѣ Малоярославскаго сраженія поспѣшилъ овладѣть Медынскою дорогою, воспользовавшись нападеніемъ своимъ на Малоярославецъ только для прикрытія своего движенія на Медынь. Мы, какъ не военные люди, не позволяемъ себѣ рѣшить, основательно ли такое мнѣніе столь ученаго военнаго писателя, но принявъ его на вѣру за самое справедливое, касательно невыгодныхъ для насъ со стороны такого движенія непріятеля послѣдствій, скорѣе можетъ удивляться тому, что отступленіе предпринято было Фельдмаршаломъ слишкомъ поздно. Но что жь было дѣлать? Предпринять фланговое движеніе тотчасъ отъ позиціи при Малоярославцѣ къ Медыни было нельзя, по тому что вся Наполеонова армія находилась предъ Малоярославцемъ. И когда Ермоловъ подалъ совѣтъ Фельдмаршалу сдѣлать нѣкоторое движеніе лѣвымъ крыломъ въ направленіи къ Медыни, то Фельдмаршалъ справедливо ему замѣтилъ, что такія передвиженія не дѣлаются въ виду непріятеля. И если совѣтъ Ермолова оправдался послѣдствіями, то это было дѣйствіемъ счастливаго случая, а отнюдь не строгихъ правилъ стратегіи. Что жь сдѣлалъ Фельдмаршалъ? По нашему мнѣнію, то, что можетъ совершить только самый умный, самый хитрый и самый проницательный полководецъ. Онъ своимъ отступленіемъ поставилъ Наполеона въ совершенное недоумѣніе, какую изъ двухъ свободныхъ для него дорогъ ему выбрать? Но какую бы изъ нихъ онъ ни избралъ, онъ былъ убѣжденъ, что встрѣтитъ на ней Русскую армію. Разбитіе Понятовскаго на Медынской дорогѣ удостовѣрило его въ этомъ вполнѣ. А эта неизвѣстность, соединенная съ сомнѣніемъ его и его Маршаловъ въ счастливомъ исходѣ сраженія, уже и заставила его рѣшиться на отступленіе по старой дорогѣ. Да простятъ намъ, не военнымъ людямъ, наше сужденіе о дѣлахъ военныхъ столь великой важности. Если мы судимъ ошибочно, то и въ семъ случаѣ вина болѣе должна упасть на автора, которому въ этомъ мѣстѣ въ особенности слѣдовало бы привести и обсудить всѣ мнѣнія предшествовавшихъ критиковъ, чтобы и насъ, невоенныхъ читателей, поставить на истинную точку сужденія. Вмѣсто

этого мы находимъ у него рѣшительный приговоръ, что Кутузовъ своимъ отступленіемъ ясно доказывалъ, что онъ отдалъ бы Калугу во власть Наполеона! По чему? По тому что не было выгодной позиціи! Положимъ, такъ. Но не самъ ли авторъ въ то же время утверждаетъ, что Кутузовъ отступилъ изъ опасенія за Медынскую дорогу? Если же эта была цѣль отступленія, то довольно было и того, если была найдена и сколько ни будь выгодная позиція, по тому что не она была цѣлію отступленія. Искренно говоря, намъ иногда кажется, что авторъ какъ будто забываетъ, что онъ пишетъ военную исторію, не говоримъ, критическую.

Послѣ сего авторъ опять приступаетъ къ изложенію мѣръ, принятыхъ Кутузовымъ, къ загражденію пути непріятелю на Медынь, или къ Калугѣ. Какъ это не у мѣста, какъ не кстати послѣ рѣшительнаго суда объ отступленіи Кутузова къ Калугѣ и за Оку! Не уже ли авторъ не разсудилъ, что если Кутузовъ, изъ боязни отважиться на сраженіе, отступалъ къ Калугѣ по Малоярославской дорогѣ, если бы Наполеонъ атаковалъ его со стороны Малоярославца, то необходимо также бы долженъ былъ отступить и по Медынской, въ случаѣ наступленія Наполеона со стороны Медыни? Но, къ великому удивленію, здѣсь авторъ уже говоритъ утвердительно, что движеніе Кутузова къ Детчину было произведено въ слѣдствіе его опасенія, чтобы Наполеонъ не обошелъ его со стороны Медыни. Какія противорѣчія, и какія колебанія въ мысляхъ автора! Но довольно о Кутузовѣ. Теперь посмотримъ на тѣ дѣйствія, которыя въ то же время предпринималъ его противникъ.

(Т. III. стр. 46) «Отступленіе по Можайской дорогѣ, по разоренной въ конецъ странѣ, представляло (Наполеону) необычайныя затрудненія. Наполеонъ колебался въ нерѣшимости и, казалось, все еще не оставлялъ намѣренія открыть силою себѣ путь къ Калугѣ; 14 Октября онъ снова отправился къ Малоярославцу, но остановился у бивачнаго огня, не достигнувъ долины рѣки Лужи. Тамъ получилъ онъ извѣстіе, въ 9 часовъ утра, объ отступленіи нашихъ передовыхъ войскъ, но, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, для дальнѣйшаго движенія къ

Калугѣ, Наполеонъ, полагая, что честь его оружія была сохранена добровольнымъ уклоненіемъ Кутузова отъ боя, рѣшился отступать на Можайскъ.»

Предъ этѣмъ авторъ сказалъ, о чемъ мы позабыли упомянуть прежде, въ чемъ и просимъ извиненія, что Наполеонъ, не надѣясь уже на «ослабленный духъ своихъ войскъ,» и по тому «не надѣясь нанести рѣшительный ударъ нашей арміи, находился въ необходимости уклоняться отъ генеральнаго сраженія.»

Едва ли это правда. Сраженіе подъ Малоярославцемъ доказало, что духъ его войскъ вовсе не упалъ еще. И къ тому, вотъ счастливый случай. Онъ узнаетъ объ отступленіи Кутузова отъ Малоярославца! и что же? довольный этимъ комплиментомъ нашего Фельдмаршала, отступаетъ самъ! Вотъ здѣсь-то слѣдовало бы автору обратить къ отступленію Наполеона тѣ сужденія, которыя онъ столь легко и поспѣшно обратилъ къ отступленію Кутузова. Наполеонъ не могъ не видѣть, что въ это время нашъ авангардъ не сходилъ еще съ своей позиціи; слѣдовательно, вблизи была и главная армія и, слѣдовательно, Кутузовъ непремѣнно принялъ бы сраженіе, ибо это и было главною цѣлію его движенія къ Малоярославцу. И такъ Наполеонъ избѣгалъ сраженія, которое для него весьма было сомнительно, а не Кутузовъ, который принять его былъ понуждаемъ всѣми обстоятельствами, каковъ бы ни былъ исходъ этого сраженія. Наполеонъ могъ уклоняться отъ сраженія, Кутузовъ ни какимъ образомъ.

•(Т. III. стр. 50) «Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, обѣ арміи отступали въ противоположныя стороны.... Наполеонъ, вѣроятно, не зная о нашемъ отступленіи, двигался къ Боровску, чтобы выйти на разоренную большую Смоленскую дорогу.»

Этотъ §, не важный по содержанію, особенно примѣчателенъ неизъяснимымъ противорѣчіемъ автора. И какъ объяснить такое соединеніе мыслей, въ которомъ сказанное впереди отрицается совершенно въ послѣдствіи? Не самъ ли авторъ сейчасъ сказалъ, что «Наполеонъ получилъ извѣстіе (предъ Малоярославцемъ) объ отступленіи нашихъ передовыхъ войскъ и полагая, что честь его оружія была сохранена добровольнымъ уклоненіемъ Кутузова отъ

боя, рѣшился отступить на Можайскъ.» Но недовольный еще сказаннымъ, онъ подтвердилъ еще слова свои несомнѣнными свѣдѣтельствами славнѣйшихъ Французскихъ писателей и участниковъ въ этой достопамятной войнѣ, Шамбре и Фена, по словамъ которыхъ (Т. III, стр. 422, зам. 39) «Принцъ Невшательскій, по приказанію Наполеона, увѣдомилъ командующихъ войсками, находящимися назади, въ слѣдующихъ словахъ: «Мы шли атаковать непріятеля, но Кутузовъ отступилъ.» Принцъ Екмюльскій (Даву) пошелъ въ слѣдъ за нимъ, но стужа и необходимость избавиться отъ раненыхъ, находящихся при арміи, побудили Императора возвратиться къ Можайску и Вязьмѣ.» Спрашиваю, какія свѣдѣтельства и доказательства сильнѣе этѣхъ нужны къ утвержденію того, что Наполеонъ отступилъ отъ Малоярославца, уже извѣстившись объ отступленіи Кутузова? И послѣ всѣхъ этѣхъ неопровержимыхъ свѣдѣтельствъ, что говоритъ авторъ? Право, не вѣришь глазамъ своимъ, когда читаешь въ этомъ послѣднемъ §, что Наполеонъ отступилъ, «вѣроятно, не зная о нашемъ отступленіи.» Скажите жь, ради Бога, какъ разрѣшить такое противорѣчіе? Наполеонъ пишетъ своимъ Генераламъ, что хотя онъ и знаетъ объ отступленіи Кутузова, однако жь, и самъ, не смотря на то, по уваженію холода и раненыхъ, рѣшился отступить; а почтенный авторъ говоритъ: «Вздоръ! не вѣрьте, любезный читатель, этому свѣдѣтельству славныхъ Французскихъ писателей. И если я написалъ и самъ, что «Наполеонъ рѣшился отступить на Можайскъ, полагая, что честь его оружія была сохранена добровольнымъ уклоненіемъ Кутузова отъ боя», то не вѣрьте и моимъ словамъ, а вотъ что вѣроятно и пр.» Какъ объяснить такое противорѣчіе? Какъ могло оно произойти? Уже ли безсознательно, или по забвенію? Допустить этого не возможно. Ужь не имѣлъ ли авторъ намѣренія въ такомъ изложеніи дѣйствій сохранить честь какъ Кутузова, такъ и Наполеона: Кутузова, сказавши, что Наполеонъ, не надѣясь на ослабленный духъ своихъ войскъ, уклонялся необходимо отъ генеральнаго сраженія; Наполеона, сказавши, что онъ отступилъ, не знавши объ отступленіи Фельдмаршала?... Недоумѣваемъ!... Книга невольно выпадаетъ изъ рукъ.

Теперь обратимся къ читателю, который, можетъ быть, пожелаетъ узнать, отъ чего наши недоумѣнія являются на свѣтъ такъ

поздно? На это скажемъ ему искренно, что они написаны были еще при первомъ появленіи въ свѣтъ книги Г. Богдановича. Но, не довѣряя себѣ, мы не осмѣливались, съ нашими слабыми познаніями въ дѣлахъ военныхъ и политическихъ, выступить впередъ на поприще критики. Правда, давно уже появились изъ сей исторіи выписки и разныя на нее указанія, но какъ сіи указанія не имѣли еще прямой критической цѣли, а только касались не многихъ сомнительныхъ мѣстъ въ этой исторіи, то мы и воздерживались обнаружить наши сужденія, въ ожиданіи какого ни будь важнѣйшаго авторитета. И вотъ, къ великому удовольствію нашему, въ недавнее время появились строгія указанія многихъ и важныхъ недосмотровъ въ повѣствованіи автора, указанія, сдѣланныя такимъ лицемъ, которое по всему праву можетъ быть признано самымъ компетентнымъ судьею въ военныхъ происшествіяхъ того времени.* И такъ, ободренные авторитетомъ лица, заслуживающаго всеобщее уваженіе не только своими познаніями въ дѣлахъ военныхъ, но и снискавшаго славу заслугами своими въ сей войнѣ незабвенной, рѣшились и мы высказать предъ публикой свои недоумѣнія и критическія замѣтки, можетъ быть, и маловажныя, но по этому несомнѣнно и болѣе достойныя снисхожденія.

А.

---

* Несомнѣнно авторъ статьи разумѣетъ здѣсь критическія замѣчанія на исторію Г. Богдановича, написанныя И. П. Липранди. Прим. Редактора.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ КУТКИНЪ.

Генералъ-Маіоръ Ф. Т. Куткинъ, родомъ Сибирякъ, въ послѣднихъ годахъ прошлаго и въ первыхъ настоящаго столѣтій Начальникъ Тобольскаго Провіантскаго Депо. По разсказамъ современниковъ и лично знавшихъ его, онъ былъ человѣкъ прямаго характера, разсудительный, добрый, привѣтливый, хлѣбосолъ и жилъ въ благоденствіи; но счастіе превратно. Тогдашній Главный Начальникъ всей Сибири, подъ предлогомъ злоупотребленій по службѣ Куткина, поступилъ съ нимъ съ неимовѣрною жестокостію, не смотря на его заслуги и знатный чинъ. Девять лѣтъ Генералъ оставался въ нерѣшенномъ состояніи, томился и умеръ въ заточеніи, подъ стражею, и уже послѣ смерти признанъ ни въ чемъ невиноватымъ.

Поколѣнія уходятъ, чувства современныя умираютъ, воспоминанія о людяхъ замѣчательныхъ уничтожаются. Чтобы сохранить отъ забвенія имя Генералъ-Маіора Куткина,—этого примѣчательнаго мужа скорби и терпѣнія, и долженствующаго войти въ исторію самолично, или относительно,—передаю собранныя мною о немъ свѣдѣнія.

Въ 1805 году былъ опредѣленъ Генералъ-Губернаторомъ всей Сибири Тайный Совѣтникъ Иванъ Борисовичъ Пестель. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, когда представилися къ нему чиновники, онъ, вмѣсто приличнаго начальственнаго привѣтствія, разсказалъ имъ слѣдующее: «Когда Государю Императору благоугодно было назначить меня въ Сибирь Генералъ-Губернаторомъ, то первая моя всеподданнѣйшая просьба была, чтобы перемѣнить здѣсь бѣлые (у мундировъ) воротники. Я былъ въ Вяткѣ, на слѣдствіи: тамъ тоже бѣлые воротники, и всѣ наголо ябедники. Хе, хе, хе!» Онъ имѣлъ привычку язвительно смѣяться въ носъ. Слышавшіе чиновники смекнули дѣломъ, какъ выразился одинъ современникъ, и почесали въ затылкахъ. Это первое привѣтствіе Начальника было для нихъ прелюдіею будущей драмы, которая готовилась разыграться на Сибирской сценѣ.

Въ короткое время своего пребыванія въ Сибири, Пестель уже сдѣлался грозою сего отдаленнаго края, и продолжалъ быть таковымъ во все время управленія, какъ коснемся объ этомъ ниже.

При отъѣздѣ изъ Петербурга, Пестель выпросилъ въ Иркутскъ Губернаторомъ Николая Ивановича Трескина, который по Московскому Почтамту былъ у него помощникомъ. При чемъ бывшаго Иркутскаго Губернатора, Корнилова, перевели въ Тобольскъ.

Пестель, проживъ нѣсколько времени въ Иркутскѣ, побывалъ въ Кяхтѣ, обозрѣлъ Нерчинскій край, и въ 1807 году отправился въ Тобольскъ, оставивъ въ Иркутскѣ дѣйствовать Губернатора Трескина, на основаніи своей инструкціи, съ полной свободою и властію. Николай Ивановичъ и дѣйствовалъ..... и владѣлъ изъ Иркутска Пестелемъ, какъ своею собственною рукою.

Будучи въ Тобольскѣ, Пестель на одномъ званомъ обѣдѣ встрѣтился съ Генералъ-Маіоромъ Куткинымъ. Между разговорами сей послѣдній позволилъ себѣ не согласиться въ чемъ-то съ Генералъ-Губернаторомъ и, по прямотѣ характера, поспорить съ чувствомъ чиновника назависимаго. Къ несчастію Куткина, правда оказалась на его сторонѣ, и онъ, при всѣхъ присутствовавшихъ, одержалъ верхъ въ своемъ спорѣ. Раздосадованный и озлобленный его торжествомъ, Пестель поспѣшилъ исходатайствовать распространеніе своей власти и на Провіянтскую часть, и когда получилось разрѣшеніе, то, подъ предлогомъ злоупотребленій въ управленіи Провіянтскаго Депо, перваго Генерала Куткина отдалъ подъ военный судъ, приказавъ содержать его подъ строгимъ арестомъ и лишивъ его сообщенія съ семействомъ. Домъ и полотняную фабрику, [1] при самомъ началѣ дѣла, на случай могущихъ

---

[1] Эта фабрика находилась въ 9 верстахъ отъ Тобольска, при рѣчкѣ Коновалихѣ, на дачѣ, подъ именемъ «Заимки Куткина.» На ней былъ выработано въ 1806 году полотна Голландскаго 1,100 аршинъ, салфеточнаго 225, тику 800, китайки 1,600, ревендука 1000 и лентъ 2000 аршинъ, чулковъ и получулковъ 168 паръ. На этой фабрикѣ работало 100 человѣкъ изъ ссыльныхъ, по 12 часовъ въ сутки, съ платою по 25 коп. (видно изъ статистической переписки, находящейся въ Тобольскомъ Губернскомъ Архивѣ). Въ 1835 году, при обозрѣніи окрестностей Тобольска, я былъ лѣтомъ на заимкѣ Куткина, видѣлъ тамъ разрушавшіяся зданія господскаго дома, ткацкихъ фабричныхъ строеній, кожевеннаго завода,

открыться казенныхъ взысканій, описали и въ послѣдствіи они были разорены въ конецъ. Имѣніе его такъ же взято подъ секвестръ. На Провіянтскихъ и Комиссаріятскихъ чиновниковъ по всей Сибири было открыто гоненіе, какъ выразился современникъ, пока на мѣста по этѣмъ частямъ не посадили своихъ.

Зимою, въ концѣ 1808 года, Пестель изъ Тобольска отправился въ Петербургъ, и уже не возвращался въ Сибирь, управляя ею 11 лѣтъ. Разставаясь въ Тобольскѣ съ Губернаторомъ Корниловымъ и Вице-Губернаторомъ Штейнгелемъ весьма благосклонно, какъ нельзя лучше, по пріѣздѣ, въ Петербургъ, на обоихъ сдѣлалъ представленіе, подъ предлогомъ разныхъ ихъ противозаконныхъ дѣйствій, въ слѣдствіе чего они были преданы суду Сената. Вина же ихъ состояла въ томъ, что не умѣли, или не хотѣли, сообразоваться съ понятіями главнаго своего начальника, а Пестель не хотѣлъ имъ простить стремленія къ должной самосостоятельности. Мѣсто Корнилова въ Тобольскѣ получилъ зять Пестеля, Фанъ-Бринъ. [2] Корниловъ и Штейнгель чрезъ нѣсколько лѣтъ оправдались, и первый опредѣленъ Сенаторомъ, а послѣдняго судьба извѣстна.

мельницы для крупчатки и опустѣлыя жилища для мастеровыхъ. Между господскаго дома и краснаго портика, въ наружномъ размѣрѣ уцѣлѣвшаго, съ колоннами, въ полуіоническомъ вкусѣ, видны были еще остатки искуственнаго цвѣтника; тамъ была и аллея изъ акацій: все это на косогорѣ, а внизу его многоводный прудъ и ключъ. По живому еще тогда преданію, я отчасти узналъ о несчастной судьбѣ умершаго владѣтеля. Мнѣ, бывшему тогда Учителемъ Латинскаго языка, пришли на память мысли одного знаменитаго писателя:

«Passibus ambiguis fortuna volubilis errat,
Et manet in nullo certa tenaxque loco.»

Превратно счастіе шатается вездѣ,
И твердо ни часа не можетъ быть нигдѣ.

Въ 1850 годахъ, на мѣстѣ заимки Куткина, Тобольской чиновникъ, Петръ Петровичъ Поповъ, построилъ господскій домъ и церковь. Содержаніе послѣдней обезпечилъ 10 тыс. р. серебромъ, положенными на вѣчныя времена въ банкъ, и 400 десятинъ земли. Онъ умеръ въ 1860 году. Мать его пожертвовала эту заимку, со всѣми принадлежностями, Тобольскому Архіерейскому дому, съ предположеніемъ, нельзя ли будетъ тамъ въ послѣдствіи учредить женскій монастырь.

[2] Тобольскій Губернаторъ Фанъ-Бринъ, 70. лѣтній старикъ, добрый человѣкъ. Онъ за два года до пріѣзда Сперанскаго въ Сибирь опредѣленъ Сенаторомъ.

За этимъ эпизодомъ обращаюсь къ предмету настоящей статьи моей. Генералъ Куткинъ, находясь подъ стражею, въ заточеніи, послалъ къ Министру Юстиціи, Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, жалобу, отъ 20 Октября, 1814 года, въ которой изложены подробно жестокія къ нему дѣйствія Пестеля. [3]

Генералъ Куткинъ, не дождавшись окончанія суда, скончался въ Тобольскѣ, подъ стражею, въ 1817 году. [4] Похороненъ онъ на общемъ кладбищѣ. На могильномъ памятникѣ его, кистью истины, изображено: «И прямизна тебя не спасла.»

Семейство Куткина, — жена, съ нѣсколькими дочерями, — было доведено до крайней бѣдности. Одна дочь ослѣпла отъ слезъ горести. По смерти Генерала, семейство его вызвано во внутреннія Россійскія Губерніи какимъ-то добрымъ человѣкомъ, женившимся, болѣе изъ состраданія, на одной изъ дочерей.

Много подобныхъ примѣровъ жестокости правителей было въ то время въ Сибири, особенно въ Иркутскѣ, какъ доказываетъ отчасти ходящая въ рукописи тогдашняго времени, Записка [5] и другія разныя свѣдѣнія и преданія. Народъ стоналъ отъ несправедливости и жестокости правившихъ, но его стенанія заглушались властію послѣднихъ. Вотъ подъ какимъ попеченіемъ Сибирь съ 1805 по 1819 проходила свое житье-бытье! Пестель и Трескинъ полагали, что Сибирь есть пустыня безгласная и отдаленная; но нѣтъ: въ ней есть утесы, густыми лѣсами отѣненные, отъ которыхъ откликаются слова и дѣла; есть скромныя, ходящія по рукамъ, записки и лѣтописи о правдахъ и неправдахъ. Пока нѣтъ еще общихъ мнѣній, но исторія растетъ. Въ послѣдніе годы управленія Сибирью Генералъ-Губернатора Пестеля и Губернатора Трескина, въ столицу начали прорываться жалобы и день отъ дня все

---

[3] Списокъ съ этой жалобы сообщенъ отъ меня въ «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» и помѣщенъ въ 4 книгѣ, отд. V, стр. 132 — 144, за 1864 годъ.

[4] Въ предисловіи этой жалобы ошибочно мною было сказано, что Куткинъ скончался въ 1815 году.

[5] Напечатана въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» за 1859 годъ, книга 3, отд. V, стр. 65 — 80.

становились многочисленнѣе, все важнѣе по содержанію, все разительнѣе по общему согласію въ показаніяхъ.

Наконецъ 22 Марта, 1819 года, данъ Высочайшій Указъ объ опредѣленіи въ Сибирь Генералъ-Губернаторомъ Пензенскаго Губернатора, Тайнаго Совѣтника, Михайла Михайловича Сперанскаго. Этотъ правитель несъ отъ Престола два важныя порученія: а) прекратить неправды, вопіявшія въ странѣ безгласной, и б) начертать учрежденіе, для управленія столь отдаленнымъ краемъ. Онъ исполнилъ порученіе первое, какъ Ангелъ мира, съ любовію, которая горевала о неправдѣ, радовалась же объ истинѣ, а второе, какъ мужъ Государственный.

Дѣло о Куткинѣ, при всѣхъ натяжкахъ со стороны Пестеля, который съ упорствомъ слѣдилъ за производствомъ его, рѣшено уже послѣ смѣны его, въ 1821 году.[6] Сенатъ призналъ Куткина ни въ чемъ невиноватымъ. Нашелъ всего лишь передачу по Коммиссіи 275 рублей ассигнаціями, излишне выданныхъ въ проіоны чиновнику, которыя и сложилъ по Манифесту 1814 года.

Генералъ-Губернаторъ Сперанскій, по окончаніи дѣла о Куткинѣ въ Сенатѣ, исходатайствовалъ женѣ его пенсію по 1800 рублей ассигнаціями въ годъ; выдачу, слѣдовавшаго мужу ея, за время бытности подъ судомъ, жалованья, и 50,000 р., въ возмездіе за имѣніе, разоренное секвестромъ. Будучи Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Михайло Михайловичъ сколько явилъ дѣлъ снисхожденія, состраданія и вообще любви просвѣщенной къ ближнему!

Николай Абрамовъ.

10-го Іюля, 1865 года.
Семипалатинскъ.

---

[6] Въ слѣдствіе ревизіи Генералъ-Гуеернатора Сперанскаго, которая была болѣе совѣстна, чѣмъ строго соотвѣтствовала законнымъ формальностямъ, и безъ послабленія, Пестель по суду отставленъ отъ службы, и въ глубокой старости умеръ въ одной изъ своихъ деревень въ 1845 году. Трескинъ лишенъ чиновъ и знаковъ отличій. Томскій Губернаторъ Ильичевскій былъ очищенъ въ Сенатѣ отъ падавшихъ на него обвиненій, но въ службу болѣе не вступалъ.

РѢЧЬ

Императора Николая I-го къ народу, по случаю безпорядка въ С.-Петербургѣ, во время холеры 1831 года.

Сего Іюня 23-го числа, во 2-мъ часу по полудни, Государь Императоръ прибылъ въ колескѣ съ Княземъ Меньшиковымъ на Сѣнную площадь, остановился у самой церкви Спаса, и говорилъ народу, окружающему Его, слѣдующую РѢчь:

«Не кланяйтесь Мнѣ, а падите на колѣна, поклонитесь Господу Богу, просите помилованія за тяжкое прегрѣшеніе, вами вчера учиненное! Вы умертвили Чиновника, пользовавшаго вашихъ собратій, нарушили тишину и порядокъ, осрамили Меня передъ свѣтомъ. За васъ, за васъ всѣхъ, обязанъ я, по силѣ присяги Моей, дать отвѣтъ Царю Царей. Возможно ли мнѣ сіе исполнить послѣ тяжкаго вашего прегрѣшенія? Не узнаю я въ васъ Русскихъ: что, Французы ли вы, или Поляки? Сіи послѣдніе уморили возлюбленнаго Брата Моего: такъ и вы со Мною хотите то же сдѣлать? Но я уповаю на Всевышняго Творца, стою здѣсь безбоязненно среди васъ, вотъ и грудь Моя!..»

Тогда народъ, рыдая, воскликнулъ: «Согрѣшили предъ Богомъ, но ради умереть за Царя, за Отца нашего!» Государь возразилъ: «Умрете тогда, когда Богу угодно то будетъ; лягу и Я съ вами, но теперь повелѣваю вамъ: Падите ницъ предъ Богомъ, и теплыми молитвами укротите праведный гнѣвъ Его, возвратитесь въ домы ваши и исполняйте приказанія Военнаго Генералъ-Губернатора, какъ собственныя Мои повелѣнія! Кто облеченъ Моею властію, того слушайтесь!»

Тутъ народъ закричалъ: «Ура!» — и разошелся.

ОБРУСѢНІЕ ПОЛЯКОВЪ И ЕВРЕЕВЪ.

Исторія областей, отъ Польши возвращенныхъ, неопровержимо доказала, что въ нихъ Полякъ и Католикъ — одно и то же; что Полякъ не Католикъ — не Полякъ; что, напротивъ того, Русскій, Нѣмецъ, Еврей, Католикъ — не Русскій, не Нѣмецъ, не Еврей, а Полякъ. Это аксіома. Тутъ нѣтъ спора, нѣтъ сомнѣнія, а есть и свѣжее этой истинѣ подтвержденіе въ недавнихъ событіяхъ: въ предпослѣдній мятежъ Униты столько же наполняли ряды повстанцевъ, сколько и людъ Латинскаго обряда, такъ какъ они ближе стояли нравами, привычками, говоромъ и т. п. къ Полякамъ, нежели къ Русскимъ. Въ послѣднее возмущеніе тѣ же поселяне, ставъ Православными, не участвовали въ мятежѣ.

Вотъ другая историческая аксіома: во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, господствующая, государственная религія, была, есть и будетъ скрѣпленіемъ, связью, цементомъ, такъ сказать, стихій народности: языка, закона, нравовъ, правъ, обычаевъ. Гдѣ нарушалось единство религіи, тамъ стихіи народности разлагались, дробились, исчезали. Съ ними упадали Правительства, разъединялись народы. Такъ съ Лютеранствомъ Латинская Церковь (отпавшая отъ Вселенской) утратила свою внутреннюю силу, держалась по сей часъ внѣшними подставками, мірскою властью Папъ, инквизиціей, Езуитизмомъ, индульгенціями, проклятіями Ватикана и т. п., теряла милліоны своихъ сыновъ; увлеченныхъ бурнымъ потокомъ Реформаціи, и стала вынуждена, при всей нетерпимости своей, терпѣть расколы до такой степени, что согласилась на признаніе въ нѣдрѣ своемъ Церкви Галликанской, да еще придумала и Уніятскую, въ нечестныхъ видахъ и преступныхъ надеждахъ, по неблагословенію Божію, не вполнѣ сбывшихся.

«Протестантскія Правительства всѣми силами поддерживаютъ господствующія у себя вѣроисповѣданія. Англиканская, на примѣръ, Церковь только и укоренилась настойчивымъ покровительствомъ Правительства.

«Великобританія, не меньше Езуитовъ, любитъ обращенія, и духъ прозелитизма въ ней также неукротимъ, какъ и въ Римскомъ духовенствѣ, даромъ, что миссіонеры ея стремятся при этомъ къ цѣлямъ предпочтительно торговымъ и политическимъ.» (Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1864, кн. II, «О бѣдности Православнаго духовенства и о средствахъ возстановить его нравственное вліяніе на народъ»).

Третья исконная истина: Іудейство и Магометанство живутъ, дышатъ, существуютъ Закономъ Моисея и Кораномъ. Первые безъ отечества, безъ роднаго Правительства, безъ политическаго значенія, разсѣянные по лицу земли; послѣдніе, болѣе или менѣе окруженные чуждыми народами, не сливаются, однако, ни съ какимъ племенемъ, держатся особнякомъ, и одни, Іудеи, не вымираютъ, не перерождаются, не поглощаются объемлющими ихъ населеніями, какъ бы это должно быть при разобщенности скитальцевъ вселенной, а другіе, Османы, непрерывно пополняютъ свою убыль Кавказскими Горцами, невольниками, ренегатами (вѣроотступниками). Ветхій Завѣтъ и Коранъ, заключая въ себѣ всѣ правила вѣры и нравственности, всѣ законы, гражданскіе и политическіе, увѣковѣчиваютъ ихъ своеобразность и живучесть. Лишите Евреевъ Ветхаго Завѣта, и Еврейство или Жидовство исчезнетъ. Лишите Магометанъ (Европейскихъ, Азійскихъ, Африканскихъ) Корана, и Магометанства не будетъ, и единственно сильнаго еще Государства, не будетъ Турціи.

Вотъ по чему Римскій Папа всегда поддерживаетъ всѣми средствами Езуитское и до-Езуитское ученіе Латинскаго согласія, его лукавства, его ложь, его обманы, его хитросплетенія. Стоитъ только разоблачить Папу отъ святотатственной пышности мнимаго Намѣстника Христа, мнимой главы Церкви, отъ мнимой непогрѣшимости, — и Римская религія уничтожится; а безъ нея и Римъ не устоитъ, и Папа лишится свѣтской надъ Папистами власти, богатства и даже права на «ленту Св. Петра,» который, однако, не сбиралъ денегъ, а проклялъ новокрещеннаго Симона Волхва, за предложеніе ему серебра (Дѣянія Апостольскія, глава VIII).

И такъ, господствующая въ странѣ народная религія, какая бы она ни была, есть сила духовная населенія, зерно и корень

общественной жизни, альфа и омега всевозможныхъ стихій народности.

Не возможно прямо ити противъ этой истины; ее можно только обойти. Такъ и поступаютъ осторожнѣйшіе изъ деистовъ, не вѣрующихъ въ Пресвятую, Единосущную и Нераздѣльную Троицу, и хитрѣйшіе изъ вселенскихъ гражданъ и всемірныхъ Христіянъ, то есть, космополитовъ и по вѣрованіямъ и по гражданству: ихъ религія — «свобода совѣсти,» ихъ отечество — вся обитаемая и необитаемая земля. Подъ мантіей философа, подъ личиной гуманиста (рыцаря всеобъемлющей любви къ человѣчеству), они самодовольно рисуются передъ толпами явныхъ либералами, и проповѣдываютъ кто деизмъ, или атеизмъ, кто фатализмъ, или спиритизмъ, а всѣ вмѣстѣ матеріализмъ, нигилизмъ и по меньшей мѣрѣ индиферентизмъ и коммунизмъ.*

Подтачиваясь со всѣхъ точекъ подъ религію, человѣколюбивые (гуманные) безбожники-космополиты съ нѣкотораго времени начали проводить такую мысль, что не религія, а языкъ—главная сила всякой народности. Слѣдовательно, и Поляковъ, и Татаръ, и Евреевъ нужно только научить Русскому языку, и они обрусѣютъ: Поляки перестанутъ мятежничать, забудутъ свои пѣсни: «Еще Польща не сгинела» и др., будутъ проклинать Гришку Растригу; Татары, хоть самъ Магометъ приди въ Крымъ съ войскомъ, станутъ стрѣлять въ своего Пророка съ минаретовъ, а Евреи, въ случаѣ нашествія непріятеля, забывъ свое политическое правило: «Помози, Бозе, и васимъ и насимъ!» не хитря, не виляя, геройски ринутся (легіонами) на супостата, хотя бы передовая рать какого ни будь Наполеона была изъ однихъ Іудеевъ. Исторія, однако, доказываетъ напротивъ, что не только одноязычность, но и единонародность, не помѣха религіознымъ

* Для неясно понимающихъ смыслъ всѣхъ этѣхъ -измовъ перевожу приведенныя слова на Русскій: деизмъ — отрицаніе Троицы и, стало быть, Христіянской вѣры; атеизмъ — безбожіе, фатализмъ — рокъ, жребій, участь, слѣпая судьба, матеріализмъ — непризнаніе творчества Божія (и Слова, имъ же вся быша), нигилизмъ — отрицаніе всего честнаго, чистаго, высокаго, Христіянскаго, индеферентизмъ — равнодушіе ко всякой религіи, коммунизмъ — право всѣхъ и каждаго на все и на всѣхъ, на чужія деньги, на чужое имущество, на домъ, на семью, на женщину.

междоусобіямъ, какъ это бывало, особенно во Франціи и Германіи. Довольно привести на память Гугенотовъ, Варѳоломееву ночь, знаменитую лигу (союзъ) при Генрихахъ III и IV во Франціи.

А бунты Раскольниковъ на Руси? Про нихъ ужь и забыли. А Запорожская Сѣчь, эта разноплеменная и разноязычная община въ началѣ? Что скрѣпило ее, образовавшуюся изъ Великоруссовъ, Малоруссовъ, Бѣлоруссовъ, Татаръ и всякихъ пришельцевъ? Религія, принятая всею общиной. Напротивъ, не религія ли единственною причиною, что блаженствующіе у насъ переселенцы: Французы, Нѣмцы, Швейцарцы и т. д., не русѣютъ, не чувствуютъ патріотической любви къ Россіи, равнодушны къ ея радостямъ и печалямъ?

Что до разныхъ -измовъ, мы обязаны ими Европейскимъ учителямъ и прогрессистамъ, видимо преуспѣвающимъ въ движеніи, только не впередъ, а назадъ, не въ царство любви и мира, а къ разнузданію всѣхъ скотоподобныхъ страстей, къ водворенію безначалія, самоуправства, безнаказанности, къ разлитію духа мятежей, неистовствъ, къ утвержденію права сильнаго. Это «возвратная лихорадка»: она ведетъ человѣчество обратно къ варварству. Западная, не Христіянская, противобогословская философія въ сущности не любомудріе, а мраколюбіе, филозофія. Если ужь одна буква, какъ здѣсь, измѣняетъ иногда смыслъ слова, то чего же, какой здравой мысли, какое человѣческое чувство, какой непреложной истины не затемнятъ и не обойдутъ высокопарныя, кудрявыя въ хитросплетеніи своемъ, рѣчи, коварно подкрѣпляемыя всей ложью ссылокъ на науку и уловляющія простой народъ и довѣрчивыхъ юношей поддѣльною теплотой участія къ бѣднымъ людямъ, къ незнатнымъ чиновникамъ, къ подвластнымъ въ семьяхъ женщинамъ, къ безмолвной подчиненности въ военной, духовной, гражданской службѣ, къ сельскимъ, заводскимъ и прочимъ труженикамъ, словомъ къ простонародью?

Такъ и наши лжемыслители и мнимо передовые люди, вооружась двумя звучными словами: «гуманизмъ и либерализмъ,» ратуютъ за «свободу совѣсти.» Смыслъ первыхъ двухъ словъ объясненъ самой жизнію древнихъ: гуманизмъ или гуманность, т. е., человѣколюбіе, человѣчность, не препятствовала потѣшать гуманистовъ гладіаторскими борьбами на аренѣ (стоитъ нашихъ въ

старину : кулачныхъ боевъ), кончавшихся увѣчьемъ, иногда и смертью мужественныхъ атлетовъ (силачей). Не мѣшала она и травлѣ Христіанъ, и изобрѣтенію многоразличныхъ истязаній, и орошенію земли кровію безчисленныхъ мучениковъ. Не облегчала она и участь безгласныхъ, беззаступныхъ Илотовъ-рабовъ, передъ которыми Негры — счастливцы. И такъ гуманство — не Христіянство, и одного другимъ не замѣнить, чтобы ни толковали наши гуманисты. Тоже и либерализмъ-свободолюбіе: на дѣлѣ оно выходитъ своеволіе, самоуправство, безначаліе. На этѣхъ-то двухъ основаніяхъ, на гуманности и либеральности, зиждется ученіе о «свободѣ совѣсти,» т. е., о томъ, что не надобно ни какой религіи. При «свободѣ совѣсти» всякой воленъ вѣровать во что и какъ угодно, и не вѣровать ни во что. Отправляясь отъ этой-то точки, мечтатели наши, не столько изъ писателей, сколько изъ говоруновъ, проводящихъ всю жизнь свою въ словопрѣніяхъ, и дошли до такого заключенія, что Латинское вѣроисповѣданіе—не помѣха образованію, перевоспитанію и обрусѣнію Поляковъ; что какъ Поликъ можетъ стать Лютераниномъ, или Православнымъ, такъ и Русскій можетъ быть Католикомъ; что необходимо перевести и напечатать по Русски употребляемыя въ служеніи Латинскомъ псалмы, пѣснопѣнія, гимны, даромъ, что иное въ нихъ выражено на Польскомъ языкѣ не точно, не Православно и въ видахъ политическихъ, враждебныхъ Россіи и Православію.

Какой же пользы ожидать отъ этѣхъ переводовъ? Языкъ, конечно, одна изъ важныхъ стихій народности, но, при различіи нравовъ, законовъ, обычаевъ, преданій, стремленій и особенно религій двухъ племенъ въ одной странѣ, общая имъ молвь не умиритъ ихъ взаимной ненависти. Опытъ у насъ на глазахъ: громады Поляковъ на службѣ гражданской, военной, ученой и т. д., вполнѣ владѣютъ Русскимъ языкомъ, и, однако жь, не стали отъ того Русскими, а все таки остались тѣми же Поляками. Здѣсь сліяніе не возможно; здѣсь скорѣе сильнѣйшее, хитрѣйшее и злобнѣйшее по воспитанію, по направленію, по духу племя поглотитъ слабѣйшее, честнѣйшее и добрѣйшее. Религіозная Унія доказала истину этѣхъ словъ: ополяченные простолюдины въ этомъ соединеніи склонились большею частію къ Римскому согласію, а остававшіеся искреп-

но Уніатами, отшатнувшись отъ роднаго Православія и не сливаясь съ Латинствомъ, стояли одиночно, сиротливо, Индѣйскими паріями, посреди своихъ земляковъ. Такая, говоря языкомъ нашихъ журналистовъ, ассимиляція хуже сепаратизма. Нѣтъ, не языкъ, а единовѣріе, роднитъ разъединенныя племена. Не Русская молвь, а Греко-Россійская Церковь, можетъ обрусить, умирить, переродить Поляковъ. Въ противномъ случаѣ, не составилась бы въ странахъ, отъ Польши возвращенныхъ, новая открыто политическая Унія изъ Ляховъ, Евреевъ и всемірныхъ крамольниковъ, подъ покровительствомъ гуманныхъ космополитовъ и либераловъ съ «свободной совѣстью.» И какъ было бы легко тогда и клятвопреступленіе и всякое злодѣяніе: «свобода совѣсти» не стѣсняется присягой и законами нравственности; поджоги, грабежи, убійства оправдываются цѣлію, къ какой они ведутъ; религія не нужна, и не будетъ слышно Св. имя Божіе, и не будетъ ересей и расколовъ, правовѣрія и иновѣрія, будетъ «свобода совѣсти!»

Въ заключеніе моей замѣтки касательно животрепещущаго вопроса: кому изъ двухъ быть, или не быть, Русскому, или Поляку, Лжекатолику, или Православному, повторю первыя строки этѣхъ страницъ: «Полякъ и Католикъ въ возвращенныхъ отъ Польши странахъ и въ Царствѣ Польскомъ—одно и то же; Полякъ не Католикъ—не Полякъ, напротивъ того Русскій, Нѣмецъ, Еврей Католикъ—не Русскій, не Нѣмецъ, не Еврей, а Полякъ!»

Настоящая замѣтка написалась, въ ряду разныхъ замѣчаній и разсказовъ о многомъ изъ того, что я видѣлъ, слышалъ и дѣлалъ въ теченіе моей семидесятилѣтней (пока) жизни, о нѣсколькихъ извѣстныхъ служебной дѣятельностью лицахъ, обо всемъ, что происходило и происходитъ на нашихъ глазахъ въ Россіи замѣчательнаго, худаго и добраго, грустнаго и утѣшительнаго.

Послѣ изложеннаго вопроса естественно возникаетъ нѣсколько родственный ему и столько же важный вопросъ объ Евреяхъ. По службѣ моей въ Крыму, въ Бессарабіи и Сѣверо-Западномъ краѣ, мнѣ доводилось не однажды собирать о нихъ свѣдѣнія, вникать въ ихъ бытъ, составлять соображенія относительно преобразованія ихъ кагаловъ, синагогъ, школъ и т. д. Довелось мнѣ выпроводить порядочное число Израильскихъ семей изъ Минской

Губерніи, для водворенія ихъ въ поселеніяхъ Южнаго края. Но они чуждаются земледѣлія, и, конечно, не велико осталось отъ нихъ поколѣніе поселенцевъ Евреевъ.

Исключая Караимовъ (въ Чуфутъ-Кале, близъ Бахчисарая, въ Трокахъ Виленской Губерніи и прочихъ мѣстахъ), отличающихся честностью, опрятностью и миролюбіемъ, прочіе Іудеи, какого бы колѣна и обряда ни были, нравственно не далеко стоятъ одни отъ другихъ, кто съ Талмудомъ, кто съ Библіей. Въ Крыму Татары не поддаются ихъ вліянію; Армяне не меньше ихъ хитры и изворотливы, а единоплеменные съ ними Караимы рѣдко уступаютъ имъ доходныя вѣтви правильной торговли и промышленности. Въ Бессарабіи, при благоустройствѣ въ ней поселеній, при трудолюбіи царанъ (вольныхъ крестьянъ), при многолюдствѣ нуждающихся въ трудѣ Цыганъ, они также не имѣютъ большаго значенія. Только въ городахъ они промышляютъ «факторствомъ,» т. е., поденной услугой пріѣзжимъ, мелочной перекупкой и продажей всякой всячины и частью ремеслами. Можно утвердительно сказать, что Евреи вообще въ Новороссійскомъ краѣ не только не въ тягость Христіянскому населенію, а даже и не безполезны. Иное дѣло въ Южныхъ и Сѣверо-Западныхъ Губерніяхъ. Тамъ они піявки, постоянно высасывающія кровь простонародья, упиры, допивающіе кровь пановъ, саранча, опустошавшая Малороссію во времена Польскаго въ ней владычества.

Проклятой и осужденный народъ на скитаніе въ Божіемъ мірѣ повсюду искалъ и ищетъ пріюта, правъ и хлѣба насущнаго, и отвсюду почти его удаляли. Не огромна въ Западной Европѣ (кромѣ Австріи и Пруссіи) цыфра Израильтянъ, получившихъ осѣдлость, да и тѣ частью скрываются подъ чужой одеждой, подъ чуждымъ языкомъ. Только Россія пригрѣла ихъ всецѣло. Только Русское Правительство постоянно заботилось о нихъ, отводило имъ мѣста, для упроченія ихъ осѣдлости, испытывало всевозможныя мѣры, къ обезпеченію ихъ благосостоянія, и, правда, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ обузданію ихъ алчности, желающей поглотить всѣ сребренники въ Государствѣ. Наше Правительство простерло свое попеченіе даже за предѣлы житейскихъ нуждъ Израильтянъ: оно поревновало ихъ воспитанію и особенно образованію изъ нихъ ученыхъ имъ руководителей въ дѣлѣ вѣры. Это

была уже милость, не ожиданная и не желанная истыми послѣдователями Моисеева закона. Отклонившіеся же отъ него воспользовались новымъ средствомъ къ развитію и утвержденію своихъ ученій. Дѣло въ томъ, что возбудившіе и разрѣшившіе вопросъ о необходимости слѣдить за образованіемъ Раввиновъ, не знали, что Раввинъ—учитель, а не Первосвященникъ; что Первосвященники должны бы ити отъ Аарона преемственно и непрерывно, и что духовныя званія и обязанности возлагаются только на колѣно Левитовъ. Евреи не раскрыли это недоразумѣніе. Они приняли Раввиновъ гласно, но удержали своихъ Священниковъ, тайно. Названія послѣднихъ не помню. Не знаю и того, какъ распорядились Караимы.

Господствующая, особенно съ 1858—1859 г., мысль о допущеніи Евреевъ въ Христіянскія училища вообще и приманки ихъ даже въ Университеты, Лицеи, Академіи, а, стало быть (нельзя же замкнуть отъ нихъ прочія учрежденія) и во всѣ военныя и гражданскія заведенія (Межевой Институтъ, Училище Правовѣдѣнія, Инженерный, Артиллерійскій, Горный, Морской и прочіе Корпуса), * была бы разумна и полезна, если бы ограничилась только озареніемъ закоснѣлыхъ въ невѣжествѣ и предраз-

---

* Свободный всѣмъ сословіямъ доступъ въ Университеты, безспорно, не можетъ остаться безъ плода; но плоды бываютъ и худые и добрые, а просвѣщеніе — обоюдоострый мечъ: въ какую голову засядетъ наука! Какъ она подготовлена семейнымъ воспитаніемъ? Какая душа, какое сердце озарится свѣтомъ науки? Бытъ простонародія, какъ сельскаго, такъ особенно городскаго, бѣднаго, не трезваго, не очень нравственнаго, предлагаетъ не всегда удобную почву къ возрѣланію вообще; а тѣмъ болѣе въ Еврейскихъ муравейникахъ. Мужи призванія: Ломоносовы, Меньшиковы, Сердюковы, Кулибины и имъ под., рѣдко встрѣчаются. Легкій доступъ въ Университеты не повелъ къ добру: большинство «вольныхъ слушателей» мало пріобрѣтаетъ свѣдѣній. Всѣ почти они покидаютъ Университеты безъ ученаго диплома, и очень, очень немногіе, «хватая (по поговоркѣ) вершки,» выхватываютъ съ грѣхомъ по поламъ Кандидатскіе аттестаты. Изъ вольныхъ слушателей, а не изъ студентовъ, развелись нигилисты, матеріялисты, заговорщики, члены «Ада». Изъ нихъ и Каракозовъ. Нѣтъ, если уже допускать въ высшія училища простонародье и Іудеевъ, то развѣ по приготовленіи ихъ въ Гимназіяхъ, по строгому экзамену, и съ тѣмъ, чтобы желающіе изъ нихъ поступали не вольными слушателями, а непремѣнно студентами, и чтобы Евреи, по крайней мѣрѣ, не имѣли права вступать въ гражданскую службу, ни быть Медиками, ни Аптекарями, развѣ только въ своей Израильской средѣ.

судкахъ Іудеевъ свѣтомъ науки и обращеніемъ хотя малѣйшей частицы ихъ въ Христіянство; но открыть имъ доступъ къ служебнымъ должностямъ и званіямъ значило бы отдать на ихъ произволъ Русской народъ и подчинить Христіянъ Жидамъ. Жидъ—Мировой Судья! Жидъ—Предводитель Дворянства (а изъ нихъ многіе дослужатся до Дворянства), Предсѣдатель Земской Управы, Чиновникъ по любому Министерству, членъ благотворительныхъ для Христіянъ учрежденій, Фармацевтъ, Медикъ и Лейбъ-Медикъ, Полковой командиръ, Капитанъ корабля, Начальникъ Губерніи, Учитель, или Профессоръ Русской, Церковной Исторіи, Словесности, и т. д!.. А куда дѣнутся Еврейки, воспитанницы разныхъ женскихъ Институтовъ? Вѣдь нельзя же, заботясь о просвѣщеніи Іудеевъ, оставить Іудеекъ въ невѣжествѣ, нечистотѣ, неряшествѣ и т. п. На что же пригодятся Еврейки барышни?

Если допустить въ службу Евреевъ, то по чему же не открыть Университета и Магометанамъ?

Что же станется съ Православіемъ на Руси? Подчинится ли народъ Іудеямъ и Израильтянамъ? Не уничтожатся ли въ Государствѣ, одна за одной, стихіи народности? Не достигнутъ ли дробители (сепаратисты) раздѣленія цѣлаго на части, по племенамъ, нарѣчіямъ и вѣрованіямъ? Какое племя, какая вѣра, какой языкъ, при неминуемой борьбѣ между ими, восторжествуетъ надъ всѣми и всѣхъ поглотитъ?!!.

Кончивъ возникшіе въ памяти вопросы вопросами, я присоединилъ этѣ страницы къ моимъ запискамъ до поры до времени. А вотъ приносятъ мнѣ въ концѣ Іюля съ почты, не знаю отъ кого, около двухъ десятковъ №№ «Виленскаго Вѣстника» на 1866. Развертываю: во всѣхъ №№ говорится о Полякахъ и Евреяхъ. Читаю—и нахожу много въ нихъ такого, надъ чѣмъ можно призадуматься. «Виленскій Вѣстникъ» мало кому знакомъ въ Москвѣ, а за Москвой и того меньше. Да и въ цѣлой Россіи, кромѣ возвращенныхъ отъ Польши Губерній, едва ли гдѣ знаютъ о немъ. Жаль! Въ немъ много и очень много замѣчательнаго.

Въ прочитанныхъ мною статьяхъ «о Евреяхъ» все высказано и за и противъ. Историческія о нихъ свѣдѣнія исчерпаны до дна. Въ началѣ помѣщено ловкое изложеніе задачи и искусное наведе-

ніе къ рѣшенію ея съ Израильской точки взгляда, Г. Леванды (№ 20, 26 и 27). Р. К—ій (№ 40 и 42) яснѣе и безпристрастнѣе обсуживаетъ дѣло. Въ № 92 напечатана статья изъ Бѣлгорода, въ опроверженіе мечтаній, «О сліяніи Еврейской народности съ Русскою.» Г. Нжнцъ, между прочимъ, говоритъ въ ней: «Предполагаемое сліяніе народностей имѣетъ на своей сторонѣ: во первыхъ, духъ времени, либерально - меркантильное, съ добавкомъ космополитическаго, направленіе; потомъ значеніе Еврейства, какъ элемента враждебнаго Христіянству, заставляющее нашихъ либераловъ, радикаловъ, позитивистовъ и нигилистовъ, на ряду съ Еврейскими публицистами, тщательно обходить очень неудобный, для желаемаго ими сліянія, предметъ — Іудейскую религію... Люди, равнодушные къ своей племенной почвѣ, способные, по легкомыслію своему, легко подчиниться вліянію Парижскихъ бульваровъ, кафе-ресторановъ и театровъ, и переродиться въ истыхъ Французовъ, не только по виду и языку, но и по духовному настроенію и складу мыслей, люди эти воображаютъ, что Еврейскій закалъ допуститъ имъ лѣпить изъ себя все, что ни задумаетъ ихъ причудливая фантазія... Учебныя заведенія переполнены молодыми людьми обоихъ половъ, жаждущими просвѣщенія, и между прочимъ устроиваются общины съ научно-соціальною цѣлію, при помощи только нравственной поддержки передоваго образованнаго общества, общины, извѣстныя подъ названьемъ Фаланстерій (готовыя замѣнить старинныя коллегіи съ своею антигуманною дисциплиною), гдѣ эмансипированныя женщины соревнуютъ мущинамъ во всестороннемъ изученіи естественныхъ наукъ!... Современная гуманность, расширяясь за предѣлы человѣчества, образовала общество покровительства животнымъ—учрежденіе, составляющее вѣнецъ образованности!..

«Такъ говорятъ наши кабинетные прогрессисты, не двигающіеся съ мѣста и желающіе двигать всю Россію, даже въ лучшихъ журналахъ и газетахъ.... Тѣсное сближеніе съ Западомъ и неразборчивое внесеніе оттуда самыхъ разнородныхъ болѣзненныхъ продуктовъ религіознаго и политическаго броженія въ образованные слои Русскаго общества, подрывая духовное единеніе и ставя на мѣсто его чувственность и личную выгоду, произвели на свѣтъ въ настоящую эпоху множество ренегатовъ и лицъ, не только чуж-

дыхъ религіознаго чувства, но истыхъ враговъ Христіанства и Православія. Такіе люди, безъ сомнѣнія, сочувствуютъ Еврейству и видятъ въ немъ временнаго своего союзника.» Въ заключеніе Г. Нжицъ сказалъ неопровержимую истину: «Гуманная точка зрѣнія не должна исключать патріотизма, а патріотизмъ обязываетъ предпочитать свою народность всѣмъ прочимъ. Всякая народность имѣетъ свои достоинства и недостатки: сознавая тѣ и другіе, добрый гражданинъ заботится о развитіи первыхъ и ослабленіи послѣднихъ. Задача эта гораздо проще, нежели искуственное обновленіе свѣжими силами (Евреями) тѣхъ нашихъ началъ, которыя, можетъ быть, нуждаются лишь въ разумномъ развитіи, или даже только въ устраненіи условій, препятствующихъ естественному ихъ развитію.»

Далѣе слѣдуютъ въ №№ 99 и 101 «Отвѣтъ Левандѣ Г. К. К—вскаго;» въ № 116 «О просвѣщеніи Евреевъ,» Ал. Вл.; въ №№ 146, 148 и 150-мъ рѣзкая, запальчивая, но совершенно дѣльная, искренняя, благонамѣренная статья извѣстнаго писателя, Г. Кояловича: «Московскія Вѣдомости и Западная Россія» (Русское Латинство, Русское Жидовство). Здѣсь оба вопроса разрѣшены не по мнѣніямъ Г. Х. Мнѣ думается, что подобную, по столь важнымъ предметамъ, полемику, да и всякую, впрочемъ, борьбу, должно вести не подъ забраломъ. Кто скрененъ и твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, тому за чѣмъ утаивать свое имя? Наконецъ, сверхъ а) замѣтки «Евреи-арендаторы» (№ 130), б) статьи, стоящей особеннаго вниманія Г. Смоляка: «Евреи и Сѣверозападный край Россіи» (№ 152), нѣсколькихъ столбцевъ А. Владимирова (№ 144): «Къ Еврейскому вопросу», въ которыхъ затронуты вопросы: какъ Русскій человѣкъ посмотритъ на Лѣкаря Жида, на Медика-Судью? не будетъ ли образованное Еврейство среди Русскаго народа новой сектой «Жидовствующихъ XIX вѣка?» въ №№ 149 и 151 напечатанъ: «Взглядъ Еврея, принявшаго Православіе, на реформу въ бытѣ Еврейскаго народа въ Россіи,» Я. Брафмана. Сочинитель служилъ въ Минской Семинаріи Учителемъ Еврейскаго языка и, по порученію Св. Синода, изыскивалъ средства къ распространенію ученія Христова между Евреями. Зная до іоты исторію, писаніе, бытъ, нравы, стремленія своихъ соотчичей, Г. Брафманъ обнаруживаетъ важныя недоразумѣнія, разныя хитрости, словомъ, все до подноготной.

Дивлюсь, какъ ни одинъ журналъ, ни одна газета не воспользовались столькими свѣдѣніями, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» собранными и необходимыми къ честному и разумному разрѣшенію прѣній о Полякахъ и Евреяхъ касательно обрусѣнія первыхъ и сліянія (будто возможнаго) послѣднихъ съ Русскимъ народомъ? О пользѣ, или вредѣ, отъ переложенія Латинскихъ или хоть только Польскихъ молитвенниковъ? О самоубійствѣ Государственномъ, т. е., о сравненіи пришельцевъ-Израильтянъ вездѣ и во всемъ съ кореннымъ господствующимъ народомъ, о потрясеніи господствующей въ Россіи Церкви? О... но довольно, всего не перескажешь. Читайте любопытствующіе сами! Я скажу только въ заключеніе моихъ соображеній, что Еврея нигдѣ, никто, ни что не сольетъ съ той страной, въ которую судьба закинетъ его, доколѣ онъ не обратится къ иному вѣрованію, будь то Христіянское, или Магометанское, и какое угодно. Только путемъ религіи онъ можетъ стать Русскимъ, Нѣмцемъ, Итальянцемъ, или Туркомъ, Персіяниномъ, Китайцемъ и т. д. Но покуда Еврей держится Ветхаго Завѣта, онъ, при войнахъ, мятежахъ, политическихъ переворотахъ, держитъ неутралитетъ, повторяя про себя, какъ мы сказали уже выше, извѣстное свое, такъ молвить, правило вѣры и дѣйствія: «Помози, Бозе, и насимъ и насимъ!» Да и нельзя требовать отъ него любви къ отечеству, по тому что призрѣвшая его страна, ему, скитальцу и «пресельнику», не отечество. Вотъ по чему и въ Польшѣ, и въ Малороссіи, и въ Сѣверо-Западныхъ областяхъ, чуждые всякаго патріотизма, Евреи, большею частью, постоянно держались въ сторонѣ въ ту или иную пору битвъ, крамолъ и междоусобій, равнодушно ожидая кто-то останется побѣдителемъ. Но здѣсь безучастіе просто на просто измѣна. Въ послѣдній мятежъ, великой милостію Ляховъ, они произведены въ «Поляковъ Моисеева Закона,» и, однако же, не послышалось изъ среды ихъ голоса въ заявленіе несогласія на такое повышеніе....

Николай Сушковъ.

15 Августа,
1866 г.

МЕРТВЫЯ ДУШИ,

ПОЭМА

Н. В. ГОГОЛЯ,

СВѢРЕННАЯ СО СПИСКОМЪ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМЪ ВЪ ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТЪ, ТЕПЕРЬ ПРИНАДЛЕЖАЩИМЪ БИБЛІОТЕКѢ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Въ самой верхушкѣ заглавія выставлено:

№ 109, 3 Марта, 1842 г.

За тѣмъ красными чернилами по серединѣ «NB,» а въ другую строку тоже красными чернилами:

«ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА»

ИЛИ

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА

Н. ГОГОЛЯ.

Написанное красными чернилами «Похожденія Чичикова» * принадлежитъ Цензору; «Мертвыя души» — переписчику, а «Поэма Н. Гоголя» — самому Гоголю. Равнымъ образомъ въ самомъ низу подлинника въ листъ, на бѣлой бумагѣ фабрики Сергіевской, написано рукою Гоголя:

---

* Мы отличаемъ то вездѣ въ печати разрѣдкой.

«Печатать на моей бумагѣ 2400.»

«Деньги сто рублей въ задатокъ положилъ

Н. Гоголь.»

Противъ этого, въ уголку съ лѣвой стороны, вдоль листа, кажется, рукою первоначальнаго Цензора (И. М. С.):

«1842 г., по жур. № 101.»

На оборотной сторонѣ черными чернилами:

«Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. Марта 9 дня, 1842 года.

Цензоръ А. Никитенко.»

Послѣ чего приложена печать Комитета.

Оригиналъ въ листъ, всего 386 листовъ (собственно полулистовъ), перемѣченныхъ вверху каждаго на кончикѣ карандашемъ. Первыя три главы писаны одною рукою очень четко и красиво, а прочія менѣе четко и красиво другою. Передъ первою главою нѣтъ никакого означенія, но начинается просто: «Глава I.» Цензорская помѣта по листамъ, по серединѣ полей, справа: «Цензоръ Никитенко.» Чернила Цензорскія тутъ очень черны. Каждая глава начинается съ открытаго листа.

Во 2-й главѣ, стр. 30, * послѣ: «Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтлосѣраго цвѣта, какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ,» вычеркнуто почти двѣ строчки Цензоромъ красными чернилами: «этого, впрочемъ, мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ.»

На стр. 60-й, въ концѣ той же главы, вмѣсто напечатаннаго: «что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество,

---

* Стран. означены по подлиннику.

въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обвораживаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что само высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ Генералами,» стоитъ: «и что будто бы Государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ» и пр. Такое замѣненіе, судя по почерку, сдѣлано С. П. Шевыревымъ, который прибавилъ отъ себя: «само Высшее начальство,» Цензоръ же такъ было измѣнилъ: «и что когда узнали о такой ихъ дружбѣ, то они пожалованы были...» Впрочемъ, нельзя сказать утвердительно, Цензоръ ли измѣнилъ такъ, по тому что измѣненное написано чернилами блѣдно-желтыми, а не красными.

Въ главѣ III, на стр. 63-й л., послѣ словъ Селифана къ коню лѣнивцу, панталоннику Нѣмецкому, какъ онъ прозвалъ его: «У, варваръ!» было еще въ подлинникѣ: «Бонапартъ ты проклятой!» Послѣднее зачеркнуто красными чернилами Цензоромъ.

Въ той же главѣ, на стр. 71-й, послѣ: «псы заливалися всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно.... другой отхватывалъ на скоро, какъ пономарь,» послѣднее вычеркнуто Цензоромъ.

Въ главѣ V-й, на стр. 162-й, когда, послѣ обѣда у Собакевича, Чичиковъ, усѣвшись въ креслахъ, приступилъ къ своему дѣльцу, и, начавъ съ далека, намекнулъ подъ конецъ хозяину, который слегка пригнулъ голову, «о ревизскихъ душахъ, которыя, окончивши жизненное поприще, числятся, однако жь, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми,» Цензоръ, поставивъ знакъ (г) на полѣ, сдѣлалъ выноску внизу и приписалъ: «Хотя, въ замѣнъ того, и вновь родившіяся не вносятся въ подушные списки,» что и вошло въ подлинникъ и такъ напечатано.

На стр. 171-й, внизу, послѣ словъ о Кулакѣ: «Попробуй онъ (Кулакъ) слегка вершковъ какой ни будь науки, дастъ онъ знать, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую ни будь науку,» было написано и вычеркнуто Цензоромъ красными чернилами: «Да еще, пожалуй, скажетъ потомъ: «Дай-ка себя покажу!» Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно.»

На стр. 175-й, послѣ словъ: «Выражается сильно Россійской народъ, и если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ и на край свѣта. И какъ ужь потомъ ни хитри, ни облагораживай свое поприще», вычеркнуто Цензоромъ: «хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древне-Княжескаго рода».

На стр. 196-й л., вмѣсто: «Я не знаю, какъ Священники-то не обращаютъ на это вниманіе. Сказалъ бы какое ни будь поученіе. Вѣдь, что ни говори, а противъ слова Божія не устоишь,» зачеркнутаго Цензоромъ, вынесено на полѣ рукою самаго сочинителя слѣдующее: «Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какое ни будь душеспасительное слово. Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго не устоишь.»

Глава VII, на стр. 210-й: «При одномъ имени его (писателя, изображающаго высокіе характеры) уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца, отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ.... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ Богъ.» Послѣднее зачеркнуто Цензоромъ.

На стр. 214-й, вмѣсто: «Пробка Степанъ», было «Коробка Степанъ, но далѣе, какъ въ печатномъ: «А, вотъ онъ, Степанъ Пробка».... «Далѣе: «А можетъ и Государственную зашивалъ въ холстяные штаны;» Цензоръ слово «Государственную» замѣнилъ словомъ «ассигнацію.» За тѣмъ въ подлинникѣ было: «Взмостился ли ты для большаго прибытку «подъ церковный куполъ, а можетъ быть и на крестъ потащился;» въ печатномъ послѣднее замѣнено Цензоромъ однимъ словомъ «на колокольню.»

На стр. 227 было: «Вотъ онъ васъ проведетъ въ присутствіе, сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ священнодѣйствующихъ» и пр., послѣднее замарано красными чернилами; далѣе: «За что и получилъ;» За что» то же вычеркнуто, а вмѣсто «получилъ» поставлено: «а получившій за службу.»

На стр. 232-й, вмѣсто: «онъ (Полицмейстеръ) у насъ чудотворецъ» поставлено Цензоромъ: «чудный человѣкъ».

На стр. 238-й тоже, вмѣсто: «Полицмейстеръ точно былъ чудотворецъ,» поправлено красными чернилами: «чудный человѣкъ.»

На стр. 272-й: «на котораго онъ (Предсѣдатель), по собственному выраженію, надѣялся, какъ на Бога»; послѣднее слово зачеркнуто красными чернилами и, вмѣсто его, приписано сверху, какъ на «каменную стѣну.»

Стр. 289-я: «Такъ Русскій Баринъ, собачей и іора,» послѣднее вычеркнуто красными чернилами.

Глава X., стр. 311, послѣ: «въ чистоту которыхъ (пальцевъ) онъ плохо вѣрилъ,» вымарано красными чернилами слѣдовавшее за тѣмъ: «и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: «Знаемъ, батюшка: вы пальцами своими, можетъ быть, не вѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ вещь, требующая чистоты.» За тѣмъ вся повѣсть о Капитанѣ Копѣйкинѣ передѣлана, по требованію Цензора. И въ этой передѣлкѣ, послѣ словъ: «не будетъ ли какого вспоможенія», зачеркнуто Цензоромъ: «что вотъ, де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь...»

На стр. 315-й, послѣ: «и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальству,» послѣднее вычеркнуто красными чернилами.

На стр. 317-й, послѣ словъ: «на тебѣ, голубчикъ, пей да веселись, а вмѣсто того—жди,» вычеркнуто Цензоромъ слѣдовавше за тѣмъ: «да и время не назначено.»

На стр. 319-й, послѣ: «всѣхъ распушилъ, всѣхъ тамъ этихъ,» вычеркуто Цензоромъ: «Правителей.»

Тамъ же, пониже, вмѣсто: «Генералъ тамъ, понимаете, подвернулся», Цензоръ поставилъ: «какой-то чиновникъ.»

На стр. 322-й, послѣ словъ: «Но какъ на бѣду, все это именно произошло такъ, какъ разсказывается», вычеркнуто Цензоромъ: «и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а, напротивъ, недалеко отъ обѣихъ столицъ.»

На стр. 323-й слово «пророкъ» замѣнилъ Цензоръ словами, разъ «предсказатель,» а дважды «предвѣщатель.»

На стр. 335-й, послѣ словъ: «Они, сказать правду, боятся новаго Генералъ-Губернатора», выпущено Цензоромъ: «чтобы изъ за тебя чего ни будь не вышло; а я на счетъ Генералъ-Губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ Дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радушія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да, вѣдь, этимъ что жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь.»

Глава XI, на стр. 344-й, послѣ: «Русь! Русь! Вижу тебя изъ моего чуднаго прекраснаго далека, тебя вижу,» вмѣсто: «бѣдна природа въ тебѣ,» было: «Бѣдно, разбросано и непріятно въ тебѣ.»

На стр. 350-й, вмѣсто: «Пора наконецъ припречь и плутоватаго,» было: «подлеца.»

На стр. 362-й, вмѣсто: «Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новые обычаи,» было: «новый порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ.»

На стр. 365-й: «втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и новый правдивый начальникъ,» было, вмѣсто послѣдняго слова: «Генералъ;» да и ниже это слово вездѣ замѣнено словомъ «начальникъ.»

На стр. 370-й: «Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ часто повторяемую исторію;» къ послѣднему слову Цензоръ приписалъ: «давнишнюю.» А выше: «тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ самой ревностной службы;» послѣднія слова вычеркнуты.

На стр. 372-й: «Статскій Совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши,» прежде было такъ: «Статскій Совѣтникъ, по Русскому обычаю, съ горя запилъ.»

Послѣднія перемѣны всѣ сдѣланы Цензоромъ.

Есть еще нѣсколько передѣлокъ, сдѣланныхъ самимъ сочинителемъ, но онѣ не важны; замѣчательнѣйшія отмѣчены мною въ своемъ мѣстѣ.

Конечно, изъ всѣхъ этѣхъ измѣненій и требованій самое важное, сдѣланное Цензурой въ самомъ заглавіи. Это, кажется, щитъ, который въ то время нуженъ былъ для того, чтобы, подъ прикрытіемъ его, могли появиться наконецъ «Мертвыя Души» на свѣтъ Божій.

О. Водянскій.

26-го Августа, 1866 г.

ПРЕДПИСАНІЕ

МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ, С. С. ЛАНСКОГО, Г. ТАМБОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ, ОБЪ УПРАЗДНЕНІИ КОМИТЕТА ТАМБОВСКИХЪ ПАТРІОТОКЪ.

Изъ полученнаго мною Представленія Вашего Превосходительства, отъ 13-го сего Генваря, № 15-й, я узналъ о новаго рода учрежденіи, — о «Комитетѣ Тамбовскихъ патріотокъ,» имѣющемъ цѣлью, посредствомъ особаго направленія, даваемаго женскимъ уборамъ и нарядамъ, поощрять отечественную промышленность. Приложенныя къ Вашему Отношенію постановленія Комитета, печатныя приглашенія и брошюры, видимо стремятся къ значительному развитію той дамской демонстраціи, въ пользу нашихъ фабричныхъ и мануфактурныхъ спекуляцій; но, сколько стремленіе сіе ни заслуживаетъ похвалы, оно, тѣмъ не менѣе, вовсе не нуждается ни въ особыхъ для того Комитетахъ, ни въ подпискахъ, приглашеніяхъ и проч., тому подобномъ.

Конечно, не слѣдуетъ препятствовать ни кому наряжаться по собственному вкусу и избирать, для разныхъ принадлежностей туалета, матеріи и уборы, какія кому угодно; но давать тому вкусу и выбору видъ и значеніе модной пропаганды, вовсе не соотвѣтствуетъ достоинству нашего дамскаго общества, которому, сколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, не было доселѣ ввѣряемо попеченіе о фабричныхъ и торговыхъ заведеніяхъ въ Россіи, не говоря уже о коммерческихъ нашихъ видахъ по Заграничной торговлѣ.

На семъ основаніи прошу Ваше Превосходительство немедленно распорядиться прекращеніемъ означенной выше дамской демонстраціи въ самомъ ея началѣ, и объ упраздненіи Комитета и прекращеніи его офиціяльныхъ дѣйствій меня увѣдомить.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ

С. Ланской.

С.-Петербургъ.
19 Генваря, 1856 г.

ЗАМѢТКА

О

ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНІЯ ВЪ БАРАШАХЪ,

ВЪ МОСКВѢ.

Во 2-й книгѣ «Чтеній въ Имп. Общ. Ист. и Древ. Російскихъ» за 1866-й годъ, въ статьѣ: «Замѣтка объ одной могилѣ въ посадѣ Пучежѣ» (Отд. V, стр. 126 — 136), сочинитель (прим. 4), говоритъ, что «бракъ Елисаветы Петровны и А. Г. Разумовскаго происходилъ, по одному преданію, въ селѣ Покровскомъ, а по другому—въ Московской церкви Введенія въ Барашахъ, на Покровкѣ,» при чемъ ссылается на статью Г. Снегирева въ Москвитянинѣ 1844, X, 422 — 425. Зная, что Московское преданіе относитъ это событіе къ церкви не Введенія, а Воскресенія въ Барашахъ, находящейся на Покровкѣ, близъ зданія 4-й Гимназіи, * мы справились въ X кн. Москвит. за 1844-й годъ, и, дѣйствительно, нашли тамъ статью Г. Снегирева: «О Московской церкви Воскресенія въ Барашахъ» (письмо къ А. И. Лобкову), въ которой, между прочимъ, сообщено слѣдующее преданіе, упомянутое Г. Семевскимъ: «Въ возобновленіи и украшеніи его (т. е., храма Воскресенія) много участвовали Цесаревна, а потомъ Императрица, Елисавета Петровна и Графъ Ал. Гр. Разумовскій, имѣвшіе къ нему особенное благоволеніе. Преданіе старожиловъ къ этому прибавляетъ, что на память благодарственнаго молебна, по особому случаю (теперь извѣстно, по какому), пѣтаго Елисаветой Петровной въ этомъ храмѣ, его глава, по Ея повелѣнію, увѣнчана Императорскою короною, которая и донынѣ украшаетъ куполъ.»

---

* Церковь Введенія въ Барашахъ находится въ Барашевскомъ переулкѣ.

Считая долгомъ исправить такимъ образомъ ошибку или описку, вкравшуюся въ статью Г. Семевскаго, мы прибавимъ отъ себя, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Г. Снегиревымъ, что, по преданію, домъ, въ настоящее время занятый 4-й Гимназіей и находящійся рядомъ съ вышеупомянутою церковью, принадлежалъ нѣкогда Графу Разумовскому. То же преданіе говоритъ, что здѣсь жила Елисавета Петровна послѣ брака съ Алексѣемъ Григорьевичемъ, и что «мраморная» комната, занимаемая теперь Директоромъ Гимназіи, служила ей спальнею. Что касается до самой церкви, то она до сихъ поръ еще, вмѣсто купола, носитъ на себѣ корону. На основаніи этѣхъ данныхъ, вопросъ о томъ, гдѣ происходило бракосочетаніе Елисаветы Петровны съ А. Г. Разумовскимъ, можно, кажется, считать рѣшеннымъ въ пользу церкви Воскресенія въ Барашахъ.

П. Мельгуновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

Исторія борьбы Московскаго Государства съ Польско-Литовскимъ. Часть I. Г. П. Карпова ..... 1 — 140.

Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. Отдѣленіе III. На другой день. И. П. Липранди..... 115 — 184.

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Записки А. П. Ермолова. Ч. II. 1816 — 1827. Записки во время управленія Грузіею (Окончаніе.).... 121 — 192.

Записка Генерала Ермолова о посольствѣ въ Персію. 1 — 74.

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II.

Стран.

Обрядныя пѣсни въ окрестностяхъ Збруча, пѣсни Русскаго Маковицкаго люда въ Угріи и пѣсни Галицкихъ Лемковъ..... 562 — 738.

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и о Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда въ Лейпцигѣ 1620 года. Часть II. Переводъ съ Нѣмецкаго Соревнователя А. И. Шемякина..... 281 — 342.

V.

СМѢСЬ.

Грамоты: I. Отреченная грамота Новгородскаго Архіепископа Ѳеофила, ум. 1480 г. 2. Новгородскаго Архіепископа Геннадія объ освобожденіи 6 соборныхъ Священниковъ отъ служенія чередной седмицы въ Софійскомъ соборѣ, 1486 г. 3. Жалованная В. Князя Ивана Васильевича III Новгородскому Софійскому собору о сборѣ разныхъ пошлинъ и хлѣбной руги съ Новгородскихъ пятинъ, 1504 г. 4. Патріярха Филарета Никитича Новгородскому Митрополиту, Макарію, о разрѣшеніи Вологодскаго Архіепископа. Нектарія, 1621 г. 5. Несудимая Патріярха Филарета Макарьево-Желтоводскому монастырю, 1628 г. 6. Царя Михайла Ѳедоровича о прекращеніи бѣзчиній отъ кабачныхъ шатровъ при Хутынѣ монастырѣ, 1632 г.

Стран.

Письмо Архимандрита Троицко-Сергіева монастыря, Діонисія, и Келаря, Аврамія Палицына, Новгородскому Митрополиту, Макарію, о ссудѣ денегъ, 1619 г. Сообщ. Д. Членъ Архимандритъ Макарій..... 1 — 13.

Академики Миллеръ и Фишеръ и Описаніе Сибири.. 14 — 30.

Попытка В. Н. Каразина бѣжать за границу..... 31 — 37.

Допросы Костюшкѣ Нѣмцевичу и прочимъ, и ихъ показанія..... 38 — 54.

Письмо Варшавскаго Коменданта Орловскаго къ Костюшкѣ, вскорѣ по взятіи Варшавы, 1794 г.... 55 — 58.

Письмо Костюшки къ Графу ** о покупкѣ земли, Высочайше ему пожалованной, и о пашпортѣ за границу, 1796 г. ..... 59 — 60.

Дѣло о С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1821 г. Сообщилъ Подполковникъ Плисовъ..... 61 — 164.

Недоумѣнія, возбужденныя чтеніемъ сочиненія: «Исторія Отечественной войны 1812 года, составленненная Генералъ-Маіоромъ М. Богдановичемъ, и пр.» А..... 165 — 221.

Генералъ-Маіоръ Куткинъ, Н. А. Абрамова..... 222 — 226.

Рѣчь Императора Николая I-го къ народу, по случаю безпорядка въ С.-Петербургѣ, во время холеры 1831 года..... 227.

Обрусѣніе Поляковъ и Евреевъ, Н. В. Сушкова..... 228 — 239.

Мертвыя души, поэма Н. В. Гоголя, свѣренная со спискомъ, представленнымъ въ Цензурный Комитетъ и пр., О. М. Бодянскаго..... 240 — 246.

Предписаніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, С. С. Ланского, Г. Тамбовскому Губернатору, объ упраздненіи Комитета Тамбовскихъ патріотокъ ....., 247 — 248.

Замѣтка о церкви Воскресенія въ Барашахъ, въ Москвѣ, П. Мельгунова ..... 249 — 250.

ОПЕЧАТКИ

во 2-й книжкѣ «чтеній.»

ОТДѢЛЪ V.

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
161	5.	утверждаетъ	утверждаетъ.
	9.	внаманія.	вниманія.
174	6.	то же.	ту же.
175	11.	Аквдемиковъ?	Академиковъ?
176	3 снизу:	счастья	статья.
191	3	разыгривается	разыгрывается.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, В. Н. Татищева, книга 3-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к. сер., перес. за 4 ф.

ПОРТРЕТЪ Кіевскаго Митрополита **ЕВГЕНІЯ**, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

ГОДЪ 2-й. Цѣна
изъ 9-ти книгъ, каждая 2 р. 50 к.
за всѣ, безъ пересылки 22 р. 50
а съ пересылкой . . . 25 р. сер.
ГОДЪ 3-й, тоже изъ 9-ти
книгъ, каждая по . . . 1 р. 50 к.
ГОДА 4-го кн. 1. . . . . 1 р. 50 к.
И того безъ пересылки . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой . . . . . 44 р. сер.
ГОДЪ 1858-й, 1859-й, 1860,
1861, 1862, 1863, 1864, 1865,
по 4 книги въ годъ, безъ пер.
каждый . . . . . 8 р. с.
съ пересылкой . . . . . 6 —
За всѣ годы, безъ пересылки. 77 р. 50 к.
съ пересылкой же . . . . . 92 р. сер.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ
пересылки. . . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . 44 — —

На пересылку всякой книги «Чтеній» и «Временника» безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у книгопродавца Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6 р. сер., перес. за 10 ф.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Преосвящен. Георгія Конисскаго. М. 1846 г., ц. 3 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома. Цѣна 4 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Д. Т. Сов. и Сенатора Н. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. 1 р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА; соч. П. І. Шафарика, перев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1851, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Страниголема, пер. съ Нѣмецкаго А. Н. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., напечатанныя въ первый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Авг. Кирпичъ, а перев. А. Н. Шемякинымъ, М. 1863, ц. 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ древнихъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или говорившихъ о ней, перев. съ Нѣм. А. Н. Шемякина. М. 1865; ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. сер.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, съ 1867 года, выходятъ, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ, каждой книжкѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія. II. Матеріалы Отечественные. III. Славянскіе. IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписная цѣна — пять рублей серебромъ въ Москвѣ, съ пересылкою въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями обращаться: въ самое Общество, или къ Московскимъ книгопродавцамъ: [illegible] (бывш. [illegible]), на Страстномъ бульварѣ, противъ Екатерининскаго Института.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ:

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ

въ С.-Петербургѣ.

ТОВАРИЩЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ:

Попечитель Университета, Дмитрій Степановичъ Левшинъ

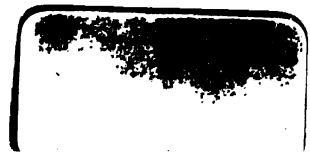
у Калужскихъ воротъ, въ домѣ [illegible].

СЕКРЕТАРЬ:

Осипъ Максимовичъ Бодянскій

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ [illegible].

БИБЛІОТЕКАРЬ:

[illegible]

у [illegible].